СУГУБО ДОВЕРИТЕЛЬНО

ПОСОЛ В ВАШИНГТОНЕ ПРИ ШЕСТИ ПРЕЗИДЕНТАХ США (1962—1986 гг.)

МОСКВА
« А В Т О Р »
1996

Добрынин А.Ф.

Д 57 Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 - 1986 гг.) М.: Автор, 1996. - 688 с.: ил.
5-85212-078-2

Автор книги А.Добрынин - один из старейших дипломатов послевоенного периода, занимающий уникальное место в истории нашей дипломатии вообще и советско-американских отношений особенно. Он внес весомый вклад в нормализацию отношений между СССР и США и укрепление международного престижа нашего государства. Предлагаемая читателю книга представляет бесспорный интерес в первую очередь потому, что она позволяет как бы заглянуть за кулисы почти четвертьвекового отрезка дипломатической истории в сложнейшие периоды взаимоотношений двух держав. Ценность книги и в том, что автор не „летописец", а активный участник процесса формирования этих отношений, пользовавшийся авторитетом и влиянием в высших эшелонах власти и в Москве, и в Вашингтоне. Взгляд „изнутри", впечатления и оценки автора, подкрепленные к тому же документами, представляют значительный интерес для широких слоев читателей.

В книге использованы фотографии из личного архива автора.

Книга А.Добрынина издана в США, сейчас издается в Китае, Польше и Греции.

Д 063 (02) - 96 **ББК 66.4(2)**

© Добрынин А.Ф.
© Плотное В.А.. художник

В начале 1962 года я прибыл в Вашингтон в качестве посла и покинул этот пост в марте 1986 года, иными словами, 24 года спустя. По своей продолжительности это был рекордный срок в советской, да и во всей русской дипломатической истории. Лучшие годы моей жизни - а она охватывает 50 лет дипслужбы - были отданы работе в качестве посла.

Мне довелось иметь дело с шестью американскими президентами, весьма разными по своему характеру, знаниям, темпераментам, умению вести государственные дела, прежде всего в области внешней политики и отношений с Советским Союзом. Были среди них действительно крупные фигуры, надолго запомнившиеся, и те, которые оставили сравнительно небольшой след в памяти, но каждый из них, несомненно, обладал своей индивидуальностью. Я работал послом при президентах: Кеннеди, Джонсоне, Никсоне, Форде, Картере и Рейгане, с которыми мне приходилось периодически встречаться. Лично был знаком также с президентами Трумэном, Эйзенхауэром и Бушем. Фактически я оказался единственным здравствующим свидетелем всех советско-американских встреч на высшем уровне, начиная с конференции в Женеве в 1955 году.

В своей практической деятельности я повседневно общался с государственными секретарями, а также помощниками президентов по национальной безопасности. Достаточно назвать некоторых из них: Раек, Рождерс, Киссинджер, Вэнс, Маски, Бжезинский, Хейг, Шульц, Скоук-рофт и др.

Каждый из них являлся по-своему колоритной фигурой. Всякое бывало: конфликты и договоренности, напряженные переговоры и соглашения, претензии и контрпретензии, доверительные беседы и эмоциональные споры, но вместе с тем, как правило, сохранялись хорошие личные деловые контакты, а подчас и дружеские отношения, что сильно помогало, особенно в тот сложный период, именовавшийся „холодной войной". О многих моих партнерах остались хорошие воспоминания. С некоторыми из них я поддерживаю контакты и сейчас.

Я с удовольствием и благодарностью вспоминаю своих коллег по совместной нелегкой работе в посольстве - Юлия Воронцова, Александра Бессмертных, Георгия Корниенко, Георгия Мамедова, Владиллена Васева, Олега Соколова, Виталия Чуркина, Виктора Комплектова, Виктора Исакова и многих, многих других.

На мой длительный период пребывания в США, к сожалению, наложили свой отпечаток идеологическая непримиримость, резкие колебания в советско-американских отношениях, а также общая неустойчивость послевоенной международной обстановки. Набирала обороты гонка вооружений, которая опережала переговоры по их ограничению. Отношения с Вашингтоном переживали то подъем, то резкий спад. Улучшения обычно были связаны со встречами на высшем уровне. Обострения - с кризисами в тех или иных регионах мира. Эти колебания были присущи периоду правления почти каждого президента.

Отношения между СССР и США носили уникальный характер. Обе были в одно и то же время и противниками, и невольными партнерами в разделении особой ответственности за судьбы мира на земле при важном взаимном понимании недопустимости ядерной войны.

Так получилось, что в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств нагрузка по поддержанию доверительных связей между обоими правительствами в этот период приходилась в основном на советского посла в Вашингтоне. Через него действовал т. н. конфиденциальный канал между руководством обеих стран, часто в обход дипломатических служб. По этому каналу шла основная личная переписка между главами СССР и США, а также проходили поиски развязок кризисных ситуаций, тупиков сложных дипломатических переговоров и обмен мнениями по отдельным „чувствительным" проблемам. В период наибольшей интенсивности использования этого канала между Белым домом и советским посольством была даже негласно проложена прямая секретная телефонная связь. О том, как функционировал конфиденциальный канал и о моей роли в качестве „связного" между Кремлем и Белым домом я впервые рассказываю в этой книге.

Свою задачу я видел в правильном и объективном „переводе" непростого диалога между руководством обеих стран, в поддержании позитивных сторон наших отношений, в добросовестном ведении сложных переговоров. При этом я старался не сбиваться на вполне понятные эмоции из-за тех или иных негативных событий, которых, к сожалению, бывало немало.

Оглядываясь назад, сожалею, конечно, что почти четверть века работы послом в Вашингтоне пришлась, в основном, на сложный период советско-американского соперничества. Сколько полезного можно было бы обеим державам сделать за это время для сближения наших народов, если бы наши отношения уже тогда можно было бы поставить на здоровую основу. И все же я могу честно сказать, что делал все, что было в моих силах, чтобы „холодная война" не превратилась в „горячую", чтобы постепенно закладывались семена взаимопонимания и добрых отношений между нашими странами. К этому я всегда стремился.

Главное теперь для обеих стран - избавиться от менталитета „холодной войны" и развивать непростое, но действительно необходимое стратегическое сотрудничество в пользу мира, благосостояния и других общих интересов, не позволяя в то же время возможным, а подчас и неизбежным разногласиям и трудностям вредить этому главному делу.

Работая над книгой, я использовал дипломатические архивы и мои дневниковые записи, которые до этого не публиковались. В ней нашли отражение практически все наиболее важные беседы и встречи с президентами, госсекретарями, помощниками президентов по национальной безопасности, сенаторами, политическими и общественными деятелями Соединенных Штатов, а также с советскими руководящими деятелями того периода. Эта книга, по моему мнению, довольно полно передает дух времени, атмосферу и хронику советско-американских взаимоотношений на их последнем критическом этапе. Свидетельства современников и документальные материалы того периода могут быть полезны для всех, кто интересуется непростой историей наших отношений, которая служит красноречивым предостережением против повторения печальных ошибок столь недалекого прошлого.

ЧАСТЬ

I

НАЧАЛО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПУТИ

Слушатель Высшей дипломатической школы, о. Рица. 1946 год

Из инженера в дипломаты

На дипломатическую дорогу я вступил совершенно неожиданно для себя и довольно необычным образом. В один из летних дней военного 1944 года на авиационный завод в Москве, где я тогда работал инженером-конструктором, позвонили из ЦК КПСС и предложили явиться к ним на следующий день.

Я никогда прежде не бывал в столь высоких инстанциях и поэтому терялся в догадках: зачем я, рядовой инженер, мог там понадобиться. Прихожу на другой день в бюро пропусков ЦК КПСС. Меня направляют в Управление кадров.

Принял меня солидный, неулыбчивый и строгий на вид человек, который производил, конечно, впечатление, во всяком случае на новичка, и тем более на человека моего возраста. Я даже до сих пор помню его имя. „Сдобнов -инструктор ЦК КПСС по кадрам", - отрекомендовался он. Всем своим видом он показывал, что не очень-то склонен вступать в какие-то длинные разговоры или обсуждения. „Есть мнение, - изрек он, - направить Вас на учебу в Высшую дипломатическую школу". Надо сказать, что формулировка „есть мнение" (чье, кого конкретно - неизвестно) была долгое время излюбленной фразой в советском партийном и государственном лексиконе. Налет таинственности и властности: не знаешь, к кому и апеллировать по своему личному делу, остается вроде один выход - соглашаться.

Для меня такое предложение, означавшее коренную ломку профессии, которая мне нравилась, и прыжок в неизвестность было полной неожиданностью. Сказать, что я был ошеломлен - пожалуй, ничего не сказать. По окончании Московского авиационного института я работал конструктором на опытном заводе № 115, которым руководил известный авиаконструктор А.С.Яковлев. Его самолеты-истребители составляли значительную часть парка советской авиации на фронтах войны. Работа была очень интересной, и я, разумеется, никогда не помышлял идти в какие-то дипломаты.

Не видя какого-либо восторга с моей стороны (я даже попытался что-то возразить), Сдобнов отрезал: „Идет война. Партии видней, как и где использовать свои кадры. Так что вопрос, по существу, предрешен. Впрочем, можете подумать до завтра, утром я снова Вас жду".

Замешательство мое усиливалось и тем обстоятельством, что сам я был из обычной рабочей семьи, которая не имела никаких связей в партийных структурах или где-то „наверху", в правительстве. Почему именно на меня, неизвестного никому инженера, пал такой выбор?

Озадаченный и сбитый с толку я отправился домой на „семейный совет". Жена моя в тот момент заканчивала учебу в г. Алма-Ата, куда был эвакуирован ее институт во время войны, так что „совет" был в основном с отцом. Отец мой, кадровый рабочий, слесарь, всю жизнь мечтавший вывести меня, своего сына, в инженеры, был решительно против „каких-то дипломатов". По довольно распространенному тогда в рабочей среде

мнению, дипломаты, вращавшиеся в „высших сферах", - либо „жулики", либо „обманщики", и отец никак не хотел, чтобы его единственный сын вступил на такой путь. Я сам, конечно, был более начитан, чем отец, но все же имел довольно смутное представление об этой профессии. Да и к чему -на заводе у меня была интересная работа, и ничего другого я не хотел. Короче, укрепился во мнении, что дипломатия не для меня.

Услышав на следующее утро мой ответ, инструктор Сдобнов страшно разгневался. Заявил, что я мальчишка (мне было 25 лет), что я не понимаю той великой чести, которую мне оказывают, направляя на учебу в Высшую дипломатическую школу, и что если я не понимаю добрых слов, то тогда должен рассматривать сделанное мне предложение уже как приказ военного времени, который подлежит безусловному выполнению.

Я отправился к главному конструктору Яковлеву за советом (он был в чине генерал-лейтенанта). Ко мне хорошо относился и курировал мою работу на заводе.

Выразив сожаление по поводу такого поворота дел, он заметил, что надеялся лет через десять сделать меня своим заместителем. Однако против решения ЦК КПСС не пойдешь, и его надо выполнять, нравится оно или нет.

Так мне пришлось расстаться и с заводом и с авиацией, которую я любил и за развитием которой старался урывками следить всю свою жизнь, даже уже находясь на дипломатической работе.

Надо сказать, что годы работы на авиационном заводе сослужили все же мне добрую .службу и в дипломатических делах, особенно когда начались советско-американские переговоры по разоружению, которые охватывали и область авиации, и ракетных сил разного назначения. Мне было гораздо легче, чем многим моим коллегам - „чистым дипломатам", - осваивать эту достаточно сложную своими техническими деталями область.

В течение многих лет для меня оставалось загадкой, чье это было „мнение", о котором мне сказали на Старой площади, которое так круто изменило мою судьбу. Лишь неожиданный случай помог ее разгадать.

Уже будучи послом в США, я как-то во время отпуска совершал прогулку в окрестностях Москвы, в районе поселка Усово, где было немало правительственных дач. Неожиданно я встретил В.Молотова, бывшего министра иностранных дел, который давно уже жил в этом районе после своей вынужденной отставки в 1957 году. Хотя Молотову уже было в момент нашей встречи за 80 лет, он сохранил хорошую память и ясность ума; упрямо придерживался своих убеждений, „не перестраивался", ругал до конца своих дней Хрущева и Брежнева, но хвалил Сталина.

По ходу беседы я вспомнил, как был „завербован" в Высшую дипломатическую школу в 1944 году (впоследствии она была переименована в Дипломатическую академию), вновь высказал недоумение, почему выбор пал на меня, хотя я явно не мог быть тогда известен лично кому-либо из руководства ЦК КПСС.

Молотов сказал, что помнит этот эпизод во время войны с набором слушателей в ВДШ. На одном из заседаний Политбюро летом 1944 года Сталин после обсуждения хода нашего успешного наступления на фронтах неожиданно заговорил о дипломатических кадрах. Мы можем сейчас с уверенностью заявить, отметил он, что Гитлер будет разбит. Значит, надо заблаговременно готовиться к этому моменту и в дипломатической области.

После войны будет оживленная внешнеполитическая работа, так как появятся новые связи и контакты с разными государствами, а также необходимость решать многие сложные послевоенные проблемы. Короче, нужен будет квалифицированный и достаточно многочисленный дипломатический корпус. Поэтому, сказал Сталин Молотову, следует, не мешкая, начиная уже с этого года, организовать дипломатическую школу и готовить соответствующие кадры.

- Но откуда взять молодых слушателей, - спросил Молотов Сталина, - тем более с гуманитарным образованием? Ведь сейчас в разгаре война, практически все они мобилизованы в армию.

- А Вы не ищите слушателей обязательно с гуманитарным образова нием, они его потом пополнят. Сейчас же возьмите молодых инженеров с оборонных заводов. Главный критерий для посылки в дипломатическую школу - их умение уживаться с рабочими, которыми они руководят. И у тех, и у других сейчас очень трудная жизнь, и те, и другие получают лишь паек по 700 грамм черного хлеба в день, многие из них фактически живут в цехах, днями оторваны от семей. Если молодые инженеры проявляют способность повседневно улаживать неизбежные в это трудное время чисто человеческие конфликты в руководимых ими коллективах и при этом рабочие продол жают уважать их, значит, они настоящие дипломаты или имеют все задатки стать таковыми.

И действительно, наш первый курс ВДШ (около 50 человек) состоял сплошь из молодых инженеров, преимущественно авиационной промышленности, поскольку до войны авиационные институты считались особо престижными в СССР, и туда охотно шла учиться наиболее способная молодежь.

Это был своеобразный „сталинский призыв" в дипломатию, хотя никто не знал и не говорил об этом.

Высшая дипломатическая школа

ВДШ находилась в небольшом двухэтажном здании недалеко от станции метро „Красные ворота". В школе было два факультета: западный (два года обучения) и восточный (три года обучения).

Основным предметом был иностранный язык, так как подавляющее большинство из нас его не знало, и задача была как можно быстрее „натаскать" нас на разговорный язык и чтение газет и политической литературы. Я попал в английскую группу, в которой было 8 человек.

Школа отличалась хорошим преподавательским составом. Некоторые преподаватели английского языка были настоящие англичане, часть из них плоховато знала русский язык, так что приходилось - не без взаимной пользы - приспосабливаться друг к другу. Читали лекции по истории и истории дипломатии известные профессора Сказкин, Хвостов, Крылов, Лебедев и Другие. Много дало нам и общение с крупными дипломатами того времени Трояновским, Штейном, Гусевым, Литвиновым и другими „практиками" -бывшими послами. Было немало и разовых выступлений „действовавших" послов, которые приезжали в Москву по своим служебным делам.

Крупным недостатком в изучении языка было то, что нам давали для чтения иностранные газеты и журналы в основном левого (коммунистического) направления. Основную буржуазную печать выдавали только по

специальному разрешению декана факультета, а также выпускникам школы, если тема их дипломного проекта требовала этого. Таков был тогда идеологический настрой и подход ко всему иностранному, хотя Дипшкола вроде и готовила кадры для загранслужбы. Не случайно выпускники школы, которые сразу попадали на работу в наши посольства, долгое время не могли „приспособиться" к языку, терминологии и подаче материалов в большой буржуазной прессе.

То же относилось подчас и к разговорной практике. Они могли порой неплохо поддерживать беседу с марксистским лексиконом с нашими „друзьями" (так на партийном жаргоне назывались иностранные коммунисты), но попадали впросак, когда беседа касалась серьезной политической или экономической темы с иностранными дипломатами или просто с представителями страны пребывания. Приходилось самостоятельно срочно „доучиваться", чтобы квалифицированно выполнять свои обязанности в .посольстве. На это приходилось тратить немало времени и усилий.

На первом курсе Дипшколы нам преподавали так называемый этикет, т. е. правила поведения или общения „в высшем обществе", с которым нам предстояло - как дипломатам - общаться в будущем и о котором большинство из нас читало лишь в романах. Это было целое театрализованное представление. Пикантность его заключалась в том, что преподавание шло в воображаемых ситуациях - „на дипломатических приемах, обедах и ужинах", в которых никто из нас, разумеется, никогда не участвовал прежде. Вела этот курс пожилая величественная дама из древнего дворянского рода князей Волконских.

Обучение проходило примерно так. Сажали нас за большой, хорошо сервированный стол с соответствующим необходимым набором ложек, ножей и вилок, а также рюмок и фужеров. Все было как „на самом деле". Но с небольшим исключением: никакой конкретной еды или вин нам не подавали (шла ведь война, и с продовольствием было очень плохо). Воображаемые официанты разносили воображаемые блюда, для которых у нас были настоящие фарфоровые, но пустые тарелки.

Наша статс-дама объявляла: „Начнем с супа. Представьте себе, что вам принесли суп - „Вишисуаз" (следовало его описание, как и описание других возможных супов). Затем шла „рыба" и всевозможные „мясные блюда" под разными, подчас непонятными названиями. Это все сопровождалось инструктажем о том, как пользоваться столовыми приборами и как общаться с соседями по столу. Видное место отводилось винам: бургундскому, бордо, рейнскому и нашим советским. Все это символически „наливалось" в настоящие бокалы с соответствующим ритуалом и объяснениями, что и с чем полагалось пить. По ходу обучения этикету мы таким образом „перепробовали" самые разноообразные деликатесы, заморские фрукты, а также широкий набор десертных блюд.

Нечего и говорить, что после каждого такого урока наш молодой аппетит разгорался не на шутку, особенно на фоне нашего полуголодного военного продовольственного пайка.

После двух лет учебы в Дипшколе в 1946 году состоялись выпускные экзамены. Председателем экзаменационной комиссии был М.Литвинов (в ту пору заместитель министра). Он очень любил задавать выпускникам вопросы на английском языке. Знал он его хорошо, но произношение было ужасное, и бедные студенты, не так еще основательно освоившие язык всего за два года учебы, терялись, да еще перед таким знаменитым

дипломатом-экзаменатором. Выручали нас наши преподаватели из школы, которые, подбадривая и подсказывая, „переводили" его вопросы на более понятный нам по школьным программам английский язык. Впрочем, М.Литвинов делал вид, что не замечал этих уловок наших преподавателей и довольно щедро ставил нам неплохие отметки, приговаривая, что практическая работа за рубежом „всему вас научит". Короче, давал нам доброе напутствие.

Всех, окончивших Дипшколу, приказом министра иностранных дел Молотова зачислили в разные отделы МИД СССР. Меня единственного неожиданно оставили еще на год при ВДШ. А произошло это вот почему.

На выпускном вечере у меня (я был старостой курса) произошел дружеский спор с директором ВДШ проф. Хвостовым. Он был известным специалистом по истории международных отношений. Человек весьма порядочный, но педант и сухарь. На прощальном вечере, под влиянием вина, он немного „расслабился" и непринужденно беседовал с выпускниками. Кто-то затронул вопрос о том, какая профессия труднее: историка или инженера. Мнения разделились. Немного разгоряченный после хорошего выпускного ужина, я с директором школы оказался на разных полюсах. Я прибег, как мне казалось, к весомому аргументу, заявив, что если бы мне представилась возможность, то я за год смог бы, хотя по профессии я инженер, написать и защитить диссертацию на звание кандидата исторических наук, но никакой историк за год не защитит диссертацию на инженерную тему. Поднялся шум, гвалт. Впрочем, об этом эпизоде все быстро забыли, в том числе и я, не придав этому спору никакого значения.

Через неделю вывесили приказ министра - о распределении всех выпускников по отделам МИД. Меня же оставили на год при школе. Я оторопел. Забыв о нашем споре, я побежал к Хвостову. Хитро улыбнувшись, он сказал, что лишь передал Молотову мое „пожелание" остаться на год при ВДШ для написания и защиты диссертации и что он поддержал это пожелание. Молотов в порядке исключения с этим согласился. Отступать мне было некуда.

Так мне пришлось еще 10 месяцев оставаться при ВДШ и писать диссертацию. За основу я взял свой дипломный проект „Дальневосточная политика США в период русско-японской войны" и успешно защитил диссертацию.

Эта работа через год была издана в виде отдельной книги, но под псевдонимом Добров, ибо - как мне пояснили тогда - работники МИД „не могут печататься под своей фамилией". Это дало мне возможность через несколько лет параллельно с основной работой в МИД преподавать историю внешней политики США в Институте международных отношений, получить звание доцента.

Работа в центральном аппарате МИД

После защиты диссертации меня назначили на работу в МИД в качестве помощника заведующего Учебным отделом, поскольку у меня была теперь ученая степень. Отдел был далек от практической дипломатической деятельности, поскольку занимался организационной и учебно-методической работой по руководству двумя учебными заведениями министерства: ВДШ и МГИМО.

Я буквально погряз в разработке всяких инструкций и методических пособий и просто возненавидел эту работу, мечтая вырваться на оперативный простор". Вот как обернулся невинный спор с директором ВДШ насчет диссертации.

Через год меня вызвал к себе новый министр Вышинский и предложил стать заведующим Учебным отделом. Перспектива застрять в этом отделе на многие годы просто ужаснула меня, и я сразу же отказался. Это рассердило министра, ибо предложенная мне должность по бюрократической иерархии министерства выводила меня на чин мидовского генерала (государственный советник II класса).

Какой тут поднялся шум! Вышинский вообще не стеснялся в выражениях, особенно с подчиненными ему людьми, и тут он дал себе волю.

„Мальчишка! Ему предлагают генеральскую должность, а он отказывается. Ему, видите ли, не нравится работа, - кричал на меня министр. - А ты знаешь, сколько людей в МИД, не раздумывая и с благодарностью, приняли бы такое предложение?"

Высказав все, что он думает обо мне, он крикнул: „Можешь уходить!" И с размаху перечеркнул синим карандашом проект приказа о моем назначении, бросив его начальнику кадров Струнникову, попутно обругав последнего „за полное незнание кадров и непродуманные предложения".

Нечего и говорить, какое было у меня настроение после такого первого личного знакомства с новым грозным министром. Пришлось вернуться на прежнюю должность в Учебный отдел и тянуть еще несколько месяцев ту же лямку.

Мне, однако, все же повезло. Вскоре на должность заместителя министра был назначен В.Зорин, один из опытнейших наших дипломатов, который до этого работал послом в Чехословакии (впоследствии, в 60-х годах был постоянным представителем СССР в ООН). Ему нужен был свой секретариат из нескольких дипломатических работников. Мой начальник по Учебному отделу И.Поповкин был хррошо с ним знаком и, зная, что я рвусь на дипломатическую работу, порекомендовал Зорину взять меня к себе.

У Зорина, человека умного и добрейшего, я проработал несколько лет, до 1952 года, и стал его главным помощником. Он многому меня научил - не только требовал принести ему соответствующую документацию или проследить за ее подготовкой в разных отделах МИД, но и постоянно спрашивал мое мнение, по существу, постепенно все больше и больше полагаясь на мои оценки. Так что приходилось тщательно разбираться в делах. Я внимательно следил за прохождением и решением важных вопросов, особенно когда они уходили „наверх" - к Вышинскому, Молотову, и даже Сталину, а затем возвращались к нам. Если что мне было непонятно, то я, выбрав удобный момент, спрашивал у Зорина, почему вопрос был решен так, а не иначе. Он обычно охотно давал мне пояснения.

Надо сказать, что в то время работа всего государственного аппарата была построена необычным и, по существу, явно нездоровым образом. Все делалось „под Сталина".

Он обычно начинал свою работу в 4-5 часов дня. Соответственно, Вышинский и Молотов появлялись в министерстве где-то около часа или двух. Их заместители - в 11 или 12 часов дня. Мы же, работники секретариата, по очереди несли круглосуточное дежурство. Основные помощники приходили ежедневно в 9 или 10 часов утра, чтобы рассортировать и подготовить поступающие документы.

Заместители министров (и их помощники) оставались на работе до 3-4 часов утра, т. е. до того момента, когда Сталин уходил спать. Боже сохрани, чтобы Сталин кому-то позвонил ночью, а его не оказалось на работе. Выматывались мы все (со своими начальниками) здорово. Подремлешь - по очереди с другими помощниками - на служебном диване и снова за работу.

Нам, помощникам заместителя министра, не приходилось лично общаться со Сталиным. Но его имя вызывало у всех настеюпет. Правда, однажды я встретился с ним лицом к лицу. Перед заседанием Политбюро, на которое был вызван и Зорин, ему понадобился какой-то документ. Он позвонил из Кремля и потребовал срочно привезти этот документ.

Иду быстрым шагом по длинному коридору Кремля к залу заседаний Политбюро. Вдруг вижу в коридор с другой стороны входит Сталин с охраной и медленно идет мне навстречу. Коридоры в Кремле высокие, длинные, но узкие. От двери к двери большие расстояния. Я быстро огляделся налево, направо: близко нет ни двери, ни бокового коридора. Я прижался тогда спиной к стенке и стал с волнением ждать, пока Сталин пройдет мимо.

Он, конечно, заметил мое замешательство. Подойдя ближе, спросил, кто я и где работаю. Затем, как бы подчеркивая свою мысль медленным движением пальца правой руки перед моим лицом, сказал: „Молодежи_нечего_

опасаться товарища Сталина. Он ей друг". Кивнув головой, пошел дальше.

Когда поздно вечером я рассказал обо всем этом Зорину, он сперва встревожился, но, услышав, что Сталин вел себя „вполне добродушно", 'несколько успокоился. Правда, как бы вскользь, бросил реплику, что „Сталин непредсказуем, и лучше ему не попадаться на глаза".

Надо сказать, что и по делам МИД Сталин принимал порой крутые решения. Помню, как с одного из заседаний Политбюро вернулся потрясенный Зорин. А причина была вот в чем.

В МИД был подготовлен документ, согласованный с Министерством финансов, об обменном курсе китайского юаня на советские рубли. Зорин, который в то время вел китайские дела, подготовил предложения для окончательного одобрения Громыко (в тот момент он временно исполнял обязанности министра). Громыко тянул с ответом: с одной стороны, он не хотел беспокоить Сталина по такому, казавшемуся ему не столь уж важному вопросу, а с другой стороны, природная осторожность и осмотрительность Громыко также давали себя знать.

Так получилось, что китайцы и наше посольство в Пекине стали вновь настаивать на решении этого вопроса. Зорин опять их поддержал. Весьма неохотно и с колебаниями Громыко все же утвердил этот документ.

Через какое-то время об этом узнал Сталин. Он поставил этот вопрос на Л обсуждение в Политбюро и оценил действия Громыко и Зорина как „вопиющее превышение власти зазнавшихся чиновников МИД». Он спросил членов Политбюро, какого наказания заслуживают виновные. Поскольку никто не знал, куда клонит дело Сталин, то все отмалчивались.

Сказав еще пару крепких слов, Сталин предложил освободить Громыко от должности_первого заместителя министра и направить его (тут Сталин выдержал паузу)… послом в Англию. А Зорину объявить строгий выговор с предупреждением. Такое решение и было принято. Громыко пришлось ехать послом в Лондон, где он пробыл девять месяцев; после Громыко вернули на прежний пост первого заместителя министра.

Он вспоминал, что Сталин свои публичные выступления, вплоть до докладов на партийных съездах, готовил сам, хотя и требовал для этого много разных материалов. На заседаниях Политбюро он не ограничивался лишь критикой тех или иных дипломатических нот, подготовленных МИД, но порой прямо диктовал свой новый текст, который тут же записывал Громыко.

В целом Сталин благоволил к Громыко и считался с его мнением. Громыко, отличавшийся крайней сдержанностью, уже после смерти Сталина в редких частных беседах говорил о Сталине с заметным восхищением.

Ему, в частности, запомнился необычный совет, который дал ему Сталин, когда посылал его посланником в Вашингтон, „в подкрепление" Литвинову*. Узнав, что тот плоховато еще знает английский язык, Сталин посоветовал ему ходить в американские церкви и слушать проповеди. Эти проповедники, сказал он, говорят на понятном народу языке и выражают его повседневные нужды и заботы, а значит, и общие внутриполитические настроения в стране. Будучи уже в Вашингтоне, Громыко, конечно, не рискнул ходить в церковь, но, как он позднее сам признался, регулярно слушал по радио воскресные проповеди.

Советник посольства. С Молотовым по США

В начале 1952 года я решил переговорить с Зориным насчет дальнейшей работы. Проработав у него в секретариате около пяти лет, я, естественно, захотел попробовать свои силы в каком-либо посольстве. Он поддержал мое желание. Прошло некоторое время, и Зорин сам вернулся к этому разговору. Скоро, сказал он, освобождается должность посланника в Швейцарии, и я буду рекомендовать вас на эту должность.

По установившейся традиции, все рекомендации на должность посла или посланника, а также другие важные вопросы рассматривались тогда у министра Вышинского в присутствии всех его заместителей и самих кандидатов на посты. Созывались эти совещания практически ежедневно, обычно в 12 часов ночи. Фактически так повелось, что на них говорил в основном один Вышинский (или затевал дискуссии, где можно было блеснуть красноречием, в чем ему нельзя было отказать).

И вот в повестку дня одного из таких ночных бдений у министра был включен вопрос о моем назначении в Швейцарию. Так состоялась моя вторая встреча с Вышинским. Когда дошли до обсуждения моего вопроса, он сразу вспомнил, что я отказался от престижного поста в Учебном отделе. „Вы тогда говорили мне о своем желании активно поработать за границей, -начал иронизировать он. - И выбрали сейчас „самый активный пост" -Швейцарию, куда обычно едут одни пенсионеры или те, кто скоро уходит на пенсию. Этот номер не пройдет".

Я ответил, что не сам выбрал эту страну, а мне ее предложили, и что я готов поехать в любую другую страну, где есть такая необходимость.

* Как исторический курьез старожилы МИД из кадрового управления рассказывали следующее. Литвинов не любил Громыко. Когда, по заведенному порядку, Литвинов прислал ежегодные характеристики своих сотрудников, то в первой характеристике Громыко было написано, что он „к дипломатической службе не подходит". Позже эта характеристика, как говорят, исчезла из архива МИД.

„Вот это другой разговор", - подхватил Вышинский. „Куда бы его послать, чтобы он, молодой и полный сил, мог действительно потрудиться, а не расслабляться?" - задал он риторический вопрос. Все молчали, не зная, куда министр клонит.

Потом, как бы осененный блестящей мыслью, Вышинский быстро сказал: „А давайте-ка пошлем его советником в посольство в Вашингтоне, отношения у нас с американцами очень плохие, напряженные, пусть там поработает над их улучшением".

На том он и порешил. Так неожиданно меня назначили на американское направление (о чем я никогда не жалел), на котором я проработал на различных должностях почти всю свою дипломатическую жизнь - с 1952 по 1992 год.

Итак, осенью 1952-го я отправился в Вашингтон в качестве советника посольства. В то время работники МИД, ехавшие на работу в США, направлялись не самолетами (что было тогда дороже), а пароходом из французских портов в Нью-Йорк. Нам с женой довелось попасть на роскошный океанский лайнер „Иль де Франс", и мы впервые - уже на практике, а не в стенах Дипшколы, - должны были пройти курс „высшего этикета".

Все вроде обошлось, кроме небольшого конфуза с меню. Когда мы с женой пришли в зал-ресторан, нам дали красивое меню с длинным списком разнообразных блюд. Большинство названий было совершенно незнакомо, да к тому же все было написано на французском языке, которого мы совсем не знали. Долгое время мы изучали это меню, а затем „бросились головой в омут - что будет, то будет", показав официанту на понравившиеся нам ^ названия. Чтобы быстрее освоиться с кругом названий, мы с женой сделали разные заказы. Когда я делал свой заказ, то почувствовал, что-то тут не то, но официант был невозмутим и записал мой заказ. Через л некоторое время он принес мне два разных супа, так как заказанное мною „второе блюдо" тоже оказалось супом. Жена моя оказалась более удачливой в своем выборе. Чтобы не попасть больше впросак пришлось взять меню с собой в каюту и основательно проштудировать его с помощью словаря.

27 сентября 1952 года стал первым днем моей работы в посольстве в Вашингтоне. Послом в это время был Зарубин, заслуженный ветеран дипломатической службы, до этого побывавший послом в Канаде и Англии. Внешне он выглядел сурово и строго, как достойный представитель „сталинской школы", хотя в целом он был неплохим, отзывчивым и справедливым человеком. У него был один сугубо личный „секрет", который он старательно скрывал: английский язык знал плоховато, хотя и прослужил более десяти лет послом в различных англоговорящих странах. Однако репутация в МИД у него была высокая, при этом подразумевалось, конечно, что он свободно говорит по-английски.

Я с головой окунулся в работу. Мне вначале было поручено вести внутриполитические дела и экономику США, что, естественно, не вызвало у меня большого энтузиазма, поскольку, как и всех молодых сотрудников МИД, меня интересовали внешнеполитические вопросы. Но ничего не поделаешь, пришлось подчиниться и возглавить работу соответствующего отдела посольства. Должен, однако, признаться, что в последствии я был' благодарен послу Зарубину за то, что он сперва посадил меня на эти „малоинтересные" проблемы, которые в МИД большинство сотрудников (и я вместе с ними) знали лишь поверхностно и которые мне пришлось в Вашингтоне изучить довольно глубоко. Это очень помогло в моей дальнейшей дипломатической работе.

Тем временем я стал „набирать очки" и во внешнеполитических делах посольства. Дело в том, что при подготовке важной информации для Москвы или ответа на соответствующие запросы посол собирал у себя советников посольства для обмена мнениями. Я довольно быстро обнаружил, что, хотя по конкретному знанию отдельных сторон жизни в США я еще отставал от своих коллег, в то же время в вопросах большой политики я ориентировался заметно лучше их. Тут сказывался большой опыт работы в секретариате МИД.

Так получилось, что в течение короткого времени Зарубину пришли один за другим два важных запроса о возможных рекомендациях посольства по двум конкретным делам. При подготовке ответов мнения разошлись: я предлагал один вариант, а другие советники - другой. В обоих случаях посол принял сторону моих коллег. Однако вскоре пришли телеграммы, в которых посольству указывали, как действовать по упомянутым делам. И в обоих случаях эти указания были ближе к тем соображениям, которые я высказывал на совещаниях у посла.

Вскоре посол получил запрос лично от самого Сталина, что было крайне редким событием, т. к. обычно запросы поручалось делать министерству. Был срочно подготовлен ответ. При обсуждении его у посла картина повторилась: я снова оказался в меньшинстве. После долгих колебаний посол все же послал мнение „большинства". В ответ пришла неприятная телеграмма из Москвы: „Ваше предложение недостаточно продумано".

После этого случая посол пригласил меня для беседы наедине. Он хотел понять, каким образом мне удается „угадывать мысли Москвы". Сказал ему, что тут нет никакого особого секрета: просто срабатывают „чутье и опыт", приобретенные мною в процессе подготовки в течение длительного времени проектов важных решений.

Зарубин после этого издал распоряжение, чтобы все проекты телеграмм из посольства в Москву предварительно визировались мною, прежде чем их давать на подпись послу. 24 июля 1954 года я был назначен советником-посланником посольства.

В 1955 году в Сан-Франциско торжественно отмечалось 10-летие со дня создания ООН. Советскую делегацию возглавлял Молотов. В Нью-Йорк он прибыл пароходом, но в Сан-Франциско решил поехать поездом, чтобы немного посмотреть страну. В поездку он взял с собой Зарубина, а тот меня. К этому времени я вроде неплохо разбирался в проблемах страны и мог быть полезен в поездке.

Мы проехали по железной дороге три дня и две ночи. На станциях собиралось много любопытствующих, желавших увидеть „живого Молотова". „Холодная война" была в разгаре, но поездка прошла, к счастью, без всяких эксцессов или инцидентов. Лишь на остановке в Чикаго, где живет много эмигрантов славянского происхождения и где находилось руководство профсоюзов, враждебно настроенных против СССР, собралась довольно большая толпа, которая, когда Молотов выглянул из окна, начала громко кричать: „Бу-у-у..." (но без других проявлений прямой враждебности).

Когда поезд тронулся, Молотов спросил Зарубина, что кричали собравшиеся.

„А это, Вячеслав Михайлович, знак приветствия у американцев", - не моргнув глазом сказал посол (фактически же в США это проявление неодобрения).

Молотов посмотрел на него с некоторым недоумением, заметив, что у американцев странный способ приветствовать иностранцев.

Я промолчал, чтобы не подводить посла.

Еще об одном случае хотел бы вспомнить, эпизод небольшой, но довольно характерный для оценки умонастроения Молотова.

По дороге из Нью-Йорка в Сан-Франциско нас в поезде сопровождал (в своем купе) официальный представитель госдепартамента. Человек весьма любезный, нам не надоедал, хотя охотно помогал, если к нему обращались за помощью.

Как-то Молотов заинтересовался местами, где мы проезжали, и захотел посмотреть по карте, где мы находимся. У нас, к сожалению, ни у кого не оказалось карты. Обругав всех нас „безмозглыми", он надулся. Что делать?

Я пошел тогда к американцу. Он сказал: „Нет проблем, подождите следующей остановки, и у вас будет карта".

И действительно, он вскоре принес красочную карту с указанием железных дорог и всех станций на нашем пути. Однако на ней было одновременно показано местоположение крупных военных лагерей и баз на этой территории с указанием железнодорожных станций, где надо было сходить, чтобы добраться до этих объектов.

Принесли мы эту карту Молотову. Министр ужаснулся, увидев обозначения баз и военных лагерей. Заявил, что это провокация, что нам нарочно подсунули секретную карту, а потом дадут сообщение в печати, что Молотов по дороге занимался сбором секретной информации. „Вернуть сейчас же эту карту".

Пришлось опять идти к „связному". Он рассмеялся и сказал, что это совсем не секретная карта, что на каждой станции США ее можно получить бесплатно. Она годится и для туристов, „как в данном случае", но основное ее назначение - для подгулявших или потерявшихся по разным причинам военнослужащих рядового состава, чтобы они лучше знали, как добираться до своих лагерей или сборных пунктов, местоположение которых не является секретом, так как они не являются секретными базами.

На следующей станции он достал для нас карту из какого-то почтового отделения, но без указания баз и лагерей. Ее мы и отдали Молотову, который был явно удовлетворен своей „бдительностью". Старую же карту, не говоря ему, я взял себе как сувенир - на память о поездке.

В Сан-Франциско мне пришлось везде сопровождать Молотова и переводить его беседы, поскольку его постоянный переводчик и помощник О.Трояновский вынужден был срочно вернуться из США в Москву на похороны отца. Должен сказать, что я тут впервые оценил всю сложность и трудность работы переводчика, хотя со стороны она и кажется довольно простой. Надо было точно переводить все нюансы бесед, ибо за ними порой скрывался важный дипломатический и политический смысл. И хотя я уже неплохо говорил и понимал по-английски, но для работы в качестве профессионального переводчика я вряд ли был готов, хотя в целом мне удавалось без больших накладок вести перевод бесед на политические темы.

Дополнительная сложность была в том, что когда Молотов хотел послать в Москву информацию о своих беседах, скажем, с Даллесом, то мне приходилось затем на память делать эту запись (профессиональный переводчик должен знать стенографию, я же этого не умел). Молотов обязательно затем просматривал шифротелеграмму перед отправкой.

Непросто было и с отправкой таких телеграмм в Москву. У нас не было в то время своего представительства в Сан-Франциско. Для Молотова мы временно сняли небольшую виллу в окрестностях города. Наша служба

безопасности была уверена, что американцы поставили там немало звуко-и видеозаписывающей аппаратуры. Однако обнаружить ее не удавалось. Тем не менее, чтобы американцы „не подсмотрели" за работой шифровальщиков, они ложились на кровать с документами и шифроблокнотами, а мы, сотрудники, держали над ними одеяла, чтобы нельзя было делать „фотосъемок с потолка".

Надо сказать, что сильные опасения насчет „подслушивания" и „подглядывания" проявлялись с обеих сторон. Припоминается довольно забавный случай. В Москве через пару лет после окончания войны, проходило совещание министров иностранных дел. Проводилось оно в известной еще до революции старинной гостинице „Яр" (потом „Советская"). Рабочие лемещения для американской делегации были отведены на втором этаже. Под ними находились два ресторанных зала.

И вот в первый же вечер работы совещания посетители одного из залов заметили, что огромная подвесная люстра в центре зала сильно задрожала. Поднялась тревога. Наверх были срочно посланы рабочие. Им долго не открывали двери. Когда же американцы, которые были там, все же впустили рабочих, то выяснилось вот что. Приехавшая с американской делегацией спецслужба стала проверять, нет ли в отведенных для делегации комнатах подслушивающих устройств. Посредине комнаты их приборы обнаружили под полом какую-то металлическую массу. Вскрыли в этом месте паркет и увидели под паркетом какие-то металлические конструкции с проводами. Американцы стали дальше разбирать, отвинчивать отдельные детали. А это было крепление большой люстры, которая и начала раскачиваться. Хорошо, что это вовремя заметили и предотвратили падение люстры и возможные человеческие жертвы.

Вернемся, однако, в Сан-Франциско. Мне довелось переводить там все беседы Молотова с госсекретарем Даллесом. Разговор был обычно жесткий и походил, скорее, на диалог двух глухих, хотя и соблюдались внешние дипломатические рамки бесед. Это было символическое противостояние наиболее ярких представителей двух идеологических систем мира. И пока они и им подобные находились у власти, „холодная война" не имела никаких шансов на потепление, а советско-американские отношения не могли продвинуться ни на шаг вперед.

Приведу пример. В ходе дискуссии Молотов - как свидетельство враждебных намерений США - заявил, что Вашингтон стремится окружить СССР по всему периметру его границ американскими военными базами. Даллес кратко, но резко ответил, что американское правительство не собирается отчитываться перед правительством СССР за подобные свои действия, так как считает, что они отвечают национальным интересам Америки и осуществляются путем открытых договоров со странами, где эти базы размещаются. Так Вашингтон намерен поступать и дальше, если это будет нужно.

Поскольку Трояновский так и не вернулся из Москвы, Молотов предложил мне сопровождать его на пароходе „Куин Мэри" из Нью-Йорка в Европу.

На этот раз работы было немного. Молотов практически никуда из каюты не выходил, а завтрак, обед и ужин ему приносили прямо туда. Надо сказать, что он был неприхотлив в еде и заказывал самые простые кушанья. По утрам вообще ел только одну „свою кашу", которую ему готовил сопровождавший его повар, - ничего другого на завтрак Молотов не

признавал. Шеф-повар парохода, профессиональная гордость которого, чувствовалось, была задета, предлагал сделать любую кашу, которую „только пожелает господин Молотов", ибо у них на кухне есть все мыслимые и немыслимые продукты. Но поскольку наш босс упорно отказывался, то каждое утро можно было наблюдать своеобразную „ритуальную" процессию. Из кают выходила цепочка людей: впереди шел советник-посланник, т. е. я, для ведения „переговоров" с окружающим миром, если это понадобится. Затем - наш повар со своим котелком. Замыкал шествие начальник охраны полковник Александров. Приходили мы на большую кухню, где все повара, широко раскрыв глаза, смотрели, как наш повар священнодействовал над своей кашей. После этого он обертывал котелок с кашей полотенцем, и процессия в обратном порядке возвращалась к каюте министра.

Из Москвы я вылетел в Вашингтон. Однако через несколько недель был получен неожиданный приказ о моем назначении одним из помощников министра. Я должен был выехать в Москву.

Откровенно говоря, мне нравилась работа в посольстве. Появилось немало знакомств и связей с американцами и дипломатами других стран. Передо мной открылся новый и интересный мир, и возвращаться теперь в строго ограниченный регламентом порядок работы и круг одних и тех же людей в секретариате мне явно не хотелось. Но приказ есть приказ -пришлось подчиниться.

Помощник трех министров

У Молотова я проработал около года. Должен признаться, что в психологическом плане это был самый трудный период всей моей дипломатической работы. Все больше обострялись отношения Молотова с Хрущевым (эта борьба, как известно, закончилась изгнанием Молотова и некоторых других членов Политбюро со всех постов). Соответственно он становился все более раздражительным, подозрительным и несдержанным, а все это повседневно и болезненно отражалось на сотрудниках аппарата.

В то же время мне запомнилась его исключительная организованность в работе. Большой письменный стол Молотова в Кремле мысленно как бы делился на восемь ячеек, куда мы, помощники, и должны были аккуратно класть всю корреспонденцию: к заседаниям Политбюро, Совета министров, МИД и т. п. Когда он приходил на работу, то - в зависимости от времени -начинал просматривать бумаги в ячейках по порядку их важности и срочности. Не дай Бог, если, помощник положил документ или шифротелеграмму „не по тому порядку", который в этот день хотел бы видеть Молотов. Поднимался скандал!

Когда у министра было время, то он после обеда ложился в задней комнате отдохнуть - 45 минут. Ни минуты больше! У дверей стоял начальник охраны, который строго следил за временем и будил, как было положено.

Молотов не любил длинных речей или прений на служебных совещаниях, которые он проводил, сам он выступал сухо, кратко, по существу.

В области внешней политики Молотов занимал крайне догматические позиции. После смерти Сталина он, по существу, продолжал следовать его внешнеполитическому курсу. В этот период в Политбюро проходили жаркие

споры по поводу австрийского мирного договора и вывода союзнических войск из Австрии. Молотов был решительным противником таких шагов, так как считал, что вывод советских войск из Австрии значительно ослабляет позиции СССР в центре Европы и лишает СССР немалой доли его завоеваний в итоге второй мировой войны.

Однако настрой в мире и в Европе спустя 10 лет после окончания войны был уже иной. Заметно росли настроения в пользу стабилизации отношений между бывшими союзниками по войне. С этим не могли не считаться в Москве. В результате Молотов оказался в меньшинстве в Политбюро, и договор с Австрией был подписан. Это был удар по авторитету Молотова в области внешней политики, где до недавнего времени он был практически монополистом.

В 1955 году мне впервые довелось принимать участие в качестве помощника министра в совещании глав правительств четырех держав в Женеве с 18 по 23 июля. В нем участвовали Булганин, Эйзенхауэр, Идеи и Фор. В состав советской делегации входили также Хрущев и Молотов. Хотя Булганин был официальным главой советской делегации (как Председатель Совета министров СССР), он ограничивался в основном чтением заранее подготовленных речей, а в дискуссиях наиболее активную роль играл Хрущев.

На совещании обсуждались такие вопросы, как объединение Германии, европейская безопасность, разоружение, развитие контактов между Востоком и Западом.

В целом на совещании не было достигнуто договоренности по обсуждавшимся вопросам, так как позиции западных держав и наши сильно расходились. Главы правительств все же утвердили директивы министрам иностранных дел 4 держав, которым поручалось продолжить в октябре 1955 года рассмотрение вопросов повестки дня совещания: вопросы европейской безопасности и германские проблемы.

О некоторых личных наблюдениях. Делами американской делегации на совещании заправлял госсекретарь Даллес. Президент явно „плавал" во внешнеполитических вопросах, поскольку с самого начала своего президентства передоверил их Даллесу и не проявлял к ним большого интереса. В результате Эйзенхауэр не раз попадал в затруднительное положение, когда на совещании возникала полемика по тому или иному конкретному вопросу, деталей которого он, конечно, не знал. Даллес то и дело приходил к нему на помощь.

Помню такой эпизод. Возникла дискуссия вокруг наших обвинений в том, что НАТО является агрессивным блоком, готовящим войну против СССР. Эйзенхауэр отрицал это. Хрущев неожиданно спросил его: „А почему Вы тогда отказались принять нас в НАТО?"

„А Вы разве обращались с таким предложением?" - изумленно спросил президент.

„Несколько месяцев тому назад".

Эйзенхауэр явно растерялся. Дело в том, что действительно, по инициативе Хрущева, в основном с пропагандистскими целями МИД в одной из своих нот западным державам затронул эту тему.

Даллес, как и ожидала Москва, сразу отклонил тогда это предложение, но, как выяснилось, совсем не информировал Эйзенхауэра по этому поводу. Пришлось ему уже на самом совещании срочно шепотом объяснять своему попавшему впросак президенту суть дела. А в это время остальные главы правительств многозначительно переглядывались, стараясь скрыть свои

улыбки. Впрочем, к заметному облегчению Эйзенхауэра Хрущев не стал настаивать „на приеме СССР в НАТО".

В перерывах между заседаниями Хрущев несколько раз оживленно говорил с Эйзенхауэром. В целом - на личной основе - к концу совещания у них появились даже взаимные симпатии. Эйзенхауэра пригласили „побывать в Советском Союзе".

Хрущев по-своему ценил порядочность Эйзенхауэра. Известно его высказывание впоследствии на одном из заседаний Политбюро: „Я не берусь судить, насколько Эйзенхауэр годится быть президентом, об этом решать американскому народу, но как отец и дед я без колебаний доверил бы ему своих ребят в школе или детском саду". Но если оставить в стороне этот типично хрущевский юмор, то надо сказать, что Хрущев был уверен, что Эйзенхауэр не допустит крупной военной конфронтации между СССР и США. Тут он верил ему „как фронтовик фронтовику".

Тем временем личные отношения Молотова с Хрущевым все больше портились. В результате Молотов был освобожден от работы в МИД, хотя и оставался еще членом Политбюро. На пост министра был назначен протеже Хрущева Шепилов, главный редактор газеты „Правда". Он привел с собой в секретариат сотрудников газеты, с которыми до этого работал. Я оставался в секретариате единственным „старожилом-мидовцем". Вскоре я попросил нового министра отпустить меня на оперативную работу, т. к. слишком много времени проработал в разных секретариатах. Он обещал это сделать, но лишь через несколько месяцев, когда его газетчики с моей помощью получат необходимый навык на новом месте.

Шепилов был полной противоположностью Молотова. Он был общителен, доступен, не догматик. Не в пример своему предшественнику слушал дельные советы и поощрял инициативу своих сотрудников. Недостатком его все же были известная поверхностность, отсутствие твердой системы собственных взглядов. Он чересчур полагался на экспертов, явно не желая тратить много времени на детальное изучение всех тех вопросов, которые ему докладывались. В результате на первых порах на заседаниях Политбюро он подчас сильно „плавал", но постепенно стал осваиваться, пройдя непростую трансформацию от главного редактора партийной газеты до министра иностранных дел.

И все же его известная „раздвоенность" сказывалась при подготовке важных речей. Обычно в таких случаях - особенно в начале своей деятельности, когда, например, он возглавлял нашу делегацию на международной конференции в Лондоне по Суэцкому каналу, - он создавал две „команды". Одну - из знакомых ему журналистов, которые отличались броскостью слога и ярким литературным „стилем". Другая команда, в которую входил и я, - из профессиональных работников МИД. У них был сухой стиль, но зато их вариант выступления отличался точностью формулировок, достоверностью, документальностью. Из двух вариантов, которые ему предлагались, Шепилов и составлял свою речь. Правда, постепенно он стал отдавать предпочтение „профессиональному" направлению и вскоре стал ограничиваться тем материалом, который готовился в МИД.

Впрочем, Шепилов не оставил сколько-нибудь заметного следа на работе МИД, поскольку вскоре был отстранен с поста министра вместе с группой старых членов Политбюро, выступавших против Хрущева (Молотов, Булганин, Каганович и другие; Шепилов, по оплошности, присоединился к ним в последний момент, за что и поплатился).

Министром иностранных дел был назначен Громыко, проработавший на этом посту почти тридцать лет. Воспитан он был на сталинско-молотовских принципах, хотя как министр имел свою точку зрения. В этом смысле он был более гибок, чем Молотов, но эта гибкость проявлялась им довольно редко. Он мог, не моргнув глазом, десятки раз повторять в беседах или переговорах со своими иностранными коллегами одну и ту же позицию, хотя порой уже было видно, что она изжила или изживает себя. Его отличала высокая дисциплинированность: он самым точным образом выполнял инструкции Политбюро и Генерального секретаря ЦК КПСС, не позволяя себе отойти от них ни на шаг, хотя порой ситуация и могла требовать иного. Судя по всему, эта дисциплинированность и отсутствие каких-либо амбиций в отношении других постов в партийном и государственном руководстве страны и позволили ему так долго находиться на посту министра. К этому следует добавить и следующее: он обладал каким-то природным чутьем определять будущего победителя в периодических схватках за власть в советском руководстве и вовремя становиться на его сторону. Разумеется, его высокий профессионализм никем не ставился под сомнение.

С самого начала у меня сложились с ним неплохие личные отношения. Он удовлетворил мою просьбу освободить меня, наконец, от работы в секретариате министра. По его рекомендации Генеральный секретарь ООН Хаммершельд назначил меня своим заместителем. Одновременно мне был присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Заместитель Генерального секретаря ООН

В это время в Секретариате ООН, в разных департаментах, работало всего около 150 советских сотрудников, что было явным недобором, поскольку сотрудники от различных стран набирались по „квотам", в зависимости от их финансового вклада в бюджет ООН. Советскому Союзу (второй по величине взноса стране) „полагалось" 290-300 человек. Соответственно, Москва стремилась заполнить эту квоту. Однако квалифицированных сотрудников на должности „международных чиновников", знающих язык и тематику ООН, явно не хватало, да и далеко не все профессионалы-дипломаты хотели идти на эту весьма специфическую работу международной организации.

К тому же квота частично пополнялась сотрудниками различных спецслужб, что бросало тень на всех остальных советских сотрудников, которых вообще в период „холодной войны" руководство ООН старалось не допускать до важных или „чувствительных" постов в Секретариате, где господствовало американо-английское большинство.

Был еще один негативный психологический фактор работы в Секретариате ООН. Зарплата там была значительно выше зарплаты работников того же ранга в постоянном представительстве СССР при ООН. Чтобы ликвидировать эту „несправедливость", кто-то в нашем правительстве предложил: обязать всех советских сотрудников Секретариата ООН ежемесячно негласно сдавать разницу в окладах в кассу советского представительства. Я, как и другие сотрудники, постоянно сдавал более половины своей зарплаты (лишь в 1990 году «взбунтовавшиеся" советские сотрудники ООН отказались сдавать этот ежемесячный „оброк", и он был отменен).

Консерватизм общего мышления Москвы проявился в то время и в таком простом, казалось, деле. Все сотрудники Секретариата получали зарплату не наличными, а в виде чеков одного из крупнейших банков США, имевшего специальное отделение в ООН. Поскольку не было нужды получать всю зарплату наличными, соответствующие суммы аккумулировались в банке, который выдавал нам чековые книжки, и мы пользовались ими по мере необходимости.

Когда в Управлении кадров ЦК КПСС узнали об этом, то там пришли в ужас: советские сотрудники в ООН совсем „обуржуазились" - у них теперь появились чековые книжки „как у капиталистов".

Потребовалось несколько месяцев, прежде чем мне - от имени остальных сотрудников (я был старший по должности) - удалось доказать всю абсурдность таких обвинений, и нам было разрешено иметь чековые книжки (однако такой негласный запрет фактически сохранялся в отношении сотрудников советских посольств еще долгое время).

Должен признаться, что первоначально перспектива работы в Секретариате ООН меня не очень прельщала. Я опасался, что буду фактически отстранен от активной дипломатической работы, к которой я уже привык в посольстве в Вашингтоне.

Мои сомнения разрешил министр. Он предоставил мне право самостоятельной шифропереписки из Нью-Йорка, минуя постоянного представителя, не только по делам ООН, но и вообще по вопросам наших отношений с США. Примерно раз или два в неделю я посылал свои наблюдения и соображения из Нью-Йорка, этого важнейшего политического и финансового центра Америки, где у меня появились достаточно обширные связи. Как мне потом говорили, часть моих сообщений посылалась из МИД в порядке информации в правительство СССР. Видимо, это. сыграло свою роль, когда меня через три года, в начале 1960 года, отозвали из Секретариата ООН и назначили членом коллегии МИД и заведующим отделом стран Америки.

Но вернемся к работе в Секретариате ООН. По традиции, для каждого своего нового заместителя (их было около десяти из разных стран) Хаммершельд устраивал обед в одном из фешенебельных частных клубов (на 53-й улице Нью-Йорка), членом которого он состоял. Такой же обед он устроил и для меня. Поскольку Генеральный секретарь немного запаздывал, зашел разговор о привычках и вкусах нашего босса. Один из моих коллег подвел меня к небольшой коллекции ультрамодернистских картин, любимых Хаммершельдом (но этот жанр был не в моем вкусе). Одна из картин, как мне сказали, особенно нравилась Хаммершельду. Какое-то озорство нашло на меня. Я быстро перевесил ее „вверх ногами" и шутливо спросил, меняется ли от этого ее художественное восприятие. Большинство согласились, что нет.

В этот момент приехал Хаммершельд. Он заметил, что мы собрались у картин, и на правах хозяина стал показывать их мне, хваля искусство современного модернизма. Подошли мы и к „моей" картине, которую я не преминул похвалить, он согласился со мной. Заметив плохо скрываемые улыбки окружающих, он стал еще раз внимательно всматриваться в картины и тогда обнаружил, что одна из картин выглядит „не совсем обычно". Вскоре шутка раскрылась, но Хаммершельд, видимо, решил, что со мной „надо держать ухо востро". Я это почувствовал позже.

Так началась совместная работа с Хаммершельдом. У нас с ним установились своеобразные личные отношения. Я был единственный

из его заместителей, который не очень зависел от него как „работодателя", так как я был как бы отдан ему „взаймы" из действующей дипломатической службы и мог туда вернуться в любой момент по решению своего правительства. Другие заместители не были профессиональными дипломатами, и их выгодные деловые контракты с Секретариатом ООН, а также их продление целиком зависели от Генерального секретаря.

Поэтому я позволял себе (с соблюдением, конечно, необходимого такта) порой не соглашаться с Хаммершельдом, когда он проводил со своими заместителями совещания по пятницам для обсуждения работы Секретариата по вопросам, которые рассматривались в ООН, или вообще крупных текущих международных проблем. А так как Хаммершельд не очень был осведомлен в нюансах советской внешней (и внутренней) политики, то у меня было достаточно убедительных поводов, чтобы время от времени вступать в дискуссии с ним. В то время - в мой начальный период работы там - у меня фактически не было других возможностей, помимо встреч по пятницам, для сколько-нибудь подробных бесед с ним, поскольку он все время замыкался на своих двух американских заместителей - Кордье и Банча - и мало встречался с другими заместителями.

Видимо, оценив ситуацию, Хаммершельд однажды пригласил меня к себе и сказал, что на этих встречах я один из всех заместителей задаю ему самые сложные и деликатные вопросы, на которые он не может всегда отвечать подробно или откровенно. Давайте, сказал он, лучше договоримся так: как только у вас возникнут серьезные вопросы или у меня самого будут неясности по поводу позиции Москвы, мы будем встречаться по вечерам вдвоем и обсуждать их, не вынося на общие совещания.

Я, разумеется, согласился. Эти вечерние собеседования постепенно вошли в обычай и представляли определенный интерес - помогали понять „внутренний мир" Хаммершельда, который был далеко не простым. Иногда он даже давал прочесть отрывки из своего дневника, в котором записывал свои впечатления от поездок в другие страны (в качестве Генерального секретаря ООН) и бесед с их руководителями. Частенько он высказывался саркастически в отношении своих собеседников.

Сложившиеся отношения с Хаммершельдом позволили установить негласный канал между ним и советским руководством, что давало возможность сохранять определенное взаимопонимание и корректные отношения Москвы с ним в период моего пребывания на посту его заместителя.

Хаммершельд был „рафинированным" интеллектуалом и дипломатом. Блестяще образован, хорошо знал искусство и литературу. Происходил из известной шведской аристократической семьи (отец его был одно время премьером Швеции).

У Хаммершельда был философский склад ума. Хотя он мог быстро писать или формулировать различные документы, ход изложения им своих мыслей (особенно устно) подчас был чересчур витиеватым и замысловатым, что затрудняло их восприятие.

Именно поэтому его недолюбливал Хрущев. Вспоминается в этой связи курьезный эпизод. Хаммершельд очень хотел побывать в Советском Союзе по приглашению Хрущева. Я постарался, чтобы такое приглашение ему было послано.

Хаммершельд был очень доволен и начал тщательную подготовку к этой поездке. Я, конечно, должен был его сопровождать. Хорошо зная характер

Хрущева, я посоветовал Хаммершельду как можно проще строить беседу с ним, не усложнять ее никакими чересчур сложными умозаключениями, особенно в отношении проектов коренной перестройки ООН и будущего устройства всего мира на рельсах всемирного правительства (Хаммершельд этим увлекался и надеялся сказать „новое слово" в этом вопросе). Я предложил Хаммершельду „не отрываться от земли" и сосредоточиться на двух-трех конкретных вопросах текущей деятельности ООН.

Хаммершельд вроде понял и согласился со мной. Каково же было мое удивление, если не сказать сильнее, когда во время встречи в Крыму на вопрос Хрущева „что нового в ООН", Хаммершельд пустился в длинные и скучнейшие рассуждения о будущем мироустройстве и возможной благотворной роли ООН во всем этом. В общем, стал напускать, как любил говорить в таких случаях Хрущев, всякого „умственного тумана".

Минут через двадцать такого монолога Хаммершельда явно раздраженный Хрущев со свойственной ему грубоватостью сказал переводчику: „Спросите у г-на Хаммершельда, не хочет ли он сейчас сходить в туалет?"

Переводчик не знал, надо ли все это переводить. Тогда Хрущев сказал ему, чтобы он перевел все точно, „без дипломатических ухищрений".

Хаммершельд явно растерялся, не зная, как реагировать. Наконец, он невнятно сказал, что если г-н премьер предлагает, то у него нет возражений.

Хрущев затем предложил сделать перерыв и поехать покататься на лодке.

Хаммершельд, видимо, думал, что речь идет о каком-то катере, и охотно согласился. Когда же подошли к пристани, то увидели небольшую четырехвесельную лодку. Пару весел Хрущев взял себе, а другую вручил Генеральному секретарю ООН, который, как вскоре выяснилось, не знал даже, как с ними толком обращаться. В результате Хрущев сам повез его на веслах довольно далеко прогуляться. Охране было сказано держаться вдалеке.

Через час лодка вернулась. Вылезая Хрущев сказал: „Ух и здорово мы поговорили" (Хрущев совсем не знал английский, а Хаммершельд - русский; переводчика с ними не было, он был оставлен на берегу).

Хрущев, видимо, понял, что зашел слишком далеко. Тут же на берегу в павильоне был устроен хороший завтрак, в ходе которого по-деловому были обсуждены все конкретные вопросы, касавшиеся текущей деятельности ООН.

Но Хаммершельд уехал все же заметно ошеломленный всем этим „приключением". Таков был эксцентричный Хрущев, который, как известно, вскоре прославился своим поведением - во время очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, чем шокировал не только весь мир, но и многих своих соплеменников.

Однако, разумеется, не этим эпизодом определялись отношения Хаммершельда и Советского правительства. Дело в том, что позже Хаммершельд от своих умозаключений о необходимости поднятия собственной роли Генерального секретаря ООН стал постепенно переходить к попыткам осуществлять это на практике, в частности в сфере операций ООН по поддержанию мира. Он стал подчас действовать самостоятельно, не имея полномочий от Совета Безопасности на проведение тех или иных акций. Это стало вызывать протесты со стороны некоторых членов Совета, включая СССР. В особенности такая самостоятельность стала проявляться в Действиях Хаммершельда вокруг событий в Конго. В конечном счете (уже

после моего отъезда из ООН) все закончилось трагично: гибелью (в условиях плохой видимости) самолета, на котором летел Хаммершельд в этом районе.

В целом я с удовлетворением вспоминаю свое пребывание в ООН, которое продолжалось два с половиной года. Во-первых, мне удалось досконально познакомиться с работой такой универсальной международной организации, каковой является ООН, значение которой росло с каждым годом. Во-вторых, работа в Секретариате заставила как следует овладеть не только разговорным английским языком, но и научила даже редактировать документы ООН на этом же языке. В-третьих, проживание в г. Нью-Йорке в отеле на р. Гудзон, вдали от основного советского персонала нашей миссии при ООН, позволило приобрести широкий круг друзей и знакомых из самых различных кругов Америки, что сильно помогло в дальнейшей работе, когда я стал послом СССР в США. До сих пор я с удовольствием встречаюсь со многими из них*.

Было немало и забавных минут в ООН, когда имеешь дело с представителями стольких стран. Всего и не расскажешь. Приведу лишь один случай.

Шло заседание Совета ООН по опеке. Так получилось, что главными участниками одной из горячих дискуссий оказались представители Англии и Нигерии. Неожиданно чернокожий нигериец миролюбиво обратился к англичанину-лорду: „Сэр, зачем нам спорить, ведь мы почти кровные братья". Лорд опешил от такого „нахальства".

„Вы мой кровный брат?" - переспросил он изумленно, роняя от неожиданности свой монокль.

„Да, - вновь спокойно подтвердил нигериец. - Кто был Ваш дед?" -спросил он далее англичанина.

„Мой дед был командующим экспедиционным корпусом, посланным королевой Викторией в Африку, где он и погиб, пропав без вести, но посмертно награжден высшим британским орденом", - гордо сказал англичанин.

„А мой дед, - ответил нигериец, - был вождем племени, которое разбило войско Вашего деда. И так как в то время мы были не совсем цивилизованными, то мой дед скушал Вашего деда. Так что выходит, что мы с Вами кровные братья".

В Комитете по опеке поднялся смех. Растерявшийся лорд не знал, что и сказать, верить или не верить нигерийцу.

В марте 1960 года пришла телеграмма из Москвы: попрощайтесь с Хаммершельдом и возвращайтесь в МИД на должность члена коллегии и заведующего отделом стран Америки (США и латиноамериканских стран).

Поскольку Хаммершельд накануне этого отправился в большую поездку по ряду стран, в моем распоряжении до его возвращения оставалась еще пара недель. Посоветовавшись с женой, мы решили использовать это время (и оставшиеся деньги) на ознакомительную туристическую поездку в Калифорнию.

Мы долетели до Сан-Франциско, арендовали там автомашину и поехали по живописнейшей дороге № 1 вдоль Тихоокеанского побережья до Лос-Анджелеса и Сан-Диего, а оттуда до Феникса (штат Аризона), надеясь

* В октябре 1995 года мне довелось побывать на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи в связи с 50-летием ООН, на которой собралось более 150 глав стран и правительств. Я был приглашен в качестве „специального гостя" Генерального секретаря ООН.

побывать в Гранд-Каньоне. Однако из-за неожиданного снегопада мы туда не попали. Поскольку с самолетами также возникли затруднения, то мы решили ехать на рейсовом автобусе от Феникса до Нью-Йорка. Так за три дня и три ночи мы по диагонали пересекли США. Остались незабываемые впечатления от географии и этнографии различных штатов этой удивительной страны.

Из других длительных автомобильных поездок по США в этот период запомнилась еще одна, когда мы вдвоем с женой в рождественские каникулы в канун 1959 года отправились из Нью-Йорка во Флориду.

Помимо большого впечатления от знакомства с Атлантическим побережьем США, включая ряд городов, расположенных там, наш приезд в Майами совпал с вхождением победоносных отрядов Ф.Кастро в Гавану, всего в 90 милях от Флориды. Все эти кубинские торжества широко передавались по телевидению. Американцы в целом благосклонно встретили падение режима Батисты, хотя наплыв беженцев - его сторонников, злобно настроенных против Кастро, - создавал во Флориде довольно сложную и противоречивую эмоциональную обстановку вокруг победы кубинской революции.

В тот момент мне и в голову не приходило, что через три года, в 1962 году, я уже как посол окажусь в гуще острейших событий вокруг Кубы, а кубинский кризис поставит мир на грань ядерной катастрофы.

Встреча в Вене Хрущева и Кеннеди

В начале апреля 1960 года, когда я вновь приступил к работе в центральном аппарате МИД, в качестве заведующего отдела стран Америки, то попал в самый разгар подготовки в Москве к новому совещанию глав правительств четырех держав, которое было намечено провести в Париже 16 мая 1960 года.

На Парижском совещании предполагалось рассмотреть вопросы разоружения, прекращения испытаний ядерного оружия, заключения мирного договора с Германией, включая вопрос о Западном Берлине, вопросы отношений между Востоком и Западом.

Однако посылка американских разведывательных самолетов У-2 в воздушное пространство СССР 9 апреля и 1 мая 1960 года, а также публичное оправдание этих полетов президентом США Эйзенхауэром и госсекретарем Гертером после того, как американский самолет был сбит под Свердловском, привели к срыву Парижского совещания.

После срыва совещания в верхах в 1960 году советско-американские отношения резко ухудшились.

Поездка президента Эйзенхауэра в СССР, намеченная ранее, так и не состоялась. Охотничий домик, специально построенный для него в ожидании визита - на живописном берегу озера Байкал, - долгое время так и назывался „дом Эйзенхауэра".

В своих первых публичных выступлениях после победы на выборах 1960 года новый президент США Кеннеди заявлял о намерении своего правительства улучшить отношения с СССР и урегулировать международные проблемы путем переговоров.

В свою очередь, в приветственной телеграмме Советского правительства президенту Кеннеди от 20 января выражалась надежда на достижение

„коренного улучшения отношений" между двумя странами, а также на „оздоровление всей международной обстановки".

В ответном послании Кеннеди заявил, что он разделяет эту надежду. В ноте от 24 января правительство США подтвердило, что президент Кеннеди отдал распоряжение, запрещающее американским самолетам нарушать воздушное пространство Советского Союза.

Однако 1961 год, в течение которого я продолжал занимать должность заведующего отделом, оказался совсем не таким уж безоблачным, как это могло показаться вначале.

17 апреля 1961 года под прикрытием военных кораблей США в нескольких пунктах Кубы высадились десанты кубинских контр-революционеров. Основные бои развернулись в районе Плайя-Хирон и привели к разгрому этих десантов.

СССР резко осудил действия США.

Кубинский вопрос, который стал постоянным раздражителем в советско-американских отношениях на длительный период времени, перерос в настоящий кризис в 1962 году.

Еще в начале марта 1961 года американский посол Томпсон передал Хрущеву конфиденциальное послание президента Кеннеди с предложением организовать встречу на высшем уровне. В ходе дальнейшей переписки они договорились встретиться в Вене 3-4 июля 1961 года.

С советской стороны во встрече участвовали: Хрущев, Громыко, посол Меньшиков, Добрынин. С американской - Кеннеди, Д.Раск, Колер, Болен и Томпсон.

Примерно дней за десять до встречи в Москве состоялось специальное заседание Политбюро, посвященное подготовке позиции к встрече Хрущева и Кеннеди. Мне довелось присутствовать на этом заседании в качестве советника делегации.

На Политбюро с изложением своей позиции на встрече с Кеннеди выступил Хрущев. Надо сказать, что с самого начала он исходил из ошибочной предпосылки,, что молодого и малоопытного президента США можно, дескать, заставить уступить, в частности в берлинском вопросе, опираясь при этом на мощную группировку советских войск в Европе. Выступление Хрущева ясно свидетельствовало о его намерении оказать в Вене сильный нажим на президента Кеннеди по основным вопросам, особенно по германским делам. Советский премьер надеялся, что после недавней неудачи на Кубе Кеннеди может уступить его нажиму.

Большинство членов Политбюро, не зная хорошо Кеннеди и международных дел, поддержало тактическую линию Хрущева. Лишь один Микоян высказал сомнения. По его мнению, приход к власти молодого президента надо было использовать не для наскоков и нажима, а для попытки завязать с ним разумный, конструктивный диалог в расчете на позитивное развитие советско-американских отношений. Нажим может оказаться контрпродуктивным, если президент окажется „с характером".

Хрущев разгорячился. Он утверждал, что создалась благоприятная ситуация, которую нельзя упускать. Микоян, увидев, что он явно в меньшинстве, не стал больше спорить, сказав, что он „лишь за осторожность". Громыко уклонился от участия в этом споре.

Итак, 3 июля 1961 года в Вене началась двухдневная встреча глав правительств СССР и США.

Переговоры шли без четко определенной повестки дня, хотя и было условлено, что состоится обмен мнениями о развитии отношений между США и СССР, а также по широкому кругу международных проблем.

Президент Кеннеди заявил, что его беспокоит тот факт, что СССР стремится ликвидировать капиталистическую систему в других странах и уничтожить американское влияние там, где оно традиционно проявлялось. Сказал далее, что в настоящее время советско-китайский блок, с одной стороны, и США с их западноевропейскими союзниками, с другой, находятся с точки зрения соотношения сил в состоянии равновесия. Поэтому, когда происходит резкое изменение равновесия, то это становится „предметом озабоченности США".

Хрущев в ответ с горячностью говорил, что СССР не вмешивается в дела других стран, что он против экспорта революций, но одновременно выступает и против экспорта контрреволюции.

Центральным и наиболее напряженным на встрече стало обсуждение германского вопроса. Хрущев в свойственной ему наступательной манере изложил свои мысли по урегулированию этого вопроса. По существу, советский премьер поставил Кеннеди перед выбором: или совместно подписать соглашение, признающее существование двух Германий (ФРГ и ГДР), или он, Хрущев, должен будет подписать сепаратный договор с Восточной Германией не позже декабря, после чего, оккупационные права западных держав в Берлине и свободный доступ к городу „перестанут существовать". Западный Берлин как самостоятельное образование может существовать как и раньше, но его коммуникации с внешним миром будут контролироваться восточными немцами. Никакие задержки в осуществлении этих мер не будут допускаться.

Любые попытки со стороны Запада вмешаться в их осуществление, с горячностью заявил он по ходу дискуссии, могут тогда привести даже к войне.

Как рассказывали впоследствии американские участники этой встречи, президента Кеннеди все это встревожило. У него сложилось мнение, что длительный кризис в отношениях с Хрущевым из-за германской проблемы неминуем.

Надо сказать, что упоминание Хрущевым о возможной войне ставило целью убедить Кеннеди в серьезности положения и необходимости решения проблемы на предлагаемых Хрущевым путях. В действительности же, когда все эти вопросы обсуждались на заседании Политбюро (тогда оно называлось Президиумом) в преддверии венской встречи, никто и не помышлял о военной конфронтации с США. Это исключалось. Речь шла лишь об оказании нажима на Кеннеди. Хрущев тут явно блефовал (сознательно или эмоционально - трудно сказать). Но должен прямо сказать: Хрущев опасался войны и, разумеется, совсем не рассматривал такую альтернативу из-за германских дел.

Кеннеди признал, что положение в Западном Берлине и Германии в целом является ненормальным, однако, сказал он, время для предлагаемых изменений не наступило. Он призвал Хрущева „не нарушать нынешнее равновесие сил". Президент предлагал отложить рассмотрение германского вопроса. Хрущев же продолжал настаивать на своем, говоря, что решение СССР подписать не позже декабря мирный договор с ГДР с вытекающими из этого последствиями принято и никакие угрозы со стороны США его не остановят.

Короче, когда они разъехались, вопрос этот превратился в тлеющий бикфордов шнур. Кеннеди, уверенный в серьезности угроз Хрущева, стал готовиться к военным контрмерам. Хрущев же продолжал занимать достаточно жесткую позицию, не переступая, впрочем, опасной черты. Переговоры по германскому вопросу и Западному Берлину велись напряженно, и напряженность вокруг этих вопросов сохранилась на долгие месяцы.

В ходе обмена мнениями в Вене обсуждался также вопрос о прекращении ядерных испытаний. Хрущев указал, что проведение трех инспекций ежегодно соответственно на территориях СССР, США и Англии вполне достаточно для проверки соблюдения соглашения о прекращении ядерных испытаний. (Хрущев вообще впервые соглашался на такие инспекции внутри СССР.) Кеннеди, в свою очередь, настаивал на более строгих мерах контроля, на увеличении числа ежегодных инспекций. Вопрос о контроле так и остался неразрешенной проблемой.

Короче, на встрече в Вене обеими сторонами были упущены определенные возможности поставить вопрос о прекращении ядерных испытаний на практические рельсы: важно отметить, что в этот момент и США, и СССР говорили о **полном** запрещении испытаний во всех сферах, включая и подземные. Как известно, последующие дискуссии привели позже к соглашению лишь по трем сферам.

Интересно отметить, что в ходе обсуждения кубинских дел президент США в личной беседе с Хрущевым признал, что кубинская операция была его ошибкой, совершенной в результате неверной информации, полученной им от Центрального разведывательного управления США.

В целом встреча в Вене между Хрущевым и Кеннеди (она оказалась единственной) была важной с точки зрения дальнейшего хода событий. Хрущев уехал с этой встречи все еще недооценивая решимость Кеннеди защищать свои позиции. Кеннеди же, пожалуй, несколько переоценивал готовность Хрущева к решительным действиям вокруг Берлина, начав сам подготовку к возможной пробе сил. У меня же осталось впечатление от их встречи в Вене, что у Хрущева был неплохой шанс установить там более конструктивные личные отношения с новым президентом, но он упустил этот шанс и реальную возможность улучшения принципиального взаимопонимания с Кеннеди.

Меня назначают послом в США

В конце 50-х годов Хрущев ввел одно новшество, при рассмотрении внешнеполитических вопросов на заседаниях Политбюро. Прежде на таких заседаниях от МИД присутствовал лишь один министр. Хрущев стал вызывать на обсуждение соответствующих пунктов повестки дня заседаний Политбюро и заведующих наиболее важных отделов министерства.

Хрущев часто спрашивал их мнение по разным аспектам обсуждаемого вопроса, причем делал это до того, как выскажет свое мнение министр. Расчет был прост: если сперва выступит министр, то заведующий отделом вряд ли посмеет ему противоречить, но когда его спрашивали первым, то тут, как говорится, он должен был „думать сам", полагаясь лишь на свое знание предмета и высказывать свои, порой не совсем ординарные или стандартные мысли, чего, собственно, и добивался Хрущев.

Такому „допросу" по американским делам порой подвергался и я. При этом обычно у Хрущева - особенно после выходного дня, когда, по его выражению, он „гулял и думал", - рождалось немало самых разнообразных идей: от действительно интересных до практически нереальных, хотя и броских с первого взгляда.

В последнем случае непросто было высказывать ему критическое мнение, особенно в присутствии других членов Политбюро. Однако вопросы подчас были слишком важными, чтобы „лукавить", и приходилось, хоть и дипломатично, говорить то, что думаешь („Ваше предложение интересно, но американцы не оценят и не примут его").

Такие ответы вызывали подчас недовольство Хрущева. Но последующая реакция из Вашингтона часто оказывалась близка к высказанному мною мнению.

4 января 1962 года состоялось очередное заседание Политбюро. На нем рассматривался ряд вопросов, касающихся отношений с США, поэтому был приглашен и я. В конце обсуждения Хрущев сказал, что у него остался еще один вопрос „вне повестки дня" - о назначении нового посла в США в связи с уходом Меньшикова на пенсию.

Ожидая, что Хрущев может спросить мое мнение на этот счет, я стал лихорадочно перебирать в уме возможные кандидатуры.

Однако он не стал ничего спрашивать (как после выяснилось, члены Политбюро обсуждали уже этот вопрос в узком кругу еще до начала заседания, но я не знал этого). Хрущев сказал, что у него есть одна кандидатура. В полушутливой форме он добавил, что лучше всего, видимо, назначить на этот пост человека, который часто умеет отгадывать реакцию американцев на то или иное его предложение. „Ему и карты в руки". И тут он назвал мою фамилию, спросив, какое будет мнение на этот счет.

Члены Политбюро заулыбались, „Поддерживаем, поддерживаем", -сказали они. Хрущев подытожил: „На этом решим", - после чего поздравил меня с назначением.

Для меня действительно все это было полной неожиданностью. Я и не думал об этом. Мае исполнилось всего 42 года, и я еще ни разу не был послом ни в какой стране. А тут назначение на пост № 1 в советском дипломатическом корпусе.

Когда я пришел домой и сообщил жене, она сперва тоже не поверила. „Вечно ты шутишь". Да я и сам как-то еще не освоился с этой мыслью. Лишь когда нам домой позвонил Громыко и поздравил с назначением, только тогда до нас обоих стала доходить ожидавшая нас крутая перемена и в жизни, и в работе.

Так я стал девятым по счету советским послом в Америке (после Трояновского, Уманского, Литвинова, Громыко, Новикова, Панюшкина, Зарубина и Меньшикова). Но я, разумеется, не знал и не мог даже предполагать, что пробуду на этом посту почти четверть века (1962-1986). Много прожито. Много пережито.

Начался совершенно новый этап в моей жизни.

ЧАСТЬ

II

ПРЕЗИДЕНСТВО ДЖОНА КЕННЕДИ, 1961—1963 ГГ.

Вручение верительной грамоты президенту Д.Кеннеди.
Апрель 1962 года

1. ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ В ВАШИНГТОНЕ

Инструкции Москвы

Итак, 15 марта 1962 года я прибыл в Вашингтон в качестве советского посла. Накануне отъезда я зашел к Громыко для получения инструкций. Он тепло попрощался и сказал, что никаких особых наказов не собирается мне давать: „Мы с Вами в течение последних двух лет встречались чуть ли не каждый день по американским делам, - сказал он. - Единственный личный совет, который я хотел бы высказать, заключается в том, чтобы Вы не торопились давать каких-либо скороспелых оценок по тем или иным действиям американской администрации, даже если внешне они и могли носить какой-то сенсационный характер".

Поясняя свою мысль, он заметил, что мне, конечно, известно, что порой разные члены Политбюро по-разному оценивают события в советско-американских отношениях и подчас довольно эмоционально воспринимают их (намек на Хрущева). Поэтому моя задача - давать в Москву серьезную, солидную, аргументированную информацию, не сбиваясь „на мелочи".

Вообще должен сказать, что, хотя Громыко был известен как „железный министр", который всегда целиком и полностью выполнял решения Политбюро ЦК, не отступая от них ни на шаг в любых переговорах с Вашингтоном, в целом же он не был убежденным сторонником конфронтации с США и старался по возможности избегать их. Он ценил элементы стабильности в этих отношениях, хотя и не настаивал должным образом на своем мнении, если это расходилось с мнением напористого Хрущева. (Надо отдать должное Громыко: в частном разговоре с ним он обычно высказывал откровенно свою точку зрения, но не доводил дело до серьезного спора, тем более в присутствии других членов советского руководства.)

Побывал я перед отъездом, конечно, и у Хрущева. Его наказ был энергичен: твердо защищать и продвигать интересы Советского Союза и „не поддаваться на провокации". Вместе с тем я услышал из его уст и немножко необычный для него совет: „Не задираться без нужды". Он прямо сказал, что война с США недопустима и что я всегда должен исходить из этого. Это - главное.

Затем он дал оценку нашим отношениям с США. Говорил он, как всегда, эмоционально. Из сказанного им было видно, что основной задачей на тот момент в советско-американских отношениях он ставил решение германского вопроса и проблемы Западного Берлина (в духе того, что он говорил Кеннеди в Вене: заключение мирного договора с двумя германскими государствами, ФРГ и ГДР, при этом Западный Берлин будет наделен статусом „вольного города"). Такое решение должно было, по его мнению, внести стабильность в положение послевоенной Европы и несколько ограничить влияние США в возрождавшейся Германии. Последняя же по-прежнему оставалась предметом озабоченности советского руководства, особенно с точки зрения возможности получения западными немцами ядерного оружия в свои руки.

Резко критиковал он и стремление американцев развивать свое стратегическое ядерное превосходство, что делало их, по его словам, „особенно нахальными". В качестве примера он сослался на размещение американских ядерных ракет в Турции, „под самым носом у Советского Союза". „Надо постепенно укорачивать им руки", - заявил он. Однако эту свою мысль он не развивал. Возможно, у него уже были планы размещения советских ракет на Кубе. Но он ни словом не обмолвился об этом в беседе со мной.

О президенте Кеннеди говорил уже более уважительно, чем, скажем, год назад. Теперь Хрущев считал, что хотя президент и молодой, но „человек с характером". И все же у него проскальзывали нотки, что надо продолжать оказывать нажим на Кеннеди в расчете на успех. Он считал, что вторая встреча с ним могла бы быть полезной.

После беседы с Хрущевым у меня не сложилось впечатление, что он исходил из возможности крупного конфликта с США в обозримом будущем, хотя напряженность в отношениях (главным образом из-за германских дел) будет, по его оценкам, время от времени сказываться. В общем, особой тревоги у Хрущева не было, когда он „благословил" меня на этот пост.

Конфиденциальный канал

Следует сказать, что в период после отъезда посла Меньшикова домой 4 января и до моего приезда в Вашингтон в марте, между Хрущевым и Кеннеди продолжался негласный обмен мнениями.

В течение нескольких месяцев между ними действовал конфиденциальный канал связи через корреспондента ТАСС в Вашингтоне Георгия Большакова и брата президента Роберта Кеннеди, а также пресс-секретаря президента Пьера Сэлинджера. Большаков, работавший под „крышей" ТАСС, был сотрудником нашей военной разведки в чине полковника, но ему категорически запрещалось заниматься какими-либо другими делами, помимо этой связи. У него установились хорошие личные отношения с сподвижниками президента - он бывал у них дома, играл в теннис и т. п

Большаков был исполнительным офицером, умевшим хранить в тайне свою связь (даже посол Меньшиков не знал о ней). Однако его серьезным недостатком было то, что он плохо знал дипломатическую сторону наших отношений с администрацией Кеннеди, не был в курсе деталей некоторых переговоров или позиций обеих сторон. Он, по существу, был хорошим „почтовым ящиком", но не более, поскольку давал мало дополнительной информации в силу того, что не мог достаточно квалифицированно вести беседы с Р.Кеннеди и Сэлинджером по широкому кругу вопросов. Более того, он порой неправильно интерпретировал их высказывания. Учитывая все это, Громыко, с одобрения Хрущева, поручил мне постепенно взять связи Большакова на себя, хотя и продолжать его использовать в отдельных случаях.

В первые месяцы моего пребывания в Вашингтоне действовали как бы два конфиденциальных канала: один старый - через Большакова, второй постепенно завязывавшийся - через меня. Я замыкался прямо на Громыко и Хрущева и вел - .с их ведома и по их поручениям - официальный, хотя и негласный доверительный диалог.

Канал Большакова носил менее систематизированный характер, и по нему шел „более свободный" разговор с Р.Кеннеди. Соответственно и с нашей стороны он был с самого начала организован по-другому.

Шифрованные донесения Большакова (по военной линии посольства) попадали, минуя Громыко, только начальнику Главного разведывательного управления Генерального штаба Советской Армии, который их докладывал непосредственно министру обороны. Последний (поскольку оба министерства всегда соперничали) обычно докладывал депеши Большакова прямо Хрущеву, далеко не всегда информируя о них Громыко, либо кратко излагал ему их суть. В результате Хрущев давал указания, как реагировать на эти депеши непосредственно министру обороны, который и посылал инструкции Большакову. При этом Хрущев не всегда консультировался с Громыко.

Кроме того, когда Большаков приезжал в отпуск или в командировку, то встречался с хорошо знакомыми ему людьми из ближайшего окружения Хрущева - Микояном и Аджубеем. Им он рассказывал в доверительном плане о своих встречах в Вашингтоне. Они, в свою очередь, охотно давали ему советы, как надо вести себя с Робертом Кеннеди и с окружением президента. Микоян порой согласовывал свои советы с Хрущевым и даже иногда от его имени поручал Большакову сказать что-то сподвижникам президента США, в первую очередь Р.Кеннеди или Сэлинджеру.

Как правило, наше Министерство иностранных дел, включая министра, мало знало обо всем этом. Правда, Большаков по своей инициативе информировал меня (насколько точно - трудно сказать) о своих беседах с Р.Кеннеди, спрашивал меня, как лучше вести себя при разговорах по конкретным политическим вопросам, которые он не знал глубоко и порой не очень удачно импровизировал в беседах с братом президента. В результате в Белом доме получали по двум нашим каналам сообщения, которые подчас отличались в нюансах.

Подозреваю, что канал Большакова накануне кубинского кризиса все больше использовался нашей разведкой (надо полагать, с благословения самого Хрущева) для дезинформации администрации Кеннеди насчет наших военных планов на Кубе. Фактически советское руководство использовало для этих целей и официальные дипломатические каналы, но делалось это не так уж прямолинейно. Понадобилось немало усилий, чтобы после кубинского кризиса постепенно восстановить отношения доверительности между Кремлем и Белым домом по конфиденциальному каналу, который после отъезда Большакова домой целиком замкнулся на меня.

17 января 1962 года Роберт Кеннеди в беседе с Большаковым остановился на вопросе о Западном Берлине, который продолжал оставаться наибольшим раздражителем в советско-американских отношениях.

У брата и у меня, сказал Р.Кеннеди, складывается впечатление, что в Москве еще не совсем понимают стремление президента достичь соглашения. Президент хочет соглашение с СССР по Западному Берлину. Война из-за Западного Берлина бессмысленна, но США, как и СССР, готовы к ней. Но неужели нам нужно воевать из-за этого немецкого города? Мы уважаем Советский Союз, понимаем его интересы. Поймите же и вы наше положение, наши интересы. В настоящее время США просто не могут покинуть Западный Берлин, однако мы готовы дать Советскому Союзу любые гарантии, что не передадим западным немцам ядерного оружия, не Допустим, чтобы они производили его. Мы можем, наконец, договориться о

постепенном отводе в будущем американских войск из Западной Европы, а советских войск - из Восточной Европы.

Большаков доложил об этом разговоре в Москву. Надо сказать, что, хотя вопрос о выводе американских войск из Европы всегда был одним из приоритетных направлений советской внешней политики, вопрос об одновременном выводе и советских войск обычно вызывал неодобрение в Политбюро из-за опасений, что это скажется на стабильности режимов в странах Восточной Европы. Вот почему на высказывание Р.Кеннеди о возможном взаимном выводе войск из Европы Москва никак не среагировала.

В конце января в Вашингтон прибыл Аджубей, зять Хрущева, главный редактор газеты „Известия". Громыко не любил острого на язык Аджубея, который открыто подсмеивался над сухостью и предсказуемостью советского министра. Последний же всегда опасался, что увлекающийся Аджубей (особенно когда он был навеселе) мог от себя наговорить или нафантазировать вещи, которые не являлись советской официальной позицией, но воспринимались иностранными собеседниками со всем вниманием, учитывая его близость к Хрущеву.

Аджубей, который дважды во время этой поездки встречался с президентом Кеннеди в Белом доме, привез устное послание от Хрущева. Текста или подробного изложения послания нет в архивах. По словам самого Аджубея, в послании развивались мысли Хрущева, высказанные президенту при их встрече в Вене. Вместе с тем Аджубей сделал короткую запись высказываний президента по конкретным вопросам. Вот что сказал Кеннеди:

О Кубе. Если я выставлю свою кандидатуру на следующих выборах, а кубинский вопрос останется в том же положении, как сейчас, то Куба явится основной проблемой предвыборной кампании. Мы должны что-то предпринять.

На реплику Аджубея, что это - тревожное заявление, президент ответил: „Хочу еще раз заявить, что США не нападут на Кубу и не имеют планов вторжения".

О Европе. Германский вопрос жизненно важен для нас и для вас. Давайте искать сближения точек зрения. Нам трудно по ряду причин признать ГДР, но за три-пять лет положение стабилизируется, прояснится. Повысится престиж ГДР. Трудно предвидеть, что произойдет в ближайшие годы. Не лучше ли условиться о временной договоренности на срок, положим, в 3-5 лет. Мы готовы на переговоры. Однако пусть премьер Хрущев и другие ваши руководители поймут меня правильно и, если хотите, войдут в мое положение - по некоторым вопросам я просто не в состоянии что-либо сказать. Например, вопрос о пребывании войск США, Англии и Франции в Западном Берлине. Я согласен, что термин „открытый режим" не подходит. Но поймите, что мы не можем ни уйти из Западного Берлина, ни согласиться с нахождением в нем советских войск. Это было бы нашим поражением, которое было бы истолковано Западной Германией, да и Францией как предательство их интересов. Поэтому мы на это пойти сейчас не можем.

Теперь о границах. Если речь идет о тех границах, которые сложились после войны у всей Германии, мы готовы признать их. Границы же по Эльбе между ФРГ и ГДР мы признать сейчас не согласимся, так как США будут вынуждены вступить в контакты лично с Ульбрихтом, это нас очень пугает. С ним трудно разговаривать. Я боюсь, что тупик в переговорах по

Западному Берлину и по более широкому кругу вопросов подтолкнет определенные круги в ФРГ и во Франции к опасным шагам. С этим будет трудно бороться. Западная Германия скоро может иметь свое ядерное оружие, и тогда угроза миру станет еще большей.

В заключение Кеннеди резюмировал: достижение взаимопонимания между США и СССР создаст более миролюбивые настроения во всем мире. Я хотел бы, чтобы в Москве с пониманием отнеслись к идее временной договоренности, согласившись решить сейчас некоторые спорные вопросы, которые не задевают остро престиж СССР и США. Улучшение атмосферы быстрее двинет нас вперед. Людям западного мира нужно некоторое время для психологического осмысления событий в ГДР, на Кубе, в КНР и т. д. Время поможет делу улучшения отношений. Мы за сокращение войск США и СССР в Европе. Если будет решена берлинская проблема - а я согласен с вашим премьером, что это заноза в теле Европы, - то можно будет говорить о сокращении войск в Европе, об их разъединении.

Вторая беседа президента с Аджубеем касалась только германских дел. Вопрос состоит в том, сказал президент, намерен ли СССР подписать широкий договор и тогда проверить, что произойдет, или он готов искать договоренность по тем вопросам, по которым согласие может быть достигнуто. Каждая сторона знает, что неприемлемо для другой.

Президент подчеркнул, что берлинская ситуация опасна для обеих сторон, хотя Хрущев, возможно, считает, что он находится в выгодном положении с точки зрения географии. Кеннеди предложил, чтобы посол США в СССР Томпсон и Громыко говорили о конкретных проблемах, а не просто повторяли хорошо известные позиции обеих сторон.

15 февраля Сэлинджер передал через Большакова доверительное послание Кеннеди Хрущеву. Президент предлагал не угрожать друг другу, не обострять ситуацию, а признать общую ответственность за терпеливое продолжение поисков совместного решения вместо того, чтобы предпринять какие-либо опрометчивые односторонние действия, которые могли бы создать опасность миру, существующему ныне в Германии (в частности, речь шла о берлинских воздушных коридорах).

Тем временем жизнь шла своим чередом, порождая порою курьезы. В середине марта Р.Кеннеди обратился к Большакову с необычной просьбой: будучи в тюрьме в г. Атланте Абель (советский разведчик, осужденный по обвинению в шпионаже), нарисовал очень хороший портрет его брата, президента Кеннеди. И им хотелось бы знать, не будет ли Абель возражать, если портрет передадут в Белый дом. Он вообще очень хороший художник и оставил в Атланте много хороших картин, сказал Р.Кеннёди. Судьба этих картин осталась неизвестной.

Все это происходило до моего приезда в Вашингтон 15 марта уже в качестве советского посла. Так получилось, что из Нью-Йорка в американскую столицу я ехал в одном вагоне с заместителем директора ЦРУ Алленом Даллесом. Когда мы выходили из вагона в Вашингтоне, нас встречала большая группа корреспондентов. Откровенно говоря, я думал, что это встречают Даллеса. Да, судя по всему, так думал и сам Даллес. Оказалось, однако, что встречали они не его, а нового посла СССР в США. Даллес был заметно разочарован. Для меня же это было первое испытание „на прессу". Все обошлось благополучно: характер вопросов был благожелательный. К тому же я был хорошо знаком с рядом корреспондентов по своей предыдущей работе в Вашингтоне.

Посольство, в котором мне предстояло жить и работать, находилось в старинном четырехэтажном особняке на 16-й улице на расстоянии всего трех кварталов от Белого дома. Так получилось, что наше здание „географически" было ближе всех других посольств к резиденции президента США, хотя политически, к сожалению, в те годы находились они на разных полюсах.

Здание посольства было куплено царским правительством у семьи известного американского промышленника Пульмана еще в 1913 году. По тем временам оно по размерам было довольно просторным. В штате посольства, помимо посла (он был в ранге посланника), были лишь еще один советник и два секретаря, а также кучер и личная прислуга.

Когда же я приехал, то в посольстве размещались уже около 100 дипломатических и технических сотрудников. Теснота была страшная. Помимо посла, только советник-посланник имел отдельный кабинет. В остальных комнатах работали по 5-7 человек. Так продолжалось много лет.

Два слова о моем рабочем кабинете в посольстве. Я прибыл в Вашингтон в период, когда в полном разгаре была „война разведок" и кампания „шпиономании". В период президентства Ф.Рузвельта этот кабинет имел два хороших больших окна, выходивших на небольшую лужайку и главную улицу. Однако затем оба окна изнутри были плотно замурованы кирпичами (хотя внешне окна со стеклами остались, но они, конечно, не открывались). Образовалась каменная коробка, внутри которой построили комнату. Между стенами циркулировало магнитное поле - защита против подслушивания извне. Так был создан, как утверждалось, „защищенный кабинет".

Не знаю, насколько все это было эффективно, но почти четверть века я проработал в этой безоконной „камере" с постоянным электромагнитным облучением, опоясывавшим весь мой кабинет. Не говоря уже о психологическом эффекте постоянного глухого заточения (как говорится, без света божьего), работа в таком кабинете, несомненно, оказывала какое-то физиологическое воздействие на организм, но наука тогда не видела в этом большого вреда.

Служебный кабинет находился на втором этаже. На третьем этаже была небольшая посольская квартира из трех комнат с кухней. Этот этаж почти соседствовал с крышей другого (не нашего) здания, откуда, вообще говоря, можно было забраться в нашу квартиру.

Так, собственно, и случилось за полгода до моего приезда в Вашингтон, когда мой предшественник находился в отъезде в Нью-Йорке. Злоумышленник по крыше соседнего дома пробрался в квартиру посла, взял несколько вещей, а уходя, поджег спальню. К счастью, дежурный комендант вовремя заметил огонь, который и был потушен сотрудниками посольства.

После этого вокруг посольства были установлены телевизионные камеры, а также усилена наружная охрана. До этого случая министерство экономило валютные расходы и не давало достаточно денег для установки специальной системы охраны; попытка поджога ускорила решение этого вопроса, и больше таких случаев не повторялось. Как говорит русская пословица: „Пока гром не грянет, мужик не перекрестится".

Надо сказать, что в первые десять с лишним лет работы в Вашингтоне послом у меня, не было личной охраны. В обычные дни я ездил по служебным делам вместе с шофером. По субботам и воскресеньям я отпускал шофера и сам водил автомашину. С женой, а затем и с внучкой, мы

выезжали за город на отдых или за покупками. Однако когда антисоветская кампания в США и террористические акты против советских учреждений в США (особо бесчинствовала группа Кахане) серьезно осложнили обстановку, Правительство СССР решило выделить мне одного охранника. Он должен был сопровождать меня во всех поездках вне посольства.

Но я продолжал ездить с шофером, считая, что один охранник все равно не поможет, а постоянное присутствие сопровождающего меня как-то стесняло и подсознательно поддерживало состояние какой-то тревоги и озабоченности. Узнав, что я по-прежнему не пользуюсь услугами охранника, Политбюро прислало мне необычную телеграмму: „Вы принадлежите не самому себе, а государству и представляете, как посол, ценность для страны. Извольте выполнять постановление правительства". Пришлось подчиниться.

Болезненной проблемой для всех советских посольств за границей была довольно низкая зарплата. Жесткая экономия валюты сказывалась на жалованье сотрудников и нашего посольства. Наша зарплата была значительно ниже американских стандартов или окладов сотрудников посольств других стран.

Большинство послов в Вашингтоне получало в 2-3 раза больше, чем я (кстати, американский посол в Москве имел зарплату в 4-5 раз выше моей). Среди посольств стран Восточной Европы мы и Болгария были на последнем месте. При этом никакой индексации жалованья не было.

За двадцать лет моего пребывания в посольстве заработную плату нам повысили всего один раз. Да и это повышение произошло довольно странным образом. На одном из заседаний Политбюро в конце 70-х годов после моего очередного сообщения о работе посольства Брежнев, одобрив нашу работу, спросил, не нужна ли какая-либо помощь посольству.

Я сказал, что у нас лишь одна просьба: несколько повысить зарплату. Обращения посольства в МИД и Министерство финансов все время отклоняются, мы получаем стандартный ответ: „Нет валюты", - хотя наше посольство находится в числе низко оплачиваемых. Привел и такой пример: после очередного повышения зарплаты в посольстве Румынии шофер посла стал получать столько же, сколько советник нашего посольства.

Это сравнение с румынами произвело впечатление на членов Политбюро. Нам повысили зарплату на 17 процентов. В следующий раз зарплату сотрудникам посольства повысили лишь в 1993 году.

Первые встречи с госсекретарем и президентом

Сразу после приезда я включился в работу посольства, знакомился с сотрудниками, проводил совещания, начал готовить информацию в Москву о своих первых впечатлениях и наблюдениях.

Начало моей службы облегчалось тем, что я уже неплохо знал страну, ее основные официальные институты, обычаи, а также имел немало знакомых и друзей среди американцев. Моей ближайшей задачей было установление возможно большего числа контактов с новой для меня администрацией Кеннеди и с вашингтонским истэблишментом, среди дипкорпуса, прессы, деловых кругов и т. п.

Однако официально я не мог считаться еще послом, пока не вручил верительных грамот президенту Кеннеди, а до этого я должен был встретиться с госсекретарем Дином Раском.

Перед вручением верительных грамот президенту Кеннеди меня принял госсекретарь Раек. Встреча носила неформальный характер. Он сказал, что рад возобновить знакомство со мной (мы с ним встречались ранее в Нью-Йорке, когда я работал заместителем Генсекретаря ООН, а он был директором Фонда Рокфеллера).

К сожалению, сказал Раек, так получилось, что у меня не установились личные контакты с вашим предшественником, послом Меньшиковым, которые позволили бы в неофициальном порядке время от времени обмениваться соображениями по различным вопросам. Однако я надеюсь на установление такой практики с Вами. Эти встречи можно будет провести и вне госдепартамента - вечером у меня дома или в выходной день на яхте. Это было бы полезным дополнением к официальным беседам.

Я выразил, разумеется, согласие с такими его соображениями.

Каких-либо политических вопросов мы с ним не обсуждали.

Так началось наше активное и тесное взаимодействие с Раском, как официальное, так и неофициальное, которое продолжалось около семи лет. Всякое случалось в мире за это время, но между нами всегда сохранялись постоянные уважительные отношения, позволявшие вести, в случае необходимости, откровенный разговор.

Раек придерживался консервативных взглядов и упорно их отстаивал (не менее упорно, чем Громыко). Но он никогда не стремился к дешевым пропагандистским трюкам или обманным маневрам. Данному им слову можно было верить. Раек не был генератором новых идей, оставляя это за президентом. Он вообще не спешил менять свои взгляды во внешней политике. С ним можно было соглашаться или не соглашаться, но ясность в его позиции всегда была. Он отличался также осторожностью, стремлением избегать ненужной конфликтности, но не аргументированной полемики. Вообще - это был „джентльмен из южного штата Джорджия".

Свои верительные грамоты я вручил президенту Кеннеди 31 марта. Признаюсь, я несколько волновался перед этой церемонией, первой в моей дипломатической жизни. Я знал, что в Москве она проходила торжественно. Наш глава государства (или его заместитель) принимал нового иностранного посла в одном из наиболее красивых залов Кремля. Сотрудники МИД, присутствовавшие на церемонии, надевали в этих случаях официальную форму (черное с золотом), которую ввел еще Сталин. После вручения грамот полагалась беседа главы государства с послом, в основном протокольного порядка, хотя случались и серьезные деловые беседы в зависимости от обстоятельств.

В госдепартаменте меня предупредили, что у них все это проходит гораздо проще. У американских дипломатов, например, вообще нет никакой специальной формы одежды. Нет и никакого отдельного помещения для вручения грамот. Все происходит в рабочем кабинете президента в Белом доме. Я решил поэтому также не надевать свою парадную форму, а быть в обычном костюме, чтобы показать свою готовность с самого начала вести деловой разговор.

Когда я приехал к Белому дому, меня встретил заведующий протокольным отделом и прямо провел мимо стоявших у входа двух морских пехотинцев в кабинет президента.

Президент уже был там. Держался он просто, дружественно. Никаких официальных церемоний вручения верительных грамот. Было все обыденно: он взял у меня грамоты, сказал, что уже читал их (копии грамот были, как принято, заранее переданы в госдепартамент) и сразу перешел к разговору. Из-за болезни спины он сидел в кресле-качалке рядом с диваном, на который меня пригласил сесть.

Затем за чашкой кофе начался разговор один на один. Должен сказать, что я нарушил давнюю традицию советских послов в Вашингтоне, придя на беседу без переводчиков и без советников. Эта традиция объяснялась двумя причинами: во-первых, большинство наших послов в тот период не умело свободно говорить по-английски. Во-вторых, во времена Сталина считалось, что с иностранцами лучше говорить „при свидетелях". Я не был связан этими обстоятельствами. Главное же, беседа без „записывающего" сотрудника всегда носит более неофициальный, свободный характер. Именно такая практика бесед у меня установилась с большинством высших официальных лиц администрации США. Конечно, меня выручала хорошая память, позволявшая почти стенографически записывать позже, уже в посольстве, содержание бесед. Не было ни одного случая в моей длительной практике, когда бы оспаривалась впоследствии точность изложения мною позиций американской стороны.

В начале разговора я передал президенту привет и добрые пожелания от Хрущева. Он ответил тем же.

Затем он стал живо вспоминать „об интересной встрече", которую имел с советским премьером год назад в Вене, где я тоже присутствовал. Президент сказал, что надеется в будущем на новую встречу с ним. Сейчас трудно предсказывать возможный срок такой встречи, добавил он, поскольку хотелось бы, чтобы до нее было хоть что-то согласовано заранее или подготовлено к согласованию на уровне глав государств.

На вопрос, что именно, по его мнению, можно было бы подготовить к такой встрече, Кеннеди ответил, что над этим надо еще подумать, но, видимо, речь в любом случае зайдет о германских делах и Западном Берлине. Он выразил надежду на такую встречу в течение еще 1962 года. Нужда в этом, судя по всему, есть, заметил он. Я поддержал идею о встрече.

Конкретных вопросов президент подробно не обсуждал, сказав, что для этого будет еще время и что я могу рассчитывать на его содействие в своей работе как посол.

Кеннеди просил передать в Москву его благодарность за заботу о его больном отце (ему были присланы заключение и подробные рекомендации наших ведущих врачей).

В конце встречи президент провел меня по кабинетам своих основных помощников (Банди, Соренсена, Сэлинджера) и познакомил с ними, давая им краткие шутливые характеристики. Он показал также некоторые экспонаты, которые были подарены ему в разное время, особо обратив внимание на модель корабля из моржовой кости, полученной им в подарок от Хрущева. Среди картин в Белом доме неожиданно встретились два небольших полотна известного российского мариниста Айвазовского с весьма редкой для него „земной тематикой": „Зима в Санкт-Петербурге". Обе картины были отданы в Белый дом на некоторое время из частной коллекции.

Президент, если сравнивать его с прежним Кеннеди (на встрече в Вене), смотрелся уже как человек, уверенно держащий в руках бразды правления.

Судя по отдельным его высказываниям и обмену репликами с ним по различным вопросам, я чувствовал, что он неплохо владеет материалом, касающимся советско-американских отношений.

Забегая вперед, скажу, что чем чаще я встречался с президентом, тем больше убеждался в том, что это был человек сильного, независимого характера. Внешне он всегда был выдержанным и любезным, сохранял полное спокойствие. Наши беседы касались самых острых вопросов международного положения и советско-американских отношений. Он не уклонялся от разговора по существу. Но, стараясь показать, что готов искать пути к конструктивному и взаимоприемлемому решению проблем, президент в большинстве случаев проявлял упорство в отстаивании и аргументации официальной позиции. К этим острым темам мы возвращались неоднократно, но, как правило, каждая сторона оставалась при своем мнении. Исключение, пожалуй, составлял один вопрос г прекращение испытаний ядерного оружия в трех сферах, в котором президент проявил готовность к сдвигам.

Важной особенностью президента Кеннеди было и то, что он все время как бы оставлял открытыми каналы для диалога между двумя правительствами, даже в периоды резкого ухудшения наших отношений. Это сыграло впоследствии большую роль при урегулировании кубинского кризиса и установлении прямой „горячей связи" между высшим руководством обеих стран.

В то же время за приятными манерами президента и его готовностью к спокойному диалогу скрывалось стремление максимально активизировать внешнюю политику и военную стратегию США. Появилась новая стратегия „гибкого реагирования", которая предполагала готовность США к военным действиям при любых ситуациях. Усилилась при Кеннеди и гонка ядерных вооружений.

Возвращаясь к своей первой беседе с президентом Кеннеди, скажу, что я суммировал свои впечатления о нем в своем докладе в Москву следующим образом: „Мы имеем сейчас дело с достойным оппонентом с американской стороны".

Несколько слов о моих сообщениях в Москву. Сразу после бесед с президентом, госсекретарем или другими видными официальными представителями я обычно посылал информационные шифротелеграммы об этих встречах. Я не диктовал эти телеграммы стенографистке или кому-либо из дипломатов, а писал всегда сам от руки. Такова была многолетняя привычка, да к тому же это позволяло соблюдать максимальную конфиденциальность переписки с Москвой. В курсе этой переписки был лишь советник-посланник, который оставался временным поверенным в делах в мое отсутствие (Георгий Корниенко, Юлий Воронцов, Александр Бессмертных, Владиллен Васев, Олег Соколов, Виктор Исаков, ставшие затем известными дипломатами). Бывали, правда, отдельные так называемые „особые" телеграммы личного порядка, которые предназначались только для посла.

После вручения верительных грамот началась моя полнокровная деятельность в качестве посла. Встретился с ведущими официальными представителями администрации Кеннеди. В ходе этих встреч завязывались и беседы по существу. Общее первое впечатление от этих бесед: в советско-американских отношениях, несмотря на наличие ряда проблем, которые мы обсуждали, не было серьезного продвижения вперед, равно как и ближайших перспектив на такой сдвиг.

Показательным в этом смысле был - с точки зрения оценки ситуации самой администрацией - и закрытый брифинг для небольшой группы ведущих обозревателей, который провел Раек 10 апреля. Он, в частности, сказал, что правительство США не видит большого практического значения в советском предложении о заключении пакта о ненападении между странами НАТО и Варшавского договора. Такой пакт имел бы смысл лишь в том случае, если бы сперва с Советским Союзом была достигнута какая-то договоренность об общем статус-кво, которая включала бы и соглашение по Западному Берлину, а перспектив такого соглашения пока не видно.

Надо сказать, что в тот период правительство США было готово пойти на договоренность об общем статус-кво в Европе, однако советское руководство во главе с Хрущевым считало, что у него есть шансы изменить статус-кво в свою пользу в отдельных областях, в частности в берлинском вопросе, оказывая соответствующий нажим на администрацию Кеннеди. Расчет оказался неверным, он лишь способствовал сохранению напряженности и гонки вооружений. Короче, Хрущев упустил реальную возможность улучшить отношения с Вашингтоном при президенте Кеннеди. Последний, судя по всему, был склонен к этому.

На этом же брифинге, как бы подводя итог отношениям с СССР, Раек заявил, что в целом США, видимо, будут вынуждены вложить дополнительно большие средства в наращивание вооружений в надежде, что это вынудит обе стороны добиться конкретного решения спорных вопросов, ибо бремя таких гигантских расходов нельзя нести неопределенно долгое время.

Тем временем президент Кеннеди предпринял еще одну попытку добиться заключения с Хрущевым соглашения хотя бы по частичному запрещению ядерных испытаний.

Р.Кеннеди через Большакова передал 25 апреля доверительное сообщение президента Хрущеву: США начинают ядерные испытания в атмосфере. Мы знаем, что и СССР проводит серию испытаний. В этой связи президент информирует премьера Хрущева, что после того, как США и СССР закончат ядерные испытания в атмосфере, США будут готовы подписать с СССР договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере без каких-либо инспекций; контроль будет осуществляться лишь национальными средствами обнаружения. Союзники США - Англия и Франция - об этом предложении пока еще не осведомлены.

Настойчивость президента Кеннеди в этом вопросе, помимо прочего, объяснялась его желанием через такое запрещение добиться также осуществления одной из главных целей своей внешней политики: скорейшего заключения многостороннего договора о нераспространении ядерного оружия. Если будут запрещены ядерные испытания в атмосфере, считал он, то другим странам будет трудно создавать свое ядерное оружие, так как подземные испытания слишком дорого стоят и требуют больших инженерных работ.

В Москве в целом положительно отнеслись к этим усилиям Кеннеди добиться запрещения ядерных испытаний в атмосфере, хотя и были колебания: включить ли в этот запрет все же и подземные испытания и особенно допустить ли иностранных контролеров на советскую территорию. А это - по Хрущеву - „прямой шпионаж".

И все-таки вопрос о запрещении ядерных испытаний в трех сферах оставался в это время одной из немногих наиболее перспективных областей возможной договоренности между Москвой и Вашингтоном.

В поисках контактов

Еще в конце 1961 года Хрущеву было передано негласное пожелание президента Кеннеди послать в Москву для неофициальных бесед Роберта Кеннеди. Хрущев ответил согласием. Одновременно договорились о приезде Аджубея в Вашингтон, что и было вскоре осуществлено.

Однако поездка Р.Кеннеди все откладывалась самими же американцами. Наконец, в середине января президент сообщил Хрущеву, что он сожалеет по поводу просочившихся в американскую прессу сообщений насчет негласно готовящейся поездки Роберта в Москву, что породило различные измышления политических противников. Президент Кеннеди решил поэтому пока отложить такую поездку, но не снимал принципиальную договоренность о самой поездке.

Как известно, брату президента так и не удалось побывать в СССР, хотя вопрос о поездке поднимался еще несколько раз.

Тем временем Белый дом поставил вопрос о неофициальной поездке в Москву Сэлинджера, пресс-секретаря президента и близкого ему человека. Я помог организовать эту поездку в начале мая. Сэлинджер перечислил мне тех лиц в ближайшем окружении президента, с которыми полезно установить деловые связи. Он, в частности, рекомендовал мне встречаться с помощником президента Банди, единственным человеком в Белом доме, который читал основные телеграммы всех послов и ежедневно обсуждал вдвоем с президентом важнейшие вопросы внешней политики США. Раек также имел неограниченный доступ к президенту, но большой объем работы в госдепартаменте не позволял ему в отличие от Банди так часто встречаться с президентом.

Человеком номер 2 по близости к президенту Сэлинджер назвал Соренсена, но он в меньшей степени занимался вопросами внешней политики, а больше - писанием речей дли президента и внутренней проблематикой.

3 мая президент устроил в Белом доме большой прием в честь дипломатического корпуса. Это всегда считалось значительным событием в политической жизни Вашингтона. К тому же чета Кеннеди любила и умела устраивать такие приемы, как говорится, по „высшему классу". ч

На этом приеме президент подвел ко мне своего брата Роберта, представив его в шутку как „специалиста по конфиденциальным контактам с Советским Союзом", с которым мне „следует поближе познакомиться". В том же духе я ответил президенту, что обязательно учту его совет.

Через неделю Роберт Кеннеди пригласил меня с женой „на семейный обед". Он явно хотел установить неформальные личные отношения-. Обед прошел в непринужденной обстановке в красивом просторном особняке в богатом пригороде Вашингтона - Маклейне. Политические вопросы практически не обсуждались.

Когда мы рассказали, что сотрудники нашего посольства, выезжая на пикник, обычно жарят рыбу, пойманную ими в реке Потомак, то жена Кеннеди пришла в ужас. Она сказала, что вода в реке загрязнена и не рекомендуется поэтому есть выловленную там рыбу. Поскольку в этот день сотрудники посольства устроили себе пикник, то я срочно позвонил в посольство, чтобы предупредить об отравленной рыбе. Мне ответили, что рыба уже съедена, она оказалась вкусной, никто не заболел и все довольные вернулись с прогулки.

С этого обеда началось мое личное знакомство с Робертом Кеннеди. Человек он был сложный, противоречивый. В отличие от своего старшего брата Роберт спорил по всем возникавшим международным вопросам и нередко попадал в тупик, отстаивая свои позиции без должного знания дела. Часто горячился и в эти моменты бывал грубоват и неприятен в общении. Впрочем, когда он получал отпор, то обычно несколько сдерживал себя. Проблемы внешней политики он не знал детально, но, видимо, считал себя знатоком в этих вопросах, что порой осложняло разговор с ним, особенно когда он говорил от имени президента. А к последнему он, судя по всему, был действительно очень близок. В этом была главная ценность этого канала связи.

Я стремился по мере возможности, использовать это важное обстоятельство. Таким путем не только поступала важная информация, но и можно было напрямик, иногда без дипломатии, сказать Роберту, как бы увлекшись спором с ним, то, что не всегда было удобно говорить в более официальных деловых встречах с учтивым и вежливым президентом. Несомненно, и Дж.Кеннеди сам использовал брата, чтобы зондировать мнение советского посла. Приходилось учитывать и это.

Возникают проблемы

В середине мая в привычный круг вопросов наших отношений с США (германский и прекращение ядерных испытаний) ворвалась Юго-Восточная Азия. При Кеннеди этот район не стал еще источником постоянных раздражений в советско-американских отношениях, как это было при Джонсоне, Никсоне и Форде.

Москва не имела особых интересов в этом районе, в частности в Лаосе, где тогда шла гражданская война, в которую она не была вовлечена. Создалась редкая ситуация, когда и США, и СССР были согласны в том, что общим интересам отвечал бы нейтралитет Лаоса. Это констатировали и Кеннеди и Хрущев еще в 1961 году при их встрече в Вене.

Летом 1962 года шел конфиденциальный диалог между Кеннеди и Хрущевым по этому вопросу, проходивший в доброжелательном духе.

В середине июля Громыко и Раек участвовали в совместном подписании в Женеве документов по Лаосу. Это было хорошим, хотя, к сожалению, и редким примером возможного сотрудничества наших стран. Лаос, однако, время от времени все же всплывал на неспокойную поверхность событий в Юго-Восточной Азии.

Тем временем в наших отношениях по-прежнему доминировали германский и берлинский вопросы. Я постоянно обсуждал их с госсекретарем Раском (равно как и посол Томпсон в Москве).

Раек ввел в практику раз в две-три недели встречаться со мной вдвоем в субботу в сугубо неофициальной обстановке, „сняв галстуки и за стаканом виски" для непринужденного обсуждения любых вопросов. Встречи были и в госдепартаменте, у него дома, на яхте или у меня дома. Они были очень полезными для лучшего понимания позиций сторон по разным вопросам. Но по германскому вопросу и Западному Берлину возник тупик. Аргументы и контраргументы стали звучать заученно и стандартно. Как-то Раек в шутливой форме предложил сберечь время при обсуждении этих проблем. Давайте, сказал он, занумеруем все вопросы и все ответы с обеих сторон.

Тогда я, например, буду говорить: „Задаю вопрос номер пять", а Вы будете отвечать: „Ответ номер шесть". И так далее. Затем вы пишите в Москву развернутый отчет о беседе, а я докладываю о ней президенту.

Конечно, шутка Раска носила дружеский характер, но она отражала серьезность тупиковой ситуации, складывавшейся вокруг Западного Берлина.

В этот момент в советско-американский диалог лично включился Хрущев, чтобы усилить давление на президента Кеннеди.

Р.Кеннеди в конфиденциальном порядке заявил Большакову, что президент обеспокоен сообщением посла Томпсона из Москвы о беседе с Хрущевым, в которой обсуждался вопрос о Западном Берлине. Эта беседа, сказал брат президента, содержит „тревожные нотки", напоминающие о возможности нового „берлинского кризиса". Сообщение Томпсона по серьезности тона похоже на его аналогичное сообщение, которое он прислал в прошлом году накануне встречи в Вене. Р.Кеннеди стремился убедить нас в том, что президент не может изменить свою позицию по Западному Берлину. Он „просто не может этого сделать". Если это будет понято в Москве, то можно будет договориться по ряду вопросов, взаимно интересующих обе стороны.

Р.Кеннеди в осторожной форме интересовался, не выступает ли кто-либо в Советском правительстве „за решающее столкновение с США, даже если это может повести к большой войне". Это предположение было решительно отклонено.

На контрвопрос, имеются ли в правительстве США сторонники „столкновений" США с СССР, Р.Кеннеди ответил: в правительстве нет, а среди военных в Пентагоне („но не сам Макнамара") такие люди есть. Недавно военные представили президенту доклад, в котором утверждают, что в настоящее время США превосходит СССР по военной мощи и что в крайнем случае можно пойти на прямую пробу сил с СССР. Но президент более реально оценивает соотношение сил и решительно отвергает какие-либо попытки „не в меру ретивых" сторонников „столкновения" США с СССР навязать администрации Кеннеди свою точку зрения.

Большаков вскоре передал реакцию из Москвы на ту часть беседы с Р.Кеннеди, где говорилось о роли военных. Президенту Кеннеди советовали держать в узде „не в меру ретивые головы в Пентагоне".

Брат президента в ответ с горячностью подчеркнул, что „такие головы" никаким влиянием в правительстве США не пользуются и, как и весь Пентагон, находятся под полным контролем Белого дома.

Тем временем напряженность вокруг германских дел, а значит, и в целом в советско-американских отношениях, не спадала. Вооруженные силы США и СССР в Берлине, по существу, занимали позиции противостояния.

13 июля, по инициативе Раска, у меня состоялась с ним длительная беседа, которая касалась в основном германских дел, но по своему существу выходила на фундаментальные вопросы наших отношений. Раек жаловался, что в последнее время „вновь усилилось давление со стороны СССР в германском вопросе". Он говорил, что президент, будучи молодым, но любознательным человеком, проявляет большой интерес к событиям в мире, смотрит далеко вперед и что он искренне считает возможным установление „более нормальных отношений" между СССР и США, несмотря на идеологические противоречия. Но для этого необходимо, чтобы СССР также признавал жизненные интересы США и считался с ними, а не прибегал к опасному давлению.

Госсекретарь обратил внимание на участившиеся заявления советских руководителей и печати по поводу возможности развязывания Соединенными Штатами превентивной войны против СССР. Если это делается в пропагандистских целях, сказал он, это одно. Но если подобные заявления отражают действительную точку зрения руководителей СССР, то это -очень опасное заблуждение.

В сугубо личном плане я заметил госсекретарю, что такая точка зрения имеет некоторое распространение в Москве. Правда, само советское руководство не опасается внезапного нападения США на СССР, но оно испытывает озабоченность, особенно в свете гонки вооружений, которой занимаются США, и растущей напряженности вокруг германских дел.

Раек ответил в том смысле, что нынешнее состояние международной обстановки и советско-американских отношений не вызывает пока больших надежд на договоренность по разоружению. Он дал понять, в частности, что намерение СССР заключить мирный договор с ГДР и тем самым завершить раскол Германии вызывает в Вашингтоне известное беспокойство ввиду дестабилизирующего влияния такого шага на обстановку в Европе.

В конце беседы Раек обратился ко мне (разговор был один на один) „по очень деликатному вопросу". Многие лица в США, в том числе и в окружении Кеннеди, считают, что он, Раек, говорит с СССР „слишком мягким языком". Сам он действительно не является сторонником резких слов и при составлении заявлений и посланий Кеннеди и других документов, адресуемых Советскому правительству, старается избегать этого. В связи с более „резкой" позицией СССР в отношении США в последние дни упреки в его адрес усилились. Он сам также начал опасаться как бы советско-американский диалог не вернулся к языку времен Даллеса, которого Раек никогда не одобрял. Приближение избирательной кампании в США в этом смысле может спровоцировать именно такой возврат, а этого надо избежать.

Надо признать, что Раек отчасти был прав. На наш официальный язык все более заметное влияние оказывал лично Хрущев, любитель крепких выражений, особенно когда он выступал публично и был эмоционально „заведен". Громыко не очень этому препятствовал, не желая лишний раз перечить „хозяину", хотя сам избегал таких выражений.

Следует иметь в виду, что послания или письма Хрущева для американского президента обычно готовило Министерство иностранных дел. В них было все юридически продумано, изложено грамотным, профессиональным языком, но делалось это в сухом и официальном дипломатическом стиле, приверженцем которого по своей натуре был сам Громыко.

Хрущев же был иным по характеру человеком, которому не нравился такой стиль. Он предпочитал разговорный язык, поэтому частенько ругал министра, а порой начинал сам переделывать послания на свой лад. Делал он это довольно своеобразно. Покритиковав „сухаря" Громыко за какой-то проект послания, Хрущев заявлял, что надо его переделать. После этого он начинал громко говорить, жестикулируя, как бы обращаясь к воображаемому президенту: „Господин президент, я не могу согласиться с Вашей позицией..." И далее следовал его пространный монолог, как если бы это была настоящая беседа. При этом он обильно использовал богатый русский фольклор, весьма образный народный язык, далеко не всегда

укладывавшийся в рамки дипломатической переписки. К тому же говорил довольно несвязно, эмоционально, перескакивал с одного вопроса на другой.

Все это торопливо записывалось, поскольку Хрущев, распаляясь, говорил очень быстро. Затем в министерстве начиналась обработка послания „под Хрущева". Последний ругался, когда „чиновники" слишком приглаживали его текст. Впрочем, он понимал необходимость дипломатической обработки его „задиктовок" и постепенно стал больше полагаться на тексты Громыко.

Вновь встречаюсь с президентом

Через несколько дней в советско-американский спор решил лично вмешаться и сам президент Кеннеди. 17 июля он пригласил меня в Белый дом и наедине изложил свои соображения в ответ на предложения Хрущева по германскому вопросу.

Суть его ответа сводилась к тому, что он, к сожалению, по-прежнему не может принять эти предложения советского премьера, ибо они, по существу, повторяют предыдущие предложения советской стороны: вывод американских и всех других западных войск из Западного Берлина в короткий период времени. Не может он также доверить свои жизненные интересы ООН.

Если мы согласимся на уход из Западного Берлина, сказал президент, то никто не будет больше доверять слову Вашингтона, и все обязательства по отношению к другим странам превратятся в пустой клочок бумаги. Если нас в той или иной форме вытеснят из Западного Берлина, то все те гарантии, которые мы давали Западной Европе, потеряют всякое значение, а это затрагивает наши коренные интересы, ибо союзнические отношения с западноевропейскими странами являются краеугольным камнем внешней политики США.

Я надеюсь, подчеркнул Кеннеди, что премьер Хрущев правильно меня поймет. Мы не хотим повторения прошлогоднего кризиса из-за Берлина и надеемся, что его не будет. Прошлогодний кризис нам стоил более 3 млрд. долларов, да и СССР, наверное, понес немалые расходы.

Я, добавил он, также хотел бы избавиться от кастровской Кубы, которая находится у нас под носом, но приходится считаться с ее существованием, как и с существованием ряда других вещей, с которыми не согласна та или иная сторона. Каждое серьезное обострение берлинского вопроса усиливает в Западной Европе позиции тех, кто хочет иметь собственное ядерное оружие, а США, как и СССР, против „независимых ядерных сил" в Европе.

Наша беседа с президентом по берлинскому вопросу не дала, да и не могла дать, каких-либо конкретных результатов. Мы настаивали на предоставлении Западному Берлину гарантированного статуса „вольного" города, а его населению свободы выбора образа жизни, но при условии, что оттуда выводятся западные войска. Кеннеди дал ясно понять, что он на это не пойдет, вплоть до конфликта с нами. (В Москве не сомневались в такой решимости президента, но Хрущев ошибочно надеялся, что постоянный нажим все же поможет нам добиться своей цели. В результате сохранялась длительная и в конечном счете никому ненужная напряженность.)

Затем президент спросил, согласится ли премьер Хрущев с заключением соглашения о запрещении ядерных испытаний в атмосфере после окончания нынешней серии советских ядерных взрывов. Я ответил ему, что премьер Хрущев выступает за запрещение всех видов ядерных испытаний при контроле за ними национальными средствами.

Президент заметил, что недавнее весьма образное заявление Хрущева о новой советской ракете, которая „может попасть в муху в небе", вызвало среди американских ученых и военных новую волну дискуссий и споров по поводу военных достижений СССР, особенно в том, что касается качественных результатов последних советских испытаний, в частности, весьма мощных взрывов.

В конце беседы президент в примирительном тоне высказал надежду, что уже в недалеком будущем удастся все же договориться о заключении соглашения о запрещении ядерных испытаний на условиях, приемлемых для всех.

От беседы с президентом у меня сложилось впечатление, что он был заметно озабочен нашим новым нажимом на Вашингтон по германским делам, но все же, видимо, полагал, что до крупного конфликта дело не дойдет, если он будет сохранять достаточную военную мощь США в этом районе.

В конце августа у меня состоялась любопытная доверительная беседа с помощником президента Соренсеном. Его основная задача в Белом доме, как он сказал, следить за политическими настроениями в стране, чтобы максимально содействовать личной популярности президента и его политики. Сейчас он занят разработкой стратегии и тактики, которой будет придерживаться президент в ходе развертывающейся в США кампании по выборам в конгресс, чтобы помочь своей партии.

Советский Союз, отметил Соренсен, конечно, имеет возможность оказать определенное влияние на исход нынешних выборов, если усилит нажим в берлинском вопросе. Тогда независимо от действий президента республиканцы получат дополнительные шансы на выборах.

Из его высказываний также ясно следовало, что Кеннеди явно предпочел бы „нейтралитет" СССР в ходе выборов. Это могло бы открыть дорогу к встрече с Хрущевым после выборов, а может быть, и до этого, если появится перспектива соглашения по какому-либо конкретному вопросу.

Это заявление было, конечно, необычным и не могло не привлечь внимание Москвы. Через несколько дней я сообщил Соренсену, что содержание нашей беседы доложил премьеру Хрущеву. К пожеланиям президента мы относимся с пониманием. С советской стороны ничего не будет предпринято такого, что могло бы осложнить международную обстановку и усилить напряженность между нашими странами накануне выборов. Разумеется, мы будем придерживаться этой линии, если действия Другой стороны не вынудят нас к проведению иного курса. Сказанное Целиком относится и к вопросу о германском мирном договоре и Западном Берлине.

Помощник президента отметил важность этого сообщения, так как оно охватывает весь комплекс советско-американских отношений.

Когда я передал Соренсену это обещание Хрущева „не обострять международную обстановку", я не знал, что в Москве уже было принято решение о завозе ядерных ракет на Кубу. Хрущев вел себя как азартный игрок, сознательно дезинформируя президента. ,

4 сентября я встретился с Робертом Кеннеди (беседа была наедине). Хотя инициатива встречи исходила от нас и в связи с другим вопросом, тем не менее состоялся крупный разговор о Кубе.

В начале встречи я передал ему соображения премьера Хрущева относительно прекращения испытаний ядерного оружия. Он предлагал немедленно подписать соглашение о прекращении испытаний в атмосфере, космосе и под водой, но одновременно договориться, что в отношении подземных испытаний будут продолжены переговоры; на все время этих переговоров ядерные державы должны будут воздержаться от проведения таких испытаний.

Но Р.Кеннеди в тот день, похоже, больше интересовало другое. Он в довольно раздраженной форме поднял вопрос о советской военной помощи Кубе. Американское правительство, сказал он, с растущим беспокойством наблюдает за увеличением советских военных поставок на Кубу и появлением там советских военных специалистов. Особенно беспокоит правительство США рост военных поставок и, в частности, прибытие на Кубу ракет „земля-воздух". Пока ракеты в руках советских специалистов, тут есть гарантии, а когда они перейдут в руки „эмоциональных кубинцев"? Возникает и другой, весьма важный для безопасности самих США вопрос: куда в перспективе, если продолжить логическую линию, могут привести такие поставки на Кубу? Не появятся ли более мощные ракеты, которые могут достичь и территории США? Не смогут ли они в конечном счете иметь и ядерные боеголовки? Правительство США в этом случае определенно не сможет допустить, чтобы безопасность его страны зависела от тех или иных решений нынешнего правительства Кубы. Именно поэтому, сказал в заключение мой собеседник, правительство придает сейчас столь большое значение вопросу о советских военных поставках Кубе.

В ответ я указал на право Кубы на самооборону. Что касается ядерных ракет, то известна позиция СССР в пользу скорейшего заключения соглашения о нераспространении ядерного оружия (откровенно говоря, я вообще не допускал тогда мысли о размещении наших ядерных ракет на Кубе).

Я обошел вопрос о наличии других, неядерных ракет и советских военных специалистов на Кубе, о чем говорил Р.Кеннеди (не подтверждая и не отрицая, так как у меня самого не было никакой информации из Москвы на этот счет, вплоть до начала кубинского кризиса). В целом же я хорошо понимал важность и значение поднятых Р.Кеннеди вопросов и срочно попросил Москву сориентировать меня.

Ответ из Москвы был весьма лаконичен: в беседах с американцами подтверждайте, что „на Кубе находится только советское **оборонительное** оружие"*. Никаких других пояснений или деталей мне не сообщили даже для моей личной ориентировки.

Больше того, Большаков, вернувшись из отпуска, сказал буквально то же самое Р.Кеннеди со ссылкой на самого Хрущева. Короче, Москва

* Этот ответ вводил в заблуждение. В Москве считали под этим термином любое оружие, которое могло бы пригодиться для обороны Кубы от вторжения. Американцы же исходили из того, что это охватывает виды оружия для обороны лишь на подступах к Кубе, но не достигающие территории самих США (мы и их включили в понятие „оборонительные", так как исходили из того, что мы и Куба сами не будем нападать на США). Эта казуистика, в конце концов, обернулась против нас, когда в конце кризиса нам пришлось вывезти с Кубы не только ракеты, но и самолеты среднего радиуса действия, ибо они подпали под категорию „наступательного оружия".

продолжала свой курс на дезинформацию администрации Кеннеди насчет своих намерений разместить советские ядерные ракеты на Кубе.

В середине сентября в советских газетах было опубликовано специальное заявление ТАСС. „Советскому Союзу не требуется перемещать в какую-либо страну, например, на Кубу, имеющиеся у него средства для отражения агрессии, для ответного удара. Наши ядерные средства настолько мощны по своей взрывной силе, и Советский Союз располагает настолько мощными ракетоносителями для этих зарядов, что нет нужды искать место для размещения их где-то за пределами СССР". Это заявление ТАСС было передано и в наше посольство, но без каких-либо комментариев или пояснений со стороны советских должностных лиц. Опять это была дымовая завеса.

И я, и Большаков в результате исходили в дальнейшем из того, что поставляемые на Кубу советские ракеты по своим параметрам неспособны были достичь территории США и не были ядерными. Я аккуратно докладывал о всех своих разговорах с американскими официальными лицами на эту тему. Сообщал также, что отвечал на эти вопросы в духе заявления ТАСС. И ни разу ни Хрущев, ни Громыко не поправили меня. Фактически они умышленно использовали своего посла вплоть до "начала самого кризиса в целях дезориентации американской администрации в отношении намерений Москвы (хотя прямых указаний на счет дезориентации мне не давали). Такое поведение моих руководителей потрясло меня, когда я узнал о реальном положении вещей уже в ходе самого кризиса.

Возвращаясь к разговору с Р.Кеннеди, упомяну еще об одной детали. Мой собеседник не скрывал своего раздражения по поводу того, что в беседах 'с иностранцами советский премьер говорит о „мягкотелости" администрации США, которая, мол, не будет защищать Западный Берлин в случае чрезвычайного положения. Эти высказывания становятся известными в США, что также наносит удар по престижу президента.

Я знал, что жалобы Р.Кеннеди могли быть справедливыми, поскольку Хрущева нередко „заносило" в беседах с иностранцами. В качестве примера ненужной бравады Хрущева можно привести следующие его высказывания в беседе с Сэлинджером: „Западный Берлин является главным испытанием; это Рубикон, перейдем его без войны - все пойдет хорошо, если нет - будет плохо. Ключ ответа на этот вопрос находится в руках президента".

В заключение нашей довольно напряженной беседы Р.Кеннеди сказал, что главная цель его сегодняшних неофициальных высказываний - показать растущую озабоченность президента по поводу возможного дальнейшего развития советско-американских отношений, перспектива которых пока явно не обнадеживает.

Хрущев направляет послание Кеннеди

18 сентября я сообщил Р.Кеннеди об устном послании Хрущева президенту Кеннеди.

Это послание (на 15 страницах) было самым развернутым и самым важным изложением взглядов советского руководства на отношения с

администрацией Кеннеди незадолго до кубинского кризиса. Поэтому приведу его достаточно полно.

В послании отрицались высказывания советских руководителей по поводу „мягкотелости" американской администрации. Содержалось также новое предложение, чтобы договор о запрещении ядерных испытаний касался всех сфер, при этом предлагалось предусмотреть в договоре установку автоматических сейсмических станций как вблизи границ ядерных держав, так и 2-3 такие станции непосредственно на территориях государств, обладающих ядерным оружием, в районах, наиболее подверженных землетрясениям. Мы готовы были заключить соглашение исключающее пока подземные испытания, но с мораторием на время переговоров или на пять лет (в целом это была попытка Москвы достичь компромисса).

Далее Хрущев отвечал на озабоченность президента Кеннеди, переданную его братом (в беседе с советским послом) по поводу советско-американских отношений. Мы огорчены, говорилось в послании, но обострение посеяно не нами. Мешают очаги международной напряженности, являющиеся источником постоянных трений между нашими странами. Их необходимо устранить, и прежде всего ликвидировать ненормальное положение в Западном Берлине. Сейчас мы решили „заморозить" германский вопрос до окончания выборов, но мы намерены продолжить диалог по этому вопросу. Единственный вопрос, по которому у нас остались разногласия, как мы считаем, - это вопрос о пребывании иностранных войск в Западном Берлине. Лучше всего было бы разместить там войска ООН, резюмировал Хрущев свою позицию по этому вопросу.

Я имел хорошую беседу с Вашим министром внутренних дел Юдалом, продолжал Хрущев. (Юдал был __ в Москве вместе со своим другом, известным поэтом Робертом Фростом. - А.Д.) И никак не ожидал, что в этот момент Вы примите решение обратиться в конгресс с просьбой разрешить призвать 150 тысяч резервистов. Вы мотивировали этот свой шаг накалом международной обстановки и необходимостью для Вас в связи с этим искать возможность быстро реагировать на опасности, могущие возникнуть в любой части „свободного мира". Каждый понимает, что накал якобы создается другой стороной, т. е. нами, Советским Союзом. Но ведь мы не предпринимаем ничего, что могло бы дать повод для этого. Мы никакой мобилизации не проводим, ни с какими угрозами не выступаем.

Ваше выступление, г-н президент, с угрозами против Кубы - это просто невероятный шаг. Мы были вынуждены ответить заявлением ТАСС, а затем в выступлении на Генеральной Ассамблее ООН. Если бы не было Вашего выступления по Кубе, то мы, естественно, не стали бы ничего говорить о Западном Берлине. Мы сожалеем, что эта опасная линия продолжается и сейчас. Самые серьезные последствия может иметь резолюция сената по кубинскому вопросу. Содержание этой резолюции дает основание сделать вывод, что США, видимо, готовы взять на себя ответственность за развязывание ядерной войны. Резолюция говорит об отказе США в помощи любой стране, которая торгует с Кубой. Это полный произвол!

Мы и сейчас надеемся, что нам удастся нормализовать наши отношения. Но для этого США должны перестать вмешиваться в дела других стран. Мир

разделен на два лагеря - на капиталистический и социалистический. Единственно правильной политикой является политика мирного сосуществования.

Хочу обратить Ваше внимание, г-н президент, на продолжающиеся облеты американскими самолетами наших судов. В августе имело место 140 случаев таких облетов. Американские военные корабли в открытом океане пытаются останавливать наши суда. Хочу еще раз сказать Вам: советские суда, которые следуют по заданному правительством курсу, имеют указание не уступать никаким пиратским требованиям в международных водах и идти своим курсом, если даже им будут угрожать открытием огня. Пусть попробуют задержать или потопить наши суда - это будет началом войны, потому что мы ответим тем же. У нас достаточно подводного флота, который может постоять за честь своей Родины. Наше государство располагает и другими средствами. Аналогичными средствами располагаете и Вы. Так зачем же устраивать такие провокации, зачем же угрожать друг другу?

Мы не проводили мобилизацию и не думаем проводить ее, но мы были вынуждены дать нашим вооруженным силам приказ находиться в наивысшей боевой готовности. Вы вынудили к этому нас своей мобилизацией и другими действиями, предпринятыми Вами в последнее время. Может быть, все это делается в связи с предвыборной конъюнктурой в Вашей стране. Но это очень опасно, так как уже выходит за пределы конъюнктуры внутри страны; такие действия накаливают международную обстановку, создают угрожающее положение.

Поэтому я просил бы Вас, г-н президент, правильно понять наше беспокойство и не предпринимать ничего, что могло бы еще более накалить атмосферу и даже взорвать мир. Мы со своей стороны вновь заверяем Вас, что мы ничего не предпримем в отношении Западного Берлина до выборов в США. После выборов, видимо, уже во второй половине ноября, надо бы, по нашему мнению, продолжить диалог. Большое значение для отыскания путей решения как этой проблемы, так и других Неотложных международных проблем имеют личные контакты государственных деятелей на самом высоком уровне. Мы должны будем прийти к необходимости достижения соглашения по Западному Берлину, чтобы ликвидировать этот опасный очаг, который все время портит наши отношения, такими словами Хрущев заканчивал свое послание.

Когда я ехал к Роберту Кеннеди с этим посланием Хрущева, то готовился к неприятному и, возможно, бурному разговору с ним. К моему удивлению, он лишь несколько мрачновато сказал, что сегодня же передаст послание президенту.

В обсуждение каких-либо вопросов он не стал вступать, согласившись с тем, что хорошо бы, конечно, взаимно не предпринимать ничего, что могло бы накалить обстановку перед выборами в конгресс США. Это главное.

Следует иметь в виду, что положение вокруг Берлина к началу осени 1962 года было напряженным. Хрущев усиливал свой нажим, в том числе и на коммуникациях Западного Берлина с внешним миром. Президент Кеннеди часто совещался со своими военными советниками о мерах по укреплению американских вооруженных сил в этом районе в целях противодействия советскому давлению. Обе стороны поставили во главе

своих войск в Германии боевых генералов: в Западной Германии генерала Клея, в Восточной маршала Конева.

К счастью, у обеих сторон хватило разума и выдержки не прибегать к оружию. Были приняты меры, чтобы такое противостояние не усиливалось, но положение все же оставалось достаточно сложным.

Ретроспективно я спрашивал себя: была ли эта напряженность вокруг Берлина умышленным маневром Хрущева, чтобы отвлечь внимание Кеннеди от Кубы, где размещались советские ракеты?

Возможно, это так и было, хотя у меня нет конкретных доказательств на этот счет, нет таких данных и в наших архивах. Но я подозреваю, что он увязывал эти два вопроса, надеясь таким путем оказать на Кеннеди соответствующее давление в надежде добиться от него определенных уступок.

Эти иллюзии рассеялись с кубинским кризисом.

В середине октября я встретился за ланчем с советником госдепартамента Томпсоном для сугубо неофициального обсуждения сложившегося положения. Мы знали друг друга давно и могли говорить достаточно свободно. Томпсон лишь недавно вернулся с поста посла в Москве, где он пользовался уважением и авторитетом - члены советского руководства охотно беседовали с ним на государственных приемах. Это был внимательный, приятный и знающий профессионал, хорошо говоривший по-русски и умевший расположить к себе людей. Он был сторонником улучшения наших отношений; идеологические соображения у него проявлялись гораздо реже, чем у многих других американских послов. Пожалуй, это был лучший американский посол в СССР в период „холодной войны".

Запомнился один забавный случай, связанный с его деятельностью на посту посла в Москве. 4 июля он устроил большой прием в своей резиденции по случаю национального праздника США. Гости могли выходить в небольшой сад на территории его резиденции. Там выделялся участок с отлично выращенной кукурузой. На нее сразу же обратил внимание Хрущев, который был на приеме. Кукуруза была его „хобби", и он старался привить ее в России, где только можно было, и даже там, где она не росла. Москва по климатическим условиям, как считали наши специалисты, не подходила для этой культуры. А он им не очень верил.

И когда Хрущев увидел кукурузу Томпсона, он тут же потребовал позвать к себе нашего министра сельского хозяйства. А когда тот явился, то стал его при всех критиковать: Томпсон дипломат, а не фермер, но вот смог же вырастить такую хорошую кукурузу, а министр уверяет его, что в Подмосковье это сделать нельзя.

Уже после приема Томпсон, посмеиваясь, признался мне, что с его кукурузой (с каждым стеблем индивидуально) работал советник посольства по сельскому хозяйству, чтобы при случае удивить Хрущева. Такой случай и представился.

Но вернемся к нашей встрече с Томпсоном в Вашингтоне. Самым интересным в политической части этой беседы с Томпсоном было то, что администрация Кеннеди в этот период основную угрозу кризиса в советско-американских отношениях видела в берлинском вопросе, а не в кубинских событиях, которые разразились буквально через несколько дней.

2. КУБИНСКИЙ КРИЗИС (ОКТЯБРЬ 1962 ГОДА)

После провала интервенции на Кубе в апреле 1961 года, предпринятой кубинскими контрреволюционерами, США продолжали оказывать всесторонний нажим на Кубу. В январе 1962 года они добились исключения Кубы из Организации американских государств и прибегли к экономической блокаде.

Летом и осенью 1962 года обстановка в Карибском бассейне еще более обострилась. К берегам Кубы направлялись американские корабли, в воздухе в этом районе круглосуточно находились самолеты стратегической авиации США. ЦРУ и Пентагон разработали долгосрочный план под кодовым названием „Мангуста". Он был направлен на подрыв и свержение режима Кастро. План был одобрен президентом Кеннеди.

Усиливался психологический „прессинг" на Кубу, а также пропагандистская кампания против СССР в связи с оказываемой Москвой военной и экономической помощью Кубе.

В заявлении ТАСС от 11 сентября 1962 года Советское правительство осудило ведущуюся в США враждебную кампанию против СССР и Кубы и подчеркнуло, что „сейчас нельзя напасть на Кубу и рассчитывать, что это нападение будет безнаказанным для агрессора".

Хрущев предлагает Кубе ядерные ракеты; Ф.Кастро соглашается. О чем думал Хрущев?

Здесь следует сказать о важных конфиденциальных договоренностях, которые, начиная с мая 1962 года были достигнуты в строжайшей тайне между советским руководством и Ф.Кастро.

Советник нашего посольства на Кубе А.Алексеев (сотрудник КГБ), поддерживал дружественные доверительные связи с Кастро, и последний охотнее общался с ним, чем с послом Кудрявцевым, не сумевшим установить должный контакт с кубинским руководителем (что не осталось незамеченным в Москве). В начале мая Алексеев был неожиданно вызван в Москву и приглашен к Хрущеву. Как рассказывал впоследствии сам Алексеев, Хрущев сказал ему следующее: „Мы назначаем Вас послом на Кубе. Ваше назначение связано с тем, что мы приняли решение разместить на Кубе ракеты с ядерными боеголовками. Только это может оградить Кубу от прямого американского вторжения. Как Вы думаете, согласится ли Кастро на такой наш шаг?"

Алексеев был поражен таким оборотом дела и несколько растерялся. После некоторой паузы он сказал, что Фидель строит всю свою стратегию защиты кубинской революции на солидарности с ней народов Латинской Америки и вряд ли согласится с нашим предложением. Советское военное присутствие на Кубе будет использовано американцами для полной изоляции Кубы на латиноамериканском континенте.

Через день, в воскресенье, Хрущев собрал у себя на даче почти всех членов Президиума ЦК КПСС, Громыко и нескольких военачальников. Хрущев сказал присутствующим: „Вот Алексеев говорит мне, что Фидель

Кастро испугается нашего решения и вряд ли согласится на размещение ракет. Я думал над этим и пришел к выводу, что, может быть, нам не следует говорить ему об уже принятом решении, а заявить, что для спасения кубинской революции требуется смелый шаг. Поскольку в этом регионе мира соотношение сил не в нашу пользу, Советское правительство могло бы рассмотреть даже вопрос, если Фидель сочтет это приемлемым, о размещении на Кубе советских ракет. Ракеты необходимо доставлять и размещать незаметно, с соблюдением всех мер предосторожности, чтобы поставить американцев перед свершившимся фактом". „Важно, - добавил он, - избежать утечки сведений в прессу до окончания в США промежуточных выборов - 4 ноября, чтобы не обострять обстановки там. Когда же выборы пройдут и накал предвыборной борьбы стихнет, то американцам ничего не останется, как проглотить эту горькую пилюлю. Ведь мы же вынуждены мириться с американскими ракетами, размещенными -вблизи наших границ в Турции". Затем он отметил, что мысль о размещении наших ракет на Кубе пришла ему в голову, когда он недавно был на отдыхе в Варне (Болгария) и размышлял о средствах, которые позволили бы защитить кубинскую революцию от прямой американской агрессии.

Как вспоминает Алексеев, Фидель, к его удивлению, спокойно воспринял советские соображения. Он немного задумался, а затем заявил следующее: „Это очень смелый шаг, и, чтобы сделать его, мне необходимо посоветоваться со своими ближайшими соратниками. Но если принятие такого решения необходимо социалистическому лагерю, я думаю, мы дадим свое согласие на размещение советских ракет на нашем острове. Пусть мы будем первыми жертвами в схватке с американским империализмом". Его еще раз заверили, что единственная цель сделанного предложения - это защита Кубы от возможной американской агрессии.

И все-таки, какая необходимость двигала поступками Хрущева, когда он принимал такое опасное решение, как доставка советских ракет с ядерными боеголовками на Кубу? Защита Кубы от постоянной угрозы нового вторжения контрреволюционных сил при поддержке, а то и при прямом участии США? Несомненно, это было одной из главных причин.

В своих мемуарах Хрущев называет только эту причину, как основной мотив. Могу, однако, засвидетельствовать, что у него вызывал тревогу стратегический паритет с США, который в ту пору явно складывался в пользу американской стороны, в виду ее большого преимущества в ракетно-ядерном потенциале (СССР имел тогда 300 ядерных боеголовок против 5000 американских). На Политбюро он не раз вспоминал слова Сталина, сказанные незадолго до смерти: „Когда меня не будет, американцы свернут вам шею как цыплятам". Установкой ядерных ракет на Кубе, которые могли бы поразить значительную часть территории США, Хрущев рассчитывал определенным образом выправить военно-стратегический паритет с США. При этом, он, разумеется, думал не "о ракетно-ядерной войне, а о получении дополнительного политического статуса в отношениях с США, дополнительного веса в переговорах с ними по разным сложным вопросам, в том числе и по Западному Берлину.

Надо сказать, что Хрущев сильно надеялся на то, что Кеннеди проглотит, как он говорил, „горькую пилюлю", когда узнает о советских ракетах. Ведь сами американцы уже разместили свои аналогичные по дальности ракеты в Турции, Италии и. Англии. И Москве пришлось это стерпеть, так как с международно-правовой точки зрения ничто не

препятствовало США сделать это с согласия правительств стран, где такие ракеты размещались. А теперь Куба давала такое же согласие Москве. Почему не поступить так же, как американцы? - так примерно рассуждал Хрущев. Но он не учитывал важный психологический фактор: американцы делали это открыто, а он пытался сделать это в глубокой тайне, да еще прибегая к умышленной дезинформации правительства Кеннеди, чем усиливал подозрения Вашингтона в отношении намерений Хрущева. Интересно, что сам Кастро понимал этот фактор и первоначально предлагал Хрущеву сделать все это открыто, заключив соответствующее советско-кубинское соглашение. Но Хрущев не хотел неизбежных длительных публичных споров с США, решив поставить их перед свершившимся фактом.

Аджубей рассказывал, что когда Хрущев принимал в Крыму на своей даче у моря гостей из западных стран, то любил порой их спрашивать, не видят ли они противоположный, турецкий берег. Гость вглядывался в горизонт, не понимая, к чему клонит хозяин, и отвечал отрицательно. Хрущев разводил руками: „Ну, это у вас близорукость. Я прекрасно вижу не только турецкий берег, но даже наблюдаю за сменой караулов у американских ракетных установок, нацеленных в сторону СССР. Наверное, на карту нанесена и эта дача. Как вы думаете?"

Шутки шутками, но, как свидетельствовал Аджубей, Хрущев все чаще задавался вопросами, отчего американцы узурпировали право ставить ракеты так близко к нашим границам? Почему США окружили нашу страну военными базами? Почему Вашингтон может держать своего соперника, мир в постоянном страхе, а мы не можем?

Эти мысли толкали Хрущева к поиску ответного решения. На Кубе, например, есть американская военная база в Гуантанамо. Отчего не быть здесь и советской? Для равновесия. Тем более что такие базы не противоречат международным правовым нормам. Хрущеву, судя по всему, очень хотелось, чтобы с ним во всем мире больше считались, может быть, даже так, как в свое время со Сталином.

В июне в Москву прибыл с рабочим визитом Рауль Кастро, который вместе с министром обороны Малиновским парафировал секретный договор о размещении на Кубе советских ракет. Затем в Москве побывал Че Гевара, который сообщил поправки Кастро к парафированному договору. Все поправки были безоговорочно приняты Хрущевым, но формально соглашение так и не было подписано, так как вскоре начались тревожные дни кубинского кризиса.

По свидетельству генерала Грибкова, непосредственно осуществлявшего переброску ракет, всего на Кубе было установлено 42 ракеты средней дальности, которые обслуживались 40-тысячным контингентом советских войск. Больше того, эти ракеты, как выяснилось лишь много лет спустя, имели ядерные боеголовки, способные уничтожить крупнейшие города Америки. Мощность боеголовок равнялась бомбам, сброшенным на Хиросиму и Нагасаки, а пара боеголовок была в несколько раз больше. К счастью, в тот момент правительство США не знало о таком вооружении наших ракет, иначе весь конфликт мог перерасти в крупнейший и даже катастрофический кризис.

Надо сказать, что все эти шаги держались в глубокой тайне не только от общественности, но и от всей дипломатической службы СССР. Даже я, посол СССР в США, и постоянный представитель СССР при ООН Зорин были в полном неведении на этот счет. Более того, у нас была инструкция общего

порядка: на все возможные расспросы о ракетах отвечать, что на Кубу поставляем только „оборонительное оружие", не вдаваясь ни в какие детали.

Короче, Москва умышленно в целях сохранения тайны не только не информировала меня о таком драматическом развитии событий, как поставка ядерных ракет на Кубу, но и фактически сделала своего посла невольным орудием обмана, поскольку я упорно повторял американским собеседникам, что на Кубе находится только „оборонительное оружие", а ведь в моих верительных грамотах, врученных президенту Кеннеди, правительство СССР призывало его „верить" всему, что будет говорить посол от имени правительства! В еще более нелепом положении оказался наш посол в ООН Зорин, который до последнего дня говорил об этом же, но публично, на заседаниях Совета Безопасности ООН.

Через несколько лет Раек рассказывал мне, что сразу же после кубинского кризиса в Белом доме даже обсуждался вопрос о том, не потребовать ли моего отзыва с поста посла в Вашингтоне за то, что сознательно вводил в заблуждение правительство США. Однако в результате обсуждения у президента Кеннеди пришли к выводу, что посол сам не был информирован о действиях своего правительства, и поэтому ему несправедливо предъявлять подобные обвинения.

Любопытен и такой эпизод. Весной 1989 года в Москве проходил советско-американский семинар по кубинскому кризису. В нем участвовали в числе других Громыко и я. Один из американских участников спросил, был ли я информирован заранее о ракетах на Кубе. Я ответил отрицательно, переадресовав вопрос Громыко. Последний сказал, что, конечно, „странно, что не информировали; секретов от посла не должно было бы быть".

Громыко не говорил правду, а она заключалась в том, что вся операция с ракетами считалась исключительно секретной, и о ней знал очень узкий круг людей. К тому же, не зная всего этого, мы, т. е. Зорин и я, могли бы уверенно защищать фальшивую версию о ракетах. Цинично? Да. Но это было именно так.

Для общего настроя в Белом доме накануне кубинского кризиса довольно показателен закрытый брифинг о международном положении, который провел в середине октября для группы ведущих редакторов президент Кеннеди. Характерно, что говоря о возможном источнике нового кризиса, упор он больше сделал на Берлине, а не на Кубе.

Буквально через пару дней Кеннеди пришлось срочно переоценивать кубинскую ситуацию. 14 октября американские самолеты У-2 засекли на Кубе стартовые площадки, предназначенные для ракет средней дальности. 16 октября фотоснимки и заключение военных экспертов были представлены президенту США. В Белом доме начались лихорадочные заседания созданной при президенте „кризисной группы", куда, как позднее стало известно, входили: Р.Кеннеди, Макнамара, Раек, директор ЦРУ-Маккоун, председатель Комитета начальников штабов генерал Тэйлор, специальные помощники президента Банди, Соренсен и Ачесон, заместитель госсекретаря Болл, постоянный представитель США при ООН Стивенсон, бывший посол США в СССР Томпсон*.

* Кстати, только недавно стало известно, что Кеннеди, как и Никсон, имел у себя секретную записывающую аппаратуру. Однако она включалась не автоматически, а после незаметного нажатия президентом соответствующей кнопки.

Насколько можно судить по опубликованным позднее материалам и мемуарам, наиболее агрессивную позицию в „кризисной группе" занимали Тэйлор, Ачесон, Маккоун и отчасти Банди. Они пользовались полной поддержкой генералитета Пентагона и лидеров конгресса и выступали за немедленную бомбардировку обнаруженных стартовых площадок и, возможно, высадку на Кубу американских войск. Некоторые генералы допускали вроде даже возможность использования ядерного оружия (но всерьез этот вопрос не ставился).

Судя по всему, президент Кеннеди после колебаний пришел к выводу, что при решении возникшей проблемы предпочтение должно быть отдано прежде всего дипломатии, переговорам и компромиссам, при одновременном использовании силового нажима.

В беседах, которые Р.Кеннеди вел со мной по поручению президента, он делал намеки по поводу эмоциональной атмосферы, царившей в „кризисной группе", хотя порой казалось, что он несколько сгущает краски, чтобы в драматическом свете представить нажим военных и добиться советского согласия на вывоз ракет. Однако в целом, я думаю, он достаточно правдиво передавал напряженную обстановку в Белом доме, и мои сообщения об этом показывали Хрущеву серьезность всей ситуации.

Встреча Громыко с президентом накануне кризиса

Именно в момент лихорадочной закулисной активности американской администрации вокруг кубинских дел 18 октября состоялась встреча президента Кеннеди с министром Громыко, который приехал в Вашингтон из Нью-Йорка с сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Я присутствовал на этой далеко не ординарной встрече. Беседа с Кеннеди, как признавал позже в своих мемуарах Громыко, была, пожалуй, самой сложной из тех бесед, которые ему пришлось вести за 48 лет с каждым из всех девяти президентов США.

Беседа изобиловала резкими поворотами, недоговоренностями. И Кеннеди, и Громыко нервничали, хотя внешне старались этого не показывать. Разговор в значительной степени шел вокруг Кубы и политики США и СССР в этой связи. Президент вел дело к тому, что обострение обстановки произошло из-за действий СССР, осуществляющего поставки оружия Кубе. Впрочем, он не проявлял особой воинственности. Даже повторил свое признание, сделанное еще в Вене; что вторжение на Кубу в прошлом году было ошибкой.

Диалог шел в рамках довольно привычной дискуссии об „оборонительном" и „наступательном" оружии на Кубе, т. е. без ссылок с обеих сторон на ракеты. Следует отметить, что президент на протяжении всей беседы ни разу не поднял вопрос о наличии на Кубе советского ракетного оружия (хотя, как позже выяснилось, снимки стартовых площадок советских ракет у него лежали в столе). Следовательно, и мне, писал, оправдываясь, в своих мемуарах Громыко, не надо было давать ответ, есть на Кубе такое оружие или нет.

Почему промолчал президент Кеннеди? Ответа на это нет у меня, но думается, что он не имел еще ясного отработанного плана действий, а без этого он вряд ли хотел вступать в бесцельную дискуссию с Громыко.

Обсуждались, как обычно, и германские дела с Западным Берлином.

По ходу беседы Громыко исполнил „поручение Москвы": передать президенту Кеннеди предложение советского руководства о проведении советско-американской встречи на высшем уровне для урегулирования спорных международных проблем и рассмотрения вопросов, вызывающих расхождения между СССР и США.

Хотя непосредственно во время беседы Кеннеди положительно реагировал на это предложение, позже, в тот же день, Громыко было сообщено, что, по мнению американской стороны, указанная встреча, если бы она состоялась в ноябре 1962 года, носила бы неподготовленный характер и вряд ли привела бы к положительным итогам. Таким образом, Вашингтон, не отрицая возможности встречи на высшем уровне, отложил ее на неопределенное время.

Громыко, будучи введенным в заблуждение довольно спокойным поведением Кеннеди, в целом остался доволен беседой с президентом. Весьма показательно его „оптимистическое" сообщение об этой важной встрече с президентом США, которое он сразу отправил в Москву.

Все то, что нам известно о позиции правительства США по кубинскому вопросу, докладывал Громыко, позволяет сделать вывод, что обстановка, в общем, вполне удовлетворительная. Это подтверждается как официальными заявлениями деятелей США, включая президента Кеннеди, в том числе заявлением последнего в беседе с нами 18 октября, так и всей информацией, которая доходит до нас по неофициальным каналам. Есть основания считать, что США сейчас не готовят вторжение на Кубу и сделали ставку на то, чтобы путем помех экономическим связям Кубы с СССР расстроить ее экономику и вызвать голод в стране, а тем самым и восстание против режима. Главная причина занятой правительством США позиции, продолжал министр, состоит в том, что правительство США поражено смелостью акции СССР по оказанию помощи Кубе. Оно рассуждает так: Советское правительство отдает себе отчет в том, какое большое значение американцы придают Кубе и ее положению и насколько болезненным для США является этот вопрос. Но раз СССР, зная об этом, идет на оказание такой помощи Кубе, значит, он полон решимости дать отпор в случае американского вторжения на Кубу. Нет единого мнения в том, как и где будет дан этот отпор, но что он будет дан - в этом не сомневаются.

В последние дни, писал далее Громыко, острота антикубинской кампании в США несколько уменьшилась и, соответственно, стала больше выпячиваться острота вопроса о Западном Берлине. Газеты шумят о надвигающемся кризисе в связи с Западным Берлином, о предстоящем чуть ли не в самое ближайшее время подписании мирного договора с ГДР и тому подобное. Цель такого изменения в деятельности пропагандистской машины и состоит в том, чтобы несколько отвлечь внимание общественного мнения от кубинского вопроса. Все это делается не без участия Белого дома. Есть даже слух о том, что СССР будто бы дает понять, что он сможет смягчить свою позицию в кубинском вопросе, если Запад смягчит свою позицию по Западному Берлину.

Полностью, конечно, нельзя и теперь быть застрахованным от неожиданностей и авантюр со стороны США в кубинском вопросе, заключал он. И все же, учитывая объективные факты и сделанные нам соответствующие официальные заверения об отсутствии у США планов вторжения на Кубу (что их, бесспорно, во многом связывает), можно

сказать, что в этих условиях военная авантюра США против Кубы почти невероятна.

Таков был в целом успокоительный вывод Громыко накануне кубинского кризиса. Я попытался убедить его дать более осторожную оценку ситуации. Он не согласился: видимо, ему хотелось сделать приятное Хрущеву.

Начало кризиса. В центре событий

22 октября я вылетел в Нью-Йорк, чтобы проводить Громыко, который улетал в тот же день в Москву. Но и тогда он не сказал мне, что на Кубе размещаются советские ракеты с ядерными боеголовками (много лет спустя он заявил мне, что „исходил тогда из того, что я уже знал об этом").

Как только в полдень улетел самолет Громыко, ко мне на аэродроме подошел сотрудник американской миссии при ООН и передал просьбу Раска посетить его в госдепартаменте в тот же день, в 6 часов вечера. Поскольку у меня была уже назначена деловая встреча в Нью-Йорке вечером того же дня, я попросил американца узнать у Раска, нельзя ли перенести нашу с ним встречу на следующий день. Однако этот сотрудник сразу же сказал, что у него твердые инструкции от госсекретаря обеспечить эту встречу обязательно сегодня вечером. Мне стало ясно, что речь идет о чем-то очень серьезном, ибо Раек никогда до этого так категорично не настаивал на определенном часе наших встреч, соглашаясь на взаимоприемлемое время. Внутренний голос подсказывал - произошло нечто важное, но что именно я не знал - то ли этот вызов связан с Кубой, то ли с Западным Берлином.

Я срочно вылетел в Вашингтон и был у Раска в назначенное время, т. е. в 6 часов вечера 22 октября.

Госсекретарь сказал, что у него есть поручение президента передать через меня личное послание президента Хрущеву по кубинскому вопросу, а также вручить для сведения текст обращения президента к американскому народу, с которым он намерен выступить в 7 часов вечера по радио и телевидению. Раек предупредил далее, что у него на этот раз имеются инструкции не отвечать ни на какие вопросы по тексту обоих документов и не комментировать их. „Эти документы, - добавил он, - говорят сами за себя".

В своем обращении к народу 22 **октября** Кеннеди объявлял об установлении „карантина на все виды наступательного оружия, перевозимого на Кубу".

В личном письме, направленном Хрущеву, Кеннеди указывал, что, как и в берлинском вопросе, он .в свое время прямо заявлял, что если события вокруг Кубы примут определенную направленность, то США сделают все необходимое для защиты своей безопасности и своих союзников. Тем не менее, быстрое развертывание баз для ракет средней дальности на Кубе и другого наступательного оружия произошло. „Я должен Вам заявить, что США полны решимости устранить эту угрозу безопасности нашему полушарию". Кеннеди говорил, что принимаемые им меры составляют лишь „необходимый минимум", и выразил надежду, что Советское правительство воздержится от любых акций, могущих лишь углубить этот опасный кризис.

Я выразил удивление, что ни президент, ни Раек не сочли необходимым открыто переговорить по всем этим вопросам во время встречи с Громыко.

Раек промолчал. Он был явно взвинчен, хотя и старался это скрыть. На этом встреча закончилась. Затем в госдепартамент были вызваны почти все послы (кроме социалистических стран), им вручили тексты речи президента с соответствующими комментариями руководящих сотрудников госдепартамента. Перед моим уходом Раек заметил, что пока не предполагается опубликование личного письма Кеннеди Хрущеву, но что в целом такую возможность исключать нельзя (письмо так и не было тогда опубликовано).

Вернувшись в посольство, я минут десять-пятнадцать провел в одиночестве в своем кабинете, чтобы немного „остыть" и по возможности взвешенно оценить обстановку. Разговор с Раском вызвал у меня понятную тревогу. Я впервые так остро почувствовал всю серьезность ситуации. Дело явно шло к крупному и опасному кризису в отношениях с Соединенными Штатами. Об этой оценке я немедленно доложил в Москву, понимая, что моя телеграмма о беседе с Раском явится для советского руководства большой и тревожной неожиданностью в свете недавней успокоительной телеграммы Громыко о его беседе с президентом Кеннеди. Осторожный Громыко давно так не ошибался в своих оценках!

Но главный просчет был допущен самим Хрущевым. Он не предвидел возможности внезапной резкой реакции США, и у него не было запасного сценария на такой случай. В результате он был вынужден лихорадочно импровизировать по ходу бурных событий и оказался в опасной кризисной ситуации, которая сильно подорвала его позиции в мире и в стране.

После отправки срочной телеграммы правительству о беседе с Раском я тут же созвал руководящий состав посольства. Поручив всем дипломатам самым внимательным образом следить за развитием событий, я подчеркнул серьезность ситуации, чреватой возможными осложнениями для самого посольства. Было введено круглосуточное дежурство дипломатических сотрудников. Семьи дипломатов, живших вне посольства (а таких было большинство), были предупреждены о необходимости соблюдать дополнительную осторожность. Было проведено отдельное совещание с руководителями наших разведслужб в связи с назревавшим кризисом и необходимостью сбора и подготовки для Москвы оперативной информации о развитии событий. В целом настроение в посольстве было тревожное, но не паническое. Продолжали работать по заведенному порядку. Массового сжигания документов, как спекулировали некоторые американские газеты, в посольстве не проводилось, так как мы считали, что кризис не дойдет до взаимной эвакуации посольств, хотя, конечно, некоторые документы и уничтожались. Уникальность обстановки для посольства заключалась в том, что я так и не получил из Москвы какой-либо ориентировки, что же именно сейчас происходит? Насколько были правдивы обвинения президента Кеннеди? Полное и загадочное молчание.

На следующий же день, во вторник 23 **октября,** Хрущев направил ответное послание президенту Кеннеди (оно также не публиковалось). В послании меры, объявленные Кеннеди, характеризовались как агрессивные против Кубы и СССР, как недопустимое вмешательство во внутренние дела Кубы и нарушение ее права „на оборону от агрессора". Отвергалось право США устанавливать контроль над судоходством в международных водах.

Выражалась надежда на отмену соответствующих мер, объявленных Кеннеди, во избежание „катастрофических последствий для всего мира".

Посольство сообщило в Москву, что после телевизионного выступления Кеннеди напряженность обстановки в Вашингтоне возросла. Макнамара заявил, что США не остановятся перед потоплением советских судов, доставляющих на Кубу оружие „наступательных видов", если эти суда откажутся подчиниться требованиям американских военных кораблей. Отмечалось, что американцы сами начинают нервничать, ожидая, когда подойдет к Кубе первое - после заявления Кеннеди - советское судно (с этим вопросом многие американцы обращались прямо в посольство) и чем закончится эта первая „проба сил". Эта атмосфера напряженного ожидания вступила в новую фазу, когда президент опубликовал в тот же день официальное заявление, провозгласившее введение в действие „карантина" на поставки Кубе „наступательного оружия" с 14 часов 24 октября.

Напряженность в самом нашем посольстве усугублялась еще и тем обстоятельством, что я по-прежнему так и не получил в эти дни никакой информации из Москвы о нашей позиции в связи с объявленным „карантином". Вообще не было никаких указаний или ориентировок.

Надо сказать, что в начале кубинского кризиса произошел драматический эпизод из войны разведок. Он был неизвестен до последнего времени, но мог иметь самые роковые последствия. 22 октября в Москве был арестован Олег Пеньковский, давно завербованный американской (и английской) разведкой. Официально он работал в Комитете по делам науки и техники СССР. Но как сотрудник ГРУ Пеньковский имел доступ к важнейшей советской военной и государственной информации, которую он регулярно передавал ЦРУ. За эти заслуги ему было тайно присвоено, по его же тщеславной просьбе, звание американского полковника. Он добивался также негласной аудиенции у президента Кеннеди, а также у английской королевы, но в этом ему было отказано.

Как рассказал впоследствии видный американский ученый Гартхофф, работавший одно время в ЦРУ, Пеньковский получил от американской разведки только два кодированных телефонных сигнала, которые он должен был использовать для срочного уведомления ЦРУ: один - в случае непосредственной угрозы ареста; другой - в случае немедленной угрозы войны в результате подготовки советского ракетного удара по США.

Получилось так, что у Пеньковского непосредственно перед арестом было несколько минут для посылки сигналов, но он почему-то послал только один сигнал - о неминуемой угрозе войны, а не о своем аресте. Видимо, Пеньковский решил: если ему и погибать, то погибать со всем миром!

Несколько ответственных сотрудников ЦРУ, которые все эти годы работали с Пеньковским, немедленно доложили о его аресте (о чем им стало известно по другим каналам) директору ЦРУ Маккоуну, но умолчали о сигнале Пеньковского насчет войны. Они взяли на себя большую ответственность, но полагались на глубокое знание своего подопечного, страдавшего преувеличенным самомнением.

Трудно себе представить, как развивались бы события в разгар кубинского кризиса, если бы президент Кеннеди узнал о чрезвычайно тревожном сигнале Пеньковского. Американские вооруженные силы и так Уже были приведены в глобальном масштабе в состояние повышенной боевой готовности.

23 октября поздно вечером ко мне пришел Роберт Кеннеди. Он явно был возбужден. Кеннеди сказал примерно следующее: „Я пришел по своей личной инициативе. Я счел необходимым пояснить, что именно привело к нынешнему весьма серьезному развитию событий. Более всего важно то, что личным отношениям президента и советского премьера, от которых так много зависит, нанесен серьезный ущерб. Президент чувствует себя обманутым, и эти чувства нашли свое отражение в его обращении к американскому народу".

Напомнив ряд предыдущих бесед на тему о поставках советского оружия на Кубу, Кеннеди отметил, что президент поверил всему, что говорилось с советской стороны, и, по существу, „поставил на карту свою политическую судьбу", публично заявив в США, что поставки на Кубу носят чисто оборонительный характер, хотя ряд республиканцев утверждал обратное. И вдруг президент получает достоверную информацию о том, что на Кубе вопреки всему тому, что говорилось советскими представителями, включая последние заверения Громыко в беседе с президентом, появились советские ракеты, поражающие почти всю территорию США. „Разве это оружие для оборонительных целей, о которых говорили Вы, Громыко, Советское правительство и Хрущев?" - спросил он.

Президент почувствовал себя обманутым, и обманутым преднамеренно. Кеннеди воспринял это как тяжелый удар по всему тому, что он стремился сохранить в личных отношениях с главой Советского правительства: взаимную веру в личные заверения друг друга.

Р.Кеннеди высказался далее в том смысле, что и конфиденциальный канал оказался скомпрометированным, если „даже советский посол, пользующийся, насколько нам известно, полным доверием своего правительства, не знает, что на Кубу уже доставлены ракеты, которые могут угрожать США, а не оборонительные ракеты, способные защищать Кубу от какого-либо нападения. Выходит, что, когда мы с Вами говорили раньше, Вы также не имели надежной информации" (в этом Р.Кеннеди был прав, и мне нечего было ему сказать).

В целом разговор на тему обмана президента носил напряженный и порой просто острый характер. После некоторых колебаний, я дословно передал в Москву все резкие высказывания Р.Кеннеди, включая не очень лестные относительно самого Хрущева и Громыко, чтобы там по-настоящему почувствовали настроение, которое царило в самом близком окружении президента. Это я считал важным для правильной оценки Кремлем общей нервозной обстановки в Вашингтоне. (Как я позже узнал от помощников Громыко, он распорядился вообще не рассылать эту мою телеграмму членам советского руководства, сказав, что доложит ее сам лично Хрущеву; как он поступил с ней дальше - неизвестно, но он не вернул эту телеграмму помощникам, и ее нет в архиве.)

В конце беседы Р.Кеннеди несколько успокоился и на мое заявление о том, что Хрущев дорожит личными отношениями с президентом, сказал, что последний, несмотря на случившееся, также продолжает дорожить ими.

Прощаясь, уже перед уходом, Р.Кеннеди как бы мимоходом спросил, какие имеются указания у капитанов советских судов, идущих на Кубу, в свете вчерашнего заявления президента Кеннеди и только что подписанной им декларации о недопущении - вплоть до применения силы -наступательного оружия на Кубу.

Я ответил, что мне известно о твердых указаниях, которые были даны капитанам ранее: не подчиняться чьим-либо незаконным требованиям об остановке и обысках в открытом море, как нарушающим международные нормы свободы судоходства. Приказ этот, насколько мне известно, не отменен.

Р.Кеннеди, махнув рукой, сказал: „Не знаю, чем все это кончится, ибо мы намерены останавливать ваши суда".

„Но это будет актом войны", - тут же предупредил я. Он покачал головой, но ничего не сказал.

И даже после этого важного разговора Москва продолжала держать наше посольство в полном неведении насчет своих намерений. Кстати, до конца кризиса посольство так и не было информировано о наличии на Кубе наших ядерных ракет. Позднее заместитель министра В.В.Кузнецов объяснил мне все это состоянием полного замешательства и растерянности Хрущева и всего советского руководства, когда Кеннеди отказался проглотить „горькую пилюлю" и когда они неожиданно для себя оказались вовлеченными в опасный водоворот событий вокруг Кубы.

Несколько слов о моих встречах с Робертом Кеннеди во время кубинского кризиса. Проходили они, как правило, поздно ночью (1-3 часа ночи), чтобы сохранить факт встречи в глубокой тайне. Встречались мы или у меня, в посольстве, или у него, в здании министерства юстиции, в его кабинете, куда я приходил через особый подъезд.

Когда он приезжал ко мне, то я встречал его у входа, а затем мы вдвоем поднимались на третий этаж в мою гостиную. Здесь мы и беседовали в ночной тишине. На встречах никто никогда не присутствовал, кроме нас двоих. Жена обычно оставляла нам кофе, а затем уходила в спальню. Все это накладывало отпечаток некоторой таинственности, отражая в то же время общую атмосферу напряженности тех дней в Вашингтоне. К тому же мой собеседник по своему характеру не был общительным и не обладал должным чувством юмора, что обычно помогает при сложных переговорах. Он бывал вспыльчив. Так или иначе наши беседы, подчас продолжительные, носили сугубо деловой характер.

23 октября президент Кеннеди послал Хрущеву новое письмо (текст был передан в МИД утром 24 октября). В нем Кеннеди выразил надежду, что Хрущев немедленно даст указание советским судам соблюдать условия карантина, которое объявляет правительство США.

В этот же день МИД передал в посольство США текст ответного письма Хрущева. В нем говорилось, что Советское правительство рассматривает нарушение свободы международного мореходства и международного воздушного пространства „как акт агрессии, толкающий человечество на грань пропасти мировой ракетно-ядерной войны". Соответственно, Советское правительство не может дать указание своим капитанам подчиняться приказам американских военно-морских сил, блокирующих остров Куба. Разумеется, „мы не будем только наблюдать за пиратскими действиями американских судов в открытом море; мы будем вынуждены со своей стороны принять необходимые меры для защиты наших прав; для этого у нас есть все необходимое".

24 октября был, пожалуй, самым напряженным днем за все длительное время моего пребывания на посту посла в США. По всем американским телевизионным станциям показывали нам, как советский танкер (возможно, с ракетами на борту) приближался к черте, установленной американской

декларацией о карантине, за которой военные корабли США собирались останавливать и задерживать наши суда, идущие на Кубу, вплоть до их обстрела.

Пожалуй, вся Америка, глядя в телевизоры, считала, сколько еще миль осталось нашему танкеру, сопровождаемому американскими эсминцами и самолетами, до роковой черты: „пять... три... одна миля". Наконец, он пересекает, не останавливаясь, эту черту. Но американские военные корабли не стреляют, пропускают его дальше. Общий вздох облегчения. И прежде всего у всех сотрудников нашего посольства.

Угроза непосредственного военного столкновения на море была несколько отодвинута, продолжались лихорадочные дипломатические поиски компромиссного выхода. В дальнейшем, в разгар кризиса, советские суда не пересекали больше „карантинной линии", чтобы не спровоцировать нежелательные инциденты. Однако строительство на Кубе площадок для ракет продолжалось.

25 **октября** посольство сообщило в Москву, что обстановка в Вашингтоне остается весьма напряженной. В прессе появляются сообщения о том, что правительство США обсуждает возможность массированного налета американской авиации на строящиеся на Кубе ракетные площадки. Некоторые источники сообщают, что наиболее воинственную линию в правительстве занимают Р.Кеннеди, Банди и военные, которые настаивают на ликвидации ракетных баз на Кубе, не останавливаясь при этом даже перед вторжением на этот остров.

Возможно, говорилось далее в телеграмме посольства, эта информация носит сознательно направленный характер, чтобы оказать на нас дополнительное давление. Вместе с тем, следует считаться с тем, что сам президент, как азартный игрок, по существу, поставил на карту свою репутацию государственного и политического деятеля и связанные с этим перспективы переизбрания в 1964 году. Вот почему нельзя исключать возможности того, что он может, особенно учитывая его окружение, пойти на такие крайние шаги, как бомбардировка ракетных баз на Кубе или даже, может быть, вторжение на Кубу, хотя последнее явно менее вероятно.

Посольство отмечало общее нагнетание обстановки в США по радио, телевидению и в прессе, включая сообщения из различных штатов о приведении в полную готовность систем гражданской обороны, противоатомных убежищ, о закупках населением продуктов и других товаров первой необходимости.

Поздно ночью 25 октября было получено письмо от президента Кеннеди для Хрущева. В нем президент стремился доказать, что не он первым бросил вызов в вопросе о Кубе. Он делал при этом ссылки на прежний диалог между обоими правительствами по поводу характера наших военных поставок, которые мы все время называли оборонительными, хотя теперь выяснилось, что речь шла о ракетных базах. Вот почему он считает оправданными действия, которые недавно предпринял в связи с событиями вокруг Кубы. В заключение Кеннеди призвал вернуться „к прежней ситуации".

В течение **26 октября,** как сообщало посольство, средства массовой информации - явно по подсказке сверху - все более настойчиво утверждали, что на Кубе форсированными темпами продолжается строительство ракетных площадок, а сами ракеты приводятся в оперативную готовность. К концу дня с официальными заявлениями по этому поводу выступили представитель госдепартамента Уайт и секретарь президента по вопросам

печати Сэлинджер. В заявлениях они довольно ясно намекали, что „указанный факт дает основание" правительству США принять дальнейшие, более серьезные меры против Кубы. В прессе по-прежнему подчеркивается возможность вторжения на Кубу, но тема бомбардировок ракетных баз выходит сейчас на первое место, отмечалось в телеграмме посольства. Сообщалось также о дальнейших мобилизационных мероприятиях правительства США, о приведении в боевую готовность тактической и стратегической авиации.

По свидетельству нашего посла на Кубе Алексеева, Фидель Кастро, который в ночь с 26 на 27 октября пробыл у нас в посольстве до 5 часов утра, был крайне встревожен развитием событий и отсутствием перспектив решения кризиса. Обе стороны стояли на своем, не просматривалось никаких признаков разрешения кризисной ситуации. Кастро допускал возможность нанесения американцами бомбовых ударов по Кубе и даже предложил нашему послу отправиться с ним в бункер на командный пункт, оборудованный в одной из пещер под Гаваной.

Одновременно Фидель послал телеграмму Хрущеву (получена в Москве в субботу, 27 октября), в которой наряду с тревожной оценкой ситуации предложил использовать в переговорах с американцами такой козырь, как угрозы применения Советским Союзом ядерного оружия, если США отважатся на бомбардировку Кубы.

Хрущев намекает на возможность компромисса

Волнения, вызванные нарастанием кризиса, не могли не повлиять на поведение самого Хрущева. Он понял, что надо срочно искать компромиссный выход из кризиса, чтобы избежать развязывания войны и предотвратить вероятный удар США по Кубе.

26 октября через посольство США в Москве было передано подробное письмо Хрущева для Кеннеди.

Письмо носило примирительный характер, хотя, отражая смятение самого Хрущева, оно было составлено довольно сумбурно.

Хрущев оспаривал правильность квалификации президентом Кеннеди советских ракет как наступательного оружия, утверждая, что они носят сугубо оборонительный характер и посланы по просьбе кубинского правительства лишь для обороны самой Кубы. Он продолжал критиковать введенный американцами „карантин", утверждая при этом, что на советских судах, которые сейчас движутся к Кубе вообще нет военных грузов. Куба уже получила все средства для обороны. „Нападать на США советское руководство не собирается. Война между СССР и США была бы самоубийством. Идеологические различия должны решаться мирными средствами. Давайте нормализовывать отношения".

Хрущев призвал президента совместно проявить здравый смысл. Со своей стороны он предложил следующее: советская сторона объявляет, что суда, идущие на Кубу, не будут осуществлять никаких военных поставок вообще; американская сторона заявляет, что США не будут осуществлять интервенцию на Кубу и не будут поддерживать силы, которые имеют такое намерение. Хрущев предложил срочно сделать такие заявления и в любом случае не прибегать к тем опасным акциям, которые могут вытекать из ранее сделанных президентом заявлений в отношении Кубы и судов, идущих

к ней. Он намекнул, что в случае такого решения причина размещения советских ракет на Кубе будет вообще устранена. Хотя в этом послании прямо не говорилось о вывозе советских ракет (а на этом настаивал Кеннеди), в Белом доме поняли, что Хрущев готов идти на поиск политического компромисса и, по существу, первый пошел на попятную.

27 октября был днем активной дипломатической деятельности. Не успел еще Кеннеди подготовить свой ответ на последнее послание Хрущева, как утром этого же дня он получил новое срочное послание. Опасаясь поспешной неблагоприятной реакции президента (в частности начала бомбардировок Кубы) на свое предыдущее послание, где не говорилось четко о советских ракетах, Хрущев на этот раз ясно заявил о согласии СССР вывезти с Кубы ракеты, а точнее, „те средства с Кубы, которые Вы считаете наступательными". Вместе с тем Хрущев, чувствуя недовольство своих коллег и военных, предпринял еще одну отчаянную попытку в последний момент спасти свое лицо и прикрыть публичное отступление. Дополнительно к обязательству США о невторжении на Кубу, о чем говорилось в его предыдущем письме, Хрущев предложил „вывезти аналогичные американские средства из Турции", т. е. как бы обмен закрытием баз.

Таким образом, в этот день (названный позже американцами „черной субботой") Кеннеди и его команде предстояло найти непростое решение, как ответить на оба послания Хрущева. Задача осложнялась тем, что свое очередное послание Хрущев, который очень спешил передать по радио, т. е. фактически публично перевел вопрос о турецких базах в контекст кубинского кризиса, чего Кеннеди всячески стремился избежать. После длительных споров в Белом доме в этот день было решено вести дальнейший диалог как бы в двух плоскостях: в официальном (публичном) ответе Хрущеву игнорировать вопрос о турецких базах, переведя его в русло конфиденциального канала.

В тот же день Кеннеди послал Хрущеву свое официальное послание, которое было ответом на послание советского премьера от 26 октября. Однако на последнее послание Хрущева от 27 октября (где упоминались базы в Турции) никаких ссылок в ответе президента не делалось с явным намерением не вступать в переписку по вопросу о Турции.

В своем послании Кеннеди приветствовал желание Хрущева найти быстрое решение кризиса. Однако в первую очередь, по его мнению, следует прекратить все работы на ракетных площадках и привести все наступательное оружие на Кубе в бездействующее состояние под международным контролем. Одновременно он выражал готовность договориться о разрешении кубинского кризиса на следующих условиях: СССР вывозит с Кубы ракеты и другое наступательное оружие, а США отменяют блокаду и дают заверения в том, что Куба не подвергнется вторжению ни со стороны США, ни со стороны других стран Западного полушария.

Кульминация кризиса. Решающая встреча с Р.Кеннеди

В тот же день, 27 октября, меня пригласил к себе поздно вечером Р.Кеннеди. В его кабинете был большой беспорядок. На диване валялся скомканный плед, видимо, хозяин кабинета тут же урывками спал. Важный разговор состоялся наедине.

Кубинский кризис, начал он, продолжает быстро углубляться. Только что получено сообщение, что сбит американский невооруженный самолет, осуществлявший наблюдательный полет над Кубой. Военные требуют от президента отдать приказ отвечать огнем на огонь. Отказываться от таких полетов США не могут, так как только таким путем можно быстро получить сведения о ходе строительства ракетных баз на Кубе, которые представляют собой очень серьезную угрозу нашей национальной безопасности. Но если начать ответный огонь, то быстро начнется цепная реакция, которую будет очень трудно остановить. То же относится к существу вопроса о ракетных базах на Кубе. Правительство США полно решимости избавиться от этих баз - вплоть до их бомбардировки, ибо, повторяю, они представляют большую угрозу для безопасности США. Но на бомбардировку этих баз, в ходе которой могут пострадать советские военные специалисты и советские охранные подразделения, Советское правительство, несомненно, ответит нам тем же где-то в Европе. Начнется самая настоящая война, в которой погибнут прежде всего миллионы американцев и русских. Мы хотим избежать этого во что бы то ни стало. Уверен, что такое же стремление есть и у правительства СССР. Однако промедление с нахождением выхода связано с большим риском (здесь Р.Кеннеди как бы вскользь заметил, что у них много неразумных голов среди генералов, да и не только среди генералов, которые так и рвутся „подраться"). Ситуация может выйти из-под контроля с непоправимыми последствиями, подчеркнул мой собеседник.

В этой связи, продолжал он, президент считает, что подходящей базой для урегулирования всего кубинского кризиса могли бы явиться письмо Хрущева от 26 октября и ответное письмо президента, которое сегодня, 27 октября, отправлено через посольство США в Москве Хрущеву. Главное для нас - получить как можно скорее согласие Советского правительства на прекращение дальнейших работ по строительству ракетных баз на Кубе и осуществление мер под международным контролем, которые сделали бы невозможным применение упомянутого оружия. В обмен правительство США готово, помимо отмены всех мер по „карантину", дать заверения, что не будет никакого вторжения на Кубу и что другие страны Западного полушария - в этом правительство США уверено - готовы будут дать такие же заверения.

Компромисс, предложенный Р.Кеннеди, как и послание президента от 27 октября, страдал тем недостатком, что он не включал обмена „базы на базу". Поэтому я, хотя и не имел на этот счет никаких указаний из Москвы (полного текста послания Хрущева от 27 октября у меня еще не было, поскольку сперва оно было вручено в Москве посольству США), тем не менее спросил, а как быть в отношении американских ракетных баз в Турции?

Оказалось, что Р.Кеннеди имел на это ответ, санкционированный президентом, но который до того момента они не сообщили еще Хрущеву, держа его в запасе на крайний случай.

Президент и его брат, видимо, решили, что этот наш разговор и был таким случаем.

Если в этом сейчас единственное препятствие к достижению упомянутого выше урегулирования, то президент не видит непреодолимых трудностей в решении и этого вопроса, четко ответил Р.Кеннеди. Главная трудность для президента - публичное обсуждение вопроса о Турции.

Формально размещение ракетных баз в Турции было оформлено официальным решением НАТО. Объявить сейчас (односторонним решением президента США) о закрытии в Турции ракетных баз - это значит ударить по всей структуре НАТО и по положению США как лидера союза, где, как, несомненно, хорошо известно Советскому правительству, существует и так немало споров.

Однако президент Кеннеди готов негласно договориться и по этому вопросу с Хрущевым. Думаю, что для свертывания таких баз в Турции, сказал Р.Кеннеди, потребовалось бы 4-5 месяцев. Это - минимальное время, которое необходимо правительству США, чтобы сделать такие шаги с учетом процедуры, существующей в рамках НАТО. По турецкому аспекту можно продолжить обмен мнениями, используя для этого наш с вами канал связи. Однако публично об этом плане, снова сказал он, президент ничего не может сейчас сказать. Р.Кеннеди предупредил, что его сообщение о Турции является весьма конфиденциальным и в Вашингтоне, помимо него и брата, о нем знают еще только 2-3 человека. Вот все, что президент просил передать Хрущеву, подчеркнул Р.Кеннеди. Президент просил также Хрущева дать ответ на высказанные соображения по возможности в течение завтрашнего дня (воскресенье). Нынешняя ситуация, к сожалению, складывается таким образом, что времени для решения вопроса остается весьма мало. К несчастью, события развиваются слишком быстро. Отсюда просьба дать ответ завтра. Президент надеется, что глава Советского правительства его правильно поймет. Сказав это, Р.Кеннеди дал мне номер прямого телефона в Белом доме, по которому я мог бы сразу связаться с ним лично.

Нужно сказать, что в течение нашей встречи Р.Кеннеди не скрывал своего волнения, во всяком случае я его видел в таком состоянии впервые. Он даже не попытался вступить, как это он делал часто, в спор по тому или иному вопросу, а лишь настойчиво возвращался к одной теме: время не терпит, нельзя его упустить. После встречи со мной он сразу же поехал к президенту, с которым, как сказал Р.Кеннеди, он сейчас, по существу, проводит почти все время.

Надо сказать, что в течение всех дней кризиса Политбюро практически заседало непрерывно. Американские журналисты писали, что и в Белом доме, и в Кремле окна светятся всю ночь напролет. Узнав об этом, Хрущев перенес заседания Политбюро из Кремля за город, на дачу в Ново-Огарево, и оставался там до 28 октября. Правда, он посетил в эти дни Большой театр. Но это была игра на „публику".

Как позже мне стало известно от членов Политбюро, согласие президента на вывод их ракетных баз из Турции, сообщенное мне Р.Кеннеди, явилось поворотным пунктом в разрешении кубинского кризиса, ибо оно позволило Хрущеву „спасти лицо", когда он был вынужден согласиться на вывоз ракет с Кубы. Сам Хрущев в своих мемуарах не оставляет никаких сомнений в том, что мой разговор с Р.Кеннеди решил все дело. „Это была кульминация кризиса", - подчеркивал он.

События к этому моменту продолжали развиваться своим чередом. Множились тревожные сведения о готовящейся американцами бомбардировке ракетных баз на Кубе. По данным советской разведслужбы, бомбардировки вроде намечены были на 29 или 30 октября. Напряжение среди советского руководства, как и в Белом доме, сильно возросло. Беспокойство усилилось, когда из моей беседы с Р.Кеннеди стало известно,

что президент подчеркнуто ждет нашего ответа на следующий день, т. е. в воскресенье, 28 октября. Дело явно шло к драматической развязке конфликта. Накал достиг критической точки, когда в Политбюро поступила ошибочная информация от военной разведки о том, что президент собирается выступить по телевидению с важным обращением к нации насчет Кубы в 5 часов дня по вашингтонскому времени (в Москве опасались, что это могло быть решение о бомбардировке Кубы).

Именно в этих условиях, как свидетельствует помощник Хрущева О.Трояновский, после лихорадочных дискуссий в советском руководстве в ночь с 27 на 28 октября, а также утром 28 октября было принято окончательное решение: принять предложение Кеннеди, тем более что впервые полученное через меня принципиальное согласие президента на вывоз американских ракет из Турции позволяло „прикрыть" наше отступление на Кубе, или, как сказал сам Хрущев на заседании Политбюро, предоставило „достойный выход из конфликта".

В 4 часа дня 28 **октября** я получил срочную телеграмму от Громыко: „Немедленно свяжитесь с Р.Кеннеди и скажите ему, что Вы передали Н.С.Хрущеву содержание беседы с ним. Н.С.Хрущев прислал следующий срочный ответ: „Соображения, которые Р.Кеннеди высказал по поручению президента, находят понимание в Москве. Сегодня же по радио будет дан ответ на послание президента от 27 октября, и этот ответ будет самый положительный. Главное, что беспокоит президента - а именно вопрос о демонтаже ракетных баз на Кубе под международным контролем, -не встречает возражений и будет подробно освещен в послании Н.С. Хрущева". Громыко послал свою телеграмму, не дожидаясь даже пока будет готов полный текст ответного послания Хрущева.

Не скрою, получив эту телеграмму, я почувствовал большое облегчение, ибо хорошо понимал, что ожидавшийся ответ Хрущева касался вопроса быть или не быть военному конфликту. Нервное напряжение последних дней как-то сразу спало. Стало ясно, что наиболее критический момент кризиса благополучно пройден. Можно было вздохнуть более спокойно. Я тут же позвонил Р.Кеннеди, и мы условились о немедленной встрече.

Он с большим вниманием выслушал ответ Хрущева. Поблагодарив за сообщение, сказал, что немедленно вернется в Белый дом, чтобы информировать президента „о важном ответе" главы Советского правительства. „Это - большое облегчение", - добавил Р.Кеннеди. Эти слова вырвались у него как-то непроизвольно. „Я, - сказал он, - смогу сегодня, наконец, повидать своих ребят, а то совсем отбился от дома". Впервые за все время кризиса он улыбнулся.

Прощаясь, Р.Кеннеди снова просил держать пока в строгом секрете договоренность о Турции.

Я ответил, что в посольстве, кроме меня, никто не знает о вчерашнем разговоре с ним.

Нетрудно догадаться, что ответ Хрущева был встречен с большим облегчением и президентом Кеннеди, и даже наиболее воинственными представителями его ближайшего окружения.

Тем временем в Москве 28 октября текст обещанного обращения Хрущева к Кеннеди был в большой спешке передан по радио и одновременно в американское посольство, чтобы опередить предполагаемое выступление президента (в ответе не было ссылок на турецкие базы).

Следует отметить, что спешное решение Хрущева эвакуировать и ликвидировать ракетные базы не было согласовано с кубинским руководством, что сильно обидело Ф.Кастро и создало серьезные осложнения в советско-кубинских отношениях.

Кеннеди в ответ тут же приветствовал послание Хрущева, назвав его важным вкладом в дело мира.

29 октября я передал через Р.Кеннеди конфиденциальное послание Хрущева для президента. В нем говорилось, что советский премьер понимает, сколь сложно для президента публичное рассмотрение вопроса о ликвидации американских ракетных баз в Турции. Учитывая сложность этого вопроса, он согласен с пожеланием публично не обсуждать его. Выражалось согласие продолжать разговор на эту тему в конфиденциальном порядке через меня и Р.Кеннеди.

В послании особо отмечалось, что договоренность по Кубе была достигнута с учетом того, что президентом дано согласие на решение вопроса об американских ракетных базах в Турции. Это согласие надо как-то оформить.

На следующий день, **30 октября,** Р.Кеннеди сообщил мне, что президент подтверждает договоренность о ликвидации американских военных баз в Турции и что будут приняты меры к ее выполнению, но без ссылок на то, что это связано с кубинскими событиями. Он заявил далее, что Белый дом не может оформить такую договоренность в виде даже самых конфиденциальных писем, так как они вообще опасаются вести переписку по такому деликатному вопросу. Он добавил сугубо доверительно, что не хотел бы исключить, что сам он когда-нибудь может баллотироваться на пост президента, а обнародование такой переписки, в обход НАТО, может ему сильно повредить.

1 ноября я передал Р.Кеннеди, что Хрущев согласен с этими соображениями и не сомневается, что слово, данное лично президентом по вопросу, относящемуся к Турции, будет выполнено.

Самое любопытное в этом диалоге с Кеннеди о сохранении в тайне договоренности по американским ракетам в Турции было то, что сам президент был готов в наиболее критический момент кризиса признать такое обязательство публично, чтобы только не сорвать из-за этого важную договоренность с Хрущевым об урегулировании кризиса.

Как сообщил мне Раек много лет спустя, госсекретарь предложил, а президент дал согласие, в случае необходимости, еще на один шаг: Раек звонит Эндрю Кордье, старому другу и заместителю Генерального секретаря ООН, и передает ему текст заявления, которое будет опубликовано У Таном. Заявление Генерального секретаря будет содержать как бы его собственное предложение о выводе как советских ракет с Кубы, так и американских из Турции. Кордье должен был передать этот документ У Тану только после специального дополнительного сигнала лично от Раска. Однако события развивались быстро и таким образом, что такого сигнала не потребовалось, ибо Хрущев согласился на негласную договоренность. А текст „заявления" У Тана так и остался в глубокой тайне, известный только президенту, Раску и Кордье.

То, что Хрущев не настоял на том, чтобы Кеннеди дал не конфиденциальное, а публичное обязательство (а он мог этого добиться, как это видно из слов Раска) о выводе ракет из Турции, - было его большой ошибкой и стоило ему впоследствии дорого. Кеннеди был провозглашен

средствами массовой информации как несомненный победитель в опасном кризисе, поскольку никто не знал о секретной сделке по „обмену базами" на Кубе и в Турции, а все видели только унижение Хрущева, когда вывозились советские ракеты.

Фактически же окончательное урегулирование кризиса не было ни большой победой, ни крупным поражением для обоих лидеров. Кеннеди, по существу, добился восстановления status quo, которое существовало вокруг Кубы до ввоза советских ракет. Но ему пришлось де-факто согласиться с присутствием на Кубе советского военного персонала. Главное, Хрущев добился обязательства от Кеннеди не нападать на Кубу (т. е. то, что он и Кастро хотели), а также дополнительного обязательства о вывозе американских ракет из Турции. Правда, последнее обязательство осталось „за занавесом", это дало Кеннеди большое пропагандистское преимущество.

Потребовалось еще около двух месяцев интенсивных дипломатических переговоров и обменов посланиями на высшем уровне, и только_7_янва2я 1963 года заместитель министра иностранных дел СССР В.Кузнецов и постоянный представитель США при ООН Э.Стивенсон направили Генеральному секретарю ООН совместное письмо, в котором в связи с урегулированием кубинского кризиса предложили снять этот вопрос с повестки дня Совета Безопасности.

Итоги и уроки кризиса

Все последующие администрации США в той или иной форме подтверждали готовность придерживаться договоренности 1962 года. Вместе с тем периодически американская сторона предъявляла нам разного рода претензии, пытаясь расширительно, к своей выгоде, толковать смысл договоренности 1962 года, которая не была оформлена в том году в письменном виде, поскольку от этого тогда уклонилась администрация Кеннеди. (Кеннеди уклонился от официального оформления своего обязательства не нападать на Кубу, поскольку Кастро отказался разрешить Соединенным Штатам проконтролировать на кубинской территории вывоз советского наступательного оружия. Хрущев вынужден был удовлетвориться устным заверением о том, что США не будут нападать на Кубу, если на ней не будет размещено советское наступательное оружие. Здесь также сказалась спешка, в которой действовал Хрущев.)

Мне навсегда запомнилась лихорадка октябрьского ракетного кризиса, когда всеобщий мир буквально висел на волоске и когда руководители СССР, США и Кубы вынуждены были, что называется, „на лету" вчитываться в тексты адресованных друг другу посланий. В решающий момент кризиса Кеннеди и Хрущев оказались на высоте, проявив политическое мужество и выдержку. Что если бы на месте Кеннеди оказался Рейган, вместо Макнамары - Уайнбергер, а госсекретарем был бы не Раек, а генерал Хейг?

Чтобы понять всю опасность военного конфликта вокруг Кубы, достаточно напомнить, что советские ракеты тактического и среднего действия имели десятки ядерных зарядов, целями которых могли стать крупнейшие города Америки, включая Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго.

Оценивая в целом карибский кризис, хотел бы отметить его значение для последующего развития советско-американских отношений - он убедительно показал опасность прямого военного столкновения двух великих держав, которая была предотвращена - на грани войны - лишь быстрым и мучительным осознанием обеими сторонами катастрофических последствий такого столкновения. Именно в силу этого упор был сделан на политическое решение конфликта, чему в немалой степени помогло наличие прямого конфиденциального канала между руководителями обеих стран. Даже сейчас, много лет спустя, это совместное решение можно считать моделью успешного управления кризисом. Стало ясно, что третьей мировой войны можно избежать.

Кубинский кризис имел важные долговременные последствия. Оба правительства, оба лидера Хрущев и Кеннеди, вольно или невольно стали осознавать большую опасность возможности повторения такого кризиса, в 'котором они прямо противостоят друг другу. Более того, они осознали необходимость ослабления напряженности после урегулирования кризиса. В течение следующего 1963 года был подписан ряд соглашений между Москвой и Вашингтоном, включая договор о частичном запрещении ядерных испытаний и соглашение об установлении „горячей линии" (прямой связи) между обеими столицами.

Кроме того, зависело это или нет от октябрьского кризиса 1962 года, но ни в 1963 году, ни позднее не возникало новых серьезных кризисных ситуаций, связанных со спорами вокруг другого опасного очага - Берлина. Не возникало больше и угрозы американского вторжения на Кубу.

Однако кубинский кризис имел и серьезные негативные последствия долгосрочного плана. Советское руководство не могло забыть унизительной потери своего престижа, граничившего с поражением, когда ему пришлось на глазах всего мира признать свою слабость и вывозить обратно свои ракеты с Кубы. Наш военный истэблишмент воспользовался этим для того, чтобы добиться новой программы наращивания ракетно-ядерных вооружений, что дало новый импульс гонке вооружений, которая по набиравшей силу инерции продолжалась еще почти тридцать лет, хотя и делались попытки ограничить какими-то рамками эту гонку.

Кубинский кризис сыграл свою роль и в политической судьбе самого Хрущева. Когда через два года на специальном пленуме ЦК партии в Москве решался вопрос о его отставке со всех постов, то многие в своих выступлениях весьма критически отзывались о личной роли Хрущева в создании кубинского кризиса.

Кризис дал обоим правительствам и лично мне как послу хороший дипломатический урок: сохранение негласных контактов между противоборствующими сторонами, особенно в период острых кризисов, имеет большую ценность. Я не берусь предсказывать, чем бы мог закончиться кубинский кризис, если бы не было тогда таких контактов. Во всяком случае последствия могли бы быть самыми катастрофическими.

Опыт кубинских событий, по существу, задал основное направление моей дальнейшей четвертьвековой дипломатической деятельности на посту посла: я хорошо понял, сколь важно быть активным звеном сугубо конфиденциального постоянного канала связи на высшем уровне для прямого, порой не всегда приятного, но по возможности откровенного диалога между высшими руководителями обеих стран. Думаю, что подчас это был, пожалуй, единственный путь, который не дал „холодной войне"

превратиться в горячую. Дальнейшая история наших отношений, которая излагается в других главах книги, это подтверждает.

Сам конфиденциальный канал должен действовать на постоянной основе, а его непосредственные участники должны обладать определенным дипломатическим и политическим багажом и кругозором. Главное, однако, заключается в том, что такой канал не должен использоваться правительствами для дезинформации. Дипломатическая игра, конечно, всегда присутствует, но намеренная дезинформация недопустима, ибо рано или поздно она обнаружится, и канал связи потеряет всякую ценность. Так и произошло, например, в случае с Большаковым.

Кстати, в американской печати получила хождение версия о том, что видную роль в решении кризиса сыграл телекомментатор Скалли, который якобы с ведома Белого дома поддерживал контакты с резидентом нашей разведки в Вашингтоне советником посольства Александром Фоминым (его настоящая фамилия Феклистов). В одном из вашингтонских ресторанов, где они встречались, предприимчивый хозяин даже повесил позже табличку с соответствующей надписью. Правда, впоследствии они разругались, когда каждый стал проталкивать в прессу наиболее выгодную для себя версию событий. Я был в курсе этих встреч, но исходил из того, что конфиденциальный диалог шел через Р.Кеннеди.

После того, как острота кризиса спала, Р.Кеннеди предъявил мне претензии по поводу того, что мы искали другие каналы, помимо его собственного. Он подчеркнул, что Скалли действовал по своей инициативе, без какого-либо одобрения Белого дома, лишь в ответ на обращение сотрудника посольства (который, однако, отрицал -это: по его словам, Скалли сам разыскал его). Об этом же упомянул и президент Кеннеди в своем письме Хрущеву от 14 декабря, заметив, что устанавливать какую-либо доверительную связь через корреспондента телевизионной компании опасно, так как никогда нельзя быть уверенным в том, что это, в конце концов, не попадет в печать.

На этом и закончилась „связь" Фомин - Скалли. Сам Фомин был вскоре отозван в Москву.

Думаю, что объяснялась вся эта история довольно просто: обе разведки искали в момент кризиса контакты между собой. Факт остается фактом, что разведслужбы обеих стран оказались не на высоте в период кризиса. Американская разведка не смогла обнаружить наличие советских ракет на Кубе вплоть до середины октября. Наша разведка не имела в тот момент надежных Источников информации в Вашингтоне. Не случайно сам резидент Фомин отправился в бар-ресторан добывать сведения от корреспондента.

Что же касается Р.Кеннеди, то он неожиданно решил порвать доверительный канал связи через Большакова. Мы узнали, что готовится статья Бартлета и Олсопа о кубинском кризисе, в которой впервые упоминаются имя Большакова и его встречи с Р.Кеннеди. Поскольку Бартлет был близок к Белому дому, Большаков через Р.Кеннеди хотел предотвратить публикацию этой статьи, поскольку она обесценивала на будущее значение их конфиденциальных контактов. Он обратился к Роберту Кеннеди, но неожиданно услышал раздраженный и грубый ответ: „Мы считаем, что в кубинском вопросе нас обманывали все, в том числе и Вы. Использование этого канала в дальнейшем - целиком Ваше дело". Статья была опубликована.

Судя по всему, в Белом доме решили пожертвовать каналом с Большаковым, чтобы обезопасить Р.Кеннеди на будущее от возможной критики, что он занимается не своими делами. Одновременно таким образом можно было дополнить версию „обмана" президента в преддверии кубинского кризиса также ссылкой на канал Большакова, который незадолго до возникновения кризиса передал Р.Кеннеди устное сообщение из Москвы об отсутствии на Кубе „наступательного оружия".

В свете этого решено было вскоре отозвать Большакова домой, хотя к нему с нашей стороны не было никаких претензий. Он - в порядке вежливости - зашел к Р.Кеннеди попрощаться. Тот устроил довольно лицемерную сцену прощания со „своим другом", сожалел, что он уезжает и „очень просил" написать ему из Москвы о том, как у него сложатся дела. Большаков вернулся домой, где и продолжал работать еще около 20 лет, после чего ушел на пенсию.

Микоян в Вашингтоне

Пик кубинского кризиса миновал. За ним наступил период, когда надо было, говоря словами Библии, „собирать камни". Поэтому 29 ноября Микоян по пути на Кубу встретился с президентом в Белом доме. После встречи, занявшей около 3,5 часа, Микоян послал в Политбюро сообщение следующего содержания.

Президент по ходу беседы утверждал, что Куба все более превращается „в плацдарм советской политики, направленной на подрыв Латинской Америки". Он подчеркивал, что имеет в виду не столько действия самой Кубы, сколько расширение влияния СССР в этом районе мира. „Не Куба -что она действительно может сделать против нас, - а действия СССР - вот что имеет для нас значение". Истолковывая завоз советских ракет на Кубу как попытку изменить существующее соотношение сил в этом районе, Кеннеди намекал достаточно недвусмысленно на желательность того, чтобы СССР ограничил свою деятельность рамками только своей страны, своим внутренним строительством. Тогда и США готовы сделать то же самое. А то сейчас, говорил президент, создалось такое положение, когда, хотя обе наши страны и не имеют каких-либо территориальных претензий друг к другу, мы сталкиваемся с вами почти повсюду, что в нынешний ракетно-ядерный век связано с большими опасностями для всеобщего мира. Как только где-либо вспыхивает искра революции, ваше присутствие становится заметным. Вы тут как тут. Надо взаимно избегать обострения обстановки в различных частях света. Главное же, чтобы мы с Хрущевым хорошо понимали друг друга.

Микоян: Мы - за решение вопросов, а не подвешивание их. Искра революции? Но на Кубе мы сперва вообще не имели никаких связей (Кеннеди согласился с этим). Революции были и будут. И в странах Америки они победят, и у вас, в США, она победит. Возможно, Вам самому придется оказаться в роли Ф.Кастро, который, не будучи марксистом, повел Кубу к социализму.

Президент рассмеялся: „Не я, но мой младший брат может оказаться в таком положении". (Этот обмен репликами, хотя и в шуточной форме, показателен, вместе с тем, с точки зрения общего настроя тогдашнего советского руководства в отношении победы марксистской идеологии в международном масштабе. - А.Д.)

Далее Микоян сообщил, что у него с Кеннеди состоялась дискуссия по поводу американской формулировки гарантии невторжения на Кубу -американцы явно не хотели ясной формулировки для публикации в ООН. Кеннеди было сказано, что мы никогда не согласимся санкционировать облеты американскими самолетами кубинской территории, так как это было бы грубым нарушением суверенитета и Устава ООН.

Кеннеди упорно навязывал мысль о том, чтобы вместо согласованных документов ООН ограничиться отдельными заявлениями Хрущева и Кеннеди с изложением согласованных и несогласованных вопросов. Но все же, отвечая на прямой вопрос Микояна, президент подтвердил, что США не будут вторгаться на Кубу и что они не отходят от позиций, изложенных во взаимных посланиях во время самого кризиса. „Как я уже говорил, США не нападут на Кубу сами и не позволят сделать это другим. Мы с Хрущевым понимаем друг друга, и я выполню взятые на себя обязательства". Президент также заметил, что он придерживается мнения, что американские ракетные базы в Турции и Италии не имеют большого значения и что правительство США изучает вопрос о целесообразности дальнейшего сохранения упомянутых баз.

В целом из беседы с президентом Микоян, помимо конкретных кубинских дел, особо выделил соображения Кеннеди в отношении желательности сохранения статус-кво между СССР и США, так сказать, в мировом масштабе. Правда, своих рекомендаций или комментариев в этой связи осторожный Микоян в телеграмме не высказывал.

В разговоре со мной Микоян признал, что в Москве был момент „большой тревоги" по поводу возможных военных акций США против Кубы 29 или 30 октября. Считались весьма вероятными такие действия, которые были бы чреваты крупным военным конфликтом между СССР и США, а советское руководство понимало крайнюю нежелательность и опасность такого развития событий и стремилось срочно найти выход из положения, (которое, добавлю от себя, возникло в результате его же спорного решения о размещении ядерных ракет на Кубе).

Взаимное потрясение, которое пережили оба правительства в период кризиса, как согласились Микоян и Кеннеди, убедило их в том, что надо исподволь искать пути, более подходящие для решения конфликтов, вообще держать курс на улучшение отношений между обеими странами.

Как видно из наших бесед с президентом и его братом, а также из переписки на высшем уровне, вопрос о взаимном доверии стоял достаточно остро во времена администрации Кеннеди, особенно в связи с кубинским кризисом.

Что касается доверия, приведу один трагикомический эпизод, который имел место на одной из сессий Генеральной Ассамблеи ООН в те годы. Шло обсуждение какого-то малозначительного вопроса, а поскольку никаких голосований по нему не предполагалось, то большинство/делегаций послало на заседание своих младших сотрудников (с единственной целью обозначить свое присутствие).

Так получилось, что в зале собралось довольно мало представителей и председательствующий решил проверить кворум путем опроса присутствующих в алфавитном порядке. Начал он с Австралии. Австралиец ответил „да" (это означало, что он присутствует). Затем спросил: Белоруссия? Ее представитель сразу сказал „нет". Председатель удивился и

снова переспросил. И снова получил тот же четкий ответ. Председатель с некоторым удивлением и иронией сказал клерку: „Запишите, пожалуйста, что представитель Белоруссии, хотя он и сидит здесь, говорит нам, что он не присутствует".

После заседания мы спросили этого молодого сотрудника, попавшего впросак, почему он так непонятно действовал. Он ответил, что впервые в жизни присутствовал на заседании Ассамблеи, толком не понимал, что происходило, но твердо знал, что поскольку Австралия, член всяких враждебных нам блоков, говорит „да", то он должен, разумеется, сказать „нет".

Думаю, что и для политиков в этом эпизоде заключен свой урок: невозможно о чем-либо договориться, если вы уже запрограммированы на определенную волну и не желаете или не можете понять друг друга.

Наши отношения с администрацией Кеннеди после кубинского кризиса стали настраиваться на более реалистическую волну.

3. КРИЗИС МИНОВАЛ. ОТНОШЕНИЯ НАЛАЖИВАЮТСЯ

В феврале 1963 года был предпринят еще один шаг, ведущий к дальнейшему снижению напряженности вокруг Кубы. Я передал Раску официальную памятную записку о предстоящем выводе части советского военного персонала с Кубы и попросил его информировать об этом президента Кеннеди, который проявлял личный интерес к этому вопросу.

Раек назвал это сообщение „весьма ободряющим" и выразил уверенность, что президент воспримет его „с большим удовлетворением". Этот шаг положительно скажется на улучшении отношений между СССР и США.

В конце же февраля на приеме в Белом доме в честь дипломатического корпуса президент в разговоре со мной выразил удовлетворение по поводу важного заявления о советском военном персонале на Кубе. Он подозвал Томпсона и, показывая на него, улыбаясь, сказал: „У меня сейчас очень хороший, осторожный и знающий советник по советским делам". В тон президенту ответил, что это хорошо, когда прислушиваются к таким советникам.

Постепенно острота обстановки вокруг Кубы спадала, но сам кубинский вопрос долго оставался постоянным раздражителем в наших отношениях с США, воздействие которого особенно усилилось - уже после администрации Кеннеди - вовлеченностью Кубы в события в Африке и Латинской Америке.

По мере нормализации ситуации вокруг кубинского кризиса на арену политической жизни снова выходили старые проблемы: германский и берлинский вопросы, проблема запрещения ядерных испытаний, другие вопросы советско-американских и международных отношений.

Р.Кеннеди о возможной встрече на высшем уровне

Возникла необходимость и в более широком обсуждении наших будущих отношений с США. Такую цель преследовал наш обед вдвоем с Робертом Кеннеди (12 марта).

Президент искренне хочет прежде всего заключить договор о запрещении ядерных испытаний, сказал он, „не для себя, а для своих детей и внуков". Президент считает такой договор в принципе очень важным для нормализации международного положения и улучшения отношений с СССР.

Мой собеседник утверждал, что его брат - противник продолжающейся в США шумихи вокруг Кубы, которая инспирируется противниками президента. Президенту точно известно, что оппозиция намерена сделать проблему Кубы главным внешнеполитическим вопросом президентской избирательной кампании в 1964 году. Могу заверить, сказал Р.Кеннеди, что, несмотря на огромное давление, оказываемое на президента со всех сторон сейчас - и оно, видимо, будет расти, - он не позволит толкнуть себя на опасный путь возможных военных столкновений с СССР. Мой брат уверен, что премьер Хрущев в принципе думает так же. В этом - одна из главных причин твердой уверенности президента в правильности избранного им курса. Кубинский вопрос, как таковой, надолго еще останется, и от этого никуда не уйдешь. Но лишь один аспект в плане советско-американских отношений остается нерешенным - присутствие советского военного персонала на Кубе.

Р.Кеннеди по своей инициативе поднял вопрос о возможной встрече президента с Хрущевым. Если указанные два вопроса (договор о запрещении ядерных испытаний и вопрос об остающемся советском военном персонале) будут решены, то на повестку дня станет вопрос о встрече глав двух правительств, и президент, насколько знает Р.Кеннеди, будет за такую встречу. На этой встрече можно было бы обсудить другие, более сложные международные проблемы, вроде германского и берлинского вопросов.

Говоря о предстоящей президентской предвыборной кампании, Р.Кеннеди сказал, что на основе анализа всех данных у президента имеются хорошие шансы на переизбрание в 1964 году, если до того времени „не случится чего-либо неожиданного".

После встречи с Р.Кеннеди Москва запросила меня, насколько серьезно брат президента, по моему мнению, затрагивал вопрос о встрече с Хрущевым. Я ответил, что вопрос о встрече на высшем уровне, по имеющимся у посольства данным, действительно серьезно рассматривается президентом. Однако он его рассматривает в первую очередь сквозь призму внутренней политики: насколько эта встреча может оказаться полезной в переизбрании его президентом. Успех такой встречи, достижение на ней каких-то конкретных согласованных результатов, несомненно, гарантируют Кеннеди победу на выборах 1964 года. Главный вопрос для нас: а что мы можем получить от такой встречи? Пока что администрация не намекает на какой-либо компромисс по интересующим нас проблемам. Видимо, все это надо еще дополнительно прозондировать. Таково было мнение посольства.

А тем временем советско-американские контакты набирали силу. В связи с успешным окончанием переговоров между СССР и США относительно совместной советско-американской программы по космосу

Раек пригласил меня в конце марта на мыс Канаверал для наблюдения за запуском одной из ракет. Зная наше традиционное нежелание пускать к себе иностранцев на аналогичные запуски, Раек в шутливой форме добавил, что это приглашение „без условий взаимности". Я принял приглашение и присутствовал на одном из таких запусков. Зрелище впечатляющее.

Надо сказать, что меня приглашали для посещения и других, более закрытых объектов. Так, например, по приглашению советника президента по науке Визнера я посетил Массачусетский институт технологии, где познакомился с рядом передовых технологий по проектированию новой техники. Это для меня представляло особый интерес - я ведь был инженером-конструктором по самолетостроению, правда, изрядно уже отставшим от бурного роста техники. Когда мы проходили мимо одной из лабораторий, у закрытых дверей которой стояла вооруженная охрана, Визнер скороговоркой заметил, что там разрабатывается методика полетов на Луну. Затем он попросил меня подождать, объяснив, что ему нужно срочно позвонить. Минут через пять он вернулся улыбающийся и сказал, что разговаривал с президентом Кеннеди и последний разрешил ему показать мне и эту лабораторию. После этого мне прикрепили на грудь пропуск с надписью „прошел все проверки", который открывал мне доступ в спецлаборатории.

В лаборатории как раз моделировали высадку астронавта на Луну, который совершил облет вокруг Луны. Я побывал в кабине, которая имитировала приземление на поверхность самой Луны. Иллюзия была абсолютной и впечатляющей. До действительного полета на Луну оставалось еще несколько лет. Однако было видно, что администрация Кеннеди твердо решила сдержать публичное обязательство президента осуществить такой полет.

Хрущев упорствует в германских делах. Возобновление переговоров о прекращении ядерных испытаний

После кубинского кризиса внимание обеих сторон вновь переключилось на продолжающуюся конфликтную ситуацию вокруг вопросов, относящихся к германскому урегулированию и нормализации положения в Западном Берлине.

Хрущев продолжал упорствовать, стремясь добиться своего. Однако после октябрьского кризиса его позиция оказалась более ослабленной. Никто не хотел уступать: ни Хрущев, ни Кеннеди. Но никто из них не хотел доводить дело и до вооруженного конфликта в центре Европы. Оставалось политическое маневрирование. Под нашим нажимом Вашингтон неохотно дал согласие возобновить обсуждение вопросов по дипломатическим каналам.

Фактически было мало шансов на успех такого обсуждения, ибо Хрущев запрашивал слишком много. Хотя лично я не верил, что нам удастся добиться согласия США с нашей позицией, все считали, что дипломатический диалог очень важен, поскольку давал возможность снимать излишнюю конфликтность, обезвреживать особо взрывоопасные ситуации, взаимно контролировать пульс событий.

Начало новому обсуждению этой проблемы было положено моей подробной беседой с Раском 26 марта. По указанию Москвы, я изложил ему нашу позицию, которая в своей основе содержала известные предложения Хрущева.

Выслушав, Раек заметил, что многие и на Западе, и в самих США не видят особого смысла в дальнейшем обсуждении германского вопроса ввиду сложившегося тупика. Однако президент Кеннеди готов продолжить поиски путей решения этого вопроса или, во всяком случае, уменьшения связанных с этим опасностей.

Затем он стал в полувопросительной-полуутвердительной форме говорить об уменьшении в последнее время напряженности вокруг германского вопроса. В конце он прямо спросил, не думаем ли мы, что „время само позаботится об урегулировании ряда вопросов" и что в результате развития событий в этом направлении опасность ситуации с течением времени сама по себе уменьшится? В этих последних словах Раска, по существу, и заключался весь подход администрации к германскому и берлинскому вопросам - сохранить статус-кво, а там уж будет видно, что делать дальше*.

Что я мог ответить ему на это, когда имел ясные инструкции из Москвы добиваться продвижения наших предложений?

Так началось наше новое марафонское обсуждение с Раском этих вопросов. В течение длительного времени оно стало монотонным и однообразным по содержанию ввиду неизменности позиций обеих сторон. Сами наши встречи стали носить характер установленного ритуала-. Именно в этот период госсекретарь в шутку предложил, как я уже писал, обозначить номерами все вопросы и ответы и в дальнейшем вести переговоры следующим образом: „Задаю вопрос номер 5". В ответ: „Отвечаю номером 6" и т. д.

Важное место в советско-американских отношениях в 1963 году занимали также переговоры о прекращении ядерных испытаний.

Кеннеди хотел заключить соглашение о полном запрещении испытаний. Помимо прочего, он более глубоко, чем его предшественники в Белом доме, осознавал угрозу распространения ядерного оружия в мире, а соглашение о прекращении испытаний было бы эффективным препятствием на пути такого распространения.

Вопрос о выпадении радиоактивных осадков в результате испытаний в атмосфере тоже начинал набирать силу в общественном мнении обеих стран (в СССР, впрочем, это чувствовалось меньше, поскольку ядерные испытания проводились в условиях большой секретности).

Хрущев также начал думать о полезности прекращения испытаний. Часть советских ученых и военных придерживалась мнения, что дальнейшие испытания, скорее, принесут США преимущество в качественном улучшении ядерного оружия.

Однако серьезным препятствием на пути к заключению соглашения оставался вопрос о контроле над соглашением. Здесь Хрущев - и сам, да еще под влиянием своих советников - проявлял большие колебания: на каком варианте контроля остановиться - только лишь путем установки на территории обеих стран так называемых „черных ящиков" (автоматических

Парадоксальным образом Раек оказался прав в том смысле, что после возведения ГДР Берлинской стены президент Кеннеди получил в районе Берлина статус-кво, которого он долго добивался.

станций) или же согласиться на допуск единичных иностранных наблюдателей-контролеров.

Интересно, что сразу после кубинского кризиса Хрущев первый раз в послевоенной истории сообщил президенту Кеннеди по конфиденциальному каналу о согласии Советского правительства на 2-3 инспекции в год на территории каждой из ядерных стран в порядке контроля за ядерными испытаниями. После благополучного разрешения опасного кризиса вокруг Кубы Хрущев был настроен примирительно и вообще в пользу других договоренностей с США, из которых наиболее близкой представлялась тогда договоренность о прекращении ядерных испытаний.

К сожалению, администрация Кеннеди не воспользовалась этим настроением Хрущева. Она затеяла длительный спор о необходимости увеличения числа инспекций, не оценив, что для Хрущева это было вообще принципиально трудное решение - впервые согласиться с присутствием американских наблюдателей на советской территории (в Политбюро далеко не все были согласны с таким его шагом).

Президент ответил Хрущеву, что приветствует советское согласие на инспекции на местах, но вместо 2-3 инспекций назвал 8-10 проверок в год. На такое количество инспекций Хрущев не пошел; более того, в конце концов, он вновь вернулся к старой позиции - никаких инспекций на местах.

Известный американский ученый Сиборг, одно время возглавлявший правительственную Комиссию по ядерной энергии, впоследствии с сожалением рассказал мне, что это он настойчиво рекомендовал Кеннеди . предложить 8-10 инспекций. Он был уверен, что удастся найти компромисс, где-то посередине: 5-7 инспекций. Если бы я знал тогда, сказал Сиборг, что Хрущев может даже взять обратно свое предложение о 2-3 инспекциях на местах, то я бы непременно рекомендовал тогда президенту принять это предложение. Ведь для американской стороны было очень важно впервые зафиксировать сам принцип инспекций на местах, против чего так упорно и долго возражала советская сторона.

Так была упущена одна из важных возможностей договориться, которых было немало за длительную историю советско-американских отношений. А ведь договоренность о полном прекращении ядерных испытаний, помимо прочего, могла бы резко замедлить гонку ядерных вооружений. Не было бы ракет с разделяющимися головными частями. Не было бы и крылатых ракет. Сейчас вообще этот срыв договоренности выглядит как большое недомыслие наших руководителей того периода. Ведь в настоящее время различные договора предусматривают сотни инспекций в год на иностранных территориях.

Интересно отметить, что в беседах со мною министр обороны Макнамара, а также видные ученые Оппенгеймер, Силлард и Визнер отмечали, что недавний кубинский кризис усилил в стране противодействие прекращению испытаний ядерного оружия. Резко возросли настроения в пользу необходимости совершенствования ядерного оружия США, а значит, и продолжения ядерных испытаний, как средства предотвращения ядерной войны, призрак которой рядовые американцы впервые реально почувствовали в дни кубинского кризиса. Фигурально говоря, страх перед ядерной войной перевешивал в ряде случаев страх перед вредными для жизни последствиями ядерных испытаний. Все это искусно использовалось республиканцами и поддерживающими их воинствующими учеными типа Теллера.

Как стимулировать развитие отношений?

В начале апреля Томпсон в неофициальной беседе выразил неудовлетворенность по поводу общего достаточно пассивного состояния отношений „между Белым домом и Кремлем". Надо бы их как-то стимулировать.

Я сказал ему, что разделяю эту озабоченность, но не может ли он предложить что-то более конкретное?

- У меня возникла мысль, - ответил он, - предложить президенту послать для личной встречи с Хрущевым одного из близких к нему людей, например, Раска, Р.Кеннеди или Гарримана. Ваше мнение на этот счет?

Я сказал, что в личном плане поддерживаю его идею и готов сделать это и перед Москвой. На мой взгляд, наиболее подходящей кандидатурой был бы Раек.

Развивая свою мысль, Томпсон отметил, что для президента, помимо всего прочего, важно конкретно строить свою предвыборную кампанию на определенных вопросах, но для этого он должен иметь ясное представление о возможных перспективах наших отношений на ближайшие год-два.

Наиболее многообещающим и желательным в окружении президента считают следующий порядок: достижение соглашения в Женеве о прекращении испытаний ядерного оружия в течение ближайших 2-3 месяцев, подписание его министрами (возможна поездка Раска в Москву), представление парламентам обеих стран на ратификацию (июль-август) с последующей встречей Кеннеди с Хрущевым (август-сентябрь) для обмена ратификационными грамотами и обсуждения международного положения. К этой встрече можно было бы подготовить и подписание некоторых двусторонних соглашений, например, о воздушном сообщении между СССР и США, консульской конвенции. Одновременно главы правительств могли бы дать новые директивы, способствующие успеху переговоров по германскому вопросу и по различным аспектам разоружения.

Я сказал Томпсону, что изложенный им возможный сценарий действий представляется целесообразным и над ним следовало бы взаимно поработать.

Спустя несколько дней Томпсон передал личное послание президента Хрущеву, в котором, в частности, высказывалось предложение о целесообразности приезда в Москву в мае личного представителя президента для обсуждения с советским премьером комплекса вопросов и откровенного неофициального обмена взглядами.

Свое послание Кеннеди заканчивал словами: „Мы живем в трудное и опасное время, и каждый из нас несет большую ответственность перед нашими семьями и перед человечеством. Давление со стороны тех, кто придерживается менее терпимых и менее миролюбивых взглядов, очень велико, но я заверяю Вас в моей личной решимости всегда работать для укрепления мира во всем мире".

Через пару дней Раек передал проект совместной декларации о непередаче ядерного оружия (от имени США, СССР, Англии и Франции). „Эти страны, отмечалось в нем, торжественно заверяют, что они не будут передавать любое ядерное оружие непосредственно или косвенно, через военные союзы, под национальный контроль отдельных государств, которые сейчас не владеют ядерным оружием, и что они не будут помогать другим государствам в производстве такого оружия".

29 апреля я сообщил президенту Кеннеди (через Томпсона) о готовности Хрущева принять для неофициального обмена мнениями ответственного представителя президента.

Почти в это же время Хрущев встречался в Москве с послом США Колером и послом Англии Тревельяном, которые передали ему идентичные послания Кеннеди и Макмиллана, касающиеся запрещения испытаний ядерного оружия, призывая его согласиться на увеличение числа ежегодных инспекций (между тремя и семью).

Хрущев заявил в ответ: „Так что же вы от нас хотите, чтобы мы, ничего не приобретая, открыли целые районы нашей страны для иностранной разведки? Ведь даже когда Советское правительство согласилось на 2-3 инспекции, западные державы захотели так развернуть такую инспекцию, чтобы охватить чуть ли не полстраны. Но на это мы не пойдем. Я начинаю ругать себя за согласие на проведение 2-3 инспекций на территории СССР. Теперь я вижу, что надо отказаться от этого предложения. Для обеспечения должного контроля достаточно установить 2-3 автоматические сейсмические станции. А теперь я же оказался в дураках, потому что как только мы выдвинули свое предложение, нам сразу же ответили требованием о проведении 8-10, а теперь 7 инспекций в год, на что СССР пойти не может. Всякие дальнейшие уступки будут уже уступками не Кеннеди, а Голдуотеру и прочим „бешеным".

В середине мая Томпсон сообщил о решении президента послать в Москву в качестве своего личного представителя Раска, но просил перенести этот визит на июль или август. Вскоре была достигнута договоренность о приезде Раска в Советский Союз 28 июля.

Одновременно было решено возобновить переговоры в Москве по поводу соглашения о запрещении ядерных испытаний.

Москва - Вашингтон: прямая связь

Кубинский кризис высветил необходимость в надежных технических средствах связи между Кремлем и Белым домом. В декабре Вашингтон выступил с предложением установить линию прямой связи между правительствами СССР и США. После соответствующих переговоров 20 июня 1963 года в Женеве был подписан соответствующий меморандум об организации такой связи „для использования в чрезвычайных обстоятельствах". Часто ее еще называли „горячей линией" между Кремлем и Белым домом.

Предусматривалось установление проводного телеграфного канала круглосуточного действия между столицами обеих стран по трассе Москва-Хельсинки-Стокгольм-Копенгаген-Лондон-Вашингтон, который должен был использоваться для передачи взаимных срочных сообщений.

Одновременно устанавливался радиотелеграфный канал круглосуточного действия, организованный на трассе Москва-Танжер-Вашингтон, который должен был использоваться для служебной связи и координации эксплуатационной деятельности между конечными пунктами. Впоследствии была проведена вторая линия проводной связи, после того как финский фермер, вспахивая на тракторе свой участок земли, перерезал нечаянно первый и единственный проводной канал, что вызвало смятение в Москве и

Вашингтоне. В конечном счете была установлена космическая радиотелефонная связь.

Надо сказать, что вопрос о прямой связи между обоими правительствами остро возник во время кубинского кризиса. Дело в том, что связь советского и американского посольств со своими центрами осуществлялась через обычные коммерческие телеграфные агентства. Телеграммы зашифровывались в посольствах и затем передавались на телеграф для отправки адресату. Посольствам долго не разрешалось пользоваться радиосвязью из-за взаимного опасения, что установка необходимой приемной и передаточной аппаратуры с большими радиоантеннами на крыше посольств позволит разведслужбам подслушивать правительственные и другие служебные разговоры в столице другой стороны.

Для этого были известные основания. Как нам стало известно спустя много лет, одной из причин упорного отказа американского посольства переехать на другое, более просторное и живописное место (речь шла о выделении участков для строительства более просторных современных зданий) было то, что рядом с посольством США в Москве проходила основная автомагистраль города. Она, помимо прочего, связывала Кремль и район загородных правительственных дач, где постоянно жили советские руководители. Когда были поставлены радиотелефоны на их автомашинах (сперва эта связь не шифровалась), то Хрущев и особенно Подгорный очень любили, пока они ехали на работу, поговорить по телефону со своими коллегами как по служебным делам, так и просто „посплетничать" Все это записывалось американскими службами радиоперехвата. Наши службы тоже стремились „прослушивать" пространство вокруг нашего посольства, но результаты были иные - большая часть правительственных разговоров по радиотелефонам в Вашингтоне шифровалась.

Сейчас даже трудно поверить, до чего примитивна была связь с Москвой в грозные дни кубинского кризиса, когда счет шел не на дни, а на часы. Я, например, писал срочную телеграмму о разговоре с Р.Кеннеди. Она тут же шифровалась (сперва это тоже делалось вручную, а не шифромашинами). Затем по телефону мы просили телеграфное агентство „Уестерн Юнион" срочно прислать нам своего посыльного, чтобы забрать телеграмму. Мы, конечно, очень надеялись, что он сразу же отвезет телеграмму в агентство для срочной отправки в Москву. Но ведь он мог и остановиться где-то по дороге, встретив, например, знакомую девушку!

Именно этой примитивной связью и объясняется тот весьма необычный шаг, к которому прибег Хрущев, когда посылал в решающий день, в воскресенье 28 октября, свой ответ президенту Кеннеди, ибо этот ответ во многом предопределял исход всего кризиса. Боясь опоздать, Хрущев, помимо передачи мне шифрованной телеграммой своего ответа президенту, который продублировали также через посольство США в Москве, дал одновременно указание тут же передать свой ответ открытым текстом по радио. На большой скорости с включенными сиренами вереница машин во главе с его помощником помчалась с загородной дачи Хрущева на радиостанцию, где текст послания немедленно передали в эфир.

Вот почему Громыко сначала спешно прислал мне краткую телеграмму о согласии Хрущева на условия Кеннеди, которую я передал Р.Кеннеди за несколько часов до основного послания Хрущева.

Все это побудило Хрущева и Кеннеди установить прямую проводную связь между Москвой и Вашингтоном на случай новых чрезвычайных обстоятельств.

Два кризиса - берлинский и кубинский - укрепили обоих лидеров в мысли о необходимости в постепенной нормализации советско-американских отношений.

Договор о прекращении ядерных испытаний. Раек в Пицунде

10 июня 1963 года президент выступил в Американском университете с речью, целиком посвященной вопросам войны и мира и советско-американским отношениям. Хрущев назвал ее лучшей речью любого президента США после Ф.Рузвельта. Советская пресса впервые за многие годы опубликовала полный текст речи президента США.

Кеннеди призывал к пересмотру американских подходов к „холодной войне". Главной целью должен быть мир. Для его обеспечения необходимо прекращение гонки вооружений и продвижение к разоружению. Он объявил о предстоящих переговорах в Москве и о своем решении прекратить ядерные испытания в атмосфере.

В качестве своего представителя на переговорах в Москве Кеннеди выбрал опытного дипломата Гарримана, пользовавшегося немалым уважением в Москве и лично у Хрущева (это особо учитывалось при выборе Гарримана).

В переговорах в Москве участвовали Громыко, Гарриман и английский представитель Хейлшел. Продолжались они около двух недель и закончились соглашением о частичном запрещении ядерных испытаний (в трех сферах, кроме подземных). По ходу переговоров были обсуждены разные варианты, так как камнем преткновения был вопрос о контроле за выполнением соглашения.

На решающей встрече Хрущева с Гарриманом и Хейлшелом советский премьер довольно образно изложил свою позицию. На иностранную инспекцию СССР не согласится, твердо заявил он, даже если речь будет идти о двух-трех инспекциях. Мы готовы пойти на прекращение всех испытаний ядерного оружия, но без инспекций, а лишь с применением „черных ящиков". Мы не согласимся ни на одну инспекцию, какая бы она ни была. Что касается ядерных испытаний в тех сферах, в отношении которых не возникает вопроса об инспекциях, то мы сможем подписать такое соглашение. Если говорить о шпионаже, то у нас, очевидно, разные представления по этому вопросу. Нам трудно поверить тем заверениям, которые дают на этот счет западные державы. Корда кот обещает, что он будет ловить только мышей и не тронет сала, то кот, может быть, сам верит в то, что он говорит, но вряд ли можно сомневаться в том, что кот возьмет и сало, когда этого никто не будет видеть.

Из-за спора о проведении инспекций на местах неудачей закончились длительные переговоры о договоре о полном запрещении ядерных испытаний. Подземные испытания остались вне договора. Был упущен важный шанс.

Во время визита в Москву специального представителя президента США импульсивный Хрущев выдал некоторые секреты советской разведки.

Разгоряченный беседой с Гарриманом, на которой присутствовал и американский посол Колер, советский руководитель пожаловался, что правительство США оказало нажим на западные страны с тем, чтобы они не выполняли заказов СССР на поставку труб для газопроводов. Гарриман стал было это отрицать, но тут же был остановлен. У нас есть достоверные сведения, заявил прямолинейно Хрущев, что правительство США предприняло такие действия по рекомендации своего посла в СССР Колера. Мы можем выдать Вам такой секрет.

Хрущев предложил Гарриману спросить в госдепартаменте, давал ли Колер такую рекомендацию. Там хранится его телеграмма. Это совершенно точно. Он, видимо, решил: вот тут я вам насолю. Однако с этими трубами сам Колер попал в трубу.

Он спросил при этом посла, может ли тот, положа руку на Библию, сказать, что не давал американскому правительству рекомендацию в отношении труб. Проверим, верит ли Колер в Бога?

Присутствовавший на беседе посол покраснел, но не мог сказать ничего вразумительного, явно подтверждая своим поведением правоту слов Хрущева.

А дело заключалось в том, что наша разведслужба имела возможность знать о содержании некоторых шифротелеграмм посла. После откровений Хрущева американская служба безопасности, надо полагать, приняла дополнительные меры защиты, ибо поток подобной информации заметно уменьшился. Так болтливость Хрущева нанесла серьезный ущерб деятельности наших разведслужб.

Когда в Москве в конце июля завершались переговоры о договоре насчет запрещения испытаний ядерного оружия в трех сферах, неожиданно в последний момент возник один новый спорный вопрос. После некоторой дискуссии, в ходе которой Громыко упорно стоял на своем, Гарриман как бы про себя сказал, что, в конце концов, это не такой уж принципиальный вопрос и что можно пойти навстречу советской стороне. Затем он попросил соединить его по телефону с президентом Кеннеди (переговоры проходили в особняке МИД на улице Алексея Толстого).

Просьба Гарримана вызвала некоторый переполох, так как никогда по телефону не связывались из Москвы прямо с Белым домом. Все же через полчаса удалось дозвониться до президента. Гарриман, сидя за столом переговоров, объяснил ему сложившуюся ситуацию и попросил утвердить его предложение. Кеннеди, после минутных расспросов, тут же сделал это.

Так был окончательно согласован текст договора. Не скрою, что на всех советских участников такая оперативность американцев на высшем уровне произвела впечатление.

Несколько слов о самом Гарримане, видном деятеле демократической партии, который по-отечески тепло относился к Кеннеди и немало сделал для его политической карьеры, пока тот не стал президентом США. Сам президент с большим уважением относился к Гарриману и считался с его мнением.

Дом Гарриманов в Джорджтауне в Вашингтоне был своеобразным клубом активной политической жизни столицы, в котором бывали члены правительства, конгресса, видные дипломаты, журналисты, общественные и политические деятели. В период предвыборных кампаний там часто собирались руководящие лица из демократической партии.

После смерти супруги, Гарриман женился на вдове сына Черчилля, Памеле. Она вскоре стала американской гражданкой и одной из самых видных активисток демократической партии. Умная, энергичная и приятная женщина. Мы с женой всегда с удовольствием вспоминаем дружественные беседы и встречи с этой семьей. С приходом к власти президент Клинтон назначил ее послом США во Франции.

5 августа в Москве состоялось подписание „Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой". Он стал первым реальным шагом на пути к замедлению гонки вооружений. В церемонии принял участие и госсекретарь Раек, прилетевший для неофициального обмена мнениями с советским руководством.

Раек встречался затем с Хрущевым в Пицунде, где тот был на отдыхе. Состоялась оживленная беседа, однако без особых „прорывов". Да они и не ожидались в тот момент, тем более сразу после подписания договора о ядерных испытаниях. Хрущев высказался за то, чтобы, не теряя темпа, стороны договорились о замораживании, а еще лучше о сокращении военных бюджетов, о мерах по предотвращению внезапного нападения, о сокращении иностранных войск в обоих германских государствах, о заключении пакта о ненападении между ОВД и НАТО.

Госсекретарь же больше интересовался вопросом о встрече на высшем уровне. Хрущев высказался в принципе за такую встречу, но четко оговорил, что она должна быть соответствующим образом подготовлена.

По существу, он все еще надеялся использовать стремление Кеннеди к встрече на высшем уровне, чтобы заставить его пойти на договоренность по берлинскому вопросу и в отношении мирного договора с Германией.

Последняя беседа с президентом

Спустя две недели Хрущев поручил мне провести обстоятельный разговор с президентом Кеннеди по широкому кругу вопросов. Он прислал при этом и специальное послание президенту. 26 августа я встретился наедине с Кеннеди в Белом доме.

Президент выразил удовлетворение по поводу подписания в Москве договора о запрещении испытаний ядерного оружия. Затем разговор зашел о ходе обсуждения вопроса о ратификации договора в сенатских комиссиях. „Что можно сделать с такими людьми, как, например, физик Теллер или сенатор Голдуотер, которые, как и де Голль, не поддаются никаким разумным убеждениям и договариваются до абсурда. Хочу, однако, подчеркнуть, что правительство США и лично я хотим дальнейшего развития успеха, достигнутого в результате подписания договора, и я приложу для этого со своей стороны все необходимые усилия. Об этом можете передать в Москву".

Затем Кеннеди прочитал текст послания Хрущева, в котором излагались соображения относительно дальнейшего продвижения в наших отношениях в развитие его беседы с Раском.

. Президент сказал, что согласен со многими мыслями советского премьера и сам считает необходимым продолжить обмен мнениями по другим вопросам сразу же после ратификации договора о запрещении ядерных испытаний. Такими вопросами могли бы явиться в первую очередь меры по предотвращению внезапного нападения и декларация о

неиспользовании космоса для размещения оружия массового уничтожения. Разумеется, должны быть рассмотрены и другие вопросы, в частности вопросы двусторонних отношений между СССР и США.

В ходе длительной беседы с президентом были затронуты также такие вопросы послания Хрущева, как заключение германского договора и признание германских границ юридически (он был готов признать их негласно, де-факто), пакт о ненападении между НАТО и ОВД, сокращение войск в обеих частях Германии, торговля между СССР и США, возможность сотрудничества в мирном использовании космоса. Президент вкратце коснулся китайского вопроса. Мы согласились, что следует ожидать китайских военных авантюр в Юго-Восточной Азии и что нашим правительствам необходимо следить за действиями китайцев и не позволять им сталкивать нас друг с другом.

Общее впечатление от беседы, которое сложилось у меня и было доложено в Москву: президент в данный момент не очень склонен к энергичному продвижению в отношении спорных проблем, особенно тех, которые носят затяжной многосторонний характер и вызывают оппозицию европейских союзников США, в первую очередь ФРГ, а также Франции. А с ними Вашингтон явно не хочет ссориться или углублять расхождения, тем более в условиях приближающейся предвыборной кампании в самих США. В то же время президент, видимо, готов пойти на решение или продвижение в вопросах чисто двусторонних отношений, а также таких вопросов, как меры по предотвращению внезапного нападения и ракетно-ядерных конфликтов, поскольку они непосредственно затрагивают национальные интересы самих США. В этом случае он, судя по всему, готов оказать определенный нажим на своих союзников.

Это была моя последняя беседа наедине с президентом Кеннеди. Ему оставалось жить всего два с половиной месяца. Он был настроен оптимистично, в расцвете сил, выглядел уверенным в себе человеком.

Несколько слов о личных впечатлениях от бесед с Кеннеди.

Президент, бесспорно, был крупной личностью в истории США. Непосредственно соприкасаясь с ним в течение двух лет, я видел, как быстро он набирал опыт на своем посту. Уже через несколько месяцев в разговорах со мной на советско-американские темы Кеннеди стал проявлять их детальное знание, что выгодно отличало его от ряда других американских президентов. Впрочем, взгляды его на Советский Союз были достаточно • консервативными.

Кеннеди умел сдерживать свои эмоции в беседах, строил их таким образом, чтобы не привносить в них излишних элементов напряженности, что было свойственно его брату Роберту. В то же время он умело „держал" свои позиции при активном диалоге по разным международным вопросам.

Кеннеди хорошо знал европейские дела. Он охотно обсуждал вопросы контроля над вооружениями, выделяя из них проблемы нераспространения ядерного оружия и прекращения ядерных испытаний.

Президент любил проводить пресс-конференции и делал это весьма умело.

Он держал на довольно „коротком поводке" своих советников по внешнеполитическим делам, включая даже госсекретаря Раска. Они проявляли осторожность в высказывании своих новых мыслей, если это не было заранее согласовано с президентом.

Определенной свободой в этом смысле пользовался Роберт Кеннеди. Но нужно было всегда быть осторожным: исходила ли та или иная мысль от самого Роберта, особенно в момент его эмоциональных всплесков, или она была одобрена президентом. У меня сложилось впечатление, что в целом влияние Р.Кеннеди на президента в советско-американских делах, да и вообще в вопросах внешней политики, носило скорее негативный, чем конструктивный характер. Любопытно, что после администрации Кеннеди конгресс принял специальный закон, запрещающий президенту назначать своих родственников на ответственные посты (Р.Кеннеди, как известно, был министром юстиции).

Роберт Кеннеди: новая встреча с Хрущевым была бы полезной

В октябре в Вашингтоне побывал Громыко. В ходе визита было достигнуто взаимопонимание с президентом Кеннеди, что в следующем году США и СССР без какого-либо формального соглашения на этот счет, а в порядке взаимного примера заморозят свои военные расходы, а также несколько сократят свои войска в Европе.

Тогда же в отдельной беседе с Громыко Раек предложил рассмотреть вопрос об уничтожении всех американских бомбардировщиков типа Б-47 и соответствующих советских бомбардировщиков. Советский министр со своей стороны предложил тогда включить и вопрос о ракетах. Раек заявил о готовности США в принципе обсуждать „весь комплекс средств доставки ядерного оружия", но считал все же целесообразным начинать с бомбардировщиков. Разговор этот в октябре 1963 года остался незавершенным, но его, видимо, можно считать началом обмена мнениями между США и СССР по стратегическим вооружениям.

Интересно, что вскоре после этого Томпсон в беседе со мной предложил провести неофициальный обмен мнениями („мысли вслух") насчет возможности постепенного взаимного сокращения войск с установлением конкретных постов на территориях обеих стран. Это было первое (и последнее) предложение США установить международные контрольные посты на **американской** территории, включая посты на восточном побережье США, что могло бы явиться гарантией против каких-либо вторжений на Кубу со стороны США. К моему сожалению, это интересное предложение было проигнорировано Хрущевым (он был против иностранных инспекторов на нашей территории), а Кеннеди вскоре сам потерял интерес к этому предложению.

15 ноября мы с Р.Кеннеди обсуждали состояние советско-американских отношений и их ближайшие перспективы.

Мой собеседник сказал, что хотел бы прежде всего категорически опровергнуть распространяемые в Вашингтоне утверждения, будто президент не хочет дальнейшего улучшения отношений с СССР и заключения с ним каких-либо новых соглашений в период предвыборной кампании 1964 года. Это неправда. Президент выступает в пользу улучшения отношений с СССР и готов заключить взаимовыгодные соглашения даже в разгар предвыборной кампании в США, когда его будут активно атаковать республиканцы. Они уверены в победе Кеннеди, хотя борьба будет трудная и изнурительная.

В конце беседы Р.Кеннеди заявил, что глубоко убежден в том, что будущие отношения между нашими странами во многом зависят от дальнейшего развития личных отношений и взаимопонимания между президентом и Хрущевым. Он думает, что новая встреча двух руководителей была бы полезной. Такова точка зрения и его брата. Хорошо, если бы они смогли в спокойной обстановке посидеть вдвоем в течение 2-3 дней и поговорить по всем вопросам. „Они могли бы договориться".

Можно было бы, в частности, вначале организовать поездку президента в СССР, а затем он с удовольствием сам принял бы советского премьера здесь, в США. Важно, однако, чтобы поездка президента была приурочена к достижению соглашения по какому-либо вопросу. Поездка в СССР, сказал Р.Кеннеди, могла бы состояться после выборов, хотя он не исключает полностью возможность такой поездки еще и в 1964 году. Что касается конкретного соглашения, то он пока не может ответить, но надеется, что такой вопрос может быть найден. Брат президента подчеркнул важность продолжения конфиденциальных контактов на высшем уровне.

Говоря о перспективах предвыборной кампании, Р.Кеннеди сказал, что на сегодняшний день наиболее серьезным противником Кеннеди является сенатор Голдуотер. Основная слабость республиканцев - отсутствие единого лидера, единой платформы. Наиболее трудные проблемы для самого Кеннеди - это безработица и острый вопрос о гражданских правах, но он надеется победить. Тогда у него будут во многом развязаны руки в области внешней политики и отношений с СССР.

Надо сказать, что тон высказываний Р.Кеннеди на этот раз был необычно примирительный, даже когда речь шла о спорных вопросах. По всему было видно, что президент, особенно в условиях разворачивающейся предвыборной кампании, хотел бы иметь возможность продолжения с нами делового диалога, чтобы, образно говоря, держать свою руку на пульсе отношений с СССР, учитывать этот важный фактор для хода предвыборной борьбы в США.

Показательно было и то, что впервые, после кубинского кризиса президент - через своего брата - так определенно высказывался в пользу целесообразности советско-американской встречи на высшем уровне и о своей поездке в СССР. И все это было всего за неделю до его убийства в Далласе (штат Техас).

4. ТРАГИЧЕСКИЙ КОНЕЦ ПРЕЗИДЕНТСТВА КЕННЕДИ

22 ноября мне запомнилось на всю жизнь. Утром я пошел к зубному врачу. Когда я сидел в кресле, в соседней комнате по радио, передававшему до этого музыку, вдруг услышал возбужденные голоса, причем часто упоминалось имя Кеннеди, но мне трудно было разобрать суть. Я попросил

врача усилить громкость радиоприемника. Он вышел, но быстро вернулся и сказал, впрочем, довольно спокойно, что убили президента.

Разумеется, мне было уже не до пломбирования зуба. Я был буквально оглушен известием об убийстве президента. Решил немедленно вернуться в посольство. К моему большому удивлению, врач, заметив скороговоркой, что, конечно, плохо, что убили президента, тут же добавил, что сам он не принадлежал к его сторонникам, ибо Кеннеди чересчур много занимался правами негров, и что он их „сильно распустил", способствуя негритянским беспорядкам в стране. За это он осуждает Кеннеди и надеется, что новый президент не будет слишком „играть в демократию".

По возвращении в посольство я сразу же послал срочную телеграмму в Москву об убийстве президента Кеннеди.

События развивались стремительно. Арест в тот же день в Далласе американского гражданина Харви Ли Освальда, председателя местного отделения „Комитета за справедливую политику в отношении Кубы", побывавшего некоторое время назад в СССР, да к тому же женатого на русской, послужил поводом для очередного всплеска в США антикоммунистической и антикубинской истерии. Затрагивался и СССР. Раек обсуждал с новым президентом Джонсоном возможные международные аспекты последних событий. Госсекретарь был встревожен и озабочен. Кое-кто начал поговаривать о возможном новом кризисе в советско-американских отношениях.

Ситуация стала приобретать тревожный характер, поскольку возникал вопрос о советской вовлеченности в события, связанные с убийством Кеннеди. У всех еще была свежа память о кубинском кризисе. Антисоветские настроения могли снова вспыхнуть с новой силой. Потенциально речь могла пойти о новом серьезнейшем конфликте.

Все эти тревожные мысли не давали мне покоя. Конечно, я был уверен, что мы не были замешаны в этой драме. Однако у меня возникали серьезные опасения по поводу того, что наши спецслужбы могли иметь какие-то свои связи с Освальдом.

Такая связь в сложившейся обстановке могла бы стать мощным детонатором, который взорвал бы наши отношения с США. Я сразу же вызвал руководителя спецслужбы при посольстве. Он заверил, что у них нет никаких связей с Освальдом и что я могу твердо исходить из этого при контактах с американскими властями. Уже в Москве мне рассказали, что, когда Освальд приехал в СССР и стал жить в Минске, к нему сперва был проявлен определенный интерес со стороны органов безопасности. Однако затем он был оставлен в покое - ввиду его „серости и вздорности". Он плохо работал на радиозаводе, хотя и объявил себя специалистом в этой области. Охотно ходил в стрелковый клуб при заводе, но во всех соревнованиях занимал неизменно последние места. Много скандалил. Поэтому с ним охотно расстались и, когда он вернулся в США, с ним больше связей не поддерживали.

Я срочно информировал Москву о развивающихся событиях, отметив, что. появился неожиданный „советский элемент" в драматических сообщениях об убийстве Кеннеди. Сообщил также, . что проверкой по консульскому отделу нашего посольства установлено, что действительно Освальд в течение нескольких лет жил в Минске, где женился на Марине Прусаковой. В июле 1962 года они возвратились в США. В марте 1963 года его жена с дочерью ходатайствовала о возращении в СССР. Сам он тоже

собирался ехать. Им отказали. В консульском отделе есть переписка с Освальдом и его женой по всем этим вопросам. Ничего предосудительного в ней не было. Я предложил нашему правительству передать ее американцам.

Вскоре я получил ответ из Москвы, одобряющий мое предложение передать Раску фотокопии всей переписки нашего посольства с Освальдом. Это и было немедленно исполнено.

Раек, с которым я встретился, тут же заявил, что высоко ценит инициативу советской стороны в этом деле. Он спросил, можно ли ознакомить с этой перепиской только что созданную специальную комиссию во главе с председателем Верховного суда Уорреном для расследования убийства Кеннеди. Ответил, что оставляю это целиком на его усмотрение.

Госсекретарь явно не был готов к такому нашему необычному шагу с передачей переписки и в то же время не скрывал, что доволен подобным развитием событий.

Госдепартамент вскоре выступил с кратким заявлением о том, что Россия, Куба или какая-либо другая страна, насколько известно госдепартаменту, не были замешаны в убийстве президента. Сэлинджер сказал мне, что заявление было санкционировано Раском, который опасается международных осложнений. Новый президент Джонсон пока не давал каких-либо указаний. Сейчас в столице полная неразбериха.

Нашим посольством было получено несколько угрожающих писем.

Томпсон посоветовал, чтобы Микоян, прибывший на похороны Кеннеди, по соображениям безопасности, не задерживался в Вашингтоне после участия в траурной церемонии. Он приветствовал посещение Хрущевым американского посольства в Москве и выражение им соболезнований. Это было хорошо воспринято в США.

Вечером в Белом доме был устроен траурный прием. Хорошо знакомый мраморный зал, место праздничных и официальных церемоний, на этот раз был тих и печален. Иностранные делегации по очереди проходили мимо стоявшей в зале супруги покойного президента и выражали свое соболезнование. Она, как правило, молча, кивком головы выражала свою благодарность. Но^, когда подошли мы с Микояном и передали глубокие соболезнования от Хрущева и его супруги, Жаклин Кеннеди со слезами на глазах сказала: „Утром в тот день, когда убили моего мужа, он неожиданно сказал мне в гостинице до завтрака, что надо сделать все, чтобы наладить добрые отношения с Россией. Я не знаю, чем были вызваны эти слова именно в тот момент, но они прозвучали как результат какого-то глубокого раздумья. Я уверена, что премьер Хрущев и мой муж могли бы достичь успеха в поисках мира, а они к этому действительно стремились. Теперь оба правительства должны продолжить это дело и довести его до конца".

Микоян был заметно растроган.

На следующий день Томпсон передал мне конверт, в котором было трогательное личное письмо Жаклин Кеннеди Хрущеву. Письмо было написано от руки.

„...В одну из последних ночей, которую я проведу в Белом доме, в одном из последних писем, которые я напишу на этих бланках Белого дома, мне хотелось бы написать Вам это послание. Я посылаю его только потому, что я знаю, как сильно мой муж заботился о мире и какое центральное место в этой заботе занимали в его мыслях отношения между Вами и им. Он не раз цитировал в своих речах Ваши слова: „В будущей войне оставшиеся в живых будут завидовать мертвым".

Вы и он были противниками, но вы были также союзниками в решимости не допустить, чтобы мир был взорван. Вы уважали друг друга и вы могли иметь дело друг с другом. Я знаю, что президент Джонсон приложит все усилия, чтобы установить с Вами такие же отношения. Я знаю, что президент Джонсон будет продолжать политику, в которую мой муж столь горячо верил - политику контроля и сдержанности, - и он будет нуждаться в Вашей помощи.

Я посылаю это письмо потому, что я так глубоко осознаю важность отношений, которые существовали между Вами и моим мужем, а также потому, что Вы и г-жа Хрущева были так добры ко мне в Вене. Я читала, что на ее глазах были слезы, когда она выходила из американского посольства в Москве после росписи в книге соболезнований. Пожалуйста, скажите ей спасибо за это. С уважением, Жаклин Кеннеди".

Это письмо как бы дописывало последние трагические страницы президентства Кеннеди.

В доверительной форме Томпсон рассказал мне о новом президенте Джонсоне. Когда последний был вице-президентом, то был знаком со значительной частью личной переписки Кеннеди с Хрущевым, но не со всей. Он ничего, например, не знал об устной договоренности насчет американских ракет в Турции и Италии, достигнутой в ходе кубинского кризиса. Джонсон присутствовал на многих совещаниях у президента по вопросам внешней политики, иногда выступал, но чаще всего просто молчал. Новый президент, таким образом, в общих чертах был знаком со многими проблемами внешней политики США, но знал их неглубоко, да и не проявлял до сих пор большого вкуса к деталям внешнеполитических проблем.

В этой связи, считал Томпсон, следует ожидать значительного усиления роли Раска во внешней политике. Раек давно находился в хороших, чуть ли не в приятельских, отношениях с Джонсоном. Оба они из южных штатов США. Учитывая нелюбовь Джонсона к деталям дипломатических переговоров, Томпсон ожидал, что во внешнеполитической сфере отношения Джонсона и Раска по-своему будут напоминать отношения между Эйзенхауэром и Даллесом. Правда, Раек не Даллес, а Джонсон не Эйзенхауэр. У Джонсона более твердый, честолюбивый и вспыльчивый характер, чем у Эйзенхауэра, но в какой-то степени характер его отношений с Раском в области внешней политики будет схожим.

Джонсон собирался уделять основное внимание вопросам внутренней политики и конгрессу, где он был в прошлом лидером сената. Раек только что конфиденциально информировал Томпсона, что Джонсон дал ему указание продолжать линию Кеннеди в основных внешнеполитических вопросах. Сам Томпсон остается основным советником Раска по советско-американским отношениям.

Убийство Кеннеди было воспринято с неподдельной скорбью в Советском Союзе. По государственному телевидению передавалась церемония похорон президента. Газеты опубликовали пространные некрологи. Многие со слезами на глазах стояли в длинной очереди у американского посольства, чтобы расписаться в книге соболезнований. Именно в эти печальные дни в нашем общественном мнении возник необычно благоприятный „феномен памяти" покойного президента.

Феномен заключался в том, что эта благожелательность возникла, несмотря на то, что в советско-американских отношениях в период президентства Кеннеди, если внимательно присмотреться, вроде ничего особенно крупного, не произошло. Было всякое: серьезный кубинский кризис и соглашение о запрещении ядерных испытаний, напряженность вокруг Западного Берлина и соглашение по Лаосу. В целом же отношения были не очень устойчивыми, подвергались разным колебаниям. О личной переписке между Кеннеди и Хрущевым мало что было известно. Конфиденциальный канал между ними был предметом строгой секретности.

В чем же тогда корень этого феномена? Думается, что главную роль тут сыграли кубинский кризис и личная трагедия президента Кеннеди. В течение недели этот опасный кризис держал весь мир на грани войны и народы наших обеих стран в огромном напряжении. Все были потрясены. Благополучный исход кризиса был встречен со всеобщим облегчением. Но одновременно для всех стала ясной жизненная необходимость стабильных советско-американских отношений, независимо от идеологических убеждений. Более внимательно стали всматриваться в эти отношения и правительства обеих стран. Большое внимание привлекла речь Кеннеди в Американском университете в июне 1963 года, в которой он высказался в пользу пересмотра подходов к „холодной войне". Затем подписание договора о запрещении ядерных испытаний и поездка Раска в Советский Союз. Начались разговоры о возможности новой советско-американской встречи на высшем уровне. В октябре 1963 года было заявлено о намерении США вывести из Южного Вьетнама большую часть американских войск, численность которых составляла тогда 25 тыс. человек.

Все это исподволь создавало атмосферу каких-то ожиданий постепенных перемен к лучшему. Сам факт убийства президента грубо прервал все эти ожидания, оставил, помимо естественного, чисто человеческого сочувствия, глубокую психологическую травму в сознании народов обеих стран, ибо подсознательно воспринималось (особенно у нас), что этот молодой симпатичный президент погиб, пытаясь как-то улучшить международную обстановку, отношения с Советским Союзом. В Советском Союзе укрепилась версия заговора влиятельных ультраправых кругов США вместе с мафией, орудием которой и мог стать Освальд. Таков был в частности вывод секретного доклада КГБ, подготовленного по указанию Хрущева для Советского правительства. „Цель заговора: усиление реакционных и агрессивных аспектов в политике США".

Я считаю, что дело шло к известному улучшению отношений, особенно если бы состоялась новая встреча на высшем уровне в 1964 году. Хрущев, как и Кеннеди, надеялся на эту встречу, но он, как и президент, не хотел повторения неудачной встречи в Вене в 1961 году. Для его собственной репутации как государственного деятеля такой исход был неприемлем. Он должен был продемонстрировать определенный успех на второй встрече, учитывая общественное мнение в СССР.

Отсюда и его негласные указания Громыко: исподволь готовить новую встречу с Кеннеди, нацеливая ее на положительный результат. Такую же задачу поставил мне Громыко на ближайшую перспективу.

Надо отметить, что убийство Кеннеди потрясло Хрущева и Громыко, ибо с ним уже установились определенные взаимоотношения и достаточная предсказуемость взаимных действий. С новым же президентом все надо было начинать заново.

Естественно, при оценке итогов развития советско-американских отношений при Кеннеди возникает прежде всего вопрос: „Каковы были особенности развития этих отношений в тот период, и были ли вообще такие особенности?"

Надо признать, что внешнеполитический курс США при Кеннеди сохранил основные черты прошлых лет: курс на глобальное противоборство с СССР. Этот курс и дальше активно пропагандировался консервативными кругами, стоявшими у истоков „холодной войны". Они были убежденными противниками улучшения отношений между обеими странами.

Однако времена в мире постепенно менялись. В конце 50-х годов США перестали быть монополистами в ракетно-ядерной области. Серьезная военная конфронтация с СССР в этих условиях ставила впервые под угрозу национальное существование не только СССР, но и самих США. Понимание этой опасности проявилось в постепенном признании президентом Кеннеди сложившейся к тому времени объективной реальности в виде формировавшегося равновесия ракетно-ядерных сил обеих стран.

Исходя из этого, Кеннеди стал считать важным создание своеобразного позитивного задела в отношениях с СССР с целью воспрепятствовать возможному перерастанию постоянной конфронтации в ядерный конфликт. „Этой цели, - писал Кеннеди в своей книге „Стратегия мира" (изданной еще до того, как он стал президентом), - должно служить сотрудничество с СССР в избранных сферах совпадающих интересов".

Это был не совсем обычный лексикон для американской стороны в разгар „холодной войны". Такими сферами могли быть нераспространение ядерного оружия, прекращение ядерных испытаний, вопросы сугубо двусторонних отношений.

Под этими взглядами мог подписаться - и фактически разделял их - его основной оппонент в те годы, советский премьер Хрущев. Советскому руководству, конечно же, импонировал тот факт, что впервые в послевоенный период Вашингтон признавал за Москвой статус мировой ядерной державы. Больше того, призывал искать совпадающие области интересов. А это уже было близко „к мирному сосуществованию".

Кеннеди пошел еще дальше. Он стал исподволь подбрасывать мысль о необходимости сохранения существующего стратегического и политического статус-кво, когда каждая сторона должна была избегать действий, которые могли бы привести к серьезным сдвигам в балансе сил между Востоком и Западом, ущемляющим коренные интересы другой стороны. Об этом Кеннеди говорил при личной встрече с Хрущевым в Вене, а также с Микояном в Вашингтоне.

Принцип сам по себе вроде неплохой, но в мире тогдашней реальной политики он был трудно осуществим. США продолжали делать все для „глобального сдерживания коммунизма". СССР вел борьбу „с империализмом" и добивался продвижения везде, где можно, „идей социализма", ибо „за ним - будущее". Непрекращающееся идеологическое противоборство между СССР и США продолжало оставаться главным препятствием на пути коренного улучшения двусторонних отношений.

Да и в районах жизненно важных интересов, например, в Европе, обеим странам было далеко не просто применять принцип статус-кво. Как раз на годы президентства Кеннеди приходилась острая борьба вокруг германских дел, и особенно изменения статуса Западного Берлина. Это конкретно имел в виду Кеннеди, когда говорил с Хрущевым и Микояном о статус-кво. А

именно такой статус-кво тогда уже не устраивал Москву, которая вела курс на закрепление раскола Германии, на вытеснение западных держав из Западного Берлина. Попытка Хрущева ввезти ядерные ракеты на Кубу также свидетельствовала о том, что он стремился изменить статус-кво и в стратегическом соотношении сил обеих стран.

Короче, статус-кво мог быть только „выборочным".

В условиях „холодной войны" и для Кеннеди, и для Хрущева трудно было как-то изолировать сферу советско-американских отношений от других событий или примирить в одном общем курсе два основных, но противоречивых аспекта внешней политики обеих стран, выявившихся в этот период: необходимость уменьшить угрозу ядерной войны, искать компромиссы и в то же время стремиться всеми другими средствами расширить свое влияние в глобальном масштабе. Эта противоречивость в советско-американских отношениях давала о себе знать долгое время при разных руководителях в Кремле и Белом доме.

Большую, порой решающую роль играли при этом особенности внутриполитической обстановки в обеих странах. Надо признать, что в СССР какой-либо сильной борьбы вокруг проблемы советско-американских отношений не было. Курс на разрядку в целом поддерживался в стране.

Этого нельзя было сказать о США. После кубинского кризиса активизировалась поляризация политических сил в американском обществе. Усилились открытые разногласия по вопросам внешнеполитической стратегии и тактики в отношении Советского Союза. В обеих странах продолжалось наращивание ядерной и общей военной мощи. Недружественные пропагандистские кампании постоянно вспыхивали с обеих сторон, особенно по вопросам прав человека и еврейской эмиграции.

Все это в той или иной степени лихорадило советско-американские отношения до середины 80-х годов, когда крупные прорывы в области соглашений по ядерным и обычным вооружениям стали способствовать определенной стабилизации этих отношений.

Оглядываясь на наши отношения с США в годы администрации Кеннеди с нынешних позиций, позиций 90-х годов, невольно приходишь к выводу, мягко говоря, о неразумности поведения великих держав, в первую очередь США и СССР, и их правительств. Сколько триллионов долларов и рублей было потрачено обеими странами за эти 30 лет, сколько опасных международных кризисов, сопровождаемых быстро растущим ракетно-ядерным потенциалом обеих стран, пришлось пройти, чтобы, наконец, в начале 1993 года между США и Россией было достигнуто далеко идущее соглашение о дальнейшем резком сокращении их огромных наступательных стратегических сил на две трети, т. е. до количественных уровней, уже сопоставимых с количественными уровнями периода Кеннеди-Хрущева. Спрашивается, зачем же понадобилось столько жертв, лишений и средств, чтобы, пройдя большой и дорогостоящий путь, снова вернуться, по существу, к тому, с чего начинали?

Конечно, при Кеннеди и Хрущеве было упущено немало возможностей сократить этот путь. То же можно сказать и о последующих годах, когда идеологические, имперские устремления обеих стран, их очередных правителей в Кремле и Белом доме эффективно тормозили этот процесс. Понадобилась почти треть века, чтобы взаимно убедиться в порочности и губительности „холодной войны", в необходимости ее прекращения и перехода к поискам взаимопонимания, сотрудничества и партнерства.

ЧАСТЬ

III

В БЕЛОМ ДОМЕ— ПРЕЗИДЕНТ ЛИНДОН ДЖОНСОН, 1963—1969 ГГ.

На приеме у президента Джонсона в Белом доме. 1964 год

1. ДЖОНСОН ВЗЯЛ БРАЗДЫ ПРАВЛЕНИЯ

Трагическая смерть Джона Кеннеди сделала Линдона Джонсона президентом США. Не будь его кандидатура на пост вице-президента выдвинута Кеннеди на съезде демократической партии в 1960 году, Джонсону вряд ли бы удалось самостоятельно добиться президентства. Как вице-президент он вынужден был оставаться пассивным наблюдателем происходящих событий, ибо Кеннеди не включил его в свое ближайшее окружение. Отношения Джонсона с кланом Кеннеди вообще всегда были натянутыми. Весьма вероятно, что если бы Кеннеди был жив и стал бы переизбираться, то он, скорее всего, подыскал бы себе другого вице-президента. Однако переживания и долготерпение Джонсона были, как известно, вознаграждены судьбой.

Потрясенные трагической гибелью Джона Кеннеди американцы восприняли приход Джонсона в Белый дом[1] с надеждой на то, что ему, опытному политическому деятелю, мастеру закулисных сделок в конгрессе, удастся объединить страну перед лицом сложных политических, экономических и социальных проблем, которые встали перед США в начале 60-х годов.

„Медовый месяц" Джонсона длился значительно дольше ставших традиционными первых „ста дней" пребывания в Белом доме, захватив остаток четырехлетнего президентского срока, который не дослужил Кеннеди, и первые несколько месяцев пребывания Джонсона в Белом доме после победы на выборах 1964 года уже в качестве избранного главы государства. Ему удалось на первых порах создать образ откровенного, доступного и непритязательного президента, занятого благосостоянием страны и народа. Короче, новый президент сумел взять хороший старт при необычных обстоятельствах.

Обо всем этом я, как посол, докладывал в Москву одновременно с рекомендациями постепенно втягивать Джонсона в советско-американский диалог.

Вступив на пост президента в конце ноября 1963 года, Джонсон не стал, однако, сразу проявлять активность в области внешней политики. На первых порах он ограничился тем, что дал указание госсекретарю Раску продолжать следовать основным направлениям внешнеполитического курса Кеннеди, в том числе и в советско-американских отношениях.

Об этом мне прямо заявили вскоре после прихода Джонсона в Белый дом и Раек, и Томпсон. Они же откровенно предсказывали, что до конца 1964 года Джонсон будет в основном поглощен вопросами президентской предвыборной кампании, ибо он твердо намерен стать „законно избранным президентом".

И действительно, в течение большей части 1964 года Джонсон, будучи занят предвыборной борьбой, уделял вопросам внешней политики заметно меньше внимания, чем внутриполитическим делам, за исключением войны во Вьетнаме. Практическое осуществление внешней политики было в значительной степени возложено на плечи Раска и отчасти Банди.

Заметно выросло влияние госсекретаря, который за кулисами занимал подчас более консервативную позицию в вопросах развития отношений с СССР, чем некоторые другие советники президента и даже сам Джонсон. Последний в начале своего президентства довольно часто по этим вопросам советовался с либерально настроенными сенаторами Фулбрайтом и вице-президентом Хэмфри. Но война во Вьетнаме развела их по разные стороны „баррикад". Большую долю ответственности за трагедию вьетнамской войны несет Раек, но он нашел в себе впоследствии достаточно мужества и признал, что в то время не всегда действовал с правильных позиций. Антикоммунизм, по существу, оставался стержнем американской внешней политики при Джонсоне. Еще будучи вице-президентом Джонсон представил Кеннеди в мае 1961 года специальный доклад после своей поездки по странам Юго-Восточной Азии. В нем Джонсон доказывал необходимость для США взять на себя основное бремя борьбы против коммунизма в этом районе, не останавливаясь перед применением силы. Правда, став президентом, он избегал делать какие-либо заведомо недружественные нам заявления.

В области внутренней политики новый президент энергично проводил политику по формированию и законодательному оформлению своей программы так называемого „великого общества".

Джонсон, памятуя об опасности ядерной войны и пережитых в стране потрясениях во время кубинского кризиса, в период избирательной кампании 1964 года выступал в пользу улучшения советско-американских отношений. Джонсон довольно охотно шел на некоторые соглашения ограниченного характера, заключение которых было известным движением вперед в направлении улучшения отношений с СССР (договоренность о сокращении производства расщепляющихся материалов в военных целях, подписание консульской конвенции, соглашение о рыболовстве в северо-восточной части Тихого океана).

Джонсон считал, что в период предвыборной кампании ему не следует проявлять особой поспешности в делах с СССР по крупным вопросам. Так, в течение всего года правительство США проявляло явное нежелание вести переговоры с СССР по германскому вопросу. Оно считало, что этот вопрос потерял ту остроту, которая ранее требовала от Вашингтона соответствующих действий, в том числе поисков путей уменьшения опасностей, таящихся в германской проблеме и берлинском вопросе. В тактических целях Белый дом стал также делать упор на целесообразность решения проблемы объединения Германии в комплексе с решением ряда вопросов европейской безопасности (парадоксально, но факт, что лет тридцать спустя Горбачев пытался провести такую же увязку, когда действительно встал вопрос объединения Германии, но делал он это с точки зрения наших государственных интересов крайне неумело).

Важно отметить, что в целом просматривалось стремление правительства Джонсона отделить вопрос об отношениях с СССР от других мировых проблем. Оно пыталось добиться выравнивания и даже улучшения этих отношений при сохранении за собой „свободы рук" в „периферийных" районах, в особенности во Вьетнаме. Причем, Джонсон, кажется, действительно верил в работоспособность такой схемы.

Хрущев же в течение определенного времени придерживался, по существу, такого же курса. Однако идеологические соображения (ДРВ -„братское социалистическое государство") с течением времени стали все

более активно сказываться на его позиции ввиду усиливавшегося военного вмешательства США во Вьетнаме. Впрочем, в 1964 году это еще не так сильно чувствовалось.

Первые контакты с Джонсоном

Джонсон как государственный деятель практически не был знаком советскому руководству. Никто из руководителей СССР с ним ранее не встречался. Взгляды его на международные отношения также были мало известны.

И все же в Москве надеялись, что переход власти от одного президента к другому не вызовет каких-либо заметных изменений в подходах Белого дома к советско-американским отношениям. Джонсон не отличался откровенным антисоветизмом, проявил определенную сдержанность во время кубинского кризиса. Сразу после гибели Кеннеди Джонсон, как уже отмечалось, заявил, что будет придерживаться внешнеполитического курса своего предшественника.

Вот почему, когда решено было послать на похороны Кеннеди Микояна, то одновременно ставилась цель воспользоваться этим, чтобы сразу сделать первый шаг к установлению прямых контактов с новым президентом. Такое предложение вносилось и мною.

Микоян привез личное письмо Хрущева, которое и было им вручено Джонсону 26 ноября в Белом доме.

Надо сказать, что Микоян шел на встречу с Джонсоном с некоторым волнением. Вспомнились ему и не очень приятные встречи в Белом доме с Кеннеди, связанные с кубинскими делами. Да и Джонсон был совсем новым для советского руководителя человеком, с неизвестными еще взглядами на отношения с СССР. Но все обошлось благополучно.

В письме Хрущева подчеркивалась важность советско-американских отношений и одновременно желательность развития хороших личных взаимоотношений с новым президентом. „Мы рассматриваем Вас как представителя того же направления в политике США, которое выдвинуло на авансцену политической жизни таких государственных деятелей, как Ф.Рузвельт и Д.Кеннеди", - как бы авансом писал советский премьер.

Джонсон явно был польщен письмом Хрущева. Поблагодарив за письмо, он, в свою очередь, передал свое заранее подготовленное послание, особо подчеркнув, что подписание этого документа было его первым официальным актом в президентском кабинете Белого дома.

Президент стал далее развивать мысль о том, что главная проблема нашего времени - найти ответ на вопрос, как нам мирно и с пользой жить вместе. Кеннеди и Хрущев несколько продвинулись в этом направлении, но сейчас основная задача заключается в том, как нам найти свой верный ответ на этот вопрос. Я знаю, заявил он, что главная мысль, которая буквально каждый день занимала Кеннеди, состояла в том, какие шаги надо предпринять для укрепления взаимопонимания между нашими народами. И я его политику полностью разделяю. Эта политика будет и впредь уважаться, и мы готовы пройти более чем полпути навстречу друг другу.

У нас, продолжал Джонсон, нет намерений вторгаться на Кубу. Однако кубинская проблема имеет очень серьезное значение для нашего народа. Мы надеемся, что со временем сможем найти решение стоящих перед нами

проблем. Мы преданы своей системе и намерены ее сохранить, но это не значит, что мы хотим поработить какие-либо народы или установить над ними какое-либо господство.

Микоян ответил, что ему приятно услышать эти слова нового президента. Мы их разделяем. Об этом же говорится и в послании Хрущева, заметил он.

Еще раз поблагодарив за послание Хрущева, Джонсон сказал, что правительство США будет продолжать практику прямого диалога и обмена информацией. Могу Вам сказать, заявил он, что во внешней политике не будет каких-либо изменений.

Джонсон высказался за конфиденциальный обмен мнениями с Хрущевым. „Быть может, мы достигнем большего, чем при моем предшественнике".

Микоян заявил, что с нашей стороны, как и прежде, посол Добрынин уполномочен вести любой конфиденциальный диалог.

Беседа в целом прошла в хорошей, доброжелательной атмосфере. И Джонсон, и Микоян остались довольны друг другом.

Вскоре последовало дополнительное конфиденциальное послание Джонсона Хрущеву, переданное мне Томпсоном. В послании выражалась признательность за передачу некоторых документов, касающихся Освальда, а также благодарность за личное письмо Хрущева, переданное Микояном. „Я глубоко убежден в ценности личной переписки между Вами и мною".

Томпсон подтвердил твердое намерение Джонсона вести такую переписку, сказав, что, по указанию Джонсона, доступ к личным посланиям будут иметь только Раек, Банди и он, Томпсон (а не так широко, как было при Кеннеди).

В первые дни президентства Джонсона были сделаны попытки некоторого сокращения военного бюджета США в качестве предвыборного жеста в пользу внутренних нужд страны и как свидетельство мирных устремлений правительства. В конце 1963 года состоялся своеобразный обмен информацией на этот счет между обеими сторонами. 9 декабря Раек просил меня уведомить Москву, что правительство США намерено сократить свои военные расходы на 1964/65 финансовый год на 1 млрд долл. Он тут же подчеркнул, однако, что США исходят из того, что между обоими правительствами нет никакой официальной договоренности об обмене такой информацией и что Вашингтон делает это добровольно, в духе конфиденциального обмена мнениями.

Через три дня Москва ответила, что Советское правительство планирует сейчас сократить свои военные расходы по бюджету на 1964 год на 600 млн. рублей и информирует об этом добровольно. Короче, оба правительства осторожничали в этом вопросе, чтобы не оказаться глубже втянутыми в этот процесс.

Раек вновь предложил договориться о пропорциональном и согласованном уничтожении обеими сторонами своих бомбардировщиков -американского Б-47 и аналогичного ему советского самолета. Раек добавил, что США готовы рассмотреть вопрос и о более широком уничтожении различных типов вооружения, которое не потребовало бы инспекции и могло бы быть осуществлено в заранее установленном месте и в присутствии представителей обеих стран.

Москва, однако, отклонила это предложение. Наиболее реалистическим способом решения проблемы разоружения, утверждалось в ответе Громыко, СССР по-прежнему считает осуществление программы всеобщего и полного

разоружения, которая предусматривала бы, что должна делать каждая страна на той или иной стадии разоружения.

Откровенно говоря, я не разделял такой подход: все или ничего. Я говорил на эту тему с Громыко. Однако у него „любимым коньком" в вопросах разоружения долгое время оставался неплохой пропагандистский тезис еще со времен Лиги Наций - „всеобщее и полное разоружение" - и нежелание рассматривать отдельные шаги в этой области, особенно если они были связаны с иностранным контролем на нашей территории.

Советское правительство и Хрущев, в частности, вообще не очень-то верили в то время в возможность реальных шагов в области материального разоружения в условиях общей гонки вооружений, упуская тем самым в течение ряда лет реальный шанс начать согласованный процесс разоружения. Единственное, что тогда допускалось, - некоторое сокращение военных бюджетов, по взаимному примеру, но, как поступали и США, без официальных связывающих договоренностей на этот счет.

Мы с Банди (который остался помощником президента) встретились (19 декабря) вдвоем за обедом для неофициального „обзора горизонтов" наших отношений при новом президенте Джонсоне. Банди говорил как бы от себя, высказывая „свои мысли вслух", но ясно давая понять, что его соображения известны президенту и одобрены им. Он „прямым текстом" высказал мнение, что Джонсон пошел бы на то, чтобы встретиться с главой Советского правительства в любом месте на 2-3 дня, если такая встреча будет способствовать достижению какого-либо соглашения.

Берлинский вопрос, согласился Банди, чреват неожиданными взрывами, которые могут возникнуть из незначительных инцидентов. Нельзя ли и тут достичь какой-либо договоренности? Однако он уклонился от обсуждения наших предложений по германскому мирному урегулированию и решения берлинского вопроса на этой основе.

Банди, по существу, признал бесперспективность для США войны в Южном Вьетнаме. Однако он утверждал, что новый президент „не может бросить Южный Вьетнам на произвол судьбы, так как это было бы равносильно политическому самоубийству Джонсона". США не согласны на нейтрализацию Южного Вьетнама, ибо нет никаких реальных гарантий против вмешательства в его дела „с Севера", хотя Вашингтон и не против какого-либо урегулирования между Южным и Северным Вьетнамом.

Видимо, можно констатировать, что именно с этого момента началось активное втягивание Джонсона в войну во Вьетнаме. Уже в день похорон Кеннеди новый президент в беседе с послом США в Южном Вьетнаме Доджем твердо заявил, что он „не намерен терять Вьетнам". Эта стало затем навязчивой идеей Джонсона.

Банди в доверительном порядке провел основанное на личных наблюдениях сравнение двух президентов: Кеннеди и Джонсона. Кеннеди читал все документы, которые ему давались, он находил время читать много газет, книг и даже исследовательских работ. Джонсон читает в основном газеты, уделяя при этом особое внимание настроениям в стране и в конгрессе, откликам на те или иные шаги. Как тактик (не стратег) Джонсон сильнее Кеннеди. Джонсон предпочитает слушать, а не читать, когда ему докладывают информационные материалы. Читает он сам лишь те документы, где формулируются те или иные решения. Кеннеди принимал многие решения еще до того как они излагались на бумаге. Джонсон же предпочитает иметь их уже кратко сформулированными.

Кеннеди советовался лишь с некоторыми конкретными лицами, хорошо знающими те или иные проблемы. По советским делам он всегда, например, узнавал мнение Томпсона. Джонсон любит спрашивать мнение многих лиц, в том числе и некоторых своих старых друзей в сенате, а затем, основываясь „на здравом смысле", выбирает то, что ему наиболее понятно. И в этих случаях Джонсон в отличие от Кеннеди не любит вдаваться в подробный анализ возможных будущих событий, а предпочитает наиболее ясный путь, особенно если он связан с ожидаемой хорошей реакцией в стране.

Несколько дней спустя у меня состоялась беседа с Раском. Говоря о перспективах наших отношений, он высказал мнение, что мы, несмотря на серьезные идеологические разногласия, можем прийти к общему мнению по некоторым вопросам даже без официального соглашения. Например, гонка вооружений. Обе стороны также заинтересованы в нераспространении ядерного оружия. Раек в отличие от Банди не поднимал вопрос о встрече на высшем уровне. Возможно, зондаж Банди был его личной инициативой, одобренной Джонсоном.

Любопытно, что в эти же дни сенатор Фулбрайт рассказал мне, что говорил с Джонсоном о возможной его встрече с советским руководителем. Тот в принципе „за", но опасается, что если она закончится так же, как и в Вене, то это может оказать негативное влияние на его шансы быть избранным президентом США в 1964 году.

Обращение Банди, переданное через меня, сразу же привлекло внимание советского руководства. Однако реакция была не совсем однородная. Хрущев сразу высказался за встречу с президентом Джонсоном в 1964 году. Он готов был и на ознакомительную встречу, надеясь на завязывание личных связей, тем более что реакция Джонсона в ходе первых контактов с советским руководством была в принципе позитивная. Его поддержал в этом намерении Микоян, который ссылался на свой опыт встречи с Джонсоном.

Громыко занял более осторожную позицию. Он считал, что к встрече надо бы подготовить какое-то соглашение, чтобы был конкретный результат. Про себя он считал (как он признался позже в беседе со мной), что идти на встречу без каких-либо конкретных, заранее согласованных результатов было рискованно, так как эмоциональный Хрущев „в свободном плавании" мог с самого начала испортить отношения с новой администрацией. Спорных вопросов ведь было немало.

В канун Нового года, 31 декабря, я получил указание из Москвы встретиться с Банди и - как сделал и он - высказать ему как бы от себя лично ответные соображения по вопросу о встречах на высшем уровне, но с ясным подтекстом, что это делается с одобрения Хрущева.

В сугубо личном и строго доверительном порядке я сказал Банди, что личные контакты между главами правительств - дело важное. Поэтому, как мне представляется, встреча в недалеком будущем между Хрущевым и президентом Джонсоном, которая позволила бы им поближе познакомиться и побеседовать по вопросам, имеющим важное значение для обеих стран, была бы полезной, даже если ее результатом было бы просто их лучшее знакомство друг с другом. Если американская сторона не готова сейчас пойти на решение фундаментальных международных проблем, а это, видимо, так, то можно было бы выбрать один или нескольких сравнительно небольших вопросов и достигнуть по ним согласия. В этой связи желательно знать, какие проблемы и вопросы могли бы, по мнению американской стороны, быть рассмотрены с наибольшей надеждой на успех. Что касается

вопроса о том, продолжал я, кому должна принадлежать инициатива организации встречи, то, как думается, это не имеет существенного значения, и если для президента это удобнее, то инициатива, видимо, могла бы быть проявлена со стороны Москвы.

Выслушав, Банди улыбнулся и сказал: „У меня будет над чем подумать в канун Нового года".

Через несколько дней Банди сообщил „свои последние размышления на этот счет". Они сводились к тому, что президент сейчас занят предвыборной кампанией. К тому же его выезд за границу затруднен ввиду отсутствия сейчас в США вице-президента, который мог бы его заменить. Короче, к этому вопросу - о возможной дате встречи - в любом случае пришлось бы вернуться позже, сказал в заключение Банди, дав осторожно понять, что, скорее всего, наиболее реальный срок встречи - уже после выборов, хотя нельзя полностью исключить и другие возможности.

Впоследствии до нашего посольства дошли сведения, что определенную сдерживающую роль в отношении встречи сыграл Раек, который считал, что Джонсон еще не готов к ней.

Надо сказать, что в этом эпизоде (не в последний раз) проявилась импульсивность характера Джонсона, неумение до конца продумывать свои шаги. Сперва, как видно, он загорелся идеей встретиться с Хрущевым. Но уже через несколько дней он засомневался, остыл и отложил дело на неопределенный срок. Такие действия вызвали, мягко говоря, недоумение в Москве.

Таким образом, когда впервые Хрущев выразил готовность к встрече с президентом США без всяких предварительных условий, президент Джонсон заколебался, проявил политическую робость и не использовал связанные с этим шансы подкорректировать отношения с СССР, особенно после кубинского кризиса, к чему Хрущев в тот момент был готов. Личная встреча между ними так и не состоялась. Еще одна упущенная возможность.

Любопытную „психологическую картину" поведения Джонсона дал мне Э.Фортас, его близкий друг и давний личный юрист, знавший его более двух десятков лет.

После двух сердечных приступов, которые были у Джонсона несколько лет тому назад, он, по словам Фортаса, живет под постоянным (хотя и хорошо скрываемым) страхом, как бы не повторился этот приступ с более серьезными последствиями. Это накладывает на него незримый отпечаток, довольно характерный для лиц, перенесших такую болезнь. Джонсон инстинктивно избегает дел, требующих длительного и сложного раздумья, дел, чреватых серьезными и непредвиденными последствиями; он старается оттянуть их рассмотрение и принятие решений по ним; в то же время он охотно занимается более „приятными" делами, связанными с ростом его личной популярности или не требующими полного напряжения его умственных и физических сил. Для принятия решений по сложным и противоречивым вопросам ему нужно время и возможность спокойно поразмыслить. Однако в какой-нибудь сложной обстановке, скажем, какого-то кризиса, когда на него „давят" со всех сторон разные и весьма сложные вопросы, требующие срочного решения, Джонсон, в силу отмеченных выше психологических особенностей, может „сорваться" и „под горячую руку" наделать вещей, о которых сам же будет потом сожалеть.

Диалог по вопросам стратегических вооружений

В первые месяцы правления Джонсона Советское правительство стремилось завязать диалог с новой администрацией по широкому кругу вопросов. Однако представители администрации, хотя и были внешне доброжелательны, по существу, уходили от этого, ссылаясь на то, что президент не имел еще достаточно времени для изучения сложных международных проблем.

Наиболее заметным был, пожалуй, мой диалог с Раском по разоруженческим вопросам, но и он носил весьма отрывочный, несистематизированный характер и не выявил ближайших перспектив на их продвижение.

В значительной мере из-за Вьетнама, а также весьма осторожного подхода советского руководства ввиду особой чувствительности предмета, не получил, как уже отмечалось, достаточно быстрого развития начатый в октябре 1963 года диалог по вопросам стратегических вооружений. С большими перерывами эти вопросы затрагивались в контактах между Москвой и Вашингтоном на протяжении 1964 - 1966 годов. Американцы пытались заморозить количества и характеристики имевшихся у обеих сторон стратегических систем доставки ядерного оружия, в которых у них было еще значительное преимущество. Москва, разумеется, не шла поэтому на простое замораживание статус-кво в области стратегических вооружений. Лишь к концу 1966 года администрация Джонсона стала проявлять готовность к серьезным переговорам.

Было, однако, одно исключение: определилась возможность договориться о сокращении производства расщепляющихся материалов (обогащенного урана) в военных целях. На эту тему Джонсон 22 февраля 1964 года направил специальное послание Хрущеву. Последний выразил согласие. Вскоре при встрече президент сказал мне: „Хочу подчеркнуть, что реакция в США на недавнее решение правительств наших стран сократить производство расщепляющихся материалов оказалась весьма благоприятной и обнадеживающей".

Была еще одна тема из военно-стратегической области, которая постепенно привлекала к себе внимание администрации, а именно, создавать ли в США широкую и дорогостоящую систему противоракетной обороны (ПРО), эффективность которой была еще не ясна, или заранее договориться с СССР о взаимном отказе от такой системы, которая к тому же могла способствовать дестабилизации общей стратегической обстановки. Сторонником такого отказа негласно стал министр обороны Макнамара, а также Визнер, советник президента по науке.

В начале января директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению Фостер в неофициальной беседе со мной уделил много внимания целесообразности взаимного отказа США и СССР от создания широкой системы ПРО. Стоимость ее, по его оценкам, будет минимум 15-20 млрд. долл. Какая-нибудь предварительная негласная договоренность по этому вопросу между главами обоих правительств могла бы иметь большое значение.

Предложение Фостера по вопросу о ПРО, как и дополнительный зондаж со стороны администрации Джонсона по этому вопросу, однако, замалчивалось или отклонялось советским руководством. Последнее отчасти считало, что мы опередили американцев в разработках в этой области. Главное же, психологически было трудно отказаться от кажущейся

защиты своей страны от ракетного нападения. В целом это был недальновидный подход с точки зрения поиска возможных договоренностей с США.

Конкретный крупный разговор на эту тему произошел в Гласборо в 1967 году между Джонсоном и премьером Косыгиным, о чем еще будет идти речь.

Первая беседа наедине с Джонсоном

17 апреля я встретился с президентом в Белом доме по его приглашению. Мы беседовали наедине. Кабинет был тот же, что и при Кеннеди, но уже обставлен по-другому, без морской тематики, которую любил покойный президент. Преобладала техасская символика.

Джонсон был весьма приветлив. Он попросил передать поздравления Хрущеву в связи с его 70-летием. Показал сад Белого дома, своих любимых собак. Сказал, что любит поохотиться. Хорошо бы посоревноваться с Хрущевым. Он слышал, что советский премьер хороший охотник. „Гольф не для меня. Я люблю скакать на лошади и охотиться". Глядя на его мощную фигуру, этому можно было сразу поверить.

Затем вернулись в Овальный кабинет. Джонсон сказал, что давно хотел поговорить с советским послом о состоянии отношений между нашими странами. Заметил, что в целом удовлетворен им. „А каково Ваше мнение?"- спросил президент.

Ответил, что нашим двум правительствам действительно удалось создать определенные предпосылки к улучшению международной обстановки, что заключение договора о запрещении ядерных испытаний, достижение договоренности о невыводе на орбиту объектов с ядерным оружием, установление прямой связи между Кремлем и Белым домом содействовали улучшению советско-американских отношений. В этом году удалось найти взаимопонимание и в таком вопросе, как некоторое сокращение военных бюджетов. Теперь надо идти дальше, нужны долгосрочные меры по ограничению гони? вооружений. С этой точки зрения надо признать, что в текущем году сделано немного. Это, возможно, объясняется занятостью администрации выборами.

Джонсон тут же среагировал: „Да, конечно, эти соображения играют сейчас главенствующую роль во внешнеполитических шагах США". Должен признаться, заявил он далее, что за несколько месяцев пребывания в Белом доме я впервые по-настоящему почувствовал, какая это чертовски трудная и в высшей степени ответственная работа. Хочу прямо сказать, что я намерен продолжать линию на улучшение наших отношений, ибо это отвечает интересам обоих народов. Я не намерен сворачивать с намеченного пути. Я уверен, что большинство американского народа поддерживает меня и мою позицию. Негласные опросы Белого дома по ряду штатов подтверждают мнение в пользу нормализации наших отношений.

Это, бесспорно, свидетельствует об известном сдвиге в американском общественном мнении, немыслимом, скажем, даже несколько лет тому назад, подчеркнул президент. Однако в целом положение в стране далеко не такое простое. Еще очень многие прислушиваются к голосам тех, кто выступает против каких-либо соглашений с СССР и кто, по существу, проповедует даже ухудшение наших отношений. Недооценивать этого нельзя.

В этой связи я очень хотел бы сейчас публично выступить с инициативой, пусть небольшой, которая, однако, ясно показала бы общественному мнению страны, что, несмотря на крики Голдуотера и Никсона об угрозе международного коммунизма и необходимости усиления борьбы с ним, т. е. и с СССР, я намерен идти по другой дороге, дороге совместных действий с СССР, с премьером Хрущевым.

Поэтому я и хочу передать Хрущеву свое новое послание по вопросу о сокращении производства расщепляющихся материалов для военных целей, сказал президент.

Так получилось, что, когда я пришел к Джонсону, у меня уже было с собой позитивное послание от Хрущева на эту же тему. Хрущев, правда, поднимал при этом вопрос о том, что к такому шагу надо было бы привлечь и Лондон, и Париж.

Джонсон, ознакомившись с посланием, тут же сказал, что имеет мало влияния „на того парня в Париже" (де Голля) и попросил Хрущева все же пойти на двустороннее заявление от имени СССР и США, не дожидаясь других (что и было вскоре сделано).

По ходу беседы Джонсон также высказался в пользу обмена телевизионными выступлениями президента США и Хрущева.

Джонсон передал далее текст своего ответного послания Хрущеву по поводу нарушений американскими самолетами советских границ. Он сказал, что американским ВВС даны строгие указания следить за тем, чтобы границы не нарушались. Он попросил нас „не прибегать к крайним мерам", ибо могут быть и „неумышленные ошибки" (15 мая в устном конфиденциальном ответе Хрущев выразил удовлетворение по поводу мер, предпринятых президентом Джонсоном по прекращению нарушений советских границ).

Надо сказать,, что президент Джонсон был весьма разговорчив. Он выделялся этим, пожалуй, из всех известных мне президентов. Джонсон активно жестикулировал и в наиболее важные моменты беседы приближал свое лицо к лицу собеседника, буквально нос к носу, и, прямо глядя ему в глаза и подтягивая его к себе за лацкан пиджака, старался убедить в своей правоте. Собеседник он был действительно интересный и не столько в плане беседы на профессиональные дипломатические темы (при них он явно скучал), сколько в общем, широком, разговорном плане. Он стремился вести беседу в дружественном тоне, избегая каких-либо острых углов, чтобы собеседники остались довольны друг другом.

В целом моя первая личная встреча с президентом показала, что почти все его заботы и помыслы были связаны с предвыборной борьбой. Через эту призму он тогда смотрел и на международные события. Томпсон мне прямо говорил в эти дни, что до выборов в советско-американских отношениях будет затишье - в том смысле, что серьезные вопросы решаться не будут. Во всяком случае, таков был настрой у президента.

Снова германский вопрос и Юго-Восточная Азия

Тем временем жизнь продолжала идти своим чередом. Хрущев не собирался терять целый год в ожидании исхода президентской кампании в США. 5 июня он направил устное конфиденциальное послание Джонсону. Выступая в пользу некоторого сокращения войск СССР и США в Европе, Хрущев сообщил о своем намерении сократить там наши войска на 15 тысяч

человек. Предлагал поручить Раску и Громыко более глубоко изучить комплекс вопросов разоружения. Призывал Джонсона устранить такой источник осложнений, как продолжающиеся со стороны США покушения на суверенитет и безопасность Кубы.

Это неприятный разговор для нас обоих, знаю, говорилось в обращении Хрущева. Но мир нужен всем в одинаковой мере. Значит, необходимо потушить очаги напряженности, в том числе и в районе Южного Вьетнама, Камбоджи, где возникла сейчас угроза распада мирной системы, созданной Женевскими соглашениями 1954-го и 1962 годов.

Германский вопрос является коренным потому, что он служит источником всей нынешней напряженности. Тут сосредоточены наши вооруженные силы - одна против другой. Если бы был решен германский вопрос, то не было бы „великого противостояния Джона и Ивана".

Хрущев высказывал далее свою непоколебимую убежденность в том, что ФРГ никогда не удастся поглотить ГДР. „Сейчас во всем мире существует почти единое мнение, что германский вопрос нельзя решить путем ликвидации ГДР, поглощения ее Западной Германией и созданием единого капиталистического государства. Это невозможно. Мы против этого. Если есть еще люди, которые пытаются достичь этой цели, то они авантюристы... И если пройдет еще 100 лет и если даже все еще будет существовать капиталистическая система, то им, реваншистам, все равно не удастся приобрести то, чего они хотели бы, т. е. захватить ГДР. Такова реальность, и с ней надо всем считаться". Хрущев, как видим, не был большим пророком.

Как бы реализуя мысли своего предыдущего послания, Хрущев 10 июня поручил мне информировать доверительно президента Джонсона о том, что правительство СССР и ГДР решили в ходе предстоящего визита в СССР Ульбрихта заключить Договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве.

Для Раска, через которого мною было передано это сообщение о договоре, оно явилось довольно неожиданным. Он не скрывал своего неудовольствия, но от высказываний по существу вопроса уклонился, заметив лишь в саркастической форме, что советская внешняя политика, как он давно думал, в целом сводится, видимо, к довольно простой формуле: „что мое - то мое, а что ваше - давайте делить пополам".

Несколько позже, в октябре, во время одной из наших неофициальных встреч Банди рассказал, что в ходе дебатов в Белом доме высказывалась мысль, что объединение Германии „реально только вне рамок НАТО". В администрации „гадают", почему СССР не выступает за объединение Германии как нейтрального государства, что могло бы дать Москве пропагандистский выигрыш.

Но тогда Хрущев был против любого объединения Германии, поскольку делал ставку на укрепление отдельного „рабочего германского государства". И в дальнейшем советское руководство .всерьез не ставило вопрос о нейтрализации Германии, ибо не думало о скором объединении Германии. Горбачев же слишком поспешно „скинул" весь германский вопрос, когда он неожиданно встал в практическую плоскость в 1989-1990 годах.

В беседе со мной Р.Кеннеди, который продолжал занимать пост министра юстиции, доверительно изложил позицию президента Джонсона в отношении Вьетнама. Ссылаясь на свою личную беседу с ним, Кеннеди сказал, что Джонсон не хочет распространять военные действия на Северный Вьетнам. Если же ходом событий президент будет поставлен перед альтернативой: „потерять" Южный Вьетнам или начать военные действия против

ДРВ, то президент наверняка изберет второй путь, хотя это и связно с очень серьезными последствиями. В целом было видно, что Р.Кеннеди чувствовал себя не очень уверенно в администрации Джонсона.

За два часа до моего отлета в отпуск 12 июля меня пригласил в Белый дом Банди на неофициальную беседу, чтобы я располагал информацией при встречах в Москве с советским руководством. Несмотря на то, что главным соперником президента на выборах будет Голдуотер - а это резко обострит предвыборную борьбу, - Банди твердо заверил, что Джонсон по-прежнему не намерен отступать от своей внешнеполитической линии в предвыборной кампании в пользу необходимости сохранения мира и достижения взаимопонимания с Советским Союзом. Правда, порой в полемике с Голдуотером придется говорить вещи, которые могут вызвать в Москве критику и недовольство. Но в Москве должны знать, что это будет диктоваться предвыборной борьбой и ни в коей мере не будет означать изменение позиции Джонсона относительно СССР и необходимости улучшения отношений между обеими странами.

Должен сказать, что такого рода „заверения" в период предвыборных кампаний в США мне довелось слышать и от других президентов. Банди дал понять, что и они не против, чтобы мы порой выступали с публичной критикой в адрес Джонсона, но делали это „в разумных пределах", чтобы критика серьезно не отражалась на общем состоянии наших отношений.

Пианист Рихтер и „правила поведения советских граждан за границей"

На фоне довольно напряженной, в общем-то, атмосферы наших отношений с США приятной разрядкой бывали приезды в Америку наших всемирно известных музыкантов и творческих коллективов. Достаточно назвать нескольких: Рихтер, Плисецкая, Растропович и Галина Вишневская, Большой театр и Ленинградский театр оперы и балета, ансамбль Моисеева, коллективы разных консерваторий и театров. Их неизменно сопровождал большой и заслуженный успех. Немало этому способствовал американский импрессарио, выходец из дореволюционной России Юрок.

Вспоминается приезд Рихтера, но не с исполнительской точки зрения, т. к. мастерство великого музыканта выше всякой похвалы. Речь, скорее, идет о тех унизительных порядках, с которыми тогда были связаны поездки наших артистов (и не только их одних) за границу. Как правило, их всех сопровождали (под видом „администраторов", „секретарей" и пр.) представители наших спецслужб, в обязанность которых входила слежка за контактами артистов за рубежом и предотвращение их попыток в отдельных случаях остаться за границей (что, впрочем, не мешало тем, кто хотел это сделать).

Подавляющее большинство артистов были патриотами своей страны, и их оскорблял такой надзор. Особенно болезненно переживал это такой весьма чувствительный и в высшей степени интеллигентный человек, как Святослав Рихтер. Его сопровождал из Москвы „администратор", который бесцеремонно вмешивался во все дела Рихтера, даже в дела чисто личного порядка (мать Рихтера жила в Западной Германии, и он с ней часто разговаривал по телефону).

Мы с женой почувствовали, что Рихтер, с которым мы были хорошо знакомы, находится на грани нервного срыва. Я срочно послал телеграмму в Москву, в которой настойчиво предложил отозвать домой его сопровождающего и оставить Рихтера в покое. Там, видно, поняли сложность ситуации, и „администратор" был отозван домой.

Надо было видеть облегчение Рихтера, когда я сообщил ему, что он может продолжать свои концерты в Америке без всяких сопровождающих. Когда он возвращался домой на английском лайнере, моя жена получила вдруг большой букет роз, посланный им по заказу с борта парохода, и телеграмму с благодарностью нам обоим за прием и избавление от „опеки".

В „Правилах поведения советских граждан за границей", утвержденных ЦК КПСС, речь в основном шла о том, что им нельзя или не следует делать за рубежом (чтобы уберечься от ожидавшихся „провокаций и вербовок" иностранными спецслужбами на улицах, в магазинах, в кино, театрах или на разных приемах и мероприятиях, на которые приглашались советские граждане). Проще было бы, конечно, сказать, что можно делать, ибо в „правилах" в подавляющем большинстве были запретительные наказы. Их нарушение грозило или быстрым откомандированием домой, или отказом в последующих выездах за рубеж.

Дело доходило до курьезов. Жену одного из вновь назначенных послов вызвали в соответствующий отдел ЦК для беседы с учетом требований этих „Правил". До этого она с мужем неоднократно бывала в загранкомандировках. Когда инструктор отдела стал усердно объяснять правила и настойчиво предложил ей расписаться, она возмутилась и спросила его, а сам-то он бывал за границей? Выяснилось, что не был. Тогда она отказалась продолжать беседу, заявив, что по опыту хорошо знает, как себя надо вести в других странах и не хочет слушать того, кто знает жизнь только по писаным инструкциям. Получился небольшой скандал. Ей посоветовали вести себя „сдержаннее в здании ЦК партии", ему же указали, что он „переусердствовал", вызвав жену посла на собеседование.

Вспоминаю в этой связи один забавный эпизод. Заведующий этого отдела Бараненков впервые поехал с какой-то делегацией в Париж. Ему очень хотелось побывать в „Фоли-Бержер", о котором он много слышал, но посещение которого фактически запрещалось указанными правилами. Посол сказал ему, что можно сходить туда инкогнито в сопровождении только помощника посла, который хорошо знает Париж. Однако помощник перестарался и купил билеты в первый ряд. По ходу представления полуобнаженная танцовщица спустилась с эстрады и подошла к этому заведующему, предложив сделать несколько танцевальных „па". Она взяла его за руку, но тот, ошеломленный происходящим, стал сопротивляться. Она, пожав плечами, пошла к другому зрителю. Эпизод вроде не получил никакой огласки, чем были довольны и посол, и его именитый гость.

Через пару недель в европейском отделе МИД получили пачку очередных французских газет. В одной из них оказался снимок, на котором был изображен этот руководящий работник ЦК с танцовщицей. Правда, там не приводилась его фамилия, а просто было написано, что „иностранец забавно вел себя" в театре.

В МИД сперва решили, что это какая-то провокация, фотомонтаж, чтобы дискредитировать высокопоставленного партийного работника. Стали подумывать, не сделать ли дипломатическое представление французам. Пришлось нашему послу вмешаться и объяснить министру, как

все произошло. Дело замяли, и до самого высокого начальства оно не дошло, но сотрудников МИД немало позабавила эта история с нашим высоким „наставником правил поведения за границей".

Джонсон и война во Вьетнаме

Летом 1964 года ситуация в Юго-Восточной Азии обострилась. В события, хотя и в разной степени, оказались вовлеченными и США, и Советский Союз.

Президент Джонсон принял вьетнамскую эстафету от Кеннеди. Однако если последний вроде подумывал о выводе своих войск из Вьетнама, то Джонсон, подогреваемый избирательной кампанией и воинствующими консервативными кругами и генералитетом США, все больше и больше втягивался в конфликт, надеясь решить его „с позиции силы". Москва же выражала солидарность с Северным Вьетнамом, который „вел освободительную войну".

Джонсон и Хрущев на первых порах пытались отделить войну во Вьетнаме от сферы советско-американских отношений. Однако с течением времени это становилось делать все труднее и труднее.

В период пребывания Джонсона у власти я неоднократно задавался вопросом, что движет лично Джонсоном в его одержимости продолжать войну во Вьетнаме „до победного конца"?

В самом деле, когда Джонсон неожиданно стал президентом, то он не был связан какими-либо обязательствами в отношении Вьетнама. К тому же вовлеченность США в военную борьбу там была еще относительно ограниченной и этот вопрос вообще пока не привлекал большого общественного внимания в Америке. Короче, у Джонсона как нового президента была полная возможность не втягивать дальше США в широкие военные операции во Вьетнаме. Вряд ли в стране его за это осудили бы.

Однако, на удивление многих, Джонсон быстро и добровольно взял на себя сомнительную роль защитника Южного Вьетнама. С момента прихода в Белый дом он сразу же заявил своему окружению, что „не намерен терять Вьетнам", хотя до этого интересы США в этой бывшей французской колонии были невелики. Претензии президента на Вьетнам явно были несостоятельны.

В отличие от своих предшественников Трумэна и Эйзенхауэра, которые держали военных на коротком поводке, Джонсон уверовал в их компетентность и все больше прислушивался к их советам, а также советам тех из своего окружения, кто стоял за военное решение вьетнамского вопроса. Именно такой курс стал настойчиво и даже упрямо проводить Джонсон.

Чем же можно объяснить такое поведение Джонсона?

Антикоммунизмом? Уверенностью, что колоссальная военная мощь США позволит легко победить во Вьетнаме? Стремлением показать, что он, как и нелюбимый им Д.Кеннеди, обладает характером и может также принять вызов во Вьетнаме, как тот продемонстрировал это на примере Кубы? Эмоциональными качествами его характера и неумением всесторонне продумать все последствия войны во Вьетнаме?

Однозначного ответа тут, видимо, нет. Каждый фактор играл какую-то свою роль. По мере затягивания войны, она все более приобретала для него личностный характер, становилась своего рода испытанием. Кто кого: он

или Хо Ши Мин? Он или Мао Цзэдун? Такое мне доводилось слышать из уст самого Джонсона. Война становилась его собственной войной.

Одержимость Джонсона лишь способствовала продолжению бессмысленной вьетнамской авантюры, что в конечном счете стоило ему второго президентства. Но, встав на порочный путь, он так и не мог остановиться.

В начале августа произошел так называемый тонкинский инцидент. По утверждению американского командования, 2 и 4 августа северовьетнамские катера атаковали американские военные корабли в районе Тонкинского залива. В ответ, по указанию Белого дома, была произведена бомбардировка объектов на территории ДРВ.

Ханой сразу же квалифицировал весь этот инцидент как американскую провокацию (так было сообщено правительством ДРВ и в Москву).

Президент Джонсон срочно провел через конгресс „Тонкинскую резолюцию", предоставлявшую ему полномочия предпринимать все „необходимые шаги" для „отражения вооруженного нападения" со стороны ДРВ и „защиты свободы" стран-членов СЕАТО. Резолюция была принята единогласно палатой представителей и лишь двумя голосами против (либеральных демократов Морзе и Грюнинга) сенатом.

Я, откровенно говоря, был поражен шовинистическим угаром, который охватил в этот момент Вашингтон, даже тех, кто обычно занимал более либеральные позиции. Официальная пропаганда играла тут решающую роль. Правительство Джонсона получило „благословение" конгресса на развертывание крупномасштабных военных действий в Индокитае, чем оно явно было намерено воспользоваться. Таков был вывод, о котором посольство доложило в Москву.

Интересно отметить, что, проведя задним числом расследование инцидента, сенатский комитет по иностранным делам пришел к выводу в декабре 1967 года, что „тонкинский инцидент" был, скорее всего, спровоцирован самими США. 4 июня 1970 года сенат отменил „Тонкинскую резолюцию" с такой же поспешностью, с какой он содействовал ее принятию шесть лет назад. Как видно, процесс политического прозрения сенаторов продолжался довольно долго. Сенатор Фулбрайт оправдывался в марте 1968 года: „Конгресс и, естественно, я считали в момент принятия этой резолюции, что мы не санкционируем большую войну, а предотвращаем расширение военных действий".

5 августа поверенному в делах Корниенко было поручено срочно передать президенту Джонсону послание Хрущева в связи с инцидентом. Томпсон, которому было вручено это послание, упорно отстаивал версию американского командования. Знал ли он всю правду? Сомнительно.

„Хотел бы надеяться, - указывалось, в частности, в этом послании, - что с Вашей стороны будут проявлены необходимое хладнокровие и сдержанность, чтобы снять военный накал и прекратить вызывающие действия американских вооруженных сил в районе Тонкинского залива, которые могут повлечь за собой соответствующий ответ другой стороны".

7 августа Томпсон передал ответ президента Джонсона, который утверждал, что США предприняли лишь минимальные оборонительные действия в ответ на нападение. США не знают, было ли это спровоцировано Пекином или же предпринято северовьетнамцами в попытке вовлечь Пекин в события в этом районе. Все, что СССР может сделать, чтобы удержать

северовьетнамцев или Пекин от дальнейших безрассудных действий в этом районе, было бы полезно для дела мира.

Вьетнамский конфликт начал постепенно вторгаться в советско-американские отношения.

Отставка Хрущева. Джонсон подтверждает свой курс

Тем временем в Москве происходили драматические события. В октябре 1964 года в результате закулисных интриг в руководстве КПСС был смещен Хрущев. Это был настоящий „дворцовый переворот". Пленум ЦК КПСС, созванный после того, как вызванного из отпуска Хрущева на президиуме ЦК заставили подать в отставку, был призван лишь утвердить решение и придать ему видимость законности.

К тому времени Хрущев растерял свою популярность из-за того, что вел непоследовательную политику, принимал половинчатые решения. Он разоблачал, критиковал и старался преодолеть сталинизм, но все же не был готов к настоящим реформам, да, по существу, он и не ставил перед собой такой задачи. Он не представлял себе, что возможно что-то другое, помимо системы, основанной на господстве одной партии - КПСС.

Организаторы заговора (Подгорный, Суслов, Брежнев и некоторые другие) не были объединены какими-то общими целями большой политики, единой политической платформой. Руководствовались они, скорее, эгоистическими соображениями, прежде всего стремлением получить или сохранить власть, либо опасениями потерять высокие посты. Во внешней политике они вообще не предлагали каких-либо изменений.

Новые руководители поспешили закрепить и свои международные позиции. Я получил срочное указание встретиться с президентом Джонсоном и объяснить положение дел.

16 октября я посетил президента в Белом доме и сообщил о состоявшемся в Москве пленуме ЦК КПСС, об отставке Хрущева и об избрании Первым секретарем ЦК Брежнева и Председателем Совета Министров Косыгина.

Сказал, в соответствии с поручением, что генеральная линия советской внешней политики, как она определена в решениях XX, XXI и XXII съездов КПСС, остается неизменной и что Советское правительство и в дальнейшем будет неуклонно следовать этому курсу. Дал президенту дополнительные разъяснения, предусмотренные полученными инструкциями. Высказал некоторые свои соображения.

Для Джонсона, как, впрочем, и для всех других, это сообщение было явной неожиданностью. Он сразу же осведомился о судьбе Хрущева. Однако этот интерес, как явствовало, был вызван не столько особыми личными симпатиями к смещенному руководителю (они ведь не встречались друг с другом, только переписывались), а, скорее, естественным любопытством, хотя в целом, по нашим наблюдениям, сам Джонсон считал, что у него установилось известное взаимопонимание с Хрущевым. Он не выразил вместе с тем какого-либо своего отношения к факту ухода Хрущева с политической арены. Джонсона интересовали новые советские лидеры и их будущий курс. Ему при этом импонировало то, что эти лидеры срочно поручили советскому послу лично встретиться с ним и заверить в их желании развивать отношения с президентом. Джонсон выразил свою

признательность за этот шаг нового советского руководства и пожелал ему успеха.

Выразив далее свое намерение расширять контакты с новыми руководителями СССР, президент сказал, что хотел бы высказать некоторые соображения, которые он просил довести до их сведения.

Джонсон сказал, что стремится продолжать курс Кеннеди, который делал все, что мог, ради упрочения мира. Соответственно, он надеется, что в Советском Союзе тоже будет сохранена преемственность во внешней политике. Если будет переизбран еще на один срок, то надеется на возможность ослабления напряженности, прогресса в области разоружения и сокращения военной активности. Он хочет ясно сказать: „Мы не хотим похоронить СССР, но, с другой стороны, не хотим быть и сами похороненными" (Джонсон использовал широко известное в США высказывание Хрущева). Президент считает, что нет причин бояться друг друга. Он сам „готов ночевать у советского посла без пистолета" и думает, что и посол не побоялся бы поступить таким же образом. Проблема, однако, сейчас в том, чтобы „убедить и оба наши народа думать также".

Джонсон уверял, .что как президент, он предпочитает удовлетворять насущные нужды своего народа, а не тратить деньги на военные приготовления. Он подчеркнул при этом важность „отхода от застарелых антагонизмов".

Говоря о необходимости проявления взаимной гибкости, Джонсон вспомнил о кубинском кризисе, сказав, что тогда ни одна из сторон не знала точно, чем все это может кончиться. „Я уходил в те дни из дома, прощаясь с женой и детьми, не будучи уверен, увижу ли их снова". Но он хотел бы в этой связи подчеркнуть лишь одну мысль: в создавшейся тогда ситуации обе стороны немного уступили друг другу, отойдя от несгибаемых, фиксированных позиций. „Я никогда не сомневался в искренности мирных устремлений советской стороны, но в то же время, если говорить откровенно, имел некоторые сомнения в отношении ее гибкости". Джонсон заявил, что готов поехать в любое место и говорить с кем угодно, если это только даст какие-либо положительные результаты в пользу мира.

Касаясь Вьетнама (и „инцидента" в Тонкинском заливе), Джонсон заявил, что лично он считает, что в целом у Советского Союза будет даже больше, чем у США, проблем с теми, кто хочет добиться сейчас господства в этом районе (т. е. с китайцами), но это, конечно, не его, Джонсона, дело. Помимо прочего, он, видимо, имел в виду и тот факт, что в этот день Китай взорвал свое первое ядерное устройство.

Новое советское руководство

Пришедшее после Хрущева новое советское руководство отличалось на первых порах от прежнего главным образом сменой первого лица. На место Хрущева пришел Брежнев.

Брежнев был политическим деятелем, хорошо знавшим „коридоры власти", привыкшим „играть вместе с командой", а не отдельно. Был осторожным, неторопливым, прислушивался к мнению своих коллег, остерегался внезапных поворотов или резких нововведений, предпочитая предсказуемую стабильность.

В старом Политбюро Брежнев занимался вопросами военной промышленности и производства вооружений. Он не увлекался проблемами идеологии и не питал к ним большого интереса. Но он твердо придерживался догм марксистско-ленинской теории, взяв их раз и навсегда на вооружение без каких-либо сомнений. Тут он был на 100 процентов „правоверным", отдав эту область на откуп Суслову.

Что касается вопросов внешней политики, то он разбирался в них слабовато и на первых порах увлекался в основном внешней, протокольной стороной дела (почетные караулы, помпезные приемы в Кремле иностранных руководителей, приятная реклама в средствах массовой информации и т. п.).

Когда я во время приездов в Москву обычно довольно долго рассказывал ему наедине о событиях в Америке (а он всегда ими интересовался), а затем спрашивал „указаний на будущее", он обычно говорил: „Какие тебе еще указания, ты лучше меня знаешь, как вести дела с американцами. Главное, чтобы был мир".

В сущности же в проведении самой внешней политики он фактически полагался до конца своих дней на Громыко. Последний был для него, пожалуй, как Даллес для Эйзенхауэра, хотя наш министр старался не особенно подчеркивать свою главенствующую роль в этих делах среди своих коллег по Политбюро. Громыко оставался дипломатом и в высших эшелонах власти, что лишь усиливало общее признание его особой роли во внешней политике.

Если Хрущев мог, когда хотел, навязать свою волю Громыко (как и другим своим коллегам), то Брежнев этого не делал, считая, что его министр лучше него разбирается в международных делах.

Помимо прочего, Брежнева связывали с Громыко и установившиеся узы личной дружбы на почве почти еженедельных охотничьих вылазок в Завидово. Некоторые злые языки утверждали даже, что Громыко, не проявлявший прежде большой любви к охоте, специально стал „заядлым охотником", чтобы быть поближе к „уху Брежнева".

В целом же Громыко оказывал на Брежнева позитивное влияние. Будучи умным человеком, он умело поддерживал у Брежнева стремление к стабильной внешней политике без эмоциональных срывов, присущих Хрущеву. Можно не соглашаться с некоторыми его взглядами, но надо отдать ему должное: Громыко всегда был последователен и предсказуем в своей политике. Киссинджер в шутку назвал как-то это политикой „тяжелого парового катка, упрямо идущего к своей цели". Когда эти цели бывали правильные, то и такой образ можно принять, скорее, за похвалу. Главное же в Громыко было стремление не допустить вовлечения страны в серьезные военные конфликты, особенно с США. Не афишируя это, он всегда - в душе - ратовал за улучшение этих отношений, но не позволял себе перешагнуть через серьезные идеологические барьеры.

Джонсон и Брежнев никогда не встречались. Но в определенном смысле они были похожи друг на друга. Оба были примерно одного возраста, оба выходцы из простых семей, были мастерами внутриполитических игр; оба не знали детально вопросы внешней политики (чем, впрочем, не очень тяготились); оба обожали охоту и быструю езду; не читали книг, но много времени проводили у телевизора; оба были по-своему любителями ковбоев и футбола; были не против „пропустить лишнюю рюмочку"; любили рассказывать анекдоты и „играть" на публику (или на собеседника), чтобы

участники беседы оставались довольны друг другом. Оба были вспыльчивы (но не на публике), злопамятны, но в то же время любили демонстрировать свою доброту и хорошее отношение к людям.

И тот, и другой обожали „паблисити" и любили позировать фотокорреспондентам. Джонсон, например, дал специальное указание, чтобы операторы телевидения снимали его с левого, более фотогеничного, с его точки зрения, профиля. Советские фоторепортеры знали, что Брежнев любил, чтобы на снимках были четко видны все его многочисленные ордена и медали. Правда, Брежнев в отличие от Джонсона в стремлении привлекательнее выглядеть на телевидении не пользовался контактными линзами вместо очков, специальным театральным гримом и электронным „суфлером". Когда Брежнев узнал, почему Джонсон не читает по бумажке, а говорит глядя прямо в зал, используя соответствующие оптические „подсказки", то он тут же дал указание купить эти стекла-линзы для своих выступлений (ему их подарил известный промышленник Хаммер). Однако он так и не приспособился читать „по новой системе" и вернулся к своим „бумажкам".

Джонсон активно добивался популярности. За первый год он появлялся на телевизионном экране чаще, чем Кеннеди за все без малого три года пребывания в Белом доме. За пять с лишним лет Джонсон провел 126 пресс-конференций, причем большая часть состоялась в первые 3 года его президентства, пока война во Вьетнаме не обернулась против него.

Брежнев решительно отказывался от пресс-конференций, т. к. знал о своем косноязычии и не выступал без заготовок.

Оба они любили хорошие отклики в прессе на свои выступления. В этом плане у Брежнева не было проблем дома. Сложнее было с откликами из-за границы. Обычно его помощники подбирали наиболее выгодные статьи и фотографии своего „хозяина". Да и послы посылали, зная слабость Брежнева, соответствующие вырезки из зарубежной прессы, которые он обязательно прочитывал, а потом и цитировал на Политбюро. У Джонсона дело обстояло сложнее, учитывая свободу американской прессы, но он старался „оказывать внимание" группе корреспондентов, освещавших его деятельность в более благоприятном свете (об этом мне рассказывал „патриарх" этой прессы Липпман).

Конечно, трудно сказать, как прошли бы их личные встречи, но, думается, что лучше, чем встреча Хрущева с Кеннеди. В общем, оба они были достаточно колоритные фигуры. Впрочем, Брежнев слишком долго находился у власти. Последние годы его жизни являли собой не особенно привлекательное зрелище. Но это уже было 18 лет спустя...

Новое советское руководство с удовлетворением восприняло мое сообщение о беседе с Джонсоном.

Решено было дать подробный ответ президенту США.

3 ноября я встретился с Томпсоном и передал ему для президента (который находился на своем ранчо в Техасе) соображения Советского правительства в связи с высказываниями, сделанными Джонсоном в беседе со мной.

В ответном послании отмечалось, в частности, что Советское правительство разделяет мнение президента о необходимости большей гибкости в подходе к решению проблем, стоящих на повестке дня, и к достижению договоренности. Важно, чтобы плодами разрядки пользовались все государства - большие и малые, друзья Вашей страны и друзья нашей

страны. Ущемление прав малых стран вносит дополнительные осложнения в отношения между СССР и США (например, в контексте Кубы, хотя Москва и верит словам президентов США).

В заключение в послании говорилось, что Советское правительство хотело бы сейчас делать упор не на те вопросы, по которым у нас имеются разногласия, а на те области, где имеются точки соприкосновения. „Мы хотели бы еще раз сказать, что Советское правительство ценит доверительные отношения с президентом Джонсоном и считает взаимополезным поддерживать и развивать их, в том числе и через установившиеся доверительные каналы".

Томпсон сказал, что он немедленно передаст Джонсону все эти соображения Советского правительства. Для президента будет особенно приятен тот факт, что советское руководство сочло целесообразным высказать свои важные соображения еще до того, как станут известны результаты президентских выборов (как раз в этот день в США началось голосование). В Москве действительно были колебания на этот счет, но возобладало желание Брежнева „морально поддержать Джонсона". Учитывались также предсказания нашего посольства насчет вероятной победы Джонсона.

2. ПРЕЗИДЕНТ И СОВЕТСКОЕ РУКОВОДСТВО

Состоявшиеся 3 ноября 1964 года президентские выборы явились триумфом для Джонсона. Он победил Голдуотера с перевесом почти в 16 млн. голосов. „Ястребиный" подход последнего к вопросам внешней политики, ядерной войны и к отношениям с Советским Союзом явно не получил одобрения американских избирателей. Многие избиратели признавали, что они голосовали не столько за Джонсона, сколько против Голдуотера.

Тем временем в администрации Джонсона все еще обсуждали вопрос об отношениях с СССР в свете недавних изменений в советском руководстве. Как доверительно сообщил мне Гарриман, речь шла не о том, продолжать ли поддерживать нынешнюю в целом неплохую атмосферу в советско-американских отношениях. Об этом не было спора. Но многие советники убеждали президента не торопиться, выждать дальнейшего развития событий, прежде чем принимать серьезные решения в области отношений с СССР.

Итак, Джонсон получил от народа мандат на президентство. Вместе с тем характерной особенностью 1965 года было то, что все расширяющееся непосредственное участие регулярных американских войск в боевых операциях против повстанческих сил в Южном Вьетнаме и активные действия в отношении ДРВ все больше накладывали свой отпечаток на международное положение США, а также на внешнеполитическую линию американского правительства и поведение самого президента. Вьетнам

становился доминирующей темой внешней политики США. Именно через призму своей вьетнамской политики правительство Джонсона в ряде случаев проявляло тенденцию рассматривать и международные проблемы, а также взаимоотношения с другими странами, включая и СССР.

В подходе Джонсона к внешнеполитическим проблемам все заметнее проявлялась присущая ему импульсивность в сочетании с усиливавшимся стремлением прислушиваться к мнению „военных специалистов" и следовать их советам, что приводило порой к скороспелым решениям и известным внешнеполитическим просчетам. США все сильнее втягивались в войну во Вьетнаме. Расчет Джонсона на то, что подавляющее преимущество США в авиации заставит ДРВ капитулировать, явно оказался ошибочным.

Раек, Макнамара и Банди продолжали оставаться главными советниками президента по вопросам внешней политики. Влияние Банди, однако, постепенно ослабевало (помимо прочего - несхожесть характеров), да и Джонсон проявлял тенденцию все больше полагаться на аппарат госдепартамента и министерства обороны, а не на „малый госдепартамент" Банди. Все это, очевидно, сыграло свою роль в решении Банди оставить с февраля 1966 года занимаемый им пост (он возглавил Фонд Форда). Влияние же Макнамары росло. Однако вскоре его взгляды на продолжение войны во Вьетнаме стали негативными. Это держалось в секрете, пока сам Макнамара не опубликовал в 1995 году книгу с критикой войны во Вьетнаме.

Основным советником по внешней политике оставался Раек. Джонсону нравился сдержанный, „неэмоциональный" подход Раска к решению вопросов. Следует отметить, что в вопросах советско-американских отношений Раек, как и госдепартамент в целом, оказывал достаточно консервативное влияние и не способствовал появлению каких-либо заметных сдвигов в наших отношениях, хотя и не обострял их умышленно. Впрочем, Джонсон порой сам выражал недовольство тем, что Раек не проявляет достаточно воображения и, в частности, не может обеспечить дипломатический выход из вьетнамского тупика.

Определяющее влияние Джонсона в вопросах внешней политики объяснялось и тем* немаловажным фактором, что в 60-е годы исполнительная власть в США в значительной степени узурпировала права американского конгресса в этих вопросах.

В целом отношения Москвы с администрацией Джонсона в первый год после его избрания не получили развития, даже постепенно ухудшались, в основном из-за войны во Вьетнаме. Дальнейшее расширение этой войны грозило внести дополнительную напряженность.

Кто подписывает „личное послание" с советской стороны?

В середине января Томпсон передал мне личное послание президента „советским руководителям". Оно не было конкретно адресовано ни Брежневу, ни Косыгину. Дело в том, что и аналогичные послания из Москвы - после отставки Хрущева — не имели чьей либо подписи, и Джонсон не знал, кому конкретно адресовать свои послания.

Это объяснялось развернувшейся в Москве закулисной борьбой между Брежневым и Косыгиным, в том числе за право подписывать послания лидерам зарубежных стран.

Косыгин считал, что его подпись как премьера в переписке с лидерами других стран соответствовала международной практике. При этом он доказывал, что Брежнев, как партийный руководитель, не должен это делать. Брежневу же очень хотелось поскорее выйти „на международный уровень". Сперва в советском руководстве верх взяла точка зрения Косыгина, и он стал подписывать послания. Однако борьба продолжалась. Громыко негласно поддерживал Брежнева - дал конфиденциально указания послам деликатно разъяснять правительствам стран их пребывания, „кто есть кто" в советском руководстве. В конце концов, Брежнев вышел на первые роли и в переписке с иностранными лидерами. Но это произошло позже. Пока же переписка Джонсона до конца его пребывания у власти велась только с Косыгиным.

Послание Джонсона было ответом на обращение советского руководства от 3 ноября, т. е. в канун президентских выборов.

Джонсон отмечал, что ему „было приятно" получить выражение готовности Советского правительства сначала к сдерживанию и ограничению гонки вооружений, а затем и к значительному ее сокращению. Он сообщил, что правительство США запрашивает в новом финансовом году на 2 млрд. долл. меньше военных ассигнований, чем в прошлом. Он подтверждал необходимость того, чтобы все соглашения, имеющиеся между СССР и США, соблюдались. Одновременно выражал надежду, что оба правительства смогут двигаться вперед в своих двусторонних отношениях.

Джонсон высказался в заключение в пользу визита кого-либо из советского руководства в США. Такой визит дал бы, по мнению президента, возможность серьезно и конструктивно обсудить все проблемы. Если эта идея встречает одобрение со стороны Советского правительства, то он, Джонсон, направит тогда в Москву официальное приглашение.

Томпсон дипломатично выразил надежду, что этот последний абзац послания не будет воспринят в Москве как показатель „какой-то торопливости или поспешности президента" в вопросе о визите; речь идет о визите в любое взаимоприемлемое время. Он добавил, что Джонсон умышленно избрал общее выражение „советское руководство", чтобы советская сторона могла сама решать, кто может поехать в США: Брежнев, Косыгин, Микоян или кто-то еще.

В вопросе о встрече советское руководство стало склоняться к тому, что „очередь" за Джонсоном ехать в Москву (в Кремле не могли между собой решить, кому конкретно из советских руководителей следовало бы осуществить визит в Вашингтон, и порешили - пусть сперва приедет Джонсон). Однако вскоре вопрос о визите на долгое время неопределенно повис в воздухе из-за обострения ситуации вокруг Вьетнама.

Визит Косыгина в Ханой. Джонсон и конфликт в ЮВА

В первой половине февраля состоялся визит Косыгина в Ханой. 10 февраля крупные силы Вьетконга неожиданно напали на лагерь американцев около южновьетнамского города Плейку. Джонсон в ответ приказал подвергнуть сильной бомбардировке ДРВ, когда там находился еще Косыгин.

Понимая деликатность ситуации, Раек при встрече со мной утверждал, что президент не хочет ухудшения отношений с нами в связи с вьетнамскими

событиями, напротив, он за их улучшение, и что США готовы уйти из Южного Вьетнама, если Ханой прекратит вмешательство.

Вскоре было послано довольно резкое конфиденциальное послание Советского правительства президенту Джонсону с осуждением действий США во Вьетнаме.

Надо сказать, что этот эпизод с бомбардировкой ДРВ во время его визита в Ханой сильно настроил Косыгина против Джонсона, хотя до этого советский премьер неплохо относился к нему. Неблаговидную роль сыграли тут и северовьетнамцы, которые развернули свое наступление как раз в момент визита Косыгина в Ханой, не предупредив нас об этом заранее. Они вообще старались, руководствуясь своими интересами, создавать напряженность в отношениях между Вашингтоном и Москвой.

Создавалась парадоксальная ситуация: в советском руководстве хорошо понимали игру вьетнамцев и за глаза ругали их, особенно Брежнев, которому, как и Громыко, не хотелось без нужды обострять отношения с США. И все же идеологические „шоры" неумолимо толкали их к порочному и вредному для страны курсу.

События в Индокитае привлекали к себе внимание вашингтонского дипломатического корпуса. Послы оживленно обменивались мнениями между собой на этот счет. У меня установились хорошие, дружеские связи с французским послом Альфаном. Во время второй мировой войны он и его жена участвовали в движении Сопротивления, были близки к де Голлю.

Альфан рассказал мне о высказываниях президента Джонсона в узком кругу. Джонсон выразил убеждение, что вьетнамский конфликт выходит за рамки лишь вопроса о том, кто будет контролировать Южный Вьетнам. Этот конфликт символизирует принципиальную борьбу с коммунизмом в мировом масштабе, является составной частью программы правительства США „сокрушить коммунизм", если только он будет пытаться выходить за пределы своей нынешней сферы. Должна быть ясно проведена разграничительная линия в мировом масштабе (как она уже существует в Европе), через которую США „не позволят переступить коммунистам". Ради этой важной цели стоит пойти на жертвы, ибо они, в конце концов, окупят себя.

Альфан рассказал вместе с тем о царящей в Белом доме уверенности в том, что СССР из-за усиливающихся разногласий с КНР не пойдет на сильное обострение отношений с США в связи с Вьетнамом и что Москва дальше дипломатических представлений не пойдет, то есть в целом удастся сохранить необходимый уровень отношений с СССР.

На эту же тему у меня был разговор на обеде с вице-президентом Хэмфри (12 марта). По мнению администрации, Пекин считает США „бумажным тигром", с которым можно не считаться. И поскольку конфликт во Вьетнаме поднят сейчас китайцами и северовьетнамцами до такого уровня, то правительство США игнорировать это не может. США находятся в Южном Вьетнаме, и никакая сила не заставит их сейчас уйти оттуда, если не будет определенного политического урегулирования. Именно поэтому Вашингтон категорически отказывается от предварительного условия китайцев и северовьетнамцев: вывод войск США из Южного Вьетнама до начала переговоров по нормализации положения во Вьетнаме. Позиция президента, по словам Хэмфри, такова: Ханой прекращает свои действия в отношении Сайгона. Это создает обстановку для последующих переговоров. Администрация Джонсона будет готова принять любое правительство,

которое будет создано в Южном Вьетнаме, даже если впоследствии оно станет социалистическим, но главное в том, что США никогда не подчинятся силовому диктату Пекина и Ханоя.

Одной из причин готовности президента к политическому урегулированию, подчеркнул Хэмфри, является его стремление избежать дальнейшего ухудшения советско-американских отношений. Он понимает, что СССР должен оказывать помощь ДРВ, включая военные поставки, а это приведет ко все большему вовлечению США и СССР во вьетнамский конфликт, что крайне нежелательно.

В администрации Джонсона, заметил Хэмфри в доверительной форме, высказываются в пользу предоставления Индии „ядерного зонтика" против Китая, как совместно с СССР, так и в одностороннем порядке. (В дальнейшем, однако, эта мысль не получила своего развития в наших отношениях с США. В официальном плане американцы ее не поднимали.)

Интересную оценку внутренней расстановке сил в администрации по вьетнамскому вопросу дал мне сенатор Мэнсфилд, который давно слыл в сенате знатоком азиатских дел. Главными авторами и активными сторонниками нынешнего курса во Вьетнаме, сказал он, являются Макнамара, братья Банди (один в Белом доме, другой в госдепартаменте) и генерал Тэйлор, председатель Комитета начальников штабов.

Сторонники этого курса в Пентагоне считают, что прямое вмешательство Китая дало бы хороший предлог для нанесения бомбового удара по китайским ядерным установкам и выведения таким образом КНР на длительный срок из числа потенциальных ядерных держав.

26 марта я получил указание изложить Раску советскую позицию по вьетнамским событиям и некоторым вопросам советско-американских отношений. Вкратце она сводилась к следующему: нельзя не признать, что международная напряженность в последние месяцы вновь обострилась и что отношениям между нашими странами был нанесен определенный ущерб. Вооруженные провокации США против ДРВ подрывают ту основу, на которой только и могут строиться в наше время отношения между СССР и США, а именно - принцип мирного сосуществования.

Раек с неудовольствием воспринял это заявление. Он выразил беспокойство по поводу того, что обе наши страны поставлены сейчас в такое положение, что они вынуждены занимать совершенно противоположные позиции, которые способствуют ухудшению отношений между ними, что в конечном счете не в интересах ни США, ни СССР.

„Неужели, - спросил он, - Ханой занимает сейчас такую ключевую позицию, что он может косвенно как бы диктовать свою волю обеим великим державам, хотя обе они явно не хотят прямого столкновения?"

В Москве прекрасно понимали справедливость вопроса госсекретаря, пытались как-то учесть это в отношениях с США, но идеология, обязывавшая защищать „социалистических друзей", продолжала действовать.

В Белом доме зондируют наши намерения

Известный журналист Дрю Пирсон сообщил в беседе со мной, что по возвращении из Москвы он встречался с Джонсоном и поделился с президентом своими московскими впечатлениями: усиление в СССР антиамериканских настроений в связи с вьетнамскими событиями. Пирсон

выразил опасение, что курс США может привести к прямому столкновению с СССР, чего надо избежать.

В ответ Джонсон зачитал ему телеграмму посла Колера, в которой говорилось, что СССР не пойдет на прямое столкновение с США только из-за Вьетнама, хотя и будет, видимо, посылать вооружение ДРВ, а также все чаще выступать с антиамериканскими заявлениями и протестами. По твердому убеждению Колера, „в душе" советское руководство явно предпочитает сохранить нормальные отношения с США, чем рисковать их резким ухудшением в условиях вызывающей позиции китайских руководителей в отношении СССР (по существу, такая оценка была правильна). Президент, по словам Пирсона, очень хотел бы узнать истинные намерения Москвы и найти путь к известному взаимопониманию с ней, но не знает, как это сделать.

Пирсон сообщил мне также в доверительной форме, что вице-президент Хэмфри, который негласно не одобряет нынешний курс США во Вьетнаме, попытался недавно поговорить на эту тему один на один с президентом. Однако Джонсон поднял этот вопрос на заседании кабинета и при всех отчитал Хэмфри, заявив, что требует от всех поддержки своей политики: кто не согласен - пусть уходит в отставку.

На ежегодном приеме в честь дипломатического корпуса (8 мая) Раек в разговоре со мной дал ясно понять, что, может быть, наши страны вдвоем могли бы приложить усилия в негласном порядке с целью добиться постепенного урегулирования вьетнамского кризиса. „Важно, чтобы мы с Вами не стали рабами своих собственных партнеров или союзников по военным и идеологическим блокам, чтобы нас не втянули в прямой конфликт, который не отвечал бы ни интересам СССР, ни США".

Далее Раек высказал „мысли вслух" (оговорив, что они не являются официальным предложением). Если бы в ходе негласного советско-американского обмена мнениями, отметил он, была достигнута какая-то конфиденциальная договоренность по вьетнамскому урегулированию, то США не восприняли бы как вызов, если бы СССР одновременно дал Ханою дополнительные гарантии, что он будет сейчас и в будущем военными средствами защищать Северный Вьетнам от „американских агрессоров и их налетов" (слова самого Раска); более того, сами США сразу же прекратили бы свои бомбардировки, а в целом развитие событий могло бы выглядеть как компромисс, достигнутый в результате серьезной угрозы столкновения между двумя великими державами, который привел бы к урегулированию конфликта; в свою очередь, это явилось бы также крупной неудачей политики китайцев.

Эти высказывания обычно осторожного госсекретаря прозвучали довольно необычно.

В целом из беседы с Раском сложилось впечатление, что, несмотря на внешнюю браваду, правительство Джонсона начинает беспокоить развитие событий во вьетнамской войне и оно не видит ясного выхода из возникающего тупика. Слова же Раска об излишней идеологической зависимости США и СССР от своих союзников в Индокитае, во вред самим же себе, звучали достаточно справедливо.

Не случайно Брежнев заинтересовался „мыслями Раска" и поручил Громыко „подумать над ними". Заключение Громыко сводилось к тому, что в практическом плане трудно реализовать соображения Раска. Северовьет-намцы решительно против любого посредничества в делах с американцами,

так как хотят иметь дело с ними напрямую. Если же будут конкретные предложения Вашингтона, то их можно будет передать Ханою. Идеологический плен прочно сковывал действия советской дипломатии.

Через день Раек попросил меня срочно информировать Советское правительство, что больше не будет воздушных налетов на Северный Вьетнам на ограниченный „пробный" период. Это как бы отклик на советские предложения о прекращении бомбардировок. США надеются, что ДРВ ответит снижением активности своих сил в Южном Вьетнаме. Если нет, то США продолжат свои действия.

В середине мая в Вене отмечалось 10-летие Государственнош договора о восстановлении независимой и демократической Австрии. Там же состоялась встреча Раска с Громыко. Томпсон, сопровождавший госсекретаря, рассказал, что Раек был „заметно разочарован" непреклонной советской позицией по Вьетнаму, изложенной Громыко. Предложения же Раска - в развитие того, о чем он говорил со мной 8 мая, - основывались на идее „политики взаимного примера" в смысле постепенного сокращения военных действий во Вьетнаме с обеих сторон, т. е. США и ДРВ. К этой идее Громыко отнесся без особого энтузиазма, ибо он знал о неприемлемости такого предложения для Ханоя.

Вскоре посол Колер специально посетил Громыко по тому же вопросу, который администрация усиленно проталкивала. Беседа оказалась безрезультатной.

Почему США и СССР должны ссориться? - спрашивает госсекретарь

Перед отъездом в отпуск я встретился (3 июля) с Раском. Беседа была продолжительной и неформальной и касалась главным образом вьетнамской проблемы. Он выразил также недовольство тем, что в СССР стали допускать личные нападки на президента. Он мог бы ответить тем же, сказал Раек. Однако президент не хочет этого. Отношения между обеими странами можно очень быстро испортить. Но затем потребуются месяцы и годы, чтобы вернуться обратно к прежнему положению. Нападки на президента сужают возможности правительства сохранить и улучшить советско-американские отношения.

У правительства США сложилось противоречивое мнение об отношении СССР к событиям в ЮВА. Советская сторона не проявляет инициативы в поисках взаимоприемлемых для обеих сторон путей урегулирования. Только излагает советскую официальную позицию. Мы не знаем, согласилась ли Москва добровольно на вето Ханоя в такого рода делах. Если это не так, то можно было бы поискать „весьма приватные каналы или контакты".

Если говорить с общегосударственных, а не идеологических позиций, продолжал госсекретарь, то мы не видим, почему СССР и США должны ссориться. Правительство США серьезно восприняло оба женевских соглашения (по Лаосу и Вьетнаму). Однако Ханой с самого начала стал на путь их нарушения. Вместе с тем СССР, как сопредседатель, не оказал на него сдерживающего влияния. Громыко на днях заявил американскому послу, что, пока США не прекратят свои бомбардировки ДРВ, вообще ничего не следует ожидать в отношении мирного урегулирования. Однако, когда его спросили, что можно ожидать, если США прекратят

бомбардировки, министр лаконично ответил: сперва прекратите, а там будет видно.

Мы хотели бы информировать Москву, что все наши попытки установить конфиденциальные каналы с Ханоем на предмет поиска путей мирного урегулирования окончились неудачей. Мы понимаем, что у Москвы есть свои трудности, как они есть и у нас. Однако, несмотря ни на что, по глубокому убеждению американского правительства, судьбы войны и мира находятся в конечном счете в руках двух основных стран - СССР и США, и обе страны, судя по всему, хотя и по своим причинам, заинтересованы в постепенном урегулировании вьетнамского конфликта, а также в улучшении советско-американских отношений, сказал в заключение госсекретарь.

Руководствуясь имевшимися из Москвы указаниями, я ответил Раску, что, по нашим оценкам, за последние месяцы в политике США произошли серьезные изменения к худшему. Чувствовалось, что Раску явно не понравилась наша ссылка на то, что нынешний курс политики США существенно отличается от тех политических установок, которые были в период президентства Кеннеди (надо признать, что она действительно была не очень справедлива).

Недовольный таким сравнением, Раек нервно заявил, что ошибочно думать, будто курс Кеннеди принципиально отличался от нынешнего курса. Ведь и при Кеннеди были серьезные обострения, например, в Берлине и вокруг Кубы. Раек не без оснований стремился показать, что истоки многих спорных между нами проблем, даже вьетнамские события, восходят еще к администрации Кеннеди.

Разговор в целом был не особенно приятный для нас обоих.

Будучи в отпуске в Москве мне довелось побывать на нескольких заседаниях Политбюро, беседовать с Брежневым, Громыко и другими руководителями. Все признавали, что Вьетнам и отношения в этой связи с США являлись одними из главных внешнеполитических проблем для СССР. Сложилась парадоксальная ситуация. Все понимали приоритетную важность отношений с Соединенными Штатами. Вьетнам же с точки зрения государственных и национальных интересов не представлял сколько-нибудь значительного интереса для Советского Союза. Казалось бы, наш внешнеполитический курс должен был быть ясен. Но тут сказывался мощный идеологический фактор „интернациональной солидарности" с социалистическим Вьетнамом. Он еще прочно владел умами в Кремле и постоянно отрицательно сказывался на наших отношениях с США, подчас вопреки нашим собственным важным интересам. В частных беседах со мной многие советские руководители это признавали. Однако в практической политике „вьетнамский синдром" долгое время оставался для нас тяжелым грузом в отношениях с Америкой, мешал политике разрядки.

После моего возвращения из отпуска в сентябре месяце я, как всегда, встретился с Томпсоном. Он выразил сожаление, что сейчас не ведется конфиденциальная переписка между Джонсоном и советскими руководителями. Я ответил, что инициатива приостановить такую переписку, как известно, исходила не от советской стороны. Мы с ним условились содействовать возобновлению такой переписки.

После встречи с Громыко во время сессии Генеральной Ассамблеи Раек в беседе со мной выразил удовлетворение тем важным обстоятельством, что во время вьетнамских событий две крупнейшие мировые державы,

находящиеся в разных лагерях, смогли все же вести серьезный разговор и детально обсуждать различные проблемы. Это показывает, подчеркнул он, что, несмотря на ухудшение наших отношений из-за вьетнамского кризиса и отрицательное влияние этого кризиса на возможность договоренности по другим важным международным вопросам, руководители обеих стран понимают важность сохранения контактов между собой, которые могут еще сыграть свою важную роль в будущем, в том числе в рамках возможного урегулирования вьетнамского вопроса, хотя сейчас СССР и отказывается быть каким-либо посредником между Вашингтоном и Ханоем.

3. 1966 ГОД: ОТНОШЕНИЯ ОСТАЮТСЯ СЛОЖНЫМИ

Начало 1966 года ознаменовалось обменом посланий между Косыгиным и Джонсоном. Советский премьер делал упор в своем письме (от 11 января) на вопросе о нераспространении ядерного оружия. В ответе Джонсона отмечалось, что необходимо сначала достичь согласия в отношении значения понятия „нераспространение". Вместе с тем он соглашался на соответствующий обмен мнениями в рамках предстоящей сессии „Комитета 18".

Следует отметить, что в этот период политика правительства Джонсона в отношении СССР отличалась известной непоследовательностью и противоречивостью. С одной стороны, администрация и лично президент, трезво оценивая значение советско-американских отношений, опасались их ухудшения из-за Вьетнама до такой степени, что это могло перерасти в прямой конфликт между СССР и США. С другой стороны, США продолжали эскалацию войны во Вьетнаме, включая бомбардировки ДРВ, усиливали гонку вооружений, прежде всего ракетных и ядерных, стремясь обеспечить себе военное превосходство. Все это объективно вело к обострению советско-американских отношений, даже независимо от проскальзываемых порой субъективных пожеланий американских руководителей как-то выделить и как бы несколько „изолировать" эти отношения от других событий международной жизни.

Проявленный администрацией интерес к достижению с нами соглашения о противоракетной обороне в значительной степени диктовался тем обстоятельством, что правительство США находилось уже довольно долгое время под возрастающим давлением военно-промышленных кругов и части конгресса, настойчиво требовавших, чтобы администрация в ответ на развертывание в СССР системы ПРО создала свою собственную систему ПРО. Однако администрация (в первую очередь Макнамара) считала, что США должны ответить не созданием своей дорогостоящей системы ПРО, а в первую очередь дальнейшим значительным улучшением и усилением американских наступательных ракетно-ядерных сил, способных проникать через любую ПРО.

ПРО: дискуссия в советском руководстве

В начале 1966 года в советском руководстве оживленно обсуждался вопрос о противоракетной системе. К тому времени у нас были начаты работы по созданию первых таких систем вокруг Москвы и на западе страны в районе Таллинна. Считалось, что оборона от ракет, т. е. защита от них населения, дело вполне естественное и законное, и ни у кого за рубежом не должна вызывать возражений.

Нужно сказать, что при Джонсоне отдельные представители администрации США начали еще с 1964 года выяснять наше отношение к взаимному запрещению системы ПРО. Такой зондаж в неофициальных беседах со мной проводил, в частности, глава американского Агентства по контролю над вооружениями и разоружением Фостер. Последний разговор на эту тему у меня состоялся с ним еще в конце января 1966 года.

Тем временем стало известно, что и в Пентагоне началось такое негласное обсуждение с участием самого министра обороны. Сам Макнамара еще раньше в разговорах со мной в сугубо неофициальной обстановке пару раз затрагивал этот вопрос. Смысл его рассуждений сводился к следующему: сейчас в научных кругах появились заманчивые разработки по созданию систем ПРО. Многие военные „загорелись" этой идеей и подбивают влиятельных конгрессменов поддержать ее. Он изучал эту проблему и убедился в ее нецелесообразности. Система будет очень дорого стоить и в конце концов окажется малоэффективной, так как с ней можно сравнительно легко бороться, просто увеличив число наступательных ракет. Поэтому надо договариваться о взаимном отказе от подобных систем.

Обо всем этом я докладывал в Москву, но она отмалчивалась. В то же время по линии разведслужб посольства стали поступать сведения о начале конкретных разработок в США системы ПРО. Посольство послало в Москву обстоятельное сообщение на эту тему. Одновременно я высказал мнение, что необходимо самим определиться по этому вопросу, иначе мы можем втянуться $ новую гонку вооружений, не оценив заранее ее последствий.

Так или иначе в начале 1966 года вопрос о переговорах с США по ПРО стал предметом рассмотрения в руководстве СССР. Единого мнения не было. Косыгин возглавлял тех, кто считал, что и без переговоров ясно, что система ПРО - это чисто оборонительное гуманное дело. Разве можно отказываться от защиты населения от ракет?

Министр обороны Устинов вместе со Смирновым, председателем Военно-промышленной комиссии, также выступал за создание ПРО, доказывая, что первые советские разработки этих систем дали „обнадеживающие результаты" и что американцы „могут нас обогнать", если мы втянемся в предварительные долгие разговоры на эту тему.

Брежнев, неплохо знавший военно-промышленные вопросы, которые он курировал, отметил, что в соображениях Макнамары есть смысл, когда он говорит, что системы ПРО можно просто „пробить" увеличением числа наступательных ракет. Но и отказываться от систем ПРО тоже вроде не получается. В любом случае надо было находить какой-то баланс и более убедительный ответ на „вызов американцев".

Громыко предложил придерживаться пока в диалоге с американцами известной нашей концепции „полного разоружения", хотя и была ясна нереальность такого подхода в тот момент.

На базе всего этого в ходе дальнейшей дискуссии и родилась в целом более здравая идея о совмещении в переговорах с США наступательных и оборонительных вооружений. Но сперва надо было добиться паритета с США в области наступательных вооружений.

18 марта я получил указание сказать Фостеру, что вопрос о достижении взаимопонимания в отношении систем ПРО заслуживает внимания. Эту проблему можно было бы рассмотреть одновременно с вопросом о наступательных средствах доставки ядерного оружия. „Было бы неразумно вести речь об отказе от оборонительных мероприятий в условиях, когда происходит наращивание средств ракетно-ядерного нападения. Поднятый Фостером вопрос о ПРО можно рассмотреть в тесной увязке с вопросом о всеобщем и полном разоружении", - указывалось в присланной мне инструкции.

Фостер справедливо заметил, что договоренность относительно систем ПРО не потребовала бы какого-то специального контроля или инспекции, поскольку размещение связанных с такими системами огромных наземных комплексов невозможно скрыть. Этого нельзя сказать о наступательных ядерных силах. Он дополнительно пояснил, что, по их мнению, договоренность о неразвертывании систем ПРО не должна предусматривать запрета на проведение исследовательских работ, создание прототипов антиракет.

Таким образом, пожалуй, впервые вопрос об отказе от систем ПРО был затронут на официальном уровне. Однако этот вопрос не становился долго предметом переписки на высшем уровне. Лишь в 1967 году проблему ПРО Джонсон и Косыгин обсуждали в Гласборо. Советский премьер не проявлял интереса к этой теме. В долгосрочном плане следует признать, что Москва допустила серьезную и дорогостоящую ошибку, не пойдя в этот момент на договоренность с США о запрещении систем ПРО.

Тем временем администрация наращивала жесткое силовое давление во Вьетнаме, чтобы добиться разгрома основных частей Вьетконга и решительного перелома войны в свою пользу в 1967 году, учитывая президентские выборы 1968 года.

Вместе с тем Джонсон стремился, по возможности, оберегать сферу отношений с СССР от серьезных последствий вьетнамской войны.

Советское руководство также хотело улучшения отношений с США по конкретным вопросам и шло навстречу тем позитивным инициативам, которые выдвигались администрацией Джонсона. Однако оно, придерживаясь принципа „пролетарского интернационализма", не было готово принять целиком американскую формулу нормализации советско-американских отношений, составной частью которой оставалась американская „политика силы" в отношении Вьетнама. СССР продолжал оказывать ДРВ большую военную помощь. Это, конечно, сильно осложняло отношения СССР и США. Создавался своеобразный политический тупик, из которого в тот момент Москва фактически не видела реального выхода. Собственно на заседании Политбюро ругали и американцев, и китайцев, и северовьетнамцев за их нежелание искать компромиссного мирного урегулирования во Вьетнаме. Но наши симпатии все же были на стороне небольшой социалистической республики ДРВ, бросившей вызов могущественной Америке ради объединения всей страны.

Все это нашло свое отражение на XXIII съезде КПСС, который состоялся в мае 1966 года и уделил немало внимания советско-американским отношениям и критике политики США во Вьетнаме.

Жизнь дипломата изобилует разными поворотами, чем она и интересна. Через несколько недель после нашего партийного съезда госдепартамент устроил поездку членов дипкорпуса в Вильямсбург, старинный город, где когда-то, во времена колониальной Америки, жил английский губернатор. Так получилось, что Раску нужно было срочно вернуться к вечеру в Вашингтон. Мне также надо было возвращаться, не дожидаясь иностранных дипломатов, отправлявшихся автобусами на другой день.

Раек пригласил меня лететь в его самолете. Когда мы приехали на местный аэродром, началась сильнейшая гроза. Пришлось пойти в ресторан аэропорта, чтобы переждать непогоду. Там мы неожиданно встретили Уинтропа Рокфеллера (брата Нельсона Рокфеллера), который вел предвыборную кампанию за кресло губернатора Арканзаса. Раек его хорошо знал и познакомил со мной. Разговорились. Уинтроп Рокфеллер стал рассказывать о своих встречах с избирателями и о проблемах, которые их интересовали (сам он считался либеральным республиканцем и впервые в этом штате сделал упор на социальные проблемы черных избирателей, в результате чего он и победил, получив большинство голосов).

В конце нашей встречи Рокфеллер подарил мне сувенир - позолоченный значок с его инициалами „У.Р.", которые он давал почетным активистам своей избирательной кампании. Значок был тут же прикреплен им на лацкан моего пиджака. Я и позабыл об этом.

Через несколько недель я приехал в Москву и был приглашен на заседание Политбюро для доклада о положении в США и состоянии советско-американских отношений. Когда я докладывал, Брежнев увидел на моем пиджаке блестящий значок, который я забыл снять. Он тут же спросил, а что это такое?

Мне пришлось объяснить, что это „призыв голосовать за Уинтропа Рокфеллера" и что я получил значок лично от него самого. Имя Рокфеллера звучало весомо в правительственных кругах СССР, и мой рассказ как-то даже подкрепил мою репутацию неплохого дипломата, который знаком с представителями самого „крупного бизнеса Америки". Брежнев тут же „уполномочил" меня передать У.Рокфеллеру, что он тоже „мысленно" голосует за него.

Президент дает мне номер личного телефона

В начале июля состоялся „ознакомительный" обед с Уолтом Ростоу, новым помощником президента по национальной безопасности, который заменил Банди.

Речь, естественно, .зашла о войне во Вьетнаме. Он признал, что все их попытки начать серьезный диалог с китайцами на встречах послов в Варшаве насчет вьетнамского мирного урегулирования оказались безрезультатными. Но он отметил, что сейчас установилось своего рода молчаливое, но важное взаимопонимание между Вашингтоном и Пекином: сами США не собираются нападать или бомбить КНР, а последняя не вмешивается своими вооруженными силами во вьетнамскую войну. Китайское руководство лишь „кричит громко", но на практике оно „очень и очень осторожно в делах, которые могут вызвать прямую конфронтацию с США". В настоящий момент в .КНР идет борьба за власть, в подтексте которой речь идет о выборе дальнейшего курса внешней и внутренней политики Китая.

В БЕЛОМ
ДОМЕ-ПРЕЗИДЕНТ
Л.ДЖОНСОН

Ростоу заявил, что президент Джонсон внимательно следит за европейскими проблемами и отношениями с СССР, но в целом исходит из того, что пока вьетнамская война продолжается большого прогресса в европейских делах „ожидать трудно". Меж строк можно было понять и так: пока вы не помогаете нам во Вьетнаме, не ожидайте от нас содействия в Европе.

Воспоминания о Ростоу связаны у меня с довольно забавным эпизодом. Как-то Ростоу понадобилось передать через меня конфиденциальное письмо Джонсона Косыгину. Он попросил меня приехать за письмом к нему домой поздно вечером, в 11 часов. Жил он где-то на окраине Вашингтона. Приезжаю. Он передает мне это письмо. Прочитав, обратил внимание, что один абзац его звучит двусмысленно, его можно понять по-разному, отчего совершенно менялся смысл. Спрашиваю Ростоу: „Как понимать этот абзац в письме президента, чтобы в Москве не возникло ненужного недопонимания?"

Ростоу отвечает, что не уполномочен интерпретировать письмо президента. Говорю ему, что речь идет не об интерпретации, а об уточнении. Он, однако, стоит на своем.

Поскольку вопрос был действительно важный, я прошу его позвонить президенту и, сославшись на мою просьбу, уточнить этот вопрос! Он отказывается, говоря, что уже поздний час. Тогда я сам набираю известный мне номер дежурного офицера Белого дома, чтобы спросить, спит ли президент или еще бодрствует.

Ростоу, видя мой решительный настрой, перехватывает телефонную трубку и сам спрашивает дежурного, что сейчас делает президент. Тот отвечает, что президент сидит у себя в гостиной и смотрит телевизор. С большой неохотой и осторожностью Ростоу соединился с президентом. Джонсон, узнав в чем дело, велел ему передать телефонную трубку мне. Я попросил его уточнить это место в письме. Джонсон охотно это сделал, критикнув при этом Ростоу: „Он чересчур любит играть в дипломатию и не может говорить нормальным и понятным языком с иностранцами. Он же хорошо знает смысл моего письма".

После этого президент дал мне номер своего прямого личного телефона в Белом доме. Этим номером мне пришлось впоследствии пару раз воспользоваться.

„Куда ведет внешнеполитический курс США?"

10 октября состоялась встреча Громыко с президентом Джонсоном в Белом доме.

Министр начал беседу с вопроса: в руководстве СССР не раз обсуждался вопрос о том, куда ведет внешнеполитический курс США? Если бы правительство США и лично Вы, г-н президент, предприняли шаги, действительно направленные на достижение разрядки международной напряженности и на улучшение отношений с СССР, то с нашей стороны не было бы недостатка в готовности идти в этом же направлении, ибо это соответствует пожеланиям СССР, сказал Громыко.

Заметно задетый этим вопросом, Джонсон заявил, что в первые месяцы своего пребывания в Белом доме он был воодушевлен полезным обменом посланиями и другими контактами с СССР. Затем он был очень расстроен, когда из-за выполнения Соединенными Штатами договорных обязательств

перед Южным Вьетнамом прекратилось то, что он считал многообещающим началом очень хороших отношений с СССР. Ничто не расстраивало его больше, чем сообщения о критических заявлениях советских руководителей лично в его адрес.

Президент с горячностью говорил о своей готовности продолжить взаимные усилия в области двусторонних отношений: „Мы в США не имеем никаких опасений в отношении СССР и уверены, что не будь Вьетнама, наши отношения были бы отличными".

Затем разговор принял более спокойный характер. В ответ на переданные ему приветы от Брежнева, Косыгина, Подгорного президент Джонсон заявил, что был бы рад принять их в США или нанести визит в СССР. „Чем больше мы будем встречаться, тем лучше будет для нас всех".

Громыко поднял вопрос о нераспространении ядерного оружия, повторив главное советское требование: ядерное оружие не должно попасть ни в индивидуальные руки неядерных государств, ни в коллективные руки группировок и союзов государств.

Джонсон сказал: „Я заверяю Вас в том, что мы никому не передадим нашего исключительного права распоряжаться ядерным оружием. Мы не согласимся с тем, чтобы НАТО диктовал нам свою волю в том, что касается применения ядерного оружия. Раз это так, то я не понимаю, какого черта мы еще ждем? Почему бы нам не взять в руки карандаш и не подписать договор о нераспространении ядерного оружия?" Однако Громыко продолжал выступать против любого допуска к такому оружию стран НАТО, хотя бы и под американским контролем.

По ходу беседы Джонсон заявил, что он хотел бы заключения различных соглашений с СССР: о воздушном сообщении, культуре, нераспространении ядерного оружия, по космосу и рыболовству.

При обсуждении вьетнамского вопроса Джонсон говорил о своей готовности начать переговоры с ДРВ, призывая СССР использовать для этого все свое влияние на другую сторону.

Громыко делал упор на то, что все заявления США о стремлении добиться прекращения войны сопровождаются предварительными условиями, которые заведомо неприемлемы для другой стороны, поскольку их принятие означало бы для нее фактически капитуляцию. Возникает вопрос, продолжал Громыко, что будет, если США будут и дальше действовать так? Ведь другие страны, в том числе СССР, будут во все больших масштабах, в силу понятных обстоятельств, оказывать помощь Вьетнаму. Ведь тогда США и в определенном отношении и Советский Союз окажутся вовлеченными в эти события. „Неужели история уготовила США и СССР такую судьбу? Ключ к разрешению задачи скорейшего окончания войны находится в руках США, это зависит от Вашей политики", -несколько торжественно заявил советский министр. Он подчеркнул в заключение, что необходимо в первую очередь без всяких условий прекратить бомбардировки ДРВ.

Джонсон в ответ повторил свой известный аргумент о том, что США уже дважды прекращали бомбардировки, но реакции от северовьетнамцев не последовало.

Самым интересным было, пожалуй, то, что за требованиями Громыко о прекращении бомбардировок ДРВ у Советского правительства не было какого-либо продуманного плана дальнейших действий по урегулированию конфликта. Оно просто полагалось в этом на Ханой, хотя послед-

ний практически не делился с Москвой своими конкретными планами на .этот счет.

Суммируя, можно сказать, что, как и раньше, разговор на вьетнамскую тему с президентом остался незавершенным.

В целом советско-американский контакт на таком высоком уровне был полезен для взаимного широкого обмена мнениями и учета возможных опасений. Был дан также толчок к некоторому продвижению по отдельным вопросам двусторонних отношений.

Вскоре сенатор Фулбрайт также беседовал с президентом. Последний, как рассказал затем сенатор, придает большое значение развитию советско-американских отношений. Однако президент считает, что китайская ловушка во Вьетнаме, в которую попали, хотя и в разной степени, обе наши страны, накладывает сейчас серьезные ограничения на успешное развитие этих отношений. По убеждению президента, он не может „потерять лицо" и будет поэтому продолжать военный нажим на Ханой.

Аэропорт Кеннеди в панике

В начале ноября было подписано соглашение о воздушном сообщении между СССР и США. В связи с началом практического осуществления этого соглашения запомнился один трагикомический эпизод. Первый пробный перелет из Москвы в Нью-Йорк осуществлял советский экипаж во главе с известным тогда у нас пилотом Бугаевым (он стал затем личным пилотом Брежнева и впоследствии министром гражданской авиации СССР). В составе экипажа был штурман, который, как считалось, хорошо знал английский язык. На подлете к аэропорту Кеннеди штурман связался с американским наземным контрольным пунктом и запросил разрешение на посадку. Ему было сказано встать в очередь „в воздушной этажерке", в которой прилетающие самолеты постепенно по спирали снижались до посадочной полосы.

Штурман не разобрался и бодро заявил: „О'кей, иду на посадку!" Ему снова было быстро сказано, встать в очередь. Он опять не понял и громко повторил, что у него все в порядке и что он идет на посадку. Перепуганный диспетчер тут же дал команду всем кружившим в небе самолетам „срочно разлететься в разные стороны" и дать возможность „сумасшедшему русскому" сесть на аэродроме. Самолет произвел блестящую посадку, и все в самолете были довольны, не зная о случившемся.

Вечером был торжественный обед, обмен речами и тостами. Царила дружеская атмосфера, а о случившемся инциденте никто ничего не знал. Во время обеда начальник американской авиационной службы рассказал мне в полушутливой форме о .том, как происходила посадка самолета, и уже всерьез предложил, чтобы наши пилоты и штурманы прошли у них недельный курс разговорной практики, необходимой для радиосвязи.

Наш экипаж сперва встретил в штыки такое предложение американцев, заявив, что все они отличные летчики и штурманы и им проходить какие-то дополнительные „курсы", мол, не к лицу. Я тогда связался с Москвой и предложил дать экипажу твердое указание пройти специальную языковую подготовку. Оттуда пришел срочный ответ: поблагодарить американцев за предлагаемое содействие, а экипажу сразу заняться делом. Через такую подготовку прошли в то время все экипажи, совершавшие полеты в Нью-Йорк.

4. МОСКВА И ВАШИНГТОН МАНЕВРИРУЮТ. ВСТРЕЧА В ГЛАСБОРО

Совокупность разных факторов побуждала правительство Джонсона избегать в 1967 году крайностей, могущих обострить отношения с СССР, придерживаться линии на сохранение более или менее стабильных отношений с Москвой, сохранять контакты и возможность конфиденциального обмена мнениями, несмотря на осложнения обстановки в связи с вьетнамской войной и арабо-израильским вооруженным конфликтом. Советское правительство, по существу, придерживалось аналогичной линии поведения. Сохранение соответствующего уровня отношений в сложных международных условиях нашло свое отражение во встрече в Гласборо 23-25 июня между Косыгиным и Джонсоном.

В Центральной Европе обе стороны соблюдали нечто вроде перемирия при молчаливом уважении статус-кво. Они сохраняли также заинтересованность в заключении договора о нераспространении ядерного оружия и в проведении переговоров о стратегических системах ракетно-ядерного оружия (США проявляли особый интерес к запрещению систем ПРО).

Однако общая атмосфера в отношениях между обеими странами продолжала оставаться сложной и противоречивой. Правительству Джонсона лишь с большим трудом удалось добиться в марте 1967 года ратификации консульской конвенции с СССР, а законопроект „О торговых отношениях между Востоком и Западом" так и застрял в сенате.

Политбюро обсуждает советско-американские отношения

К концу 1966 года советское руководство поручило Министерству иностранных дел представить подробный анализ состояния советско-американских отношений и возможные предложения насчет внешнеполитического курса СССР на ближайший период.

13 января 1967 года Громыко представил на рассмотрение Политбюро аналитическую записку о состоянии и перспективах отношений между СССР и США.

Эта записка была выдержана, разумеется, в духе основополагающих в тот момент партийных документов, изобиловала утверждениями насчет „побед социализма" и „неизбежности распространения коммунизма на земле " и т. д. Вместе с тем некоторые ее оценки представляют известный интерес. Поэтому (сохраняя специфическую фразеологию того времени) хотелось бы привести некоторые выдержки из этого документа.

Опыт последних лет показывает, говорилось в записке, насколько сложной является и будет оставаться для СССР задача сосуществования с США. В целом состояние международной напряженности не отвечает государственным интересам СССР и дружественных ему стран. Строительство социализма и развитие экономики требуют поддержания мира. В обстановке разрядки легче добиваться укрепления и расширения позиций СССР в мире.

Главный тезис внешней политики Кеннеди и Джонсона - это сохранение статус-кво в мире. Американская концепция „о сферах жизненных интересов" США и СССР, а также о „третьей сфере" в целом отражает вынужденное признание правящими кругами США сложившегося соотношения сил и побед социализма. Однако правительство США ставит при этом задачу: ограничить дальнейшее распространение коммунизма на земле, что, разумеется, неосуществимо...

Рассматривая отношения между СССР и США в широкой перспективе, а не только в плане нынешнего неблагоприятного состояния отношений в связи с агрессией США против Вьетнама, можно сказать, что в нынешнюю переходную эпоху истории вопрос, в конечном счете, заключается в том, как будет совершаться переход стран и народов от капитализма к социализму: в условиях сохранения всеобщего мира или в условиях мировой войны? Несомненно при этом, что все же именно от состояния отношений между СССР и США зависит ответ на вопрос - быть или не быть мировой ракетно-ядерной войне.... Концентрация наших главных усилий на внутреннем экономическом строительстве при поддержании военной мощи для обороны отвечает указанию Ленина о том, что окончательная победа социализма над капитализмом будет обеспечена созданием новой, гораздо более высокой производительности труда.

Не исключая в принципе возможности согласованных советско-американских действий в целях поддержания мира и обеспечения решения некоторых крупных международных проблем, необходимо, разумеется, избегать создавать впечатление, будто мы, признавая особое влияние двух держав, пренебрегаем интересами других государств.

При известных условиях может быть возобновлен -. и даже по более широкому кругу вопросов - советско-американский диалог, прерванный в 1963 году. Обдумывание этой возможности и соответствующая подготовка к ней должна быть не менее систематической и глубокой, чем та, которая велась у нас с 1942 года в течение всей второй мировой войны в отношении послевоенного устройства мира.

Мы не должны однобокой постановкой вопросов об империализме отрезать для самих себя возможности дипломатического маневрирования в отношениях с отдельными западными странами, включая и США. Необходимо в соответствующих случаях более строго проводить подчеркивавшееся Лениным различие между коминтерновской и МИДовской работой. Для придания еще большей гибкости и эффективности нашей политике в отношениях с США следовало бы официальные внешнеполитические выступления и акции Советского правительства более четко ставить преимущественно в плоскость межгосударственных отношений, а социологические и идеологические аспекты борьбы двух систем, а также критику политики США и других западных империалистических государств с идеологической точки зрения, если и поскольку это не затрагивает сферы отношений между государствами, вести преимущественно по линии партии, общественных организаций и печати.

Агрессия США во Вьетнаме и советско-американские отношения: необходимо впредь, не втягиваясь в непосредственное участие в этой войне, оказывать всемерную помощь ДРВ в укреплении ее обороноспособности.... Окончание вьетнамского конфликта, несомненно, оказало бы положительное влияние на советско-американские отношения и открыло бы дополнительные возможности для решения некоторых международных проблем.

Нам не следует уходить от договоренностей с США по вопросам, в решении которых мы заинтересованы, и когда такая договоренность не противоречит нашей принципиальной позиции по Вьетнаму. Разумеется, нам следует избегать создания такой внешнеполитической ситуации, при которой нам пришлось бы вести борьбу на

два фронта, т. е. против КНР и США. Поддержание известного уровня в советско-американских отношениях будет одним из факторов достижения такой цели. Борьба за сплоченность соцстран - главное противодействие усилиям США по разложению соцсодружества.

Задача ослабления позиций США в Западной Европе. Последовательно придерживаться установки на то, что для европейских проблем необходимо искать „европейское решение". Настойчиво внедрять тезис о том, что Европа сама может и должна обеспечить свою безопасность, укрепление доверия в отношениях между странами Восточной и Западной Европы.

Возможности воздействий на расстановку политических сил в США. Использовать все возможности и средства для углубления водораздела между умеренными и „бешеными" в США, для изоляции „американской военной партии", чтобы не допустить в будущем развязывания агрессивными силами империализма мировой ядерной войны. В этой связи вряд ли была бы в наших интересах смена президента Джонсона (на выборах) республиканским президентом, поскольку люфой из известных претендентов на этот пост из республиканской партии стоит еще правее Джонсона. Соответственно, при осуществлении наших внешнеполитических акций, касающихся США, следует учитывать нежелательность того, чтобы эти акции укрепляли позиции противников Джонсона справа. Одновременно полезны контакты с „лояльной оппозицией" Джонсону (сенаторы Фулбрайт, Р.Кеннеди, Кларк и др.), которая критикует его слева. Целесообразно также расширять по линии наших общественных организаций контакты с либерально-демократическими силами, как и обмены в области культуры, искусства, образования.

Эта записка МИД была одобрена советским руководством и послужила своего рода основой внешнеполитического курса СССР в отношении США в период президентства Джонсона.

Договор о мирном использовании космоса. Беседа с президентом

Надо сказать, чго в начале 1967 года весьма кстати закончились советско-американские переговоры насчет договора о мирном использовании космоса (запрещение размещения оружия массового уничтожения в космосе).

27 января в Белом доме состоялась церемония подписания этого договора. В ходе последовавшего затем приема президент в разговоре наедине попросил меня передать советскому руководству свое удовлетворение по поводу договора и выразил надежду, что в этом году мы сделаем еще один важный шаг - подпишем договор о нераспространении ядерного оружия. Затем, сказал Джонсон, он хотел бы надеяться, что нашим странам удастся договориться по вопросу о противоракетных системах. При этом он ссылался на то, что реальная эффективность таких систем, несмотря на все расходы, была бы невелика, а новый тур гонки вооружений вызвал бы неблагоприятную психологическую реакцию в других странах и у общественности США, что может надолго блокировать достижение соглашений по другим вопросам разоружения.

Президент заявил далее, что, несмотря на определенные трудности, он намерен добиваться улучшения отношений с СССР, хотя он хорошо понимает ограничения, накладываемые конфликтом во Вьетнаме. Джонсон просил понять, что сейчас у него большие трудности с конгрессом в том, что

касается отношений с СССР. Эти трудности вызываются в основном внутриполитическими причинами: приближение избирательной кампании, активизация антисоветских выступлений в стране (в этот период действительно резко обострились выступления еврейской общины в США и связанных с ней влиятельных средств массовой информации по поводу еврейской эмиграции из СССР).

Присутствовавшие послы и пресса были, конечно, заинтригованы разговором вдвоем президента и советского посла, но не могли удовлетворить своего любопытства.

В отдельном разговоре Фулбрайт, касаясь „состояния умов" в ближайшем окружении Джонсона, в весьма пессимистических тонах заметил, что сейчас там - особенно в свете событий в Китае и резкого обострения советско-китайских отношений - явно настроены в пользу усиления военного нажима во Вьетнаме с тем, чтобы получить наиболее благоприятные условия для последующего урегулирования. Генералитет обещает Джонсону добиться „решающих успехов" в 1967-1968 годах.

Неудачное посредничество Косыгина

В начале февраля состоялся официальный визит Косыгина в Англию. Кроме рассмотрения основных вопросов советско-британских отношений, советское руководство придавало определенное значение обсуждению с английским правительством проблемы поисков мирного урегулирования вьетнамского конфликта. Оно надеялось через англичан оказать дополнительный нажим на Вашингтон. Об этом негласно просил нас и Ханой.

Администрация Джонсона со своей стороны была не прочь использовать услуги Косыгина во вьетнамских делах.

В Москве американцы передали нам конфиденциальное послание Джонсона Хо Ши Мину. В послании содержалось новое предложение: США прекращают бомбардировки и берут обязательство не увеличивать больше численность своих войск в Южном Вьетнаме в обмен на обещание правительства ДРВ не посылать больше своих войск на Юг.

Это предложение США было передано Ханою еще до поездки Косыгина в Лондон, однако, жаловался Раек, на него до сих пор нет никакого ответа.

По просьбе английского премьера Вильсона Косыгин передал из Лондона (через Москву в Ханой) соображения Джонсона насчет возможного урегулирования конфликта. От себя Косыгин высказал Хо Ши Мину свои предложения в целях поиска компромиссных решений. Брежнев был не очень доволен этой инициативой Косыгина, но уступил, не желая оказаться в положении человека, препятствующего урегулированию.

В ожидании ответа Джонсон ввел на несколько дней мораторий на бомбардировки территории ДРВ. Однако, когда эти несколько дней, установленные Джонсоном, прошли, он под нажимом военных, опасавшихся концентрации войск северовьетнамцев, не захотел больше продлить мораторий, как предлагал Косыгин, надеясь на получение благоприятного ответа, который открыл бы дорогу к дальнейшим переговорам. Своего рода посредничество советского премьера окончилось, таким образом, неудачей. Косыгин был сильно раздосадован, ибо он надеялся на повторение „ташкентского варианта" (его успешное посредничество между Индией и Пакистаном). Все это лишь усилило нежелание Москвы ввязываться в такие дела.

Раек пытался впоследствии оправдать возобновление бомбардировок ДРВ „возникшим недоразумением", но это прозвучало не очень убедительно.

Раек вскоре передал новое предложение, в случае положительного ответа СССР на их предложение о возможной взаимной „советско-американской деэскалации" поставок оружия во Вьетнам США могли бы рассмотреть вопрос о прекращении бомбардировок ДРВ. Однако Москва не среагировала на это предложение.

А тут появился еще один раздражитель: дочь Сталина Светлана, выезжавшая в Индию с разрешения Косыгина, не вернулась домой, а вылетела в США. В Москве были убеждены, что „побег" был организован американцами, не без ведома Белого дома, хотя Раек и отрицал это.

Макнамара. Вопрос о стратегических вооружениях

Постепенно у меня завязывались добрые личные отношения с министром обороны Макнамарой. Человек он сложный, но интересный, а главное - с редкой способностью переоценивать свои взгляды в зависимости от новых обстоятельств. Он никогда не был рабом идеологических суждений, оставался прагматиком и реалистом.

Запомнилась беседа у него (11 апреля), когда он пригласил меня на обед.

Практически весь разговор был посвящен динамике развития стратегических ракетно-ядерных сил и возможному контролю над ними.

По оценке Макнамары, в основе американской военной доктрины лежит тезис, что США должны быть готовы к тому, чтобы „абсорбировать" внезапный ракетно-ядерный удар противника и сохранить при этом гарантированную возможность нанесения ответного удара „с непоправимым ущербом". В основе советской военной доктрины, как он понимает, - тот же принцип. В настоящее время по твердому убеждению Макнамары, обе стороны обладают такой возможностью, хотя ракетно-ядерный потенциал у СССР меньше. Именно это вносит своеобразный элемент стабильности и достаточной уверенности в том, что ни одна из этих держав не готова к самоубийственному нападению друг на друга.

Если говорить откровенно, сказал он, то имеющихся сейчас у США ракетно-ядерных средств, по его мнению, больше, чем действительно необходимо для подкрепления указанной выше доктрины обеспечения безопасности США. Произошло это „довольно случайно": когда к власти пришел президент Кеннеди, то было решено уделить особое внимание форсированному строительству ракетно-ядерных средств; берлинский кризис 1961 года ускорил этот процесс. В основу разработанной специальной программы на этот счет была положена оценка советских возможностей по созданию таких же средств. Мы несколько переоценили эти возможности, поскольку Советское правительство не захотело пойти на чрезмерное ущемление гражданских нужд, а выбрало в действительности своего рода среднюю программу. Создалась такая ситуация, когда США имеют сейчас в количественном отношении больше, например, ракет, чем СССР, но имеющихся у СССР ракетно-ядерных средств все равно вполне достаточно, чтобы обеспечить свою безопасность.

Что же касается строительства ПРО, то это вносит несколько новый элемент. Я твердо убежден на основании всех имеющихся данных, заявил Макнамара, что нельзя создать достаточно надежную систему ПРО. В случае строительства ПРО другой стороной для США речь будет лишь идти о том, насколько увеличить - и это будет гораздо дешевле - наступательные средства, чтобы быть уверенным в эффективности все той же основной доктрины. Поэтому США на развертывание ПРО в Советском Союзе ответили бы в первую очередь увеличением стратегических ракетно-ядерных сил, а уже затем развертыванием своей ПРО.

В Вашингтоне понимают, подчеркнул Макнамара, что ввиду отсутствия должного доверия между СССР и США и различия их основных политических целей на международной арене, имеются немалые трудности для взаимопонимания и тем более конкретной договоренности, однако попробовать следует. Ведь если выразить это кратко, то можно сказать, что, предлагая Советскому Союзу начать обсуждение вопроса о ПРО - а мы понимаем, что это нелегкий и не быстрый процесс, - США думают о том, нельзя ли, несмотря на все трудности, совместно исследовать все же возможности установления соответствующего взаимопонимания в области ракетно-ядерных средств, как оборонительных, так и наступательных, на основе все той же доктрины, преследуя при этом одновременно еще две цели: уменьшение риска для национальной безопасности каждой из наших двух стран при минимально необходимых для этого затратах.

Со своей стороны он готов был бы поехать в Москву для встречи с соответствующими советскими представителями, но хорошо понимает, что пока идет вьетнамская война, он „не является подходящей фигурой для такой поездки". В случае необходимости, однако, послу Томпсону могут быть приданы в качестве экспертов помощники Макнамары, хорошо знающие все эти проблемы.

Макнамара выразил готовность продолжить обмен мнениями по этому важному вопросу и со мной. Он хотел бы получить реакцию Москвы, хотя бы предварительную, по существу высказанных сообщений.

Обращение Макнамары было, по существу, первым конкретным зондажем ответственного представителя правительства США по такому важному вопросу. На мой взгляд, оно, безусловно, заслуживало определенного внимания. Однако это обращение, к сожалению, не нашло тогда ответного отклика в Москве.

В декабре 1966 года Макнамара предложил президенту - тот согласился - запросить у конгресса США ассигнования на создание системы ПРО, но не расходовать их до тех пор, пока не будет официально прозондирована идея проведения переговоров с Москвой об ограничении стратегических вооружений, особенно противоракетных. Это должен был сделать Томпсон, который был вторично назначен послом США в СССР.

В январе 1967 года перед отъездом в Москву Томпсон сообщил мне, что везет с собой письмо Джонсона с предложением премьеру Косыгину провести конфиденциальные переговоры, в первую очередь по вопросу о системах ПРО. Я тут же указал на необходимость одновременного обсуждения и вопроса о наступательных вооружениях. Томпсон не дал мне ясного ответа. Он действительно привез в Москву соответствующее письмо президента. Однако уже вскоре Томпсон дополнительно информировал Косыгина о готовности США обсуждать ограничения не только на оборонительные, но и наступательные вооружения. Соответственно в конце февраля Косыгин в

своем ответе на письмо Джонсона заявил о согласии Советского правительства начать конфиденциальные переговоры с США по ограничению наступательных и оборонительных вооружений.

Как свидетельствует бывший заместитель министра Корниенко, против такого обсуждения не возражал и министр обороны Малиновский (после смерти Малиновского весной 1967 года новый министр Гречко был менее склонен к ведению переговоров с США по стратегическим вооружениям).

Однако общая политическая обстановка в мире не способствовала быстрому началу переговоров по стратегическим вооружениям. Усиливавшаяся агрессия США во Вьетнаме, а также вспыхнувшая в июне арабо-израильская война привели к затяжке этих переговоров.

Арабо-израильская война 1967 года

В годы президентства Кеннеди и Джонсона положение на Ближнем Востоке оставалось достаточно напряженным, но не выходило на уровень серьезного конфликта с вовлечением великих держав. Между Москвой и Вашингтоном в этот период не было систематического обмена мнениями по этому региону. Вообще в повестке дня советско-американских отношений Ближний Восток не фигурировал постоянно, как Европа или Юго-Восточная Азия, но потенциально он был в списке опасных районов.

Отношение СССР к Израилю было первоначально достаточно ровное. Москва в числе первых (даже раньше США) выступила в Совете Безопасности ООН в 1947 году за признание Израиля в качестве самостоятельного государства и принятие его в ООН. Вскоре были установлены и полные дипломатические отношения между обоими государствами с открытием посольств в обеих столицах.

Запретительная политика Советского правительства в отношении выезда евреев из СССР постепенно порождала растущие трения с Израилем и содействовала активизации шумной антисоветской кампании в США. Это, в свою очередь, вызвало ответное ожесточение в правящих кругах СССР и решимость „не уступать сионистам". Так, „еврейский вопрос" стал на долгое время камнем преткновения в наших отношениях с США и Израилем.

Антисионистские настроения в СССР стали активно проявляться с середины 60-х годов как ответная реакция на шумные демонстрации и кампанию на Западе, особенно в США, „в защиту советских евреев". Упорное стремление части евреев и „диссидентов" уехать из СССР в Израиль и созданная вокруг всего этого скандальная шумиха лишь усилили эти настроения, хотя первоначальным источником всех этих кампаний и контркампаний, конечно же, была непродуманная запретительная политика советских властей в отношении эмиграции из СССР. Росло число громких конфликтных выездных дел, что лишь усиливало общую нездоровую обстановку. К этому добавился и ставший совершенно очевидным военно-стратегический альянс Израиля с США.

С середины 80-х годов положение стало выправляться и нормализоваться. Выезд стал практически свободным. Восстановлены дипломатические отношения с Израилем, что, по существу, было молчаливым признанием ошибочности первоначального решения разорвать эти отношения в 1967 году, ибо такой шаг долгое время лишал СССР возможности

всесторонне участвовать в процессе ближневосточного урегулирования. Ныне отношения стали дружественными.

Замечу попутно об одном малоизвестном, но интересном факте. В конце 70-х годов Брежнев на одном из заседаний Политбюро неожиданно поднял вопрос о возможности постепенного восстановления отношений с Израилем, начиная с открытия консульств (в частной беседе с ним я высказал такое соображение в качестве одного из способов улучшения отношений с США). Политбюро в принципе согласилось поручить МИД проработать этот вопрос. Однако на этом заседании не было Суслова и Громыко, которые были в отпуске. Вернувшись из отпуска они решительно выступили против любого изменения курса в отношении Израиля. Брежневу пришлось уступить.

Тем временем весной 1967 года обстановка на Ближнем Востоке стала сильно обостряться. Вспыхнул арабо-израильский военный конфликт.

5 июня Израиль начал военные действия против ОАР, Сирии и Иордании. Советское правительство немедленно заявило о своей поддержке этих стран. В тот же день оно, добиваясь прекращения военных действий, дало указание представителю СССР в ООН поставить вопрос о немедленном созыве Совета Безопасности. Одновременно оно обратилось по линии прямой связи к президенту Джонсону с призывом оказать соответствующее влияние на Израиль. Это был первый случай использования „горячей линии" между Кремлем и Белым домом с момента ее создания в 1963 году после кубинского кризиса.

10 июня СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем (что в долгосрочном плане в контексте ближневосточного урегулирования оказалось серьезным просчетом).

В тот же день Косыгин обратился по „горячей линии" к Джонсону с настойчивым призывом, чтобы США потребовали от Израиля безоговорочного прекращения в ближайшие часы военных действий в соответствии с резолюцией Совета Безопасности. Советское правительство заявило, что если Израиль не выполнит этого требования, то с советской стороны будут предприняты необходимые санкции.

В обращении Косыгина содержался прямой намек на то, что СССР может предпринять даже „военные акции", что, конечно, встревожило Белый дом. Шестой флот США, находившийся в Средиземном море, получил приказ ускорить движение к району конфликта. Как признал в своих мемуарах президент США, ситуация заметно накалялась. Все это активизировало дальнейший оживленный обмен посланиями по „горячей линии" между Джонсоном и Косыгиным. В ходе решающих событий президент Джонсон вместе с Раском, Макнамарой и основными советниками постоянно находился в „ситуационной комнате" Белого дома. В Москве в Кремле непрерывно заседало Политбюро. Наличие „горячей линии" сыграло неоценимую роль в поддержании постоянного контакта между Москвой и Вашингтоном, оно позволило Белому дому и Кремлю держать руку на пульсе развития событий и предотвратить опасную неопределенность намерений и действий обоих правительств. Впрочем, в реальные планы Кремля не входило осуществление каких-либо конкретных военных акций против Израиля. Обсуждалась лишь возможность дальнейшей воздушной переброски оружия арабским странам в связи с их просьбами.

Вечером 10 июня Израиль прекратил военные действия на всех фронтах. Были подписаны соглашения о прекращении огня. „Шестидневная война" завершилась сокрушительным поражением Египта, Сирии и Иордании,

часть территорий которых оказалась оккупированной Израилем: египетский Синай, сирийские Голанскиё высоты, населенные палестинцами Западный берег реки Иордан и район Газы.

После поражения арабских стран авторитету СССР на Ближнем Востоке был нанесен немалый ущерб.

17 июля в Нью-Йорке открылась чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, созванная по предложению СССР для рассмотрения вопроса о положении на Ближнем Востоке и в первую очередь о безотлагательном выводе войск Израиля с захваченных им территорий арабских стран за линию перемирия. Советскую делегацию на сессии возглавлял Косыгин. Надо сказать, что в своем основном выступлении на Ассамблее он, помимо резкой критики в адрес Израиля, четко сформулировал право Израиля на независимое существование, чем вызвал большое недовольство арабских делегаций. Ввиду упорного отказа арабских государств принять компромиссный латиноамериканский проект резолюции, который и США, и СССР считали приемлемым, 21 июля 1967 года чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи прервала свою работу. Вопрос ближневосточного урегулирования был передан на рассмотрение Совета Безопасности ООН.

Надо сказать, что на первоначальном этапе конфликта и на самой Генеральной Ассамблее США и СССР действовали достаточно согласованно в поисках компромисса. Такой линии лично придерживался президент Джонсон. Однако со временем американская позиция постепенно стала ужесточаться в вопросе о полном выводе войск Израиля с захваченных арабских территорий. Немалую роль тут сыграли произраильские круги США и произраильское лобби в государственном аппарате страны.

Посол Египта рассказал о красноречивом примере большого влияния произраильского лобби в Вашингтоне. Послы арабских стран в американской столице оказались в весьма непростой ситуации. По словам египетского посла, им приходилось по служебным делам общаться в основном с американскими официальными лицами еврейской национальности. В госдепартаменте делами Ближнего Востока занимался заместитель госсекретаря Юджин Ростоу. В Белом доме всеми внешними делами ведал его брат Уолт Ростоу. Все попытки послов добиться более или менее сбалансированного, наравне с Израилем, рассмотрения ближневосточных проблем наталкивались на вежливый, но скрытый саботаж этих лиц. Во всяком случае так казалось послам.

Посоветовавшись между собой, послы этих стран выбрали делегацию и попросили президента Джонсона принять ее. Послы в дипломатичной, но ясной форме изложили ему сложившуюся деликатную для них ситуацию. Они попросили его выделить своего непредвзятого специального представителя, к которому они могли бы обращаться по сложным вопросам арабо-израильского конфликта. Джонсон сказал, что охотно подыщет такого человека.

Через несколько дней их известили, что президент назначил своего личного представителя для контактов с послами арабских стран. Им оказался Катценбах, министр юстиции, который также симпатизировал Израилю.

В целом можно констатировать, что в результате арабо-израильской войны 1967 года Ближний Восток с этого момента становится одним из самых взрывоопасных районов мира и постоянным раздражителем в советско-американских отношениях.

Встреча в Гласборо

23 и 25 июня 1967 года состоялась встреча Косыгина с Джонсоном в небольшом городке Гласборо (штат Нью-Джерси).

Вопрос об этой встрече был поднят американской стороной в самом начале в связи с тем, что Косыгин прибыл во главе советской делегации на чрезвычайную сессию Генеральной Ассамблеи. Несколько дней шли закулисные переговоры о конкретном месте такой встречи.

Дело в том, что Джонсон передал через посла Томпсона приглашение Косыгину приехать в Вашингтон. Находившийся в Нью-Йорке Косыгин срочно запросил мнение Москвы. Советское руководство прислало ему довольно сдержанный ответ: оно считает возможной организацию такой встречи, но чтобы она состоялась „в Нью-Йорке или в крайнем случае в окрестностях Нью-Йорка, что определенно указывало бы на приезд Джонсона к советскому премьеру, а не на поездку А.Н.Косыгина к президенту для встречи".

Джонсон, в общем, с пониманием отнесся к нежеланию Косыгина приехать в Вашингтон („с учетом возможной реакции арабов, не говоря уже о Пекине", как он сказал в разговоре с Томпсоном). Но президент сам тоже не хотел ехать в Нью-Йорк.

Американцы тогда предложили встретиться на базе ВВС „Маквайр", но Косыгин отказался, так как не хотел, чтобы встреча состоялась на американской военной базе. После упорных поисков с участием Томпсона, советского посла и губернатора штата Нью-Джерси и было найдено небольшое местечко Гласборо. Там в здании местного колледжа „Холлибуш" и состоялись двухдневные советско-американские переговоры. Так был достигнут компромисс о встрече „на полпути".

Директор колледжа д-р Робинсон, симпатичный хозяин места встречи, был, разумеется, взволнован таким необычным событием и огромным вниманием к этому прессы. Когда после окончания встречи я с ним разговорился, выразив озабоченность, что подобный большой наплыв людей может нанести известный ущерб помещениям колледжа, он, наоборот, высказал полное удовлетворение, что советско-американская встреча состоялась в его колледже. Помимо полезного огромного „паблисити" для их малоизвестного колледжа, признался он, правительство США произвело за свой счет капитальный ремонт помещений, где проходила встреча, а также установило дополнительные линии телефонной связи. Таких расходов сам колледж не смог бы выдержать. Короче, они без всяких оговорок приветствовали гостей.

Косыгин, сопровождаемый Громыко и мною, приехал утром 23 июля к дому директора колледжа. Мы задержались из-за большого потока автомашин. Был жаркий и очень влажный день. У дома нас уже ожидала большая толпа жителей городка, представителей прессы и любопытствующих из других мест. Тут же продавали сосиски и прохладительные напитки. Типичная американская картина, которую с интересом наблюдал наш премьер.

Косыгина встретил на крыльце дома президент Джонсон. С ним приехали Раек, Макнамара, Банди и У.Ростоу. Присоединились супруга президента и дочь Косыгина, которые имели свою отдельную программу. Последовали фотосъемки. Жители аплодисментами тепло приветствовали руководителей обеих стран. Джонсон и Косыгин обратились с краткими речами к

собравшимся, после чего опять их фотографировали. Наконец, все участники встречи вошли в дом.

Джонсон предложил вначале побеседовать какое-то время вдвоем. Косыгин сразу согласился. Однако в результате они так увлеклись, что фактически весь разговор до обеда прошел наедине в присутствии лишь переводчиков. Мы же в это время сидели в другом зале и вели свободный разговор между собой, дожидаясь окончания основной беседы.

В начале беседы наедине с Джонсоном Косыгин поставил перед ним вопрос: в каком направлении правительство США намечает вести свою дальнейшую политику. В настоящее время, заявил он, США значительно увеличивают военный бюджет, расширяют военные действия во Вьетнаме, дестабилизируют обстановку на Ближнем Востоке - все это вызывает большую тревогу за дело мира. Сейчас нет уверенности, что политика США не предусматривает создания обстановки, чреватой крупными военными конфликтами.

Премьер подчеркнул, что гонка вооружений, которую ведут США, вынуждает другие страны в интересах обеспечения собственной безопасности также увеличивать свои военные бюджеты, расширять военную промышленность. Все это усиливает военную угрозу в мире, и нельзя исключить, что это может даже вызвать и ядерную войну.

Джонсон, внимательно выслушав, стал говорить о том, что США вовсе не хотят создания военной обстановки и что все, что они предпринимают, - это акции вынужденного характера. Он сказал также, что придает отношениям с СССР первостепенное значение и что им уже были предприняты конкретные шаги, направленные на развитие мирных отношений между США и СССР. Джонсон подчеркнул, что он по-прежнему стремится не допустить военного конфликта с СССР и добивается мирного решения спорных вопросов.

Косыгин „принял к сведению" эти заверения американского президента.

Из конкретных вопросов обсуждалось положение на Ближнем Востоке, Вьетнам, нераспространение ядерного оружия, предотвращение создания системы противоракетной обороны, двусторонние отношения.

Именно на ближневосточной проблеме Косыгин делал особый упор. Джонсон не стремился как-то оправдать политику Израиля. Он повторил, что США выступают за отвод израильских войск с захваченных территорий и за территориальную целостность стран этого района. Вместе с тем должны найти решение и другие проблемы района. Косыгин осуждал Израиль, настаивал на скорейшем выводе его войск, но признавал его право на независимое существование.

Вьетнамский вопрос привлек наибольшее внимание Джонсона. Косыгин подчеркивал, что урегулирование вьетнамской проблемы возможно только при условии прекращения бомбардировок территории ДРВ и вывода американских войск из Южного Вьетнама.

Джонсон горячился. Он заявил, что если американцы сядут за стол переговоров, прекратив бомбардировки и не получив никаких гарантий об ответных шагах другой стороны, то Северный Вьетнам перебросит новые войска на Юг, и морская пехота США может быть уничтожена. Тогда он потеряет в США весь свой авторитет. Поэтому он без каких-либо гарантий не может пойти на такой шаг.

Джонсон прямо спросил, можем ли мы помочь США в переговорах с вьетнамцами, если США все же сядут за стол переговоров. Он хотел, чтобы

мы были третьей стороной, которая способствовала бы удовлетворительному решению вопроса о самоопределении Южного Вьетнама с тем, чтобы США могли уйти оттуда. При этом он сказал, что США готовы будут вывести все войска из Вьетнама.

Косыгин никаких обещаний на этот счет Джонсону не дал, поскольку у него не было соответствующих полномочий. Он подчеркнул, что переговоры должны вестись непосредственно между США и Вьетнамом (в своих комментариях к этой части беседы Косыгин в телеграмме в Москву откровенно написал, что у него лично нет уверенности в том, что вьетнамцы пойдут на переговоры, даже если можно было бы добиться согласия США на прекращение бомбардировок ДРВ). Тем не менее, на пресс-конференции в Нью-Йорке он заявил, что „для того, чтобы улучшить наши отношения, надо прежде всего Соединенным Штатам прекратить войну во Вьетнаме".

„У меня сложилось впечатление, - сообщал Косыгин в Москву о своем разговоре о нераспространении ядерного оружия, - что Джонсон, по-видимому, был бы действительно не прочь форсировать переговоры о заключении соответствующего договора".

Джонсон довольно активно развивал тему о противоракетной обороне. Он откровенно сказал, что хотел бы повременить у себя с развертыванием системы ПРО и объявить о том, что, скажем, через неделю начнется обмен мнениями по этому вопросу с советскими представителями. Джонсон сообщил, что уже в течение трех месяцев он откладывает принятие решения о развертывании ПРО в США, хотя многие военные и конгрессмены требуют принятия решения. Он подчеркнул, что если такой обмен мнениями не будет начат в ближайшее время, то, по-видимому, учитывая оказываемое на него давление в этом вопросе, он будет вынужден принять решение о развертывании в США системы ПРО.

В ответ Косыгин изложил советскую точку зрения. Разгорячившись по ходу дискуссии (что с ним случалось редко), Косыгин громко и убежденно заявил: „Оборона - это морально, нападение - безнравственно!" Его основной тезис: в принципе наилучшим путем для замораживания оборонительного вооружения было бы решение вопроса о сокращении наступательного вооружения или же рассмотрение вместе всего комплекса вопросов разоружения.

Определенного ответа Джонсону относительно возможности начать в ближайшее время обмен мнениями по вопросу ПРО Косыгин, однако, не дал. У него не было на это согласия других членов советского руководства.

Затем в беседе были затронуты советско-американские двусторонние отношения. Джонсон говорил, что за годы его президентства было немало сделано, перечислил все соглашения, которые были заключены. Он подчеркивал, что придавал и придает советско-американским отношениям первостепенное значение. Косыгин подтвердил, что Советское правительство разделяет эту точку зрения.

Джонсон выразил пожелание провести дополнительную встречу в воскресенье в том же месте. Косыгин согласился на вторую встречу.

По ходу беседы Джонсон подробно излагал свою точку зрения, развертывал свою аргументацию. Косыгин был менее многословен, но достаточно четко излагал свои мысли.

25 июня - вторая встреча. В основном обсуждались те же вопросы. Особо пространно Джонсон говорил по Вьетнаму и о ПРО.

Джонсон сказал, что он еще раз все обдумал и решил обратиться к ДРВ с новым предложением. США могли бы прекратить бомбардировки ДРВ при условии, что вслед за прекращением бомбардировок должны немедленно состояться переговоры между представителями США и ДРВ. Но если Ханой будет вести игру на затягивание переговоров, то США сохранят за собой полную свободу действий.

Косыгин совсем не был уверен в позиции северовьетнамцев, которые не делились с нами взглядами насчет компромиссного урегулирования. Поэтому он продолжал придерживаться известной советской точки зрения, а именно, что урегулирование вьетнамской проблемы возможно только при условии прекращения бомбардировок территории ДРВ и вывода американских войск из Южного Вьетнама.

Относительно ПРО Джонсон заявил о желательности организации встречи Макнамары с советскими представителями в любом приемлемом для нас месте. На такой встрече, по его словам, можно было бы рассмотреть как вопрос о сдерживании развития систем ПРО, так и о сокращении военных бюджетов в целом.

Косыгин не сказал ничего определенного на этот счет, не желая связывать себя какими-либо обязательствами.

Надо сказать, что вопрос о Макнамаре возник не случайно. За два дня до встречи в Гласборо Макнамара в беседе со мной высказал мысль, что хотел бы лично выступить перед Джонсоном и Косыгиным по вопросу ПРО, когда они будут вдвоем. Он подготовил для иллюстраций самые последние конфиденциальные технические данные и расчеты американских специалистов на этот счет, чтобы подтвердить научную обоснованность подхода к проблеме ПРО. Джонсон дал на это согласие, но просил заручиться одобрением и советского премьера на такую „презентацию" во время их личной встречи. Косыгин согласился с этим, о чем я сообщил Макнамаре.

Весь первый день встречи в Гласборо нервничавший Макнамара прождал в приемном зале вызова Джонсона для такого выступления. Однако его не пригласили. Сразу после первой встречи Джонсон устроил для Косыгина обед, на который были приглашены все сопровождавшие обоих руководителей лица, включая работников протокольной службы. Во время обеда Джонсон увидел Макнамару и, вспомнив, что он забыл позвать его на совместную беседу с Косыгиным, пригласил его сделать сообщение прямо за обедом. Макнамара явно не был к этому готов, поскольку на обеде присутствовали многие, не имевшие доступа к столь конфиденциальной военной информации.

Макнамара смешался, стал лихорадочно выбирать из пачки подготовленных им схем и диаграмм наименее секретные документы и по ним стал[1] строить свое выступление. Главный его тезис: гонка в области оборонительного оружия только ускорит уже существующую гонку наступательных вооружений и таким образом дестабилизирует установившееся деликатное равновесие между двумя сверхдержавами, основанное на ядерном сдерживании. Однако выступление Макнамары, в силу отмеченных выше причин, получилось скомканным, малоубедительным и малоинтересным. Косыгин был явно разочарован, о чем он мне и сказал вечером. Сам Косыгин ответил Джонсону и Макнамаре, что ракетные оборонительные системы вокруг Москвы и Таллинна строятся для того, чтобы спасти жизни советских граждан, и поэтому вместо обсуждения вопроса об

их ликвидации надо в первую очередь заняться проблемой сокращения наступательных стратегических систем.

Позже, оправдываясь передо мной, Макнамара ругал президента за то, что он так „неуклюже провалил все дело". Видимо, в результате всего этого на второй день встречи с Косыгиным Джонсон и предложил встречу Макнамары с советскими специалистами. Хотя Косыгин и не был готов начать конкретные переговоры с США по вопросу об ограничении оборонительных стратегических систем (помимо прочего, Москва хотела сперва достичь ядерного паритета в наступательных вооружениях), дискуссия в Гласборо все же способствовала, хотя и с задержками, началу переговоров по ограничению стратегических вооружений, которые в конечном счете привели к заключению Договора по ПРО в 1972 году. Потенциально это был немаловажный результат.

В целом надо сказать, что встреча в Гласборо проходила в благожелательной атмосфере. Джонсон хорошо играл роль хозяина. Косыгин сообщил в Политбюро, что „Джонсон и его окружение держались дружественно, оказывали нам всяческое внимание и старались показать, что они ищут решения важнейших вопросов".

В заключение Джонсон заявил, что он придает очень большое значение состоявшимся беседам и хотел бы, чтобы такого рода обмены мнениями вошли в практику советско-американских отношений и проводились бы по крайней мере один раз в год. Косыгин согласился, что встречи на высшем уровне действительно полезны.

Отсутствие конкретных результатов на встрече в Гласборо объяснялось объективными причинами: не было в тот момент реальной возможности „прорыва" на каком-либо важном направлении. Но сказывалось также, очевидно, и отсутствие у Косыгина достаточных полномочий от Политбюро, чтобы он мог вести масштабный и продуктивный разговор. Надо помнить, что это была единственная советско-американская встреча на высшем уровне, в которой не участвовал Генеральный секретарь ЦК КПСС. А Брежнев не очень-то хотел способствовать личному успеху Косыгина.

Примерно через месяц после встречи в Гласборо Раек от имени Джонсона спросил, было ли доведено до сведения ДРВ предложение, сделанное Джонсоном во время недавних встреч с Косыгиным, и была ли получена какая-либо официальная реакция из Ханоя. Ответ из Москвы гласил: просьба президента была выполнена, но в условиях продолжающегося расширения военных действий США во Вьетнаме вьетнамская сторона лишена возможности положительно реагировать на это обращение правительства США.

В это время в Вашингтоне стали распространяться слухи о том, что ввиду непримиримости ДРВ и с учетом приближающейся предвыборной кампании раздраженный Джонсон может пойти на применение во Вьетнаме „чрезвычайных военных мер".

Я решил переговорить об этом с Гарриманом. Он заявил, что правительство США по-прежнему готово к переговорам с ДРВ, но пока другая сторона не согласна с этим, Вашингтон будет продолжать усиливать военный нажим. Вместе с тем, подчеркнул он, президент „абсолютно исключает" применение тактического ядерного оружия, а также вторжение на территорию ДРВ.

С таким же вопросом обращался французский посол Люсе к своему давнему другу генералу Уиллеру, возглавлявшему Комитет начальников штабов. (Люсе сделал это в связи с запросом об этом из Парижа.) Посол поинтересовался у генерала, действительно ли Вашингтон планирует

использовать во Вьетнаме ядерное оружие, как об этом пишут в прессе. Уиллер ответил, что „таких намерений нет", но что Белый дом и военное командование США полны решимости „как следует показать Ханою" и „не собираются капитулировать".

В середине сентября было опубликовано официальное сообщение о намерении правительства США приступить к частичному развертыванию ПРО.

Раек дал мне следующее объяснение такому их шагу: во-первых, речь идет об ограниченной системе ПРО, рассчитанной на нейтрализацию угрозы со стороны КНР, но не могущей играть значительную роль в плане взаимосдерживания ядерных сил СССР и США; во-вторых, нажим со стороны конгресса и республиканской оппозиции, обвиняющих Джонсона „в бездействии"; в-третьих, отсутствие какой-либо советской реакции на их предложение начать официальный обмен мнениями по этому вопросу.

Москва в ответ лишь ускорила строительство систем ПРО вокруг Москвы и Таллинна вместо того, чтобы попытаться договориться с Вашингтоном о взаимном отказе строить такие системы.

Потребовалось несколько лет, чтобы уже при следующей администрации приступить к таким переговорам, оказавшимся весьма трудным. Я лично убежден, что с Джонсоном по этому вопросу можно было договориться, особенно в период, когда он еще не заявил о своем решении не баллотироваться в президенты.

Вашингтонская дипломатия и Ближний Восток

Тем временем продолжался интенсивный обмен мнениями с США по ближневосточному урегулированию. Беседа с Раском (19 октября) достаточно наглядно показала, что Вашингтон ужесточает свою позицию в вопросе о Ближнем Востоке, отходит от собственных предложений, выдвинутых в период чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи и вообще не торопится с решением этого вопроса, стремясь „выжать" из арабских стран максимум уступок.

Я обратил внимание Раска на двусмысленное поведение постоянного представителя США Голдберга. Последний в ходе конфиденциальных консультаций с нами после чрезвычайной сессии официально предложил мне компромиссную формулировку. Однако затем, через месяц, когда мы после сложной работы с арабами заявили о готовности принять этот компромисс, он стал утверждать, что вообще не предлагал такой формулировки и что мы е го „неправильно поняли". Тогда Раску был предъявлен случайно сохранившийся у меня лист бумаги, на котором Голдберг собственноручно написал текст такой формулировки. Раек признал руку Голдберга, но последний утверждал, что он „не помнит, когда он это мог написать". Тем не менее, Раек не согласился внести в Совет Безопасности проект резолюции, составленный в точном соответствии с теми пунктами, которые были переданы нам Голдбергом от имени правительства США.

Тогда в Москве решили перевести диалог на более высокий уровень. По поручению советского руководства- я встретился 21 октября с президентом Джонсоном и вручил ему послание Косыгина по ближневосточному вопросу.

Джонсон заметил, что он несколько озадачен тем местом послания, где говорилось, что американская сторона после начала текущей сессии Генеральной Ассамблеи не только не пошла вперед в поисках политического урегулирования по Ближнему Востоку, но что у нее появилось какое-то иное отношение даже к собственным предложениям, выдвинутым США в ходе сессии (подразумевался инцидент с Голдбергом). „Тут, видимо, какое-то недоразумение", - заметил Джонсон.

Присутствовавший на беседе Раек попытался подправить президента, давая свою версию событиям. Он явно старался увести Джонсона от прямого ответа на вопрос, поставленный в конце послания Косыгина: „Готов ли президент на совместные усилия на базе компромисса, предложенного в начале сессии самой же американской стороной?"

В результате беседа с президентом осталась незавершенной и закончилась лишь договоренностью продолжить конфиденциальный обмен мнениями.

Президент старался держаться дружелюбно, показывал фото своего новорожденного внука, говорил о предстоящей свадьбе своей старшей дочери и о других семейных делах. Каких-либо резких или неодобрительных реплик по поводу нашей интерпретации событий он не сделал. Не ясно было, однако, осознает ли он сам, что американская дипломатия действительно сделала шаг назад.

Как рассказал мне впоследствии Р.Кеннеди, когда в Белом доме обсуждались ближневосточные дела, Джонсон поинтересовался, а нельзя ли все же попытаться найти совместно с СССР какую-то общую формулу резолюции в ООН, которая могла бы быть полезной. Ростоу тут же бросил реплику: почему США сейчас должны помогать СССР в ближневосточных делах, когда СССР не помогает США во Вьетнаме. Джонсон все же дал указание попытаться выработать согласованный проект резолюции.

Советско-американский обмен мнениями по ближневосточному урегулированию продолжался на разных уровнях (глав правительств, министров иностранных дел, постоянных представителей при ООН) вплоть до принятия известной резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года, в которой говорилось о выводе, при определенных условиях, израильских войск с оккупированных арабских территорий. Это была важная резолюция, которая остается актуальной до сих пор в контексте ближневосточного урегулирования. Коротко она формулировалась многими как „мир в обмен на возврат земель". Будучи однако продуктом сложных компромиссов, резолюция допускала для сторон возможность по-разному ее интерпретировать, чем и пользовались в дальнейшем противники урегулирования.

Макнамара уходит в отставку

Глубокие разногласия и раскол в американском общественном мнении вокруг войны во Вьетнаме стали проявляться и в настроениях официальных лиц на разных уровнях администрации Джонсона. В ходе сугубо личных бесед многие профессиональные сотрудники госдепартамента говорили о бесперспективности вьетнамской политики США.

На одном из приемов в конце ноября Макнамара сообщил мне в частном порядке, что собирается покинуть пост министра обороны и перейти в

Международный банк реконструкции и развития. Причину он сформулировал очень кратко: усталость, нежелание и дальше ассоциировать себя с войной во Вьетнаме, разногласия с высшим генералитетом.

Надо сказать, что отношение Макнамары к вьетнамской войне (как свидетельствуют „пентагоновские документы", опубликованные в 1971 году) пережило определенную эволюцию: от стадии „колебаний" зимой 1965 года он перешел к „растерянности" весной 1966 года и, наконец, к „разочарованию" осенью 1967 года. В январе 1968 года, окончательно убедившись в полном провале затеянной с его активным участием военной авантюры США во Вьетнаме, он подал в отставку. Обо всем этом он сам откровенно рассказал в своей книге спустя 30 лет.

Лично я сожалею, что Макнамара не был на посту министра обороны тогда, когда начались серьезные советско-американские переговоры по ограничению стратегических вооружений. Он, несомненно, мог бы сыграть позитивную роль.

Свои сожаления по поводу ухода Макнамары высказал мне и Р.Кеннеди. Сам он переживал период „мучительных раздумий", т. к. должен был скоро окончательно решить - пытаться ли ему выставлять свою кандидатуру в президенты. Ждать 1972 года было слишком долго. За это время, как он мне сказал, „имя Кеннеди могут постепенно забыть". Как известно, в конце концов, он решил баллотироваться на пост сенатора от Нью-Йорка в 1968 году (что он с успехом и сделал).

Вместо Макнамары на пост министра обороны пришел Кларк Клиффорд, известный вашингтонский юрист. Он придерживался разумных позиций, но не мог держать в узде военных, как это делал Макнамара.

В середине декабря еще один видный член администрации решил уйти в отставку. На этот раз такое решение принял Колер, заместитель госсекретаря по политическим вопросам, бывший посол в СССР.

По мере расширения вмешательства США в военные действия во Вьетнаме многие советники президента стали заблаговременно отмежевываться от гибельного курса администрации Джонсона, который быстро терял свою популярность. Лишь Уолт Ростоу, один из главных вдохновителей эскалации войны во Вьетнаме, да госсекретарь Раек до последнего дня оставались - в числе немногих - с президентом.

5. ПОСЛЕДНИЙ ГОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖОНСОНА. НЕУДАЧА СО ВСТРЕЧЕЙ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

В 1968 году внутренние и внешнеполитические трудности США (вьетнамская война, расовые конфликты, инфляционные процессы и т. п.) достигли наибольшей остроты в результате как объективных причин, так и ошибок, и просчетов в политике администрации Джонсона. Следствием этого явилось решение Джонсона не баллотироваться в президенты, а

затем поражение кандидата правящей партии Хэмфри на президентских выборах в ноябре 1968 года и приход к власти республиканца Никсона (при сохранении все же большинства демократов в обеих палатах конгресса). Усугубление трудностей стимулировало активизацию массовых антивоенных выступлений, движения за гражданские права, забастовок и др.

По мере расширения войны во Вьетнаме и порожденной ею напряженности в американской экономике к лету 1968 года лозунг „великого общества" полностью исчез из лексикона президента. Война во Вьетнаме стала „персональной войной Джонсона".

В области разоружения и контроля над вооружениями усилия администрации Джонсона направлены на завершение выработки договора о нераспространении ядерного оружия и диалога с СССР по вопросу о ПРО. Этот договор был подписан 1 июля 1968 года. Однако чехословацкие события и оппозиция республиканцев блокировали его ратификацию, которая была проведена лишь 5 февраля 1969 года уже при новой администрации Никсона.

Администрация Джонсона несколько раз возвращалась в контактах с советской стороной к вопросу о необходимости переговоров между двумя странами о противоракетной обороне. Она согласилась затем обсуждать его в комплексе с вопросом об ограничении гонки стратегических наступательных ракет, на чем настаивала Москва. Эта проблема была урегулирована в ходе переписки между президентом США и премьером СССР. I июля было опубликовано официальное сообщение обоих правительств об их согласии на проведение соответствующих переговоров.

Однако Джонсон затем предложил начало переговоров по стратегическим ракетам обязательно приурочить к личной встрече с советским премьером.

Советское правительство согласилось с этим предложением. Но чехословацкие события 21 августа практически торпедировали возможность такой встречи. Поэтому вопрос о начале переговоров по стратегическим проблемам вновь повис в воздухе.

На протяжении всего года правительство США вело с советской стороной обмен мнениями, в том числе и в доверительном плане на высшем уровне, прежде всего в целях поиска урегулирования вьетнамского конфликта, а также ближневосточного кризиса, инцидента с американским разведывательным судном „Пуэбло" и т. д.

Вместе с тем острая предвыборная борьба, переплетавшаяся на ее заключительном этапе с антисоветской пропагандистской кампанией вокруг чехословацких событий, собственные колебания Джонсона, а также идеологическая скованность советского руководства привели к тому, что советско-американские отношения не получили своего должного развития.

Правда, к концу года, после президентских выборов в США администрация Джонсона попыталась активизировать отношения с СССР. Однако к этому времени она - в свете предстоящей смены правительства -уже не обладала достаточной полнотой власти. Этим не преминули воспользоваться республиканцы и вновь избранный президент Никсон, помешав реализации идеи Джонсона: встречи с советскими руководителями.

Раек предлагает Москве взаимное сокращение войск в Европе и роль посредника во Вьетнаме

В начале января 1968 года мы с Раском провели очередную встречу вдвоем для неофициального обзора „международных горизонтов". Госсекретарь в конфиденциальном плане рассказал о последней сессии НАТО, на закрытом заседании которой он выступил с оценкой общего международного положения. В ходе беседы Раек высказал следующее предложение: США в принципе не возражали бы, если бы два блока -Варшавский договор и НАТО - на основе взаимности сократили бы свои войска. Правительство США было бы готово пойти на значительное (Раек дважды подчеркнул это слово) сокращение своих войск в Западной Европе, если СССР сделал бы то же в Восточной Европе. Обязательным условием должна быть взаимность: „Если вы не захотите или не готовы, по своим соображениям, сокращать свои войска, то и мы будем держать свои войска в Европе; если бы вы были готовы к сокращению, то и мы были бы готовы сделать это", - подчеркнул Раек.

Он добавил, что США не придают особого значения формам договоренности о сокращении войск. Необязательно подписывать соглашение, достаточно будет просто определенной договоренности или ясного взаимопонимания на этот счет между обоими правительствами. Кроме того, сокращаемые войска США не будут перебрасываться во Вьетнам, т. е. Китай не сможет критиковать СССР за такую договоренность.

(Я немедленно доложил советскому руководству об этих важных высказываниях Раска, тем более, что всего пару лет назад мы сами предлагали США пойти на некоторое взаимное сокращение войск в Германии. Однако Москва никак не реагировала на первое столь четкое предложение госсекретаря о сокращении войск в Европе; впоследствии мне сказали, что Советское правительство стало опасаться за стабильность обстановки в Восточной Европе в случае вывода оттуда значительной части своих войск и что именно в этом плане оно рассматривало инициативу правительства США.)

Переходя к вьетнамской проблеме, Раек спросил: почему бы Москве не пойти на „второй Ташкент", но теперь в отношении Вьетнама? Он стал далее более подробно обосновывать свою мысль о целесообразности советского посредничества, подчеркивая серьезность своего предложения.

Не мог же я ему прямо ответить, что вьетнамцы отвергают наше посредничество, как и посредничество других. Поэтому я повторил нашу формулу о том, что переговоры должны вести сами США и ДРВ.

Москва никак не среагировала и на эту часть нашей беседы, ибо ей нечего было сказать. Наша дипломатия оказалась в тупике.

Примерно в эти же дни Гарриман с возмущением говорил мне: „Трудно поверить, но после нескольких лет войны у Джонсона нет ясного плана выхода из войны". По его словам, у президента вообще осталось только три человека, которые что-либо понимают в советско-американских делах, — Томпсон, Болен и он, Гарриман. Вместе с тем появилось много людей вроде Уолта Ростоу, Бжезинского и др., которые считают себя большими специалистами по коммунизму и, имея доступ к президенту, „запутывают его своими теориями, концепциями и советами".

Фулбрайт рассказал, что он отговаривает Джонсона от опасного намерения - официального объявления войны ДРВ. На этот шаг его толкают „партийные советники". Это позволило бы, по их мнению, придать войне во

Вьетнаме патриотический характер, а значит, и выиграть президентские выборы. Джонсон колеблется, спрашивая совета у старых друзей.

В середине февраля у меня состоялась еще одна беседа с Раском. На этот раз речь шла об американском корабле „Пуэбло", захваченном северокорейцами у берегов Северной Кореи. Раек, опасаясь серьезных осложнений, попросил, чтобы Советский Союз как-то посодействовал урегулированию этого инцидента. Выполняя эту просьбу, мы оказали содействие, хотя это было далеко не просто. Госсекретарь попросил тем временем ускорить советское согласие хотя бы на предварительный обмен мнениями по ПРО. В Москве все еще не могли прийти к окончательному решению по этому вопросу.

Закладка фундамента американской интервенции во Вьетнаме началась, по сути дела, с середины 50-х годов. Фактически президенты Трумэн, Эйзенхауэр и Кеннеди вели дело к открытой интервенции США в Индокитае. Возможно, они не осознавали это полностью в свое время, предпринимая те или иные политические, военные и психологические акции в этом районе, но суть была именно в этом. Джонсон, по существу, продолжал и привел к кризису государственный курс США в Индокитае. Если к концу 1963-го число „военных советников" США в Южном Вьетнаме достигло 25 тысяч человек, то к декабрю 1965 года во Вьетнаме действовала 400-тысячная американская армия.

Надо сказать, что с самого начала интервенции США во Вьетнаме существовало двухпартийное согласие на ведение военно-силового внешнеполитического курса. Однако по мере того, как военная авантюра во Вьетнаме терпела крах, в самих США набирало силу антивоенное движение. Обстановка в стране в 1966-1967 годах свидетельствовала об углублении политической поляризации во всех слоях общества в вопросе о войне во Вьетнаме. В середине 1967 года впервые с начала войны большинство опрошенных институтом Гэллапа не одобрило политику правительства Джонсона во Вьетнаме. Это большинство непрерывно росло. Запомнились пожары и беспорядки в университетах и гетто, уклонения от воинской повинности значительной части молодежи, дезертирство из армии, бурные демонстрации и митинги протеста, национальные гвардейцы и танки на улицах американских городов. Надо сказать, что нараставший „вьетнамский синдром" проявлялся не только в выступлениях молодежи, но и в недовольстве широких общественных кругов и значительной части политического „истэблишмента" в стране. Короче, во второй половине 60-х годов быстро набирала силу оппозиция политике США в Индокитае.

Между январем и мартом 1968 года резко упала популярность президента в стране. „Национальному согласию" на ведение войны пришел конец. Война во Вьетнаме стала „войной Джонсона". Жизнь еще раз показала, насколько нестабильна подчас в США судьба и популярность политических деятелей.

Важная встреча с Джонсоном

31 марта я неожиданно получил от президента срочное приглашение посетить его в Белом доме.

Когда я приехал около 6 часов вечера, меня провели на третий этаж, где размещались жилые апартаменты президента. Это было довольно необыч-

но. Ко мне вышла г-жа Джонсон, которая предложила чай, сказав, что президент будет через несколько минут. Вскоре вошел Джонсон. Выглядел он усталым и нервным.

Когда мы остались вдвоем, президент сказал, что вечером он выступает по национальному телевидению о Вьетнаме. Однако он хотел бы еще до этого сообщить Советскому правительству о своих личных намерениях и уже предпринимаемых шагах с целью уменьшения кровопролития во Вьетнаме, которые, как он хотел бы надеяться, могут положить начало движению в направлении мирного урегулирования.

По существу, это было негласное откровенное обращение президента к правительству СССР с просьбой содействовать прекращению военного конфликта во Вьетнаме, но все же на его условиях.

По словам Джонсона, обращаясь к Советскому правительству, он исходит из того, что СССР, во-первых, играет большую роль в международных делах и, во-вторых, является сопредседателем Женевских соглашений. „Мы надеемся на положительное влияние СССР в данном вопросе".

Я предпринимаю первый шаг к деэскалации конфликта, отметил президент. Мы существенно и в одностороннем порядке сокращаем военные действия, включая авиацию и флот. Район, где прекращаются бомбардировки, охватывает более 90 процентов всего населения ДРВ и большую часть ее территории. Даже сильно ограниченная бомбардировка Северного Вьетнама может быть быстро полностью прекращена, если сдержанность Вашингтона вызовет какую-то ответную сдержанность со стороны Ханоя. Я призываю сопредседателей Женевского совещания сделать все, что они могут, чтобы двинуться от предпринимаемого мною одностороннего акта к подлинному миру. Я готов послать своих представителей на любую встречу. Я назначаю Гарримана своим представителем для таких переговоров. Я надеюсь, что Хо Ши Мин откликнется положительным образом.

Президент Джонсон особо остановился на роли СССР. Я убежден, сказал он, что Советское правительство может сыграть выдающуюся роль в урегулировании конфликта. Пример Ташкента лишний раз свидетельствует о масштабах того влияния, которым пользуется Советский Союз.

Слухи о моем якобы стремлении к военному решению, продолжал Джонсон, не соответствуют действительности. Понимая огромное значение СССР для сохранения мира и предотвращения крупного международного военного конфликта - а США не хотят этого, - я стремился даже в это трудное время, из-за разделяющих нас вьетнамских событий, поддерживать какой-то возможный минимум нормальных отношений между СССР и США, всячески избегать их дальнейшего обострения, а где возможно - например, в вопросе о договоре о нераспространении ядерного оружия - действовать сообща в одном направлении, так как это отвечает интересам обеих стран. Я намерен и дальше придерживаться этой общей линии в вопросе о советско-американских отношениях. Надеюсь, что и советские руководители придерживаются такой же точки зрения.

Правительство США, сказал в заключение президент, исходит из того, что Советский Союз несет особую ответственность и играет особую роль во Вьетнаме. Без советской военной помощи наш противник долго не продержался бы. Только советская помощь делает это возможным. Но мы понимаем вашу принципиальную позицию и не собираемся сейчас как-то обсуждать этот конкретный вопрос, хотя для нас он далеко не безразличен. Мы могли сделать, да, видимо, и делали определенные ошибки во Вьетнаме.

Но мы действительно готовы в настоящее время к серьезным переговорам с целью достижения мирного урегулирования. Об этом я прошу передать в Москву. Я очень надеюсь, что Советское правительство самым внимательным и срочным образом рассмотрит высказанные мною соображения, закончил президент.

В связи с высказанным мною сожалением, что упомянутые им меры не предусматривают полного прекращения бомбардировок ДРВ, Джонсон начал горячиться, утверждая, что не может бросить на произвол судьбы американские гарнизоны и пункты, расположенные в Южном Вьетнаме, особенно около демилитаризованной зоны, где уже действует около 5 северовьетнамских дивизий. Гибель же американских войск привела бы к бурной реакции внутри США, и тогда было бы трудно сохранить сдержанность в применении всей военной мощи США во Вьетнаме. Он, как президент, не хочет подобного развития событий и вынужден - ввиду чисто военных обстоятельств - идти на сохранение определенного минимума бомбардировок к северу от демилитаризованной зоны. „Другого выбора у меня просто нет", - устало сказал он.

Прощаясь, президент передал мне текст своего предстоящего выступления по телевидению.

После беседы с президентом я зашел к У.Ростоу, у которого пробыл около часа. Когда я уходил от него, то неожиданно столкнулся в коридоре с Джонсоном.

Остановившись, он, помедлив, сказал, что хотел бы совсем доверительно сообщить мне еще о следующем: в конце планируемого им телевизионного выступления по Вьетнаму он имеет в виду объявить о своем намерении не баллотироваться больше на пост президента США. Он надеется, что такой шаг с его стороны послужит, определенному умиротворению страстей вокруг вьетнамского вопроса в ходе избирательной кампании, да и поможет более успешному урегулированию всего вьетнамского конфликта. Вообще я покажу, сказал он, что я совсем не одержим жаждой власти, как многие думают. Я хочу посвятить оставшееся время внепартийному служению стране. Вы первый иностранец, кто узнает о таком моем решении. Впрочем, и из американцев пока знают об этом лишь 4-5 человек, включая мою жену.

Говорил обо всем этом Джонсон, как это было видно, с плохо скрываемым волнением и даже с трудом. Выглядел он неважно. Было ясно, что это решение - почти за год до окончания его президентства - сильно ослабляло его дальнейшие возможности влиять на события внутри и .вне страны в этот оставшийся достаточно долгий еще срок его пребывания в Белом доме. Видимо, сильный психологический стресс - когда его упорное стремление продолжать войну во Вьетнаме объяснялось многими только желанием „спасти лицо" и добиться переизбрания на пост президента, не считаясь с потерями, - сделал свое дело: он решил показать всем, что готов пожертвовать вторым сроком президентства, чтобы только внести некоторое успокоение в общественное мнение страны и с этих позиций попытаться найти „почетные условия" урегулирования конфликта. Да и возможность победы на выборах для него становилась все более сомнительной. В конце концов, вьетнамская война оказалась для него лично ловушкой. Объявляя о нежелании вновь баллотироваться, Джонсон, по существу, пытался избавиться от длительного нервного напряжения, которое, судя по всему, стало для него просто невыносимым.

Во всяком случае, он выглядел в тот момент как человек, снявший с себя, наконец, тяжелый психологический груз. История делалась на моих глазах.

Свое драматическое заявление он сделал в 9 часов вечера 31 марта, выступая по национальному телевидению из своего кабинета в Белом доме. Тут же находились члены его семьи (но они были вне телевизионной камеры).

Первая часть его выступления по Вьетнаму не содержала для многочисленной аудитории американцев ничего нового. Лишь несколько людей в Белом доме, да и я, оказавшийся невольным свидетелем личной драмы президента, ждали последних слов его выступления. На какое-то мгновение он остановился, как бы собирая всю свою волю, а затем сказал: „Я не буду добиваться и не приму выдвижения меня моей партией на пост президента еще на один срок".

Это была действительно сенсация. Война во Вьетнаме оказалась для президента Джонсона роковой.

Надо сказать, что семья самого Джонсона оказалась лично сопричастной к этой войне. Как раз накануне выступления президента его дочь Линда проводила во Вьетнам своего мужа, капитана американской армии. В порыве отчаяния, как вспоминал в своих мемуарах Джонсон, она, молодая женщина, спрашивала отца, зачем ее муж должен был ехать куда-то далеко и воевать и даже мог быть убитым, защищая народ, который даже не хотел этой защиты.

В своем телевизионном выступлении Джонсон не смог сказать чего-либо убедительного в оправдание своего внешнеполитического курса. Больше того, выступая на следующий день в Чикаго перед Национальной ассоциацией работников вещания, Джонсон раздраженно обвинил ее членов во всех неудачах США во Вьетнаме. Именно они, заявил президент, настроили против него всю страну. Такое выступление, разумеется, не добавляло ему лавров.

Для меня решение президента, было, конечно, полной неожиданностью. Так же оно было "воспринято и в Москве. Этот шаг расстроил планы советского руководства на новую встречу с Джонсоном.

Через несколько дней Гарриман сообщил мне об официальном согласии правительства ДРВ начать переговоры с США. Северовьетнамцы, судя по всему, решили прощупать позиции администрации после решения Джонсона не баллотироваться.

Американскую делегацию возглавил Гарриман, его заместителем был Сайрус Вэнс. Однако начавшиеся вскоре переговоры в Париже сразу же приняли затяжной характер.

Когда Москва поинтересовалась у Ханоя положением дел, то там ответили, что невозможно вести продуктивные переговоры с США в условиях, когда они продолжают бомбить ДРВ. Северовьетнамское руководство дало понять, что их позиция могла бы быть гибче, если бы бомбардировки были прекращены. Ханой вновь ввел в заблуждение Москву, которая уже зарекалась не брать на себя неблагодарную роль посредника.

5 июня мне было поручено передать послание Косыгина Джонсону. „Я и мои коллеги считаем - и у нас есть для этого основания, - что полное прекращение США бомбардировок и других военных акций в отношении ДРВ могло бы способствовать перелому в обстановке, который открыл бы

перспективы мирного урегулирования, в том числе на переговорах в Париже, где пока нет прогресса".

Это послание вызвало активную дискуссию на совещании у Джонсона. В результате был составлен ответ Джонсона Косыгину. Суть его сводилась к следующему: правительство США не считает возможным полностью прекратить бомбардировки. Гарриман доверительно сообщил, что голоса на совещании разделились следующим образом: Клиффорд, Вэнс и Гарриман - за положительный ответ Косыгину. Раек, У.Ростоу, У.Банди - против.

Такой ответ Вашингтона еще более охладил посреднический пыл Москвы. Переговоры в Париже продолжались без всякого успеха.

Но в советско-американских отношениях произошел некоторый сдвиг. 22 апреля в госдепартаменте состоялась церемония подписания соглашения о спасении космонавтов. Сотрудничество в космосе развивалось успешнее, чем сотрудничество на земле.

Как Хэмфри охотился на кабана в СССР

Во время приема дипкорпуса в Белом доме 23 апреля Хэмфри доверительно сообщил мне, что „решил попытать счастья" в борьбе за пост президента и что вскоре объявит об этом. Он сказал далее, что всегда считал советско-американские отношения важнейшим фактором, влияющим на судьбы войны и мира, и что он стремится в силу своих возможностей улучшить эти отношения. „Я буду и дальше руководствоваться этим, о чем Вы можете сообщить в Москву своему правительству".

Через несколько дней советское руководство передало ему через меня негласные пожелания успехов в борьбе за пост президента. В Москве считали, что он, пожалуй, был бы лучшим президентом в этот момент для советско-американских отношений.

Во время беседы Хэмфри с удовольствием и юмором вспомнил свою поездку в СССР и охоту там. В разговоре с нашим министром обороны Гречко он упомянул, что любит охотиться. Гречко, который сам был заядлым охотником, тут же пригласил Хэмфри вместе поохотиться на кабана накануне его возвращения в Вашингтон. Тот согласился.

Дальнейший ход событий я описываю со слов самого Хэмфри. Когда он приехал в охотничий домик, то Гречко повел его ужинать. За ужином он стал предлагать тосты - каждый раз „до дна" - за здоровье президента Джонсона, затем Брежнева, за здоровье их жен, их министров, за улучшение советско-американских отношений, за успех охоты и другие „охотничьи тосты". Короче, они провели „серьезную подготовку" к охоте. А дальше Хэмфри помнил лишь одно: сопровождавшие Гречко генералы на вытянутых руках торжественно отнесли его в спальню „немного отдохнуть перед охотой".

Когда Хэмфри проснулся, было уже утро следующего дня, и ему торжественно вручили трофей: чучело головы большого кабана, которого „он и Гречко убили накануне". Этот „трофей" был затем доставлен на самолет Хэмфри.

Так что в наших отношениях с США были не только периоды напряженности, но случались и моменты взаимного расслабления.

Договоренности о сдерживании гонки ядерных вооружений

К середине 1968 года многолетние переговоры, связанные с разработкой Договора о нераспространении ядерного оружия, наконец закончились успешно. Договор был открыт для подписания 1 июля в столицах трех стран-депозитариев - СССР, США и Великобритании.

В Вашингтоне он был подписан госсекретарем Раском, советским и английским послами, а также послами более пятидесяти стран. Церемония проходила в торжественной обстановке в Белом доме в присутствии президента, высших чинов администрации, членов конгресса и прессы. К концу года договор подписали 83 государства. Однако, несмотря на все усилия Джонсона, сенат не ратифицировал этот договор при нем из-за чехословацких событий. Это было сделано лишь при Никсоне.

Согласно договору, страны, не имевшие ядерного оружия, брали на себя обязательство не производить и не получать его от других стран; одновременно им был обещан полный доступ к выгодам использования ядерной энергии в мирных целях. Ядерные страны брали обязательство работать в направлении эффективного контроля над ядерным оружием и разоружением.

Договор о нераспространении ядерного оружия явился и продолжает оставаться одним из основополагающих соглашений ядерного века, направленных на снижение возможностей возникновения ядерных войн.

День 1 июля ознаменовался еще одним важным событием.

После подписания указанного выше договора президент отдельно сделал важное официальное сообщение о советско-американской договоренности начать обмен мнениями по вопросу о сдерживании гонки ядерных вооружений. „Между правительствами СССР и США, - заявил он, - достигнута договоренность приступить к обсуждению вопроса об ограничении и сокращении как систем доставки наступательного стратегического ядерного оружия, так и систем обороны против баллистических ракет".

К сожалению, в силу ряда причин этот кардинальный вопрос так и не получил своего дальнейшего практического развития при президенте Джонсоне. Однако объявленная договоренность явилась важным начальным шагом к длительным, трудным советско-американским переговорам по сокращению ядерных вооружений уже при других президентах, что в конечном счете увенчалось крупными договоренностями в конце 80-х и начале 90-х годов.

Президент предлагает новую встречу с Косыгиным

Интересно, что после своего заявления о том, что он не будет переизбираться в президенты, Джонсон стал активно проявлять желание встретиться с Косыгиным. На следующий же день после подписания договора о нераспространении ядерного оружия Раек передал через меня конфиденциальное пожелание президента о встрече с советским премьером (не обязательно на территории СССР).

Я сказал госсекретарю, что о предложении президента будет, разумеется, доложено Косыгину. Но сам я не был уверен, что такое предложение заинтересует Москву.

Советское правительство действительно не торопилось с ответом. Дело в том, что Джонсон был уходящим президентом, и каких-либо важных договоренностей уже нельзя было достичь. Да и не были готовы никакие договоренности по крупным вопросам. Кроме того, Брежнев - и это было важным фактором - не хотел, чтобы Косыгин приобрел дополнительный международный авторитет. В результате Москва тянула с ответом: не желала давать прямо отрицательный ответ, но и не стремилась к такой встрече. Поэтому сложилась неудобная и двусмысленная ситуация. Раек все чаще спрашивал, нет ли ответа от Косыгина, а мне приходилось говорить: „Нет".

Тем временем к нам негласно обратился Никсон с просьбой принять его в Москве после съезда республиканской партии. Решено было принять его.

Одновременно мне было поручено информировать Джонсона и Хэмфри о предстоящем нашем позитивном ответе Никсону. Это и было сделано через Раска.

Раек мрачновато заметил, что если в Москве готовы принять Никсона „еще не президента", то, может быть, там теперь согласятся все же встретиться с президентом США. Добавив, что он „шутит", Раек сказал, что Джонсон действительно серьезно настроен на этот счет. По мнению президента, во время такой встречи, например, в Женеве или Ленинграде, можно было бы обсудить некоторые наиболее важные международные проблемы, требующие своего решения. Раек попросил позвонить ему лично „в любое время на работу или домой", когда будет получен ответ из Москвы на обращение президента.

Дней через десять Раек вновь поинтересовался, нет ли ответа „на весьма важное и конфиденциальное обращение" президента относительно встречи с советскими руководителями. Не скрывая своего неудовольствия, он заметил, что прошло более двух недель, а Москва не отвечает „хотя бы в порядке вежливости". Чувствовалось, что администрация всерьез настроилась навстречу.

Сообщив в Москву о новом обращении Раска, я отметил, что нужен какой-то ответ, ибо мы ставим под угрозу личные отношения с президентом Джонсоном, который будет еще находиться у власти более полугода.

25 июля передал Раску послание Косыгина Джонсону о начале переговоров по ядерным вооружениям. Полагаем, говорилось в послании, что в пределах одного-полутора месяцев нашим представителям можно было бы приступить к обмену мнениями по этому вопросу.

Раек снова спросил: „Ну, а как же все-таки о нашем основном вопросе? Можно ли что-либо сообщить президенту Джонсону?" Я ответил, что у меня пока нет каких-либо указаний из Москвы на этот счет:

Госсекретарь рассказал, что во время недавней встречи с Джонсоном Никсон „под большим секретом" сообщил президенту о своем намерении посетить Москву. Тот ответил, что это хорошая идея. Раек саркастически добавил, что Джонсон был доволен хотя бы тем обстоятельством, что он сам впервые узнал об этом от Советского правительства, а не от Никсона.

Тем временем Фостер неофициально сообщил, что на первой стадии советско-американских переговоров по стратегическим системам оружия делегацию США хотел бы возглавить лично Джонсон. Президенту явно хочется поднять свой международный престиж. Госдепартамент же сомневается в целесообразности личного участия президента.

15 августа Раек снова напомнил, что они все еще ждут от нас ответа на конфиденциальное пожелание президента о возможной его встрече с советским премьером и советским руководством в Советском Союзе или другом месте.

Я послал новую телеграмму в Москву, позволив себе добавить, что наше молчание становится просто неприличным, не вписывается в рамки нормальных дипломатических отношений.

Через день, наконец, пришел положительный ответ - Джонсона приглашали приехать в Москву. Об этом я сообщил Раску.

Чехословацкий кризис

Утром 20 августа я получил срочное указание из Москвы встретиться с президентом Джонсоном в связи со вступлением войск стран Варшавского договора в Чехословакию и дать соответствующие разъяснения от имени Советского правительства. Положение осложнялось тем, что это был выходной день, и встречу с президентом было не так просто организовать в тот же день. К тому же, указаниями предусматривалось, чтобы моя встреча с президентом состоялась в промежутке между 6 и 8 часами вечера (это было связано с графиком вступления войск).

Подумав, я решил не прибегать к обычной процедуре, когда возникала необходимость встретиться с президентом, что неизбежно затянуло бы все дело (особенно в воскресенье), а напрямую обратиться в Белый дом к самому президенту. Вспомнив, что у меня был личный телефон президента, который он мне сам дал некоторое время тому назад „на случай необходимости", я позвонил прямо ему.

Он сразу же дал согласие на встречу, предложив прийти к нему в 12 часов дня, не уточняя, о чем я собираюсь говорить с ним. Так как я был связан переданным мне „графиком", то я попросил принять меня после 6 часов вечера, мотивировав это необходимостью перевести на английский язык послание на его имя. Он согласился (надо сказать, что все послания из Москвы для Вашингтона переводились в посольстве на английский язык и вручались адресатам вместе с подлинником на русском языке. Это позволяло уделить больше времени беседам с Джонсоном или Раском, которые к тому же проходили, как правило, без переводчика).

В 8 часов вечера (по вашингтонскому времени) я посетил Джонсона в Белом доме. Он принял меня в кабинете, где обычно заседает правительство. За длинным полированным столом мы сидели вдвоем, друг против друга; поодаль молча сидел его помощник У.Ростоу. Больше никого.

Джонсон начал разговор с воспоминаний о встрече в Гласборо, о которой он только что видел цветной фильм. Он с удовольствием отметил дружественный прием, оказанный участникам встречи местными жителями. Затем мы перешли к серьезному разговору.

В устной форме, в соответствии с указаниями из Москвы, я сообщил президенту:

„Советское правительство считает необходимым информировать лично президента Джонсона о следующем.

В связи с дальнейшим обострением обстановки, которое произошло вследствие заговора внешней и внутренней реакции против существующего в Чехословакии общественного строя, правительство ЧССР обратилось к союзным государствам, в

том числе и к Советскому правительству, с просьбой об оказании непосредственной помощи, включая помощь вооруженными силами.

Советское правительство неоднократно заявляло, что события в Чехословакии и вокруг нее затрагивают жизненные интересы СССР и ряда других стран, связанных соответствующими договорными обязательствами и что угроза социалистическому строю в Чехословакии представляет собой вместе с тем угрозу устоям европейского мира и международной безопасности.

Ввиду этого Советское правительство и правительства союзных стран приняли совместно решение удовлетворить просьбу правительства ЧССР об оказании братскому чехословацкому народу необходимой помощи. Соответственно советские воинские подразделения получили указание вступить на территорию Чехословакии. Разумеется, они будут незамедлительно выведены с территории ЧССР, как только создавшаяся угроза безопасности будет устранена.

Мы хотели бы, чтобы президент Джонсон знал, что наши шаги, предпринимаемые по просьбе чехословацкого правительства, продиктованы всецело заботой об укреплении мира и ни в коей мере не затрагивают государственные интересы США или любого другого государства. Мы исходим из того, что происходящие события не должны нанести ущерба советско-американским отношениям, развитию которых Советское правительство, как и прежде, придает большое значение".

Президент Джонсон внимательно выслушал сделанное мною сообщение, однако, видимо, не сразу оценил важность случившегося, так как, к моему удивлению, никак не реагировал на такое известие. Он лишь поблагодарил за сообщение и сказал, что, видимо, завтра утром он обсудит с Раском и некоторыми другими советниками это сообщение, и в случае необходимости нам будет дан ответ.

Затем Джонсон перешел к другому, больше интересовавшему его вопросу. Он сказал, что ожидает нашего ответа относительно возможности опубликования завтра в 10 часов утра по вашингтонскому времени сообщения о своем визите в Советский Союз, о чем пару дней назад достигнуто принципиальное согласие.

Президент добавил, что он уже пригласил некоторых своих друзей на завтрак в Белый дом с тем, чтобы сделать затем перед корреспондентами важное сообщение о своем визите. Джонсон просил дать ему ответ не позже утра (8-9 часов) с тем, чтобы он все же смог успеть сделать это сообщение.

Оживленный Джонсон далее сказал, что он придает большое значение своей предстоящей встрече с советскими руководителями и надеется обсудить с ними ряд важных вопросов, включая Вьетнам и Ближний Восток. Джонсон заметил при этом, что ныне он „будет более свободен в своих действиях", надеется на определенные результаты от этой встречи.

Президент предложил затем выпить виски (я был готов в этот момент выпить что угодно) и стал рассказывать разные занимательные эпизоды из истории Техаса, на что он был большой мастер.

Президент явно не придал большого значения трагическим событиям вокруг Чехословакии, сделав в нашей беседе основной упор на свою предстоящую поездку в СССР. Но Уолт Ростоу, который был единственным свидетелем этой встречи, наоборот, сидел „мрачнее тучи", хотя и не пытался перебивать президента.

Джонсон тепло попрощался со мной, напомнив еще раз, что он ждет нашего ответа насчет завтрашнего объявления о его визите в СССР.

Доложив в Москву о встрече с президентом, я порекомендовал срочно дать положительный ответ на его обращение, хотя от себя и добавил, что

Раек и Ростоу, несомненно, сделают все, чтобы быстро убедить президента переоценить ситуацию.

Члены Политбюро совсем не ожидали такой „мирной" реакции президента и сразу же высказались за то, чтобы согласиться с публикацией сообщения о его поездке в СССР. Буквально через несколько часов я получил это согласие. Однако события развивались еще быстрее.

Поздно ночью того же дня меня пригласил к себе госсекретарь Раек. Он сказал, что только что вернулся с совещания в Белом доме и что президент просил через меня передать Советскому правительству следующий ответ:

„Мы получили Ваше сообщение с большой озабоченностью. В нем есть несколько пунктов, которые нас озадачили, поскольку у нас нет адекватной информации. Во-первых, нам непонятна ссылка на просьбу правительства Чехословакии в свете радиопередачи из Праги, в которой говорится, что силы Варшавского пакта вступают в Чехословакию без ведома президента Чехословакии, президента Национального собрания, премьера и председателя Компартии Чехословакии. Во-вторых, нам непонятна ссылка на внешние силы агрессии, выступающие против существующего порядка в Чехословакии. У нас нет никакой информации, которая подтверждала бы мысль о том, что какая-либо несоциалистическая страна была, или сейчас вовлечена в это, или замышляет какую-то агрессию против Чехословакии.

Наконец, мы чувствуем, что должны еще раз взвесить вопрос об объявлении относительно возможной встречи между нашими лидерами, и мы свяжемся с Вами по этому вопросу".

Раек зачитал это сообщение по имевшимся у него рукописным заметкам. Он добавил затем, что последняя часть (о встрече лидеров) касается лишь вопроса о возможности объявления о такой встрече, но что это не является изменением позиции правительства США в отношении самой такой встречи.

Самым важным в этом ответе было то, что Джонсон, несмотря на последние события, все еще надеялся на встречу в Москве!

В целом Раек держался довольно спокойно, но ясно было видно, что он совсем не одобряет нашу акцию в Чехословакии и сделает все, чтобы убедить в этом и президента Джонсона.

23 августа я снова посетил Раска по его приглашению. В неофициальном плане он расспрашивал „об истинных причинах" ввода войск в Чехословакию, который, как признал госсекретарь, явился для них полной неожиданностью. Раек заметил, что, когда у президента обсуждалось раньше положение в Чехословакии, он „был готов даже держать пари", что СССР не введет свои войска.

Затем он довольно неожиданно спросил: „Не стоит ли сейчас на очереди Румыния? Это было бы *уж* слишком много, и американское общественное мнение было бы тогда трудно контролировать". Раек сообщил, что сегодня президент собрал около 20 лидеров конгресса. „Президенту пришлось нелегко на этом совещании", его критиковали за мягкость реакции.

Президент Джонсон, продолжал Раек, с самого начала своего президентства - возможно, этому далеко не всегда верили в Москве -стремился („такая у него была и осталась навязчивая идея") к тому, чтобы заметным образом улучшить отношения с СССР. В последнее время он уделял большое внимание вопросу ограничения гонки ядерных вооружений и соответствующим переговорам с СССР, будучи убежденным, что это является- сейчас и на ближайшие 5-10 лет самой важной проблемой.

Президент всегда придавал особое значение возможности личной встречи с советскими руководителями. Он по-прежнему придерживается этой точки зрения.

Однако, подчеркнул Раек, сейчас в свете чехословацких событий, если говорить откровенно, мы толком не знаем, каковы перспективы наших отношений с СССР, и эта неопределенность беспокоит президента. С учетом реакции в мире и в самих США возможность продвижения вперед в названных выше вопросах сейчас затруднена. Президент вынужден считаться с общественным мнением своей страны, которое не поняло и не приняло бы каких-либо шагов президента в упомянутом направлении. В результате у президента и у правительства США не остается сейчас ничего иного, как сидеть и ждать развития событий в надежде, что все как-то образуется, иначе все намерения президента так и останутся намерениями, так как до конца пребывания администрации Джонсона у власти осталось не так уж много времени.

В целом беседа с Раском показала, что администрация Джонсона проявляла известную растерянность в связи с чехословацкими событиями.

Надо сказать, что спекуляции на Западе в отношении возможного советского вторжения в Румынию были вызваны в основном ее отказом принять участие в совместной акции стран Варшавского договора против Чехословакии. В Москве действительно были сильно раздражены поведением Чаушеску и даже пошли на демонстративное передвижение советских войск недалеко от границ с Румынией. Однако всерьез вопрос о вторжении в Румынию в Москве не стоял, ибо стабильность коммунистического режима там не вызывала беспокойства.

По свидетельству американского обозревателя Дрю Пирсона, на совещании президента с лидерами конгресса по поводу курса действий США в связи с вводом советских войск в Чехословакию Джонсон, рассерженный критикой в адрес правительства, воскликнул: „Вы что предлагаете, послать туда американские войска?" Он твердо заявил конгрессменам, что у США нет возможности, да правительство и не намерено предпринимать какие-либо далекоидущие шаги - помимо пропагандистских средств - в чехословацком вопросе, тем более военных мер, о которых „не может быть и речи". В результате довольно бурная встреча у президента закончилась безрезультатно.

27 августа Томпсон доверительно информировал меня о совещании у президента с участием начальников штабов. Было еще раз подтверждено, что США не будут реагировать военным путем на события в Чехословакии. Решили также не делать никаких дополнительных официальных заявлений с позиции правительства, помимо того, что уже заявлено было Джонсоном и Раском. Президент, по словам Томпсона, бросил в этой связи даже полушутливую реплику, что, мол, „надеемся, что в Москве оценят, что мы не очень задираемся".

28 августа Раек срочно вызвал меня к себе и заявил, что в течение последних суток они отмечают необычное движение советских войск у границ Румынии. Эти и другие факты вновь наводят американское правительство на мысль о готовящемся вступлении советских войск в Румынию. Сославшись на срочное поручение Джонсона, который звонил со своего ранчо, он с несвойственной ему эмоциональностью заявил для передачи Советскому правительству следующее: „Во имя всего человечества мы просим вас не делать этого, ибо последствия было бы трудно предвидеть.

Мы надеемся также, что сейчас не будут предприняты какие-либо меры или попытки в отношении Западного Берлина, что могло бы вызвать крупный международный кризис, который мы хотим всячески избежать. Все это было бы катастрофой для советско-американских отношений и для всего мира!"

По поведению Раска было ясно видно, что администрация действительно опасается новых акций СССР. Я посоветовал Москве дать срочный ответ, чтобы не доводить советско-американские отношения до опасного напряжения.

31 августа я посетил Раска поздно вечером дома (он жил в скромном арендованном коттедже) и передал ответ Советского правительства, в котором говорилось что „информация о предстоящем вступлении советских войск в Румынию подбрасывается правительству США определенными кругами и она не соответствует действительности. То же относится полностью и к вопросу о Западном Берлине".

Раек с заметным облегчением воспринял это сообщение.

Постепенно острота кризиса вокруг Чехословакии стала спадать. Однако вторжение в эту дружественную страну обошлось нам в политическом и моральном отношении очень дорого, и не только за рубежом, но и у себя дома.

Вместе с тем события вокруг Чехословакии ясно показали, что Запад не готов вмешиваться вооруженным путем в события в странах Варшавского договора, особенно в разгар войны во Вьетнаме, которая деформировала в глазах общественности на Западе роль нравственных критериев в политике. Появились даже спекуляции о наличии так называемой „доктрины Брежнева". Хотя такая доктрина официально не провозглашалась и не упоминалась в Москве, суть ее правильно отражала тогдашнее настроение правящих кругов СССР.

Относительно слабая реакция Запада на вторжение в Чехословакию сыграла свою роль через 10 лет, когда в Кремле решался вопрос о новом вторжении, на этот раз в Афганистан.

Вопрос о стратегических вооружениях

После несостоявшегося в Гласборо обсуждения стратегических вооружений снова наступила довольно длительная пауза - до весны 1968 года. Тем временем в советском руководстве зрели настроения в пользу возобновления такого диалога. 28 июня Громыко на сессии Верховного Совета СССР прямо заявил о нашей готовности обсудить возможные ограничения и последующие сокращения стратегических средств доставки ядерного оружия - как наступательного, так и оборонительного, включая противоракеты. Первого июля американской стороне была передана официальная памятная записка в этой связи. В тот же день, как уже отмечалось, президент Джонсон публично подтвердил готовность правительства США вступить в такие переговоры. Однако, как я писал выше, печальные события в Чехословакии торпедировали начало таких переговоров. Правда, в последние два месяца своего пребывания у власти Джонсон вновь попытался все же осуществить встречу, но Никсон, только что победивший на выборах, этому воспрепятствовал, а следовательно, и начало переговоров по стратегическим вооружениям было вновь отложено.

Тем временем стратегические вооружения претерпевали важные качественные изменения, которые стали достоянием общественности лишь значительно позже.

Помимо систем ПРО, как-то неожиданно на поверхность вышло новое стратегическое оружие - ракеты с разделяющимися головными частями (РГЧ), каждая из которых независимо друг от друга нацеливалась на разные объекты противника. Таким образом, одна стратегическая ракета заменяла несколько стратегических ракет, что резко увеличивало мощь наступательных средств.

Наступал качественно новый этап в гонке стратегических вооружений, а он осложнял обсуждение вопроса об ограничении гонки стратегических вооружений, которое впоследствии вылилось в процесс переговоров под названием ОСВ.

В тот период политическое руководство обеих стран стремилось еще хотя бы немного притормозить дорогостоящую гонку вооружений. Советская сторона при этом опасалась, как бы США, имея более мощную техническую базу, не вырвались сильно вперед в создании новых ракет.

Правительство Джонсона столкнулось с серьезной оппозицией переговорам среди высшего военного руководства, для которого сама идея сотрудничества с СССР в области ограничения стратегических вооружений вообще была малоприемлемой. Помимо вопроса о том, как контролировать такое соглашение, ключевыми вопросами были принципиальные ограничения на ПРО и на проведение испытаний новых ракет с РГЧ еще до начала каких-либо договоренностей. Военные спешили. По существу, начальники штабов выступили перед Джонсоном с требованием: не ограничивать развитие военных технологий, а обсуждать лишь количественные ограничения. Президент фактически одобрил эту позицию, которая долгое время лежала в основе американского подхода к ограничению ядерных вооружений.

Так получилось, что США начали испытывать свои новые ракеты с РГЧ „Посейдон" и „Минитмен" за несколько дней до чехословацких событий. Через некоторое время и СССР испытал свою ракету 58-9 с тремя головными частями. Началась эра ракет с разделяющимися боеголовками. Понадобилось 25 лет, пока США и Россия признали в 1993 году всю абсурдность наращивания таких ракет, сильно дестабилизирующих стратегическую обстановку, и необходимость возврата к моноблочным системам. Так замкнулся дорогостоящий и опасный виток этого вида стратегических вооружений. Кто знает, не упустили ли мы возможность в Гласборо, а затем и в связи с несостоявшейся новой встречей с Джонсоном возможность предотвратить такое развитие событий?

Москва доверительно предлагает Хэмфри свою помощь против Никсона. Джонсон по-прежнему за встречу

На съезде демократической партии Хэмфри был избран официальным кандидатом партии на пост президента США.

В конце августа Хэмфри в частном порядке пожаловался мне, что не получает никакой поддержки со стороны Джонсона, который провозгласил „нейтралитет" в предвыборной кампании. В то же время своим поведением Джонсон не дает Хэмфри возможности занять более гибкую позицию во

вьетнамском вопросе. „Я даже не знаю, кого Джонсон больше хочет видеть следующим президентом - Никсона или меня!" - саркастически заметил Хэмфри. Он не скрывал своей тревоги, что принадлежность его к администрации Джонсона может отрицательно сказаться на выборах прежде всего из-за Вьетнама.

Хэмфри негласно предложил брату покойного президента Эдварду Кеннеди баллотироваться вместе с ним, на пост вице-президента, но последний отказался.

Надо сказать, что в Москве были серьезно встревожены перспективой прихода к власти Никсона, который считался опасным антисоветчиком. Кандидатура Хэмфри на пост президента выглядела гораздо предпочтительней. Этот вопрос специально обсуждался в Кремле. В результате советское руководство пошло на необычный (и единственный в истории отношений с США) шаг - приняло решение напрямую обратиться к Хэмфри с негласным предложением оказать ему любую возможную помощь (включая финансовую) с целью избрания его президентом США.

Получив соответствующее сверхсекретное поручение лично от Громыко, я попытался отговорить министра от подобной крайне опасной затеи. Однако он был немногословен: „Есть такое решение - выполняйте его".

Так получилось, что вскоре мне довелось побывать у Хэмфри дома на завтраке. Естественно, речь зашла о ходе избирательной кампании. Воспользовавшись этим, я постарался самым деликатным образом выполнить данное мне поручение.

Хэмфри, умница, с первых же слов понял, в чем тут дело, и сразу же сказал, что для него вполне достаточно добрых пожеланий из Москвы, которые он ценит.

На этом разговор на эту тему, к нашему взаимному облегчению, закончился и больше не возобновлялся.

В Москве существовало мнение, что после событий в Чехословакии Джонсон откажется от поездки в Москву. 9 сентября я ужинал у помощника президента по национальной безопасности У.Ростоу. К некоторому моему удивлению, он сразу же стал развивать мысль о том, что Джонсон по-прежнему хочет встречи с советским руководством, но из-за шумихи вокруг чехословацких событии уже недостаточен просто факт встречи на высшем уровне. Нужен какой-нибудь успех на этой встрече. Президент, сказал он, даже лично продиктовал ему некоторые свои мысли, выраженные вслух: Джонсон хочет начать советско-американские переговоры по ракетным системам и на встрече с Косыгиным обменяться мнениями по этому вопросу. Только в том случае, если посол Добрынин позитивно оценивает шансы на продуктивную встречу, президент готов будет обсудить вопрос о встрече на высшем уровне. И, наконец, если Советский Союз не находит сейчас возможным иметь дело с Джонсоном, в смысле организации такой встречи, то это „можно будет понять".

В конце продолжительной беседы Ростоу прямо сказал, что президент Джонсон хотел бы сперва узнать в принципе мнение Советского правительства: считает ли оно само возможным сейчас достижение на этой встрече какого-либо успеха, имея в виду прежде всего какую-то из трех проблем: ракетные системы, положение на Ближнем Востоке и вьетнамский вопрос (так администрация Джонсона определяла наиболее важные вопросы наших взаимоотношений на тот период).

Я заметил собеседнику, что названные им вопросы, конечно, представляют значительный интерес, но что в целом сказанное им, по существу, звучит как выдвижение американской стороной предварительных условий или стремление получить от нас заранее заверения в успехе встречи. Вряд ли это наиболее продуктивный путь. Встречу надо заранее тщательно подготовить, тогда можно говорить о конкретных результатах.

Ростоу ограничился повторением „основной мысли" президента: Джонсон хочет, чтобы встреча с Косыгиным, если она состоится, была отмечена определенной степенью прогресса. Тогда она будет иметь большое политическое звучание и внутри США, иначе Никсон раскритикует встречу как предвыборный пропагандистский трюк президента-демократа. Ростоу добавил, что пока никто, даже Раек, не в курсе нашего разговора.

На другой день Ростоу позвонил и сказал, что президент поручил вести все это дело дальше Раску. Видимо, Джонсон не очень-то доверял дипломатическому искусству самого Ростоу.

13 сентября пришел ответ из Москвы на сообщение о разговоре с Ростоу. Поскольку Раска не было в это время в Вашингтоне, я передал ответ через Ростоу. В нем говорилось, что в Москве по-прежнему положительно относятся к идее встречи с президентом. Для советской стороны также небезразлично, как завершится эта встреча. Она согласна обсудить названные три вопроса (при этом излагались примерные контуры для обмена мнениями по трем вопросам), а также, возможно, и другие.

Когда мы беседовали, позвонил президент. Узнав, что я у Ростоу, он выразил желание переговорить со мной. Услышав суть ответа, президент просил передать в Москву его благодарность за быстрый ответ. Он подтвердил свое стремление к встрече.

После этого Джонсон не поднимал этот вопрос целый месяц. Чувствовалось, что в администрации все еще продолжалась дискуссия на эту тему. 14 октября Раек неофициально сказал мне, что президент пока не принял для себя окончательного решения' относительно встречи на высшем уровне, ибо с ней связан большой комплекс сложных проблем. Раек считал, что вопрос о встрече практически исключен до президентских выборов. Он не скрывал своего мнения, что проводить такую встречу вообще уже поздно.

Внешнеполитическая доктрина СССР

Внешнеполитическая доктрина как таковая специально не разрабатывалась правительством СССР. Наиболее близко подходили к ней, когда готовились к очередному съезду партии. В этот период в Политбюро обсуждали тезисы предстоящего отчетного доклада Генерального секретаря и проекта резолюции съезда.

Однако время от времени, в наиболее ответственные моменты, возникала необходимость проанализировать складывавшуюся международную ситуацию. В таких случаях МИД готовил специальный аналитический документ, который обсуждался затем в Политбюро и в случае одобрения становился директивным документом в области внешней политики на ближайший период.

16 сентября 1968 года Громыко направил в Политбюро обширную аналитическую записку МИД „Оценка внешнеполитического курса и состояния

советско-американских отношений". В записке во многом повторялись тезисы уже упоминавшейся аналогичной записки от января 1967 года. Однако эта записка представляет значительный интерес тем, что в ней, пожалуй, впервые за многие годы была четко сформулирована, по существу, „внешнеполитическая доктрина СССР".

В записке впервые излагались такие новые предложения, как создание в перспективе конфедерации социалистических стран Европы; оказание помощи национально-освободительным движениям, но - с оговоркой - соразмерно нашим возможностям; целесообразность строительства отношений с развивающимися странами на принципах выгоды для СССР; необходимость - как и США - быть сильным в международном плане прежде всего своим внутренним положением; целесообразность планомерной и целенаправленной подготовки к широкому диалогу с США.

Оценка охватывала основные направления, которые определяли и рамки советско-американских отношений применительно к каждому отдельному историческому отрезку, и формулировалась следующим образом:

„а) Главное направление внешней политики СССР сейчас - это укрепление содружества социалистических государств и развитие разностороннего, все углубляющегося сотрудничества между СССР и братскими социалистическими странами. Обстановка диктует необходимость добиться интеграции стран социалистического содружества, не менее широкой и основательной, чем имеет Запад в системе многосторонних организаций, связанных с НАТО или примыкающих к ней (общий рынок, парламентские объединения и пр.). Надо идти поэтапно и неформально к конфедерации де-факто - такова цель, которую нельзя не иметь в виду странам социалистического содружества при складывающейся мировой исторической обстановке. Со стороны США не следует ожидать в этой связи акций, влекущих серьезное напряжение международной обстановки (вопрос об интеграции соцстран и особенно об их конфедерации - как направление дальнейшей политики - впервые так отчетливо ставился советским руководством, но делалось это негласно; история, однако, зло подшутила над этими замыслами, когда через двадцать с лишним лет сам Советский Союз как единое государство перестал существовать; правда, интеграция - но уже в более скромных рамках СНГ - сейчас снова вышла на передний план российской политики. - А.Д.).

б) Последовательное продолжение усилий в целях обеспечения наиболее благоприятных условий для строительства коммунизма. Сюда, в частности, относятся меры, направленные на притормаживание гонки вооружений и т. п.

в) Соразмерная нашим возможностям помощь национально-освободительным движениям. Борьба с неоколониализмом. Что касается экономических отношений с развивающимися странами, то их целесообразно строить на основе принципа выгоды для СССР. Строгое соблюдение нами этого принципа для подобных двусторонних связей определяется тем, что СССР может и дальше быть силен в международном плане, прежде всего именно своим домом, и на этой основе осуществлять свою глобальную внешнюю политику.

г) О нашей линии в отношениях с США. В политической жизни США наблюдается в условиях войны во Вьетнаме и известного обострения обстановки в Европе в связи с чехословацкими событиями, рост милитаристских и реакционных сил, что сопряжено с опасностью дальнейшего усиления агрессивности в американской внешней политике. Одновременно внутри США укрепляется и понимание того, что развитие современной международной жизни ставит определенные пределы возможностям США, особенно в тех вопросах, где прямо или косвенно сталкиваются широкие советско-американские интересы.

Развитие наших государственных отношений с США требует поэтому и впредь сочетания необходимой твердости и гибкости при проведении политики поддержания силы и активного использования средств дипломатического маневрирования. Военные опасности существуют, но отсутствует фатальная неизбежность ракетно-ядерной войны.

Чехословацкие события воспринимаются руководящими кругами в США как основание для развертывания политической и идеологической работы против СССР с целью нанесения урона международному престижу нашей страны и ее внешней политике, а также для подрыва позиций компартий в капиталистических странах. С другой стороны решимость, с которой Советский Союз действовал в вопросах Чехословакии, вынудила американских руководителей более трезво взвешивать свои возможности в этом районе и вновь убедила в решимости руководства нашей страны, когда речь заходит об отстаивании жизненных интересов СССР.

...Вместе с тем советско-американский диалог 1961-1963 годов не был исторической случайностью; причины, вызвавшие его, остаются в силе и теперь. Поэтому при известных условиях диалог может быть возобновлен, и даже по более широкому кругу вопросов. Подготовка к этому должна быть уже сейчас планомерной и целенаправленной".

Этот важный директивный документ был утвержден Политбюро для руководства на будущее.

Никсон избран президентом. Неудача последних попыток Джонсона организовать встречу

В начале ноября президентом США был избран Никсон. Хэмфри проиграл незначительным числом голосов. Связь с Джонсоном, с его крайне непопулярной войной во Вьетнаме оказалась для него роковой.

24 ноября меня пригласил на ужин помощник Никсона Р.Элсворт. Он сообщил, что Никсон поручил ему связаться со мной и передать, что он уполномочивает Элсворта поддерживать в дальнейшем конфиденциальную связь с советским послом по вопросам, которые могут интересовать Никсона и советских руководителей. Хотя Никсон официально и не является еще президентом и понимает деликатность ситуации, но он хочет уже сейчас „иметь готовый" конфиденциальный канал связи с Москвой „на всякий случай" для возможного обмена мнениями по различным вопросам, а затем и официального обсуждения после его прихода в Белый дом. Чувствовалось, что сам Элсворт гордился возложенной на него миссией и в то же время немного опасался связанной с этим ответственности.

Элсворт подчеркнул, что заявление Никсона в Майами на съезде республиканской партии (где он был избран кандидатом в президенты от партии) о том, что в отношениях США с СССР „после эры конфронтации пришло время для эры переговоров", было сделано не в целях предвыборной кампании, а отражает существо подхода нового президента к советско-американским отношениям.

По его словам, Никсон знает о предстоящей поездке посла в Москву и поэтому поручил ему срочно связаться со мной. После возвращения посла можно было бы, по мнению Никсона, начать разговор по конкретным вопросам, а также конфиденциальный обмен мнениями между Никсоном и

советскими руководителями в виде устных посланий или переписки. Никсон хотел бы по возвращении посла получить более конкретные соображения советского руководства на этот счет. У Никсона вызывают озабоченность прежде всего Вьетнам и Ближний Восток. Интересуют его и проблемы разоружения. Он проявляет интерес и к положению в Чехословакии.

В связи с моей предстоящей поездкой в Москву Раек также выразил желание встретиться. Беседа состоялась 25 ноября. Он поднял вопрос о встрече на высшем уровне. По словам госсекретаря, Джонсон в беседах снова возвращается к вопросу о такой встрече. Он по-прежнему считает, что если такая встреча состоится (ориентировочно в середине декабря), то она должна завершиться позитивными результатами. На ней в первую очередь мог бы быть обсужден вопрос об ограничении гонки стратегических вооружений.

„Есть ли у Советского правительства уверенность на счет позитивных результатов встречи? - спросил Раек. - Что могла бы предпринять Москва для некоторого сдвига в вопросах Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии?"

Чувствовалось, что сам Раек по-прежнему скептически относится к идее столь запоздалой встречи.

Я сказал, что вопрос о встрече уже неоднократно обсуждался руководителями обеих стран и что вряд ли имеет смысл возвращаться к новому обсуждению.

Раек больше не затрагивал эту тему.

Много позднее из мемуаров Джонсона стало известно, что после ноябрьских выборов он пытался убедить Никсона совместно участвовать в советско-американской встрече на высшем уровне или послать на эту встречу свое доверенное лицо, чтобы быть в курсе деталей этой встречи. Однако Никсон уклонился от такого предложения.

2 декабря Никсон объявил о назначении Киссинджера на пост помощ ника президента по национальной безопасности. Москва заинтересовалась его личностью, но в тот момент посольство не могло сказать многого на этот счет.

Через несколько дней Элсворт снова пожелал встретиться со мной у него дома. Он сослался на „слухи" в Вашингтоне о возможной встрече Джонсона с советскими руководителями. По поручению Никсона, он хотел бы сообщить, что у избранного президента имеются серьезные возражения против этого. Он понимает положение так, что Джонсон сейчас руководствуется не интересами дела, а желанием возвысить свою роль в истории. От этого может быть только один вред. Никакой серьезной подготовки в вопросе об ограничении стратегических вооружений не может быть, поскольку нет уже времени. А встреча может породить большие надежды. И Никсону придется расплачиваться за последствия, порожденные нетерпением и разочарованием людей, введенных в заблуждение шумихой вокруг этой встречи. Джонсону осталось сидеть в Белом доме всего сорок дней, а Никсону - почти четыре года. То, что затевает Джонсон, может принести этому важному делу больше вреда, чем пользы! Что касается Никсона, то он, не проявляя такой поспешности, как Джонсон, подходит к этому вопросу положительно и серьезно. Никсон просит информировать Советское правительство об этом его мнении.

Через неделю Элсворту было передано для Никсона ответное сообщение из Москвы, в котором говорилось: „Поскольку, как выясняется, г-н Никсон,

видимо, не в курсе всех обстоятельств дела, мы хотели бы информировать его о том, что вопрос о желании президента Джонсона встретиться с советскими руководителями был поставлен по инициативе американской стороны в начале июня с. г.

Затем в середине сентября и вновь в конце ноября американская сторона опять же по своей инициативе вернулась к этому вопросу... Мы не руководствуемся конъюнктурными соображениями. Наше отношение к проблеме ограничения гонки стратегических вооружений самое серьезное. Мы готовы обсуждать этот вопрос".

Таким образом, ставилась окончательная точка на непоследовательных и нерешительных попытках Джонсона организовать в последний момент встречу на высшем уровне.

Так достаточно бесцветно заканчивалось президентство Джонсона. Война во Вьетнаме похоронила все его мечты о создании в США „великого общества", а морально-политический облик Америки подвергся серьезному испытанию даже в глазах ее собственных граждан.

Перед окончательным переездом Раска из Вашингтона в Атланту, где он собирался жить и преподавать в местном университете, я пригласил его на прощальный ужин к себе в посольство.

Раек приехал на подержанном автомобиле старой марки. С горькой иронией он сказал, что после 8 лет пребывания госсекретарем, когда в его распоряжении были все средства современного транспорта - от правительственных автомобилей до самолетов, - ему теперь приходится снова учиться водить автомобиль и самому заказывать билеты в аэропортах. Небольшая пенсия и отсутствие собственного состояния не позволяют ему нанимать секретаря и другой обслуживающий персонал. Чувствовалось, что ему нелегко давался переход с поста госсекретаря на положение частного гражданина. И дело тут было не только в материальном положении, но и в отходе от крупных и интересных государственных дел. В этом он сам признался мне, хотя и говорил, что устал от долгой работы госсекретарем.

Раек был настроен на философские размышления. Да, в период Кеннеди и Джонсона были ошибки во внешней политике США, и он сам в немалой степени несет за них ответственность. Во многом ему самому придется еще разобраться. Но что было, то было, и он не намерен искать оправданий. Пусть история сама судит о его деятельности.

Мой собеседник до конца оставался верен себе: он продолжал придерживаться своих взглядов, но не пытался навязывать их кому-либо или публично отстаивать их после ухода в отставку. Его личная порядочность никогда никем не ставилась под сомнение.

Я проводил его до дверей посольства. Глядя вслед уезжавшему старенькому автомобилю, я невольно подумал о превратностях судьбы и о таком символическом конце ушедшей администрации.

Много лет спустя я посетил в Техасе мемориальную библиотеку Джонсона. Бывшего президента уже не было в живых. Было немного печально и грустно рассматривать экспонаты музея, в которых видное место занимали фотографии и другие пожелтевшие от времени материалы, относившиеся к взлету, а затем и падению Линдона Джонсона. Чувствовалось, что библиотека хранила немало несбывшихся надежд покойного президента. Один из немногочисленных посетителей заметил задумчиво: „Человек умер с разбитым сердцем".

Джонсон и советско-американские отношения

Вашингтонский и вообще интеллектуальный „истэблишмент" США всегда относился к Джонсону с явным предубеждением. С точки зрения этих людей, он оставался техасским провинциалом, сохранившим, несмотря на долгие годы жизни в столице, привычки, манеру поведения и кругозор политика местного масштаба.

Один из близких советников Джонсона, Эрик Голдман, написал в своей книге „Трагедия Линдона Джонсона", что последний был нелюбимым президентом и что только однажды к нему было проявлено сочувствие, когда он объявил стране, что покидает президентский пост.

Надо сказать, что такая нелестная оценка Джонсона, судя по работам американских историков, широко распространена в США. Непопулярная война во Вьетнаме, которую он в значительной степени персонифицировал, и сложный, противоречивый характер самого президента сыграли свою роль.

В Советском Союзе имя Джонсона всегда ассоциировалось с американской вооруженной интервенцией во Вьетнаме, и этим предопределялось все. В остальном о нем было мало что известно, и он не вызывал большого интереса. В некотором смысле Джонсон до сих пор остается у нас полузабытой и как бы случайной политической фигурой в советско-американских отношениях. А как раз в этом контексте он оказался далеко не плохим президентом, во всяком случае не хуже Кеннеди, роль которого и в американской, и в советской историографии почти неизменно сопровождалась лестными эпитетами. Кто знает, если бы не вьетнамский конфликт, разрядка в советско-американских отношениях могла бы наступить уже при Джонсоне, еще до прихода в Белый дом Никсона.

Задолго до избрания его вице-президентом Джонсон, особенно в 50-е годы, был известен как убежденный сторонник политики с позиции силы в отношении Советского Союза.

Однако уже в ходе предвыборной борьбы с Голдуотером он, как прагматик, защищал такой курс политики, который бы предотвращал, а не усиливал угрозу ядерной войны, нормализовал, а не обострял отношения с Советским Союзом.

Став президентом и столкнувшись с реалиями международной жизни, с особенностями взаимоотношений двух великих ядерных держав, Джонсон пошел еще дальше - стремился по возможности отделить сферу советско-американских отношений, которые он готов был постепенно улучшать, от других областей международных отношений, чреватых осложнениями.

В самом деле, если продолжить сравнение практической политики Кеннеди и Джонсона, то нельзя не отметить, что в отличие от правительства Кеннеди в советско-американских отношениях при Джонсоне не было ни одного серьезного кризиса или конфликта: ни противостояния вокруг Берлина, ни демонстративного наращивания вооруженных сил обеих стран в Европе, ни кубинского кризиса. Даже чехословацкие события 1968 года прошли сравнительно спокойно.

При Джонсоне была достигнута договоренность и подписан важный международный Договор о нераспространении ядерного оружия, договоренность о невыводе ядерного оружия на околоземную орбиту. Был начат диалог об ограничении ПРО: Были подписаны также: советско-американская консульская конвенция; соглашение о прямом воздушном сооб-

щении между СССР и США; соглашение о спасении космонавтов; соглашение о сотрудничестве в области опреснения соленых вод, в том числе с использованием ядерной энергии; соглашение по рыболовству и др.

Правительство Джонсона внесло в конгресс предложения о предоставлении коммерческих кредитов и расширении торговли между США и большинством стран Восточной Европы. Однако они были отвергнуты республиканцами: в их позиции уже угадывались контуры стратегии „увязки" вопроса об улучшении двусторонних отношений между СССР и США с „поведением" Советского Союза на мировой арене. В целом, как не без гордости и справедливо отмечал сам президент Джонсон в своих мемуарах, с Москвой за период 1963-1969 годов было заключено разных соглашений больше, чем за все тридцать лет со дня установления дипломатических отношений между двумя странами.

Президент Джонсон достаточно позитивно относился к улучшению отношений с СССР, не срывался на откровенный антисоветизм, хотя инерция „холодной войны" продолжала довлеть над общим внешнеполитическим курсом США, найдя свое выражение, в частности, в наращивании темпов гонки стратегических вооружений и стремлении сокрушить сопротивлявшийся Вьетнам.

Терпя поражение в войне во Вьетнаме, которая велась Вашингтоном в рамках глобального противоборства США с социализмом, Джонсон стал смещать акценты. Сделав приоритетной задачей выход из войны без „потери лица", Джонсон стремился привлечь Советский Союз для оказания давления на другую социалистическую страну, ДРВ, чтобы она согласилась на американские условия урегулирования.

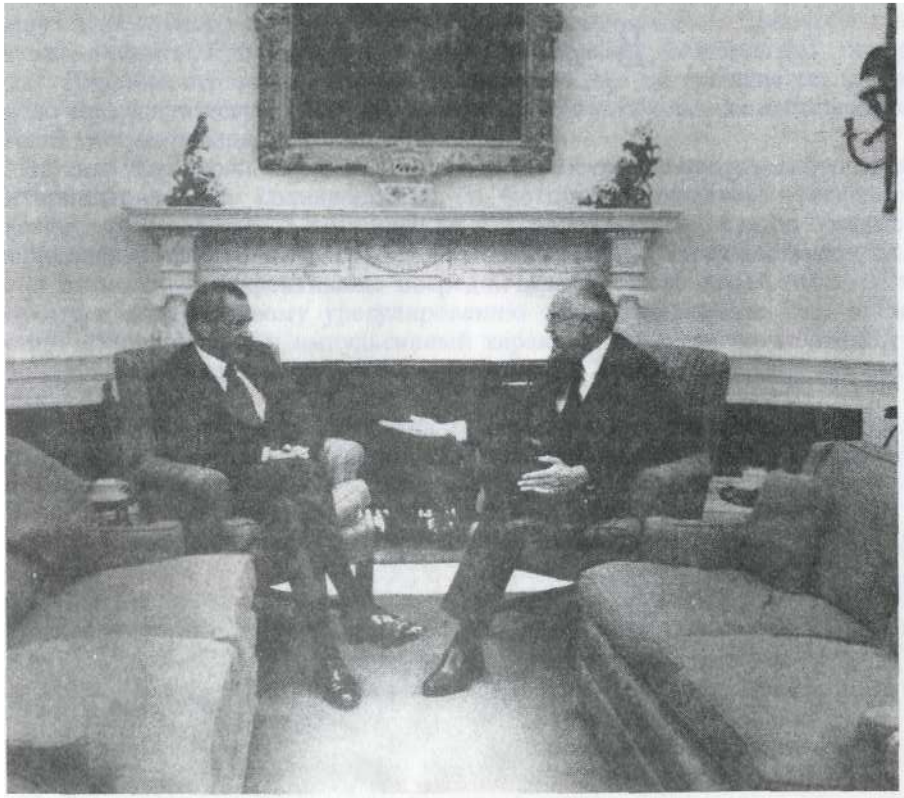
Не вина Джонсона, что он не понимал всей сути идеологического плена „интернациональной солидарности", в котором находилось тогдашнее советское руководство. А этот плен не только неразрывно связал советско-американские отношения с борьбой во Вьетнаме, но и, по существу, парализовал возможные эффективные посреднические усилия самой Москвы по скорому и справедливому урегулированию всего конфликта. Эти усилия носили половинчатый и импульсивный характер, создавая то иллюзии, то разочарования и недовольство у администрации в Вашингтоне, так же, как и в самом Кремле.

В конце 60-х годов необходимость серьезной корректировки внешней политики обеих стран - СССР и США - и их взаимоотношений стала очевидной.

ЧАСТЬ

IV

РИЧАРД НИКСОН: СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 70-Х ГОДАХ



Доверительная беседа с президентом Никсоном. 1971 год

1. УСТАНАВЛИВАЮТСЯ ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ

В истории советско-американских отношений 70-е годы занимают особое место в силу становления разрядки в первой половине этого периода.

Среди советских и американских исследователей нет согласия в том, как характеризовать причины, породившие разрядку в годы правления Никсона-Брежнева. Политологи сильно расходятся в ключевом вопросе: кто кого „вынудил" к разрядке?

В американской политической литературе широко распространены суждения о том, что эта разрядка стала возможной лишь в результате изменений в советском подходе к отношениям с США. Это верно, но верно лишь отчасти. Изменения произошли и с американской стороны.

Остановимся вкратце на эволюции советского подхода.

Советская внешняя политика всегда была тесно связана с идеологией, мировоззрением коммунистической партии и вследствие этого неизменно была важной составной частью общей политической платформы. С первых дней революции в руководстве страны и партии боролись разные взгляды на пути развития государства и его внешней политики. Сторонники одной концепции исходили из того, что русская революция - лишь начало и часть мировой революции и что ради победы социализма и коммунизма справедливы революционные войны и оправдана даже готовность пожертвовать своими революционными завоеваниями во имя этих высших целей.

Их оппоненты главной задачей считали победу революции у себя в стране, преобразование ее в высокоразвитое социалистическое государство, которое самим фактом своего существования и развития выполняло бы свой интернациональный долг перед мировым пролетариатом. При этом капитализму предлагалось мирное сосуществование по формуле: пусть история рассудит, кто прав.

Надо сказать, что в последующие годы эти два подхода причудливым образом сосуществовали в умах и руководства страны, и партийных масс. Исподволь созревали тенденции в пользу второго подхода, но без полного официального отказа от первого, который был силен своей „революционностью".

Начиная с XX съезда КПСС тезис о мирном сосуществовании был признан основополагающим принципом советской внешней политики. Однако это сопровождалось идеологическим компромиссом: „Мирное сосуществование есть форма классовой борьбы". Это было сделано, чтобы сочетать интернационализм и мирное сосуществование. Подчеркивалось, что последнее не означает отмены идеологической борьбы на мировой арене. Во всеуслышание провозглашалось, что мы не отказываемся от всесторонней поддержки национально-освободительной борьбы. А это приводило к тому, что мы оказывались без особой нужды втянутыми в соперничество с США в „третьем мире", тем самым поддерживая глобальное противоборство между США и СССР, между

Востоком и Западом*. Таков был практический результат попыток советского руководства найти компромисс между двумя идеологическими принципами и балансирования между ними (не следует забывать, что это был к тому же период ожесточенного идеологического спора с китайцами).

Конечно, главная роль в определении курса политики государства всегда принадлежала Генеральному секретарю ЦК КПСС. Как уже отмечалось, Брежнев не был силен в теории, но он прошел войну и твердо знал, что наш народ превыше всего ценит мир. Заняв свой пост, он пару лет осторожно присматривался к хитросплетениям международной политики. Но уже к середине президентства Джонсона и особенно к началу правления Никсона он достаточно четко высказался в пользу улучшения отношений с Западом, и в первую очередь с США, хотя он и отдавал дань „идейно выдержанным" позициям марксизма-ленинизма.

Ряд факторов способствовал корректированию подхода Брежнева и высших чинов партийной и государственной иерархии к внешней политике СССР.

Во-первых, неприемлемость ядерной войны, что особенно обозначилось в период кубинского кризиса. Во-вторых, огромное бремя военных расходов, снижения которых хотели добиться в какое-то время СССР и США в начале президентства Джонсона. В-третьих, улучшавшиеся отношения СССР с Западной Европой, особенно с ФРГ. Этот процесс был бы крайне затруднен, если бы ему препятствовали США. Американская позиция отчасти определялась перспективами переговоров с СССР по ограничению стратегических вооружений. В-четвертых, резкое ухудшение советско-китайских отношений в конце 60-х - начале 70-х годов. Угроза американо-китайского сговора, как считали в Москве, должна была быть предотвращена или нейтрализована. В-пятых, улучшение отношений с США, безусловно, способствовало бы росту авторитета брежневского руководства в стране.

Надо признать, что в советской внешней политике, в ее .конкретике немалую роль играла импровизация, реакция на действия США и события в мире, а не осуществление какого-то широко задуманного плана. Достаточно вспомнить такие события, как кубинский кризис, война на Ближнем Востоке, вторжение в Чехословакию, чтобы убедиться в этом.

Основная трудность, которую испытывала наша дипломатическая служба в этот период, заключалась в слабой подготовке к серьезным переговорам в области ограничения и сокращения вооружений. А без этого было трудно добиться прорыва в советско-американских отношениях. Госдепартамент и его сотрудники были гораздо лучше подготовлены к таким переговорам. У них была достаточно тесная связь с Пентагоном, где, как и в госдепартаменте, были специальные отделы, занимавшиеся проблемами разоружения. У нас же ничего подобного еще не было. МИД варился в своем собственном соку, не имея даже специального отдела по разоружению. Этим занималась вначале лишь небольшая группа сотрудников американского отдела. Практически все сведения по нашему ядерному оружию и его производству были засекречены и недоступны им, а если что они и знали, то в основном из американских публикаций на эту тему. Я, как посол, был в этом смысле в несколько лучшем положении, так

* С 1955-го по 1981 год советские военные поставки в страны „третьего мира" определялись общей суммой в 68,4 млрд. долларов. Численность советских военных и технических специалистов в этих странах в 1981 году достигла 16 280 человек.

как мог непосредственно общаться со своими американскими коллегами и американскими учеными. Потребовалось немало времени, пока у нас установились нормальные контакты с нашими военными и были созданы соответствующие квалифицированные координационные органы по подготовке и ведению переговоров.

Параллельно с этим шло, хотя и замедленными темпами, „просвещение" нашего высшего политического руководства в военно-промышленных вопросах и связанных с ними разоруженческих проблемах.

Не менее серьезные сдвиги происходили и в руководящих кругах самой Америки. Для США рубеж 60-х и 70-х годов был периодом „мучительной переоценки" внешнеполитических установок периода „холодной войны". Среди объективных причин, в силу которых США пошли на определенную нормализацию отношений с СССР, можно назвать следующие: достижение Советским Союзом сопоставимого с США ракетно-ядерного потенциала; возросшее стремление ряда крупных государств Запада (прежде всего ФРГ и Франции) проводить более самостоятельный внешнеполитический курс, в том числе искать пути улучшения отношений с СССР; серьезное осложнение внутриполитической ситуации в США из-за вьетнамской авантюры; обострение экономических и социальных проблем, сделавшее очевидным, что США не могут одновременно иметь и пушки, и достаточно масла. Очевидно было и стремление американской администрации внешнеполитическими успехами в области отношений с СССР и КНР как-то компенсировать провал политики США в Юго-Восточной Азии и подкрепить шансы на переизбрание Никсона президентом на второй срок.

Администрация Никсона-Киссинджера стремилась решить несколько основных краткосрочных и долгосрочных задач американской внешней политики. Среди них следует назвать следующие:

- найти приемлемый и наиболее безболезненный выход из войны во Вьетнаме, а также урегулировать некоторые оставшиеся со времен второй мировой войны взрывоопасные проблемы (вопрос о Западном Берлине, например);
- уменьшить угрозу ядерной войны между СССР и США путем некоторых шагов в области ограничения вооружений, создать своего рода систему американо-советских консультаций, механизм „взаимной сдержанности" в отношении взрывоопасных районов;
- провести перегруппировку своих и союзных сил в борьбе за сохранение социально-политического статус-кво в мире, отвечающего интересам Америки;
- не допустить чрезмерной поляризации сил внутри страны, сбить накал антимилитаристских настроений;
- путем нормализации отношений с СССР обрести большую свободу маневра в отношении своих собственных союзников и усиления контроля над координацией их действий в рамках противостояния Запад-Восток;
- укрепить престиж и авторитет администрации, лично Никсона в стране и за рубежом.

Несколько слов об основных действовавших лицах администрации -Никсоне и Киссинджере. У нас еще будет возможность остановиться на них подробнее. Сейчас лишь скажем, что оба они - крупные личности в истории внешней политики США. Сильной стороной у них было умение подходить к проблемам концептуально, во всем объеме, не сбиваясь на второстепенные вопросы и детали. Им обоим импонировала дипломатическая игра в

глобальном масштабе, проведение „реальной политики". Киссинджер к тому же был мастером тактики, что особенно было видно в переговорах как прямых, так и закулисных (я могу это лично засвидетельствовать). В целом администрация Никсона сделала немало для улучшения советско-американских отношений в период „холодной войны", не забывая, разумеется, о своих интересах.

Однако если подходить к оценке их деятельности с позиции сегодняшнего дня, с учетом моих личных наблюдений и анализа всего сделанного ими, включая их мемуары и многочисленные книги и статьи, то невольно приходишь к выводу, что они не мыслили категориями, ставящими целью крупный поворот в советско-американских отношениях, прекращение „холодной войны" и гонки вооружений.

Их курс в отношении СССР основывался на сочетании политики сдерживания и сотрудничества, на мозаике конъюнктурных элементов.

И Никсон, и Киссинджер стремились не столько договориться с СССР о каком-либо резком сокращении стратегических вооружений, сколько добиться определенного контроля над вооружениями путем установления более широкого круга контролируемых параметров стратегических арсеналов, темпов наращивания и модернизации вооружений, т. е. путем создания в целом более стабильной и предсказуемой стратегической ситуации без реального существенного сокращения высоких уровней вооружений, остававшихся основой их политики „с позиции силы", пусть немного и закамуфлированной.

По существу, и президент, и его ближайший помощник так и не вышли из-под влияния доктрины „холодной войны", хотя и занимали более прагматические и более реалистические позиции, чем многие другие последователи этой доктрины, в том числе и в самом Белом доме.

Приход Никсона к власти был встречен в Советском Союзе настороженно. Мнение в Политбюро было единым: Никсон - антисоветчик, и с его приходом советско-американским отношениям предстоят трудные времена. Не скрою, что почти таких же оценок вначале придерживалось и наше посольство в Вашингтоне. Для этого были свои основания.

Дело в том, что Никсон пришел в Белый дом как политический деятель, гораздо более известный в стране и за ее пределами, чем большинство его предшественников и преемников на посту президента США.

Оппортунизм вообще присущ политической жизни США, и Никсон не был исключением. Антисоветизм, антикоммунизм, милитаризм и внутренняя политическая реакция, выступившие в США на первый план общественной жизни в конце 40-х - начале 50-х годов, были именно той питательной средой, в которой началась и развивалась его политическая биография.

Я не буду останавливаться на политической биографии Никсона до того, как он стал президентом. Она достаточно широко известна. Меня, однако, всегда интересовала эта часть его биографии с точки зрения того, насколько она влияла на его последующие взгляды и поведение уже в качестве президента США.

Возьмем, например, известный антикоммунизм Никсона. Антикоммунизм как доминирующая черта политической жизни США возник, как известно, сразу в послевоенной период, как порождение „холодной войны". Что меня всегда удивляло, так это размах и неистовый характер в США „борьбы с коммунизмом", хотя и было ясно, что речь, скорее, шла о борьбе с призраками коммунизма. Могущественная полицейская организация в лице

ФБР, разветвленная правительственная структура, сонм добровольцев-провокаторов и „истинных патриотов", прочесывавших всю страну от Голливуда до Вашингтона, от здания „Тайм энд Лайф билдинг" до профсоюзов грузчиков на всех побережьях Америки, - вся эта гигантская и беспрецедентная охота на коммунистов не выявила сколько-нибудь значительного их числа.

Да коммунистов в Америке никогда и не было много в отличие, например, от Европы, где существовали многочисленные коммунистические партии. Даже в годы разрядки в Компартии США было не более десяти тысяч членов, хотя и эта цифра, сообщавшаяся руководством компартии, вызывала большие сомнения в Москве. Хорошо если их было вдвое меньше, да и то, как саркастически говорил мне Киссинджер, половина из них были агентами ФБР, находившимися на жалованье у правительства США и регулярно платившими за его счет свои партийные членские взносы.

Могу заверить (а мне довелось пару лет быть секретарем ЦК КПСС по международным делам), что Компартия США в послевоенный период никогда всерьез не воспринималась в Москве. На Старой площади удовлетворялись тем, что на наших партийных съездах Генеральный секретарь Компартии США выступал с хорошими речами в поддержку нашей линии. Больше ничего от него не требовалось.

Скажу также, что никто в советском руководстве - включая наиболее рьяных приверженцев коммунизма, - никогда не говорил о возможном построении коммунизма в США. Это как бы само собой исключалось, даже на далекую перспективу. Тем более я, живший в США, не верил в такую перспективу.

Но вернемся к Никсону. Верил ли он сам в реальную угрозу коммунизма для США или. это было удобным средством для достижения своих личных политических целей? Думаю, что, скорее, второе. По мере продвижения к вершинам власти, как мне представлялось, он все больше должен был рассматривать „коммунистическую угрозу" не как реальный фактор внутренней жизни США, а как фактор, связанный с внешнеполитической борьбой с коммунистическим миром, прежде всего с СССР и с Китаем. Таким образом весь вопрос все больше переводился в плоскость межгосударственных отношений. А это уже открывало пусть непростые, но все же перспективы завязывания диалога с новым президентом, а может быть, и достижения отдельных договоренностей с ним.

Таковы были мои размышления, когда к власти пришел Никсон. Хотя полной уверенности, что события пойдут по такому сценарию, у меня, конечно, не было.

Моя первая встреча с президентом Никсоном

Итак, в январе 1969 года после победы республиканской партии на президентских выборах к власти в США пришло новое правительство во главе с Никсоном.

Первый раз я встретился с Никсоном 24 июля 1959 года, когда он в качестве вице-президента приезжал в Москву на открытие американской выставки „Домашнее хозяйство в США". Именно тогда произошли его знаменитые „кухонные дебаты" с Хрущевым. Последний был сильно разгневан только что принятой американским конгрессом антисоветской резолю-

цией „о порабощенных народах". В ходе крупного спора Хрущев дал полную волю своим эмоциям.

Теперь мне предстояло встретиться с Никсоном в его новом качестве. 17 февраля я посетил нового президента в Белом доме. У меня было поручение изложить ему некоторые соображения Советского правительства относительно советско-американских отношений и важнейших международных проблем. Короче, нужно было дать старт нашим отношениям с Никсоном. В Москве к нему относились по-прежнему настороженно.

В соответствии с указаниями, я заявил, что СССР выступает за мирное сотрудничество со всеми странами, и если США будут исходить из этой принципиальной основы, то тем самым будут созданы широкие возможности для взаимной договоренности и советско-американского сотрудничества в решении актуальных международных проблем. Я остановился конкретно на наиболее важных из них (договор о нераспространении ядерного оружия; политическое решение вьетнамского конфликта; достижение договоренности об урегулировании ближневосточного конфликта; уважение основ послевоенного устройства в Европе; сдерживание гонки стратегических вооружений в целях достижения соглашения между СССР и США по этому вопросу; использование возможности для дальнейшего развития советско-американских отношений).

Никсон принимал меня в президентском Овальном кабинете. После Джонсона эта комната была полностью отделана уже во вкусе нового хозяина - сейчас преобладали золотые тона (занавески, на фоне большого синего ковра на стене висел красивый американский герб, вышитый его дочерью). По бокам стола стояли различные цветные флаги и штандарты, символизирующие военную и гражданскую власть президента. Письменный стол, как пояснил мне президент, ему был особо дорог, так как он им пользовался с момента избрания его на выборные должности.

Благодаря президенту, у нас в семье на память сохранилась чудесная цветная фотография, на которой была снята моя трехлетняя внучка, одна, сидящая с важным видом за столом президента в его кабинете. На фото - автограф Никсона. Нам стоило немалых трудов, чтобы она сидела спокойно, пока ее снимал фотограф, и не пыталась лазить по ящикам стола. Стол-то, как-никак, официальный и принадлежал высшему лицу в государстве.

Но вернемся к моей встрече с президентом Никсоном.

Выслушав меня, президент сказал в ответ, что разделяет соображения Советского правительства и готов продолжить с советской стороной обмен мнениями. Он придает большое значение улучшению отношений с СССР, хотя и отдает себе отчет в наличии серьезных разногласий. Важно, подчеркнул Никсон, чтобы эти разногласия не доходили до опасной точки кипения, до взрыва. Что касается „периферийных вопросов", в которых бывают замешаны обе стороны, то „важно не допустить такого развития событий в этих районах, которые могли бы повлечь столкновения между США и Советским Союзом".

Затронув по своей инициативе вопрос о встрече в верхах, президент сказал, что он считает важным встречу с советскими руководителями и надеется, что она состоится. Ее надо всесторонне подготовить. Он хотел бы поэтому иметь некоторое время, чтобы разобраться в международных делах.

Со своей стороны я поддержал мысль Никсона о советско-американской встрече, хотя и знал, что к этой мысли в Москве должны еще были привыкнуть.

Любопытно, что для реализации идеи первой встречи потребовалось более двух лет. Однако затем, в течение последующих трех лет состоялись беспрецедентные три встречи подряд на высшем уровне.

Президент не вдавался в детали затронутых вопросов, сказал, что ему потребуется еще некоторое время, чтобы изучить их. Я с пониманием отнесся к этому. Такую же, а по существу, уклончивую позицию Никсон занял и тогда, когда я задал прямой вопрос о возможном начале переговоров по стратегическим вооружениям.

Конфиденциальный канал Киссинджер - советский посол

Президент затем предложил установить важный конфиденциальный канал, по которому можно было бы ему и советским лидерам оперативно и негласно обмениваться мнениями в случаях срочной необходимости. С их стороны со мной непосредственно контактировал бы его помощник Киссинджер, который замыкался только на президента.

Как бы поясняя некоторую необычность контактов советского посла на двух уровнях, Никсон сказал, что канал через госсекретаря („Роджерсу я лично полностью доверяю") страдает тем недостатком, что суть обмена мнениями между правительствами становится известной слишком широкому кругу официальных лиц, а это чревато подчас непредсказуемой утечкой информации. В то же время есть и будут такие вопросы, когда круг осведомленных лиц должен быть максимально ограничен, а в особых случаях лишь одним президентом, получающим информацию по каналу „Киссинджер - Добрынин", тем более что они могут встречаться наедине, без записывающих беседу лиц и переводчиков.

Ответил президенту, что не вижу возражений против создания доверительного канала, тем более что и при других президентах он в той или иной форме существовал.

Никсон тут же заметил, что он знает об этом, как и то, что из советского посольства ни разу не было утечки какой-либо информации, которая проходила по конфиденциальному каналу. Он это высоко ценит. По всему было видно, что новый президент придает особое значение установлению закрытой связи с Кремлем.

В общем, я остался удовлетворен первой встречей с новым президентом, укрепился в мысли, что с ним Москва сможет развивать диалог.

Через четыре дня Киссинджер предложил мне встретиться с ним в его кабинете в Белом доме. Надо сказать, что все мои встречи с Киссинджером, как и большинство встреч с Никсоном, проходили наедине. Это позволяло сохранять особую конфиденциальность и известную свободу бесед.

По поручению Никсона, Киссинджер сообщил ответные соображения президента по вопросам советско-американских отношений и по международным проблемам.

По словам Киссинджера, президент:

- считает важным двусторонний обмен мнениями с Советским правительством по вопросу о Ближнем Востоке;
- согласен с Советским правительством, что не следует менять основ послевоенного устройства в Европе, ибо это могло бы вызвать большие потрясения и опасность ненужного столкновения между великими держа-

вами. В отношении Западного Берлина Киссинджер оговорился, что они не могут принять нашу формулу о „свободном городе Западный Берлин", но и не собираются предпринимать или поддерживать „ничего нового в отношениях между Западным Берлином и ФРГ, помимо уже существующих, фактически сложившихся связей";

- выражает готовность нового правительства США решить вьетнамский вопрос на основе двух принципов: во-первых, США не могут пойти на такое урегулирование, которое выглядело бы для американцев и всего мира, как прямое военное поражение Америки; во-вторых, администрация Никсона не может пойти на такое урегулирование, после которого сразу же произошли бы смена правительства в Южном Вьетнаме и резкое изменение всей политики Южного Вьетнама. Постепенная эволюция, однако, не исключалась.

Что касается двусторонних отношений, то, как сказал, Киссинджер, президент готов конкретно рассмотреть, какие имеются сейчас возможности для дальнейшего развития таких отношений.

Первая встреча с Киссинджером на меня произвела неплохое впечатление. Он был деловит, четок и не избегал разговора по конкретным вопросам. Забегая вперед скажу, что при переговорах Киссинджер мог причинять головную боль, но он никогда не был скучен или бюрократичен.

Эта встреча положила начало функционированию конфиденциального канала между высшим руководством обеих стран, который бесперебойно действовал в течение почти шести лет. Мы регулярно завтракали или обедали наедине, то у меня, то у него, но чаще я сам ездил к Киссинджеру, пользуясь служебным входом Белого дома. Встречи с ним в Белом доме проходили или у него в кабинете, недалеко от кабинета президента, или -когда начались длительные переговоры с ним по Вьетнаму и вопросам ограничения стратегических вооружений, - в тиши импозантной комнаты, откуда в годы войны президент Франклин Рузвельт выступал с радиообращениями к своему народу.

Впоследствии, по решению президента, по мере того, как наши контакты участились, став почти ежедневными, была проведена прямая тайная телефонная линия между Белым домом и посольством, пользоваться которой могли только Киссинджер и я (без набора номеров, просто поднимая трубку).

Советскому руководству конфиденциальный канал гарантировал быстрый и надежный способ связи с президентом США. Его секретность обеспечивалась общей системой особой секретности деятельности Политбюро.

Никсону и Киссинджеру этот канал позволял в ряде случаев избегать давления со стороны конгресса и общественного мнения, которые не знали о переговорах по этому каналу. Белый дом при Никсоне стал не только разрабатывать политику, но и непосредственно осуществлять ее.

Оглядываясь назад, могу уверенно сказать, что без такого канала и его конфиденциальности не были бы достигнуты многие ключевые соглашения по сложным и противоречивым вопросам, не снималась бы оперативно опасная напряженность. Берлин, Куба, Ближний Восток, основные соглашения по ограничению стратегических вооружений, наконец, все деликатные переговоры по подготовке встреч на высшем уровне - все это шло через конфиденциальный канал.

Так начались наши уникальные отношения с администрацией Никсона -Киссинджера. Мы были одновременно и противниками, и партнерами по сохранению мира.

Но вернемся к нашей первой встрече. Я так же, как и Москва, обратил внимание на то, что в переданном Киссинджером ответе Никсона, по существу, игнорировалось предложение Советского правительства (от 20 января) возобновить советско-американский обмен мнениями по вопросам ограничения гонки стратегических вооружений, прерванный в августе 1968 года. Когда я указал на это Киссинджеру, то он скороговоркой ответил, что да, конечно, они готовы обсуждать и эти вопросы, но не стал, однако, развивать эту тему в отличие от других вопросов, заметив, что это будет в „свое время".

Переговоры по стратегическим вооружениям ОСВ-1

Если судить по мемуарам Никсона, Киссинджера и некоторых других американских участников переговоров по ограничению стратегических вооружений (ОСВ), то для Никсона в начале его президентства эти переговоры не играли главную роль. Не случайно весной 1969 года в меморандумах Совета национальной безопасности вопросы ОСВ занимали в порядке приоритетности далеко не первое место. Первые три меморандума, рассмотренные и одобренные президентом после инагурации были: по Вьетнаму (что, конечно, было доминирующей проблемой во внешнеполитических приоритетах администрации); по Ближнему Востоку; и, наконец, в отношении военной политики страны. Лишь постепенно вопросы ОСВ перемещались в сторону основных, а на встрече в верхах в Москве в 1972 году стали главным пунктом достигнутых соглашений.

То, что администрация Никсона в начале не проявляла спешки в отношении ОСВ, объяснялось, помимо прочего, тем, что, как полагали в Белом доме, Москва будто больше, чем Вашингтон хотела этих переговоров. В этой связи и Никсон, и Киссинджер несколько искусственно затягивали начало переговоров в надежде - через такую „увязку" - получить какие-то ответные дивиденды от Москвы в таких, например, вопросах, как Вьетнам или Ближний Восток.

Такую позицию администрация занимала в течение нескольких месяцев, одновременно продвигая через конгресс решение о начале работ по созданию в США системы противоракетной обороны „Сейфгард", явно рассчитывая использовать это как сильный козырь в будущих переговорах с СССР.

Поскольку новая администрация все еще отмалчивалась, советское руководство само решило активизировать диалог с США. К тому же появились признаки возможного заигрывания Вашингтона с Китаем.

20 октября 1969 года я посетил президента Никсона и сообщил о готовности Советского правительства начать обсуждение проблемы официального ограничения стратегических вооружений. Одновременно высказал в соответствующей форме предупреждение по поводу любых попыток США заработать капитал на обострении советско-китайских разногласий.

Никсон заверил, что американская политика в отношении Китая „не направлена против Советского Союза". Никсон, конечно, лукавил, ибо его китайская политика, развитая и активно осуществлявшаяся Киссинджером, как раз предусматривала динамичную игру в стратегическом треугольнике „США — СССР - Китай", и „китайская карта" была весомой составной

частью политики администрации Никсона - Киссинджера в отношении Советского Союза. В этой связи я лично считал, что мы совершаем ошибку, демонстрируя Вашингтону с самого начала деятельности новой администрации свою озабоченность китайскими делами.

Тем не менее на этот раз президент в беседе со мной согласился начать обсуждение вопросов ОСВ (к этому времени в конгрессе США нарастали настроения в пользу скорейшего начала переговоров).

25 октября в обеих столицах было объявлено о начале такого обсуждения. Оно открылось 17 ноября 1969 года в Хельсинки. Так был начат многолетний процесс переговоров по ограничению стратегических ядерных вооружений, который постепенно стал барометром наших общих отношений с США.

После предварительной сессии в Хельсинки состоялись 7 раундов переговоров (попеременно в Хельсинки и в Вене). Они заняли 30 месяцев вплоть до встречи Никсона и Брежнева в Москве в 1972 году.

Затянутость этих переговоров объяснялась тем, что, дав согласие на их ведение, Никсон и Киссинджер не спешили, а стремились „дозировать" прогресс на них в зависимости от „поведения" СССР не только на этих переговорах, но и в других международных вопросах (прежде всего вьетнамском).

Все эти переговоры в критические моменты направлялись по конфиденциальному каналу Киссинджер - Добрынин. О факте существования такого канала ничего не было известно не только широкой общественности, но и обеим делегациям, которые вели переговоры, а также госдепартаменту. У нас о нем знали, кроме Громыко и зав. американским отделом МИД, лишь несколько членов Политбюро.

Ведение переговоров по конфиденциальному каналу позволяло руководству обеих стран вмешиваться и развязывать узлы по принципиальным спорным вопросам, преодолевая таким образом возникавшие разногласия. Вместе с тем переговоры на двух уровнях порой вносили определенную путаницу и недоразумения в общий переговорный процесс. Особенно это проявлялось на американской стороне, где все нити ведения переговоров находились в руках Киссинджера, и даже при всем его умении и организаторском таланте он просто не был в состоянии единолично охватывать все детали и нюансы переговоров. Порой это вызывало недовольство в американской делегации, которую он держал на голодном пайке в отношении информации, проходившей по конфиденциальному каналу. По существу, в таком же положении находилась и советская делегация.

С самого начала переговоров делегаций в Хельсинки возникло кардинальное расхождение в отношении самого определения: какое ядерное оружие считать стратегическим (мы включали, в частности, тогда также оружие передового базирования, а американцы были категорически против). В результате возникших трудностей вокруг ограничения стратегических наступательных вооружений, советская сторона предложила начать конкретное обсуждение вопроса о системах ПРО. Однако администрация Никсона обусловила начало работы над таким договором одновременным согласованием ограничений на наступательные вооружения, по-прежнему отказываясь обсуждать ядерные средства передового базирования. В результате переговоры, по существу, шли вхолостую в течение всего 1970 года. Прорыв произошел лишь после того, как США согласились в начале 1971 года на то, что в порядке компенсации за наличие у них

ядерных средств передового базирования Советский Союз может иметь большее, чем у США, количество межконтинентальных ракет (вопрос о передовом базировании мы постоянно поднимали в последующих переговорах по разоружению).

Эта дискуссия на время оставила за кадром важный вопрос о стратегических ракетах с РГЧ - разделяющимися головными частями, которые резко усиливали потенциальный ядерный удар за счет увеличения числа боеголовок на одних и тех же ракетах. Короче, назревал новый качественный виток гонки ядерных вооружений. Американская сторона первая осуществила этот технологический прорыв и надеялась надолго сохранить это преимущество. Поэтому она была фактически против запрета таких ракет.

Следует в этой связи заметить, что в нежелании США в то время согласиться (разговор на эту тему состоялся по конфиденциальному каналу) на ограничения или запрет стратегических ракет с разделяющимися головными частями, а позже отказаться от доктрины „звездных войн" прослеживается погоня американцев за „жар-птицей", т. е. желание получить „окончательное" преимущество, хотя вся история советско-американской гонки вооружений убедительно показала, что ни одна сторона не позволила бы другой, иметь такое преимущество. Известно, что через пару лет Советский Союз создал свои ракеты с разделяющимися головными частями.

Отвергая целесообразность взаимного отказа от ракет е РГЧ в тот период, администрация Никсона упустила серьезную возможность затормозить советско-американскую гонку вооружений, укрепить стратегическую стабильность. Лишь к началу 90-х годов, т. е. спустя 20 лет, правительства обеих стран пришли к пониманию этого факта, оформив это соглашением 1993 года о ликвидации ракет с РГЧ в процессе радикального сокращения стратегических сил обеих стран.

Но вернемся к основным переговорам по ОСВ-1. В результате взаимных уступок 20 мая 1971 года было опубликовано совместное советско-американское сообщение. В нем говорилось, что оба правительства намерены сконцентрироваться в текущем году на выработке соглашения об ограничении развертывания противоракетных систем (ПРО) и что при этом они договорятся также о некоторых мерах в отношении ограничения стратегических наступательных вооружений. Ускорению переговоров способствовал и тот факт, что с августа 1971 года Никсон (с нашей негласной подачи по конфиденциальному каналу) перешел на личную переписку с Брежневым, а не с Косыгиным. Все эти переговоры были успешно завершены к моменту визита Никсона в СССР в мае 1972 года.

Из других областей советско-американских отношений в 1969 году следует отметить заключение соглашения между правительствами США и СССР о взаимном предоставлении в бесплатное пользование на долгосрочной основе земельных участков в Москве и Вашингтоне для строительства комплексов зданий посольств, включая жилые помещения и другие сооружения. Этим соглашением был положен конец нашим многолетним мытарствам с покупкой земли в Вашингтоне для строительства нового посольства.

Злоключения с новыми зданиями посольств, однако, на этом не закончились. Когда уже при следующей администрации завершалось строительство зданий обоих посольств, разразился крупный скандал: стороны объявили, что они обнаружили в стенах этих зданий многочисленные прослушивающие

устройства, установленные спецслужбами другой стороны. Конгресс США запретил использовать для посольства здание, построенное в Москве. Было приостановлено и окончание строительства здания советского посольства в Вашингтоне.

.В середине декабря 1991 года я ужинал с американским послом Страуссом в Москве. Мы знали друг друга давно, встречались еще в США. В этот вечер, загадочно улыбаясь, посол предложил мне угадать, у кого из советских руководителей он сегодня был? После краткой паузы Страусе торжественно объявил: „У председателя КГБ Бакатина".

Я действительно был несколько удивлен и спросил, что же они обсуждали?

- Ты ни за что не угадаешь, - сказал он. - Председатель КГБ заявил мне о передаче американской стороне исчерпывающих сведений о местах рас положения советской спецтехники в новом здании посольства США.

Делается это, видимо, в свете новой политики широкой гласности и создания взаимного доверия, провозглашенной советским руководством, - добавил посол. - Шаг этот вызвал, конечно, немалое удивление в Вашингтоне, но он всячески приветствуется.

- Ну, а как насчет взаимности? - спросил я.

Страусе отшутился, заявив, что они сами еще не доросли до такой „гласности". Тем не менее новое здание теперь уже посольства России начало функционировать с осени 1994 года.

2. НАСЛЕДИЕ „ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ' ДАЕТ О СЕБЕ ЗНАТЬ

Характерной особенностью внешней политики США в 1970 году было отсутствие каких-либо масштабных позитивных шагов или программ в области международных отношений. Во внешнеполитической деятельности в том году США проводили в основном либо откровенно негативную политику (например, в вопросе об общеевропейском совещании), либо завуалированно негативную (европейские проблемы, ближневосточное урегулирование). „Глобальная увязка" различных вопросов оставалась ведущей „методологической доктриной" Белого дома.

Вьетнамский вопрос продолжал оставаться для администрации Никсона главной внешнеполитической проблемой. В течение года война фактически распространилась на весь Индокитай и охватила, кроме Южного Вьетнама, также Камбоджу. Администрация Никсона главный упор стала делать на военные методы решения вьетнамского вопроса путем „вьетнамизации" войны, отходя от усилий по политическому урегулированию конфликта. Сыграла тут свою роль и дипломатическая негибкость ДРВ.

Что касается Ближнего Востока, то Вашингтон стремился укрепить ключевую роль США в этом районе и положение Израиля как своего форпоста.

В политике Никсона в 1970 году заметно усилилось внимание к Западной Европе. Президент решил, видимо, посвятить свое время „общению с союзниками", принимая в Белом доме попеременно Вильсона, Помпиду и Брандта. После заключения договора между СССР и ФРГ администрация стала опасаться усиления советского влияния в Европе и начала блокировать наши шаги в этом направлении.

Что касается советско-американских отношений, то они оставались сложными. В них особенно наглядно проявилось свойственное политике Никсона в отношении СССР сочетание двух противоположных тенденций: враждебной, нацеленной на подрыв международных позиций СССР, и осторожной, чтобы избежать риска чрезмерного обострения обстановки и сохранить определенный уровень советско-американских отношений, позволяющий поддерживать необходимые контакты и искать взаимоприемлемые решения по отдельным интересующим обе стороны проблемам. Однако на переговорах с советской стороной в 1970 году по конкретным вопросам администрация в целом придерживалась достаточно жесткой позиции, рассчитывая, видимо, что это приведет к выгодным для США „разменам".

Политбюро: как развивать отношения с Никсоном?

В апреле 1970 года Громыко направил в Политбюро подготовленную МИД аналитическую записку „Об основных направлениях политики администрации Никсона в отношении СССР, а также соображения о нашей дальнейшей линии и некоторых мероприятиях в отношении США на ближайшее время".

Время, прошедшее с момента вступления Никсона на пост президента, говорилось в записке, подтвердило правильность многопланового курса СССР в отношении США. Важно, чтобы эти отношения и впредь исходили из предпочтительности того, чтобы, несмотря на все колебания, которые присущи этим отношениям, они сохраняли достаточную степень прочности и перспективу на развитие. Обострения, время от времени возникающие на почве столкновения интересов СССР и США в том или ином районе мира или по той или иной проблеме, не должны распространяться на всю сферу взаимоотношений с США. Нам выгодно поддерживать в США как понимание бесперспективности политики конфронтации в отношении СССР, так и представление о готовности нашей страны содействовать на взаимоприемлемой основе развитию советско-американских отношений. Годичный опыт отношений с администрацией Никсона подтверждает, что такой подход к отношениям с США, сочетание твердости с гибкостью и сдержанностью, себя оправдывает.

Учитывая роль президента в формировании американской внешней политики и вероятность пребывания Никсона в Белом доме еще в течение 3-7 лет, было бы целесообразно продолжать поддерживать с ним корректные официальные отношения и деловые контакты. В наших интересах также продолжать практику обращения к президенту по различным вопросам. Нашим интересам не противоречит предложение Никсона, чтобы доверительный обмен мнениями осуществлялся через его помощника Киссинджера, а не по официальным каналам

госдепартамента (к такой практике прибегали президенты Рузвельт, Кеннеди, Джонсон).

В вопросе о встрече на высшем уровне целесообразно придерживаться нынешней линии, т. е. мы можем пойти на встречу с Никсоном в выгодный для нас момент. При соответствующих обстоятельствах такая встреча могла бы положительно отразиться на советско-американских отношениях и дать нам определенные преимущества как в плане европейских дел, так и во взаимоотношениях с КНР. Проводить эту линию таким образом, чтобы у Никсона не создалось впечатление, будто в контактах на высшем уровне СССР может быть заинтересован больше, чем США, говорилось в заключение записки.

Политбюро одобрило эти соображения, и они легли в основу подхода к администрации Никсона.

1970 год начался с возобновления прямых американо-китайских контактов в Варшаве. Администрация Никсона в беседах с нами подчеркивала, что улучшение отношений с Китаем не ставит целью использовать в интересах США напряженность советско-китайских отношений. Об этом говорили нам госсекретарь Роджерс и Киссинджер. Однако в момент открытия американо-китайских переговоров Киссинджер несколько приоткрыл свою игру. Он, по существу, признал, что советские руководители по-видимому не совсем поверят его заверениям, поскольку они, судя по всему, с „понятной нервозностью" относятся к Китаю. При этом он уклонился от объяснения целей открывающихся переговоров с Китаем, явно стремясь подкрепить нашу подозрительность и оказать давление на нас в других вопросах, в частности на ход переговоров по ограничению стратегических вооружений и во вьетнамских делах.

Надо сказать, что игра Вашингтона с Китаем вызывала - не в интересах США - ответную советскую игру в различных районах мира: во Вьетнаме, на Ближнем Востоке, в Африке и других местах, где разворачивались национальные движения.

Вопросы ближневосточного урегулирования довольно активно стояли в повестке дня советско-американских отношений в 1970 году. Администрация преследовала цель: ограничить советские военные поставки в арабские страны и одновременно не допустить распространения советского влияния в этом регионе, особенно в том, что касается политического урегулирования, которое приобрело особую остроту после арабо-израильской войны 1967 года.

Если США всячески укрепляли Израиль, то главным объектом нашей поддержки был Египет. По просьбе Насера, армия которого потеряла в войне почти все свое вооружение, Советский Союз начал массированные поставки оружия в Египет. Вместе с этим направлялось значительное число военных советников и инструкторов. Часть советских самолетов в Египте, пока шла подготовка египетского летного персонала, пилотировалась нашими военными летчиками.

По всем этим вопросам шла переписка между Никсоном и Косыгиным (Брежнев вступил в прямую переписку с американским президентом позднее, накануне встречи на высшем уровне).

В начале февраля заместитель госсекретаря Сиско, который занимался ближневосточными проблемами, передал мне послание Никсона Косыгину по Ближнему Востоку. Никсон призывал к ограничению поставок оружия в этот район, а в конце послания выразил готовность администрации продолжать совместные усилия по достижению мира на Ближнем Востоке.

Спустя месяц на встрече с госсекретарем Роджерсом я изложил соображения Советского правительства по ближневосточному урегулированию. Подчеркнув полезность продолжения обмена мнениями между нашими правительствами по этому вопросу, Роджерс предложил возобновить переговоры на уровне советский посол - Сиско.

С 1 апреля начались такие встречи в госдепартаменте. Они проходили негласно (интересно, что не было никаких утечек в прессу). Была предпринята важная попытка на двусторонней основе подготовить ключевые статьи возможного ближневосточного урегулирования. Хотя считалось, что обмен мнениями идет лишь между Вашингтоном и Москвой, по существу, и мы, и они негласно консультировались со своими главными партнерами: мы - с Насером, а они - с Тель-Авивом.

Надо сказать, что эта серьезная работа, хотя и двигалась медленно, все же приносила успехи. В течение нескольких недель в рабочем порядке удалось согласовать около десятка разных статей. Это была наиболее обещающая в те годы негласная совместная работа американской и советской дипломатии, хотя, к сожалению, она и осталась неизвестной и незаконченной. По мере продвижения вперед чувствовалось, однако, как росло сопротивление правительства Израиля этому советско-американскому обмену мнениями. Затем вся эта полезная работа внезапно прекратилась: воспользовавшись тем, что Насер в одностороннем порядке без какого-либо уведомления нас передвинул на пару километров свои противовоздушные батареи в демилитаризованной зоне, Израиль заявил через США, что он против дальнейшего обмена мнениями, который, дескать, используется Египтом для прикрытия своих военных планов. Администрация Никсона не проявила в ответ настойчивости, не продолжила эти переговоры и вновь перешла к сепаратным действиям, что вызвало растущую критику Москвы и трения с ней. Показательно, что Киссинджер лично пока не очень вмешивался в деятельность Роджерса на ближневосточном направлении, явно полагая, что она большого успеха в конечном счете не принесет, после чего наступит „ его час".

Антисоветские демонстрации

В течение лета 1970 года сильно активизировались антисоветские действия еврейских организаций и произраильских сил в США в связи с запретительными. акциями советских властей по ограничению выезда лиц еврейской национальности из СССР. Ежедневные пикеты у нашего посольства, взрывы бомб у советских учреждений и жилых помещений в Вашингтоне и Нью-Йорке. Участились хулиганские выходки против отдельных советских граждан на улицах и в магазинах. Особенно усердствовали молодчики из „Лиги защиты евреев" во главе с Кахане. Последний прямо заявил, что цель их кампаний - „спровоцировать кризис в советско-американских отношениях".

18 августа заместитель заместителя госсекретаря Р.Дэвис предупредил поверенного в делах Ю.Воронцова, что, как стало известно соответствующим американским ведомствам, в период с 20 по 23 августа „недружественные" Советскому Союзу элементы в США намереваются организовать взрыв внутри или около здания советского посольства, а также похитить кого-либо из советских дипломатов. Дэвис обещал принять меры по линии

полиции, но одновременно посоветовал дипломатам и членам их семей самим соблюдать повышенную осторожность.

Такова была в то время жизнь наших дипломатов и сотрудников советских учреждений в Вашингтоне, которые в большинстве своем - могу засвидетельствовать - хотели улучшения советско-американских отношений и ликвидации ненужных ограничений на выезд лиц еврейской национальности из СССР. Однако указанные выше бесчинства вызывали у них раздражение и нежелание дальше „агитировать" Москву в указанном направлении.

Несмотря на подобные антисоветские акции, у американского бизнеса рос интерес к развитию деловых отношений. Известный автопромышленник Форд совершил поездку в Москву для обсуждения вопроса о строительстве в СССР завода по производству грузовиков. Несмотря на успех его переговоров, сделка была сорвана администрацией Никсона.

Надо сказать, что в это время мне довелось выступить в Нью-Йорке на Обеде влиятельного „Совета по внешнеполитическим делам". Собравшиеся особенно интересовались перспективами советско-американских отношений и возможными соглашениями между СССР и США.

После выступления и ответов на вопросы у меня сложилось впечатление, что присутствовавшие доброжелательно относились к налаживанию отношений с нами, не одобряли антисоветских демонстраций, но достаточно пессимистически оценивали перспективы с учетом неровной политики администрации Никсона.

Примечательным было выступление Генри Льюса, владельца влиятельных журналов „Лайф", „Тайм" и других. Напомнив о том, что он является убежденным антикоммунистом и известным противником политической системы в СССР, он решительно высказался против политики, которая могла бы привести к войне между СССР и США. „У меня есть хорошее подземное убежище месяцев на шесть на случай ядерной войны. Но когда я выйду на поверхность, что у меня останется? Ничего, кроме бесполезных акций и бумаг. И мои взгляды никого тогда не будут интересовать, как, впрочем, и мнение других - будь то капиталисты или коммунисты. Бороться с СССР мы, конечно, будем, но нельзя доводить дело до драки. Можете передать это мнение Генри Льюса советскому руководству".

Камбоджа, Европа и прочие проблемы

Тем временем администрация Никсона пошла на расширение войны в Юго-Восточной Азии. 29 мая без каких-либо предварительных уведомлений началось американское вторжение в Камбоджу. Такой шаг оказался неожиданным даже для конгресса, который выразил серьезное недовольство тем, что Белый дом предварительно не консультировался с ним по этому поводу.

Сенатор Кеннеди в беседе со мной выразил опасение, что в период переизбрания в 1972 году Никсон может пойти даже на такие опасные шаги, как возобновление бомбардировок ДРВ, минирование морских подступов и разрушение Хайфона, главного порта ДРВ (Кеннеди, как видим, в своих опасениях был близок к истине).

Советское правительство публично резко осудило американское вторжение в Камбоджу. Косыгин направил весьма критическое послание Никсону.

Что же касается европейских дел, то администрация Никсона в первые годы избегала обсуждать их с Советским Союзом. Она добивалась в первую очередь укрепления своей руководящей роли и влияния в НАТО и противодействовала чрезмерному, по ее мнению, развитию самостоятельных отношений западноевропейских стран (особенно ФРГ и Франции) с Москвой. Соответственно США были против созыва общеевропейского совещания, инициатором которого был Советский Союз, ибо оно предусматривало совместное с Москвой обсуждение европейских проблем. Американской дипломатии удалось под различными предлогами на сессии Совета НАТО в начале июня заморозить этот вопрос. Однако он оставался предметом активного внимания Москвы.

Последовавшие вскоре договоры между ФРГ и СССР, заключенные новым западногерманским канцлером Брандтом и свидетельствовавшие об успехе советской дипломатии, вызвали серьезное недовольство в Вашингтоне. Попытки администрации не допустить развития отношений СССР со странами Западной Европы и противодействовать активизации отношений этих стран с Москвой закончились неудачей.

Отсюда стремление Вашингтона максимально укрепить связи внутри НАТО и свое руководство в этой организации наряду с попытками как-то активизировать отношения с СССР, чтобы они снова стали для Москвы приоритетными по сравнению с отношениями с Западной Европой.

В советско-американских отношениях накопилось немало проблем. Именно поэтому госсекретарь Роджерс пригласил меня к себе домой на обед для неофициальной беседы в начале июля.

Он поднял прежде всего вопрос о Ближнем Востоке. В Москве, видимо, не представляют, сказал он, какой нажим на Вашингтон оказывает правительство Голды Меир в связи с появлением советских пилотов в ОАР (к этому времени наши пилоты по настоятельной просьбе Насера обеспечивали защиту гражданских объектов внутри Египта). Оно считает, что СССР решил стать на путь военного разгрома Израиля и что „Вашингтон не должен оставлять Израиль один на один с СССР". Из дальнейших осторожных расспросив госсекретаря было видно, что особую озабоченность у Белого дома вызывала неясность дальнейших советских намерений, - будет ли СССР увеличивать свое военное присутствие в ОАР и будут ли советские пилоты и ракеты прикрывать зону Суэцкого канала, где вероятность советско-израильских столкновений возросла бы. Американцы, чувствовалось, явно хотели бы достичь какого-то взаимопонимания с Москвой, чтобы исключить советское военное присутствие непосредственно у Суэца. В то же время с советским военным присутствием и воздушной защитой населенных пунктов ОАР в глубине ее территории - как было ясно видно по поведению Роджерса - США вынуждены были молчаливо смириться.

Говоря об ЮВА, Роджерс утверждал, что ДРВ столкнется с неблагоприятными перспективами „в случае ее упрямства". Если война будет и дальше продолжаться, заявил он со скрытой угрозой, то нельзя исключить, что Ханой, в конце концов, столкнется с ситуацией, аналогичной корейской. В этом случае может произойти своего рода стратегический раздел Индокитайского полуострова, что позволит США и их союзникам удержать соответствующую линию „от моря до моря" по 17-й параллели. К северу от этой линии будут северная часть Лаоса и ДРВ. К югу - Южный Вьетнам, южная часть Лаоса, Камбоджа и Таиланд.

Когда же я резко осудил подобный план раздела Индокитая, к тому же с включением нейтрального Лаоса, то Роджерс поправился, сказав, что такого плана у США нет, но „всякое все же может случиться".

Что же касается Китая, то Роджерс признал, что когда США начинали свою „операцию" в Камбодже, то многие в Вашингтоне думали, что теперь для Китая „врагами номер один" будут одинаково и СССР, и США и что надо считаться с тем, что китайцы могут пойти на какую-то договоренность с СССР. Однако это не случилось. Больше того, „приятным сюрпризом" было то - к некоторому удивлению администрации, - что для Пекина Москва, судя по всему, по-прежнему оставалась главным врагом, хотя, казалось бы, логика приближения к границам Китая „недружественных режимов", связанных с США, могла бы, естественно, вызвать сильную китайскую реакцию. Правда, Вашингтон неоднократно заверял Пекин, что США не собираются нападать на Китай.

Чувствовалось, что администрация Никсона совсем не прочь была дополнительно насторожить нас в отношении Китая.

Закрытое совещание у Никсона

После летнего отпуска я вернулся в Вашингтон. И чтобы войти в курс политических событий в США, провел, как обычно, ряд бесед с представителями администрации, дипломатического и журналистского корпуса.

Пожалуй, наиболее интересной была встреча (4 октября) с Гарриманом, который продолжал поддерживать тесные связи с вашингтонским истэблишментом. Я ему рассказал последние „московские новости", которыми он всегда интересовался. Со своей стороны Гарриман сообщил, что некоторое время тому назад президент Никсон провел закрытое совещание, на котором обсуждалось положение в советско-американских отношениях. С докладом выступил Киссинджер. Свои соображения высказал Никсон.

В своих выступлениях они, в частности, отметили следующее:

- „усиливающийся кризис доверия" в отношениях с правительством СССР, который был вызван „советским обманом" на Ближнем Востоке, выразившимся „в нарушениях" СССР и Египтом условий прекращения огня (установка египтянами в зоне Суэцкого канала новых ракетных зенитных батарей) и в усилении военно-морской активности русских вокруг Кубы;
- контакты президента с Москвой на высшем уровне не дают пока заметных результатов (настороженность Кремля в отношении него, как чувствовал Никсон, сохранялась);
- затягивание переговоров по ограничению стратегических вооружений, т. к. СССР не торопится переходить „на конкретику".

Из этого и Никсон, и Киссинджер делали довольно искусственный вывод о том, что налицо пока что нежелание Советского правительства искать с нынешней администрацией США решения важных международных проблем и даже попытки поставить Вашингтон в затруднительное положение по некоторым вопросам.

В то же время СССР и его дипломатия резко активизировали свою деятельность в отношениях с союзниками США по НАТО, стремясь, видимо, изолировать Вашингтон в Европе.

С учетом этого анализа, а также „нужд" разворачивавшейся тогда в США кампании по выборам в конгресс на совещании была поддержана точка зрения, предусматривавшая „ужесточение линии" в отношении СССР на ближайший период. Конечно, серьезное обострение отношений с СССР в целом нежелательно. Однако на данном этапе такое обострение имеет и свою положительную сторону: оно может быть использовано на выборах как показатель „твердости президента", позволит провести через конгресс необходимые военные ассигнования, не говоря уже о дальнейшем расширении всесторонней помощи Израилю.

Президент вместе с тем подчеркнул, что он не намерен доводить дело до прямой конфронтации с СССР, ибо вооруженный конфликт с ним „немыслим", учитывая огромный и, по существу, равный ракетно-ядерный потенциал обеих стран. Он сказал далее, что не хотел бы, чтобы сильное обострение отношений с Москвой продолжалось бы до конца его президентства. Лозунг „переговоры, а не конфронтация" не снимается, хотя на известный период времени он и не будет пропагандироваться.

Поэтому, по словам Никсона, нынешняя линия в отношении СССР должна носить, скорее, тактический характер: оказать давление на Советский Союз, используя арсенал различных военно-политических средств, чтобы насторожить советское руководство и подвести его к выводу, что необходимо „всерьез" принимать президента и в целом нынешнюю администрацию.

Интересно, что вскоре в частной беседе со мной банкир Дэвид Рокфеллер высказал мнение, что главное сейчас в наших отношениях с Никсоном -„преодолеть у него психологический барьер", т. к. он считает, что СССР бросает ему вызов „везде, где можно", и что он поэтому „одержим идеей соревнования с русскими в глобальном масштабе". В принципе же, по словам Рокфеллера, Никсон был бы готов пойти на компромисс.

Примерно то же говорил мне и сенатор Фулбрайт. Правда, он делал особый упор на негативное влияние на Никсона произраильского лобби в США.

Все же осенью 1970 года имело место некоторое продвижение в двусторонних отношениях. 29 октября было подписано советско-американское соглашение о совместном космическом полете и стыковке космических кораблей. 2 ноября - 18 декабря в Хельсинки продолжались советско-американские переговоры об ОСВ (без большого успеха). Была достигнута договоренность о возобновлении переговоров 15 марта 1971 года в Вене. 11 декабря было подписано советско-американское соглашение о рыболовстве, регламентировавшее промысел рыбы Советским Союзом у Атлантического побережья США.

Анализируя события за год, можно констатировать, что в целом он был довольно безрезультатным в советско-американских отношениях. Чем это можно объяснить?

Администрация не проявляла еще настоящего стремления рассматривать советско-американские отношения в числе наиболее приоритетных в своей внешней политике. Весьма показательна в этом смысле почти полная тогда пассивность Киссинджера на этом направлении.

В Москве продолжали еще с подозрением относиться к Никсону, хотя и не прочь были развивать с ним отношения. Однако поле для такого развития было узким. Война во Вьетнаме, разногласия по Ближнему Востоку и в Европе мешали активизации отношений. Пожалуй, наиболее заметной

областью взаимодействия были переговоры по ограничению стратегических вооружений, однако администрация Никсона на первых порах сознательно не проявляла к ним большого интереса, надеясь заставить таким образом Москву пойти ей навстречу в других вопросах. Конфиденциальный канал, по существу, не был еще активно задействован.

3. БЕЛЫЙ ДОМ АКТИВИЗИРУЕТ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ. КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ КАНАЛ

В 1971 году администрация Никсона проводила более активный внешнеполитический курс.

Несмотря на войну во Вьетнаме и „сенсационные контакты" с Пекином, отношения с СССР все больше приобретали для Никсона важное значение. Значительно активизировал свою деятельность лично Киссинджер, включившись, в частности, в закулисные переговоры с советским послом, в первую очередь по вопросу от ограничении стратегических вооружений и встрече на высшем уровне. Особое значение имело объявление о достигнутой договоренности относительно поездки Никсона в Москву в 1972 году.

Именно желание получить согласие Москвы на такую встречу подталкивало Никсона к тому, чтобы достичь договоренности по берлинскому вопросу, занять более конкретную позицию по стратегическим вооружениям, а также согласиться на размещение в США заказов для строительства Камского автозавода и сделать некоторые другие шаги в области двусторонних отношений. 30 сентября Громыко и Роджерс подписали два соглашения, выработанных на переговорах в Хельсинки - Вене: соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США и соглашение об усовершенствовании линии прямой связи Кремль - Белый дом.

Но по-прежнему малопродуктивным был подход Белого дома к вопросу о мирном урегулировании на Ближнем Востоке. Хотя активность американской дипломатии явно возросла, она, однако, была направлена не на выработку окончательного мирного урегулирования, а на фактическую подмену его выгодным Израилю так называемым „промежуточным соглашением" и преследовала цель закрепить единоличную посредническую роль США на Ближнем Востоке в расчете потеснить позиции СССР в этом районе.

В Индокитае осуществлялась „вьетнамизация", т. е. упор на южновьетнамские войска, благодаря чему Никсону удалось сократить в 1970 году численность американских войск и их потерь в Южном Вьетнаме. И все же и в 1971 году администрация Никсона вопреки своим обещаниям не вывела страну из вьетнамской войны, которая продолжала оставаться острейшей внешнеполитической и внутриполитической проблемой для США.

Политбюро определяет курс на перспективу

В канун 1971 года в советском руководстве обсуждалось неудовлетворительное положение дел в советско-американских отношениях. В январе Громыко и Андропов обратились в Политбюро с совместной аналитической запиской „О состоянии советско-американских отношений и основных направлениях нашей дальнейшей политики в отношении США".

Авторы записки оценивали будущее без большой надежды на скорое улучшение отношений с США, исключали возможность установления подлинно хороших, тем более дружественных отношений с США. Ни о какой разрядке в этих отношениях оба руководителя в тот момент и не помышляли, хотя она и была не за горами.

В записке отмечалось, что двухлетнее пребывание у власти администрации Никсона свидетельствовало о том, что политика США в отношении СССР не претерпела изменений принципиального характера по сравнению с тем периодом, когда она направлялась президентами от демократической партии - Кеннеди и Джонсоном. Агрессивные действия США в Индокитае, поддержка израильской агрессии и другие враждебные СССР акции определяли состояние современной международной обстановки и являлись главными источниками трений в советско-американских отношениях. „Противостояние СССР и США, - указывалось в записке, -будет, видимо, представлять собой длительную историческую полосу независимо от того, в какой последовательности будут сменять друг друга у власти в США представители республиканской или демократической партий".

Отмечалось, что у Никсона четко прослеживается линия на увязку возможных решений различных по своему характеру вопросов и установка на то, чтобы не делать ни шагу навстречу СССР, не получив чего-либо взамен в том или ином вопросе в порядке своего рода „глобального торга". Отношения с США имели весьма неровный характер и временами довольно резко обострялись.

Авторы записки сформулировали „основные задачи советской политики в отношении США". Они считали необходимым:

„1. Закрепить (путем поддержания оборонительной мощи и политическими средствами) признание американскими правящими кругами в качестве важнейшей национальной задачи США так вести свои международные дела, чтобы не возникало опасности прямого столкновения с СССР в результате резкого обострения в Двусторонних отношениях или конфликта на периферии. Подводить американское руководство к пониманию пределов, за которые Запад не может переступить в осуществлении своих целей, и признанию необходимости для Запада считаться с интересами СССР.

2. В практической политике добиваться, не афишируя этого публично,
ослабления роли США в международных делах, в том числе в военно-политических союзах Запада и в стратегических районах мира (в Европе, на Ближнем Востоке, в Азии), содействуя проявлению противоречий между США и их союзниками.

3. Продолжать использовать объективную заинтересованность правительства США в поддержании контактов с СССР и проведении с нами переговоров.

4. Своей активной политикой, как в отношении США, так и КНР, продолжать ограничивать возможности сближения этих стран на антисоветской основе.

5. Важным стратегическим направлением нашей политики остается поддержка стран „третьего мира" в их борьбе с империализмом.

6. Продолжать наше идеологическое наступление на устои капитализма.

7. Борьба против американского сионизма. Надо подводить массы американцев к пониманию, что произраильская деятельность сионистов на практике оборачивается антиамериканизмом, нанося ущерб национальным интересам США, особенно в том, что касается сохранения нормальных отношений между США и СССР и урегулиро вания актуальных проблем, вызывающих напряженность в мире.

...В обозримом будущем, говорилось в заключение, было бы, разумеется, нереальным рассчитывать на установление подлинно хороших, тем более дружественных отношений с США. Эти отношения и в дальнейшем будут оставаться сложными, противоречивыми и временами остро напряженными. Но общая генеральная линия советской внешней политики, нацеленная на обеспечение мирного сосуществования, должна оставаться в полной мере применимой и к США, с упором на достижение с США договоренности по тем вопросам и в тех пределах, где это возможно и где договоренность соответствовала бы нашим интересам".

Что касается отношений с самим президентом Никсоном, то предлагалось довести до его сведения, что отношение к нему Москвы (в том числе и в ходе предвыборной борьбы за пост президента на второй срок) будет всецело зависеть от характера его действий в вопросах, затрагивающих интересы СССР, т. е. от его реальной политики, а не декларативных заявлений. В целом,, как указывалось в записке, необходим взвешенный подход к Никсону, с учетом возможного его переизбрания на пост президента.

8 вопросе о возможной встрече на высшем уровне предлагалось про должать осуществление прежней линии, предусматривавшей возможность ее проведения на территории СССР (в отличие от прошлого, когда встречи с американскими президентами проводились только на территории США или „третьих стран"). „Встреча должна продемонстрировать Вашингтону, что мы уверены в прочности международного положения СССР и вместе с тем готовы к сотрудничеству с США и поискам взаимоприемлемых решений международных проб лем. Отношения с США являются на данном этапе определяющим фактором между народной обстановки, и с точки зрения наших долговременных интересов целе сообразно, чтобы, несмотря на присущие этим отношениям колебания, они имели перспективу на развитие".

Записка Громыко и Андропова с их рекомендациями была одобрена Политбюро в качестве директив на будущее. Любопытным образом она совпала с активизацией конфиденциального канала с американской стороны.

9 января Киссинджер специально прилетел из Сан-Клементе (где он находился вместе с Никсоном в его резиденции), чтобы переговорить со мной до моего отлета в Москву и передать некоторые соображения прези дента для советского руководства.

По мнению Вашингтона, состояние советско-американских отношений, как, несомненно, считают и в Москве, оставляет желать лучшего. С учетом фактора времени - в 1972,году в США состоятся президентские выборы -реально остается один 1971 год, который, по существу, будет решающим с точки зрения того, удастся ли обеим странам стать на путь решения крупных международных вопросов и, следовательно, улучшения советско-американских отношений.

Как сказал Киссинджер, президент предлагает: по берлинскому вопросу провести сугубо конфиденциальный обмен мнениями по доверительному каналу; по Ближнему Востоку возобновить двусторонний диалог по урегулированию; по ограничению стратегических вооружений сначала достичь

договоренности по оборонительному оружию, а затем добиваться соглашения в области наступательного оружия.

По-прежнему представляется важной встреча на высшем уровне, особо подчеркнул он.

После беседы с Киссинджером у меня создалось впечатление, что в Сан-Клементе у него с Никсоном состоялся масштабный разговор о советско-американских отношениях в плане необходимости их активизации. Во всяком случае, с их стороны делалась первая серьезная попытка в этом направлении. Об этом своем впечатлении я и доложил в Москву, посоветовав позитивно отреагировать на соображения президента, переданные его помощником по национальной безопасности.

На это обращение Никсона последовала достаточно быстрая ответная реакция. 23 января я вновь встретился с Киссинджером и сообщил ему для передачи президенту, что в Москве подтверждают целесообразность встречи на высшем уровне. Она могла бы состояться во второй половине лета текущего года. Советское правительство в принципе считает приемлемым тот круг вопросов, который назывался президентом для встречи: Европа, Западный Берлин, ограничение стратегических вооружений, ближневосточное урегулирование, индокитайские проблемы. Киссинджер обещал сразу же доложить президенту это „важное сообщение".

Через пять дней Киссинджер сообщил, что президент согласен с соображениями Советского правительства в отношении встречи на высшем уровне. Затем, сославшись на то, что президенту и ему „физически трудно" заниматься одновременно тремя крупными проблемами (Западный Берлин, ПРО и Ближний Восток), Киссинджер предложил „пока" сконцентрировать усилия по конфиденциальному каналу на первых двух проблемах. Ближний Восток он великодушно оставлял пока на попечение госдепартамента и госсекретаря Роджерса, хорошо зная, что этот вопрос носит затяжной . характер. Мы не возражали против такого их „разделения труда".

Тем временем без особых затруднений завершалась подготовка „Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в их недрах ядерного и других видов оружия массового уничтожения". 11 февраля состоялось подписание этого договора одновременно в Москве, Вашингтоне и Лондоне.

Нестабильность отношений. Попытка похищения Киссинджера

25 февраля президент Никсон направил конгрессу послание „Внешняя политика США на 70-е годы", в котором дал неоднозначную оценку состоянию советско-американских отношений. Он заявил что, с одной стороны, достигнут прогресс в переговорах об ОСВ, разрешении берлинской проблемы, в сотрудничестве в таких областях, как торговля и исследования космического пространства. С другой стороны, указывал он, „советская политика на Ближнем Востоке, в Берлине и на Кубе не обнадеживает". Никсон отклонил предложение СССР созвать Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе под предлогом, будто отсутствует „политическая основа для улучшения отношений между Востоком и Западом".

В течение февраля - марта у меня было несколько встреч с Киссинджером, на которых обсуждались вопросы ограничения стратеги-

ческих вооружений. В связи с тем, что на советско-американских переговорах возникли определенные трудности, связанные с конкретными ограничениями стратегических наступательных вооружений, необходимо было попытаться предварительно договориться о заключении отдельного соглашения по ограничению систем ПРО и подписании его на встрече на высшем уровне, а затем обсудить вопрос о подвижках в области стратегических наступательных вооружений. Этот вариант и обсуждался по конфиденциальному каналу.

В ходе одной из встреч Киссинджер рассказал о заговоре против него, раскрытом недавно, но не преданном гласности по указанию Никсона.

Случай довольно показательный для нравов Америки. Речь шла о попытке похищения нескольких основных помощников президента, включая Киссинджера. Террористическая группа была достаточно профессионально подготовлена, и, видимо, она не остановилась бы перед убийством, если бы ей было оказано сопротивление в момент организации похищения. Цель похищения: заставить президента освободить некоторых политических заключенных, а также попытаться добиться от Белого дома обещаний относительно изменений курса в некоторых вопросах внутренней и внешней политики (Вьетнам, деятельность „Черных пантер" и т. п.). Распоряжением президента трех его основных помощников, включая Киссинджера, круглосуточно охраняли агенты секретной службы. Для охраны двух своих детей (от первого брака), живших в Бостоне, Киссинджер сам нанял частных детективов. (Интересно, что секретная служба США дала Киссинджеру, кодовое имя „Дровосек" (Woodcutter), не совсем подходящее для такого великого интеллектуала.)

С тех пор Киссинджер ездил по Вашингтону в окружении охранников.

Киссинджер рассказал также, что президент получает немало угроз в свой адрес, хотя и меньше, чем получал Джонсон. Решено было затратить еще 50 тыс. долларов для усиления пуленепробиваемости автомобиля и вертолета президента.

Параллельно с обсуждением с Киссинджером проблем ОСВ я в течение февраля несколько раз встречался с Роджерсом и заместителем госсекретаря Сиско по вопросам Ближнего Востока, однако в наших беседах мы не смогли достичь продвижения.

Кубинское направление также не оставалось безоблачным. В середине февраля Киссинджер заявил мне, что президент с растущей озабоченностью наблюдает за расширением деятельности советского подводного флота и обслуживающих его судов, которые пользуются портами Кубы. Дело в том, что в порту Сьенфуэгос была поставлена на стоянку советская ремонтная плавбаза для подводных лодок и несколько барж для хранения ремонтных материалов. Для меня это было новостью, т. к. Москва, как и раньше, не информировала наше посольство о своей деятельности на Кубе. Под нажимом американцев мы постепенно свернули на острове ремонтное обслуживание наших подводных лодок.

В свою очередь, мною 26 февраля было сделано представление Советского правительства по поводу опасности расширения применения Соединенными Штатами военной силы в Индокитае. 5 марта Киссинджер передал ответ Никсона: „как жест доброй воли" в нашу сторону он заявил о своем намерении не вторгаться в ДРВ.

Интересными соображениями поделился лидер республиканцев в сенате Скотт, хороший знаток китайских дел. В беседе со мной он рассказал об

американо-китайских взаимоотношениях. Разными путями президент Никсон давал знать Пекину, что нынешняя американская операция в Лаосе носит ограниченный характер и что Вашингтон не имеет никаких намерений двигаться выше к северу, т. е. к границам Китая. По оценке Белого дома, главное внимание пекинского руководства по-прежнему сосредоточено на противоборстве - в широком смысле этого слова - с СССР.

Никсон и его советники, по словам Скотта, не считают, что Китай готов сейчас к повторению корейского варианта, т. е. вторжению своими силами в Индокитай. В Корее американская армия слишком близко подошла к границам самого Китая. Сейчас этого нет, и Никсон не намерен повторять „ошибку генерала Макартура". Кроме того, в Корее Китай и СССР были вместе. Сейчас же единого фронта нет. В целом же Никсон считал, что военное положение во Вьетнаме значительно лучше, чем при Джонсоне.

Активизация диалога между Никсоном и советским правительством

В середине марта я информировал Киссинджера, что скоро вылетаю в Москву на съезд партии, делегатом которого я был избран. Через некоторое время он сообщил, что в связи с моим отъездом президент Никсон хотел бы передать советскому руководству ряд своих соображений.

По мнению Никсона, по таким вопросам, как ограничение стратегических вооружений, советская сторона не проявляет заметной активности. У президента также создалось впечатление относительно какой-то „тени неопределенности" и в том, что касается встречи в верхах, о которой была достигнута договоренность в начале этого года. Президент продолжает считать ее полезной. Он думает, что если все заинтересованные стороны приложат усилия, то можно было бы достичь соглашения по Западному Берлину примерно к июлю. Мог бы быть подготовлен примерно к тому же сроку и текст соглашения об ограничении систем ПРО, если переговоры по нему будут вестись в том же темпе, какой фактически предлагается советской стороной по Западному Берлину. В этих условиях на встрече можно было бы подписать соглашение по ПРО. Одновременно после завершения переговоров по Западному Берлину можно было бы договориться и о проведении общеевропейского совещания. Такое совещание могло бы тогда быть созвано в 1972 году. На встрече были бы также обсуждены положение на Ближнем Востоке и некоторые другие вопросы. Таковы соображения президента, сказал Киссинджер. Надеемся, что в Москве к ним отнесутся со всем вниманием.

Надо признать, что это было важное сообщение, хотя и не облеченное в официальную форму. Никсон четко давал понять, что он готов к советско-американской встрече на высшем уровне уже в текущем году. Больше того, он обрисовал достаточно впечатляющую повестку дня, которая, по существу, включала многие вопросы, выдвигавшиеся нами.

Из это сообщения позднее стало ясно, что Никсон был в этот момент готов к встрече с советским руководством еще до поездки в Китай (хотя он прямо это не говорил) и до соответствующих договоренностей с китайскими руководителями, хотя некоторые американские историки утверждают обратное.

Несомненно, это сообщение ставило также целью повлиять на советское руководство накануне съезда партии, на котором должны были рассматриваться и вопросы отношений с Америкой. Скажу, что оно произвело достаточно благоприятное впечатление в Кремле, подкрепив стремление Брежнева улучшить отношения с США. Однако оно оказалось недостаточным, чтобы подтолкнуть руководителей Кремля к встрече на высшем уровне уже в этом году (она, как известно, состоялась лишь в 1972 году.) Москва явно хотела выторговать побольше, прежде чем дать согласие на такую встречу. А это лишь ускорило визит Никсона в Китай, о котором Москва в тот период и не догадывалась.

30 марта - 9 апреля 1971 года состоялся XXIV съезд КПСС. Страна находилась в сложном положении.

Высшее руководство партии стало понимать, что нужно принять меры для более полного удовлетворения насущных нужд населения и сокращения технологического и экономического разрыва между Востоком и Западом. Однако оно еще не готово было пойти на какое-то решение внутренних политических проблем страны, путем хотя бы некоторой либерализации. Диссиденты рассматривались как враги режима. Инакомыслие по-прежнему преследовалось.

Однако реальная обстановка, сложившаяся в мире, и состояние экономики страны подталкивали руководство к улучшению отношений с Европой и США.

В целом съезд поддержал линию на мирное сосуществование государств и на нормализацию отношений с США. Сам Брежнев теперь чувствовал себя более свободным в том, что касалось внешней политики, и в частности в отношении встречи с Никсоном.

По окончании съезда состоялось заседание Политбюро, на котором более конкретно обсуждались отношения с США, а также привезенное мною обращение Никсона. Я высказал мнение, что условия, предлагаемые президентом для организации встречи на высшем уровне, дают неплохую базу для договоренности о встрече. Косыгин поддержал меня. Другие также стали склоняться к этому. Однако Громыко довольно неожиданно стал настойчиво утверждать, что надо использовать заинтересованность Никсона во встрече для решения главного для СССР - на данный момент - вопроса о Западном Берлине, который „передается от одной администрации США к другой". Большинство во главе с Брежневым приняло, в конце концов, аргументацию министра о том, что „встреча с Никсоном никуда не убежит", тем более в условиях продолжающейся американской интервенции в Индокитае и приближающихся президентских выборах в США.

После заседания Политбюро в беседе наедине Брежнев сказал мне, что ему приходится считаться с мнением большинства, но что я взял правильный курс на встречу в верхах и этим надо руководствоваться в дальнейшем. Встреча, скорее всего,. состоится в следующем году, добавил он. Брежнев сказал далее в сугубо доверительном плане, что он очень хочет побывать в Америке и надеется, что это удастся осуществить после визита Никсона в СССР. „Так держать курс!" - шутливо скомандовал он мне.

После возвращения в Вашингтон я встретился (23 апреля) с Киссинджером в Белом доме. Рассказал ему о работе XXIV съезда КПСС, в основном применительно к советско-американским отношениям. Президент, сказал Киссинджер, приветствует ту часть доклада Брежнева, где говорится о конструктивном подходе к отношениям между нашими странами.

Сообщил о готовности Советского правительства произвести обмен письмами с президентом по вопросам, связанным в первую очередь с ограничением системы ПРО. Киссинджер расценил это как серьезный шаг к взаимоприемлемой договоренности.

Затем я перешел к вопросу о встрече на высшем уровне. В соответствии с поручением сказал ему, что позитивная в принципе точка зрения Советского правительства была уже ранее сообщена президенту Никсону. Затем, как бы „от своего имени" (таковы были данные мне инструкции Политбюро), я высказал большие сомнения в возможности реализации идеи встречи в верхах, если к тому времени не будет достигнуто соглашение по Западному Берлину.

Эта часть моего сообщения явно оказалась неожиданной для Киссинджера. Он воспринял мои слова очень нервно. Запальчиво заявил, что не может принять ультимативной увязки, которая сейчас устанавливается между достижением соглашения по Западному Берлину и встречей в верхах, и что президенту тогда ничего не остается, как отказаться от встречи.

Ответил, что мне непонятна его горячность. Тут нет никаких ультиматумов. Общественность многих стран, да и наших, продолжал я, просто не воспримет советско-американскую встречу, если при этом сохранится напряженность вокруг Западного Берлина. В душе мне, конечно, было понятно недовольство Киссинджера, но не мог же я рассказать ему, что произошло на заседании Политбюро.

После такого нашего ответа неудивительно, что Никсон - как потом выяснилось - поставил свой политический компас на поездку в первую очередь в Китай, а не в СССР.

Через четыре дня я встретился с Киссинджером по его просьбе. По поручению президента, он остановился на трех вопросах: о встрече в верхах, о переговорах по Западному Берлину и по стратегическим вооружениям.

Президент давно отметил неопределенность позиции и колебания советского руководства в вопросе о встрече в верхах, сказал он. Видимо, в Москве есть свои соображения на этот счет, которые президент не может не учитывать. В этой связи президент не считает себя вправе поднимать больше вопрос перед советским руководством о конкретной дате встречи в верхах. Он не может также согласиться с увязкой этого вопроса с предварительным решением другого вопроса (намек на Западный Берлин), хотя и готов продолжать обсуждение, независимо от этого, любых международных проблем. Президент оставляет поэтому вопрос о встрече вообще пока открытым на неопределенное время и не будет больше его поднимать. Он вместе с тем будет готов вернуться к его обсуждению, когда, по мнению Москвы, сложатся условия для такой встречи.

Что касается Западного Берлина, сказал Киссинджер, то события, к сожалению, показали, что решение этого вопроса продвигается медленнее, чем они надеялись. Президент готов, однако, продолжать поиск соглашения. Киссинджер, по его словам, говорил на эту тему с советником канцлера ФРГ Баром, который настроен позитивно (последний действительно немало сделал для улучшения отношений ФРГ с СССР).

Спустя несколько дней Киссинджер, немного остыв, счел все же нужным, с ведома Никсона, опровергнуть появившиеся в американской прессе спекуляции о том, что в подходе к вопросу об улучшении отношений с Пекином администрация США руководствуется антисоветскими соображе-

ниями. В целом чувствовалось, что Белый дом хочет как-то сбалансировать возможное влияние последующего флирта между Вашингтоном и Пекином на советско-американские отношения.

В один из вечеров в начале мая у меня была интересная беседа с влиятельным сенатором Саймингтоном. Он устроил ужин „на троих": был еще его друг, сенатор Фулбрайт, председатель сенатского комитета по иностранным делам. Они выразили желание откровенно поговорить со мной о советско-американских отношениях.

По мнению сенаторов, позиция СССР по ряду вопросов достаточно конструктивная и отражает стремление найти взаимные компромиссы. Однако в Москве недостаточно учитывают американскую специфику, когда средства массовой информации, используя закулисные каналы администрации „по умышленной утечке информации", дают направленную, одностороннюю информацию, искажающую истинное положение дел, в том числе и на советско-американских переговорах по разным вопросам.

Таким образом, администрация становилась монопольным обладателем информации в том, что касается отношений с СССР. Москва явно отставала в оперативности и гибкости форм при продвижении в общественное мнение своей позиции, а порой просто упорно отмалчивалась, когда речь шла о конкретных советско-американских переговорах (сенаторы тут были, бесспорно, правы, т. к. Громыко был просто одержим секретностью, и не только представители прессы, но порой и многие советские дипломаты ничего толком не знали о наших позициях, тем более о динамике их развития). Все это ставило и ставит оппозицию в сенате США, подчеркнули мои собеседники, в весьма трудное положение, поскольку мы не имеем конкретных убедительных аргументов против зигзагов Белого дома в переговорах с Москвой.

Короче, они призывали нас продумать вопрос о лучшем пропагандистском обеспечении советской позиции по важнейшим внешнеполитическим проблемам с учетом чисто американской специфики.

Надо сказать, что этот вопрос я ставил перед Москвой неоднократно. Несколько раз он обсуждался на уровне правительства. Принимались решения, но ничего не менялось - громоздкая советская пропагандистская машина, требовавшая согласования на многих уровнях и инстанциях, не поспевала за ходом событий.

Непростой вопрос о встрече на высшем уровне

В середине мая мне неожиданно позвонил Киссинджер. В Вашингтон прилетел из Женевы Смит, глава американской делегации на переговорах по стратегическим вооружениям. Он представил Никсону меморандум о своей беседе с главой советской делегации послом Семеновым, которая состоялась во время прогулки на лодке по озеру. В меморандуме излагались „соображения Семенова", которые, по убеждению Смита, „открывали, наконец, дорогу к соглашению".

К великому удивлению президента, сказал Киссинджер, соображения Семенова, изложенные в меморандуме, охватили те пункты, по которым сам президент вел негласные переговоры с Советским правительством по конфиденциальному каналу, о чем Смит и его делегация ничего, разумеется, не знали.

Киссинджер запальчиво заявил, что мы пренебрегаем конфиденциальным каналом и стремлением президента Никсона поддерживать личный контакт с советскими руководителями, что мы „предпочитаем" обычные дипломатические каналы, хотя знаем, что они дают много утечек и что это может поставить под удар Никсона и его самого. „Мы можем полностью прекратить использовать этот канал".

Ответил, что использование канала - дело, конечно, добровольное, но уверен, что тут произошло какое-то недоразумение, возможное в сложных условиях ведения переговоров на двух уровнях (как выяснилось впоследствии, Семенов случайно узнал в Москве о переговорах по конфиденциальному каналу и решил сам проявить инициативу в том же направлении).

Тем временем мы вместе с Киссинджером провели в течение недели интенсивное согласование текста обменных писем на высшем уровне, связанных с ограничением систем ПРО. Краткие официальные сообщения на эту тему были опубликованы 20 мая. Одновременно произошел обмен конфиденциальными текстами (Косыгин - Никсон) насчет компромиссной договоренности по ОСВ. Суть ее сводилась к следующему: достигнута договоренность о том, чтобы в текущем году целиком сосредоточиться на решении вопросов, связанных с ограничением систем ПРО, с тем чтобы после заключения отдельного соглашения по ПРО вести активные переговоры по ограничению стратегических наступательных вооружений. В целях содействия созданию более благоприятных условий для достижения соглашения по ограничению стратегических наступательных вооружений считается приемлемой- идея „замораживания" стратегических вооружений и выражается готовность к достижению общей позиции относительно этих вооружений. „Замораживание" не должно затрагивать возможности модернизации и замены таких вооружений.

10 июня состоялась еще одна продолжительная встреча с Киссинджером, на этот раз в загородной резиденции президента Кэмп-Дэвиде (Никсона там не было). Сам-выбор такого необычного места для встречи как бы подчеркивал ее значимость. Он сказал, что, по поручению президента, хотел бы „в спокойной обстановке" провести общий обзор наших отношений по конкретным вопросам.

После шестичасовой беседы (почти по всем вопросам с акцентом на позитив) Киссинджер снова поднял вопрос о возможном визите Никсона в СССР. Чувствовалось, что весь проведенный им „обзор" был прелюдией к этому основному вопросу беседы - о встрече в верхах.

Отметив готовность президента обсудить при личной встрече с советскими руководителями конкретные взаимные шаги в Европе с целью „начать там развязку" проблем, Киссинджер подчеркнул далее, что Никсон придает сейчас большое значение обмену мнениями ввиду сложного и опасного положения, сложившегося на Ближнем Востоке. В этом смысле, Добавил он, ближневосточный вопрос в предлагавшейся ранее президентом повестке дня (она оставалась в принципе той же) для обсуждения на встрече в верхах передвигался теперь на одно из первых мест. Никсон хотел бы переговорить по этому вопросу с глазу на глаз с Брежневым, без присутствия кого-либо из американцев (даже переводчик - советский). Если бы в результате такого „откровенного разговора" была достигнута сугубо негласная договоренность с советским руководством, президент

нашел бы возможность, не отдавая кому-либо отчета в своих действиях, выполнить свою часть договоренности.

К сожалению, эта интересная попытка Никсона достичь договоренности или взаимопонимания не была нами использована в интересах поиска компромисса. А момент был благоприятный ввиду озабоченности Вашингтона активизацией советских военных поставок арабским странам, особенно Египту и Сирии. Наша излишняя привязанность к политике арабских стран мешала проводить самостоятельную политику на Ближнем Востоке.

В заключение Киссинджер просил передать советскому руководству -если в принципе визит президента приемлем для Москвы - предложения о возможных сроках такого визита. Для президента наиболее подходящим временем был бы сентябрь (как видно, Никсон не терял надежду на встречу еще в 1971 году и, возможно, до поездки в Пекин). Вторым возможным сроком мог бы быть период между мартом и маем 1972 года.

Я обещал доложить в Москву предложения президента. Нужно было определиться со сроками встречи.

Однако в Политбюро продолжались разногласия на этот счет. Вскоре я получил указание встретиться лично с Никсоном.

Президент принял меня 15 июня. Но речь шла о другом вопросе: я вручил ему текст заявления Советского правительства относительно созыва конференции пяти ядерных держав для рассмотрения вопросов ядерного разоружения. Дал ему соответствующие пояснения.

Выслушав, президент сказал, что он внимательно изучит это важное предложение. Вместе с тем он хотел бы высказать в сугубо неофициальной, но откровенной форме некоторые предварительные соображения, чтобы они дошли до Советского правительства, но не фигурировали в официальных каналах „госдепартамент - МИД".

Я не хочу выглядеть циником, начал Никсон. Я реалист, как и советские руководители. В мире сейчас существуют только две по-настоящему ядерные державы: СССР и США. Остальные три фактически - по ядерному потенциалу - ни в какое сравнение не могут идти с первыми двумя, хотя они и всячески пыжутся из престижных соображений. Этот разрыв сохранится надолго. В этих условиях, продолжал он, не получится ли так, что основной упор на конференции будет сделан на ядерном разоружении двух главных держав, в то время как трех других это мало коснется. Они могут сразу потребовать сокращения ядерного потенциала СССР и США до их уровня, прежде чем вести серьезные переговоры о собственном ядерном разоружении. Возникает вопрос и о статусе представителей пяти держав на такой конференции. Из его рассуждений было видно, что он не без интереса относится к идее встречи „пятерки" на высшем уровне, но не по такому вопросу. В конце беседы он предложил продолжить обмен по конфиденциальному каналу.

Позиция Никсона, на мой взгляд, заслуживала внимания.

Затем он высказал ряд соображений о советско-американских отношениях. За последнее время в этих отношениях наметилось некоторое улучшение, хотя пока и не очень большое.

В известном смысле наши отношения вступают сейчас в важный период, период испытаний и возможностей, когда можно, при наличии доброй воли с обеих сторон, продвинуться по основным направлениям еще до того, как с середины следующего года внимание США, по традиции, будет больше обращено во внутрь в связи с предвыборной кампанией, отметил он.

В настоящее время, продолжал президент, два главных вопроса являются приоритетными в наших отношениях: это достижение соглашения по Западному Берлину и соглашения в области сокращения стратегических вооружений. Есть и другие вопросы. Например, Ближний Восток, но его быстро не решить. Главное тут не допустить нового вооруженного конфликта.

Затем не без колебаний он добавил, что советским руководителям, конечно, известны соображения „по важному вопросу", которые были недавно высказаны Киссинджером по его личному поручению (Никсон явно вел разговор о встрече в верхах, но прямо этих слов не произносил). Он надеется, что советское руководство отнесется к этим соображениям с таким же вниманием, как он сам относится к соответствующим соображениям Москвы по другим вопросам, в том числе и по берлинскому вопросу.

В целом, сказал в заключение президент, он лично считает, что в предстоящие до предвыборной кампании месяцы „можно совершить прорыв" в советско-американских отношениях.

В личном плане я согласился с такой его оценкой. Одновременно я посоветовал Москве подумать о более конкретном ответе насчет встречи.

Надо сказать, что в американском руководстве, включая высший эшелон госдепартамента, в это время разгорелись споры в отношении приоритетов во внешней политике США: СССР или Китай? Просматривалось два „лагеря". Одни склонялись к тому, чтобы сделать приоритетной договоренности с СССР, учитывая роль СССР и США в мире. Другие выступали за первоочередную активизацию отношений с Китаем, ибо это может помочь скорее закончить войну во Вьетнаме, а также оказать соответствующее давление на СССР, поскольку Москва вряд ли захочет иметь натянутые отношения и с Вашингтоном, и с Пекином.

Об этом мне рассказывал в середине июня Томпсон, который продолжал быть советником Белого дома. По его впечатлению, на основании бесед с президентом, последний стремился держать пока открытыми обе возможности. Однако решался этот вопрос в глубокой тайне на уровне Никсон - Киссинджер.

Накануне предстоящей продолжительной „ознакомительной" поездки Киссинджера в Южную и Юго-Восточную Азию (фактически главной его целью была негласная поездка в Пекин, но он тщательно скрывал это) у меня состоялась с ним длительная беседа. В ходе этой встречи помощник президента оптимистично говорил в отношении завершения переговоров по Западному Берлину. Он высказал готовность США предложить на переговорах по ПРО полную ликвидацию систем противоракетной обороны в обеих странах, такая возможность заложена в инструкциях для американской делегации, если мы с этим согласны, сказал он.

К сожалению, это предложение по ПРО не нашло благоприятного отклика в Москве, ибо такая система уже строилась вокруг нашей столицы. Однако это была еще очень несовершенная система и отказ от нее позволил бы кардинальным образом решить одну из важнейших проблем разоружения: полный отказ от ПРО. Достаточно вспомнить Дальнейшую динамику развития этого вопроса вплоть до „звездных войн" Рейгана, чтобы понять, какая важная возможность была упущена нами.

Никсон решает ехать сначала в Пекин

После нескольких напоминаний я получил, наконец, из Москвы (5 июля) ответ Советского правительства относительно встречи в верхах. Поскольку Киссинджер был в отъезде, это сообщение было передано Белому дому через его заместителя генерала Хейга, который сказал, что это „хорошее известие" он срочно доложит президенту и Киссинджеру.

Суть ответа сводилась к следующему: реально условиться о каком-то взаимоприемлемом конкретном сроке ближе к концу текущего года - например, в конце ноября или в декабре. Окончательный срок встречи можно было бы уточнить дополнительно.

Наш ответ уже не мог существенным образом повлиять на решение Никсона совершить поездку в Пекин и на его намерение, как только будет получено подтверждение от Киссинджера, опубликовать об этом специальное сообщение, умышленно оставив общественное мнение и Москву в догадках: как же быть с Советским Союзом?

Надо признать, что Москва была в полном неведении относительно этого решения Никсона; оно было строжайшим секретом президента и Киссинджера. Советское правительство в этот момент вообще не думало о такой возможности, учитывая давние плохие отношения США с Китаем после прихода там к власти коммунистов. Москва, конечно, ничего не знала, когда решала вопрос о встрече на высшем уровне с Никсоном. Тем большим было замешательство в Кремле, когда стало известно о предстоящей поездке Никсона в Китай.

15 июля в 9 часов вечера меня неожиданно пригласили в Белый дом для срочного разговора по правительственному телефону с Киссинджером, который после возвращения из Азии находился с президентом в его калифорнийском доме в Сан-Клементе.

Помощник президента сказал, что через час по телевидению выступит Никсон, который сообщит, что Киссинджер посетил Пекин с 9 по 11 июля, где встречался с Чжоу Эньлаем. В результате этой встречи Чжоу Эньлай от имени правительства КНР пригласил президента Никсона, в ответ на его пожелание, посетить Китай до мая 1972 года. Президент „с удовольствием" принял это приглашение.

Все это Киссинджер говорил с заметным удовольствием, явно давая понять, что мы своими задержками с ответом президенту относительно его поездки в Москву дали китайцам возможность тактически нас переиграть. Что же, в душе я был с этим согласен.

Киссинджер сказал далее, что Никсон просил передать его личное устное обращение к Советскому правительству. (Это была явная попытка Никсона нейтрализовать неблагоприятное впечатление, которое произвело в Москве неожиданное известие о его предстоящей поездке в Китай.)

„Правительство СССР, - говорилось в обращении, - знает последовательность событий, которые предшествовали объявлению, сделанному президентом 15 июля (о поездке в Китай). Правительство США неоднократно указывало на приоритеты своей внешней политики. Президент хочет снова подтвердить содержание и дух высказываний о советско-американских отношениях, которые д-р Киссинджер сделал послу Добрынину в Кэмп-Дэвиде 8 июня и вновь 30 июня. Правительство США хотело бы продолжить и даже ускорить процесс, который был предметом обсуждения в ходе этих бесед. Заявление (сделанное президентом в связи с поездкой в Китай) не

направлено против какой-либо страны. Любой поворот вспять последних позитивных тенденций имел бы, конечно, серьезные результаты для обеих стран. Президент очень надеется, что Правительство СССР изберет путь проведения совместно с США политики поощрения и ускорения позитивного развития событий в их отношениях, проявившейся в последние месяцы".

Затем Киссинджер сказал, что президент хотел бы высказать дополнительно некоторые личные комментарии мне, как послу.

„Весьма важно, - подчеркивалось в комментариях президента, - чтобы Ваше правительство не интерпретировало бы неправильно значение этого события и чтобы обе наши страны продолжали совместно работать над всеми вопросами, которые мы обсуждали и обсуждаем в последнее время.

Вы, г-н посол, знаете лучше, чем кто-либо другой, об усилиях, которые мы предпринимали в течение последних двух лет, чтобы добиться прогресса, в частности, сделать приоритетным вопрос о встрече лидеров обеих стран.

Недавнее решение Ваших руководителей отложить нашу встречу побудило меня решить вопрос о встрече с китайцами. Эта договоренность (о встрече с китайцами) ничего не меняет в советско-американских отношениях. Перед нами сейчас два возможных пути. Мы можем продвигаться достаточно быстро вперед по различным вопросам, которые обсуждаются между нами. Настоящим мы подтверждаем такую нашу готовность. Другой путь - путь мучительной переоценки наших отношений. Мы готовы следовать любым путем. Но мы предпочли бы следовать проводимому сейчас курсу".

Чувствовалось, что Никсон в душе все же побаивался резкой советской реакции и старался заранее ее максимально самортизировать. В этом же направлении действовал и Киссинджер.

Вернувшись из Сан-Клементе, Киссинджер пригласил меня 19 июля на обед с ним вдвоем в Белом доме. Он явно хотел оправдать американо-китайскую договоренность относительно визита Никсона в Пекин, хотя я умышленно сам не поднимал этот вопрос.

Смысл его высказываний вновь сводился к тому, что эта договоренность не направлена против интересов СССР. При этом он делал упор на то, что Никсон уже давно и несколько раз поднимал вопрос о встрече с советскими руководителями, но они до сих пор тянут с конкретным ответом (против этого мне было трудно что-либо возразить).

Киссинджер рассказал о некоторых деталях своей поездки в Пекин. По его словам, Чжоу Эньлай сам пригласил Никсона приехать в Китай для встреч с Мао Цзэдуном и другими китайскими руководителями, но просил, чтобы публичное сообщение выглядело бы как обращение Никсона с предложением приехать в Пекин. Иначе у китайского руководства будет „много трудностей".

О Советском Союзе, по утверждениям Киссинджера, в его беседах в Пекине мало говорилось.

Он коснулся обсуждения в Пекине проблемы Вьетнама. Надо сказать, что уже в течение длительного времени Белый дом не затрагивал вопроса о Вьетнаме при обмене мнениями с нами по конфиденциальному каналу (последний подробный разговор был в январе 1971 года). Он сообщил об этом обсуждении, сказав, что оставляет „на усмотрение Советского правительства" наиболее целесообразное использование этой информации в части вьетнамских дел при наших контактах с правительством ДРВ.

В заключение Киссинджер сделал „широкий жест", сказав, что если в связи с его поездкой в Китай в Москве появятся вопросы, то он получил инструкцию от президента „откровенно ответить на них". Вопросов из Москвы, однако, не последовало.

27 июля Никсон сделал еще один доброжелательный жест в сторону Москвы. Он предложил (через Киссинджера) заключить отдельное соглашение „об уменьшении опасности непреднамеренного, случайного возникновения ядерной войны". Дело в том, что этот вопрос подробно, но бесплодно (из-за негативной позиции американской стороны) обсуждался в контексте переговоров по ограничению стратегических вооружений с 1969-го по 1971 год. Теперь же Никсон предлагал выделить его в отдельную договоренность.

На своей пресс-конференции (4 августа) Никсон старался представить более сбалансированно отношения США не только с Китаем, но и с СССР, как бы подчеркивая, что он ведет политику „одинакового подхода" в отношении обеих стран. Отвечая критикам, которые осуждали Никсона за то, что поездкой в Пекин он сделал предпочтение Китаю, президент утверждал, что он „просто распространяет" сейчас на Китай ту же политику перехода „от эры конфронтации без общения к эре переговоров с дискуссией", которая проводится в отношении СССР.

В тот же день посол Индии Джа доверительно рассказал мне, что во время пребывания в Индии (на пути в Пекин, но об этом визите помощник президента ничего в Дели не говорил) Киссинджер заявил индийскому руководству о заинтересованности США в сохранении „необходимого баланса сил" в Азии, и что если Пекин когда-либо пойдет на вооруженный конфликт с Индией, то Дели может рассчитывать тогда на всестороннюю помощь со стороны США.

Для правительства Индии это заявление было довольно неожиданным, поскольку само оно не поднимало такой вопрос, хотя и догадывалось, что США хотят заранее нейтрализовать неблагоприятную реакцию Дели „на какой-то американский шаг". За час до телевизионного выступления Никсона - в связи с его предстоящей поездкой в Пекин - послу Джа позвонил госсекретарь Роджерс и заверил, что этот визит не направлен против Индии и что США по-прежнему готовы оказать Индии соответствующую поддержку, если бы Китай развязал вооруженный конфликт с ней.

По словам посла, его правительство подозрительно относится к подобным маневрам администрации Никсона. Он добавил, что в Дели встревожены усиливающимися в Вашингтоне пропакистанскими настроениями и поставками в Пакистан американского оружия. Никсон, таким образом, платит Пакистану за услуги, оказанные в осуществлении негласных контактов Белого дома с Китаем и поездки Киссинджера в Пекин.

Никсон впервые пишет лично Брежневу

Киссинджер в беседе со мной (5 августа) затронул довольно необычный вопрос. Президент хотел бы впервые обратиться с личным письмом к Брежневу. Тем самым он намерен установить „более персональный контакт, исходя из убеждения и надежды, что это может сыграть свою немалую положительную роль в дальнейших контактах с советским руководством".

Этому письму предшествовала своя история. Никсон прежде адресовал свои письма Косыгину, как премьеру СССР. В Москве тем временем

продолжалась закулисная борьба между Косыгиным и Брежневым, который хотел сам вести переписку с главами других государств, но этому отчасти мешал его титул Генерального секретаря ЦК КПСС. Громыко принял сторону Брежнева и стал негласно соответственно инструктировать наших послов. Мне, в частности, он поручил переговорить доверительно с Киссинджером и „объяснить ему", что главная роль в советском руководстве принадлежит Генеральному секретарю партии, а не премьеру и что письма президента „лучше" адресовать ему. Это и было сделано.

В письме, сказал Киссинджер, Никсон прямо не затрагивает вопрос о встрече с советскими руководителями, так как не хотел быть чересчур навязчивым. Однако было бы целесообразно опубликовать сообщение о такой договоренности еще до поездки Никсона в Китай.

В письме президент излагал „ряд мыслей", касающихся взаимоотношений между США и СССР, подчеркивал важность этих отношений. Выражал понимание „особой заинтересованности" СССР в отношении стран Восточной Европы. Объяснял политику США в отношении Китая как не враждебную Москве и подтверждал заинтересованность в продолжении диалога с СССР по вопросам стратегических вооружений, Западного Берлина, Ближнего Востока, ЮВА. Он выражал готовность одновременно более детально обсудить любые отдельные конкретные вопросы.

Киссинджер сказал, что наиболее важной мыслью в послании является готовность Никсона обсуждать „масштабные вопросы", не сбиваясь на менее крупные или даже второстепенные, которые может разрабатывать исполнительный аппарат после принципиальной договоренности на высшем уровне. Важно „базисное решение" на высшем уровне, которому будут подчиняться действия представителей обеих стран на разных уровнях.

Никсон явно хотел и надеялся вести с Брежневым диалог „по-крупному". Однако в целом „философия" Никсона и Киссинджера насчет „масштабного ведения дел" с советским руководством, при всей ее кажущейся привлекательности и видимой целесообразности, на практике явно давала сбои. Брежнев не был способен мыслить концептуально в вопросах внешней политики. Здесь он полностью доверялся Громыко. Последний же, сообразуясь с внутренней обстановкой, предпочитал иметь дело с конкретными проблемами и конкретными решениями. К этому его толкал и невысокий уровень внешнеполитической подготовки большинства членов Политбюро, с которыми было трудно проводить тактические хитроумные повороты с прицелом на долгосрочную политику. К тому же все письма Брежнева иностранным лидерам обязательно утверждались всем составом Политбюро, и поэтому трудно было ему (а точнее, Громыко) готовить далекоидущие „философские" послания. В то же время Никсон мог единолично или посоветовавшись только с Киссинджером писать свои послания и разрабатывать тактическую и стратегическую-линии.

В этом была большая и принципиальная разница между Никсоном (и Киссинджером) и Брежневым (и Громыко) и преимущество американской дипломатии. При всех рассуждениях (в большинстве справедливых) об американской демократии надо вместе с тем признать, что президент Никсон в дипломатических делах обладал большей личной самостоятельностью и свободой, чем Брежнев, особенно в крупных вопросах. Звучит, может быть, парадоксально, но это было именно так.

Как принимались политические решения в Белом доме и Кремле

В ходе одной из бесед Киссинджер подробно остановился на работе „внутренней кухни" Белого дома и самого президента.

Никсон, как только пришел в Белый дом, установил твердое правило: он не должен заниматься второстепенными делами, а должен иметь возможность и время для решения основных проблем. Никсон неуклонно следовал этому правилу. Он, например, каждый день после обеда уединялся на 2-3 часа в небольшом личном кабинете без телефонов для обдумывания важных вопросов. В это время никто, даже его помощники, не имел права его беспокоить.

Любой доклад по второстепенному вопросу или второстепенным деталям вызывал у него раздражение и нелестные эпитеты по адресу тех, кто не хотел сам их решать. Отсюда, между прочим, и складывалось известное недовольство лиц вне Белого дома теми большими правами, которые Никсон предоставлял своим помощникам по различным направлениям. Если взять, например, берлинский вопрос, то президент знал основные направления переговоров, но не больше. Когда советское руководство обратилось к нему в свое время по этому вопросу, он после тщательных размышлений принял, как говорят в Белом доме, „базисное решение": США в силу определенных обстоятельств должны способствовать положительному решению этого вопроса, наметив примерно желательные сроки.

После этого для Никсона „дело было закрыто". Все последующее - если быть совсем откровенным, сказал помощник президента, - было оставлено целиком на усмотрение самого Киссинджера, включая его переговоры с Баром и советским послом. Киссинджер принимал затем от имени президента соответствующие решения по переговорам, которые начал вести американский посол Раш в Бонне с участием Бара и советского посла Фалина. Лишь в отдельных случаях он советовался с президентом по наиболее важным пунктам.

Кстати, когда советское руководство стало часто и детально обращаться к президенту по берлинским делам и все откровеннее связывать их со встречей в верхах, президент стал „заводиться", ибо считал, что вопрос - в том, что его касается, - в принципе им уже решен, а повторные обращения лишь подчеркивали в его глазах отсутствие у Москвы веры в его слово, в его обещание закончить конкретным соглашением берлинские переговоры.

Особенностью Никсона, по словам Киссинджера, являлась (хорошо или плохо - другой вопрос) любовь к масштабности и к глобальности, а также готовность лично принимать крупные ответственные решения без вовлечения в это широкого круга лиц. Если президент убеждался в чем-то, он готов был тогда делать даже крутой поворот в политике, как это было с Китаем. Президент совсем не привлекал к этому госдепартамент, не консультировался с ним, ибо там всегда находилось немало лиц, которые свели бы дело к незначительным шагам, осторожности и в итоге - к продолжению прежнего курса. Однако президент сам принял решение, осуществил его, и теперь речь шла лишь о том, чтобы госдепартамент претворил в жизнь президентское решение. Короче, сперва крупное решение, а потом разработка деталей.

Президент хотел бы вести дела с советским руководством в таком же духе. Но пока это не получалось В прошлом Никсон обращался несколько раз в Москву, предлагая обсудить в „крупном плане" положение

на Ближнем Востоке. Ту же попытку делал президент и в отношении Вьетнама, чтобы совместно нащупать контуры решения, которые были бы приемлемы союзнику СССР - ДРВ. Однако по обоим этим вопросам так и не состоялся крупный разговор.

Каждый раз дело сводилось к долгим паузам в диалоге или к деталям, тактическим разговорам, которые, может быть, и были важны, но не определяли общий курс.

Киссинджер заметил, что он пытался несколько раз вести такого рода масштабный разговор с Громыко, но последний явно не хотел этого делать.

Надо сказать, что Никсон и Киссинджер не понимали механизма принятия политических решений в Москве. По существу, ни Громыко, ни даже один Брежнев не могли принимать таких решений без согласия или одобрения Политбюро, которое оформлялось секретным протоколом. Поэтому-то Громыко и уходил от „вольного разговора" по советско-американским делам не от незнания или нежелания, а в силу отсутствия соответствующих полномочий. Без этого осторожный Громыко не хотел вступать на политически зыбкую почву импровизаций в беседах, что часто делал Киссинджер.

В этом отношении я как посол имел гораздо большую свободу в ведении бесед, оговариваясь лишь в необходимых случаях, что высказываю свою точку зрения. Это позволяло вести также неофициальный зондаж определенных вопросов.

Такие „свободные беседы", которые любил проводить и Киссинджер, позволяли нам искать возможные развязки и компромиссы. В результате и у него, и у меня рождались идеи, которые каждый из нас мог вносить на рассмотрение Политбюро или президента Никсона. Мои сообщения о таких беседах помогали и Громыко входить в Политбюро с новыми и свежими предложениями. Надо сказать, что в вопросах разоружения он был основным двигателем с нашей стороны, хотя и все эти переговоры он вел не торопясь, упорно, подчас догматично, считаясь с общим консервативным настроением в Кремле.

В начале августа 1971 года Киссинджер обратился ко мне по одному „деликатному делу": Громыко в беседе с послом Бимом в Москве несколько нарочито коснулся вопроса о личном внимании Брежнева к советско-американским отношениям и некоторых его оценок этих отношений. Чувствовалось, что Громыко придавал этому своему сообщению определенное значение. Обратил внимание на этот факт и президент Никсон, который понял, что ему следует вести переписку лично с Брежневым (а не с Косыгиным). Я подтвердил, „кто есть кто" в Политбюро.

Роджерс подготовил ответные соображения госдепартамента для беседы Бима с Громыко в виде реакции на беседу, без указанного выше акцентирования на Брежнева. Белый дом не стал возражать против них, хотя они носили довольно общий характер. Одновременно без ведома госдепартамента через Киссинджера был передан ответ Никсона лично для Брежнева. Киссинджер просил объяснить все это Москве, чтобы у Брежнева не создавалось странного впечатления от двух разных по структуре обращений из Вашингтона сразу по двум направлениям: по конфиденциальному кана-лу и по линии госдепартамента. Главное то, подчеркнул он, что передано от Никсона 5 августа через Киссинджера и советского посла. Об этом не знает ни посол Бим, ни госдепартамент.

Ясно, что Киссинджер, с ведома Никсона, продолжал вести линию на „отсечение" Роджерса и госдепартамента от наиболее важных дел с нами. Это вызывало скрытое раздражение у Громыко, так как при этом снижалась его собственная роль: он сам не мог говорить с послом Бимом по всему диапазону наших отношений, будучи связанным в выборе темы конфиденциальным каналом, а по существу, Киссинджером.

Брежнев соглашается на встречу. Новые договоренности

Обращение Никсона, впервые адресованное непосредственно Брежневу, вызвало быструю реакцию: 10 августа я получил конкретные указания для беседы с Киссинджером.

Я сообщил ему, что с учетом пожеланий президента его визит в Москву мог бы состояться в мае-июне 1972 года (конкретная дата будет уточнена в ближайшие дни). Что касается переданных через Киссинджера высказываний президента Никсона о советско-американских отношениях в свете его решения совершить поездку в Пекин, то в Москве исходят из того, что президенту хорошо известно то значение, которое советское руководство придает советско-американским отношениям с учетом реального положения наших стран в мире. Обычную нормализацию отношений между США и Китаем можно было бы только приветствовать. Главное здесь в том, на какой основе будут складываться отношения между США и КНР и куда все это поведет. Ответ на этот вопрос, естественно, будет зависеть от того, чем руководствуется президент, предпринимая этот шаг.

События стали набирать темп. На другой день при моей новой встрече с Киссинджером была завершена договоренность руководства обеих стран о подписании 30 сентября на уровне министров (Громыко и Роджерс) в Вашингтоне Соглашения о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США.

17 августа Киссинджер передал предложение Никсона закрепить дату встречи на высшем уровне - 22 мая 1972 года. После согласования всех вопросов, связанных с объявлением этой даты, президент предлагал Киссинджеру и мне начать в строго конфиденциальном порядке предварительную подготовку вопросов для обсуждения на встрече руководителей обеих стран.

Госсекретарю Роджерсу, сказал Киссинджер, президент сообщит о достигнутой договоренности после отдыха в Калифорнии, т. е. 7 сентября (беспрецедентная практика, когда госсекретаря держали в неведении по важнейшим вопросам).

Киссинджер сообщил далее, что он улетает вместе с Никсоном в Калифорнию. Условились, что контакт с ним я буду поддерживать в случае необходимости через правительственную связь в Белом доме.

Пока Никсон отдыхал в Калифорнии, была завершена подготовка к соглашению по Западному Берлину. На заключительных переговорах в Бонне произошла заминка, поскольку вмешался Роджерс, который не знал всех договоренностей по конфиденциальному каналу и „напутал". Никсону пришлось вызвать посла Раша к себе в Сан-Клементе и лично дать окончательные инструкции.

В конце августа я посетил вернувшегося из Калифорнии Киссинджера и сообщил ему, что в Москве согласны с названной президентом датой его приезда в Москву - 22 мая 1972 года.

Затем несколько дней шло согласование текста соответствующего сообщения для печати. Возникла дискуссия вокруг вопроса: указывать ли в этом сообщении, что Никсон едет в Москву по приглашению Советского правительства (как хотел сам Никсон) или обойтись нейтральной формулировкой (в Москве не хотели делать ссылки на „приглашение", поскольку его не было и в опубликованном сообщении о его поездке в Пекин).

7 сентября был согласован, наконец, окончательный текст официального сообщения о визите президента США Никсона в Советский Союз во второй половине мая, которое было опубликовано 12 сентября одновременно в Москве и Вашингтоне.

Со вздохом облегчения можно было сказать, что непростые переговоры на эту главную тему закончились.

Надо сказать, что накануне совместного заявления о предстоящей московской встрече в верхах Советским правительством было подписано 3 сентября, пожалуй, наиболее важное соглашение за 1971 год.

Речь шла о четырехстороннем соглашении между СССР, США, Англией и Францией по вопросам, относящимся к Западному Берлину. Оно (вместе с дополнительным протоколом от 3 июля 1972 г.) увенчало длившиеся годами, с перерывами, еще со времен Хрущева - Кеннеди, трудные переговоры по окончательному оформлению юридического статуса Западного Берлина. Берлинское соглашение, в свою очередь, открыло дорогу первым практическим шагам в отношении созыва общеевропейского совещания, которое впоследствии состоялось в Хельсинки.

Осенью 1971 года в США на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, как всегда, приехал Громыко. 29 сентября состоялась его встреча с президентом Никсоном в Белом доме в присутствии Роджерса, Киссинджера и советского посла. Были обсуждены двусторонние отношения (в широком плане); проблема ограничения стратегических вооружений; вопросы европейской безопасности и созыв общеевропейского совещания; Ближний Восток; индо-пакистанские отношения.

Затем Никсон предложил Громыко переговорить наедине. Президент сказал, что хотел бы опровергнуть часто высказываемые утверждения, будто он недружелюбно относится к СССР. Он уважает Советский Союз и советский народ. Исходит из того, что устойчивый мир можно построить только путем сотрудничества между СССР и США. Обе державы должны избегать столкновений и искать согласия по максимально возможному числу проблем. Нужно действовать так, чтобы мир был гарантирован по крайней мере лет на 25 вперед. В этой связи он придает особое значение развитию своих личных отношений и личной переписке с Брежневым, отдавая себе отчет относительно традиционно важной роли Генерального секретаря в определении советской внешней политики.

Громыко и Роджерс подписали 30 сентября в Вашингтоне два соглашения - о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США и по усовершенствованию линии прямой связи СССР -США. Оба документа были выработаны в ходе переговоров об ОСВ.

По первому соглашению обе стороны согласились делать все возможное, чтобы обезвредить или уничтожить любую ядерную ракету, запущенную случайно или без разрешения; каждая сторона обязалась информировать

другую, если их системы предупреждения обнаружат что-то похожее на возможное ракетное нападение; они брали обязательство также взаимно заблаговременно информировать друг друга о любых запусках ракет, если их полет выходил за пределы их национальной территории.

По второму соглашению связь Москва - Вашингтон устанавливалась через космические спутники.

По просьбе Никсона, Громыко отдельно встретился на следующий день с Киссинджером. Последний развивал мысль о том, что, по мнению Белого дома, осуществление ближневосточного урегулирования (если бы США и СССР смогли договориться между собой об условиях) могло бы быть календарно проведено следующим образом: первая стадия (промежуточное соглашение) могла бы быть осуществлена до выборов в США, которые будут в ноябре 1972 года. Вторая стадия (окончательное урегулирование) -вскоре после выборов. Негласную договоренность на этот счет можно было бы достичь во время встречи на высшем уровне в мае 1972 года. Об этом с их стороны будут знать только два человека: президент и он, Киссинджер.

Помимо понятного стремления Киссинджера перевести и ближневосточные дела от госсекретаря Роджерса в „свой" канал, вопрос о том, на каких условиях он собирался добиться непростого ближневосточного урегулирования в столь короткие сроки, для меня до сих пор остается загадкой. Возможно, он и Никсон надеялись „по-крупному" обсудить эту проблему с Брежневым и Громыко. Но такое обсуждение не состоялось. Постепенно этот вопрос снова вернулся в „первичное" русло, и на встрече 1972 года никаких „сенсаций" на этот счет не произошло.

Я всегда поддерживал регулярные контакты с представителями конгресса. Некоторые сенаторы и конгрессмены были - думаю, они согласятся со мной - моими друзьями. 20 октября по приглашению руководства республиканской партии в конгрессе я выступил на закрытом завтраке, где присутствовало около 40 руководящих деятелей наиболее важных комиссий и комитетов конгресса. Я говорил о советско-американских отношениях. Присутствовавшие одобрили предстоящую встречу Никсона с советскими руководителями.

Примечательно, что значительная часть вопросов касалась проблемы стратегических вооружений; суть вопросов - удастся ли нам договориться в недалеком будущем, или конгресс будет обречен на увеличение военных ассигнований? Настроения были явно в пользу договоренности с нами. Однако в Пентагоне господствовали противоположные взгляды.

В конце октября, когда Киссинджер вернулся в Вашингтон из Пекина, он пожелал встретиться со мной. По его словам, Никсон поручил ему передать для советского руководства информацию о пребывании Киссинджера в Пекине.

У президента, сказал он, разный подход к своим встречам в Пекине и в Москве. В Пекине он хочет основное внимание уделить двусторонним отношениям, хотя и будет обсуждать международное положение. В Москве он также будет обсуждать двусторонние отношения, но надеется, что значительная часть времени будет посвящена обсуждению действительно глобальных проблем. Подтекст высказываний Киссинджера, как и прежде: отношения с Москвой важнее, чем с Пекином.

Из дальнейших высказываний Киссинджера было видно, что их надежды на содействие китайцев во вьетнамском урегулировании не очень оправдались.

Чжоу Эньлай спрашивал Киссинджера: надеется ли Никсон на позитивный исход встречи с русскими, и не повторится ли неудача прежних встреч? Киссинджер, по его словам, ответил, что США надеются на конструктивные результаты встречи в Москве.

Китайцы оказали Киссинджеру подчеркнутое внимание. Чжоу Эньлай дал большой обед в его честь, был с ним на представлении Пекинской оперы во Внутреннем дворце. Когда они вошли в зал, то присутствовавшие встали и начали аплодировать. На шутливое замечание Киссинджера о том, что он не знал о такой своей популярности в Пекине, Чжоу Эньлай заметил, что популярность - дело наживное. Он сказал, что на представлении присутствуют только работники МИД, а также „партийный актив, который мы приучаем к предстоящему визиту президента США, а на это потребуется время". С этой же целью в китайской прессе был опубликован и снимок Чжоу Эньлая с Киссинджером. Короче, во время второй поездки Киссинджера в Пекин его не прятали, а „показывали публике".

Через пару дней после этой беседы Киссинджер от имени Никсона просил передать Брежневу, что поездка Никсона в Пекин начнется 21 февраля.

Мы затронули также вопрос о возможной конфиденциальной советско-американской договоренности по ближневосточному урегулированию, согласившись, что об этом обеим сторонам надо серьезно подумать.

Вскоре у меня состоялась длительная беседа с заместителем госсекретаря Сиско у него дома. Обсуждали ближневосточные дела. Роджерс поручил ему исподволь готовить материалы к встрече в верхах. Однако сам Сиско ждал поручений непосредственно от Киссинджера, который обычно в таких случаях давал четкие и ясные указания относительно того, что Белый дом конкретно хочет получить от госдепартамента. Из высказываний Сиско было видно, что ни он, ни Роджерс совершенно не в курсе того обмена мнениями, который мы вели с Белым домом по Ближнему Востоку по другому каналу.

В середине ноября Роджерс в беседе со мной заговорил о желательности своей поездки в Москву в порядке подготовки к встрече в верхах, отметив при этом, что он еще не говорил с президентом на эту тему. На другой день, также наедине, речь о своей поездке в Москву завел уже Киссинджер, который в отличие от Роджерса прямо сказал, что президент поддерживает такую идею и что он мог бы приехать в январе.

Через несколько дней поверенный в делах Воронцов (я был в отъезде) сообщил Киссинджеру для передачи Никсону, что в Москве согласны с тем, чтобы в январе приехал Киссинджер для обсуждения предстоящей встречи в верхах.

Киссинджер был явно доволен этим ответом, хотя и заметил, что его личные отношения с Роджерсом теперь еще больше осложнятся, поскольку, как он знает, госсекретарь тоже собирался ехать в Москву и намеревался говорить на днях на эту тему с президентом.

В постоянном соперничестве с госсекретарем Киссинджер опять „переиграл" Роджерса. В Москве тоже стали предпочитать канал Киссинджера, особенно по конфиденциальным вопросам, поскольку опыт показывал, что этот канал был значительно более эффективен, чем механизм госдепартамента.

Индо-пакистанский конфликт и негласный диалог между Москвой и Вашингтоном

В начале декабря произошло резкое обострение индо-пакистанского конфликта. Начались военные действия.

Правительство США занимало позицию скрытой поддержки Пакистана, и, когда военное положение последнего стало шатким, начались настойчивые обращения к нам с призывом вмешаться.

Судя по поведению и высказываниям Киссинджера, в Белом доме нервничали по двум причинам: у администрации не было возможностей для действенной военной помощи американскому союзнику Пакистану (к тому же в американском обществе отрицательно относились к карательным акциям Яхви Хана в Восточном Пакистане), и, кроме того, США не желали до конца ссориться с Индией.

10 декабря Никсон призвал Москву выступить с совместным обращением в пользу полного прекращения огня, а также оказать дополнительный нажим на Дели с учетом того, что СССР имеет больше влияния на Индию. Одновременно, явно с целью нажима на нас и Индию, Никсон пошел на необычный шаг: поручил Киссинджеру доверительно передать советскому руководству, что в ранее заключенном договоре между США и Пакистаном имеется секретный протокол (составленный еще при Кеннеди), в соответствии с которым „правительство США подтверждает свои предыдущие заверения правительству Пакистана, что оно придет на помощь Пакистану в случае агрессии Индии против Пакистана".

Опять-таки с целью нажима Киссинджер сказал Воронцову, что американским военным уже дано указание начать подготовку к возможному оказанию Пакистану военной помощи под видом „тактической передислокации" военно-морских сил, включая авианосцы, которые находятся в ЮВА в связи с военными действиями в Индокитае (часть наших кораблей из эскадры в Индийском океане в ответ на эту передислокацию была послана на север).

Из высказываний Киссинджера в самый разгар военного конфликта было видно, что США в этот момент весьма тревожит положение дел на западном участке военных действий между Пакистаном и Индией. Они реально опасаются развала там пакистанского фронта. На военную ситуацию в Восточном Пакистане в Белом доме смотрят уже как на решенную в пользу Индии. Киссинджер просил дополнительно передать в Москву (рассчитывая на благожелательную там реакцию), что Белый дом не имеет никаких контактов с Пекином по индо-пакистанскому конфликту.

12 декабря, вернувшись из Москвы, я через Киссинджера срочно передал Никсону конфиденциально важное сообщение. В нем указывалось, что наши „контакты с премьером Индирой Ганди свидетельствуют о том, что правительство Индии не имеет намерений предпринимать какие-либо военные действия в отношении Западного Пакистана". Киссинджер с заметным облегчением сказал: „Это очень хорошая новость". Затем был совместно задействован Совет Безопасности и ООН. Индия сдержала слово не атаковать Западный Пакистан. Постепенно острота конфликта стала спадать.

В целом индо-пакистанский конфликт показал, что СССР и США могут сотрудничать в локализации и сдерживании региональных конфликтов, пусть, как в данном случае, до каких-то пределов, определяемых их собст-

венными стратегическими и союзническими интересами. Администрация Никсона, чувствовалось, была недовольна тем, что СССР не подключился к ее попыткам предотвратить крупное поражение Пакистана, хотя вмешательство СССР и помогло остановить дальнейший военный конфликт, который мог бы закончиться полным разгромом Пакистана.

В целом 1971 год был хотя и сложным, но переходным годом в советско-американских отношениях, когда стали проявляться признаки взаимной готовности к определенным договоренностям.

4. 1972 ГОД: НАЧАЛО РАЗРЯДКИ. ВИЗИТ НИКСОНА В СССР

Важными событиями для США был насыщен 1972 год. Во внутреннем плане это был год президентских выборов, когда Никсон добился переизбрания на пост президента существенным большинством голосов. Произошла дальнейшая концентрация реальной власти в стране в руках Белого дома. Все это происходило на фоне определенной стабилизации внутриполитического положения США и улучшения ряда показателей американской экономики.

Во внешней политике США этот год был отмечен свертыванием прямого американского участия в наземной войне во Вьетнаме (хотя и усилилась активность американской авиации) и стремлением с помощью переговоров (Киссинджер - Ле Дык Тхо) добиться приемлемого для США завершения этой войны. В результате соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме было практически достигнуто к концу 1972 года, хотя оно и было в силу ряда причин официально подписано и вступило в силу лишь 27 января 1973 года. Война дорого обошлась США: за 10 лет войны погибло более 55 тысяч американцев, израсходовано 137 млрд. долларов. Наша помощь ДРВ также исчислялась миллиардами рублей.

Курс на закрепление статус-кво на Европейском континенте завершился соглашением с участием США по Западному Берлину и нормализацией отношений между ФРГ и ГДР. В то же время ни США, ни СССР не были заинтересованы в каком-либо существенном сокращении своих войск и вооружений в Европе, хотя по ряду соображений, не возражали вести переговоры об этом (но не торопились достичь конкретных результатов).

Важнейшими внешнеполитическими событиями для США явились: в" феврале - визит Никсона в Пекин и завязывание активного диалога с китайскими руководителями (Киссинджер в течение года пять раз побывал в Пекине), а также советско-американская встреча на высшем уровне в мае в Москве, которая завершилась принятием ряда крупных решений и соглашений впервые за весь послевоенный период. По своим результатам она имела большое международное значение.

Подготовка к встрече в Москве. Роджерс знает далеко не все

17 января Брежнев обратился к Никсону с предложением начать практическую подготовку вопросов, которые будут обсуждаться на встрече на высшем уровне. Одновременно он высказал в своем послании ряд соображений по наиболее важным проблемам (Западный Берлин, европейская безопасность, Вьетнам, Ближний Восток, ограничение стратегических вооружений, экономические отношения).

В ответ Никсон сообщил, что целиком согласен с ним в том, что пора начинать подготовку к встрече. Он предложил для этого проводить еженедельные встречи Киссинджер - Добрынин, а если нужно, то и чаще, а после визита Никсона в Пекин его помощник был бы готов поехать в Москву для завершения подготовки советско-американского саммита.

Передав этот ответ президента, Киссинджер вернулся к событиям недалекого прошлого. Он фактически согласился с тем, что они предприняли ряд непродуманных шагов и что США проявили излишнюю нервозность в период индо-пакистанского конфликта. Помощник президента признал, что большое значение для них в этот критический момент имело сообщение из Москвы о том, что Индия не собирается вторгаться в Западный Пакистан (что вызвало тогда чувство облегчения у Никсона, так как он опасался полного разгрома американского союзника - Пакистана).

Такое необычное для Киссинджера признание было, видимо, необходимо для перехода к следующему деликатному вопросу, а именно о стратегических ракетах морского базирования. Вопрос этот имел свою предысторию.

Еще в январе 1971 года в ходе наших с ним конфиденциальных бесед я поднял вопрос об этих ракетах. Возник он после того, как Киссинджер предложил связать вопрос о ПРО с замораживанием пусковых установок ракет стратегического назначения. Я тут же спросил, будут ли ракеты морского базирования включаться в это „замораживание"? Он ответил, что США будут готовы на оба варианта. Я тут же заметил, что Советский Союз предпочитает не включать эти ракеты в „замораживание". На этом обсуждение данного вопроса тогда и закончилось.

По существу,- такое понимание существовало и на момент советско-американского совместного заявления от 20 мая 1971 года о предварительной договоренности по ОСВ. Но, как после выяснилось, такое понимание с американской стороны было только у Киссинджера, ибо и Пентагон, и члены делегации США на переговорах считали важным включение таких ракет в общее соглашение по ОСВ, поскольку у США в тот период было уже значительное превосходство в стратегических подводных лодках, а СССР, стремясь догнать Америку в этой области, активно осуществлял соответствующую программу. Короче, замораживание ракет морского базирования в тот момент было выгодно США, а не СССР, ибо оно „замораживало" американское преимущество.

Не совсем ясно, помнил ли обо всем этом Киссинджер, обремененный многими другими заботами, или он просто сосредоточил тогда свои основные усилия на ограничении стратегических ракет наземного базирования, как наиболее опасных для США из всего советского стратегического арсенала, но на первом этапе помощник президента не уделил должног

СУГУБО ДОВЕРИТЕЛЬНО

внимания стратегическим ракетам морского базирования. Лишь к концу 1971 года он спохватился и постарался скорректировать свою позицию. Ему удалось в известной степени это сделать лишь во время поездки в Москву в апреле 1972 года.

Тем временем в ходе той же беседы со мной Киссинджер жаловался, что СССР „упорно отказывается" - на переговорах в Вене и Хельсинки - пойти даже на временное „замораживание" стратегических ракет морского базирования.

В течение уже почти трех лет, продолжал он, в США не было построено ни одной новой подлодки, ибо Никсон ждал положительных результатов советско-американских переговоров об ограничении стратегических вооружений. В то же время СССР интенсивно строил новейшие атомные подлодки-ракетоносцы. Вот почему правительство США, многозначительно заявил Киссинджер, решило сейчас возобновить строительство таких подлодок, чтобы „не отстать" от СССР. Об этом президент Никсон заранее уведомил Громыко. Эти слова явно носили нажимной характер.

8 февраля президент Никсон в своем послании конгрессу по вопросам внешней политики выразил уверенность в скорой встрече с советскими руно-водителями и успешном завершении переговоров об ОСВ.

К подготовке московской встречи в верхах, естественно, стали подключаться госдепартамент и лично Роджерс.

Поскольку в этой связи мне неизбежно предстояло встретиться с госсекретарем, Киссинджер решил в начале февраля поговорить со мной „по весьма деликатному вопросу": он хотел ввести меня, на сугубо конфиденциальной основе, в курс того, что конкретно госсекретарь знал о состоянии советско-американских отношений из того, что уже обсуждалось со мной на уровне Белого дома (президентом и Киссинджером), ибо Роджерс знал далеко не все.

В этой связи помощник президента просил меня учитывать в беседе с госсекретарем указанную выше особенность и не касаться вопросов, которых он не знал,- Даже личные послания Брежнева Никсону - из тех, которые давали для ознакомления Роджерсу, - подвергались порой некоторым сокращениям (в частности, изымались все ссылки на конфиденциальный канал), а некоторые совсем ему не показывали. Он не был полностью в курсе всех деталей предстоящей встречи в верхах, которые обсуждались в переписке между Никсоном и советским руководством. Вместе с тем вопросы чисто двусторонних отношений - в порядке подготовки к встрече - были отданы на откуп госдепартаменту и Роджерсу.

В целом возникла уникальная ситуация в моей дипломатической практике, когда помощник президента негласно информировал иностранного посла о том, что знал и чего не знал госсекретарь из переписки президента США с руководителями другого государства.

Когда я на следующий день встретился, как было условлено, с Роджерсом, то было ясно, что он действительно не в курсе моих конфиденциальных бесед с Киссинджером. Ясно было и то, что Белый дом в ходе подготовки встречи в Москве будет по-прежнему держать все крупные вопросы у себя, обходя госдепартамент. В то же время подготовка вопросов двусторонних отношений, прямо не связанных с большой политикой, будет предоставлена госдепартаменту и госсекретарю.

Поездка Никсона в Китай

Китайское направление в политике Никсона активизировалось с весны 1970 года. В апреле в Китай была приглашена национальная сборная США по настольному теннису для проведения показательного матча в Пекине. Она была принята Чжоу Эньлаем. В мае 1971 года была достигнута конфиденциальная договоренность о том, что Киссинджер совершит две поездки в Пекин, причем одну негласную, и что позже Никсон поедет в Китай. В июле неожиданно было объявлено, что Никсон посетит Китай с визитом в 1972 году.

Это, конечно, было крупным достижением личной дипломатии Никсона-Киссинджера. Больше того, это было началом „трехсторонней дипломатии" (США-СССР-Китай), а не двусторонней, как это было прежде.

Никсон посетил Китай с 21 по 28 февраля 1972 года. Конечно, его визит не „изменил мир" (как он утверждал на банкете в Пекине). Больше того, он даже полностью не нормализовал дипломатические отношения между США и Китаем (обмен „миссиями связи" произошел в 1973 году), но в целом это был, конечно, прорыв в американо-китайских отношениях, имевший немалые международные последствия. Он ускорил и американо-советскую договоренность по ОСВ.

По возвращении Киссинджер рассказал мне о некоторых итогах этого визита.

По Вьетнаму не удалось договориться, хотя позиции сторон были подробно изложены. Никсон откровенно заявил китайцам, что если Северный Вьетнам сейчас (во время предвыборной кампании в Америке) проявил бы некоторую „гибкость и понимание", то последующий процесс эволюционного развития событий, без больших помех со стороны США, мог бы привести к тому, что в течение двух, максимум трех лет северо-вьетнамцы, по существу, получили бы в отношении Южного Вьетнама то, чего они сейчас так упорно добиваются'от США, но чего он, президент Никсон, не может дать в настоящий момент. Военного же решения в свою пользу Ханой сейчас не добьется, Вашингтон этого не допустит, конфликт только затянется.

Сам Мао Цзэдун произвел на Никсона впечатление сильной личности, но не фанатика-революционера. Скорее, он являл собой своеобразное сочетание философа и весьма прагматичного и осторожного в своих действиях политика, особенно в том, что связано с возможными серьезными последствиями на международной арене.

Беседа -с помощником президента оставила у меня впечатление, что Никсон и Киссинджер были довольны результатами своих встреч в Пекине. Они надеялись также, что эта поездка поможет им вести свою дипломатическую игру во время предстоящего визита Никсона в Москву. Киссинджер шутливо заметил, что они „не прочь научиться есть русскую икру с помощью китайских палочек".

Приватный обед с президентом

17 марта в Москве и Вашингтоне было опубликовано официальное сообщение о том, что президент Никсон посетит СССР с визитом 22 мая 1972 года.

Спустя несколько дней я должен был встретиться с Киссинджером за обедом в Белом доме. Однако когда я пришел, то выяснилось, что сам президент хочет поговорить со мной. Таким образом мы обедали уже втроем.

Никсон сказал в начале беседы, что в ближайшие два месяца он будет вплотную заниматься подготовкой к московскому саммиту, чтобы обеспечить его успех. Подчеркнул, что удовлетворен тем обменом письмами, который установился между ним и Брежневым.

Показав на сидевшего рядом Киссинджера (молчавшего во время нашего разговора), он сказал: „Вот известный Вам Генри, которому я целиком и полностью доверяю. Все, что он говорит, - исходит непосредственно от меня. В администрации больше нет человека, который мог бы говорить так авторитетно от моего имени. Верно, Билл (Роджерс) является моим старым другом и обладает необходимыми полномочиями госсекретаря. Но он связан с большим бюрократическим аппаратом, за которым невозможно уследить и который не может держать в секрете сугубо конфиденциальные вещи. Вот почему я действую в таких делах только через Киссинджера".

Никсон сказал, что лично он считает наиболее важными и наиболее сложными для обсуждения с советскими руководителями два вопроса: соглашение по ограничению стратегических вооружений и Ближний Восток. По последнему вопросу они еще выскажут свои соображения (через Киссинджера). По первому же ход его рассуждений сводился к следующему: вопрос этот - вольно или невольно - стал сейчас, во всяком случае в общественном мнении США, своеобразным барометром будущего состояния наших отношений. Будет соглашение - все воспримут как добрый знак, что эти отношения строятся на фундаментально новой основе. Не будет согласия - будут считать, что встреча фактически не удалась, тем более, что второй важный вопрос (Ближний Восток) может быть предметом только негласной договоренности.

Настал момент принятия политических решений, сказал Никсон. Я готов пойти на паритет в этой области, хотя это и не особенно популярно в определенных, весьма влиятельных кругах США. Так давайте все же попробуем подойти к ситуации прежде всего с политических позиций, не забывая, конечно, интересов обороны обеих стран. Это надо делать сейчас, иначе скоро может быть слишком поздно в том смысле, что в этом году могут быть приняты обеими сторонами далеко идущие решения в области строительства новых стратегических систем, которые и определят гонку вооружений на все 70-е годы. Я призываю советское руководство совместно приложить усилия, чтобы достичь важного компромиссного решения и обеспечить общий конструктивный исход встречи.

После беседы с Никсоном Киссинджер сказал, что если на встрече в Москве не удастся договориться о „замораживании" стратегическиих подлодок, то им придется дополнительно ассигновать на эти цели 2 млрд. долларов на текущий финансовый год. Они считают необходимым „честно и прямо" сказать нам об этом уже сейчас, чтобы после встречи в верхах у нас не возникло недовольства. Короче, Киссинджер настойчиво вел подготовку к своим беседам в Москве по вопросу о подводных лодках.

Высказанные президентом мысли произвели благоприятное впечатление в Москве, особенно его слова о готовности согласиться на паритет с Советским Союзом в области стратегических вооружений.

27 марта Никсону было передано письмо Брежнева, посвященное вопросам, подлежащим обсуждению на встрече в Москве (Европа, Западный Берлин, Ближний Восток, Вьетнам). Наиболее подробно в нем рассматривалась проблема сокращения стратегических вооружений, при этом выражалась надежда на позитивные результаты с учетом того, что позиции сторон относительно договора об ограничении систем ПРО и „замораживания" строительства шахтных пусковых установок межконтинентальных ракет наземного базирования сейчас очень сблизились. Предложение США о „замораживании" подводных лодок, говорилось в письме, дополнительно изучается советской стороной. Киссинджер, которому было вручено это письмо, сказал, что президент все больше проникается сознанием того, что его встреча с советскими руководителями по своему значению будет самым главным событием всей его внешнеполитической деятельности.

Через день - очередная встреча с Киссинджером. Он поднял, в частности, „деликатный вопрос": президент получил приглашение заехать в Польшу после Ирана (куда Никсон поедет из СССР). Учитывая, что „Восточная Европа является сферой особых интересов СССР", он хотел бы в доверительном плане посоветоваться на этот счет с Брежневым, памятуя, что визиты в Москву и в Варшаву будут следовать друг за другом. Брежнев не имел каких-либо возражений на этот счет.

3 апреля я встретился с Киссинджером по его настоятельной просьбе. Он попросил от имени президента передать советскому руководству, что войска ДРВ начали широкие военные действия через демилитаризованную зону и продвинулись уже на 10-15 миль южнее этой зоны. Ханой грубо нарушил договоренность 1968 года, на основании которой были приостановлены американские бомбардировки территории ДРВ и начаты переговоры в Париже (предусматривалось, что войска ДРВ не пересекут линию ДМЗ). Северовьетнамское командование начинает сейчас азартную игру, бросая в наступление фактически все свои регулярные войска.

Президент будет вынужден поэтому предпринять в ближайшие дни свои контрмеры, сказал Киссинджер. Он при этом выразил надежду, что эти вынужденные ответные военные шаги не будут расценены в Москве как намеренно направленные против интересов СССР и что все это не окажет негативного воздействия на советско-американские отношения в других областях. „Президент очень сожалеет, что все это происходит сейчас, в период подготовки к московской встрече. Видимо, придется пройти еще через один кризис, созданный ни нами, ни вами. Но очень хотелось бы надеяться, что этот кризис не отразится серьезно на начавшемся процессе заметного улучшения наших отношений и не помешает конструктивному исходу встречи в Москве", - подчеркнул помощник президента.

В Белом доме после торжественной церемонии подписания Договора о запрещении бактериологического оружия (10 'апреля) ко мне подошел Никсон. В разговоре один на один он коснулся обострения обстановки в Индокитае и сказал: „Нам нужно пройти этот новый кризис с наименьшими потерями для советско-американских отношений и весьма важно, чтобы оба наши правительства не теряли контроль над событиями, особенно в области двусторонних отношений".

Чувствовалось что Белый дом готовился к каким-то новым „драматическим" акциям против ДРВ, хотя президент и не захотел их пока уточнять. Через несколько дней (в воскресенье) я был в Белом доме на просмотре кинохроники, посвященной двум поездкам Киссинджера в Китай (подарки

Чжоу Эньлая). На просмотре были лишь отец и мать Киссинджера, симпатичные люди, специально приехавшие из Нью-Йорка (где они жили), он сам и я с женой.

В целом этот вечер в Белом доме оставил в памяти какое-то странное, иррациональное впечатление: хорошая обстановка, приятные собеседники, впечатляющая кинолента - на фоне развертывавшихся кровавых битв за тысячи миль в джунглях далекого Вьетнама.

Киссинджер тайно летит в Москву

Вскоре Киссинджер сообщил, что президент - на фоне опасно обостряющейся обстановки - считает целесообразным его краткую поездку в Москву для встреч с Брежневым и Громыко примерно 20-21 апреля, если они с этим согласны. Оттуда он вылетит в Париж, где намечена его встреча с представителями ДРВ. Президент хотел бы, чтобы эта поездка в Москву состоялась в обстановке полной секретности. Даже посольство США не должно знать об этой поездке. Киссинджер мог бы остановиться в Москве в любом месте по выбору советской стороны.

Администрация Никсона явно делала попытку более активно вовлечь Москву в свою дипломатическую игру вокруг Вьетнама. В Москве же надеялись, что участие СССР может как-то способствовать урегулированию конфликта.

Москва выразила согласие на этот тайный визит. Киссинджер сказал, что готов встретиться с северовьетнамцами и в Москве, если они согласны на это (однако Ханой явно предпочитал Париж, а не Москву как место встреч). Затем он доверительно изложил позицию США по главным направлениям предстоящих конфиденциальных переговоров с северовьетнамцами (сами вьетнамцы ничего нам о своей позиции не говорили).

Через день раздраженный Киссинджер снова обратился ко мне: президент просил срочно передать советским руководителям, что северовьет-намцы только что информировали американскую сторону о том, что они -без объяснений - берут назад свое согласие на встречу с Киссинджером 24 апреля в Париже. В то же время они продолжают военные действия. В этой связи президент отдал приказ подвергнуть бомбардировкам военные объекты в районе Ханоя-Хайфона. Бомбардировки будут прекращены, если Ханой даст согласие на встречу 24 или 27 апреля.

По словам помощника президента, придется прибегнуть „к решительным мерам", если в Ханое будут вести дело к военному решению и „возьмут курс на то, чтобы свалить второго президента в США", как это было с Джонсоном.

С Киссинджером я встречался три дня подряд - 15, 16 и 17 апреля. Ханой и Вашингтон (через Москву) лихорадочно обменивались телеграммами -спорили о датах встречи Киссинджера с северовьетнамцами. Наконец, он сообщил, что вылетает в Москву для бесед как по вьетнамским делам, так и в связи с подготовкой встречи в верхах в Москве.

20 апреля глубокой ночью Киссинджер вылетел в Москву. Я сопровождал его. В лучших традициях конспирации (вся поездка Киссинджера была строго засекречена) я в полночь выехал на машине посольства в условленное место, где меня поджидала автомашина из Белого дома. Она и

привезла меня на военный аэродром около Вашингтона, куда инкогнито приехал и Киссинджер.

По дороге в Москву мы сделали остановку для заправки горючим на секретной военно-воздушной базе НАТО в Англии. Он отсоветовал мне выходить из самолета „поразмяться". Если на этой базе увидят, что там находится советский посол, полушутливо сказал Киссинджер, то с ними случится обморок. Сам он также не выходил, чтобы сохранить секретность своей миссии.

В Москве помощник президента встречался с Брежневым и Громыко. Значительное место было уделено обсуждению вьетнамских событий. Советскому руководству совсем не импонировала предстоящая встреча с Никсоном под гул взрывов американских бомб во Вьетнаме. Мы призывали Никсона к осторожности и сдержанности. Киссинджер говорил, что они как раз придерживаются такой позиции, но „сверхагрессивные" действия вьетнамцев могут вынудить администрацию „к более решительным действиям". Короче, Киссинджер, действуя по прямому указанию Никсона, стремился добиться от советского руководства согласия оказать давление на Ханой для прекращения войны во Вьетнаме на приемлемых для США условиях. Но Москва не могла пойти на то, чтобы навязывать своему союзнику такие условия, хотя и была заинтересована в окончании войны во Вьетнаме.

Основное внимание было уделено вопросам предстоящей встречи на высшем уровне, и в первую очередь положению дел с договором по ОСВ. Здесь был определенный прогресс. В результате переговоров была достигнута договоренность „о замораживании" строительства подводных лодок, т. е. стратегических ракет морского базирования на определенном уровне (не более 9.50 единиц у каждой стороны). Позже американские историки расценили это как немалое достижение Киссинджера. Можно, конечно, и так считать, но с той поправкой, что советская сторона, соглашаясь на замораживание, фактически пошла на такой потолок, который позволял ей завершить строительство запланированного ранее числа морских пусковых установок для межконтинентальных ракет. Это знал и Киссинджер. Но обе стороны предпочитали не говорить об этом публично.

Было также окончательно определено, что согласно договору по ПРО каждой из сторон будет разрешено развернуть противоракетную оборону лишь двух ограниченных районов: по одному вокруг столиц и по одному району размещения МБР.

Успешно завершилась работа над текстом документа „Основ взаимоотношений между СССР и США".

Идя навстречу пожеланиям Киссинджера относительно секретности его визита в Москву, гостя разместили в особняке на Ленинских горах, и его обслуживание целиком взяла на себя советская сторона. Контакт с Вашингтоном Киссинджер поддерживал не через свое посольство, а с помощью радиостанции на борту американского самолета, на котором он прибыл в Москву. Посольство США и сам американский посол ничего не знали о пребывании Киссинджера в Москве вплоть до последнего дня, когда он пожелал переговорить с послом. Нечего и говорить об удивлении посла, когда его привезли в особняк и он вдруг увидел там Киссинджера.

Вернувшись в Вашингтон, Киссинджер через день сообщил мне, что президент „очень доволен" результатами имевших место обсуждений, которые в значительной степени „обеспечивают успех основной встречи в Москве". Он передал соответствующее письмо Никсона Брежневу.

Президент попросил своего помощника выяснить, не мог бы он в Москве посетить воскресную церковную службу. Эта просьба Никсона вызвана не тем, отметил Киссинджер, что он является таким уж набожным человеком, а чисто внутренними соображениями: посещение церкви в СССР будет широко передаваться по американскому телевидению и произведет благоприятное впечатление на значительную часть населения в США. Я сказал, что у нас, разумеется, нет возражений.

Напряженность вокруг Вьетнама растет

В начале мая, за три недели до встречи в верхах, проходил оживленный обмен посланиями между Брежневым и Никсоном. Брежнев призывал Никсона к сдержанности во Вьетнаме: „События там влияют и на советско-американские отношения".

Киссинджер высказал в этой связи, в общем-то, справедливое мнение президента о том, что Ханой всячески стремится использовать факт предстоящей встречи в верхах в Москве для достижения своих собственных, в первую очередь военных, целей в ЮВА. Северовьетнамцы в этом плане провоцируют одновременно и Москву, и Вашингтон. „Конечно, жаль, если эти их усилия увенчаются успехом".

Киссинджер пожаловался также, что, по их данным, в портах Кубы в последние дни появилась советская плавбаза атомных подводных лодок, а также сами лодки с тремя баллистическими ракетами. В Пентагоне и конгрессе - „возбуждение". „Зачем все это нужно Москве накануне встречи на высшем уровне?"

Через день президент информировал Брежнева о результатах переговоров с северовьетнамцами: „итог крайне разочаровывающий". Киссинджер сказал, что Ле Дык Тхо прямо заявил ему, что президент Никсон должен отказаться от всякого обсуждения вьетнамских дел с Москвой и вести его только с представителями ДРВ. „Северовьетнамец вообще вел себя вызывающе, как победитель", - сказал он. Чувствовалось, что в Белом доме явно „заведены", как полной неудачей встречи с Ле Дык Тхо, так и продолжающимся наступлением северовьетнамцев в Южном Вьетнаме.

6 мая Брежнев вновь направил Никсону послание по вьетнамским делам. В этой связи Киссинджер сказал: „Можно констатировать, что наш обмен посланиями по Вьетнаму не сдвинул дела ни на сантиметр. У нас нет в этой связи каких-либо претензий к советской стороне. США будут продолжать делать все, чтобы встреча на высшем уровне состоялась и закончилась успешно. Однако мы вынуждены будем действовать по Вьетнаму так, как этого требуют от нас военные и политические обстоятельства".

По его признанию, США обсуждали вьетнамские события и с китайцами. Последние, отметил он, заявили, что в нынешних военных действиях во Вьетнаме заинтересован не Пекин, а Москва, чтобы оказать на Никсона Давление и взамен добиться на встрече на высшем уровне уступки в Европе" и на Ближнем Востоке.

В связи с запросом Киссинджера насчет наших подводных лодок я сообщил, что данные Пентагона о пребывании в портах Кубы советских атомных подлодок не соответствуют действительности. Находящиеся там лодки не являются атомными, и их пребывание там связано лишь с отдыхом экипажей.

Американская сторона, конечно, это знала, но для нее был важен факт, как бы подтверждающий, что они постоянно следят за нашей военной деятельностью вокруг Кубы, стремясь предотвратить создание там советских военных баз.

Вечером 8 мая Никсон выступил по телевидению с важным заявлением по вьетнамскому вопросу. Он объявил о военных мерах, которые должны воспрепятствовать получению Ханоем оружия и припасов „для продолжения агрессии". Заявил, что уже начато минирование подходов ко всем северовьетнамским портам. Кроме того, вооруженные силы США будут принимать соответствующие меры в пределах территориальных вод ДРВ, чтобы пресечь поставки, железнодорожные и все другие коммуникации будут отрезаны, а удары с воздуха и с моря по военным целям в ДРВ будут продолжаться.

За час до выступления президента меня пригласили в Белый дом, где Киссинджер передал текст личного письма Никсона Брежневу. В письме президент, ссылаясь на непримиримость ДРВ в переговорах и на эскалацию ею военных действий против Южного Вьетнама, заявлял о своей решимости „лишить агрессора средств осуществления агрессии". При этом он информировал о принимаемых мерах; они кончатся, заверял он, как только во всем Индокитае наступит прекращение огня под международным наблюдением. В письме подчеркивалась важность сохранения наших отношений в этот „момент, требующий государственной мудрости". Киссинджер устно развил эту тему от имени президента.

Я подверг резкой критике объявленные президентом меры, являющиеся прямым нарушением норм международного права. Киссинджер оправдывал их, добавив, что советские суда не будут подвергаться нападению. В целом, у нас с ним состоялся довольно напряженный разговор.

10 мая в соответствии с указаниями Москвы я заявил Киссинджеру (для передачи президенту) решительный протест „против преступных действий американской авиации, приведших к гибели членов экипажей советских судов". Одновременно Советский Союз требовал гарантировать безопасность советских судов и членов их экипажей.

Через 10 минут Киссинджер сообщил, что Никсон просил передать Брежневу: президент приносит свое глубокое личное сожаление по поводу случившегося, особенно в связи с жертвами среди членов экипажа; США готовы выплатить компенсацию за материальный ущерб; президент отдал самые срочные указания военному командованию не допустить повторения подобных случаев в будущем.

На следующий день я передал письмо Брежнева Никсону в ответ на письмо президента от 8 мая (где сообщалось об эскалации действий США против ДРВ). Письмо Брежнева, весьма критическое по своему содержанию, было целиком посвящено Вьетнаму и опасным последствиям действий США для наших отношений, в том числе и в связи с заходами наших судов в порты ДРВ. „Я и мои коллеги ожидаем, г-н президент, что с американской стороны в этот ответственный момент для советско-американских отношений и для мировой обстановки в целом будет сделано все для того, чтобы не был нанесен непоправимый ущерб настоящему и будущему этих отношений".

Тема о встрече в верхах в письме многозначительно не затрагивалась совсем, что сразу же было отмечено Киссинджером. „А как же все-таки со встречей в Москве, будет ли она или нет? Об этом ничего не говорится в

письме Генерального секретаря", - сказал он. Этот вопрос в разной форме он задавал несколько раз в ходе нашей беседы. В конце концов, он спросил, не будет ли у нас возражений, если они опубликуют заявление Белого дома о том, что получен ответ советского руководства, подтверждающий эту встречу.

Ответил, что делать такое заявление нет оснований, ибо вопрос о встрече не был прямо предметом переписки. Киссинджер спросил тогда, может ли он в этом случае сказать, хотя бы самому президенту, что советское правительство подтверждает встречу в намеченные сроки. Повторил ему, что вопрос о встрече, как это видно из обмена письмами, нами вообще не затрагивался.

Киссинджер заявил, что президент действительно хочет встречи в намеченный срок. От имени Никсона он просил передать Брежневу, что США примут самые строгие меры, чтобы не было каких-либо инцидентов в отношении советских судов в портах ДРВ или в открытом море. Кроме того, они готовы значительно сократить бомбардировки территории ДРВ во время встречи, а бомбардировку Ханоя вообще приостановить.

В Политбюро дискуссия: принимать ли Никсона? Киссинджер проигрывает пари

Надо сказать, что в Москве, в Политбюро, в это время активно обсуждался вопрос: идти ли на встречу с Никсоном в условиях, когда он бомбит союзника СССР. Мнения разделились. Сомнения были немалые.

Военное руководство во главе с Гречко вместе с Подгорным были против встречи. Сомневался главный идеолог Суслов. Косыгин с Громыко выступили за встречу. Брежнев .колебался, хотя по личным соображениям ему хотелось провести свою первую встречу с президентом США. Он хорошо понимал и негативные последствия такого отказа для наших будущих отношений с Никсоном.

В конце концов, перевесил следующий аргумент: ханойские руководители, хотя и идейные союзники, упорно избегали посвящать нас в свои текущие или долгосрочные планы в ЮВА и в отношения с США, невзирая на то, что получали от нас большую военную и экономическую помощь. В результате они неоднократно ставили нас в затруднительное положение теми или иными внезапными акциями, не очень-то считаясь с тем, как это может повлиять на наши отношения с Вашингтоном. Об их переговорах с американцами мы узнавали от последних гораздо больше, чем от самих вьетнамцев. Все это вызывало подспудно растущее раздражение в Москве. „Нельзя же позволять вьетнамцам осуществлять фактическое право вето, когда речь идет о наших отношениях с Америкой" - таков был окончательный консенсус в Политбюро, которое одобрило приезд Никсона в Москву.

Надо сказать, что в пользу этого решения сыграли немалую роль и некоторые другие факторы. Прежде всего, забота о судьбе договоров с ФРГ, ратификация которых должна была проходить за несколько дней до приезда Никсона: обострение отношений с США могло помешать этой ратификации, дав дополнительный аргумент крайне правым кругам в Западной Германии, выступавшим против этих договоров. Это хорошо понимали в Москве. Кроме того, отказ в приеме Никсона, несомненно,

на продолжительное время осложнил бы наши отношения с американской администрацией, отодвинув на неопределенный срок встречу на высшем уровне, поставив тем самым под угрозу достижение договоренности по ПРО и ОСВ; усилилась бы вероятность нового витка гонки вооружений, тем более что при этом отклонялась бы и готовность Никсона принять в концептуальном плане принцип мирного сосуществования. Отказ от встречи не помог бы и вьетнамскому народу; скорее, наоборот, усилился бы военный нажим на ДРВ, включая бомбардировки.

Для „страховки" советские руководители все же решили срочно вынести непростой вопрос о визите Никсона на закрытое обсуждение пленума ЦК КПСС. Пленум, одобрив указанное решение и укрепив курс на мирное сосуществование, открывал дорогу для развития отношений с США, невзирая на догмы об „интернациональной солидарности". Идеологические соображения, пожалуй, впервые в таком важном деле, уступили здравому смыслу, хотя в дальнейшем они и продолжали давать о себе знать.

И Никсон, и Киссинджер понимали, что Москве было нелегко, как лидеру социалистического лагеря, согласится на встречу в условиях американских бомбардировок ДРВ, и опасались возможности отказа советского руководства от встречи. Не случайно, когда я пришел с окончательным ответом, Киссинджер решил шуткой скрыть свою озабоченность, предложив держать пари на ящик шампанского, что он угадает наш ответ.

Я согласился. Он написал на бумаге свою версию нашего ответа и закрыл ее рукой. Тогда я сообщил ему, что мы, как и раньше, исходим из согласованной даты встречи, без каких-либо изменений. Он же на бумаге написал следующий прогноз: „Встреча не отменяется, но переносится на другой, неуточненный срок, который должен быть в дальнейшем дополнительно согласован". И проиграл пари.

В общем, мы оба, положившие немало труда в подготовке встречи в Москве, были довольны таким исходом. Советско-американская разрядка выдержала серьезное испытание. Правда, ящик шампанского я до сих пор не получил, он все еще остается за Киссинджером.

В течение последующей недели мы практически ежедневно встречались с ним, чтобы согласовать организационные вопросы, а главное, максимально завершить подготовку договоренностей и формулировок по основным вопросам московского саммита.

Надо признать, что Киссинджер обладает высокой профессиональной способностью находить компромиссные формулировки. Бывали между .нами и негласные дружеские „сделки": он говорил мне, что готов принять ту или иную спорную формулировку, из числа предлагавшихся Громыко, но оговаривался, что сделает это официально не на наших с ним переговорах, а в Москве, когда лично встретится с Громыко, чтобы „доставить ему удовольствие". Слово свое он в таких случаях всегда держал. Надо добавить, что Киссинджер - в интересах общей договоренности по крупным вопросам - порой сознательно делал уступки Громыко при отдельных формулировках в сторону более привычной для советской стороны фразеологии, зная, что это важно для министра при докладах в Политбюро, но когда в целом это, конечно, не имело уж такого принципиального значения для американской стороны.

Президент приглашает меня в Кэмп-Дэвид для беседы наедине

В преддверии визита сам президент пошел на необычный шаг: 18 мая пригласил меня приехать в Кэмп-Дэвид с остановкой на ночь для обстоятельного разговора наедине по всем вопросам его визита. Такое приглашение впервые было сделано иностранному послу.

Накануне этой важной встречи я получил указание сообщить президенту, что, по нашему мнению, сейчас выявились реальные перспективы достичь существенных результатов на встрече в Москве, которые были бы весьма полезными как для развития наших отношений, так и для положения в мире в целом. „Сделано немало для успеха этой встречи. Удастся ли реализовать все имеющиеся возможности, - предписывалось мне заявить Никсону, -разумеется, будет зависеть как от позиций обеих сторон на самой встрече, так и от той обстановки, в которой она будет проходить".

(В Москве все еще опасались возможных неожиданных „трюков" Никсона во Вьетнаме, хотя там должны были бы понимать, что президент в не меньшей степени заинтересован в успехе встречи. Сами американцы сильно опасались, как бы Ханой не начал новые крупные наземные операции во время встречи в Москве. Об этом моей жене сказала супруга Никсона, когда они вдвоем обсуждали ее программу пребывания в Москве.)

В ходе длительной беседы с Никсоном в Кэмп-Дэвиде мы подробно обсудили основные вопросы предстоящей встречи в Москве. Надо отдать ему должное: он достаточно четко и с явным знанием дела формулировал свой подход к этим вопросам и к возможной договоренности по ним.

В целом ясно было, что встреча в Москве завершится весомыми результатами, о чем я и доложил советскому руководству.

Никсон показал мне дачи в Кэмп-Дэвиде, где будет размещен советский руководитель, „когда он приедет с ответным визитом в следующем году". Он провел меня в свой рабочий кабинет. На столе лежало несколько толстых досье с материалами по СССР. Наверху были две папки с пометкой „Брежнев". Одна с записями бесед с ним Киссинджера. Другая подборка его основных публичных высказываний, начиная с XXIV съезда КПСС.

Там же Киссинджер сказал мне, что с учетом весьма частых сейчас конфиденциальных контактов советского посла с Белым домом, а они - по мнению президента - станут еще более интенсивными, когда будут практически осуществляться решения и договоренности, которые могут быть достигнуты на встрече в Москве, они обдумывают сейчас вопрос об установлении со мной прямой, независимой от городской Сети, специальной телефонной линии из Белого дома. Такая прямая линия (без набора номеров) после визита Никсона в Москву была установлена в комнате, примыкавшей к моему служебному кабинету, и мы с Киссинджером практически все время ею пользовались. Само существование такой линии связи держалось в строжайшей тайне.

Визит президента Никсона в СССР (22-30 мая 1972 г.)

Президентский самолет с Никсоном на борту приземлился в аэропорту Внуково в 4 часа дня 22 мая. Шел небольшой дождь. Церемония встречи с участием Подгорного и Косыгина была корректной, но атмосфера вокруг

нее была весьма прохладная. Не было на улицах обычных организованных групп москвичей, которые бы „радостно приветствовали" иностранного гостя. Этим как бы косвенно подчеркивалось, что в Москве не могут полностью игнорировать события в далеком Вьетнаме. Так начинался государственный визит Никсона в СССР. Его сопровождали Роджерс, Киссинджер и другие официальные лица. С советской стороны в переговорах с президентом участвовали Брежнев, Косыгин, Подгорный и Громыко. Я присутствовал на всех встречах.

Надо сказать, что американская делегация с момента прилета была не совсем уверена, как поведет себя Брежнев, опасаясь, как бы он не отчитал Никсона за бомбардировку Вьетнама, поставив его в неловкое положение, а может быть, и всю встречу под угрозу (как это было в свое время при встрече Эйзенхауэра с Хрущевым в Париже). Эта озабоченность американцев чувствовалась во время первой беседы Никсона с Брежневым, которая проходила наедине в течение более часа. Настороженно вели себя и Роджерс, и отчасти Киссинджер, которые в соседнем зале спрашивали у советских участников, о чем говорил Брежнев Никсону. Однако распространенные среди американцев опасения не оправдались. Разговор прошел в хорошем ключе, открыв дорогу к дальнейшим успешным переговорам.

Встреча в целом оказалась значительным событием в советско-американских отношениях. Она продемонстрировла взаимное стремление руководителей СССР и США начать процесс разрядки между обеими странами. Сама по себе встреча в верхах становилась базой для дальнейшего развития их отношений.

Советско-американские переговоры охватили самые различные стороны наших отношений - политические, экономические, научно-технические связи и проблему взаимного ограничения стратегических вооружений. Итоги переговоров были зафиксированы в совместном советско-американском коммюнике, опубликованном 31 мая.

Из всех документов, подписанных в ходе визита, следует особо выделить два.

29 мая, в заключительный день встречи, Брежнев и Никсон подписали совместный документ „Основы взаимоотношений между СССР и США", принятый по инициативе советской стороны. Это был важный политический документ, закладывавший основы нового политического процесса в отношениях между двумя странами - процесса разрядки.

Советское руководство придавало этому документу особое значение. В нем фиксировались главные принципы, которых оно давно добивалось. Прежде всего, отмечалось, что в ядерный век, кроме мирного сосуществования, не существует иной основы для поддержания отношений между обеими странами. Констатировалась необходимость предотвращения кризисных ситуаций, чреватых ядерной войной. Признавался „принцип равенства, как основы для интересов безопасности обеих стран". В широком смысле встреча в верхах и подписанные документы как бы впервые символизировали признание взаимного паритета между СССР и США, как великих держав.

Все это было важно для руководителей Кремля не только с точки зрения их престижа, но и для того, чтобы поставить отношения с США на более стабильную и более перспективную основу. Поэтому этот документ получил широкий резонанс в Советском Союзе. Действительно, согласованные тогда в Москве базисные принципы имели под собой здоровую основу. Слабостью

этого важного документа было то, что он не предусматривал какого-либо контрольного механизма за его соблюдением и осуществлением. Не предпринималось в этом смысле попыток и в последующие годы.

В США этот документ не привлек к себе большого внимания. Администрация его особо не рекламировала, видимо, потому, что он был в известной степени продуктом настойчивых усилий советской стороны, ибо сама администрация в нем не была как-то особо заинтересована. Основную роль в его подготовке сыграл компромиссный настрой Киссинджера, который, по существу, один - с согласия Никсона - участвовал с американской стороны в разработке этого документа (госсекретарь Роджерс вначале даже не знал о его существовании). Публично он давал ему философское обоснование, избегая привязывать его к конкретным ситуациям. Надо признать, что Киссинджер сыграл немалую роль в подготовке договоренностей и по другим вопросам встречи.

Вторым главным результатом встречи в Москве было подписание соглашений по ОСВ-1: бессрочный Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, которые явились результатом трудных многомесячных переговоров между сторонами. Временное соглашение предусматривало пятилетний период, в течение которого продолжались бы переговоры с целью поиска более серьезных сокращений.

Соглашение по ОСВ-1 представляло собой беспрецедентный шаг в области контроля над стратегическими вооружениями, первую договорную конкретную материальную основу для процесса разрядки. Две наиболее мощные державы договорились поставить определенные пределы количественному наращиванию своих стратегических наступательных ракетно-ядерных вооружений и свести к минимуму свои стратегические оборонительные системы. Важность договора по ПРО подчеркивалась тем фактом, что он был заключен как бессрочный. Не случайно противники Договора по ПРО в США, выступавшие против принципа равенства и одинаковой безопасности в отношениях с Советским Союзом, сразу же включились в кампанию против него. Их активность достигла кульминационной точки с приходом к власти администрации Рейгана.

Во время визита Никсона были подписаны также несколько двусторонних соглашений: о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях; о сотрудничестве в области науки и техники; о предотвращении инцидентов в открытом море; о сотрудничестве в области охраны окружающей среды.

Известные трудности встретились в вопросах торгово-экономических отношений. Было решено, что переговоры по ленд-лизу будут проводиться параллельно с переговорами о торговом соглашении. Никсон обещал, что будут приняты меры, создающие нормальную обстановку для развития советско-американских торговых и экономических связей, устраняющие дискриминацию с американской стороны. Договорились, что переговоры по этим вопросам будут продолжены на уровне советско-американской комиссии, а также министров и послов.

Большое внимание на переговорах было уделено международным проблемам.

Советская сторона подчеркнула, что необходимо закрепить и развить далее процесс разрядки и общей нормализации в Европе. Особо были

выделены вопросы нерушимости существующих границ в Европе, признания ГДР и приема ее в ООН.

Никсон в ответ заявил, что американская сторона ценит взаимодействие, которое имело место между СССР и США в процессе выработки берлинских соглашений; в общей форме он высказал согласие, что следует продолжать процесс разрядки и укрепления безопасности в Европе.

Стороны изложили свои позиции по Ближнему Востоку и подтвердили поддержку ближневосточному мирному урегулированию в соответствии с резолюцией № 242 Совета Безопасности. Однако каких-либо конкретных подвижек по этому вопросу на переговорах не было.

В совместном коммюнике по итогам переговоров каждая сторона изложила свою точку зрения в отношении продолжающейся войны во Вьетнаме и положения в районе Индокитая.

Стороны высказались в пользу дальнейших переговоров по проблемам ограничения вооружений и разоружения, повышения эффективности деятельности ООН.

По инициативе советской стороны, был затронут вопрос о Кубе. Никсон не возражал, чтобы обе стороны вновь подтвердили друг другу, что они продолжают признавать и соблюдать договоренность о Кубе от 1962 года.

Специально вопрос о Китае не обсуждался. Советская сторона обратила внимание Никсона на тот факт, что нынешнее китайское руководство в международных делах стремится сеять раздоры и играть на противоречиях между другими странами, в том числе между СССР и США. Никсон ограничился лишь отдельными фразами о позиции Китая в том или ином вопросе.

Несколько слов об обстановке на переговорах. Атмосфера в целом была конструктивная, без резких обострений. С американской стороны обычно вначале выступал Никсон, который достаточно кратко и четко излагал суть американской позиции по тому или иному вопросу. Затем для более подробного изложения и дискуссии он предоставлял слово Киссинджеру, на которого ложилась основная тяжесть самих переговоров. Никсон вмешивался в ключевые моменты дискуссий, но в целом у Киссинджера была „свобода слова".

С нашей стороны было известное „разделение труда". Брежнев вел военно-политические вопросы, дипломатическую поддержку ему активно оказывал Громыко. Нередко переговоры сводились к дискуссии между Громыко и Киссинджером.

Экономические проблемы с нашей стороны обсуждал единолично Косыгин. Интересна была сцена обсуждения с Никсоном вопроса о сумме, которую должен был выплатить СССР за американские поставки по ленд-лизу во время второй мировой войны. Расхождения в оценках составляли почти миллиард долларов: США настаивали на сумме в 1 млрд 200 млн. долларов, мы предлагали 200 млн. долларов, ссылаясь на большие жертвы СССР во время войны. Таковы были устоявшиеся позиции сторон, когда они сели за стол переговоров в Москве. Косыгин предложил Никсону „по-деловому" решить, наконец, затянувшийся спор, сказав, что он готов на 100 млн. долларов увеличить предлагаемую нами сумму. Никсон выразил согласие с таким подходом „по-крупному" и отметил, что он, в свою очередь, готов снизить американские претензии на 100 млн. долларов. Затем в полной тишине они, как на аукционе, стали отрывочно называть свои

цифры: Косыгин - повышая, а Никсон - понижая. За полминуты спор, длившийся годами, был ими решен компромиссом - они „встретились" примерно на половине пути - 600 млн. долларов.

Еще несколько наблюдений и эпизодов по ходу визита Никсона.

Вопрос о Вьетнаме на пленарных заседаниях практически не обсуждался. Чтобы не портить общий деловой настрой переговоров, на Политбюро было решено организовать для Никсона ужин на загородной даче в узком кругу (Брежнев, Косыгин, Подгорный, даже без Громыко). Во время этой неофициальной встречи Никсон подвергся активной „проработке", о чем был впоследствии информирован и Ханой. Ни о чем, разумеется, не договорились, но наша совесть перед вьетнамцами была чиста.

Когда заключительные переговоры по временному соглашению по ограничению стратегических вооружений зашли в тупик, Брежнев на помощь Громыко призвал Смирнова, заместителя премьера, который занимался военно-промышленными вопросами и отлично знал все о стратегических вооружениях. Они вдвоем и вели переговоры с Киссинджером. Последний сразу про себя отметил: Громыко излагал официальную позицию, но не вел конкретный торг по содержанию. Это возлагалось на Смирнова.

Никсон жил во время визита в Москве в Кремле, что, вообще говоря, случалось очень редко и считалось особой честью для иностранного гостя. Однако советоваться с Киссинджером по текущим вопросам в своих кремлевских апартаментах он не хотел, опасаясь подслушивания. В этих целях он использовал свой специальный звуконепроницаемый лимузин, который всегда стоял внутри Кремля. В нем он и „запирался" с Киссинджером для обсуждения тактики переговоров.

На московский аэродром, откуда Никсон должен был вылететь на специальном советском самолете с однодневным визитом в Ленинград, его приехал провожать Косыгин. Они зашли в салон и стали беседовать, ожидая рапорта пилота самолета о готовности к полету. Прошло 10-15 минут, а пилот не появлялся. Косыгин вызвал к себе пилота. Тот появился, красный от смущения, и доложил, что один из двигателей барахлит и что лучше сменить самолет. "Косыгин, оказавшись в неловком положении перед президентом США, был разгневан, обругал пилота, прибегая к сильным выражениям.

Никсон спросил, что случилось. Косыгин объяснил и сказал, что пилот будет наказан за то, что самолет не готов к полету в положенное время. Никсон призвал к спокойствию, заявив, что пилота надо наградить, а не наказывать. Озадаченный советский премьер спросил: „А за что же награждать?" Тогда президент рассказал, что аналогичный случай произошел с ним в Африке. Американский пилот тогда тоже заметил, что один из двигателей самолета не совсем в порядке, но побоялся доложить, решив, что удастся долететь, тем более что полет должен был быть непродолжительный. Однако двигатель вышел из строя, и пришлось делать вынужденную посадку в песках пустыни, в результате чего Никсон чуть было не погиб. Вот почему, сказал Никсон, я предлагаю наградить вашего пилота.

Пилот был явно благодарен американскому президенту за это вмешательство, а Косыгин, „сменив гнев на милость", приказал быстро подготовить резервный самолет.

В Ленинграде Никсон был действительно тронут печальной церемонией возложения венков на Пескаревском кладбище, где похоронено около миллиона ленинградцев, умерших от обстрела и голода во время войны.

Особенно его потряс дневник девочки, которая отмечала, как один за другим умирали от голода члены ее семьи. После смерти матери она и сама умерла.

В ходе встречи не был обойден личным вниманием и Киссинджер. Поскольку пребывание в Москве совпало с днем его рождения, кремлевские кондитеры изготовили для него большой праздничный торт. Когда утром он вышел из своей комнаты, его ждал генерал, начальник охраны Кремля, который и вручил ему этот торт. Присутствовавшие тут советские и американские коллеги Киссинджера тепло поздравили его. Брежнев сделал это отдельно.

Когда Киссинджер вернулся в Вашингтон, его сотрудники вручили ему свой сувенир: деревянную фигуру медведя, играющего в футбол (Киссинджер был любителем футбола).

В целом, надо сказать, что Никсону в Москве был оказан весьма радушный прием, превосходящий все обычные нормы советского государственного протокола. Состоялся „обмен подарками": Брежнев подарил Никсону катер на подводных крыльях, а Никсон - автомобиль последнего выпуска (Брежнев сам заранее об этом намекнул).

После отъезда Никсона состоялось специальное заседание Политбюро по итогам его визита. Оценки были весьма положительные. Надо сказать, что в ходе визита изменилось и - в целом предубежденное - отношение советских руководителей лично к Никсону. В их глазах он долгое время был глашатаем „холодной войны" с давно укоренившимися антисоветскими взглядами, с которым практически невозможна какая-либо договоренность по крупным вопросам. Достигнутые же соглашения в Москве продемонстрировали прагматизм и деловитость Никсона и знаменовали действительно серьезный поворот в ряде областей наших отношений. „С Никсоном можно иметь дело, - так суммировал свои впечатления Брежнев. - Теперь надо готовиться к ответному визиту в США".

Хорошее мнение Брежнев составил и о Киссинджере, который сумел найти к нему соответствующий подход в ходе переговоров.

Громыко же не разделял восхищение Брежнева „хитроумным Генри". Он высоко ценил Киссинджера как профессионала, но лично недолюбливал его (в частности за то, что тот пользовался популярностью и повышенным вниманием международной прессы, потому что умел создавать особый интерес к своей персоне).

В целом же встреча в Москве вылилась в серьезный прорыв в советско-американских отношениях, ознаменовав собой начало периода разрядки, с чем, должен признаться, мы связывали немалые надежды.

Лично я считал советско-американскую встречу в Москве в мае 1972 года немалым успехом. Мне довелось присутствовать или участвовать почти во всех советско-американских встречах на высшем уровне. Это была первая встреча такого рода за период, охватывающий 50-е, 60-е и начало 70-х годов, которая завершилась принятием важных политических документов и достижением первых конкретных договоренностей по ограничению стратегических вооружений.

Не скрою, не сбросив еще всех оков долгой „холодной войны", я задавал себе тогда вопрос: что же произошло в Москве? Начало разрядки напряженности или лишь эпизод в советско-американском противоборстве? Означало ли это, что в Вашингтоне новая для нас администрация Никсона берет курс на установление более прагматических отношений, среди

которых наряду со старым курсом соперничества и противоборства начинают пробивать себе дорогу и ростки конструктивного взаимодействия и взаимовыгодного сотрудничества? Ответ на эти вопросы имел кардинальное значение. Определенности тогда еще не было. И все-таки я был почему-то настроен на лучшее.

После 1972 года советско-американские встречи на высшем уровне действительно стали важным цементирующим элементом наших отношений, не позволявшим этим отношениям выходить из-под определенного контроля. А переговоры по ограничению стратегических вооружений стали своеобразным барометром уровня наших отношений на каждый конкретный период.

Когда американская делегация вернулась в Вашингтон, Киссинджер передал мне личное письмо Никсона Брежневу. В нем президент благодарил за хороший прием, оказанный ему в СССР. Далее он излагал „свои взгляды относительно стоящих теперь перед нами задач", остановившись на ряде конкретных вопросов, которые были уже предметом обсуждения в Москве, но требовали дальнейшего рассмотрения. „Учитывая многие важные расхождения, которые еще остаются между нами, дорога к следующей встрече в верхах, несомненно, также не будет легкой. Однако мы теперь знаем, как готовиться, и мы можем ускорить этот процесс".

Из письма в целом было видно, что президент США действительно положительно оценивал результаты московской встречи и стремился закрепить достигнутый позитив в отношениях с советским руководством.

Киссинджер остановился кратко на ближайших задачах, стоявших перед администрацией. Главное для Никсона в предстоящие месяцы -выборы. В области внешней политики у него сейчас вполне прочное положение. Лишь Вьетнам может быть предметом предвыборных дискуссий. Он дал понять, что для решения вьетнамского вопроса Никсон не прочь вести дальнейшую игру и с китайцами, используя для этого факт успешной встречи в Москве. Одновременно сообщил, что в связи с поездкой председателя Верховного Совета СССР Подгорного в Ханой президент отдал приказ не бомбить Ханой и Хайфон, а также несколько снизить общую активность американской авиации над ДРВ (в ответ на наше обращение).

В ответном письме Брежнев полностью разделял позитивные оценки, данные президентом майским переговорам. „Заложена хорошая основа для коренного улучшения советско-американских отношений. Главное сейчас -последовательное претворение в жизнь того, о чем мы договорились". Брежнев сообщил также, что во время своего визита в Ханой Подгорный довел, как было условлено, позицию американской стороны до сведения вьетнамского руководства. В Ханое с вниманием отнеслись к этой информации, что подчеркивало большое значение, которое ДРВ придает переговорам с США в Париже, и свидетельствовало о готовности возобновить их. Было сказано, что в ближайшее время Ле Дык Тхо вернется в Париж. Брежнев со своей стороны рекомендовал Никсону - для успеха переговоров - не усложнять положение бомбардировками и другими военными действиями во Вьетнаме. В заключение он, как и Никсон, подчеркивал необходимость заблаговременной всесторонней подготовки к их следующей встрече на высшем уровне.

В гостях у президента в Калифорнии

В июне 1972 года в Вашингтоне произошло малозаметное событие, получившее вскоре громкое имя „уотергейт".

Я вначале не обратил внимания на первые краткие сообщения в прессе на этот счет. Не мог себе представить, что такой опытный человек, как Никсон, позволит втянуть Белый дом в подобную политическую аферу. Никто не знал в тот момент, что это была мина замедленного действия, которая взорвет президентство Никсона.

Когда я в июле знакомился с работой нашего генконсульства в Сан-Франциско, туда позвонил Киссинджер и сказал, что президент приглашает меня с женой пару дней побыть у него дома в Сан-Клементе (так называемый „калифорнийский Белый дом"), где он тогда отдыхал. Я дал согласие. Мы отправились с женой вдвоем на автомашине (я сам вел ее) по живописному шоссе № 1 вдоль Тихого океана. Это была приятная поездка. Нам особенно понравился небольшой и уютный городок Кармель, где в основном жили художники и писатели.

Никсон показал мне свой дом у океана, построенный в мексиканском стиле. Ознакомил с служебными помещениями, где работал он сам и сопровождающий его аппарат Белого дома. Обращали на себя внимание хорошая служба прямой связи президента с Вашингтоном, американским военным командованием в США и в наиболее важных районах мира, а также с наиболее важными посольствами (Никсон имел возможность связаться с нужным ему лицом в течение 2-3 минут или получить фотокопию любого документа; он продемонстрировал эту систему в действии). Г-жа Никсон показала моей жене свое домашнее хозяйство.

Затем в присутствии Киссинджера у нас состоялась с Никсоном продолжительная беседа. Президент сказал, что вся предстоящая работа правительств двух стран должна быть подчинена подготовке к новому важному этапу - новой встрече на высшем уровне. Правда, сначала надо выиграть выборы. „Не хочу выглядеть перед Москвой безответственным хвастуном, - заметил Никсон, - но думаю, что мне удастся победить Макговерна".

С этими оговорками он позволял себе уже тогда высказать свои некоторые доверительные соображения по поводу новой встречи на высшем уровне, причем поставил вопрос о регулярности таких взаимных визитов. Он предложил провести новую встречу на этот раз в Вашингтоне в мае или июне 1973 года. Если он будет переизбран, то после встречи в США в 1973 году он бы совсем не прочь продолжить обмен визитами: снова приехать в Москву в 1974 году и т. д. Затем президент коснулся некоторых конкретных политических вопросов в наших отношениях на ближайшее будущее.

В целом беседы с президентом носили деловой, конструктивный характер, нацеленный на следующую советско-американскую встречу на высшем уровне и на достижение новых важных соглашений.

Помимо деловых бесед с Никсоном, мы с Киссинджером устроили „небольшие каникулы". Побывали на пляже, где умудрились под теплым калифорнийским солнцем заснуть на пару часов прямо на песке. Вашингтонский дипломатический корпус был бы шокирован зрелищем: на берегу Тихого океана в одних трусах рядом спали помощник президента по национальной безопасности и советский посол, а недалеко сотрудник охраны присматривал за их вещами и бумагами.

Свозил нас Киссинджер и в Голливуд, где мы побывали в некоторых студиях, наблюдая за съемками и кинотрюками. Чувствовалось, что Киссинджер пользовался популярностью в Голливуде и среди кинозвезд. Для нас же с женой это был новый мир, с которым интересно было познакомиться поближе. Подарили нам и именные складные стулья, которыми обычно пользуются кинорежиссеры на съемках (они до сих пор находятся в нашей московской квартире, напоминая нам „о походе в Голливуд").

Во время посещения одной из студий нас пригласил на завтрак известный кинорежиссер Хичкок. Он рассказал, что у него есть замысел снять очередной фильм ужасов в старинных помещениях московского Кремля. Уверял, что успех картины будет огромный.

Не ставя под сомнение уверенность в успехе такой „кремлевской" картины, я в то же время выразил сомнение, что руководство в Москве вряд ли оценит всю глубину и оригинальность его замысла. Нужно, чтобы „созрело время". Я, правда, не смог ему точно ответить, какой же срок понадобится для этого. Но в целом мы отлично поняли друг друга.

Вечером ужинали с группой известных актеров во главе со знаменитым комиком Бобом Хоупом. Многие из них при близком знакомстве оказались людьми, далекими от привычных образов-штампов, созданных вокруг них рекламой.

Перед отъездом из Сан-Клементе Киссинджер пригласил нас с женой в местный маленький мексиканский ресторанчик, где мы впервые познакомились с коктейлем „Маргарита" (из 13 составных частей). Он пришелся нам по душе: „на троих" мы осушили два приличных графинчика. В целом провели приятный вечер, тем более что о политике не говорили ни слова.

Президент впервые в наших отношениях передал приглашение советскому министру обороны Гречко посетить США в удобное для него время, чтобы встретиться с американскими военными. Он считал полезным начать связи и по военной линии. В Москве, однако, оказались к этому явно не готовы, особенно сам министр обороны.

После моего возвращения в Вашингтон из Сан-Клементе получил письмо Никсона для Брежнева. В письме в основном - в части политических вопросов - излагались те же мысли, о которых Никсон говорил мне при нашей недавней встрече в Сан-Клементе. Выражалась также благодарность за содействие в возобновлении парижских переговоров между США и Вьетнамом. Позитивно оценивалось состояние советско-американских отношений и выражалась надежда на их дальнейшее развитие. Особо подчеркивалась роль конфиденциального канала в создании „нового духа сотрудничества, который сейчас характеризует наши отношения и который обещает еще больший прогресс в предстоящий период".

Сложности с Садатом

Постепенное улучшение отношений с США вносило элемент осторожности в нашу политику на Ближнем Востоке в плане оказания военной поддержки арабским странам. Это вызывало недовольство, в частности, у нового президента Египта Садата, который, придя к власти, обещал своему народу „ликвидировать последствия израильской агрессии". При этом он

явно возлагал надежду на помощь в этом со стороны СССР и стал требовать увеличения советских военных поставок Египту. Он дважды побывал в Москве (в феврале и апреле 1972 г.) в расчете втянуть советское руководство в военный союз против Израиля. Однако на это Москва не хотела идти.

Итоги визита Никсона в Москву, видимо, окончательно убедили Садата в нереальности его надежд. 8 июля Садат неожиданно потребовал отзыва в двухнедельный срок всех советских военных экспертов и советников (около 17 000 чел.). Раздраженное советское правительство немедленно отозвало их.

Надо сказать, что кое-кто из советского руководства предполагал, что решение Садата было инспирировано американцами в обмен на обещание американской помощи и содействие в урегулировании отношений с Израилем. Прямых данных в Москве не было, но подозрение все же высказывалось. Об этом знали в Вашингтоне. Именно поэтому 28 июля после небольшой церемонии подписания в Белом доме протокола о научно-техническом сотрудничестве между СССР и США президент пригласил меня к себе в кабинет и в разговоре один на один коснулся египетских дел. У нас в Белом доме, сказал он, есть данные, что советские представители в некоторых странах в беседах с иностранцами высказывали мнение, что решение Садата по поводу советского военного персонала, возможно, связано с какой-то секретной договоренностью между ним и правительством США.

Президент сказал: „Прошу передать Брежневу следующее: даю личное слово, что Белый дом не знал заранее о решении Садата в отношении советского военного персонала. Даю слово, что этот вопрос не был предметом какого-то специального секретного сговора между мною и Садатом. Я исходил и исхожу из того, что у нас с Брежневым есть твердое взаимопонимание: найти совместно решение ближневосточного конфликта на базе принципов, которые обсуждались в Москве. Я придаю всему этому такое большое значение потому, что речь идет сейчас о весьма важном: будет ли доверие между мной и советскими руководителями укрепляться или оно будет нарушено со всеми вытекающими отсюда последствиями для советско-американских отношений. А эти отношения после встречи в Москве имеют все шансы укрепляться и расширяться".

Я согласился с президентом, что вопрос о личном доверии действительно имеет большое значение.

Надо сказать, что своего рода личной трагедией Никсона стало то (и он это знал), что за долгую политическую жизнь он породил недоверие в стране в отношении методов, не всегда безупречных, которые он использовал для достижения своих целей. Это было хорошо известно и за рубежом и сказывалось в какой-то степени на отношении к нему как президенту.

В августе-сентябре конгресс США обсудил документы, подписанные Никсоном в Москве. Сенат ратифицировал Договор об ограничении систем ПРО, а конгресс одобрил Временное соглашение о некоторых мерах в области ОСВ. 29 сентября Президиум Верховного Совета СССР также утвердил эти договор и соглашение.

В середине октября в Вашингтоне состоялось подписание советско-американских торговых соглашений: о торговле с взаимным предоставлением режима наибольшего благоприятствования; об урегулировании расчетов по ленд-лизу, включая кредитное соглашение 1945 года; о предоставлении советской стороне долгосрочных кредитов Экспортно-импортного банка

США. В связи с подписанными соглашениями президент Никсон объявил о принятом им решении распространить на СССР закон о предоставлении долгосрочных банковских кредитов.

Это был крупнейший пакет торгово-финансовых соглашений между обеими странами за весь послевоенный период.

В беседе, состоявшейся после подписания, Никсон выразил свое удовлетворение достигнутой договоренностью по всем этим вопросам, сказав, что заложен хороший фундамент для развития торгово-экономических отношений.

Однако последующие события опрокинули все эти надежды, когда конгресс США впоследствии принял дискриминационную поправку Джексона Вэника в отношении торговли с СССР.

В октябре происходил активный обмен посланиями между Москвой и Вашингтоном по вьетнамским делам. Киссинджер в это время вел напряженные переговоры с вьетнамцами в Париже. Вьетнамцы заняли жесткую позицию (в преддверии выборов в США).

В силу того, что я ограничен объемом данной книги, мне не представляется возможным писать подробно о той переписке и беседах, которые проходили между нами в связи с переговорами США и ДРВ в Париже. Хотелось лишь отметить, что на заключительном этапе этих переговоров американская сторона в доверительном порядке подробно информировала нас о них, вплоть до ознакомления со стенограммами ключевых заседаний, что лишало северовьетнамцев возможности порой манипулировать своей гораздо более скудной информацией, которую они предоставляли нам.

Переизбрание Никсона

3 ноября, когда я вместе с находившимся с визитом в США президентом Академии наук СССР Келдышем посетил в Белом доме Никсона, президент в беседе с нами заметил, что мы, пожалуй, последние иностранцы, с которыми он встречается накануне выборов, и эти иностранцы - советские представители. „Это - неплохое в целом предзнаменование", - добавил он в шутливой форме.

Судя по поведению Никсона, настроен он был весьма оптимистично в отношении исхода выборов. О планах на будущее говорил так, как если бы уже был переизбран на второй срок.

И действительно, на президентских выборах Никсон получил голоса 46,7 млн. избирателей, кандидат демократов Дж.Макговерн - 28,9 млн. голосов (хотя на избирательные участки явилось лишь 55 процентов избирателей, меньше, чем когда-либо за последние 24 года). Завоевав Белый дом на новый четырехлетний срок, республиканцы опять-таки не смогли обеспечить себе большинство ни в одной из палат конгресса.

9 ноября я позвонил Киссинджеру во флоридскую резиденцию президента (где они находились) и зачитал ему приветственное послание Брежнева президенту в связи с его переизбранием („Хотел бы выразить уверенность, - указывалось, в частности, в телеграмме, - что те взаимоотношения и то взаимопонимание, которые сложились у нас с Вами в результате московской встречи, будут не только сохранены, но и углублены").

Киссинджер заверил, что это послание будет приятной вестью для президента. Через несколько минут меня связали по радиотелефону с

президентом, который в этот момент находился на прогулочном катере в море. В шутку он заметил, что считает счастливым предзнаменованием для советско-американских отношений тот факт, что посол передал ему поздравления Генерального секретаря именно в тот момент, когда президент вместе с женой, дочерью и зятем (внуком Эйзенхауэра) совершает прогулку на чудесном катере, подаренном ему советским руководством. Катер настолько хорош и безопасен по своим мореходным качествам, что секретная служба, в виде большого исключения, разрешила ему самому управлять сегодня этим катером. Я придаю большое значение установлению хороших личных взаимоотношений с советскими руководителями и особенно проведению личных встреч с ними, на этот раз в США. Планируя эту новую встречу, я преследую и корыстные цели - снова побывать в Советском Союзе, где мне хотелось бы посетить Крым, сказал Никсон.

Президент далее отметил, что главное для него сейчас - это заключение, наконец, соглашения по вьетнамскому урегулированию. Он надеется, что такое соглашение будет подписано с ДРВ не позже следующего месяца. Президент ценит полезную роль, которую сыграли, по его мнению, советские руководители в том, что война во Вьетнаме закончилась на взаимно приемлемых условиях для вовлеченных в конфликт сторон.

В шутку Никсон заметил, что последним иностранным послом, с которым он встретился за два дня до выборов, и первым послом, с кем говорил спустя два дня после выборов, был советский посол. Это, добавил он, достаточно символично для нынешнего состояния советско-американских отношений.

Это был, пожалуй, самый счастливый Никсон, с которым мне довелось беседовать за все время его пребывания в Белом доме.

Вскоре Киссинджер передал для Брежнева соображения Никсона, касающиеся следующей встречи на высшем уровне. Президент приветствовал бы приезд Генерального секретаря в США в конце мая или в начале июня 1973 года. Переговоры можно было бы провести в Белом доме и загородной резиденции Кэмп-Дэвид. Никсон хотел бы также показать свой дом в Сан-Клементе в Калифорнии и свою резиденцию во Флориде.

Что касается перечня главных вопросов для обсуждения, то они, по мнению Никсона, сводились бы к следующему:

- Договор о неприменении ядерного оружия.
- Европейские вопросы,, германские дела (США готовы нормализовать свои отношения с ГДР, вплоть до установления дипотношений в 1973 году).
- Ограничение стратегических вооружений.
- Ближний Восток.
- Экономические вопросы.

Этот круг вопросов нас устраивает, сказал я своему собеседнику.

10 декабря мне позвонил президент Никсон. „Я хотел бы сообщить Генеральному секретарю и его коллегам свою оценку нынешнего положения дел на парижских переговорах, которые достигли сейчас решающего момента, но прежде всего хочу поблагодарить советское руководство за постоянное внимание, уделяемое им вьетнамскому мирному урегулированию, и за негласное содействие, оказываемое продвижению нынешних трудных переговоров". Президент далее сообщил, как проходит завершающий этап переговоров в Париже, причем говорил он с явным подтекстом, давая понять, что надеется все же на наше дальнейшее вмешательство в Ханое с целью преодоления „последнего тупика" в переговорах.

Все это было, однако, для нас совсем не просто, так как приходилось соблюдать союзнические отношения с Ханоем, а последний на заключительном этапе переговоров с США особо секретничал.

Перед моим отлетом в Москву (18 декабря) на юбилейную сессию, посвященную 50-летию образования Советского Союза, Киссинджер передал мне личное письмо президента на имя Брежнева. Никсон в позитивном плане касался вопросов ограничения стратегического оружия, неприменения ядерного оружия, европейских дел („где имеются новые перспективы решения вопросов безопасности, сотрудничества и сокращения вооруженных сил"). Отмечал он и две области, которые „нас постоянно разочаровывали" - Вьетнам и Ближний Восток. В отношении последнего он предлагал „оживить переговоры".

„В целом, - заканчивал Никсон свое письмо, - 1973 год будет годом больших ожиданий в советско-американских отношениях, самым ярким событием которого будет Ваш визит в США. Мы можем решить ряд вопросов во время этого визита".

В строго доверительном порядке Киссинджер сообщил для сведения Брежнева, что Никсон решил осуществить ряд кадровых перестановок в администрации. Госсекретарь Роджерс останется на своем посту недолго -еще примерно полгода. На место первого заместителя госсекретаря будет назначен посол в ФРГ Раш. Ричардсон - на пост министра обороны. „Президенту и мне будет легче управлять Пентагоном, так как Ричардсон понимает политические аспекты военных вопросов". Никсон хочет также заменить министра торговли Петерсона, который „очень много говорит на совещаниях у президента", а последний любит четкие и краткие доклады и рекомендации. К тому же жена Петерсона - „очень бойкая на язык дама"-говорит „весьма обидные вещи" о президенте в вашингтонских салонах.

Перед самым моим отлетом позвонил Киссинджер. Он, по поручению президента, передал для сведения Брежнева, что Никсон сегодня вновь обратился к Ханою с предложением закончить переговоры по окончательному соглашению (Киссинджер прислал с нарочным текст секретного обращения США к Ханою от 18 декабря). Белый дом информировал нас о последующих обменах мнениями с Ханоем.

Так заканчивался богатый событиями в советско-американских отношениях 1972 год, который ознаменовался заключением рекордного за весь послевоенный период числа соглашений между обеими странами. Была заложена хорошая основа для отношений мира между СССР и США.

5. ПРОЦЕСС РАЗРЯДКИ НАБИРАЕТ СИЛУ. ВИЗИТ БРЕЖНЕВА В США

В 1973 году процесс позитивного развития советско-американских отношений набирал силу. В этом плане основным событием года явился визит в США Брежнева и его переговоры с Никсоном. В результате определились

главные направления развития этих отношений: предотвращение угрозы войны, в первую очередь ракетно-ядерной, и ограничение гонки вооружений, прежде всего - стратегических; меры, направленные на ослабление международной напряженности и, в частности, очагов конфликтов (Европа, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия и т. п.); развитие на более стабильной основе торгово-экономических и научно-технических связей.

Большое положительное значение для советско-американских отношений имело окончание войны во Вьетнаме.

Новый уровень отношений между двумя странами позволил удержать в локальных рамках опасную напряженность, возникшую в ходе октябрьского военного конфликта на Ближнем Востоке, не дал ей разрастись и перекинуться на всю сферу советско-американских отношений, а также на положение в мире в целом. Политика разрядки показала свою жизнестойкость, хотя рецидивы элементов политики Белого дома с „позиции силы" давали себя знать в течение года. Да и идея разрядки в практическом ее претворении в жизнь, в общем-то, „свалилась" на американцев довольно неожиданно. Многие слои американского народа еще как бы „не созрели" для тех быстрых изменений, которые стали происходить за последние два года в советско-американских отношениях.

Более того, враждебные Советскому Союзу круги начали активно выступать против политики разрядки, в их числе оказались и многие американские либералы. На этой волне конгресс принял известные поправки Джексона-Вэника, дискриминационные в отношении торговли с СССР. Короче, пока преждевременно было говорить о серьезном переломе в настроениях внутри США - в отличие от СССР - в сторону стабильного улучшения наших отношений.

Наиболее заметный отпечаток на внутриполитическую обстановку наложило „уотергейтское дело", которое серьезно встревожило вначале либеральные круги американского общества, а затем и широкие слои американцев. „Уотергейт" положил начало процессу подрыва внутриполитических позиций республиканской партии и в первую очередь самого президента Никсона. По существу, встал вопрос о возможности его дальнейшего пребывания в Белом доме. Происходило ослабление исполнительной власти в пользу законодателей - конгресса США. В 1973 году впервые в политической истории США конгресс решил ограничить полномочия президента в военной области.

В 1973 году США проводили довольно маневренную и активную внешнюю политику, хотя внутренние осложнения, безусловно, существенно ограничивали ее эффективность. Активность внешней политики США наиболее наглядно проявилась, в частности, в посреднической роли, которую сыграл Вашингтон в деле разведения израильских и арабских войск после октябрьской войны на Ближнем Востоке, а также в улучшении отношений с арабскими странами. Вместе с тем Вашингтон стремился ограничить влияние СССР в этих странах.

И все же в ходе интенсивных советско-американских переговоров во время самой войны США фактически приняли на какое-то время наш тезис о необходимости совместных с СССР действий в интересах обеспечения мира на Ближнем Востоке. Американцы пошли на выработку соглашения о прекращении огня, на организацию совместно с Москвой процесса переговоров по ближневосточному урегулированию, хотя, правда, постарались в дальнейшем поставить их под свой контроль.

В Европе США оказались втянутыми в процесс стабилизации положения и подведения черты под второй мировой войной, а также в переговоры по созданию системы коллективной безопасности в Европе, хотя американская дипломатия и не проявляла особых инициатив.

Готовится новая встреча на высшем уровне

Когда мы встретились с Киссинджером в начале января, то он выразил надежду, что вьетнамский вопрос будет все же „как-то решен в течение ближайшего месяца". Поэтому, сказал он, на повестку дня встанет новая встреча с Брежневым, возможно, в мае или июне, как и предполагалось ранее. Белый дом предлагал в этой связи провести в феврале месяце интенсивное обсуждение по конфиденциальному каналу всех вопросов, которые будут предметом переговоров на встрече на высшем уровне. Еще до встречи тексты совместных документов должны быть согласованы на 90-95 процентов.

Киссинджер рассказал о реорганизации своего аппарата в Белом доме, вызванной переводом его заместителя генерала Хейга на пост первого заместителя начальника штаба армии США. Скоукрофт, бывший до этого старшим военным помощником при президенте (в этом качестве он сопровождал его в Москву), стал заместителем Киссинджера.

Он сообщил далее, что президент решил оставить его самого на посту помощника по национальной безопасности еще на 4 года, т. е. до конца своего второго президентства. (Надо сказать, что -к началу 1973 года Киссинджер достиг вершины своей политической популярности. По опросам общественного мнения в США, он занимал первое место по популярности, на втором оказался проповедник Грэхем, а на третьем - Никсон. Известный лондонский музей мадам Тюссо выставил для обозрения его восковую фигуру. А участницы международного конкурса красоты „Мисс Юниверс" с энтузиазмом признали его как „наиболее выдающегося деятеля мира".)

В середине января я пригласил Киссинджера на завтрак. Мы обсудили положение во Вьетнаме, Европе, на Ближнем Востоке и текущие проблемы двусторонних отношений.

В связи со спекуляциями в прессе США относительно ядерного потенциала Китая Киссинджер сказал, что, по американским данным, Китай в тот период сосредоточивал все свои силы на создании ракетно-ядерного потенциала средней дальности. „У китайцев, - отмечал он, - уже есть отдельные опытные образцы ракет, которые могут достичь основных центров СССР. Однако таких ракет мало и они еще окончательно не отработаны, хотя в течение 2-3 лет они будут, видимо, доведены до необходимого научно-технического уровня. Что касается китайских межконтинентальных ракет, которые достигали бы США, то американская разведка и эксперты исходят из того, что первые ракеты такого типа будут развернуты в 1977-1978 годах". (Москва в тот момент придерживалась более консервативных оценок китайских возможностей.)

В речи, с которой Никсон выступил (20 января) в конгрессе США по случаю вступления на пост президента на второй срок, он, в частности, выразил уверенность в продолжении сотрудничества с Советским Союзом в Деле ограничения гонки вооружений и предотвращения опасных конфронтации между СССР и США.

Никсон считал, что в связи с окончанием войны во Вьетнаме появилась возможность определить конкретную дату визита Брежнева в США. Чтобы поставить отношения с Москвой на солидную основу, президент даже предложил пост посла США в СССР бывшему госсекретарю Дину Раску. Однако последний не захотел возвращаться на государственную службу и предпочел остаться на преподавательской работе в одном из университетов своего штата.

В конце января Никсон и Брежнев обменялись письмами в связи с окончанием войны во Вьетнаме. Они констатировали, что вьетнамское урегулирование открывает для советско-американских отношений благоприятные перспективы. В этой связи президент просил назвать наиболее удобную для Брежнева дату визита в США.

21 февраля Брежнев ответил, что намерен совершить визит в США в июне месяце. В своем письме он перечислил ряд нерешенных проблем, которые следовало бы форсированно готовить к встрече, а именно: договор о неприменении ядерного оружия, ограничение ядерных вооружений, безопасность и сотрудничество в Европе, ближневосточное урегулирование, двусторонние отношения, прежде всего область торгово-экономических связей.

8 марта я встретился с Никсоном в Белом доме.

Он прежде всего подчеркнул, что предстоящая новая встреча на высшем уровне имеет слишком важное значение, чтобы подготовка была пущена на самотек. Поэтому он дал четкие указания Киссинджеру заняться такой подготовкой совместно со мной.

Никсон заявил, что в США имеются еще группы, которые, преследуя свои корыстные интересы, стремятся ставить палки в колеса, чтобы замедлить дальнейшее улучшение советско-американских отношений и лично между руководителями обеих стран. Эти группы были и остаются противниками встреч на высшем уровне, и они не очень-то горевали бы, если бы таких встреч больше не было вообще. Однако не они определяют курс внешней политики США, а президент. И хотя ему и приходится преодолевать определенную оппозицию и подчас маневрировать, его общий курс в отношении СССР был ясно изложен и зафиксирован в ходе московской встречи. Он твердо намерен развивать его и далее, пока находится в Белом доме. Об этом ясно будут свидетельствовать, как он уверен, и итоги его предстоящей встречи с Брежневым.

Затем мы обсудили ход подготовки разных проблем, которые будут предметом обсуждения и решения на встрече в верхах. Наибольшую трудность для него, как признал президент, представлял вопрос о неприменении ядерного оружия друг против друга. Хотя такой договор и не меняет ничего в существующем фактическом положении вещей, сказал Никсон, он произведет очень сильное психологическое воздействие в странах НАТО, где и так уже немало нареканий в адрес Вашингтона и его нынешней политики. Однако, с другой стороны, он понимает важное значение, придаваемое этому договору советским руководством.

Надо сказать, что вопрос о неприменении ядерного оружия, обсуждавшийся в контексте выработки соглашения между СССР и США о предотвращении ядерной войны, явился наиболее трудной частью переговоров при подготовке к встрече в Вашингтоне. Этим вопросом в течение нескольких месяцев (апрель-июнь) занимались не только Киссинджер и я, но и непосредственно Никсон и Брежнев, которые несколько раз обменивались конфиденциальными письмами на этот счет. Только потому, что

вопрос был постоянно в поле зрения лично руководителей обеих стран, это не позволило Белому дому отступить назад, хотя и были такие попытки под видом поиска компромиссных формулировок.

30 марта президент Никсон в очередной беседе со мной заявил, что он согласен с мнением советского руководителя об исключительной важности этого вопроса и считает, что этот документ может явиться важнейшим результатом его встречи с Брежневым. В этой связи намечалась поездка Киссинджера в Москву, чтобы завершить работу над этим и некоторыми другими документами.

В ходе подготовки к вашингтонскому саммиту в США усилилась антисоветская кампания вокруг вопроса о свободе выезда лиц еврейской национальности из СССР. Высшее советское руководство по-прежнему упрямо отказывалось рассматривать какие-либо компромиссные шаги в этом вопросе, утверждая, что все это чисто внутреннее дело СССР и что оно отвергает „происки международных сионистов". Неумная и недальновидная политика.

Надо сказать, что в период между первой и второй встречей в верхах в США стала образовываться странная коалиция сил, которые представляли обычно противоположные части политического спектра страны. С одной стороны, американские либералы и сионисты, которые считали, что наступает благоприятное время, когда можно бросить открытый вызов политике Советского Союза в области эмиграции. С другой стороны, консерваторы всех мастей, традиционно выступавшие против политики разрядки, которая была несовместима с их идеологической позицией, отвергающей любые контакты с социалистическими странами.

Обращение Никсона весной 1973 года к конгрессу с предложением предоставить Советскому Союзу режим наибольшего благоприятствования в торговле с США послужило как бы сигналом для объединения этих сил. Либералы ставили условием поддержки такого режима резкое сокращение ограничений на выезд из СССР. Консерваторы же выступали против расширения торговли, так как они вообще были против разрядки как таковой.

Сенатор Джексон внес 15 марта на рассмотрение сената поправку к законопроекту о торговой реформе, поддержанную 73 сенаторами. В соответствии с поправкой Советскому Союзу не следовало предоставлять кредиты и режим наибольшего благоприятствования в торговле до тех пор, пока СССР не снимет ограничений на выезд советских граждан за границу.

Обеспокоенное, наконец, размахом этой кампании, советское руководство прислало, по просьбе Никсона, информацию о выезде советских граждан на постоянное жительство в другие страны. Сообщалось, в частности, что из числа лиц, выразивших в 1972 году желание выехать в Израиль, такие разрешения получили 95,5 процента подавших заявления. Всего за период с 1971 года по сентябрь 1973-го в Израиль выехали около 70 000 евреев.

И Никсон, и Киссинджер сообщили нам, что постараются использовать эту информацию для работы с различными представителями конгресса, от которых во многом зависело прохождение любого торгово-экономического законодательства в отношении СССР.

В начале мая Киссинджер вылетел в Москву. Надо сказать, что в переговорах с ним - помимо Громыко - принимал активное участие сам Брежнев, особенно по военно-политическим вопросам. Переговоры проходили в подмосковном охотничьем хозяйстве в Завидово, куда Брежнев

любил приезжать на охоту. Значительная часть времени ушла на обсуждение проекта Соглашения о предотвращении ядерной войны. Брежнев придавал этому документу особое значение.

Для настроений Брежнева, как и всего советского руководства, в том, что касается доверия лично к Никсону и его администрации, характерен следующий любопытный эпизод. Когда в Завидово был выработан документ с проектом вышеуказанного соглашения, Киссинджеру предложили как бы парафировать согласованный текст. Он уклонился, сказав, что у него нет таких полномочий, но выразил уверенность, что президент полностью одобрит его.

Брежнев дал волю своим эмоциям (отчасти наигранным), заявив, что он не для того потратил целых два дня, чтобы все это закончилось никого не обязывающим разговором. Спор разрешился тем, что Брежнев настоял на получении от Киссинджера „расписки" на простом листе бумаги о готовности правительства США подписать такое соглашение. Расписка, разумеется, не имела большой юридической силы, но она доставила чувство удовлетворения Брежневу, который затем с гордостью рассказывал членам Политбюро, как он „выбил" эту расписку у Киссинджера. Он, видимо, считал это своим большим дипломатическим достижением. Внешне же вся эта сцена немного напоминала знаменитую сцену торга между Чичиковым и Собакевичем из комедии Гоголя „Мертвые души".

В одной из последних бесед с Никсоном, когда я вернулся в Вашингтон после встречи в Завидово, президент сказал мне, что его несколько удивило неверие советского руководства в его готовность заключить такое соглашение. Ведь простая расписка Киссинджера, заметил Никсон, никак не помогла бы, если уж я решил бы отказаться от такой договоренности.

Я постарался представить этот эпизод как шутку Брежнева.

В целом обмен мнениями с Никсоном по итогам поездки Киссинджера показал, что президент был твердо настроен на проведение действительно результативной встречи с Брежневым.

Надо сказать, что Брежнев любил пошутить, когда встречался с Киссинджером и его советниками. Вспоминаю такой эпизод. Как-то во время краткого отдыха зашел разговор о часах. Сонненфелдт, советник Киссинджера, похвалился своими швейцарскими часами. Неожиданно Брежнев, закрыв свои наручные часы рукой, предложил Сонненфелдту обменяться - не глядя - часами. Последний сперва заколебался, но затем, видимо, решив, что у Генерального секретаря ЦК КПСС должны быть дорогие часы, согласился на обмен. Сделка состоялась. Оказалось, что Брежнев носил простые советские часы, подаренные ему коллективом какого-то часового завода. Часы были хорошего качества, но со стальным, а не золотым корпусом, как, видимо, ожидал американец. Короче, его часы стоили дороже, чем брежневские, но Сонненфелдту пришлось утешиться тем фактом, что теперь у него были сувенирные часы, которые носил руководитель Советского Союза.

По окончании переговоров Брежнев предложил Киссинджеру прогуляться с ним на автомобиле по окружавшей Завидово живописной сельской местности. Тот охотно согласился, не зная, конечно, что ему предстоит пережить.

Дело в том, что Брежнев любил сам водить автомобиль, да к тому же на очень большой скорости. В течение примерно получаса они вдвоем (охрана мчалась сзади) неслись по извилистой и довольно узкой дороге.

Эта поездка „с ветерком", как мне показалось, основательно потрясла Киссинджера, которому совсем не улыбалась перспектива попасть в аварию где-то в лесах России, хотя и вместе с советским лидером. Последовавшая сразу же за этим не менее скоростная прогулка на мощном катере в верховьях Волги, видимо, окончательно выбила Киссинджера „из колеи". Он даже на какое-то время лишился присущего ему чувства юмора.

Накануне визита

В одну из наших встреч Киссинджер затронул „уотергейтское дело", но с явной целью показать, что сам он в этом не замешан и что оно не повлияет на его положение в Белом доме. Наоборот, утверждал он, его положение даже упрочилось, поскольку из Белого дома вынуждены были уйти два ближайших помощника президента, Холдеман и Эрлихман, замешанные в этом скандале, с которыми Киссинджер вообще не всегда ладил.

Киссинджер подчеркнул далее в беседе, что президент не допускает и мысли о возможности своей отставки. По его словам, политические противники президента еще несколько месяцев будут активно использовать этот скандал против Никсона, но, в конце концов, все снова встанет на свои места. „Никсону, конечно, очень обидно и досадно, что его соотечественники как-то забывают все его большие достижения в области внешней политики, а это пустяковое, по существу, в условиях Америки дело раздувается его врагами до гиперболических размеров", - сказал он.

Он признал вместе с тем, что это „дело" отнимает у Никсона много времени и мешает ему сосредоточиться на важных внешнеполитических вопросах.

В конце мая Никсон передал на рассмотрение Брежнева подробную программу его визита в США.

Однако в начале июня под угрозой срыва оказалось подписание на встрече соглашения об основных принципах по стратегическим вооружениям. В последний момент Никсон, опасаясь критики своих оппонентов в стране, в категорической форме внес в текст некоторые изменения, которые Брежневу, хотя и с неохотой, все же пришлось принять.

Рассерженный Брежнев отклонил, в свою очередь, предложение Никсона побывать, помимо Вашингтона, и в его личном доме в Сан-Клементе, сославшись на запрет врачей (у Брежнева действительно появились первые симптомы нарушения мозгового кровообращения, но пока в слабой форме, и об этом мало еще кто знал).

11 июня мы вместе с Киссинджером тщательно „дошлифовывали" документы, которые готовились к подписанию во время встречи. Работали также над совместным коммюнике. В конце он сказал „откровенно, без дипломатии", что Никсон очень обижен отказом Брежнева побывать у него дома в Сан-Клементе и это может сказаться на ходе всей встречи. Я тогда решил послать телеграмму в Москву с рекомендацией пойти все же, если можно, навстречу этому пожеланию Никсона. На следующий день Брежнев сообщил Никсону, что он решил „пойти наперекор советам врачей" и поехать в Калифорнию.

Около 12 часов ночи мне позвонил сам Никсон. Прошу передать Генеральному секретарю мою благодарность за такое его решение, сказал он. Я приглашаю его поселиться в моем доме. Уверен, что время, которое

мы с ним проведем под одной крышей, послужит еще большему нашему сближению и взаимопониманию. А это немаловажный фактор, ибо я глубоко убежден в том, что мы с Генеральным секретарем, как руководители двух самых могущественных стран, во многом предрешаем судьбы войны и мира на всем земном шаре. Дело тут не в каком-то тщеславии или самомнении. Это историческая реальность. Мой дом в Калифорнии называется по-испански „Каса Пасифик" („дом мира"). Название это давнишнее, без каких-либо претензий, но сейчас оно приобретает немалый символический смысл, подчеркнул президент.

Поскольку все проекты соглашений были подготовлены заранее, то Никсону и Брежневу не надо было вести какие-то переговоры, чтобы завершить подготовку текстов этих соглашений. Поэтому предстоящая встреча давала хорошую возможность для свободного обмена мнениями по широкому кругу вопросов.

Визиту Брежнева предшествовало укрепление его внешних и внутренних позиций. До приезда в США советский руководитель совершил весной успешный визит в ФРГ. Это была вообще первая поездка Генерального секретаря ЦК КПСС в Западную Германию. Был заключен ряд важных экономических и торговых соглашений.

Еще более важным лично для Брежнева было одобрение апрельским (1973 г.) пленумом ЦК внешнеполитического курса, который все больше ассоциировался с его именем. Особо подчеркивалось значение принципа „мирного существования".

Важное значение для Брежнева имели также кадровые изменения в составе Политбюро, которое пополнилось его сторонниками - Громыко (министр иностранных дел), маршал Гречко (министр обороны), Андропов (председатель КГБ). Из членов Политбюро выбыли Воронов и Шелест. Последний был „ястребом", противником улучшения отношений с США, выступал против приглашения Никсона в СССР в 1972 году. Но вернемся к визиту советского руководителя в США.

Визит Брежнева в США (18-26 июня 1973 года)

Брежнев прибыл в США 18 июня. Его сопровождали Громыко, министр торговли Патоличев, министр гражданской авиации Бугаев и другие. С военного аэродрома „Эндрюс", где приземлился самолет и где гостей встречал госсекретарь Роджерс, Брежнев и Громыко, которых я сопровождал, вылетели на вертолете в загородную резиденцию президента Кэмп-Дэвид. Там они остановились на ночь. Прием и резиденция понравились Брежневу, он тут же по спецтелефону поделился своими впечатлениями с некоторыми коллегами из Политбюро в Москве. Утром он вылетел в Вашингтон для встречи с президентом Никсоном. До 23 июня Брежнев жил в Вашингтоне в специальном правительственном особняке „Блэйр хаус" на Пенсильвания авеню, почти напротив Белого дома. Переговоры с Никсоном и подписание ряда документов проходили в Белом доме. Часть бесед они провели в Кэмп-Дэвиде.

Запомнилась официальная торжественная встреча 19 июня на ухоженном газоне южной лужайки Белого дома, где на специальном подиуме вместе с президентом США стоял Брежнев. Пожалуй, для него лично это был момент наивысшего триумфа, ибо что могло быть еще выше: он, равный самому

американскому президенту, руководитель страны, равной самим США по военной мощи, по ракетам и ядерным боеголовкам.

Торжественный ритуал, исполнение гимнов, артикулы почетного караула, участие совместно с американским президентом на церемонии встречи в США на глазах всего мира - это было для тогдашних советских руководителей высшим актом признания их власти и влияния.

По иронии судьбы, Никсон, президент крупнейшей страны Запада, переживал в этот момент период падения своего влияния и авторитета в США. Как раз на время визита Брежнева были прерваны на неделю слушания по „уотергейту", которые передавались по телевидению на всю страну. В Советском Союзе об этом скандальном деле в это время мало что было известно. Первые сообщения на этот счет в августе сопровождались комментариями насчет „происков врагов Никсона, не заинтересованных в улучшении отношений с СССР". О возможности импичмента Никсона советский читатель узнал лишь к концу года.

Брежнев и Никсон в течение нескольких дней подробно обсуждали узловые вопросы современного международного положения, региональные проблемы (Индокитай, Европа, Ближний Восток), состояние и перспективы отношений между обеими странами.

Были подписаны: соглашение о предотвращении ядерной войны; документ „Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических и наступательных вооружений"; соглашение о научно-техническом сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии; соглашения о сотрудничестве в области сельского хозяйства, транспорта, исследования Мирового океана, а также общее соглашение о контактах-, обменах и сотрудничестве; конвенции по вопросам налогообложения.

24 июня в Сан-Клементе, куда затем вылетели Никсон и Брежнев с группой сопровождавших лиц, было подписано Совместное советско-американское коммюнике. Стороны согласились с тем, что дальнейшие встречи на высшем уровне должны проводится регулярно. Брежнев передал Никсону приглашение посетить Советский Союз в 1974 году. Приглашение было принято. 26 июня Брежнев вылетел в Москву.

Главным результатом визита Брежнева в США советское руководство считало заключение соглашения о предотвращении ядерной войны. Оно рассматривало этот документ как действительно серьезное достижение политики разрядки, ибо передотвращение такой войны было на деле генеральным курсом Кремля в отношениях с США в течение всего послевоенного периода. Американская сторона, по моим наблюдениям, не придавала этому соглашению такого фундаментального значения.

Несколько слов об истории этого вопроса. Начиная с 60-х годов Советский Союз неоднократно предлагал на разных форумах принять совместное обязательство „не применять первыми ядерное оружие". США и их союзники постоянно отклоняли такое предложение, исходя из необходимости сохранения ядерного устрашения на случай крупного неядерного вооруженного конфликта с СССР*.

Американские военные теоретики различали два вида использования ядерного оружия: первый (внезапный) удар ядерными силами и использование первым ядерного оружия уже в ходе вооруженного конфликта, если другая сторона будет иметь преимущества в обычных войсках. Первый вариант как бы осуждался, второй, по существу, признавался составной частью американской военной доктрины.

Вопрос этот поднимался Брежневым и во время поездок Киссинджера в Москву, а затем и на встрече с Никсоном в Москве в 1972 году. Никсон ушел от разговора по существу и предложил продолжать обсуждение вопроса по каналу Киссинджер-Добрынин. Советская сторона продолжала оказывать давление на Никсона и Киссинджера, демонстрируя серьезность своих намерений. Уже в июле 1972 года Киссинджеру был передан проект договора о неприменении ядерного оружия друг против друга. Но наши американские партнеры продолжали тянуть время (это я особенно ощущал при встречах с Киссинджером).

Однако весной 1973 года в связи с приближением визита Брежнева в США американскому руководству нужно было уже определиться окончательно. Оно решило пойти на такое соглашение, но перенести при этом упор с неиспользования ядерного оружия на более широкую формулу относительно неиспользования силы и невключения в документ тезиса о том, что риск ядерной войны связан не только с первоначальным использованием ядерного оружия. Короче, был взят курс на максимально разбавленный, необязывающий текст, чтобы у союзников США, а также у Китая не создавалось впечатление о советско-американском ядерном кондоминиуме. Этого Киссинджер опасался больше всего.

В результате нелегких переговоров уже незадолго до визита Брежнева в США удалось выработать ключевое положение соглашения, которое гласило, что стороны „будут действовать так, чтобы исключить возникновение ядерной войны между нами и между каждой из сторон и другими странами". Хотя эта формула отличалась от нашего первоначального предложения (не применять первыми ядерное оружие), она все-таки была достаточно четкой и недвусмысленной.

В своих мемуарах Киссинджер откровенно признает, что они уступили нажиму русских, но постарались - в ходе затяжных предварительных переговоров до визита Брежнева - исключить из документа все, что потенциально могло бы нанести ущерб интересам США.

В Москве, конечно, понимали все маневры Никсона-Киссинджера. Шел упорный торг вокруг формулировок, который закончился подписанием в США в 1973 году проекта компромиссного текста соглашения.

Каждая сторона надеялась, что такое соглашение будет в известной степени сдерживать поведение другой на международной арене. Для советского руководства было важно и пропагандистское звучание такого соглашения, инициатором которого оно было. Администрация же Никсона постаралась не очень его рекламировать, учитывая настороженность своих европейских союзников. Одновременно она заявляла, что соглашение не затрагивает имеющихся у США обязательств перед другими странами.

Конечно, основным недостатком этого соглашения, как и заявления 1972 года об основных принципах взаимоотношений между СССР и США, была его декларативность. В обоих документах не было заложено никакого механизма по их осуществлению. После заключения соглашения о предотвращении ядерной войны не было предпринято никаких попыток односторонне либо совместно конкретизировать или обсудить вопрос о том, как должны на практике осуществляться эти принципы.

И все же морально-политическое влияние этого соглашения на международную атмосферу и на советско-американские отношения того периода нельзя недооценивать. В совместном коммюнике Брежнев и

Никсон объявили это соглашение историческим этапом в отношениях между обеими странами.

Предметом конфиденциального обсуждения в Сан-Клементе были отношения с Китаем. Брежнев очень напористо и даже несколько эмоционально обсуждал эту тему. Он предупреждал президента против каких-либо военных соглашений с Китаем. Никсон заверял, что развитие отношений Вашингтона с Пекином не направлено против СССР. Советский руководитель жаловался „на вероломство" китайских лидеров, которые „стремятся столкнуть СССР и США", и добивался от Никсона соответствующих заверений. Последний делал это, но осторожно, чтобы сохранить возможность игры на этой озабоченности Москвы.

Хотелось бы остановиться на некоторых деталях организации и проведения самого визита Брежнева в США, ибо подчас они были уникальными по своему характеру не только в истории советско-американских отношениях, но и в практике приема глав иностранных государств в Вашингтоне.

Надо сказать, что советские службы безопасности, которые отвечали -совместно с американскими службами - за быт и условия работы Генерального секретаря в этой поездке, имели строгое указание: обеспечить высокий уровень организации визита, чтобы Брежнев „выглядел не хуже президента США". Это создавало подчас необычные и курьезные ситуации. Прежде всего были предъявлены повышенные требования в отношении обеспечения Брежнева телефонной связью. Помимо местного отдельного телефона, его обслуживала специальная советская телефонная связь (с нашими телефонистками и операторами), которая могла соединить его с членами советской делегации в разных точках Вашингтона. Он пользовался также прямой спутниковой связью с Москвой, что по тем временам было для нас не совсем обычным делом.

Брежнев был явно доволен тем, что его визит обставлен такими атрибутами технического прогресса, и, как только он прибыл в Кэмп-Дэвид (в первый день прилета в США), он стал обзванивать членов делегации в Вашингтоне, а также позвонил жене и некоторым друзьям из советского руководства в Москве и рассказал о своих первых впечатлениях об Америке.

Надо сказать, что американцы, видимо, поняли этот „престижный" настрой Брежнева и даже пошли на то - что было совсем необычно, - чтобы разрешить нам поставить в самом Белом доме несколько аппаратов нашей внутренней телефонной связи на тот случай, если Брежневу понадобится воспользоваться ею во время пребывания там (как и следовало ожидать, такой необходимости не было).

Больше того, администрация - в ответ на нашу просьбу - пошла еще на один необычный шаг: по соображениям безопасности на время пребывания Брежнева в Вашингтоне одна их главных улиц столицы - Пенсильвания авеню - на участке Белого дома и прилегающих домов была закрыта для обычного городского транспорта. Это было сделано для того, чтобы ее можно было свободно пересекать пешком на пути из „Блэйр хауса" в Белый дом.

В Кэмп-Дэвиде Никсон передал Брежневу в подарок автомобиль последнего выпуска марки „континенталь". (Между прочим, Брежнев сам на это прозрачно намекнул заранее по конфиденциальному каналу.) Он был весьма доволен новым подарком и захотел тут же опробовать автомашину, усадив в нее Никсона, чтобы показать ему свое искусство вождения (из сопровождавших я был один в качестве переводчика). Генеральный секретарь,

вообще говоря, неплохо водил автомашины, но это была незнакомая ему модель с мощным мотором. Хотя я его предупредил об этом, но ему очень уж не терпелось, и он с ходу дал полный газ. Машина рванулась. Нас всех сильно качнуло; президент Никсон перенервничал, когда он чуть было не ударился головой о ветровое стекло после того, как Брежневу пришлось метров через сто резко затормозить из-за крутого поворота (дорожки Кэмп-Дэвида явно не приспособлены для скоростной езды, там передвигаются на электрокарах).

Потрясенный Никсон все же нашел в себе силы, чтобы дипломатично сказать: „Господин Генеральный секретарь, Вы хорошо водите автомашину." Впрочем, Брежнев воспринял это как должное.

Из протокольных мероприятий впечатляющими были церемонии подписания совместных документов и официальный обед в честь советского лидера. Все было сделано со вкусом и с большим тактом, особенно если учесть, что это были первые мероприятия такого рода в Белом доме за всю историю советско-американских отношений, да еще в период „холодной войны".

Запомнился в этой связи по-своему исторический момент, когда мажордом громко объявил собравшимся о появлении Брежнева, приглашая тем самым всех встать: „Дамы и господа! Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза!" Такое впервые прозвучало под сводами Белого дома. Брежнев, да и сопровождающие его сотрудники, как и все присутствовавшие, почувствовали необычность ситуации. Кто же знал в тот момент, что через двадцать лет в СССР вообще не будет больше такой правящей партии, которая долгое время в глазах многих американцев была символом „империи зла", да и сам СССР перестанет существовать.

Брежнев устроил в посольстве ответный обед в честь Никсона (все продукты были доставлены спецсамолетом из Москвы). Русская кухня была представлена обильно и со вкусом. Поднятию настроения помогали водка и кавказские вина.

На обеде в „золотом зале" посольства было около 100 гостей во главе с президентом и его супругой. Киссинджер, в то время холостяк, пришел на обед с известной кинозвездой и непринужденно попросил - в нарушение всех протоколов - посадить ее рядом с собой, что и было сделано. Надо сказать, что об этой привычке Киссинджера Никсон знал давно. Еще в 1971 году его помощник Халдеман прислал Киссинджеру и устроителям обедов в Белом доме полушутливый меморандум со ссылкой на Никсона: „При рассадке на государственных обедах Киссинджер, как полагает президент, не должен обязательно всегда сидеть рядом с наиболее эффектной женщиной".

Брежнев остался доволен обедом в нашем посольстве. После обеда он захотел посмотреть, „где живет посол". Втроем - к нам присоединилась жена - мы поднялись на третий этаж, где находилась небольшая квартира посла. Присели. Гость находился в хорошем настроении. Он стал расспрашивать о нашем житье-бытье. Завязался обычный житейский разговор. В это время появился встревоженный начальник охраны и начал делать мне знаки, как бы приглашая меня выйти. Брежнев заметил это и сказал: „Нечего наушничать. Говорите - тут все свои".

Помявшись, начальник охраны сказал, что только что был анонимный звонок в посольство, будто в. нем заложена бомба, и что лучше Брежневу срочно вернуться в „Блэйр хаус".

Я поддержал его (как говорится, „береженого и Бог бережет").

„А ты что будешь делать?" - спросил меня Брежнев. Моя жена тут же ответила, что такие звонки бывают довольно часто, и так как нам идти некуда, то мы обычно продолжаем заниматься своими делами.

Брежнев заявил, что он тоже „не будет паниковать" и посидит с нами еще полчасика. Что он и сделал, несмотря на уговоры сразу уехать. Было уже около 12 часов ночи. Все обошлось благополучно, хотя мне и пришлось понервничать: ведь посол отвечает за все.

Весьма своеобразным был второй этап поездки Брежнева, когда он вместе с Никсоном на президентском самолете отправился в Калифорнию, в Сан-Клементе, где находился собственный дом президента. Там он по приглашению Никсона и остановился. Дом и личные апартаменты президента были вполне скромными - одноэтажный дом с внутренним двориком, окруженным самим зданием.

На местном аэродроме „игра в телефон" продолжалась. Поскольку эта часть визита не предусматривала никаких официальных церемоний, в том , месте, где должен был остановиться самолет, были лишь охрана и обслуживающий персонал. Однако рядом на поле одиноко стояла тумбочка с телефоном прямой связи с Москвой на случай, если Генеральному секретарю „понадобится" такая срочная связь (на этом настояла советская сторона; тут опять сыграли свою роль скорее ложно понимаемые престижные соображения, чем реальная потребность).

Вечером Никсон устроил во дворе дома вокруг бассейна прием в честь Брежнева. Присутствовала калифорнийская знать, среди которой выделялись голливудские звезды. В их числе был и Рональд Рейган. Надо сказать, что Брежнев любил американское кино, но в основном лишь ковбойского жанра. Эти картины он часто смотрел дома и знал актеров. На приеме он уделял основное внимание актерам ковбойских фильмов, чем, видимо, несколько обидел других „звезд". Особенно ему понравился Чак О'Коннер, который привез ему в подарок ковбойский пояс с двумя пистолетами (Брежнев не без гордости показывал эти пистолеты в Москве своим коллегам, а при полете из США домой надел этот пояс и „демонстрировал" ковбойские приемы с пистолетами, которые он видел когда-то в кино).

После приема Никсон устроил для Брежнева ужин, на котором присутствовали также Киссинджер, Роджерс, Громыко и я. Так получилось, что после ужина Никсон с Брежневым несколько задержались, обсуждая что-то (я действовал в качестве переводчика). Вначале разговаривали стоя, затем присели. Никсон предложил вина и виски. Брежнев предпочитал „чистые" виски (чтобы „не портить их водой") и быстро захмелел. Разговор с общеполитических и международных тем перешел на сетования Брежнева о том, как нелегко быть Генеральным секретарем, как ему приходится в отличие от президента США выслушивать „всякие глупости" от других членов Политбюро и учитывать все-таки их общее мнение. Он стал жаловаться, называя конкретные фамилии (Косыгина, Подгорного), что некоторые из его коллег „подкапываются" под него и что ему все время приходится быть начеку.

Никсон явно чувствовал себя не в своей тарелке, слушая - хотя и не без интереса - все эти „откровения" подвыпившего Брежнева. Мне же при переводе приходилось всячески выкручиваться, обходить наиболее деликатные детали взаимоотношений членов кремлевского руководства, о которых я и сам порой не все знал.

В конце концов, мне, не без помощи Никсона, удалось увести сильно захмелевшего Брежнева в отведенную ему комнату. На другой день он меня спросил: „Анатолий! Много я наговорил вчера лишнего?" Ответил ему, что было такое дело, хотя я старался не все переводить. „Это ты правильно сделал, - заметил он. - Черт меня попутал с этим виски, я к нему не привык и соответственно не рассчитал свою дозу".

Больше таких срывов у него не было. Они с Никсоном продолжили обмен мнениями по разным вопросам (наиболее активно использовали свое время в Сан-Клементе для отдельных неофициальных, но интенсивных переговоров Киссинджер и Громыко).

Той же ночью произошло одно необычное событие. Комнаты президента находились - через дворик - напротив спальни Брежнева. У его двери дежурил сотрудник его личной охраны Медведев. Около двух часов ночи открылась дверь одной из комнат напротив и оттуда вышла во дворик жена президента Патриция. В длинной ночной рубашке, босиком она стала медленно переходить дворик, причем глаза ее были устремлены куда-то ввысь. Она была в каком-то трансе. Когда она дошла до нашего охранника, то остановилась, но на его вопросы никак не реагировала. Его попытки повернуть ее и отвести обратно не увенчались успехом. Она стояла как вкопанная. После некоторых колебаний он взял жену президента на руки, отнес в ее спальню и уложил в постель. В это время подбежали два сотрудника американской охраны, которые куда-то отходили, и, выразив благодарность, снова встали на свой пост. Наш охранник, мягко говоря, был потрясен: ведь не каждый же день он носил на руках первую леди США.

В последний день пребывания в „калифорнийском Белом доме" намечалось обсуждение ближневосточных проблем. Было решено, что это можно будет сделать после обеда, часов в пять, так как Брежнев днем после обеда обычно ложился отдыхать часа на два.

Когда время стало приближаться к пяти, а Брежнев все еще не выходил, я предложил Громыко, чтобы он зашел к нему и напомнил о встрече. Однако Громыко отказался, сказав, что Леонид Ильич нуждается в отдыхе, его нельзя будить и что Никсон, находясь у себя дома, может и подождать. Я несколько раз напоминал об этом, но Громыко был упрям, хотя и Киссинджер стал интересоваться. Наконец, часов в девять вечера раздраженный Киссинджер заявил, что если встреча не начнется скоро, то ее придется отменить, ибо Никсон привык рано ложиться спать. Громыко заколебался, а я, уже не спрашивая его, пришел к спальне Брежнева, где и сказал начальнику охраны, что мне нужно срочно переговорить с Брежневым. Последний, услышав мой голос, сразу же позвал меня к себе. „Чего же ты меня сразу не разбудил?" Минут через десять все, наконец, уладилось, и он отправился к Никсону.

На беседе с Никсоном были также Киссинджер, Громыко и я. Проходила она в домашнем кабинете президента и, начавшись часов в 10 вечера, затянулась на несколько часов. Брежнев, который хорошо выспался, чувствовал себя в боевой форме. Никсон же, привыкший рано ложиться спать, наоборот, был неактивен, утомлен и к концу беседы несколько раз подкладывал под голову подушки. Да и тематика беседы - ближневосточное урегулирование - не вызывала у него интереса, поскольку было ясно, что на данном этапе ни о чем путном по этому вопросу нельзя было договориться. Это понимали все присутствующие, кроме, пожалуй, самого Брежнева, который, видимо, считал, что он защищает правое дело, что ему удастся, в

конце концов, своим красноречием убедить Никсона. Наоборот, своей настойчивостью он создал у Никсона впечатление об особой заинтересованности советского руководства договориться негласно с ним по ближневосточным делам. Это лишь насторожило его. К тому же изложенная ему позиция по урегулированию, как и прежде, была проарабской.

Разошлись мы глубокой ночью, часа в два или три, с обычной в таких случаях ссылкой на то, что весь этот вопрос будет в дальнейшем обсуждаться на уровне министров.

И все-таки в высказывания Брежнева по Ближнему Востоку был один важный элемент, заслуживающий внимания Никсона. Однако ни он, ни Киссинджер, по моим наблюдениям, не придали ему большого значения. Дело в том, что на заседании Политбюро Брежневу было поручено обратить внимание президента США на растущую угрозу новой арабо-израильской войны и на то, что Советскому Союзу становится непросто сдерживать своих арабских союзников. Соответственно возникала необходимость более тесного советско-американского взаимодействия. Обо всем этом Брежнев и говорил Никсону, правда, в навязчивой, но не очень убедительной форме. Последний воспринял это, как видно из его мемуаров, лишь как нажимную тактику своего собеседника. А зря. Буквально через несколько месяцев, в октябре, разразилась новая война.

После ночных переговоров мы с Громыко пошли провожать Брежнева до его комнаты. Когда мы пришли, он неожиданно вспомнил, что в Москве перед его отлетом в США ему поручили на Политбюро договориться с Никсоном о продаже нам нескольких миллионов тонн зерна. Поскольку больше официальных встреч с Никсоном уже не было запланировано, а мы вылетали рано утром домой (Никсон оставался в Сан-Клементе), возникла необычная ситуация: как же договориться о зерне.

Громыко предложил мне поехать к Киссинджеру (он временно жил вне усадьбы Никсона). По мнению Громыко, Киссинджер найдет способ связаться с Никсоном, хотя и была поздняя ночь, и получить от него согласие на продажу зерна.

Я сказал Громыко, что Киссинджер наверняка уже лег спать, и мое вторжение в три часа ночи было бы просто неуместным. Однако Брежнев поддержал Громыко, отметив, что я могу сослаться на его личную просьбу к нему и что „Генри поймет и поможет". Брежневу явно не хотелось уезжать, не выполнив важное поручение Политбюро.

Разумеется, Киссинджер был, мягко говоря, удивлен, когда я заявился к нему домой с такой просьбой. Он сказал, что будить президента в такой час, конечно, не будет. С другой стороны, ему не хотелось и отказать Брежневу, когда тот обращался прямо к нему с личной просьбой. Порассуждав вслух о том, что зерно у них действительно есть для продажи и что президент, судя по всему, дал бы согласие на это, Киссинджер предложил следующий вариант: передать Брежневу в принципе положительный ответ, который, однако, давался в общей форме, т. е. не было прямых ссылок на согласие самого президента, но оно вместе с тем как бы подразумевалось.

Киссинджер предупредил меня, что он с самого утра доложит обо всем этом президенту и надеется на его одобрение. Тогда Брежнев, без дополнительных разъяснений, улетает как бы с переданной ему ночью санкцией президента на зерновую сделку. Если же президент не согласится, то Киссинджер сразу же позвонит мне и тогда придется все объяснить Брежневу. Но все обошлось благополучно, и ему ничего не пришлось дополнительно

объяснять. Брежнев же был признателен Никсону и Киссинджеру за то, что срочное решение по его запоздалой просьбе было принято, как он думал, глубокой ночью накануне его отъезда из Калифорнии.

Брежнев был доволен и даже горд результатами своего визита. С борта самолета он послал телеграмму Никсону с благодарностью за оказанный радушный прием в США.

Перед отлетом Брежнев великодушно предложил мне оставить в посольстве прямую спутниковую телефонную связь с Москвой, хотя и оговорился, что ее содержание будет стоить дорого. Я поблагодарил его, но, сославшись на дороговизну и необходимость держать в посольстве дополнительный технический персонал для обслуживания такой связи, отклонил это предложение, заявив, что посольство располагает бесперебойной телеграфной связью с Москвой.

Действительная же причина моего отказа была иная. Этот телефон спутниковой связи был установлен в посольстве за неделю до приезда Брежнева. И вся эта неделя была для меня практически бессонной. И Брежнев, и Громыко, и другие руководители хотели лично опробовать эту новую тогда для них связь с Вашингтоном и звонили мне по каждому поводу и без повода („какая погода в Вашингтоне?")- При этом они не очень думали, что из-за 8-часовой разницы во времени между обеими столицами их звонки, как правило, приходились на глубокую ночь в американской столице. Так что я возненавидел этот телефон и не хотел, чтобы он оставался у меня дальше. Брежнев же оценил мой отказ как заботу об экономии государственных средств.

Визит Брежнева ознаменовал собой успешное развитие того активного политического, дипломатического и межгосударственного сотрудничества, которое началось после первого визита Никсона в Москву в 1972 году. Личные отношения руководителей обеих стран заметно укреплялись. Казалось, что наступает новый период в отношениях между СССР и США. К сожалению, он был недолговечен, как и надежды советского руководства на необратимость разрядки.

После вашингтонского саммита все же остались фактически нерешенными проблемы торгово-экономических отношений между обеими странами, так как эти вопросы, включая предоставление СССР режима наибольшего благоприятствования в торговле, тесно увязывались в конгрессе с решением проблемы свободной эмиграции из СССР. Об этом Никсон подробно говорил Брежневу. Президент обещал со своей стороны оказать содействие в решении этого вопроса, но ясно дал понять, что решающее слово тут остается за конгрессом. „Уотергейт" начинал все сильнее подрывать его собственные позиции. 29 июня Киссинджер позвонил мне из Сан-Клементе и сообщил, что специальный помощник президента по экономическим вопросам передаст мне предложенную Белым домом формулировку, которая предусматривает смягчение поправки сенатора Джексона к законопроекту о предоставлении СССР режима наибольшего благоприятствования в торговле. Текст, предложенный Белым домом, улучшал поправку Джексона, но он все же был неприемлем для Москвы, где всю эту шумиху вокруг вопроса об эмиграции из СССР рассматривали как надуманное и „недопустимое вмешательство" во внутренние дела страны. Этот вопрос оставался источником постоянного раздражения в отношениях между двумя странами, хотя предпринимались взаимные попытки на правительственном уровне как-то его приглушить.

В начале июля я сообщил Киссинджеру, по поручению Брежнева (который обещал Никсону сделать это), некоторые непубликовавшиеся ранее цифры об эмиграции из СССР. Расчет был на то, что эти данные могут как-то ослабить оппозицию еврейского лобби в конгрессе.

Эти цифры предварялись общим заявлением Брежнева о том, что так называемого „еврейского вопроса" в СССР не существует. Сами цифры сводились, в частности, к следующему: в 1970 году в СССР проживало 2 млн. 151 тыс. граждан еврейской национальности. Всего на 1 июня 1973 года из СССР выехало 68 тыс. человек. С января 1968 года по июнь 1973 года была рассмотрена 61 тыс. 500 заявлений евреев о выезде. Из них получили разрешение на выезд 60 тыс. 200 человек, что составляет 97 процентов всех пожелавших выехать; в том числе в течение пяти месяцев 1973 года было рассмотрено 11 тыс. 400 заявлений, причем удовлетворено 10 тыс. 100. В целом цифры демонстрировали значительный прогресс с эмиграцией по сравнению с предшествовавшими годами, но они лишь разожгли честолюбивые устремления сенатора Джексона и поддерживавших его кругов. Эти круги, по существу, добивались невозможного в тот период: публичной капитуляции Москвы. Тихая дипломатия администрации и Москвы их не устраивала, хотя она и могла дать неплохие практические результаты. Показательно, что примерно за неделю до приезда в США Брежнева Джексон выступил с требованием вообще отменить визит.

Китай недоволен „просоветским" поведением Белого дома. Прогресс в Европе

По возвращении с президентом в Вашингтон Киссинджер снова затронул китайскую тему. Сославшись на доверительный разговор Брежнева с Никсоном в Сан-Клементе по этому вопросу, Киссинджер сказал, что президент, действуя в духе этой беседы, поручил ему строго конфиденциально проинформировать Генерального секретаря о секретном послании правительства Китая, которое вручил ему в Сан-Клементе китайский посол. Пекин жаловался, как сказал Киссинджер, на просоветское поведение Белого дома, учитывая итоги визита Брежнева в США, и особенно критиковал советско-американское соглашение о предотвращении ядерной войны.

Текст послания был примерно такого содержания: правительство КНР не может не выразить своего глубокого сожаления по поводу ядерного соглашения, которое недавно было подписано США и СССР, ибо оно вновь подтверждает линию на установление мировой гегемонии двух держав. Китай никогда с этим не согласится и отвергает такую попытку. Правительство Китая в свете новых отношений, складывающихся между Китаем и США, хотело бы вместе с тем откровенно высказать президенту свое искреннее удивление по поводу того, что правительство США до сих пор не разгадало, что скрывается за нынешним „мирным наступлением СССР", ибо советским руководителям совсем нельзя верить на слово.

Разве, например, не понятны цели, которые преследует ныне Советский Союз в Европе. Вряд ли США хотят видеть всю Западную Европу, построенную по образцу Финляндии или поставленную перед ситуацией,

когда ее единственная надежда вновь будет заключаться лишь в помощи со стороны США. К счастью, в Европе есть немало дальновидных людей, которые точно разбираются в советских намерениях.

Или вопрос о торговле. После получения от США всего того, что он хочет получить, Советский Союз развяжет беспощадную торговую войну с США.

Есть немаловажный аспект, связанный и с определенным проникновением влияния СССР в самих США и подрыва тем самым решимости американского народа сохранять свою военную мощь на должном уровне. Это могло бы иметь опасные последствия для сохранения мира во всем мире, учитывая честолюбивые устремления советского руководства. Китай не боится этих устремлений, но хотел бы обратить внимание на это обстоятельство.

Правительство Китая высоко ценит принципы Шанхайского коммюнике (подписанного в дни визита Никсона в Китай. - А.Д.) и будет твердо ими руководствоваться в своих отношениях с США, которые оно желает развивать и дальше.

Вместе с тем правительство Китая оставляет за собой право выступить в соответствующий момент со своей должной оценкой соглашения, которое было недавно заключено между СССР и США.

Таково было содержание китайского послания, с которым меня ознакомил Киссинджер с согласия Никсона.

По словам Киссинджера, Никсон обратил внимание китайского посла на основную мысль, что соглашение о предотвращении ядерной войны не направлено против „третьих стран", в том числе и против Китая.

Впоследствии в процессе обсуждения вопроса об очередной поездке помощнника президента в Пекин по приглашению Чжоу Эньлая китайцы, как он сам рассказал мне, дали понять Белому дому, что они были бы готовы рассмотреть вопрос о заключении с США подобного соглашения о предотвращении ядерной войны, если американская сторона сама проявит инициативу в этом деле. Однако президент, памятуя свою беседу с Брежневым, не проявил интереса к намекам китайцев.

Успех второй встречи Никсон-Брежнев оказал благоприятное воздействие и на европейские дела. В июне после пяти месяцев предварительных переговоров в Вене, страны НАТО и Варшавского договора договорились начать в Вене 30 октября переговоры о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Тем временем в Хельсинки собрались 35 министров иностранных дел (европейских, а также США и Канады), чтобы начать подготовку к совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе. Тема созыва такого совещания уже давно была предметом обсуждения между соответствующими правительствами. Было решено созвать его в Женеве 18 сентября.

Таким образом, после многолетней „торговли" и споров Советский Союз и его союзники добились согласия Запада на созыв такого совещания, а США и их союзники - начала переговоров по сокращению вооруженных сил в Центральной Европе, хотя всем сторонам и пришлось пойти на определенные взаимные уступки. Начинались новые важные европейские переговорные процессы, которые, несмотря на их длительность и сложность привели в конечном счете к далекоидущим результатам, приближая окончание „холодной войны".

Никсон: „уотергейт" и советско-американские отношения

В середине июля Киссинджер, сославшись на доверительное поручение Никсона, поднял в беседе со мной вопрос об „уотергейте" и о личной позиции президента в этой связи. Заметив, что я, несомненно, обратил внимание на новую волну спекуляций о возможной отставке президента, Киссинджер сказал, что Никсон „ни при каких обстоятельствах" (он дважды повторил это) не подаст в отставку и что в Москве не должны верить этим и другим спекуляциям в будущем на этот счет. Не имеют под собой серьезных оснований и разговоры об „импичменте", отметил мой собеседник. Несмотря на имеющиеся трудности, президент твердо исходит из факта своего пребывания в Белом доме до конца срока, т. е. до 1977 года. Он намерен, однако, не просто отсиживаться, а продолжать активно вести дела, в частности в области внешней политики. Это нужно для страны. Это же лучший ответ всем критиканам.

Сейчас, по мнению президента, можно говорить не только об успешном переходе в советско-американских отношениях от конфронтации к мирному сосуществованию, но и к развитию действительного сотрудничества по ряду направлений. Вот почему Никсон придает большое значение новой советско-американской встрече в Москве в следующем году и ее заблаговременной тщательной подготовке, как это имело место при двух других встречах.

Хочу подчеркнуть, сказал в заключение Киссинджер, что Генеральный секретарь - единственный иностранный лидер, к которому президент счел нужным обратиться по этому делу, чтобы откровенно и доверительно разъяснить ситуацию, связанную с чисто внутренними, проблемами. Этим определяется и особый характер отношений с СССР, и особая конфиденциальность всего сказанного.

Общее улучшение советско-американских отношений стало сказываться благоприятным образом и на переговорах по ОСВ. В конце июля я передал президенту через Киссинджера официальное согласие Москвы в рамках общего вопроса об ограничении стратегических наступательных вооружений рассмотреть и вопрос об ограничении численности ракет с РГЧ, с учетом предложения американской стороны (в августе Шлесинджер объявил об успешном испытании в СССР межконтинентальной баллистической ракеты с РГЧ, и Вашингтон стал проявлять интерес к этому вопросу).

Помощник президента выразил свое удовлетворение по поводу этого сообщения, заметив, что главная трудность будет, видимо, связана с проблемой контроля.

Здесь нельзя не отметить такой курьез наших отношений с США, когда с годами наши позиции по тем или иным вопросам диаметрально менялись. Так, в 1967 году, когда президент Джонсон предлагал нам не строить системы ПРО, мы решительно возражали, однако через несколько лет мы уже сами стали горячими поклонниками ограничения ПРО. Но тут уж выступил президент Рейган со своим проектом ПРО космического базирования. В результате до сих пор не полностью еще решен вопрос о ПРО.

Так случилось и с ракетами с разделяющимися головными частями. Как только такие ракеты появились у США, я предложил Киссинджеру договориться об отказе от таких ракет, ибо они дестабилизировали обстановку. Киссинджер отделался лишь шуткой: как. же можно запрещать то, чего все

равно нет у СССР. Однако, как показал опыт, технологическое превосходство в военной области ни одной стороне не удавалось долго удерживать. А появление таких ракет у обеих сторон действительно сильно дестабилизировало общую стратегически) обстановку и вопросы контроля приобрели дополнительную сложность. Вот почему обе стороны начали искать компромиссные решения в ходе переговоров по ОСВ. Мы С Киссинджером по конфиденциальному каналу продолжали активно обсуждать этот вопрос.

В начале августа в США с визитом находился японский премьер Танаки. В ходе переговоров он просил Никсона помочь убедить советское руководство согласиться на возвращение Японии 4 островов. Никсон ответил, как рассказал мне Киссинджер, что не хотел бы быть посредником между СССР и Японией в чисто двустороннем вопросе. Это поставило бы его в сложное положение. Киссинджер вместе с тем заметил, что, по мнению Белого дома, вообще какое-то урегулирование вопроса с островами могло бы послужить значительным импульсом для конструктивного процесса в отношениях между Японией и СССР. У них сложилось именно такое впечатление от бесед с японским премьером.

Однако это отнюдь не означает, отметил Киссинджер, что Белый дом собирается поддерживать претензии Японии на „северные территории". Об этом президент хотел бы информировать Брежнева и других советских руководителей.

Впоследствии, как известно, эта позиция США перестала быть нейтральной и качнулась в пользу претензий Японии.

Киссинджер становится госсекретарем

22 августа Киссинджер позвонил мне из Сан-Клементе и сообщил, что президент решил назначить его государственным секретарем, сохранив за ним нынешнюю должность по Белому дому. Об этом будет объявлено вечером. Он сказал также, что мои с ним контакты (включая еженедельные ланчи или обеды) сохраняются на той же конфиденциальной основе, как это было до сих пор. Роджерс уходит в отставку с 3 сентября.

Таким образом завершился затянувшийся период различных догадок и спекуляций вокруг Киссинджера-Роджерса. Как и следовало ожидать, победителем закулисного соперничества вышел Киссинджер. Он стал первым в истории США госсекретарем, который не являлся американцем по рождению (он родился в Германии и эмигрировал в США вместе с родителями).

По словам Киссинджера, недовольство Никсона Роджерсом заметно усилилось после того, как тот отказался занять пост министра юстиции, чтобы принять необходимые меры в защиту репутации администрации в связи с „уотергейтом" (Роджерс при Эйзенхауэре был первым заместителем министра юстиции и неплохо справлялся со своими обязанностями).

В целом же с точки зрения советско-американских отношений замена Роджерса Киссинджером имела положительное значение, хотя бы потому, что тем самым было покончено с запутанной в неопределенной ситуацией, когда все решалось в Белом Доме, а госсекретарь и госдепартамент многого не знали. Проще стало добиваться практического претворения в жизнь -через дипломатический аппарат госдепартамента - договоренностей, которые были достигнуты по конфиденциальному каналу.

Каждый свой рабочий день, как сказал мне Киссинджер, он будет, как и прежде, начинать со встречи с президентом в Белом доме (между 8 и 9 часами утра) и обсуждать с ним основные текущие внешнеполитические проблемы. Будет также участвовать в ежедневных кратких утренних совещаниях основных помощников президента: это даст возможность постоянно быть в курсе не только внешних, но и внутренних дел, обсуждаемых в Белом доме. Часов с 11-12 дня он будет заниматься делами в госдепартаменте. Разумеется, будет участвовать во всех заседаниях Совета национальной безопасности, которые проходят в Белом доме под председательством президента. Причем, как помощник президента по национальной безопасности, он остается исполнительным секретарем Совета. В этом же качестве он будет - как и раньше - проводить встречи и совещания с руководителями ЦРУ и Пентагона, и делать это он будет в Белом доме, а не в госдепартаменте, что имело свое значение в системе федеральной бюрократии; эти должностные лица не подчинены госсекретарю, но обязаны, по указанию президента, считаться с помощником президента по национальной безопасности. Киссинджер надеялся, что назначение его одновременно и госсекретарем усилит контроль Белого дома над всей громоздкой дипломатической машиной США, сделает ее более оперативной. Жалованье его теперь достигло 60 000 долл. в год (повышение на 17 500 долл.).

На следующий же день я передал Киссинджеру поздравления от Брежнева и Громыко в связи с назначением его на пост госсекретаря. Попутно сообщил, что Москва не может дать согласия на публикацию части переписки между Хрущевым и Кеннеди во время кубинского кризиса (октябрь 1962 года), поскольку прошел еще сравнительно небольшой срок со времени этих событий. На самом деле Москва не хотела возможного нового всплеска антисоветских эмоций в США. По взаимному согласию, достигнутому значительно позже, эти документы были опубликованы лишь в 1992 году.

Тем временем, в августе американский судья Сирика вынес решение, обязывавшее Никсона предоставить все магнитофонные записи Белого дома, в которых содержались конфиденциальные разговоры президента с участниками „уотергейтского" скандала. С этого момента Никсон все больше запутывался в этом деле, внимание президента постепенно переключалось на внутренние события.

В связи с этим решением судьи Сирика мне вспомнился доверительный рассказ одного крупного американского бизнесмена из числа близких друзей Никсона.

Никсон попросил его съездить на ранчо к бывшему президенту Джонсону, чтобы посоветоваться по каким-то вопросам, связанным с вьетнамской войной. Джонсон пожаловался гостю на трудности работы над мемуарами, так как у него не было подробных записей многих его бесед в Белом доме. Он отметил, что исключение составляет последний год его пребывания на посту президента, когда в Овальном кабинете был установлен тайный магнитофон, который он сам, нажатием дистанционной кнопки, включал и выключал. Записи бесед за этот период у него сохранились, и они пригодились для работы над мемуарами.

Никсон заинтересовался этим рассказом Джонсона и дал указание поставить такую же систему в президентском кабинете, поскольку также собирался писать мемуары. Однако его помощники перестарались. Зная нелюбовь и неумение Никсона обращаться с любой техникой, они не стали

делать кнопку для включения системы самим президентом, а поставили ее на автоматический режим: она сама включалась „на голос". В результате записывались все беседы, в том числе и по „уотергейту", которые сам Никсон вряд ли бы стал записывать.

Надо сказать, что президент Кеннеди пользовался такой же системой скрытой записи, как и Джонсон. Это было его большой тайной. На научной конференции, состоявшейся в Москве в сентябре 1994 года, один из американских участников продемонстрировал краткий отрывок записи, сделанной в Белом доме во время кубинского кризиса 1962 года. Никто из членов кабинета не знал тогда, что Кеннеди периодически вел такую запись.

6. ОКТЯБРЬ 1973 ГОДА: БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС

Начало войны

6 октября внезапно началась новая арабо-израильская война, которая продолжалась до 25 октября. Обе великие державы, США и СССР, оказались вовлеченными в этот конфликт одновременно и как партнеры по быстрейшему прекращению этого конфликта, и как соперники, снабжавшие оружием своих старых „клиентов".

Здесь нет нужды подробно повторять весь ход войны, он достаточно хорошо известен. Остановимся поэтому в хронологическом порядке на основных событиях, в которых отчетливо проявилось противоречивое взаимодействие между Вашингтоном и Москвой в тот период.

Рано утром 6 октября мне позвонил из Нью-Йорка Киссинджер и, сославшись на опасное развитие событий на Ближнем Востоке, попросил передать в Москву прямо по телефону следующее: от имени президента он просит заверить советское руководство в том, что США, как и СССР, в равной степени заинтересованы в предупреждении новой крупной военной вспышки на Ближнем Востоке, и что США не ведут какой-либо игры с нами, а исходят из необходимости кардинальных действий, чтобы ситуация на Ближнем Востоке не вышла из-под контроля.

Спустя несколько часов он снова позвонил и сообщил, что начались военные действия Египта и Сирии против Израиля по всей линии перемирия 1967 года на Суэце и на Голанских высотах. В связи с предполагаемым созывом Совета Безопасности ООН Киссинджер, со ссылкой на Никсона, обратился с предложением дать срочные указания представителю СССР в ООН занять в Совете Безопасности пока сдержанную позицию, не становясь целиком, как обычно, на сторону „своих клиентов". США, которые поступают также, имеют в виду предложить там проект резолюции, призывающей к прекращению огня и к восстановлению линии перемирия, а также предусматривающей создание комиссии по установлению фактов.

Москва ответила быстро. „Советское правительство, - говорилось в ответе, - получило сообщение о начале военных действий на Ближнем Востоке одновременно с Вами. Принимаем все возможные меры к выясне-

нию действительного положения в этом районе, поскольку поступающие сведения носят крайне противоречивый характер... Мы обдумываем сейчас, как и Вы, возможные шаги, которые следует предпринять. В скором времени надеемся вновь связаться с Вами на предмет возможного согласования действий".

Примерно одновременно информация о начале военных действий поступила в Москву из Каира и Дамаска с той, однако, разницей, что в ней утверждалось, будто военные действия начаты Израилем.

В течение двух дней - с 6 по 8 октября - происходил интенсивный обмен мнениями между Брежневым и Никсоном по конфиденциальному каналу. Брежнев, по существу, уходил от созыва Совета Безопасности, делая упор на том, что агрессором в принципе давно является Израиль, удерживающий много лет захваченные им арабские земли. „В этой связи, - писал Брежнев Никсону 7 октября, - на наш взгляд, было бы весьма важным, если бы со стороны Израиля последовало ясное, без всяких оговорок, заявление о его готовности уйти с оккупированных им арабских территорий, имея в виду, что одновременно гарантировалась бы безопасность Израиля, как и других стран региона. Что здесь может быть неприемлемым для Израиля?" Брежнев отвергал также отвод войск на линию перемирия 1967 года, так как арабские страны не могут, дескать, опять отдавать Израилю вновь отвоеванные у него арабские территории.

Надо сказать, что в первые дни конфликта Москва находилась под сильным нажимом Каира и Дамаска, выступивших против передачи дела в ООН, ибо они надеялись на успех в военных действиях. Брежнев фактически шел у них на поводу. Показательно, что именно в этот момент Никсон выразил в письме Брежневу надежду, что возникший конфликт „не разрушит многое из того, что с такими взаимными усилиями достигнуто в советско-американских отношениях". Видимо, президент не был еще тогда уверен в окончательном и быстром исходе войны в пользу Израиля.

Усилия США были вначале направлены на то, чтобы не допустить военного поражения Израиля, а затем, когда ход военных действий повернулся в пользу Израиля, закрепить этот успех и обеспечить себе руководящую роль в ближневосточных делах.

В конце концов, была достигнута договоренность о созыве Совета Безопасности, но пока без внесения какой-либо резолюции, лишь одни дебаты. 10 октября Брежнев сообщил Никсону, что после консультаций с руководителями Египта и Сирии он не возражает против принятия Советом Безопасности резолюции о прекращении огня.

Дело в том, что к этому времени на фронте боевых действий израильская армия в основном остановила наступление арабских войск (а советские военные эксперты стали склоняться в своих оценках в пользу Израиля). Поэтому советское руководство убеждало Садата пойти на прекращение огня и постараться удержать за собой те территории, которые арабам удалось отвоевать у израильтян. Садат то соглашался, то был против, настаивая на большем. С учетом этих колебаний и общей нестабильности в поведении египетского лидера Брежнев, выступая в пользу прекращения огня избегал в то же время вопроса о взаимном отводе войск на линию перемирия, подменяя его призывом добиться общего урегулирования „на основе освобождения всех арабских земель".

В последующие дни продолжался оживленный диалог между Москвой и Вашингтоном по конфиденциальному каналу. От имени президента

Киссинджер заявил 12 октября для передачи в Москву, что США не будут посылать свои войска на Ближний Восток, если и СССР не сделает этого. В ответ на наш запрос Киссинджер отрицал сообщения о резко усиливающихся в последние дни военных поставках США Израилю.

Одновременно между Москвой и Вашингтоном шла дискуссия насчет резолюции Совета Безопасности. 13 октября Киссинджер сообщил мне, что Садат, по только что полученной ими информации, „решительно против простой резолюции о прекращении огня". Он утверждает, что никогда не давал русским согласия на такую резолюцию. В этих условиях президент считает, сказал Киссинджер, что США не будут больше предпринимать каких-либо усилий по линии Совета Безопасности. Пусть события развиваются своим чередом. С учетом этого президент вынужден пересмотреть обязательство проявить сдержанность в отношении американских военных поставок Израилю и действовать в зависимости от фактического состояния и темпов советских военных поставок арабам.

Поздно вечером Киссинджер позвонил мне по конфиденциальному телефону и сказал: „Белый дом по-прежнему поддерживает прекращение огня на фактически занимаемых позициях (к этому времени кое-где израильтяне потеснили арабов. - А.Д.). Возможна в крайнем случае дополнительная ссылка в проекте резолюции на последующий вывод войск в соответствии с резолюцией 242 Совета Безопасности. На другое, а именно на ссылку на границы 1967 года мы не пойдем, даже если это будет означать столкновение с арабами и с Советским Союзом".

Надо сказать, что Садат допустил грубейшую политическую и стратегическую ошибку, не согласившись на прекращение огня, ибо это обернулось для него через несколько дней военной катастрофой.

На другой день в Белом доме после окончания церемонии провозглашения Форда вице-президентом Никсон отвел меня в сторону и сказал следующее: „Прошу передать Брежневу, что нас провоцируют в США, чтобы сорвать разрядку. Многие хотели бы видеть именно такой исход. Но нам нельзя поддаваться на такие провокации, ибо от этого зависит слишком многое, что важно для судеб наших двух народов. Передайте Генеральному секретарю, что я не поддамся этому нажиму и выполню свою часть обязательств, взятых перед советским руководством".

В эти же дни сенатор Фулбрайт, сторонник хороших отношений с СССР, известный своими проарабскими симпатиями, сообщил мне, сославшись на закрытый брифинг в Белом доме для лидеров конгресса, что, по оценкам Пентагона, очень скоро Израиль, получив большие поставки оружия из США, начнет свое контрнаступление и, несомненно, отбросит арабов в считанные дни опять за Суэцкий канал. (По„воздушному мосту", который срочно организовали США, в Израиль было переброшено военной техники и боеприпасов на сумму в 2,2 млрд. долл.)

Фулбрайт считал необходимым убедить „недалекого Садата" принять резолюцию Совета Безопасности о прекращении огня и о последующих переговорах. Это позволило бы США и СССР выступить совместно, что, в свою очередь, способствовало бы признанию мирового значения разрядки в советско-американских отношениях, а не подрыву ее, как сейчас стремятся всеми силами это сделать произраильская агентура и все антисоветские круги в США.

Киссинджер информировал нас о начале воздушной переброски американского оружия Израилю, которая будет возрастать по мере продолжения

войны. Белый дом будет готов полностью прекратить все поставки оружия после прекращения огня, если советская сторона поступит также (администрация США, как видно, ужесточала свои условия).

Москва в ответ призвала не предпринимать пока таких шагов или по крайней мере не предавать их широкой огласке. Одновременно продолжался советско-американский диалог относительно возможного содержания резолюции Совета Безопасности.

С учетом того, что события вступали в решающую фазу, в том числе и в наших переговорах с Вашингтоном, я послал в Москву предложение (с одобрения Киссинджера): срочно пригласить Киссинджера в Москву для обсуждения всего комплекса вопросов и для совместного поиска выхода из создавшейся опасной ситуации. На другой же день Брежнев прислал такое приглашение.

20 октября Никсон сообщил Брежневу, что „Киссинджер полностью уполномочен мною вести переговоры и обязательства, которые он может дать в ходе бесед с Вами, целиком мною поддерживаются".

Как видно из мемуаров Киссинджера, это был тот редкий случай, когда он не хотел иметь таких полных полномочий, ибо это мешало ему маневрировать и тянуть время в переговорах в Москве в ожидании дальнейших успехов Израиля в боях с арабами.

Киссинджер прилетел в Москву 20 октября (я сопровождал его). В ходе его однодневного визита была достигнута договоренность выступить с совместным проектом резолюции Совета Безопасности ООН, которая призвала бы к немедленному прекращению огня и выполнению резолюции 242 от 1967 года.

Как позже стало известно, когда Киссинджер уже находился в Москве, он неожиданно получил указание Никсона устно сообщить Брежневу, что президент готов к тому, чтобы они лично как лидеры двух великих держав вмешались с целью совместно определить соответствующий курс действий, который привел бы к справедливому урегулированию конфликта. Киссинджер фактически не выполнил этого важного распоряжения президента, ограничившись согласованием текста проекта резолюции Совета Безопасности.

Перед вылетом из Москвы Киссинджер пообещал Брежневу постараться убедить израильтян согласиться с быстрым прекращением огня. Чего не знал Брежнев, так это того, что при прямом попустительстве администрации США (это признается в мемуарах Киссинджера) Израиль отнюдь не торопился выполнять резолюцию Совета Безопасности о прекращении огня, поскольку хотел завершить окружение одной из египетских армий. Фактически речь шла о преднамеренном нарушении этого соглашения в самом его начале. Известный американский историк Р.Гартхофф, используя свидетельства самого Киссинджера, приходит к выводу, что его поведение было -.приглашением к нарушению" соглашения о прекращении огня. Сам Киссинджер впоследствии одобрительно отзывался о действиях израильтян. Неясно только, был ли президент Никсон в курсе всех этих маневров своего госсекретаря.

На базе договоренностей с Киссинджером в Москве Совет Безопасности 22 октября принял известную резолюцию № 338. Она призывала „все стороны, участвующие в нынешних боевых действиях, прекратить всякий огонь, а также прекратить все военные действия немедленно, не позже, чем в течение 12 часов с момента принятия настоящего решения, с оставлением войск на занимаемых ими сейчас позициях; начать немедленно после прекра-

щения огня практическое выполнение резолюции 242 Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года во всех ее частях".

Последним пунктом Совет постановил „начать немедленно и одновременно с прекращением огня переговоры между заинтересованными сторонами под соответствующей эгидой, направленные на установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке". (В конфиденциальном документе, парафированном Киссинджером и Громыко, „под эгидой" подразумевалось активное участие СССР и США в начале и в ходе переговоров.)

В тот же день стороны, вовлеченные в конфликт, заявили о намерении прекратить огонь в заранее намеченное время (о соответствующем намерении Садата, которое он сообщил нам, мы информировали Белый дом).

Киссинджер ведет двойную игру

Казалось, что все идет к мирному завершению. Однако пик кризиса еще был впереди. Ретроспективно следует признать, что в этом кризисе сыграла неблаговидную роль личная дипломатия Киссинджера, который вел свою собственную сложную игру.

Цель этой игры, впрочем, вскоре стала ясна: помочь Израилю, а также убедить арабов, что только США смогли приостановить победное наступление Израиля, а значит, только США могут стать естественным единоличным спонсором необходимых арабо-израильских переговоров. Влияние же Советского Союза на Ближнем Востоке при этом серьезно подрывалось. США приобретали доминирующие позиции в ближневосточной дипломатии, причем фактически признавалась ключевая роль во всем этом самого госсекретаря США.

Вопреки резолюции Совета Безопасности и обязательствам о немедленном прекращении огня израильские войска вышли к Суэцкому каналу в расчете полностью уничтожить Третий египетский корпус, который еще находился на восточном берегу канала.

Ситуация достигла такого накала, что 23 октября по линии прямой связи Брежнев с возмущением сообщил Никсону: „Г-н президент! Израиль грубо нарушил решение Совета Безопасности о прекращении огня на Ближнем Востоке. Мы в Москве поражены, что договоренность, которая была достигнута всего лишь два дня тому назад, фактически взорвана этой акцией израильских руководителей. Почему Израилем допущено вероломство -Вам виднее. Мы видим единственную возможность исправить положение и выполнить договоренность - заставить Израиль немедленно подчиниться решению Совета Безопасности... Слишком многое поставлено на карту - не только на Ближнем Востоке, но и в наших отношениях".

В тот же день Никсон ответил, что они берут „на себя полную ответственность за то, чтобы осуществить полное прекращение военных действий со стороны Израиля". Однако, по его информации, ответственность за имевшее место нарушение огня лежит на египтянах. Он призвал взаимно воздействовать и на израильтян, и на египтян. „Мы с Вами достигли исторического урегулирования... и мы не позволим, чтобы оно было взорвано".

В течение всего дня 23 октября проводились срочные советско-американские консультации, чтобы добиться сближения позиций на вновь созываемом заседании Совета Безопасности. В тот же день Брежнев вторично

обратился к Никсону с предложением добиться немедленного прекращения военных действий Израилем. Египет готов это полностью сделать со своей стороны, подчеркивал он.

В эти дни Садат находился в полной растерянности. Я был в Москве, участвовал в заседаниях Политбюро, посвященных этому кризису, и был свидетелем того, как Садат по специальному телефону буквально умолял Брежнева сделать все, чтобы „спасти его и египетскую столицу, которую уже окружают израильские танки". Когда же Брежнев связался по прямому проводу с нашим главным военным советником в Каире, то тот ответил, что Садат „совсем потерял голову", когда узнал, что несколько израильских танков перешли Суэцкий канал, которые, однако, вскоре ушли обратно. Короче, непосредственно Каиру угрозы не было. Но создалось действительно тяжелое положение с одним из корпусов египетской армии, который был окружен израильтянами в районе Суэцкого канала и находился под угрозой полного уничтожения, если бы соглашение о прекращении огня не стало выполняться. Именно вокруг этого и развернулись основные события.

Совет Безопасности - при поддержке и СССР, и США - принял 23 октября резолюцию № 339, которая, в частности, подтверждала „свое решение о немедленном прекращении всякого огня и всех военных действий" и требовала, чтобы „войска сторон были возвращены на те позиции, которые они занимали в момент, когда прекращение огня вступило в силу"...

Однако Израиль продолжал свои военные операции. Брежнев в новом обращении к Никсону подчеркивал, что израильские войска продолжают боевые действия на западном и восточном берегах Суэцкого канала, „спустя лишь несколько часов после второй резолюции Совета Безопасности о немедленном прекращении огня". Выражалась уверенность, что у президента есть возможность воздействовать на Израиль, чтобы он прекратил нарушение новой резолюции Совета. По существу же, у советского руководства осталось не так уж много реальных возможностей, чтобы повлиять на ход событий. Это, конечно, подхлестывало эмоции.

В ответ Никсон в общей форме сообщал о принятых мерах воздействия на Израиль и получении официальных заверений из Тель-Авива.

Советское правительство 24 октября предупредило Израиль „о самых тяжелых последствиях, которые повлечет продолжение его агрессивных действий против Египта и Сирии".

В тот же день вечером Брежнев после бурного заседания Политбюро направил новое послание Никсону, в котором подчеркивалось, что Израиль продолжает игнорировать решения Совета Безопасности о прекращении огня и что его войска ворвались в Суэц. „Тем самым он нагло бросает вызов и СССР, и США, поскольку именно на нашей с Вами договоренности зиждятся решения Совета Безопасности... Мы вносим конкретное предложение - давайте вместе, СССР и США, срочно направим в Египет советские и американские воинские контингенты для обеспечения решений Совета Безопасности... Скажу прямо, если бы Вы не сочли возможным действовать совместно с нами в этом вопросе, то мы были бы поставлены перед необходимостью срочно рассмотреть вопрос о принятии нами соответствующих шагов в.одностороннем порядке. Допустить произвол со стороны Израиля мы не можем. У нас есть с Вами договоренность, которую мы высоко ценим, - действовать сообща. Давайте реализуем эту договоренность на конкретном примере в сложной ситуации. Это будет хороший образец наших согласованных действий в интересах мира".

Это обращение Брежнева последовало за докладом главного советского военного советника из Египта о том, что израильтяне окружили Третий корпус египетской армии и что корпусу грозит полное уничтожение, если не последует прекращение огня. Вызывающее поведение Израиля быстро воскресило забытые было у нас в Москве подозрения насчет Никсона и особенно Киссинджера и свойственной им, дескать, „двойной игры" в отношениях с СССР, особенно в ближневосточных делах, ибо никто в советском руководстве не верил, что Израиль может „ослушаться Вашингтона". Короче, в Кремле забушевали страсти, и было решено проверить искренность обещаний Никсона „действовать совместно". Одновременно было решено провести маневры с участием авиации в Закавказье. Однако всерьез об односторонней интервенции советских войск в Москве и не думали, так как наша масштабная операция неизбежно вызвала бы серьезный конфликт с США, да она потребовала бы и большой подготовки. Конечно, никто в Москве не планировал такой сценарий, а надеялись поднажать на США в пользу совместных действий по прекращению конфликта.

Любопытный момент. Как рассказал мне впоследствии ВТрубяков, помощник министра, сопровождавший Громыко на это заседание Политбюро, наиболее агрессивную позицию занимал министр обороны Гречко. Он настаивал даже на какой-то „символической демонстрации присутствия" наших войск в Египте. Против этого категорически возражал Косыгин. Его поддержал Громыко. Брежнев, который вообще занимал осторожную позицию в этом конфликте, также выступил против какой-либо вовлеченности наших войск в сам конфликт.

На этом и порешили. Было подготовлено и одобрено упомянутое выше обращение Брежнева к Никсону, но в нем не было фразы „о возможном принятии нами мер в одностороннем порядке". Как и когда она появилась -до сих пор мне точно неизвестно, ибо основных участников заседания сейчас нет в живых. Возможно, это было результатом отчаянного обращения Садата к Брежневу в последний момент.

Киссинджер нервозно воспринял это послание, которое я передал ему (я к тому времени вернулся из Москвы). Через пару часов после вручения этого послания Киссинджер позвонил мне и сказал, что Никсон приказал срочно созвать в Белом доме совещание. Президент надеется, сказал он, что Генеральный секретарь подождет его ответа, который будет дан после совещания, и что до этого СССР не предпримет шагов в одностороннем порядке, ибо в противном случае могла бы возникнуть весьма серьезная ситуация, которую обе стороны, несомненно, хотят избежать.

Утром 25 октября Никсон ответил: „...Я согласен с Вами, что наша договоренность действовать совместно в пользу мира имеет величайшее значение и что нам надо осуществлять эту договоренность в сложной обстановке. Должен Вам сказать, однако, что Ваше предложение в отношении специфичного характера совместных действий, а именно о посылке советских и американских воинских контингентов в Египет является неподходящим в нынешних условиях.

У нас нет информации о том, что прекращение огня сейчас существенно нарушается. При этих обстоятельствах мы должны рассматривать Ваше заявление об односторонних действиях как вызывающее серьезнейшую озабоченность и могущее вызвать непредсказуемые последствия... Я готов совместно с Вами немедленно увеличить нынешние силы по наблюдению за перемирием. Я был бы готов пойти на то, чтобы в указанные группы по

наблюдению за перемирием было включено какое-то количество американского и советского персонала, однако, не в виде боевых сил. Если это то, что Вы имеете в виду под контингентами, то мы можем это рассмотреть".

В войсках США введена повышенная боеготовность

Вскоре после вручения нам этого послания президента по американскому радио стали передавать сообщения со ссылкой на правительственные источники (но это не было прямое официальное сообщение правительства США) о введении в войсках повышенной боевой готовности. Сначала ссылок на нас не делалось, но потом стали сообщать, что Москва грозилась послать в район конфликта свои войска для навязывания перемирия, если даже США и не присоединятся к такому шагу. Сообщалось о перемещениях советской авиации. Подчеркивалось в этой связи, что Белый дом отказался уступить советскому нажиму, и именно поэтому был отдан приказ о повышении боеготовности американских войск. Тема относительно „твердости" Белого дома подавалась в контексте принятия мер по сдерживанию советского военного вмешательства в ближневосточный конфликт.

Должен откровенно сказать, что у меня эти сообщения - в отличие от кубинских событий 1962 года - вызвали не тревогу, а, скорее, негодование. Поэтому я позвонил Киссинджеру по прямому телефону и в резком тоне (необычном для наших личных отношений) стал настаивать на объяснениях, тем более, что в наших с ним беседах он не делал даже намеков на возможность такой акции со стороны США. Я подчеркнул, что поведение Белого дома явно противоречит духу переговоров, которые сам Киссинджер недавно вел в Москве, и что мне непонятно, зачем они создают впечатление, будто возник опасный военный кризис между США и СССР. Ведь сам же президент только что предлагал Брежневу совместно рассмотреть ситуацию.

Киссинджер оправдывался, утверждал, что „Москве не следует воспринимать" распоряжение о повышенной готовности вооруженных сил в качестве враждебного акта американского правительства, и что оно в основном определяется внутренними соображениями. Завтра же, заверил он, это распоряжение будет отменено. Больше того, об этом мне можно от его имени уже сейчас срочно сообщить лично Брежневу (действительно, распоряжение было 26 октября отменено).

Госсекретарь не уточнял, что он имел в виду под „внутренними соображениями".

Примерно такой же довольно напряженный разговор повторился и вечером того же дня, когда мы с Киссинджером случайно встретились на какой-то премьере в Центре искусств имени Д.Кеннеди (и это во время „тревоги"!). Невольным свидетелем этого разговора стал Дон Кендалл, президент компании „Пепси-кола", которого мы оба хорошо знали*.

Бывший заместитель госсекретаря Иглбергер, близкий к Киссинджеру человек, дал недавно такое толкование его поведению. Администрация Никсона к этому времени из-за "Уотергейта" потеряла почти все свое влияние в конгрессе и стране. Поэтому, указывает Иглбергер, Белый дом не мог рассчитывать на какую-либо поддержку идеи о посылке американских войск на Ближний Восток в случае обострения обстановки вокруг арабо-израильского конфликта. Киссинджер и решил сблефовать с объявлением о приведении американских вооруженных сил в состояние повышенной готовности. Киссинджер и Иглбергер считают, что это предотвратило посылку советских войск в этот район.

Многие американские историки расценивают весь этот эпизод как чуть ли не самый опасный военный кризис в послевоенных отношениях между СССР и США, сравнимый с кубинскими событиями. Действительно, это был серьезный политический кризис, оставивший весьма неприятный след на наших отношениях, но угрозы какого-то прямого военного столкновения между нами не было. Так во всяком случае оценивали обстановку в Москве, которая не принимала со своей стороны каких-либо особых мер по повышению боеготовности советских вооруженных сил, тем более стратегических, в ответ на американские действия.

Невольно создается впечатление, что миф о „спасении" Ближнего Востока от советского вооруженного вторжения был впоследствии пущен в обращение самой администрацией США, чтобы оправдать свою неблаговидную роль в период этого кризиса.

Совет Безопасности принял 25 октября третью по счету резолюцию, которая, наконец, прекратила военные действия. Было решено послать чрезвычайные силы ООН на Ближний Восток, в состав которых, однако, не входили бы вооруженные контингенты пяти стран - постоянных членов Совета Безопасности.

Первый заместитель госсекретаря Раш рассказал мне доверительно, что 24 октября ночью состоялось в Белом доме заседание Совета национальной безопасности.

Несколько необычным было то, что на срочном ночном заседании не присутствовали ни Никсон, ни вице-президент. Не совсем понятным было отсутствие президента, который обычно председательствовал на таких заседаниях. Последующие объяснения его окружения, будто он был в этот момент очень занят „уотергейтскими делами", на мой взгляд, несостоятельны. Если в Белом доме действительно всерьез принимали угрозу одностороннего военного вовлечения СССР в египетско-израильский конфликт, то президент должен был принять участие в таком совещании. Он же счел возможным этого не делать. Почему? Был ли он менее обеспокоен ситуацией, чем некоторые его помощники? И почему он в своем обращении к Брежневу в дальнейшем как бы извинялся за объявленную ими „тревогу"? В этом заседании участвовали министр обороны Шлесинджер, председатель Комитета начальников штабов адмирал Мурер и директор ЦРУ Колби. У них не было данных о намерениях СССР вступить в военную конфронтацию с США, хотя информация о советских воздушных маневрах и передвижениях нескольких советских военных кораблей вызвала известную озабоченность. В тоже время имевшаяся у них информация, как они сами подчеркнули, указывала на то, что Израиль односторонне умышленно нарушил воскресную резолюцию Совета Безопасности, чтобы воспользоваться прекращением огня для захвата как можно больших территорий Египта, что и вызвало гневную реакцию Москвы.

Председательствовавший Киссинджер, сказал Раш, вел себя крайне нервозно. Утверждал, что участники совещания не понимают истинных намерений русских, основная цель которых - под любым предлогом ввести свои войска на Ближний Восток, чтобы укрепить там свое влияние.

Киссинджер заявил, что именно поэтому он решительно возражает против совместного направления советско-американских войск на Ближний Восток, так как это было бы использовано русскими для достижения своих целей.

Госсекретарь предложил временно объявить состояние повышенной боевой готовности в американских вооруженных силах с целью показать русским, что США будут твердо противиться введению советских войск на Ближний Восток. Далеко не все участники совещания были согласны с таким предложением, считая, что такая мера не оправданна, поскольку СССР не предпринимает никаких враждебных в отношении США действий. Можно, конечно, негласно предупредить Москву о возможных последствиях таких действий СССР. Однако Киссинджер продолжал настаивать на своем, т. е. на немедленном объявлении состояния повышенной боевой готовности.

Поскольку президент не присутствовал на этом заседании Совета, то о результатах обсуждения ему докладывали уже после заседания Хейг и Киссинджер. Раш не знает, какая аргументация использовалась при разговоре наедине с президентом, но после этой беседы торжествующий госсекретарь объявил другим членам Совета, что президент согласен с приведением вооруженных сил США в состояние повышенной боевой готовности и отдает такой приказ.

По словам Раша, в этом эпизоде произраильские симпатии Киссинджера проявились особенно ярко в ущерб даже интересам советско-американских отношений. В целом же госсекретарь руководствовался стратегическими установками: обеспечить доминирующее влияние США в этом важном районе.

В Москве было опубликовано резко критическое заявление ТАСС относительно приведения в повышенную боевую готовность вооруженных сил США.

Когда президент на пресс-конференции сравнил последние события на Ближнем Востоке с кубинским кризисом, я позвонил Киссинджеру и обратил его внимание на то, что такое сравнение, по-моему, неуместно.

Через пару часов он перезвонил мне и сказал, что президент согласен со мной в том, что „это было неудачное сравнение". (На этой же пресс-конференции Никсон также заявил, что благодаря „хорошим связям с Брежневым мы не только избежали конфронтации, но и сделали большой шаг вперед в направлении реального мира на Ближнем Востоке".)

Никсон оправдывается при встрече со мной в Кэмп-Дэвиде. То же вскоре делает и Киссинджер

Под влиянием последних событий и настроений в советском руководстве Брежнев направил 28 октября следующее многозначительное письмо Никсону: „...У меня лично и у моих товарищей наступил момент кризиса доверия к тому, что вся ведущаяся уже на протяжении недели переписка и все заверения как нам, так и египетской стороне о том, что принимаются меры к прекращению огня и выполнению резолюций Совета Безопасности, тем более под нашей с Вами эгидой, о чем от имени президента дано нам письменное подтверждение, на самом деле являлось поддержкой израильской военщины, которая продолжает вести себя провокационно, явно с определенной, я бы сказал, обнаженной целью... Я допускаю мысль, что все это происходит в результате ложной информации, полученной нами, и даже обмана, преследующими цель, с одной стороны, поощрить агрессию и по возможности добиться ухудшения отношений

между США и СССР и, с другой стороны, подорвать личное взаимное доверие между нами".

Брежнев не очень скрывал свои подозрения в отношении американского госсекретаря.

Находясь под впечатлением последнего письма Брежнева, Никсон пригласил меня 30 октября приехать в Кэмп-Дэвид для разговора наедине. Он вел разговор в примирительном тоне, даже оправдываясь. Подчеркнул, что намерен продолжать курс на улучшение советско-американских отношений. Прошедшая неделя, явившаяся хотя и весьма неприятным эпизодом, остается всего лишь, по его мнению, эпизодом в наших отношениях.

В конце беседы Никсон сказал: „Передайте Генеральному секретарю, что пока я жив и нахожусь еще на посту президента, я никогда не допущу реальной конфронтации с СССР. Возможно, что в ходе кризиса я немного погорячился. Замечу - но не в порядке оправдания, - что я подвергаюсь сейчас постоянной и ожесточенной осаде со стороны оппозиции и всех моих противников, объединившихся вокруг „уотергейта" и использующих любую возможность, чтобы тем или иным способом укусить меня и еще больше подорвать мой авторитет. Если говорить просто, по-человечески, временами мне бывает очень трудно!"

Это было, по существу, первое признание, сделанное нам Никсоном относительно тех трудностей, с которыми он все больше сталкивался в связи с „уотергейтским" делом.

Президент попросил передать лично Брежневу, что не допустит разгрома Третьего корпуса египетской армии. Он заявил также о своем намерении сотрудничать с нами в ООН по урегулированию конфликта.

Киссинджер при этом разговоре не присутствовал. Желал ли таким образом Никсон в какой-то степени отмежеваться от своего госсекретаря? Не знаю.

Так закончился очередной арабо-израильский конфликт, в который оказались вовлечены - хотя и за кулисами - и Вашингтон, и Москва. В этой вовлеченности своеобразно переплелись элементы сотрудничества и соперничества. Обе страны взаимодействовали в том, чтобы быстрее погасить военный конфликт между арабами и Израилем и установить перемирие с участием Совета Безопасности ООН. В то же время в военном плане они помогали своим союзникам срочными поставками оружия США - Израилю, СССР - арабским странам. При этом Вашингтон откровенно (и успешно) добивался укрепления своих позиций в этом регионе за счет СССР. Конфликт показал, что обе страны вовсе не обязательно преследовали, несмотря на политику разрядки, параллельные цели и интересы.

Киссинджер в своих мемуарах впоследствии откровенно признавал, что США стремились ликвидировать советское влияние на Ближнем Востоке, используя политику разрядки. В Москве это хорошо понимали, но понимали и то, что возможностей у нас в этом районе было меньше, чем у американской стороны. Тем не менее, взаимный курс на соперничество продолжался.

В целом же опасный военный конфликт на Ближнем Востоке с учетом общего уровня отношений, достигнутых к тому времени между СССР и США, в отличие от кубинского кризиса не перерос в угрозу прямой военной конфронтации между ними. Это было главное. Больше того, конфликт закончился вынужденным согласием израильтян и арабов начать прямые переговоры в Женеве в декабре, к чему вели дело СССР и США. Во всем

этом был определенный успех процесса разрядки. Показательно, что оба правительства во время этого конфликта публично не ставили под сомнение этот процесс, его полезность. Вместе с тем ближневосточный конфликт показал и непрочность этого процесса, его хрупкость. Нанесен был и немалый урон личному доверию между руководством обеих стран.

Не только Никсон, но и Киссинджер счел необходимым, хотя, видимо, и по своим собственным соображениям, вновь вернуться к недавней кризисной ситуации в наших отношениях.

В беседе со мной (4 ноября) он сказал, что накануне они с президентом попытались поотчетливее представить себе, как события последнего времени могли быть восприняты в Кремле, и поняли, что постановка с советской стороны вопроса о кризисе доверия могла быть достаточно оправданной и обоснованной. Действия Белого дома были вызваны стечением ряда обстоятельств и опасениями в отношении возможных односторонних действий СССР, которые (опасения) оказались затем необоснованными и преувеличенными.

Однако в ретроспективе, подчеркнул он далее, мы с президентом видим, что допустили ошибку, когда поторопились с введением повышенной боевой готовности в войсках. Нервы у генерального секретаря оказались крепче, чем у президента. Мы теперь понимаем, что нанесли тем самым серьезный ущерб советско-американским отношениям. Этого отрицать нельзя. Главное сейчас не усугублять этот ущерб дальнейшими взаимными упреками и обидами, ибо мы признаем возможный крупный промах с американской стороны. Давайте смотреть вперед и способствовать поддержанию и развитию всего того конструктивного и положительного, что сохранилось в наших отношениях, а позитив выходит за рамки одного Ближнего Востока.

Киссинджер все же не договаривал до конца. Он руководствовался прежде всего своими целями. О них он с редкой откровенностью написал в мемуарах: „Мы, США, не хотели платить за советско-американскую разрядку монетами, взятыми из американского геополитического позитива на Ближнем Востоке".

Яснее не скажешь. Но он, тем не менее, хорошо понимал необходимость дальнейшего сотрудничества с СССР в других важных вопросах.

В целом же можно сказать, что разрядка выдержала испытание ближневосточным кризисом 1973 года, хотя и дала свои первые трещины.

7. ТУЧИ „УОТЕРГЕЙТА" СГУЩАЮТСЯ. НИКСОН „ОТВОДИТ ДУШУ"

Ситуация вокруг Никсона внутри страны осложнялась. 10 октября вице-президент Спиро Агню из-за разразившегося скандала, в котором он оказался замешанным, был вынужден уйти со своего поста. Кризис исполнительной власти в США становился все очевиднее.

Личное положение Никсона, сказал мне сенатор Фулбрайт, резко ухудшилось после его распоряжения отправить в отставку специального прокурора по „уотергейтскому делу" Кокса и министра юстиции Ричардсона, поскольку многие считали, что президент пытался таким образом скрыть допущенные им серьезные нарушения американских законов. Сенатор заметил, что Никсон в последнее время постоянно находится в крайне нервозном состоянии из-за беспрецедентных нападок на него средств массовой информации. Фулбрайт был убежден, что и недавняя акция Белого дома по объявлению повышенной боевой готовности вооруженных сил явилась импульсивной реакцией президента, а не результатом серьезно обдуманного шага.

Брежнев подбадривает Никсона

На Брежнева (которому свойственны были порывы сентиментальности) произвели впечатление откровенные высказывания Никсона в беседе со мной по поводу переживаемых им трудностей и доверительный тон этих высказываний. Он послал (10 ноября) личное письмо Никсону, которое заканчивалось следующими словами: „Хотелось, как говорят, по-человечески пожелать Вам энергии и успеха в преодолении всякого рода сложностей, причины которых на расстоянии не так-то легко уяснить. По понятным причинам наши пожелания успеха относятся, прежде всего, к области развития советско-американских отношений. Наша готовность идти вперед по пути решительного улучшения советско-американских отношений не уменьшилась в результате событий на Ближнем Востоке".

Через четыре дня президент, опять же наедине, сказал мне, что он самым внимательным образом ознакомился с последним письмом Брежнева. Он готовит свой ответ, но хотел бы сейчас без каких-либо формальностей поблагодарить Генерального секретаря за то, что он, пожалуй, единственный из руководителей всех других государств, включая и союзные США страны, нашел простые человеческие слова, чтобы подбодрить в связи с теми трудностями, которые ему сейчас приходится преодолевать в собственной стране.

Я прошу передать Генеральному секретарю, сказал он, что такое не скоро забывается и что я полон решимости, несмотря на некоторые наши недавние размолвки и упорную оппозицию определенных внутренних и внешних сил, идти по пути развития и укрепления советско-американских отношений.

В тот день президент был как будто в неплохом настроении, но выглядел он все, же очень усталым: продолжавшаяся шумиха вокруг „уотергейтского дела" давала о себе знать.

Тем временем новым вице-президентом США стал Форд, которого выдвинул на этот пост Никсон вместо ушедшего в отставку Агню. В начале декабря я передал Форду поздравления советского руководства по этому случаю.

Поблагодарив, Форд сказал, что в ближайшее время будет по поручению президента в основном заниматься внутренними делами, он всегда интересовался внешней политикой и надеется, что сможет внести свой вклад в развитие Советско-американских отношений.

Необычные откровения Никсона

13 декабря Никсон опять пригласил меня в Белый дом для беседы один на один. Встреча носила необычный характер как по содержанию, так и по форме. Высказывания президента на этот раз, особенно по некоторым внутренним аспектам, были порой весьма откровенными.

Вначале он заявил, что придает большое значение дальнейшему развитию событий на „беспокойном" Ближнем Востоке и в этой связи перспективам работы открывающейся вскоре в Женеве мирной конференции по Ближнему Востоку*. Президент сказал, что в последние дни он много размышлял над складывающейся ситуацией как в международном, так и внутреннем плане, поскольку Израиль и поддерживающие его силы внутри США весьма влиятельны и это сказывается на американской политической жизни.

Затем президент довольно неожиданно для меня весьма критически оценил политику Израиля, который, по существу, не хочет прекращения войны. Израиль и произраильские круги в США, сказал он, стремятся не допустить улучшения советско-американских отношений; они видят благо в постоянной конфронтации между СССР и США. Никсон заметил, что пришел к таким выводам совсем недавно, ибо вначале даже не допускал мысли, что у Израиля могут быть такие далеко идущие цели.

Никсон говорил, что весьма влиятельное еврейское лобби в США поощряет „упрямство Израиля" в отношении ближневосточного урегулирования и оказывает тем или иным способом влияние на американскую внешнюю политику. В результате как-то незаметно возникла ситуация, когда США из-за Израиля конфликтовали почти со всем миром: с арабами, с СССР, а теперь и почти со всеми своими союзниками - Западной Европой и Японией.

В этом одна из причин моей .решимости добиваться урегулирования на Ближнем Востоке, продолжал президент. Знаю, что немало придется повозиться с Израилем и его сторонниками. Но я готов идти по этому пути; я немало сделал для Израиля, поскольку считал и считаю, что он, как малое государство, находится в большом враждебном окружении и ему нужна помощь. Однако я ничем не обязан американским евреям, они всегда в своем большинстве голосовали против меня. Поэтому я могу позволить себе сейчас занять более уравновешенную позицию на предстоящих переговорах.

Из дальнейших слов Никсона было видно, что его сильно „допекала" резко враждебная кампания, ведущаяся против него лично в связи с „уотергейтом" многими средствами массовой информации, в которых, сказал он, имели сильное влияние те же еврейские круги. „Есть все же нормы порядочности и элементарной благодарности, которые нельзя переступать", -подчеркнул Никсон.

Весьма любопытна и реплика президента в отношении Киссинджера. Он воздал должное его уму и заслугам, отметив, что для нынешних ближневосточных переговоров немаловажным является то, что, в силу своей национальности, Киссинджер менее подвержен нападкам со стороны еврейской

Эта конференция открылась 17 декабря. Вначале в ее работе приняли участие Громыко, Киссинджер, другие министры иностранных дел. Хотя конференция продолжалась недолго и без видимых результатов, ее значение состояло в том, что впервые удалось свести за одним столом переговоров арабов и израильтян.

общины в США. Вместе с тем Никсон заметил, что госсекретарь нет-нет да и отдает заметную дань тем или иным националистическим устремлениям Израиля. Приходилось и его нередко подправлять, хотя в целом Киссинджер действовал „в правильном направлении".

Президент сказал, что он подумывает об откровенном обращении к нации, полагая, что это могло бы привести к определенному повороту настроений в основной массе американского народа, с чем вынуждены будут считаться и Израиль, и его лобби здесь (Никсон так и не решился осуществить это намерение).

Затронул он и наши двусторонние отношения и вновь пожаловался, что еврейское лобби препятствует усилиям правительства предоставить СССР режим наибольшего благоприятствования в торговле. В заключение он просил передать Брежневу, чтобы тот не верил шумихе в американской прессе о его отставке или импичменте. „Я остаюсь в Белом доме до конца своего срока. Я человек упрямый и на ветер слов не бросаю".

Никсон просил передать также, что в области американо-китайских отношений - после их беседы в Сан-Клементе - ничего сенсационного не произошло. „Я хорошо помню энергичные высказывания тогда Генерального секретаря и могу еще раз заверить его в том, что пока я президент США, в отношениях с Китаем не будет сделано ничего, что могло бы повредить или охладить советско-американские отношения".

О нашем разговоре президент просил информировать только Брежнева.

Надо сказать, что поразившая меня в устах Никсона резкая критика политики Израиля, судя по всему, не была лишь минутным всплеском эмоций президента. Это мнение, видимо, все больше укреплялось в его сознании, хотя по внутриполитическим причинам оно и не находило отражение в его публичных выступлениях.

Весьма показателен в этой связи и такой эпизод. Вечером 6 августа 1974 года, когда Никсон в крайне нервной обстановке уже принял решение о своей отставке, но до официального ухода с поста президента оставались еще полтора дня, в числе последних распоряжений Никсона, как отмечал Киссинджер в своих мемуарах, было неожиданное решение, касавшееся Израиля. Удивительно, что в такое время он вообще вспомнил просьбу израильского правительства о долгосрочной помощи США в виде военных поставок.

Никсон сказал Киссинджеру, что он не одобряет такую просьбу, более того, прекратит все военные поставки Израилю, пока последний не согласится на всесторонний мир. Никсон выразил сожаление, что не сделал это раньше. Однако он сделает это сейчас, и его преемник в Белом доме только будет благодарен ему за это. Никсон предложил Киссинджеру подготовить соответствующий документ. Но в суматохе, которая царила последние два дня в Белом доме, Никсон так и не затребовал этот документ.

26 декабря я вновь посетил президента Никсона. Наши встречи с ним стали почти регулярными. В беседе наедине передал ему от Брежнева устное сообщение в ответ на его высказывания в последней беседе со мной.

Брежнев, прежде всего, благодарил Никсона „за откровенность и прямоту, которые абсолютно необходимы в общении между нами". Он далее подчеркивал, что многое, сказанное президентом о положении на Ближнем Востоке и позиции Израиля, совпадает с мнением советского руководства и что обеим странам надо совместно искать решение проблемы, чтобы не допустить нового военного конфликта.

Брежнев отмечал также, что мысль президента о ключевом значении советско-американских отношений для судеб мира руководством СССР воспринимается только положительно так же, как и изложенная им позиция в вопросе об отношениях США с Китаем.

Послание заканчивалось следующей фразой: „Несколько слов о Ваших высказываниях, г-н президент, относительно Ваших намерений в связи с некоторыми моментами внутриполитической ситуации в США. Благодарю Вас за сообщение о Вашем твердом намерении оставаться там, где Вы есть".

В ответ Никсон заявил, что, как президент США, в оставшиеся три с половиной года у власти он сделает все, чтобы „курс, выработанный на двух встречах на высшем уровне, остался неизменным".

Верно, продолжал он, сейчас в США много критиков и противников этого курса. Тут и произраильские организации, многие средства массовой информации, так называемые либералы, оппозиция в конгрессе и прочие круги. У всех у них разные цели, но сейчас они действуют как коалиция, организующая наступление на проводимый мною курс. Парадоксальность ситуации в том, что многие из них в свое время выступали против „холодной войны", за улучшение отношений с СССР. То же относится и к нашим западноевропейским союзникам, которые раньше всячески уговаривали США вести дела с Москвой таким образом, чтобы снизить риск советско-американской конфронтации, особенно ядерной. Однако, когда сейчас это в значительной степени достигнуто, они сделали поворот на 180 градусов и начинают критиковать Белый дом „за сговор с русскими", за попытки установить „гегемонию двух сверхдержав".

В заключение президент сказал: „Я знаю истинные настроения американского народа, который, невзирая на шумиху определенных кругов, хочет мирных и дружественных отношений с советским народом. Это придает мне силу и решимость идти избранным курсом в области советско-американских отношений".

О содержании наших двух последних бесед с ним Никсон, насколько я знаю, не информировал никого из своего окружения. Нет об этом упоминания и в его мемуарах.

Надо признать, что весь этот конфиденциальный диалог между Никсоном и Брежневым был уникальным в советско-американских отношениях.

8. 1974 ГОД: КРИЗИС ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ. НИКСОН УХОДИТ В ОТСТАВКУ

1974 год вошел в американскую историю как период одного из самых глубоких по своим масштабам и последствиям внутриполитических кризисов, когда-либо пережитых этой страной, а также, как год важных внешнеполитических событий, заставивших США серьезно заняться анализом перспектив своей внешней политики на предстоящие годы. Усилился

пессимизм в отношении экономического положения как самих США, так и всего западного мира. Серьезные потрясения во внутриполитической жизни США, связанные с дезинтеграцией администрации Никсона в результате „уотергейтского" скандала, завершились 8 августа 1974 года первой в истории США отставкой президента, оказавшегося перед реальной угрозой принудительного отстранения его конгрессом от власти путем импичмента. Также впервые в истории страны государственное руководство оказалось в руках неизбранного народом президента (Форда) и неизбранного вице-президента (Нельсона Рокфеллера).

Все эти события вызвали обострение внутриполитических процессов в США, особенно таких их аспектов, как осложнение отношений между законодательной (конгресс) и исполнительной (Белый дом) властями, ужесточение межпартийной борьбы, кризис доверия среди широких слоев населения к институтам политической власти и т. д.

В области внешней политики США - в том числе и при новой администрации Форда - продолжали курс на укрепление своих позиций в мире, рассматривая в качестве приоритетов американской дипломатии активизацию „атлантического партнерства" с союзниками (включая и Японию) в политической и экономико-энергетической областях, дальнейшее развитие отношений в рамках „глобального треугольника" с „оппонентами" - СССР и Китаем. Оставалось на протяжении года активным и восточноевропейское направление в дипломатии США, хотя принятие конгрессом в декабре дискриминационного в отношении большинства стран Восточной Европы торгового законодательства явно осложнило проведение администрацией этого курса.

Правительство США усилило внимание к азиатскому направлению своей политки. Оно стремилось, в частности, поддерживать необходимый уровень в американо-китайских отношениях, укрепить военно-политическое сотрудничество с Японией, сохранить, пусть даже шаткий, баланс сил в Индокитае. Усилился интерес США к укреплению своих военно-стратегических позиций на акваториях Тихого и Индийского океанов, в зоне Персидского залива путем создания новых военных баз.

В 1974 году происходило дальнейшее, хотя и неравномерное развитие советско-американских отношений. Были достигнуты новые позитивные сдвиги в двусторонних контактах и переговорах, направленных на решение важных международных проблем, равно как и в ряде конкретных областей взаимовыгодного сотрудничества. Третья советско-американская встреча на высшем уровне в Москве и рабочая встреча Брежнева с новым американским президентом Фордом в районе Владивостока подтвердили намерение сторон вести и дальше дело к сохранению разрядки и предотвращению угрозы ракетно-ядерного конфликта.

Вместе с тем ряд факторов внутриполитического порядка тормозил развитие советско-американских отношений (отражением этого явилось, в частности, принятие конгрессом дискриминационного законодательства в отношении торговли с СССР). Подрыв власти Белого дома из-за „уотергейта"; усиление вмешательства конгресса в конкретное проведение внешней политики; нежелание президента Форда идти на решительные шаги, которые могли бы осложнить его положение в условиях приближающихся президентских выборов в США; усиление организационной сплоченности и активности антисоветских сил в стране; ослабление позиций и влияния госсекретаря Киссинджера - эти и другие факторы породили

определенную непоследовательность и колебания сперва у администрации Никсона, а затем Форда в том, что касается решения конкретных вопросов отношений США с СССР. Это не могло не сказаться на темпах и глубине дальнейшего развития отношений сотрудничества, хотя Белый дом сохранял заинтересованность в продолжении курса на разрядку.

Не помогала делу улучшения отношений и упрямая доктринерская позиция советского руководства в области прав человека, и особенно в отношении эмиграции, что позволило нашим противникам превратить конгресс США в главный оплот антисоветских настроений.

В области разоружения внимание и в администрации Никсона, и в администрации Форда практически было сосредоточено в 1974 году в основном на проблеме ограничения стратегических наступательных вооружений, причем все переговоры по существу этой проблемы вел от имени Белого дома непосредственно сам Киссинджер. Каких-либо инициатив в других вопросах разоружения США не предпринимали и большого интереса к их обсуждению не проявляли.

Ближний Восток оставался районом повышенной дипломатической активности США и личной вовлеченности госсекретаря Киссинджера. В своем подходе к главной проблеме - мирному урегулированию - США вели дело к такому политическому решению арабо-израильского конфликта, который представлял бы собой процесс выработки последовательно отдельных договоренностей между сторонами в конфликте в ходе многоплановых переговоров при активном и практически единоличном посредничестве США. Американская сторона встала на путь фактического отказа от совместных советско-американских действий в вопросах урегулирования в рамках Женевской мирной конференции. Все это вызывало сильное недовольство в Москве и служило постоянным раздражителем в советско-американских отношениях, хотя немалая доля вины лежала на самой Москве, которая упорно продолжала свою малопродуктивную политику - отказывалась восстановить дипломатические отношения с Израилем и иметь какие-либо прямые контакты с ним, настаивая при этом на нереальном единовременном решении всего конфликта.

Новый 1974 год начался с принятия новой военно-стратегической концепции США, которая получила название доктрины „ограниченной" ядерной войны и предусматривала перенацеливание американских стратегических систем с гражданских на военные объекты в СССР. Советское командование встретило это решение с озабоченностью: речь ведь шла не о гуманном подходе к судьбам гражданского населения, а о контрсиловом ударе по военным целям другой стороны, который имел смысл лишь в качестве первого - обезоруживающего - удара. Ведь можно планировать удары по ракетам и бомбардировщикам другой стороны, пока они не запущены на цели; наносить же ответный удар по пустым шахтам и аэродромам вряд ли целесообразно. Короче, речь, по существу, шла не только о легализации стратегической ядерной войны, но и фактически об усилении ядерной угрозы в отношении СССР в условиях мирного времени.

Все это противоречило и недавнему соглашению с СССР о предотвращении ядерной войны. Именно так была воспринята советскими политическими и военными кругами новая доктрина, хотя министр обороны Шлесинджер и утверждал, что это перенацеливание не ставит целью получение возможности „первого удара".

Само обсуждение проблемы „стратегического ядерного обмена" было затеяно Пентагоном в то время, когда начались переговоры по ОСВ-2 и подготовка к третьей встрече на высшем уровне в Москве. Все это могло быть расценено нами лишь как стремление „охладить" разрядку и показать, что США не торопятся идти на дальнейшее ограничение ядерных вооружений и улучшение советско-американских отношений.

Фактически Пентагон и связанные с ним круги, особенно сенатор Джексон, блокировали возможность новой договоренности при очередной встрече в верхах. Как признал Никсон в своих мемуарах, проект Пентагона, представленный ему министром Шлесинджером накануне его визита в Москву в июне месяце, „сводился к бескомпромиссной жесткой линии против любого соглашения об ОСВ, которое не обеспечивало бы подавляющего американского превосходства. Это советская сторона отвергла бы с порога".

Это не мешало Никсону, однако, поддерживать программу модернизации ядерных сил США.

Форд и Киссинджер намекают; Никсон может уйти. Но подготовка его нового визита в СССР продолжается

В середине января я пригласил вице-президента Форда на ужин в посольство. В ходе беседы он признал, что положение Никсона весьма сложное. Намекая на возможность вынужденного ухода Никсона раньше срока из Белого дома, Форд заметил, что „если судьбой ему уготовано место президента", то госсекретарем у него будет Киссинджер. В целом было видно, что Киссинджер будет пользоваться при нем еще большим влиянием, чем даже при Никсоне.

Этот намек на возможность ухода Никсона привлек мое внимание, поскольку, ближайшее окружение президента, включая Киссинджера, в течение всего 1973 года упорно повторяло вслед за самим Никсоном, что он не уйдет со своего поста из-за „уотергейта". Значит, в последнее время появились новые тревожные элементы, поскольку о вероятности такого поворота событий я услышал уже и от Киссинджера.

Когда мы встретились в конце января, он признал, что положение очень серьезное. Киссинджер впервые не исключил возможность отставки президента и появления - еще к концу текущего года - в Белом доме нового главы государства - Форда. Он сказал, что с точки зрения внешней политики не предвидит серьезных изменений в курсе правительства США, особенно в отношении СССР. Госсекретарь убедился в этом после нескольких личных бесед с Фордом. Последний доверительно сказал ему, что хотел бы, чтобы Киссинджер породолжал бы в этом случае занимать пост госсекретаря.

31 января Никсон направил конгрессу США традиционное послание „О положении страны". Он, в частности, указал на благоприятные изменения международной обстановки за последние годы. „Мы будем развивать отношения с Советским Союзом, - заявил он, - в атмосфере разрядки напряженности, атмосфере, сложившейся два года назад в Москве и закрепленной визитом Генерального секретаря Брежнева в Вашингтон в прошлом году".

Когда мы с Киссинджером начали обсуждать подготовку нового визита Никсона в СССР, то он сказал, ссылаясь на мнение президента, что времени, остающегося до предстоящей встречи на высшем уровне, недостаточно для

подготовки постоянного соглашения по ограничению стратегических наступательных вооружений. В то же время Никсон считал, что вопрос о договоренности по таким видам вооружений должен быть главным на саммите в Москве. Поэтому президент предлагал договориться о подготовке более ограниченного соглашения, которое продлевало бы на несколько лет срок действия Временного соглашения от 26 мая 1972 года и дополнительно предусматривало бы ограничения на ракеты с разделяющимися головными частями, и одновременно продолжать работу над постоянным соглашением. Киссинджер привел некоторые цифровые прикидки в связи с этими предложениями.

Мне соображения Никсона в принципе показались достаточно разумными, и я обещал доложить о них в Москву, сопроводив позитивной рекомендацией.

В результате обмена мнениями между Никсоном и Брежневым по конфиденциальному каналу было решено, что Киссинджер, как и в прошлом, приедет в Москву для подготовки нового визита президента.

20 марта за неделю до вылета в Москву Киссинджер поделился со мной соображениями относительно возможной повестки дня предстоящих переговоров с Брежневым и Громыко, затем доверительно изложил суть одобренного Никсоном американского подхода к решению текущих проблем.

Надо сказать, что Киссинджер во время своих поездок в Москву широко пользовался - и не без успеха - таким приемом: через меня рн - как бы неофициально - заранее излагал основные (но не все, конечно) позиции США, что давало время для предварительного изучения их в Москве. Он хорошо знал, что ни Громыко, ни Брежнев никогда сразу не ответят на его любые новые предложения (ибо они должны обсуждаться сперва на Политбюро). В результате неизбежно затягивались бы переговоры, что было нежелательно ввиду краткосрочности его поездок в Москву. Уведомив же нас заранее, он как бы сам задавал основу для обсуждения, которая к моменту его приезда уже прорабатывалась советским руководством. Поэтому Брежнев и Громыко могли сразу же включаться в переговоры с ним по существу вопроса без потери времени.

Совсем другого метода придерживался Громыко. Он никогда заранее не раскрывал своих позиций вплоть до начала переговоров (он страдал своего рода манией секретности на этот счет). Всегда настраивался на обстоятельный диалог, не проявляя особой поспешности. Он не любил заниматься „челночной дипломатией", приверженцем которой был госсекретарь, обычно „легкий на подъем". К тому же Киссинджер, имея большие полномочия от Никсона, действовал гибче и оперативнее, т. е. в тактическом плане он порой переигрывал Громыко. Правда, помимо различия в характере, тут играл свою роль и тот факт, что Киссинджер согласовывал свои ходы только с одним человеком -президентом Никсоном. Громыко же должен был согласовывать вопросы со всем составом Политбюро, ибо Брежнев не брал на себя ответственность единолично решать проблемы, касающиеся отношений с США.

В развитие нашего разговора Киссинджер передал мне на следующий день подробное письмо Никсона Брежневу. (Письмо было написано явно по инициативе самого госсекретаря, ибо он хотел обстоятельно подготовить свои переговоры в Москве.)

„Как Вы очень верно сказали, мы можем и должны сделать разрядку напряженности необратимой; это остается нашей целью, и я лично дал слово придерживаться ее", - писал, в частности, президент.

„Важно, что на нашей первой встрече мы договорились о том, что мирному сосуществованию нет альтернативы. На нашей второй встрече мы смогли пойти дальше этого принципа и договориться по конкретным мерам уменьшения опасности ядерной войны и расширения основы наших усилий по сотрудничеству. На предстоящей встрече у нас имеются не менее важные возможности, воспользовавшись которыми, мы можем продемонстрировать, что взаимовыгодные отношения сотрудничества между нашими двумя народами действительно становятся постоянным фактором всеобщего мира -цель, которую мы поставили в Сан-Клементе в прошлом году".

В письме Никсон также кратко останавливался на вопросах, подлежавших дальнейшему обсуждению (ОСВ, смягчение военной напряженности в центральной Европе, конференция по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, Ближней Восток, вопросы двустороннего сотрудничества).

В конце письма рукой Никсона было дописано следующее: „Вчера я встречался с Вашими специалистами по космосу в Хьюстоне. Они прекрасные люди. Я горжусь тем, что одним из результатов нашей первой встречи на высшем уровне в Москве явилось то, что США и СССР собираются сейчас **вместе** (подчеркнуто Никсоном. - А.Д.) выйти в космос в 1975 году. Пусть это будет также нашей целью в других областях".

Брежнев был доволен, что Никсон в своем письме поддержал его любимый тезис о необходимости „сделать разрядку необратимой". Думается, что тут президент сознательно несколько подыграл настроениям советского' лидера.

Через день последовало ответное послание Брежнева. Он соглашался с указанным в письме Никсона перечнем вопросов для обсуждения. „Есть полная возможность прийти к взаимовыгодным соглашениям, которые придали бы вес нашей новой встрече".

Накануне своего отлета в Москву Киссинджер рассказал мне, что у президента состоялось совещание, на котором обсуждался вопрос об импичменте. Хейг рекомендовал, чтобы Белый дом добивался рассмотрения в конгрессе вопроса об импичменте как можно скорее - не позже мая, пока законодательный орган еще не располагал большинством голосов, необходимым для принятия такого решения, считая, что затяжка не отвечает интересам президента ввиду постепенной эрозии рядов сторонников Никсона. На данный же момент конгресс, скорее всего, по подсчетам Хейга, отклонил бы вопрос об импичменте президента большинством голосов.

Президент одобрил соображения Хейга и вновь твердо заявил собравшимся, что не уйдет в отставку, так как не собирается войти в историю США как первый президент, которого заставили уйти из Белого дома.

Однако положение Никсона продолжало быстро ухудшаться. 1 марта суд вынес обвинительные приговоры участникам „уотергейтского дела". К различным срокам заключения были приговорены лица из ближайшего окружения президента: Холдеман, Эрлихман, Митчелл и другие. Судья объявил также, что он располагает всеми доказательствами участия Никсона в утаивании фактов этого скандального дела и укрывательстве

преступников. 6 февраля 1974 года палата представителей конгресса предоставила своему юридическому комитету право начать обсуждение вопроса о возможном импичменте президента.

Киссинджер в Москве

Значительную часть времени в Москве Киссинджер посвятил обсуждению с Брежневым и Громыко вопросов ограничения стратегических вооружений. Госсекретарю было, в частности, сказано, что СССР не возражает против предложения о том, чтобы во время визита в Москву президента Никсона было подписано новое соглашение, продлевающее срок действия Временного соглашения от 26 мая 1972 года (его срок истекал в 1977 году) на несколько лет, скажем, до конца 1980 года. Советская сторона была также в принципе согласна включить в это новое соглашение некоторые дополнительные меры по ограничению стратегических наступательных вооружений, а также положение о том, что СССР и США продолжат активные переговоры о заключении постоянного соглашения. Было сказано также, что целесообразно ввести определенные ограничения на оснащение ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения.

Однако не удалось договориться по центральным параметрам возможного нового соглашения. Брежнев отклонил ключевой пункт американских предложений об ограничении забрасываемого веса ракет, что лишало СССР его основного преимущества в тяжелых ракетах, после чего неизбежно сказались бы преимущества американских ракет по другим показателям. Горячие дискуссии не привели к компромиссу, хотя и было высказано мнение, что возможности для договоренности все же имеются.

Надо сказать,, что к этой своей поездке в Москву в отличие от аналогичных поездок в прошлые годы Киссинджер был не очень подготовлен. Администрация, лично президент Никсон все больше втягивались в водоворот „уотергейта". Сам Киссинджер затратил много времени и усилий на свою „челночную дипломатию" на Ближнем Востоке, оставив, по существу, беспризорными переговоры по ОСВ. В то же время в США активизировались силы, выступавшие против каких-либо соглашений с СССР. Особо вредную роль играли сенатор Джексон и министр обороны Шлесинджер.

Трудным был разговор с Киссинджером и по ближневосточному урегулированию. Госсекретарь делал упор на важности развода израильских и египетских войск. Ему указывали, что не следует переоценивать значение этого развода. Это лишь небольшой первый шаг к полному освобождению захваченных Израилем земель. Его внимание обратили на то, что правительство США пытается сейчас решить вопрос о Сирии по израильско-египетскому образцу без советского участия. Советский Союз при желании мог бы сорвать любой американский план, но не в этом направлении надо соревноваться. Лучше сотрудничать на пути полного и справедливого урегулирования ближневосточного конфликта. Но в общем, это был разговор глухонемых. Обсуждение ближневосточных дел не дало никаких результатов.

По остальным вопросам между Киссинджером и советскими руководителями состоялся деловой и достаточно конструктивный диалог. В целом считалось, что визит Никсона в Москву может послужить дальнейшему продвижению вперед в наших отношениях.

Несмотря на сложность переговоров, Брежнев нашел все же время и для охоты на кабана, чтобы развлечь своего гостя (переговоры шли в Завидово). К концу одного заседания Брежнев предложил Киссинджеру „поразмяться и пойти поохотиться на кабана". Я видел, что госсекретарь был не в большом восторге от такой затеи: кто знает, что может случиться на охоте. Он стал говорить, что не охотник и не очень умеет обращаться с огнестрельным оружием. Брежнев бодро сказал, что „покажем, как это делать". Тогда Киссинджер заметил, что у него нет подходящей одежды для охоты в такой морозный день. Брежнев тут же приказал принести шапку, ватник, сапоги, взятые „напрокат" у сотрудников охраны. В этом наряде помощник президента выглядел довольно комично, зато было тепло. После этого Брежнев „забрал Генри с собой", и они вместе с егерем уехали на охоту.

Как рассказывал после в шутливой форме Брежнев, когда он на месте вручил ружье Киссинджеру, тот настолько неумело держал его, что „мог вместо кабанов перестрелять своих спутников". Поэтому решили поручить ему роль „иностранного наблюдателя за охотой на русских кабанов". Киссинджер сам активно вечером подшучивал над всем этим приключением, заявив, что один из кабанов сам умер от разрыва сердца, увидев такого незадачливого охотника.

Во время своих визитов в Москву Киссинджер, как правило, останавливался в одном из правительственных двухэтажных особняков для высоких иностранных гостей. Припоминаю один забавный случай. В один из приездов в Москву зимой, на этот раз с супругой, Киссинджер остановился, как обычно, в таком особняке. По окончании визита он должен был утром вылететь из Москвы на своем самолете в Вашингтон. Условились, что Громыко с женой заедут за ним в особняк в 9 часов утра, а затем поедут провожать его на аэродром.

Мы с Громыко приехали точно в назначенное время. Прогуливаемся в саду около особняка в ожидании Киссинджера. День был чудесный - солнечный, но с морозом и хрустящим снегом. Ждем. Проходит 5-10-15 минут. Нет Киссинджера. Громыко просит меня сходить в особняк и узнать, в чем дело. Прихожу, поднимаюсь на второй этаж, где была квартира Киссинджера. За дверью слышу рассерженные голоса. Стучусь. Открывает дверь он сам. Спрашиваю, не нужна ли какая-либо помощь при их сборах.

Из разговора выясняется необычная, но вполне житейская ситуация. Рано утром американский обслуживающий персонал спросил госсекретаря (его супруга была в ванной), можно ли, как всегда, отвезти их вещи заранее на аэродром. Киссинджер, который был занят каким-то своим делом, отрывисто сказал, что можно забрать все, что находится на полу около двери. Они так и сделали. Когда же спустя час настала пора выходить на улицу, чтобы ехать на аэродром, то выяснилось, что были увезены и теплые сапожки его супруги. Она осталась в легких открытых тапочках, а на дворе мороз и глубокий снег. Это и явилось причиной разговора на повышенных тонах. Что делать? Как помочь?

Я пошел вниз к охране особняка. Там, конечно, не оказалось никакой дамской обуви. Начальник охраны мог предложить лишь большие высокие зимние мужские ботинки. Супруге госсекретаря пришлось согласиться на такой „выход".

Когда приехали на аэродром, она быстро вошла в самолет, где переобулась, а взятые „напрокат" ботинки были завернуты в красивую бумагу и переданы мне. Присутствовавшие корреспонденты решили, что

это „подарок Киссинджера для Громыко" и очень интересовались содержимым свертка.

Им было сказано, что такого рода вещи не подлежат разглашению, так как они носят „сугубо личный характер".

После отлета госсекретаря эти ботинки были возвращены вместе с благодарностью от Киссинджеров сотруднику охраны, который все это время сидел в особняке без обуви.

„Сугубо личное послание" Брежнева Никсону

После визита Киссинджера в Москву в течение апреля шли интенсивные переговоры между госсекретарем и мной, а затем (29 апреля в Женеве) и с Громыко по вопросам ограничения стратегических вооружений. Переговоры были сложными. Спор в основном шел вокруг количественных уровней и типов ракет с разделяющимися головными частями.

В Москве тем временем с настороженностью следили за ухудшением внутриполитического положения Никсона. Советское руководство стало впервые реально осознавать, что „уотергейтский" скандал принимает для Никсона серьезный оборот. Это было видно по тому, как он все больше отвлекался от внешнеполитических дел.

Поэтому Брежнев решил подбодрить Никсона, учитывая его скорый визит в Москву. 28 мая я встретился с президентом Никсоном в Белом доме для передачи „только ему в руки" устного персонального послания Брежнева (фактически я его зачитал по тексту телеграммы из Москвы). Разговор был наедине, без переводчиков. В начале послания высказывалось мнение, что результаты новой встречи на высшем уровне, судя по всему, обещают быть, как и предыдущие встречи, впечатляющими. Затем Брежнев, переходя к основной теме, выразил желание поделиться с Никсоном некоторыми возникающими у него и его коллег мыслями, „главным образом в человеческом плане". От его имени далее было сказано следующее: „Мы внимательно следим за развитием известных событий в США. И хотя, прямо скажем, многое из происходящего для нас не очень понятно, нам все же ясно, что есть силы - и, как видно, немалые, - которые основательно ополчились против Вас.

Ясно и то, что во всем этом присутствуют, как нам кажется, не только внутренние моменты, но вовлекается и область внешней политики. Однако, как мы видим дело на расстоянии, эта область оказалась как раз наиболее твердым орешком для тех, кому хотелось бы свести на нет или основательно подорвать все то ценное и важное, что нашло свое выражение прежде всего в известных советско-американских соглашениях и договоренностях.

Все это, разумеется, весьма примечательно. В целом идея разрядки в мире близка не только советским людям, но и большинству американцев. То, что при всем внимании, которое Вам приходится сейчас уделять внутренним делам, вы по-прежнему держите в поле своего зрения и внешнеполитические дела, в том числе вопросы советско-американских отношений, представляется нам совершенно правильным.

Только так и может поступить государственный деятель, убежденный в правильности избранного им пути и хорошо знающий слабую сторону тех, кто в своих узких целях или по своей близорукости выступает против его курса политики. В таких случаях действительно нужна выдержка и твердость духа.

Ведь наверняка кое-кто - да и не только в США - рассчитывает: быть может, Ричард Никсон не выдержит, надломится. Но как мы с удовольствием отмечаем, Вы не собираетесь доставлять им такое удовольствие. Мы говорим все это, исходя из сложившихся между нами добрых отношений и веря в успех предстоящей нашей новой встречи. Тем временем мы ждем прибытия в Москву Вашего госсекретаря в конце мая для завершения подготовки нашей июньской встречи, как это было условлено".

Таково было это необычное в истории наших отношений с американскими президентами обращение советского руководства. По существу, это был жест моральной поддержки президента Никсона в трудную для него минуту. И этот жест был сделан из Москвы!

Я сказал далее президенту, что Генеральный секретарь, рассматривает это обращение как строго конфиденциальное и что о нем в Москве знает весьма ограниченный круг лиц. Оно так и осталось неизвестным.

„Доктрина Брежнева - Никсона"

Никсон был явно тронут этим обращением. После некоторого молчания он попросил передать Брежневу свою благодарность за все сказанное и особенно за то, что сделано это в чисто человеческом плане. Он просил передать также, что „Никсон и эмоционально, и физически вполне здоров и готов во всеоружии встретить и отразить все наскоки своих врагов". Ситуация в этом плане в США, конечно, сложная, но он, президент, уверен в конечном благоприятном исходе.

Я считаю, подчеркнул Никсон, что историки могут еще заговорить о „доктрине Брежнева - Никсона", которая составляет суть нынешних советско-американских отношений. В чем же ее существо, если принять существование такой доктрины, хотя она никогда нигде официально не была оформлена и не провозглашена? Ответ прост: руководители СССР и США стремятся сделать все необходимое, чтобы наши два великих народа не противостояли друг другу, а работали совместно во имя одной цели: мира на Земле. Это - главное наследие, которое я, как президент США, надеюсь оставить после ухода из Белого дома в 1976 году как результат тесного сотрудничества с советским руководством, лично с Брежневым, отметил Никсон.

Я согласен, сказал он в заключение, с предложенным Генеральным секретарем перечнем вопросов к новой встрече на высшем уровне в Москве, по которым уже есть заметное продвижение. Надо взаимно форсировать достижение соответствующих соглашений еще до самой встречи.

Видно было, что Никсона явно приободрило то обстоятельство, что на фоне мрачных туч „уотергейта" сохраняется и- даже расширяется просвет во внешнеполитической области, в частности в отношениях с СССР. Он даже как-то повеселел.

Киссинджер тем временем занимался ближневосточными делами. 29 мая Скоукрофт передал для Громыко сообщение Киссинджера с Ближнего Востока: „Переговоры, проведенные госсекретарем с Сирией и Израилем, привели к соглашению о разводе войск Сирии и Израиля. Соглашение будет подписано в пятницу, 31 мая 1974 года, в Женеве военными представителями Сирии и Израиля в военной рабочей группе

Женевской конференции". Я передал это сообщение Громыко, но подумал, что он вряд ли воспримет его с большой радостью, поскольку Киссинджер опять обошел нас, действуя в одиночку.

Когда госсекретарь вернулся с Ближнего Востока, у меня состоялась с ним продолжительная беседа по вопросам, связанным с подготовкой визита Никсона в Москву.

Итоги беседы и наши предыдущие встречи давали в целом достаточно полное представление о подходе Белого дома к предстоящей встрече на высшем уровне. Определялся круг новых конкретных соглашений и договоренностей, которые могли внести вклад в дело дальнейшего развития того курса в советско-американских отношениях, который был заложен на предыдущих двух встречах на высшем уровне.

Вместе с тем из бесед с Киссинджером уже отчетливо проглядывались контуры „уотергейта" и связанное с этим заметное стремление Белого дома свести до минимума возможную критику в адрес президента в связи с итогами его предстоящего визита в СССР. Чувствовалось, что и сам Киссинджер на этот раз не очень хочет втягиваться в поиск решения чересчур сложных и спорных вопросов, дабы не подставить себя лично под критику оппозиции и не оказаться, таким образом, втянутым в общий внутриполитический водоворот „уотергейта".

„Уотергейт" и атакующие президента антисоветские круги фактически лишали Никсона и Киссинджера возможности вести серьезные переговоры в Москве с целью заключения нового значительного соглашения по ограничению стратегических наступательных вооружений. К тому же и внутри администрации шли горячие споры о том, как сопоставлять советские и американские ядерные вооружения, структура которых была явно асимметрична. Пентагон оставался основным тормозом.

Когда я встретился с Киссинджером 8 июня, он передал в доверительном порядке американский проект соглашения об ограничении стратегических вооружений с учетом предстоящего рассмотрения этих проблем в Москве.

Госсекретарь рассказал также, что продолжает обсуждать с сенаторами Джексоном, Джавитсом и Рибиковым вопрос об эмиграции из СССР (они связывали вопрос об эмиграции с предоставлением СССР режима наибольшего благоприятствования в торговле с США). Киссинджер показал мне проект письма Джексону, в котором госсекретарь от своего имени излагал „понимание", вынесенное им в отношении вопроса об еврейской эмиграции "ССР из своих бесед с советскими руководителями. Такое письмо, как он подчеркнул, могло бы помочь администрации найти, наконец, компромисс с сенатором Джексоном в отношении его поправки к законопроекту о торговле с СССР. В тексте письма бросилась в глаза фраза: „Мы (т. е. администрация Никсона) имеем основание считать, что не менее чем 45 000 эмигрантам будет разрешено выезжать из СССР в год".

Я выразил сомнение в отношении целесообразности упоминания какой-либо цифры в письме (хотя названная им цифра не вызывала у меня каких-либо сомнений). Киссинджер утверждал, что у Громыко, когда они недвно встречались в Никосии (Кипр), вроде бы не было каких-либо возражений. Он предложил спросить Громыко на этот счет, утверждая, что ему удалось „сбить чрезмерный запрос" Джексона со 100 тыс. человек до 45 тысяч. Без этого Джексон отказывался снять свою поправку. Ясно было, что дискуссия по этому вопросу будет носить затяжной характер.

На следующий день госсекретарь передал американский проект Протокола к Договору по ПРО с уже включенным в него согласованным положением о возможности замены местонахождения единственной у каждой стороны системы ПРО. Он сообщил также, что его вызывают в подкомитет сената для разбора поднятой сенатором Джексоном шумихи вокруг вопроса „о секретных соглашениях" между СССР и США. Этот вызов приурочен к моменту отъезда Никсона в Москву с явной целью заставить президента отказаться от намерения достичь в Москве какой-либо новой договоренности о дальнейшем ограничении стратегических вооружений.

В свою очередь, в связи с поручением из Москвы, я обратил внимание Киссинджера на участившиеся в последнее полугодие случаи попыток вербовок американской разведкой советских граждан за границей.

Киссинджер сказал, что он не знал об упомянутых мною случаях. Однако он совсем не исключил, что что-то похожее действительно могло иметь место, ибо в американской разведке старые профессиональные кадры чересчур увлекаются старыми методами, в то время как они не успевают вдумчиво обрабатывать массу важной информации, поступающей по другим направлениям, в частности по каналам технической разведки. Киссинджер сказал далее, что руководству разведки будет послана директива Белого дома прекратить указанную практику „на ближайшее будущее" (видимо, на период встречи в верхах), но что, дескать, трудно гарантировать все это на длительный период времени (что еще мог ответить госсекретарь?).

Визит Никсона в СССР (27 июня - 3 июля 1974 г.)

В своих мемуарах Никсон описывает, какую трудную борьбу ему пришлось вести с активизировавшимися в Вашингтоне противниками разрядки накануне визита в Москву. В широкую и разношерстную коалицию входили: либералы, выступавшие в защиту диссидентов и поддержку еврейской эмиграции из СССР; консерваторы, отвергавшие торговые и иные соглашения с СССР; военные из Пентагона и их друзья в конгрессе, которые делали все, чтобы предотвратить договоренность в Москве об ограничении стратегических ядерных вооружений и ядерных испытаний.

На заседании Совета национальной безопасности (20 июня) министр обороны Шлесинджер, поддержанный начальниками штабов, представил предложения Пентагона для вручения их в Москве. Никсон тут же заметил, что эти предложения не имеют никаких шансов быть принятыми советским руководством, так как они дают большие односторонние преимущества американской стороне. В ответ министр обороны с серьезной миной посоветовал Никсону приложить усилия, как он сделал это во время „кухонных дебатов" с Хрущевым в 1959 году для того, чтобы убедить Брежнева все же" принять эти предложения. Никсон записал в своем дневнике, что этот совет Шлесинджера оскорблял интеллектуальные способности любого человека, включая президента.

Фактически заседание Совета национальной безопасности ясно показало, что администрация Никсона лишена возможности вести серьезные переговоры по ОСВ.

Президент Никсон в сопровождении Киссинджера, а также Хейга, Скоукрофта, Сонненфелдта, Хартмана и посла Стессела прилетел 27 июня в Москву.

С советской стороны в переговорах участвовали Брежнев, Подгорный, Косыгин и Громыко, а также Добрынин, Александров (помощник Брежнева), Корниенко (член коллегии МИД СССР).

Переговоры в основном велись в Кремле, где и были подписаны согласованные документы. На пару дней Брежнев и Никсон вылетели в Крым, в Нижнюю Ореанду, где продолжили деловые беседы, в частности по ОСВ; с ними были Громыко и Киссинджер, а также послы.

Не обошлось без приключений. Отлет в Крым по программе намечался на 16.00, после окончания переговоров в Москве в 15.00. Поэтому я решил в перерыве быстро съездить домой за личными вещами. Однако Брежнев не стал считаться с программой и вскоре по завершении переговоров сам зашел к Никсону, которому отвели апартаменты в Кремле. Они сразу же поехали на аэродром Внуково. Когда я приехал туда, то обнаружил, что все участники встречи уже вылетели на нашем самолете в Крым. Я остался один, а тем временем с борта улетевшего самолета Брежнев спрашивал: куда пропал наш посол?

К счастью, в аэропорту все еще стоял президентский самолет, который должен был через несколько минут также вылететь в Крым. Американский экипаж самолета, который, конечно, знал меня и к которому я, естественно, обратился за помощью, согласился „подвезти" меня. Так получилось, что из Москвы в Симферополь я один с полным комфортом летел на президентском самолете. Как видите, всякое бывает в жизни дипломата. Главное не теряться. Кстати, так получилось, что президентский лайнер, более скоростной, прилетел в симферопольский аэропорт быстрее, чем самолет с руководителями и членами обеих делегаций на борту. Брежнев и Громыко были немало удивлены, когда увидели меня в числе встречавших их на аэродроме.

В Крыму состоялись, скорее, не переговоры, а продолжительные неформальные беседы Брежнева и Никсона на берегу теплого и спокойного моря, где находились две правительственные дачи. В этом смысле встречи упрочили личные взаимоотношения обеих лидеров, которые складывались между ними в последние годы, но которые, к сожалению, им не пришлось продолжить.

В результате визита был подписан ряд документов:

- Договор между СССР и США об ограничении подземных испытаний ядерного оружия и протокол к этому договору; мощность таких испытаний не должна была превышать 150 килотонн.
- Протокол к Договору между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны (он снижал для каждой страны число таких систем с двух до одной).
- Совместное заявление о мерах, направленных на устранение опасностей использования средств воздействия на природную среду в военных целях.

Два протокола, которые регулировали замену, демонтаж или уничтожение стратегических вооружений.

Основной неудачей (хотя это и было очевидно заранее) визита Никсона было отсутствие заметного прогресса в области ограничений стратегических наступательных вооружений. „Уотергейт" взорвал не только президентство Никсона, но и возможность достижения во время этого визита согласия по ОСВ-2. Поэтому было решено продолжить переговоры на эту тему во время рабочей встречи на высшем уровне до конца 1974 года (как видно, вопрос о скорой возможной отставке Никсона при этом не возникал).

И все же московские переговоры в целом были достаточно успешными, способствовали дальнейшему развитию отношений обеих стран.

На встрече значительная часть международных вопросов в конкретном плане обсуждалась в ходе переговоров Громыко с Киссинджером. Последний был основным „двигателем" американской делегации. Брежнев обычно зачитывал вступительные заявления по соответствующим вопросам, ограничиваясь лишь репликами по ходу возникавшей затем дискуссии между министрами иностранных дел. Активно участвовал он лишь в вопросах ограничения стратегических вооружений. Остальными вопросами Брежнев владел слабовато, хотя и пытался произвести иное впечатление своей внешней активностью. Косыгин, как всегда, со знанием дела вел экономические вопросы. Обе стороны брали перерывы для консультаций со своими экспертами.

3 июля в Москве было подписано совместное советско-американское .коммюнике, где стороны высказали готовность продолжать активные и тесные контакты и консультации. Отмечалась необходимость нового соглашения по ОСВ, которое охватывало бы количественные и качественные ограничения стратегических вооружений. Была достигнута договоренность о совместных шагах по заключению международной конвенции по химическому оружию, а также о быстрейшем созыве конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В тот же день Никсон и сопровождавшиие его лица отбыли в США.

Это была последняя встреча с Никсоном на высшем уровне.

Он, правда, пригласил Брежнева приехать с новым визитом в США в 1975 году. Тот принял приглашение. Но визит не состоялся по известным причинам.

Надо сказать, что груз „уотергейта" заметно довлел над Никсоном во время его визита в Советский Союз. Президент был мало активен, предоставляя Киссинджеру возможность вести основную часть переговоров и дискуссий, хотя в решающие моменты бесед он в сжатой форме излагал позицию США. Значительную же часть времени он был задумчив, как бы уходил в свои внутренние невеселые размышления и думы. Да это было и неудивительно, так как до его вынужденного ухода из Белого дома оставалось всего около месяца.

Вместе с тем я могу засвидетельствовать (вопреки мнению некоторых американских историков и официальных лиц), что „уотергейт" и угроза возможного импичмента Никсона не оказали сколько-нибудь заметного влияния на поведение советских руководителей - участников встречи. Они, как и прежде, проявляли заинтересованность в развитии процесса разрядки и контроля над вооружениями, хотя и понимали все более ограниченные возможности президента.

К тому же в Кремле все еще не верили в вероятность быстрого ухода Никсона с политической арены. Брежнев в беседе с Никсоном наедине даже выразил уверенность, что тот останется на своем посту до конца своего срока, т. е. до 1976 года. Я не знаю, на чем основывалась такая уверенность Брежнева, скорее всего, он „подбадривал" Никсона. Я считал, что Никсон уйдет со своего поста через несколько месяцев. Правда, Громыко придерживался мнения, что он может продержаться еще около года.

В любом случае ни Брежнев, ни Громыко не пытались в этот момент как-то дистанцииироваться от Никсона из-за „уотергейта", который считали чисто внутренним делом США, и не делали никаких попыток использовать

тяжелое положение Никсона в своих целях. Больше того, они стремились продемонстрировать продолжающееся стремление СССР к разрядке.

Примечательно, что почти до последних дней своего пребывания в Белом доме, несмотря на тучи „уотергейта", президент Никсон продолжал заниматься вопросами американо-советских отношений. То ли это был какой-то психологический „просвет" в общей сгущавшейся вокруг него мрачной атмосфере, то ли он все еще надеялся на благоприятный исход. Трудно сказать.

15 июля мы встретились с Киссинджером и подробно обсудили дальнейшие шаги по закреплению результатов и реализации итогов третьей советско-американской встречи на высшем уровне. Намечены были даже организационные мероприятия по срокам.

Как бы подводя итог последнему периоду советско-американских отношений, мы сошлись во мнении, что им сильно повредило отсутствие у администрации США целеустремленной и продуманной программы действий. Причиной этого был „уотергейт", превратившийся в определенном смысле в национальную политическую катастрофу, а также общий разброд в общественном мнении относительно Советского Союза.

На этой безрадостной ноте закончился наш разговор, который как бы подвел нашу общую с Киссинджером пессимистическую оценку сложившейся ситуации.

Никсон покидает Белый дом

Эта беседа с Киссинджером оказалась моей последней деловой встречей с высоким официальным лицом администрации Никсона, которая была, по существу, целиком поглощена быстро развивающимся „уотергейтским" кризисом.

Президент Никсон встретился 7 августа в Белом доме с лидерами республиканцев в сенате и палате представителей конгресса США - с сенатором Хью Скоттом и конгрессменом Родсом. С ними был также сенатор Голдуотер.

Они сказали президенту всю правду - он лишился поддержки на Капитолийском холме. В случае голосования импичмент неминуем. Кроме отставки, у него нет другого выхода. Ситуация зловещая, резюмировали они.

„Да, - вынужден был согласиться с ними президент, после продолжительной паузы, - ситуация действительно чертовски зловещая. Я подумаю, скоро вы узнаете о моем решении".

Решения Никсона действительно не пришлось ждать долго. 8 августа он пригласил к себе вице-президента Форда и сообщил о своем уходе в отставку. Он дал ему ряд советов и рекомендаций, причем не удержался от того, чтобы не предупредить нового президента: не дать лидерам в Москве и Пекине воспользоваться драматическими событиями в Вашингтоне, чтобы захватить инициативу и потеснить США на мировой арене. Он настоятельно рекомендовал Форду сохранить Киссинджера на его постах.

В тот же день в 9 часов вечера Никсон выступил с заявлением об уходе с тоста президента США.

Его выступление по телевидению и прощание со служащими Белого Дома перед отлетом на вертолете было, несомненно, одним из самых драматических моментов во всей послевоенной политической истории Америки.

Для советского руководства столь быстрое падение Никсона после визита в Москву было все же неприятной неожиданностью, хотя события явно вели к такому неизбежному исходу. Кремлевские руководители все же недоумевали, как можно свергнуть могущественного президента США из-за „небольшого проступка" посредством давления общественного мнения и путем сложного юридического процесса, предусмотренного американской конституцией.

На эти события Брежнев быстро откликнулся личным письмом только что ушедшему президенту.

„Хотел бы от себя лично и моих коллег, - писал он, - выразить Вам в эти дни добрые чувства по поводу плодотворного сотрудничества и того духа взаимопонимания, которыми были отмечены наши совместные усилия, направленные на улучшение советско-американских отношений и оздоровление международной обстановки... Все, что было сделано за последние годы в отношениях между СССР и США, высоко оценивается в нашей стране, а также, как мы понимаем, в США, да и во всем мире. Иначе и не могут оценивать эти поистине огромные свершения все те, кто действительно заботится о мире, о будущем человечества. Хочу также, чтобы Вы знали, что мы с удовлетворением восприняли заявление президента Форда о его намерении продолжать курс в отношениях между нашими странами, направленный на их дальнейшее углубление и расширение.

Что касается СССР, то мы полны решимости продолжать дело развития между СССР и США отношений мира и сотрудничества - дело, начало которому было положено вместе с Вами. Об этом мы заявили и президенту Д.Форду.

...Шлем наилучшие пожелания Вам, Вашей супруге и всей Вашей семье. С уважением, Л.Брежнев".

Никсон тоже обратился с последним посланием к Брежневу. „Оставляя пост президента США, я шлю Вам личный прощальный привет. Я оставляю этот пост с чувством гордости по поводу того, что Вы и я много сделали для преобразования отношений между нашими странами и тем самым добились огромных свершений для дела мира во всем мире.

Я знаю, что президент Форд верит, так же, как и я, что нет более важного внешнеполитического вопроса, чем продолжение укрепления растущих уз дружбы между США и СССР. Он сделает все от него зависящее для достижения этой цели.

Выражаю Вам свои наилучшие пожелания процветающего будущего для Вас лично и для великого народа СССР. Искренне Ваш, Р.Никсон, 12 августа".

Так закончилась уникальная переписка между государственными деятелями двух сверхдержав.

Ушел из Белого дома президент, противоречивый по своим убеждениям, взглядам и действиям, по своему отношению к Советскому Союзу. Однако на определенном этапе - вместе со своим соратником Киссинджером - он сыграл позитивную роль в стабилизации и развитии советско-американских отношений в годы „холодной войны", хотя это направление во внешней политике США было недостаточно последовательным, подвергалось колебаниям и коллизиям. Это позволило в дальнейшем вновь активизироваться силам, выступавшим против разрядки.

ЧАСТЬ

V

ДЖЕРАЛЬД ФОРД-ПРЕЗИДЕНТ США, 1974—1977 ГГ.

Перед отлетом на встречу во Владивостоке, Белый дом. 1974 год

1. ПЕРВЫЕ ШАГИ НОВОГО ПРЕЗИДЕНТА

Беседа с Фордом

Буквально через несколько часов после того, как Джеральд Форд 9 августа принял присягу и вступил в должность президента США, Киссинджер пригласил меня в Белый дом и провел прямо в Овальный кабинет, где состоялась беседа с новым президентом.

Это была, его первая беседа с иностранным послом. Он был в приподнятом настроении и, чувствовалось, не совсем еще освоился со своим новым высоким положением. Впрочем, мы были достаточно хорошо знакомы, поэтому наша беседа не была чересчур уж официальной.

Выслушав мои поздравления, Форд сказал, что направляет сейчас -через посла США в Москве - личное послание Брежневу (он передал мне копию этого послания), в котором он без каких-либо оговорок твердо заявляет, что будет полностью продолжать тот курс на улучшение и углубление отношений с СССР, который проводился его предшественником и уже ознаменовался столь важными успехами.

Вчера, продолжал президент, перед тем как Никсон объявил о своей отставке, мы провели вдвоем длительную беседу по внешнеполитическим вопросам. Никсон сделал особый упор на советско-американские отношения. Он подробно рассказал о тех -вопросах, которые недавно обсуждались между ним и Брежневым в Москве, и о тех обязательствах для США, которые вытекали из этих обсуждений. К тому же Киссинджер хорошо знает все подробности последних переговоров на высшем уровне, о которых он тоже уже начал информировать меня, добавил Форд. Таким образом, я намерен продолжать по всем направлениям деловой контакт и сотрудничество с советским руководством без промедления.

Я подтвердил в своем послании Брежневу, сказал далее президент, приглашение посетить с визитом США в следующем году в мае, июне или июле, когда это будет более удобно ему. В то же время я готов встретиться с ним и раньше, к концу этого года и на „нейтральной территории", если будет проведена соответствующая подготовка к такой „мини-встрече в верхах". „Так, кажется, ты окрестил ее, Генри?" - обратился он к присутствовавшему на беседе Киссинджеру. Последний, улыбаясь, подтвердил это.

Президент затем сказал, что он давно знает Киссинджера, еще с тех пор, югда госсекретарь, будучи профессором, приглашал „простого конгрессмена Форда" рассказать о работе конгресса слушателям семинара по внешней политике в Гарвардском университете.

Мы хорошо понимаем друг друга, продолжал Форд. Я высоко ценю устоявшуюся прочную концепцию Киссинджера о том, что отношения с Россий имеют первостепенное значение для США. Так что прошу передать в Москву, что мы с Киссинджером будем не менее „результативной командой" в деле дальнейшего развития советско-американских отношений, чем это было при Никсоне (Киссинджер с явным удовольствием выслушивал эти слова нового президента).

Форд вспомнил, что он один раз побывал в Москве (во время проведения там в 1959 году первой американской выставки). Теперь он надеется снова побывать в СССР.

Уже провожая меня до двери своего кабинета, президент сказал, что он хотел передать в Москву в этот первый же день своего президентства одну важную мысль, но, видно, так и не смог подыскать в ходе беседы „изящной подходящей формы" выражения. Поэтому он хочет сказать сейчас прямо: „В этом кабинете я теперь буду гораздо более сдержан в своих публичных высказываниях, чем был в палате представителей, так как должен сейчас более ответственно заниматься и внешней политикой, корректируя соответственно свои взгляды" (прямой намек на известные довольно-таки резкие и жесткие высказывания, которые в прошлом не раз делал Форд-конгрессмен в отношении Советского Союза и его политики).

Я ответил президенту, что в Москве, безусловно, с удовлетворением встретят его заверения о твердом намерении продолжать курс на дальнейшее улучшение отношений между нашими странами. В этом деле он, без сомнения, найдет с советской стороны полную поддержку и взаимность.

В целом от этой беседы с новым президентом у меня осталось благоприятное впечатление. Его считали новичком в вопросах внешней политики, но определенные знания в этой области он приобрел, когда был вице-президентом. (Киссинджер и Скоукрофт периодически информировали его о важнейших внешнеполитических делах.) Общее впечатление о Форде, сообщенное мною в Москву: с ним можно будет вести разумный диалог.

После встречи с Фордом Киссинджер провел меня в свой кабинет. Там он передал свое личное письмо для Громыко. В нем госсекретарь, в частности, писал следующее: „Независимо от того, что Вы можете услышать или прочитать в предстоящие недели, я хочу заверить Вас лично, что президент Форд намерен продолжать и развивать дальше ту политику, которая была главенствующей для наших отношений с СССР при президенте Никсоне. Президент Форд попросил меня остаться на моем посту и уделить особое внимание отношениям с СССР. Он будет сильным президентом, и Вы увидите, что он немедленно возьмет дела в свои руки и утвердит свой авторитет и свою ответственность в вопросах внешней политики. Вы можете положиться на его заверения: тот подход к вопросам, который мы обсуждали в Москве, будет проведен в жизнь".

Касаясь трагического положения, в котором оказался Никсон, Киссинджер сказал: „Он так много сделал для США в большом историческом плане, а в него вцепились из-за незначительных тривиальных вещей".

Госсекретарь сказал, что теперь можно будет, наконец, приступить к обсуждению незавершенных после московской встречи дел. Заявив о своем намерении продолжать воздействовать на сенатора Джексона, блокирующего прохождение законопроекта о советско-американской торговле в конгрессе, он выразил далее надежду, что в предстоящие два-три месяца желающим эмигрировать из СССР евреям не будут чиниться искусственные препятствия и их не будут преследовать, поскольку в этом случае еврейские организации в США поднимут „ненужный шум".

С удовлетворением сообщил, что он по-прежнему является и госсекретарем и помощником президента по национальной безопасности. В общем, было видно, что Киссинджер был доволен своим положением при новом президенте.

У президента Форда сложились хорошие личные отношения с Киссинд жером он высоко ценил его способности. В своих мемуарах Форд не без юмора приводит характеристику Киссинджера, данную ему Никсоном перед уходом с поста президента, „Генри - гений, но не обязательно принимать все его рекомендации, и нельзя также давать ему полную свободу действий".

При президенте Форде внутриполитические соображения и предвыборные заботы чаще превалировали над внешнеполитической активностью администрации в отношениях с СССР. Киссинджер оставался, безусловно, руководителем американской дипломатии, но объективные обстоятельства ограничивали его возможности.

После первой встречи с президентом Фордом я невольно задумался о превратности судьбы, особенно в политической жизни США. Форд никогда не баллотировался на выборные общенациональные или даже штатные должности. Его электорат всегда был ограничен лишь небольшим избирательным округом штата Мичиган, который он представлял в палате представителей. Сам он был относительно малоизвестен в стране. А теперь - неожиданно для всех - он стал президентом США. В наследие он получил страну со сложными проблемами. Уважение к „институту президентства" резко упало в общественном мнении. Экономика переживала упадок. Вопрос о лидерстве нового президента вставал во весь рост. Справится ли со всем этим президент Форд? Как при нем будут развиваться советско-американские отношения? Приход к власти в США нового президента с его большими конституционными полномочиями в области внешней политики всегда вызывал у иностранных послов, аккредитованных в Вашингтоне, большой интерес. Я, разумеется, не был исключением. Как оценивать перспективы советско-американских отношении при новом президенте?

Форд был хорошо мне известен в качестве давнего члена палаты представителей конгресса США, лидера республиканской фракции. Как политический деятель он придерживался Консервативных взглядов, был „суперястребом" в вопросе о войне во Вьетнаме. Форд не скрывал своего весьма негативного отношения к Советскому Союзу, как правило, выступал враждебно, хотя и делал это от случая к случаю* не очень выделяясь из общего консервативного хора конгрессменов. От встреч с советскими представителями он обычно уклонялся. В общем, Форд был типичным американским конгрессменом - патриотом периода „холодной войны". Поэтому его приход к власти, естественно, настораживал.

Вместе с тем его деятельность на посту вице-президента вселяла некоторые надежды на то, что он стал лучше разбираться в советско-американских отношениях и, возможно, перенял основные направления никсоновской администрации во внешней политике, в частности в области политики разрядки с СССР. К сожалению, пребывание на посту вице-президента не давало еще гарантии преемственности политики. Пример Трумэна, сменившего Ф.Рузвельта, являлся красноречивым доказательством этого. Правда, моя первая встреча с президентом Фордом прошла хорошо. Новый президент говорил о своем желании улучшать наши отношения. Однако, как показывал мой долгий опыт, первые встречи с новыми президентами США обычно проходили всегда неплохо (даже впоследствии с президентом Рейганом), что далеко не всегда отражалось на дальнейшем ходе событий.

Д.ФОРД-
ПРЕЗИДЕНТ США

Не скрою, в первый период правления Форда я основные надежды возлагал на госсекретаря Киссинджера, на преемственность его взглядов.

Надеялся, что новый президент, в силу ряда причин, позволит Киссинджеру руководить внешней политикой США. Это дало бы возможность сохранить определенную стабильность в наших отношениях или по крайней мере их определенную предсказуемость. Однако и здесь не все было гладко. Советские лидеры переоценивали готовность Америки принять разрядку как норму наших отношений. В руководстве США, включая самого Киссинджера, усиливалось недовольство советской трактовкой разрядки (в частности, в отношении стран „третьего мира"). Я опасался, что эти усиливавшиеся противоречия между советским и американским подходом к разрядке в конечном счете могут взорвать эту разрядку. Но пока что такие мысли не беспокоили Москву, уверовавшую в правоту и успех своей политики.

Форд и Брежнев обмениваются письмами

Следует отметить, что уже в самые первые дни новой администрации правительства обеих стран сочли необходимым негласно подтвердить друг другу свою приверженность прежнему курсу в их отношениях. Это был позитивный сигнал.

9-11 августа состоялся доверительный обмен письмами о преемственности политики США и СССР в том, что касается их взаимоотношений в связи с вступлением Форда в должность президента.

В своем письме от 9 августа Форд писал Брежневу, в частности, следующее: „...Я постоянно поддерживал в нашем конгрессе внешнюю политику президента Никсона на протяжении всей его администрации. Поэтому я могу подтвердить без оговорок, что американская политика в отношении СССР будет продолжаться без изменений во время моей администрации... Я твердо верю, что в ядерный век политика обоюдной сдержанности и уважения интересов всех является единственным путем, открытым перед ответственными государственными деятелями. Я являюсь приверженцем этого курса... В заключение, г-н Генеральный секретарь, я хочу подтвердить приглашение Вам посетить нашу страну в следующем году".

Думается, что это письмо было написано не без участия Киссинджера.

Брежнев, конечно, приветствовал такое обращение Форда. Уже через день он поручил мне передать его ответное послание. В нем, в частности, говорилось: „...Я и мои коллеги с удовлетворением восприняли высказанную Вами решимость продолжать политику, имеющую цель сохранить и развить дальше все то доброе, что удалось уже сделать в отношениях между нашими, государствами при Вашем предшественнике, президенте Никсоне. Такой подход совпадает и с нашим курсом в советско-американских отношениях. Мы полны решимости и дальше строить свои отношения с США в расчете на долгосрочную, стабильную перспективу".

В заключение Брежнев также высказался в пользу обмена официальными визитами в следующем году и целесообразности их рабочей встречи еще в этом году. В целом в Москве были довольны быстрым завязыванием отношений с новым президентом США.

Вечером 12 августа перед первым выступлением Форда в конгрессе Киссинджер сообщил мне, что Форд удовлетворен посланием Генерального секретаря и согласен с тем, чтобы еще в этом году организовать их рабочую встречу. Эта встреча становилась реальным ориентиром в наших отношениях на ближайший период.

Киссинджер доверительно рассказал о довольно сложной обстановке в Белом доме и вообще в госаппарате в связи с нынешним „переходным" периодом" от Никсона к Форду. В шутку заметил, что ему сейчас „не до челночной дипломатии" и что он считает крайне необходимым для себя не отлучаться из Вашингтона по крайней мере пару месяцев. Вокруг Форда крутится ныне множество людей из числа его давнишних приятелей из конгресса и партийного аппарата республиканской партии, которые в большинстве, может быть, и неплохие люди, но не имеют никакого опыта в международных делах. Отсутствие такого опыта они прикрывают различными „патриотическими" фразами, в немалой степени заимствованными из лексикона послевоенных лет, когда отношения с СССР были далеки от нормальных. Форд, будучи неглупым человеком, конечно, все это понимает и, став президентом, предпринимает уже определенные усилия, чтобы подняться в международных делах выше привычного кругозора своих друзей. Впрочем, их влияние нельзя преуменьшать.

Киссинджер сообщил, что Форд собирается в конце года совершить поездку в Японию, чтобы показать, что он не идет слепо по стопам Никсона, который „игнорировал" Японию. В этой связи Киссинджер высказал мысль, что визит в Японию можно было бы совместить с организацией где-то в этом же районе рабочей встречи Брежнева и Форда. Эта встреча не носила бы тогда подчеркнутый характер специальной поездки одного лидера к другому, а это - по протокольным соображениям - может иметь значение с учетом того, что очередная их встреча в следующем году уже состоится в США.

Вновь беседую с Фордом

Я вновь встретился 14 августа с президентом Фордом в Белом доме по его приглашению. Пока фотокорреспонденты фотографировали нас в его кабинете, Форд вспомнил непринужденный ужин с женами у нас в посольстве пару месяцев тому назад, когда он еще был вице-президентом. Кстати, в числе документальных фильмов по Советскому Союзу, которые были ему тогда показаны, был интересный фильм о тиграх в Уссурийской тайге. Это было незапланированным введением его к встрече с Брежневым в районе Владивостока, о чем он сам впоследствии говорил в шутливой форме.

Показав на кресло президента, Форд спросил, думал ли я, что он когда-нибудь займет это место.

Ответил ему в тон, что, признаться, такая мысль мне приходила на ум, особенно в последние месяцы.

Форд рассмеялся, заметив, что иностранцы, видимо, могут порой объективнее оценивать внутреннее положение в США, чем сами американцы, которые чересчур уж эмоциональны в своих оценках.

Переходя конкретно к делу, Форд выразил удовлетворение, что он и Брежнев одинаково считают полезным провести их первую рабочую встречу

уже в этом году. В этой связи президент заметил, что Киссинджер рассказал о нашей с ним беседе по поводу намечаемой поездки Форда в Японию.

- Что Вы думаете о возможности в этом случае моей встречи с Брежневым в этом районе, например, во Владивостоке? - спросил Форд.

Я ответил, что в принципе эта идея заслуживает серьезного внимания, но, разумеется, я должен доложить об этом Генеральному секретарю.

Форд сказал, что он хотел бы в сугубо предварительном плане знать личное мнение Брежнева на этот счет. Президент поинтересовался, а как далеко от Москвы до Владивостока.

Ответил, что от Москвы до Нью-Йорка ближе, чем до Владивостока. Форд удивился огромным размерам нашей страны, добавил, что мало кто в США по-настоящему это понимает.

Киссинджер бросил шутливую реплику в том смысле, что если встреча состоится во Владивостоке, то это доставит „бурную радость" советским соседям (китайцам).

Форд высказал мнение, что первая рабочая встреча с Брежневым должна носить прежде всего ознакомительный характер и включать деловой, дружеский и конструктивный обзор международного положения и основных вопросов советско-американских отношений, без обязательного стремления сразу же как-то их решить. Вместе с тем ему очень хочется, чтобы на момент встречи все же уже имелись какие-то взаимные конкретные и реальные соображения о том, в каких направлениях следует дальше работать в области ограничения стратегических вооружений. Хорошо бы договориться с Генеральным секретарем о совместных указаниях делегациям обеих стран, как вести дальнейшие переговоры.

Я ответил, что Брежнев уже излагал в Москве Никсону подробные соображения советской стороны на этот счет. Дело сейчас за американской стороной. Форд сказал, что он это знает, но что было бы хорошо, если бы Брежнев предложил своим экспертам продолжить поиски компромисса.

Условились с президентом, что другие вопросы (ближневосточная ситуация, общеевропейское совещание и т. п.) будут обсуждены мною с Киссинджером в ближайшие дни. Сам президент еще не чувствовал себя достаточно подготовленным к детальному разговору по таким сложным вопросам.

В конце беседы Форд попросил передать лично Брежневу его просьбу „по деликатному вопросу" - речь идет о матросе Кудирке, литовце, точнее, о разрешении ему выехать из СССР в США вместе с матерью (она имеет еще и американское гражданство). В свое время он сбежал в одном из американских портов, но был передан береговой охраной США советской стороне, что вызвало всплеск антисоветской кампании в Америке. Форд проявил заинтересованность в положительном решении этого вопроса еще и потому, что в его родном городке Гранд-Рапидс (штат Мичиган) живет немало выходцев из Прибалтики.

Прощаясь, Форд выразил готовность, „возможно, в нарушение протокольных норм" еще раз побывать с женой в нашем посольстве и посмотреть - в порядке знакомства с нашей страной - интересные документальные фильмы по СССР. Показав затем на Киссинджера, Форд сказал: „Давайте тогда уж устраивайте ужин для шестерых - в честь молодоженов Киссинджеров".

Через несколько дней Киссинджер рассказал мне о встрече президента Форда с сенаторами Джексоном, Джавитсом и Рибиковым по так называе-

мому „эмигрантскому вопросу". По оценке Форда, несмотря на свойственное Джексону упрямство, встреча прошла неплохо. Он использовал полученные по конфиденциальному каналу советские данные относительно эмиграции. Его собеседники выразили готовность внести изменения в текст поправки Джексона, если они получат письмо от администрации с соответствующими разъяснениями. Киссинджер сказал, что сейчас готовит такое письмо.

Я заявил, что это все, конечно, их внутреннее дело, но предостерег и повторил то, что говорилось ему раньше: мы не сможем принять ссылки в его письме на какие-то советские гарантии по конкретному увеличению числа эмигрантов из СССР, хотя на деле и не будем против фактического их увеличения.

30 августа я позвонил лично Форду и сообщил ему следующее: Брежнев рассмотрел конфиденциальное обращение президента относительно Кудирки. В качестве жеста доброй воли в отношении лично президента литовскому матросу будет предоставлена возможность выехать из СССР вместе с матерью.

Форд поблагодарил за то, что Брежнев удовлетворил его личную просьбу. Он просил передать также Генеральному секретарю, что в целом наступает момент, когда советско-американские отношения после некоторого затишья в последние недели пребывания президента Никсона в Белом доме и последующего переходного периода передачи власти от одного президента к другому могут и должны получить дальнейшее развитие.

Нельсон Рокфеллер - вице-президент США

В 20-х числах августа Форд объявил о своем решении назначить Нельсона Рокфеллера на вакантный пост вице-президента, который он сам ранее занимал. Киссинджер не скрывал своего удовлетворения по поводу такого назначения, ибо Н.Рокфеллер давно ему покровительствовал.

Интерес в конгрессе к официальному обсуждению этой кандидатуры был огромный, ибо он позволял впервые конкретнее заняться вопросом, давно являющимся предметом любопытства миллионов американцев: „А сколько же все-таки стоит Рокфеллер?" По словам Киссинджера, Рокфеллер и сам толком не знал точного размера своего состояния, которое складывалось в основном из многочисленных акций в банках и промышленных корпорациях; большой земельной собственности в разных местах США и за границей, цена которой все время росла; и огромной уникальной коллекции произведений искусства, которую вообще трудно оценить.

Сам Киссинджер, характеризуя свои личные отношения с Н. Рокфеллером, заметил в шутливой форме, что если он, по тем или иным причинам, уйдет с поста госсекретаря, то всегда может рассчитывать на место в качестве просто секретаря при Рокфеллерах: „Жалованье будет не меньше".

6 сентября я встретился с Нельсоном Рокфеллером за обедом, устроенным Киссинджером. Вначале у меня была беседа наедине с Рокфеллером, так как Киссинджер задерживался у президента.

Когда я пришел, Рокфеллер по телефону разговаривал с женой, которая сходилась в Нью-Йорке, спрашивая ее, в каких банках находятся ее личные

деньги и сколько конкретно. По словам Рокфеллера, когда он женился на ней, его не очень интересовало, сколько у нее было денег; однако сейчас -в связи с рассмотрением в конгрессе его кандидатуры на пост вице-президента - у него спрашивают и такие данные. Он добавил, что проверкой его биографии ныне занимается около 400 агентов ФБР, которые интервьюируют всех, кто с ним ранее встречался. Делается это по указанию лидеров конгресса, поскольку впервые в истории США создалось положение, когда и президент (Форд), и вице-президент (Рокфеллер) занимают эти посты не в результате всеобщих выборов, а по назначению ввиду скандальных отставок их предшественников (Никсона и Агню).

Рокфеллер заметил, что в целом эта процедура „просвечивания" малоприятная, но приходится на нее идти с учетом настроений, созданных в стране „уотергейтом". Но бывало и хуже, добавил он. Например, в 1964 году, когда он соперничал с сенатором Голдуотером за право выдвижения кандидатуры на пост президента от республиканской партии, во время коктейля в его честь наиболее рьяные сторонники Голдуотера (без ведома последнего) подлили в коктейли какое-то зелье, в результате чего чуть было не произошло массовое отравление сторонников Рокфеллера. „Нравы у нас, порой, самые дикие, и к ним надо быть готовым, если выбираешь себе дорогу политического деятеля".

Рассказывая об этом и некоторых других случаях из своей жизни Рокфеллер, чувствовалось, делал это с заметным удовольствием, как бы подчеркивая, что он старый ветеран на политической авансцене США и что назначение его сейчас на пост вице-президента далеко не случайно.

Говоря затем о его отношении к СССР, он признал, что ему приходилось делать антисоветские заявления, особенно на должности губернатора штата Нью-Йорк, где он должен был считаться с сильным еврейским влиянием. Рокфеллер вместе с тем подчеркнул, что в Москве ныне не должно быть сомнений в том, что он будет поддерживать президента Форда в пользу развития отношений с СССР. Он будет продолжать поддерживать и деятельность в этом направлении Киссинджера, с которым его связывают узы долгой дружбы.

Для ознакомления с делами, связанными с отношениями с СССР, я и попросил Генри устроить мне встречу с советским послом, добавил он.

По ходу разговора мы кратко коснулись отдельных сторон советско-американских отношений, в которых он разбирался довольно поверхностно. Он вел беседу в дружественном тоне, как бы показывая своим видом и поведением, что с назначением его на пост вице-президента мы будем иметь дело „с новым Рокфеллером".

Когда пришел Киссинджер, мы приступили к обеду и продолжали беседу уже втроем.

Разговор начался с замечания Киссинджера о том, что они придают большое значение установлению личных контактов новых руководящих лиц администрации, президента Форда и вице-президента Рокфеллера с представителями Советского правительства, учитывая важный характер советско-американских отношений. Он сказал, что новая администрация не считает себя лишь „переходной ступенью" от одной власти к другой, а надеется быть в Белом доме по крайней мере 6 лет. В этой связи для новой администрации небезразличны те результаты в области советско-американских отношений, с которыми она придет на президентскую кампанию 1976 года.

Киссинджер сказал, что хотел бы попросить меня кратко изложить лично для Рокфеллера суть советского подхода к отношениям с США и основным проблемам взаимоотношений как в международном, так и в двустороннем плане. Он тут же бросил реплику, что с Рокфеллером можно обсуждать самые доверительные детали наших отношений, ибо он обо всем этом уже информировал его для сугубо личной ориентировки.

Я в сжатой форме изложил наш подход к различным аспектам советско-американских отношений и международным проблемам.

Киссинджер не вмешивался в мое изложение, считая, видимо, что оно понятно Рокфеллеру. Лишь когда я коснулся тезиса о желательности совместных скоординированных усилий СССР и США в решении ближневосточной проблемы, Рокфеллер вопросительно посмотрел на Киссинджера. Последний тут же бросил реплику о том, что „свобода действий Вашингтона в этой области имеет свои пределы".

Киссинджер не стал при Рокфеллере расшифровывать свою реплику о „пределе" для возможных совместных действий с нами. Однако, когда после обеда мы с ним задержались для обсуждения некоторых текущих дел, Киссинджер сам вернулся к этому вопросу и сказал, что хочет сугубо неофициально пояснить свою точку зрения на этот счет, придав ей более расширенное толкование, а не только в рамках Ближнего Востока.

Он сказал, что „предел" возможностей США определялся в значительной степени их взаимоотношениями с союзниками по НАТО и, как правило, „ревнивой и болезненной" реакцией последних на советско-американские совместные действия. Киссинджер развил далее мысль, что разрядка в отношениях между СССР и США влияла, конечно, одновременно на крепость союзов в рамках НАТО и Варшавского договора, но что Вашингтону, в силу ряда специфических моментов, гораздо труднее становилось контролировать НАТО, чем Москве - страны Варшавского договора. Разрядка в этом смысле бьет гораздо сильнее по НАТО, чем по блоку стран во главе с СССР.

Киссинджер, конечно, не случайно ушел от разговора насчет поднятого мною вопроса о желательности совместных скоординированных усилий СССР и США в решении ближневосточных проблем. Фактически суть его собственных дипломатических усилий исподволь всегда сводилась к тому, чтобы изолировать или исключить - по возможности без лишнего шума -Советский Союз из процесса ближневосточного урегулирования, руководство которым он считал исключительной монополией самих США.

Красноречивое признание на этот счет сделал Форд в своих мемуарах. Рассказывая о своей подготовке к встрече с Громыко 20 сентября, он с удовлетворением отмечал, что Киссинджер добился значительного успеха в ослаблении влияния Советского Союза на Ближнем Востоке. Тогда же он сказал Киссинджеру о своем намерении продолжать придерживаться такого же курса в этом районе.

Надо признать при этом и то, что у Советского Союза тогда, по сущест-5 было действительно самостоятельной политики по ближневосточному Урегулированию. Наши союзники в регионе злоупотребляли готовностью учитывать и отстаивать их интересы и фактически очень часто -пользовали нас для блокирования тех или иных миротворческих инициатив, которые время от времени проявлялись, в том числе и с американской стороны. Все это мешало любому конструктивному советско-американскому сотрудничеству в вопросах ближневосточного урегулирования.

Д ФОРД -
ПРЕЗИДЕНТ США

Наряду с назначением Н.Рокфеллера на пост вице-президента Форд внес еще одно важное изменение в аппарате Белого дома. Он решил заменить генерала Хейга на посту главы этого аппарата своим человеком, Хартманном. Хотя Форд неплохо относился к Хейгу, он все же считал, что известная всем близость последнего к Никсону сохраняла нежелательный „никсоновский ореол" вокруг Белого дома. Уход Хейга развязывал Форду руки для кадровой реорганизации и создания собственного аппарата. К тому же Хейг слишком много знал о Форде как вице-президенте. Взаимная психологическая перестройка происходила непросто. Вот почему Форд предпочел держать Хейга подальше, предложив ему важный пост командующего войсками НАТО в Европе.

Избавился впоследствии Форд и от министра обороны Шлесинджера, который своим высокомерием и стремлением доминировать в военных вопросах с самого начала восстановил Форда против себя.

Форд принимает экипажи космических кораблей обеих стран

7 сентября президент Форд принял у себя в Белом доме трех советских космонавтов и трех американских астронавтов, которые готовились к стыковке в космосе в следующем году советского и американского космических кораблей. На соответствующих моделях кораблей, которые уже были в Белом доме, командир нашего экипажа полковник Леонов вызвался пояснить президенту процесс стыковки. Сделал он это на неплохом английском языке.

На встрече присутствовали также жены и дети космонавтов и астронавтов. Форд сфотографировался вместе с ними. Со мной и моей женой была 5-летняя внучка Катя, которая стояла в стороне вместе с нами, хотя ей очень хотелось сфотографироваться вместе с президентом. Но бабушка ее придерживала, чтобы не нарушать порядок. Форд, однако, заметил мою внучку и спросил, не хочет ли она сняться вместе с ним. Она храбро ответила: „Хочу". Он предложил ей тогда выбрать место в его кабинете, где ей хотелось бы сфотографироваться. Она подошла к большому красочному глобусу, который стоял на полу и был по размеру с нее ростом, обняла половину глобуса и сказала: „Давайте здесь фотографироваться". Форд рассмеялся, подошел к глобусу, обнял другую его половину, отметив, что они с ней поделили между собой земной шар поровну. У меня в кабинете до сих пор висит эта фотография с автографом президента США.

Форд затем предложил нам всем слетать с ним на президентском вертолете в город Александрия (пригород Вашингтона), где он жил последние 25 лет до того, как переехал в Белый дом.

Жители города, а также пожарная и полицейская ассоциации города устроили там в честь президента Форда, их соседа по старому местожительству, так называемый „крабник" (по аналогии со словом „пикник", только угощали здесь местными крабами с пивом). Многочисленные жители, присутствовавшие на встрече, дружно приветствовали президента и его советских гостей. Все это передавалось по телевидению на всю страну.

Когда мы летели на вертолете обратно, Форд поинтересовался, как я оцениваю первые дни его пребывания в Белом доме. Я сказал, что, как мне кажется, внесено явное успокоение „в общественное сознание Америки,

которое долгое время было взбудоражено спорами и дискуссиями вокруг „уотергейта". Страну явно лихорадило, особенно в последние месяцы. Сейчас это все больше остается позади и страна возвращается к повседневным, насущным делам. Заметил при этом, что, по моему мнению, он, как президент, сыграл большую положительную роль во всем этом внутреннем процессе. Выразил надежду, что такую же положительную роль он сможет вскоре активно играть и во внешнеполитических делах, в том числе и в советско-американских отношениях.

Форд сказал, что таково и его желание, но сначала надо обязательно сделать все, чтобы преодолеть глубокий раскол и разногласия среди миллионов американцев, добиться „внутреннего мира". Сейчас „кошмар уотергейта" позади, хотя отголоски его будут давать о себе знать еще долго. Форд подтвердил сведения о том, что одним из первых его актов как президента было распоряжение очистить Овальный кабинет в Белом доме от всяких записывающих устройств.

Президент отметил, что ему необходимо теперь основательно заняться внешними делами. Ему потребуется еще некоторое время, чтобы хорошо разобраться в них. Он очень надеется на свою предстоящую рабочую встречу с Брежневым в ноябре месяце и рассматривает ее как начало конкретного делового сотрудничества с СССР и лично с Генеральным секретарем.

Форд особо подчеркнул значение, которое он придавал необходимости достижения договоренности по ограничению стратегических вооружений. Важно это и для отношений между нашими странами, и для хода президентской предвыборной борьбы 1976 года. Он добавил, что возлагает определенные надежды на поездку в Москву Киссинджера в октябре месяце.

С 18 сентября по 5 ноября в Женеве проходили очередные советско-американские переговоры по ОСВ, но, как и раньше, ключевые вопросы рассматривались по конфиденциальному каналу и во время поездки Киссинджера в Москву.

Интересны свидетельства самого Форда. Накануне принятия присяги на пост президента в связи с уходом Никсона он имел длительный разговор с Киссинджером по международным делам с упором на наиболее важные вопросы. Перспективы их решения оставались неопределенными. Лишь одним „светлым пятном" в ходе этого обсуждения, вспоминает он, была возможность достижения соглашения с Советским Союзом по ограничению стратегических вооружений. Никсон и Брежнев уже договорились о встрече с этой целью осенью текущего года. Киссинджер спросил Форда, должен ли он добиваться реализации этой советско-американской договоренности. Форд решительно подтвердил свою заинтересованность в такой встрече.

Проблема еврейской эмиграции из СССР

В середине октября во время очередной встречи с Киссинджером я поднял, в частности, вопрос о публикации писем, которыми обменялись госсекретарь и сенатор Джексон относительно эмиграции из СССР в связи с рассмотрением конгрессом вопроса о предоставлении советской стороне режима наибольшего благоприятствования.

Я сказал Киссинджеру, что он нарушил негласную договоренность с Громыко о том, что никаких конкретных уровней эмиграции из СССР, а тем

более увеличение этих уровней по сравнению с 1973 годом не будет упоминаться в этой переписке, поскольку Советскому правительству трудно юридически заранее фиксировать число желающих выехать из СССР. Подчеркнул, что именно нарушение этой договоренности дало Джексону повод утверждать, что мы чуть ли не соглашаемся на „ежегодную квоту в 60 тыс. эмигрантов", что вводит в заблуждение общественность. Сказал в заключение, что мы оставляем за собой право выступить с публичным разъяснением своей позиции. Вскоре Громыко прислал Киссинджеру официальное письмо, в котором „категорически отклонялась интерпретация" советской позиции в указанной переписке.

Киссинджер чувствовал себя явно неловко, поскольку такая договоренность действительно имела место.

На следующий день Киссинджер сообщил, что он переговорил с президентом Фордом относительно публичного заявления сенатора Джексона и передачи в печать текста писем, которыми в личном плане обменялись сенатор и госсекретарь по вопросу об эмиграции из СССР.

Президент просил передать Брежневу и Громыко, что он возмущен поведением Джексона и считает, что сенатор „поступил как свинья". Во время личного разговора Форда с Джексоном было лишь условлено, что сенатор может сказать прессе, что была достигнута в принципе договоренность между конгрессом и Белым домом о предоставлении Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования на основе компромисса по эмиграционному вопросу в СССР. Джексону не давалось согласие на публикацию писем, носивших конфиденциальный характер. Однако Джексон, едва выйдя из кабинета президента, тут же в Белом доме устроил пресс-конференцию и передал в печать тексты самих писем. В этой связи Белый дом намерен опубликовать свое разъясняющее заявление.

В целом весь этот эпизод лишь укрепил мое личное убеждение в том, что сенатор Джексон не стремился к поиску компромисса, а предпочитал подогревать этот вопрос для того, чтобы привлечь внимание общественности к своей персоне. Администрация же, хотя и стремилась к такому компромиссу (к чему в определенных пределах была готова и советская сторона), побаивалась проеврейской оппозиции в конгрессе и пыталась всячески маневрировать. В целом же вопрос об эмиграции - и догматическое упорство в этом вопросе советского руководства - продолжал все больше осложнять наши отношения.

Подготовка к встрече глав двух стран

Накануне отлета Киссинджера в Москву я коснулся в беседе с ним 20 октября вопроса о влиянии нынешней обстановки в США на внешнеполитический курс администрации Форда. Киссинджер сказал, что президент, продолжает встречаться со своими многочисленными друзьями-конгрессменами. В результате этого, Форд незаметно для себя постоянно подвергается большому психологическому воздействию со стороны этих конгрессменов. А последние на все внешнеполитические вопросы смотрели прежде всего через призму внутриполитических дел, т. е. под углом того, как это будет расцениваться в тех мелких избирательных округах, которые они представляли в палате представителей и от которых они, безусловно, хотели бы быть избранными и на следующих выборах.

Этот „местечковый подход", сказал госсекретарь, пока оказывал в известной степени сковывающее воздействие на внешнеполитическое мышление Форда, хотя последний и уделял все больше внимания более глубокому изучению проблем внешней политики. Форд твердо заявил ему, что намеревается баллотироваться в президенты в 1976 году.

По его словам, президент понимает важность достижения договоренности с СССР по наиболее важным вопросам в течение следующего года с тем, чтобы предвыборный 1976 год прошел под флагом уже имеющихся достижений в этой области и необходимости следовать этому курсу на будущее.

22 - 27 октября Киссинджер провел в Москве подробное обсуждение основных элементов возможного соглашения (с использованием обеими сторонами конкретных цифровых данных по разным типам вооружений), с тем, чтобы при встрече во Владивостоке достичь принципиальной договоренности по этому вопросу. Обсуждение проходило сложно.

Суть расхождений сводилась к следующему. Мы настаивали, чтобы в новом соглашении учитывались американские ядерные средства передового базирования и соответствующие ядерные средства союзников США по НАТО - Англии и Франции. Американская же сторона по-прежнему упорно возражала против этого. Более того, под нажимом военных администрация Форда добивалась включения в новое соглашение ограничений на советские тяжелые межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) наземного базирования, в частности, запрета на оснащение их разделяющимися головками индивидуального наведения (РГЧ).

Позиции Форда на переговорах осложнялись тем обстоятельством, что внутриполитическая обстановка складывалась для администрации неблагоприятно. Несмотря на усилия президента Форда, промежуточные выборы в конгресс 5 ноября закончились плачевно для республиканской партии. Она потеряла сорок мест в палате представителей и четыре в сенате. Все это предвещало немалые трудности для Форда с новым конгрессом в 1975 году, в том числе и в отношениях с СССР.

Тем временем в Москве и Вашингтоне шла интенсивная подготовка к встрече на высшем уровне во Владивостоке. В ходе моих нескольких встреч с Киссинджером в середине ноября удалось подготовить основные материалы к встрече во Владивостоке, хотя и не по всем вопросам имелось согласие. Трудности продолжались по ОСВ. Пентагон стремился ужесточить американскую позицию, пользуясь и тем, что Форд еще не полностью владел тематикой переговоров.

Касаясь намеченной поездки Форда в Японию (18 22 ноября), Киссинджер сказал мне, что ее цель - „подтянуть Японию к США". По его словам, главная опасность для Японии - возрождение национализма. Японцы, как муравьи: каждый в отдельности не производит на нас большого впечатления, сказал он. Однако, когда муравьи собираются вместе, они могут сделать многое, и картина получается впечатляющая.

Мы, продолжал госсекретарь, провели в правительстве США негласную прикидку насчет готовности Японии к восстановлению .своего военного потенциала. Мы держим это в тайне. Она показала, что японцы по ключевым направлениям военной техники подошли к ситуации, когда в случае необходимости они смогут в течение 3-5 лет снова стать первоклассной военной державой. При этом японцы делали все это под прикрытием гражданский промышленности с помощью тщательно продуманных мер,

явно рассчитанных на возможность указанной выше ситуации. США не могут не учитывать это. Поэтому мы весьма внимательно следим за развитием японского национализма и возможного образования на этой основе японо-китайского союза. В конечном счете такой союз был бы направлен не только против СССР, но и США. В то же время США стремятся развивать дружественные отношения и с Японией, и с Китаем.

2. ВСТРЕЧА ВО ВЛАДИВОСТОКЕ (23 - 24 НОЯБРЯ 1974 ГОДА)

Переговоры и итоги

Церемония проводов Форда, вылетавшего с визитом в Японию и СССР состоялась на лужайке Белого дома. Из дипломатического корпуса были: посол Японии и я. Форд стал по очереди прощаться с провожающими его официальными лицами. Когда он подошел ко мне, я обратил внимание, что он был без головного убора, как это часто принято в США даже зимой. Я сказал ему, что надо для Сибири запастись хорошей меховой шапкой. Такой добрый совет дают сами сибиряки, ибо с морозом там шутки плохи.

Форд несколько растерянно сказал, что у него вообще нет никакой шапки, поскольку он их никогда не носил. Я тут же сделал ему „сибирский подарок": снял свою меховую шапку, купленную в Москве, и вручил ему. Он ее примерил - она подошла по размеру. Он носил ее все время, пока был в СССР. В ней же он снят на всех фотографиях тех дней.

В тот же день я вылетел в Москву, чтобы успеть попасть на спецсамолет, на котором во Владивосток вылетали Брежнев и Громыко. Я впервые физически ощутил огромные размеры своей страны. Оказалось, что расстояние от Нью-Йорка до Москвы действительно несколько меньше, чем от Москвы до Владивостока. Когда мы были в воздухе, то выяснилось, что из-за снежной бури в районе Владивостока посадка там запрещена и надо ночевать в Хабаровске. Тем временем во Владивостоке по тревоге подняли одну из дислоцированных там дивизий, которая и расчистила от огромных сугробов аэродром для нашего самолета.

Для нас и американской делегации были приготовлены отдельные дачи в поселке, где обычно отдыхали руководители Дальневосточного региона (примерно в 20 км от Владивостока).

Брежнев попросил меня осмотреть дом, приготовленный для Форда: все ли там в порядке и все ли там „на должном уровне". Я сходил туда. Там уже был и американский персонал, который осваивал хозяйство. Зашел я и в спальню президента, охраняемую уже морским пехотинцем. Оттуда я проверил прямую телефонную связь с Вашингтоном, позвонив жене в наше посольство. Все было, как говорится, о'кей. Лишь разница во времени была 12 часов.

На следующий день Брежнев и члены делегации на пригородном поезде поехали на военный аэродром, где обычно размещались истребители-перехватчики ПВО и куда должен был сесть самолет Форда. К аэродрому

подъехали на автомашинах. Зрелище сюрреалистическое: огромное снежном поле, без деревьев и почти без строений (они вместе с ангарами были укрыты под землей). Все засыпано глубоким снегом, лишь одна расчищенная ночью посадочная полоса. Когда Форд вышел из самолета, он был явно поражен этим белым безмолвием вокруг, точно как в рассказах Джека Лондона об Аляске.

После взаимных приветствий, без каких-либо протокольных церемоний все сели в автомашины и поехали к поезду, который стоял в двух-трех километрах в лощине. Когда поезд тронулся, Брежнев пригласил Форда в свой вагон „на чай", который был „разбавлен" несколькими рюмками коньяка. Разговор носил обычный характер. Оба они вспоминали свое спортивное прошлое. Форд пожаловался, что в Вашингтоне даже небольшой снег вызывал значительные трудности. Брежнев в шутливой форме пообещал прислать ему русские снегоочистители. Затем Форд вернулся Е свой вагон для краткого отдыха.

В этот момент у Брежнева случился спазм сосудов мозга. Усилиями профессора Чазова и других врачей удалось восстановить состояние здоровья, но они советовали отложить переговоры с Фордом. Брежнев, однако, категорически отказался и настоял, чтобы о случившемся никому ничего не говорили. Переговоры начались в назначенное время на следующий день.

Брежнев испытывал сильное, нервное напряжение. Предстояло вести сложные переговоры, причем Брежнев и Форд впервые встречались друг с другом. Вопросы ограничения стратегических вооружений не были заранее согласованы до конца, т. е. надо было принимать решения на месте, в ходе переговоров, что представляло трудности для Брежнева (впрочем, как и для Форда). К тому же у Брежнева начали проявляться первые признаки атеросклероза сосудов мозга (хотя в тот момент, кроме его лечащих врачей, об этом никто не знал)*.

Итак, 23 - 24 ноября 1974 года недалеко от Владивостока в небольшом местном районном клубе состоялась рабочая встреча Брежнева и Форда. С советской стороны в ней принимали участие Громыко, министр гражданской авиации Бугаев, посол Добрынин, помощник Брежнева Александров, член коллегии МИД Корниенко, с американской стороны - Киссинджер, посол США в СССР Стоссел, помощник президента Рамсфелд, советник государственного департамента Сонненфелдт, заместитель государственного секретаря Хартман, заместитель помощника президента по национальной безопасности генерал Скоукрофт.

Два дня шли интенсивные напряженные переговоры. Это была поистине Деловая встреча без обычных протокольных формальностей, целиком заполненная переговорами.

Главное место в переговорах с Фордом в ходе, в общем-то, весьма непродолжительной встречи заняли вопросы, касавшиеся выработки нового долгосрочного соглашения по ограничению стратегических наступательных вооружений. Обсуждение этих вопросов заняло весь первый день встречи.

Переговоры по этим вопросам были нелегкими. Помимо крайней сложности обсуждавшихся вопросов самих по себе достижение взаимо-

После Владивостока Брежнев поездом отправился с визитом в Монголию. По дороге у него произошло сильное нарушение мозгового -кровообращения. Он впал в невменяемое состояние. С трудом врачам удалось поставить его на ноги, но он настоял на продолжении поездки.

приемлемой договоренности по ним затруднялось еще и тем, что позиция Белого дома в этих вопросах во многом определялась не только соображениями существа дела, но и привходящими моментами, связанными с внутриполитической борьбой в США.

Американская делегация несколько раз уединялась для уточнения своей позиции. В интересах конспирации обсуждение происходило во дворе. Лидирующую роль в переговорах играл Киссинджер, так как Форд не знал еще всех деталей, но зато президент лучше своего госсекретаря ориентировался в трудностях защиты той или иной договоренности с СССР в американском сенате.

Были свои сложности внутреннего порядка и у советской делегации. Дело в том, что американская позиция - в период между визитом Киссинджера в Москву и встречей во Владивостоке - заметно ужесточилась. Пришлось искать новые компромиссы уже по ходу переговоров. Брежнев несколько раз звонил в Москву, чтобы согласовать с ведущими членами советского руководства свою позицию. У него состоялся даже крупный разговор с министром обороны Гречко, который совместно с Подгорным резко выступал против дальнейших уступок американцам. Брежнев вынужден был употребить весь авторитет Генерального секретаря, чтобы отстоять свою позицию. Для этого ему пришлось звонить в Москву, в том числе Косыгину, Устинову и Андропову, чтобы заручиться и их поддержкой.

Несколько слов о сути самих переговоров по ОСВ, не вдаваясь глубоко в подробности. При длительных многолетних переговорах по ОСВ (которые закончились затем подписанием соответствующего соглашения в Вене в 1979 году) перед обоими правительствами стояла фундаментальная задача: как договориться по стратегическим наступательным вооружениям, структура которых у обеих стран была совершенно различна (второй трудной задачей стала договоренность о действенном контроле за выполнением заключенных соглашений).

Надо сказать, что начиная с 50-х годов американцы строили свой стратегический арсенал по принципу триады, т. е. на земле, на море и в воздухе. Советский Союз на начальной стадии концентрировал свои усилия на строительстве крупных ракет наземного базирования. В 1974 году речь, по существу, шла о нахождении непростого компромиссного баланса между количественно превосходящим числом советских ракет наземного базирования с большим забрасываемым весом боеголовок и качественно (и количественно) превосходящими американскими стратегическими ракетами „триады" США с разделяющимися боеголовками повышенной точности, которых у СССР в тот момент было мало.

Во Владивостоке на первом же заседании Брежнев предложил достичь так называемую рамочную договоренность на 10 лет, которая предусматривала бы равные максимальные числа, за которые обе стороны не могли выходить, но имели бы свободу действий в структурах своих стратегических сил в рамках этих общих чисел. Такая договоренность не снижала уровень уже имевшихся стратегических вооружений, но ставила все же предел их дальнейшему росту (до этого предела обе стороны могли еще „добирать" некоторое количество ракет разного базирования).

Американская делегация попросила устроить перерыв. Интенсивность и напряженность переговоров нарастали. Форд и Киссинджер несколько раз садились в американскую автомашину и по закрытому радиотелефону говорили с ключевыми людьми в Вашингтоне.

В конечном итоге все же удалось найти развязку по наиболее трудным вопросам нового соглашения.

Суть развязки: советская сторона пошла на существенную уступку, согласно которой американские ядерные средства передового базирования, как и ядерные средства Англии и Франции, снова не учитывались. В ответ США отступились от своего требования об ограничениях на советские тяжелые МБР, в том числе на их оснащение РГЧ. Поскольку на советских тяжелых ракетах можно было разместить значительно большее число РГЧ, чем на существовавших типах американских МБР. Это позволяло советской стороне в значительной степени компенсировать указанную выше уступку.

Были установлены равные суммарные количественные уровни стратегических вооружений обеих сторон на период до конца 1985 года: по 2400 носителей стратегического оружия (на земле, на море и в воздухе), а также равное количество ракет, которые стороны имеют право оснащать разделяющимися головными частями индивидуального наведения - не более 1320 единиц. Таким образом устранялся основной недостаток договора по ОСВ-1, который признавал неравенство суммарных уровней носителей ядерного оружия.

В сочетании с некоторыми другими элементами, касающимися, в частности, стратегической авиации, достигнутая договоренность должна была обеспечить выработку такого соглашения, которое отвечало бы принципу равенства и одинаковой безопасности сторон. Этот важный принцип, как известно, был официально зафиксирован в опубликованном документе по этому вопросу.

По ходу обсуждения Брежнев прямо заявил Форду, что далеко не все члены Политбюро считают ограничение вооружений хорошей идеей и что если он, Брежнев, сделает слишком много уступок, то потеряет их поддержку и сам окажется в трудном положении.

Надо сказать, что первый рабочий день встречи затянулся до полуночи. Делегации решили отказаться от ужина, обошлись бутербродами.

На второй день с 10 часов утра обсуждались международные проблемы. Достаточно подробно была рассмотрена ситуация на Ближнем Востоке.

Совместное итоговое коммюнике вновь подтвердило „практическую ценность советско-американских встреч на высшем уровне и их исключительную важность в формировании новых отношений" между США и Советским Союзом.

По окончании встречи Брежнев провез Форда и Киссинджера - по дороге на аэродром - по Владивостоку. Американские гости почему-то были удивлены, не увидев в городе китайских фанз - все строения были типично европейские. Они находились, видимо, под впечатлением китайской пропаганды, предъявлявшей тогда претензии на обширные дальневосточные территории Советского Союза, и думали увидеть характерные черты китайской архитектуры в городе. Но ничего этого, разумеется, не было. Форд признался, что ожидал увидеть Владивосток более азиатским городом, а не европейским.

Кисинджер пошутил, что уж он-то сам не будет говорить об этом китайцам при встрече с ними, чтобы не вызвать у них излишних эмоций.

В момент прощания на аэродроме Форд подарил Брежневу свою меховую шапку, сделанную из волчьих шкур, которую он получил во время поездки на Аляске. Брежнев тут же ее надел. Фоторепортеры получили хороший материал. Вообще говоря, в личном плане оба руководителя сошлись достаточно близко.

В целом обе стороны - учитывая краткость встречи во Владивостоке и ее определенную продуктивность - остались довольны итогами этой встречи.

По прибытии домой 24 ноября на военно-воздушную базу „Эндрюс" около Вашингтона Форд заявил, что его встреча с Брежневым прошла „очень, очень хорошо" (впоследствии в своих мемуарах он записал, что результаты встречи превзошли его ожидания).

Брежнев в своем докладе Политбюро дал высокую оценку итогам встречи во Владивостоке, особенно договоренности по ограничению стратегических вооружений. Он высказал также свое впечатление, что с президентом Фордом установлен неплохой личный контакт и что „с ним можно будет в дальнейшем иметь дело".

После встречи во Владивостоке

Однако в Вашингтоне президент столкнулся с сильной критикой противников разрядки, усмотревших в достигнутой во Владивостоке договоренности „печальный итог политики уступок давлению русских". Особенно им не понравился принцип равенства уровня ядерных вооружений и их ограничений определенными пределами. С резкой критикой выступили представители крайне правого крыла республиканской партии во главе с Рейганом, а также сенатор Джексон и его сторонники.

Надо сказать, что все это совпадало с ситуацией, когда эйфория вокруг объявленного президентом Фордом конца „общенационального политического кризиса, вызванного „уотергейтом", стала сходить на нет после подписания Фордом 8 сентября 1974 года указа о „полном, безусловном и абсолютном прощении вины" бывшего президента Никсона.

Начались спекуляции насчет сговора между Никсоном и Фордом: президентство в обмен на прощение - американцы в большинстве своем не одобряли выдачи индульгенции Никсону. „Самоограничение", наложенное вначале прессой на критику личности нового президента и деятельности возглавляемой им администрации, было снято. Стали широко цитировать неудачные высказывания президента, фоторепортеры и телеоператоры, казалось, задались целью снимать президента лишь в крайне неловких для него ситуациях.

Все это ослабляло уверенность президента в себе и в проводимой им политике.

И все же, оглядываясь. назад, надо прямо сказать, что встреча во Владивостоке была наивысшей точкой советско-американского сотрудничества и взаимного поиска договоренности за весь период президентства Форда. Сам Владивосток стал значительным рубежом, который постоянно фигурировал в последующих переговорах по ядерному разоружению.

Киссинджер рассказал мне, когда я вернулся в Вашингтон, что он обсуждал с президентом Фордом итоги советско-американской встречи во Владивостоке. Президент высоко оценивал свою первую встречу с Генеральным секретарем прежде всего с точки зрения установления с ним хорошего личного контакта и доверия.

Президент придавал особое значение достигнутой во Владивостоке договоренности по ОСВ, считая, что она является хорошей и важной основой на оставшийся двухгодичный срок его нынешнего президентства для

дальнейшего развития советско-американских отношений по всем направлениям. Именно это было основной темой выступления президента на заседании Совета национальной безопасности в Белом доме с участием основных членов кабинета, посвященном итогам встречи во Владивостоке. Он поручил Киссинджеру, Шлесинджеру, Колби и генералу Брауну выступить в соответствующих основных комиссиях конгресса с разъяснениями договоренности по ограничению стратегических вооружений, чтобы заранее ослабить оппозицию.

10 декабря по поручению обоих правительств между мною и Киссинджером состоялся негласный обмен конфиденциальными памятными записками по вопросу ограничения стратегических вооружений в соответствии с достигнутой во Владивостоке договоренностью.

В записках излагались согласованные положения (по конкретным типам и количествам - потолкам - соответствующих вооружений), которыми стороны будут руководствоваться при выработке соглашений по ограничению стратегических наступательных вооружений. Новое соглашение вступит в действие с октября 1977 года до декабря 1985 года и будет включать в себя соответствующие положения Временного соглашения от 26 мая 1972 года, которое остается в силе до октября 1977 года. Переговоры между делегациями СССР и США с целью выработки нового соглашения, которое будет включать достигнутые договоренности, возобновятся в Женеве в январе 1975 года.

„Новое соглашение, будучи основано на принципе равенства и одинаковой безопасности сторон, - указывалось в этих конфиденциальных записках, - будет включать в себя, в частности, следующие ограничения, которые будут применяться на протяжении срока действия этого соглашения:

а) В течение срока действия нового соглашения каждая из сторон будет иметь право располагать суммарным количеством носителей стратегического оружия, не превышающим 2400 единиц. В это число включаются пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет (МБР) наземного базирования, пусковые установки баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) и тяжелые бомбардировщики, если они оснащены бомбами или ракетами „воздух - земля" с дальностью действия не более 600 км. При оснащении бомбардировщика ракетами „воздух - земля" с дальностью свыше 600 км каждая такая ракета будет засчитываться как одна единица в общее суммарное количество носителей стратегического оружия (2400).

б) В пределах этого общего ограничения каждая из сторон будет свободна сама определять состав суммарного количества при условии выполнения согласованного запрещения на строительство новых пусковых установок МБР подземного базирования.

в) Каждая из сторон будет ограничена не более чем 1320 МБР и БРПЛ, оснащенных разделяющимися головными частями индивидуального наведения; в пределах этого суммарного количества каждая из сторон вправе сама определять типы и количество своих ракет, оснащенных такими головными частями".

Эти записки были завизированы мною и Киссинджером в качестве официальных документов. Одновременно с обменом памятными записками было негласно подтверждено сделанное во Владивостоке президентом конфиденциальное заявление о готовности США взять на себя обязательство отказаться от базирования американских подводных лодок с

баллистическими ракетами в Роте (Испания) после 1983 года (это соглашение не было тогда опубликовано).

Казалось, что после Владивостока переговоры по завершению договора по ОСВ были поставлены на правильные рельсы. Открывался наконец путь к быстрому завершению нового соглашения с существенно большими ограничениями стратегических наступательных вооружений по сравнению с Временным соглашением 1972 года. И Брежнев, и Форд хотели скорейшей договоренности. Новый импульс получили переговоры в Женеве на уровне соответствующих делегаций. В этом же направлении работали и •внешнеполитические ведомства обеих стран. Общий настрой в Советском Союзе был в пользу договоренностей.

Однако далеко не так обстояло дело в США. Противники разрядки и любых ограничений в гонке ядерных вооружений подняли шумную кампанию, которая отражала и разногласия в правительственных кругах США. К этой кампании активно подключились и средства массовой информации, разжигая споры и страсти вокруг возможной советско-американской договоренности по ОСВ и отношений с СССР вообще. Американский народ оказался сбитым с толку. Известные в стране политические деятели публично резко расходились во мнениях. В течение длительного времени американцы знали только о своем ядерном превосходстве. Теперь же договоренности о ядерном паритете вызывали в стране недоуменные вопросы и даже беспокойство. По-прежнему широко употреблялось в США не очень понятное французское слово „детант" (разрядка), которое воспринималось противоречиво.

К тому же вскоре после Владивостока большие споры и разногласия вызвали две новые системы оружия, до сих пор практически неизвестные: новые американские крылатые ракеты и новый советский бомбардировщик ТУ-22м, названный в НАТО „Бэкфайером", которые получили затем широкую известность в связи с переговорами по ОСВ (возник вопрос о том, как учитывать их во владивостокских договоренностях).

Короче, вокруг дальнейших переговоров по ОСВ возникла весьма противоречивая обстановка, которая оказалась особенно трудна для Форда ввиду надвигавшейся избирательной кампании. Эта обстановка вплоть до нового соглашения в 1979 году, уже при Картере, все время осложнялась разными обстоятельствами, периодически подвергавшими серьезным испытаниям процесс разрядки.

Снова вопрос о торговле

Когда мы с Киссинджером завтракали в госдепартаменте 18 декабря, взволнованный помощник госсекретаря передал ему только что полученное критическое заявление ТАСС вместе с опубликованным текстом письма Громыко, врученного в Москве Киссинджеру 26 октября о еврейской эмиграции из СССР. В заявлении ТАСС, со ссылкой на обсуждавшиеся в конгрессе США разного рода оговорки и поправки дискриминационного характера к законопроекту о торгово-экономических отношениях с СССР, говорилось, что „в руководящих кругах СССР категорически отвергают как неприемлемые всякие попытки, от кого бы они ни исходили, вмешиваться в дела, которые целиком относятся к внутренней компетенции Советского государства".

Киссинджер вначале вспылил по поводу того, что Москва не предупредила его относительно публикации письма Громыко. Он утверждал, что заявление ТАСС лишь осложнит рассмотрение соответствующего законопроекта в конгрессе (в этом он был прав, нам не следовало увлекаться публичными заявлениями по этому вопросу, но и он нарушил договоренность с нами).

Я прервал его и сказал, что в нынешнем виде законопроект, который сейчас обсуждался в конгрессе, носит еще более дискриминационный в отношении СССР характер, чем он был в 1972 году, когда оба правительства начали проводить политику разрядки в отношениях между обеими странами. Теперь дискриминация распространяется на торговлю и кредиты. Привел ему конкретные примеры из слушаний по этим вопросам. В то же время вызывает удивление, что ни президент, ни госсекретарь не выразили до сих пор протеста против явно дискриминационного законодательства. Президент Никсон, как известно, обещал использовать вето на такое законодательство, а нынешняя администрация вообще молчит.

Киссинджер заметно поостыл. Он стал звонить Скоукрофту. Тот подтвердил мои слова. Киссинджер выругался, что его не держат в курсе дела, и бросил трубку. Затем он позвонил президенту и рассказал ему о моем разговоре с ним.

Как можно было понять из их разговора, Форд признал, что действительно дело в конгрессе в целом приняло неблагоприятный оборот для советско-американских экономических отношений и что надо срочно принимать меры, но что до конца сессии конгресса осталось всего два дня. Он сказал Киссинджеру, что сегодня же надо собрать совещание в Белом доме и посмотреть, что можно сделать. Нельзя позволять конгрессу, подчеркнул он, постоянно „подрезать администрации крылья" в вопросе отношений с СССР и надо что-то предпринять в этом смысле с начала работы нового состава конгресса в 1975 году.

Ясно было, однако, что в оставшиеся дни администрация не могла уже повлиять на конгресс. 20 декабря конгресс одобрил законопроект о торговой реформе с поправками Джексона-Вэника и Стивенсона, в соответствии с которыми предоставление Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования в торговле и кредитах было обусловлено требованиями об изменении эмиграционной политики Советского Союза. Этот закон фактически надолго блокировал развитие торгово-экономических отношений между США и СССР.

Решение конгресса явилось весьма неприятным сюрпризом для руководства СССР. Дело в том, что оно постоянно недооценивало влияние американского общественного мнения и конгресса на американскую внешнюю политику, В Кремле, не испытывавшем такого воздействия у себя в стране, американский президент подсознательно рассматривался как своего рода верховный правитель, который в конечном счете и решает все дела. Отсюда и соответствующая реакция советского руководства.

25 декабря возмущенный Брежнев прислал Форду письмо в связи с дискриминационным законодательством, принятым американским конгрессом.

„...Мы считаем необходимым официально заявить, - говорилось в письме, - что принятые конгрессом США торговый и кредитный законы в части, касающейся СССР, неприемлемы для нас в своей основе по изложенным мотивам (т. е. дискриминация и вмешательство во внутренние

дела. - *А.Д).* Это, разумеется, освобождает и советскую сторону от тех обязательств, которые были взяты ею в едином комплексе договоренностей по торгово-кредитным вопросам (включая Соглашение о погашении задолженности по ленд-лизу). Таким образом, нашим торгово-экономическим отношениям, несомненно, нанесен серьезный ущерб, и это отнюдь не помогает развитию советско-американских отношений в других областях".

По данным Министерства внешней торговли СССР, в 1974 году объем торговли между СССР и США составил очень небольшую сумму в 742,2 млн. руб., экспорт в США - 177,3 млн. руб., импорт - 564,9 млн. руб.

Дискриминационное законодательство, принятое конгрессом, явилось ударом не только по экономическим, но и политическим отношениям между обеими странами, способствуя процессу подрыва разрядки.

Форд как личность и лидер

Вынужденная отставка Никсона нанесла сильный удар по позициям республиканской партии, номинальной главой которой он являлся. Руководитель республиканцев в сенате сенатор Скотт в беседе со .мной признал, что республиканская партия оказалась в очень тяжелом и сложном положении. Если не принять меры, чтобы выправить положение в стране, особенно в области экономики, то на следующих выборах республиканцы понесут крупные потери, включая и Белый дом.

К сожалению, сказал он, Форд, у которого большие президентские возможности, пока что не проявил достаточно воли, мужества и других качеств сильного лидера, чтобы помочь республиканской партии выбраться из создавшегося положения. Подспудно Форд еще не преодолел психологии конгрессмена и полностью не осознал еще тех огромных прав и возможностей, которые он имеет как президент страны. В известной степени он даже побаивается пользоваться в полной мере президентскими полномочиями, опасаясь, что отсутствие опыта в этих делах и неудачное применение прав президента может привести к неблагоприятным последствиям для его дальнейшей политической судьбы. Поэтому Форд проявляет чрезмерную осторожность в принятии ответственных решений, особенно непопулярных, что практически неизбежно, когда сталкиваешься с экономическими проблемами, отметил сенатор.

Отсюда стремление Форда оттягивать важные решения, советоваться с большим числом лиц. Была еще и обратная сторона медали: разные точки зрения, особенно старых друзей из конгресса, лишь путали Форда и затягивали принятие важных решений, подчас неотложных, особенно в связи со спадом деловой активности в стране.

Руководство республиканцев и сам Форд, сказал Скотт, возлагают большие надежды на вице-президента Рокфеллера, который мог бы привлечь на службу администрации „лучшие умы с Уолл-стрит", тем более что попытки самого Форда заполучить таких людей не имели пока успеха.

В ходе одной из бесед Киссинджер признал со своей стороны, что ему легче работать с Фордом, с которым он сотрудничал всего несколько месяцев, чем с Никсоном, хотя работал с ним более шести лет.

Никсон был гораздо лучше осведомлен в вопросах внешней политики, чем Форд. Кроме того, Никсон порой выдвигал свои идеи в области внешней политики (чего Форд пока не был в состоянии делать), которые

Киссинджеру было не так-то легко отклонять, ибо Никсон был упрям в отстаивании своих идей, независимо от их целесообразности. Иногда требовалась деликатная работа в течение 2-3 недель, чтобы отговорить Никсона от той или иной его идеи.

Никсон не ограничивался, как это сейчас делает Форд, рассмотрением одного предложения, которое вносилось ему на утверждение по определенному вопросу. Он обязательно требовал дополнительный материал, выяснял, как этот вопрос может оказать влияние на другие аспекты внешней политики - на отношения с СССР, Китаем, Индией и т. п. Другими словами, каждый раз надо было готовиться к рассмотрению вопроса с разных точек зрения, что занимало много времени и энергии, прежде чем президент принимал решение.

С Фордом в этом отношении гораздо проще. Он не задает побочных вопросов и не спрашивает о сложных взаимных переплетениях с другими проблемами. Он предпочитает, чтобы вносимый на его рассмотрение вопрос был ясно сформулирован и сопровождался ясной рекомендацией. При этом к вопросу он подходит прежде всего с внутриполитической точки зрения: как встретят его решение в конгрессе, в партии, в стране. А уж потом он думает о внешнеполитических последствиях.

Киссинджер сказал, что он сейчас старается приучить президента в одинаковой степени - как с внутренней, так и с внешней стороны - рассматривать принимаемые им решения, т. е. добиваться того, чтобы внутренние соображения не довлели над президентом по каждому внешнеполитическому вопросу.

Но, конечно, в вопросах внутренней политики президент гораздо более опытен, чем он сам. Поэтому подчас тут трудно спорить с ним, особенно с учетом предстоящих президентских выборов в 1976 году.

Никсон, продолжал сравнивать Киссинджер, в душе не был ярым консерватором, хотя он и был известен широкой публике как консерватор-антикоммунист. Он, скорее, использовал этот ярлык, чтобы добиваться своих целей. Он был готов при этом (когда чувствовал в этом необходимость) отходить от этого клише, например, в своей политике в отношении СССР и КНР.

Форд в этом смысле правее Никсона, более консервативен по своим убеждениям. Такой отпечаток на него наложило 25-летнее пребывание в палате представителей, которая в массе своей значительно консервативнее и гораздо больше обращена внутрь, а не вовне страны, как сенат. И эти же настроения, к сожалению, поддерживают у него старые друзья из конгресса, которые по-прежнему являются частыми гостями Форда.

Киссинджер отметил одну немаловажную деталь, касающуюся различия в характере двух президентов. Никсон, несмотря на репутацию решительного человека в кризисных ситуациях, на самом деле был весьма нерешительным и принимал решения после мучительных колебаний и бессонных ночей.

Форд не таков. Он не обременяет себя длительным анализом всех возможных сопутствующих проблем и соответствующих последствий, а, предпочитая упрощенные „ясные комбинации", склонен к принятию быстрых решений, от которых его нелегко потом отговорить. Соответственно он порой бывает даже более эмоционален, чем Никсон, хотя в повседневном обращении Форд более прост, человечен, доступен и готов выслушивать своих помощников.

Д.ФОРД-
ПРЕЗИДЕНТ США

В целом личные отношения для Форда играли гораздо большую роль, чем для Никсона. В этом смысле важное значение имело установление хороших личных отношений Форда с советскими руководителями, начало которому, судя по всему, было положено во Владивостоке.

Таков был 1974 год - год, полный драматизма во внутренней жизни США. Однако советско-американские отношения не подвергались серьезным кризисным испытаниям, как это бывало в предыдущие годы, а сохраняли относительно ровный характер, пройдя в целом без заметных- потерь период необычного перехода власти от одного президента к другому.

3. 1975 ГОД: РАЗРЯДКА ИДЕТ НА СПАД

Разногласия в США вокруг разрядки

Вступление США в 200-й год своей независимости совпало с наиболее глубоким за послевоенные годы экономическим кризисом в западном мире, ударившим и по американской экономике. Продолжалась также эрозия основных политических институтов страны в результате „уотергейтского" скандала, доверия населения к способности правительства, конгресса, всей государственной системы США сколько-нибудь удовлетворительно обеспечить их интересы. Сказывалось и крупнейшее в современной истории военно-политическое поражение США в Индокитае, которое сильно ударило по культу милитаризма в Америке, „ни разу не проигравшей войны", и вызвало эмоциональную „переоценку ценностей" в стране.

Президенту Форду в течение года не удалось заметно поднять свой политический авторитет в стране, хотя он и смог вывести себя и республиканскую администрацию из-под „тени Никсона". Он проявил себя в целом достаточно осторожным руководителем как во внешней, так и во внутренней политике, в том числе и в вопросах советско-американских отношений. Вместе с тем, как, пожалуй, ни один президент до него после второй мировой войны - тем более пришедший в Белый дом не путем общих выборов, - Форд был скован в своей деятельности на посту президента продолжающимся наступлением оппозиционно настроенного конгресса (где большинство принадлежало демократам) на широкий круг президентских прерогатив, в том числе в области формирования и проведения внешней политики.

Во второй половине 1975 года все большее влияние на поведение Белого дома и деятельность администрации в стране и на международной арене оказывали приближающиеся президентские выборы и, в частности, тот факт, что в самой республиканской партии Форду - ее титулованному лидеру (как президенту страны) - бросил открытый вызов ультраправый деятель Рейган, выдвинувший себя вторым кандидатом в президенты от этой же партии, что само по себе являлось весьма необычным событием в американской истории.

В 1975 году советско-американские отношения развивались на достаточно широкой базе договоренностей и соглашений, достигнутых в результате советско-американских переговоров на высшем уровне в 1972 - 1974 годах и встреч Брежнева и Форда во Владивостоке и в Хельсинки. Продолжали действовать и заключенные ранее двусторонние договоры и соглашения. В целом довольно бесперебойно работал механизм двусторонних связей и контактов. СССР впервые посетила с ответным визитом официальная делегация конгресса США. В конце года после сложных переговоров было подписано новое межправительственное соглашение между СССР и США по вопросам морского судоходства. После двухлетней задержки была ратифицирована конвенция между СССР и США по вопросам налого-обложения. Проведение совместного космического полета „Союз-Аполлон" наглядно продемонстрировало потенциальные возможности и результативность совместных советско-американских усилий в решении крупных научно-технических проблем.

На протяжении всего года продолжался, хотя и непросто, советско-американский диалог по выработке - на основе владивостокской договоренности - нового долгосрочного соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений. В марте вступила в силу конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсического оружия и об их уничтожении. США и СССР согласованно выступили на Женевской конференции по рассмотрению действия договора о нераспространении ядерного оружия, а в августе параллельно внесли в Комитет по разоружению в Женеве согласованный проект конвенции о запрещении военного использования средств воздействия на природную среду. Продолжались двусторонние переговоры по вопросам, связанным с проведением ядерных взрывов в мирных целях.

Администрация США, несмотря на серьезные сложности внешне-политического и внутреннего порядка, придерживалась в основном, хотя и с колебаниями, курса на разрядку, который был унаследован Фордом от Никсона. Форд принял и „доктрину Киссинджера" о поддержании „баланса сил" как основу внешнеполитической стратегии США, особенно применительно к „треугольнику" США-СССР-КНР в дополнение к своей собственной философии о необходимости „сильной Америки".

К концу 1975-го - началу 1976 года в США резко активизировалась - в силу специфики внутриполитической борьбы накануне президентских выборов - деятельность различных сил, выступающих против разрядки (сионистские круги, профсоюзная верхушка, консерваторы всех мастей и связанная с ними „большая пресса"). В результате внешняя политика США и ее американо-советский аспект стали подпадать под прямое воздействие предвыборных соображений, становиться объектом безответственной предвыборной демагогии, что начинало заметно сдерживать Белый дом в отношении новых крупных шагов или соглашений с СССР, которые могли бы вызвать дискуссию в предстоящий до выборов период. Главные противники Форда в предвыборной борьбе - Рейган и Уоллес - не скрывали своих намерений и дальше активно использовать лозунг, призывающий .изменить разрядку в пользу США". Вопрос о разрядке постепенно стал превращаться в глазах стратегов предвыборной кампании в довольно «спорный вопрос" с точки зрения успеха на выборах.

Немаловажным фактором в усилении в 1975 году негативных тенденций в отношении политики разрядки, кроме постоянно действующего идеологического фактора, был „кризис" исполнительной власти, т. е. довольно сильное ослабление в сравнении с предыдущими администрациями позиций самого Белого дома после „уотергейта". Не избранный, а назначенный президент, каким являлся Форд, вынужден был постоянно оглядываться на правые круги, а также на конгресс, который после „уотергейтского" скандала настаивал на усилении своей роли в управлении страной, особенно в области внешней политики. Это ограничивало ведущую роль Белого дома в этой сфере, не говоря уже о том, что „комплекс неполноценности" президента несколько сковывал его решимость. Пентагон, ЦРУ и другие ведомства заставляли его порой уступать их нажиму, а также давлению связанных с ними кругов и идти на компромиссы с оппонентами (например, по ОСВ), на которые в других условиях президент, возможно, и не пошел бы. Стремясь обеспечить поддержку правого крыла своей партии на съезде, который должен был выбирать республиканского кандидата в президенты, Форд „правеет", позволяет порой нарочито жесткие высказывания по отдельным проблемам отношений с СССР. Он вводит в лексикон администрации тезис „о недопустимости односторонней разрядки", дающей якобы преимущество Советскому Союзу, особенно в „третьем мире".

Осложнение положения Киссинджера также сыграло свою роль. Утрата им поста помощника президента по национальной безопасности и, как следствие, кресла председателя в ряде важных межведомственных комиссий заметно ослабила его возможность влиять на решения Белого дома по внешней политике, хотя он по-прежнему оставался ведущей фигурой в этой области. Правые круги обвиняли его в „чрезмерной уступчивости" Москве, либеральные - в забвении „моральной стороны" внешней политики („права человека" и т. п.), в излишнем прагматизме и т. д. Усилились нападки на него и в конгрессе: большинство законодателей-демократов в стремлении ослабить „монополию исполнительной власти" все чаще ставил палки в колеса дипломатии Киссинджера. Внутри кабинета у него было немало противников, ближайшее окружение Форда не упускало случая подставить ему „подножку". Все это действовало на Киссинджера. Он становился более нервозным, более противоречивым в действиях, чем раньше. Однако в крупном плане Киссинджер все же оставался в администрации основным сторонником поддержания политики разрядки в наших отношениях, хотя в его внешнеполитических акциях и заявлениях стала проявляться непоследовательность.

Сказывалось и идеологическое противостояние, которое порой без всякой нужды осложняло отношения Москвы с США по вопросам -особенно регионального порядка, - не затрагивавшим реальные национальные интересы СССР. Срабатывал инстинкт „интернациональной помощи" тем, кто хотя бы на словах заявлял о своей приверженности „идеям социализма". В США же это расценивалось как сознательное стремление Кремля ущемить американские интересы. Типичным примером была гражданская война в Анголе, в которую вслед за Кубой оказались вовлеченными СССР, с одной стороны, и США - с другой. Более активно осуществлялась установка Киссинджера на увязку региональных событий с решением более важных вопросов советско-американских отношений, что, в свою очередь, тормозило развитие этих отношений. Ближний Восток и Куба оставались постоянными раздражителями.

В силу разных причин не состоялся планировавшийся, но постоянно откладывавшийся визит Брежнева в США в 1975 году, который мог бы дать очередной импульс советско-американским отношениям и, в частности, способствовать заключению соглашения по ограничению стратегических вооружений.

Советско-американские отношения испытывают на прочность

Новый, 1975 год начался с официальной регистрации неудовлетворительного состояния советско-американских торгово-экономических отношений.

3 января Форд подписал Закон о торговой реформе 1974 года с поправками Джексона-Вэника и Стивенсона, которые предоставляли Советскому Союзу режим наибольшего благоприятствования первоначально сроком на 18 месяцев, но лишь при условии изменения порядка выезда советских граждан на постоянное жительство за границу; кредиты Экспортно-импортного банка США Советскому Союзу ограничились суммой 300 млн. долл. на 4 года. СССР было отказано в кредитах на добычу полезных ископаемых.

Президент Форд решил лично заверить Брежнева, что, несмотря на этот закон, его подход к советско-американским отношениям остается неизменным. В своем письме Брежневу от 8 января Форд писал, что США будут настойчиво продолжать политический курс, проложенный в последние годы. „Я считаю договоренность во Владивостоке по ограничению стратегических вооружений весьма важной, и я настроен оптимистически в отношении того, что оставшаяся работа может быть завершена во время Вашего визита в нашу страну позднее в этом году. Этот визит, г-н Генеральный секретарь, будет, я уверен, еще одной важной вехой в исторической эволюции наших отношений". Таким образом, президент явно исходил из перспективы новой встречи с Брежневым.

10 января Правительство СССР уведомило правительство США об отказе ввести в действие соглашение между правительствами СССР и США о торговле от 18 октября 1972 года в связи с дискриминационными поправками в новом американском торговом законодательстве. Вместе с тем публично было заявлено, что этот отказ не означает изменений в политике разрядки, которую проводил Советский Союз во взаимоотношениях с США.

Вскоре Киссинджер сообщил мне, что правительство Форда согласно с тем, что, несмотря на серьезный ущерб, нанесенный нашим торгово-экономическим отношениям ввиду безответственных действий конгресса, обеим странам надо делать все необходимое, чтобы продвигаться и дальше вперед в наших отношениях в тех областях, которым обе стороны отдавали много сил.

Киссинджер высказал далее мнение, что по крайней мере надо сосредоточить внимание на двух важных предполагаемых международных событиях, имеющих прямое отношение к дальнейшему развитию наших отношений: визит Брежнева в США и подписание соглашения об ограничении стратегичемких вооружений, а также общеевропейское совещание, которое, как они думают, теперь завершится многосторонней заключительной встречей на высшем уровне в этом году.

Д.ФОРД- ПРЕЗИДЕНТ США

В середине января состоялся новый обмен посланиями руководителей двух стран, на этот раз о намерении США использовать свои вооруженные силы на Ближнем Востоке. „В Москве обратили внимание, - говорилось в послании Брежнева Форду, - на заявления, которые имели место в последнее время в США, о возможности при определенных условиях использования американских вооруженных сил на Ближнем Востоке. Мы хотели бы уточнить у президента, чем вызваны такие заявления и какую цель они преследуют? Обращаясь с этим вопросом, мы исходим из того, что его постановка нами соответствует и духу имеющейся между нашими странами договоренности о консультациях при возникновении определенных обстоятельств..."

15 января Киссинджер передал ответ Форда на наш запрос. „Советское правительство может быть уверено, что США полностью выполнят обязательства, которые они взяли на себя по соглашениям с СССР в отношении консультаций в определенных ситуациях".

От себя Киссинджер добавил, что у правительства США нет никаких планов вооруженной интервенции в арабские страны. Для интересов США на Ближнем Востоке проведение на деле такой интервенции было бы равносильно политическому самоубийству. Это была чисто политическая акция направленного характера с целью предотвратить попытки арабских экстремистов применить арабское нефтяное эмбарго против США.

В январе Форд направил Брежневу еще одно письмо, воспользовавшись тем, что я собирался вылететь в Москву.

Президент заверял, что „никакое окончательное урегулирование на Ближнем Востоке не может быть достигнуто или оказаться прочным без поддержки и сотрудничества Советского Союза".

Откровенно говоря, заявление Форда о готовности сотрудничать с нами на Ближнем Востоке для меня прозвучало, скорее, как тактическое маневрирование, а не изменение стратегического курса США на исключение СССР из активного процесса ближневосточного урегулирования. Возможно, это было „превентивной дипломатией" с целью предотвратить любые осложнения на Ближнем Востоке в период предвыборной кампании в США.

Что же касается, в частности, ближневосточного урегулирования, то, несмотря на всю дипломатическую активность вокруг созыва ближневосточной конференции - Громыко и Киссинджер встречались трижды в течение первого полугодия, - вопрос этот не получил какого-либо реального продвижения. Киссинджер тянул с этим делом.

1 марта Брежнев получил обстоятельное письмо Форда о состоянии советско-американских отношений. „По основному вопросу о сохранении наших отношений и о дальнейшей работе по их улучшению и по ослаблению международной напряженности у нас имеется полное согласие", - писал президент. С этих позиций, считал он, нужно подходить к проблемам, которые являлись предметом переговоров или обсуждения между обеими сторонами.

„Прежде всего мы обязаны предпринять серьезные неослабевающие усилия по превращению договоренности о стратегических вооружениях, достигнутой во Владивостоке, в соглашение по всей форме и подготовить окончательные документы для подписания во время Вашего визита в США. Терпение и добрая воля помогут решить все эти вопросы".

В конце марта Киссинджер, сославшись на поручение Форда, вновь подчеркнул намерение администрации и лично президента продолжать курс

на разрядку. Делать подобные чисто декларативные заявления было не в духе Киссинджера. В ходе беседы я почувствовал некоторую настороженность администрации в отношении того, как мы будем вести дела с президентом Фордом, когда администрация все еще сталкивается сейчас с растущими внутренними затруднениями, а также неудачами на внешнеполитических фронтах. Я подтвердил нашу принципиальную линию на разрядку.

Киссинджер сказал, что было бы хорошо определить в скором времени примерную дату визита Брежнева в США. Он подчеркнул, что политические противники Форда уже пытаются - пока исподволь - использовать отсутствие договоренности о дате новой встречи в качестве еще одного повода для нападок на президента и утверждений относительно неэффективности его политики. Киссинджер сказал, что визит мог бы состояться, по их мнению, в начале августа или в начале сентября.

Госсекретарь назвал внутриполитическое положение в США очень сложным. Сам Форд лично сказал ему, что если экономика страны к концу года или к весне следующего года не выправится, то у него будет не много шансов добиться победы на президентских выборах осенью 1976 года.

Форд сохранял пока курс на разрядку и на встречу прежде всего как важный элемент своей предвыборной стратегии. Такой я сделал вывод из беседы с Киссинджером.

Предвыборная кампания в США стала сказываться и на публичных заявлениях президента по советско-американским отношениям. 11 апреля президент Форд выступил на совместном заседании обеих палат, где, уступая •правым кругам, в частности, заявил: „Пока я на посту президента, мы не допустим, чтобы разрядка превратилась в лицензию на то, чтобы ловить рыбу в мутной воде. Разрядка должна быть двусторонним процессом". Вместе с тем он признал: „Необходимо серьезно пересмотреть использование торговых и экономических санкций как средства изменения международного поведения других государств... Не следует питать иллюзий по поводу характера советской системы, но и не следует питать иллюзий в отношении того, как вести с ней дела".

Тем временем в апреле между Москвой и Вашингтоном продолжалось согласование дат важнейших международных встреч и совещаний.

Брежнев сообщил Форду, что он в принципе согласен с предложенным им примерным графиком, а именно:

июнь - возобновление работы Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку;

июль - завершающий этап Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе на высшем уровне;

- примерно через два месяца после этого визит Брежнева в США.

Таким образом, Москва подтверждала встречу на высшем уровне с конкретным сроком. Любопытно, что обе стороны считали также в тот момент возможным согласование спорных вопросов по ОСВ к этому сроку.

Конец войны во Вьетнаме. Посредническая роль СССР на последнем этапе

Правительство Форда, придя к власти, оказалось перед лицом стремительного ослабления позиций США и краха их системы союзов в Восточной Азии. Вскоре после вступления в должность Форд направил

сайгонскому диктатору Тхнеу конфиденциальное послание, в котором заверял его в американской поддержке. До последнего момента республиканская администрация пыталась спасти марионеточные режимы в Сайгоне и Пномпене.

Однако все эти усилия окончились крахом. К концу апреля проамериканские режимы полностью развалились. 17 апреля капитулировали ставленники США в Камбодже. 30 апреля пал Сайгон. В декабре Лаос был провозглашен Народно-демократической республикой. В сентябре совет СЕАТО принял решение о ликвидации аппарата блока.

В критические дни падения Сайгона, когда речь шла о поспешной эвакуации оттуда американцев, Форд счел необходимым обратиться к Москве.

Киссинджер передал 19 апреля „весьма срочное обращение" президента Форда к Брежневу с настоятельной просьбой использовать добрые услуги Советского правительства в целях обеспечения временного прекращения военных действий в Южном Вьетнаме. Это „позволило бы спасти жизни и осуществить непрерывную эвакуацию американцев и тех южновьетнамцев, перед которыми США несут особую ответственность".

Киссинджер дал следующие пояснения в развитие устного послания президента: Форд, по существу, просит Брежнева оказать добрые услуги „по окончательному завершению всей вьетнамской трагедии"; с такого рода просьбой президент не обращался больше ни к кому, включая китайцев. Белый дом окончательно решил полностью эвакуировать из Южного Вьетнама всех американцев.

Таким образом, и на последнем этапе ухода из Вьетнама Вашингтон обращался „за добрыми услугами" к Москве.

20 апреля я передал для президента Форда сообщение от Брежнева, что его послание рассматривается в Москве со всем вниманием.

24 апреля Брежнев направил Форду новое сообщение. В нем указывалось, что в связи с обращением президента советское руководство установило соответствующие контакты с вьетнамской стороной. Вьетнамцы заверили, что они не намерены в ходе военных действий чинить какие-либо препятствия эвакуации американских граждан из Южного Вьетнама. В том, что касается достижения политического урегулирования, вьетнамская сторона будет исходить из Парижского соглашения. Вьетнамцы не имеют в виду наносить ущерб престижу США.

Форд поблагодарил Брежнева за его усилия.

Через неделю Киссинджер обратился с новой срочной просьбой от имени, Форда в связи с артиллерийским и ракетным обстрелом сайгонского аэродрома, а также комплекса зданий вокруг посольства США в Сайгоне. Действия Ханоя, несмотря на заявления об обратном, являются прямым, несомненно, преднамеренным ударом по престижу администрации и лично президента, так как они хотят показать, что американцы уходят под прямым нажимом северовьетнамцев, утверждал госсекретарь.

Я обратил внимание Киссинджера, что в конгрессе и в печати критикуют замедленные по неизвестным причинам темпы эвакуации американцев из Сайгона, хотя все это можно было сделать в два-три дня.

Спустя месяц, 28 мая, я (по поручению Москвы) сообщил генералу Скоукрофту, что руководители ДРВ просили нас передать американской стороне следующее: „Руководство ДРВ выступает за хорошие отношения с США, основанные на взаимном уважении. Исходя из этого и с учетом

рекомендаций советского руководства, вьетнамская сторона проявила сдержанность при освобождении Сайгона, когда американцам была предоставлена возможность беспрепятственно завершить эвакуацию своего персонала. Она стремилась сделать все необходимое, чтобы не ухудшать отношений с США в будущем. Во Вьетнаме не питают враждебности к США и хотели бы того же и с американской стороны".

Получив это сообщение, Киссинджер поинтересовался, действительно ли это обращение исходило от самого высокого уровня в Ханое. Я подтвердил это.

Через несколько дней Скоукрофт передал мне следующий ответ США: „Американская сторона получила послание от руководства ДРВ, переданное через советские каналы, о том, что во Вьетнаме не питают враждебности к США и что ДРВ выступает за хорошие отношения.

Американская сторона в принципе не испытывает враждебности в отношении ДРВ. Американская сторона предлагает руководствоваться этим принципом во взаимоотношениях между двумя странами и готова выслушать любые предложения, которые пожелает выдвинуть ДРВ".

На деле же отношения между США и ДРВ оказались надолго замороженными. На этом закончилась долгая вьетнамская трагедия, вызванная интервенцией США. Дипотношения между ними были установлены лишь в 1995 году.

Завтрак у сенатора Джексона

26 июня я завтракал с сенатором Джексоном у него дома. Жил он в небольшом двухэтажном доме, обставленном подчеркнуто скромно, хотя сам дом был расположен в престижном районе столицы. Сенатор с гордостью отметил, что его дети ходят в общую городскую школу (где учатся вместе белые и негры), хотя дети почти всех его соседей учатся в дорогих частных школах. Когда я пришел, он позвал своих ребят, чтобы „поздороваться с советским послом".

Беседа началась с шутливого замечания Джексона о том, что, наверное, в СССР люди пугаются, когда упоминается его имя, ибо думают, что у сенатора на голове рога. Я ответил ему в тон, что наших людей, прошедших суровую школу жизни, трудно чем-либо запугать. Конечно, они читают те или иные заявления сенатора по вопросам советско-американских отношений. Если говорить откровенно, то у советских людей от этих речей и заявлений впечатление самое нелестное.

Сенатор сказал, что он ценит мою прямоту и, собственно, с этой целью он и хотел откровенно переговорить со мной. Затем с горячностью он стал развивать свою точку зрения. В подтексте всех его высказываний красной нитью проходила мысль о том, что его подход к СССР не так уж сильно отличается от позиций Никсона или Форда, однако, в то время как последние играют в дипломатию, он говорит более прямолинейно. И его позиция во многих случаях совпадала и совпадает с фактической линией поведения обеих администраций во внешнеполитических делах. Взять, например, проблему военных ассигнований. „У меня в этом вопросе одинаковая позиция с администрацией Форда. Мы – за сильную Америку."

По словам Джексона, „неискренность" администрации Никсона, утаившей вначале от конгресса ставшее известным позже письмо Громыко

Киссинджеру по вопросу об эмиграции из СССР, создала у лидеров конгресса, включая его самого, ошибочное впечатление, что Москва в конечном счете „уступит". Лишь под конец выяснилось, что это не так, но в силу накала эмоций нельзя уже было как-то подправить дело путем разумного компромисса. В результате мы все сейчас оказались в тупике, никто не выиграл.

Джексон заметил попутно, что Форд оказался недостаточно сильным президентом, неспособным восстановить былой авторитет Белого дома в конгрессе, особенно в канун президентских выборов.

В целом из беседы с сенатором Джексоном складывалось впечатление, что он вроде начал осознавать, что на сугубо антисоветской платформе ему вряд ли удастся успешно бороться за пост президента. Впрочем, откровенно говоря, я никогда не верил, что он сможет стать президентом, но всегда считал полезным как-то нейтрализовать явный антисоветизм этого влиятельного сенатора.

15 июля в конференц-зале госдепартамента была организована необычная прямая трансляция телепередачи из СССР о запуске космического корабля „Союз" по совместной программе „Союз-Аполлон". Американский корабль был запущен на орбиту несколькими часами раньше. Зал был полон: президент, госсекретарь, члены правительства, конгресса, многочисленная пресса. Мне пришлось пережить несколько томительных минут, так как это был вообще первый советский запуск, который прямо показывали по телевидению („А вдруг что случится?"). Все обошлось благополучно. В зале было хорошее настроение. Стыковка в космосе произошла 17 июля. Все это было хорошим свидетельством возможности сотрудничества между двумя странами в решении сложнейших научно-технических задач.

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Встреча Форда и Брежнева

30 июля - 1 августа 1975 года в Хельсинки проходил завершающий этап Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это была самая большая встреча глав европейских стран после Венского конгресса 1814-1815 года, но на этот раз с участием еще США и Канады. Всего в ней участвовало 35 стран.

В течение ряда лет США весьма прохладно относились к созыву такой конференции, считая, что они от этого ничего не выиграют. Тем временем было подписано соглашение между Востоком и Западом о статусе Западного Берлина. Советский Союз выразил готовность начать переговоры в Вене по взаимному и сбалансированному сокращению обычных вооружений стран Варшавского договора и НАТО. Ход событий привел к тому, что с 1973 года стороны начали конкретно планировать созыв европейского совещания по вопросам безопасности, что и было осуществлено в 1975 году. Основополагающие документы, подписанные в Хельсинки, содержали обязательства участников в трех ключевых сферах: безопасности, экономики и гуманитарному сотрудничеству, с включением сюда вопроса о свободе передвижения людей и обмена идеями, а также о соблюдении прав человека (участники совещания называли их договоренностями „по трем корзинам").

Надо сказать, что советское руководство с самого начала переговоров интересовали лишь первые две „корзины" (безопасность и торговля). Особое значение при этом придавалось признанию совещанием законченности послевоенных европейских границ. Вместе с тем оно стремилось всячески ослабить третью „корзину", по-прежнему считая гуманитарные вопросы своим внутренним делом, а не международными вопросами, по которым Москва должна была дать определенные обязательства; в противном случае западные страны отказывались идти навстречу в вопросах о границах и по некоторым другим аспектам первых двух „корзин". Борьба вокруг всего этого и продолжалась с 1973 года вплоть до самого совещания в Хельсинки.

По мере того как приближалась намеченная дата встречи в Хельсинки, в Политбюро разгорались горячие дискуссии по поводу документов, которые предстояло подписать там Брежневу от имени Советского правительства. Все поддерживали первую „корзину", а также вторую, хотя оставалось еще немало несогласованных вопросов. Упорный спор шел вокруг третьей „корзины". Многие члены Политбюро считали неприемлемым принятие на себя международных обязательств по вопросам, которые до сих пор Москвой рассматривались как чисто внутренние. Речь действительно шла о принятии Кремлем нелегкого для него принципиального решения.

В конце концов, на заключительном заседании в Политбюро восторжествовала „компромиссная" точка зрения Громыко. Его аргументация сводилась к следующему. Главным вопросом для СССР является вообще признание послевоенных границ и сложившейся политической карты Европы. Такое признание было бы большой политической и пропагандистской победой для СССР. Кроме того, открывались пути для разнообразного сотрудничества и переговоров по разным вопросам с западными участниками совещания в Хельсинки. Что касается гуманитарных вопросов, то регулирование степени их выполнения по конкретным делам, говорил Громыко, все равно оставалось бы в руках Советского правительства. „Мы хозяева в своем собственном доме". Короче, заранее негласно признавалась возможность игнорирования отдельных гуманитарных обязательств.

Решающую роль сыграл Брежнев, который активно поддержал Громыко. Брежневым двигало амбициозное стремление участвовать в подписании важных международных документов в таком представительном форуме, как совещание в Хельсинки. Он хорошо понимал, что получит очень большое „паблисити" прежде всего дома, когда советский народ узнает об „окончательном" решении вопроса о послевоенных границах. Что касается гуманитарных вопросов, то о них можно будет и не говорить дома сколько-нибудь подробно (по существу, такого подхода придерживалась советская пресса после Хельсинки). Правда, пришлось опубликовать текст принятых в Хельсинки документов в официальной прессе, и они были взяты на вооружение диссидентами, но положение последних внутри страны еще долго оставалось неизменным, хотя их отъезд за рубеж стал более свободен, он даже „поощрялся" властями в отдельных случаях.

В другой ситуации оказался президент Форд. „Ни один из моих визитов за рубеж в годы президентства, - писал он в своих мемуарах, - не вызывал такого широкого непонимания". Подписывая хельсинкские соглашения, он рассчитывал на поддержку в США прежде всего потому, что Советское правительство давало наконец важные обязательства по нашумевшим на Западе гуманитарным вопросам, включая эмиграцию и права человека.

Кроме того, в обмен на признание общих послевоенных границ СССР признавал право изменения национальных границ в Европе „мирными средствами", что сохраняло перспективы германского объединения.

Однако правые круги в США, особенно эмиграция из стран Восточной Европы, встретили участие Форда в Хельсинки шумной критикой. С резкими заявлениями выступили Рейган и сенатор Джексон. Недовольны были и в конгрессе. Часть прессы усматривала во всем этом „руку Киссинджера" (хотя хочу засвидетельствовать, он большого энтузиазма в отношении встречи в Хельсинки не проявлял). Суть критики сводилась к тому, что США в лице Форда санкционировали „ялтинский раздел" Европы и советское господство в Восточной Европе.

На деле же итоги Хельсинки во многом содействовали процессам либерализации внутри Советского Союза и восточноевропейских стран, что ъ конечном счете привело к коренным переменам в этих странах. Этого явно недооценили Брежнев и его сподвижники.

1 августа состоялась церемония подписания Заключительного акта. 30 июля и 2 августа в Хельсинки прошли две встречи Брежнева и Форда. В основном обсуждались вопросы ограничения стратегических вооружений.

После встречи в 1974 году во Владивостоке делегации обеих стран в Женеве старались найти решение спорных вопросов. Кое в чем они добились успеха. Однако в связи с быстрым развитием военной техники, которая явно опережала ход переговоров, появились новые сложные проблемы.

В США быстро развивалось производство крылатых ракет, которые при определенных условиях становились новым видом наступательных стратегических вооружений. Именно в массированном развертывании крылатых ракет американские военные и связанные с ними правые круги видели возможность - за счет технического превосходства США - получить преимущество над СССР в стратегической области. Соответственно советская сторона стала настаивать на ограничении и учете крылатых ракет в рамках владивостокской договоренности.

В Советском Союзе тем временем был создан новый бомбардировщик, названный, по терминологии НАТО, „Бэкфайер". Советская сторона заявляла, что этот самолет среднего радиуса действия, так как он не достигал территории США. Американская же сторона доказывала, что при дозаправке горючим в воздухе этот самолет мог долететь до США, а значит, он становился стратегическим бомбардировщиком, который должен был включаться в уровни, установленные договоренностью во Владивостоке. До 1979 года проблема „Бэкфайера" в значительной степени искусственно подогревалась в переговорах такими американскими противниками разоружения, как Перл, Роуни, и др. Это впоследствии признал в беседе со мной Киссинджер.

Длительная беседа в Хельсинки между Брежневым и Фордом не привела к компромиссному решению этих вопросов (Форд признает в своих мемуарах, что определенную роль в этом сыграла ужесточившаяся позиция министра обороны Шлесинджера и начальников штабов, которые были решительно против каких-либо ограничений на крылатые ракеты, а также уступок по самому „Бэкфайеру").

Были, правда, достигнуты некоторые договоренности по отдельным вопросам, но они не устраняли принципиальное разногласие.

В результате было решено, помимо дальнейшего обсуждения всех вопросов обеими делегациями в Женеве, вернуться к главным проблемам во

время предстоящей поездки Громыко в США в сентябре на Генеральную Ассамблею, а также намечаемой поездки Киссинджера в Москву в декабре.

Соответственно в Хельсинки не нашел своего решения главный вопрос о конкретных сроках визита Брежнева в США (мы не хотели фиксировать дату встречи, пока не будет ясности с договором по ОСВ). Но в принципе была достигнута договоренность о значительной закупке в США зерна.

Разгул антисоветской кампании в США

Через неделю после встречи Форда и Брежнева в Хельсинки состоялась моя беседа с Киссинджером.

Президент Форд, сказал он, хотел бы в неофициальной форме просить Брежнева все же определиться с его визитом в США, так как президент хотел бы внести ясность в свое собственное политическое расписание на ближайшие 5-6 месяцев. Если Генеральный секретарь по каким-то причинам считает целесообразным вообще отложить пока свой визит в США, то президент готов будет принять и это его решение без какой-либо обиды. Политика есть политика. Но президент просит определиться относительно визита.

Разговор зашел о пропагандистской обстановке в США, а именно о разгуле антисоветизма, раздуваемого средствами массовой информации и определенными политическими кругами.

Киссинджер признал, что эта разнузданная пропаганда начинает тревожить и саму администрацию. Президент и он сам перед поездкой в Хельсинки для подписания Заключительного акта общеевропейского совещания предвидели, что этот шаг президента вызовет определенную негативную реакцию консервативных кругов, но в целом, взвешивая плюсы и минусы, они считали, что администрация во внутриполитическом плане (с учетом предвыборной кампании) все же получит больше плюсов.

Однако совершенно неожиданно и для Белого дома, и для него самого все средства массовой информации, все консерваторы и либералы обрушились с тенденциозных, откровенно антисоветских позиций на документ, подписанный в Хельсинки, и осудили факт подписания его Фордом. Критика продолжается и сейчас, добавил Киссинджер.

Усиление вообще антисоветских выступлений в США и нападок на политику разрядки озадачивает Белый дом. Президент собрал специальное совещание по этому вопросу. Администрацию Форда обвиняли в том, что она „слишком мягка и уступчива" в отношении Москвы (и международного коммунизма в целом) и что вообще политика разрядки выгодна СССР, а не США.

Подобная линия - обвинения в излишней „мягкости" администрации в отношении Москвы - объединяла и консерваторов, и либералов, которые в то же время враждовали между собой по остальным вопросам. Консерваторы осуждали все, что было связано с переговорами по ограничению стратегических вооружений. Поэтому они обвиняли администрацию в том, что она „слишком много уступает русским на переговорах". Либералы осуждали администрацию за то, что она недостаточно твердо защищала „гуманитарные вопросы", особенно вопросы эмиграции из СССР, а также не осуждала преследование там диссидентов. И те, и другие подняли шумиху по поводу того, что Форд не принял Солженицына.

Даже вопрос о продаже зерна Советскому Союзу стал предметом антисоветской кампании (хотя продажа была выгодна американским фермерам) - население запугивали грядущим ростом цен на хлеб в самих США.

Как сказал в заключение Киссинджер, президент все же уверен, что его курс на разрядку в целом пользуется поддержкой рядовых американцев и он намерен его продолжать, хотя борьба в этом плане в ходе предвыборной кампании и будет нелегкой.

Надо сказать, что высказывания Киссинджера и содержащиеся в них оценки общего сложного внутреннего положения в США, отличавшегося резким всплеском антисоветской кампании, достаточно точно характеризовали положение вещей. Главный вопрос заключался, однако, в том, насколько администрация Форда в рамках надвигающейся сложной предвыборной кампании в США сумеет сохранить свой нынешний курс в отношении СССР и не поддаться искушению скорректировать его вправо в тех или иных аспектах с учетом внутреннего давления, которое на нее оказывается и будет оказываться в предстоящие полтора года. У меня были опасения на этот счет. Ведь не случайно министр обороны Шлесинджер в одном из своих выступлений договорился до „возможности применения Соединенными Штатами ядерного оружия против СССР" (мы заявили протест, Киссинджер ответил, что высказывания этого министра „не соответствуют позиции самого президента").

В своей телеграмме в Москву об этой беседе с Киссинджером я настойчиво рекомендовал определиться с датой новой встречи на высшем уровне, ибо отсутствие нашего конкретного ответа по этому вопросу стало вызывать раздражение в Белом доме, да и нам самим, видимо, следовало бы продумать перспективу отношений с администрацией до новых президентских выборов в США.

Эта телеграмма обсуждалась на Политбюро и подтолкнула советское руководство конкретно определиться в вопросе о встрече. При этом учитывался тот факт, что на февраль 1976 года намечался съезд партии, и Брежневу важно было добиться накануне съезда продвижения на американском направлении. Немалые надежды связывались с тем, что в ходе новой встречи с Фордом будет подписано соглашение по ОСВ.

13 августа я передал послание Брежнева Форду, в котором, в частности, указывалось: „Мы предлагаем сейчас, чтобы визит состоялся либо в конце ноября, либо в первой половине декабря, если это приемлемо для президента".

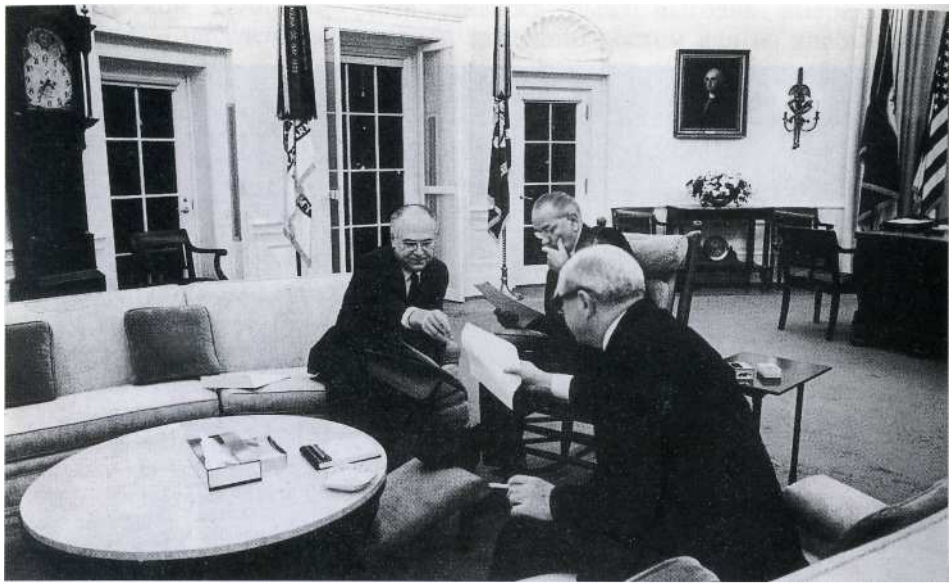
Президент тут же предложил начать официальную часть визита Брежнева в США с 16 ноября или с 15 декабря.

Сложности в отношениях США и СССР

Казалось бы, вопрос о новой встрече на высшем уровне был окончательно улажен. Однако на пути к этой встрече оказались непреодолимые препятствия.

Ближний Восток продолжал оставаться предметом раздора между Москвой и Вашингтоном. Соглашение между Египтом и Израилем о частичном отводе израильских войск из Синайской пустыни было достигнуто при одностороннем посредничестве США. В этой связи Брежнев

Прибыл с женой Ириной в нью-йоркский аэропорт по пути в Вашингтон, чтобы приступить к обязанностям посла. Март 1962 года



Переговоры с президентом Л.Джонсоном с участием госсекретаря Д.Раска в Овальном кабинете в Белом доме. 1967 год

Обсуждение с президентом Л.Джонсоном событий вокруг Чехословакии. Август 1968 года

Бывший президент США Г.Трумэн принимает нас у себя дома.
Январь 1965 года

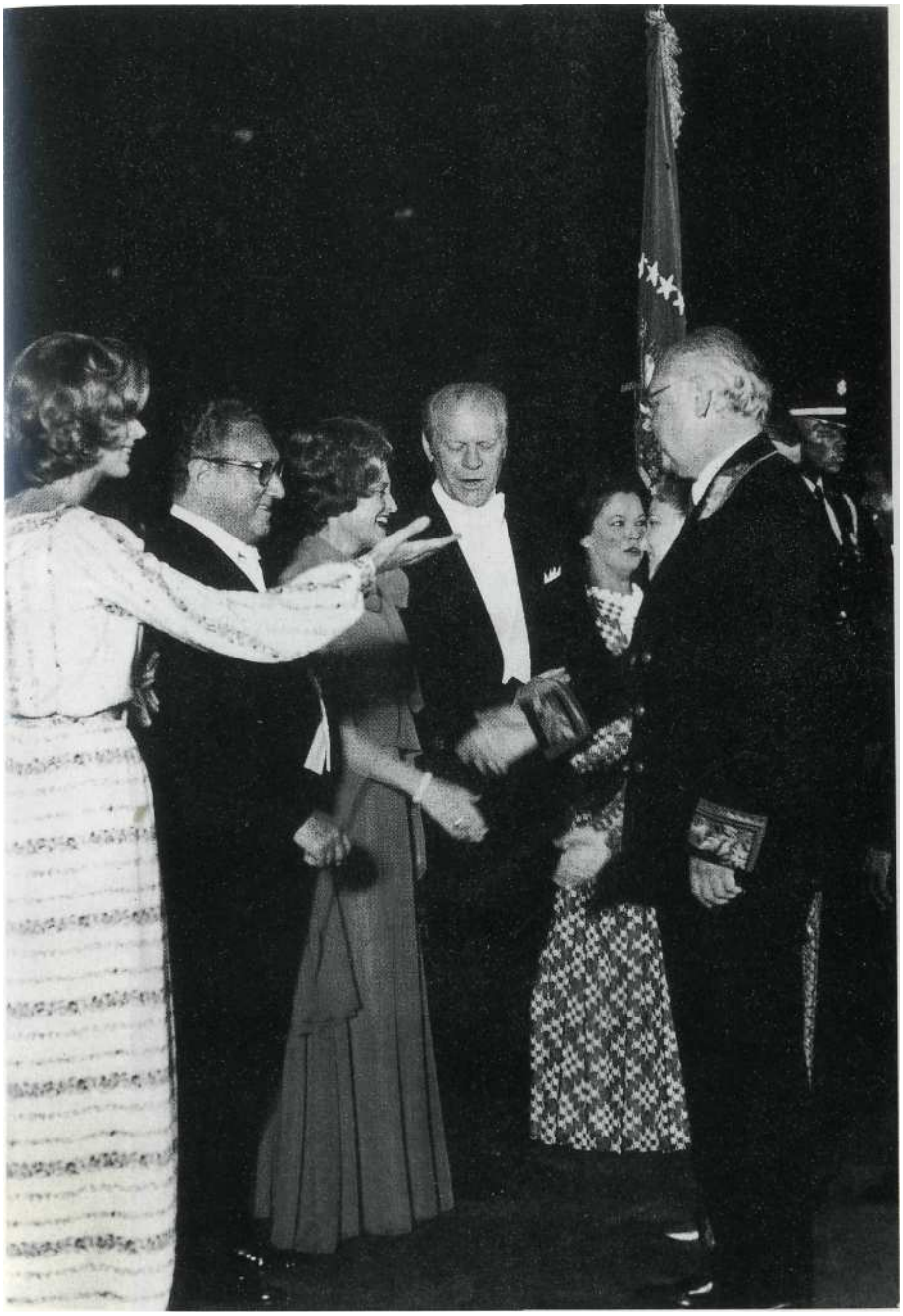
Первая встреча с президентом Никсоном, Москва.
Май 1972 год

Личным водителем у нас был президент США, Сан-Клементе,
штат Калифорния. Июль 1972 года

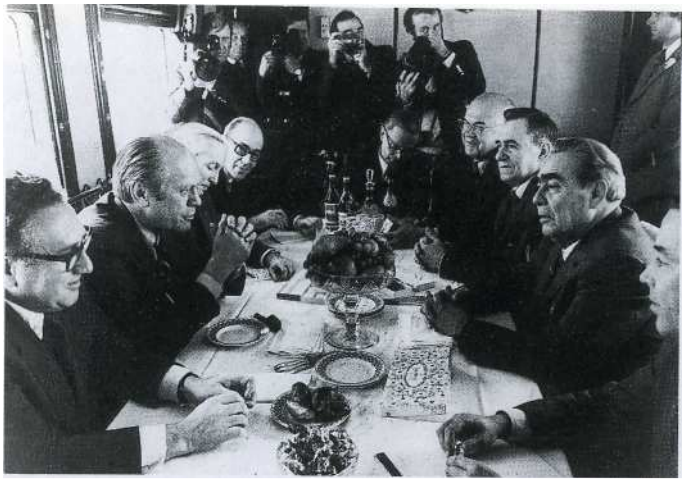
В калифорнийской резиденции президента Р.Никсона „Каса Пасифика".
Июль 1972 года

Беседа с президентом Р.Никсоном за его рабочим столом в Белом доме.
Декабрь 1973 года

На одной из конфиденциальных бесед с Г.Киссинджером в Белом доме.
Май 1972 года



Президент Дж. Форд с супругой принимает гостей в Белом доме.
Июль 1976 года

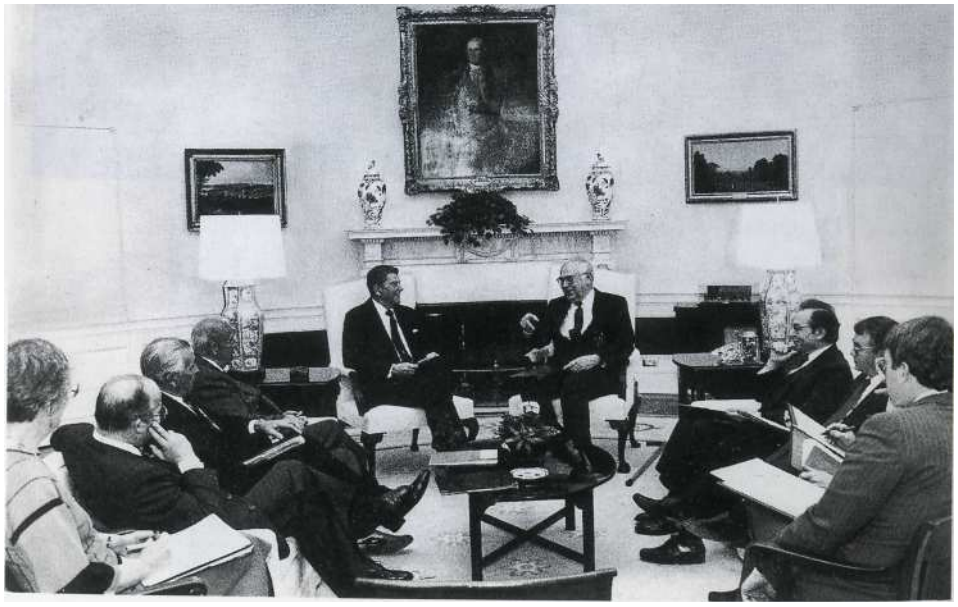


В вагоне поезда на пути во Владивосток (Дж.Форд, Г.Киссинджер, У.Стессел, Л.Брежнев, А.Громыко, А.Добрынин). Ноябрь 1974 год

Президент Дж.Форд и моя внучка Катя в Белом доме „делят" земной шар пополам. Август 1974 года

На приеме в Белом доме у президента Дж.Картера с супругой.
Январь 1977 года

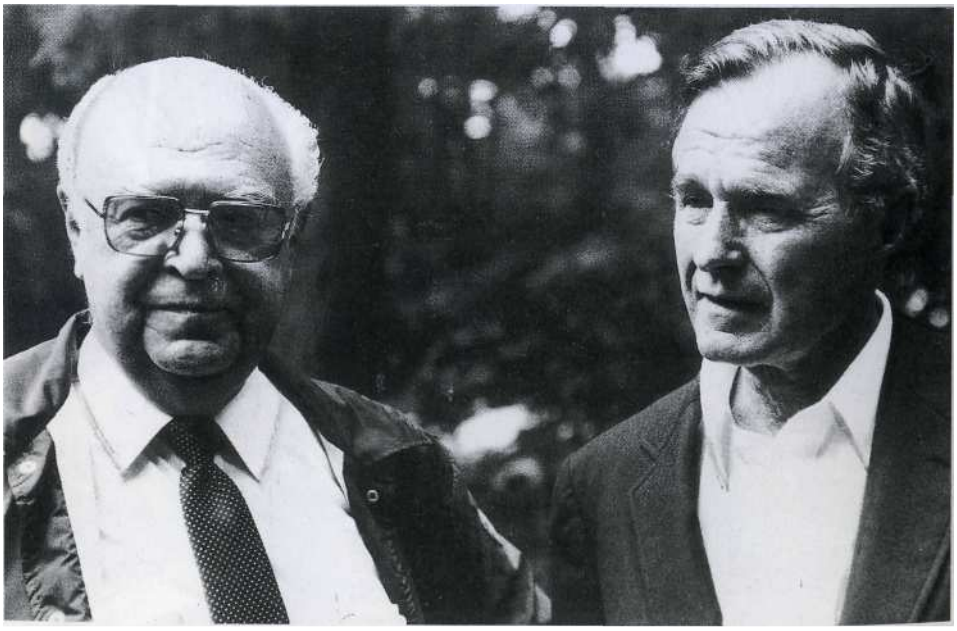
Начинаем обсуждение с Картером и Вэнсом проблему сокращения стратегических вооружений, Белый дом. 1974 год



Переговоры с президентом США с участием советников (Дж.Шульц, Д.Риган, Дж.Мэтлок, А.Бессмертных, О.Соколов), Белый дом. 1986 год

С президентом Рейганом, Белый дом. Апрель 1986 года

Встреча трех президентов - Р.Рейгана, Дж.Буша, М.Горбачева,
Нью-Йорк. Декабрь 1988 года



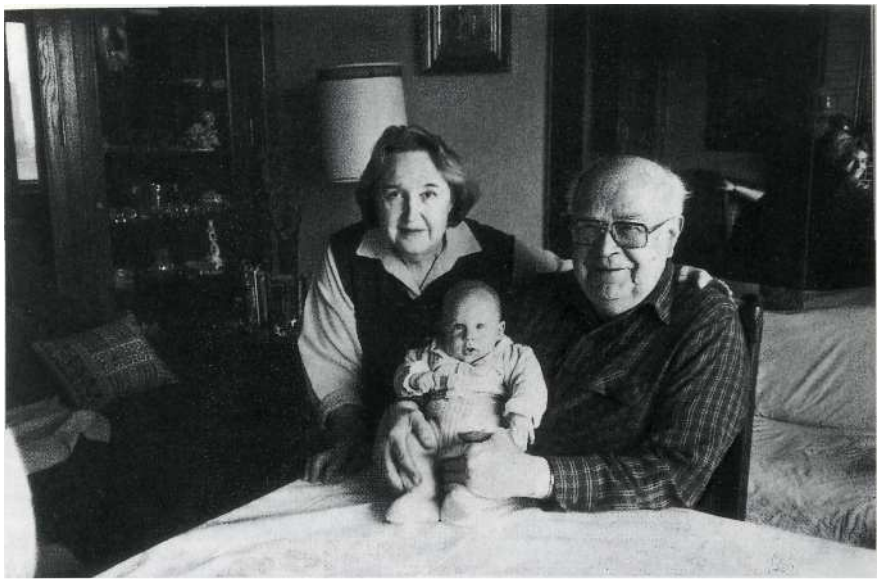
С президентом Дж.Бушем я встречался и в неофициальной обстановке,
Кэмп-Дэвид. Июнь 1990 года

Дипломаты тоже ловят настоящую рыбу, Палм-Бич,
штат Флорида. 1973 год

Семья „индейского вождя". Головное убранство было подарено мне
вождем индейского племени в штате Небраска. 1973 год

Посещение Аляски (г. Ситка). 1975 год

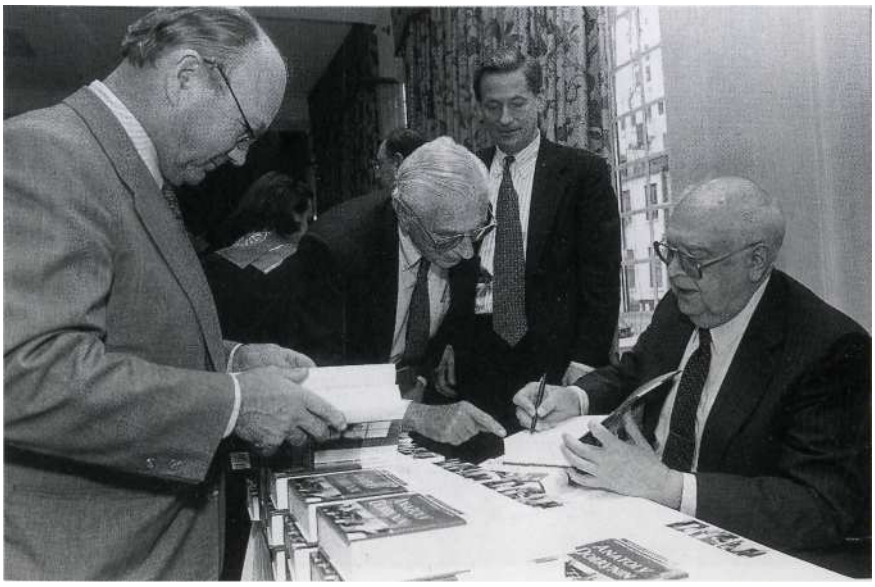
Дружеская встреча с астронавтом Армстронгом, первым человеком, высадившимся на Луне, штат Огайо. 1975 год



Наконец-то дома, в Москве, с правнуком Петей. 1991 год

Мои родители - Александра Тарасовна и Федор Павлович,
Москва. 1975 год

Пора подводить итоги многолетней дипломатической работы,
Москва. 1995 год



Презентация американского издания моей книги. Крайний слева
-бывший посол США в СССР Дж.Мэтлок, Нью-Йорк. 1995 год

8 сентября обратился к Форду с критическим посланием по поводу того, что США уходят от совместных усилий по ближневосточному урегулированию.

По поручению Громыко я сообщил Киссинджеру, что СССР намерен внести на рассмотрение сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос „О заключении договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия". Госсекретарь, однако, сразу ответил, что США будут выступать против этого предложения.

Тем временем в советско-американских переговорах в Женеве по ОСВ возникли новые сложности, связанные с быстрым развитием военной техники. В центре спора оказались три проблемы: крылатые ракеты, тяжелые МБР и бомбардировщик „Бэкфайер". Эти сложности ставили под сомнение достижения договоренности по ОСВ к намечаемой встрече на высшем уровне.

Не случайно в начале сентября Киссинджер в беседе со мной поднял вопрос о возможности „промежуточной встречи". Однако дальнейший ход беседы показал, что у них не было ясности, какими конкретными результатами могла бы закончиться такая встреча. Вместе с тем вроде и было понятно, что отсутствие на такой встрече договоренностей может быть использовано в своих интересах противниками администрации. Пока же чувствовалось, что администрация все же исходила из того, что даже сам факт встречи может помочь ей на выборах.

Брежнев же не хотел безрезультатной встречи, особенно на фоне предшествовавших продуктивных саммитов с президентами США. Ему нужно было серьезное соглашение накануне предстоящего съезда партии. Отсюда наши попытки „дожать" Форда по вопросам ОСВ.

В начале октября мы с Киссинджером провели очередную обстоятельную беседу о состоянии наших отношений. По его словам, Белый дом пришел к выводу, что по тем или иным соображениям Генеральный секретарь предпочитает, видимо, отложить свой визит на период после съезда КПСС, а может быть, у них возникало и такое предположение, даже на период после выборов в США, в ноябре следующего года, чтобы дождаться исхода этих выборов.

Я сказал, что наша позиция в этом вопросе была недавно четко изложена Громыко лично президенту Форду. Речь шла и идет о том, что во время визита Брежнева должно быть подписано новое соглашение по ОСВ. Такое понимание, по существу, было достигнуто еще на встрече во Владивостоке. Поэтому, если указанное соглашение будет готово к декабрю, тогда можно будет говорить, о визите в конце года. Не будет соглашения - придется выждать некоторое время, скажем, до весны. Никаких других причин или замыслов у советской стороны не было и нет, подчеркнул я и попросил Киссинджера еще раз сообщить об этом президенту Форду.

На приеме в Белом доме 7 октября в честь членов Американо-советского торгово-экономического совета (АСТЭС) президент продолжил начатый Киссинджером разговор о его возможной промежуточной встрече с Брежневым. Он предложил не выносить сразу окончательного суждения по этому вопросу, а оставить его полуоткрытым. Посмотрим, как дальше будет развиваться ситуация, сказал он.

Через несколько дней на ужине у юридического советника президента Бьюкенена (старого друга президента) Форд отвел меня в сторону и повел разговор о советско-американских отношениях. Он выразил надежду, что в целом стабильность этих отношений будет сохранена, а сами отношения

будут развиваться дальше, несмотря на надвигающееся традиционно „смутное время" предвыборной кампании. Большинство народа, бесспорно, за улучшение отношений с СССР, ибо представляет себе угрозу ядерной войны. Тем не менее средства массовой информации, где сильно влияние определенной группы, постоянно раздувают вопрос „о правах человека" в СССР и об эмиграции оттуда. Влиятельные силы располагают деньгами и возможностями воздействовать на средства информации. Их нельзя легко сбрасывать со счетов. Приходится подчас маневрировать, чтобы не потерять главное, сказал он.

Надеюсь, продолжил Форд, что все это понимают в Москве. От позиции советского руководства в отношении США и меня лично тоже в немалой степени будет зависеть накал и исход предвыборной борьбы в США. Например, большое значение приобретает сейчас вопрос о достижении нового соглашения по ОСВ. На меня сейчас оказывается очень сильное давление с разных сторон. Немало противников такого соглашения. Для меня важно в этой связи, чтобы предстоящий советский ответ на последние американские предложения по ОСВ, переданные министру Громыко, не был на все сто процентов негативным. Пусть Брежнев даст мне что-то, сделает хотя бы небольшую уступку, чтобы продолжить диалог в конструктивном духе. Это, повторяю, важно как для предвыборной обстановки в США, так и для успеха новой советско-американской встречи. Я очень надеюсь на визит Генерального секретаря в недалеком будущем, закончил президент.

Форд так и не получил в тот момент „маленькую уступку". Лично я думаю, что можно было найти какой-то компромисс. Вообще надо сказать, что тогдашнее советское руководство недооценивало значение внутриполитических факторов для любого американского президента, считая, что все подобные обращения имеют лишь одну цель: вырвать у СССР какую-нибудь уступку. Не очень воспринимались в Москве и сообщения посольства о серьезных разногласиях среди основных членов кабинета, за которыми стояли определенные силы в стране, с чем не мог не считаться президент. В Кремле полагали, что президент - это босс, который все может решить, если у него есть сильное желание. Вместо соответствующего жеста доброй воли в отношении президента мы продолжали спорить и подчас, в конце концов, все же шли на какую-то уступку, но уже с опозданием и соответствующими негативными психологическими издержками в отношениях между руководством обеих стран. Такие неиспользованные возможности бывали, к сожалению, нередки в практике советской дипломатии.

Правда, американцы этим тоже грешили. К тому же в вопросах ОСВ администрация Форда не отказывалась и от методов публичного нажима на нас. Выступая на съезде Американского легиона, президент заявил, что если не будет достигнуто удовлетворительного соглашения с СССР в рамках переговоров об ОСВ, то у него не будет другого выхода, кроме как запросить у конгресса дополнительно от 2 до 3 млрд. долларов на развитие стратегических вооружений в текущем и последующем финансовых годах.

Тем временем китайское руководство постаралось подлить масла в огонь. Как рассказал мне Скоукрофт, во время очередной поездки Киссинджера в Китай в октябре Мао Цзэдун сделал максимум возможного, чтобы донести до президента Форда свое глубокое убеждение в том, что нынешняя „тактика дружбы между США и СССР", которой придерживается администрация, глубоко ошибочна и чревата серьезными для США

следствиями. Весьма резко в этой связи он критиковал участие США в Хельсинкском соглашении, расценивая ее как большую уступку Москве на европейском направлении.

В личном послании Форду (27 октября) Брежнев вновь выразил свою озабоченность положением дел с подготовкой соглашения по ОСВ. „Я имею виду, - указывалось в послании, - прежде всего стремление американской стороны практически вывести за рамки соглашения, т. е. не ограничивать целый класс вооружений - крылатые ракеты. Получается странная картина. Мы договариваемся об ограничении определенным числом носителей стратегического оружия и тут же начинаем создание новой категории носителей такого оружия. Другими словами, открывается новый канал гонки вооружений. Но разве об этом шла речь во Владивостоке?" - спрашивал Брежнев. В послании затрагивались и другие конкретные вопросы переговоров.

4 ноября было получено ответное письмо президента Форда. „Весьма сожалею, что Вам не удалось найти каких-либо областей для компромисса между позициями обеих сторон. Я по-прежнему считаю, что продолжение поиска решения, которое позволит нам удовлетворительно завершить переговоры по ограничению стратегических вооружений, является как для Вашей страны, так и для нашей делом большой важности" - так начиналось это письмо. Однако конкретных' новых предложений по преодолению тупика Форд не вносил.

16 ноября Форд направляет еще одно письмо Брежневу, в котором выражает озабоченность тем, что в наших отношениях проявляется неопределенность и даже имеет место бездействие. Соответственно Форд предлагал направить в Москву Киссинджера для рассмотрения всей совокупности советско-американских отношений, и особенно для преодоления нынешнего тупика в переговорах по ограничению стратегических вооружений.

Советская сторона выразила согласие принять Киссинджера в Москве (18 -19 декабря).

Форд реорганизует свой кабинет

В начале ноября Форд довольно неожиданно провел коренную реорганизацию своего кабинета. Были уволены министр обороны Шлесинджер и Директор ЦРУ Колби. Рокфеллеру дали понять, что ввиду оппозиции справа он не может баллотироваться на пост вице-президента вместе с Фордом.

Д. Буш был возвращен с поста посла в Китае и назначен вместо Колби в ЦРУ. Министром обороны стал Дональд Рамсфелд, который был до этого «начальником штаба" аппарата Белого дома. Киссинджер потерял свой второй важный пост - помощника президента по национальной безопасности, на который был назначен его заместитель Скоукрофт.

Вашингтонский дипкорпус старался оценить мотивы и возможные Следствия реорганизации, проведенной Фордом.

Однако с точки зрения советско-американских отношений и особенно вопросов ограничения стратегических вооружений такая перетряска кабинета не обещала ничего хорошего. Таково было мое личное мнение, о котором я сообщил в Москву. Я, правда, оговорился, что, возможно, это и не входило прямо в намерение президента, но объективно это было именно так.

Прежде всего серьезно ослаблялось влияние Киссинджера, у которого уже не было ежедневного доступа к президенту в Белом доме. Скоукрофт, хотя и был близок к Киссинджеру, все же придерживался более консервативных взглядов по военным вопросам. Новый министр обороны Рамсфелд целиком поддерживал все планы Пентагона и был упорным противником любых соглашений с СССР, которые не давали бы США определенных преимуществ. При этом он умело убеждал президента, что именно такой курс отвечал бы предвыборным интересам самого Форда.

В середине ноября у меня был довольно интересный неофициальный разговор со Скоукрофтом.

Он в прошлом был весьма сдержан в беседах. Однако на сей раз был более разговорчив. Очевидно, новый пост и отсутствие ныне прямой зависимости от Киссинджера и постоянной его опеки сыграли тут свою роль.

Он заметил, что его несколько беспокоит одно обстоятельство: обмен посланиями с обеих сторон носит в последнее время негативный и отчасти формальный характер. Это не помогает делу.

Я не хочу тут кого-либо критиковать, сказал он. Так уж сложились обстоятельства, что все советско-американские отношения, по существу, свелись сейчас лишь к одному вопросу - о соглашении по ОСВ, а это вопрос сложный в силу ряда причин внешних и внутриполитических. Это тоже сужает рамки обмена мнениями между руководителями обеих стран фактически до одного вопроса, хотя и важного. (Я сам обращал внимание Громыко на это обстоятельство, но он ответил, что сейчас главная наша задача на американском направлении - добиться заключения соглашения по ОСВ еще до открытия съезда партии.)

Скоукрофт в осторожной форме признал, что вопросы ОСВ продолжают вызывать большие разногласия в правительстве. Реорганизация кабинета их лишь усилила.

Ангола обостряет отношения

Президент Форд пригласил меня 9 декабря в Белый дом для беседы, на которой присутствовали также Киссинджер и Скоукрофт. Президент вручил мне послание на имя Брежнева с просьбой перенести визит Киссинджера в Москву с декабря на январь (для обсуждения несогласованных вопросов по ОСВ). Эта отсрочка была вызвана тем, что президент решил подождать возвращения в Вашингтон из Европы министра обороны Рамсфелда и обсудить на заседании Совета национальной безопасности американскую позицию на дальнейших переговорах по ОСВ. Президент хотел избежать таким образом обвинений в „спешке" с соглашением по ОСВ.

Для меня желание президента отвести от себя нападки прозвучало как признак явной слабости и неуверенности самого Форда в вопросах ОСВ. И это не внушало надежды на скорое соглашение. К тому же вопрос о встрече Форда и Брежнева фактически откладывался на неопределенное время.

Президент сказал далее, что, несмотря на всю сложность внутренней обстановки в США и нападки на политику разрядки, он будет продолжать выступать за сохранение этой политики. Об этом он просил передать Брежневу. Форд просил нас также иметь в виду специфику предвыборной

борьбы в США, которая вынуждала его порой маневрировать, но что в лавном - защита политики разрядки - он будет следовать курсу разрядки.

Он высказал далее ряд соображений по вопросу об Анголе в связи с гражданской войной там и усилением вовлеченности в нее великих держав, а также Кубы. Сама по себе Ангола с точки зрения глобального значения мало меня беспокоит, заявил президент. Однако в самих США события в Анголе начинают все больше выглядеть как испытание политики разрядки, а администрация и лично президент - как „уступающие русским еще в одном пункте".

По американским данным, продолжал Форд, СССР организовал впечатляющий воздушный мост по переброске большого количества оружия в Анголу. Способствовал он переброске туда и кубинцев, которые составляют сейчас основную ударную силу у МПЛА. США тоже могли бы организовать такой же воздушный мост. Не так уж трудно набрать и добровольцев-иностранцев. „Но зачем же СССР и США заниматься испытанием воли друг друга в таком далеком от них пункте, не представляющем для них особой ценности?" - не без оснований спрашивал президент.

Форд в этой связи предложил: выступить совместно с призывом к воюющим сторонам в Анголе прекратить междоусобную войну и договориться о мирном решении разногласий; призвать все заинтересованные государства больше не вмешиваться в конфликт в Анголе, прекратив посылку туда оружия.

Выступая в Брюсселе на встрече министров иностранных дел стран -членов НАТО, Киссинджер заявил, что события в Анголе не могут не затронуть отношения между США и СССР, если Советский Союз будет принимать участие „в военных операциях или оказывать массированную поддержку военным операциям за тысячу миль от советской территории, где не присутствуют никакие советские интересы".

В ответном письме Брежнева Форду говорилось, что в Анголе происходит не междоусобная война, а осуществляется прямая военная интервенция, в частности, со стороны ЮАР. Поэтому, по мнению Москвы, было бы несправедливо обращаться с призывом о прекращении военных действий в Анголе ко всем воюющим там сторонам, ставя тем самым „на одну доску" интервентов и патриотические силы во главе с законным правительством Анголы. Речь должна идти о прекращении иностранной вооруженной интервенции в этой стране. СССР готов сделать такое заявление и приветствовал бы аналогичное заявление со стороны США.

Одновременно Брежнев заверил, что советская сторона никак не интересована в том, чтобы события в Анголе рассматривались под углом зрения „противоборства между Москвой и Вашингтоном" и „как испытание политики разрядки".

Но именно так рассматривались эти события не только в администрации Форда, но и в достаточно широких кругах общественности США. Об этом посольство докладывало в Москву. Но там явно не воспринимали такие аргументы и настаивали на моральной правоте своей позиции.

Короче, ангольский вопрос становился одним из серьезных раздражителей в советско-американских отношениях. Ангола, как справедливо заметил Форд, не представляла ни для США, ни для СССР особой ценности. Однако тут решающую роль сыграли идеологические соображения. Москва практически пошла на поводу у кубинцев и руководителей МПЛА, поддержав

„национально-освободительную борьбу" в Анголе. По существу же, речь шла о бесперспективной гражданской войне, в которую оказались втянутыми СССР и США. Этот конфликт в далекой Анголе постепенно превратился в один из наиболее видимых региональных пунктов противостояния друг другу, хотя он и не отвечал действительным национальным интересам США и СССР. Больше того, он наносил серьезный ущерб советско-американским отношениям, что было гораздо важнее.

Киссинджер официально внес на рассмотрение Советского правительства предложение о совместных или независимых друг от друга параллельных действиях СССР и США через Организацию африканского единства в целях политического решения ангольского кризиса.

Однако Москва необдуманно отклонила предложения Киссинджера, обвинив спецслужбы США в попытках сорвать нормальное функционирование переходного правительства в Анголе.

Короче, Москва и Вашингтон все активнее втягивались вопреки своим национальным интересам в порочный круг ангольского конфликта, который затянулся на многие годы.

4. ВОЙНА РАЗВЕДОК

США поднимают затонувшую советскую подводную лодку

Спустя несколько месяцев после прихода Форда к власти под двери нашего посольства в Вашингтоне была подсунута записка следующего содержания: „Спецслужбы США принимают меры к тайному подъему советской подводной лодки, затонувшей в Тихом океане. Доброжелатель". Я доложил о ней в Москву. Однако там не поверили, что можно поднять лодку с такой большой глубины. Через некоторое время в американской прессе стали проскальзывать сообщения о том, что соответствующие службы США в течение определенного времени проводят работы по подъему советской дизельной подводной лодки с ракетами на борту, затонувшей в 1968 году в открытом море северо-западнее Гавайских островов на глубине несколько километров. Сообщалось, в частности, что некоторое время тому назад была поднята часть корпуса лодки с телами членов экипажа, которые были затем сброшены в море.

Для нас не могло быть, конечно, безразличным проведение каких-либо работ по подъему иностранцами советской подводной лодки. Вопросы, относящиеся к подводной лодке и погибшим морякам, являлись прерогативой только Советского Союза.

В этой связи, в соответствии с указаниями из Москвы, я сделал следующий запрос Киссинджеру в конце марта 1975 года: „Мы ожидаем от американской стороны объяснений в связи с упомянутыми сообщениями, и в том числе полной информации относительно тел членов экипажей, а также прекращения каких-либо работ на этой подводной лодке".

Киссинджер сказал, что доложит Форду об этом запросе. На вопрос, неужели ему самому нечего сказать по этому поводу что, несомненно, не

является для него новостью, госсекретарь после небольшой паузы ответил, что „вся эта проблема уже вызвала крупные споры в самом правительстве", но от дальнейших пояснений уклонился.

Спустя несколько дней Киссинджер заверил, что никаких работ сейчас или в будущем в подобного рода случаях с советскими подводными лодками правительство США проводить не будет. Что касается другой информации, запрашиваемой в советском обращении, то ответ на этот счет будет дан дополнительно.

22 апреля генерал Скоукрофт передал мне в письменном виде следующее сообщение: „По вопросу, по которому советская сторона выразила свою озабоченность, информируем, что было поднято шесть трупов, из них имена и фамилии были установлены только у трех. В Соединенных Штатах принято относиться к телам, извлеченным из моря, с полным уважением, что предусматривает в необходимых случаях организацию похорон по морским обычаям и отдачу всех воинских почестей".

Советская сторона не удовлетворилась ответом. Было заявлено Киссинджеру, что переданный Белым домом ответ не может быть расценен иначе как чисто формальный и как попытка уйти от существа дела. Мы продолжаем ожидать от правительства США объяснений и полной информации по существу вопросов.

Киссинджер выслушал меня и без всяких комментариев ответил, что доложит о советском заявлении президенту. Американская сторона в конечном счете так и ушла от подробных объяснений.

Много позднее стало известно, что по заказу ЦРУ в США было построено специальное судно „Гломар" стоимостью более 300 млн. долларов якобы для разработки полезных ископаемых на глубоководном дне океана. На деле же его основной задачей был подъем нашей подводной лодки с глубины более 16 тыс. футов с находившимися на ней ракетами и технической документацией.

„Гломар" был оборудован гигантскими подводными клещами, которые должны были обхватить корпус лодки, лежавшей на дне, и незаметно втянуть ее снизу в трюм судна для последующей перевозки ее на территорию США.

Надо сказать, что на второй день президентства Форда, как он сам свидетельствует, к нему пришли Киссинджер, Скоукрофт, Шлесинджер и директор ЦРУ Колби и сообщили, что „Гломар" занял необходимую позицию и готов опустить свои клещи для подъема лодки. Однако невдалеке находился советский траулер, который мог вмешаться в эту операцию. Поблизости - в целях конспирации - не было других американских судов. Сам „Гломар" же не был вооружен.

От президента Форда добивались принятия решения: продолжать операцию или прекратить. Форд решил рискнуть и дал команду на подъем лодки. Через двадцать четыре часа ее стали поднимать. Однако она обломилась, и удалось достать только одну ее часть, которую и втянули в трюм „Гломара". И все же информация, полученная по этой части лодки, оказалась весьма важной для американских специалистов. Советский траулер так и не вмешался, видимо, не зная о проходившей операции.

Таким образом, когда Советское правительство обратилось за разъяснениями к администрации Форда, то и сам президент и его основные советники хорошо знали об этом деле, но предпочли уклониться от конкретного разговора на такую деликатную тему (по морскому праву любое погибшее

военное судно продолжает оставаться собственностью государства, которому оно принадлежит; США нарушили это требование).

В начале апреля Киссинджер поднял по поручению президента Форда „в высшей степени конфиденциальный и щепетильный вопрос". Он начал с замечания о том, что у них нет возражений, когда советский посол в процессе своей обычной, повседневной деятельности встречается с широким кругом американцев, в том числе и находящихся в оппозиции к администрации. Такова работа всех послов. Однако совсем другое дело, когда Москва начинает присылать сюда своих „специальных эмиссаров", которые в своих неофициальных беседах, особенно с оппозицией, не прочь покритиковать администрацию, а также предлагают представителям других партий устанавливать более тесные контакты. Это ставит администрацию и лично Форда в сложное положение и лишь усиливает позицию таких оппонентов, как сенатор Джексон, которые начинают использовать этот факт против администрации, пуская в оборот тему о „растущей потере интереса Кремля к ослабевшим Форду и Киссинджеру".

„Президент не может игнорировать подобную ситуацию и просит сообщить это его мнение лично Генеральному секретарю", - сказал Киссинджер.

О чем же в действительности шла речь? По существу, речь шла о двух категориях лиц. Одни, типа журналиста Виктора Луиса (его упомянул Киссинджер), выполняли прямые поручения советских разведывательных служб и приносили порой больше вреда, чем пользы, своими неуместными появлениями на вашингтонском горизонте. Они не знали точно наших позиций по различным вопросам и импровизировали, стараясь произвести впечатление на своих собеседников, чем подчас сбивали с толку официальных лиц США и осложняли наши переговоры с ними (Киссинджер несколько раз переспрашивал меня насчет достоверности высказываний таких лиц). Во время одной из встреч в Москве с Громыко я обратил его внимание на это обстоятельство, на что последовала его раздраженная реплика: „Вы должны знать, что лично я не сторонник каких-либо неумных импровизаций". В то же время чувствовалось, что он не хотел ссориться со спецслужбами. Пришлось поговорить с Андроповым, который был достаточно умным человеком, чтобы понять суть претензий американцев и положить конец посылке в США наиболее одиозных фигур. Другая категория лиц (ученые, журналисты и т. п.), не имея часто каких-либо особых поручений, сами стремились встретиться и завязать связи с видными политическими деятелями США, в том числе из оппозиции, чтобы, вернувшись в Москву, похвастаться собранной ими информацией и в ЦК партии, и в МИД, и в КГБ. Впрочем, некоторые наши ученые из академических кругов поддерживали периодически связь с разведслужбой, которая содействовала их загранкомандировкам.

Посольство и разведслужбы

Между дипломатической службой советских посольств и работавших „под их крышей" резидентур КГБ подчас складывались сложные отношения. Работники резидентур обычно держались несколько обособленно в силу специфики их работы, да и известный всем факт наблюдения КГБ за благонадежностью всех сотрудников далеко не всегда способствовал

сплочению коллектива посольства. Нередко нарушались нормальные личные отношения между послами и резидентами КГБ. Шло соперничество из-за сбора информации из разных источников страны пребывания и из-за установления полезных и важных связей. Порой некоторые склонные к чванству послы и резиденты - не от большого ума - ссорились между собой и стремились показать сотрудникам посольства именно свою значимость. Время от времени ЦК партии приходилось разбирать эти мелочные ссоры, а подчас и отзывать домой посла или резидента.

Однако в большинстве посольств наблюдалось „мирное сосуществование" обеих служб, исходя из четко очерченного круга обязанностей. Так было в нашем посольстве в Вашингтоне за все время моего пребывания там. За это время сменилось 6 резидентов. Люди разного калибра, но, как правило, это были профессионалы, с которыми у меня устанавливались нормальные деловые отношения.

Наши взаимоотношения были ясно определены. Они докладывали мне наиболее важную политическую информацию, полученную ими, и подчас советовались по поводу политических оценок тех или иных событий внутри США или американского внутриполитического курса. Я не был в курсе их конкретных операций и никогда не интересовался их агентурой. Это было вне круга моих обязанностей. Конкретно с их разведдеятельностью сталкивался лишь тогда, когда она становилась предметом официального обсуждения между обоими правительствами или появлялась угроза такого обсуждения. В этих случаях резидент обязан был доложить мне о случившемся, поскольку в подобное событие вовлекались непосредственно наше правительство и Политбюро. Обычно во время обмена визитами на высшем уровне разведслужба получала приказ приостанавливать свою деятельность в США, чтобы предотвратить возможность возникновения каких-либо публичных политических скандалов.

Договоренность о спецслужбах

В июне посольство сделало следующее представление Скоукфорту (Киссинджер отдыхал на Вирджинских островах): „Американские спецслужбы предпринимают попытки раздуть кампанию шпиономании, используя арест двух граждан, а также домыслы о якобы подслушивании американских телефонов с территории советского посольства в Вашингтоне. Обращает на себя внимание явно провокационный характер шумихи, затеянной ФБР не без ведома вышестоящих властей".

Когда Киссинджер вернулся, я вновь обсудил с ним эту тему, а также появившееся в печати обвинение в адрес тех или иных советских сотрудников в разведдеятельности. В Советском Союзе старались избегать таких публикаций. Американскую сторону о таких случаях уведомляли негласно. Я призвал его следовать аналогичной практике, чтобы не будоражить без нужды общественное мнение и прессу.

Он сказал, что уполномочен подтвердить, что они в принципе также исходят из того, что подобные случаи с обеих сторон не должны предаваться гласности. Администрация готова к тому, что если будут возникать те или иные факты, касающиеся деятельности спецслужб, то обе стороны будут негласно делать, соответствующие представления друг другу и в случае необходимости будут иметь возможность без какой-либо шумихи

заблаговременно отзывать тех или иных сотрудников. Он со своей стороны готов лично напрямую говорить с советским послом по всем таким делам спецслужб, чтобы избежать утечек в прессу.

Президент дал письменную директиву ФБР относительно необходимости впредь получать личную санкцию президента или госсекретаря на публичные заявления, которые затрагивают отношения с СССР. Киссинджер говорил при этом о падении дисциплины среди государственных служащих, многие из которых все еще считают Форда „ненастоящим" (неизбранным) президентом. Приходится подстегивать дисциплину.

Достигнутая таким образом негласная договоренность в течение довольно долгого времени неплохо соблюдалась обеими сторонами.

Разведслужбы обеих стран активно соревновались в негласной установке в помещениях посольств другой стороны различного рода хитроумных подслушивающих устройств - „жучков", проявляя при этом немалую изобретательность. Достаточно напомнить вмонтирование в американский герб, находившийся в кабинете американского посла в Москве (при Гарримане и Болене), „жучка" советскими специалистами. Или невольное -в порыве необдуманных эмоций Хрущева - раскрытие наших возможностей читать некоторые шифротелеграммы американского посла (Колера), посылаемые им в Вашингтон.

Американские спецслужбы не оставались в долгу. Несколько подслушивающих микрофонов были обнаружены в нашем старом здании посольства, где мы работали до 1994 года, а в новом здании посольства и жилом доме, построенных на Висконсин авеню в конце 80-х годов, было изъято более 200 таких усовершенствованных устройств (они были продемонстрированы на пресс-конференции). В свою очередь, новое здание американского посольства в Москве, которое строилось примерно в то же время, также подверглось „обработке" подслушивающими устройствами с нашей стороны. В результате этих акций использование новых зданий посольств было заморожено. Новое посольство СССР (точнее, теперь уже России) было открыто в 1994 году. А новое здание американского посольства по-прежнему не функционирует, хотя в 1993 году тогдашний руководитель КГБ Бакатин „щедро" раскрыл американскому послу всю схему секретных устройств в новом здании (видимо, американцы не полностью поверили Бакатину: все ли секреты раскрыты?).

Облучались ли посольства в Москве и в Вашингтоне?

В конце ноября 1975 года Киссинджер заявил мне, что американский посол в Москве Стессел заболел лейкемией. Не исключено, сказал он, что это является результатом длительного электромагнитного облучения американского посольства в Москве. В результате, если сведения о заболевании посла станут достоянием гласности, то дело может получить скандальную огласку, предостерег госсекретарь.

В этой связи правительство США ставило перед Москвой вопрос о прекращении облучения американского посольства.

Я сообщил в Москву об этой беседе и получил указание отклонить утверждения госсекретаря о преднамеренном облучении здания посольства США, заявив, что советская сторона вновь провела тщательное обследо-

вание и консультации со специалистами. Они еще раз подтвердили, что напряженность электромагнитного поля в районе посольства не превышала санитарной нормы, установленной в СССР, которая, как известно, значительно ниже нормы, принятой в США. Кроме того, по заключению медицинских специалистов, такого рода излучения вообще не могут привести к указанному Киссинджером заболеванию (кстати, Москва отвечала аналогично на запросы нашего посольства, которое проявляло такое же беспокойство в отношении своих сотрудников).

Много позже я узнал, что, прибегая к такому облучению, советские органы безопасности надеялись помешать американским спецслужбам из здания своего посольства перехватывать важные телефонные и радиопереговоры в Москве (в большинстве своем они шли открытым текстом без специальной технической защиты). Естественно, что эти службы стремились избавиться от создаваемых помех - отсюда дипломатические представления и контрпредставления под разными предлогами.

17 декабря Форд в послании к Брежневу настаивал на прекращении упомянутых излучений, с тем чтобы „возможная огласка не стала препятствовать улучшению отношений между двумя странами".

В ответе Брежнева утверждалось, что электромагнитное поле в зоне посольства имело промышленное происхождение, а его уровень не представлял какой-либо опасности для здоровья людей. Чтобы окончательно „снять неясности" у американской стороны, советские специалисты были бы готовы встретиться с соответствующими американскими специалистами и произвести необходимые замеры напряженности электромагнитного поля в здании посольства. Американская сторона, как и можно было ожидать, уклонилась от такого предложения. (Постепенно этот вопрос отошел на задний план в результате профилактических мер, принятых обеими сторонами в одностороннем порядке.)

Ради справедливости следует сказать, что наше посольство в Вашингтоне находилось примерно в аналогичной ситуации, но, поскольку наши доктора утверждали (не знаю, насколько обоснованно), что, по их мнению, здоровье сотрудников не подвергалось опасности, мы не делали каких-либо представлений американской стороне. Я сам систематически страдал заболеванием горла и дыхательных путей. Наши доктора подозревали, что это могло быть результатом многолетней работы в комнате, окруженной закрытым магнитным полем. Вентиляция этого помещения была очень слабой, поскольку оно находилось как бы в коробке, между двумя стенками с постоянно циркулирующими магнитными волнами между ними, которые создавали помехи прослушиванию извне. Заверения медиков о безопасности подобной „окружающей среды", конечно, немного успокаивали тогда, но кто мог или может сказать с уверенностью, что в долгосрочном плане здоровье сотрудников обоих посольств не приносилось в жертву „холодной войне"?

Секретные службы обеих стран негласно и квалифицированно сотрудничали друг с другом по обеспечению необходимой безопасности высших государственных и официальных лиц, приезжавших с визитом в их страны. К счастью, в этой области у них не было провалов или неудач. Больше того, они время от времени обменивались развединформацией в отношении возможных покушений на их официальных представителей во время их поездок в „третьи страны" или при планировании таких поездок. Мне припоминаются два случая, когда я - по специальному поручению из Москвы - передавал весьма конфиденциальную развединформацию с

предупреждением о готовившихся покушениях на госсекретаря Киссинджера, а затем и на директора ЦРУ. Они были восприняты с благодарностью. В целом же „война разведок" продолжалась, конечно, и дальше*.

5. ФОРД ТЕРЯЕТ БЕЛЫЙ ДОМ

Центральным событием в политической жизни США в 1976 году было избрание нового президента, выборы в конгресс и органы власти на местах. Президентские выборы 2 ноября принесли победу кандидату от демократической партии Картеру с незначительным преимуществом (51 и 49 процентов; соответственно 40,8 и 39,1 млн. голосов). Президентом был избран бывший губернатор штата Джорджия, еще год назад, по существу, неизвестный в стране. Картер одержал победу над кандидатом, уже занимавшим президентский пост, чего не было со времен победы Ф.Рузвельта в 1932 году. Такому исходу выборов способствовало сложное и неудовлетворительное экономическое положение в стране. Кроме того, Картеру удалось в значительной мере восстановить традиционную „рузвельтовскую" коалицию демократов. Республиканская же партия оказалась глубоко расколотой между сторонниками Форда и Рейгана.

Советско-американские отношения в 1976 году развивались неровно, под воздействием противоречивых факторов, вызванных главным образом спецификой предвыборной обстановки в США и некоторыми особенностями внешнеполитической ситуации этого периода. Вместе с тем эти отношения продолжали в той или иной мере испытывать на себе влияние тех положительных сдвигов, которые произошли в международной обстановке и в области двусторонних отношений с начала 70-х годов.

На развитие советско-американских отношений и их содержание в 1976 году наложил отпечаток ряд обстоятельств. Начиная с конца 1975 года значительную роль в определении подходов администрации к этим отношениям стала играть предвыборная кампания в США, которая совпала с нервозной реакцией Вашингтона на события в Анголе. Представители администрации, включая Форда и Киссинджера, начали бить тревогу по поводу поражения проамериканских сил в этой африканской стране, причем делали они это с явным антисоветским подтекстом. Руководство администрации пустило в оборот тезис о стремлении СССР добиться „специальных сфер влияния" путем военного вмешательства. Этим воспользовался, в частности, и оппонент Форда в партии, консервативный деятель Рейган. В создавшейся обстановке Форд даже публично отказался от использования термина „детант" (разрядка), оговорившись, правда, что он

' Наиболее сенсационным случаем уже последнего времени был арест в США ответственного сотрудника ЦРУ Олдрича Эймса, долго работавшего на советскую и российскую разведку. По значимости это дело можно сравнить с разоблачением советского полковника Пеньковского, ставшего в 60-е годы агентом ЦРУ.

не выступает против существа политики смягчения напряженности с СССР. Эти тактические шатания хозяина Белого дома осложняли обстановку, ослабляли разрядку. Начались сбои в советско-американских отношениях.

Наиболее серьезным было то, что, несмотря на довольно оптимистическую оценку Киссинджером перспектив переговоров по ограничению стратегических вооружений после его поездки в Москву в январе 1976 года, Вашингтон фактически заморозил затем переговоры по этому важному вопросу. Белый дом, несмотря на заверения, практически ничего не предпринял и для создания нормальных условий, которые содействовали бы более быстрому развитию торгово-экономических связей между двумя странами.

Произошло также определенное ужесточение позиций администрации на переговорах с нами по ряду конкретных проблем двустороннего сотрудничества.

И все же, несмотря на все это, удалось в определенной степени сохранить сложившийся уровень советско-американских отношений.

На протяжении всего года продолжались - в трех раундах - переговоры между делегациями СССР и США по вопросам, связанным с выработкой нового соглашения об ОСВ (правда, без большого успеха).

Пожалуй, наиболее примечательной чертой советско-американских отношений в 1976 году было то, что вопрос о встрече на высшем уровне как-то ушел в сторону и фактически отпал сам собой. Таким образом, не был задействован сильный стимулятор отношений между США и СССР.

Ангола, Ближний Восток и ОСВ - тема встреч с Киссинджером в Вашингтоне и в Москве

В январе 1976 года я часто встречался с Киссинджером. В основном затрагивались три вопроса: Ангола, Ближний Восток и нерешенные проблемы переговоров по ограничению стратегических вооружений.

Ангольский вопрос постоянно поднимался по инициативе Киссинджера. Он добивался, чтобы мы оказали сдерживающее влияние на кубинцев, которые становились - при нашей поддержке - важнейшим фактором в гражданской войне в Анголе.

В Москве явно недооценивали психологическое влияние „кубинского фактора" на американское общественное мнение и администрацию США, которые считали, что СССР решил использовать кубинцев для поддержки враждебных США сил в недавних колониальных странах „третьего мира". Историческая ирония заключалась в том, что вмешательство кубинцев в Дела Анголы произошло по их собственной инициативе, без какого-либо согласования с нами, но с явным расчетом на то, что принцип „интернациональной солидарности" все равно затем сработает с нашей стороны. Фидель Кастро оказался в этом смысле прав. СССР без всякой нужды стал втягиваться в гражданскую войну в Анголе путем поставок оружия и посылки военных специалистов*, хотя в самом начале этой войны Политбюро - по предложению Громыко, Устинова и Гречко - приняло специальное постановление об оказании МПЛА политической и определенной материальной

* С 1976-го по 1981 год Анголе было поставлено советское оружие на общую сумму в Млн. долларов. В 1981 году в Анголе находилось 1200 советских военных специалистов.

помощи, но „ни в коем случае не вовлекаться в войну в Анголе в военном плане".

Могу засвидетельствовать, что преднамеренное использование нами кубинских войск где-то в странах „третьего мира" никогда не предусматривалось в планах советского руководства. Однако события в Анголе давали нашим противникам в Америке удобный повод для таких обвинений.

К сожалению, советско-американский диалог вокруг Анголы оставался „разговором глухих", а это лишь ухудшало наши общие отношения.

Выступая на заседании одного из комитетов сената 30 января, Киссинджер заявил, что „в свете событий в Анголе" администрация приняла решение не вносить в конгресс, предложений о пересмотре торгового законодательства с целью нормализации торгово-экономических отношений с СССР. Он также отметил, что в данный момент он выступает против любых американо-советских соглашений о совместной разработке ресурсов Сибири.

Раздражение администрации в отношении СССР из-за Анголы возросло, когда в феврале конгресс, памятуя о горьком вьетнамском опыте, принял поправку к закону о военном бюджете, запрещавшую использование средств для оказания помощи раскольническим группировкам в Анголе. Правда, через месяц комиссия по международным отношениям палаты представителей, не отменяя этой поправки, приняла новую поправку к другому законопроекту, в соответствии с которой „советское вмешательство в Анголе должно со всей определенностью приниматься во внимание при планировании внешней политики США и проведении переговоров с Советским Союзом".

В марте правительство США отменило три советско-американские встречи на уровне членов правительства, чтобы продемонстрировать Москве свое „недовольство" политикой СССР в Анголе. На этих встречах предполагалось обсудить вопросы энергетики, жилищного строительства и торговли. Стремление к сотрудничеству стало, таким образом, заметно ослабевать. В целом же можно сказать, что обоюдная вовлеченность в войну в Анголе явилась одним из основных факторов, тормозящих процесс разрядки в середине 70-х годов.

Основное внимание в наших беседах с Киссинджером в этот период уделялось его предстоящей поездке в Москву с целью обсуждения главным образом комплекса проблем по ОСВ, касавшихся в первую очередь крылатых ракет и советского самолета „Бэкфайер". Я подчеркивал, в частности, что „Бэкфайер" не является тяжелым бомбардировщиком, а поэтому не подлежит ограничению. Киссинджер излагал противоположную американскую позицию, утвержденную Фордом.

Госсекретарь предложил как альтернативу обдумать вопрос о документальном оформлении уже имеющейся значительной договоренности по ОСВ с последующей доработкой - в виде протокола - оставшихся наиболее сложных вопросов. Лучше закрепить проделанную большую работу, сказал он, чем поставить ее под угрозу, особенно если в США придет к власти новый президент.

Однако Москва была против такого „половинчатого" решения, хотя, на мой взгляд, это предложение заслуживало более серьезного рассмотрения с нашей стороны с учетом предвыборной обстановки в США, и я поддерживал его, так как в нем был определенный практический смысл.

Сенатор Спаркмэн, председатель сенатского комитета по иностранным делам, в беседе со мной выразил недоумение по поводу непоследовательных

и противоречивых шагов Форда. С одной стороны, сказал он, президент и госсекретарь выступают в пользу разрядки в отношениях с СССР и в пользу нового соглашения по ОСВ, считая, что, несмотря на трудности, найти компромисс по ОСВ можно. Это хорошо.

Однако, с другой стороны, Форд и Киссинджер, особенно последний, затеяли возню против СССР вокруг Анголы, вопроса по своему весу неизмеримо малого, если говорить об общем комплексе советско-американских отношений. Конгресс, опасаясь повторения Вьетнама, не склонен втягиваться в ангольские события, несмотря на все старания администрации. Но эти старания не проходят бесследно с точки зрения влияния на широкие круги населения, которые не знали толком, где находится Ангола, но настораживались, слыша „об экспансии русских", не соблюдавших „какие-то правила поведения", установленные якобы ранее между СССР и США.

21 января Киссинджер вылетел в Москву (я вылетел днем раньше). Накануне его отлета советник госдепартамента Сонненфелдт, сославшись на поручение госсекретаря, попросил поверенного в делах Воронцова передать в Москву, что Киссинджер „надеется, что в Анголе не произойдет крупного наступления в то время, как он находится в Москве" (Киссинджер явно находился под ошибочным впечатлением, что военными действиями в Анголе руководили из Москвы).

Переговоры с Киссинджером в Москве вели Брежнев и Громыко. Киссинджер поднял вопрос об Анголе, который продолжал привлекать обостренное внимание в США. Однако разговор на эту тему ничего не дал. Еще до встречи с ним Брежнев, отвечая на вопрос одного из американских корреспондентов, заявил, что „если Киссинджер хочет поговорить об Анголе, то пусть говорит с Сонненфелдтом".

Главной проблемой оставалось, конечно, соглашение по ОСВ, а точнее, два основных вопроса: крылатые ракеты и самолет „Бэкфайер".

По ходу дискуссии о „Бэкфайере" Брежнев не только сообщил госсекретарю летно-тактические данные этого самолета по дальности полета, но и выразил готовность не модернизировать самолет для использования его на межконтинентальных расстояниях, принципиально зафиксировав это в материалах переговоров. Киссинджер не дал своего окончательного ответа на эти предложения, но чувствовалось, что он доволен этой уступкой.

Затем сложная дискуссия развернулась вокруг крылатых ракет, ограничения дальности их полета. После споров Брежнев принял американское предложение о том, чтобы крылатые ракеты воздушного базирования имели дальность полета до 2500 км (по существу, это было главное требование Киссинджера). Однако он отказался согласиться с такой же дальностью полета для ракет морского и наземного базирования. Тем не менее намечался определенный компромисс и по этим вопросам. При обсуждении вопроса о крылатых ракетах Киссинджер частично использовал резервную позицию, согласованную им с Фордом, но не с Пентагоном.

Отношения осложняются. Форд отказывается от слова „детант"

Когда достаточно удовлетворенный итогами переговоров по ОСВ Киссинджер вернулся в Вашингтон, высшее военное руководство США во главе с министром обороны Рамсфелдом приняло эти итоги „в штыки".

Д.ФОРД-ПРЕЗИДЕНТ США

Оно отказалось принять компромиссные ограничения на крылатые ракеты морского и наземного базирования. По самолету „Бэкфайер" и другим вопросам высшие генералы Пентагона во главе с Рамсфелдом (он, по существу, становился главным противником соглашения по ОСВ-2) сразу же поставили под сомнение все советские заверения и предложения, привезенные Киссинджером из Москвы.

В Белом доме состоялось бурное заседание Совета национальной безопасности. Об этом мне доверительно рассказал Хайленд, заместитель Скоукрофта. В результате вновь вспыхнувших яростных споров противоречий, сказал Хайленд, все фактически снова развалилось, единой американской позиции опять нет, президенту нужно было снова собирать ее воедино, а это он вряд ли сможет сделать ввиду сложных разногласий между главными советниками: Киссинджером и Рамсфелдом. К последнему же Форд начинал все больше прислушиваться с учетом предвыборных соображений.

Стало очевидным, что Форд отворачивается от владивостокской договоренности, во всяком случае до президентских выборов. Если добавить к этому продолжавшиеся нападки лично на Киссинджера со стороны правого крыла партии, то можно понять его последующую растущую „отрешенность" от активного продвижения компромисса по ОСВ, чему он прежде отдавал так много сил.

В феврале-марте была все же сделана еще одна попытка договориться по ОСВ. Форд в послании Брежневу предложил следующее: обе стороны ратифицируют владивостокские договоренности, выделив при этом самолеты „Бэкфайер" и крылатые ракеты в отдельный пакет, по которому следует продолжать переговоры. Москва продолжала настаивать на решении этих вопросов в рамках общих соглашений по ОСВ.

Именно в это время президент Форд под давлением критики со стороны Рейгана и ему подобных публично отказался использовать привычный термин „детант" (по-французски - ослабление напряженности) в своем политическом лексиконе, заменив его фразой: „мир, основанный на силе". По существу же, было ясно, что не оставалось больше надежды на какой-либо прогресс в советско-американских отношениях в предвыборный год в США.

Некоторое продвижение было лишь в области ядерных испытаний. 30 марта Киссинджер сообщил, что американская сторона в принципе принимает советскую идею о том, чтобы взаимно соблюдать де-факто начиная с 31 марта достигнутую 3 июля 1974 года договоренность отказаться от проведения подземных испытаний ядерного оружия мощностью свыше 150 килотонн. Он предложил опубликовать соответствующие сообщения.

СССР согласился. Это был хотя и небольшой, но все же конструктивный шаг в наших отношениях.

Однако в важнейших областях наших отношений администрация Форда все больше дрейфовала, а не направляла события. Брежнев же выжидал развития событий, хотя в тот момент вряд ли можно было рассчитывать на их улучшение. Надо сказать, что в наших двусторонних отношениях с США весной 1976 года, помимо ангольского фактора, появились дополнительные осложнения.

В конце марта заместитель заместителя госсекретаря Армитейдж сделал Воронцову представление о том, что сотрудникам американского посольства

Москве звонили по телефону и высказывали угрозы в связи с участившимися враждебными акциями против советских дипломатов и советских учреждений в Нью-Йорке и Вашингтоне.

Ему было сказано, что американским властям следовало бы активно искоренять известные и им, и нам первопричины нынешних взаимных раздражений - открытых и опасных акций против советских граждан и учреждений в США со стороны все еще остающейся безнаказанной кучки хулиганов и политических террористов. Особо злобствовала группа Кахане.

Надо сказать, что представлению Армитейджа предшествовала целая серия обращений нашего посольства в госдепартамент по поводу ряда враждебных акций против посольства и представительства СССР при ООН, а также против их сотрудников (обстрел здания советского жилого комплекса в Нью-Йорке; распространение эмигрантскими организациями листовок с указанием фамилий и адресов советских дипломатов - „агентов КГБ", в которых содержались также угрозы в их адрес; хулиганские выходки на улицах и в магазинах в отношении сотрудников наших учреждений и их жен; взрыв бомбы у представительства „Аэрофлота" в Нью-Йорке; убийство завхоза посольства; постоянные телефонные звонки в квартиры советских граждан с угрозами физической расправы, в посольство о заложенных якобы там бомбах). Обстановка создавалась крайне нервозная.

2 апреля Киссинджеру был заявлен „самый решительный протест" в связи с обстрелом ночью жилой части здания советского представительства при ООН в Нью-Йорке. В результате этого президент Форд опубликовал заявление, осуждающее „эти отвратительные действия". Наряды полицейских в штатском стали постоянно дежурить около представительства.

Соответственно Москва ответила организованной кампанией ответных угроз. Все это лишь обостряло без нужды советско-американские отношения и создавало нервозную обстановку среди персонала посольств обеих стран, что вряд ли могло способствовать успеху переговоров по любым вопросам. Возможно, отчасти именно этого добивались организаторы провокаций в США. Особо враждебную роль играли американские средства массовой информации. Пожалуй, впервые назначение на работу в США в советском дипломатическом корпусе перестало рассматриваться как поощрение по службе. Жить в США стало неприятно и даже опасно.

В этой связи" вспоминается один эпизод. Как-то я возвращался из Москвы в США на спецсамолете (это был редкий случай, ибо обычно я летал на рейсовых самолетах).

График посадки самолетов в международном аэропорту имени Кеннеди был напряженный. Они становились в воздухе „в очередь", в так называемую „воздушную этажерку", и, кружась по спирали, постепенно спускались к посадочной полосе. Встал в „этажерку" и наш самолет. Неожиданно где-то на высоте около 1-2 километров пропала радиосвязь с диспетчером аэропорта. Связь отсутствовала в течение 1-1,5 минуты. Наши встревоженные пилоты были вынуждены продолжать снижение, ориентируясь лишь визуально, хотя и была облачность. Короче, в течение этого времени могла возникнуть катастрофическая ситуация, так как вокруг было много самолетов.

как позже выяснилось, диспетчер был связан с одной антисоветской нацией и в этот момент дал волю своим эмоциям - перестал контролировать снижение нашего самолета. К счастью, аварии удалось

избежать. Диспетчер был после этого уволен со службы. Мы не стали

возбуждать против него уголовное дело (как нам предлагала американская сторона), учитывая общую неблагоприятную обстановку в стране.

Форд и Брежнев пытаются „выяснить отношения"

Советское руководство и президент Форд, конечно, не могли не заметить общее ухудшение отношений между обеими странами. Это стало предметом переписки на высшем уровне.

В апреле Брежнев направил Форду письмо, в котором, в частности, с некоторым раздражением говорилось, что „те или иные временные особенности внутренней предвыборной ситуации в США не могут служить оправданием для того, чтобы ставить под удар все большое и ценное, что удалось с большим трудом достичь в советско-американских отношениях. На наш взгляд, требуется, особенно в нынешних условиях, принципиальность, с тем чтобы не оказаться во власти инерции политической борьбы, определяемой во многом конъюнктурными, привходящими обстоятельствами". Брежнев призывал Форда „взаимно проявить заботу о судьбе отношений между нашими странами".

В ответном послании Форд отмечал, что в ходе предвыборной кампании действительно можно услышать самые разные голоса. „Но я хочу попросить Вас, писал он, чтобы Вы всегда имели в виду: только президент или госсекретарь могут авторитетно говорить о нашей внешней политике. Я думаю, что моя позиция ясна: я неоднократно выступал в пользу - и остался приверженцем - дальнейшего улучшения советско-американских отношений. И я часто критикую тех, кто призывает к возрождению „холодной войны". Я буду и впредь это делать.

...И все же я не был бы до конца откровенным, продолжал президент, если бы не указал на то, что имеются причины для искреннего беспокойства в нашей стране за советско-американские отношения, причем беспокойства, которое нельзя отнести на счет соображений предвыборной кампании. Вам известны глубоко негативные последствия событий в Анголе... Вторая проблема относится к нашей политике в области обороны: мы оба имеем обязанности по защите национальной безопасности наших стран... Мы должны поддерживать более регулярный обмен мнениями, который, откровенно говоря, стал слишком редким".

Обмен посланиями ясно показывал, что предвыборная кампания в США с ее антисоветскими атрибутами все сильнее вторгалась в советско-американские отношения. Их нестабильность еще больше подрывалась ростом военных бюджетов и событиями в Анголе.

Скоукрофт говорит о трудностях

В начале мая я обедал со Скоукрофтом в Белом доме. Он сказал, что президент поручил ему в неофициальном порядке изложить мне их оценки положения некоторых дел.

Касаясь перспективы переговоров по ОСВ, Скоукрофт сослался на трудности: большие споры внутри администрации и предвыборная кампания.

Из его высказываний вытекало, что договоренность о соглашении по ОСВ, если вообще она будет достигнута в этом году, фактически планируется ими на период после предвыборного съезда республиканской партии (август), с тем чтобы постараться объявить о выработанном соглашении где-то в конце октября, т. е. накануне президентских выборов 2 ноября. Впрочем, говорил он об этом не очень уверенно.

В доверительном плане Скоукрофт обсуждал ход предвыборной кампании. Он признал, что Форд оказался в трудном положении. Допустил ряд тактических ошибок, способствующих успеху Рейгана (Форд упустил инициативу в предвыборных дебатах, занял оборонительную позицию, позволил Рейгану навязать дискуссию по выгодным для последнего вопросам).

Скоукрофт сказал далее, что, как они считают, кандидатом от демократической партии, судя по всему, будет бывший губернатор штата Джорджия Джимми Картер. В Белом доме при этом отдавали себе отчет в трудностях этой борьбы, поскольку, борясь сейчас с Рейганом, Форду пришлось сильно передвинуться вправо и поэтому ему будет нелегко переходить обратно на позиции центра, которые уже уверенно захватывает Картер.

Помощник президента заметил, что сейчас в контексте предвыборной борьбы на Форда сильное давление оказывают его консервативные советники и друзья, которые советуют освободить от должности госсекретаря Киссинджера, ставшего объектом жесткой критики со стороны Рейгана. Однако Форд пока продолжает твердо поддерживать Киссинджера, ибо отставка последнего могла бы быть расценена как фиаско всей внешней политики самого Форда.

Беседа со Скоукрофтом показала, что администрация и лично президент были целиком заняты предвыборной борьбой. У них уже не было конкретных планов в отношении продвижения вперед по тем или иным аспектам советско-американских отношений.

10 мая Киссинджер. передал предложение Форда Брежневу одновременно провести соответственно в Вашингтоне и в Москве в четверг, 13 мая, церемонию подписания Договора о ядерных взрывах в мирных целях. Они думают, что это нашло бы благоприятный отклик в стране, сказал он.

Брежнев дал на это согласие.

Однако буквально на следующий же день последовало срочное обращение Скоукрофта: Форд вынужден просить Брежнева отложить намеченную на завтра - по просьбе самого же президента - церемонию подписания этого документа. Президент чувствует себя весьма неловко перед Генеральным секретарем, но „без излишней дипломатии" хотел сказать прямо, что это вызвано сложным положением с первичными выборами в штате Мичиган, где еще одна победа Рейгана (после штата Небраска) могла бы иметь роковые последствия. Его советники по внутренним делам настоятельно просили его не идти сейчас на этот шаг, так же он добавил бы еще один неопределенный элемент в сложную ситуацию в штате. Внешнеполитические советники, наоборот, считали, что это „плюс". Все же он решил „после мучительных колебаний" последовать совету первых.

Этот эпизод лишний раз свидетельствовал о том большом замешательстве, в котором пребывал Форд в связи с крупными неудачами в предвыборной кампании. В самом Белом доме, как показывали наши

личные наблюдения, царил переполох. Характерна откровенная реплика Скоукрофта: „Мне кажется, пока не определятся результаты съезда республиканской партии (в августе), ничего путного в области внешней политики и наших отношений с вами не будет".

20 мая президент Форд обратился к Брежневу с просьбой все же провести подписание Договора о ядерных испытаниях в мирных целях. На этот раз он решил твердо следовать договоренности и подписать договор независимо от хода предвыборной кампании в США. Президент еще раз приносил свои извинения „за неловкую ситуацию", возникшую по его вине в прошлый раз (договорились о подписании 28 мая).

Тем временем активность Киссинджера как госсекретаря и как политического деятеля заметно уменьшалась. В беседе со мной в середине июня он пожаловался на то, что Форд практически запретил ему критиковать Рейгана по вопросам войны и мира и разрядки, поскольку это, дескать, оттолкнет от президента правое крыло партии. Советники даже убедили Форда отменить уже объявленные важные выступления Киссинджера в Калифорнии в защиту внешней политики администрации именно накануне решающих там выборов, чтобы не дать Рейгану дополнительного повода критиковать госсекретаря, а заодно и президента (Киссинджер не скрывал своего раздражения по поводу такого решения Белого дома). Вот почему, сказал мне в беседе Киссинджер, я решил больше совсем не вмешиваться в предвыборную стратегию и тактику президента. Пусть делают, что хотят.

200-летие США

200-летие США отмечалось в стране с большим размахом. Это был действительно народный праздник. Для Форда он был хорошим подспорьем в предвыборной кампании, ибо президент возглавлял все основные праздничные мероприятия.

Особо впечатляющим был морской парад в гавани Нью-Йорка, в котором участвовало большое число парусных судов из различных стран мира. От нас в нем участвовали самый большой парусник мира „Крузенштерн", а также парусник „Товарищ".

Парад принимал президент Форд, находясь на борту большого авианосца „Форрестол", там же были весь дипкорпус и высшее руководство страны. В целом зрелище было впечатляющее.

По окончании праздника находившиеся на верхней палубе авианосца перешли на большую платформу, которая обычно использовалась для подъема самолетов на верхнюю палубу, но в данном случае играла роль огромного пассажирского лифта. Народу собралось слишком много, было тесновато, но по-американски демократично: никаких отдельных лифтов для „важных персон". Мне даже пришлось немного помочь известному американскому автопромышленнику Генри Форду, которого довольно сильно прижали к стене.

С „Форрестола" мы с женой на моторной лодке поехали вверх по реке Гудзон к Вашингтонскому мосту, где на якоре стоял наш „Крузенштерн", на котором мы и переночевали. Из-за прилива и сильного ветра крупные волны достигали высоты в 2-3 метра. Пришлось испытать несколько неприятных минут, когда надо было не упустить момента и из лодки перескочить на трап

парусника. Но все обошлось благополучно. Правда, при аналогичных обстоятельствах лет десять спустя во время встречи на высшем уровне на острове Мальта один из наших фотографов был менее удачлив. Он не смог вовремя перескочить на трап и оказался в воде. Матросы, конечно, выловили его из моря, но ему пришлось расстаться со своей фотоаппаратурой.

В конце июля я был на обеде у Остина, президента корпорации Кока-кола". Он давно знал Картера, оказывал ему финансовую и иную поддержку.

Остин рассказал, что недавно в беседе с ним Картер поделился некоторыми соображениями о возможных кандидатах на посты в администрации, в случае если он станет президентом. Картер хотел бы иметь на посту госсекретаря Раска, но последний наотрез отказался, предпочитая остаться профессором в университете в Джорджии. Затем Картер остановил свой выбор на Бжезинском, с которым он близко познакомился во время совместной работы в „Трехсторонней комиссии" (организация, занимающаяся изучением проблем США, Западной Европы и Японии). Однако в последнее время Картера заметно насторожила одна черта Бжезинского: уж очень он любил заниматься саморекламой. А такие возможности на посту госсекретаря фактически безграничны. Вот почему Картер сейчас более склонен назначить на этот пост Вэнса или Болена. Бжезинского он планирует использовать в Белом доме, где он будет находиться под контролем, чтобы не заниматься чрезмерной саморекламой. Скорее всего, он может стать помощником президента по национальной безопасности, так как в целом Картер ценил Бжезинского.

Надо сказать, что семейство Рокфеллеров умело поддерживало перспективных людей, которые могли бы оказаться полезными любому будущему президенту США, и особенно в области внешнеполитической деятельности. Нельсон Рокфеллер всегда поддерживал Киссинджера (при республиканских администрациях Никсона и Форда). Банкир Дэвид Рокфеллер всячески покровительствовал Бжезинскому, способствуя его продвижению на руководящий пост в демократической администрации Картера.

Спустя несколько дней я был на ужине у старейшего деятеля демократической партии Гарримана, который стал одним из советников Картера. Гарриман высказал желание поехать в сентябре в Москву, встретиться там с Брежневым и Громыко, а затем по возвращении подробно рассказать обо всем Картеру. Через день Гарриман прислал мне с нарочным конверт, в котором находилась записка: „Я могу сейчас подтвердить, основываясь на своем личном разговоре с губернатором (Картером), что план, о котором я говорил (о поездке в Москву), встретил его полное одобрение". Из Москвы пришел положительный ответ, и Гарриман побывал в Москве (16-22 сентября). У нас осталось впечатление, что он больше говорил от себя, а не по прямому поручению Картера.

Президент Форд, узнав о моей предстоящей поездке в середине августа в Москву в отпуск, просил меня передать Брежневу, что он, несмотря на немалые трудности, самым серьезным образом настроен в пользу заключения договора по ОСВ. Он постарается дать свои предложения где-то в конце августа, с тем чтобы провести обмен мнениями с Громыко, когда министр в сентябре приедет в США на сессию Генассамблеи ООН. Интересно отметить, что Форд в течение всего года многократно и, видимо, искренне говорил нам о своей заинтересованности в договоре по ОСВ. Это

становилось для него каким-то ритуалом. Но эту заинтересованность он' никак не мог трансформировать в конкретную договоренность. Характерно, что Скоукрофт снова дал мне понять, что в администрации продолжается острая борьба по этому вопросу, причем исход этой борьбы все еще неясен. Киссинджер не скрывал, что у него самого руки ныне связаны и что договор вряд ли будет заключен в этом году, несмотря на попытки Форда уверить нас в обратном.

В августе в Канзас-Сити съезд республиканской партии выдвинул своим кандидатом на пост президента Форда, который лишь небольшим числом голосов одержал победу над Рейганом (1187 делегатов съезда против 1070).

Форду предстояла трудная предвыборная борьба с Картером.

Политбюро определяет свою позицию в связи с выборами в США

22 августа на заседании Политбюро я сделал сообщение о советско-американских отношениях в свете предвыборной обстановки в США. Было много вопросов о шансах Форда и Картера, об их позициях по разным вопросам и о нашем отношении к обоим кандидатам. Картер был нам мало известен, но несколько настораживала его репутация „моралиста".

После оживленного обсуждения Политбюро приняло решение, в котором, в частности, говорилось: „Нам следует продолжать вести дела с администрацией Форда, как обычно, руководствуясь нашими долгосрочными интересами в отношениях с США.

Одновременно с этим продолжать работать с окружением Картера и пойти на установление контакта лично с Картером в случае проявления им готовности к этому.

При освещении избирательной кампании в США советской печатью представляется целесообразным придерживаться спокойной и сбалансированной линии, не создавая впечатления, будто мы отдаем предпочтение одному из двух кандидатов в президенты".

Осуществляя эту линию, советская сторона продолжала переговоры по разным вопросам. В Женеве с 21 сентября по 20 ноября проходили очередные советско-американские переговоры по ОСВ. Глава американской делегации посол Джонсон по прибытии в Женеву оптимистично заявил, что правительство США надеется достичь договоренности с Советским Союзом еще до президентских выборов 2 ноября. Однако и эти переговоры не привели к успеху, так как администрация Форда, будучи занятой целиком выборами, не смогла выработать компромиссный подход к этим переговорам. Не помогли и встречи Громыко с Киссинджером и Фордом (соответственно 30 сентября и 1 октября), на которых также основное внимание было уделено завершению выработки нового долгосрочного соглашения об ОСВ. Дело фактически было отложено до следующего года, а может быть, и до следующей администрации.

В октябре Политбюро вновь вернулось к вопросу о президентской кампании в США. На этот раз оно обсудило подготовленную МИД записку, содержащую анализ предвыборной кампании в США. В записке, в частности, говорилось, что в подходе Форда и Картера к советско-американским отношениям принципиальных расхождений нет. Ни тот, ни другой не

пытаются ставить под сомнение значение для США отношений с СССР. Вместе с тем отмечалось, что „в общей тональности внешнеполитических заявлений Форда и Картера нашло, видимо, отражение определенное поправение" настроений в США, в том числе в вопросах отношений с СССР, что вызвано комплексом внутренних и внешних причин.

Что касается нашей линии в отношении США, то она оправдывает себя, и в складывающейся обстановке нам следует и дальше сочетать готовность развивать мирное конструктивное сотрудничество с США с твердым противодействием отрицательным проявлениям в американской политике". Этот вывод был одобрен Политбюро.

В следующий приезд в Москву (для участия в октябрьском пленуме ЦК КПСС) я, как всегда, встретился с Брежневым наедине. Мыслил он, однако, весьма упрощенными категориями. Он негодовал, почему Форд не сделал знаменем" своей кампании „борьбу за мир, против мракобеса Рейгана", что, дескать, повело бы за ним „всех честных американцев". Возмущался Брежнев и использованием против нас ангольской темы, ибо считал, что там мы делаем „справедливое дело". Я постарался снова изложить ему этот вопрос, как он выглядел в глазах американцев, но большого успеха не имел, поскольку он считал, что США просто не хотят принять „честность его намерений" в Анголе, где СССР не стремится иметь никаких военных баз, а лишь помогает „местным патриотам-интернационалистам". Короче, в этих вопросах он по-прежнему оставался в идеологическом плену.

Вместе с тем Брежнев убежденно стоял на необходимости улучшения отношений с Америкой, рассматривая это как одно из главных направлений советской внешней политики, и поддерживал мои усилия в этом плане. Надо сказать, что по-своему он завидовал и даже восхищался достижениями США в том, что касается высокого уровня жизни населения, экономики, науки и техники (он об этом мне сам говорил наедине), но в то же время утверждал, что будущее все же за социализмом и что в конечном счете он победит в историческом соревновании с капитализмом. Брежнев полностью исключал при этом возможность какой-либо войны с США, ибо это было бы „концом света". Поэтому все домыслы в США о каких-то возможных планах „превентивного удара" со стороны Советского Союза были лишены всяких оснований. Об этом я могу твердо заявить.

Разрядка в отношениях с США была действительно целью Брежнева, хотя он и не понимал полностью всех ее сложностей в тот исторический момент. „Классовый подход" к вопросам внешней политики входил в его политическое кредо. США в этом смысле оставались для него основным противником, который стремился подорвать социалистические устои в Советском Союзе и в социалистическом лагере. Соответственно и разрядка для него, как и для Форда, имела свои пределы.

Киссинджер делает исторический экскурс

В конце октября Киссинджер пригласил меня для беседы. Он сказал, хотел бы в общей и неофициальной форме „бросить взгляд" - за несколько дней до выборов - на общее состояние советско-американских отношений.

Госсекретарь назвал период с 1969-го по 1974 год „временем больших свершений" в наших отношениях и взлета политики разрядки. Однако затем

наступил определенный спад, достигший, по его мнению, в данный момент в силу предвыборной кампании своей низшей точки за весь период администрации Никсона - Форда. По оценке Киссинджера, этот спад в советско-американских отношениях начался в 1974 году, когда американский конгресс отказал Советскому Союзу в предоставлении режима наибольшего благоприятствования в торговле, связав этот вопрос с проблемой эмиграции из СССР.

С этого момента влиятельные еврейские круги в США решительно противодействовали любым шагам по развитию советско-американских отношений. В значительной степени такой позиции придерживались и американские средства массовой информации, где либеральные журналисты находились под влиянием этих кругов.

Следующим фактором, приведшим к спаду, явилось, по его мнению, то, что в период подготовки парижских соглашений по Вьетнаму и сразу же вслед за ними СССР - „именно СССР, а не Китай" - осуществил массированные военные поставки Северному Вьетнаму, что позволило последнему начать вскоре после этого мощное наступление на юге и перечеркнуть эти соглашения.

Затем последовали ангольские события. Он по-прежнему интерпретировал их как преднамеренное нарушение Советским Союзом глобального равновесия с Америкой с использованием кубинцев, что, дескать, вызвало большой резонанс в США и настроило общественное мнение против политики разрядки с СССР, а это нашло отражение и в предвыборной кампании в США.

Киссинджер представлял текущие события на юге Африки как продукт советско-американского соперничества, а не как борьбу коренного населения за свою свободу и независимость. Он при этом утверждал, будто на юге Африки мы преследовали антиамериканские цели и стремились нанести ущерб интересам США, а может быть, и ему лично.

Я ответил Киссинджеру, что кое в чем он, видимо, прав и с рядом его доводов можно согласиться. Сказал ему вместе с тем, что неудачи американской внешней политики, в частности и в Африке, в том числе подчас и из-за ошибок самого Киссинджера, нельзя автоматически переносить на советско-американские отношения, а тем более представлять все дело так, будто в неблагоприятном для США развитии внешних событий всегда виноват только СССР. Мы, конечно, не святые, но и американцы небезгрешны.

Киссинджер примирительно сказал, что его высказывания носили „характер краткого исторического экскурса". Он просто откровенно - не для полемики - высказывал вслух то, что сам думал и что думали многие в США на этот счет.

В комментариях Киссинджера по поводу выборов чувствовалось, что он сейчас не очень был уверен в том, что Форд в случае победы оставит его на посту госсекретаря. Тут могут сыграть негативную роль и нападки на него со стороны „мелких людей", окружавших Форда, и яростные нападки со стороны правого крыла республиканской партии во главе с Рейганом и демократов во главе с Картером, что вместе взятое влияло на общественное мнение, подрывая его репутацию. Самому Форду вряд ли было приятно, когда в дебатах по общенациональному телевидению Картер прямо заявил, что в США сейчас один „президент по иностранным делам" и что таковым является не Форд, а Киссинджер.

В целом чувствовалось, что мой собеседник, человек незаурядного ума, явно растерян и озабочен в связи с неясным исходом предвыборной борьбы и возможным развитием событий.

Поздно вечером 30 октября мне позвонил Скоукрофт. Группа еврейских лидеров обратилась к президенту Форду с фактическим ультиматумом: „Он должен публично высказать свое сочувствие тем, кто добивается права эмигрировать из СССР". Картер, заявили они, сделал это, послав специальную телеграмму сочувствия группе евреев в Москве. Еврейские лидеры, по существу, пригрозили поддержать Картера, а не Форда, если он не сделает то же самое. Форд уступил, сказал извиняющимся тоном Скоукрофт. Он попросил нас „проявить терпение и понимание еще в течение 48 часов, пока окончится все это сумасшествие" (в связи с выборами), добавив, что после этого все встанет „на свои места". Несколько ночей у нашего посольства в это время выстраивались пикеты сионистов с факелами и антисоветскими плакатами.

Форд проигрывает выборы

2 ноября состоялись президентские выборы в США. Победил Картер, кандидат демократов. Форд проиграл. За Картера проголосовало 40,8 млн. американцев, или 51 процент принимавших участие в голосовании. За Форда подали голоса 39 млн. американцев (48 процентов). Победа Картера была не очень убедительной, тем не менее он стал тридцать девятым президентом США.

3 ноября я встречался по служебным делам с Хайлендом, заместителем Скоукрофта. Как раз в это же время Форд вместе с женой и со всем своим семейством в соседнем зале Белого дома выступал с заявлением перед многочисленной группой репортеров о признании своего поражения. Форд сорвал голос в последние дни своей избирательной кампании, и значительную часть традиционного заявления сделала перед микрофоном его жена. И Форд, и его жена тяжело переживали поражение. В близком кругу Форд с горечью воскликнул: „А ведь победа была очень близка. Где же мы не доработали?" Он, однако, отказался опротестовать результаты выборов, как ему советовали некоторые его друзья.

По моим личным наблюдениям, тактика умиротворения правых явно не принесла Форду политических дивидендов. Его неустойчивый курс во внешней и внутренней политике шел вразрез со все еще широко распространенными в США послевьетнамскими настроениями и при этом не снискал ему поддержки ультраконсерваторов, делавших ставку на Рейгана. Форду не удалось привлечь на свою сторону значительную часть сил, составлявших основу избирательной коалиции демократической партии. В оппозиции к президенту оказались профсоюзы, недовольные его социально-экономической политикой. За Форда практически не голосовали представители этнических меньшинств. На Юге страны южанин Картер- имел явное преимущество над Фордом. Большую роль в определении предпочтения избирателей сыграли прошедшие перед выборами общенациональные телевизионные дебаты между двумя кандидатами. Смотрела их вся Америка. Как известно, Форд никогда не был хорошим оратором, да и его реакция на острые вопросы была заторможенной, порой недостаточно продуманной, давал повод для критики. Картер смотрелся вполне „по-президентски".

Объяснимо было и желание избирателей, чтобы в руководстве страной оказались новые лица, способные вернуть пошатнувшееся доверие истэблишменту в Вашингтоне.

Большинство политических обозревателей и комментаторов характеризовало Форда как порядочного и честного человека (что, видимо, на американском политическом лексиконе звучало как своего рода похвала для лица, занимающего высший пост в США), но не очень способного, чтобы и дальше возглавить страну в столь сложное время.

Киссинджер подводит итоги

На следующий день у меня состоялась неофициальная доверительная беседа с Киссинджером.

Госсекретарь пребывал в каком-то отрешенном состоянии. Он сказал, что хотя умом он уже в течение некоторого времени до выборов понимал, что, скорее всего, Форд проиграет, но, „как бывает в случаях надвигающейся неприятности", мысль об этом невольно отгонялась в ожидании благоприятного поворота событий. „Теперь ждать больше нечего. Надо думать, что делать дальше".

Киссинджер сказал, что до сих пор серьезно не задумывался, где и кем он будет после 20 января, когда Картер вступит в должность президента. Он и сейчас еще не знает этого. Вариантов немало, но все они после большой работы на посту госсекретаря кажутся недостаточно серьезными и интересными. Проблема денег не стоит, сказал он, я могу их зарабатывать, учитывая популярность, которую приобрел. Речь идет о нахождении такого дела, которое бы внутренне меня удовлетворяло.

Он резко критиковал Форда, за неумелое использование им в ходе избирательной кампании плюсов американской внешней политики, особенно отношений с СССР, в чем он явно пошел на поводу у Рейгана и ему подобных.

Особенно он ругал Форда за недальновидность и колебания, которые помешали заключить новое соглашение по ОСВ. Я уверен, сказал госсекретарь, что если бы сразу после моего возвращения из Москвы в январе этого года Форд принял твердое решение, заставив Пентагон считаться с его мнением, то уже в марте можно было бы подписать такое важное соглашение. И я уверен, что, хотя это соглашение могло бы явиться предметом дискуссии в ходе предвыборной кампании, в целом большинство американских избирателей поддержало бы Форда в этом вопросе, особенно если бы это соглашение было выпукло представлено президентом в контексте проблемы войны и мира, которая по-прежнему является основным фактором, определяющим отношение американцев к внешней политике-.

Киссинджер далее заметил, что, несмотря на существующее, несомненно, в Москве раздражение в связи с теми или иными его ходами в международной политике, он был, есть и останется человеком, считающим, что на современном этапе международной истории советско-американские отношения являются определяющим фактором мировой политики. Все остальное - производное.

В заключение беседы он сказал, что, конечно, хотел бы закончить некоторые крупные дела в международной политике, но в оставшиеся два месяца вряд ли можно будет это сделать.

В целом надо признать, что, несмотря на его зигзаги и политические маневры в определенных сферах наших отношений, Киссинджер сыграл большую роль в общем улучшении советско-американских отношений в период администраций Никсона и Форда, в становлении политики разрядки. В этом его несомненная личная заслуга как крупного политического деятеля США.

Подводя черту под президентством Форда, хочу высказать свое личное мнение. „Звездным часом" его президентства была договоренность во Владивостоке по ограничению стратегических вооружений. И Форд стоял перед выбором: завершить ли владивостокскую договоренность, несмотря на оппозицию справа, заключением нового соглашения по ОСВ-2 (что было возможно) или отвернуться от этой возможности и от своего наивысшего достижения во внешней политике. Окончательное решение, которое он принял в этой связи под влиянием предвыборной кампании, видимо, стоило ему президентства.

Политбюро об отношениях с новым президентом США

Сразу после выборов в США Политбюро одобрило рекомендации Министерства иностранных дел, которое отмечало, что заблаговременное налаживание диалога с Картером имеет тем большее значение, что с его избранием к руководству в США пришла другая партия. К тому же на формирование линии Картера в отношении СССР может отрицательно сказаться то общее „поправение" в политических настроениях в США, которое происходит там в последнее время и которое в столь резких формах проявилось в ходе предвыборной кампании.

В качестве нашего первого шага в связи с избранием Картера президентом США, указывалось в записке МИД, следует дать указание послу в Вашингтоне установить неофициальный контакт с Картером через его доверенное лицо. Если со стороны Картера будет проявлена взаимная заинтересованность в завязывании делового диалога с нами еще до вступления в должность, передать ему от Брежнева конфиденциальное личное послание, которое будет подготовлено.

Идя на поддержание контактов с Картером до его вступления в должность, нам, естественно, не следует свертывать деловые отношения с администрацией Форда, которая будет действовать еще до 20 января.

Такова была позиция Политбюро, утвержденная на ближайшие два месяца.

4 ноября я получил указание установить неофициальные контакты с Картером.

В тот же день я передал поздравления Гарриману от Брежнева и Громыко в связи с его 85-летием.

Гарриман сказал, что Картер начал исподволь заниматься делами. Он придает большое значение отношениям с СССР. Поэтому уполномочил Гарримана сообщить советскому послу, что Картер считает важным лично встретиться с Брежневым в целях поддержания мира во всем мире. Он вообще считает полезным организацию в последующем таких встреч на регулярной основе, может быть, раз в год.

На вопрос Гарримана, как можно было бы с пользой использовать оставшиеся два с половиной месяца до вступления Картера на пост

президента, я ответил, что в этом случае, видимо, было бы полезно установление неофициального контакта с[1] новым президентом через его доверенное лицо.

В середине ноября Гарриман прислал мне с нарочным записку, в которой сообщал, что Картер предложил ему „продолжать действовать в качестве негласного канала для связи между Генеральным секретарем и Картером".

Через несколько дней я вновь встретился с Гарриманом и передал через него Картеру привет и поздравления от Брежнева в связи с избранием его президентом США. Сказал далее, что мне поручено также довести до сведения Картера следующее: „Генеральный секретарь с интересом ознакомился с высказываниями г-на Картера, переданными через Гарримана. У нас встречает должное понимание заявление г-на Картера в поддержку продолжения усилий, направленных на то, чтобы советско-американские отношения были дружественными. В Москве разделяют точку зрения о том, что в центре этих отношений должны стоять вопросы взаимного ограничения и прекращения гонки вооружений. Мы готовы в полной мере взаимодействовать с г-ном Картером как новым президентом США, руководствуясь принципами равенства и взаимной выгоды сторон. Брежнев положительно оценивает выдвинутую г-ном Картером мысль о возможной личной встрече между ними".

Гарриман обещал все это передать Картеру, с которым он должен встретиться через несколько дней в его штаб-квартире в г. Плейнсе (штат Джорджия).

Когда мы вновь встретились с Гарриманом, он сказал, что довел до сведения Картера соображения, высказанные в послании Брежневу. Картер уполномочил Гарримана сообщить для передачи Брежневу, что признателен за выраженные в нем чувства. Он лично высоко ценит тот факт, что получил изложение взглядов Генерального секретаря. Хотя у него нет возможности вести переговоры до своего вступления в должность, он хотел бы заявить, что разделяет стремление Брежнева улучшить отношения между нашими странами.

Гарриман сказал далее, что, как заявил Картер, когда он станет президентом, то быстро и настойчиво будет действовать в интересах достижения соглашения по ОСВ. Картер, разумеется, не может быть связан предыдущими переговорами. В то же время он полностью учтет работу, проделанную за последние два года, и надеется, что переговоры по ОСВ будут завершены встречей на высшем уровне.

Я тут же обратил внимание Гарримана на то, что мне непонятно высказывание Картера, что он не считает себя связанным предыдущими переговорами по ОСВ, ведь переговоры официально велись от имени США. Гарриман ответил, что он тоже спрашивал об этом Картера. Последний сказал, что он хочет лишь оговорить за собой право высказать некоторые, возможно, новые соображения или коррективы, которые могут у него возникнуть в контексте окончательного соглашения, особенно если они могут способствовать развязке остающихся спорных вопросов.

Вскоре в Вашингтоне был устроен большой обед в честь 85-летия Гарримана (из иностранцев был приглашен лишь я один). Истэблишмент США был представлен на редкость полно. Было много приветственных речей и поздравительных телеграмм.

С ответным словом выступил юбиляр. Он вспоминал наиболее важные моменты из своей долгой политической жизни. Затем неожиданно для

собравшихся произнес эмоциональную речь, в которой подчеркнул необходимость развития хороших советско-американских отношений. Советские руководители, заявил он, также хотят мира с США. Те, кто считает, что они готовятся к первому удару по США, шизофреники. У них есть свои дети, внуки и правнуки, которых они так же любят, как и мы своих, сказал он.

Министр финансов Саймон, который только что вернулся из Москвы, где беседовал с Брежневым, по возвращении в Вашингтон сразу же связался с Картером и передал ему высказанное Брежневым опровержение „недобрых вымыслов", которыми сейчас кое-кто пытается стращать Картера, утверждая, будто после его вступления на пост президента Советский Союз устроит ему „испытание нервов".

Я не знаю, отметил Саймон в беседе со мной, верил ли сам Картер подобным выдумкам или нет, но они действительно были пущены в ход кем-то из окружения самого Картера. Для меня, однако, было ясно одно -Картер с явным облегчением воспринял это сообщение Генерального секретаря.

Сам Картер вскоре в интервью по телевидению заявил, что он получил через министра финансов Саймона сообщение лично от Брежнева о том, что СССР не собирается устраивать ему „испытание" в начальный период его администрации и что СССР желает мира. Картер подчеркнул, что он сам хочет поддерживать мирные отношения с СССР и намерен сдвинуть „с мертвой точки" советско-американские переговоры по ОСВ, которые „топчутся на месте" с января - февраля 1976 года.

Форд как президент США

В ряду послевоенных президентов США Форд не занимает особо заметного места. О нем пишут и говорят как бы скороговоркой. По своим личным качествам Форд - общительный человек без особых претензий. Как президент, он не был колоритной фигурой, как и не был хорошим оратором или интеллектуалом. В этом, впрочем, он не был исключением среди ряда других президентов. Тот факт, что он не был „избранным" президентом, также вредил его репутации. Да и президентом-то он был всего немногим более двух лет.

Вместе с тем справедливость требует подчеркнуть, что администрация Форда-Киссинджера продолжала в общих чертах следовать сформировавшемуся при Никсоне внешнеполитическому курсу, предусматривавшему переход „от эры конфронтации к эре переговоров". Сам Форд не был вдохновителем каких-либо враждебных антисоветских акций. Более того, следует отметить определенные события, связанные с президентством Форда, которые оставили свой позитивный след в наших отношениях и международной обстановке того времени. Прежде всего нужно назвать владивостокскую встречу, продолжившую процесс выработки важного соглашения по ОСВ. Далее, президент Форд от имени США подписал хельсинкский Заключительный акт в числе высших руководителей тридцати пяти государств-участников общеевропейского совещания, что сыграло немалую роль в дальнейшем развитии событий в Европе. Наконец, при администрации Форда завершилась многолетняя война во Вьетнаме.

Однако политический портрет Форда в том, что касается отношений с СССР, был противоречив. Достаточно вспомнить его публичный отказ использовать слово „разрядка", заменив его формулой „мир посредством силы". Он не принял никаких практических мер, чтобы помешать принятию дискриминационного торгового законодательства в отношении СССР, и сам же подписал такой закон. По своим убеждениям он был консерватор, хотя и понимал необходимость политического маневра, правда, лишь в ограниченных пределах.

В отношениях с СССР Форд проявлял осторожность и нерешительность. Он хотел договоренности по ОСВ, но избегал ссоры с Пентагоном. Он был доброжелательно настроен в отношении улучшения советско-американских отношений, но не был готов активно бороться за это. Он вообще не смог должным образом ответить на „вызов правых" (как он сам назвал главу о своей предвыборной борьбе в мемуарах). В конце концов, растущая политическая неустойчивость президента Форда в ходе предвыборной кампании привела к тому, что политика разрядки была практически отодвинута им на задний план.

В конце президентства Форда в декабре 1976 года Брежневу исполнилось 70 лет. Будучи уже больным человеком, он уверовал - не без влияния своего ближайшего окружения в Политбюро - в непогрешимость советской внутренней и внешней политики. Он не видел необходимости в какой-либо серьезной корректировке своего курса, хотя жизнь требовала внесения определенных изменений, в том числе и в практическом осуществлении курса разрядки. Стагнация мышления, идеологическая инерция и отсутствие необходимой гибкости неизбежно обрекали советскую политику на крупные промахи и заводили ее в тупик.

В целом это был критический момент для советско-американских отношений. В США на смену Форду пришел президент Картер, новый человек в международном общении с неясной еще политической платформой. В самой Америке продолжалась активная борьба, которая в последующие годы должна была во многом решить кардинальный вопрос: быть или не быть разрядке в отношениях между крупнейшими державами современности. К сожалению, история распорядилась так, что противоречивое правление Картера ознаменовалось дальнейшим упадком, а затем -после афганских событий - и.окончательным распадом процесса разрядки.

ЧАСТЬ

VI

ДЖЕЙМС КАРТЕР: КОНЕЦ ПРОЦЕССА РАЗРЯДКИ, 1977—1981 ГГ.

После официальной беседы с
президентом
Дж.Картером и
госсекретарем С.Вэнсом,
Белый дом. 1978 год

1. ПЕРВЫЙ ГОД ПРЕЗИДЕНТА ДЖ.КАРТЕРА

За всю современную историю Соединенных Штатов не было, пожалуй, государственного деятеля, пришедшего в Белый дом со столь невыразительным политическим багажом и со столь не впечатляющей допрезидентской биографией, как Дж.Картер. Еще в начале предвыборной суматохи Картер считался одним из наименее перспективных кандидатов в президенты. „Джимми - кто это?" - иронизировали юмористы. Форд за несколько месяцев до выборов считал, что он без особого труда победит Картера.

Картер интриговал дипломатический корпус Вашингтона (как и большинство американских избирателей) своей относительной неортодоксальностью и своеобразием политических взглядов и суждений. Хотя у него и не было четкой программы, в его выступлениях многие рядовые американцы могли услышать то, что им хотелось услышать. Он не принадлежал к вашингтонскому истэблишменту, да у него и не было своей солидной базы в собственной партии. Это было необычно, что также привлекало внимание. Его публичное поведение было нестандартным. Короче, выглядел он довольно оригинально на американском политическом небосклоне.

В сообщениях в Москву после избрания Картера президентом мне трудно было делать какие-либо четкие обобщения или прогнозы: слишком уж много было неизвестного. Правда, я надеялся, что Картер, получив военно-техническое образование и прослужив какое-то время на подводном флоте США в качестве офицера, мог оказаться более квалифицированным и более устойчивым партнером на переговорах по вопросам ограничения ядерных вооружений, чем его предшественники в Белом доме.

И все же советское руководство предпочло бы иметь дело с Фордом, нежели с Картером. Лучше знакомый президент, чем незнакомый, да еще с замашками религиозного проповедника, опасными для политического деятеля.

Жизнь оказалась еще сложнее, а сам Картер и его президентство -гораздо более противоречивыми, чем это казалось вначале.

В личном плане я с уважением отношусь к Картеру, к его высоким нравственным убеждениям. Он опередил многих в своих призывах обращать больше внимания на такие общечеловеческие ценности, как реальное разоружение, права человека, борьба с голодом, экология, необходимость сохранения и правильного использования ресурсов всей планеты. Многие считали его наивным человеком. Это, конечно, не так. Однако в области практической политики он не добился сколько-нибудь заметного успеха. Его президентство оценивается многими американскими исследователями как неустойчивое и непоследовательное. В Советском Союзе период президентства Картера считают одной из неудачных страниц советско-американских отношений.

На основании личных наблюдений я склонен согласиться с такими оценками. Пожалуй, одной из главных причин такого правления Картера

явилось несоответствие между замыслами, порой неплохими, и политическим умением последовательно проводить их в жизнь. Он упорно стремился внести обязательно что-то свое во все вопросы, подчас даже заглядывая вперед, как, например, в разоруженческих проблемах. Но он упрямо отстаивал свой подход даже тогда, когда это порождало трудно преодолимые разногласия с внутренними и внешними оппонентами. Ему недоставало гибкости. Его чрезмерный воинствующий морализм, упрямство и эмоции вступали в противоречие с реальной политикой. Стремясь к лучшему, он порой недооценивал просто хорошее. В погоне, например, за „жар-птицей" - радикальным сокращением ядерных вооружений - он упустил „синицу" - ратификацию договора об ОСВ-2.

Действовал Картер подчас так, как если бы он опровергал известную мысль о том, что политика - это искусство возможного. Порой ему просто не везло. Но чаще всего ему не удавалось определить главное, чтобы правильно начертать курс своего правительства, а затем настойчиво проводить его в жизнь. Этому немало способствовала разноголосица в верхнем эшелоне власти, среди его основных советников. Все это предопределяло известные метания самого Картера и его противоречивую, а подчас просто чрезмерную реакцию на разные международные события.

В результате президентство Картера часто переживало кризисы и мини-кризисы, особенно в отношениях с Советским Союзом.

Ниже излагается более детальная история советско-американских отношений при президенте Картере. Она напоминает сложную и запутанную шахматную партию, с той лишь разницей, что в реальной жизни, она закончилась поражением обеих соперников, развалом политики разрядки.

* * *

В 1977 году основные события внутриполитической жизни, как и деятельность США на международной арене, носили на себе в той или иной мере печать становления новой администрации президента Картера.

В социально-экономическом отношении программа Картера в том виде, как он ее постепенно развернул в течение года, была умеренно консервативной, правда, с вкрапленными-„популистскими мотивами". Картер улавливал настроения избирателей, которые связывали с приходом нового президента надежды на улучшения, и стремился всячески расширить свой электорат.

На практике это вылилось в политическое маневрирование по широкому кругу вопросов. Но это лишь усиливало недовольство деятельностью президента, особенно к концу года, когда стало ясно, что Картер не добился серьезных практических результатов в вопросах, наиболее волнующих американцев.

Развитие внутриполитической обстановки во многом определялось также противоборством администрации Картера с конгрессом, который упорно добивался усиления своей роли в формировании и даже проведении внутренней и внешней политики, внося существенные коррективы в планы президента.

Что касается внешнеполитической деятельности, то администрация Картера стремилась восстановить международные позиции США, серьезно

подорванные вьетнамской авантюрой. Для достижения этой задачи президент провозгласил своей главной целью укрепление отношений США с их военно-политическими союзниками в рамках треугольника „Северная Америка - Западная Европа - Япония", а также усиление военной мощи блока НАТО.

В условиях международной разрядки „цементировать" внешнюю политику Запада призвана была провозглашенная администрацией Картера политика „защиты прав человека", острие которой было направлено против СССР и стран социалистического содружества. Эта политика ставила также вспомогательную задачу - заручиться поддержкой внешней политики администрации со стороны широких слоев общественности, преодолеть глубокий раскол в США, который был порожден вьетнамской войной и „уотергейтом". Делалось это, однако, за счет углубления раскола в отношениях с СССР.

В своем подходе к новой администрации в США советское руководство исходило из желания сохранить процесс разрядки, считая стержневым направлением в отношениях с США вопросы ограничения гонки вооружений, и среди них прежде всего завершение подготовки нового соглашения по ОСВ. Москва, по выражению Громыко, считала это „вопросом вопросов". Однако администрация Картера с самого начала недооценила проблему преемственности в советско-американских отношениях, что выразилось прежде всего в попытках отойти от владивостокской договоренности как основы переговоров по заключению нового соглашения по ОСВ.

Потребовалось немало времени, прежде чем администрация Картера убедилась в бесперспективности такого подхода.

Советско-американские отношения, пережив в начале правления Картера период значительных трудностей, лишь постепенно, в последние месяцы 1977 года, стали несколько выравниваться. Отрицательно сказалась на общем климате отношений развернутая Картером с первых дней пребывания в Белом доме идеологическая кампания в защиту прав человека. Преподносилось все это чуть ли не как обретение Америкой „новой морали" во внешней политике (после „аморальности" периода Никсона-Киссинджера-Форда). Одновременно это было удобным пропагандистским противовесом принципу мирного сосуществования двух систем, который оказывал все большее воздействие на умы людей.

Все это происходило в условиях, когда советское руководство упорно следовало консервативному курсу во внутренней политике и не могло, конечно, эффективно противостоять развернутой на Западе кампании в защиту прав человека. Давала себя знать и пущенная в ход в США теория, будто в разрядке, в достижении соглашения по ОСВ, Советский Союз заинтересован больше, чем США.

В этой связи новые мартовские предложения по ОСВ, с которыми Вэнс приезжал в Москву, были расценены советским руководством как попытка вести дела с СССР с позиций силового навязывания своей точки зрения. Советская же сторона придерживалась согласованного ранее владивостокского подхода.

Переговоры по этим вопросам осложнились и затянулись.

Встречи Громыко с Картером и Вэнсом в сентябре 1977 года способствовали некоторому прогрессу на переговорах по ОСВ. Выявилась реальная возможность достичь соглашения. Однако вскоре администрация Картера стала проявлять колебания относительно целесообразности форсирования

переговоров по ОСВ. Тут определенно сказались внутриполитические расчеты администрации - в стране возникли разногласия вокруг новых договоров по Панамскому каналу. Белый дом считал, что если к этим договорам, обсуждение которых в конгрессе проходило бурно, добавить еще один спорный договор об ОСВ, то законодатели за одну сессию „не переварят" все, и нужно вначале отдать приоритет одному из них. Картер сделал выбор в пользу „проталкивания" в первую очередь панамского вопроса, что в конечном счете и привело к тому, что договор об ОСВ хотя и был впоследствии подписан, но так и остался нератифицированным, поскольку у администрации больше не осталось политического капитала для этого (это признал и сам Картер в беседе со мной спустя несколько лет).

Заметное место в советско-американских отношениях занимали проблемы ближневосточного урегулирования. Вначале администрация шла на сотрудничество с СССР по вопросам созыва Женевской конференции по ближневосточному урегулированию и выработке отдельных принципов такого урегулирования. В результате появилось известное советско-американское заявление по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 года, составленное Громыко и Вэнсом в Нью-Йорке. Впоследствии, однако, администрация Картера взяла курс на отход от согласованных с СССР позиций, и вопрос о созыве Женевской конференции оказался фактически снятым с повестки дня.

Определенную роль сыграл тут и прежний непрактичный подход Москвы к этому вопросу.

Заметно возросло значение африканского фактора. Еще больше, чем администрация Форда - Киссинджера, новая администрация Картера стремилась оказать нажим на СССР, рассматривая локальные конфликты через призму основных советско-американских отношений.

К позитиву следует отнести подтверждение администрацией Картера линии на дальнейшее сотрудничество по основным направлениям двусторонних отношений в области медицины, охраны окружающей среды, науки и техники, космоса.

Отношения в торгово-экономической сфере сколько-нибудь заметного развития не получили, хотя администрация на словах признавала необходимость такого развития.

Традиционный „медовый месяц" доброжелательных отношений между Белым домом и прессой длился в первый год президентства Картера почти девять месяцев - больше, чем у Кеннеди и Форда (до разоблачения финансовых махинаций Берта Пенса, близкого друга Картера). Пресса широко и с одобрением писала о решениях Картера продать дорогую президентскую яхту „Секвойя", отключить несколько десятков телевизоров в помещениях Белого дома, сократить число персональных автомобилей, закрепленных за сотрудниками его аппарата, рекламировала его „привычку" обходиться без носильщиков при поездках по стране. Подражая Ф.Рузвельту, Картер ввел в практику телевизионные „беседы у камина". Одевался он при этом подчеркнуто демократично: бежевый вязаный джемпер поверх белой рубашки с галстуком. По частоте появления в печати статей, посвященных его личности, Картер в первый год значительно превзошел не только Форда, но даже и Никсона. После 1977 года благожелательное отношение к личности Картера со стороны журналистов пошло на -убыль.

Киссинджер передает дела

4 января я встретился с новым госсекретарем Вэнсом за завтраком, который Киссинджер устроил в своем кабинете в госдепартаменте. Мы завтракали втроем.

Беседа началась с шутливой реплики Киссинджера, что он хотел бы „передать дела" в области советско-американских отношений новому госсекретарю в присутствии советского посла и высказать в этой связи некоторые „напутствия" новому госсекретарю.

Он подчеркнул большое значение конфиденциального канала (госсекретарь - советский посол) для поддержания непосредственного диалога между президентом США, с одной стороны, и Брежневым и Громыко - с другой. Киссинджер отметил особую роль, которую играли в наших отношениях встречи на высшем уровне.

Вэнс ответил, что Картер и он разделяют это мнение. В сугубо неофициальном плане он заметил, что с новым президентом обсуждал даже примерные сроки возможной встречи в верхах. В предварительном плане они сошлись с Картером во мнении, что такая встреча может состояться до сентября 1977 года, имея в виду, что к этому времени удастся договориться по поводу соглашения по ОСВ.

Вэнс заявил, что вопрос о новом соглашении по ОСВ занимает важнейшее место во всей внешнеполитической программе Картера, равно как и вообще вопросы советско-американских отношений. Я выразил удовлетворение по поводу этого заявления Вэнса.

Затем мы обсудили положение дел на переговорах по ОСВ.

В целом Вэнс проявил интерес к разоруженческой тематике.

Он затронул вопрос „о правах человека", заявив, что, откровенно говоря, он уже много лет „предан гуманным идеям защиты прав человека", что этого требуют его совесть и религиознее убеждения.

Я ответил, что он, разумеется, волен иметь любые убеждения. Тут не может быть никаких претензий. Другое дело, если эти воззрения и убеждения привносятся в межгосударственные отношения, а это не может не привести к осложнениям в отношениях между нашими двумя государствами, особенно когда подобные взгляды оборачиваются фактически прямым вмешательством в наши внутренние дела. Во всяком случае таково наше убеждение.

Тут вмешался Киссинджер, заметив, что в таких делах он избегал Доводить дело до публичных конфронтации, и посоветовал Вэнсу поступать таким же образом. Вэнс не стал больше продолжать дискуссию на эту тему, но чувствовалось, что вопрос этот им не снят.

Киссинджер подробно рассказал новому госсекретарю о сложившейся системе негласных и неформальных встреч между ним и советским послом, включая использование специальной прямой телефонной связи и т. п. Вэнса заинтересовала эта сторона дела. Обратил он внимание и на наш с Киссинджером неофициальный характер личных отношений.

Выслушав Киссинджера, Вэнс сразу сказал, что он хотел бы сохранить сложившуюся практику, с тем чтобы между нами установился такой же тесный рабочий контакт, который существовал у меня с уходящим госсекретарем (я, разумеется, тут же дал свое согласие). Вэнс предложил называть Друг друга по имени, как- это было при Киссинджере (теперь вместо Генри будет Сай - сокращенный вариант Сайруса).

Вообще надо сказать, что вся встреча „с передачей дел" одного госсекретаря другому носила своеобразный и немного сентиментальный характер. Пресса отметила уникальный характер встречи сразу двух госсекретарей с советским послом. Это было, пожалуй, впервые в американской дипломатической практике.

Попутно замечу, что заключительным эпизодом в советско-американских контактах на высшем уровне при Форде явился прощальный телефонный разговор уходящего президента с Брежневым. Этот разговор состоялся по инициативе Форда, который выразил желание в последний день своего пребывания на посту президента США лично переговорить по телефону с Брежневым.

Как сообщил мне Скоукрофт, Форд остался очень доволен этим разговором и благодарен Генеральному секретарю за предоставленную возможность так хорошо закончить свой последний день в Белом доме.

Прежде чем покинуть пост госсекретаря, Киссинджер пригласил меня (19 января) на прощальную встречу вдвоем. Он попросил передать Брежневу и Громыко его наилучшие пожелания и благодарность за все внимание, которое оказывалось ему в ходе личных контактов.

Киссинджер выразил удовлетворение по поводу всего того позитивного, что было достигнуто в советско-американских отношениях за последние годы, а достигнуто было, надо сказать, немало. Он отметил, что и дальше будет делать все, что в его силах, чтобы способствовать дальнейшему взаимопониманию между народами наших стран и улучшению советско-американских отношений, являющихся ключевыми в том, что касается сохранения мира на нашей планете.

Киссинджер сообщил, что Вэнс выразил желание сохранить специальный прямой телефон, который совершенно конфиденциально связывал госсекретаря и советского посла, и что он приветствует это решение.

Мы с ним тепло простились. С его уходом завершилась определенная эпоха в наших отношениях, которая запомнилась надолго*.

Через несколько часов после нашей беседы Киссинджер попрощался с сотрудниками госдепартамента и в 5 часов вечера покинул здание госдепартамента в последний раз в качестве госсекретаря. Форд официально принял его отставку. С 20 января Генри Киссинджер становился частным гражданином. В этот же день состоялась официальная церемония вступления в должность нового президента. Началась эра администрации Картера.

Новая администрация США. Вэнс, Бжезинский

Смена администрации в США означает заметное изменение в определении и проведении американской внешней политики. Администрация Картера не была исключением. Если при Никсоне и Форде и были какие-то колебания или отклонения от общего курса их политики, то в целом политика, особенно в отношении Советского Союза, в основном сохранялась, равно как и участие Киссинджера в формировании политики. Теперь же произошли значительные изменения не только в том смысле, что к

Пару лет назад я был приглашен на ужин в Нью-Йорк в честь 70-летия Киссинджера. Было немало воспоминаний. Через несколько дней он прислал мне фото с надписью: „Противнику, партнеру, другу. С уважением, Г.Киссинджер".

власти пришла другая партия, но и прежде всего в том, что на исторической арене оказались совершенно другие личности, которые накладывали свой отпечаток на внешнюю политику США.

Пожалуй, ни у одного из современных американских президентов не было такого разброда и споров вокруг вопросов внешней политики среди высших должностных лиц администрации, как при Картере. Это в первую очередь относилось к его основным советникам по внешней политике -госсекретарю Вэнсу и помощнику президента по национальной безопасности Бжезинскому.

Если госсекретарь имел немалый опыт практической работы в предыдущих администрациях и вообще был человеком, придерживающимся уравновешенных и осторожных взглядов, то помощник президента, человек весьма энергичный и напористый, пришел на этот пост с академической работы в университетах, причем придерживался позиции воинствующего антикоммунизма и проявлял склонность к концептуальным взглядам, не учитывавшим подчас конкретные реалии международных отношений. Оба были по-своему весьма эрудированными людьми, но основная беда (для администрации) заключалась в том, что они не могли совместно выработать общее направление внешней политики. А Картер сам оказался не в состоянии дать такое твердое и последовательное направление. Получалось как в известной басне Крылова: лебедь, рак и щука в одной упряжке.

Отсюда постоянная борьба главных советников за влияние на президента, за возможность нашептать „на ухо президенту". Вашингтонский дипкорпус внимательно следил за этим постоянным „перетягиванием каната", который более энергично тянул на себя Бжезинский.

Отсюда и зигзаги во внешней политике, и в частности в том, что касается отношений с СССР. В картеровской администрации политика разрядки с самого начала рассматривалась как сочетание „соперничества и сотрудничества". Это не вызывало разногласий внутри новой администрации. Однако разногласия возникали вокруг вопроса о том, на что именно в этом сочетании надо делать упор и как конкретно проводить эту политику на практике. Бжезинский видел главное в глобальной стратегической борьбе. Вэнс же считал, что не следует слишком преувеличивать значение этого фактора, ибо имелись важные области для взаимного сотрудничества и достижения определенных договоренностей. Короче, в администрации не было единства по важным проблемам отношений с СССР.

Главным недостатком Картера было, пожалуй, неумение оценивать в долгосрочной перспективе важнейшие проблемы во всей их совокупности. Картер и его советники нередко пытались решить проблемы спонтанно, выхватывая то один, то другой „горячий вопрос". Подчас это делалось не так, как того требовали долгосрочные интересы, а лишь для того, чтобы смягчить политическое и иное давление внутри страны вокруг такого вопроса, ублажить те или иные влиятельные группы.

Отмечу и такой серьезный недостаток, как отсутствие у администрации четкой и постоянной концепции приоритетов во внешней и внутренней политике. Так, она занялась вызвавшими в стране споры договорами о Панамском канале, отложив заключение почти готового соглашения с ССР по ОСВ, а затем весьма непоследовательно вела переговоры по этой проблеме. Если бы Картер сконцентрировал сразу всю энергию на ОСВ, то это соглашение могло бы быть подписано и ратифицировано уже в первый

год его президентства. Это могло бы задать совсем иной курс нашим взаимоотношениям. Во всяком случае, таково мое личное убеждение.

В Москве вначале вообще недоумевали, куда Картер ведет дело в отношениях с Советским Союзом. У него (если судить, например, по его первоначальной интенсивной переписке с Брежневым) были вроде хорошие и конструктивные намерения. Однако, когда дело доходило до конкретного формулирования внешней политики, то тут в действия Картера неожиданно врывались такие факторы, которые вели к совершенно иным результатам, озадачивая многих сторонников нормализации советско-американских отношений. Деятельность администрации, по существу, свидетельствовала, что в целом она не собиралась делать отношения с нашей страной (за исключением ОСВ) основным приоритетом своей внешней политики, рассматривая СССР в конечном счете как главного противника США на международной арене.

Большой вред отношениям с Москвой наносило публичное увлечение Картера моральными концепциями, рассчитанными главным образом на внешний эффект и на массовую поддержку в стране без должного учета ущерба, наносимого отношениям с Советским Союзом. Возможно, на первом этапе Картер и не собирался умышленно превращать, например, проблему прав человека в СССР в один из главных вопросов своей политики в отношениях с Москвой. Однако из-за особой чувствительности советского руководства к этому вопросу он неизбежно должен был стать таковым. А это наряду с некоторыми другими первоначальными просчетами администрации привело к тому, что необходимое конструктивное направление в советско-американских отношениях уже в начальный период правления Картера оказалось сбитым с основного курса. К тому же позиция Картера, занятая в отношении прав человека в СССР, сводилась в основном к достижению поставленной цели через средства массовой информации, а не через традиционные дипломатические каналы, как это было при предыдущих администрациях.

У меня сложилось впечатление, что Картер ошибочно считал, что такая его шумная кампания против СССР, принося ему большое „паблисити", в то же время не очень повредит отношениям с Москвой, учитывая ее заинтересованность в договоренности по ОСВ.

В Москве же придерживались прямо противоположных оценок и взглядов. Больше того, там считали, что Картер одним из основных направлений своей внешней политики сделал преднамеренное вмешательство во внутренние дела нашей страны, подрыв и изменение режима в СССР, равно как и в странах Восточной Европы. Отсюда и все разногласия с его администрацией. Хотел ли этого сам Картер или нет, но его политика фактически исходила из увязки политики разрядки с внутренней обстановкой в СССР, что было резким и серьезным отходом от политики всех предшествующих администраций в США, и заведомо обрекала его на постоянно натянутые отношения с Москвой.

Надо сказать, что советское руководство пыталось через каналы „тихой дипломатии", вплоть до переписки на высшем уровне, „урезонить" Картера. Однако все это было напрасно. Не помогла и публичная критика со стороны СССР.

Демонстрируя упорство и раздражение, Картер отвергал и обращения к нему по этому вопросу видных американских общественных деятелей, которые выражали обеспокоенность по поводу ухудшения советско-

американских отношений. Одному из конгрессменов он прямо сказал, что нет нужды беспокоиться „каждый раз, когда чихает Брежнев". Конечно, Картер мог, когда хотел, игнорировать Брежнева. Но как тогда реально он собирался строить долгосрочные отношения с Советским Союзом в тот конкретный исторический период? Большого реализма в практической политике Картера тут не просматривалось. Но он был увлечен своим „крестовым походом".

Короче, наши отношения с администрацией Картера стали сильно осложняться с самого начала, хотя Москва и пыталась дать разрядке „второе дыхание" через процесс ОСВ.

Эту цель, в частности, преследовала речь Брежнева в Туле накануне вступления Картера в должность президента. В ней говорилось, что СССР не ищет превосходства в вооружениях, не одобряет такой доктрины вообще, а лишь стремится иметь оборону, достаточную для сдерживания возможного нападения на СССР. Он призывал поэтому новую администрацию к скорейшей договоренности по ОСВ. По существу, это была для Москвы первая попытка осмысливания „оборонной достаточности", которая получила свое дальнейшее развитие лет десять спустя.

Но вернемся к первым неделям становления наших отношений с новой администрацией.

22 января в Белом доме президент Картер принял дипломатический корпус. Это протокольное мероприятие было устроено несколько необычно. Послы с женами по очереди входили в зал, где стоял Картер с супругой. Фотографы Белого дома фотографировали каждого гостя в момент представления президенту. Каждый посол получил затем этот снимок с автографом президента, что, конечно, было приятным сувениром.

Практически все время приема ушло на эту процедуру (в Вашингтоне в то время было 130 послов и поверенных в делах).

Когда подошла моя очередь и перед тем как был сделан снимок, у меня с президентом состоялся краткий разговор. Он просил передать личную благодарность Брежневу за поздравления по случаю его избрания на пост президента. „Я рассчитываю на плодотворное личное сотрудничество с Генеральным секретарем", - сказал Картер. Я ответил ему, что, насколько мне известно, аналогичные пожелания выражает и Брежнев.

Невольно вспомнились мои первые беседы с четырьмя предшественниками Картера в Белом доме. Все они начинались со взаимных заверений в сотрудничестве на высшем уровне. В дальнейшем же эти заверения развивались или трансформировались по-разному. Я, разумеется, задумывался, как пойдут дела с новым президентом. Тут много было неясного, прежде всего непонятен был сам президент.

Картер сказал далее, что надеется в недалеком будущем лично переговорить со мной по вопросам наших отношений, которые уже обозначились в рамках начавшегося полезного негласного обмена мнениями между ним и Брежневым еще до того, как он официально стал президентом.

Тем временем он уполномочивал госсекретаря высказать некоторые соображения во время предстоящей встречи со мной.

Эта встреча состоялась через два дня у нас в посольстве во время обеда с госсекретарем Вэнсом. Он сообщил, что президент Картер просил передать Брежневу просьбу принять госсекретаря США в Москве в марте, чтобы лично изложить ему, а также Громыко соображения новой администрации По широкому кругу международных проблем и вопросов двусторонних

отношений, подвергнув их совместному детальному обсуждению. Центральной темой было бы обсуждение вопроса о завершении соглашения по ОСВ. Полезно было бы обсудить также и некоторые другие меры по ограничению гонки вооружений.

Я со своей стороны поддержал эту идею. Сказал, что доложу об этом Брежневу со своей положительной рекомендацией.

Как сказал Вэнс, он глубоко убежден, что необходимо принять меры по ограничению, а затем по заметному сокращению ядерных вооружений. „Картер, - отметил госсекретарь - думает о действительно серьезном сокращении в этой области. Скажем, нынешнюю цифру 2400 носителей можно было бы сократить, например, наполовину или даже больше (про себя я сразу отметил этот принципиально новый подход нового президента в проблеме ОСВ, но пока он высказывался в форме размышлений, а не конкретных предложений. - А. Д.). Президент готов приложить все усилия, чтобы оставшиеся нерешенные вопросы о крылатых ракетах и самолетах „Бэкфайер" не стали на пути заключения нового соглашения по ОСВ. Вместе с тем он не исключал и такой ситуации, когда лучше будет пока отложить в сторону эти два спорных вопроса и заключить соглашение, в которое вошли бы все другие уже согласованные вопросы".

Я тут же сказал, что второй вариант, предусматривающий исключение крылатых ракет из соглашения, для нас неприемлем.

Разговор с Вэнсом прошел в целом в хорошем, конструктивном тоне. Вскоре я сообщил Вэнсу для передачи президенту о согласии Брежнева принять госсекретаря в Москве 28 - 31 марта.

Несколько слов об общем впечатлении от длительных общений с госсекретарем Вэнсом, с которым у меня установились хорошие личные отношения.

Вэнс как госсекретарь был высокопрофессионален. Он хорошо знал существо вопросов во всех их деталях, отличался методичностью, последовательностью, высокой работоспособностью, тщательностью подготовки к любому делу. Он не любил рекламировать себя и предпочитал действовать без излишней шумихи. Вэнс непредвзято относился к Советскому Союзу и к переговорам по разным вопросам. Его слову можно было верить, что было немаловажно в те сложные времена.

Он был строгим исполнителем воли президента, согласовывал с ним все шаги. В этом смысле у него было, видимо, меньше свободы и широты маневра, чем у Киссинджера, что, впрочем, не всегда играло у последнего конструктивную роль. В то же время у Вэнса были свои принципы, а в крайних случаях он проявлял твердую настойчивость в отстаивании своей позиции. Например, когда решил уйти в отставку в 1980 году. Надо сказать, что этот факт с его стороны не умолил его авторитета в стране и в мире, а, наоборот, повысил уважение к нему. Вместе с тем чрезмерной интеллигентностью Вэнса пользовались его противники в администрации.

В силу своих личных качеств и высокого профессионализма он пользовался уважением у советских коллег, которым приходилось иметь с ним дело. Во время наших встреч Вэнс, независимо от того, выступал ли он в официальном или личном качестве, всегда держался корректно - даже в тех случаях, когда американская и советская позиции резко расходились. Он не сторонник резких слов, особенно в публичных выступлениях. В целом по своей натуре Вэнс - человек оптимистического склада, живой, умный, общительный.

Покинув госдепартамент, Вэнс вернулся к частной практике в юридической фирме и к широкой общественной деятельности, в том числе в рамках ООН.

Я до сих пор с удовлетворением вспоминаю свое общение с ним. Мы и сейчас встречаемся время от времени.

В процессе знакомства с основными лицами администрации я встретился с Бжезинским. Он с похвалой отозвался о политическом мужестве Картера, который на второй день своего президентства, несмотря на антисоветскую кампанию военных кругов США, счел возможным наперекор им заявить корреспондентам, что намерен добиваться соглашения по ОСВ и принятия других мер по ограничению ядерной гонки.

Помощник президента признал, что в США действительно чрезмерно раздувают шумиху вокруг вопроса „о советской военной угрозе". И в этой связи он не без основания отметил „чрезмерную скрытность" СССР в том, что касается военной политики. Этот вопрос беспокоит президента Картера, ибо он мешает ему должным образом убедить лидеров конгресса, военных и их сторонников в политических кругах в том, что нет нужды в больших военных расходах, особенно в области стратегических вооружений. Военные же оперировали категорией „наибольшего риска", т. е. они брали всегда самую высокую планку военного потенциала СССР.

Бжезинский не без иронии заметил, что президент Картер, когда он знакомился подробно с историей переговоров по ОСВ, с удивлением отметил, что вся многолетняя дискуссия и все конечные результаты были основаны почти исключительно на американских данных независимо от того, касались ли они американских или советских стратегических сил. По своей инициативе советская сторона, как правило, не называла сама каких-либо цифр (это действительно было так из-за нашей мании чрезмерной секретности).

Бжезинский высказал здравую мысль о том, что в перспективе было бы, видимо, хорошо постепенно ввести в практику взаимные обмены и по военной линии.

Так началось мое взаимодействие с Бжезинским (мы звали друг друга по имени: Збиг и Толя). Наши встречи были не столь частыми, как с Киссинджером, который выступал сразу в двух ролях - и госсекретаря, и помощника президента. И все же мы встречались довольно регулярно. На меня он производил впечатление интересного, эмоционального, высокоэрудированного собеседника, хотя и с четким идеологизированным мировоззрением. Он предпочитал концептуальную дискуссию, а не детальное обсуждение текущих переговоров по разным вопросам наших отношений.

Бжезинский, как правило, не принимал непосредственного участия в переговорах с советскими представителями, хотя и был, разумеется, в курсе событий и участвовал в разработке американской позиции. Ему не довелось, как Киссинджеру, одному ездить в Москву для деловых встреч с советским Руководством или наедине встречаться с Громыко. Эта роль в администрации Картера была возложена на Вэнса. В какой-то степени, по моему впечатлению, этому мешало самовнушение Бжезинского, что он, как хорошо известный Москве давний критик Советского Союза и антикоммунистический идеолог, не особенно подходил для такой роли. Во всяком случае это никак не уменьшало его влияния в администрации в вопросах отношений с Советским Союзом, что в основном негативно сказывалось на наших делах, хотя порой он и пытался играть конструктивную роль. Мне

лично кажется, что такая роль могла бы возрасти, если бы Картер использовал его не в качестве основного оппонента по советским делам, а наделил бы его определенной долей ответственности по ведению конкретных переговоров с нами по отдельным вопросам (как это было в контактах администрации с Китаем).

У нас с Бжезинским установилась полезная практика неофициальных встреч за завтраком у него в кабинете или у меня в посольстве. Несколько раз мы с женой и внучкой бывали у него дома. Жена его - оригинальный скульптор. Играли мы с ним в шахматы (а как кончались партии - это уже „государственный секрет").

Картер излагает свою позицию Брежневу. Моя первая беседа с новым президентом

Буквально с первых дней администрация Картера вплотную стала заниматься проблемами советско-американских отношений, но в первую очередь вопросом об ОСВ. Уже 26 января Вэнс передал мне конфиденциальное послание. В своем послании президент подчеркивал, что будет добиваться „улучшения отношений с СССР. Этой цели я буду уделять лично пристальное внимание так же, как и госсекретарь Вэнс... Наши страны, если проявят настойчивость и мудрость, в состоянии избежать гонки вооружений. Я заявил американскому народу, что твердо буду добиваться ликвидации всего ядерного оружия".

„Имеются три области, в которых может быть достигнут прогресс на пути к этой цели", - продолжал он. Важнейшим шагом президент назвал безотлагательное достижение соглашения по ограничению стратегических вооружений. Скоро можно заключить и соглашение о контролируемом всеобъемлющем запрещении всех видов ядерных испытаний. Важно также возобновить усилия в целях достижения прогресса на переговорах о сбалансированном сокращении вооруженных сил в Центральной Европе.

Картер отмечал необходимость совместного предотвращения кризисов в беспокойных районах мира, которые могли бы привести к возобновлению опасных конфликтов. Особо он упомянул Ближний Восток.

Придавая важное значение улучшению двусторонних экономических отношений, он в то же время подчеркивал, что „мы не можем быть безразличны к судьбе свободы и индивидуальных человеческих прав".

В заключение Картер писал: „Я ожидаю встречи с Вами и обсуждения на этой встрече как наших расхождений, так и наших общих интересов. Тем временем я предлагаю, чтобы мы оба делали все, что в наших силах, для содействия процессу улучшения советско-американских отношений".

Я считал, что послание Картера в целом открывало вроде неплохую перспективу для переговоров по разоруженческим проблемам. Но в то же время слова президента о его „небезразличии к судьбе свободы и индивидуальных человеческих прав" были сигналом того, что этот вопрос может постоянно отравлять наши отношения.

Спустя несколько дней Картер пригласил меня в Белый дом для беседы, на которой присутствовали Вэнс, Бжезинский, Бартоломью (в таком составе президент обычно принимал глав правительств или по крайней мере министров иностранных дел). Поскольку с нашей стороны я был один, то в

шутливой форме заметил, что численный перевес был явно на американской стороне.

Я еще раз поздравил Картера с победой на выборах в президенты. Он не без удовольствия заметил, что происходит из самой гущи американского народа и что только в Америке рядовой человек может стать „императором", т. е. президентом.

В ответ я рассказал ему один исторический курьез. Один из маршалов Наполеона, Бернадот, как известно, стал королем Швеции. Придворные врачи замечали за ним одну странность: он никогда не снимал рубашку, когда они его обследовали в случаях недомогания. Королевский двор терялся в догадках. Когда же он умер, то обнаружилась причина столь странного поведения: на его груди были вытатуированы слова: „Смерть королям!" Татуировка была сделана, когда Бернадот свергал короля в революционной Франции.

Картер и его советники рассмеялись. Атмосфера встречи приняла более непринужденный характер.

По словам президента, он пригласил меня, чтобы установить личный контакт, имея в виду дальнейшую работу по развитию советско-американских отношений.

Он просил передать Брежневу, что президент США действительно искренне настроен в пользу развития советско-американских отношений. Возможно, в Москве считают по опыту других президентских кампаний, что сказанное мною в ходе предвыборной борьбы предназначалось лишь для привлечения голосов избирателей и что, став президентом, я многое забуду, сказал он. Хочу подчеркнуть, что это не так. И в первую очередь это относится ко всему, что мною говорилось по ОСВ и о принятии совместно с СССР важных мер в этой области, отметил президент.

Я действительно хочу и надеюсь совместно с Генеральным секретарем добиться заметных реальных шагов по ограничению гонки вооружений и по их сокращению в период моего президентства, подчеркнул Картер. Он сказал далее, что .хочет установить отношения доверия с Генеральным секретарем. В частности, хотел бы предложить на рассмотрение Брежнева некоторые меры, которые могли бы упрочить доверие не только между правительствами обеих стран, но и между военными, что является, в шутку заметил он, значительно более трудным делом.

Например, продолжал Картер, мы знаем, так же, как и вы, о всех случаях испытательных запусков ракет в наших странах. Почему бы нам негласно не уведомлять друг друга, скажем за 24 часа, что будет проведен очередной испытательный запуск (а не случайный „самопуск"). Или ввести в практику обмен военными делегациями, чтобы военные могли поближе познакомиться друг с другом.

Главное же, подчеркнул президент, заключается в том, что напряженность между нашими странами и соответственно военные расходы резко снизились бы, а доверие значительно возросло, если бы обе стороны договорившись между собой о минимальном уровне стратегических вооружений, необходимом и достаточном для уверенности, что руководство каждой страны обладает нужным оборонительным потенциалом для предотвращения нападения на нее. Но в то же время этот уровень не должен внушать Другой стороне опасения, что с помощью этого потенциала - если он будет использован для нанесения- „первого удара" - она может быть полностью Уничтожена.

По словам президента, он долго думал и пришел к убеждению, что при взаимном желании стороны могут установить такой уровень стратегических сил без ущерба для безопасности наших стран.

Мысль была интересная, и я тут же поинтересовался у Картера, о каких примерно уровнях может идти речь. Он ответил, что такой уровень мог бы предусматривать несколько сот носителей вместо 2400. Соответственно мог бы быть понижен внутри этого количества и уровень ракет с РГЧ. Названные им цифры производили впечатление.

Президент сообщил, что разработку позиции США по ОСВ он поручил Уорнке (бывший зам. министра обороны при Джонсоне). Затем он спросил: „А как насчет того, чтобы вынести спорный вопрос о крылатых ракетах и самолете „Бэкфайер" за рамки обсуждаемого соглашения?"

Я напомнил ему об отрицательном отношении к этому советской стороны, ибо неучет крылатых ракет оставил бы США немалое преимущество.

Картер поднял вопрос о наземных мобильных пусковых установках. Я вновь сказал (как и Вэнсу), что у нас нет мобильных пусковых наземных установок с ракетами межконтинентальной дальности (только средней).

Президент затем кратко коснулся и старого вопроса об озабоченности США по поводу большого забрасываемого веса советских тяжелых ракет. Раньше, когда точность советских ракет уступала точности американских, вопрос о забрасываемом весе не стоял так серьезно. Теперь же ситуация меняется. Как решить эту проблему?

Отметив, что эту проблему можно будет рассмотреть позже, я ответил, что на данном этапе главное - не отвлекаясь, завершить побыстрее соглашение на основе владивостокской договоренности. В сложных вопросах, касающихся ОСВ, лучше идти последовательно, шаг за шагом.

Картер заметил, что в принципе согласен с этим, но должен одновременно думать о других вопросах, которые возникают в связи с нынешним соглашением.

В целом позиция президента сводилась к следующему: он - за быстрое „простое" соглашение по ОСВ-2 путем исключения из него вопросов о крылатых ракетах и о самолете „Бэкфайер". После соглашения по ОСВ-2 он хотел бы достичь крупных сокращений в стратегических силах, сократив число ракет даже „до нескольких сот".

Поэтому я высказал президенту сомнения, что вряд ли возможно выработать позицию сразу по двум соглашениям, так как это значительно осложнило бы нашу общую первоочередную задачу: быстрейшее заключение соглашения по ОСВ-2 на базе владивостокской договоренности. А это, в свою очередь, предусматривает включение в соглашение вопроса о крылатых ракетах.

Оглядываясь мысленно назад, должен признать, что в отношении ограничения количества стратегических вооружений Картер предлагал далеко идущие сокращения, которые даже кое в чем опережали последующие соглашения 90-х годов. Однако, если исходить из реальной обстановки, они, к сожалению, не могли быть осуществлены в тот исторический период. Они были слишком далеко идущими и значительно опережали уровень наших тогдашних политических отношений.

Именно поэтому эти предложения, я могу это засвидетельствовать, создали в Москве впечатление, что Картер несерьезно относится к переговорам по ОСВ, да и вообще к отношениям с СССР, сбиваясь на пропагандистский подход.

Короче, мы стояли за постепенный, поэтапный подход к ограничению ядерных вооружений. Картер был готов обсуждать более радикальный подход. Что тут было: новаторство или политическая наивность?

Что же касается проблемы запрещения ядерных испытаний, то Картер считал, что СССР и США могли бы заключить договор на этот счет сроком на 2-3 года, даже если Франция и Китай не присоединятся к этому договору, с тем чтобы использовать это время для оказания на них необходимого давления.

Президент по собственной инициативе поднял „вопрос о правах человека".

Он сказал, что не собирается злоупотреблять этим, ибо понимает, что тем самым вносит дополнительный элемент в наши отношения, но что время от времени он это будет все же делать, сообразуясь со своими убеждениями.

Я сказал президенту, что вообще следовало бы избегать ненужных осложнений. Брежнев ясно заявил, что он не собирается „испытывать нового президента". Так давайте и вы не испытывайте волю Москвы. От этого только выиграют советско-американские отношения. Таков мой долголетний опыт посла в Вашингтоне.

Президент переглянулся с Вэнсом и Бжезинским и сказал, что он совсем не собирается вести дело к конфронтации с нами по этому вопросу.

Разговор на эту тему закончился, но было видно, что вопрос не только не снят с повестки дня, но и обещает стать крупным раздражителем в наших отношениях. Об этом я так и доложил в Москву (Картер, судя по всему, все же считал, что он сможет достаточно безболезненно для себя отделить такую свою публичную критическую позицию от остального комплекса советско-американских проблем).

Президент сказал, что он придает большое значение венским переговорам по взаимному сокращению войск и вооружений в Центральной Европе. Он задается вопросом, зачем СССР нужна такая мощная ударная группировка войск в центре Европы. Для обороны от НАТО она явно не нужна. Я ответил, что мы готовы продолжать эти переговоры (его вопрос был закономерен, но не мог же я сказать, что советское руководство озабочено обеспечением стабильности в странах Восточной Европы).

В заключение Картер сказал, что исходит из серьезной вероятности, что во второй половине года будет созвана Женевская конференция по Ближнему Востоку. Он надеется на совместные действия СССР и США как сопредседателей этой конференции. Я поддержал эту его мысль.

Картер держался во время беседы непринужденно и внешне весьма дружественно. По знанию вопросов, быстроте реакции и по стремлению самому знать детали наиболее важных проблем он заметно превосходил своего предшественника Форда. Очевидно было также стремление найти какие-то новые, не всегда продуманные, но „свои" идеи. Это несколько настораживало, так как могло отразиться на преемственности американской позиции в переговорах, которые продолжались уже не один год.

В целом, отмечал я в докладе в Москву об этой беседе, впечатление таково, что с президентом Картером надо, не теряя времени, вести работу в плане развития наших отношений. Указывал, что при этом, видимо, придется столкнуться с определенными трудностями, связанными с особенностями его подхода к тем или иным проблемам, в частности по ОСВ, не говоря уже о его позиции по правам человека.

Белый дом опубликовал официальное сообщение об этой встрече отметив, что состоялся „полезный обмен мнениями с послом Добрыниным по всему комплексу советско-американских отношений с особым упором на предстоящие переговоры по ограничению стратегических вооружений".

Сам Картер записал в своем дневнике, что он вынес благоприятное впечатление о советском после.

Однако Бжезинский в своих мемуарах отметил, что сам он был несколько разочарован этой беседой Картера с советским послом. Президент по его мнению, должен был сконцентрировать внимание на основных положениях, не вдаваясь в детали. „Однако посол, - вспоминает он, - умело прощупывал позицию президента по ОСВ, Ближнему Востоку, Индийскому океану и другим вопросам". Когда Бжезинский остался вдвоем с Картером, последний, как бы оправдываясь, сказал ему: „Я старался придерживаться общих позиций, но он (посол) все время ставил конкретные вопросы".

Замечу попутно, что Картера поначалу несколько удивило, что я пришел один, без какого-либо сотрудника, который записал бы нашу беседу. Однако я заверил его, что все его высказывания, как это было и при других президентах, будут точно переданы в Москву.

Усиление разногласий по ОСВ и вокруг диссидентов

Как показали беседы с Картером и первоначальный обмен мнениями с другими представителями администрации, у нас с самого начала назревали крупные разногласия в связи с переговорами по ограничению стратегических вооружений. А они оставались главным стержнем советско-американских отношений и при новой администрации США.

Советские руководители считали полезным продолжение разрядки в отношениях с США, хотя этот процесс и начал давать сбои. Главным для продолжения этого процесса было, по их мнению, скорейшее заключение соглашения об ОСВ на основе владивостокских договоренностей. Кратчайшим путем к этому явилось бы завершение переговоров по остающимся еще не согласованным вопросам в рамках принципиальной договоренности во Владивостоке. Такими вопросами, в частности, были американские крылатые ракеты и советский бомбардировщик „Бэкфайер".

Киссинджер рассказывал мне впоследствии, что он советовал Картеру начать переговоры с Советским Союзом по ОСВ с того места, на котором они были закончены администрацией Форда. Но тот заявил, что „пойдет своим собственным путем в переговорах с русскими". Главный американский представитель на переговорах по ОСВ Уорнке в доверительной беседе со мной критиковал Картера за то, что тот „торопится" и хочет добиться „слишком многого в слишком короткий срок" без должного учета взглядов и интересов другой стороны.

Картер, как известно, наиболее приоритетным во всем комплексе отношений с Советским Союзом также считал проблему ОСВ. Фактически он предлагал Советскому правительству подписать договор с согласованными во Владивостоке уровнями для стратегических ракет и бомбардировщиков, исключив из соглашения крылатые ракеты; в этом случае американская сторона выражала готовность не включать в договор и бомбардировщик „Бэкфайер", отложив эти два вопроса для дальнейших переговоров. (Советское руководство категорически отказывалось исключить из согла-

шения крылатые ракеты, в которых у США было значительное преимущество. Оно настаивало на владивостокских договоренностях, которые на 90 процентов были готовы к подписанию.)

Однако сам Картер отдавал предпочтение „новому смелому подходу" к переговорам по ОСВ, который должен был дать, по его мнению, более важные результаты, чем подход Никсона-Форда-Киссинджера. Его в этом поддерживал и Бжезинский, который не хотел следовать по стопам своего давнего соперника Киссинджера. Вэнс же, как и Уорнке, стоял за постепенный подход, за решение сложных вопросов, касающихся ОСВ, шаг за шагом. Однако они были вынуждены подчиняться инструкциям Картера.

Картер считал, что соглашение по ОСВ должно было включать значительное сокращение уровней ракет и бомбардировщиков с упором на сокращение ракет наземного базирования, и особенно советских тяжелых ракет (почти наполовину). Это также давало преимущество США, так как у них в отличие от нас было значительно больше стратегических ракет и средств воздушного базирования. Конечно, все это вместе могло еще быть предметом дальнейших переговоров, но Москва хорошо знала, исходя из своего давнего опыта переговоров и сложности новых вопросов, что для достижения такого широкого соглашения потребовалось бы гораздо больше времени, чем для завершения соглашения на базе владивостокских договоренностей. К тому же развитие военной технологии явно опережало сложные переговоры.

Разногласия по разным подходам к проблеме ОСВ привели к провалу поездки Вэнса в Москву, которая состоялась в марте, что негативно сказалось на наших последующих отношениях с Картером.

Через три дня после моей встречи с президентом, т. е. 4 февраля, Брежнев, как я и рекомендовал, прислал Картеру письмо, в котором призывал как можно скорее заключить соглашение по ОСВ на основе владивостокских договоренностей.

Брежнев отмечал далее, что он, так же, как и Картер, придает особое значение вопросу об их личной встрече. Забегая вперед, надо сказать, что вопрос об этой встрече затрагивался неоднократно в их переписке в течение года, но так и не нашел своего практического воплощения до 1979 года. Дело в том, что советское руководство, по существу, связывало такую встречу с необходимостью заключения договора об ОСВ. Оно надеялось таким образом оказать давление на Картера, подтолкнуть его ускорить подписание договора, учитывая, что вопрос о встрече был впервые поставлен в переписке по инициативе самого Картера.

Я лично думаю, что это было просчетом, ибо ранняя встреча на высшем уровне - даже без подписания соглашения по ОСВ - могла устранить или поправить перекос, который возник в советско-американских отношениях с самого начала новой администрации и затем постоянно давал о себе знать.

15 февраля Картер ответил развернутым письмом. Оно вызвало весьма отрицательную реакцию в Москве. В нем он подробно излагал свои новые взгляды на вопросы радикального ядерного разоружения, выходя при этом Далеко за рамки владивостокских договоренностей (по существу, предлагая Другой договор и оставляя за рамками договора об ОСВ-2 для последующих переговоров крылатые ракеты большой дальности: в этой области США тогда были впереди). Упоминалась даже возможность инспекций на местах, что было совсем неприемлемо для Москвы в тот период. Так усили-

валось впечатление, что Картер умышленно выдвигал такие предложения чтобы набрать пропагандистские очки. Короче, все более очевидными становились расхождения относительно путей достижения соглашения по ОСВ и содержания самого соглашения.

Тем временем усиливались разногласия и по вопросу о диссидентах в СССР, который становился постоянным раздражителем в наших отношениях.

У меня сложилось впечатление, что публичное братание Картера с диссидентами вызывало озабоченность госдепартамента. Так, зам. госсекретаря Хартман заметил („как профессионал профессионалу"), что он предвидит большие трудности в наших отношениях в связи с позицией нового президента в вопросе о диссидентах.

Вэнс в неофициальном плане также высказал мне растущее опасение, что все это может отрицательно сказаться на переговорах по ОСВ (впервые в наших отношениях вопрос о правах человека вышел на официальный уровень).

И хотя госсекретарь явно выражал сомнения и даже опасения насчет разумности соответствующих публичных заявлений администрации, Картер не собирался отходить от занятой им позиции, во-первых, потому, что он в ходе предвыборной кампании „обещал" публично выступать в защиту прав человека, и, во-вторых, потому, что в этом вопросе на Белый дом оказывали сильный нажим конгресс и другие влиятельные круги.

Впоследствии в своих мемуарах Бжезинский не без гордости отметил, что с самого начала увидел в правах человека и диссидентах в СССР хорошую „возможность поставить Советский Союз идеологически в положение обороняющегося".

Интересна реакция некоторых влиятельных американцев на этот аспект политики Картера. Нельсон Рокфеллер в беседе со мной выразил опасение по поводу того, как скажутся публичные заявления Картера о правах человека на советско-американских отношениях. „Я думаю, - сказал он, -что это большая ошибка Картера, которая негативно скажется на разных аспектах, даже в тех областях, где сам Картер хочет договоренности". Картер, добавил он, уверен, что все это ему „сойдет с рук" ввиду стремления Москвы к разрядке.

Президент компании „Кока-кола" и близкий друг Картера Остин рассказал мне, что он посоветовал президенту „сбавить тон" по правам человека. У него сложилось впечатление, что Картеру очень нравится паблисити, которое он получает в США, когда публично высказывается по такому вопросу, однако он явно недооценивает долгосрочные негативные последствия этого курса для отношений с СССР.

По-моему, хотя Картер и верил, безусловно, в моральную правоту публичных высказываний о правах человека (в этом надо, конечно, отдать ему должное), он видел в этом вопросе прежде всего выгодное идеологическое и пропагандистское оружие, которое президент упорно публично использовал против СССР, поступаясь порой (сознательно или нет, не берусь сказать) договоренностями по другим важным вопросам советско-американских отношений. Можно, конечно, спорить о разумности или неразумности такого курса. Я считаю, что в тот исторически конкретный период этот курс Картера в конечном счете принес нашим отношениям больше вреда, чем пользы (даже в том, что касается обеспечения прав человека у нас в стране).

В Москве решают объясниться „начистоту"

Выявившиеся расхождения взглядов с новым президентом США, его отход от наших договоренностей с Фордом вызывали растущую настороженность и озабоченность в советском руководстве.

В конце февраля Громыко, Устинов и Андропов совместно обратились в Политбюро со специальной запиской. В ней, в частности, давалась оценка последним письмам и публичным заявлениям Картера, которые, по мнению авторов записки, были явно направлены на то, чтобы „попытаться навязать нам свой подход к основным вопросам советско-американских отношений еще до того, как мы приступим к переговорам по существу проблем, намеченных к обсуждению, в частности в связи с предстоящим приездом в Москву госсекретаря Вэнса. Все это, по нашему мнению, делает необходимым сразу дать твердо понять новому президенту, что попытки давления на нас, получения каких-либо преимуществ за наш счет неприемлемы и ничего не дадут".

Что касается рассуждений Картера насчет „резкого сокращения" ракетно-ядерных вооружений, говорилось далее в записке, то этот вопрос в значительной степени используется им „в целях политической демагогии и пропагандистского нажима на нас". Предлагалось также „решительно отвергнуть попытки Картера вмешиваться в наши внутренние дела под фальшивым предлогом защиты „прав человека".

Короче, речь шла о проведении более твердого курса в отношении новой администрации уже в начале ее деятельности. Такого давно не было в наших отношениях с США, так как обычно бывал период выжидания.

После подробного обсуждения в Политбюро отношений с новым президентом было решено послать Картеру еще одно личное письмо Брежнева (25 февраля), которое я и вручил Вэнсу. Оно характерно для настроений, господствовавших в тот момент в Кремле.

Письмо это (как и послание Картера Брежневу от 15 февраля) во многом предопределило развитие дальнейших отношений с новой администрацией США, особенно в вопросах по ОСВ.

„...Содержащиеся в Вашем письме высказывания общего порядка в пользу мира и свертывания гонки вооружений, конечно, же созвучны нашим собственным стремлениям... - писал Брежнев. - Однако продвижение вперед к высоким целям никак не ускорится, а, наоборот, затруднится, если будем подменять взвешенный, реалистический подход к определению дальнейших конкретных шагов выдвижением заведомо неприемлемых предложений... Как я уже писал Вам, мы твердо исходим из того, что в первую очередь необходимо завершить выработку нового соглашения по ОСВ на той основе, что была согласована во Владивостоке. В этом соглашении все взаимосвязано - из него нельзя изъять какой-то важный элемент, не разрушив всю основу.

...Теперь нам предлагают вынести за рамки соглашения вообще весь вопрос о крылатых ракетах. Как мы должны понимать этот возврат к давно пройденному этапу. А какая, собственно, людям разница, от какой ракеты они погибнут - от крылатой или бескрылой?

—Нельзя искусственно сохранять вопрос о советском среднем бомбардировщике „Бэкфайер".

Как выглядит идея резкого сокращения ракетно-ядерных сил СССР и США? В нашем письме она выдвигается в отрыве от всех других аспектов существующей ситуации. Между тем очевидно, что в этом случае неизмеримо выросло бы значение - причем к односторонней выгоде США - таких факторов, как разница

в географическом положении сторон, наличие американских ядерных средств передового базирования и авианосцев вблизи территории СССР, наличие ядерных средств у союзников США по НАТО и другие обстоятельства, которые нельзя сбрасывать со счетов.

...Такая же однобокость просматривается в предложениях относительно запрещения всех мобильных ракет (т. е. и средней дальности, которые есть у нас).

Вам, конечно, виднее, почему все эти вопросы поставлены в столь неконструктивном плане. Надеемся, что мы сможем увидеть взвешенный подход, когда в Москву приедет госсекретарь Вэнс.

Не углубляясь сейчас в детали, скажу, что Ваше письмо отнюдь не указывает на какие-то изменения и в подходе США к таким вопросам, как урегулирование на Ближнем Востоке или исправление положения в области торгово-экономических отношений между нашими странами.

...И последнее. В письме вновь поднимается т. н. вопрос „о правах человека". Наша квалификация существа этого вопроса и поведения американской администрации в этой связи была только что сообщена через нашего посла. Это наша принципиальная позиция... И вообще как мы должны расценить такое положение, когда президент США направляет послания Генеральному секретарю ЦК КПСС и в то же время вступает в переписку с отщепенцем, который объявил себя врагом Советского государства и выступает против нормальных, хороших отношений между СССР и США? Мы не хотели бы, чтобы испытывалось наше терпение в ведении любых дел международной политики, в том числе и в вопросах советско-американских отношений. Так вести дела с СССР нельзя.

Таковы мысли, г-н президент, которые возникли у меня и моих коллег в связи с Вашим письмом. Я не подбирал округлых формулировок, хотя, быть может, они и были бы приятнее. Речь идет о вещах слишком серьезных, чтобы оставлять место для каких-то двусмысленностей или недоговоренности. Мое письмо продиктовано искренней заботой о сегодняшнем и завтрашнем дне наших отношений, и именно эту главную мысль я хочу со всей прямотой и доверительностью довести до Вас".

Вэнс дважды перечитал это письмо, а затем после некоторого раздумья сказал: „Лично я приветствую такой прямой, без обиняков язык Генерального секретаря. Наш президент все еще слишком легко подходит к некоторым международным проблемам. Я, например, несколько раз ему говорил, ссылаясь и на разговор с Вами, и на всю историю предыдущих переговоров, что советское правительство придает очень большое значение решению вопроса о крылатых ракетах. Он этому не внемлет и стремится побыстрее закончить соглашение без длительных переговоров по оставшимся спорным вопросам, думая, что эти вопросы можно отложить „на потом". Я ему говорю, что это не так, но..." (Вэнс развел руками в знак того, что он пока не может убедить президента).

„Надеюсь, что откровенное письмо Брежнева, - продолжал госсекретарь, - заставит президента несколько по-иному взглянуть на вещи. Я, конечно, не во всем согласен с тем, что изложено в письме, но надеюсь, что именно такое письмо нужно сейчас президенту".

Вэнс далее выразил сожаление, что события повернулись таким образом и что, несмотря на его личное желание („а такое желание в принципе есть, я знаю, и у президента") развивать хорошие отношения с СССР, все сейчас сконцентрировалось - во всяком случае в глазах общественности - на публичных разногласиях „по правам человека", без какого-либо позитива.

В целом Вэнс воспринял текст письма Брежнева, я бы сказал, даже с некоторым удовлетворением. Видимо, оно как-то подкрепляло его собствен

ную позицию в дискуссии, которая активно шла в высших кругах администрации о будущем развитии советско-американских отношений.

Однако в вопросах по ОСВ Картер продолжал считать, что перенос двух спорных вопросов (крылатых ракет и „Бэкфайера") „лишь содействовал бы более скорому соглашению со всеми его позитивными политическими последствиями". Он настойчиво призывал Брежнева определиться в вопросе о „значительном сокращении уровней стратегических сил, которого мы могли бы достичь через 4-5 лет", а не настаивать только на небольших шагах „в направлении неопределенного будущего". Короче, Картер продолжал упорно навязывать Брежневу обсуждение своих идей вместо того, чтобы завершить владивостокские договоренности. Брежнев же настаивал на необходимости сохранения в переговорах вопроса о крылатых ракетах и одновременно решительно отвергал „попытки поднимать вопросы, выходящие за рамки межгосударственных отношений", т. е. права человека (письмо от 16 марта). Переписка по этому вопросу начинала заходить в тупик.

По словам сенатора Кеннеди, к этому времени в конгрессе резко изменились настроения в вопросах разоружения. Законодатели ратовали за увеличение военных расходов и наращивание вооружений. Полностью прекратились голоса в пользу сокращения или вывода американских войск из Западной Европы.

Кеннеди объяснил мне, что эти настроения в конгрессе объясняются поворотом общественного мнения США. В числе причин такого поворота сенатор назвал, в частности, небывалую по своему размаху пропагандистскую кампанию, развернутую Пентагоном и военно-промышленным комплексом и усилением антисоветских настроений в конгрессе, вызванным кампанией в защиту прав человека в СССР. („Вы даже не представляете, что сейчас происходит в конгрессе!")

Вокруг поездки Вэнса в Москву

Тем временем Бжезинский передал мне текст ответного письма Картера Брежневу. Картер продолжал навязывать Брежневу для обсуждения свои идеи о владивостокской договоренности (характерно, что ответ Картера был передан не через Вэнса). Последовал новый обмен письмами.

Накануне своей поездки в Москву Вэнс пригласил меня на беседу, чтобы, как он сказал, в общих контурах обрисовать подход США к новому соглашению с СССР по ограничению стратегических вооружений. При этом он оговорился, что не все еще утверждено президентом, но основные контуры ясны.

По нашему мнению, сказал Вэнс, возможны два варианта соглашения по второму этапу ОСВ: первый - развернутый, чему они отдают предпочтение, и второй - более ограниченный, на случай, если не удастся договориться по первому.

Первый вариант включал сокращение с 2400 до 2000 единиц суммарного числа стратегических носителей; с 1320 до 1200 единиц пусковых установок ракет, оснащенных разделяющимися боеголовками (это все означало бы непропорциональное сокращение для .СССР, так как все существенные сокращения должна была делать советская сторона). Советский Союз ограничивал бы также число своих тяжелых ракет „СС-18" (вместо 300

таких ракет было бы не больше 150). Запрещалось бы создание мобильных МБР. Запрещались бы крылатые ракеты воздушного базирования дальностью 2500 км (но фактически разрешалось развертывание всех систем наземного и морского базирования). При этих условиях принимались предложения советской стороны по „Бэкфайеру".

Изложенные госсекретарем предложения существенно отличались от того, что было согласовано во Владивостоке с Фордом и Киссинджером. Они предусматривали „глубокие сокращения" СНВ, причем с явно более выгодным для США набором таких сокращений.

В качестве альтернативы этому соглашению, продолжал Вэнс, могло бы служить известное предложение Картера о заключении ограниченного владивостокского соглашения с вынесением на последующий, третий этап переговоров по ОСВ несогласованных вопросов, т. е. прежде всего крылатые ракеты и „Бэкфайер".

Я откровенно сказал Вэнсу, что все эти американские предложения не дают реальной базы для достижения в Москве во время его поездки взаимоприемлемой договоренности. Американская сторона по-прежнему стремится к односторонней выгоде. Все это может обречь на провал его поездку, предупредил я его.

Госсекретарь убедился в этом после переговоров в Москве 28 - 30 марта. Они закончились, как и следовало было ожидать, полной неудачей. Советское руководство отвергло оба американских варианта соглашения по ОСВ, твердо настаивая на соблюдении владивостокской договоренности и отвергая подход Картера как „несерьезный". „Если США хотят вновь обсуждать ранее решенные вопросы, - заявил Брежнев госсекретарю, - то тогда и СССР вернется к таким вопросам, как американские ракеты передового базирования в Европе и передача американского стратегического оружия союзникам. Главное требование администрации США -ликвидация половины советских тяжелых ракет наземного базирования -абсолютно неприемлемо".

Вэнс был обескуражен, Картер - обижен и разгневан. Последовали негодующие публичные заявления с обеих сторон. Отношения между Вашингтоном и Москвой еще больше ухудшились.

Чем же объяснялась неудача миссии Вэнса, которая заложила опасную мину недоверия между обеими сторонами на длительный период президентства Картера?

Конечно, „всеобъемлющие предложения" новой администрации США можно было бы попытаться использовать для поисков договоренности в интересах обеих сторон. Ведь спустя десять лет СССР уже сам предлагал такие уровни сокращений, которые были довольно близки к привезенным Вэнсом в Москву в 1977 году. Но для таких переговоров требовалось немалое время. В целом же мы считали абсолютно лишенным здравого смысла игнорирование результатов совместного пятилетнего труда с предшествующими администрациями, во многом уже подготовленный договор об ОСВ-2 и новые переговоры с неясными результатами. Однако в то время США не хотели запрещать или резко ограничивать ракеты с РГЧ и крылатые ракеты. А это сильно затрудняло переговоры.

Руководство в Кремле очень рассчитывало на то, что в советско-американских отношениях удастся сохранить преемственность политики прежней администрации Форда, символом которой было соглашение во Владивостоке. В Москве надеялись, что процесс разрядки удастся развить и

закрепить с Картером, подписав во многом уже согласованный договор об ОСВ-2 на базе владивостокской договоренности, причем сделать это на советско-американской встрече еще в 1977 году. Таков был стратегический расчет в отношениях с США. Однако новый подход Картера к ОСВ блокировал все это.

Напомню, что даже владивостокская договоренность вызвала в свое время серьезные разногласия в советском руководстве.

И вот после таких разногласий в Политбюро госсекретарь США приезжает в Москву и, по существу, предлагает пересмотреть владивостокскую договоренность в сторону значительных сокращений, которые и без того вызывали возражение советского военного руководства. Брежнев, разумеется, не хотел снова открывать неизбежную и неприятную для него дискуссию в Политбюро. Громыко полностью поддержал Брежнева.

Резкость реакции Брежнева на американские предложения объяснялась еще и тем обстоятельством, что в Москве усиливалось впечатление, что Картер отмежевывается от позитивных договоренностей СССР с предыдущими администрациями США и хочет сам все начинать „с чистого листа" и на этом приобрести популярность.

Ко всему прочему в советском руководстве росло сильное раздражение по поводу публичной кампании Картера по правам человека и его открытого „братания" с советскими диссидентами. В Кремле даже подозревали, что Картер придерживался новой доктрины, резко отличавшейся от подхода Никсона и Форда, а именно умышленно увязывал политику разрядки с подвижками во внутренней политике СССР. Это было, конечно, неприемлемо для кремлевских руководителей..

Были, разумеется, и серьезные разногласия по существу содержания возможного соглашения по ОСВ-2. Так, например, советское руководство отвергало тогда предложение о резком, да к тому же еще более значительном, чем для США, сокращении наземных стратегических ракет, поскольку они были главной составной частью советской стратегической мощи. Картер же не соглашался ни на какие ограничения на крылатые ракеты (на чем настаивал СССР) без изменений во владивостокской договоренности. А эти изменения, по Картеру, должны были в этом случае предусматривать определенные ограниченные уровни для ракет с РГЧ наземного базирования (в основном это касалось модернизированных советских ракет нового поколения), т. е, той же сердцевины советских стратегических сил. Все это, повторяю, давало США односторонние преимущества в ущерб Советскому Союзу.

Так или иначе, дальнейшие переговоры по ОСВ-2 затянулись на два года, в течение которых СССР отстаивал владивостокские договоренности, хотя все же пошел, как и американцы, на некоторые уступки.

В целом же, по моему убеждению, затяжные споры по „доводке" указанной договоренности, различные „увязки" с другими вопросами явно не оправдывали потерю драгоценного времени. Договор был подписан летом 1979 года, когда уже стало очевидным заметное ухудшение советско-американских отношений по всем направлениям. А ведь подписание договора в 1977 году, да еще на встрече на высшем уровне (и возможная его ратификация в том же году), могло бы придать большой импульс развитию этих отношений в конструктивном направлении.

Вот почему, на мой взгляд, опрометчивая попытка администрации Картера в 1977 году по-новому подойти к решению проблемы ОСВ была недостаточно продумана, хотя, видимо, и была сделана с добрыми

намерениями. Это обернулось потерей драгоценного времени на длительных переговорах, а также эрозией общественной и политической поддержки в самих США соглашения по ОСВ-2, подписанного уже в 1979 году. Уменьшилась и стратегическая ценность самих ограничений по этому соглашению ввиду дальнейшего развития военных технологий.

Снова встречаюсь с президентом

Советское руководство надеялось, что в Вашингтоне внимательно проанализируют причины провала миссии Вэнса и скорректируют свою позицию с учетом состоявшегося в Москве обмена мнениями. 7 апреля я передал Вэнсу письмо Брежнева Картеру в этом духе.

Вэнс, который все еще находился под сильным впечатлением неудачной поездки в Москву, попросил меня, когда мы встретились, дать оценку нынешнего состояния советско-американских отношений, памятуя, что я был послом и при других администрациях.

Я ответил, что если говорить откровенно, то состояние отношений сейчас, пожалуй, самое неудовлетворительное за последние десять лет. Заметил, что администрация Картера за три месяца своего пребывания у власти „успела" основательно испортить отношения с СССР, хотя советское руководство стремилось с самого начала установить хорошие отношения с новым президентом. „Неужели президент верил, - спросил я Вэнса, - что советское руководство примет его явно неприемлемые предложения по ОСВ? Ведь я же лично предупреждал Вас об этом".

Госсекретарь, как бы оправдываясь, высказался в том смысле, что президент „хотел завязать диалог" по разным конкретным составным частям обоих предложений и на базе этого искать компромисс. Однако категорическое отклонение советской стороной обоих вариантов явилось для президента и для него самого полной неожиданностью. Вэнс даже употребил слово „шок", когда описывал настроение американской делегации, которая, как и президент, ожидала соответствующих вопросов и критического разбора их предложений с советской стороны, но никак не короткого решительного заявления Брежнева о полной неприемлемости американских предложений без каких-либо особых пояснений.

В результате, сказал он, президент погорячился, выступив в спешке с критическими заявлениями. Последовала перепалка с обеих сторон. Дело от этого только пострадало.

В конце беседы мы договорились, что госсекретарь продолжит обсуждение вопросов по ОСВ в мае при встрече с Громыко в Женеве.

В целом у меня создалось впечатление, что администрация Картера, вроде начала искать выход из тупика, куда она сама себя загнала. Хотя, возможно, это было лишь желание самого Вэнса.

Через несколько дней президент пригласил меня на беседу. Чувствовалось, что он стремился как-то смягчить неудачу поездки Вэнса.

Выразив желание обсудить вопрос о дальнейших возможных шагах, которые могли бы все-таки привести к соглашению по ОСВ в течение нескольких месяцев, он спросил: может быть, следует возобновить переговоры в Женеве на уровне двух делегаций?

Я ответил, что пока нет взаимопонимания в принципе на высшем уровне, никакие переговоры делегаций тут не помогут.

Картер спросил тогда, почему все-таки Брежнев и Громыко отвергли американские предложения, не пожелав даже обсудить их с Вэнсом? Я сказал, что эти предложения, по глубокому убеждению советского руководства, не могли явиться какой-либо реальной основой для соглашения, так как они обходят владивостокские договоренности между обоими правительствами. Пояснил суть нашей позиции.

Президент попросил передать Брежневу, что он не пытался словчить с целью получения односторонних преимуществ. Он лишь хотел начать обмен мнениями по широкому спектру проблем, а главное, обсудить вопрос о действительно глубоком сокращении ядерных вооружений, к чему он искренне стремится, включив в свои предложения разные элементы, вызывающие беспокойство как советской, так и американской стороны.

Я напомнил президенту, что выдвинутые им предложения, видимо, и с добрыми намерениями, помимо всего прочего, нарушают сбалансированность ограничений, о которой ранее достигнута была договоренность. Мы за то, чтобы сначала была выполнена, владивостокская договоренность, а затем уже следует перейти к решению других, более сложных проблем, включая и те, которые выдвинуты президентом. Известно, что нельзя успешно гнаться сразу за двумя зайцами - ни одного не поймаешь.

Президент выразил надежду на возможность достижения в ближайшие месяцы договоренности по ОСВ. Сказал, что даст поручение Вэнсу искать компромисс.

Затем Картер поднял еще один вопрос: советская печать начала вести в последнее время кампанию нападок в его адрес. Это огорчает его.

Я сказал президенту, что никакой специальной кампании против него лично не ведется. Однако наша печать не может проходить мимо антисоветской кампании, которая заметно активизировалась в США в последние месяцы, и не без прямого участия руководящих деятелей самой администрации. Я призвал президента обратить на это внимание.

Картер заявил, что постарается исправить положение, но при этом рассчитывает на взаимность. Он просил передать об этом в Москву.

Картер не скрывал, что он обостренно воспринимает публичную критику в свой адрес, но забывал, видимо, что такая же чувствительность к критике может быть и у другой стороны.

На следующий день я встретился с Бжезинским в Белом доме. Разговор с ним в отличие от беседы с президентом был довольно напряженным. Чувствовалось, что он был одним из основных авторов и вдохновителем „всеобъемлющего" проекта соглашения по ОСВ, с которым Вэнс приехал в Москву. Бжезинский горячился, он утверждал, что США не могут вести переговоры, когда их проект решительно отвергается без детальных объяснений.

Я подчеркнул, что новые предложения США являются недопустимой ревизией владивостокской договоренности и откровенно нарушают важный принцип равенства и равной безопасности. Их обсуждение, как показывает опыт таких переговоров, затянуло бы согласование позиций сторон на годы.

Когда в конце разговора я попросил его определить, что же, по его мнению, является все-таки главным для дальнейшего развития советско-американских отношений, он сразу резко ответил: „Научиться жить в условиях сохраняющихся разногласий".

Тем временем в Вашингтоне продолжались мои встречи с Вэнсом в Рамках конфиденциального канала. Они помогли выработать компромис-

ный подход к ОСВ, который затем был утвержден в мае в Женеве на встрече госсекретаря с Громыко, приуроченной к открытию советско-американских переговоров по ОСВ-2.

Достигнутый „рамочный" компромисс предусматривал: восьмигодичный договор, устанавливающий предельный уровень на все носители (ракеты и самолеты) и подуровень на носители с разделяющимися головными частями; трехгодичный протокол, ограничивающий развитие новых систем (крылатые ракеты и „тяжелые" стратегические ракеты), и заявление, которое должно было включать принципы дальнейших после этого переговоров уже по ОСВ-3.

К этому времени лишь 41 процент опрошенных в США положительно оценивал политику Картера в отношении СССР. Подавляющее большинство (75 процентов) высказалось за то, чтобы СССР и США продолжали поиски „областей сотрудничества и согласия". В поддержку советско-американского соглашения по ОСВ выступали 77 процентов опрошенных службой Харриса. Половина считала, что Картер „подорвал свои шансы" заключить соглашение по ОСВ, поскольку постоянно говорил о нарушении прав человека в СССР. Таков был результат негласного опроса, проведенного по просьбе Белого дома.

В конце сентября, когда Громыко встречался с Картером и Вэнсом в Вашингтоне, решено было продлить действие договора об ОСВ-1, срок которого истекал 3 октября. Были также в принципе согласованы составные части нового соглашения: потолок на ракетные системы и тяжелые бомбардировщики - 2250 и подуровень на ракетные системы с РГЧ в 1320. Тяжелые бомбардировщики с крылатыми ракетами должны были засчитываться в этот подуровень. Однако другие спорные вопросы остались нерешенными, и переговоры, к сожалению, затянулись на многие месяцы.

Белый дом поднимает вопрос о встрече в верхах

В начале июня Вэнс в сугубо доверительной форме коснулся вопроса о возможной встрече на высшем уровне. Нынешнее состояние наших отношений оставляет желать лучшего, сказал он в беседе со мной. Положение осложняется и тем обстоятельством, что до сих пор не сложился еще даже минимум должного взаимопонимания между советским и американским руководством и лично между Картером и Брежневым. Несмотря на обращение президента, нападки на него в советской печати продолжаются. Этим пользуются противники улучшения отношений с СССР.

По словам госсекретаря, он с президентом несколько раз обсуждал сложившееся положение и хотел бы в этой связи доверительно узнать мнение Брежнева.

Разрядить ситуацию, по их оценке, может встреча Картера и Брежнева. Оба лидера любят высказываться откровенно, без каких-либо дипломатических условностей, оба обладают всей полнотой власти и могут принимать решения, которые во многом предопределят конструктивное развитие отношений между обеими странами. Наконец, будет установлен столь необходимый личный контакт на самом высоком уровне.

Возникает вопрос, продолжал Вэнс, когда и где проводить такую встречу. Мы исходим из того, что ее можно было бы провести осенью этого года. Возможны два варианта. Первый - если удастся договориться о новом

соглашении по ОСВ. В этом случае президент с удовольствием принял бы Брежнева в Вашингтоне для подписания соглашения и широкого обмена мнениями. Второй - если стороны не успеют завершить согласование договора осенью этого года, то встречу все равно следовало бы провести. Главное: установление личного контакта, откровенное обсуждение всего комплекса наших отношений и международных проблем, что значительно шире одной договоренности по стратегическим вопросам. Что касается места встречи, то, если Вашингтон будет неприемлем, можно подумать о другом варианте.

Заканчивая, Вэнс особо отметил, что он высказывает все эти соображения с ведома президента, но что больше никто в администрации ничего не знает и не будет знать об этом совершенно конфиденциальном разговоре.

Я приветствовал в принципе идею встречи на высшем уровне. В то же время подчеркнул важность усилий по скорейшему завершению соглашения по ОСВ-2 еще в текущем году. Это создало бы решающую предпосылку для встречи Брежнева и Картера.

Вэнс сообщил также, что выезжающий в Москву посол Тун везет с собой письмо министра обороны Брауна Устинову, приглашающее начальника Генштаба Огаркова посетить США. „Президент Картер, - сказал Вэнс, -считает установление контактов по военной линии существенным фактором улучшения взаимопонимания, особенно по вопросам переговоров по ОСВ и другим вопросам уменьшения военной напряженности".

Поездка Огаркова, однако, не состоялась. Мы не были еще готовы к таким контактам. Помимо прочего, тут сыграла свою роль растущая неприязнь Устинова к Огаркову. В целом это приглашение открывало неплохую возможность для установления контактов по военной линии. К сожалению, Москва упустила этот шанс.

Через неделю я сообщил Вэнсу реакцию Брежнева на идею встречи на высшем уровне. Советский руководитель предлагал вести подготовку к такой встрече „в контексте завершения выработки соглашения по ОСВ, имея в виду осуществить это осенью или во всяком случае до конца текущего года..."

Вэнс расценил этот ответ в целом как позитивный.

Однако спустя несколько дней Вэнс, сославшись на поручение президента, попросил довести до сведения Брежнева, что президент все же придерживается мнения, что чем быстрее состоится встреча с Брежневым, тем лучше будет для развития советско-американских отношений. В настоящий момент эти отношения проявляют тенденцию к ухудшению и только на самом высоком уровне можно приостановить такое нежелательное развитие событий, а также дать импульс более быстрому заключению соглашения по ОСВ. Поэтому президент предлагает Брежневу договориться о встрече в сентябре или октябре этого года.

В целом из последних моих бесед было видно, что Картер и Вэнс хотели бы несколько поправить наши отношения. Поэтому я поддержал суть нового обращения президента США, считая ее целесообразной.

В Москве эта инициатива Картера стала предметом обсуждения в Политбюро. Было решено - в основном под давлением Громыко - не менять существа нашего принципиального подхода к вопросу о встрече, но внешне занять более гибкую позицию и посмотреть, как дальше будут развиваться события.

ДЖ.КАРТЕР:: КОНЕЦ ПРОЦЕССА РАЗРЯДКИ

2 июля я передал Вэнсу сообщение для Картера, в котором говорилось, что Брежнев согласен, чтобы вопрос о встрече с президентом был более конкретно обсужден, когда Громыко и Вэнс встретятся в сентябре. Советская сторона исходила из того, что „в итоге бесед двух министров должна будет яснее определиться перспектива завершения подготовки соглашения по ограничению стратегических вооружений".

Вэнс явно был недоволен таким ответом, но ограничился репликой, что доложит о нем президенту.

Я считал, что мы по-прежнему совершаем серьезную ошибку, оттягивая встречу на высшем уровне и связывая ее обязательно с подписанием соглашения по ОСВ-2. Такая встреча позволила бы уже в начале президентства Картера установить хотя бы минимум взаимопонимания и взаимодействия вместо накапливающегося недоверия и даже неприязни. Встреча могла бы помочь и ускорению соглашения по ОСВ-2. В Москве почему-то склонялись к мысли, что Картер больше заинтересован в такой встрече, чем мы (видимо, потому, что Картер и Вэнс по своей инициативе уже несколько раз ставили этот вопрос).

Был и еще один, как мне позже сказал Громыко, немаловажный фактор: Брежнев, будучи уже нездоровым, понимал, что без существенной предварительной „страховки" - в виде подписания на встрече уже готового соглашения по ОСВ - ему будет трудно „вытянуть" длительную и непростую дискуссию с Картером по широкому кругу вопросов. Сам Громыко придерживался такого же мнения (возможно, он сам же и подбросил в соответствующей форме эту мысль Брежневу).

Последующая беседа с Вэнсом на обеде в посольстве подтвердила мое впечатление, что Белый дом недоволен ответом Брежнева. Госсекретарь сказал, что Картер „несколько огорчен" тем, что его встреча с Генеральным секретарем, как теперь очевидно, откладывается на более поздний срок, чем это хотелось бы президенту. Тем не менее вопрос о встрече по-прежнему остается в центре внимания президента, независимо от того, когда она состоится.

Таким образом, к середине лета 1977 года сложилась своеобразная ситуация: Картер довольно настойчиво выражал свое желание встретиться с Брежневым. Мы же не менее настойчиво - и я по-прежнему считаю ошибочно - уклонялись от этого под предлогом необходимости сначала договориться по ОСВ, не очень обращая внимание при этом на продолжающееся неблагоприятное развитие общей обстановки в наших отношениях.

Громыко в Вашингтоне: поиск компромисса

Приезду Громыко на очередную сессию Генеральной Ассамблеи ООН и традиционным его встречам с госсекретарем и президентом предшествовал интенсивный обмен мнениями между сторонами. Готовились проекты совместного заявления о продлении Временного соглашения 1972 года по ОСВ и совместного Заявления по Ближнему Востоку (для подготовки этого документа я встречался несколько раз с Вэнсом).

Переговоры Громыко с Картером и Вэнсом ознаменовали известное продвижение в вопросах ОСВ и Ближнего Востока. Наиболее важной была встреча с Картером 27 сентября, в которой участвовали Вэнс, Бжезинский и другие, а с нашей стороны - заместитель министра Корниенко и я.

Что касается ОСВ, то Картер после упорных переговоров согласился не настаивать больше на сокращении советских тяжелых ракет, ограничив их существовавшим уровнем. Советская сторона, в свою очередь, пошла на серьезный компромисс, дав согласие на фиксированный уровень своих ракет с РГЧ. Был согласован также предел дальности в 2500 км для крылатых ракет воздух-земля". Советский Союз брал на себя определенные обязательства относительно непревращения самолета „Бэкфайер" в стратегический бомбардировщик. Вводились ограничения на американские крылатые ракеты на стратегических бомбардировщиках путем включения их в число носителей с РГЧ.

Поскольку договор об ОСВ-1 истекал в октябре, Картер и Громыко договорились соблюдать его условия до тех пор, пока не вступит в действие новый договор об ОСВ-2. Это была важная договоренность.

И все же оставшиеся разногласия по „Бэкфайеру", по уровням крылатых ракет, спор относительно так называемых нарушений соглашения по ОСВ-1 и некоторым другим вопросам мешали достижению соглашения по ОСВ-2 к концу 1977 года. Общее торможение в советско-американских отношениях еще больше затянуло дело. В целом понадобилось более полутора лет кропотливой работы, прежде чем наконец в 1979 году проект договора об ОСВ-2 оказался полностью сверстанным.

По Ближнему Востоку было принято важное совместное Заявление Громыко и Вэнса от 1 октября с прицелом на созыв международной конференции. Пожалуй, это был наиболее близкий по духу сотрудничества между СССР и США документ по ближневосточным делам за все последние годы. Были выработаны и согласованы принципы совместных действий наших двух стран, направленных на достижение всеобъемлющего ближневосточного урегулирования.

Это заявление было, однако, весьма враждебно встречено Израилем, произраильскими кругами в США и связанной с ними прессой. Личной критике подвергся и Вэнс. „Для президента и для меня, - признался позже мне Вэнс, - оказалась совершенно неожиданной такая бурная реакция в США".

Довольно резкий обмен мнениями состоялся по вопросу о правах человека в СССР. Инициатором выступил Картер. Громыко был непреклонен: США не следует вмешиваться во внутренние дела СССР. Картер стал говорить в защиту диссидента Щаранского, в пользу которого в США, да и в других странах Запада, была развернута шумная пропагандистская кампания.

- Кто такой Щаранский? - невозмутимо спросил Громыко. - И почему мы должны обсуждать его на высшем уровне?

Картер даже несколько растерялся.

- Вы не слышали о Щаранском? - изумленно переспросил он.

- Нет, - с прежней невозмутимостью ответил Громыко.

Картер не знал, что еще сказать, и прекратил разговор на эту тему.

Я, должен признаться, про себя даже подумал: „Как ловко умеет вести разговор на деликатные темы наш министр!"

Позже, когда мы с ним сели в машину, чтобы уехать из Белого дома в посольство, Громыко наклонился ко мне и тихо спросил: „Кто такой Щаранский?"

Настал мой черед удивляться. Выяснилось, что он действительно толком не знаком „с делом Щаранского", поскольку дал указание своим помощникам вообще не показывать ему материалы на такие „вздорные темы".

Когда Громыко собирался выйти из кабинета президента, Картер подарил ему неожиданный „сувенир": деревянный набор образцов всех типов советских и американских ракет, сделанных в сопоставимых размерах. Громыко, чувствовалось, не очень был рад такому подарку, так как набор моделей наглядно свидетельствовал о преимуществе Советского Союза как по размерам, так и по количеству разных типов ракет над арсеналом более компактных стратегических ракет США (Громыко позже отдал этот набор мне, сказав, что он „не играет в игрушки". Картеровский сувенир до сих пор хранится у меня дома).

В это время в Овальный кабинет вошла супруга президента Розалин Картер и поздоровалась с советским министром. Громыко, не без юмора записал Картер в своем дневнике, был с Розалин гораздо более любезен, чем с ним самим и его советниками.

Через пару недель Бжезинский сказал мне, что президент остался доволен результатами переговоров с Громыко, которые позволяют завершить разработку нового соглашения по ОСВ. Однако возможные сроки подписания соглашения не праздный вопрос для президента, в Белом доме пытаются сейчас определить наиболее целесообразные приоритеты во внешнеполитических вопросах с точки зрения прежде всего внутриполитической борьбы в США и шансов одобрения того или иного международного соглашения в сенате. Это, конечно, относится полностью и к соглашению по ОСВ, вызвавшему в США такие ожесточенные споры. Для Картера это непростой вопрос, поскольку он уже сталкивался с серьезными трудностями в конгрессе по ряду проблем, в первую очередь по договорам о Панамском канале и Ближнему Востоку.

По мнению помощника президента, сложная внутриполитическая обстановка может повлиять на ход переговоров по завершению соглашения по ОСВ.

Бжезинский рассказал, что Вэнсу пришлось нелегко в одном из комитетов сената, где он выступал по итогам переговоров с Громыко по ОСВ, поскольку правые сенаторы Джексон, Тэрмонд и Нанн прямо обвинили администрацию в „уступках русским".

Идя на поводу критиков, администрация не проявляла твердости и решимости форсировать развязки по нерешенным вопросам ОСВ. Особенно это касалось явно надуманного вопроса о якобы стратегических возможностях советского самолета „Бэкфайер" (свидетельствую уже не как посол, а как бывший инженер-конструктор по самолетам. Надуманность этой проблемы впоследствии признавали и некоторые американские участники переговоров, которые отмечали, что эту точку зрения им усиленно навязывал Пентагон, и в частности такой противник договора, как Перл).

Сенатора Джексона приглашают в Москву

Когда мы вместе с министром внешней торговли Патоличевым (10 ноября) посетили Картера, то в беседе президент отметил, что возможности администрации в области расширения торговли ограниченны, поскольку в этом деле первое слово фактически принадлежит конгрессу.

В разговоре со мной наедине Картер посоветовал пригласить сенатора Джексона в Москву. Президент назвал его амбициозным человеком, от которого во многом будет зависеть ратификация договора об ОСВ-2, а

также торговых соглашений с СССР. Его уже пригласили китайцы. Картер считал, что Джексон принял бы наше приглашение.

По рекомендации Картера я послал в Москву предложение пригласить к нам сенатора Джексона. Брежнев дал на это согласие.

Через несколько дней я посетил сенатора и передал ему соответствующее приглашение от парламентской группы Верховного Совета СССР. Он был явно доволен и тут же спросил, а может ли он рассчитывать на беседу с Брежневым. Ответил, что такая возможность, как я думаю, у него будет.

Джексон поблагодарил за приглашение, сказал, что он обязательно поедет в Москву. После этого стал доказывать, что он не „закоренелый антисоветчик", напротив, стремится к улучшению отношений с СССР, хотя по некоторым вопросам он не во всем может согласиться с советской политикой. Главное - начать диалог, делая упор на позитивных, а не на отрицательных моментах. Сенатор сообщил, что он смог бы поехать в марте следующего года.

В начале марта Джексон пригласил меня к себе, чтобы обговорить „организационные детали" его поездки. Когда я пришел к нему, то в дверях столкнулся с его помощником Перлом, известным антисоветчиком и инициатором многих враждебных нам выступлений Джексона. Надо сказать, что накануне на одном из дипломатических приемов он случайно встретился с моим помощником и сказал ему, что советский посол сделал умный ход, пригласив Джексона в Москву. Сенатор очень доволен. Но он, Перл, все же думает, что найдутся серьезные обстоятельства, которые помешают этой поездке.

Увидев меня, Перл, улыбаясь, выразил надежду, что мы с сенатором обо всем договоримся. Говорил он это с явным сарказмом. Войдя в кабинет Джексона, я сразу почувствовал некоторую неловкость с его стороны. Выяснилось, что он фактически ставил условием своей поездки принципиальное разрешение Советского правительства на встречу в Москве в присутствии прессы с наиболее известными диссидентами. Он, конечно, понимал необычность такого условия в той конкретной обстановке, но прикрывался рассуждениями о том, что он известен как защитник диссидентов и „многим будет непонятно", если он не встретится с ними.

Я спросил сенатора, с кем же все-таки он хочет говорить в Москве: с Брежневым или диссидентами? Он ответил, что со всеми. На вопрос, не думает ли он, что такие его требования могут вообще затруднить его поездку, Джексон сказал, что понимает „возникающие при этом трудности у Брежнева", но тем не менее таковы его условия. Он отклонил предложение встретиться с диссидентами, но без рекламной и пропагандистской шумихи.

Из Москвы пришел следующий ответ Джексону: „Приглашая сенатора, мы исходили из целесообразности конструктивного развития отношений между нашими странами. Даже соображения простого такта, казалось бы, делают неуместной такую постановку вопроса, когда сенатор начинает обусловливать свой приезд в СССР нашим согласием на его встречу с группой лиц, противопоставивших себя нашему строю".

Ближневосточный вопрос: усиление разногласий. Еще один разговор с Картером

В ноябре и декабре 1977 года проходил оживленный обмен мнениями между Москвой и Вашингтоном по вопросам ближневосточного урегулирования. Инициатива в постановке этих вопросов исходила от советской

стороны. Мы настаивали на том, чтобы СССР и США, руководствуясь принципами совместного Заявления от 1 октября, занялись организацией конференции по Ближнему Востоку.

Американская сторона на словах не отказывалась от этого, но с растущей симпатией (и негласной поддержкой) следила за активизацией сепаратных усилий президента Садата, вступившего на путь развития двусторонних контактов между Египтом и Израилем и организации каирского совещания, которое, по существу, подменяло собой международную конференцию.

Вэнс сделал попытку как-то объяснить нам их позицию. Он рассказал мне о своей поездке на Ближний Восток. В Каире Садат откровенно заявил ему, что египетский народ устал от войны и связанных с ним лишений и экономических трудностей. Ждать еще несколько лет, пока идут бесплодные дипломатические споры, он больше не может. Его последние шаги к миру с Израилем пользуются поддержкой не только народа, но и армии Египта. Однако подобные настроения не могут продолжаться вечно. Да и сам он не вечен. Израиль должен это понять и ответить конкретными серьезными шагами.

Визит Садата в Иерусалим, продолжал Вэнс, в Израиле был воспринят как нелегкое для египетского президента признание в глазах не только израильтян, но и всех арабов очевидного факта, что Египет, основное арабское государство, вынужден просить мира у Израиля. Именно готовность Садата к такому унижению произвела колоссальное впечатление в Израиле и в еврейских кругах США и привела к тому, что общественное мнение и в Израиле, и в США круто повернулось в сторону Садата, в пользу скорейшего мира с Египтом.

По существу, Вэнс призывал нас по-новому взглянуть на обстановку. Однако отход *к* этому времени Садата от доверительного диалога с нами и активизация американской дипломатии лишь усиливали подозрительность Москвы и ее упорство в отстаивании своих прежних позиций.

Из беседы с Вэнсом было видно, что в израильско-египетских отношениях назревали серьезные события, а Советский Союз оставался в стороне от этих событий, изолируя себя, чем не преминули воспользоваться США.

Направление развития событий на Ближнем Востоке и как результат этого ослабление позиции Советского Союза вызывали, естественно, раздражение Москвы. Брежнев направил Картеру 16 ноября послание, в котором подверг критике позицию США по ближневосточному урегулированию, фактический отказ Вашингтона от подготовки Женевской конференции, сопредседателями которой должны были быть СССР и США. Поэтому президент пригласил меня для беседы, чтобы изложить некоторые свои соображения для последующей передачи Брежневу.

Признав, что отсрочка Женевской конференции была бы серьезной неудачей для мирного урегулирования на Ближнем Востоке, неудачей обоих сопредседателей, Картер утверждал, что визит Садата в Иерусалим не результат американской инициативы. Мы не знали, что Садат готовит такую поездку, подчеркнул президент. И сейчас, когда перспектива этой поездки стала реальностью, правительство США поддерживает ее. Об этом я *сказал* по телефону Бегину и Садату, выразив надежду, что эта встреча явится вкладом в дело скорейшего созыва Женевской конференции. „В этой

связи, - заключил Картер, - я хотел бы надеяться, что правительство СССР, как сопредседатель, займет сходную или во всяком случае не открыто негативную позицию в отношении этой поездки".

Москва, как это было ясно из полученных мною инструкций, по-прежнему придерживалась негибкой позиции: все (конференция) или ничего (против отдельных переговоров между Египтом и Израилем). Мы были убеждены, что только через международную конференцию СССР сможет обеспечить себе полноправное участие в ближневосточном урегулировании. В результате разговор с президентом лишь подтвердил наши разногласия по этому вопросу.

В течение еще нескольких месяцев продолжалась дискуссия между Москвой и Вашингтоном относительно ближневосточного урегулирования и конференции по Ближнему Востоку. Однако позиции постепенно расходились. Администрация США поддерживала сепаратное соглашение между Египтом и Израилем в ущерб международной конференции по Ближнему Востоку и тем самым вызывала недовольство и критику со стороны Советского Союза.

Одна любопытная деталь. Посол Ирана Захеди, сославшись на контакты иранской разведслужбы с ЦРУ, доверительно сообщил, что Садат обратился к правительствам США и Израиля с просьбой помочь обеспечить его личную безопасность с учетом последних событий на Ближнем Востоке. Американцы непосредственно участвуют сейчас в организации повседневной, более эффективной охраны Садата, сказал посол. Израиль же снабжает египтян соответствующей информацией, получаемой от своей агентуры в арабских и других странах.

Но террористам, как известно, все же удалось впоследствии устранить президента Египта.

Перспективы отношений с СССР в оценках администрации

К концу года у меня состоялось несколько бесед с руководящими деятелями администрации о перспективах наших отношений на.1978 год.

Бжезинский заявил, что президент Картер по-прежнему придает большое значение встрече с Брежневым. Президент готов хоть сейчас пойти на такую встречу, сказал он. Реально говоря, срок такой встречи мог бы быть где-то в середине или в конце весны .следующего года. К этому времени администрация рассчитывает на достижение договоренности по трем важнейшим соглашениям: об ограничении стратегических вооружений, о полном запрещении ядерных испытаний и о взаимном ограничении военной активности в Индийском океане.

По мнению Бжезинского, потенциальную опасность заключению соглашения по ОСВ и организации встречи на высшем уровне могли бы создать события на Ближнем Востоке и в районе Африканского Рога (военный конфликт между Эфиопией и Сомали не должен вовлечь СССР и США), а также судебный процесс над Щаранским.

Беседа прошла в деловом ключе, без свойственных подчас моему собеседнику эмоций. Он с заметным удовольствием показывал фотографии, на которых он был снят с президентом на борту атомной подводной лодки, на самолете - воздушном командном пункте ВВС. Показал он и художественно

выполненный ящик с кубинскими сигарами и курительную трубку - личный подарок от Фиделя Кастро.

Беседовал я и с Вэнсом. Он сказал, что недавно в порядке подведения итогов первого года они с Картером подробно обсуждали проблему советско-американских отношений и перспективы на будущее. Несмотря на трудности, они все-таки оптимистично оценивают развитие этих отношений, считая, что в следующем году может быть дан значительный импульс их улучшению.

Объективные предпосылки этому есть, продолжал госсекретарь. Мы исходим из того, что соглашение по ОСВ вполне может быть закончено к марту или в марте. К этому же сроку, как мы полагаем, завершится работа над договором о полном запрещении ядерных испытаний. Возможно и соглашение по взаимному сокращению военно-морской активности в Индийском океане.

Администрация предполагает внести вопрос о ратификации соглашения по ОСВ в сенат с таким расчетом, чтобы оно обсуждалось там в течение апреля-мая. Сроки эти важны и с внутриполитической точки зрения, ибо с лета будущего года уже начнется кампания по выборам в конгресс США.

Заключение соглашения по ОСВ, а возможно, и договоренность по ядерным испытаниям и Индийскому океану явились бы хорошей базой для советско-американской встречи на высшем уровне, что должно явиться главным событием будущего года в советско-американских отношениях.

Картер и я, подчеркнул госсекретарь, также очень надеемся на то, что в случае положительного сдвига в деле ближневосточного урегулирования СССР решит восстановить дипломатические отношения с Израилем. В Москве, наверное, даже не представляют себе, заметил он, какое глубокое воздействие имел бы такой шаг на общественное мнение в США, особенно на еврейские круги. Последние сейчас, к сожалению, выступают в роли застрельщиков или активных сторонников любых антисоветских акций, вплоть до оппозиции ОСВ и в поддержку гонки вооружений. И все это в основном потому, что они считают СССР непримиримым врагом Израиля, выживаемость которого в немалой степени зависит от поддержания определенного уровня напряженности между СССР и США. Ведь только тогда американский народ будет готов идти на дальнейшие финансовые и материальные жертвы в пользу Израиля.

Без преувеличения можно сказать, заявил госсекретарь, что такой шаг радикальным образом изменил бы настрой этих влиятельных кругов в отношении СССР и позволил бы самой администрации более энергично и более предметно проводить курс на улучшение отношений с СССР. При таком ходе дел вопрос об отмене поправки Джексона-Вэника был бы быстро и позитивно решен самим конгрессом, а это позволило бы снова вернуться к действительному расширению советско-американских торгово-экономических отношений на длительной и прочной базе.

В душе я был согласен с этой оценкой. Между прочим, в своих телеграммах в Москву я старался исподволь проводить такую же мысль. Однако из личных бесед с членами советского руководства я знал, что этот вопрос пока „непроходим". Наиболее упрямыми противниками восстановления дипломатических отношений с Израилем в советском руководстве были Громыко и Суслов, которые упорно отстаивали точку зрения, что на этот шаг можно будет пойти только после официального соглашения о полном освобождении Израилем всех оккупированных им арабских земель. Брежнев

занимал среднюю позицию. В разговорах со мной он вроде был готов пойти на какие-то шаги в этом направлении ради улучшения отношений с Америкой, но, считаясь с оппозицией в Политбюро, он их так и не сделал.

Оглядываясь мысленно назад, думаю, что в первый год президентства Картера было немало упущенных возможностей. Обе стороны в течение 1977 года не смогли наладить конструктивного и доверительного диалога. В результате не был подписан договор об ОСВ-2, не состоялась встреча на высшем уровне, не были установлены личные отношения между лидерами обеих стран. Такие предпосылки и возможности были, но они не были использованы. Мешали этому не столько международные события, сколько новые сложные подходы администрации Картера к договору об ОСВ-2 и ее упорное увлечение пропагандой вокруг вопроса о правах человека в СССР при растущем нежелании Москвы обсуждать этот вопрос. Сыграло свою роль также нежелание советского руководства идти на встречу с Картером, пока не будет подписан договор об ОСВ-2. Такой путь оказался малопродуктивным.

2. БЕЛЫЙ ДОМ КОРРЕКТИРУЕТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

Для США 1978 год выдался сложным, усугубились проблемы внутренней и внешней политики. Резко росли темпы инфляции, увеличился внешнеторговый дефицит. США медленно вползали в полосу нового экономического спада. Администрация сменила приоритеты: „задачей номер один" была объявлена борьба с инфляцией, ради нее она поступилась своей программой снижения уровня безработицы.

Картер практически предал забвению свои популистские лозунги, с которыми пришел *к* власти, и проявил себя как обычный консерватор, а его администрация стала с точки зрения гонки вооружений одной из наиболее милитаристских за последнее десятилетие. Соперничество между конгрессом и президентом было по-прежнему очень острым.

В области внешней политики администрация Картера добивалась укрепления НАТО, вела переговоры с СССР по ОСВ, стремилась обеспечить сепаратную сделку между Египтом и Израилем, развивала отношения с Китаем.

Что касается советско-американских отношений, то политика администрации Картера по-прежнему отличалась противоречивостью и нестабильностью подхода к отношениям с СССР.

В советско-американских отношениях в целом наблюдался спад, а временами резко обострялась политико-пропагандистская обстановка в этой сфере, вплоть до проявления открытой враждебности со стороны администрации Картера.

Свою роль играло при этом и упорное нежелание советского руководства либерализовать внутриполитическую обстановку в стране.

Тем не менее реальность складывающейся в мире обстановки заставила Белый дом, по существу, несколько скорректировать свои внешнеполитические приоритеты и проявить осторожность в том, что касается публичных „наскоков" на СССР. Отношения стали чуть-чуть выравниваться, хотя и сохраняли известную однобокость, оставались замороженными и такие „позитивные средства взаимодействия", как торговля, сотрудничество в урегулировании международных кризисных ситуаций, более широкие обмены в области науки, техники, культуры и др.

Центр тяжести наших отношений с США переместился в сферу переговоров по ОСВ. Из-за позиции администрации Картера эти переговоры не подкреплялись сетью взаимовыгодных договоренностей и соглашений, политических консультаций по другим вопросам. В этих условиях было трудно говорить о сохранении уровня отношений, существовавшего при двух предыдущих администрациях. В конце лета - осенью 1978 года советско-американские отношения все же вроде прошли свою низшую точку, и появились определенные признаки их стабилизации. Однако этот процесс пока происходил на более низком уровне, чем в 1972 - 1973 годах. Действовала еще концепция „контролируемой, выборочной разрядки", которая распространялась в основном лишь на проблемы, ассоциирующиеся в США с угрозой ядерной войны. Что же касается остальных проблем, то их решение связывалось с „поведением СССР" в разных районах мира, с соблюдением „прав человека" и т. д. Правда, к концу года администрация приглушила такую „увязку", но подспудно она все же оставалась.

Африка: новые разногласия сверхдержав. Вашингтон практикует „политику увязок"

С начала 1978 года в советско-американских отношениях возник новый крупный очаг разногласий, как результат их соперничества, по существу, в локальном конфликте, разразившемся на Африканском Роге между Эфиопией и Сомали.

В течение ряда лет Сомали претендовала на Огаден, провинцию Эфиопии, в которой жило около 2 млн. сомалийских номадов. После свержения императора Эфиопии Хайле Селассия в 1974 году и прихода к власти в 1977 году режима подполковника Менгисту, провозгласившего себя сторонником промарксистских взглядов, Сомали, воспользовавшись нестабильностью в Эфиопии, оккупировала Огаден.

В январе 1978 года Москва предложила администрации Картера организовать совместное советско-американское посредничество по урегулированию конфликта. Однако Вашингтон уклонился от этого. Как написал Бжезинский в своих мемуарах, такое совместное посредничество „узаконило бы советское присутствие в районе Африканского Рога и не отвечало американским интересам".

По существу, был потерян шанс для совместного содействия стабилизации обстановки в этом районе. Отклонил Вашингтон и советское предложение о возобновлении переговоров о взаимном сокращении военной активности в Индийском океане.

Следует сказать, что первоначально СССР поддерживал дружественные отношения с Сомали. Еще в 1974 году был подписан советско-сомалийский

договор о дружбе и сотрудничестве. СССР снабжал Сомали оружием, получив взамен право пользования сомалийским портом Бербера на Лидийском океане. В то же время США были традиционным союзником Эфиопии.

Попытки Кастро, а также Москвы организовать совместный „прогрессивный фронт" или федерацию в составе Сомали, Эфиопии и Южного Йемена окончились неудачей из-за упорного нежелания Сомали возвратить оккупированный ею Огаден. Дальнейшее продвижение сомалийских войск было остановлено в результате советско-кубинского вмешательства на стороне Эфиопии. Развитие внутренних событий в Сомали и Эфиопии привело парадоксальным образом к изменению позиций обеих сверхдержав. СССР стал поддерживать Эфиопию. Вашингтон обратил свои взоры на Сомали, тем более что в конце 1977 года Сомали разорвала договор с СССР. Последний, однако, в следующем году подписал аналогичный договор с Эфиопией. В Аддис-Абебу были переброшены около 2000 кубинских и 1000 советских военных. Войска Сомали были вынуждены отступить, но продолжали еще удерживать значительную часть Огадена. Следует сказать, что в феврале 1978 года я по поручению Москвы заверил Вэнса, что войска Эфиопии не будут пересекать границу с Сомали после того, как они вернут себе провинцию Огаден. Это был как бы успокоительный жест в сторону Вашингтона.

С глобальной точки зрения события на Африканском Роге представляли собой, конечно, локальный конфликт. Так они и рассматривались в Москве. Тем не менее советско-кубинское военное вмешательство в этом регионе, размещение там второго (помимо Анголы) кубинского экспедиционного корпуса в Африке при советской транспортной и иной материальной поддержке - к тому же всего через два года после Анголы - все это произвело немалое впечатление на Западе, особенно в США. Там заговорили о новых широких стратегических планах СССР. В результате этот вопрос стал чуть ли не главным в отношениях администрации Картера с Москвой на протяжении всего года, что вызывало серьезные разногласия не только с СССР, но и внутри самой же администрации.

Весьма интересны в этой связи высказывания госсекретаря Вэнса, изложенные им впоследствии в его мемуарах. „Наша способность и умение проводить сбалансированную политику в отношении Советского Союза, -писал он, - были подвергнуты наиболее трудному испытанию в „третьем мире". Внутри администрации мы достигли согласия по вопросам НАТО и ОСВ, но советская и кубинская активность в Африке, на Африканском Роге, в начале 1978 года вызвала резкие разногласия между нами". Вэнс поясняет, что разногласия были главным образом между ним и Бжезинским. ,»Я, -отмечал Вэнс, - не считал, что советские действия в Африке были частью какого-то грандиозного советского плана, скорее, это была попытка использовать подвернувшиеся возможности. Это не означало, что советские действия были маловажными, но я считал, что мы, исходя из реальной оценки, Должны рассматривать их как конфликт, имеющий „локальные корни".

„Однако, - продолжал он, - политическое давление, как внутри, так и вне администрации, росло вместе с требованиями противодействовать советской и кубинской помощи Эфиопии путем задействования других аспектов советско-американских глобальных отношений". В такую увязку предлагалось включить замедление переговоров по ОСВ и по другим вопросам разоружения, ограничить экономические отношения, а также обмен

визитами на достаточно высоком уровне. Вэнс выступал против теории „увязок", считая, что они принесут отношениям с СССР гораздо больше вреда, чем пользы. Политика конфронтации не является выигрышной стратегией, к такому выводу приходил госсекретарь.

Однако практическая политика администрации Картера на деле все больше отражала политику тех сил, с которыми полемизировал Вэнс.

Я, как посол, был достаточно хорошо знаком с настроениями кремлевского руководства по поводу событий на Африканском Роге. Могу уверенно сказать, что Вэнс был прав в том смысле, что никаких грандиозных глобальных планов в Кремле в связи с этими африканскими событиями "не было. Не столкнувшись *с* большими международными осложнениями после вмешательства в дела Анголы, Москва, не очень раздумывая, зашагала дальше по этому, по существу, интервенционистскому пути (Эфиопия, Йемен, ряд африканских и ближневосточных стран и в завершение - Афганистан).

Конечно, каждая из этих ситуаций имела свою специфику. Однако в основе было, по существу, одно: примитивно понимаемые „интернациональный долг и участие в антиимпериалистической борьбе", хотя, речь подчас шла уже не о национально-освободительном движении, а о вмешательстве во внутренние дела ряда стран, участии в борьбе за власть там различных политических сил и группировок.

Это был уже явный оппортунизм во внешней политике, вызванный во многом тем, что в Кремле путали партийные и государственные интересы страны во имя идеологических соображений.

Надо признать попутно, что наше участие в таких конфликтах порой кое-кому в Кремле льстило - дескать, мы теперь, как и США, мировая держава. Но это, как говорится, было уже не от большого ума.

Вернемся к хронологическому изложению развития наших отношений с США в 1978 году.

На встрече с Вэнсом (19 января), когда был поднят вопрос о положении на Африканском Роге, я сообщил ему позицию Москвы. А она сводилась к отклонению американского тезиса „о советской вовлеченности" в конфликт в этом районе. Что касается мирного урегулирования, то необходимой предпосылкой к этому, по мнению СССР, должно быть не просто прекращение военных действий, как предлагали США, а немедленный вывод сомалийских войск из Эфиопии, о чем американская сторона почему-то умалчивала.

Дальнейший разговор с Вэнсом на эту тему не дал результатов.

Тем временем в США росло стремление связать „поведение русских" в этом районе с прогрессом переговоров с ними по другим вопросам, в частности по ОСВ. На одной из пресс-конференций Картер прямо заявил, что действия самих русских приводят к увязке этих двух моментов 17 марта он выступил с речью о „важной переоценке" администрацией военной стратегии США в связи со „зловещей склонностью СССР" использовать свою военную мощь для вмешательства в местные конфликты.

На основе анализа общей позиции администрации и шумной реакции в США на события в этом регионе посольство послало в Москву оценку американского подхода к этому вопросу, стремясь привлечь к нему внимание советского руководства.

В кругах администрации, особенно в самом Белом доме, говорилось в этой оценке, нервозно воспринимают укрепление советских позиций в Эфиопии. События на Африканском Роге рассматриваются сейчас в

Вашингтоне на порядок-другой выше, чем они реально этого заслуживают, т е. как тревога уже в отношении выхода СССР на широкий стратегический простор в районе Африки и Ближнего Востока с угрозой интересам США и их друзей: Египта, Саудовской Аравии, Ирана и т. п. Весьма эмоциональным моментом для американцев, отмечалось в докладе, остается также вовлеченность в эти дела Кубы.

Администрация Картера, пытаясь оказать на нас открытое давление в связи с эфиопско-сомалийским конфликтом, дает разного рода противникам развития советско-американских отношений материал для крикливых нападок. Иными словами, в США вызревает ныне нечто вроде ситуации „второй Анголы" в смысле долгосрочного препятствия на пути развития наших отношений. Здешние „эксперты" уже требуют, чтобы администрация увязала вопрос „о проникновении СССР на Африканский Рог" со всеми другими проблемами в отношениях с СССР. В целом это может иметь серьезные негативные последствия для советско-американских отношений, предупреждало посольство.

Мы советовали провести стратегический анализ сложившейся обстановки с точки зрения ее долгосрочного влияния на наши отношения с США. Однако Москва (особенно международный отдел ЦК партии с курировавшим его Сусловым) рассматривала все это в основном как очередные пропагандистские нападки враждебных нам сил в США. Подобный грубый просчет в оценках наносил нам немалый вред в отношениях с Вашингтоном, став постоянньш источником напряженности и подрыва разрядки в 70-е годы.

При очередной встрече в конце января Вэнс заявил, что в Красном море происходит концентрация советских боевых кораблей. „Подобные действия подрывают мои собственные позиции внутри администрации и тех, кто хочет предотвратить негативное влияние событий на Африканском Роге на советско-американские отношения, - подчеркнул он. - Скажу прямо, среди людей, близких к президенту, есть такие, кто считает последние советские действия личным вызовом президенту и как бы испытанием его твердости, и поэтому, указывают они, он должен показать русским свой характер".

„Важно показать определенным кругам в США, - подчеркнул Вэнс, - что СССР и США не конфликтуют из-за Африки, а могут сотрудничать, чтобы потушить конфликт в этом районе".

Я постарался объяснить Вэнсу, беспокойство которого мне было понятно, что никто в Москве не стремится „испытать характер президента". В такой плоскости вопрос никогда не стоял и не стоит. К сожалению, сам конфликт в этом районе вызывает вовлеченность наших обеих стран, которую, однако, надо бы использовать для достижения урегулирования. Но как сделать это?

На этот вопрос ни у Вэнса, ни у меня самого не было конкретного ответа. Оглядываясь назад, можно теперь только удивляться, сколько энергии и усилий было потрачено, по существу, впустую обеими странами в борьбе и спорах вокруг африканских дел. Через двадцать лет об этих спорах никто даже не вспоминает.

Месяц спустя на эту же тему беседовал со мной Бжезинский. Суть всех его высказываний сводилась к одному: растущее беспокойство по поводу расширения иностранного военного влияния в Африке, т. е. советского и кубинского. Он неоднократно возвращался к вопросу о том, что военное присутствие в Эфиопии СССР и Кубы представляет угрозу интересам Запада

с точки зрения безопасности нефтяных коммуникаций между Ближним Востоком и США, а также Западной Европой, которые могут быть „перерезаны". Сам Бжезинский, видимо, верил в такую „стратегическую угрозу".

В ответ на это заявление я спросил собеседника, как он себе практически представляет образ действий СССР с целью „перерезать нефтяные коммуникации" Запада. Захват или потопление американских танкеров? Но ведь это было бы прямым актом войны. Неужели в Белом доме сейчас мыслят такими категориями?

Бжезинский признал, что в Белом доме тоже не очень верят в подобный сценарий, но что, дескать, такие упрощенные концепции широко бытуют в конгрессе и средствах массовой информации США, и с этим надо считаться.

Тем временем президент Картер решил напрямую связаться с Кастро. Президент компании „Кока-кола" Остин доверительно рассказал мне (1 марта), что по поручению Картера он недавно вылетал на Кубу с негласной миссией к кубинскому руководителю. Ему было поручено передать Кастро, что президент Картер испытывает озабоченность по поводу того, что действия кубинцев за рубежом, особенно в Африке, не дают ему возможности продолжать процесс нормализации отношений между США и Кубой. Основным препятствием нормализации отношений, по мнению Картера, являлась военная активность кубинцев в Африке, и особенно сейчас в Эфиопии. Президент призвал Кастро внимательно отнестись к его пожеланиям о нормализации связей с Кубой и принять меры к тому, чтобы снять озабоченность США по поводу кубинской вовлеченности в районе Африканского Рога.

Остин не стал раскрывать подробно содержание полученного им ответа от Кастро, но заметил лишь, что кубинский лидер просил его передать Картеру, что ни один кубинский солдат не пересечет сомалийскую границу.

Советско-кубинское присутствие в Эфиопии служило поводом для пропагандистских нападок в США на „агрессивную политику русских". В Москве, впрочем, не придавали этому большого значения, так как считали, что события в далекой Эфиопии не оказывали (или не должны оказывать) решающего влияния на советско-американские отношения.

Советское руководство, которое находилось во власти некоторой эйфории „сверхдержавное", конечно же, ошибалось в своих оценках.

Косвенно подтвердил это посетивший меня американский посол в Москве Тун, который перед возвращением из отпуска встречался с должностными лицами администрации, включая президента.

Тун сказал, что в результате всех этих бесед у него сложилось впечатление, что советско-американские отношения заметно ухудшились. Из беседы с президентом он сделал вывод, что Картер хочет завершения соглашения по ОСВ. Однако есть три области советско-американских отношений, которые сильно беспокоят президента и которые будут сдерживать развитие этих отношений на ближайший период: события на Африканском Роге, Ближний Восток и дело Щаранского.

Картер, давая напутствие послу, уполномочил его при встречах, в Москве с советскими лидерами подчеркивать, что президент по-прежнему готов в любой момент встретиться с Брежневым для обсуждения складывающегося сложного положения в наших отношениях и нахождения путей решения стоящих проблем. (Я также по своей инициативе поднимал в Москве вопрос

о целесообразности проведения такой встречи, чтобы остановить продолжающееся ухудшение наших отношений, однако Громыко упорно стоял на своем: такая встреча может иметь место только тогда, когда соглашение по ОСВ будет готово для подписания.)

В Москве, конечно, не могли не отметить в начале года, что администрация Картера замедлила темп переговоров и обмена мнениями по разоруженческим проблемам и по ближневосточному урегулированию.

Поэтому в конце февраля Брежнев направил президенту личное письмо, в котором обращал внимание Картера на отсутствие движения в решении наиболее актуальных вопросов советско-американских отношений.

В середине марта Гарриман рассказал мне о своей беседе с Картером. Последний высказал свое неудовлетворение нынешним состоянием советско-американских отношений и тем, что он „никак не может пробить дорогу к искреннему диалогу с русскими". По словам президента, он надеется, что это можно сделать через личную встречу с Брежневым, однако эта встреча все откладывается.

Гарриман отметил, что Вэнсу приходится то и дело поправлять разные „эскапады Бжезинского". Но у Вэнса „не хватает характера" вмешиваться каждый раз и отстаивать свою точку зрения.

В беседе со мной в середине марта Бжезинский оценивал наши отношения в тот период как довольно натянутые. Он считал, что, возможно, пройдет еще какой-то период ухудшения, прежде чем они смогут выровняться. Утверждал, что внутриполитическая обстановка в США вынуждает администрацию занять более жесткую позицию в отношении СССР. Картер по-прежнему убежден, что лучшим выходом для прекращения скатывания наших отношений на негативные рельсы была бы его личная встреча с Брежневым. Как преодолеть сейчас тупик? Может быть, послать в Москву специального представителя президента для бесед с Брежневым?

Я ответил, что главное - с чем приедет этот представитель.

Беседуя с Бжезинским, я мысленно невольно сравнивал нынешнего помощника президента с его предшественником Киссинджером в том, что касается обсуждения ключевых вопросов советско-американских отношений. Бжезинский в основном критиковал наши позиции и красноречиво защищал свои, но он мало что делал, чтобы взаимно искать компромиссы. В этом смысле конфиденциальный канал Бжезинский - советский посол практически бездействовал, в частности по вопросам ОСВ. Киссинджер же вносил гораздо больше конструктивизма в преодоление разногласий, хотя он также отдавал немалую дань тактике „увязок" разных вопросов с целью оказания на нас давления.

Что же касается Вэнса, то в беседах он придерживался иной тональности. На встрече, которая состоялась 16 марта, Вэнс, ссылаясь на президента, сообщил, что Картер полон решимости довести до скорейшего заключения соглашения по ОСВ и сделать все возможное, чтобы вернуть советско-американские отношения на более конструктивный путь. По словам госсекретаря, Картер говорил это ему с глазу на глаз, и никто другой при разговоре не присутствовал.

От себя лично Вэнс добавил, что, по его мнению, администрация «отдрейфовала" от неплохих отношений, существовавших при Никсоне, и что теперь надо стремиться встать на прежние рельсы. Госсекретарь сказал Далее, что президент просит Брежнева принять его, Вэнса, в Москве для бесед с ним и Громыко 21 или 22 апреля.

Вэнс будет уполномочен президентом обсудить в первую очередь состояние переговоров по ОСВ и постараться развязать некоторые узлы. Он будет готов обсудить положение на Ближнем Востоке, в Африке и любые другие проблемы (я настоятельно рекомендовал Брежневу и Громыко принять Вэнса).

От моих бесед с Вэнсом и Бжезинским складывалось впечатление, что президент одновременно выслушивал разные точки зрения своих главных советников и время от времени соглашался то с одним, то с другим.

Через день я сообщил Вэнсу: в Москве согласны с его визитом 20 - 21 апреля. Обсуждение вопросов будет затем продолжено, как предлагал госсекретарь, при встрече Громыко с Картером и Вэнсом в конце мая, когда будет проходить сессия ООН по разоружению.

Несколько позже Вэнс сообщил мне, что США недавно негласно связывались с Кастро, чтобы выяснить дальнейшие африканские планы Гаваны. Кастро категорически отказался дать американцам какие-либо обещания, заявив, что намерен везде поддерживать революцию и национально-освободительное движение.

По словам госсекретаря, независимо от желания Москвы и Вашингтона африканские события, особенно в контексте действий кубинцев, являются ныне, по оценке президента Картера, основным фактором, мешающим улучшению советско-американских отношений. Они способствуют росту в стране и конгрессе сильной оппозиции договоренностям с СССР по разным вопросам, включая ОСВ (советское политическое руководство продолжало удивительным образом игнорировать эти настроения в США).

Противостояние в Европе

В середине апреля Гарриман выразил мне свое беспокойство по поводу одной весьма серьезной проблемы - нарастания гонки вооружений в Европе. Он сказал, что в руководящих кругах США и среди тех, кто „делает здесь общественное мнение", существует убеждение, что СССР держит в центре Европы мощный кулак вооруженных сил, особенно из танковых дивизий, наличие которых не определяется интересами обороны СССР. Значит, у Кремля - агрессивные намерения и нужно быть постоянно начеку для отражения возможного нападения.

Многие в США к тому же считают, что СССР может напасть на Европу в надежде, что США не пойдут из-за этого на взаимно уничтожающую ядерную войну. Отсюда девиз: вооружать саму Западную Европу и усиливать американское военное присутствие там. Все это привело уже к тому, что впервые за послевоенные годы США практически берут ныне курс на резкое наращивание вооружений в НАТО и на усиление своих войск в Европе, а ведь всего три года назад 40 процентов сенаторов голосовало за сокращение этих войск на одну треть.

Его личный совет Брежневу: обратить серьезное внимание на эту опасную тенденцию. Ему над выступить с заявлением о том, что СССР не намерен больше увеличивать численность своих войск и вооружений в Европе, образно говоря - „ни одного солдата, ни одного танка". Затем вокруг этого заявления следует развернуть новое энергичное пропагандистское наступление, как это было с нейтронной бомбой, что вынудило в конечном счете Картера отказаться от этой программы.

В целом Гарриман давал, безусловно, дельный совет, и его высказывания были близки к действительности. Интересно отметить, что сенатор Кеннеди, так же, как и Гарриман, говорил об угрозе роста военного противостояния в Европе. Он советовал нам отвести хотя бы одну дивизию, чтобы противостоять тенденциям, которые все более вызревают в руководящих кругах США.

Наша европейская политика в этот период оказалась в плену двух прямо противоположных направлений. Одно - курс на разрядку, на снижение напряженности и развитие всесторонних отношений с западноевропейскими странами. На этом направлении были достигнуты определенные успехи. Другое - продолжающееся наращивание вооружений на „европейском театре", ядерных и обычных, сверх всякой необходимости. Причем все это делалось скрытно, втайне от общественности в то время, когда в Вене проходили многосторонние переговоры, что лишь усиливало подозрения на Западе. Не случайно Совет НАТО в 1977 году принял решение о повышении ежегодных военных бюджетов членов блока на 3 процента, а в 1978 году принял долгосрочную оборонительную программу.

Спорным было наше решение о размещении в Европе с середины 70-х годов ядерных мобильных ракет средней дальности „СС-20", поскольку оно не предусматривало параллельных усилий использовать этот фактор (если нужно, путем корректировки числа и сроков размещения наших новых ракет) в переговорах с США для поиска компромисса с целью предотвращения ответного размещения в Западной Европе американских ракет средней дальности. В результате повысилась общая военная напряженность на континенте без повышения безопасности европейских стран. Понадобились в дальнейшем немалые усилия, чтобы через десяток лет снять такую напряженность путем взаимного отказа от таких ракет.

Вэнс в Москве. Усиление разногласий внутри администрации

20 - 22 апреля Вэнс встретился в Москве с Громыко. Примечательно, что Брежнев дал указание оказать Вэнсу благожелательный прием как человеку „порядочному и стремящемуся к нахождению взаимных компромиссов"*.

Переговоры в основном касались незавершенных вопросов, связанных с ОСВ-2. Они не решили разногласий по главным пунктам, но все же ознаменовались определенным прогрессом. В частности, советская сторона согласилась понизить владивостокские уровни, что было более выгодно американской стороне (СССР должен был при этом уничтожить несколько десятков своих ракет, выходивших за пределы нового уровня; США же фактически оставались в пределах этого уровня). Были некоторые другие подвижки. Но в целом у администрации, как свидетельствует Вэнс в своих

Готовясь к встрече с Вэнсом, Брежнев сказал на Политбюро, что он имеет в виду ровенно высказать госсекретарю нашу оценку противоречивой, непоследовательной инеполитической линии Картера, его постоянных метаний между заверениями, что он за улучшение отношений с СССР, и призывами к раскручиванию гонки вооружений; напомнить нсу (а через него и Картеру), что есть вещи поважнее конъюнктурных внутриполитических маневров, а именно вопросы войны и мира. Он высказался за дальнейший диалог по этим вопросам.

мемуарах, не было готовности как-то адаптировать свою позицию, чтобы найти компромиссы. По ОСВ оставались, по оценке Вэнса, два главных вопроса, требовавших политического решения. Первый - о новых типах ракет. Второй - о самолете „Бэкфайер".

Тем временем разворачивавшаяся в США кампания нападок на политику разрядки стала наконец привлекать внимание Кремля. Политбюро специально обсудило этот вопрос. Я участвовал на этом заседании и постарался нарисовать объективную картину того, что происходит в США и как оттуда видятся советские действия, особенно в странах „третьего мира". А видятся они там совсем по-другому, чем думают в Москве. Мне далеко не во всем удалось убедить советское руководство, ибо идеологические предрассудки и вера прежде всего в свою правоту все еще были сильны. Однако на заседании было все же признано необходимым больше уделять внимания этому вопросу и более аргументированной защите наших позиций.

Брежнев, стремясь несколько оградить политику разрядки от участившейся критики на Западе, в своем выступлении (25 апреля) отверг критику по поводу „советской интервенции в „третьем мире", утверждая, что нет противоречия между разрядкой и отношениями СССР „со странами, освободившимися от колониализма".

Брежнев говорил все это с убежденностью в правоте именно своих взглядов. В действительности же в основе всех споров лежали реальные расхождения между советским и американским подходом к понятию „разрядка", что и вело к совершенно разной интерпретации действий СССР в отношении локальных конфликтов.

В Кремле все еще явно недооценивали тезис о том, что такая политика СССР может восприниматься как агрессивная и что она может вызвать резко отрицательную реакцию общественного мнения и правительственных кругов США. Советские лидеры заведомо завышали готовность Америки принять разрядку как неизбежный ход истории.

В течение апреля и мая в прессе и дипломатических кругах Вашингтона стали появляться слухи об усиливающихся разногласиях между Вэнсом и Бжезинским по вопросам внешней политики, прежде всего в отношении Советского Союза и связанным с ним международным проблемам. Если говорить несколько упрощенно, то отношение администрации Картера к политике разрядки определялось формулой: сотрудничество и соперничество. Дальнейшее развитие событий показало, что внутри администрации Вэнс был больше настроен в пользу поиска областей сотрудничества -с СССР, а Бжезинский больше внимания уделял областям соперничества. Один считал, что не следует переоценивать разногласия вокруг событий в Анголе и на Африканском Роге, памятуя о важности центральных вопросов советско-американских отношений, в первую очередь таких, как ограничение стратегических вооружений. Другой почти во всех внешнеполитических акциях Советского Союза видел „козни" против интересов США. Соответственно сильнее был настрой на борьбу, чем на сотрудничество.

Эти разногласия не были большим секретом для вашингтонского дипломатического корпуса. Многочисленные утечки исходили из самого Белого дома, главным образом от сторонников Бжезинского. Поэтому иностранные послы недоумевали: как президент Картер может одновременно пользоваться услугами и советами таких разных и по характеру, и по взглядам

людей? Не этим ли объясняются зигзаги и отсутствие четких приоритетов во внешней политике Картера? Какова же его собственная позиция?

Известный интерес в этой связи может представить доверительная беседа с Хаммером, рассказавшим мне о настроениях самого Картера, с которым он беседовал наедине в начале мая. Картер жаловался, что русским нельзя верить, потому что они много говорят о стремлении к разрядке, а сами, используя кубинцев и нежелание США - после Вьетнама - вмешиваться вооруженным путем в дела Африки, захватывают там одну стратегическую позицию за другой. Президент не может оставаться безразличным к этому.

Хаммер сказал, что Картер придерживается искаженного представления об СССР, его народе, советском руководстве. Он считает, что руководство Советского Союза настроено враждебно лично против него и рассматривает его как слабовольного президента. Картер „намерен опровергнуть это мнение". Ближайшие помощники Картера и высшие представители Пентагона немало преуспели в создании у президента таких настроений и искаженного представления об СССР.

Сам Картер инстинктивно это чувствует и возлагает определенные надежды на встречу на высшем уровне. Пока же президент „дрейфует", не имея продуманного курса в отношении СССР, добавил Хаммер.

Именно в этот момент Картер решил активизировать отношения с Китаем. Помимо прочего, определенную роль в этом решении сыграло намерение задействовать „китайскую карту" с целью оказания давления на Советский Союз. К этому президента активно подталкивал Бжезинский. Не случайно, видимо, Картер и послал его с миссией в Пекин*.

Надо сказать, что визит Бжезинского пришелся на критический момент в советско-китайских отношениях. Незадолго до этого Пекин отверг советские попытки завязать с ним переговоры. Брежнев и Устинов лично выезжали на Дальний Восток, чтобы проверить оборонительную готовность против Китая. В мае произошли столкновения на советско-китайской границе.

Бжезинский с явным энтузиазмом обсуждал (20 - 22 мая) в Пекине с китайскими лидерами стратегические планы США, помощь Китаю в области технологии, планы противодействия советской политике, возможность политического сотрудничества в Африке и других районах. Он детально информировал китайцев о советско-американских переговорах по ОСВ и всячески демонстрировал решение США начать „новую фазу в американо-китайских отношениях", выступил с публичными выпадами против „северного медведя".

Активизация американо-китайских отношений, разумеется, не могла не остаться незамеченной в Москве. В нашем заявлении от 25 июня, в частности, говорилось: „В последнее время в США предпринимаются, причем на высоком уровне и в довольно циничной форме, попытки разыграть „китайскую карту" против СССР. Близорукая и опасная политика".

В секретных письменных инструкциях Бжезинскому от 17 мая Картер поручил сообщить китайцам о стремлении администрации нормализовать отношения и сотрудничать с ними „на долгосрочной параллельной стратегической основе". Бжезинскому одновременно поручалось «поделиться с китайцами взглядами президента насчет советской угрозы в свете советских действий в Африке и наращивания военной мощи в Центральной Европе".

Меморандум Вэнса о разных подходах в администрации к отношениям с СССР

27 мая в Вашингтон прибыл Громыко. На встрече с Картером министр предложил серьезную уступку по ОСВ: СССР соглашался заморозить число боеголовок на советских „тяжелых" ракетах („СС-18"). Был подробно рассмотрен проект соглашения по ОСВ с учетом некоторых подвижек с обеих сторон, но окончательного соглашения все еще не было достигнуто.

Одновременно - по инициативе президента - состоялся очередной бесплодный и весьма напряженный разговор по правам человека, а также по поводу советской и кубинской вовлеченности в африканские дела.

Вернувшись в посольство, даже известный своей выдержкой Громыко не сдержался и выругался по адресу Картера; его возмутило то, что президент навязчиво поднимал один и тот же вопрос, который мы рассматривали как внутреннее дело СССР.

На встрече с Вэнсом министр высказал свое растущее беспокойство по поводу неудовлетворительного состояния советско-американских отношений и не очень радужных перспектив их развития. Вэнс, по существу, разделял такое беспокойство. Разговор на эту тему носил откровенный, даже доверительный характер, причем собеседники пришли к неутешительному выводу: наши отношения заходят в опасный тупик.

Два дня спустя, как стало известно позже, Вэнс направил Картеру специальное письмо (меморандум) с просьбой обсудить отношения США с СССР с учетом того, что в администрации „существуют две различные точки зрения" на этот счет.

Стремясь предотвратить наметившиеся повороты в американской политике относительно Москвы, он предостерегал против усиливающегося давления со стороны некоторых высокопоставленных сотрудников администрации (явный намек на Бжезинского), стремящихся представить аспекты соперничества в отношениях США с СССР как имеющие явный приоритет над поисками областей сотрудничества.

Он обращал внимание на то, что некоторые аспекты американской политики могут вызвать ответные жесткие акции СССР, на которые США должны будут как-то реагировать, (например, упор на права человека может вынудить Советский Союз принять меры воздействия на диссидентов). Он предостерегал также против попыток использовать „китайскую карту" против СССР.

Соединенные Штаты, по справедливому убеждению Вэнса, должны быть более уверенными в себе, когда сталкиваются с соперничеством СССР в „третьем мире", поскольку „большинство карт в руках у Вашингтона" (экономическая, общестратегическая и т. п.). Он выступил против увязки советского поведения в „третьем мире" с „вопросами, которые являются для нас самих фундаментальными, как, например, переговоры по ОСВ".

Меморандум Вэнса действительно касался ключевых вопросов отношений с Советским Союзом. На мой взгляд, это была серьезная попытка госсекретаря предотвратить негативный сдвиг в американской политике, который он справедливо предвидел.

Бжезинский, однако, продолжал придерживаться противоположных взглядов на советско-американские отношения. В то время как Вэнс

предлагал вести дело к постепенному снижению напряженности в этих отношениях, Бжезинский призывал к более жесткому курсу, особенно в плане глобального противоборства в разных географических районах мира, используя для нажима вопросы двусторонних отношений с СССР. Пользуясь возможностями своих ежедневных встреч с Картером в Белом доме, он настойчиво продвигал свои взгляды, используя каждый удобный повод. А в общей сложной атмосфере советско-американских отношений того времени таких поводов бывало более чем достаточно.

„Конфронтация или сотрудничество?" -спрашивает президент

Меморандум Вэнса свидетельствовал о том, что внутри администрации развернулась дискуссия о путях дальнейшего развития отношений с СССР. По заданию Белого дома служба Харриса провела в мае негласный опрос с целью выявить, как американцы относятся к политике президента Картера в отношении СССР. Результаты оказались неожиданными: лишь 22 процента опрошенных одобрили поведение Картера. Остальные выразили сомнение в его умении вести дела с СССР.

14 членов комитета палаты представителей по международным отношениям направили, письмо президенту, в котором выразили озабоченность в связи с „явным изменением" политики США в отношении СССР и попросили его „рассеять их сомнения и покончить с неразберихой, возникшей в результате конфликтов в правительстве".

Так или иначе, Картер решил выступить с программной речью, посвященной отношениям с Советским Союзом. К этому его подталкивали, каждый по-своему и Бжезинский и Вэнс. Они по отдельности представили Картеру свои проекты выступления президента. Но он сам написал окончательный вариант.

Картер выступил 7 июня в Военно-морской академии в г. Аннаполисе, которую он в свое время закончил. Речь представляла собой странную смесь здравого смысла и воинствующей риторики, взглядов Вэнса и Бжезинского.

Картер начал с констатации, что „разрядка между нашими двумя странами является основным элементом международного мира", оговорив, что она должна быть четко определена и быть действительно взаимной, со взаимной сдержанностью в конфликтных районах. Похвалив далее демократические устремления и принципы Америки, Картер затем бросил вызов всей советской системе, критикуя различные аспекты внутренней и внешней политики СССР. Особо острой критике он подверг политику в области прав человека. Закончил президент главным тезисом: „Советский Союз может выбрать или конфронтацию, или сотрудничество. Соединенные штаты в одинаковой степени готовы встретить любой вызов".

Не совсем было ясно, что именно имел в виду Картер, произнося свою речь. В американской прессе она была подана как „вызов советским лидерам". Представители администрации делали упор на ее уравновешенность. В Советском Союзе (да и у многих в США) впечатление было таково, что сам Картер склонился скорее к конфронтационной политике, чем к разрядке.

На другой же день после выступления Картера Вэнс не совсем уверенно сказал мне, что президент надеется, что в Москве воспримут его важную речь в Аннаполисе как „сбалансированную"*.

Я прямо ответил ему, что чем-чем, а „сбалансированной" речь президента никак не назовешь. Она, как легко можно угадать, вызовет отрицательную реакцию в Москве, особенно риторика в отношении „выбора", который мы, в Советском Союзе, давно уже сделали в пользу разрядки и о котором неоднократно говорили лично президенту на самом высоком уровне. И действительно, в Москве расценили речь президента как показатель того, что в Белом доме берет верх агрессивный курс Бжезинского, который чреват возвратом к „холодной войне".

В последовавшей затем откровенной беседе Вэнс сказал, что в основе всего этого (как и в общем публичном поведении президента в последние недели в отношении СССР), если говорить начистоту, лежит, по его мнению, психологический фактор - личное убеждение Картера в том, что и в США, и в Москве не воспринимают его как твердого и решительного президента.

Созданию образа нерешительного и колеблющегося - что, как заметил Вэнс, действительно имеет место - в немалой степени способствовали не только неудачи, которые потерпел в конгрессе ряд важных законопроектов, но и его спорные решения по нейтронной бомбе, согласие на снижение потолков стратегических вооружений на переговорах по ОСВ по сравнению с теми, о которых им уже было громко объявлено в марте прошлого года, и т. п. Сильно повредила репутации Картера внутри страны изнурительная борьба вокруг ратификации договоров о Панамском канале.

За ним закрепилась репутация не очень волевого и не особенно удачливого президента. Как считал сам Картер, таким воспринимают его и в Москве, которая бросает ему „жесткие вызовы".

У президента поэтому все больше проявлялась подозрительность в отношении намерений Москвы, которая, по его мнению, активно ищет разные обходные пути для получения преимуществ.

(Надо сказать, что подозрительность Картера относительно стремления Кремля сыграть „на бессилии президента", которую внушило ему его окружение, отнюдь не соответствовала действительности. Никто в Москве на таком „тезисе" не строил свою политику.)

Говоря далее о перспективе наших отношений, Вэнс высказался в том смысле, что, судя по всему, напряженность в наших отношениях сохранится еще какое-то время. Главную надежду он возлагает на ОСВ. Картеру трудно рассчитывать на переизбрание в 1980 году, если он не добьется каких-то положительных сдвигов в отношениях с СССР. Поэтому заключение соглашения по ОСВ имеет важное значение для президента.

Профессор Д.Гэлбрейт, сенатор Фулбрайт, крупный бизнесмен Кендалл, бывший посол Д.Кеннан и другие видные члены „Комитета в поддержку согласия между Востоком и Западом" опубликовали заявление, в котором выразили „огромное разочарование" в связи с речью президента в Аннаполисе, поскольку она оказалась неспособной разъяснить проблемы в отношениях между СССР и США. Она лишь бросила Советскому Союзу вызов -„принимать американские взгляды или пойти на конфронтацию". Комитет

* Показательно, что на следующий день после своего выступления Картер санкционирует продажу Китаю электронного оборудования, в чем незадолго до этого было отказано Советскому Союзу.

считал, что многие высказывания президента носили излишне провокационный характер и могли лишь способствовать ухудшению советско-американских отношений.

К этому времени стали поступать новые тревожные сигналы из конгресса США. Влиятельный сенатор Черч выразил мне серьезные опасения по поводу того, как Белый дом и лично президент Картер вели в последние месяцы дела с СССР. „За последние 2-3 месяца, - сказал он, - практически не было ни одной внешнеполитической инициативы, которую администрация хотела бы провести через конгресс и которая сталкивалась там с оппозицией, без того чтобы не использовать антисоветскую карту". Фактически, подчеркнул Черч, уже не конгресс, как это бывало в прошлом, а Белый дом являлся - вольно или невольно - застрельщиком антисоветской тематики. „Я говорю это в той связи, что при содействии Белого дома в конгрессе среди сенаторов растут настроения подозрительности, „ультра- патриотизма" в делах, касающихся отношений с СССР. А это ведет к тому, что атмосфера вокруг соглашения по ОСВ в конгрессе сгущается. Сенат может и не ратифицировать соглашение, если администрация не будет принимать энергичных мер". Сам сенатор считал, что лучше всего было бы, чтобы вопрос о ратификации соглашения по ОСВ рассматривался в сенате в начале следующего года - уже после выборов в конгресс и после некоторого выравнивания советско-американских отношений.

Вопрос о диссидентах снова осложняет отношения

Сложности, которые создавала проблема диссидентов, усугубились в середине июня в связи с ожидаемыми в СССР судебными процессами над некоторыми из них („масла в огонь" добавили обвинения в США ряда советских граждан „в недозволенной деятельности").

В связи с тем, что в Москве было объявлено о суде над диссидентом Щаранским, Вэнс выразил серьезную озабоченность по поводу воздействия такой акции на отношения между обеими странами*. При этом он добавил, что глубоко сожалеет, что Москва сочла необходимым начать судебный процесс как раз ко времени его встречи с Громыко (Женева, 12 - 13 июля), вместо того, чтобы отложить его, скажем, на неделю. Москва тем самым поставила госсекретаря в крайне щекотливое положение во внутриполитическом плане. Вэнс бросил реплику, что Картер может теперь и не разрешить ему встретиться с Громыко. Через день Шульман сообщил мне, что Картер все-таки разрешил встречу Вэнса с Громыко, но намерен сделать „сильное заявление" в связи с судебными процессами в СССР над диссидентами. Одновременно будет объявлено об отмене поездки в СССР помощника президента по науке Пресса.

По словам Шульмана, очень бурно проходило обсуждение у президента срочной телеграммы из Москвы посла Туна, который настаивал на отмене встречи Вэнса с Громыко. Большинство склонно было поддержать предложение Туна. Вэнс выступил категорически против. Бжезинский за то, чтобы „временно отложить, а не отменить". Картер колебался. Решил аргумент

Надо сказать, что на волне антикартеровских эмоций в Москве было решено отклонить негласное предложение Картера „обменять" Щаранского на одного из советских граждан, задержанных в США „за недозволенную деятельность" (короче - шпионаж).

Вэнса: в случае отказа от встречи с Громыко весь вопрос о встрече на высшем уровне между Картером и Брежневым может отодвинуться на неопределенное будущее с неясными последствиями для советско-американских отношений, которые и так находятся на весьма низком уровне.

21 июля администрация в знак протеста отменила ряд поездок официальных лиц в СССР, а также приостановила и другие контакты между СССР и США.

В конце июля мать президента Картера на аудиенции в Ватикане передала папе римскому личное письмо Картера, который призывал католическую церковь „более активно" включиться в „борьбу за права человека" в СССР и других социалистических странах.

Короче, советско-американские отношения все больше заходили в тупик, усиливались личная неприязнь между Картером и советским руководством и взаимное упорство, с каким они отстаивали свои позиции по правам человека в СССР.

Небольшим проблеском в этой довольно-таки мрачной картине наших отношений явилось решение Вашингтона закрыть дело, которое было предметом многолетних и эмоциональных споров между обеими сторонами, а именно „облучение" или создание электромагнитного поля вокруг посольства США в Москве. Шульман сообщил мне (20 ноября), что госдепартамент одобрил доклад о результатах исследований, проведенных в американском посольстве специалистами в течение двух последних лет.

Исследование не выявило никаких свидетельств влияния на здоровье сотрудников микроволнового поля вокруг посольства США в Москве.

После моего возвращения в Вашингтон из отпуска в начале сентября Гарриман рассказал мне, что имел продолжительную беседу с Картером. У последнего сейчас три основные внешнеполитические задачи: заключение договора между Израилем и Египтом; заключение соглашения по ОСВ; нормализация отношении с Китаем. И чтобы добиться осуществления этих планов, Белому дому необходимо будет успешно противодействовать значительной оппозиции в конгрессе по двум последним вопросам.

В осенних планах Картера приоритет был вроде пока таков: сначала договор с СССР, потом Китай.

Тем временем 6-17 сентября в Кэмп-Дэвиде состоялись трехсторонние американо-египетско-израильские переговоры на высшем уровне. В результате был заключен мирный договор между Египтом и Израилем. Советская печать охарактеризовала эти переговоры как „сепаратную антиарабскую сделку". Примерно такие же оценки давались нами и по линии дипломатических контактов с Вашингтоном. Это, конечно, не улучшало наши отношения с Картером.

Иран: еще один раздражитель

В начале ноября советник госсекретаря Шульман в неофициальной беседе сказал, что правительство США и лично президента Картера очень беспокоит судьба шаха, его способность выжить в нынешних сильно осложнившихся внутриполитических условиях в Иране, а также вопрос, имеются ли в этой стране в данный момент силы, которые в случае изменения власти в Тегеране могли бы сохранить „закон и порядок". Реально могут быть две альтернативы шаху - военная диктатура или власть

„религиозных фанатиков". Оба варианта не решали бы внутренних трудностей Ирана, а могли бы лишь обострить их.

В это время правительство США стало уже принимать конкретные меры по спасению режима шаха. Усилились поставки американского оружия, участились посылки в Тегеран американских военных советников и советников по вопросам внутренней безопасности. Их активность в Иране заметно возросла. Это не могло не вызвать настороженность в Москве.

17 ноября Брежнев направил Картеру специальное послание по Ирану. В нем высказывалась „растущая озабоченность" по поводу того, что со стороны США предпринимаются действия, имеющие целью „оказать влияние на происходящие там события", т. е. в стране, которая непосредственно граничит с СССР и с которой у СССР сложились нормальные добрососедские отношения. Брежнев предложил, чтобы СССР и США выступили с ясными и четкими заявлениями о „недопустимости вмешательства извне во внутренние дела Ирана".

Через день госдепартамент от имени Вэнса опубликовал заявление по Ирану. В заявлении подчеркивалось, что США не намерены вмешиваться во внутренние дела любой другой страны. Отмечалось, что подобное заявление в отношении Ирана сделал и СССР. Одновременно в заявлении указывалось, что США „твердо поддерживают шаха в его усилиях по восстановлению внутреннего спокойствия в Иране" и намерены „сохранять прочные отношения с Ираном в политической и экономической областях и в вопросах безопасности".

Спустя неделю Вэнс сказал мне, что правительство США рекомендовало американцам, находившимся в Иране, не оставаться там без большой нужды. Отъезд происходит пока на добровольной основе, чтобы не создавать впечатления, что США уже потеряли веру в стабильность режима шаха.

Однако последующее бурное развитие событий в Иране, бегство шаха и взрыв там антиамериканских настроений опрокинули все эти расчеты. Сам иранский кризис перестал быть предметом активных переговоров в советско-американских отношениях, хотя отдельные его аспекты время от времени давали о себе знать.

Москва продолжает настаивать: сначала соглашение по ОСВ, а затем встреча

У нас с Вэнсом установилась полезная практика периодически встречаться для сугубо личных бесед без каких-либо последующих ссылок на них при официальных обменах мнениями. 27 ноября Вэнс поинтересовался у меня, правильное ли у него сложилось впечатление, что в Москве не очень-то доверяют нынешней администрации и самому президенту, когда Вашингтон делает те или иные заявления о желании улучшить отношения с СССР. Я ответил ему, что суть вопроса не в заявлениях, а в конкретных делах, которые подчас, если говорить откровенно, вызывают у нас сомнения в тинном курсе администрации. Привел ему наиболее характерные, на мой взгляд примеры на этот счет из деятельности администрации. Вэнс не очень оспаривал сказанное мною и ссылался на сложные закулисные взаимоотношения между различными высокопоставленными сотрудниками администрации, которые входят в ближайшее окружение президента. В этом окружении представлены лица разных убеждений и

взглядов, что вызывает порой длительные споры у президента по различным вопросам, а это ведет и к противоречивым решениям Белого дома. Однако президенту „нравится наличие разных точек зрения, из которых он может сделать выбор".

Вэнс вскользь заметил, что у Картера был период некоторых иллюзий, когда он считал, что сможет успешно вести „многогранную политику" в отношении СССР, т. е. идти и на позитивное развитие отношений и высказывать разные „популярные" в США критические взгляды по тем или иным аспектам советской политики. Теперь Картер все более убеждается, что подобные противоречивые аспекты в отношениях между сверхдержавами не могут быть „гармонично увязаны". Соответственно он начинает делать „некоторые выводы".

В заключение Вэнс сказал, что Картер сейчас очень многое - в улучшении отношений между СССР и США - связывает с перспективой личной встречи с Брежневым. Он хочет прийти на эту встречу не только для подписания соглашения по ОСВ, но и для договоренности по некоторым другим вопросам.

Однако Москва продолжала упорствовать в своем подходе к встрече: сначала соглашение по ОСВ, а уж потом встреча Брежнева и Картера. В результате осенью 1978 года работа по подготовке соглашения по ОСВ несколько активизировалась. Этот вопрос был основным при встречах Громыко с Картером и Вэнсом в ходе очередной сессии Генеральной Ассамблеи, после которых президент заявил, что „мы надеемся на заключение соглашения по ОСВ в этом году". Наметилось дальнейшее продвижение, но окончательной договоренности все еще не было.

Потребовалась новая поездка Вэнса в Москву в октябре, но снова остались еще не согласованными некоторые спорные вопросы. Правда, Вэнс сказал мне неофициально, что они исходят все же из возможности подписания соглашения по ОСВ в конце декабря или чуть позже, в начале следующего года.

После поездки Вэнса президент Картер предложил нам преодолеть „потерю инерции" на переговорах по ОСВ и рассматривать остающиеся вопросы на разных уровнях в зависимости от степени их политической важности, технической сложности и возможности решения без увязки с другими вопросами.

Москва внесла в ответ конкретное предложение - с целью скорейшего завершения подготовки соглашения по ОСВ провести еще одну встречу министров 21- 22 декабря в Женеве.

Вэнс ответил положительно, но сказал, что хотел бы форсировать работу в Женеве таким образом, чтобы, скажем, к 15 или 20 января могла бы состояться встреча Брежнева и Картера.

Говоря о встрече, добавил Вэнс, президент все же предпочитает - с учетом очередности - принять у себя советского президента, а затем самому побывать в СССР. Возможная программа визита Брежнева: один день в Вашингтоне, а затем еще 3 - 4 дня вместе с ближайшими советниками, например, на острове Сент-Саймонс у берегов штата Джорджия, любимом месте отдыха Картера, где он занимается охотой и рыбной ловлей.

Таким образом, вопрос о встрече переходил уже в русло практического разговора.

Вэнс доверительно рассказал, что они с президентом встретились в Белом доме с сенатором Черчем, который, судя по всему, с нового года будет

избран председателем сенатского комитета по иностранным делам вместо уходящего в отставку сенатора Спаркмэна. Сам Черч - горячий сторонник ОСВ. Поэтому администрация планирует сделать его своим главным адвокатом и „толкачом" в сенате. С ним уже достигнута конфиденциальная договоренность о том, как наилучшим образом провести в рамках его комитета слушания по ратификации договора по ОСВ после подписания его на высшем уровне.

Как видим, и Картер, и Вэнс оперировали в этот момент категориями нескольких ближайших недель для завершения наконец длительной работы по этому договору.

Громыко и Вэнс встретились в Женеве 21 - 23 декабря. Хотя ранее эта встреча планировалась как заключительная на пути к. соглашению по ОСВ, на деле этого не произошло.

Возникли новые вопросы, которые замедляли заключение, казалось, уже близкого соглашения по ОСВ. У Вэнса оказались инструкции Картера, предписывающие занять более жесткую позицию в вопросе о телеметрии испытываемых ракет (т. е. против сокрытия характеристик испытаний).

По ходу беседы с Громыко Вэнс попытался изменить американскую позицию в сторону компромисса, послав соответствующую телеграмму в Вашингтон. Однако на следующий день ему по простому телефону нашего представительства в Женеве (где проходила в этот день встреча министров) позвонил Бжезинский и сказал, что надо отстаивать прежнюю позицию (Бжезинский, как выяснилось много позже, не спрашивал Картера, который был в это время немного нездоров, а ограничился лишь поддержкой министра обороны Брауна и директора ЦРУ Тэрнера). Вэнс дважды пытался защитить свои предложения, но без успеха.

Эта сцена произвела на всех нас довольно неприятное впечатление, как если бы Бжезинский давал жесткие указания госсекретарю, как ему надо действовать, хотя последний придерживался другого мнения.

После трех дней переговоров Громыко и Вэнс объявили о согласии „по большинству вопросов", но они все-таки не договорились по всему тексту договора об ОСВ (особенно по телеметрии). Громыко отказался поэтому от согласования точной даты встречи на высшем уровне, хотя вопрос этот вставал уже в практической плоскости. Сыграл тут свою роль и китайский фактор.

Итоги года не очень оптимистичны

В конце года на первый план стали выходить американо-китайские отношения. Сыграло здесь свою роль и продолжающееся соперничество между Вэнсом и Бжезинским. Каждый из них как бы сосредоточился на определенных областях: Вэнс - на советско-американских переговорах по ОСВ и на переговорах между Израилем и Египтом; Бжезинский - на развитии отношений с Китаем. Каждый стремился продвинуть вперед свои дела.

События развивались следующим образом. В начале декабря Вэнс решил совершить очередную поездку на Ближний Восток, чтобы ускорить соглашение между Израилем и Египтом. Как стало впоследствии известно, перед отъездом Вэнс заблаговременно условился с Картером о том, что объявление о нормализации отношений с Китаем будет сделано после, а не До важной встречи Вэнса с Громыко 21 декабря, чтобы не осложнять эту

встречу. Госсекретарь надеялся, что они с советским министром придут к окончательной договоренности о встрече Картера с Брежневым.

Однако вскоре после отъезда Вэнса Пекин снял свои возражения по некоторым ранее не согласованным еще вопросам, связанным с предполагавшимся визитом Дэн Сяопина в США. Как вспоминает Бжезинский в своих мемуарах, он тут же убедил Картера не откладывать публикацию такого важного сообщения и сделать ее, по согласованию с китайцами, 15 декабря, т. е. до встречи Вэнса с Громыко. Вэнс пытался предотвратить эту публикацию в разговоре по телефону с президентом, ссылаясь на свою договоренность с ним, но было уже поздно.

15 декабря Бжезинский пригласил меня в Белый дом и, сославшись на личное поручение президента, попросил передать Брежневу следующее устное послание Картера: „Я хочу информировать Вас, что в пятницу, 15 декабря, я объявляю о нормализации отношений между США и КНР. Это исторический момент в отношениях между американским и китайским народами. Этот шаг пойдет на пользу всем народам... Я испытываю удовлетворение по поводу того, что мы разделяем одинаковую приверженность делу скорейшего заключения соглашения по стратегическим вооружениям, расширению торговых и других отношений. Я надеюсь, что встреча между нашими двумя министрами иностранных дел позднее в этом месяце позволит достичь существенного прогресса в этом направлении и проложит путь к личной встрече между нами. У моего правительства нет более высокого приоритета, чем укрепление отношений между нашими странами".

Надо сказать, что в ходе этой встречи Бжезинский не очень скрывал своего удовлетворения по поводу такого их шага - явно в пику нам - в отношении Китая. Он, конечно, понимал, что все это вызовет серьезное раздражение в Москве, тем более в свете реально появляющейся возможности организовать в скором времени советско-американскую встречу на высшем уровне, В американском руководстве явно взяли верх те, кто стремился разыграть „китайскую карту" до такой встречи и подписания соглашения по ОСВ.

В совместном американо-китайском коммюнике, опубликованном в Вашингтоне и Пекине, было объявлено, что США и Китай договорились признать друг друга, установить с 1 января 1979 года дипломатические отношения, а с 1 марта 1979 года обменяться послами.

Вернувшись в Вашингтон, Вэнс пытался как-то уменьшить негативное воздействие этого объявления на советско-американские отношения. Встретившись со мной, он, касаясь установления дипотношений с Китаем, заверил меня, что этот шаг не направлен против СССР. Он напомнил, что администрация США обещала не поставлять оружие Китаю. „Президент, -подчеркнул Вэнс, - уполномочил меня сегодня снова заверить вас в этом. Президент готов повторить это заверение и на высшем уровне".

19 декабря я передал через Бжезинского довольно сдержанное устное послание Брежнева Картеру по китайскому вопросу: „Я получил Ваше послание от 15 декабря. Установление нормальных отношений между двумя суверенными государствами - дело, конечно, естественное. Другой вопрос -на какой основе происходит нормализация, какие цели ставятся сторонами. Вопрос этот тоже естественный, особенно учитывая совершенно определенную направленность нынешнего курса Китая.

Американской стороной, в том числе и лично Вами, г-н президент, не раз давались заверения насчет того, что развитие отношений США с Китаем не будет направлено против СССР. Мы принимаем это к сведению, хотя мы не

можем пройти мимо того, что в совместном американо-китайском коммюнике допускаются выражения, направленность которых в отношении СССР, если учесть обычный лексикон, не подлежит сомнению.

Разумеется, СССР будет самым внимательным образом следить за тем, во что на практике выльется развитие американо-китайских отношений, и будет делать соответствующие выводы для своей политики".

27 декабря я передал Бжезинскому новое послание Брежнева президенту по конкретному вопросу о поставках США оружия Китаю или по их лицензиям союзниками США. „Едва ли могут оставаться, - писал Брежнев, -какие-либо сомнения в том, что содействие вооружению Китая не укрепляет, а, наоборот, размывает с таким трудом формируемое доверие в наших взаимоотношениях... Нынешняя позиция США в отношении поставок оружия и передачи технологий Китаю вызывает у нас вполне определенную настороженность и желание видеть эту позицию более осмотрительной и взвешенной". Бжезинский отмолчался.

События в декабре задержали завершение переговоров по ОСВ почти на полгода, когда наконец в июне 1979 года был подписан соответствующий договор. Однако к тому времени общее внутреннее ослабление позиций администрации и нестабильность советско-американских отношений отодвинули ратификацию этого важного договора на неопределенный период.

Я убежден в том, что отсутствие необходимой целеустремленности, последовательности и должной настойчивости со стороны администрации Картера с самого начала прихода ее к власти сыграло роковую роль в судьбе договора об ОСВ-2, хотя немалая доля ответственности лежала и на советской стороне.

В Москве, как мне говорили позже члены Политбюро, были очень недовольны тем, что Картер к концу года отдал предпочтение форсированию отношений с Китаем, а не скорейшему заключению договора об ОСВ-2 и связанной с этим советско-американской встрече на высшем уровне.

Не знаю, насколько умышленно делал это Картер, но можно думать, что и Бжезинский, и Вэнс, каждый по-своему, понимали негативное влияние такого курса на советско-американские отношения, хотя они и по-разному относились к этому.

На таком не очень оптимистическом фоне отношений между Москвой и Вашингтоном заканчивался 1978 год.

3. ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ВСТРЕЧЕ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

1979 год - третий год правления Картера - был одним из самых сложных I противоречивых в советско-американских отношениях за предшествовавшие несколько лет.

С одной стороны, в 1979 году были завершены очень сложные почти семилетние переговоры по ОСВ-2 и в ходе венской встречи между Брежне-

вым и Картером (18 - 21 июня) был подписан важный Договор об ограничении стратегических вооружений. В Вене администрация Картера подтвердила основы отношений между США и СССР, выработанные на предыдущих советско-американских встречах на высшем уровне (1972, 1973, 1974 гг.), в частности, подтвердила необходимость строить советско-американские отношения на принципах равенства, равной безопасности, невмешательства и взаимной выгоды. В целом это был достаточно масштабный шаг в наших отношениях.

С другой стороны, в течение всего года по нарастающей шла активизация в США сил противников разрядки и развития советско-американских отношений, которые выступали против договора об ОСВ-2, за неограниченную гонку всех видов вооружений, *за* активизацию китайского направления в американской политике, за продолжение попыток вмешательства во внутренние дела СССР и стран Восточной Европы. Да и сама администрация активно использовала начавшееся в сенате после встречи в Вене обсуждение договора об ОСВ-2 для проталкивания своих планов наращивания вооружений, выдвинув программу развертывания мобильных МБР „МХ", резкого увеличения военных расходов, а также навязала своим союзникам по НАТО программу развертывания в Западной Европе новых ракетных систем средней дальности. Противники разрядки, используя общую слабость администрации Картера, ее непоследовательность и оппортунизм, спровоцировали ряд политических кризисов в советско-американских отношениях (в связи с Кубой, Кампучией, а в самом конце года - вокруг американо-иранского конфликта).

Развязанный в США „псевдокризис" вокруг так называемой советской бригады на Кубе, оттянувший рассмотрение договора об ОСВ-2 в сенате, намного уменьшил шансы его ратификации. После же ввода советских войск в Афганистан на такую ратификацию вообще надеяться больше не приходилось. Все это выхолащивало существо важных венских договоренностей и наносило значительный ущерб советско-американским отношениям.

Пропагандистская обстановка в США складывалась под возросшим влиянием идеологических вопросов в политической и общественной жизни страны, активизации сионистских и различного рода правоконсервативных организаций, а также широкого распространения экстремистских взглядов, концепций и „рецептов" выхода США из экономического и политического кризиса, главным образом на путях усиления милитаризации и гонки вооружений, шовинизма и антисоветизма во внешней политике.

Наряду с тезисом о военном „отставании" США от СССР усиленно пропагандировались разного рода геополитические или, как их называл Бжезинский, „геостратегические" концепции и теории о „жизненно важных" для США сферах, которым угрожает СССР, вроде района от „Гиндукуша до Босфора", некой „дуги нестабильности" от Пакистана до Эфиопии.

Неблагоприятная для разрядки особенность политической ситуации в США состояла в том, что правые гораздо более активно и умело, чем другие политические силы, апеллировали к настроениям масс. Воинствующий шовинизм и национализм стали одной из определяющих черт эволюции этих настроений.

Администрация Картера продолжала общую линию на наращивание потенциала всех основных компонентов вооруженных сил США.

Немалая вина за все это лежит, конечно, и на советском руководстве, которое все больше рассматривало Картера как враждебно настроенного

президента. Советский военно-промышленный комплекс наращивал темпы гонки вооружений. Военное присутствие СССР в локальных конфликтах по-прежнему давало себя знать, оно переросло в прямую военную интервенцию в Афганистане. Судебные процессы над диссидентами в СССР лишь усиливали антисоветские настроения в США.

Неустойчивость общего политического климата в советско-американских отношениях отрицательно сказалась на переговорах по разоруженческим вопросам (помимо ОСВ), на торгово-экономических, научно-технических, культурных и других конкретных связях между нашими двумя странами, составлявших в совокупности важную ткань межгосударственных отношений, которая создавалась в предыдущие годы посредством больших усилий обеих стран.

Разрыв этих отношений был увенчан широкими санкциями, объявленными Картером 4 января 1980 года в ответ на ввод советских войск в Афганистан. В их число входили приостановка обсуждения в сенате договора об ОСВ-2, свертывание или прекращение соглашений во многих областях двусторонних отношений.

США определяют приоритеты своей политики

Когда мы с Вэнсом встретились в начале января 1979 года, чтобы обсудить - как уже стало традицией - общее состояние отношений между нашими странами, госсекретарь сказал, что доложил президенту о недовольстве Громыко публичными высказываниями американских руководящих деятелей, которые, как правило, называют СССР „противником или потенциальным противником". Президент Картер, сказал Вэнс, серьезно отнесся к этим словам. Признал, что он и сам небезгрешен в этом отношении и что им следует учесть в будущем сказанное советской стороной. Госсекретарь попросил передать советскому руководству эти слова президента.

Вэнс доверительно сообщил, что он с президентом подробно обсудил приоритеты внешней политики США на оставшиеся два года президентства. Они условились, что в число таких приоритетов должны входить:

- Отношения Восток-Запад и, как их ключевое звено, советско-американские отношения; важнейшее место должно быть отведено завершению переговоров по ОСВ-2 и началу переговоров по ОСВ-3.
- Укрепление международного положения доллара и урегулирование серьезных проблем экономических взаимоотношений между США, Западной Европой и Японией.
- Урегулирование на Ближнем Востоке.
- Продолжение развития отношений с Китаем.

К вопросам менее значительным, но могущим оказать серьезное влияние на барометр международных отношений, Вэнс отнес стабилизацию на Среднем Востоке (Иран, Турция и Пакистан), а также положение в ЮВА и на юге Африки.

В заключение Вэнс сказал, что президент по-прежнему придает большое значение встрече с Брежневым.

Условились, что главное сейчас в этой связи - скорее завершить переговоры по ОСВ.

Когда мы вновь встретились через несколько дней, он сообщил некоторые подробности предстоящего визита в США Дэн Сяопина. Чтобы рассеять

возможные опасения Москвы, госсекретарь подчеркнул, что во время визита не предполагается подписания каких-либо политических договоров или соглашений. Будет лишь общее коммюнике или совместная декларация.

Когда перешли к обсуждению ситуации вокруг Кампучии (куда были введены вьетнамские войска), Вэнс заметил, что Таиланд „напуган до смерти" приближением вьетнамцев к его границам и уже обращался за „заверениями" в Вашингтон. США серьезно относятся к этому вопросу.

Надо сказать, что Ханой заранее не информировал Москву о вводе своих войск в Кампучию. Вьетнамцы считали, что мы, руководствуясь интернациональным долгом, должны чуть ли не в любом случае помогать им. В то же время они не считали своим долгом хотя бы вкратце сообщать нам о своих действиях, которые становились предметом международного внимания и так или иначе влияли на наши отношения с США.

Касаясь положения в Иране, Вэнс сказал, что они дали указание своему послу в Тегеране, что если шах еще раз обратится за советом, как он это делал в прошлом, то посоветовать ему покинуть Иран (Вэнса можно было понять и так, что если даже шах и не спросит их совета, то ему такой совет все же дадут). Однако окончательное решение остается за шахом. По словам Вэнса, его отъезд, видимо, не будет носить характера прямого отречения, а скорее, поездка за границу на отдых или под каким-либо другим предлогом. Сколько может продлиться заграничное пребывание шаха, и вернется ли он в Иран и в каком качестве, сейчас сказать трудно. „Но мы готовы предоставить ему возможность остаться в США столь долго, сколько он пожелает, включая постоянное жительство", - закончил Вэнс.

Я сказал Вэнсу, что мне поручено продолжить обсуждение вопросов, связанных с соглашением по ОСВ-2.

Визит Дэн Сяопина в США. Китай нападает на Вьетнам

Дэн Сяопин в ходе визита в США (с 29 января по 1 февраля) вел переговоры с Картером и другими официальными лицами. Визит широко освещался в прессе. В интервью, опубликованном в журнале „Тайм", китайский лидер прямо заявил, что США и Китай должны начать действовать объединенным фронтом против гегемонизма", т. е. - по китайской терминологии - против СССР. В совместном итоговом коммюнике Картера и Дэн Сяопина эта мысль, по существу, также нашла свое отражение. Во время пребывания в Вашингтоне Дэн заявил, что Китай собирается „преподать урок" Вьетнаму. Администрация Картера отмолчалась*.

Через несколько дней Киссинджер рассказал мне о своей беседе с Дэн Сяопином в Сиэтле. По мнению Киссинджера, основная цель визита китайского лидера заключалась в том, чтобы заручиться в США максимальной поддержкой против СССР и, используя это, добиться скорейшей модернизации Китая с помощью США. Охарактеризовав Дэна как ловкого прагматика, Киссинджер сказал, что Дэн приводил при этом два основных довода: во-первых, советский экспансионизм создает угрозу не только Китаю, но и

* Следует сказать, что во время этого визита, как выяснилось позже, Картер уполномочил Бжезинского начать конфиденциальный разговор о координации по линии спецслужб, который закончился впоследствии подписанием специального соглашения по сбору с территории Китая технической информации, касающейся испытаний советских ракет.

США; во-вторых, торговля с Китаем открывает заманчивые перспективы для американского бизнеса. Особенно активно он использовал оккупацию Вьетнамом Кампучии. По его словам, это стало, дескать, возможным только после одобрения в Москве плана вторжения и подписания известного советско-вьетнамского договора, в котором наверняка есть „секретные военные статьи". Эта аргументация Дэна находила восприимчивую аудиторию в Белом доме и в конгрессе.

Короче, события вокруг Кампучии были использованы Дэном (при молчаливом одобрении администрации) как вопрос, вокруг которого концентрировалась его антисоветская риторика.

Дэн утверждал, будто СССР рано или поздно нападет на Китай, как на наиболее слабое звено в цепи постепенно возникающего де-факто окружения СССР, в котором участвуют НАТО, Япония, США и Китай. СССР не может допустить „цементирования" такого окружения и постарается его разорвать. В этом смысле Китаю[4] очень нужна вся возможная поддержка со стороны США.

По словам Киссинджера, администрация Картера не могла обещать Дэну подобной безоговорочной поддержки. Вместе с тем визит Дэна открыл достаточно широкие возможности для более тесных политических консультаций между Пекином и Вашингтоном, особенно по делам Азии.

О содержании переговоров с Дэн Сяопином мне рассказал Вэнс. По его словам, американская сторона заявила Дэну, что США хотят иметь сбалансированные отношения и с СССР, и с КНР. Было подтверждено решение США не продавать оружие и военное оборудование обеим сторонам. Разногласия возникли по двум вопросам: во-первых, в отношении значения соглашения по ОСВ (китайцы по-прежнему весьма негативно относились к нему). И, во-вторых, по вопросу о неизбежности мировой войны. Китайская сторона продолжала придерживаться своей прежней концепции в этом вопросе, с той лишь разницей, что теперь китайцы заявили, что война может быть отодвинута.

Китайцам было сказано, что правительство США считает в этой связи одним из главных приоритетов своей внешней политики продолжение переговоров с СССР в различных областях разоружения. Китаю было предложено активно участвовать в таких переговорах, но Дэн ограничился замечанием, что Китай находится далеко позади США и СССР в военном отношении. Он утверждал, что СССР вынашивает опасные планы нападения на Китай. Правда, в этот раз он говорил на эту тему менее эмоционально, чем раньше. Вместе с тем китайский лидер довольно пространно рассуждал о советских долгосрочных планах окружения Китая, ссылаясь в качестве иллюстраций на события во Вьетнаме, Кампучии, Афганистане, Иране. Он утверждал также, что СССР рвется к Индийскому океану.

Как. подчеркнул Вэнс, в Москве должны знать, что администрация не стремится к особым отношениям с Китаем в ущерб отношениям с СССР. Американская сторона будет вести дело к тому, чтобы процесс нормализации отношений с Китаем не наносил ущерба важным отношениям с СССР.

Чувствовалось, что госсекретарь, следуя своей традиционной неконфрон-тационной линии, стремился нейтрализовать возможное недовольство в Москве визитом Дэн Сяопина.

Тем временем внимание всего мира оказалось привлеченным к новым событиям в Юго-Восточной Азии: китайские войска вторглись на территорию Вьетнама. Пекин оправдывал этот шаг как ответ на агрессию Вьетнама

против Кампучии (режима Пол Пота). Нападение Китая на Вьетнам вызвало в США широкие комментарии скорее одобрительного, чем осуждающего, характера.

Несмотря на критическое заявление, правительство США фактически солидаризировалось с действиями Китая, настаивая на выводе вьетнамских войск из Кампучии. Москва же оправдывала Вьетнам и резко критиковала Китай.

Администрация Картера в послании правительству СССР высказывала озабоченность США по поводу возможного роста военного присутствия СССР во Вьетнаме, которое могло бы усилиться в связи с нападением Китая на Вьетнам. „Это вынудило бы нас заново рассмотреть наши отношения в области безопасности со всеми странами района, которые это затрагивает", - указывалось в послании.

В Москве это представление, сделанное и. о. госсекретаря Кристофером, было расценено как результат тайного сговора Вашингтона с Пекином во время визита Дэн Сяопина в США, чтобы подкрепить позиции китайцев в войне с Вьетнамом*.

В официальном ответе Москва расценила это представление как неуместное вмешательство в дела, касающиеся исключительно отношений между двумя государствами - СССР и Вьетнама, которые связаны договором о дружбе и сотрудничестве. „Только они сами могут и будут определять с учетом развития обстановки характер и масштаб помощи, оказываемой Советским Союзом Вьетнаму в отпоре китайской агрессии". Такой ответ вряд ли мог удовлетворить Вашингтон. Фактически советско-американская конфронтация вокруг Юго-Восточной Азии продолжалась.

Картер озабочен

Неустойчивое состояние советско-американских отношений и затянувшиеся переговоры по ОСВ-2 начали беспокоить президента Картера, тем более что шел уже третий год его правления и приближалась предвыборная президентская кампания.

Картер решил лично вмешаться в ход событий. 27 февраля он пригласил меня на беседу. В Овальном кабинете присутствовали также Вэнс и Бжезинский, что свидетельствовало о серьезности предстоящего разговора. Я, как всегда, был один.

Действительно, беседа оказалась продолжительной и содержательной.

Я сказал послу, записал позже Картер в своем дневнике, что хотел бы подчеркнуть фундаментальную важность наших отношений с Советским Союзом, что я был озабочен ухудшением положения в последние месяцы, что мы вместе должны предпринять соответствующие корректирующие шаги. Эта запись президента нуждается в более подробной расшифровке.

Картер начал беседу с замечания, что он хотел бы обсудить положение дел в советско-американских отношениях и высказать в этой связи некоторые соображения, которые он просит передать Брежневу.

Показательно, что сразу же после нападения Китая на Вьетнам Белый дом по „горячей линии" передал ноту Советскому правительству, чтобы оно не предпринимало никаких шагов, которые „могли бы ухудшить ситуацию". Прокитайские тенденции Вашингтона были очевидны.

У меня нет более серьезной ответственности перед своим народом, чем поддержание и развитие хороших отношений между СССР и США, сказал он. Я сожалею, что нам не удалось достичь прогресса в этой области за два года моей администрации. Я очень надеялся на раннюю встречу с Брежневым, которая могла бы, по моему мнению, предотвратить те негативные наслоения, которые появились затем в наших отношениях. Вообще считал и продолжаю считать, что для наших двух стран, во многом определяющих международную обстановку, очень важно - как минимум - иметь хотя бы одну встречу на высшем уровне в год, пусть это будет официальная или неофициальная рабочая встреча. Важно встречаться и обмениваться мнениями.

Я уважаю мнение Брежнева о том, что такая встреча должна ознаменоваться подписанием соглашения об ограничении стратегических вооружений, хотя это и привело ныне к затяжке встречи между нами более чем на два года. Сейчас переговоры по ОСВ завершаются, а значит, близка и перспектива встречи. Я с надеждой жду этого.

На переговорах по ОСВ осталось сейчас, по существу, два крупных нерешенных вопроса: телеметрия испытаний ракет, что очень важно для ратификации соглашения конгрессом, как я убедился вчера на встрече с ведущими сенаторами, и новые типы МБР. Надеюсь, что эти вопросы будут скоро решены к взаимному удовлетворению, добавил Картер.

Хочу далее остановиться на наших отношениях с Китаем, продолжил он, с учетом того, что в советской прессе им дается слишком вольное толкование. У нас уже был обмен мнениями с Брежневым по китайскому вопросу. В свете последних событий и визита в США Дэн Сяопина прошу передать президенту Брежневу от меня лично следующие твердые заверения: между США и Китаем нет никаких секретных соглашений; правительство США не было информировано заранее Дэном о конкретно готовившемся китайцами нападении на Вьетнам. Все, что было известно во время его визита в США по этому поводу, ограничивалось рамками его общих публичных заявлений. В таком же духе он говорил и в ходе встреч с американскими официальными лицами. Я сам в беседах с китайским лидером самым энергичным образом предупреждал его против каких-либо военных акций против Вьетнама, ибо это неизбежно приведет к серьезному осложнению международной обстановки. Соответствующие представления в пользу быстрейшего вывода китайских войск из Вьетнама правительство США делало и в последние дни. В этом отношении наша позиция совпадает с советской. В чем мы расходимся, так это в оценке действий Вьетнама в Кампучии.

Переходя к другому вопросу, президент заявил, что он хотел бы воспользоваться сегодняшней встречей, чтобы просить Советское правительство повлиять на Южный Йемен, в то время как США пытаются повлиять на Северный Йемен, чтобы добиться прекращения военного столкновения, которым сильно обеспокоена и Саудовская Аравия и которое вообще может перерасти в новый серьезный кризис в этом районе.

Вэнс тут же добавил, что он сегодня утром уже обсуждал этот вопрос с советским послом и что обсуждение прошло в позитивном духе (надо сказать, что в погашении этого конфликта и США, и СССР действовали достаточно согласованно).

Картер заметил, что важно, где только это можно, демонстрировать возможность сотрудничества между обеими странами, что могло бы значительно улучшить и общий климат в советско-американских отношениях. Например, используя рамки ООН, можно было бы совместно добиваться

мирного решения серьезных расовых проблем в Родезии и решения вопроса о Намибии.

По словам президента, он хочет содействовать развитию торговли между нашими странами, в частности добиться предоставления СССР статуса наиболее благоприятствуемой нации, но сталкивается с немалыми трудностями в конгрессе.

В заключение он выразил убеждение, о котором просил передать Брежневу, что предстоящее вскоре, как он надеется, заключение соглашения по ОСВ, а затем встреча на высшем уровне явятся важным этапом в развитии советско-американских отношений, чему обе стороны должны будут посвятить свои усилия в предстоящий период.

Я сказал, что обо всем этом будет доложено Брежневу. Вместе с тем высказал некоторые соображения по вопросам, затронутым президентом.

Отметил, что с приходом его к власти советское руководство, исходя из реальной возможности, надеялось быстро завершить переговоры по ОСВ, а затем - уже в первые месяцы нахождения его в Белом доме - провести встречу на высшем уровне, что могло бы иметь большое значение для последующего развития советско-американских отношений. Не наша вина, что переговоры по ОСВ затянулись еще на два года, продолжал я. Президент, конечно, помнит, какие конкретные акции его администрации периодически отбрасывали эти переговоры и помешали в конечном счете быстрому заключению соглашения. Говорю это не в порядке полемики, а констатации фактов "(Картер кивнул головой в знак того, что он помнит об этих событиях).

Сказал далее, что в Москве считают, что в настоящее время имеются наконец реальные возможности для завершения работы над договором об ОСВ в ближайшее время. Ответ по оставшимся вопросам сейчас за американской стороной. Надеемся, что Вы лично примете решения, которые позволят на взаимно приемлемой основе завершить наконец успешно переговоры, отметил я.

Что касается китайского вопроса, то заверения президента, разумеется, будут доложены в Москву. К ним мы относимся положительно. Но наша настороженность понятна: ведь остается фактом и то, что агрессия Китая против Вьетнама была предпринята сразу после визита Дэн Сяопина в США. На это обратили внимание не только в СССР, но и в самих США.

Напомнил в этой связи Картеру вопрос, который поставил перед ним в своем последнем послании Брежнев: „Что это - простое совпадение?"

Картер тут же сказал, что он хорошо понимает этот вопрос. По его словам, именно в этом была одна из главных причин того, что он решил лично дать через советского посла дополнительные заверения Брежневу. Он вновь подтверждает эти заверения.

В заключение президент, как бы суммируя все сказанное, вновь попросил передать советскому руководству следующее: „Я надеюсь на быстрое заключение теперь соглашения по ОСВ. Я возлагаю большие надежды на последующую затем встречу на высшем уровне. Готов искать и использовать во взаимных интересах все возможные области сотрудничества с СССР, несмотря на имеющиеся области соперничества между нами. Я сторонник того, чтобы воздержаться от чрезмерных публичных взаимных обвинений, чтобы постепенно улучшать общую атмосферу вокруг советско-американских отношений. Готов совместно работать на благо наших стран".

В целом этот разговор с президентом оставил впечатление, что он стал по-настоящему проявлять интерес к тому, чтобы в наших отношениях произошел положительный сдвиг. Показательно, что он впервые не затронул своей любимой темы о правах человека.

В ходе последовавшего в марте обмена личными посланиями между Картером и Брежневым был наконец решен один из наиболее спорных вопросов, касающихся ОСВ-2, а именно о телеметрической информации при испытаниях стратегических ракет.

Рейган хочет ехать в Москву

В начале марта меня посетил Аллен, которого я знал еше со времен Никсона, когда он работал в аппарате Белого дома. Аллен объяснил свой визит необходимостью передать личную просьбу Рейгана, чтобы ему была предоставлена возможность встретиться в Москве с Брежневым и Косыгиным или, если это окажется невозможным, хотя бы с одним из них. Эта просьба Рейгана вызвана тем, что он твердо решил выдвинуть свою кандидатуру в президенты США на выборах 1980 года. Официально Рейган еще не объявил об этом, но собирается сделать это в скором времени, сказал Аллен. Рейган уже сейчас считается ведущим кандидатом в президенты от республиканской партии.

Я сказал ему, что фигура Рейгана как деятеля крайне правого толка нам хорошо известна. В этой связи прямо спросил, какую цель ставит перед собой Рейган, обращаясь с такой просьбой.. Не очередной ли это предвыборный ход с его стороны и не станет ли он, возвратившись из Москвы, с удвоенной энергией выступать против СССР, ссылаясь на то, что теперь, мол, он уже побывал там и может говорить „со знанием дела".

Аллен отрицал это, провел параллель с Никсоном: его отношение к СССР до и после того, как он стал президентом.

Рейган уже немало поездил, встречался со многими лидерами европейских стран, продолжал он. Недавно его пригласили китайцы. Однако Рейган считает, что для него намного важнее поехать в СССР, поскольку советско-американские, а не американо-китайские отношения являются определяющими. Рейган сейчас начал выравнивать свой политический имидж, чтобы расширить свою избирательную базу. Он старается передвинуться в сторону центра, в том числе и по внешнеполитическим вопросам, чтобы не выглядеть деятелем с навсегда зафиксированными взглядами. Рейган сам хочет разобраться с соглашением по ОСВ, когда оно будет готово. Не исключено, что он может и поддержать его.

После некоторых колебаний Москва дала согласие, но поездка была затем отложена по инициативе Рейгана. Она так и не состоялась. Рейган к тому времени принял решение вести свою предвыборную кампанию с антисоветских позиций.

Кэмп-дэвидский договор и СССР

Администрация Картера наращивала дипломатическую активность на Ближнем Востоке. Президент США отправился в Египет и Израиль, чтобы завершить кэмп-дэвидский процесс.

Разумеется, в Москве были сильно раздражены тем фактом, что СССР вновь оказался в стороне от процесса урегулирования, не понимая (или не желая понять), что он сам себя изолировал от этого процесса, настаивая на недостижимом в тот момент общем политическом урегулировании и оказывая одностороннюю поддержку арабским странам, но не имея при этом прямых контактов с Израилем.

Это недовольство Москвы „предпринятыми США шагами по формированию сепаратного соглашения между Египтом и Израилем" было высказано в послании Брежнева Картеру (от 19 марта).

Однако администрация Картера следовала своим путем. Договор между Египтом и Израилем был подписан в Кэмп-Дэвиде. Он принес Картеру максимальный политический успех.

Я, откровенно говоря, не разделял нашу официальную негативную точку зрения на этот договор, так как считал, что мы добровольно изолируем себя от важных миротворческих процессов в регионе. Египетско-израильский договор оказался прочным и принес удовлетворение обоим его участникам.

Надо прямо сказать, что у советского руководства тогда не было, по существу, самостоятельной политики по ближневосточному урегулированию, или, точнее, позитивное влияние Москвы на это урегулирование было весьма ограничено, так как она никак не могла воздействовать на Израиль, с которым находилась во враждебных отношениях. Получалось так, что наша роль как беспристрастного посредника была скомпрометирована с самого начала. Наши арабские союзники злоупотребляли почти автоматической готовностью Москвы учитывать и отстаивать их интересы и практически очень часто использовали нас для блокирования тех или иных миротворческих инициатив. Так было и с договором, подписанном в Кэмп-Дэвиде. К сожалению, в условиях конфронтации, определявшей тогда положение на Ближнем Востоке, советское руководство предпочло занять критическую позицию в отношении этого, безусловно, разумного договора, обвиняя Вашингтон в разных кознях. Мне, как послу, было обидно наблюдать за церемонией подписания договора, знаменовавшего, по существу, помимо прочего, крупный просчет и поражение советской дипломатии.

Москве понадобилось более десяти лет, чтобы встать на совместный с США путь постепенного урегулирования ближневосточного конфликта. В сентябре 1993 года США и Россия стали наконец совместными спонсорами исторического мирного соглашения между Израилем и Организацией освобождения Палестины.

Вэнс и Картер задумываются об отношениях с СССР

В конце марта Вэнс высказал пожелание побеседовать со мной в неофициальном порядке. Встреча состоялась, как всегда, за чашкой кофе в небольшой уютной комнате, примыкавшей к официальному кабинету госсекретаря. Разговор начался с замечания Вэнса о том, что у них - и в частности у него лично - создалось впечатление, что, по мнению Москвы, отношения с США при нынешней администрации заметно ухудшились по сравнению с тем, какими они были при прежних правительствах, и что в этом повинна прежде всего сама американская сторона. „Не так ли?" -спросил Вэнс.

Я откровенно ответил, что не буду оспаривать такую оценку, поскольку конкретные факты и события это подтверждают, привел несколько примеров.

Госсекретарь сказал, что укоренившееся с самого начала прихода этой администрации к власти сильное взаимное недоверие и недопонимание между руководством наших стран серьезно беспокоит президента Картера. Последний очень надеется рассеять эти настроения в ходе личной встречи с Брежневым, чтобы поставить дальнейшие взаимоотношения на более конструктивную основу.

Вэнс заметил далее, что в день нашей встречи рано утром беседовал с президентом. Картер подчеркивал, что его беспокоит состояние советско-американских отношений и что он часто думает об этом, оставаясь наедине, порой даже ночью. Уверен, продолжал президент, что такие же нелегкие думы и у Брежнева. Он, наверное, как и я, смотрит порой на глобус, на такие районы земного шара, как Япония, Китай и Ближний Восток. Однако смотрим мы, судя по всему, по-разному. Он, видимо, считает, что все, что делают США и лично он в этих районах, продиктовано в основном враждебными намерениями в отношении СССР. Признаюсь, что нередко и я так думаю о советских действиях в Африке, в частности об использовании там кубинцев; на Ближнем и Среднем Востоке, где создается „дуга кризисов" вокруг жизненно важных для США источников нефти; в ЮВА, где растет советское влияние.

Вместе с тем вряд ли обеим сторонам следует оценивать те или иные действия другой стороны в указанных районах и соответствующих странах как обязательно направленные друг против друга, а такая тенденция в оценках сейчас преобладает и в Вашингтоне, и в Москве, сказал Картер госсекретарю. Короче, соображения конфронтации доминируют над всеми другими соображениями в советско-американских отношениях. А ведь в ряде районов могут быть параллельные интересы или интересы, важные для одной, но второстепенные для другой стороны, т. е. все подводить под общий антагонистический знаменатель не следует. Я вот и думаю сейчас все больше, как нам лучше, без лишних эмоций и ненужных споров, ведущих лишь к тупикам, обсудить все это с Брежневым, когда мы встретимся.

Таковы были, по словам Вэнса, высказывания Картера, и они „отражают его настоящие личные настроения".

Я ответил Вэнсу, что в личном плане я мог бы во многом согласиться с изложенными им соображениями президента. Однако в политике приходится судить по делам, а не по личным настроениям, которые Москве мало известны. Напомнил ему в этой связи важный вопрос о взаимном доверии, который уже поднимался в переписке Брежнева с президентом, а также об откровенной критической оценке конкретных действий администрации в том, что касается отношений с СССР, которые также высказывались советским руководством в этой переписке.

Вэнс сказал, что Картер почему-то уверен - во всяком случае он на это очень рассчитывает, - что во время встречи с Брежневым им удастся поправить положение дел. Президент пытался несколько раз изложить свои мысли в письме советскому руководителю, но у него не очень-то это получается. Он больше верит в личное общение, в личную беседу.

Из дальнейшего разговора с Вэнсом было видно, что сам он в немалой степени рассчитывает одновременно и на то, что Брежнев сможет повлиять на Картера, развеять его „некоторые неправильные представления" о СССР

и его внешней политике. Госсекретарь заметил, например, что в администрации, да и в американской прессе, сейчас стала модной теория о „дуге кризисов", которую якобы создает Москва с целью окружения важного для США района Ближнего Востока. Эта „дуга" тянется от Анголы, через Эфиопию к Йемену, Афганистану и Ирану.

„Вы хорошо знаете, - сказал он с явным намеком на Бжезинского, - кто является автором этой теории. Я лично не верю, что в Кремле существует такой „генеральный план", и говорю об этом президенту. События в каждой из названных стран возникали и развивались по-разному, а не являлись прямым результатом действий русских. Однако теория окружения Ближнего Востока Советским Союзом звучит красиво и для многих убедительно. Даже президент, хотя и неполностью, находится под ее определенным влиянием", - заключил Вэнс.

Отдавая должное стремлению Вэнса улучшить наши отношения и его надеждам на воздействие Брежнева на Картера при их личной встрече, я про себя подумал о том, что наш руководитель по своему общему физическому состоянию и интеллектуальному кругозору может и не оправдать этих надежд. Порой мы слишком много ждем от личных встреч высших руководителей, забывая, что не всегда они способны делать самостоятельные концептуальные обобщения и принимать собственные смелые решения.

В целом же надо сказать, что эти мои обстоятельные беседы с президентом и госсекретарем способствовали ускорению процесса переговоров.

Подготовка к встрече на высшем уровне

Вся первая половина 1979 года (в том, что касается наших отношений с администрацией США) была занята подготовкой к встрече на высшем уровне. Хотя разные международные события время от времени прерывали этот процесс, оба правительства тем не менее не теряли из виду главную цель: встречу глав обеих стран, венчающую соглашение по ОСВ-2. Она была предметом обмена посланиями между Картером и Брежневым, интенсивного дипломатического диалога через меня, Вэнса и Бжезинского. Основным предметом обсуждения были оставшиеся нерешенные проблемы соглашения по ОСВ.

Мы с Вэнсом провели более двух десятков встреч, чтобы найти развязки этих проблем (телеметрия испытаний ракет, новые типы ракет и т. п.). В конце концов, в мае удалось выйти на соглашение. Вот что пишет Бжезин-ский по этому поводу в своих мемуарах: „В начале мая Вэнс, по существу, закончил переговоры с послом Добрыниным. 7 мая в конце длительного совещания у президента с участием Джордана, Мондейла, Вэнса и меня Вэнс объявил в 3 часа 15 минут дня: „Господин президент, основные переговоры по ОСВ завершены".

Вторым вопросом был выбор места и времени встречи. Если время было согласовано быстро, то о месте встречи пришлось договариваться. Картер предложил в порядке установившейся очередности встречу в Вашингтоне, Брежнев - ввиду запрета врачей совершать длительные перелеты предложил встретиться в Москве. Картер ответил, что он не может приехать в СССР на встречу с Брежневым: в процессе ратификации соглашения по ОСВ в конгрессе могут обвинить президента, что он „опять уступил русским", на этот раз в вопросе о месте встречи.

В конце концов, договорились о Вене. Интересная деталь. Как впоследствии признался сам Бжезинский, он опасался - в случае встречи в Вашингтоне или в Москве - излишнего „братания" двух президентов.

Тем временем администрация после консультаций с лидерами конгресса и представителями еврейских организаций решила в преддверии встречи попытаться добиться восстановления нормальных торговых отношений между СССР и США. Вэнс и министр финансов Блюменталь с одобрения Картера предложили на рассмотрение Советского правительства такой выход: президент в своем обращении к конгрессу (о приостановлении действия поправки Джексона-Вэника сроком на три года) не будет говорить, как это требовалось до сих пор, что он „получил заверения" (от СССР). Он скажет лишь, что у него „есть уверенность" на основании всех имеющихся данных, что фактическая советская эмиграционная практика, по его мнению, не противоречит положениям американского торгового законодательства.

„Для администрации, - сказал Вэнс, - было бы вполне достаточно получить из Москвы ответ из одной фразы: „Да, такова наша позиция, и мы не собираемся ее менять".

Москва, упорствуя в своем подходе к этому вопросу, ответила отказом, заявив, что „совершенно недопустимо, чтобы в этом вопросе присутствовали какие-либо попытки вмешательства во внутренние дела друг друга; наша принципиальная позиция хорошо известна". А компромиссную формулировку ведь можно было найти!

Вэнс выразил разочарование по поводу нашего ответа.

Откровения помощника Картера

Интересной с точки зрения познания мотивов, которыми руководствовалась администрация в своей деятельности, была моя встреча с личным помощником президента Джорданом, который был особо доверенным лицом Картера. Разговор наедине состоялся в нашем посольстве 20 мая. Высказывания Джордана в основном касались внутриполитических аспектов предстоящей встречи в Вене.

Джордан сказал, что хотел бы откровенно рассказать о планах и задачах, стоящих сейчас перед Картером. Последний отдает себе отчет, что предстоящая советско-американская встреча имеет большое международное значение, и намерен сделать все для ее успеха. Во внутреннем плане главное для него - быть переизбранным в президенты. В этой связи одна из важных задач - добиться ратификации сенатом соглашения по ОСВ-2. Администрация надеется, что удастся сделать это, но полных гарантий тут нет ввиду общей сложной ситуации в США вокруг советско-американских отношений и конкретно данного соглашения.

„В свете отмеченных выше основных задач, - продолжал Джордан, - особое значение для Картера приобретает его предстоящая встреча с Брежневым. Для него важно установить хорошие деловые, личные отношения с советским лидером. Это важно не только для дальнейших позитивных отношений между обоими правительствами, но и для того, чтобы показать американскому общественному мнению, что Картер умел-таки наладить отношения с советским руководством, а это будет немаловажным фактором в ратификации договора об ОСВ-2 и в дальнейшей предвыборной кампании".

Вместе с тем Картеру важно, чтобы он выглядел и как лидер, который ради переизбрания „не бросился бездумно в объятия русских" и не повторил ошибки Никсона, создавшего „нереальное впечатление" о якобы достигнутом крутом повороте в советско-американских отношениях в пользу разрядки, „хотя многое из сделанного им было полезно". Такова политическая реальность сейчас, в 1979 году, когда вокруг отношений с СССР снова немало споров и противоречий в американской политической жизни, заметно отличающих ее от ситуации в лучшие годы Никсона. Президент Картер не собирается винить кого-либо в том, что дела сейчас обстоят хуже: кое в чем он и сам виноват, кое-что, видимо, могла лучше сделать и советская сторона, подчеркнул помощник президента.

Но это - прошлое. Главное теперь - встреча в Вене, сказал Джордан. Наилучший, по нашему мнению, сценарий и итог встречи был бы таков: оба президента добились немало позитивного, однако по ряду вопросов стороны отстаивали свои позиции, но согласились продолжать их обсуждение в дальнейшем. Залогом того, что будущие отношения между обеими странами будут строиться в основном не на путях конфронтации, а на поисках компромисса и договоренностей, стали бы установившиеся личные хорошие отношения между обоими президентами по ходу встречи.

Подобное „проектирование" итогов встречи на американское общественное мнение было бы наилучшим и с точки зрения перспектив ратификации соглашения по ОСВ, отметил он.

Джордан не скрывал, что главное для Картера - наиболее эффективно использовать встречу в дальнейшей предвыборной борьбе за пост президента.

Говоря о трудностях, связанных с ратификацией договора об ОСВ-2, Джордан высказал пожелание администрации, чтобы советская сторона „не очень хвалила" этот договор, а порой высказывала конкретные критические замечания по его содержанию, показывая, что весь он - результат разумных, но нелегких компромиссов с обеих сторон.

Администрация не советует также присылать сюда депутатов Верховного Совета СССР на период дебатов по ратификации, так как противники соглашения обязательно используют это, обвинив СССР, а заодно и Белый дом, в недопустимом иностранном лоббировании. Вскользь Джордан заметил, что их опыт общения с советскими парламентариями показал, что они не демонстрируют в дебатах необходимую гибкость, а их упорный пропагандистский нажим лишь вызывает раздражение у американских собеседников (в этом Джордан был, бесспорно, прав).

В целом приход ко мне Джордана и его откровенные высказывания в отношении предстоящей президентской предвыборной кампании в США свидетельствовали о том, что Картер все же надеется установить с советским руководителем доброжелательные отношения. Однако президент при этом как бы забывал (или предлагал забыть) груз прежних, порою напряженных отношений, которые в течение почти трех последних лет не раз вызывали раздражение в Москве.

В конце мая мною с Бжезинским были согласованы практические вопросы повестки дня встречи в Вене. Возникли некоторые расхождения. Например, американская сторона настаивала на официальном включении в повестку дня встречи вопроса о правах человека. Мы были против. Бжезинский тогда заявил, что каждая сторона вольна поднимать любые вопросы вне повестки. Я ответил: каждая сторона имеет право не обсуждать

вопросы, которые считает неуместными. В остальном повестка была согласована без больших споров.

Позже, когда вместе с Вэнсом и Бжезинским мы редактировали проект венского коммюнике, я сообщил состав нашей делегации, вылетающей во главе с Брежневым в Вену. Состав делегации произвел на них явное впечатление: помимо Генерального секретаря в нее входили еще три члена Политбюро: Громыко, Устинов, Черненко (Брежнев хотел подстраховаться таким влиятельным составом делегации).

В американскую делегацию, помимо президента Картера, вошли Вэнс, Бжезинский, Браун и Джоунс (председатель Комитета начальников штабов).

Из довольно частых контактов с Вэнсом и Бжезинским накануне встречи в Вене у меня сложилось впечатление, что они по-разному подходят к встрече. Вэнс - за максимальное развитие позитивных сторон, не обостряя без нужды спорные вопросы, по которым пока трудно договориться. Бжезинский же считал целесообразным „во избежание в дальнейшем недоразумений" прямо заявить Брежневу о тех аспектах советской политики, которые не устраивали Белый дом.

Когда Джордан в беседе осторожно прощупывал мое мнение на этот счет, я сослался на позитивный опыт первой встречи Никсона с Брежневым, когда конфронтационные аспекты не выставлялись на первый план, хотя и обсуждались. Джордан обещал посоветовать Картеру поступить так же.

За день до встречи в Вене Вэнс в доверительной форме информировал меня о том, что президент, когда встретится наедине с Брежневым, собирается сообщить ему о своем намерении отозвать Туна с поста посла в Москве, поскольку он явно не справлялся со своими обязанностями, конфликтуя с советскими властями.

Президент решил назначить на этот пост Уотсона, крупного в прошлом бизнесмена, который хорошо относился к СССР и обладал широким кругозором. Вэнс просил иметь в виду, что еб этом решении Картера никто, кроме госсекретаря, не знает.

4. ВСТРЕЧА В ВЕРХАХ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ

Встреча в Вене (15 - 18 июля 1979 г.)

Это была первая (и единственная) встреча руководителей обеих стран в период президентства Картера. Главным конкретным результатом этого саммита было подписание 18 июня важного договора об ОСВ-2. Сам факт личной встречи двух руководителей имел большое политическое и психологическое значение. К сожалению, она состоялась лишь в середине третьего года президентства Картера и не могла уже изменить общую 'енденцию к ухудшению отношений между обеими странами. Венский саммит лишь на короткий период задержал эрозию политики разрядки.

Помимо Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2), в Вене были подписаны протокол к нему и другие соответствующие документы, а также совместное коммюнике.

Договор об ОСВ-2 устанавливал согласованные количественные уровни вооружений, ограничения на их замену и усовершенствование и достаточно детальный режим проверки (это был серьезный прорыв в традиционном советском мышлении, отвергающем всякие проверки, помимо использования национальных средств).

Впервые в истории ограничений стратегических наступательных вооружений этот договор устанавливал равное для обеих сторон суммарное число стратегических ядерных вооружений всех типов (включая ракеты с РГЧ), которыми могла располагать каждая из них. Это число не должно было превышать 2400 единиц. После 1 января 1981 года стороны должны были ограничить указанные вооружения 2250 единицами (договор заключался до 1985 года).

Стороны согласились также установить 1200 стратегических ракет с РГЧ наземного и морского базирования (на подлодках), в целом не более 1320 таких ракет, если считать и бомбардировщики. Советский Союз сохранял также свои 308 современных тяжелых ракет. У США таких ракет не было.

Договор отличался в лучшую сторону по сравнению с владивостокскими договоренностями. Однако эти улучшения, выработанные с большими трудностями в течение затяжных переговоров с 1974 по 1979 год, были оплачены дорогой ценой - потеряно было драгоценное время, так как происшедшая за этот период эрозия политической и общественной поддержки этого договора в самих США привела к тому, что он не был ратифицирован.

Недостатком договора было то, что он лишь регулировал, но не запрещал наращивание количества ядерных боеголовок с РГЧ в пределах общих уровней. Кроме того, сам процесс ОСВ оставлял за рамками переговоров ядерные средства средней дальности в Европе. Это привело позднее к острому конфликту с США и НАТО из-за „евроракет".

Однако и эти негативные последствия можно было бы преодолеть, если бы договор об ОСВ-2 был быстро ратифицирован и стороны перешли к осуществлению достигнутой в Вене важной договоренности о начале двусторонних переговоров относительно дальнейших действительно радикальных сокращений ядерных вооружений после ОСВ-2, т. е. уже в рамках будущего нового соглашения ОСВ-3. Однако США, как уже отмечалось, так и не ратифицировали договор об ОСВ-2.

О том, что существовали известные потенциальные возможности в этом направлении, свидетельствует следующий эпизод в ходе встреч в Вене. 17 июня Картер передал Брежневу набросок новых предложений, которые предусматривали далеко идущие шаги после ОСВ-2. Надо сказать, что передача этих предложении носила довольно своеобразный характер. Это было сделано Картером не в ходе официального утреннего заседания, а после него, когда он вместе с Брежневым спускался в лифте в американском посольстве. Сами предложения были изложены на странице из желтого блокнота с правкой самого Картера. Не исключено, что эти предложения были итогом обсуждения проблемы членами американской делегации. И в последний момент он, видимо, решил „попробовать на Брежневе" эти соображения в надежде, что тот выскажет свои суждения, хотя бы в предварительном порядке (неожиданное официальное внесение этих предложений могло быть связано с риском немедленного их отклонения Брежневым, как это случилось с Вэнсом в Москве в марте 1977 года).

Надо признать, что эти предложения Картера представляли определенный интерес и могли бы стать основой для дальнейшего ограничения гонки ядерных вооружений. Конечно, они страдали рядом серьезных недостатков (например, не учитывался авиационный компонент стратегической триады, который традиционно был гораздо сильнее у США). В целом же они были в ряде пунктов довольно близки к важным инициативам поэтапного разоружения, выдвинутым впоследствии самим СССР во второй половине 80-х годов.

Однако в 1979 году советское руководство не было готово к такому радикальному подходу. По существу, стремление зафиксировать баланс стратегических сил превалировало в Москве над поиском баланса интересов сторон. Да и неясно было, согласились бы Пентагон и конгресс с новым подходом Картера.

Так или иначе, на созванном срочно Брежневым в тот же вечер совещании советской делегации в связи „с бумагой Картера" министр обороны Устинов решительно выступил против далеко идущих сокращений. Черненко тут же поддержал его. Осторожный Громыко высказался в том смысле, что такие важные вопросы нельзя решать „с ходу", что надо еще посоветоваться с коллегами по Политбюро и что нет нужды сразу связывать себя какими-либо обязательствами перед Картером.

Брежневу явно не хотелось по ходу встречи заниматься вдруг какими-то новыми сложными вопросами. Он еще в Москве был настроен лишь на подписание подготовленного договора об ОСВ-2, но не больше. Вот почему он согласился с доводами Громыко, и „полуофициальные" предложения Картера „были спущены на тормозах". Так была упущена еще одна возможность попытаться добиться прорыва в области ОСВ.

Однако было бы неправильно возлагать всю ответственность за это только на советскую сторону. Реальность была такова, что в самих США у Картера было мало единомышленников в вопросе о серьезных сокращениях ядерных вооружений. Он не имел достаточной поддержки ни в своей администрации, ни в Пентагоне, ни в конгрессе США*.

Конечно, нельзя забывать и то немаловажное обстоятельство, что на последующие переговоры по новым предложениям президента потребовалось бы время, и время немалое. А его ведь не оказалось даже для ратификации договора об ОСВ-2, в чем немалая доля ответственности лежит на администрации Картера.

Сам президент совершил ряд серьезных тактических ошибок, которые помешали ему добиться такой ратификации.

Как известно, уже первая попытка Картера в марте 1977 года предпринять новый амбициозный подход к переговорам по ОСВ оказалась, по существу, фатальной. Это привело к тому, что вопрос об ОСВ оказался связанным с другими спорными политическими проблемами - с Эфиопией, „советской бригадой" на Кубе, а затем и Афганистаном. В результате договор об ОСВ-2 так и повис в воздухе.

У меня сложилось достаточно твердое убеждение, что если бы Картер сразу принял эстафету от Форда-Киссинджера в форме владивостокской

* Как курьез рассказывал мне впоследствии помощник Картера Джордан о следующем эпизоде. Сенатор Джексон публично сравнивал поездку Картера в Вену с поездкой Чемберлена в Мюнхен для умиротворения Гитлера. Вот почему, когда Картер прилетел в Вену, он отказался от зонтика (символ Чемберлена!), хотя на аэродроме шел сильный дождь.

договоренности, то путем взаимных относительно небольших компромиссов договор об ОСВ-2 мог бы быть готов еще в 1977 году и подписан в том же году на встрече с Брежневым. Это могло проложить дорогу к совершенно другим по характеру советско-американским отношениям в период всего президентства Картера. Таковы, кстати, были вначале ожидания и надежды в Москве, которые разделял и я, как посол, поэтому тем сильнее были затем разочарование, рост недовольства и недоверия к Картеру в руководящих кругах СССР.

Надо сказать, что вынашиваемые Картером надежды на „личную дипломатию" при встрече с Брежневым не очень оправдались. Они встретились лишь на третьем году президентства Картера, когда Брежнев стал уже основательно дряхлеть физически (на торжественном спектакле в Венском оперном театре он несколько раз засыпал), а советское руководство начало исподволь „списывать со счетов" самого Картера из-за „температурных перепадов" при нем в советско-американских отношениях. Да и дальнейшая политическая судьба Картера должна была еще решиться на выборах. Короче, встреча двух руководителей в этом смысле заметно запоздала.

Но вернемся к самой встрече в Вене. Подписание договора об ОСВ-2 в целом было большим достижением, кульминацией многолетних переговоров по этой кардинальной проблеме советско-американских отношений. Договор, предусматривавший согласованные суммарные потолки ядерных арсеналов обеих стран, стал немалым сдерживающим фактором в дальнейшей гонке стратегических наступательных вооружений, хотя он и не был ратифицирован. Был найден компромисс по таким спорным вопросам, как крылатые ракеты и самолет „Бэкфайер". Договорились, что испытательные пуски ракет не будут зашифровываться.

Вместе с тем обе стороны не сумели использовать потенциальные возможности, обозначившиеся было в Вене, с целью начать процесс действительного сокращения этих вооружений. Понадобилось еще 6-8 лет, прежде чем такой процесс начался.

По ходу переговоров в Вене Картер и Брежнев изложили позиции сторон по ряду вопросов: европейские дела, положение на Ближнем Востоке, роль СССР и Кубы в Африке, американо-китайские отношения, права человека, торговля и т. п. Сближение точек зрения в большинстве случаев не наблюдалось, но рассмотрение этих вопросов было полезно для общего понимания положения дел. Региональные конфликты и права человека по-прежнему оставались наиболее спорными проблемами. Идеология с обеих сторон тут явно довлела над соображениями реальной политики.

Наблюдая за действиями и поведением главных лиц на встрече, могу сказать, что Картер свободно вел дискуссии на разные темы, не прибегая к помощи своих советников. В чем-то он был похож на Кеннеди во время встречи последнего с Хрущевым в той же Вене.

Брежнев неплохо знал набор наших принципиальных позиций по наиболее важным вопросам. Однако он не был готов к сложной дискуссии. Он был уже больным человеком, страдающим склерозом.

В большинстве случаев он ограничивался чтением тщательно подготовленных для него бумаг по конкретным вопросам, не ввязываясь особенно в дискуссии (переводчик имел копии этих бумаг, по которым и переводил, точно, если даже Брежнев при их чтении немного сбивался). Если требовалась его ответная развернутая реакция на те или иные важные заявления Картера, то она обычно готовилась затем делегацией для оглашения им на

очередном заседании. В необходимых случаях вмешивался Громыко и излагал нашу позицию.

Хотя Брежнев и владел определенным минимумом материалов, его привязанность к бумагам доходила порой до курьезов. В одной из подготовленных для Брежнева бумаг был, с его согласия, в последний момент вычеркнут абзац. Когда он дошел до этого места, то тут же, не долго думая, громко спросил у переводчика, надо ли читать этот абзац? Переводчик ответил, что не надо (его всегда держали в курсе всех изменений, касавшихся текстов заявлений Генерального секретаря). После этого Брежнев стал читать дальше.

Следует иметь в виду, что подчас переводчик (из опытных работников МИД) при беседах Брежнева наедине с президентом США имел с собой несколько заготовок на случай разных поворотов беседы и вовремя предлагал их советскому руководителю. Это было большим государственным секретом.

На заключительной встрече обоих руководителей обсуждался китайский вопрос. Брежнев вообще весьма эмоционально воспринимал эту проблему и значительную часть беседы говорил сам без бумажек (после прочтения „заготовки"), убеждая Картера в опасности излишней веры в заверения китайского руководства и использования „китайской карты" против СССР. Президент США мог убедиться, что этот вопрос крайне болезненно воспринимается Брежневым. Неумение последнего сдерживать свои эмоции на этот счет лишь усиливало искушение у тех в американском руководстве, кто стремился использовать „китайскую карту" против СССР.

Надо сказать, что с чисто человеческой точки зрения по ходу встречи в Вене личные отношения между обоими лидерами установились неплохие, а на заключительной церемонии они неожиданно для всех расцеловались.

Перед этим, когда главы государств заканчивали подписание договора и начали вставать, стоявший сзади Громыко тихо спросил Устинова:

- Как думаешь, расцелуются они или нет?
- Нет, - ответил тот, - незачем целоваться.
- Не уверен, - заметил Громыко.

Громыко лучше знал Брежнева. Последний вечером в узком кругу заявил, что в целом „Картер не такой уж плохой парень". Однако оппозиция в США критиковала потом Картера за такое „братание".

На этой же церемонии Брежнев публично похвалил за подготовительную работу Вэнса и Громыко, Брауна и Устинова, но многозначительно опустил фамилию Бжезинского.

Надо сказать, что на встрече в Вене от Брежнева не требовалось многого. Все основные документы были тщательно подготовлены заранее (договор, коммюнике и т. п.). Ему фактически не надо было вести переговоры по согласованию текстов документов или по заключению каких-либо новых договоренностей (во Владивостоке в этом отношении ему было значительно труднее). К тому же присутствие вместе с ним в Вене трех ведущих членов Политбюро фактически гарантировало одобрение результатов встречи в Вене всем его составом.

При обсуждении вопросов в самой советской делегации основную роль играли Громыко и Устинов. Черненко поддакивал им и Брежневу или просто отмалчивался.

Несколько слов о Брауне и Устинове. Во время первого заседания двух делегаций Картер предложил Брежневу, чтобы параллельно с их беседами состоялась отдельная встреча обоих министров обороны. Они могли бы

установить личные связи и обсудить некоторые вопросы, например, по ограничению вооружений в Центральной Европе.

Вечером на совещании нашей делегации Брежнев сказал, что „Дмитрию надо бы все же сходить на такую встречу". Однако последний явно не хотел вести „какие-либо переговоры с американцами, это - дело Громыко", сказал он. Возникла дискуссия.

Громыко отметил, что у советской делегации на переговорах по Центральной Европе есть запасная, не использованная еще позиция (о нашей готовности сократить советские войска в этом районе еще на 10 тысяч человек и еще некоторые уступки). Громыко предложил, чтобы Устинов использовал эту возможность в беседе с Брауном с целью показать, что советский министр обороны пришел на встречу не с пустыми руками, и, возможно, это вынудит Брауна ответить какой-то взаимностью.

Устинов под нажимом Брежнева неохотно согласился. На следующий день такая встреча состоялась и прошла без дипломатических представителей („чтобы не смущать военных министров").

Через пару часов Устинов вернулся в посольство злой. „Я не знаю, -заявил он раздраженно Брежневу, - как вообще Громыко и Добрынин могут вести переговоры с американцами. Я подходил к Брауну с разных сторон, говорил о возможных перспективах, выложил ему нашу уступку. Однако он был неразговорчив, не пообещал ничего взамен, а, проглотив нашу уступку, лишь односложно повторял известные американские позиции. Хватит с меня таких встреч". Устинов надолго сохранил неприязнь к встречам с американцами на высоком военном уровне, избегал их.

Громыко, разумеется, не особенно разубеждал Устинова, так как всегда считал переговоры с американцами исключительно своей сферой. Вообще надо признать, что Громыко в конце 70-х и начале 80-х годов стал в сотрудничестве с Андроповым и Устиновым почти полновластной фигурой в формировании внешней политики страны, особенно в области отношений с США.

После встречи в Вене

Вернувшись в Вашингтон, Картер сразу же выступил со своими впечатлениями на заседании Совета национальной безопасности. Президент позитивно оценил результаты встречи с Брежневым, дал указание изучить все положительные аспекты своих бесед с советским президентом и положить их в основу разработки дальнейших мер по соответствующим направлениям советско-американских отношений.

Об этом сообщил мне Бжезинский, который отметил „внешне парадоксальное, но, по существу, понятное" общее состояние Картера после встреч с Брежневым. Несмотря на сохранившиеся серьезные разногласия по ряду важных вопросов, в умонастроении Картера произошла определенная „психологическая разрядка" в том смысле, что с СССР можно вести разумный диалог и можно договариваться.

Вместе с тем в Белом доме были сильно озабочены критикой, развернутой оппозицией против договора об ОСВ-2. „Эта кампания поддерживалась и многими средствами массовой информации только потому, - заметил Вэнс, - что договор был подписан с СССР".

Две недели спустя после венского саммита я беседовал с Дэвидом Рокфеллером. Он сказал, что деловые круги Америки с удовлетворением

встретили позитивные итоги встречи в Вене. Сам Картер, с которым он виделся накануне, остался доволен результатами и атмосферой переговоров с Брежневым. Президент ценит личный контакт,, который установился у него с Брежневым в Вене.

Рокфеллер предсказал сложные дебаты в сенате США вокруг ратификации. Он призвал нас с пониманием и снисхождением отнестись к поведению многих сенаторов и „не дразнить гусей на Капитолии".

По его мнению, положение Картера внутри страны очень трудное. Этим пользуется сенатор Э.Кеннеди, который продолжает заигрывать с избирателями, хотя и утверждает, что не хочет быть соперником Картера. Рокфеллер довольно критически отозвался о личных качествах сенатора, который не имеет своей твердой линии, а играет в основном лишь „на публику".

Примерно в это же время Сигниес, новый директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, поделился со мной впечатлениями о том, как обстоят дела с ратификацией договора об ОСВ-2 в конгрессе.

На позицию ряда сенаторов, особенно республиканцев, сказал он, начинают влиять предвыборные соображения. Действия оппозиции, как в сенате, так и особенно вне его, хорошо координируются. Все попытки Картера призвать сенатора Джексона „к благоразумию" ни к чему не привели. Картер фактически списал его в разряд безнадежных. Президент принимает все меры, чтобы добиться ратификации. Обработкой колеблющихся сенаторов занялись Вэнс, Браун, Бжезинский и сам Сигниес.

Президент Картер, закончил мой собеседник, на одном из совещаний в Белом доме прямо сказал, что исход борьбы за ратификацию договора об ОСВ-2 во многом предопределил бы судьбу его администрации с точки зрения переизбрания его на пост президента.

Не успела еще закончиться встреча в Вене, как лидер оппозиции сенатор Джексон заявил, что будет добиваться решения сената о возвращении договора на доработку, „чтобы внести в него конкретные поправки с учетом мнения сената".

19 июня Картер выступил на совместном заседании обеих палат конгресса с речью об итогах встречи в Вене. Президент довольно вяло призвал сенат ратифицировать договор.

Лидер республиканцев в сенате Бейкер потребовал принять его далеко идущие поправки к договору об ОСВ-2. Сенатор Гарн внес 26 поправок.

В целом в США разворачивалась организованная кампания противников договора об ОСВ-2. После длительных и противоречивых слушаний сенатский комитет по иностранным делам одобрил (9 ноября) договор („за" - 9, „против" - 6), но сенатский комитет по делам вооруженных сил (10 декабря) высказался против ратификации (10 голосов „против", 7 - воздержались, „за" - никто). Договор был передан затем на рассмотрение всего сената.

Вскоре после венской встречи возникли и другие раздражители в советско-американских отношениях. Сразу после возвращения из Вены Картер объявил (в соответствии с решением конгресса) о „неделе порабощенных народов". Хотя эта акция носила в США довольно рутинный характер, в Москве она вызвала раздражение. В августе и сентябре ряд ведущих советских танцоров и спортсменов отказались вернуться в СССР после гастролей в США. Американское правительство не имело к этому прямого отношения, но последовавшая затем переписка по официальным каналам вокруг „невозвращенцев" оставила неприятный осадок у обеих

сторон. Негодование в советских правительственных кругах вспыхнуло снова, когда Картер 1 августа, в годовщину подписания Хельсинкского акта, выступил с резкой критикой нарушения прав человека в СССР и некоторых других социалистических странах.

Надо сказать, что действительные и мнимые трудности в США с ратификацией договора об ОСВ-2 стали использоваться представителями администрации и членами конгресса для оказания нажима на советское правительство по разным вопросам, что подчас носило элементы шантажа. Во всяком случае, так это воспринималось в Москве.

Именно в' этой связи Громыко и Андропов направили (6 августа) в Политбюро докладную записку, в которой указывали, что администрация Картера предпринимает „явные попытки оказать на нас политический нажим, добиться уступок, в том числе по принципиальным вопросам, касающимся наших внутренних дел", откровенно спекулируя на проблеме ратификации договора об ОСВ-2 и отчасти на проблеме предоставления СССР режима наибольшего благоприятствования в торговле и изображая дело так, что наш отказ удовлетворить ту или иную их просьбу отрицательно скажется на перспективах решения указанных проблем.

Авторы записки предлагали решительно отклонять подобные попытки американцев добиваться от нас уступок в интересующих США вопросах.

Новый кризис: „советская бригада на Кубе"

Тем временем возник новый кризис в советско-американских отношениях, на этот раз вокруг Кубы. Примечательно, что оба правительства не были непосредственными инициаторами этого кризиса. Причиной его явилось запоздалое .„открытие" или умышленная „утечка" информации -организованная американскими спецслужбами и поданная средствами массовой информации как сенсация - о размещении на Кубе советского военного формирования численностью около 2600 человек (на самом деле это формирование находилось там с 1962 года). Хотя этот факт, конечно, не представлял угрозы безопасности США и не был, по существу, новым, обнародование его как сенсации вызвало политический фурор в стране. Это серьезно повредило шансам ратификации договора об ОСВ-2 и попыткам поддержать разрядку после Вены.

Особую активность развил сенатор Черч, который неудачно вел свою предвыборную кампанию и надеялся таким образом поддержать свои быст^ ро падающие шансы на переизбрание в сенат. Он публично призвал Картера „провести черту перед русским проникновением в Западное полушарие". В качестве председателя сенатского комитета по иностранным делам он объявил 4 сентября, что слушания о ратификации договора об ОСВ-2 прекращаются, пока этот комитет будет изучать сообщения о „советской бригаде". Его шумно поддержали правые круги и кубинские эмигранты в США.

Надо сказать, что администрация Картера сразу не сориентировалась во всех этих событиях и оказалась втянутой в малопродуктивную дискуссию с нами. В этом в очередной раз сказались бесконечные метания Картера, когда дело касалось внешнеполитического курса в отношениях с СССР.

Вэнс даже попросил Громыко срочно вернуть меня из отпуска, поскольку посчитал, что складывается серьезное положение и необходимо откровенное и доверительное обсуждение этой проблемы.

Правительству США было заявлено, что на Кубе действительно в течение 17 лет существует учебный центр, где советские военные специалисты обучают кубинских офицеров, как пользоваться советской военной техникой, находящейся на вооружении Кубы. Любое утверждение о прибытии на Кубу „советской боевой части" не имеет под собой никакой почвы.

При первой же нашей встрече Вэнс спросил, верно ли, что нынешняя ситуация с обучением кубинцев существовала при всех предыдущих администрациях - при Кеннеди, Джонсоне, Никсоне, Форде. Я подтвердил это. Вэнс пояснил, что для них это важно с внутриполитической точки зрения. Я вновь подтвердил то, что говорил Брежнев Картеру в Вене, а именно, что мы строго придерживаемся договоренности 1962 года о Кубе, не предпринимали и не предпринимаем ничего такого, что противоречило бы ей. В течение сентября Вэнс шесть раз встретился со мной по этому вопросу.

Шумиха вокруг „советской бригады" на Кубе не утихала до 1 октября. Поворотным пунктом в позиции администрации, как свидетельствует Бжезинский в своих мемуарах, явилась встреча 23 сентября президента Картера с сенатором Бэрдом, лидером большинства. Присутствовали также Вэнс и Бжезинский.

Бэрд рассказал Картеру о своей встрече со мной. По его словам, он сказал послу, что ратификация договора об ОСВ-2 будет поставлена под угрозу, если Советский Союз не пойдет на какие-то уступки в вопросе о „бригаде". Однако посол тут же ответил Бэрду, что СССР ничего не собирается предпринимать, так как эта проблема целиком выдумана американской стороной. Советские специалисты находятся на Кубе уже много лет. Там нет никакой „бригады". Это не какая-то новая советская акция, обо всем этом, несомненно, давно известно соответствующим американским службам (у меня действительно был такой разговор с сенатором Бэрдом, который после Вены весьма активно подключился к ратификации договора).

Свое сообщение сенатор Бэрд заключил словами, что он проверил это заявление посла по другим источникам и что, по его мнению, весь вопрос о „бригаде" надуман. Поэтому сама администрация должна найти выход из этого положения, чтобы спасти ратификацию договора об ОСВ-2. Он посоветовал Белому дому резко снизить риторику и перестать утверждать, что сохранение „бригады на Кубе" неприемлемо для США.

На Картера заявление Бэрда произвело сильное впечатление, и он действительно выразил тревогу о судьбе договора об ОСВ-2.

На последнем этапе обмена посланиями между Картером и Брежневым вопрос о „бригаде" был по существу спущен на тормозах. С нами была согласована заключительная часть публичного заявления о Кубе, с которым Картер выступал 1 октября. В этой части речь шла об обмене посланиями между обоими правительствами и такая ссылка косметически прикрывала отступление администрации. Картер заявил американцам, что нет причин для возврата к „холодной войне" и что реальная опасность - в угрозе ядерного уничтожения. Он призвал к скорейшей ратификации договора об ОСВ-2.

В целом псевдокризис „с советской бригадой на Кубе" привел, надо сказать, к дальнейшему ослаблению позиций сторонников разрядки, к ухудшению советско-американских отношений, к усилению взаимного недоверия между руководством обеих стран. В Москве считали, что этот эпизод был „изобретен" администрацией Картера, чтобы заставить Советский Союз (шантажируя его угрозой отказа антисоветски настроенного

сената США от ратификации договора об ОСВ-2) пойти на более широкое толкование советско-американской договоренности 1962 года о Кубе.

Администрация же Картера оказалась в плену американских спецслужб и дала себя вовлечь в ненужную и даже вредную публичную дискуссию по поводу мифической „бригады", чем серьезно подорвала перспективы ратификации договора об ОСВ-2. По существу же никаких нарушений договоренности 1962 года с советской стороны не было (это публично признал Банди, бывший помощник президента Кеннеди), как и не было никакого увеличения численности советского военного персонала на Кубе после 1962 года. „Пробел памяти" у американской стороны - так примерно охарактеризовал впоследствии Вэнс весь этот злосчастный эпизод.

Оглядываясь назад, можно констатировать, что „кубинский вопрос" оставался постоянным сильным раздражителем в советско-американских отношениях в течение длительного периода. При этом он действовал как бы в двух плоскостях: стратегической - споры вокруг договоренности между Кеннеди и Хрущевым в 1962 году и региональной - по поводу кубинской вовлеченности в разные локальные конфликты.

Однако, если говорить по большому счету, большинство этих локальных конфликтов не было настолько важным, чтобы позволять им препятствовать достижению соглашений по действительно кардинальным проблемам, затрагивающим отношения между США и СССР. Но вновь разгорающаяся „холодная война" затмевала, по существу, эту простую истину и в Москве, и в Вашингтоне.

Ядерные евроракеты

Под наши отношения с США закладывалась еще одна мощная мина замедленного действия. Еще в январе 1979 года на встрече в Гваделупе Картера, Шмидта, Каллагана и Жискар д'Эстена была в принципе достигнута - под нажимом президента США - негласная договоренность о размещении американских ракет средней дальности в Европе. Встречу в Гваделупе подготовил Бжезинский, который совершил сверхсекретную поездку в столицы трех европейских стран.

Это важное решение, по существу, было ответом НАТО на принятое Москвой в 1976 году решение начать развертывание новых модернизированных ракет средней дальности СС-20. Оно было вызвано рядом причин. Во-первых, новые ракеты СС-20 были призваны заменить старые ракеты СС-4 и СС-5 на жидком топливе, которые доживали свой век (их производство было остановлено соответственно в 1962-м и 1965 годах, хотя они и продолжали находиться на боевом дежурстве). Во-вторых, еще с 1948 года в Западной Европе началось активное развертывание американских ядерных сил передового базирования (сначала в Англии средние бомбардировщики Б-29 с атомными бомбами на борту, а затем в течение 1954 -1958 годов ядерные ракеты типа „Юпитер", „Тор" и „Матадор" в Западной Германии, Англии, Италии и Турции), способных наносить удары по территории СССР и стран Варшавского договора. И все это делалось в условиях, когда США все время располагали явным превосходством в межконтинентальных средствах доставки ядерного оружия. К тому же союзники США стали сами обладать ядерным оружием: Англия - в 1952 году, Франция - в 1961 году.

Соответственно на всех советско-американских переговорах по ограничению стратегических вооружений начиная с 1969 года (споры по ОСВ-1, а затем и по ОСВ-2), мы всегда настойчиво ставили вопрос о необходимости учета американских ядерных средств передового базирования и ядерных средств американских союзников. И всегда американская сторона упорно отказывалась включать их в переговоры. Последняя острая дискуссия на эту тему была на встрече во Владивостоке.

В условиях существенного ядерного превосходства НАТО на Европейском континенте нашим военным было нетрудно убедить советское политическое руководство в необходимости замены ракет СС-4 и ракет СС-5 более совершенными и мобильными ракетами СС-20, широкое развертывание которых и началось в 1976 году. Делалось это у нас, как всегда, в глубокой тайне (хотя западная разведслужба, конечно, засекала появление новых советских ракет) и без объяснения, что эти ракеты ставились на замену, а не в дополнение к уже существующим ракетам старого поколения. После ответного решения НАТО в декабре 1979 года о развертывании новых американских ракет в Европе модернизированные ядерные ракеты средней дальности с обеих сторон оказались в центре бурных дискуссий, затяжных переговоров вплоть до подписания в декабре 1987 года Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности.

Возникает законный вопрос: а не могли бы обе стороны в период с 1976 по 1979 год договориться о взаимном отказе от развертывания таких ракет или, возможно, о нахождении какого-то взаимного ограничения или невысокого потолка в уровне таких вооружений?

Об интересном эпизоде в этой связи свидетельствует Корниенко, который был в это время зам.министра иностранных дел и находился в гуще всех этих событий. Летом 1979 года канцлер ФРГ Шмидт специально сделал остановку в аэропорту в Москве по пути из Бонна в Токио для беседы с Косыгиным. Шмидт дал понять, что возможен компромисс по евроракетам. Пусть СССР „раскроет карты", из которых будет видно, что он не станет развертывать ракет СС-20 больше (в пересчете на боеголовки), чем было ракет СС-4 и СС-5, а еще лучше - ограничится несколько меньшим их числом с учетом более высоких качественных характеристик. Тогда не будет тревоги у западноевропейцев (показательно, что он не говорил об озабоченности американцев) и вопрос о размещении новых американских ракет в Европе будет снят.

Косыгин доложил Политбюро о беседе со Шмидтом, добавив, что, может быть, стоит подумать над таким вариантом. Устинов сразу же категорически отверг возможность какой-либо корректировки осуществляемых уже планов широкого развертывания ракет СС-20. Громыко отмолчался, не желая спорить по этим вопросам с Устиновым, он знал также, что Брежнев, как правило, не очень охотно принимал предложения Косыгина. Короче, возможность продолжения такого диалога с Западом в эти критические месяцы была упущена. Не берусь утверждать, что тогда существовал реальный шанс предотвратить принятие решения НАТО и последующее развертывание ракет средней дальности. Но попробовать это, безусловно, следовало бы. В дальнейшем наше эмоциональное и непродуманное поведение, хлопанье дверьми на переговорах, отказ от их продолжения, пока НАТО не выполнит наших предварительных условий, а также энергичное осуществление НАТО своих планов по размещению таких

ракет - все это окончательно завело дело в тупик, из которого пришлось долго выбираться.

Но вернемся к периоду Картера. В конце сентября 1979 года Вэнс, пожалуй, впервые имел со мной подробную беседу об американских планах развертывания ракет средней дальности в Западной Европе. Возможно, он хотел как-то подготовить нас или заставить нас быть более гибкими в вопросах ограничения ядерных вооружений. Он не скрывал, что администрация Картера исходит из того, что ей удастся на предстоящей в декабре сессии Совета НАТО добиться поддержки этих планов союзниками.

Отметив, что такое решение НАТО „проталкивается" правительством США в ответ на аналогичное размещение советских ракет (СС-20), Вэнс выразил личное сожаление по поводу такого развития событий.

Когда мы в одностороннем порядке размещали свои ракеты СС-20, то высшее руководство СССР было довольно усилением советской ядерной мощи на европейском театре. Однако когда были объявлены аналогичные планы с американской стороны, то в Москве серьезно забеспокоились: американские ракеты, хотя и средней дальности, но будучи размещенными в Европе, становились, по существу, стратегическими ракетами, так как могли достичь наших городов в течение 8-10 минут.

Москва начала открытую кампанию против размещения в Европе американских ракет „Першинг-2". 6 октября в речи в Восточном Берлине Брежнев подверг резкой критике эти планы, „нарушающие баланс сил в Европе". Он предложил сократить часть аналогичных советских ракетных сил, если НАТО не будет размещать указанные американские ракеты. Одновременно он предложил также вывести из ГДР 20 тыс. советских войск и 1000 танков в течение следующего года.

9 октября Картер отверг предложение Брежнева по ядерному оружию средней дальности и высказался в пользу программы модернизации сил НАТО. Отклонил он и последующее предложение Брежнева немедленно начать переговоры по вопросам развертывания ракет в Европе, не дожидаясь сессии Совета НАТО.

Через несколько дней у меня состоялась подробная беседа с Вэнсом по поводу этих ракет в свете выступлений Брежнева и Картера. Из этого разговора явствовало, что администрация Картера твердо берет курс на то, чтобы вначале обеспечить принятые союзниками решения о развертывании американских ракет средней дальности в Европе, а уж потом обсуждать этот вопрос с нами.

Несколько позже в беседе со мной Бжезинский заявил, что их настойчивость в вопросах размещения оружия средней дальности на европейском театре объясняется не только военными, но и политическими соображениями. Последние, если говорить прямо, играют даже более важную роль для администрации, чем чисто военные цели.

В основе политических соображений, сказал он, лежит стремление администрации сохранить сильное влияние США в делах НАТО. В Европе знают, что СССР нацелил на них мощные ядерные силы средней дальности, способные нанести уничтожающий удар по этим странам, не очень опасаясь того, что США в ответ рискнут ввести свои стратегические силы. В то же время в самой Европе нет уравновешивающих ответных средств, так как нет регионального ядерного паритета как главного элемента взаимного сдерживания на этом театре.

Таким образом, продолжал мой собеседник излагать американскую оценку стратегической обстановки, может сложиться ситуация, когда СССР, используя свое нынешнее преимущество на европейском направлении, может оказать сильный нажим на Западную Европу, поставив ее перед альтернативой: быть уничтоженной или согласиться, скажем, на статус Финляндии, порвав союзнические отношения с США. Американская сторона склонна считать, что западноевропейцы изберут, скорее, второй путь - финляндизацию. А это не в интересах США. Поэтому Вашингтон идет на удовлетворение просьб о размещении американских ракет средней дальности, высказанных некоторыми союзниками, которые не хотят оказаться перед таким выбором. Решающее слово в этом деле было произнесено канцлером ФРГ Шмидтом, закончил Бжезинский.

В целом, оценивая сказанное помощником президента, надо признать, что своя логика на этот счет у администрации была, хотя нарисованный им сценарий возможного хода событий в Европе не отражал каких-либо действительных намерений или планов Советского правительства.

Тем временем события шли своим чередом. Серьезная опасность нового большого витка наращивания ядерных вооружений становилась реальностью.

12 декабря 1979 года НАТО официально одобрила развертывание в Европе 464 крылатых ракет наземного базирования и 108 ракет „Пер-шинг-2". В декларации НАТО предлагалось „двойное решение": размещение ракет и одновременно переговоры с СССР, которые в случае успеха могли бы предотвратить или замедлить такое размещение. Эта декларация была принята с целью успокоить общественное мнение в тех европейских странах, на территории которых предполагалось разместить американские ракеты. В действительности же она не имела большого практического значения, ибо весь предыдущий опыт переговоров по разоружению убедительно доказывал, что переговоры не поспевали за технологией и введением новых типов оружия.

Решение НАТО о размещении ракет лишь усилило в Москве враждебное отношение к Картеру и его администрации, ибо это решение рассматривалось советским руководством прежде всего как умышленный обход американским президентом ограничений стратегических вооружений, установленных подписанным в Вене договором об ОСВ-2, поскольку американские средние ракеты в Европе, достигавшие территории СССР, становились существенным добавлением к американскому стратегическому ядерному потенциалу.

В ответ на предложение США начать переговоры по вопросу о средствах средней дальности - в рамках решения НАТО - Советское правительство сообщило правительству США (3 января 1980 года), что действия НАТО, рассчитанные на ведение переговоров по средним ракетам с позиции силы, разрушают саму основу переговоров. Советская сторона готова сесть за стол переговоров по этому вопросу, если решение НАТО будет отменено или его осуществление будет приостановлено.

В целом следует подчеркнуть, что решения обеих сторон в отношении ядерных ракет средней дальности в Европе способствовали дальнейшему ухудшению политических отношений между СССР и США без уменьшения ядерной угрозы для их национальной безопасности.

Бжезинский об оценке президентом отношений с Москвой

19 ноября я ужинал с Бжезинским в Белом доме. В начале беседы он показал мне несколько листов памятки, подготовленной им для обсуждения со мной советско-американских отношений, которую он давал на одобрение президенту. Текст этой памятки он не захотел показать, но дал мне прочитать замечания, сделанные рукой Картера на последней странице.

Президент предложил Бжезинскому сказать послу следующее:

- Президент продолжает выступать в поддержку урегулирования отно шений с СССР и готов продолжить поиск взаимоприемлемых решений наиболее острых вопросов.

- Однако СССР, по его мнению, видимо, не очень этому верит. Воз можно, русские придают чрезмерное значение внутренним затруднениям администрации. Они явно не желают также считаться - или, вероятно, просто недооценивают это - с такими весьма чувствительными для американцев проблемами, как использование советской стороной кубинцев в разных странах мира. А кубинский фактор, вызывающий особенно широкий отклик у американской общественности, вольно или невольно сильно влияет на позицию США в других вопросах, касающихся отношений с СССР (президент предлагал Бжезинскому особо подчеркнуть этот момент в беседе с советским послом).

- Большим недостатком в отношениях с Москвой является отсутствие откровенного систематического широкого обмена мнениями между руковод ством обеих стран по крупным аспектам наших отношений и мировой политики. Встреча в Вене была в этом смысле очень полезной, но, к сожалению, за три года нынешней администрации была всего только одна такая встреча.

- Президент не понимает, почему советское руководство упорно отказы вается от контактов по военной линии.

- В европейских делах США не стремятся получить военное преиму щество, но они не могут согласиться и на советское военное превосходство. Поэтому США не могут сидеть сложа руки, когда СССР увеличивает свой ракетно-ядерный потенциал в этом районе.

На этом „наказ президента" Бжезинскому заканчивался. Дальнейший разговор фактически шел вокруг этого „наказа". В основном аргументация Бжезинского была достаточно известна. Вместе с тем некоторые его высказывания представляли определенный интерес.

Показательны его „откровенные высказывания" о том, как Белый дом оценивает отношение Кремля к администрации Картера и действия советского руководства в этой связи на международной арене.

Бжезинский сказал, что, по их убеждению, ход рассуждений в Москве в этом отношении примерно таков: администрация Картера и сам президент, как политический деятель, слабы. Их позиции в стране непрочные. В самой администрации большие разногласия о том, как вести внешнеполитические дела. Бжезинский говорит одно, Вэнс - другое, Браун - третье, а президент склоняется в сторону то одного, то другого, то третьего. Короче, в Белом доме не та администрация, с которой можно иметь серьезные дела или стараться договориться по крупным вопросам международной политики. Поэтому вместо поисков такой договоренности путем систематических и серьезных контактов с администрацией надо брать все, что возможно, даже

путем конфронтации с США. Отсюда - Ангола, Эфиопия, Йемен. Исподволь создается угроза стратегическим интересам США на Ближнем Востоке, причем не прямыми действиями, а указанным курсом систематического использования всех возникающих возможностей в ущерб США, особенно в „третьем мире".

Это, по мнению Бжезинского, и порождает трудности в отношениях между двумя странами. Он подтвердил, что президент действительно так оценивает наш подход к отношениям с США, если говорить откровенно.

Я сказал ему, что могу лишь выразить удивление по поводу таких ошибочных и предвзятых представлений в администрации в отношении внешнеполитических подходов советского руководства. Москва хочет хороших отношений с США. Это реальный факт. Однако в Вашингтоне часто не желают считаться с объективными событиями в мире, если они не укладываются в американские оценки. Привел ряд примеров, когда мы совсем не были инициаторами или активными участниками событий, на которые он ссылался.

Бжезинский особенно не спорил, но было видно, что его высказывания во многом отражают и направляют ход мыслей в Белом доме. Что касается изложенных им внутренних течений в самой администрации, то тут он говорил с явным знанием положения вещей.

В целом откровенная беседа с помощником президента предвосхищала не очень радужную картину наших отношений с администрацией Картера в 1980 году. Одновременно она показала, что расхождения в понимании самого существа процесса разрядки у обеих сторон продолжают усиливаться, а это не сулило ничего хорошего. Каждая сторона считала, что права она.

В Тегеране захвачены американские заложники

В начале ноября сторонники Хомейни захватили посольство США в Тегеране и находившихся там 60 американских сотрудников и тем самым вовлекли администрацию во внешнеполитический кризис, превосходивший по глубине все те острые события, с которыми Картер сталкивался за три года президентства. Угроза физической расправы нависла над жизнью заложников. А американская общественность весьма чувствительно воспринимает любое посягательство на жизнь соотечественников. Президент прекрасно знал это, поэтому первые два дня проводил буквально непрерывные совещания в поисках выхода из кризиса и освобождения заложников. Однако никакого реального выхода найти не удавалось. „Мы верим, -заявил мне Вэнс в беседе, - что фанатики, захватившие американских дипломатов, могут их убить, хотя некоторые безответственные противники президента от республиканской партии начинают критиковать его за то, что он не принимает „решительных мер".

Через некоторое время вице-президент Мондейл с тревогой сказал мне, что за три года пребывания у власти Картер не сталкивался еще с такой тяжелой кризисной ситуацией, как захват американских дипломатов в Тегеране. Главное, что угнетает президента, - это чувство беспомощности и неопределенности перед лицом вполне реальной угрозы убийства сотрудников посольства. В то же время Белый дом завален требованиями предпринять решительные действия. Картер в конечном счете должен на что-то решиться, если надеется быть переизбранным. Однако такое решение не

должно при этом обернуться для него политическим бумерангом. Вообще, по признанию Мондейла, Картер заметно сдал за последние дни, а за три года пребывания в Белом доме он вообще постарел лет на десять.

Тем временем воинствующие круги в США усилили шумную кампанию в поддержку крупных военных операций против Ирана. В Москве забеспокоились. В соответствии с поручением, я посетил Бжезинского и сказал, что если США действительно собираются пойти на какое-то военное вмешательство в Иране, в соседней нам стране, то советская сторона, безусловно, не останется безразличной к этому и должна будет принять соответствующие меры.

Бжезинский сказал, что, хотя они обсуждали разные возможности, у них нет каких-либо планов военного вторжения в Иран. Вечером то же самое сказал мне и Вэнс. Он подчеркнул, что США не собираются прибегать к военным действиям, так как это неминуемо поставило бы под угрозу жизнь заложников.

В начале декабря Бжезинский просил передать в Москву, что президент ценит поддержку, оказанную Советским Союзом в ООН при обсуждении вопроса об освобождении заложников в Тегеране. Президент также с удовлетворением получил доверительное сообщение, что СССР обратился по дипломатическим каналам к иранскому руководству с советом избегать дальнейшего обострения обстановки и освободить американских заложников.

Беседую с Вэнсом и Бжезинским о перспективах на 1980 год

В конце ноября у меня состоялся разговор с Вэнсом о том, как Картер намерен строить свою предвыборную борьбу применительно к советско-американским отношениям. Суть высказываний Вэнса сводилась к следующему: стратегия Картера будет определяться позицией „центра" (в американском понимании). Он будет проводить сбалансированную линию - он за улучшение этих отношений и за ратификацию договора об ОСВ-2, но одновременно (подыгрывая консервативным кругам) будет ратовать и за дальнейшее увеличение военных расходов.

Когда я обратил внимание Вэнса на явную противоречивость такого курса, который пытается совместить несовместимое, Вэнс ограничился замечанием, что Картер считает, что именно такой подход отвечает настроениям в стране и дает надежду на успешную кампанию.

В рабочем порядке мы с Вэнсом провели подробную „инвентаризацию" позиций обеих сторон по разоруженческим вопросам накануне нового года. Каких-либо новых позиций не предвиделось.

В ходе еще одной встречи, уже с Бжезинским, мы специально обсудили наши отношения с перспективой на 1980 год. Беседа проходила за завтраком в его кабинете в Белом доме.

Ключевой фактор, начал Бжезинский, - это ратификация договора об ОСВ-2. После ратификации можно было бы перейти к предварительному обсуждению на двусторонней основе как вопросов ОСВ-3, так и в известной степени вопроса о контроле над размещением ядерных средств средней дальности в Европе. Такое обсуждение можно было бы предварительно провести с ним, прежде чем передавать эти вопросы на рассмотрение официальных дипломатических ведомств. Таково мнение и президента

Картера, добавил он. (Таким образом, Бжезинский впервые заявил о своем намерении активно взять на себя часть прямых переговоров с Москвой в рамках конфиденциального канала; это было нечто новое.)

После ратификации договора об ОСВ-2, продолжал Бжезинский, президент с удовольствием принял бы в Вашингтоне Брежнева летом или осенью 1980 года. На их встрече могло быть проведено уточнение круга вопросов переговоров по ОСВ-3.

Встрече на высшем уровне мог бы предшествовать (или после нее) обмен визитами по военной линии: на уровне министров или начальников штабов.

В целом Бжезинский, по существу, излагал возможный сценарий развития наших отношений в 1980 году с явным учетом президентской избирательной кампании. Белый дом исходил из того, что противником Картера, скорее всего, будет Рейган.

Тем временем правительство США продолжало наращивать гонку вооружений. 12 декабря президент Картер изложил основы пятилетней американской военной программы и объявил об увеличении военных расходов США на 1981 финансовый год и на последующие годы. Картер сообщил, что военные расходы в 1981 финансовом году превысят 157 млрд. долларов. Это почти на 20 млрд. долларов больше военных ассигнований, запрошенных первоначально администрацией на 1980 год. Политика с позиции силы продолжала оставаться ядром его внешней политики.

5. АФГАНИСТАН

В течение длительного времени Афганистан обходили большие события международных отношений. Он сохранял ровные отношения и с США, и с Советским Союзом, которые вполне удовлетворялись его статусом нейтральной страны.

Король Афганистана бывал в СССР на отдыхе, время от времени встречался как с советскими, так и с западными руководителями. Каких-либо серьезных споров или разногласий с ним не было: все уважали его политику неприсоединения. Афганский отдел считался в советской дипломатической службе одним из самых спокойных.

Однако после свержения короля и серии переворотов в Кабуле, в которых приняли участие различные конфликтующие силы, положение резко изменилось. В события стали вовлекаться США и особенно СССР. Последний переворот 27 декабря 1979 года и свержение Амина проходили уже при поддержке и прямом участии советских спецслужб. Они вообще сыграли немалую роль в вовлечении Москвы в Афганистане.

Небезынтересно отметить, что первоначально советское руководство негативно относилось к такому вовлечению. 17 марта 1979 года Политбюро единогласно отказалось удовлетворить просьбу о вводе советских войск в Афганистан. С такой просьбой обратился Тараки, лидер тогдашнего

режима, который причислял себя к марксистам и в целом снискал себе симпатию со стороны ряда советских идеологов, прежде всего Суслова и Пономарева. И все же Политбюро отклонило его обращение, считая, что ввод войск будет иметь серьезные международные последствия, сорвет намечавшуюся встречу Брежнева с Картером в Вене, отбросит назад переговоры по разоружению, усилит рецидив „холодной войны". Именно в таком духе выступали тогда Громыко и Андропов. Брежнев их поддержал, (правда, было решено одновременно увеличить поставки оружия режиму Тараки). Этот эпизод заслуживает упоминания, поскольку с самого начала в официальном Вашингтоне упорно связывали ввод советских войск в Афганистан с некими давними далеко идущими „геостратегическими экспансионистскими замыслами" Москвы.

Однако в течение 1979 года в Кремле стала происходить трансформация взглядов на этот счет. Тут сыграл свою роль ряд факторов. Захват власти в середине года Амином (которого наши спецслужбы подозревали в связях с американцами) привел к росту опасений в Москве насчет возможной замены просоветского режима в Кабуле проамериканским. Эти опасения подогревались сообщениями о вводе осенью 1979 года американских военных кораблей в Персидский залив и о подготовке возможного вторжения США в Иран, что сильно изменило бы военно-стратегическую ситуацию в этом районе в ущерб интересам СССР. А как раз к этому моменту - так получилось - отношения СССР с США и НАТО заметно обострились, в частности из-за решения НАТО разместить в Европе американские ракеты средней дальности. Короче, в Москве быстро набирали силу голоса тех, кто выступал за то, чтобы не допустить „потерю" Афганистана, переход его в сферу американского влияния.

В своем выступлении на Политбюро 20 сентября Брежнев заявил, что внутренние события в Афганистане, борьба Амина с Тараки и нестабильность в стране развиваются настолько стремительно, что практически было мало возможностей как-то влиять отсюда, из Москвы, на дела в Афганистане. „Теперь наша задача определить, каким образом действовать дальше, чтобы сохранить позиции в Афганистане и укрепить там наше влияние". Однако события продолжали выходить из-под контроля.

В начале декабря Андропов пишет сугубо личную записку Брежневу. В ней он с тревогой предсказывает (после убийства в сентябре Тараки и прихода к власти Амина) быстрое развитие неблагоприятных для нас событий в Афганистане и потерю наших позиций там под напором оппозиционных сил, если мы прямо не вмешаемся. В противном случае образовавшийся вакуум в Афганистане неизбежно будет заполнен Соединенными Штатами, подчеркивал руководитель КГБ.

12 декабря 1979 года на узком заседании Политбюро было принято решение о вводе советских войск в Афганистан. Инициаторами этого решения были Андропов, Устинов и Громыко. Брежнев одобрил его и перечень практических мер*.

27 декабря Амин был свергнут, его убили в перестрелке. Править в Кабуле поставили Кармаля. Одновременно начался массовый ввод советских

Соответствующее постановление Политбюро от 12 декабря было первоначально завизировано только этой тройкой. Через несколько дней оно было завизировано как уже расширенное постановление от 26 декабря также Пельше, Сусловым, Гришиным, Кириленко, Черненко, Тихоновым, Щербицким.

войск. Их численность была определена решением Политбюро от 2 января в 50 тыс. человек. Они расположились гарнизонами в ключевых районах страны. Повседневное руководство всеми советскими действиями в Афганистане было поручено той же „афганской тройке" (она стала называться комиссией Политбюро). Так, ни с кем не советуясь и никого не информируя (даже Верховный Совет СССР), узкий круг лиц в Политбюро поставил страну перед свершившимся фактом.

Чем конкретно руководствовались люди в Кремле, принимая такое ответственное решение? Тут не было, как утверждали наиболее ярые противники СССР в США и в самом Белом доме, какого-то грандиозного стратегического плана с целью овладеть новым плацдармом на путях к нефтяным богатствам Ближнего Востока и получить глобальное преимущество над США (если бы такой план был, то советские руководители, несомненно, с гораздо большим вниманием отнеслись бы тогда к возможной реакции Вашингтона, приняв какие-либо дополнительные предупредительные меры). Насчет такого „стратегического плана" нет никаких документальных доказательств в советских архивах. Не слышал и я об этом, когда был послом, от кого-либо в Москве. На заседании Политбюро 20 января было принято даже решение о том, что, несмотря на крайне враждебную позицию администрации Картера, надо исходить „из нецелесообразности осложнять весь комплекс многоплановых отношений СССР и США". Вот какие еще иллюзии были у советских руководителей!

Фактически это была локальная - хотя и чрезмерная - реакция на ситуацию, которая могла угрожать безопасности южных границ СССР ввиду нестабильности в Афганистане и в соседнем Иране, и в свете этого стремление подкрепить в Кабуле просоветский режим в противовес исламскому фундаментализму, который мог перекинуться в советские республики Средней Азии. Играла тут свою роль и пресловутая концепция об „интернациональном долге", обязывающем оказать помощь „демократическому Афганистану". Но этот старый коминтерновский лозунг закончил наконец свое существование после Афганистана.

Характерно, что Генеральный штаб Советской Армии и бывавшие в Афганистане советские военные решительно возражали против ввода войск, доказывая опасность и нецелесообразность втягивания советских регулярных войск в затяжную гражданскую войну в Афганистане в трудных условиях гористой местности. Высшие чины генералитета - Огарков, Ахромеев, Варенников - даже обратились с необычным коллективным рапортом по этому поводу к министру обороны Устинову. В ответ они услышали раздраженный окрик: „Не рассуждать. Выполняйте решение Политбюро".

В целом ввод войск в Афганистан не был четко осознанным выбором кремлевского руководства между экспансионизмом и политикой разрядки. В тот момент оно просто не считало, что стоит перед таким выбором. Однако в конкретном историческом плане оказалось, что именно так обстоит дело.

Показателен и следующий эпизод. В то время я находился в госпитале в Москве и ничего не знал о принятых решениях по Афганистану. Через неделю после ввода войск я выписался из госпиталя. Перед возвращением в Вашингтон я был на приеме у Брежнева, которому высказал свои опасения по поводу серьезного влияния этих событий на наши отношения с США. Однако он был настроен оптимистически, заверив, что „вся эта операция закончится через 3-4 недели". Никто из советских лидеров не предполагал,

что война против небольшого соседнего государства затянется почти на десять лет и советскому народу придется дорого заплатить за эту авантюру*. Все это время Политбюро постоянно вмешивалось в дела кабульского режима, безуспешно пытаясь примирить постоянно враждующие между собой фракции перед лицом быстро нараставшего национального сопротивления в стране.

Мне надолго запомнилась сцена, когда, убедившись через несколько лет в бездарности режима Кармаля, Горбачев принял (уже в период президентства Рейгана) решение заменить его „сильным человеком" - Наджибуллой, которого настойчиво рекомендовали советники из КГБ.

Кармаль был вызван к Горбачеву в его кабинет в ЦК КПСС на Старой площади. Так получилось, что я был единственным свидетелем их встречи (в качестве секретаря ЦК партии по международным вопросам). Горбачев без особых церемоний заявил Кармалю, что ему следует уступить свой пост Наджибулле, а самому лучше, видимо, поселиться в Москве, где уже жила его семья, после передачи дел новому афганскому правителю.

Кармаль был ошарашен. Он унизительно упрашивал Горбачева пересмотреть это решение, обещал „исправить и активизировать" свою деятельность на посту главы государства. Однако Горбачев был неумолим, так как считал, что Кармаль не способен больше найти выход из афганского тупика, куда мы сами же себя завели. Вся эта сцена в кабинете Горбачева оставила тягостное впечатление.

Надо сказать, что Горбачев довольно скоро после своего прихода к власти стал высказываться в пользу ухода наших войск из Афганистана. Политбюро уже в конце 1985 года поставило своей целью ускорить вывод советских войск из Афганистана и в то же время сохранить дружественный режим. Однако, несмотря на свое личное неприятие афганской авантюры, Горбачев несколько лет не решался публично сказать народу всю правду или принять энергичные шаги, чтобы прекратить эту авантюру, хотя исподволь и вел дело к этому. Вопрос этот все чаще обсуждался на заседании Политбюро. Но дело во многом упиралось в отсутствие окончательного решения относительно сроков, условий и порядка вывода наших войск. К тому же в руководстве шла непростая дискуссия: каким мы хотим оставить Афганистан после нашего ухода? Был большой разброс мнений, благих намерений, но не всегда реалистичных. Наконец было принято негласное решение о выводе всех советских войск к 15 февраля 1989 года**. После этого события в Афганистане стали развиваться по собственному, не зависящему от нас сценарию.

Состоявшийся в декабре 1989 года II съезд народных депутатов СССР осудил прежнее решение о вводе советских войск в Афганистан, указав, что оно было принято в нарушение Конституции СССР узким кругом лиц -Брежневым, Устиновым, Андроповым, Громыко.

К середине июня 1980 года в Афганистане находилось 80 тыс. солдат и офицеров, 800 танков, 1200 боевых машин пехоты, 1600 бронетранспортеров, 1200 орудий и минометов, 290 самолетов и вертолетов (из докладной записки Устинова на имя Брежнева).

[5] Этот срок вывода был затем через некоторое время официально зафиксирован Женевским соглашением (апрель 1988 г.) между Афганистаном и Пакистаном под эгидой ООН и при участии СССР и США. Было выведено около 100 тыс. солдат, которые составляли контингент советских войск к концу девятилетней войны в Афганистане. Всего через войну в Афганистане прошло 620 тыс. советских военнослужащих (из них 14,5 тыс. было убито; 53,7 тыс. - ранено).

Таким бесславным провалом закончилась афганская трагедия, которая оставила глубокий след в памяти нашего народа.

История безоговорочно осудила ввод советских войск в Афганистан.

Однако ретроспективный анализ советско-американских отношений того периода, особенно начала 1980 года, представляет определенный интерес с точки зрения познания характера отношений, поведения американской стороны в связи с афганскими событиями. Дело тут обстояло не так уж просто. У исследователей этого периода возникают, например, такие вопросы: не была ли реакция администрации Картера чрезмерно эмоциональной и неадекватной по своим масштабам, если соотнести все это с собственными действиями США, например, с интервенциями во Вьетнаме*, или в Доминиканской республике, или в Гренаде в 1983 году. Нет ли тут двойных стандартов? Конечно, все это никак не снижает аморальности действий тогдашних советских руководителей. Однако до какой степени временный ввод советских войск в далеком Афганистане затрагивал действительные национальные интересы США? Оправдана ли была такая бурная реакция, которая ставила советско-американские отношения на грань полного возврата к „холодной войне"? Ведь Кремль не отменил, например, визит Никсона в Москву в 1972 году, когда он начал бомбить Ханой, и вообще не сделал американскую интервенцию во Вьетнаме пробным камнем советско-американских отношений.

Интересно, что администрация Рейгана, несмотря на всю ее конфрон-тационность, не повторяла крайних позиций и заявлений Картера, утверждавшего, что присутствие советских войск в Афганистане неприемлемо для США и что их вывод является предварительным условием возобновления ряда прерванных переговоров по контролю над вооружениями, а также по широкому кругу вопросов советско-американских отношений.

На поставленные вопросы нет легких и простых ответов. И высказаны они тут, повторяю, не для того, чтобы преуменьшить ответственность правительства СССР. Отнюдь нет. Необходимо, однако, объективно извлечь правильные выводы и уроки из допущенных в прошлом обеими сторонами ошибок и упущенных возможностей.

Показательно и даже трагично, что после вывода советских войск, а затем и окончания „холодной войны" и Москва, и Вашингтон потеряли, по существу, интерес к событиям в Афганистане, поскольку он перестал быть для них „яблоком раздора". О нем стали „забывать", переключив внимание на другие горячие точки. А ведь долгую советско-американскую конфронтацию из-за Афганистана было бы только справедливо заменить активным российско-американским сотрудничеством и взаимодействием по установлению мира и стабильности в этой разоренной войной стране.

Итак, советская интервенция в Афганистане в декабре 1979 года и резкая ответная реакция США явились, без сомнения, переломным моментом в советско-американских отношениях, своего рода рубежом, разделившим десятилетие разрядки при Никсоне-Форде и годы конфронтации при Рейгане (включая последний год правления Картера). Правда, Москва

В пик американской интервенции во Вьетнаме там находилось в пять раз больше американских войск, чем советских в Афганистане.

безуспешно пыталась еще как-то удержать „на плаву" остатки политики разрядки, исходя из убеждения, что необходимо и возможно отделять региональные конфликты от центральных вопросов отношений с США. Однако окружение Картера в Белом доме во главе с Бжезинским получило редкую возможность окончательно убедить президента принять их точку зрения о том, что Советский Союз представлял собой глобальную угрозу для США, хотя госсекретарь Вэнс, судя по его мемуарам, и допускал возможность локальных мотивов в решении Москвы ввести советские войска в Афганистан.

Эта глубоко ошибочная советская акция, вызвавшая протесты во всем мире, предоставила правым силам в США хороший политический предлог для нового крупного витка гонки вооружений и дальнейших атак на политику разрядки.

Советская внешняя политика в этот период оказалась, по существу, в глухой обороне, стремясь уменьшить и нейтрализовать отрицательные последствия международных событий вокруг Афганистана.

Но вернемся к хронологии событий в наших отношениях с администрацией Картера после ввода войск.

28 декабря 1979 года Картер в послании Брежневу предупреждал о серьезных последствиях, если он не отзовет войска. В своей речи в тот же день президент заявил, что советская интервенция в Афганистане является серьезной угрозой миру и международной стабильности.

Вечером Брежнев и Картер использовали горячую линию Вашингтон-Москва. Брежнев говорил о временном характере советской акции, но одновременно информировал о том, что „ограниченный контингент" советских войск „остается в Афганистане до выполнения им своих задач".

31 декабря Картер обвинил Брежнева в том, что он не излагает точно фактов, когда утверждает, что Советский Союз действовал „по приглашению афганского правительства".

Советское руководство в первый период явно недооценивало всех негативных последствий своего шага. А Картер, по свидетельству ряда современников, в этом вопросе отдался полностью во власть антисоветских эмоций. Новый, 1980 год начинался с резкого обострения советско-американских отношений без надежды на их улучшение. Период разрядки захлебнулся. „Холодная война" возрождалась и разгоралась с новой силой.

6. 1980 ГОД: СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОНФРОНТАЦИЯ ОБОСТРЯЕТСЯ

В 1980 году администрация Картера пошла на резкое обострение конфронтации с СССР, что отразилось на всех сферах советско-американских отношений и общей международной обстановке.

Этот поворот в политике США вызревал на протяжении нескольких лет, в течение которых элементы сотрудничества и переговоров, являвшиеся основой политики советско-американской разрядки, постепенно оттеснялись и игнорировались.

Президентская предвыборная кампания послужила катализатором негативных тенденций в отношениях между нашими странами. Оппозиционная республиканская партия, к руководству которой уверенно шел Рейган, выступала с резкой критикой Картера и его администрации за „мягкость" в отношениях с СССР и „пренебрежение" задачей укрепления американской военной мощи „перед лицом растущей советской военной угрозы". Чтобы не показаться „мягкотелой", администрация Картера все больше склонялась вправо в отношениях с СССР.

Осуществленная Картером серия акций весьма отрицательно повлияла на весь комплекс советско-американских отношений в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной и других областях. Наиболее важным было его решение отложить на неопределенный срок рассмотрение в сенате вопроса о ратификации договора об ОСВ-2, хотя в этом договоре США были заинтересованы не меньше, чем Советский Союз. Упорство обеих сторон вокруг афганского вопроса способствовало разжиганию новой „холодной войны".

Резко возросли военные расходы обеих сторон. Администрация дважды увеличивала свой бюджетный запрос. В итоге прямые военные расходы США на 1981 год были запланированы на уровне 159 млрд. долларов. Это был беспрецедентный скачок в гонке вооружений в мирное время.

В 1980 году произошел заметный поворот в советской внешней политике: приоритетными стали отношения СССР с Западной Европой, а советско-американские отношения стали отходить на второй план. Не случайно Картер в середине года счел необходимым предупредить своих европейских союзников против „ложных надежд на разрядку", пока советские войска находятся в Афганистане.

В течение года росло влияние Бжезинского на президента Картера. В соперничестве с ним госсекретарь Вэнс фактически потерпел поражение. В апреле 1980 года, не сумев убедить президента отказаться от провалившейся затем военно-диверсионной операции против Ирана, Вэнс ушел в отставку. Он пошел на шаг, который не предпринимали госсекретари США на протяжении последних 60 лет.

Внутриполитическое положение в США заметно осложнилось. Страна вступила в стадию очередного экономического спада в условиях высокой инфляции, массовой безработицы, энергетического кризиса и углубления других хронических социальных проблем. Неблагоприятно складывались дела и во внешнеэкономической области. Все попытки администрации Картера выправить экономическое положение страны оказались безрезультатными.

Все это, равно как и падение популярности самого Картера (в частности, из-за „бессилия" в деле освобождения американских заложников в Тегеране), определило, в конечном счете, крупное поражение президента и Демократической партии на выборах 4 ноября 1980 года. В итоге впервые почти за сто лет Белый дом покидал президент-демократ, пробывший там всего один срок. Демократы также впервые за последние 26 лет утратили большинство в сенате, а в палате представителей их серьезно потеснили республиканцы.

ДЖ.КАРТЕР:
КОНЕЦ ПРОЦЕССА РАЗРЯДКИ .

Афганистан: истерия в США нагнетается

Главным идеологом в антисоветских действиях Белого дома в связи с Афганистаном был Бжезинский. Из рассекреченных недавно в США документов Совета национальной безопасности видно, что в первые же дни он убедил Картера в том, что СССР формирует в этом важном регионе антиамериканскую „ось" в составе: СССР, Индия и Афганистан и что Вашингтону надо в этой связи срочно думать о создании антисоветской „оси" - США, Пакистан, Китай, Саудовская Аравия и Иран после примирения с ним (ни о каких подобных фантастических „осях" тогда, разумеется, и не думали).

Новый год начался с драматического телевизионного выступления 4 января президента Картера в связи с событиями в Афганистане. „В связи с советским вторжением, - заявил он, в частности, - я обратился к сенату США с просьбой отложить дальнейшее рассмотрение договора об ОСВ-2... Русские не должны недооценивать нашу решимость. Мы отложим открытие американских и советских консульств; большинство культурных и экономических обменов будет также отложено. Торговля с Советским Союзом будет строго ограничена". Далее он назвал еще ряд конкретных санкций в этом же направлении. Он заявил также, что США вместе с другими странами поставят военное снаряжение, продовольствие и другую помощь Пакистану, чтобы „он мог защитить свою самостоятельность и национальную безопасность от угроз с севера. США готовы оказать такую же помощь и другим странам в этом регионе".

Одновременно Картер посылает министра обороны Брауна в Пекин (5-9 января) для обсуждения возможных мер в связи с афганскими событиями и усиления американо-китайского стратегического взаимодействия. Была достигнута договоренность „о сепаратных, но взаимно усиливающихся действиях" против СССР в Афганистане.

В выступлении 12 января и в интервью „Правде" 13 января Брежнев подверг критике выступление Картера, сделав особый упор на его решении отложить ратификацию договора об ОСВ-2.

20 января я вернулся в Вашингтон из Москвы. Советское руководство, естественно, было возмущено „чрезмерными" действиями Картера. Даже Брежнев, который после встречи в Вене был неплохо настроен в отношении него, в беседе со мной ругал Картера самыми последними словами. Он считал нашу акцию в Афганистане оправданной и не желал считаться с международной реакцией на это вторжение. Лишь Громыко немногословно и осторожно напутствовал меня: посмотрите, что можно сделать, чтобы наши отношения с Америкой совсем не развалились. Картер, добавил он, действует сейчас как рассерженный слон в посудной лавке.

Хотя я и был приучен к разным антисоветским акциям США, но по возвращении в Вашингтон был удивлен небывалым размахом разнузданной кампании. Особенно бросалась в глаза в этой антисоветской вакханалии одержимость президента. Сторонники развития отношений с СССР совсем приумолкли. В вашингтонских политических кругах, утверждали, будто СССР своим вторжением в Афганистан начал осуществлять некий широкий стратегический план против Америки, выходящий за рамки одного Афганистана. Геостратегические концепции - в основном Бжезинского - явно довлели в Вашингтоне над другими политическими и дипломатическими соображениями.

22 января я встретился с Вэнсом по его просьбе для „откровенного разговора" один на один. Госсекретарь был заметно возбужден и предельно откровенен.

Он выразил сожаление, что в советско-американских отношениях наступили „плохие времена". Если говорить откровенно, сказал Вэнс, то он всегда был одним из тех немногих в администрации, кто понимал важность этих отношений, и всегда стремился оберегать их от „разных экстремистов, которых, к сожалению, совсем немало в Вашингтоне". События вокруг Афганистана, случившиеся к тому же в худший - с внутриполитической точки зрения - предвыборный период, нанесли очень тяжелый удар по советско-американским отношениям и по политикам в США, кто последовательно их защищал.

Госсекретарь подчеркнул, что считает весьма важным не допустить полного разрыва взаимоотношений между СССР и США, особенно в предвыборной горячке. Нужно сохранить какой-то мост в наших отношениях в этот трудный период, пока положение не стабилизируется, отметил он. Таким мостом могли бы остаться сфера переговоров по вопросам, касающимся контроля над вооружениями, за исключением переговоров по Индийскому океану, которые сейчас не могут иметь место по „понятным причинам".

Я сказал Вэнсу, что разделяю его мнение о том, что наши отношения, к сожалению, сейчас находятся на низшей точке. Видимо, затевать в данный момент спор о том, кто больше виноват в этом, не имеет смысла. Надо совместно искать выход.

Вэнс затем перешел к вопросу, который, судя по всему, его особо интересовал. После некоторой паузы он спросил, могут ли они исходить из того, что СССР действительно не имеет планов нападения в дальнейшем на Иран или Пакистан, что могло бы, как и возможное нападение на Югославию, особенно в случае смерти Тито, поставить отношения между СССР и США на грань катастрофы. Он тут же оговорился, что сами США до последнего времени не верили в наличие таких намерений у правительства СССР. Однако ввод советских войск в Афганистан, в страну, не входящую в Варшавский Договор, сильно поколебал в администрации прежнюю уверенность в том, что у Москвы нет таких намерений.

Чувствовалось, что теория „дуги кризисов", выдвинутая Бжезинским, владела умами в администрации Картера. Даже Вэнс на какой-то момент, видимо, поддался ее влиянию.

Я прямо сказал Вэнсу, что могу сразу официально заверить, что у СССР нет никаких экспансионистских планов в отношении Пакистана, Ирана и других стран этого региона.

„Это относится и к Югославии?" - спросил Вэнс. Я твердо ответил, что у нас нет таких планов и в отношении Югославии. Добавил, что я только что вернулся из Москвы и могу со знанием дела и ответственно говорить по этому поводу.

Вэнс с заметным облегчением заметил, что для наших двух стран очень важно иметь ясное „взаимопонимание" по указанным вопросам. Чувствовалось, что он придавал всему этому большое значение. Из беседы с госсекретарем у меня создалось впечатление, что весь этот разговор был, скорее, его инициативой, а не президента. Вэнс стремился как-то предотвратить полный развал советско-американских отношений под влиянием эмоциональной атмосферы в Белом доме. И видимо, Вэнсу стоило немало трудов получить санкцию Картера на такой разговор со мной. В то же время самого

Картера, конечно же, интересовали наши намерения в отношении Пакистана, Ирана, а также Югославии. Как-никак, он, видимо, верил в „грандиозные советские замыслы".

„Доктрина Картера"

23 января Картер выступил с ежегодным посланием „О положении страны" на заседании конгресса, сосредоточив основное внимание на событиях вокруг Афганистана и курсе администрации в этой связи. Он оправдывал политику санкций в отношении Советского Союза; подтверждал свое намерение наращивать военную мощь США и их союзников; проводить активную дипломатию, чтобы „заставить любого агрессора заплатить дорогую цену за свои действия".

В послании Картер сделал также заявление, которое потом получило название „доктрины Картера", по поводу „рамок региональной безопасности". Он объявил: „Любая попытка внешних сил установить контроль в Персидском заливе будет рассматриваться как посягательство на важные интересы США, и такое посягательство будет отражено путем использования всех необходимых средств, включая военную силу". Эти формулировки Картера-Бжезинского фактически следовали образцу известной доктрины Трумэна 1947 года. Провозглашение „доктрины Картера" знаменовало собой, по существу, поворот мышления самого президента в пользу военной силы как главного элемента в отношениях с Советским Союзом.

Такая радикальная реакция администрации на события в Афганистане вызвала совершенно противоположную реакцию в Москве. Советские руководители были уверены, что Афганистан не является жизненно важным районом для США. И тем не менее реакция администрации была такова, как если бы в Вашингтоне именно так рассматривали Афганистан. Поскольку советское руководство в своих расчетах исходило из того, что оно не собирается угрожать важнейшим интересам США в районе Персидского залива, оно не склонно было серьезно воспринимать все объяснения администрации в оправдание „доктрины Картера" или антисоветских санкций. Больше того, оно считало их в значительной степени надуманными.

В Москве - я могу это засвидетельствовать - были убеждены, что афганские события (имеющие, по ее мнению, ограниченный, локальный характер) служили лишь удобным предлогом для Вашингтона, чтобы возобновить масштабную гонку вооружений, усилить американские позиции в Персидском заливе и на Ближнем Востоке, начать общее антисоветское наступление. А это грозило окончательно разрушить процесс разрядки.

Никто никому не верил. Брежнев и его коллеги считали, что в формуле „сотрудничество или конфронтация" Картер умышленно сделал свой выбор в пользу последней. Сам же Картер был убежден, что вторжение в Афганистан и конфронтация - это осознанный выбор Москвы.

Громыко отклоняет предложение Вэнса о встрече

Вэнс хотя и осуждал вторжение в Афганистан, но все же явно стремился найти пути к ослаблению напряженности. В беседе со мной 2 февраля он поднял вопрос о возможной встрече министров иностранных дел обеих стран

в ближайшее время. Я лично, сказал Вэнс, очень боюсь за будущее наших отношений. Вот почему считаю свою встречу с Громыко не только полезной, но и желательной. При этом упор должен быть сделан не на взаимные обвинения, а на перспективы решения проблем.

Я в принципе согласился с подходом Вэнса. Ведь под лежачий камень, как говорится, и вода не течет.

Вэнс просил информировать Москву о сделанном им предложении и срочно сообщить ответ. Однако через час он позвонил мне и сказал, что только что разговаривал' с президентом, который находился в Кэмп-Дэвиде. Последний выразил желание еще раз обсудить этот вопрос о встрече министров. Вэнс попросил не сообщать пока в Москву о сделанном им предложении. Короче, госсекретаря осадили.

Но он не отказывался от намерения продвинуть свою идею о встрече двух министров. Спустя неделю, 8 февраля, он сказал, что президент в принципе одобрил эту идею.

Вэнс передал мне личное письмо для Громыко, выразив надежду, что обмен письмами создаст необходимые предпосылки для их встречи в марте. Он, конечно, не знает, насколько успешной будет встреча с Громыко, но это - по его глубокому убеждению - единственный путь, который может привести „к спасению" советско-американских отношений. Президент Картер, по его словам, склоняется к этому же.

В сугубо доверительной форме он сказал, что согласен с Громыко, заявившим послу США в Москве, что Амин был негодяй, но он не был американским агентом. В этом он может - неофициально - дать мне слово.

В нашей беседе был затронут и китайский вопрос. В Москве, сказал Вэнс, в свете последнего решения администрации поставить китайцам некоторое военное оборудование „несмертоносного" характера (грузовики, станция приема передач с американских спутников и т. п.), видимо, пришли к выводу, что США отошли от своей ранее провозглашенной позиции „равноудаленности" от СССР и Китая в вопросе о военных поставках.

„Разве такой вывод неверен?" - спросил я и сослался на визит в Китай министра обороны Брауна.

Нет, в данном конкретном случае вывод правилен, признал госсекретарь. Соответствующее решение о поставках перечисленного оборудования было принято президентом в значительной степени под влиянием эмоций из-за афганских событий, хотя в администрации, как можно догадаться, сторонники такого решения имелись и до этих событий.

Согласившись далее с тем, что эмоции - плохой советчик в политике, Вэнс признал, что, к сожалению, ныне китайский фактор постоянно присутствует в разработках политики администрации в отношении СССР. Он утверждал, что сам не очень доверяет китайцам, которые ведут собственную игру. Вначале им было удобно идти вместе с СССР. Теперь - с США, чтобы модернизировать свою экономику. А затем они будут делать то, что нужно им, а не США или СССР.

Я, продолжал Вэнс, постоянно говорю об этом президенту. Он соглашается со мной, когда размышляет спокойно. Однако эмоции и советы других помощников, особенно в момент ухудшения советско-американских отношений, порождают у него колебания и побуждают уступать эмоциям.

Вэнс особо подчеркнул, что, пока он госсекретарь, Америка не будет поставлять оружие китайцам, которое можно было бы использовать против СССР. Его можно было понять и так, что на данном этапе он пользуется пока какой-то поддержкой президента в этом вопросе.

Однако военные и политические связи между США и Китаем продолжали активно развиваться в течение всего 1980 года (к тому времени и Вэнс ушел в отставку). Администрация (особенно Бжезинский) обсуждала с китайцами разные аспекты реакции на советское вторжение в Афганистан. В марте 1980 года США и Китай договорились „о взаимно усиливающихся действиях" против СССР в Афганистане. Об объявленной ранее стратегической концепции Картера о „равноудаленности" от СССР и Китая практически ничего не осталось.

Сдвиг Вашингтона в сторону расширения военных контактов с Китаем наносил серьезный удар по политике разрядки и делал советско-американскую конфронтацию более опасной.

Эмоциональное восприятие в Москве действий Картера вокруг Афганистана отразилось в ответном письме Громыко. В нем министр ясно дал понять, что советское руководство не видит сейчас целесообразности во встрече руководителей внешнеполитических ведомств ввиду очевидного намерения администрации выхватить из общего контекста двусторонних отношений лишь одну проблему (Афганистан). Дальнейший выбор пути за США, так заканчивалось письмо Громыко.

Вэнс был заметно обескуражен таким ответом. Ну, что же, будем ждать, куда нас заведут дальнейшие события, сказал он.

Через две недели Вэнс снова пригласил меня. Он сказал, что в течение последних дней несколько раз наедине беседовал с президентом об ухудшении советско-американских отношений. Если это будет продолжаться и дальше, то этим отношениям будет нанесен такой ущерб, что даже во время всего второго срока нахождения у власти Картера уже ничего нельзя будет исправить и весь этот второй срок неизбежно станет периодом конфронтации, а не сотрудничества с СССР.

Таков логический исход расширяющейся пропасти между ним и советским руководством.

Госсекретарь далее отметил, что президент после нескольких дней размышлений пришел сам „к несколько необычному решению, отвечающему, по его мнению, необычной ситуации, сложившейся в отношениях с Москвой". По словам Вэнса, суть этого решения заключается в том, что президент просит Брежнева лично принять его посланца, который привезет с собой конфиденциальное послание. Таким доверенным лицом президента будет Шульман, советник госсекретаря по советско-американским делам. Он мог бы вылететь в ближайшие дни.

Надо сказать, что в беседе со мной на другой день Бжезинский, касаясь вопроса о посылке Картером Шульмана в Москву, заметил, что и он сам был в числе кандидатов, но было решено не делать этого, учитывая „его репутацию в глазах русских".

На вопрос, что нового должен сказать Шульман в Москве, Бжезинский ответил, что речь не идет „о больших сюрпризах", а лишь о поиске точек соприкосновения на ближайший период. Впрочем, добавил он, я не совсем уверен, что Шульман тот человек, который может провести такой важный обмен мнениями, поскольку он „не очень близок к президенту". Чувствовалось, что сам Бжезинский не одобрял эту поездку.

Я также не был уверен в целесообразности подобного шага, ибо о чем конкретно мог договариваться в Москве Шульман, не пользовавшийся большим влиянием в Белом доме, если на самом высоком уровне и на уровне министров был полный тупик?

Так или иначе, затея с миссией Шульмана в Москву оказалась плохо продуманной и она не была осуществлена так, как это было задумано первоначально.

Бжезинский: президент готов начать поиск путей нормализации отношений

Хотя пропагандистская вакханалия вокруг Афганистана продолжалась в США, президент Картер, похоже, понимал, что не в его интересах вести предвыборную кампанию на крикливой антисоветской ноте (эту нишу уже заняли его оппоненты из республиканской партии).

Такой вывод напрашивался после беседы с Бжезинским, который пригласил (8 марта) меня на ужин к себе домой за городом. Он сказал, что президент Картер „в общих чертах" знает, о чем будет идти речь в этот вечер.

Бжезинский заявил, что президент хочет, чтобы отношения между нашими странами выправились. Он опасается, что нынешняя напряженность в этих отношениях может даже усилиться не только в период предвыборной кампании, но и в последующие четыре года, если Картер останется в Белом доме на повторный срок. Более того, негативное состояние наших отношений может перехлестнуть и его четырехлетний период, захватив все 80-е годы. В конце концов, эти отношения должны, конечно, выровняться, ибо США и СССР вряд ли пойдут на прямой военный конфликт, но лет десять они потеряют, затратив к тому же огромные деньги на вооружения. Я согласился с ним в этом.

Бжезинский заявил далее, что президент готов исподволь, еще до окончания предвыборной кампании, начать поиск путей постепенной нормализации отношений. Главное - добиться приемлемого решения афганской проблемы.

Далее в течение двух часов мы обсуждали только эту тему. Бжезинский сказал, что пока высказывает „общие идеи" и не вдается в детали. В целом его высказывания представляли определенный интерес, отражая, видимо, ход мыслей в Белом доме и зондаж возможного компромисса по афганскому вопросу. Не исключено, что это были лишь собственные мысли Бжезин-ского. От госсекретаря Вэнса я их никогда не слышал.

Целям безопасности южных границ СССР, говорил Бжезинский, отвечал бы строгий нейтралитет Афганистана. Однако если Москва стремится создать из Афганистана коммунистическое государство и твердо решила сохранить Кармаля, который не пользуется поддержкой населения, то США будут и дальше выступать против этого.

Бжезинский достаточно четко сформулировал позицию администрации: США за нейтральный, дружественный Советскому Союзу Афганистан по типу Финляндии, но они решительно против превращения его во вторую Монголию.

США готовы дать гарантии невмешательства извне в дела Афганистана. Однако они хотели бы знать, в течение какого срока будут выведены

советские войска: месяц, два или речь идет о годах. Почему бы СССР не согласиться на замену своих войск войсками дружественных СССР мусульманских государств типа Алжира, Сирии и т. п. В крайнем случае можно подумать даже о возможности сохранения права какого-то возврата советских войск, если с территории Афганистана будет возникать угроза СССР.

Оглядываясь назад, следует сказать, что высказанные Бжезинским идеи могли бы послужить базой для серьезных переговоров по афганскому урегулированию, если бы тогдашнее советское руководство не поддерживало так упорно режим Кармаля; когда же Горбачев, значительно позже, отказался от него, то было уже поздно вести такого рода переговоры.

Бжезинский высказался также о гарантиях нейтралитета для Ирана и Пакистана. США, сказал он, готовы принять и соблюдать такой статус в виде негласной советско-американской договоренности, если сами эти страны заявят о своем нейтралитете. Однако США не готовы идти на совместные официальные гарантии такого нейтралитета. Во-первых, не следует создавать в мире впечатление о каком-то советско-американском кондоминиуме в этом районе. Во-вторых, такие совместные гарантии, если говорить откровенно, как бы выводят СССР с согласия США на берег Персидского залива, чего не было до сих пор.

Администрация Картера сама не ставила и не ставит вопрос о каких-то советских гарантиях безопасности путей доставки нефти из Персидского залива в западные страны (хотя пресса США и поднимает такой вопрос), продолжал он. Администрация полагается на общую ситуацию и на другие возможности, как, видимо, сделала бы это и сама советская сторона.

В целом в высказываниях моего собеседника по двум последним вопросам сквозило явное нежелание сделать эти вопросы предметом дипломатических переговоров, тем более с привлечением указанных государств, ибо это могло бы затруднить проводимую администрацией линию на наращивание военного присутствия США в Персидском заливе и Индийском океане, сбить антисоветский накал вокруг афганских событий. Бжезинский явно предпочитал конфиденциальный канал, что, в общем-то, было понятно.

Что же касается Китая, то Бжезинский сам признал, что администрация отошла от ранее провозглашенной ею политики „равноудаленности" от СССР и Китая в пользу сближения с Китаем. Мотивировал тем, что администрация, мол, неоднократно обращала внимание Москвы на то, что в США болезненно воспринимают использование кубинцев против американских интересов в различных частях света. Москва, однако, полностью игнорировала эти обращения. Теперь администрация „решила аналогичным образом использовать китайцев".

Сказано все это было Бжезинским прямолинейно и достаточно откровенно. Мне нравилась эта черта его характера, хотя это и не всегда способствовало уравновешенному ходу бесед с ним.

Бжезинский говорил далее о необходимости поддержания контактов и проведения „прямого откровенного диалога" между Картером и советскими руководителями. Вместе с тем он выразил „личное мнение" (в противовес Вэнсу, хотя он и не упоминал его имени), что на данный момент встреча двух министров была бы малорезультативной, ибо нет еще точек соприкосновения в позициях сторон по афганскому вопросу. А неудачи такой встречи допустить никак нельзя. Надо заранее обеспечить „необходимый минимум" успеха.

От этой интересной беседы с Бжезинским у меня сложилось впечатление, что помощник президента рассчитывал оказать давление на нас в

афганских делах. Но в то же время впервые как бы прощупывал возможности урегулирования конфликта (к сожалению, Москва не реагировала на это, ни в чем не веря больше Картеру). Вместе с тем в Белом доме, видимо, начинали опасаться, не перебарщивает ли Картер в своей нынешней антисоветской риторике, которая создает у населения определенную тревогу в отношении конфронтации с СССР. А это было плохо для предвыборной кампании самого Картера. Соответственно заметно стало стремление администрации сохранить контакт и диалог с советским руководством, не рвать, а поддерживать „на плаву" канал связи с Москвой. Этому, судя по всему, администрация и сам президент придавали определенное значение. Не случайно к этому делу подключался то Вэнс, то Бжезинский.

В целом же создавалось довольно странное впечатление от двойственного поведения администрации: в контактах со мной ее представители выступали в роли лиц, озабоченных ухудшением наших отношений; публично же все действия администрации лишь разрывали эти отношения.

Так, Картер официально высказался за бойкот Олимпийских игр в 1980 году в Москве, призвав все американские компании и фирмы воздержаться от участия в делах, связанных с Олимпиадой.

В марте у меня состоялась еще одна продолжительная беседа с Вэнсом. Речь опять шла об ухудшающихся отношениях между США и СССР. В ходе достаточно пессимистических высказываний госсекретарь не скрывал, что у президента сейчас на первом плане явное желание „наказать СССР за Афганистан".

В целом из беседы было видно, что команда Картера-Бжезинского основательно „подрезала крылья" Вэнсу. Сыграли тут и мы свою роль, по существу, заблокировав его предложение о встрече министров. Вэнс говорил уже о более ограниченной цели: встрече министров в мае в Вене во время празднования 25-й годовщины подписания Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии.

Вылетаю в Москву для консультаций

В начале апреля меня вызвали в Москву для консультаций в связи с резким ухудшением советско-американских отношений из-за афганских событий.

В Москве я услышал две разные точки зрения на основной вопрос: почему президент Картер так бурно реагировал на ввод советских войск в Афганистан? Практически все в советском руководстве сходились во мнении, что Афганистан не является страной, жизненно важной для интересов США. Одни (меньшинство) поэтому считали, что сверхреакция США была прежде всего результатом личной „эмоциональной неустойчивости" самого Картера, который, дескать, из-за диссидентов и прав человека в СССР был готов еще до этого пойти на серьезное ухудшение межгосударственных отношений.

Другие (большинство) исходили из того, что в администрации в принципе взяла верх антисоветская линия Бжезинского, противников разрядки, которая и повела за собой президента. Афганистан был лишь удобным предлогом.

Когда я заявил, что в Вашингтоне есть влиятельные и серьезные люди, которые действительно верят в наличие далеко идущих экспансионистских

устремлений Советского Союза в районе Ближнего и Среднего Востока, вплоть до Индийского океана, то этот аргумент был воспринят как надуманный нашими противниками, так как в Москве не было и нет таких планов (в Москве действительно не было подобных замыслов, а раз так - такова была их логика - никто не мог ставить это под сомнение).

После горячего обсуждения в Кремле было решено продолжать добиваться разрядки там, где это можно, особенно на европейском направлении. Одновременно разоблачать курс администрации на подрыв разрядки. Что касается самого Афганистана, то было признано нереалистичным ожидать какой-либо конструктивной роли США в будущем политическом урегулировании в Афганистане, учитывая „нежелание" американского руководства считаться с интересами СССР на его южных границах.

Таким образом сверхъэмоциональная и конфронтационная оценка Вашингтоном советских намерений привела к не менее негативной оценке Москвой намерений США. А это наложило свой конфронтационный отпечаток на наши отношения на весь оставшийся период президентства Картера и даже после него.

Ни в коей степени не оправдывая тогдашнюю интервенционистскую политику советского руководства в Афганистане, надо в то же время признать, что, увязав практически все проблемы отношений с Советским Союзом *с* афганским вопросом, администрация Картера свела всю свою пропаганду и политику в отношении СССР к решению одного лишь этого вопроса, хотя, реально говоря, было трудно ожидать в тот момент скорого вывода советских войск из Афганистана.

Верил ли в возможность такого быстрого решения сам Картер? Я затрудняюсь ответить. Думаю, что, скорее, нет. Но по практическим предвыборным соображениям подобная публичная позиция его вполне, видимо, устраивала.

Усиленные попытки администрации Картера сделать Афганистан главным пробным камнем в отношениях с СССР не встретили фактически поддержки со стороны европейских союзников США. В Европе все меньше проявляли доверия к политическому лидерству Америки. 19 мая французский президент Жискар д'Эстен без всяких консультаций и даже уведомления Вашингтона встретился для бесед с Брежневым в Минске. В конце июня канцлер Шмидт посетил Москву, несмотря на недовольство, выраженное Картером. Начались переговоры на высшем уровне о расширении торговли между СССР, Францией, ФРГ, Италией, а также Японией. Короче, союзники США предпочитали поддерживать политику, разрядки. Озабоченный Картер выступил с новым публичным „предостережением" в адрес своих союзников против „ошибочной веры" в то, что они могут сохранять с СССР нормальные отношения, пока советские войска остаются в Афганистане.

Откровенные беседы с Вэнсом

Вскоре после моего возвращения в Вашингтон Вэнс пригласил меня к себе для неофициальной беседы за чашкой кофе. Естественным было желание госсекретаря узнать о настроениях в Москве от советского посла, который только что вернулся в Вашингтон после консультаций с руководством своей страны. Поэтому Вэнс сразу спросил, какой сейчас

общий настрой в Москве и в стране в целом. Не чувствуется ли рост антиамериканских настроений?

Я ответил, что антиамериканских настроений нет. Но если говорить откровенно, то антикартеровские настроения усиливаются. Сказал далее, что на разных уровнях меня спрашивали, что происходит с Картером и каким он следует курсом в отношениях с СССР. Отмечают, с долей иронии, что всю свою энергию он сейчас направляет на организацию бойкота Олимпийских игр, считая, видимо, это своим приоритетом в международных делах.

Вэнс заметил, что Картер находится сейчас в состоянии повышенной возбудимости и эмоциональной неустойчивости главным образом из-за предвыборной кампании и двух вопросов: американские заложники в Иране и советские войска в Афганистане. Вэнс не стал, однако, как-то защищать или оправдывать своего президента.

Затем, после некоторой паузы, он несколько неожиданно стал говорить о том, насколько предвыборные соображения господствуют в США над всеми другими интересами, насколько политически коррумпирован Вашингтон, где нет настоящих человеческих отношений, а идет постоянное подсиживание друг друга, беспощадная борьба за власть или иллюзию власти.

Для меня все это прозвучало как результат каких-то длительных невеселых раздумий госсекретаря. После паузы Вэнс, глубоко вздохнув, высказал надежду, что он все же встретится с Громыко в середине мая в Вене. Сказано это было им необычным для него тусклым тоном, без выражения каких-либо пожеланий или надежд в связи с этой встречей.

20 апреля я снова встретился с Вэнсом. Я не знал в то время, что Вэнс уже серьезно думал об уходе с поста госсекретаря. В то же время мне было ясно, что в последнее время при каждой нашей с ним встрече он говорил все более и более пессимистично в отношении перспектив советско-американских отношений. Однако он впервые в тот день признал, что США вряд ли ратифицируют договор об ОСВ-2 в этом году. Картер, откровенно сказал Вэнс, слишком занят своими перевыборами и практически не в состоянии совершить „чудо": продолжать резко критиковать Советский Союз и одновременно уговаривать ратифицировать договор с ним. Впрочем, президент сейчас договором и не занимается.

Вэнс с тревогой отзывался о будущем наших отношений не только в текущем 1980 году, но и в последующие годы. Я должен с сожалением признать, что моя личная борьба за улучшение отношений между нашими странами не дала позитивных результатов, сказал госсекретарь.

В США верх берут другие силы, впервые так откровенно заявил госсекретарь. Он был необычно задумчив и как бы погружен в какие-то свои внутренние мысли. Вообще весь разговор был далек от официальной рутины.

Вэнс подает в отставку. Прощальный ужин

Через несколько дней стало известно, что Вэнс 21 апреля передал президенту Картеру заявление о своей отставке. Причина - несогласие с секретно планировавшейся попыткой освобождения американских заложников в Иране силами коммандос. Вэнс с самого начала считал, что такая попытка чревата серьезными осложнениями с Ираном и может вызвать гибель заложников. Он был к тому же возмущен и обижен, что ответствен-

ное решение президента об операции было принято на созванном в Белом доме совещании в пятницу, 11 апреля, т. е. когда его не было в Вашингтоне (он находился в эти дни с женой на кратковременном отдыхе во Флориде). Его последующая попытка переубедить президента окончилась неудачей.

24 апреля в обстановке строжайшей секретности в пустынной местности, недалеко от иранской столицы, была высажена американская десантная группа с целью освободить заложников. Однако уже в 7 часов утра 25 апреля по американскому телевидению было передано драматическое выступление президента, в котором он брал на себя всю ответственность за отмену операции в связи с „техническими неполадками", возникшими на месте высадки десантников. Восемь десантников погибли и пять были ранены при столкновении вертолета с военно-транспортным самолетом США.

Уход Вэнса в отставку вряд ли можно связывать только с иранскими событиями. Скорее, этот эпизод стал лишь последней каплей, переполнившей чашу неудовлетворенности госсекретаря общим курсом администрации в условиях международной напряженности и усиливающихся в этот период разногласий внутри администрации. В условиях, когда президент все чаще отказывался поддерживать позицию госсекретаря, Вэнсу было трудно эффективно выполнять свои обязанности. Добровольная отставка Вэнса во многом символизировала и резкое изменение советско-американских отношений после Афганистана.

28 апреля президент официально принял отставку госсекретаря Вэнса. На следующий день я встретился с ним. Он пригласил меня для прощальной беседы. Настроен он был довольно мрачно, что было вполне понятно.

Вэнс сказал, что, уходя с поста госсекретаря, он по-прежнему считает советско-американские отношения определяющими не только для наших двух стран, но и для всего мира. Об этом он хотел сказать мне лично еще раз. Он сожалеет, что вынужден уйти со своего поста в момент, когда эти отношения остаются напряженными, без видимого просвета на ближайшее будущее.

Поясняя причины решения уйти в отставку, Вэнс сказал, что дело тут не в единичном неудавшемся рейде по освобождению заложников, а в политике, которую этот рейд олицетворяет. Я считал и считаю, что освобождение заложников должно вестись мирными средствами, путем переговоров. В свое время именно так нам удалось вернуть невредимыми американских заложников в Северной Корее после захвата американского судна „Пуэбло". Сейчас же вся внешняя политика США (включая отношения с союзниками и с самим Ираном на дальнюю перспективу) ставилась на карту во имя сомнительной военной операции. Об этом я прямо говорил президенту, сказал Вэнс. Однако другие советники убедили его в успехе такой операции, что с точки зрения предвыборной кампании, конечно, больше привлекало президента, чем длительные переговоры.

На вопрос, каким же он сейчас видит дальнейший курс президента Картера в советско-американских отношениях и в иранском вопросе, Вэнс ответил: вчера вечером, уже после объявления о принятии президентом моей отставки, я имел длительную беседу с Картером. У нас с президентом очень близкие личные отношения, ближе, чем у многих других членов кабинета. Хотя мой уход в отставку и не мог не наложить свой отпечаток на эти отношения, они все-таки остаются достаточно дружественными. Поэтому с президентом у меня был очень откровенный разговор.

Я обратил внимание Картера, отметил он, на важность отношений с СССР. Особо указал ему на важность возобновления диалога с советским руководством, который сейчас оказался полностью взорванным. Конечно, до выборов при существующих очень сильных разногласиях между Вашингтоном и Москвой по ряду вопросов было бы трудно рассчитывать на достижение каких-либо серьезных договоренностей. Но взаимно держать руку на пульсе событий, особенно в период напряженности, чрезвычайно важно, чтобы не было каких-либо просчетов из-за незнания намерений друг друга.

Президент, по словам Вэнса, в принципе согласился с этим. Согласился он и с его предложением, чтобы канал связи с советским руководством осуществлялся через госсекретаря, а не через „сотрудников Белого дома". Не знаю, однако, добавил Вэнс с сомнением, будет ли это осуществляться на практике. (Я тоже не очень верил обещаниям Картера, которые он давал уходящему госсекретарю.)

Суммируя далее впечатления от своей последней беседы с президентом по иранскому вопросу, Вэнс сказал, что в предстоящие недели из Белого дома будут по-прежнему раздаваться время от времени „воинственные заявления" и угрозы применить силу против Ирана. Однако в Москве должны знать, заметил он, что это будет в основном риторика, ибо президент убедился теперь, что военный путь не приведет к решению проблем заложников.

Будет, к сожалению, и враждебная риторика в адрес СССР с учетом предвыборной кампании в США. Однако новых практических шагов, направленных на дальнейшее ухудшение отношений, судя по всему, предприниматься не будет. Так во всяком случае Вэнс понял президента. Но твердых гарантий на этот счет Вэнс дать не может. Картер слишком эмоционален и поддается влиянию со стороны.

Вэнс сказал, что будет постоянно жить в Нью-Йорке и вернется к прежней юридической практике. Он обещал Картеру, что готов негласно высказывать ему свою точку зрения 'по важнейшим вопросам международных отношений. Не знаю, добавил с горькой усмешкой уходящий госсекретарь, захочет ли, однако, президент интересоваться моим мнением в будущем.

Вэнс тепло отметил, что ценит деловое сотрудничество и хорошие личные отношения, которые установились у меня с ним в эти годы.

Поблагодарив, я искренне ответил ему тем же. С ним у меня действительно сложились дружественные отношения, хотя это и было непросто в период напряженности международных отношений. Пожалуй, в истории советско-американских отношений было немного госсекретарей, которые так добросовестно, без большого шума и рекламных жестов делали столь нужное дело, добиваясь выправления этих отношений.

Вскоре было объявлено о назначении новым госсекретарем сенатора Маски. Правда, пробыл он на этом посту недолго, менее года.

В эти же дни у меня был Уотсон, американский посол в Москве. Он прилетел всего на пару дней, чтобы разобраться, что послужило причиной ухода Вэнса. Сам Уотсон хотел подать в отставку вместе со своим другом Вэнсом, так как не видел для себя никаких перспектив для плодотворной работы в Москве.

Посол доверительно сообщил о трудностях, с которыми он сталкивается при установлении контактов в Москве: в связи с афганскими событиями

Белый дом запретил ему проводить какие-либо завтраки или ужины с высокопоставленными официальными лицами, если при этом к тому же участвуют несколько человек. Указанный „бойкот" не распространяется лишь на старших сотрудников МИД, с которыми посольство поддерживает рабочие контакты.

В конце концов, он согласился с просьбой Вэнса побыть на своем посту до конца года (т. е. до президентских выборов). Вэнс опасался, что смена доброжелательного Уотсона каким-либо ставленником Белого дома может еще больше ухудшить отношения.

Бывший госсекретарь Вэнс пригласил меня с женой (8 июня) к себе домой на семейный прощальный ужин. После ужина мы уединились с ним для беседы. В целом это было взаимное признание в дружественных чувствах и доверительных отношениях, которые сложились между нами. Мне, откровенно говоря, было действительно жаль, что человек такого калибра покидает администрацию США в сложный период.

Мне бросилось в глаза, что по ходу беседы Вэнс практически - причем отнюдь не из вежливости - не возражал против нашей критики в адрес администрации, а порой и соглашался с этой критикой. Он не скрывал своего критического отношения к курсу, которому следует Картер в советско-американских делах, хотя и избегал прямо называть его по имени.

Судьба советско-американских отношений очень тревожила Вэнса. Вначале - с осени прошлого года - ему казалось, что тактика Белого дома в этой области в значительной степени временно окрашивалась предвыборными соображениями: президент считал, что в сложившейся обстановке антисоветская риторика поможет его кампании. Однако сейчас Вэнс пришел к выводу, что дело обстоит сложнее, ибо речь идет, по существу, об отказе от политики диалога и договоренности с СССР и переходе к длительной конфронтации с ним. Короче, и после выборов, если победит Картер, эта политика сохранится, во всяком случае пока советские войска находятся в Афганистане. Так по крайней мере в своем окружении президент излагал позицию администрации в отношении СССР.

Я, продолжал мой собеседник, разумеется, не одобряю ввод советских войск в Афганистан. Но я реалист, ибо бывают ситуации, когда великая держава не может поступить иначе. Значит, надо искать взаимные пути выхода, а не проводить курс голой конфронтации.

Бывший госсекретарь согласился, что политика администрации в отношении Пекина является, пожалуй, одним из наиболее опасных элементов ее нынешнего внешнеполитического курса. Вначале эта политика разрабатывалась не как самостоятельный элемент внешней политики США, а проводилась под углом зрения ответного „раздражителя в отношении русских" в качестве реакции на „их экспансию в Африке и Азии". Теперь это становится курсом политики.

Использование „китайской карты" против СССР президенту казалось полезным и с точки зрения предвыборной кампании, в которой вообще - в силу известных причин - преобладают враждебные СССР тона. Однако Вэнса с самого начала беспокоило, как бы эта „китайская карта" из области эмоций, как двигателя такой политики, не перешла в область продуманной долгосрочной политики США, которая сохранится и после выборов. Пока Вэнс был госсекретарем, он, по его словам, постоянно предупреждал президента против опасности такого курса, ибо китайцам доверять нельзя. Президент вроде соглашался с ним, проявляя некоторую

сдержанность. Сейчас, наблюдая за быстрым сближением Вашингтона с Пекином, Вэнс больше не уверен, что президент будет проявлять сдержанность в этом вопросе, в том числе в военном и в политическом сотрудничестве.

Насколько я знаю, добавил он, даже в самые лучшие времена разрядки не существовало такого широкого и доверительного обмена мнениями между СССР и США по политическим и военным вопросам, которые сейчас складываются между США и Китаем. Это тревожит меня, тем более что и в этом случае некоторые его помощники (Бжезинский) убедили президента в том, что такая линия обещает наибольший успех в афганских делах.

Касаясь договора об ОСВ-2, Вэнс выразил серьезные опасения, что если в 1980 году договор не будет ратифицирован - а дело идет к этому, - то он вообще повиснет в воздухе. Потребуются дополнительные переговоры, а они могут затянуться надолго. Он заявил, что считает подписание договора одним из главных достижений на посту госсекретаря.

Отметив, что он возвращается в свою прежнюю юридическую фирму, Вэнс пошутил, что теперь переходит из „профсоюза низко оплачиваемых" министров иностранных дел в категорию „солидных людей". Зарабатывать Вэнс сейчас будет раза в три-четыре больше, чем на посту госсекретаря, где его годовая зарплата составляла 67 тыс. долларов.

Расстались мы с ним очень тепло. Он был и остается человеком широких взглядов, что особенно важно в вопросах внешней политики. Впрочем, ему было нелегко в обстановке жесткой внутриполитической борьбы и интриг, характерных - как он сам признавал - для Вашингтона.

Встречи с новым госсекретарем Маски

Первая встреча Громыко с новым госсекретарем Маски состоялась (16 мая) в Вене в связи с 25-й годовщиной подписания Государственного договора, восстановившего независимость Австрии.

Свои впечатления от встречи с Маски Громыко позже характеризовал на Политбюро как еще одно подтверждение того, что администрация Картера ведет дело к усилению напряженности в мире, обострению советско-американских отношений и углублению расхождений между СССР и США по проблеме ядерного оружия.

В сложившейся ситуации в Москве стали активно обсуждать, как путем компромисса найти выход из тупика, в котором оказались переговоры по ограничению ядерных вооружений в Европе в связи с американскими планами развертывания там ядерных ракет средней дальности. Характерно, однако, что главный вопрос, который ставил Картер - вывод советских войск из Афганистана, - по-прежнему активно не обсуждался в то время в советском партийном и государственном руководстве. Хотя именно это способствовало углублению кризиса в наших отношениях.

Госсекретарь Маски, когда мы встретились после его беседы с Громыко в Вене, сказал, что по возвращении в Вашингтон он долго размышлял над содержанием этой беседы и решил написать личное письмо Громыко, которое он послал через посла Уотсона.

Маски надеялся, что это письмо даст толчок движению, хотя ничего конкретного не предлагал в нем. Тем не менее „выразил разочарование", что реакция Громыко была сдержанной.

На прямой вопрос, что же все-таки нового в американской позиции надо усматривать в его письме на имя Громыко, Маски после некоторого раздумья сказал, что, пожалуй, правильнее смотреть на его письмо как на сведение воедино американской позиции.

Дальнейший разговор - в основном по афганской тематике, - как и можно было ожидать, ничего нового не дал. Позиции сторон были слишком далеки друг от друга.

Приход Маски на пост госсекретаря не внес никаких новых изменений, хотя сам он, судя по всему, по своим общим взглядам и настроениям был ближе к Вэнсу, чем к Бжезинскому. По разным каналам к нам в посольство поступали сведения, что Маски с самого начала пытался поднять роль госсекретаря в противовес влиянию помощника президента по национальной безопасности. Однако эти усилия не нашли поддержки у Картера, и положение мало изменилось.

Когда Бжезинский был у меня на обеде - мы обсуждали состояние советско-американских отношений в связи с моим предстоящим отъездом в отпуск, - то он заявил, что, по мнению администрации, наши отношения продолжают ухудшаться, и если дело будет идти так и дальше, то 80-е годы станут периодом дальнейшего обострения этих отношений, своего рода возвратом „к периоду 1947-1955 годов, но более опасным", поскольку мощь обеих стран о тех пор неизмеримо возросла. Вопрос стоит так: найдут ли оба правительства „силу и мужество", чтобы преодолеть существующие весьма серьезные разногласия.

В ходе беседы, как бы обращаясь к Москве от имени Картера (но не говоря этого прямо), Бжезинский высказал главную мысль, что для советско-американских отношений все же было бы лучше, если бы в Белом доме остался Картер, а не пришел Рейган.

На вопрос, чем конкретно он может подтвердить такое мнение, Бжезинский в основном сослался на готовность Картера продолжать переговоры по контролю над вооружениями и противопоставил этой позиции „чрезмерные запросы" Рейгана в области военных ассигнований, ведущие „к безудержной гонке вооружений", его давнюю враждебность к СССР. Впрочем, говорил он все это не особенно убедительно.

Новая ядерная стратегия Картера

Тем временем администрация Картера усиливала напряженность не только политическую, но и военную. 6 августа пресса сообщила, основываясь на явно умышленной утечке информации из Белого дома, об утверждении Картером „новой ядерной стратегии".

Эта стратегия, изложенная в секретной президентской директиве № 59 от 25 июля, исходила из возможности не обязательно скоротечной ядерной войны с использованием всех ядерных арсеналов конфликтующими державами, а из продолжительной ядерной войны, когда ядерные удары сначала могут наноситься по военным объектам СССР, в то время как ракеты будут по-прежнему нацелены на его города. Это подавалось как внесение элементов гибкости в стратегию ядерного сдерживания, но фактически подтверждалась концепция ядерной войны с СССР, несмотря на декларацию, взаимно принятую во время президентства Никсона.

Через несколько дней Картер подписал еще две директивы, содержавшие планы перемещения военных и гражданских руководителей из Вашингтона в период кризиса в убежища для высокопоставленных лиц и защищенные помещения для важнейшего технического оборудования. Предусматривалась также мобилизация частных компаний и их средств связи для передачи военной информации „в период крупномасштабной войны". Сообщалось, что дважды были проведены специальные учения, в ходе которых президент был вывезен на вертолете из Белого дома на авиабазу „Эндрюс", где находился самолет „Боинг-747", который служил президентским командным пунктом в воздухе на случай войны. А всего Картер-Бжезинский подготовили пять новых директив по ядерной войне: № 18,41,53,58, 59.

По словам газеты „Нью-Йорк тайме", все эти новые директивы и шаги „представляют собой часть усилий администрации, направленных на повышение уровня ядерного устрашения путем демонстрации Советскому Союзу, что Вашингтон в состоянии выдержать продолжительный ядерный конфликт". По существу же, нагнетался военный психоз.

В этой атмосфере определенную опасность представляли отдельные инциденты. В июне американская система раннего предупреждения дважды подавала сигнал „о советской ядерной атаке". Ошибка была вызвана неисправностью компьютера. Громыко сделал по этому поводу специальное представление послу Уотсону, в котором выражалась „глубокая озабоченность" этими фактами, поскольку они вызвали приведение „в состояние повышенной боевой готовности стратегических сил США".

В целом можно сказать, что изначальная формула Картера „сотрудничество или конфронтация" остановилась на отметке „сдерживание и конфронтация". Этот курс подкреплялся общим быстрым ростом военного бюджета администрации. Такова была метаморфоза или эволюция Картера как президента.

Иными словами, демократ Картер оставил республиканцу Рейгану солидное наследство в отношении планов ядерной конфронтации. Москва принимала свои меры и контрмеры. Подлинная безопасность и здравый смысл в отношениях двух сверхдержав явно проигрывали.

Политбюро оценивает положение в США. Предложения по евроракетам

В середине августа Политбюро специально рассмотрело предвыборное положение в США и дало следующую оценку: наступает решающий период борьбы между Картером и Рейганом. В настоящий момент ни один из них не имеет явного преимущества, и вопрос, кто победит, будет, судя по всему, оставаться открытым до самых выборов.

Отмечая, что в период до выборов во внешней политике американской администрации не только сохранятся, но, возможно, даже усилятся присущие ей негативные элементы, Политбюро тем не менее считало, что в этих условиях не следует по своей инициативе прерывать диалог с американцами, допускать дальнейшее ухудшение советско-американских отношений; следует сохранить определенные заделы на будущее, разумеется, не поступаясь при этом нашими интересами и позициями. В случае проявления заинтере-

сованности к контактам с нами со стороны окружения Рейгана или его лично от таких встреч уклоняться не надо.

Следует продолжать давать принципиальную оценку, а при необходимости - аргументированный отпор неприемлемым для нас высказываниям Картера и Рейгана, в частности по вопросам военной политики, не переходя при этом на личности. С другой стороны, не следует проходить и мимо возможных позитивных заявлений кандидатов, делая акцент на необходимости подкрепления таких заявлений практическими делами.

Соответствующие указания были даны и нашему посольству в Вашингтоне.

Из всего комплекса проблем, определявших в тот период состояние советско-американских отношений, планы размещения в Западной Европе американских ракет средней дальности вызывали наибольшую озабоченность в Москве. Даже для тех членов Политбюро, кто не был искушен в военных вопросах, становилось ясно, что осуществление таких планов усиливало угрозу территории непосредственно самого Советского Союза без адекватной ответной угрозы США со стороны СССР. При этом „подлетное время" таких ракет до СССР и Москвы сокращалось бы раза в 3-4.

Поэтому Москва предприняла еще одну попытку начать переговоры с США. В письме, переданном Картеру в конце августа, Брежнев повторил советское предложение сократить количество ракет средней дальности, уже развернутых в западных областях СССР, если в Западной Европе не будет дополнительно размещаться оружие этой категории. Для этого надо восстановить положение, которое существовало до декабрьской сессии Совета НАТО. СССР готов пойти и на второй вариант, при котором вопросы, касающиеся средних ракет в Европе, были бы предметом не отдельных переговоров, а обсуждались в рамках переговоров ОСВ-3 после вступления в силу договора об ОСВ-2, отмечалось в письме.

Далее в нем указывалось, что, не снимая своих прежних предложений, советское руководство в ходе недавних бесед в Москве с канцлером ФРГ Шмидтом высказалось за начало переговоров, на которых одновременно и в органической связи обсуждались бы как ядерные средства средней дальности в Европе, так и американские ядерные средства передового базирования.

Начать соответствующие переговоры, писал Брежнев, мы могли бы уже сейчас, но к реализации возможной договоренности следует приступить лишь после ратификации договора об ОСВ-2. Поскольку с американской стороны до сих пор нет никакого ответа, у нас не может не создаться впечатление, что правительство США взяло курс на затяжку начала переговоров. Между тем имеющаяся, на наш взгляд, возможность найти взаимоприемлемое решение может оказаться упущенной, перехлестнутой развитием событий.

Но поезд, как говорится, уже ушел. После решения НАТО в декабре 1979 года о развертывании новых американских ракет в Европе (и когда началось уже их размещение) Картер не собирался идти на какие-то компромиссы с Брежневым, тем более в условиях конфронтации из-за Афганистана.

Поэтому на встрече Громыко с Маски (25 сентября) в Нью-Йорке в ходе сессии ООН единственным практическим результатом их беседы была договоренность - как обоюдная дань общественному мнению - о начале новых переговоров по ограничению ядерных вооружений в Европе. Было решено, что представители СССР и США встретятся в Женеве в середине

октября для обсуждения этих вопросов (с 17 октября по 17 ноября в Женеве прошел первый раунд таких переговоров; они помогли лучше уяснить позиции друг друга, но не сблизить их).

Показателем плохого состояния советско-американских отношений было и то, что Громыко не получил на этот раз традиционного приглашения приехать в Вашингтон для встречи с президентом.

Бжезинский излагает „сценарий" Белого дома

Между тем администрация делала как бы заявку в плане возможности выправления советско-американских отношений после выборов, если у власти останется Картер. Именно об этом неожиданно заговорил Бжезинский, когда был у меня на обеде за две недели до президентских выборов. Делалось ли это в расчете на какие-то позитивные жесты Москвы накануне выборов, что могло бы повлиять на их исход, или это было фактически признанием администрацией факта, что политика конфронтации с СССР заходит в тупик? Трудно тут дать однозначный ответ. Однако в любом случае это звучало довольно примечательно, особенно в устах Бжезинского.

Утверждение Бжезинского, уверявшего, что они хотят „дать старт" процессу постепенной нормализации отношений, касалось трех направлений, наиболее важных, по его мнению, для такого процесса.

Помощник президента считал, что продолжение переговоров по ограничению стратегических вооружений является основным звеном, взявшись за которое можно вытащить всю цепь советско-американских отношений.

Бжезинский высказал также мнение, что ирано-иракский конфликт грозит превратиться в длительную войну на истощение. А она может закончиться внутренним взрывом в одной из воюющих стран и дезинтеграцией существующих режимов с катастрофической дестабилизацией положения во всем районе, сказал он. Если же наступит развал одного из воюющих государств, то очень важно будет сохранить взаимопонимание между СССР и США, чтобы никто не поддался искушению получить одностороннюю выгоду в такой сумятице.

Третьим важным направлением после выборов оставался, по словам помощника президента, афганский вопрос. Им впервые было заявлено, что США „не связывают" его с переговорами по стратегическим вооружениям, которые должны будут продолжаться. Но нерешенность этого вопроса неизбежно продолжает влиять на другие аспекты наших отношений.

Он сказал также, что они „не настаивают" на замене в Афганистане Кармаля и его режима, хотя и продолжают считать, что его уход на какой-то „почетный пост" и. приход другого лица ускорили бы урегулирование афганской проблемы.

В целом вся эта „программа из 3 направлений" достаточно четко определяла круг стратегических устремлений США. Во второй срок Картер, утверждал его помощник, хотел бы успеть вновь вернуть отношения с СССР в нормальное русло. Для этого было бы хорошо „закрыть" афганский вопрос в течение первого года второго президентства Картера. Однако американские военные эксперты единодушны в своих предсказаниях, что СССР сможет вывести свои войска не ранее, чем через 2 или 3 года, т. е. фактически лишь к концу правления Картера, когда у последнего останется не так уж много возможностей для серьезных действий в отношениях с СССР.

Это беспокоит администрацию с точки зрения перспектив отношений двух стран.

Бжезинский бегло коснулся разных „сценариев", но в них фактически везде исподволь присутствовала одна мысль: вывод советских войск из Афганистана не должен затягиваться на два-три года. Если СССР опасается за судьбу режима Кармаля, то для охраны существующего режима (при условии, что он возьмет на себя обязательства неприсоединившейся страны), видимо, потребуется на какое-то время присутствие войск ООН или войск нейтральных стран по выбору Кабула (если советские войска будут готовы уйти в течение одного года).

Оглядываясь назад, я должен признать, что примерная схема урегулирования афганского конфликта, изложенная Бжезинским, заслуживала с нашей стороны более внимательного рассмотрения. Она могла бы дать старт переговорам. Однако Москва верила еще в возможность победы режима Кармаля. Да и перспектива какой-либо договоренности лично с Картером по Афганистану после всех его акций против СССР никак не импонировала руководящим кругам в Кремле, да и просто не верилось в нее.

Бжезинский далее затронул вопрос об отношении к странам „третьего мира". Он утверждал, что Белый дом сейчас избавился от тезиса, которого многие годы придерживалась американская дипломатия, будто во всех неблагоприятных для США событиях в указанных странах „обязательно замешан СССР". Он привел пример: события в Никарагуа или в Сальвадоре.

Я приветствовал это признание помощника президента, заметив, что лучше сделать это поздно, чем никогда.

В отношении Китая он сказал, что Вашингтон и дальше будет развивать с ним взаимовыгодные отношения, но они не собираются продавать ему чисто военное снаряжение. „Не может быть и речи о заключении какого-либо американо-китайского военного союза".

В целом Бжезинский прямо не противопоставлял Рейгана Картеру, но общий смысл его высказываний за две недели до выборов по существу впервые ясно сводился к тому, что при втором сроке президента Картера советско-американские отношения можно будет все же выправить, хотя это окажется нелегким делом. При этом подразумевалось, что Москва тем временем не предпримет ничего, что могло бы ухудшить предвыборное положение Картера.

Киссинджер - посланец Рейгана

В это же время в преддверии выборов своеобразную заявку в плане перспектив развития советско-американских отношений в случае победы Рейгана сделал сам претендент в президенты от республиканской партии через Киссинджера. Бывший госсекретарь, с которым я поддерживал дружеские отношения, посетил меня 22 октября. Киссинждер сказал, что пришел с ведома Рейгана, с которым он накануне имел длительную беседу наедине. По его словам, республиканцы уверены в победе, хотя побаиваются какой-нибудь неожиданности в последние дни, которая могла бы сильно помочь Картеру, например, решение вопроса о заложниках. Рейган согласен с соображениями Киссинджера, что следует развивать отношения с СССР в случае его победы. Он хотел бы, чтобы об этом было негласно передано в Москву.

Рейгану как будущему президенту, сказал далее Киссинджер, нельзя вести дела с СССР по сценарию, который вытекает из его нынешних выступлений. Это привело бы лишь к постоянной напряженности в отношениях с Москвой, чреватой внезапными крупными кризисами, которые могли бы охватить многие районы мира и вызвать обострение отношений США с их союзниками, особенно в Европе, которые хотели бы поддерживать нормальные отношения с Москвой. Советское руководство не запугаешь, особенно если это касается вопросов, которые оно рассматривает как жизненно важные для себя. В то же время оно понимает и наиболее важные интересы США, хотя публично может этого и не признавать. Поэтому новому президенту важно достаточно четко очертить пределы, за которые нельзя переступать. Важно, чтобы и Москва знала пределы, за которыми лежат действительно важные, а не пропагандистские интересы США.

С этой целью он рекомендовал Рейгану, в случае его победы, в период между ноябрем и серединой января, пока у власти все еще находится Картер, послать в Москву своего личного доверенного представителя. Этот представитель в течение 3-4 дней провел бы ряд встреч, имея в виду не столько фиксировать и замораживать разногласия (они, конечно, будут), но и наметить области, где оба правительства могли бы, не теряя времени „на разгон", приступить к поискам договоренностей или взаимопонимания. Очень важно наметить общий курс действий в области возможных дальнейших переговоров по ОСВ. Это - главное направление. В разговоре с Рейганом не обсуждалась конкретная кандидатура для этой поездки. Киссинджер вместе с тем как бы вскользь заметил, что если бы Рейган остановил свой выбор на нем, то он, скорее всего, согласился бы. Важно затем установить постоянный доверительный канал между Рейганом и Брежневым, как это было при Никсоне.

В заключение Киссинджер вновь отметил, что обо всем этом с прямого согласия Рейгана можно информировать Москву. Но он оговорился, что это еще не означает начала прямого диалога с Рейганом. Надо еще дождаться выборов. Даже после победы Рейгана Киссинджер хотел бы еще раз убедиться .в том, что Рейган не намерен вносить серьезных коррективов в отношении всего сказанного выше. Он отметил, что снова свяжется со мной после выборов.

Видно было, что Киссинджер готов был снова выйти на арену большой политики. Причем не прочь был создать впечатление, что он сейчас „вхож" к Рейгану. Вместе с тем чувствовалось, что до конца в расположение Рейгана, его готовности следовать рекомендациям бывшего госсекретаря он, как умный человек, еще не верит и на всякий случай" „страхуется" перед нами.

Бжезинский: „Я не хуже Киссинджера"

Буквально за несколько дней до выборов у меня снова побывал Бжезинский. Он признал, что Картер потерял преимущество, которое у него было в борьбе с Рейганом и которое, как надеялись в Белом доме, сохранится до дня выборов, 4 ноября.

В ходе беседы Бжезинский несколько неожиданно завел разговор о себе и об отношении к нему лично в Советском Союзе. Он сказал, что многие из видных американцев, возвращающихся из поездки в СССР, где имели

неофициальные беседы с советскими представителями, отмечали, что их собеседники резко критиковали его личную позицию в отношении СССР. Объясняли это якобы тем, что „он поляк, а от поляка трудно ждать каких-либо дружественных заявлений в отношении русских". От себя он добавил, что даже великий русский поэт Пушкин придерживался подобных антипольских взглядов.

По его словам, история действительно внесла немало сложностей в отношения между поляками и русскими, от этого трагического прошлого полностью не удалось еще избавиться. Возможно, подсознательно оно осталось и у него. Однако сознательно он убежден в другом: национальная судьба поляков все же неразрывно связана с СССР, с Россией. В контексте борьбы немцев за объединение Германии у Польши нет других исторических перспектив, как союз с Москвой, ставка на ее помощь. Без этого немцы сомнут Польшу. В этом он убежден, и, как „бывший поляк", он не видит другой альтернативы для Польши. Разумеется, мне далеко не все нравится в СССР и в его политике, добавил он*.

Короче, подчеркнул Бжезинский, я не такой уж антисоветчик, каким меня считают в Москве. Во всяком случае, в этом плане я ничуть не хуже Киссинджера. Правда, ему повезло в том смысле, что с самого начала прихода Никсона к власти последний послал его в Москву для переговоров, где он встретился с Брежневым, Громыко и некоторыми другими руководителями. Киссинджеру, таким образом, удалось установить отношения личного доверия с советским руководством, хотя оно вряд ли обольщалось насчет личности самого Киссинджера и его взглядов. Я же ходом событий оказался в позиции „серого кардинала" с твердой репутацией стопроцентного антисоветчика, с которым никто из советских руководителей даже не хочет разговаривать, заключил помощник президента.

Отвечая Бжезинскому, я заметил, что вопрос о выборе американского представителя для переговоров с нами решался не нами, а президентом США. Мы, разумеется, приняли бы любой выбор Картера.

В целом подтекст высказывания Бжезинского сводился к следующему: в случае перевыборов Картера он был бы не прочь выйти на передовые позиции официальных и конфиденциальных отношений администрации с нами. Лично я думал, что в любом случае это было бы лучше для наших отношений, чем закулисные маневры раздраженного помощника президента.

Мы оба еще не знали, что это была наша последняя встреча, в которой он участвовал в своем официальном качестве.

Выборы в США. Победа Рейгана

На президентских выборах в США победил кандидат республиканской партии Рейган. За него проголосовал 51 процент избирателей, участвовавших в выборах. За Картера проголосовал 41 процент, а за независимого кандидата Д.Андерсона - 7 процентов. Рейган победил в 44 штатах из 50. Картер лишь в 6 штатах. Однако какого-то широкого мандата от избирателей Рейган не получил. Он оказался избранным голосами лишь примерно четверти (26,9 процента) американцев, имевших право участвовать в выборах.,

После распада СССР Бжезинский ясно показал, что он не только антисоветский деятель, но и глубоко враждебный России человек.

В результате выборов республиканцы получили в сенате большинство в 53 места (впервые с 1954 года), а демократы - 47 (до выборов было соответственно 41 и 59 мест). Не прошли в сенат и ведущие деятели демократической партии, пользовавшиеся репутацией либералов: председатель сенатского комитета по иностранным делам Черч, председатель комитета по разведке Бай, сенаторы Макговерн, Калвер, Джавитс.

Своей политикой Картер способствовал кризису традиционного либерализма, во многом утратившего значение влиятельного политического течения в США. Правление Картера сильно дискредитировало и авторитет демократической партии.

Картер не сумел извлечь пользу из наиболее выигрышных для себя вопросов: о войне и мире и договоре об ОСВ-2. Рейган же довольно удачно использовал его просчеты, показав, что Картер сам поставил под сомнение значение договора об ОСВ-2, отсрочив его ратификацию. К тому же на финишной прямой Рейган заметно сбавил тон в отношении „силового" подхода, во внешней политике США. Он стал чаще упоминать о желательности переговоров с СССР. Против Картера обернулся и другой внешнеполитический фактор - вопрос об американских заложниках в Иране. Сообщения об их возможном скором освобождении вызвали сначала в США за несколько дней до выборов волну оптимистических ожиданий, которые затем сменились уже волной разочарования и новыми обвинениями в адрес „слабого президента".

Результаты выборов свидетельствовали о полной неудаче правления Картера как во внешней, так и во внутренней политике. У большинства американцев сложилось убеждение, что Картер не принадлежит к числу твердых, решительных и умных государственных деятелей, в которых нуждалась страна. В этом, видимо, ответ на вопрос о том, как могло получиться, что президент, вступивший в свою должность в 1976 году в результате впечатляющей победы, в 1980 году был отвергнут избирателями после первого же срока пребывания в Белом доме.

По моим наблюдениям, одна из бед Картера заключалась также в том, что он не имел надежной опоры в собственной партии. Он не принадлежал до своего избрания к традиционной партийной элите и в конце своего президентства в значительной мере оставался аутсайдером в демократической партии в Вашингтоне, в частности среди демократов в конгрессе.

Недостаточно активно поддерживал Картера и крупный бизнес. В начале октября, как рассказывал мне известный промышленник Хаммер, Картер пригласил на завтрак крупных бизнесменов, в основном евреев. Озабоченный успехами Рейгана, президент призвал бизнесменов прежде всего изыскать дополнительные средства для оплаты его выступлений по телевидению и радио. Он особенно подчеркивал значение для него поддержки еврейской общины, в таких решающих для президентских выборов штатах, как Нью-Йорк, Калифорния, Флорида, Пенсильвания, и др. Картер жаловался, что еврейская община в США не ценит того, что он сделал для Израиля, способствовав достижению кэмп-дэвидского соглашения и продолжая оказывать огромную военную и экономическую помощь Израилю. В заключение Картер просил бизнесменов, включая Хаммера, повлиять на еврейскую общину в его пользу.

Явно в контексте этой просьбы Хаммер тогда поинтересовался, не смогла бы Москва пойти на расширение еврейской эмиграции из СССР,

которая за последние несколько месяцев резко сократилась. Картер в случае победы „не забыл бы" такое развитие событий. Хаммер дал понять, что эти заверения он делал с ведома Картера. В Москве, конечно, никак не реагировали на это обращение.

Хаммер сказал, что Уолл-стрит стоит за Рейганом, оказывая ему большую финансовую поддержку, которая в несколько раз превышает возможности предвыборной кампании Картера. Поясняя, Хаммер сказал, что большой бизнес Америки очень надеется на то, что Рейган отменит значительную часть правительственного регулирования и контроля над частным бизнесом, ибо он давно выступает за возврат к „свободе частного предпринимательства". Картера же они считают неустойчивым руководителем, чересчур подверженным эмоциям.

После президентских выборов у меня состоялась довольно неожиданная встреча с Никсоном. Он принял приглашение на наш прием в посольстве по случаю праздника 7 ноября. Он сказал, что решил специально приехать из Нью-Йорка в Вашингтон, чтобы поговорить со мной о Рейгане, поскольку репутация последнего в Москве, насколько он знает, весьма неважная. Попросил, чтобы сказанное им в доверительной форме было доведено до сведения Брежнева.

По словам Никсона, он очень хорошо и давно знает Рейгана как человека весьма консервативных и антикоммунистических взглядов. Верно, что - он сторонник „сильной Америки". Но он вместе с тем достаточно разумный, а главное - прагматически мыслящий политический деятель.

Никсон выразил уверенность, что в конечном счете у советского руководства с Рейганом установятся отношения не хуже тех, которые были при нем. Правда, на это потребуется немалое время, возможно несколько лет, но важно, чтобы советское руководство не теряло из виду указанную выше перспективу и не вступало с ним раньше времени в ненужную полемику вокруг Кубы или какой-то другой проблемы, так как Рейгана может „заносить" в публичных выступлениях.

В целом надо признать, что Никсон довольно точно предсказал долгосрочную динамику развития наших отношений при новом президенте.

Экс-президент сказал, что через какое-то время после периода формирования кабинета Рейгана он хотел бы вновь встретиться со мной. Тогда он сможет, как надеется, дать некоторые практические советы по работе с администрацией Рейгана.

Чувствовалось, что Никсон заметно приободрился с приходом Рейгана к власти. Степень его реального влияния на Рейгана была пока недостаточно ясна, хотя Рейган публично несколько раз подтверждал, что он советуется с Никсоном по некоторым вопросам.

Последние дни администрации Картера

Когда после выборов я посетил госсекретаря Маски, то меня интересовал главным образом вопрос, не собирается ли Картер что-либо предпринять - в оставшиеся два месяца до ухода из Белого дома - в пользу ратификации договора об ОСВ-2, о чем президент прежде иногда говорил. Маски откровенно ответил, что президент решил ничего не делать, так как

после выборов „у него не осталось ни амбиции, ни амуниции", чтобы заставить сенат заняться этим вопросом. Положение с ратификацией, сказал он, зашло в полный тупик. Сенат нового состава не будет иметь необходимого числа голосов для ратификации, против которой к тому же выступает и новый президент Рейган.

По словам госсекретаря, Картер примирился с поражением и ожидает лишь конца своего президентства, предоставив госдепартаменту возможность работать „в силу инерции".

В воскресенье, за два дня до выборов, в Белом доме вспыхнула было надежда на то, что Хомейни освободит заложников, только чтобы не допустить Рейгана к власти. Однако уже очень скоро стало ясно, что ответ иранского меджлиса не только не помог Картеру, но, наоборот, резко ухудшил его шансы, явившись своего рода факелом, брошенным в бочку с горючим: все накопившееся ранее недовольство его администрацией, вначале вроде приглушенное, вспыхнуло ярким пламенем в понедельник.

К концу понедельника, т. е. накануне самих выборов, президенту было твердо, сказано одним из его главных помощников, аппарат которого провел за воскресную ночь и понедельник срочный опрос общественного мнения, что он проиграл выборы.

Как рассказал мне позже Остин, президент компании „Кока-кола", близкий друг Картера, президент и его жена Розалин весьма болезненно восприняли результаты выборов (она принимала активное участие в избирательной кампании по всей стране).

Это была моя последняя беседа с госсекретарем Маски. С ним мне не пришлось много поработать, но в целом он оставил неплохое впечатление.

Победа Рейгана на выборах стала предметом активного обсуждения в советском руководстве. О возможном его курсе в отношении Советского Союза далеко не все еще было ясно в Москве. Конечно, антисоветизм и антикоммунизм Рейгана были хорошо известны. Но в Москве были склонны в определенной степени списать это на предвыборную кампанию. Во всяком случае Картер, вызывавший у нас в тот момент постоянное раздражение, выглядел не лучше. Надо было думать о первых шагах в новой ситуации. 17 ноября Громыко и Андропов направили в этой связи в Политбюро свою записку.

Авторы записки считали целесообразным через советское посольство в Вашингтоне предпринять шаги по установлению неофициальных связей с окружением Рейгана, имея в виду прежде всего изучение лиц, которые, возможно, займут ответственные посты в его администрации, и выявление их взглядов на внешние проблемы, особенно на отношения с СССР.

Эта записка была одобрена Политбюро, и мне, как послу, были даны соответствующие указания и поручения, которые и выполнялись до вступления в должность нового президента.

20 января 1981 года в Вашингтоне состоялась торжественная церемония вступления в должность нового президента США - Рональда Рейгана. Ему Картер передал эстафету разрушенной разрядки в советско-американских отношениях и нового этапа „холодной войны".

На моих глазах внешнеполитический курс США претерпел в 70-е годы значительную эволюцию. От содействия разрядке международной напряженности, нормализации советско-американских отношений в начале деся-

тилетия амплитуда американской политики к концу этого периода резко качнулась вправо. Я убежден, что это был период упущенных возможностей, особенно в годы президентства Картера. И тут нет смысла спорить о том, какая доля вины лежит на каждой из сторон.

И все же оставался нерешенным принципиальный вопрос: что же было на самом деле основополагающим в советско-американских отношениях: разрядка напряженности или конфронтация? Какие основные причины лежали в основе эволюции этих отношений?

На этих вопросах мне придется еще остановиться.

ЧАСТЬ

VII

ПОЧЕМУ ЗАКОНЧИЛАСЬ РАЗРЯДКА В ОТНОШЕНИЯХ СССР—США

Демонтаж разрядки

Разрядка в советско-американских отношениях в 70-х годах оказалась недолговечной. В конце этого десятилетия на смену ей пришли новое обострение напряженности и вновь „холодная война".

Кто несет за это ответственность? США или Советский Союз? Американские историки возлагают основную вину на СССР, его внешнюю и внутреннюю политику. Наши историки времен существования Советского Союза, в свою очередь, практически единодушно винили во всем Соединенные Штаты, их политику и действия. Российские исследователи, отдавая дань новому подходу ко всем прежним официальным концепциям, начали с не меньшим усердием винить во всем прежний режим, находившийся у власти в СССР. Лишь немногие в своих работах стремились дать более сбалансированную оценку.

Дело в действительности обстояло гораздо сложнее. Да и вряд ли кто может дать сейчас исчерпывающий ответ на поставленный вопрос. Ясно, однако, одно: весь процесс демонтажа разрядки явился результатом развития и сложного переплетения различных внутриполитических и внешнеполитических факторов, действовавших в обеих странах.

Постараемся кратко суммировать и проанализировать некоторые из этих факторов.

1. Основной причиной неудачи с разрядкой в тот период явилось существование непримиримых противоречий между господствовавшими государственными идеологиями и связанными с этим подходами СССР и США к разрядке, разных ее концепций, что, в конце концов, и разрушило этот процесс. Советское руководство, равно как и администрации Никсона- Форда-Картера, никогда не пыталось подвергнуть сомнению свою собственную аргументацию, собственные постулаты. Философские и политические противоречия тезиса „разрядка есть форма классовой борьбы" вообще не обсуждались и не подвергались сомнению в советском руководстве. Курс на разрядку осуществлялся параллельно с расширением военной и дипломатической активности в „третьем мире". В то же время США, стремясь, как и СССР, уменьшить ядерную угрозу - и в этом было главное достижение разрядки, - продолжали вести глобальное противоборство с Советским Союзом и оказывать всесторонний нажим на социалистическую часть международного сообщества. При этом у обеих сторон сохранялось совершенно различное видение развития мировой истории и своего места в ней, а их мышление оставалось в основном конфронтационным. Все это не могло не найти своего проявления в конкретной политике обеих сверхдержав, в их концепциях разрядки, во вспышках „холодной войны".

2. Начало разрядки совпало по времени с приходом к власти Никсона и Киссинджера. Оставаясь консерватором, Никсон как президент, несомненно, стал задумываться над поиском новых подходов к решению существовавших проблем, к отношениям с Советским Союзом. Тем не менее, при всех

бесспорных заслугах Никсона и Киссинджера в становлении политики разрядки в отношениях с СССР, у меня - а я общался с ними близко и часто -сложилось твердое мнение, что, оказавшись у власти, они не располагали еще готовой или продуманной концепцией разрядки, и тем более окончания „холодной войны". Думаю, что последнее вообще не ставилось ими в качестве конкретной конечной цели.

В первый год-полтора они не проявляли заметных инициатив в области советско-американских отношений; а конкретные шаги в этой области в тот момент тем более не занимали приоритетное место во внешней политике США. Главным для них было решение назревших задач внешней политики страны. Важнейшим побудительным мотивом улучшения Отношений с СССР стала прежде всего острая для США ситуация в Юго-Восточной Азии. Короче, концепция разрядки стала увязываться с более краткосрочной задачей - прекращение войны во Вьетнаме.

Однако было бы недопустимым упрощением все связывать с Вьетнамом. Начинали действовать объективные факторы первостепенного и долгосрочного характера, прежде всего возникновение военно-стратегического паритета СССР и США, что имело большое значение для их безопасности. Отсюда стремление найти и зафиксировать путем переговоров наиболее благоприятные для себя параметры стратегических и обычных вооруженных сил. Играло свою роль и желание администрации США - через укрепление контактов с Москвой - контролировать стремление западноевропейских союзников к самостоятельному развитию отношений с СССР. Время от времени и предвыборные соображения влияли на шаги по нормализации советско-американских отношений, но это были соображения скорее тактического, чем стратегического порядка.

3. Сменявшие друг друга администрации Никсона, Форда и Картера не придерживались последовательного курса на разрядку, да и сама концепция разрядки понималась ими противоречиво и двусмысленно. Достаточно напомнить факт объявления Белым домом повышенной боевой готовности осенью 1973 года в разгар арабо-израильской войны.

Да, впрочем, руководство США, говоря откровенно, не было готово на деле признать СССР в качестве равного политического партнера в международных отношениях (например, на Ближнем Востоке), хотя такое партнерство и было зафиксировано в ряде соглашений этого периода.

4. Важно и то, что лагерь сторонников разрядки в США практически не действовал как единая коалиция, в то время как противники разрядки были хорошо организованы и действовали активно („Комитет по существующей опасности" из представителей влиятельных кругов сыграл в процессе де монтажа разрядки особо вредную роль). На первый план вновь стали выходить представители наиболее консервативной, шовинистической и воинственно настроенной части американских политических кругов во главе с Рейганом, выступавших за возвращение Соединенным Штатам „мирового лидерства", потерянного в результате поражения во Вьетнаме.

5. Большой ущерб делу разрядки нанесли события в „третьем мире" (Ангола, Эфиопия, Сомали, Йемен, Афганистан). Выработанная Киссинджером совместно с Никсоном концепция разрядки оказалась подорванной. Разрядка, как выяснилось, совсем не гарантировала желаемого правительством США замораживания социально-политического статус-кво в мире. Не оправдались надежды на отказ Советского Союза от доктрины интернациональной солидарности и от поддержки определенных сил в

национальных движениях ряда стран „третьего мира", которые, по существу, подрывали такой статус-кво. Москва при этом исходила из явно ошибочной предпосылки, что можно отделить отношения с США от событий в других частях мира и от своей политики там.

В свою очередь, в США набирала силу доктрина „увязок" различных проблем в отношениях с СССР с целью оказания давления на Москву. Сторонником этой доктрины был Киссинджер. Однако она постоянно вступала в противоречие с его же главной концепцией, что договоренность между СССР и США в области ограничения ядерного оружия имеет первостепенное значение. Так что в этих вопросах, фигурально говоря, Киссинджер сталкивался с самим Киссинджером.

Все это привело к фактическому замораживанию американской стороной переговоров по ОСВ, когда началась предвыборная кампания в 1976 году, и к решению президента Форда заменить в своих выступлениях слово „разрядка" лозунгом „мир с позиции силы". В то же время тема „наращивания советской военной мощи" вновь заняла видное место в политических выступлениях представителей администрации. При этом все неблагоприятные для США социально-политические процессы в мире без особого разбора рассматривались уже как проявление „советского экспансионизма". На этом фоне происходило известное поправение самого Киссинджера, который был одним из американских архитекторов политики разрядки.

6. Внутриполитический тыл политики разрядки в США был подорван „уотергейтским" скандалом, который резко снизил способность администрации США (Никсона и Форда) проводить последовательный курс в советско-американских отношениях. К тому же в условиях США, где внешняя политика обычно персонифицируется с президентом, скандальный уход Никсона невольно порождал серьезные сомнения и в отношении правильности проводившейся им политики разрядки, чем воспользовались ее противники.

7. Сыграл свою роль и серьезный экономический кризис 1974-1975 го дов, который сопровождался политическим натиском правых кругов во главе с Рейганом.

8. Наконец политика ограничения эмиграции из СССР, преследование диссидентов и связанные с этим эксцессы, получившие громкий общест венный резонанс на Западе, наносили большой ущерб делу разрядки. Значительная часть американских либералов, обычно выступавших за ограничение гонки вооружений, за ослабление напряженности в советско-американских отношениях, т. е. бывших до этого нашими естественными союзниками, стала де-факто смыкаться - на основе неприятия такой советской политики в области прав человека - с противниками разрядки.

Последним во главе с сенатором Джексоном удалось таким образом создать достаточно широкую коалицию сил, чтобы остановить процесс разрядки на торгово-экономическом направлении, а позднее, во второй половине 70-х годов, вообще в советско-американских отношениях в целом.

Отсутствие широких контактов между парламентами и общественностью обеих стран, а также в торговых, культурных и научных областях препятствовало формированию материальной и социально-политической базы разрядки, а также способствовало разительной неосведомленности друг о друге, а подчас и об истинных мотивациях их действий. Это мешало поискам развязки в весьма эмоциональной для обеих стран сфере - вокруг проблемы прав человека - и нейтрализации многих стереотипов „холодной

войны". Наоборот, непонимание друг друга лишь усиливалось. Росла консолидация противников улучшения отношений с СССР.

9. Важным фактором в подрыве разрядки в советско-американских отношениях играло то обстоятельство, что она все больше зависела от развития процесса ограничения стратегических вооружений, т. е. она имела сравнительно узкую базу для развития сотрудничества. В известном смысле это было неизбежно, ибо до 1972 года отношения между сверхдержавами концентрировались на ядерных вопросах (Договор о запрещении ядерных испытаний, Договор о нераспространении ядерного оружия, Договор по ПРО и ОСВ-1). Но в период 1972-1974 годов СССР и США расширили эту область, включив три новые сферы: другие формы контроля над вооруже ниями (венские переговоры по ограничению вооруженных сил и вооружений в Европе), торговлю и регулирование отношений в период кризисных ситуаций. К сожалению, на венских переговорах в этот период не было до стигнуто какого-либо прогресса. В экономической области существенный удар был нанесен конгрессом в январе 1975 года; дальнейшие попытки с обеих сторон найти компромиссное решение в вопросе о предоставлении Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования не имели успеха.

Что касается регулирования кризисных ситуаций, то в различные моменты в течение 1974-1976 годов обе сверхдержавы вели себя так, как если бы вообще ими не был подписан в 1972 году в Москве на встрече на высшем уровне важный документ: „Основы взаимоотношений между СССР и США". Если бремя ответственности за нарушение принципов этих взаимоотношений в Африке лежало в основном на Москве, то на Ближнем Востоке, в антисоветских поощрениях Китая - на Вашингтоне. В целом же в глобальном масштабе дипломатия обеих стран не смогла найти путей, как жить при сохраняющихся, разногласиях по разным вопросам, не нанося серьезного ущерба важным стратегическим направлениям взаимоотношений между обеими странами, т. е. делу разрядки. Отсутствие более откровенного обмена мнениями и сотрудничества в преодолении разногласий лишь усугубляло положение вещей.

Когда, например, переговоры по ограничению ядерных вооружений стали заходить в тупик из-за общего ухудшения политической атмосферы, то и разрядка оказалась обреченной.

10. Отсюда общий вывод: военная разрядка не могла существовать одна без разрядки политической. А отсутствие прочного политического консенсуса в США в пользу поддержки разрядки явилось одной из основных причин ее неудачи.

В целом же значение разрядки в 70-е годы не следует недооценивать. Она прежде всего показала всему миру отсутствие фатальной неизбежности непрерывного конфронтационного противостояния двух сверхдержав, двух социально-политических систем. Она значительно уменьшила риск ядерного столкновения. В этот период были заключены важнейшие соглашения и достигнуты серьезные договоренности по военным вопросам. Процесс переговоров по ограничению стратегических вооружений, как позже и других вооружений, все прочнее, хотя с колебаниями и задержками, входил в повестку дня отношений обеих держав. Все это было, несомненно, успехом как американской, так и советской внешней политики. Но, к сожалению, в целом разрядка 70-х годов оказалась не только неполной, но и непрочной, недолговечной.

Остановимся теперь на политике Советского Союза.

При достаточно искренних и настойчивых попытках нашей дипломатии наработать определенный минимум доверия в отношениях с США, добиваться ослабления международной напряженности, ограничения и сокращения вооружений эта политика сталкивалась с немалыми внутренними препятствиями как политико-идеологического, так и военно-практического порядка, сильно вредившими ей.

Мы уже упоминали некоторые из них. Прежде всего - излишняя заидеологизированность нашей внешней политики. Это проявлялось, в частности, в нашем идеологическом противостоянии, в нашей бездумной вовлеченности в далекие от нас региональные конфликты во имя выполнения „интернационального долга" в отношении других народов, что сопровождалось растущими подспудными великодержавными устремлениями советского руководства и было чревато неизбежными - и, к сожалению, ненужными - осложнениями в отношениях с США. Главное - мы стали создавать опасный прецедент и непосредственно втягиваться в военные действия в странах „третьего мира", подрывая существо разрядки. Можно прямо сказать, что международная разрядка 70-х годов во многом была похоронена на полях нашего соперничества в „третьем мире", хотя советские лидеры были не в состоянии (или не хотели) это понять.

В руководящих кругах СССР считали, что эти региональные конфликты носят побочный, второстепенный характер и что их можно будет как-то изолировать от основных вопросов отношений с США, например, от переговоров по ОСВ (справедливости ради надо сказать, что все это в немалой степени относилось и к политике администраций Никсона-Форда-Картера, например, на Ближнем Востоке, где американская дипломатия настойчиво добивалась исключения советского влияния и советского участия в ближневосточном урегулировании).

Крупным негативным фактором, постоянно осложнявшим отношение с США и процесс разрядки, было нарушение прав человека в СССР (вопросы эмиграции и диссидентства). Постановка таких вопросов неизменно встречалась советским руководством (и соответственно советскими дипломатическими представителями за рубежом) в штыки, крайне болезненно и рассматривалась как недопустимое вмешательство во внутренние дела СССР. Это усиливало в США не только враждебность в отношении СССР, но и восприятие общественностью советского строя как „империи зла", с которой немыслимо мирно сосуществовать или проводить совместную политику разрядки. Не случайно крайние консерваторы размахивали лозунгом „лучше быть мертвым, чем красным".

Еврейские круги США, которые особенно активно будоражили проблему прав человека, добивались свободы эмиграции из СССР, чему упорно противодействовало советское руководство (тут немалую роль вначале играли идеологические причины: как это так, уезжать из социалистического общества, лучшего в мире?). Наши отношения с еврейской общиной приобрели конфронтационный характер, особенно когда под ее влиянием американский конгресс отказал Советскому Союзу в предоставлении режима наибольшего благоприятствования в торговле. Из-за проблемы эмиграции влиятельные еврейские круги в США играли резкую оппозиционную роль по любым вопросам дальнейшего развития советско-американских отношений. А это в значительной степени сказывалось на американских средствах массовой информации.

Я до сих пор убежден: если бы мы вовремя сняли этот конфликт с еврейскими кругами, то тем самым во многом способствовали бы и развитию процесса разрядки с США. Я несколько раз ставил этот вопрос перед высшим советским руководством, включая Брежнева и Громыко. Однако их позиция была иррациональна: по существу самого вопроса они давали невразумительный ответ, сопровождавшийся раздраженными комментариями о том, что „нельзя уступать нажиму сионистов и позволять им вмешиваться в наши внутренние дела". Тезис „права человека - это исключительно наше внутреннее дело" долго и упорно главенствовал в нашем руководстве.

Отрицательным фактором была и недооценка советскими руководителями роли американского конгресса во внешней политике США. Здесь сказывалось прежде всего их неуважение к собственному парламенту, который штамповал все решения партийного руководства. Соответственно в Москве считали, что главное и чуть ли не решающее значение имела только договоренность с президентом, поэтому не следует особенно принимать во внимание настроения в конгрессе. В результате он преподнес „сюрпризы", сильно ударившие по политике разрядки и советско-американским отношениям. Достаточно вспомнить отказ законодательного органа предоставить СССР режим наибольшего благоприятствования в торговле или ратифицировать, договор об ОСВ-2.

Надо сказать, что идеологический плен брежневского поколения усугублялся изоляцией от внешнего мира, которая была тяжелым наследием Сталина. Явление „зеркального отражения" - перенос советского опыта и понятий на американскую политику - еще одно следствие изоляции и нашей неосведомленности. Советское руководство и народ не понимали Америку, воспринимая, например, Никсона, как своего рода американского генерального секретаря, и только в 1973 году стали уяснять, что есть и другая, не меньшая сила - конгресс США. Явно недооценивалось влияние американского общественного мнения и внутренних факторов. Конечным итогом добровольной самоизоляции стали подозрительность и настороженность в отношении малоизвестного внешнего мира, особенно США. Последним приписывались в основном враждебные и экспансионистские намерения. Впрочем, американская сторона в такой же степени, если не больше, страдала этим пороком.

Значительным фактором, исподволь подрывавшим разрядку, было растущее влияние в Советском Союзе военно-промышленного комплекса. И дело тут не только во все увеличивавшихся аппетитах этого комплекса, как это было и в США. Главное - выход из-под политического и гражданского контроля военной политики и оборонных программ. Дело в том, что вся деятельность в этой области у нас была чрезвычайно засекречена. Даже члены Политбюро знали далеко не все, так как министры обороны и оборонной промышленности замыкались прямо на Генерального секретаря ЦК КПСС, который одновременно был Главнокомандующим и Председателем Совета обороны. Брежнев был давно тесно связан с военно-промышленным комплексом, которым он ранее руководил. Он вообще не только благосклонно относился к военным - хотя его участие в Отечественной войне было не такое уж заметное и весомое, - но и сам причислял себя к высшим военным авторитетам. Звание маршала Советского Союза, присвоенное ему вместе с высшими наградами льстецами из его политического окружения, еще больше поднимало его в собственных глазах.

Короче, военные и руководители военной промышленности, которые одновременно являлись надежной опорой Брежнева в партии и правительстве, имели свободный доступ к нему и добивались одобрения своих проектов и планов в области военного строительства (особенно это относилось к министру обороны Устинову), не будучи обремененными какими-либо знаниями или ответственностью в области внешнеполитических задач. А эти военные проекты не подвергались никакому серьезному обсуждению или гражданскому контролю вне стен кабинетов Генерального секретаря или военных ведомств: ни в Верховном Совете СССР, ни в правительстве, ни даже в Политбюро (где они упоминались в самой общей форме - в порядке информации).

Все это вело, по существу, к бесконтрольной гонке вооружений, не вызывавшейся подчас действительной необходимостью и не очень связанной с конкретными внешнеполитическими задачами или концепциями типа разрядки. Даже принятый обеими- странами - во времена администрации Никсона - принцип военного паритета воспринимался высшим военным руководством СССР как право иметь у себя все виды вооружений, которые имелись в США (но подчас в более значительных количествах). Лозунг „догнать и перегнать Америку" продолжал действовать. Такая концепция паритета, по существу, лишала нас возможности самостоятельно определять свою военную политику. Мы шли как бы по пути, который за нас определяли американцы. В результате в 70-е и 80-е годы в СССР произошел новый резкий виток гонки стратегических и обычных вооружений (по числу танков, артиллерии, самоходных установок мы уже сильно опережали США). Все это делалось под покровом большой секретности, в глубокой тайне, вызывая подозрения за рубежом. Даже высшие чины советской дипломатической службы (кроме Громыко) ничего об этом не знали и продолжали оперировать в беседах со своими зарубежными коллегами данными, которые уже не соответствовали действительности. В отдельных случаях дело доходило и до прямой неправды, когда советские дипломаты -по ориентировкам из Москвы - утверждали, что строительство, например, Красноярской РЛС не нарушало соглашения с США по ПРО, хотя в действительности это было нарушением (как признавал в то время Генштаб в своей докладной записке Брежневу). Надо добавить - не в оправдание, конечно, но как факт, - что советские руководители сами не всегда верили, что США ведут честную игру в области контроля над вооружениями.

Своими практическими шагами мы невольно подыгрывали тем в США, кто активно культивировал „образ врага", утверждал, что для борьбы с ним необходимы сплочение нации и высокая военная готовность страны, не взирая на огромные расходы. Этим непрерывно и занимался Пентагон.

В свою очередь, эскалация военных расходов стала сказываться на внутреннем положении СССР. В конце 70-х и начале 80-х годов у нас появились признаки застоя в экономическом и социальном развитии страны. Это породило во влиятельных кругах США дополнительное искушение продолжать оказывать максимальное экономическое, политическое, психологическое и военное давление на СССР, продолжать гонку вооружений и таким путем существенно тормозить развитие СССР, а значит, и ослаблять его международные позиции.

Разрядка все больше и больше уходила в прошлое.

Еще одно немаловажное обстоятельство. Западные политические деятели, воспринимали Брежнева в 1970-1974 годах, как человека, который был

в состоянии вести международные дела и переговоры и который стремился к миру и договоренностям. Во второй половине 70-х годов иностранные руководители, встречавшиеся с Брежневым, видели перед собой уже иного человека. Это хорошо осознавали и мы, советские дипломаты, во время эпизодических поездок в Москву по служебным делам. Брежнев дряхлел, меньше интересовался происходившими в мире событиями. Он отходил от прямого участия в процессе формирования позиций в важнейших переговорах, в том числе и по ОСВ, хотя окончательное их утверждение - впрочем, довольно формально - происходило по-прежнему под его председательством. Брежнев уже не был в состоянии давать прежние волевые импульсы в пользу разрядки, и это также ускорило ее закат. А разрядка, надо сказать, в немалой степени была движима личными амбициями Генерального секретаря, как и американских президентов.

В этой связи надо особо отметить важность личных встреч на высшем уровне, как последней инстанции, на которой принимались наиболее важные решения. К сожалению, за исключением периода президентства Никсона, в обеих столицах недостаточно признавали необходимость регулярных встреч для более откровенного обмена мнениями и возможного взаимного учета взглядов и интересов.

И последнее соображение. Демонтаж разрядки во многом зависел от взаимного недопонимания ее критической связи с внутренней ситуацией, общественной атмосферой, возникшей в обеих странах.

Приход к власти президента Картера в 1977 году в силу ряда объективных и субъективных причин сопровождался значительными осложнениями и обострениями в советско-американских делах, неудачными попытками администрации практиковать выборочную или дозированную разрядку.

Неоправданная задержка с завершением договора об ОСВ-2 (который так и не был ратифицирован американской стороной), публичная конфронтация вокруг вопроса о правах человека, переключение внимания Картера на другие проблемы, включая активизацию связей с Китаем, отодвигали советско-американские отношения назад по шкале внешнеполитических приоритетов Белого дома, в то время, как сохранялось усиленное идеологическое и политическое давление на СССР с целью добиться изменений в его внешней и внутренней политике. Действия Картера, рассматривавшиеся советским руководством как прямое вмешательство во внутренние дела СССР, вызывали особое раздражение в Москве.

Все это - в сочетании с бурным ходом событий в развивающемся мире в 1977-1979 годах при одновременном неоправданном конфронтационном вовлечении в них обеих великих держав и, наконец, советская интервенция в Афганистане - знаменовало развал политики разрядки в советско-американских отношениях и возвращение „холодной войны".

Не скрою, наступивший новый период в советско-американских отношениях вызвал у меня, как посла и просто гражданина, непростые размышления. Главное, надо было понять, что же является эпизодом в этих отношениях - разрядка напряженности или конфронтация, чреватая даже военным столкновением? Будущее выглядело неопределенным и опасным.

ЧАСТЬ

VIII

ПРЕЗИДЕНТ РОНАЛЬД РЕЙГАН, 1981—1989 ГГ.

Беседа наедине с президентом Р.Рейганом, Белый дом.
Апрель 1986 года

1. В БЕЛЫЙ ДОМ ПРИХОДИТ РЕЙГАН И ЗАМОРАЖИВАЕТ ОТНОШЕНИЯ С СССР

Президентство Рональда Рейгана было по-своему уникальным в советско-американских отношениях. В то время как в США пришел новый энергичный лидер, только что одержавший убедительную победу на президентских выборах, в Советском Союзе с 1981-го по 1985 год сменялись высшие руководители: Брежнев, Андропов и Черненко. Правда, в целом в отношении США все они исходили из убеждения, что необходимо избегать риска ядерной войны и что минимальное сотрудничество отвечает интересам как СССР, так и США. Они стремились к более регулируемым и предсказуемым отношениям с новой администрацией и в этой связи проявляли серьезный интерес к переговорам об ограничении вооружений и, образно говоря, к установлению определенного „военного детанта" между обеими странами, поскольку восстановление „политического детанта" явно не удавалось. В течение 1981-го и 1982 годов Советское правительство продолжало выступать в пользу диалога с американской администрацией. Делалось это не толькр в публичных заявлениях, но и путем негласных дипломатических контактов, в которых мне приходилось принимать непосредственное участие.

Однако в первые годы правления Рейган отказывался от конструктивного диалога или взаимодействия с СССР. Стремление к военному превосходству и к возобновлению активного идеологического противостояния с нашей страной - таковы были две составные части его политики. Первые четыре года его президентства характеризовались засильем воинствующей идеологии, окончательным развалом процесса разрядки, которую новый президент открыто отвергал, заменив ее конфронтацией, ростом опасной напряженности в отношении между двумя сверхдержавами. Тут были и объявленный Рейганом яростный „крестовый поход" против „империи зла", и программа „звездных войн", и лихорадочное наращивание новых видов вооружений. За первые пять лет пребывания у власти Рейгана бюджет Пентагона вырос вдвое. Государственный долг США перевалил за 2 трилн. долларов.

Все это - во имя провозглашенной администрацией стратегии „прямого противоборства" с Советским Союзом на глобальном и региональных уровнях. Был взят курс на ломку военно-стратегического равновесия. Стремление Белого дома к военному превосходству явно отодвигало назад любую перспективу конструктивных переговоров и договоренностей по ограничению вооружений. А эти переговоры всегда были своеобразным барометром наших отношений.

Советское руководство, затратив в предыдущие годы столько средств и усилий, чтобы достичь стратегического равновесия, восприняло все эти действия Рейгана как отказ от договоров и соглашений, достигнутых ранее с прежними администрациями. Оно было полно решимости, не считаясь с расходами, удержать завоеванное глобальное равновесие, сделать военный паритет необратимым и вести борьбу с „авантюристической политикой" Рейгана, хотя и предпочло бы путь договоренностей. В этом смысле

политика Рейгана не достигала своих целей, а лишь опасно обостряла отношения.

В наших отношениях в тот период не было просвета. Напряженность в международных отношениях обострялась. Пожалуй, никогда в послевоенные десятилетия положение в мире не было столь напряженным, как в первой половине 80-х годов.

Для меня первые пять лет пребывания у власти Рейгана были, пожалуй, самым трудным и неприятным периодом моей работы как посла в Вашингтоне. Настоящая конструктивная дипломатическая работа практически была заморожена. Мои давние прямые и полезные контакты с Белым домом, установленные при других администрациях, фактически прервались. Основные усилия дипломатических служб тогда концентрировались в другой плоскости: как самортизировать конфликты, не дать напряженности „холодной войны" перерасти в вооруженные столкновения.

Одним из немногих связующих звеньев в советско-американских отношениях в 1982-1983 годах оставались переговоры по ядерным вооружениям в Женеве (в 1981 году они были прерваны из-за „неготовности" к ним администрации США). Однако надежды на то, что удастся в этот сложный период как-то продвинуть процесс этих переговоров, не оправдались. Американская администрация, занятая перевооружением, не торопилась. Более того, этим надеждам был нанесен сильный удар, когда Рейган 23 марта 1983 года объявил о своей „стратегической оборонной инициативе" (СОИ), или программе „звездных войн", распространявший гонку вооружений на космос. Трагический инцидент с южнокорейским самолетом, сбитым 1 сентября 1983 года советским истребителем, еще больше накалил обстановку. Советско-американские отношения были почти полностью парализованы. Бесплодные споры на переговорах по ядерным вопросам зашли в тупик. Наконец, раздраженный Андропов прервал эти переговоры. По существу, это означало конец его надеждам договориться с Рейганом.

В начале 1984 года в позиции администрации США на советском направлении вроде стали проявляться некоторые сдвиги. К этому времени активно осуществлялась большая программа перевооружения Америки, началось масштабное размещение ракет „Першинг-2" и крылатых ракет в Европе, была задействована разработка программы СОИ. Начавшаяся кампания по выборам президента, трудности в отношениях с западноевропейскими союзниками побудили Рейгана предпринять первые шаги на пути возобновления диалога с Москвой. Однако впереди была сложная и ухабистая дорога. Препятствия на ней создавали не только сам президент и его периодические публичные антисоветские всплески, но и частая смена высших руководителей в Кремле.

В феврале 1984 года умер Андропов. На его место пришел Черненко. Он не был, конечно, новатором или тем более сильным лидером. Однако к этому времени большинство в советском руководстве стало приходить к вынужденному мнению, что необходимо искать какой-то выход из опасного тупика в отношениях с США, прежде всего на путях возобновления переговорного процесса по ограничению ядерного оружия.

Летом 1984 года Политбюро (в котором все большую роль начал играть М.Горбачев, часто председательствовавший на заседаниях вместо болевшего Черненко) приняло два важных решения: возобновить диалог с администрацией США по разоружению и исподволь вести дело к встрече на высшем

уровне (к такой встрече стал проявлять некоторый интерес и президент Рейган). Несколько позже советское руководство пошло на наиболее трудный для себя шаг: тихо отказалось от своего давнишнего требования -условия возобновления переговоров по ограничению вооружений - о предварительном выводе американских ракет „Першинг-2" и крылатых ракет из Европы.

Однако настоящего диалога с Вашингтоном сразу не получилось. В Москве все еще сильны были подозрения, что наметившиеся в это время некоторые подвижки в позиции администрации Рейгана в пользу такого диалога объяснялись главным образом предвыборными соображениями. Да ив самой администрации в этот период не было еще никакого отработанного курса на активизацию отношений с Советским Союзом. В этом вопросе сильно расходились во взглядах прежде всего Шульц и Уайнбергер. Правда, у самого президента стало проявляться - пусть и не очень последовательно - намерение искать какие-то договоренности с СССР на путях ослабления ядерной угрозы, особенно после успешного осуществления большой программы перевооружения Америки. За первые четыре года пребывания у власти Рейган претерпел определенную эволюцию от жесткой оппозиции контактам и переговорам с СССР к постепенному использованию их для достижения своих внутриполитических и внешнеполитических целей. Он не прочь был обрести в глазах американцев и мировой общественности имидж не только сильного президента, но и президента-миротворца.

Вскоре после переизбрания Рейгана на второй срок в начале 1985 года в Женеве была достигнута договоренность относительно рамок начинавшихся двусторонних переговоров по ядерно-космическим вооружениям.

После смерти Черненко в марте 1985 года идея первой за 6 лет советско-американской встречи на высшем уровне начала обретать конкретные очертания. Рейган высказался за встречу с Горбачевым. Тот не только согласился с этой идеей, но и повел среди членов Политбюро энергичную работу в пользу ее быстрейшего практического осуществления. Он с самого начала стал сторонником личных контактов на высшем уровне.

19-25 ноября 1985 года в Женеве состоялась первая встреча Рейгана и Горбачева. К удовлетворению обоих участников обнаружилось, что они могут разговаривать не только как непримиримые идеологические антагонисты, но и как лидеры, ведущие практический диалог поиска путей к решению давних проблем. Открывалась новая эпоха советско-американских встреч на высшем уровне, которые в конечном счете привели к радикальному изменению отношений обеих стран, да и не только их одних.

Мои сокровенные надежды на восстановление и развитие сотрудничества времен разрядки, не покидавшие меня даже в мрачные годы конца президентства Картера и первой половины правления президента Р.Рейгана, стали вроде сбываться.

В этой главе более подробно излагаются наиболее драматические события тех лет, в которых мне довелось непосредственно участвовать.

Первый год президентства Рейгана

В 1981 году новая администрация США делала ставку на активное перевооружение страны и рост военных расходов за счет сокращения многих социально-экономических программ, просуществовавших в США около

50 лет. Белый дом, по существу, шел на демонтирование экономической и социальной политики страны, заложенной рузвельтовскими реформами 30-х годов.

Во внешней политике Рейган и его ближайшее окружение открыто отказались от политики разрядки и взяли курс на „прямое противоборство" с СССР, на ослабление социалистической системы всеми возможными средствами. Акцент делался на военную силу. Идеологической обработке американского населения в духе вражды к СССР были подчинены основные усилия правительственной пропаганды.

В самой администрации основные рычаги управления оказались в руках узкой группы главных помощников президента (прежде всего „большой тройки" - Миса, Бейкера, Дивера), которые от имени президента решали текущие вопросы. Из числа других руководителей администрации большим влиянием пользовались министр обороны Уайнбергер, министр финансов Риган, министр юстиции Смит. Довольно влиятельным в администрации был и вице-президент Буш. Положение госсекретаря Хейга осложнилось после его нашумевших стычек с Уайнбергером, „большой тройкой", а также с помощником президента Алленом.

Что касается стиля руководства, то президент сильно отличался от своих предшественников. Рейган предпочитал многое перепоручать своим помощникам, не вникая особенно в детали даже важных вопросов (это, в частности, проявлялось на его пресс-конференциях, но пресса весьма снисходительно относилась к этому, хотя другим президентам подобные ляпы не прощались).

Рейган глубоким знанием проблем не отличался, мыслил упрощенными категориями, руководствуясь твердо устоявшимися у него в течение многих лет броскими клише, антисоветскими и антикоммунистическими лозунгами, особенно в своем подходе к мировым проблемам. Догматизм во взглядах на внешнюю политику сопровождался у Рейгана склонностью и даже любовью к „политическому драматизму", созданию „мини-кризисов" и „шоковых ситуаций" (впрочем, таких, которые не представляют большой опасности для самих США), которые сопровождались умелым использованием патриотической риторики. Расчет тут был прежде всего на то, чтобы эффективнее воздействовать на население, мобилизовать его на поддержку военных программ и внешнеполитических акций администрации (в значительной мере Рейгану это удавалось, большинство американцев считало, что он „хорошо справляется с кризисами", которые он, по существу, часто сам же - вольно или невольно - создавал).

Изменения, происшедшие в конгрессе США в результате выборов 1980 года (переход большинства в сенате к республиканцам, укрепление их позиций в палате представителей, поправение многих демократов), предопределили его „идеологическую совместимость" с Белым домом. Под нажимом президента конгресс сдавал свои позиции в сфере внешней политики, по существу, лишаясь тех рычагов воздействия на администрацию в этой области, которые он завоевал в 70-х годах. Заметно ослабла и роль комитетов по иностранным делам обеих палат, особенно сенатского во главе с Ч.Перси, который не имел своего лица и фактически шел на поводу у администрации.

В целом во внешней политике конгресс неизменно и активно поддерживал милитаристский курс администрации, ее подход к советско-американским отношениям.

Отношения между СССР и США при новом президенте стали быстро ухудшаться. Надежды советского руководства на то, что после предвыборной кампании открыто враждебное Советскому Союзу поведение Рейгана сменится более трезвым подходом к межгосударственным отношениям, оказались несостоятельными. Белый дом стремился действовать повсюду в ущерб СССР, рассматривал все международные события только через призму конфронтации с Москвой. А это замкнуло американскую внешнюю политику на грубом, можно сказать, примитивном антисоветизме.

Правда, американская администрация не могла не считаться с реальностями стратегического ядерного баланса обеих стран, с опасениями своих союзников, а также собственного народа относительно возможной военной конфронтации с СССР. Поэтому под влиянием этих факторов США пошли на установление не очень активного и в целом малопродуктивного диалога с СССР - путем личной переписки Рейгана и Брежнева и по дипломатическим каналам. Конфиденциального канала связи в отличие от предыдущих администраций не было. Долго не было и прямых контактов на высоком уровне. Лишь в сентябре 1981 года в ООН состоялась первая встреча Громыко с госсекретарем Хейгом. Однако сам президент уклонился от традиционной встречи с советским министром.

Курс администрации на максимальное наращивание американского военного потенциала, по существу, блокировал возможность деловых переговоров с СССР по ограничению гонки вооружений и уменьшению опасности войны. Итоги советско-американского сотрудничества в этой области в прошлые годы, в частности договор об ОСВ-2, были объявлены Рейганом невыгодными для США. Переговоры с Москвой должны были, по замыслу нового руководства, вестись с позиции силы и „в увязке" с общим поведением СССР.

Такой практический вывод вытекал из переписки на высшем уровне и из нескольких моих безуспешных попыток, как посла, завязать в течение 1981 года диалог с Хейгом относительно возобновления переговоров по ядерным вопросам.

Следует добавить, что руководящий эшелон администрации, занимавшийся разработкой и реализацией политики США в вопросах разоружения, состоял в основном из фактических противников реальных мер в области разоружения и договоренностей с СССР (Ю. Ростоу, директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, Э.Роуни, специальный представитель США на переговорах по ограничению вооружений, Р.Пэрл, заместитель министра обороны).

США продолжали курс на отрыв стран Восточной Европы от СССР, причем проводили эту политику в значительно более прямолинейной и откровенной форме, столь характерной для нового руководства в Вашингтоне (свидетельство тому - события в Польше).

Отношения США с Китаем получили дальнейшее развитие на основе „стратегической общности" интересов. Началось их военное сотрудничество.

Политика в районе Ближнего и Среднего Востока, в бассейне Персидского залива ставила целью добиться господствующего положения США в этом регионе и в других ключевых районах мира, наращивать давление на позиции СССР и связанные с ним режимы и движения. Резко усилился политический и психологический нажим на Гавану.

Становление новой администрации

В Москве не питали иллюзий в отношении нового президента США. И все-таки где-то, скорее, подсознательно, у кремлевского руководства теплилась надежда, что Рейган, хотя и говорит жестко, но все же реалист, с которым можно будет попытаться найти контакт.

Тем сильнее были разочарование и озабоченность, когда советское руководство пришло к выводу, что имеет дело с опасно конфронтационным деятелем, который не желает достичь каких-то договоренностей с Советским Союзом. Во всяком случае, именно так выглядел в глазах Москвы первый год его правления. У дипломатического корпуса Вашингтона, естественно, вызывали наибольший интерес назначения на посты, связанные с внешней политикой.

Сенатор-демократ Пелл, член комитета по иностранным делам, сообщил мне в начале января, что скоро в комитете состоятся слушания по поводу утверждения бывшего генерала Хейга на пост госсекретаря.

Сенатор сказал, что, когда Хейг находился на посту главнокомандующего войсками НАТО, он на нескольких закрытых заседаниях конгресса „довольно свободно" говорил о возможности использования тактического ядерного оружия в случае конфликта в Европе. Правда, он оговаривался, что этот вопрос может решить лишь один президент США, но „ядерное мышление" генерала тогда все же насторожило либеральных сенаторов. Поэтому они и хотят допросить Хейга на слушаниях „с некоторым пристрастием".

Я неплохо знал Хейга еще по его работе в никсоновском Белом доме и не считал, что это был лучший выбор на пост госсекретаря США. Хейг был по характеру задиристый человек, склонный к конфронтационной манере беседы, а не к поиску возможных договоренностей. Для него все было или черное, или белое - полутонов он не признавал. Категоричность его суждений, видимо, объяснялась тем, что он был профессиональным военным. Атмосфера конфронтации была для него более привычным состоянием, чем неопределенность, связанная с ослаблением напряженности или с неясными перспективами затяжных переговоров.

Привычка к военному единоначалию, которое Хейг стремился ввести и в руководство внешней политикой США, быстро привела его к столкновениям с ближайшим окружением президента и военным министром Уайнбергером, которые, по существу, не признавали за новым госсекретарем права полностью монополизировать сферу внешней политики и исподволь настраивали против него президента. Короче, он становился противоречивой фигурой не только вовне, но и внутри администрации, хотя его внешнеполитические взгляды, по сути, мало чем отличались от взглядов самого президента.

За несколько дней до официального вступления Рейгана на пост президента Вест, заместитель госсекретаря по делам Европы, сообщил мне об ожидаемых перестановках в госдепартаменте. На пост заместителя госсекретаря по политическим вопросам (третий по значению пост в госдепартаменте) вместо Ньюсома намечался Стессел, посол в ФРГ и бывший посол в СССР, с которым Хейг сблизился во время своей работы в НАТО. На пост заместителя госсекретаря по делам Европы планировался Иглбергер, посол в Югославии (был ранее помощником Киссинджера). С учетом того, что вопросы СССР были хорошо знакомы Стесселу, а также отчасти Иглбергёру. Хейг решил не иметь при себе специального советника по советским делам.

20 января на приеме в честь нового президента Рейгана у меня состоялась первая беседа с Хейгом уже в качестве госсекретаря (но он еще не был утвержден сенатом).

Мы вспомнили наши с ним многочисленные контакты и беседы в бытность его „начальником штаба" в Белом доме при президенте Никсоне. Я заметил, что это были неплохие времена в наших отношениях и что нужно и сейчас вновь совместно поработать, чтобы решительно повернуть курс снова на конструктивный путь.

Хейг сказал, что к сожалению, международное положение и наши отношения переживают сейчас весьма сложный период, из которого не так легко будет найти выход.

На том же приеме у меня был краткий разговор и с Уайнбергером, назначенным министром обороны. Прежде он входил в кабинет Никсона*, а затем работал в частном бизнесе. Я был с ним неплохо знаком. Наш министр здравоохранения академик Петровский, несколько раз встречался ранее с Уайнбергером и был им „очарован". Когда он узнал о назначении Уайнбергера министром обороны, то всем говорил в Москве, что теперь в правительстве Рейгана „будет его друг". Я сам считал Уайнбергера человеком уравновешенным.

Я поздравил Уайнбергера с новым назначением. Затем в полушутливой форме заметил, что он за короткий срок уже проявил большие дипломатические способности, публично заняв „сверхгибкую" позицию: с одной стороны, он уже успел высказаться против ратификации договора об ОСВ-2 и даже действующего соглашения по ПРО. А с другой стороны, сам же заявил, что ему потребуется минимум шесть месяцев, чтобы разобраться в вопросах ограничения стратегических вооружений и выработать подход к дальнейшим переговорам с СССР. Как тут связать концы с концами? Может быть, нам встретиться в сугубо доверительном порядке и поговорить по этим вопросам? Я со своей стороны готов изложить нашу позицию и мотивы, стоящие за ней.

Уайнбергер признал, что он действительно пока мало что понимает во всех этих делах, так как ранее ими не занимался и даже ознакомительный разговор со мной в этой связи будет на данный момент для него беспредметным. Позднее - другое дело. Что касается его публичных заявлений, то это, откровенно говоря, было для него нетрудно, поскольку он лишь повторял предвыборные заявления самого Рейгана.

Это впоследствии стало характерной чертой поведения Уайнбергера как министра обороны: полная поддержка всех конфронтационных заявлений и действий Рейгана во внешнеполитической области с тенденцией в сторону их ужесточения.

Начало диалога с администрацией Рейгана

Буквально через пару дней после начала работы новой администрации состоялся первый обмен письмами между Хейгом и Громыко. Инициатором был Хейг, который сразу „пошел в атаку".

В письме госсекретаря излагались претензии американской стороны по поводу освещения в СССР вопроса об американских заложниках в Иране,

Уайнбергер был министром здравоохранения и социального обеспечения.

высказывались „предостережения" в связи с событиями в Польше, в Афганистане, относительно африканских дел. Разоруженческие вопросы полностью замалчивались.

Задиристый характер письма с упором на разногласия, а не на возможное сотрудничество вызвал настороженность и соответствующую реакцию в Москве. Через несколько дней я вручил Хейгу ответное письмо Громыко.

„...Я отмечаю выраженное в Вашем письме желание работать в пользу развития отношений между СССР и США, - писал министр, - это отвечает и нашим намерениям. В наших отношениях действительно есть немало вопросов, причем таких, которые заслуживают первостепенного внимания. И можно лишь сожалеть, что эти вопросы, судя по Вашему письму, пока еще не попали в поле зрения новой администрации". Далее излагалась наша позиция по этим вопросам, а также отводились „претензии" Хейга.

Короче, Хейг получил ответ-отпор в достаточно холодной форме.

Он ознакомился с текстом письма. Подумав, сказал, что, видимо, в результате обмена письмами можно считать, что „обе стороны сейчас квиты". Затем Хейг поинтересовался в сугубо личном плане моим мнением о новой администрации.

Я ответил, что если говорить откровенно, то еще не вижу принципиальной разницы между этой и ушедшей администрацией Картера. Хотя лозунгом администрации Рейгана и является „новое начало" в делах, пока что в отношениях с нами с первых же шагов она идет, к сожалению, по дороге, проторенной Картером.

Нас нельзя сравнивать с администрацией Картера, живо отреагировал Хейг.

К сожалению, такое сравнение напрашивается, продолжал я. Не так следует начинать отношения новой администрации с нами, если она действительно хочет улучшения этих отношений, а не ищет поводов к публичной конфронтации. Это особо относится к сегодняшней пресс-конференции Рейгана и его крайне враждебному высказыванию об СССР, которое было воспринято как программное заявление. По этому поводу я могу выразить лишь свое большое сожаление и даже недоумение: как же президент собирается вести дела с нами? Беспрецедентное заявление Рейгана, безусловно, произведет самое плохое впечатление на советское руководство и, думаю, вызовет у него сильное негодование (на первой же пресс-конференции новый президент заявил, что советские лидеры „сами присвоили себе право совершать любые преступления, лгать и обманывать". - А.Д). Зачем все это делается? Зачем задается такой развязный тон в самом начале деятельности новой администрации? (Откровенно говоря, я действительно был озадачен этим яростным антисоветским выпадом нового президента.)

Хейг ответил, что президент только что звонил ему и, рассказывая об этой пресс-конференции, заявил, в частности, что сказанное им о СССР не имело целью кого-либо обидеть в Москве, а было лишь выражением его глубоких убеждений.

Заметил Хейгу, что это его „разъяснение" лишь усугубляет положение.

На этом встреча с новым госсекретарем закончилась. На беседе в отличие от практики его предшественников (когда разговор, как правило, шел наедине) присутствовали заместитель госсекретаря Вест и заведующий советским отделом Джерман. Прощаясь, Хейг сказал, что сенатор Перси предлагает встретиться у него дома за ужином втроем для сугубо неофи-

циальной и свободной беседы по советско-американским делам. Я принял приглашение.

В целом из первой официальной беседы с Хейгом я вынес убеждение: приход новой администрации предвещает нелегкие времена.

Политбюро анализирует ситуацию. Хейг откровенно излагает политику администрации

Политбюро рассмотрело 11 февраля складывающуюся ситуацию. В связи с тем что США ознакомили своих союзников с содержанием нажимного письма Хейга Громыко, которому придавался своего рода программный характер, было решено информировать о письме Хейга и нашем ответе на него руководство стран Варшавского договора, Кубы, Вьетнама, Монголии и Афганистана.

Кроме того, поскольку госдепартамент США дал утечку в печать целенаправленной информации о письме Хейга, было принято необычное решение - сделать наш ответ тоже достоянием гласности в США. В этой связи посольству в Вашингтоне было поручено опубликовать в виде пресс-релиза посольства ответное письмо госсекретарю США, сопроводив его ссылкой, что делается это в связи с тем, что содержание письма Хейга было предано гласности американской стороной.

Так, приход к власти новой администрации с самого начала ознаменовался публичной пропагандистской перепалкой между правительствами СССР и США. Конфиденциальность общения исчезла. Это не предвещало в будущем ничего хорошего.

Первые шаги Рейгана вызвали беспокойство у либеральной части американских законодателей. Сенатор-республиканец Хэтфилд, либерал и сторонник ограничения вооружений, председатель сенатского комитета по ассигнованиям, рассказал мне, что в Белом доме и в сенате в целом сейчас „какое-то общее сумасшествие" по поводу „русской угрозы". Однажды такая истерия захлестнула страну в связи с победой коммунистов в Китае. Сейчас у всех на языке лишь „советская военная опасность". Этим активно пользуется военно-промышленный комплекс. Президент, находясь под очень сильным влиянием крайне реакционного калифорнийского окружения, своими заявлениями всячески подогревает обстановку.

На ужине в доме у сенатора Перси 5 февраля беседа с Хейгом затянулась за полночь. Новый госсекретарь по ходу беседы прямо сказал, что Рейган „безоговорочно" связал себя с курсом на резкое увеличение военных расходов. Это приоритет во внутренней и внешней политике администрации, ибо она полна решимости ликвидировать „отставание США" в этой области от СССР.

На вопрос, как это связать с заключенными с нами администрацией Картера соглашениями, в которых говорилось, в частности, что в области стратегических вооружений существует примерный паритет между СССР и США, Хейг нехотя признал, что такой паритет сейчас действительно есть. Однако он тут же заявил, что советская военная машина, по их мнению, взяла уже такие темпы, что к концу президентства Рейгана она далеко обгонит военную мощь США, если срочно не принять контрмеры (никаких Данных или цифр он, разумеется, не приводил в подкрепление своих Утверждений).

Госсекретарь дал ясно понять, что вопрос о возможных переговорах по ограничению стратегических вооружений не занимает сколько-нибудь серьезного места в планах администрации. „Сначала - запуск широкой программы перевооружения, затем будет видно" - таков был фактический смысл его откровенных высказываний.

Хейг был достаточно прямолинеен в изложении принципиального подхода администрации Рейгана к советско-американским отношениям, составной частью которого фактически и явилась недавняя серия враждебных нам заявлений руководителей администрации. Я лично сожалею, сказал Хейг, по поводу допущенного президентом не совсем удачного подбора слов, но это было сделано им неумышленно. Смысл же того, что он чувствует и что он хотел сказать открыто, передан им достаточно точно: „администрация не может вести, как обычно, дела с Советским Союзом, как если бы ничего не произошло".

Как бы поясняя, Хейг сказал, что Рейган не может смириться „с установившейся практикой", когда СССР прямо или косвенно использует „подставные фигуры" для достижения своих целей. Особенно „возмутили" Рейгана действия Кубы по разжиганию гражданской войны в Сальвадоре, Никарагуа.

Я прямо спросил Хейга, означает ли все сказанное им, что администрация Рейгана вообще сейчас не заинтересована в ведении какого-либо конструктивного диалога с нами, в дипломатических средствах вообще, а будет по-генеральчжи сводить все дело к гонке вооружений, надеясь оказать на нас соответствующий нажим? Неужели они всерьез верят в успех такого подхода?

Госсекретарь ответил, что в принципе они не против диалога с нами, хотя для подготовки к нему им потребуется время. Пока трудно точно сказать, сколько именно. Вместе с тем он вновь увязывал возможность достижения с нами тех или иных конкретных договоренностей „с общим поведением" Советского Союза (которое они сами же будут оценивать).

Хейг отклонил предложение сенатора Перси (он участвовал в этой части беседы) быстрее начать обмен мнениями между обоими правительствами по проблеме ограничения стратегических вооружений, мотивируя это тем, что для выработки позиции администрации потребуется немало времени.

По его словам, „общая обстановка сейчас не благоприятствует" и другому предложению Перси, чтобы сенат проявил в данный момент инициативу, одобрив два давно подписанных соглашения: соглашения 1974 года о запрещении подземных испытаний выше определенного уровня и 1976 года о мирных ядерных взрывах. „Подобная ратификация сейчас была бы ложным сигналом", - сказал он.

Хотя внешне он держался со мной как старый знакомый, его высказывания явно носили характер нажима. Администрация, судя по всему, не считала, что какие-либо позитивные шаги в наших отношениях отвечают ее интересам, не желала, по выражению самого же Хейга, подавать „ложные сигналы" своему народу сейчас, когда от него требуют немалых жертв, связанных с резким ростом военных расходов. У администрации не было никакого интереса к разоруженческим вопросам.

Через несколько дней у меня на обеде был Стессел, бывший посол США в Польше, СССР и ФРГ. Рейган назначил его на высший профессиональный пост в госдепартаменте - заместителем госсекретаря по общим политическим вопросам. Мы с ним были хорошо знакомы еще с 1952 года, когда

я был советником посольства в Вашингтоне, а он - заведующим советским отделом госдепартамента. В целом у нас с ним сложились дружественные отношения.

Из достаточно откровенных высказываний Стессела можно было отметить следующее: у Рейгана „весьма своеобразное" представление об СССР и его внешней и внутренней политике. На корректировку этого представления потребуется определенное время, возможно, довольно долгое. Сейчас Рейган искренне убежден, что он пришел к власти лишь потому, что народ поддержал его антисоветские позиции и точку зрения, что США должны снова „завоевать уважение" в мире путем энергичного вооружения Америки. Все это не позволяет пока профессиональному аппарату госдепартамента выходить к нему со своими инициативными предложениями и заставляет дипломатов ждать „указаний сверху", особенно сейчас, когда каждый боится за свое место в связи с приходом нового президента.

В результате всего этого в госдепартаменте, например, никто толком не знает, что делать с договором об ОСВ-2: вырабатывать ли совсем новый договор, изменять текст или пойти по пути поправок к нему. Нет никаких указаний от Рейгана или Хейга и по другим вопросам советско-американских отношений. Короче, сейчас период бесплодного выжидания.

По мнению Стессела, в советско-американских отношениях будет „пауза" в течение по крайней мере 6-8 месяцев. Пауза, связанная с запуском Рейганом определенных военных программ через конгресс. Антисоветскую риторику Рейгана будет нелегко остановить. Нет никакой уверенности в том, что Рейган „не сорвется" вновь при случае. Уж очень он привык к вольному разговору, когда проводил предвыборную кампанию.

Наша общая с ним оценка свелась к тому, что советско-американские отношения переживают тяжелый период без ясных пока перспектив на их улучшение.

Письмо Брежнева Рейгану. Реакция в Вашингтоне

Хотя между Рейганом и советским руководством не существовало никакого конфиденциального канала, а сам Рейган явно предпочитал этому свою публичную риторику, в Москве было решено попытаться все же завязать с ним личную переписку.

6 марта Брежнев направил Рейгану личное письмо, которое представляет несомненный интерес. В письме, которое не было опубликовано до сих пор, излагались следующие основные мысли советского руководства:

- Существующее военно-стиратегическое равновесие объективно служит сохранению мира на земле. Мы за то, чтобы, не нарушая этого равновесия, последовательно вести дело к снижению его уровня.
- Мы вообще за нормальные, добрые отношения с США, от состояния которых зависит климат международного положения в целом.
- Нынешнее состояние советско-американских отношений, острота проблем, требующих своего решения, вызывают необходимость в проведении и развитии активного диалога на всех уровнях. СССР выступает за такой диалог и готов договариваться о взаимоприемлемых решениях. Особое значение во всем этом имеют встречи на высшем уровне.
- Важно проводить профилактическую работу, предупреждать возникновение очагов военных конфликтов. В этом плане в Европе положительную роль играют

меры по укреплению доверия в военной области, проводимые по решению общеевропейского совещания. Теперь мы предлагаем существенно расширить и зону применения таких мер. Мы готовы распространить их на всю европейскую часть СССР при условии, разумеется, соответствующего расширения зоны мер доверия и со стороны западных государств. СССР выступает за успешное завершение мадридской встречи. Особо важное значение имело бы принятие на ней решения о созыве общеевропейской конференции для обсуждения и решения вопросов военной разрядки и разоружения в Европе.

- Мы считаем, что разработка и применение мер доверия могли быть полезными и в районе Дальнего Востока.

- В некоторых странах высказывается мнение, что недавние наши предложения, касающиеся Персидского залива, нельзя оторвать от вопроса о пребывании советского военного контингента в Афганистане. Наша позиция состоит в следующем: будучи готовыми договориться по Персидскому заливу как самостоятельной проблеме и участвовать в отдельном урегулировании положения вокруг Афганистана, мы вместе с тем не возражаем и против того, чтобы вопросы, связанные с Афганистаном, были обсуждены в увязке с вопросами безопасности Персидского залива.

- Мы со своей стороны готовы продолжать без промедления соответствующие переговоры с США по ограничению вооружений и их сокращению - с сохранением всего положительного, что до сих пор было достигнуто в этой области.

В качестве одной из практических мер мы готовы договориться о том, чтобы уже теперь установить мораторий на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств средней дальности СССР и стран НАТО, т. е. заморозить в количественном и качественном отношении существующий уровень таких средств, включая ядерные средства передового базирования США в этом районе.

- Было бы полезно созвать специальное заседание Совета Безопасности с участием высших руководителей государств, чтобы наметить пути к оздоровлению международной обстановки, недопущению войны.

- Возвращаясь к мысли об очагах напряженности и задачи их ликвидации, предлагаем специально выделить вопрос о положении на Ближнем Востоке. Советский Союз готов вести совместные поиски с США, с европейскими государствами, так как политическое урегулирование там за последнее время оказалось отброшенным назад.

- Советские предложения, говорилось в заключение, охватывают широкий круг проблем, предусматривают меры политического и военного характера. Мы понимаем, что потребуется время для их изучения. Видимо, будет возникать потребность и в каких-то консультациях, обменах мнениями, короче - в различных формах диалога. Мы к этому готовы.

Такова была программа в области советско-американских отношений (письмо было обсуждено и утверждено на специальном заседании Политбюро). Хотя ряд положений в нем был изложен с запросом и не все было приемлемо в тот момент для США, в нем все-таки было достаточно позитивного материала для дальнейшего диалога между Москвой и Вашингтоном, если бы последний этого захотел. В духе этого письма были выдержаны и некоторые публичные заявления советского руководства.

Интересной была реакция на эти заявления двух видных американских политических деятелей: бывшего президента Никсона и рейгановского министра обороны Уайнбергера.

В беседе со мной Никсон позитивно отозвался о подходе СССР к советско-американским отношениям, изложенным Брежневым на только

что состоявшемся XXVI съезде партии. Никсон сказал, что Брежнев правильно сделал, что не дал втянуть себя в публичную перепалку с Рейганом. Предложение о встрече на высшем уровне явилось полной неожиданностью для Рейгана (с которым Никсон говорил), ибо последний ожидал ответной критики и подготовился к ней, но никак не ожидал предложения о встрече. Общее состояние дел в наших отношениях, заметил Никсон, начинает меня сильно беспокоить, особенно учитывая явное непонимание в Белом доме мотивов, которыми вызваны те или иные предложения советской стороны.

В этой связи продолжал он, я позволю себе дать один личный совет Москве: не очень „выпячивать" тему о встрече на высшем уровне в дальнейшем публичном или негласном диалоге с Рейганом. Эта идея - по времени - скорее всего, претворится в жизнь в отношениях с европейскими лидерами, а не с Рейганом. Поясняя свою мысль, Никсон сказал, что Рейган разговаривал с ним по телефону сразу же после выступления Брежнева. К удивлению Никсона „кто-то уже успел внушить Рейгану мысль о том, что это предложение явилось результатом „решительной линии", занятой публично Рейганом в отношении СССР". Кроме того, Рейган думает, что, говоря о саммите, советский руководитель рассчитывает „переиграть" его на такой встрече, используя свой большой опыт, тем более что Рейган пока не разобрался во всех деталях.

Я, продолжал Никсон, постарался переубедить Рейгана, ссылаясь на свой опыт трех встреч на высшем уровне. Однако я не уверен, смог ли переубедить Рейгана в отношении оценок действий советского руководства. Он вроде по-прежнему убежден, под влиянием своего окружения, в успехе своего курса.

Несколько дней спустя я имел неофициальный разговор с Уайнбергером на обеде у Кендалла в связи с 60-летием последнего.

Я поинтересовался его мнением насчет предложений, высказанных Брежневым на съезде, а также в личном письме Рейгану. Уайнбергер ответил, что они изучаются. Однако если говорить откровенно и сугубо неофициально, добавил он, то он сам не предвидит быстрого улучшения отношений между нашими странами при администрации Рейгана.

На вопрос, почему он пришел к такому выводу, Уайнбергер немного помялся, а затем выпалил: „Москва считает, что она может обращаться с Рейганом, как с Картером, а Рейган намерен доказать обратное".

Я попросил уточнить, кто внушил Рейгану подобную экстравагантную мысль об оценках Москвы и на чем она, собственно, основывается.

Объяснения Уайнбергера носили сумбурный характер. Вначале он повторил избитый „тезис", будто СССР „испытывает" сейчас Рейгана, как он „испытывал" в свое время Картера (но на мой уточняющий вопрос он ничего не мог сказать конкретного). Затем попытался представить дело так, что советское руководство, убедив Картера пойти на встречу на высшем уровне, смогло „переиграть" его на этой встрече, заключив для себя более выгодный договор об ОСВ-2. Рейган не захочет, чтобы над ним „смеялись так же, как смеялись затем над Картером и его наивностью".

Я сказал Уайнбергеру, что его рассуждения не выдерживают критики. Взять, например, договор об ОСВ-2. Тут никто никого „не переиграл". Он отвечает интересам обеих стран. „Назовите мне ваши конкретные претензии к договору", - попросил я Уайнбергера. Он ответил, что еще не смог детально изучить договор и что этим занимается сейчас администрация.

Я заметил, что создается странная ситуация, когда договор заранее объявляется администрацией Рейгана „недостаточным или неудовлетворительным", а уж затем проводится его изучение с одной целью - „доказать его неприемлемость".

В целом надо сказать, что Уайнбергер произвел на меня удручающее впечатление своим примитивизмом и некомпетентностью в вопросах советско-американских отношений, что, впрочем, являлось тогда характерной особенностью администрации Рейгана.

24 марта я обедал с Хейгом. Он подробно расспрашивал о работе съезда КПСС, затем остановился на предложениях, содержавшихся в письме Брежнева Рейгану.

По словам госсекретаря, администрация США „в принципе" - за диалог с СССР на разных уровнях. Он надеется на встречу с Громыко по крайней мере на сессии Генассамблеи ООН (т. е. через полгода!) Для встречи на высшем уровне надо еще „немало поработать", прежде чем вопрос примет более конкретные очертания.

Хейга заинтересовала идея возможного обсуждения вопросов, связанных с Афганистаном, в увязке с вопросами безопасности Персидского залива. Но конкретно он ничего не предложил.

Относительно расширения мер доверия Хейг признал, что „он никак не ожидал, что мы пойдем на такие меры вплоть до Урала". Об этом он сказал и Рейгану. Вместе с тем он высказал фактическую неготовность США что-либо предпринять нам навстречу в отношении зон доверия „за пределами европейских берегов". Касаясь переговоров об ограничении стратегических вооружений, Хейг лишь заметил, что это предложение для них неприемлемо, поскольку оно означало бы „сохранение советского преимущества". США должны размещать свои ракеты в Европе. Он, по существу, уклонился от обсуждения проблемы Ближнего Востока, сославшись на то, что в этом районе сейчас переплелось „слишком много чувствительных и противоречивых элементов".

Из беседы явствовало также (он особенно и не скрывал этого), что вокруг Рейгана идет борьба не столько по существу политического курса, сколько вообще за влияние на президента. Хейг был недоволен тем, что в впоросы ведения внешней политики США пытаются вмешиваться „дилетанты из окружения президента".

Беседа с Кендаллом в начале апреля не оставила сомнения, что в Белом доме по-прежнему господствуют сильные антисоветские настроения. Видный предприниматель-республиканец имел хорошие связи в Белом доме. Хейг и Уайнбергер были его давние друзья. Он высказал мне свое беспокойство по поводу набирающей в Белом доме силу „теории публичных предостережений" СССР по разным вопросам, в первую очередь относительно Польши. Хейг не очень-то верит в эффективность этой теории, но он не против таких „предупреждений", полагая, что они могут создать в США выгодное для администрации впечатление сдерживания СССР, особенно когда последний и так не собирается что-либо делать.

К удивлению Кендалла, горячим сторонником „предупреждений" стал Уайнбергер, который вместе с помощниками президента Мисом, Бейкером и Алленом убедил Рейгана в целесообразности таких действий, придающих ему, помимо прочего, имидж „сильного президента". Уайнбергеру при этом очень нравится быть самому в центре внимания прессы, потому он и выступает часто с антисоветскими выпадами. Вообще же Уайнбергер все

чаще вмешивается в сферу деятельности госдепартамента, что не нравится Хейгу.

В числе немногих иностранных послов я был (28 марта) на ежегодном обеде известного в Вашингтоне клуба „Гридайрон". На обеде было около 500 человек - представители администрации, конгресса, делового мира и средств массовой информации. По традиции, во время обеда объектом дружеских шуток становятся видные политические деятели, начиная с президента. Последний также выступил, обменялся остроумными репликами с лидером оппозиционной партии и другими. Немало было пародийных выступлений. Вообще это было интересное, чисто американское политическое шоу, несколько непривычное для иностранцев.

В театрализованном представлении неожиданно выступила супруга Рейгана, она участвовала в шуточном хоре группы переодетых корреспондентов, которые пели частушки и плясали. Это было необычно даже для американской аудитории. Как мне доверительно рассказал один из устроителей вечера, поскольку пресса недоброжелательно высказывалась о Нэнси Рейган (ее критиковали за высокомерие, увлечение дорогими вещами, богатыми знакомыми и т. п.), ей посоветовали пойти на такой экстравагантный шаг. Пресса это оценила и стала в более благоприятном свете освещать ее деятельность.

В перерыве у меня состоялся краткий разговор с Рейганом. После обмена обычными приветствиями он выразил надежду, что сможет в будущем более обстоятельно побеседовать со мной, заметив, что это рекомендовал ему и Никсон.

Я ответил президенту, что готов встретиться с ним в удобное для него время. Рейган сказал, что обязательно сделает это, но чуть позже. Чтобы беседа была полезной, он хотел бы глубже изучить вопросы внешней политики и отношений с СССР. Сейчас, добавил он в шутку, мне было бы трудно „на равных" вести беседу, поскольку Вы, как посол, „пережили" уже нескольких президентов США и хорошо знаете все детали вопросов, а я еще нет.

Покушение на Рейгана. Письма Брежневу

Через пару дней Америка была в шоке - на Рейгана было совершено покушение. Он получил серьезное ранение, хотя сгоряча в первый момент этого не осознавал. К счастью, недалеко был госпиталь, где смогли быстро сделать операцию. Мотивы покушения остались не совсем ясными. Стрелявший в президента был признан психически больным. Сам факт покушения вызвал в стране волну симпатий и сочувствия к президенту. Аппарат Белого дома вначале растерялся, и главным распорядителем стал инициативный Хейг. Окружение президента ему этого не простило.

Через несколько дней у меня на обеде был Анненберг с женой, ближайшие друзья семейства Рейганов еще по Калифорнии. Он бывший посол в Англии. Она же заведовала протокольным отделом госдепартамента.

Анненберг высказал мнение, что Рейган в конечном счете осознает -возможно, даже раньше, чем некоторые его помощники, - необходимость внесения корректив в его нынешний курс в отношениях с СССР. „Рейган -небезнадежен в этом смысле", - утверждал он. Но потребуется время, тут же добавил он, и, возможно, немалое.

Правда ранение Рейгана, видимо, задержит „процесс познания" им внешнего мира, отметил Анненберг. Ранение оказалось более серьезным, чем сообщалось общественности. Хорошо, что его не повезли в военный госпиталь, где обычно лечат президентов, который находился довольно далеко от места покушения и куда президент мог и не доехать. Ему здорово повезло, что ближайший гражданский госпиталь оказался одним из немногих, который располагал первоклассной службой реанимации. Когда Рейгана привезли в госпиталь, он потерял сознание и наступило опасное состояние шока, серьезно затруднившего дыхание. Лишь экстренное вмешательство высококвалифицированных специалистов помогло предотвратить возможную трагедию.

По ходу нашей беседы Анненберг заметил, что Рейгану придется еще преодолеть сильную психологическую предубежденность против переговоров с СССР. Он считает, что русские могут его перехитрить, если за ним не будут стоять мощные вооруженные силы.

25 апреля Хейг сообщил мне, что у него есть поручение Рейгана передать сразу два письма Брежневу. Одно является как бы официальным ответом на последнее письмо Брежнева. Другое написано самим Рейганом от руки, а не на машинке, в нем „он хотел бы в личной форме поделиться некоторыми своими мыслями с советским руководителем".

Отвечая на вопрос, чем руководствовался Рейган, направляя сразу два письма, Хейг сказал, что проект первого письма был подготовлен госдепартаментом. Отдавая его Хейгу, президент одновременно вручил второе письмо, которое он сам написал, начав его, когда еще был в госпитале. По мнению Хейга, президент захотел по возможности оторваться от нынешних конкретных проблем, которые еще нуждаются в детальном изучении и которые достались ему в наследство, а не являются результатом его собственных действий, и посмотреть на советско-американские отношения философски, пошире, имея в виду постоянный поиск возможностей их улучшения. Рейган откровенно изложил свои мысли и свое видение мира. В этом особенность второго письма президента.

В личном письме Рейгана проводилась мысль - в историческом плане - о неизменной доброй воле Америки в международных делах; он ссылался, в частности, на период сразу после второй мировой войны, когда у СССР не было еще атомной бомбы, а вся страна была разрушена войной. США не воспользовались тогда свои превосходством, когда их никто не мог бы остановить, чтобы захватить чужие территории. На этом фоне последующая советская политика, в изложении президента, выглядела иной. Если бы изменилась политика СССР, то обе страны могли бы вместе взаимодействовать. Это письмо Рейгана держалось администрацией в секрете. Ближайшее окружение президента считало его „наивным".

Ответ Брежнева на личное письмо президента я вручил Хейгу 27 мая. Привожу его достаточно полно, поскольку оно было одним из ключевых в начале их переписки. Оно было продуктом коллективного решения всего Политбюро.

„Уважаемый г-н президент! Я тщательно обдумал Ваше личное письмо мне и хочу ответить на него в таком же личном и откровенном плане.

Как и Вы, я помню о нашем с Вами кратком разговоре на приеме у президента Никсона в „Каса Пасифика" в июле 1973 года... Я обратил внимание, что, вспоминая 1973 год, Вы отмечаете, что' достижение мира и доброй воли между людьми не оказалось столь близким, как тогда. И действительно, именно в те годы наши две

страны вступили на путь договоренностей, которые знаменовали коренной поворот к лучшему не только в наших отношениях, но и в международной обстановке в целом. Это были годы, когда СССР и США активно и небезуспешно взялись за решение задачи ограничения вооружений, прежде всего стратегических, когда они приступили к совместным поискам решений острых международных проблем, когда плодотворно развивались взаимовыгодные двусторонние связи и сотрудничество наших стран в самых различных областях. Почему же процесс начал давать сбои, а потом приостановился и даже оказался отброшенным вспять?.. И тогда мы вспомним, что еще в то время, когда развитие наших отношений шло по восходящей линии, в США раздавались голоса людей, которым не нравилось такое их развитие, которые упорно стремились затормозить и сорвать этот процесс. В Вашем письме говорится, что после второй мировой войны США обладали способностью добиться мирового господства, но, дескать, сознательно не воспользовались этой способностью. Скажу прямо: вряд ли найдется много людей, которые согласились бы с таким утверждением. На самом деле США сделали максимум, чтобы добиться того, что американские деятели сами называли „Паке Американа"... Но это оказалось за пределами их возможностей - вот в чем дело. Кстати, еще до того, как появилась американская атомная бомба, СССР был в состоянии много сделать, чего он не сделал, сохраняя верность своему слову и уважая союзнические обязательства.

...Ну а если взять самые последние годы, когда отношения между нашими странами стали ухудшаться, и ухудшаться резко, то известно, что „львиную долю" в этот процесс внесла администрация Картера, хотя, скажем прямо, в конечном итоге никаких лавров Картеру это не принесло. Не так ли, г-н президент?

Но почему-то и новая администрация США решила продолжать движение по этому же пути. Попробуйте, г-н президент, посмотреть на происходящее нашими глазами (...военно-политические союзы, военные базы за тысячи километров от США, нацеленные на нашу страну...).

...Главное же, что мне хотелось донести своим письмом, это мысль о том, что мы не ищем противоборства с США, не покушаемся на законные интересы Америки. Мы хотим иного - хотим мира, сотрудничества, чувства взаимного доверия и благожелательности между СССР и США. Мы предлагаем сейчас США и другим западным странам честные конструктивные переговоры, поиск решений практически по всем существующим между нами вопросам - и о сдерживании гонки вооружений, и о ликвидации опаснейших очагов напряженности в различных районах мира, и о мерах укрепления доверия.

...Мы никогда не будем зажигать военного пожара... Хотели бы верить в Вашу личную мудрость также не допускатьчшчего, что толкало бы мир к катастрофе.

Переписка имеет свои ограничения, личная беседа в этом смысле лучше. В этой связи хочу сказать, что относительно нашей с Вами встречи я также исхожу из того, что она должна быть хорошо подготовлена. К вопросу о сроках ее проведения мы, я полагаю, могли бы еще вернуться в подходящий для обоих нас момент. С уважением, Л.Брежнев. 25 мая 1981 года".

Хейг внимательно прочитал текст, но от своих комментариев воздержался, сказав, что это письмо должен сперва прокомментировать сам президент.

В целом надо признать, что интересная попытка Рейгана завязать какой-либо личный диалог с Брежневым окончилась безрезультатно. Советское руководство просто не обратило внимания на психологический аспект письма Рейгана, когда он впервые обращался с собственным письмом к коммунисту, Генеральному секретарю ЦК КПСС, что само по себе было для него непростым шагом. Брежнев, не задумываясь, прямо вступил с ним в

привычную советско-американскую полемику, которая не могла привести в тот момент к „наведению мостов" между ними. Правда, сам Рейган в своем письме также ничего не сделал в этом направлении, хотя, видимо, и откровенно изложил свои личные убеждения. Оба лидера не смогли настроиться на близкую волну для дальнейшего диалога. Их личная переписка повисла в воздухе. В дальнейшем их письма опять готовились дипломатическими ведомствами в духе существовавших идеологических концепций. „Прорыв" на высшем уровне, фигурально говоря, не состоялся. Больше того, Белый дом стал давать тенденциозные утечки из других писем Рейгана, что обесценивало их конфиденциальность.

На следующий день я передал Хейгу второе письмо Брежнева (ответ на второе, официальное, письмо Рейгана, в котором поднимались конкретные вопросы).

В ответе Брежнева выражалось сожаление, что письмо Рейгана построено на общей посылке об ответственности СССР за существующую в мире напряженность и о советской военной угрозе. Отмечался положительный отклик Рейгана на наше предложение расширить зону доверия на всю европейскую часть СССР, но в то же время западные участники мадридской встречи, включая США, уходили от ответа, что они готовы сделать сами в порядке взаимности. Высказывалась надежда на более конструктивную позицию США по другим вопросам мадридской встречи (в частности, по вопросу о созыве общеевропейской конференции по разрядке и сотрудничеству в Европе и т. п.).

Выражалось сожаление по поводу отрицательного отношения к советскому предложению об установлении моратория на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств средней дальности. Указывалось на то, что фактическое положение (вопреки утверждениям о советском превосходстве) таково, что ядерные вооружения СССР в Европе не превышают совокупного уровня ядерных средств группировки НАТО, и, стало быть, в Европе существует сейчас примерное равенство в соответствующих видах вооружений. Мораторий лишь фиксировал бы сложившееся равенство. Далее кратко говорилось о Польше (США не должны вмешиваться во внутрипольские дела) и об Афганистане (нужен процесс политического урегулирования).

В заключение выражалась надежда, что обмен мнениями на этом и другом уровнях будет способствовать нахождению решений.

Хейг кратко сказал: доложу президенту.

Из беседы с ним по ядерным вооружениям явствовало, что администрация не будет готова обсуждать с нами эти вопросы до встречи министров на Генеральной Ассамблее ООН, т. е. фактически в течение всего первого года президентства Рейгана сознательно исключались такие переговоры.

В ходе той же беседы Хейг сказал, что администрация с озабоченностью следит за тем, как СССР вооружает Никарагуа, руководство которой продолжает „возмущать спокойствие" в районе Центральной Америки, на что жалуются правительства стран этого региона. Хейг не мог, однако, привести каких-либо достоверных фактов на этот счет (он вообще был не прочь порой блефовать).

Тем не менее он бросил многозначительную реплику, которая была, судя по всему, ключом к затеянному им разговору о Никарагуа, а именно в случае необходимости они „могут ответить поставками американского оружия в страну, непосредственно соседствующую с СССР" (т. е. Китаю).

Я предостерег Хейга не играть с огнем. Он промолчал. В то же время Хейг достаточно откровенно пытался нас шантажировать - как в ответ за Центральную Америку (хотя наша активность там была минимальная) -возможностью американской военной помощи Китаю или определенными шагами в Польше.

Администрация активизирует „китайскую карту"

Хейг устроил (4 июня) прием в честь дипломатического корпуса в Вашингтоне (он произнес приветственную речь, я - как дуайен корпуса -ответил ему).

В связи с его предстоящим визитом в Китай в печати появились сообщения, что в ходе этого визита речь пойдет о расширении перечня американской военной техники, разрешаемой для продажи Китаю. Поэтому в беседе с ним я поинтересовался, насколько это соответствует действительности. Он утверждал, что вопрос о продаже оружия не является целью его визита, ибо главное - это обсуждение „взаимных стратегических интересов" США и Китая в глобальном плане. Правда, скороговоркой признал, что они рассматривают вопрос „о некотором поднятии уровня" списка военной техники для продажи Китаю, учитывая „дружественный характер" отношений США с ним.

Я заметил, что они затевают опасную игру, которая может самым серьезным образом отразиться на наших отношениях. Однако администрация, судя по Хешу, была уже настроена на китайскую волну.

Китайский вопрос поэтому стал занимать видное место в наших отношениях с Вашингтоном.

17 июня Стесселу было сделано представление по поводу данного нам ранее „разъяснения" Белого дома в отношении продажи военной техники Китаю, из которого следовало, что США допускали такую возможность.

„Подобное поведение американской стороны, - говорилось в советском представлении, - не могло бы расцениваться иначе, как откровенно враждебное в отношении СССР. Правительству США должно быть ясно, что его практические шаги по предоставлению Китаю оружия, военной техники и технологии будут соответствующим образом учитываться нами в общем контексте советско-американских отношений и что в этом случае СССР был бы свободен применять такие меры, которые могут диктоваться складывающейся обстановкой".

Стессел сказал, что он, конечно, хорошо понимает важность этого вопроса для будущих советско-американских отношений. О нашем заявлении он сегодня же доложит правительству США (и пошлет телеграмму Хейгу, который был в загранпоездке).

Когда госсекретарь вернулся, я встретился с ним. В дополнение к обращению, переданному ранее через Стессела, сообщил, что советское руководство считает необходимым вновь затронуть вопрос о намерениях и действиях США в отношениях с Китаем. Передал ему текст соответствующего заявления.

„Советское руководство хотело бы надеяться, - говорилось в заявлении, - что правительство США и лично президент еще раз тщательно взвесят свои последние шаги в отношении Китая и сопоставят их с реальными издержками и с теми опасностями, которые они несут миру и не в последнюю очередь самим США".

Реакция Хейга свелась к словесным оправданиям и заверениям, что, дескать, ничего особо нового не произошло, что не предвидится больших продаж в близком будущем и что вообще он может заверить нас в том, что „у администрации Рейгана нет намерения заниматься программой перевооружения Китая".

Но, несмотря на словесные заверения Хейга, администрация явно вела дело к расширению военного сотрудничества с Китаем. В июне администрация решила существенно ослабить ограничения на поставки в Китай военной техники (радары, противотанковые ракеты, средства ПВО и т. п.) и технологии, имеющей военное применение, а также упростить процедуру выдачи экспортных лицензий. За 8 месяцев 1981 года Пекину было выдано вдвое больше лицензий на закупку такой техники и технологии, чем за весь 1980 год.

Интересный взгляд на этот счет высказал вице-президент Буш в доверительной беседе со своим другом бизнесменом Кендаллом. Буш не одобрял нежелание администрации вести переговоры с СССР по вопросам контроля над вооружениями. Он сдержанно относился и к недавнему решению продавать оружие Китаю, так как это - без нужды - сильно испортит и без того плохие отношения с СССР. Сложность сейчас состоит в том, сказал Буш, что мы рассматриваем СССР через микроскоп, даже электронный микроскоп, т. е. все видим в сильно преувеличенном виде. А на Китай мы смотрим лишь через розовые очки. Немалую роль играет тут и то обстоятельство, что таким микроскопом в США в основном являются враждебные СССР средства массовой информации, которые к Китаю сейчас относятся почти с умилением, поскольку там нет „еврейского вопроса", но ведется сильная антисоветская пропаганда.

В целом можно было констатировать, что вопрос о Китае становился еще одним серьезным раздражителем в наших отношениях при администрации Рейгана.

О взглядах Рейгана

В один из дней июня я был на обеде у Аллена, помощника президента по национальной безопасности. Разговор вели с глазу на глаз.

Аллен сказал, что накануне он беседовал с Рейганом, который сказал ему, что считает полезным состоявшийся откровенный обмен мнениями в ходе переписки между ним и Брежневым. Такой обмен мнениями Рейган считает целесообразным проводить периодически. Президент сожалеет, что не совершил пару лет назад поездку в Москву, когда была такая возможность. Если бы он тогда встретился с Брежневым, то, по мнению Рейгана, многое могло бы выглядеть по-другому, поскольку они уже знали бы друг друга (в этом Рейган был прав). Сейчас же лишь взаимная подозрительность характеризует их отношения. Конечно, Рейган не теряет надежду на личную встречу, но когда она конкретно состоится, сейчас сказать трудно.

У Рейгана есть твердые убеждения относительно своих приоритетов. Сначала - провести через конгресс законодательство, которое должно выправить экономическое положение и усилить военную мощь страны, поскольку война во Вьетнаме позволила СССР вырваться вперед в военной области. После этого президент готов приступить к серьезным переговорам с СССР по разным вопросам, включая возможное взаимное „существенное

сокращение" ядерных вооружений. Аллен признал, что тут „мало логики": сначала вооружаться, тратить уйму денег, а потом сокращать вооружения путем переговоров. Однако сам Рейган очень верит в эффективность этой своей „формулы", когда имеешь дело с СССР.

Бизнесмен Хаммер, давний мой знакомый, как-то сказал мне, что считает помощника президента Аллена одним из главных антисоветчиков в Белом доме, который постоянно снабжает Рейгана клеветническими и другими предвзятыми материалами о СССР. Была у Хаммера и личная неприязнь к Аллену. Как-то жена Рейгана, с которой Хаммер установил хорошие отношения, участвуя во всех ее начинаниях по сбору средств в деловом мире, показала ему докладную записку Аллена президенту Рейгану.

В этой записке Аллен предостерегал президента против слишком тесного общения с Хаммером и приглашений его в Белый дом, так как, утверждал Аллен, Хаммер является „негласным агентом КГБ", хотя прямых доказа- тельств у него нет. Рейган, по словам жены, посмеялся насчет „сверхпо- дозрительности" Аллена и оставил этот донос без последствий. Больше того, он назначил Хаммера (за его пожертвования в фонд избрания президента) на почетную должность координатора - от имени Белого дома -всех работ в США по борьбе с раковыми заболеваниями.

Аллен, как помощник президента по национальной безопасности, по своему общему профессиональному уровню заметно уступал своим предшественникам - Киссинджеру и Бжезинскому. Впрочем, он, видимо, неплохо вписывался в общую команду Рейгана.

Через день после беседы с ним у меня была неофициальная встреча со Стесселем. Он по ходу беседы, по существу, признал, что в администрации сейчас серьезно не изучают советские инициативы, выдвинутые на XXVI съезде партии и в письме Брежнева Рейгану. Главное тут в том, признал он, что у президента Рейгана „другие приоритеты": сначала программы по экономике и вооружению, укрепление связей с союзниками и друзьями США, а уж затем возможные переговоры с СССР. Немалую роль в действиях Рейгана и Хейга играет „психологический фактор" - желание утвердить себя перед всем миром и общественным мнением США как „новых энергичных и твердых руководителей, восстанавливающих роль США в качестве лидера свободного мира". Отсюда - немало „излишней риторики, которая никак не помогает тем, кто работает в области советско-американских отношений". Стессел признал антисоветскую предубежденность Рейгана. Очень часто по ходу выступлений он отходит от подготовленного текста, и начинается его собственное антисоветское „творчество". Особенно когда имеется подходящая аудитория. Госдепартамент тут бессилен.

Советский посол - дуайен дипкорпуса Вашингтона

Дуайеном (старшиной) дипломатического корпуса в Вашингтоне очень долгое время был Севилья Сакасса, посол Никарагуа в США с 1943 года (когда еще Громыко был там послом). Человек он был жизнерадостный, дружелюбный, и так как он не был очень обременен официальными делами (он был зятем пожизненного диктатора Сомосы, у которого были отличные отношения с США), то охотно, как дуаейн, посещал все протокольные мероприятия во всех посольствах. Неожиданная революция в Никарагуа лишила его поста посла, и он скоро исчез, прихватив, как утверждал его

преемник, деньги посольства. Одновременно эта революция сделала меня главой дипкорпуса в Вашингтоне, так как я был вторым послом по длительности пребывания в американской столице.

У меня сразу возникли две проблемы. Во-первых, у меня просто не было времени ходить на все приемы в разных посольствах. В Вашингтоне было более 150 посольств, каждое из них устраивало по крайней мере один прием по случаю национального праздника, не говоря уже о приемах по другим поводам. Короче, не проходило и дня без какого-либо протокольного мероприятия. Во-вторых, как глава дипкорпуса, я должен был присутствовать на официальных церемониях в Белом доме, когда туда прибывали главы других государств. Однако нередко приезжали главы таких государств, с которыми у СССР были плохие отношения или совсем не было дипломатических отношений. Формально это не затрагивало моего статуса, как главы дипкорпуса, но все-таки порой было просто неуютно присутствовать на таких церемониях. Но' главное, именно на них президент Рейган в своих приветственных речах не забывал критиковать Советский Союз, его политику и идеологию. Для него это становилось чуть ли не ритуалом. Выслушивать все это мне, советскому послу, было совсем ни к чему.

Поэтому я договорился с госдепартаментом (который проявил понимание деликатности такой обстановки для меня), что когда в Вашингтон приезжали главы заведомо недружественных нам государств или когда госдепартамент заранее знал, что в приветственной речи Рейгана будет немало колючих фраз в адрес СССР, то я просил посла Швеции, второго по старшинству посла, подменять меня. Так мы успешно „взаимодействовали" все время.

На посту дуайена я был участником многих интересных событий. Помню, в Вашингтон приехал папа Иоанн Павел II с официальным визитом. В посольстве Ватикана был устроен прием для дипкорпуса. Послы собрались в большом зале посольства, а затем по очереди входили в небольшой зал, где их принимал папа.

Как глава дипкорпуса, я был первым. Мне было известно, что папа римский неплохо понимает русский язык, поэтому спросил его по-английски, на каком языке он предпочитает говорить. Он ответил: давайте я буду говорить по-польски, а Вы по-русски. После краткого разговора он довольно неожиданно спросил, не буду ли я возражать, если он благословит меня как посла великой страны и пожелает успехов в укреплении мира на Земле (он, конечно, знал, что все советские послы были тогда членами коммунитичес-кой партии, т. е. предполагалось, что все они атеисты).

Я ответил, что с удовольствием приму его благословение во имя названной им великой цели. Думаю, что я был единственным советским послом за всю историю нашей дипломатической службы, которого лично благословил папа римский.

Политбюро не скрывает недовольство Рейганом

В Москве росло раздражение по поводу того, что с Рейганом не удалось установить доверительного диалога. Пости все личные письма Рейгана Брежневу (за исключением самых первых), попадали затем на страницы американской прессы в соответствующем пропагандистском оформлении. Не было и конфиденциального канала, как это бывало при других

администрациях, поскольку Рейган не видел в этом нужды. Все шло по официальным каналам через госдепартамент. Больше того, когда Громыко приехал на Генеральную Ассамблею ООН, то он не получил традиционного приглашения от американского президента приехать в Вашингтон для беседы с ним. А у Громыко было специальное поручение Политбюро лично высказать президенту нашу оценку состояния отношений с новой администрацией. Но он не смог этого сделать.

30 сентября Политбюро специально обсудило вопрос о переписке с Рейганом. На заседании отмечалось, что американцы пытаются- в выгодном для себя свете обыграть факт направления президентом США 22 сентября послания Брежневу, содержание которого сразу же предали гласности.

Соответствующую работу они проводят и через свои посольства за рубежом. В этой связи Политбюро сочло целесообразным довести до сведения руководства социалистических стран, а также некоторых нейтральных государств нашу оценку как самого послания Рейгана, так и той явно пропагандистской кампании, которую затеяли вокруг него США. В своем обращении к дружественным странам Советское правительство указывало, что „содержание послания президента преподносится американцами в тенденциозной форме, явно рассчитанной на то, чтобы создать впечатление конструктивного подхода администрации США к отношениям с СССР. Одновременно распространяются спекуляции, что в противоположность этому советская сторона ведет „жесткую линию". Все это вынуждает нас разъяснить, как в действительности обстоит дело с посланием президента США".

Следует иметь в виду, что особое возмущение в Москве вызвало то обстоятельство, что администрация Рейгана в погоне за пропагандистскими дивидендами стала использовать советско-американскую переписку на высшем уровне, организуя „утечки" в прессу надлежащим образом подготовленной информации. До сих пор, при всех предыдущих администрациях, такая переписка не предавалась гласности. Сам Кремль строго придерживался этого правила. Шаги администрации, конечно, не укрепляли доверия между руководством обеих стран и значительно обесценивали личную переписку на высшем уровне.

В Политбюро все же сочли целесообразным, чтобы Брежнев послал Рейгану ответное письмо. При этом сделать вид, будто не было „утечки" письма Рейгана в печать и переписка продолжается.

16 октября я вручил Хейгу это ответное письмо Брежнева. В нем, в частности, говорилось:

„Достойно сожаления то, что в Вашем письме вновь предпринимается попытка представить дело так, будто помехой на пути улучшения наших отношений и снижения общей международной напряженности является политика СССР. В нашей с Вами переписке я уже подробно говорил о безосновательности такой постановки вопроса. Равным образом не служит полезной цели и линия в Вашем письме на то, чтобы так или иначе увязать перспективу развития наших отношений с какими-то изменениями в „поведении" Советского Союза. Ставить так вопрос - значит заведомо заводить дело в тупик".

Далее Брежнев касался Кубы, Анголы, Кампучии, призывая Рейгана „без предвзятости" посмотреть на положение дел.

Брежнев отвергал ссылку Рейгана на то, что советская „кампания антиамериканизма" является одним из факторов, отравляющих атмосферу.

„Если у кого есть основания предъявлять такой счет по поводу разгула враждебной пропаганды, так это у нас, советской стороны. Чего, например, стоит непрерыв-

ная кампания по поводу так называемой „советской военной угрозы". И зачем Вам лично, г-н президент, понадобилось недавно публично заявить, будто СССР строит свою политику в расчете на победу в ядерной войне? Разве Вы не знаете - быть может, это от Вас кто-то умышленно скрывает - мое заявление о том, что ядерная война явилась бы катастрофой для всего человечества?"

Письмо заканчивалось на позитивной ноте.

„Недавно состоялась встреча наших министров в Нью-Йорке (имеются в виду две встречи Громыко с Хейгом в сентябре. - А.Д.). В определенном смысле результаты положительные. Я имею в виду достигнутую договоренность о проведении переговоров по ограничению ядерных вооружений в Европе. Конечно, сделан только первый шаг... Открытым по-прежнему остается важнейший вопрос - о продолжении переговоров об ограничении стратегических вооружений... Будем надеяться, что наши с Вами обмены послужат делу установления лучшего взаимопонимания по ключевым проблемам советско-американских отношений".

Президент тем временем объявил о новой долгосрочной программе наращивания стратегических сил США. Она давала самый крупный прирост современных и наиболее мощных стратегических вооружений из всех планировавшихся и финансировавшихся любым президентом США. Программа включала строительство и развертывание 100 бомбардировщиков „Б-1" при одновременном продолжении работ над „бомбардировщиком-невидимкой" („Стеле"), создание боее крупных атомных подводных лодок класса „Огайо", строительство 100 МБР „МХ", совершенствование систем управления и связи.

Эта программа сопровождалась соответствующей модификацией военно-стратегических доктрин США, в которых главным оставалось признание возможности ядерной войны. Рейган на пресс-конференции заявил о своей приверженности „ограниченной ядерной войне", а несколько позднее, в том же году, издал президентскую директиву № 32, в которой предусматривалась возможность ведения „затяжной" ядерной войны с СССР.

20 октября Политбюро вновь обсудило вопрос об отношениях с Рейганом. Конкретно рассматривался вопрос о том, что „среди измышлений", с помощью которых американские руководители пытаются как-то обосновать свой курс на форсирование наращивания ядерного арсенала США, особое место отводится тезису о том, будто советское руководство исходит из возможности победы в ядерной войне. А из этого делается вывод, что в основе такого подхода к ядерной войне лежат якобы агрессивные намерения СССР. С подобным заявлением недавно выступил и лично президент США.

В этой связи было решено опубликовать интервью Брежнева корреспонденту „Правды". Был одобрен следующий текст:

„Вопрос. Недавно президент Рейган заявил, что СССР, судя, дескать, по разговорам его руководителей „между собой", считает возможной победу в ядерной войне. Этим он пытался обосновать свой курс на форсированное наращивание ядерного арсенала США. Что Вы могли бы сказать по поводу упомянутого заявления американского президента?

Ответ. Оставляя на совести г-на Рейгана ссылку на то, будто ему известно, о чем говорят между собой советские руководители, по существу вопроса скажу следующее: начинать ядерную войну в надежде выйти из нее победителем может только тот, кто. решил совершить самоубийство. Какой бы мощью ни обладал, 'какой бы способ развязывания ядерной войны ни избрал, он не добьется своих целей. Возмездие последует неотвратимо.

Такова наша принципиальная точка зрения. Будет хорошо, если и президент США сделает ясное и недвусмысленное заявление, отвергающее саму идею ядерного нападения как преступную".

Таким образом, пропагандистская война - на самом высоком уровне -лишь усиливала напряженность в советско-американских отношениях.

С целью некоторой стабилизации отношений была предпринята обоюдная попытка договориться о следующей встрече министров. В течение всего ноября я обсуждал с Хейгом этот вопрос. В конце концов, была достигнута договоренность, что встреча состоится в Женеве 26-27 января 1982 года.

Рейган предлагает „нулевой вариант". События в Польше

18 ноября Рейган выступил с разрекламированной речью об ограничении ядерных вооружений в Европе. Суть выступления: США откажутся от плана размещения ракет „Першинг-2" и крылатых ракет наземного базирования при условии, если СССР, в свою очередь, демонтирует ракеты „СС-20", выведет из боевого состава и демонтирует ракеты „СС-4" и „СС-5". Это был так называемый „нулевой вариант", получивший широкую известность.

Предложения Рейгана по ограничению ядерных вооружений в Европе, как считали а Белом доме, в любом случае беспроигрышны для США: как в случае их принятия советской стороной (что в тот момент считалось маловероятным, настолько они были односторонними), так и при их отклонении, ибо это все равно давало Вашингтону пропагандистский выигрыш. А внешне „нуль в ядерных вооружениях" выглядел весьма впечатляюще для неспециалистов.

В Москве американские предложения сразу вызвали отрицательную реакцию. Трудно было свыкнуться с мыслью, что СССР должен будет уничтожить уже существующие и размещенные ракетные системы (на что были затрачены огромные деньги) в обмен лишь на обещание США не размещать в будущем свои ракеты (помимо прочего, американская сторона сэкономила бы на этом немалые средства).

Однако в долгосрочном плане исподволь начинал работать важный фактор, непосредственно затрагивающий безопасность СССР. Дело в том, что все советские ракеты средней дальности в Европе не могли достичь территории США, а аналогичные американские ракеты прямо угрожали бы европейской части Советского Союза. А это существенным образом нарушило бы складывающееся общее стратегическое ядерное равновесие между обеими странами в пользу США.

Этот фактор сыграл, в конце концов, определяющую роль в изменении советской позиции. Правда, произошло это уже позже, при Горбачеве и при соответствующем „размене" в разных типах вооружений.

В связи с „нулевым вариантом" Рейгана возникает вопрос, а не упустили ли мы тогда возможность „поприжать" Рейгана, публично приняв „для обсуждения" это его предложение? Я думаю, что мы получили бы неплохой пропагандистский выигрыш, если бы сделали это. Дело в том, что весь замысел Рейгана строился именно на нашем отказе. Эти мои впечатления подкрепил Уорнке, бывший глава делегации США на переговорах по ОСВ-2. Он крайне пессимистически оценивал перспективы этих переговоров. По его

словам, Рейган поставил себе целью ускоренными темпами наращивать военную мощь Америки и американское ядерное присутствие в Европе. Сама мысль „договориться с русскими безбожниками - коммунистами" ему претит. Даже если бы советская сторона сейчас и согласилась с пресловутым „нулевым вариантом", полушутливо заметил Уорнке, президент все равно нашел бы повод отказаться от собственного предложения только из-за того, чтобы добиться развертывания американских ракет в Западной Европе.

Как признался мне и Бжезинский, для США в этом вопросе важна была прежде всего политическая сторона, а не какие-то конкретные военные преимущества, хотя они также играли свою роль. Речь шла - во имя укрепления НАТО - о „ядерной привязке" США к их европейским союзникам по блоку для снятия у последних опасений, что в случае ядерной войны в Европе Вашингтон может и пожертвовать ими, чтобы не переносить такую войну на территорию самих США. Рейган просто блефовал со своим „нулевым вариантом", не думая о каких-то действительных планах по ограничению гонки вооружений. Мы же не смогли убедительно использовать этот блеф, так как в Москве в этот момент доминировали в основном чувства сильного возмущения „вызывающе" односторонним предложением Рейгана. Показательно, что впоследствии, когда мы стали проводить более продуманную линию, американской дипломатии пришлось отбиваться от их же собственного „нулевого варианта", выдвигая всякого рода „промежуточные решения".

Заканчивающийся год внес, таким образом, еще один элемент напряжения и в без того натянутые отношения между Москвой и Вашингтоном.

Тем временем правительство Польши все больше теряло контроль над положением в стране. Поэтому 13 декабря президент Ярузельский ввел военное положение. Советское правительство поддержало это решение. Администрация же Рейгана выступила с осуждением действий Ярузельского и позиции СССР*.

24-25 декабря по прямому проводу состоялся обмен довольно резкими посланиями между Рейганом (который отказывался признавать события в Польше ее „внутренним делом" и угрожал Москве санкциями, если она будет оказывать помощь „курсу репрессий" в Польше) и Брежневым (который призывал президента прекратить вмешиваться в польские дела).

29 декабря администрация Рейгана объявила о „санкциях" против СССР: приостановила рейсы Аэрофлота в США; закрыла советскую закупочную комиссию в Нью-Йорке; прекратила поставки нефтегазового оборудования; прекратила выдачу лицензий на продажу электронно-вычислительной техники; отсрочила переговоры по новому долгосрочному соглашению по зерну; отказалась возобновить соглашения по энергетике, по научно-техническому сотрудничеству, по космосу и полностью пересмотрела все другие соглашения по двустороннему обмену.

Ярузельскому нами оказывалась всяческая помощь (вооружением, финансами, продовольствием и т. п.). Однако вопрос о вводе в Польшу союзных войск, как в свое время в Чехословакию, не находил поддержки в Политбюро. Две дивизии советских войск, постоянно дислоцированные в Польше (по планам Варшавского пакта), получили приказ не выходить из казарм, чтобы „не провоцировать поляков". На одном из заседаний специально созданной комиссии Политбюро по Польше ее председатель Суслов прямо заявил, что „пусть даже в Польше к власти придут социал-демократы, будем с ними работать, но войска не введем". Кремль понимал, что ввод войск в Польшу, да еще в условиях войны в Афганистане, мог иметь непредсказуемые последствия.

2. МОСКВА - ВАШИНГТОН: НАПРЯЖЕННОСТЬ НЕ СПАДАЕТ

В 1982 году сохранялась значительная напряженность в советско-американских отношениях, что неизбежно сказывалось и на международной обстановке в целом.

Объявленный Рейганом в июне „крестовый поход против коммунизма" находил свое конкретное выражение в резком взвинчивании антисоветской пропаганды, проведении фактически непрекращающейся серии идеологических кампаний с применением неприкрытой дезинформации, ведении экономической войны против СССР. Главным при этом оставалось стремление добиться военного превосходства над СССР путем рекордных военных расходов.

События в ноябре 1982 года, связанные с кончиной Брежнева и избранием Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС, застали американское руководство несколько врасплох. Белый дом сделал ряд символических жестов в наш адрес (посещение Рейганом нашего посольства для подписания книги соболезнований по случаю кончины Брежнева, направление в этой связи Буша и Шульца в Москву).

Однако вскоре рядом своих акций американское руководство фактически подтвердило свое намерение придерживаться прежних позиций, хотя и постаралось спрятаться за пропагандистской фразой о том, что „первый сигнал" должен исходить из Москвы. Не было никаких свидетельств того, что сам Рейган или его ближайшие советники (Кларк, Мис, Бейкер и Дивер) хотя бы задумывались над перспективами откровенно антисоветского курса.

В Москве считали, что в отличие от большинства его предшественников, которые к середине своего президентского срока, как правило, переходили на более центристские, прагматические позиции, Рейган демонстрировал стойкий „иммунитет" к внешним и внутренним факторам, которые обычно требовали корректировки прежней политики президента. По существу за два года пребывания у власти он не вышел за пределы того воинствующего идеологического подхода к СССР, с каким он выступал всю жизнь, особенно в период предвыборной кампании 1980 года. Для него СССР оставался врагом номер один, против которого надо использовать все меры воздействия.

Хейг и Громыко встречаются в Женеве. Обед в Белом доме

26 января 1982 года в Женеве состоялись переговоры двух министров. Они провели две встречи, в ходе которых обсуждался широкий круг вопросов, включая проблемы ограничения ядерных вооружений, положение на Ближнем Востоке, на юге Африки, в Азии и в некоторых других районах мира. В отношении ограничения ядерных вооружений в Европе стороны констатировали наличие принципиальных расхождений, поэтому условились, что делегации СССР и США в Женеве продолжат обсуждение этой проблемы. Встреча выявила также, что американская сторона не готова

приступить к переговорам по проблеме ограничения стратегических вооружений. Резкую дискуссию вызвало положение в Польше - и США, и СССР взаимно настаивали на прекращении вмешательства другой стороны в польские дела.

В целом никакого позитивного сдвига в переговорах министров не произошло. Да, видимо, такую задачу США и не ставили. По окончании встречи Хейг публично заявил: „Я не считаю, что целью этих переговоров было улучшение американо-советских отношений или отношений между Востоком и Западом в целом; напротив, они были задуманы для того, чтобы американская сторона получила возможность четко высказать мнение по ряду волнующих вопросов, прежде всего, выразить озабоченность сложившейся ситуацией в Польше. Думаю, что в этом смысле наши переговоры более чем оправдали себя".

Короче, встреча в Женеве внесла дополнительный элемент отчужденности в отношениях между руководством обеих стран.

В сенатском комитете по иностранным делам нежелание администрации возобновить советско-американские переговоры об ограничении стратегических вооружений было подвергнуто критике. Выступая на заседании, Хейг прямо использовал события в Польше, чтобы оправдать затяжку с началом переговоров.

Тем временем в начале февраля президент Рейган объявил о решении приступить к широкомасштабному производству бинарных газов нервно-паралитического действия, Москва опубликовала резко критическое заявление.

Президент Рейган устроил 19 февраля обед в честь дипломатического корпуса. Рейганы любили и умели устраивать приемы. Для большинства дипломатов это была редкая возможность встретиться с президентом.

Нэнси Рейган, которая сидела за обедом рядом со мной, пожаловалась, что секретная служба практически полностью ограничила свободу передвижения президента и ее самой.

Мы фактически узники в Белом доме, сказала она, особенно после покушения на президента. Охрана следит за каждым нашим шагом. Я не могу даже посетить музеи и магазины. Единственная у нас отдушина, это когда мы приезжаем на наше горное калифорнийское ранчо, там можно перемещаться, не натыкаясь на охрану. Вместе с тем, добавила она, со всем этим приходится мириться, так как в стране немало сумасшедших, которые готовы повторить покушение на президента. Угроз немало.

Г-жа Рейган посетовала, что ей ни разу не удалось побывать в СССР, в Москве и Ленинграде. Не знаю, при нынешних отношениях между нашими странами будет ли такая возможность до конца президентства моего мужа, отметила она. В принципе я хотела бы посетить Вашу страну, о которой я и мой муж знаем не так уж много (это было видно и по задаваемым ею вопросам об СССР).

Нэнси Рейган заметила далее, что, учитывая ранение мужа, а также и отчасти его возраст, ей приходится внимательно следить за тем, чтобы он придерживался определенного режима. Стараюсь, чтобы после 5-6 часов вечера он был дома, сказала она, а также совсем не работал по субботам и воскресеньям. Впрочем, он сам все это хорошо понимает и выполняет такой режим.

Надо сказать, что супруга Рейгана вызывала в вашингтонском обществе большой интерес и любопытство. Глава аппарата Белого дома Дональд Риган изображает ее в своих мемуарах как личность с твердым характером,

хотя и верящую в астрологию, и отмечает, что ее воздействие на мужа стало одним из наиболее непредсказуемых факторов президентства Рейгана. Справедливости ради следует добавить, что Риган покинул Белый дом не без участия жены президента и, возможно, затаил на нее обиду. Во всяком случае на меня она произвела впечатление знающей себе цену женщины.

После обеда у меня был короткий разговор с президентом. Заметив, что осведомлен о моем недавнем возвращении из Москвы, он поинтересовался, как там оценивают советско-американские отношения.

Я сказал ему откровенно, что эти отношения сейчас, пожалуй, упали до самого низкого уровня с момента окончания второй мировой войны. Добавил, что могу дать более подробную оценку, если он пожелает.

Поколебавшись, он показал на толпившихся невдалеке послов и сказал, что к обсуждению оценок наших отношений надо бы вернуться попозже. Я заметил, что готов к такому обсуждению. Чувствовалось вместе с тем, что к конкретному разговору сам Рейган не был готов.

Любопытную запись в этой связи сделал Рейган в своем дневнике, которая была позже приведена в его автобиографии. Отметив, что на приеме присутствовали посол СССР в США Анатолий Добрынин и его супруга, Рейган написал следующее: „Все, что мы о них слышали, совершенно правильно - это во всех отношениях приятная чета. Настолько приятная, что удивляюсь, как они могут уживаться с советской системой. По правде говоря, он и его жена - чрезвычайно приятные люди, которые вот уже сорок лет как женаты и очень любят друг друга".

Я привел эту запись не только потому, что мне это приятно и не отрицаю этого. Что привлекло мое внимание в этой записи, так это искреннее удивление Рейгана тем, что в советской системе, в „империи зла", оказывается, могут жить и даже представлять ее за рубежом „чрезвычайно приятные люди". Этот штрих показывает, что в весьма идеологизированном подходе Рейгана ко всему советскому лежали его действительно личные убеждения, а не только соображения политической выгоды.

На приеме ко мне подошел вице-президент Буш, с которым мы давно были знакомы. Он сказал, что сильно обеспокоен развитием советско-американских отношений и хотел бы переговорить со мной в неофициальной обстановке у него дома. Я дал согласие на эту встречу.

США отклоняет мораторий на ядерное вооружение в Европе

Выступая 15 марта в Москве на съезде профсоюзов, Брежнев заявил, в частности, о решении Советского правительства ввести в одностороннем порядке мораторий на развертывание ядерных вооружений средней дальности в европейской части СССР. Этот мораторий должен был действовать до достижения с США соответствующего соглашения либо до того времени, когда США перейдут к практической подготовке развертывания в Европе ракет „Першинг-2" и крылатых ракет.

Уже на следующий день Хейг в беседе со мной заявил, что это предложение для них неприемлемо и что они начнут в следующем году развертывание своих ракет в Европе в соответствии с решением НАТО, если мы не примем их предложение о „нулевом варианте", т. е. советская сторона должна демонтировать все уже установленные ею ракеты такого типа.

Затягивание администрацией Рейгана начала переговоров по ОСВ вызывало растущую озабоченность среди тех кругов в США, которые были настроены против гонки вооружений.

В начале апреля меня посетили сенаторы Крэнстон и Метайес, видные представители либеральных кругов обеих партий. Они сказали, что в США народ сейчас запутался в вопросах ядерных вооружений и переговорах по ним, тем более что и президент, и госсекретарь, по существу, сознательно вводят в заблуждение общественность в том, что касается подлинного соотношения ядерных средств средней дальности в Европе и соотношения общих стратегических сил СССР и США. Очень важно, советовали сенаторы, дать сейчас на американскую аудиторию четкое заявление советского руководства о существующем примерном паритете общих стратегических сил (хотя бы на базе цифр по ОСВ-2, согласованных на уровне глав государств в Вене в 1979 году) и о готовности их заморозить. В отсутствие новых конкретных заявлений СССР на этот счет (по стратегическим вооружениям) пропагандистское преимущество остается за администрацией и ее политикой гонки вооружений.

В целом это был дельный совет. К сожалению, Москва мало обращала внимание на такую конкретную пропагандистскую сторону вопроса. К тому же секретность в отношении количества советских вооружений по-прежнему довлела над кремлевским руководством, хотя Вашингтон был хорошо осведомлен в этих вопросах.

Вопрос о встрече на высшем уровне повисает в воздухе

Характерной особенностью советско-американских отношений в первые годы президентства Рейгана было резкое свертывание официального диалога по дипломатическим каналам (конфиденциального канала вообще не было), а если он и возникал, то в основном обретал форму публичных заявлений, содержащих взаимные обвинения.

Инициативные шаги, как правило, сперва объявлялись публично, а уж потом становились предметом возможного обмена мнениями между правительствами, что неизбежно придавало подобным шагам привкус пропагандистской направленности.

Так было в отношении переговоров по ограничению ядерных вооружений. Так получилось и в отношении важного вопроса о возможной встрече на высшем уровне. В начале апреля - сознательно или со свойственной ему порой легкостью суждений - Рейган скороговоркой, во время позирования перед фотографами в Белом доме, заявил о готовности встретиться с Брежневым, если последний приедет на специальную сессию Генеральной Ассамблеи 'ООН по разоружению (намеченную на июнь). „Было бы неплохо нам с ним побеседовать", - сказал Рейган.

Это заявление привлекло большое внимание в США. Ко мне специально приезжал, например, сопредседатель советско-американского, торгово-экономического совета, видный промышленник Вериги, и сообщил, что у большого бизнеса это заявление Рейгана вызвало значительный интерес. Он спросил, какие шаги предприняты для реализации этой идеи. Пришлось его разочаровать. Ответил ему, что администрация к нам на этот счет не обращалась и ничего, кроме упомянутого заявления Рейгана, нам не известно.

По существу, такой же ответ я дал и на запрос из Москвы, которая, однако, предупредила, чтобы посольство по своей инициативе само не обращалось с зондирующими вопросами в Белый дом или в госдепартамент. Я, конечно, не спрашивал. И американская сторона хранила молчание.

В Москве сочли, что наше полное молчание могло быть неправильно истолковано в мире. Через две недели, 18 апреля, был опубликован инспирированный ответ Брежнева на вопрос корреспондента „Правды" в связи с высказыванием президента США. Отметив, что эти высказывания „оставили довольно расплывчатое впечатление", Брежнев напомнил, что он уже говорил на XXVI съезде КПСС о пользе активного диалога с США на всех уровнях, и особенно на самом высоком. Он подчеркнул, что СССР „и сегодня за такие встречи", которые должны, конечно, быть хорошо подготовлены. Брежнев заявил, что подобная встреча могла бы быть проведена в какой-либо третьей стране, может быть, осенью 1982 года, например, в октябре.

В тот же день Белый дом распространил заявление, в котором говорилось, что администрация „тщательно изучит высказывания Л.Брежнева". Однако после этого заявления американская сторона надолго замолчала.

Предложения Рейгана о ядерных вооружениях. Политбюро реагирует

Тем временем конфронтационная полемика продолжалась.

8 июня, выступая в парламенте Великобритании, Рейган призвал Запад начать „крестовый поход" против коммунизма, обвинив СССР в агрессивности. Это выступление привлекло большое внимание в мировой прессе. Москва ответила резкой критикой лично самого президента и его выступление. Противостояние достигло большого накала.

Надо признать, что обмен подобными публичными выпадами друг против друга (в основном по инициативе Рейгана), к сожалению, становился характерно%чертой первого срока президентства Рейгана. „Холодная война" опять стала нормой в наших отношениях.

В начале мая администрация - после длительной затяжки - закончила, наконец, подготовку своих предложений по ОСВ, о которых собирался публично объявить Рейган. Это была еще одна большая пропагандистская акция, но направленная на известное умиротворение общественного мнения, встревоженного резким обострением советско-американских отношений.

В этой связи меня пригласил к себе Хейг. Госсекретарь заявил, что по поручению президента он хочет сообщить советскому руководству, что в предстоящее воскресенье Рейган выступает с речью в небольшом городке, где он в свое время окончил колледж. В речи будет специальный раздел, посвященный переговорам с СССР по ОСВ. Президент имеет в виду предложить СССР начать переговоры в конце июня в Женеве, целью которых должно быть существенное сокращение стратегических вооружений до равных уровней.

Он далее сказал, что хочет - тоже по поручению президента — внести ясность в вопрос о советско-американской встрече на высшем уровне, поскольку руководители обеих стран высказывались на эту тему только в печати, не вступив в прямой контакт друг с другом. Президент, продолжал

Хейг, со всей серьезностью предложил встречу в июне во время специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Рейган в принципе согласен с мнением Брежнева, что встреча должна быть тщательно подготовлена, что она требует времени и обдумывания. Однако, предлагая встречу в июне, Рейган исходил из того, что она и не могла иметь фундаментального значения из-за краткости времени, их беседа была бы полезной с точки зрения взаимного знакомства и подготовки затем уже более обстоятельной встречи. Повторяю, заключил Хейг, Рейган в любом случае не против полномасштабной встречи с Брежневым позже.

Я спросил Хейга, можно ли тогда считать, что в принципе октябрь приемлем для президента, как это было ранее упомянуто Брежневым.

Хейг уклонился от прямого ответа, сказав, что встреча потребует, конечно, серьезной подготовки и предварительного обсуждения ряда вопросов.

9 мая Рейган выступил в городе Юрика (штат Иллинойс) с большой речью, в которой он изложил новые американские предложения по ограничению стратегических вооружений.

Хотя речь по тону была несколько смягчена с учетом массового движения против ядерного оружия и подавалась как стремление добиваться на переговорах с СССР сокращения стратегических вооружений, фактически никаких принципиальных изменений в существе позиции администрации не произошло. Предложения Рейгана носили односторонний характер, были явно направлены на подрыв ракетно-ядерной мощи СССР. Реализация этих предложений привела бы к тому, что в составе стратегических сил США оказалось бы примерно в 1,5 раза больше носителей, чем у СССР. По числу же ядерных зарядов на таких носителях США получили бы трехкратное превосходство над Советским Союзом. Одновременно предложения никак не затрагивали далеко идущие планы ядерного перевооружения США и фактически развивали бы гонку стратегических вооружений в направлении, наиболее выгодном для США.

Показательно, что одновременно администрация Рейгана занималась разработкой разных планов ведения ядерной войны. Меньше чем через месяц в дополнение к унаследованной от Картера концепции „ограниченной войны" появилась президентская директива № 32, исходившая из возможности „затяжной" ядерной войны с Советским Союзом, в которой США „должны одержать верх".

Речь Рейгана, разрекламированная в США, разумеется, привлекала внимание советского руководства и вызвала у него крайне негативную реакцию.

12 мая Громыко, Устинов, Андропов направили в Политбюро совместную записку, в которой содержалась политическая и военная оценка речи Рейгана, его общей политики в отношении СССР. Эта записка четко отражала внешнеполитический настрой основного ядра кремлевского руководства в этот период.

Авторы записки оценивали речь Рейгана следующим образом:

1. Главный смысл речи Рейгана состоит в том, чтобы создать пропагандистское прикрытие для агрессивной милитаристской политики США, их курса на ломку сложившегося между СССР и США, в целом между странами Варшавского договора и странами НАТО примерного равновесия сил. Иными словами, содержащаяся в речи некоторая доза миролюбивой риторики лишь служит маскировкой для того же курса на достижение военного превосходства США над СССР. Делается откровенная заявка на то, что США должны быть доминирующей военной державой.

2. Наиболее четко эта установка проявляется в подходе Рейгана к проблеме ограничения и сокращения стратегических вооружений.

а) Его предложения однозначно направлены на то, чтобы подрубить основу нашей стратегической мощи - межконтинентальные ракеты наземного базирования, особенно наши тяжелые МБР. Ими предусматривается прежде всего резкое сокращение общего числа боеголовок на МБР наземного базирования.

б) В предлагаемой Рейганом схеме вообще обходится вопрос о крылатых ракетах большой дальности, будь то наземного, морского или воздушного базирования, на которые США сейчас делают особую ставку.

в) Возможность какого-то ограничения стратегической авиации, где США имеют значительное преимущество, лишь подразумевается, и то на втором этапе, когда наши МБР уже были бы существенно сокращены.

г) Соответствующие ядерные вооружения Англии и Франции по-прежнему вообще никак не учитываются.

3. Такой же односторонний подход, как явствует из речи Рейгана, сохраняется и в отношении переговоров по ядерным средствам средней дальности в Европе. Здесь Рейган остается на позициях своего так называемого „нулевого варианта", предусматривающего полную ликвидацию всех советских ракет средней дальности при сохранении американских ядерных средств передового базирования, а также английских и французских вооружений.

4. Речь Рейгана выходит далеко за рамки проблемы ограничения вооружений и носит характер общеполитического заявления по вопросам отношений с СССР. Она пропитана грубой концентрированной враждебностью к СССР, к социализму.

5. В целом в речи нет никаких признаков готовности вести дела с СССР на равных или для начала хотя бы к созданию атмосферы, более или менее благоприятствующей нормализации отношений с нами.

Наоборот, в речи господствует тот мотив, что СССР должен быть оттеснен с занимаемых им позиций на международной арене и фактически перестать быть великой мировой державой. Такой статус Рейган хотел бы оставить только за США.

6. Что касается выраженного Рейганом согласия приступить, наконец к переговорам с нами по вопросам ограничения стратегических вооружений, то сам по себе этот факт имеет положительное значение как показатель действенности наших усилий в этом направлении и роста антивоенных настроений в США и Западной Европе.

Предлагаемые сроки и место начала переговоров - конец июля в Женеве -можно принять.

После обсуждения этой записки на заседании Политбюро было решено, что ее положения должны служить „нашей направляющей линией в связи с выступлением президента Рейгана 9 мая 1982 года".

Одновременно решено было дать ответ на сделанное мне Хейгом, по поручению президента, разъяснение по вопросу о встрече на высшем уровне. 25 мая я сообщил Стесселу, что в Москве приняли к сведению разъяснение Хейга. Как понимает советское руководство, президент Рейган также считает целесообразным проведение обстоятельной, полномасштабной, тщательно подготовленной встречи. Соображения советской стороны насчет места и времени такой встречи американской стороне известны, так что следующее слово за ней.

Стессел сказал, что они сейчас рассматривают эти соображения. Тем временем Хейг приветствовал бы встречу с Громыко во время специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

ПРЕЗИДЕНТ
РОНАЛЬД РЕЙГАН

Я заявил ему, что советская сторона не может согласиться с утверждениями, будто бы предложения США по существу проблемы ОСВ, как они изложены в речи президента 9 мая, носят реалистический характер и годны как предмет переговоров. Он ответил лишь, что американская сторона готова „очень внимательно" рассмотреть все предложения, которые внесет на переговорах СССР.

Мы предложили начать переговоры 29 июня. Делегацию СССР возглавил посол В.Карпов. Американскую делегацию - генерал Роуни.

Однако эти переговоры быстро зашли в тупик. Советская сторона стремилась строить новое соглашение по ограничению стратегических вооружений на основе соглашения по ОСВ-2. Она пыталась, по существу, договориться о соглашении по ОСВ-3 путем существенных сокращений уровней ОСВ-2. Администрация Рейгана сознательно игнорировала ограничения, установленные договором об ОСВ-2 и явившиеся результатом трудных семилетних переговоров. США настаивали на более глубоких сокращениях, хотя и при формально равных общих уровнях, но составленных таким образом, что они подрывали сердцевину советских стратегических сил, ибо требовали сокращения двух третей советских тяжелых ракет. Больше того, продолжалась бы планировавшаяся радикальная модернизация американских стратегических сил (бомбардировщик „Б-1", более мощные ракеты „МХ" с разделяющимися боеголовками, новые подводные лодки класса „Огайо" и т. п.).

Хотя впоследствии обе стороны и вносили некоторые изменения в свои позиции, но разрыв между ними не уменьшался.

Отставка Хейга

В пятницу вечером, 25 июня, я встретился с Хейгом для передачи послания Брежнева Рейгану. Оно касалось продолжавшихся военных акций Израиля в Ливане.

Наша встреча состоялась в необычных условиях: спустя три часа после того, как Рейган объявил о принятии им отставки Хейга, и спустя час после заявления самого Хейга на пресс-конференции о своей отставке.

Надо сказать, что, как только получил указание из Москвы передать послание Брежнева, я, как обычно, сразу связался с Хейгом, который и назначил мне встречу с ним в тот же день, к вечеру. Судя по всему, в момент нашей утренней договоренности о встрече вопрос об отставке Хейга не стоял. Она последовала - по времени - после заседания днем в Белом доме Совета национальной безопасности, на котором были и Рейган, и Хейг, и основные помощники президента.

Однако Хейг не стал отменять встречу со мной.

Когда я вошел к нему, он был сильно возбужден.

Я передал ему послание Брежнева, в нем содержался призыв к США принять „необходимые меры, чтобы образумить Тель-Авив, заставить его встать на путь выполнения решений Совета Безопасности ООН". Хейг ограничился словами, что перешлет это послание президенту, который отбыл на отдых в Кэмп-Дэвид. Он был явно не расположен обсуждать деловые вопросы.

Затем он стал подробно говорить о причинах своей отставки, когда я поинтересовался, чем было вызвано это его неожиданное решение (встреча с ним была на этот раз один на один).

Хейг сказал, что решение подать в отставку он принял сам. Оно давно зрело у него, и сегодня он заявил об этом президенту (последний, видимо, неожиданно для Хейга согласился).

Свое решение Хейг объяснил, во-первых, усиливающимися расхождениями с Рейганом и его ближайшим (калифорнийским) окружением в Белом доме по разным вопросам внешней политики США. В их числе он назвал отношения между Востоком и Западом, Югом и Севером, предстоящие переговоры между СССР и США по сокращению стратегических вооружений, отдельные аспекты политики на Ближнем Востоке. Он однако, не уточнял, в чем конкретно заключались эти расхождения, заметив лишь, что в отношении американской позиции на открывающихся переговорах по стратегическим вооружениям ему пришлось выдержать длительный бой с „невеждами и саботажниками", которые отстаивали совершенно бесперспективную позицию. Сейчас эта позиция благодаря его усилиям ближе к реальной действительности, чем настаивали многие советники президента (можно себе представить, какова была их позиция, если даже Хейг считал ее неприемлемой).

Во-вторых, продолжал он, мне надоели постоянные подсиживания и дискредитирующие меня „утечки" в прессу одиозной информации, чем постоянно занимались ближайшие помощники президента, эти „пигмеи во внешней политике, но мастера закулисных интриг". Кроме того, они собирали всякого рода слухи и сплетни о якобы стремлении Хейга выставлять себя, а не президента в роли истинного руководителя внешней политики США. По его словам, они постоянно нашептывали президенту, что он готовится выставить свою кандидатуру на пост президента в 1984 году в противовес Рейгану, если тот решит баллотироваться вторично.

Хейг сказал, что у него не было таких намерений, но Рейган, видимо, верил всем этим наветам. Короче, заметил он, стало трудно иметь непосредственные и хорошие личные отношения с президентом, что необходимо для госсекретаря в плане уверенного ведения внешнеполитических сил.

На его место помощники президента предлагали министра обороны Уайнбергера, постоянного представителя США при ООН Джин Киркпатрик и даже Ростоу, руководителя Агентства по контролю над вооружениями и разоружению. („Нужно быть совсем сумасшедшим, чтобы предлагать подобные кандидатуры", - заметил Хейг.)

Однако, в конце концов, Рейган, по словам Хейга, сделал неплохой выбор, остановившись на Шульце. Хейг назвал Шульца своим старым другом, который имеет опыт в международных делах, а главное - далек от фантазирования и поспешной импровизации ради какого-то дешевого внешнего эффекта. Правда, он немного тяжелодум, но это тоже неплохо.

Продолжая, Хейг заявил, что крайне правые круги в США, составляющие основную опору нынешней администрации, всерьез считают его, Хейга, чуть ли не „голубем" во внешней политике, хотя это и звучит как шутка. С несколько большим основанием, чем меня, так можно было бы, пожалуй, назвать Шульца, хотя это тоже относительно, добавил Хейг.

В области советско-американских отношений Шульц, который был в СССР и лично знает немало советских деятелей, будет, по мнению Хейга, выражать умеренные взгляды внутри администрации. Во всяком случае, экстремизмом он никогда не отличался. Правда, Шульц очень осторожный человек и, не получив предварительного согласия президента, особенно в делах с СССР, сам ничего не будет делать.

Уход Хейга в отставку не вызвал сожаления в Москве. С его именем не было связано ничего позитивного в наших отношениях. Даже на посту госсекретаря по своему характеру и мышлению он оставался больше военным, чем дипломатом. Психология конфронтации, а не поиск компромисса, определяла его подход к различным международным вопросам. Впрочем, все это отвечало общему духу всей администрации Рейгана в тот период.

Тем временем возникли новые осложнения, на этот раз на Ближнем Востоке. 7 июля я вручил и.о. госсекретаря Стесселу для президента Рейгана текст еще одного послания Брежнева по Ближнему Востоку в связи с обострившейся обстановкой в Ливане, и особенно в Бейруте. Он призывал США сделать все от них зависящее, чтобы добиться прекращения огня и чтобы миссия американского эмиссара на Ближнем Востоке больше не служила ширмой для продолжения агрессии Израиля.

Однако подробного обсуждения этой проблемы не последовало. Вообще в период президентства Рейгана между Москвой и Вашингтоном не было серьезных дискуссий по Ближнему Востоку, хотя там и происходили такие события, как вторжение Израиля в Ливан. Обе стороны вообще не обменивались мнениями по ближневосточным делам. Белый дом четко сформулировал свой подход: позиции обеих столиц резко расходятся, что не дает оснований ожидать какой-либо договоренности.

В связи с моим отъездом в отпуск я встретился 9 июля со Стесселом. При обсуждении перспективы наших отношений при администрации Рейгана Стессел вновь дал понять, что каких-либо существенных сдвигов в ближайшем будущем ожидать не следует. Белый дом фактически не заинтересован в договоренностях и соглашениях, хотя бы для улучшения климата в отношениях с СССР.

Рейган, по словам Стессела, не очень-то воспринимает доводы, основанные на дипломатическом опыте. Он считает, что надо во что бы то ни стало добиваться того, что выгодно в первую очередь США, не обязательно что-то давая взамен оппоненту. Поэтому он считает, например, что СССР должен пойти на значительно большие сокращения ядерных вооружений (в компонентах, где у советской стороны есть преимущество), так как СССР, по его убеждению, больше заинтересован в таком соглашении с США. Соответственно он отвергает мысль о какой-либо „компенсации" СССР взамен его уступок.

Оценивая общий настрой президента, Стессел заметил от себя лично, что вопрос о встрече на высшем уровне более реально может стоять лишь в следующем году. Никак не раньше.

Новый госсекретарь Шульц

Стессел дал в целом достаточно позитивную оценку новому госсекретарю Шулыгу, как человеку, хотя и консервативному и довольно упрямому, но не очень обремененному воинствующими идеологическими штампами.

Что же касается возможного влияния Шульца на внешнюю политику США, Стессел заметил, что это зависит от способности Шульца войти в ближайшее окружение Рейгана, ибо это окружение „очень трудно пробить", чтобы „дать ход мыслям и идеям, которые не совпадают с уже укоренившимися там". В отличие от Хейга Шульц обладает еще одним преимущест-

вом: он не будет претендовать публично на особые права в области внешней политики.

Признаться, вначале - в первый период его деятельности - мне не очень нравилась чрезмерная осторожность нового госсекретаря, его медлительность. Эти качества особенно проявлялись в различных вопросах разоружения, в переговорах по этим проблемам, которые он вначале, видимо, недостаточно хорошо знал, а главное, не имел полномочий для поисков договоренностей. Казалось, что он тянул время. Настораживало и его заведомое нежелание в отличие, например, от Киссинджера активно задействовать конфиденциальный канал, хотя он и был готов порой поговорить на эту тему. Его сдержанность подчас затрудняла выяснение намерений администрации. Журналисты даже дали ему кличку „Сфинкс", так как от него было трудно добиться чего-либо. Не исключал он и поддержку внешней политики силовыми методами. Он прямо заявил, что сила и дипломатия не являются альтернативами друг друга, а должны всегда быть в полном взаимодействии. В этом Шульц был правоверным представителем рейгановской администрации.

Однако постепенно мое мнение о Шульце менялось к лучшему, я видел в нем делового и умного человека, хотя и достаточно консервативного. Ему пришлось потратить много времени на борьбу с теми, кто пытался в обход его контролировать внешнюю политику и дипломатию США. Он защищал свои права в этой области от посягательств Уайнбергера и четырех последующих помощников президента по национальной безопасности -Кларка, Макфарлейна, Пойндекстера и Карлуччи. Да и Рейган под их влиянием подчас обходил своего госсекретаря, сообщая ему в последний момент о принятых важных решениях, как, например, о программе „стратегической оборонной инициативы". Мемуары Шульца - довольно красноречивое свидетельство на этот счет.

В целом, анализируя деятельность Шульца в первые годы и сложную внутреннюю обстановку интриг и борьбы в ближайшем окружении президента, невольно приходишь к выводу, что он вряд ли мог тогда действовать по-другому, если хотел остаться на своем посту, и не просто остаться, но и исподволь проводить в жизнь свои взгляды и убеждения, в том числе и в плане выправления отношений с Советским Союзом. Думаю, что он сыграл немалую роль в постепенной эволюции взглядов и самого Рейгана на этот счет.

После возвращения из летнего отпуска в сентябре я впервые встретился с новым госсекретарем Шульцем.

Он начал беседу с размышлений о том, как лучше провести соответствующие беседы с Громыко в период работы Генеральной Ассамблеи ООН. По его мнению, не следовало пытаться сразу объять слишком широкий круг вопросов. Надо посмотреть, что же можно сделать для более благоприятного исхода встречи министров, сказал он. Что именно? Я и сам пока не знаю, но буду думать, если и у советского министра нет возражений против такого подхода.

Я ответил, что доложу Громыко, который прилетает в Нью-Йорк, но уверен, что он также будет против пропагандистских подходов.

По ходу беседы Шульц вспоминал свою поездку в Москву, встречи с Брежневым, Патоличевым, Алхимовым, которые я ему организовал, когда он был министром торговли. Рассказал о своей рыбалке на Черном море, в районе Сочи.

В целом Шульц внешне держался достаточно непринужденно, избегал каких-либо острых или резких выражений, что нередко было присуще Хейгу. Однако существа каких-либо внешнеполитических вопросов он не затрагивал, предпочитая вести общий разговор.

Когда Громыко прибыл в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, у него состоялись две встречи с Шульцем (28 сентября и 4 октября).

Министры обсудили широкий круг проблем, но какого-либо заметного продвижения не было отмечено, хотя обсуждение проходило - в отличие от бесед с Хейгом - в более спокойной, деловой обстановке. Министры согласились, что надо продолжать обмен мнениями на более регулярной основе.

Как и в предшествующий год, президент Рейган не проявил желания встретиться с Громыко и пригласить его в Вашингтон, как это обычно делали другие президенты США.

26 октября я, сославшись на поручение Москвы, информировал Иглбергера о том, что в СССР в пределах его национальной территории был проведен первый пуск легкой межконтинентальной баллистической ракеты „РС-22" нового типа. Сказал, что такая информация представляется нами в качестве „жеста доброй воли".

Поблагодарив, Иглбергер отметил, что советская сторона действительно проявляет добрую волю, информируя о запуске, хотя она не была обязана делать это. Американская сторона ценит этот жест.

Через день на небольшом приеме в госдепартаменте ко мне подошел Шульц и сказал, что хотел лично передать в Москву, что администрация высоко ценит жест доброй воли советской стороны, которая информировала Вашингтон о запуске ракеты „РС-22".

Как бы демонстрируя ответную добрую волю, Шульц сказал, что он только что санкционировал возобновление переговоров с советской стороной по консульским вопросам, а также даты предлагаемых взаимных консультаций по вопросам нераспространения ядерного оружия (14-15 декабря в Вашингтоне) и продолжения обмена мнениями по югу Африки (1 декабря в Москве).

Я получаю высшую гражданскую награду

Рано утром 4 ноября меня разбудил заведующий шифровальным отделом посольства и торжественно вручил личную телеграмму Брежнева.

В телеграмме сообщалось о присвоении мне звания Героя Социалистического Труда с вручением золотой медали „Серп и молот" и о поздравлениях советского руководства в связи с наградой. Я оказался первым и единственным послом за. всю историю советской дипломатической службы, который был удостоен этой высшей гражданской награды.

Конечно, все это было чертовски приятно, но, признаться, и крайне неожиданно для меня. Дело в том, что высокие правительственные награждения обычно приурочивались либо к торжественным государственным праздникам, либо ко дню рождения, или же к подписанию важных международных договоров. Однако ни того, ни другого повода в этом случае не было. Я не знаю, что конкретно явилось толчком для принятия тогда такого решения.

Громыко,, которого я спросил об этом при встрече через некоторое время, сказал, что советское руководство просто решило отметить мою

многолетнюю работу в качестве посла в весьма непростых условиях наших сложных взаимоотношений с Соединенными Штатами Америки.

Я получил немало поздравительных телеграмм от государственных и общественных деятелей нашей страны, друзей, коллег, знакомых и родных. Был устроен хороший товарищеский ужин в посольстве, чтобы отметить это событие вместе с моими товарищами по работе. В целом все это оставило приятные воспоминания.

Кончина Брежнева. Ю.Андропов - новый Генеральный секретарь

На смерть Брежнева (10 ноября) администрация среагировала быстро. Уже на следующий день мне позвонил Кларк, помощник президента по национальной безопасности, и передал соболезнования Рейгана. Он сказал, что президент пошлет высокопоставленную правительственную делегацию США на похороны Брежнева. В состав ее войдут: Буш, Шульц, посол Хартман.

Кларк сказал также, что президент приедет утром в посольство и распишется в книге соболезнований.

13 ноября, в субботу, в 10 часов утра в наше посольство приехал Рейган, чтобы расписаться в книге соболезнований по поводу кончины Брежнева. Президент сделал следующую запись: „Я выражаю соболезнование семье президента Брежнева и народу Советского Союза.

Пусть наши два народа живут совместно в мире на этой планете".

Президент заметно волновался и даже дважды в своей записи повторил одно и то же слово.

В последовавшей краткой беседе он еще раз просил передать в Москву его искренние сожаление и соболезнования.

Президенту, который впервые был в нашем посольстве, я показал помещение посольства, где ранее встречались вместе Никсон и Брежнев и где, в частности, был дан тогда официальный обед в честь президента США.

Рейган с большим интересом осмотрел помещение и соответствующие фотографии, заметив, что он надеется побывать у нас в посольстве еще раз, но при более счастливых обстоятельствах.

Надо сказать, что вначале Рейган - когда вошел в посольство - держался очень скованно и настороженно (куда попал?!), ло к концу своего визита как-то „отошел" и стал беседовать более раскованно и даже дружественно.

Президента сопровождали Кларк и его ближайший личный помощник, заместитель руководителя аппарата Белого дома Дивер.

12 ноября КХАндропов стал Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Мне приходилось по делам службы нередко общаться с Андроповым и когда он был еще председателем КГБ (т. е. руководил и внешней разведкой), и когда стал Генеральным секретарем.

Андропов знал внешнеполитические проблемы не хуже Громыко, но превосходил его в знании их внутриполитических аспектов, таких, как проблема диссидентов, эмиграция из СССР, реакция за рубежом на эти специфические вопросы. Громыко фактически отмахивался от них, а Андропов занимался ими вплотную, определяя, как правило, курс руководства страны в этой области.

Андропов был противоречивой личностью. Его позиция по эмиграции евреев не определялась антисемитизмом. Среди его сотрудников было немало евреев. Я никогда не слышал от него антиеврейских шуток или анекдотов (чего не скажешь о некотрых других членах Политбюро). Он не прочь был порой высказывать в беседах даже либеральные взгляды. Вместе с тем это был убежденный противник диссидентского движения в СССР, считавший, что оно приносит значительный вред не только внутри страны, но и особенно нашим отношениям с внешним миром. А реакцию этого мира он, будучи главой внешнеполитической разведки, знал лучше других советских руководителей.

Именно Андропов был инициатором высылки академика Сахарова в город Горький. Я случайно присутствовал на заседании Политбюро, когда там обсуждался вопрос о Сахарове (меня вызвали по другому вопросу). Основной аргумент Андропова сводился к тому, что Сахаров стал причиной непрерывных антисоветских кампаний за рубежом и что его надо лишить всяких контактов с иностранцами, выслав его в какой-либо закрытый для них город. Правда, когда большинство членов Политбюро стало называть различные сибирские города, Андропов сам назвал Горький, сославшись на то, что климат там мало отличается от московского, а именно на этом настаивали врачи академика.

В вопросах внешней политики он занимал позиции, близкие к позициям Громыко. Они оба нередко совместно обращались с докладными записками в Политбюро по различным внешнеполитическим вопросам, которые обычно получали одобрение остальных членов Политбюро. К ним нередко присоединялся и влиятельный министр обороны Устинов. Вместе они составляли в Политбюро ядро, которое определяло фактически внешнеполитический курс.

Наконец, у Андропова был большой опыт работы в Центральном Комитете, и - что было важно - он" пользовался поддержкой аппарата партии. Все это наряду с детальным знанием обстановки внутри СССР выделяло его среди других членов советского руководства, хотя он держался достаточно ровно со всеми.

Андропов постоянно интересовался состоянием наших отношений с США. Когда я приезжал в Москву в командировки, он обязательно приглашал меня к себе для бесед наедине. Его интересовало все: политика, экономика, культура, общественная жизнь страны и особенно элита Америки и официального Вашингтона. Андропов, как и Громыко, в отличие от эмоционального Устинова не был сторонником конфронтации с США, но считал Рейгана опасным человеком, который может своими действиями вызвать военный конфликт между США и СССР.

Отсюда постоянная личная настороженность Андропова в отношении Рейгана и поддержка им военной готовности СССР, хотя, думаю, что если бы конкретная международная обстановка это позволила, он пошел бы на серьезные договоренности с Вашингтоном, особенно в области ограничения ядерных вооружений. В этом отношении Андропов отчасти был похож на Горбачева, которому он протежировал. Оба они были по-своему „интеллектуалами" среди высшего партийного руководства. Однако индивидуальным качествам Андропова как руководителя страны и партии не суждено было полностью проявиться ввиду его недолгого пребывания у власти.

О советских разведслужбах

Мне вспоминается один разговор с Андроповым, когда он еще возглавлял КГБ. Как-то он поинтересовался, почему американцам сравнительно легко удается определить, кто из работающих в посольстве является сотрудником разведки.

Я откровенно сказал ему, что есть по крайней мере несколько внешних признаков, по которым это можно сделать.

- Какие же? - заинтересовался Андропов.

Я назвал. Во-первых, сотрудники КГБ живут в Вашингтоне в более дорогих квартирах, чем обычные сотрудники МИД, которые к тому же не устраивают у себя дома представительских мероприятий (им не дают для этого денег). Во-вторых, все сотрудники КГБ, включая тех, кто имеет небольшие дипломатические ранги, имеют свои автомашины (за счет КГБ). Сотрудники МИД, в том числе имеющие высокие ранги, пользуются машинами посольства „по вызову", у них нет прикрепленных машин (МИД не дает денег на эти цели). В-третьих, когда сотрудники посольства приглашают кого-либо из иностранцев на обед в ресторан, то дипломаты ограничены суммой расходов (не более 15-20 долларов), которые им оплачивает посольство. Сверх этой суммы они должны платить из своего кармана. Соответственно они проявляют определенную скромность в выборе ресторана и блюд. Сотрудники же КГБ этим не ограничены. Их расходы оплачиваются по предъявленному счету. В-четвертых, дипсостав в течение дня в основном находится на работе в посольстве, сотрудники же КГБ много времени проводят в городе. В-пятых, дипломаты известны сотрудникам госдепартамента по повседневным рабочим контактам с ними по тому кругу вопросов, по которым они специализируются. У сотрудников же КГБ нет такой специализации, их интересует „все". В-шестых, на производственных совещаниях всего дипломатического состава „дипломаты" из КГБ в основном отмалчиваются, не участвуют в дискуссиях, что невольно выделяет их из общего состава.

Привел я еще несколько других примеров из этой области, по которым американским спецслужбам не так уж трудно было сделать свои заключения.

Андропов явно заинтересовался услышанным, сказав, что он обязательно над всем этим подумает.

Я не знаю всех деталей его раздумья, но вскоре были внесены определенные коррективы (без ссылок на него, но явно по его настоянию). Сотрудники МИД были во многом приравнены (за.счет госбюджета) к „дипломатам" из КГБ: по автомашинам, по более дорогим квартирам, по оплате обедов с иностранцами и т. п.

Многие эти вопросы послы, в том числе и я, давно и неоднократно ставили перед Громыко, -но он всегда отмахивался, ссылаясь на необходимость экономии валюты. Андропов же, видимо, настоял перед Политбюро, что такие вопросы заслуживают серьезного внимания.

Далеко не во всех советских посольствах, как уже рассказывалось, существовали нормальные отношения между послами и резидентами КГБ. Ненормальные отношения часто возникали из-за нездорового соперничества в том, что касается снабжения Москвы информацией; из-за несоответствия характеров, чванства и стремления показать в посольстве, кто из них является „настоящим боссом". В общем, все это не от большого ума. Порой

Москва вынуждена была вмешиваться в эти дрязги и даже отзывать домой то одного, то другого.

У меня за все эти годы перебывало немало резидентов. Отношения со всеми складывались неплохие, ровные. Никаких столкновений не было. Сказывалось отчасти то, что меня достаточно хорошо знали в Москве, в высшем руководстве. К тому же сферы нашей деятельности были четко разграничены.

Но вернемся к событиям, связанным с приходом к власти Андропова.

В Москву для участия в похоронах Брежнева прибыла делегация США во главе с вице-президентом Бушем.

Андропов принял эту делегацию отдельно. Это была его первая встреча с высокими американскими должностными лицами. Главная мысль его высказываний - готовность к улучшению отношений между обеими странами. В детали он не входил: не было времени, да он и не хотел сразу же ставить конкретные проблемы.

После возвращения из Москвы госсекретарь Шульц сказал мне, что, конечно, за краткую встречу с Андроповым вряд ли можно было что-либо решить, тем не менее администрация считает важным сам факт установления первого личного контакта с новым Генеральным секретарем, за что администрация ему признательна.

Госсекретарь предложил мне встретиться через несколько дней вдвоем для неофициального обмена мнениями.

Беседы с **Шульцем**

Эта встреча состоялась 23 ноября. Госсекретарь пригласил меня на обед. Беседа проходила наедине в достаточно откровенной форме и касалась наших отношений.

Я поинтересовался у Шульца, какова была реакция Рейгана на встречу с Андроповым.

Шульц сказал, что президент уполномочил его передать Андропову, что он также серьезно настроен в пользу более конструктивных отношений с СССР и с советским руководством. Не скрывая, что он продолжает оставаться приверженцем идеи сильной в военном отношении Америки („г-н Андропов, как я понимаю, привержен аналогичной идее в отношении СССР"), Рейган в то же время готов искать по широкому спектру отношений те вопросы и области, обмен мнениями или переговоры по которым могут привести к более конструктивным отношениям.

Шульц уклонился, однако, от обсуждения конкретных вопросов, в частности, от переговоров по ядерным вооружениям. Он заявил, что важность и приоритетность вопросов, как их понимают стороны, далеко не всегда совпадают. Например, вопрос о правах человека. Мы понимаем аргументацию советской стороны о недопустимости вмешательства во внутренние дела. Но для администрации этот вопрос важен, пожалуй, не столько сам по себе, сколько по тому большому резонансу, который он вызывает в США. Этот вопрос несет большую внутриполитическую нагрузку. Рейган принял совет Никсона: в этом вопросе лучше придерживаться негласного подхода. Шульц сказал далее, что в числе прочего они считали бы целесообразным держать открытым канал неоцифиаль-ной связи.

Я ответил, что мы всегда были за конфиденциальные каналы связи, но главное - это то, что сообщается и передается по этим каналам.

Госсекретарь высказался далее в том смысле, что в американской прессе широко обсуждалась возможность встречи президента Рейгана и Андропова.

Лично я, сказал Шульц, придерживаюсь средней позиции. Встреча просто для знакомства вряд ли может быть оправдана, так как от руководителей двух сверхдержав мир ожидает каких-то решений. Вместе с тем встреча может быть полезной и без сверхкрупных решений. Достаточно некоторых договоренностей, которые могут быть достигнуты на их уровне наряду с указанием проблем, по которым они намерены и дальше работать. Такой подход, по мнению Шульца, помог бы сохранить элемент взаимного ознакомления (т. е. не откладывать его на слишком долгий период) и взаимного выбора вопросов, по которым возможна будет затем договоренность на высшем уровне.

Через две недели состоялась еще одна беседа с Шульцем (на этот раз по поручению Москвы). Я сказал ему, что, обдумав высказанные им на последней встрече соображения, я хотел бы сообщить ему возникшие в этой связи мысли. Затем изложил эти мысли, сопровождая их оценкой конкретных международных вопросов, и выразил надежду на позитивное их обсуждение.

Касаясь вопроса о встрече на высшем уровне, я сказал, что такая встреча должна быть предварительно тщательно подготовлена и принести весомые результаты, соответствующие этому высокому уровню. Шульц согласился со мной.

В целом из двух бесед с Шульцем у меня сложилось впечатление, что он ставил целью осторожно зондировать возможность завязывания какого-то предметного диалога с нами на будущее. Вместе с тем чувствовалось, что Белый дом не принял еще основополагающего решения насчет самого диалога. Не случайно, когда речь заходила о конкретных вопросах, например, о сокращении ядерных вооружений, госсекретарь предпочитал отмалчиваться или отделываться общими фразами и обещаниями поговорить в дальнейшем.

В некоторых кругах США стали проявлять открытое беспокойство по поводу анешнеполитического курса Рейгана. Эти настроения выразил, в частности, бывший президент Никсон в интервью в конце декабря американскому журналу „Тайм". Он отметил „опасное ухудшение" американо-советских отношений. Для правительства Рейгана, подчеркнул Никсон, наступила пора изменить как тон, так и содержание своей политики по отношению к Советскому Союзу. Должна быть какая-то надежда, что отношения могут улучшиться и можно будет достичь справедливых сделок. Экс-президент призвал к проведению в ближайшем будущем встречи на высшем уровне.

Интервью Андропова

30 декабря я передал обозревателю Дж.Кингсбери-Смитт для опубликования в американской прессе текст новогоднего обращения Андропова к американскому народу (в виде ответов на вопросы этого журналиста). Этим интервью Андропов хотел показать американцам конструктивность нашего подхода к вопросам взаимного ограничения ядерных сил.

ПРЕЗИДЕНТ
РОНАЛЬД РЕЙГАН

Касаясь, в частности, позиции СССР по ядерному разоружению, Андропов заявил, что по стратегичским вооружениям СССР предлагает уже сейчас заморозить на нынешнем уровне, а затем сократить имеющиеся арсеналы примерно на 25 процентов с каждой стороны, доведя их до одинаковых уровней. И потом двигаться дальше - к новым сокращениям.

По ядерному оружию в Европе советская сторона предлагает разные варианты. Либо вообще не иметь его там - ни средней дальности, ни тактического оружия, ни со стороны СССР, ни со стороны государств НАТО. Это был бы, так сказать, „абсолютный нуль" для обеих сторон. Либо обеим сторонам сократить свои вооружения средней дальности (ракеты и несущие ядерное оружие самолеты) более чем на две трети.

При этом противостоящих друг другу советских и американских ракет средней дальности здесь вообще не было бы, а СССР сохранял бы лишь ровно столько таких ракет, сколько их имеют Англия и Франция. Что же касается самолетов, то СССР - за полное равенство на значительно более низком уровне, чем сейчас, уровне. „Словом, мы не хотим иметь в зоне Европы ни на одну ракету, ни на один самолет больше, чем имеют страны НАТО", - заявил в своем интервью Андропов.

Администрация Рейгана не проявила интереса к этим предложениям и попросту замолчала их. 31 декабря представитель госдепартамента, отвечая на вопросы, заявил, что на данный момент не планируется проведение советско-американской встречи на высшем уровне.

3. КРИЗИС ОТНОШЕНИЙ В 1983 ГОДУ

В 1983 году произошло дальнейшее ухудшение советско-американских отношений, они оказались, пожалуй, на самой низкой точке со времен начала „холодной войны". Усилилась в целом напряженность в мире, возросла военная опасность.

Все это явилось прямым следствием того, что администрация Рейгана продолжала упорно добиваться военно-стратегического превосходства США над СССР и общего изменения соотношения сил на международной арене в пользу Запада.

Администрация США интенсивно готовила материальную базу для реализации этой цели, в первую очередь осуществляла меры по наращиванию и совершенствованию ракетно-ядерных и обычных вооружений, включая средства первого удара. Рейгану удалось провести через конгресс новые крпные программы производства и развертывания систем стратегического оружия (в том числе МБР „МХ", бомбардировщик „Б-1"), а также разработки следующего поколения систем МБР, бомбардировщика „Стеле", БРПЛ „Трайдент-2". США также встали на путь создания крупномасштабного комплекса ПРО на основе дальнейшей милитаризации космоса.

Американо-советское соперничество за влияние в Европе развернулось в 1983 году вокруг размещения там американских ракет. Одним из важнейших элементов военно-политической стратегии Вашингтона стало развертывание в Западной Европе ракет „Першинг-2" и крылатых ракет, т. е. выдвижение американского ядерного арсенала непосредственно к границам СССР и других государств Варшавского договора. К концу года началось практическое размещение этих ракет на территории стран НАТО, что повлекло за собой качественное изменение всей военно-стратегической обстановки.

Во внешней политике администрация Рейгана, опираясь на созданный ею „задел" в наращивании военной мощи США, стала еще более откровенно использовать силовые методы для решения „назревших", с ее точки зрения, задач по „восстановлению" и продвижению американских позиций, в первую очередь в Центральной Америке и на Ближнем Востоке. Выбрав наиболее „легкие", по его мнению, цели, Вашингтон впервые после войны во Вьетнаме пошел на прямую агрессию - вторжение на Гренаду и широкое вооруженное вмешательство в Ливане. Эти „прецеденты" создали дополнительную опасность для других стран, в том числе для Никарагуа, против которой не прекращались открытые и „тайные" военные акции США, а также для Кубы, да и для Сирии.

Надо сказать, что этот воинственный курс Белого дома в международных делах в целом не встречал сколько-нибудь активного противодействия внутри самих США. Рейгану удалось не только сохранить, но и усилить шовинистическую атмосферу в стране, на волне которой он пришел-к власти три года назад и которая по-прежнему составляла морально-политическую основу его президентства. Рейган и его окружение сумели во многом запугать несогласных с „твердой" политикой администрации, навешивая на любые проявления протеста ярлык „антиамериканизма". Это отразилось, помимо прочего, на масштабах и активности антивоенного движения в США: выступления против угрозы ядерной войны здесь не приняли такого массового характера, как в Западной Европе.

Развернутая официальным Вашингтоном при личном участии президента небывалая по накалу антисоветская кампания призвана была служить оправданием конфронтационного курса администрации в советско-американских отношениях. Своего рода апогеем в этом явилась настоящая истерия, развернувшаяся в связи с трагическим инцидентом с южнокорейским пассажирским самолетом, который при загадочных обстоятельствах вторгся далеко в воздушное пространство СССР.

Переговоры по ограничению и сокращению вооружений зашли в тупик. Сами эти переговоры выглядели как маневр США с целью прикрыть форсирование военных программ и нейтрализовать протесты общественности Западной Европы накануне размещения там американских РСД. Во всяком случае, таково было убеждение в Москве, которая к концу года прервала эти переговоры.

По сути - и это лишний раз свидетельствовало о практической направленности общей линии администрации Рейгана в отношениях с нами -Вашингтон, максимально используя инцидент с южнокорейским самолетом, на время пошел на то, чтобы вообще прекратить всякое взаимодействие с СССР, попытаться подвергнуть нашу страну чему-то вроде остракизма.

В Москве в это время окончательно списали президента Рейгана в разряд „безнадежных", с которыми надо было бороться всеми средствами, кроме „горячей войны". А именно призрак такой войны начинал беспокоить

американское и советское общественное мнение, все международное сообщество.

Все это вынудило Вашингтон внести некоторые коррективы в свою позицию. Белый дом счел для себя нужным вновь прибегнуть к тактике маневрирования, поднимая вопрос о необходимости возобновления переговоров и продолжения диалога с нами, по крайней мере по отдельным, внешне выигрышным, с его точки зрения, проблемам. В частных беседах со мной официальные представители администрации, особенно Шульц, стали говорить о готовности президента к улучшению отношений. Однако практических шагов в этом направлении не делалось.

Внутри администрации тон по-прежнему задавала узкая группа правоконсервативных деятелей во главе с самим Рейганом. Но при всей „идеолргической спайке" этой группы внутри нее не только продолжалась, но и обострилась борьба за влияние на президента, вызванная личными амбициями. В октябре Рейган неожиданно передвинул своего помощника по национальной безопасности Кларка' на пост министра внутренних дел, объясняя это желанием поручить важный во внутриполитическом плане участок своему особо доверенному лицу. Новым помощником президента стал Макфарлейн, бывший до этого заместителем Кларка. В последнее время несколько возросла роль госсекретаря Шульца в разработке и особенно публичном обеспечении военно-политических акций администрации.

Советско-американские отношения переживали в 1983 году самый опасный кризис за последнее десятилетие.

В начале года я провел ряд неофициальных встреч с лицами, близкими к администрации. Их оценки перспектив советско-американских отношений по-прежнему не обнадеживали. Суть этих отношений оставалась конфрон-тационной.

Оценки Скоукрофта

В январе я имел длительную беседу со Скоукрофтом, бывшим помощником Форда по национальной безопасности, затем советником Рейгана во время предвыборной кампании. Он по-прежнему был вхож в Белый дом. Рейган назначил его руководителем президентской комиссии, призванной разработать рекомендации о возможном месте базирования новой ракеты „МХ". Он оставался партнером Киссинджера в созданной ими фирме, которая консультировала транснациональные компании по разным аспектам международной политики. Скоукрофт поддерживал тесную связь с Шульцем (они вместе работали у Никсона) и с Пентагоном со времен, когда он был помощником президента и кадровым военным (сейчас он генерал ВВС в отставке). Мы с ним были хорошо знакомы еще со времен Никсона и Форда.

Трагедия Рейгана в том, сказал он, что ему неоткуда получить убедительный и дельный совет о том, как вести дела с СССР, особенно в вопросах, касающихся контроля над ядерными вооружениями (главные советники Кларк, Мис, Дивер и Бейкер, а также Уайнбергер, Икле и Перл настроены крайне отрицательно на этот счет). К сожалению, пока не чувствуется влияние Шульца на президента в вопросах ядерного разоружения. Фактически первую скрипку в определении позиции США на этих переговорах

играет Уайнбергер со своей командой в тандеме с помощником президента Кларком, который сам плохо разбирается в вопросах разоружения.

Мирное наступление, начатое новогодним выступлением Андропова, сказал Скоукрофт, вызвало некоторую суматоху в высших эшелонах власти в Вашингтоне. Уайнбергер считает, что это лишь пропагандистская акция. В госдепартаменте придерживаются другого мнения, там считают, что СССР будет готов пойти на соглашение с Рейганом, если оно будет носить компромиссный характер. Сам Рейган не поощряет дискуссию внутри администрации по этому вопросу. Его устраивает нынешняя позиция США.

Буш, по словам Скоукрофта, по существу, единственный человек в Белом доме, который неплохо разбирается в деталях проходящих переговоров с СССР и который не очень отягощен антисоветскими взглядами. Работа в ООН и ЦРУ, а также в целом достаточно реалистичное восприятие мира помогают вице-президенту разбираться в международных делах. Однако сейчас у него есть один сильный субъективный недостаток: он опасается настроить Рейгана против себя или вступить с ним в серьезные споры, зная упрямство президента, так как во многом политическое будущее самого Буша зависит от Рейгана. Вот почему Буш лавирует в сложной обстановке в Белом доме и стремится сохранить расположение Рейгана, хотя по многим вопросам, насколько знает Скоукрофт, Буш с ним „в душе" не согласен.

Говоря о нынешнем настрое умов в Белом доме, Скоукрофт уверенно сказал, что сам он исключает возможность скорой советско-американской встречи на высшем уровне.

Впечатления от бесед с ШульЦеад

В конце января я завтракал с Шульцем. Он сразу заявил, что до встречи со мной у него была "беседа с Рейганом, который просил передать советскому руководству о его действительной готовности вести дело - в условиях взаимности - к улучшению отношений между двумя странами. Недавнее заявление президента (в послании конгрессу „О положении страны") о том, что США готовы к позитивным изменениям в этих отношениях, на самом деле отражает его умонастроение. Сейчас обе стороны более активно вовлечены в обмен мнениями и на различных форумах, на которых обсуждаются важные вопросы - ограничения стратегических и европейских ядерных вооружений, вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе и др.

Президент и он, Шульц, считают, что обеим странам следовало бы приложить дополнительные усилия в поисках договоренностей на этих форумах. Одновременно они считают целесообразным, не подменяя соответствующие делегации, обсуждать эти вопросы время от времени и на других форумах (госсекретарь - советский посол, Громыко - американский посол, встречи министров, а потом, может быть, и в верхах).

Все это госсекретарь говорил в общей форме. Я подтвердил нашу готовность на любые формы диалога.

На мой вопрос, что конкретно вкладывают Рейган и госсекретарь в высказанный президентом тезис о готовности „к позитивным изменениям" в советско-американских отношениях и какие у них есть конкретные соображения в развитие этого тезиса, Шульц не дал прямого ответа, отметив лишь, что они лично будут следить за ходом переговоров. Госсекректарь явно избегал предметного разговора на эту тему, сославшись на проводимую им

„инвентаризацию" всех проблем, по которым шли переговоры или обмен мнениями, но затем часть из них застопорилась. Договорились продолжить этот разговор.

От моих бесед с Шульцем в начале 1983 года у меня складывалось двойственное впечатление. С одной стороны, это был собеседник, вроде стремившийся к некоторой нормализации советско-американских отношений и обдумывавший пути к этому. Не было у него и идеологической одержимости, мешавшей нормальному обсуждению с ним проблем. С другой стороны, пока все его высказывания сводились в основном к общим рассуждениям и пожеланиям. От конкретного диалога по конкретным вопросам он упорно уклонялся. Не было у него соответственно и видимого стремления установить конфиденциальный канал между руководством обеих стран, как это бывало при прежних администрациях. Судя по всему, ни он, ни сам Рейган не испытывали в этом потребности, поскольку у них не было желания (во всяком случае, на том этапе наших отношений) вести конфиденциальный обмен мнениями. Обычные дипломатические каналы вполне их устраивали.

Показательно, что именно при Шульце была отключена прямая телефонная связь между мною и госсекретарем, которая была установлена еще при президенте Никсоне и действовала почти десять лет. Это решение Шульца (несомненно, с одобрения Рейгана) реально символизировало стремление администрации отказаться от всех „пережитков" периода разрядки в советско-американских отношениях.

Как впоследствии стало ясно из мемуаров госсекретаря, он проявлял повышенную осторожность в завязывании какого-либо диалога с советской стороной. Чуть ли не каждый разговор со мной он согласовывал с президентом (окружение президента в Белом доме, а также Уайнбергер и директор ЦРУ Кейси были решительными противниками какого-либо улучшения отношений с СССР). Видимо, поэтому обсуждение Шульцем со мной конкретных проблем проходило таким черепашьим шагом. Он как бы осторожно пробовал температуру воды: не слишком ли она горяча. Чувствовалось, что госсекретарь в беседах был даже более связан суждениями Рейгана, чем Громыко директивами Политбюро.

Встреча с Рейганом

Как мы договорились во время нашей последней беседы, госсекретарь и я должны были встретиться 15 февраля для продолжения обмена мнениями о возможных шагах с целью улучшения наших отношений.

Когда в тот день я пришел к нему в 5 часов дня, он неожиданно и многозначительно сказал, что президент Рейган выразил желание переговорить со мной. Я был, разумеется, заинтригован и тут же дал согласие. Затем мы вместе с Шульцем спустились в подвальный гараж госдепартамента и на его автомашине поехали в Белый дом. Был необычно морозный и снежный день для Вашингтона. На улицах было мало прохожих.

Мне бросились в глаза некоторые элементы таинственности или, вернее, желания не афишировать встречу президента с советским послом, сделать ее негласной.

Президент принял нас у себя на квартире, а не в своем рабочем кабинете, отметив, что хотел бы побеседовать со мной в неофициальной обстановке. В

последовавшей затем беседе, продолжавшейся около двух часов, Шульц активного участия не принимал, ограничиваясь отдельными репликами. Кроме нас троих, никого больше не было на беседе.

После взаимного обмена приветствиями президент сказал, что Шульц подробно доложил ему о наших с ним беседах и о моих высказываниях насчет возможности улучшения отношений между нашими странами, которые делались мною по поручению советского руководства. Он особенно хорошо помнит высказывания Андропова на эту же тему в беседе с Бушем и Шульцем и хотел бы в этой связи кое-что сказать и от себя лично.

Прежде всего он считает, что было бы полезно установить с Генеральным секретарем личный доверительный канал связи, „минуя 'бюрократию", и время от времени проводить откровенный обмен мнениями. Таким „закрытым каналом" могли бы стать контакты через Шульца и советского посла. Насколько он знает от своих предшественников, так было и в прошлом, и это себя оправдало.

Я подтвердил эти слова президента.

Генеральный секретарь Андропов, сказал далее президент, говорил Бушу и Шульцу, что он хочет хороших и добрых отношений с США. Вы, г-н посол, в свою очередь, говорили об этом при встречах с Шульцем от имени советского руководства. Прошу передать г-ну Андропову, что я тоже хочу хороших отношений с СССР. Мы, конечно, оба отдаем себе отчет, что спорных вопросов накопилось так много, что все их не решить при нашей жизни. Но ряд вопросов можно и нужно решать. Возможно, в СССР на меня смотрят как на безумного поджигателя войны. Но я не хочу войны между нами, так как знаю, какие неисчислимые бедствия она принесла бы нам. Нужно какое-то свежее начало в наших отношениях. Я хорошо понимаю важность для наших отношений, например, обсуждаемых на переговорах в Женеве вопросов стратегических и европейских ядерных вооружений. Но они потребуют еще времени, несмотря на старания обеих сторон, так как эти вопросы очень сложные - и технически, и политически. Есть и другие вопросы, как сложные, так и менее сложные, ими надо заниматься и стремиться-решать.

Я обратил внимание, сказал далее Рейган, что г-н Андропов сторонник подхода „больше дела, меньше лозунгов". Новому руководителю легче сделать первый, пусть символический шаг.

Таким жестом или шагом, который получил бы очень большое звучание в США, продолжал он, могло бы быть, например, решение вопроса о нескольких пятидесятниках, вынужденно проживающих в американском посольстве в Москве с 1978 года. Эти люди стремятся получить разрешение эмигрировать из СССР. Без преувеличения могу сказать, зная общественное мнение Америки, что такой оборот дела получил бы здесь более широкое и позитивное звучание, чем даже какое-то соглашение по другому вопросу, подписанное между нами. Как это ни парадоксально, но в Америке по-своему воспринимают события (надо сказать, что президент был в известной степени прав, если учитывать американскую специфику).

Рейган считал, что поправка Джексона-Вэника, увязывающая эмиграцию евреев с торговлей, была ошибочной. Но ее принял конгресс, и президент ее отменить не может. Но если конгресс решит ее отменить, то он как президент препятствовать не будет.

Здесь Рейган сделал паузу, как бы приглашая меня высказать свое мнение.

Я изложил некоторые наши основные соображения. Сказал, что если американское правительство и лично президент выражают сейчас готовность вести дело к улучшению отношений между двумя нашими странами, то США могут рассчитывать на надлежащую взаимность со стороны СССР. При этом для нас было бы важно знать, как американская сторона имеет в виду конкретно реализовать это свое намерение.

Президент тут же сказал, что он хотел бы, однако, задать мне вначале один откровенный вопрос, а именно: действительно ли мы считаем, что США представляют военную угрозу для СССР, что США могут напасть на СССР, начать ядерную войну. Далее он сделал исторический экскурс в прошлое: когда в конце второй мировой войны США имели монополию на ядерное оружие, развернутую военную промышленность и все необходимое, чтобы господствовать над миром, кто мог бы остановить США? Но они не сделали этого.

Этот аргумент насчет могущества США в конце второй мировой войны Рейган использовал не впервые, он писал об этом в одном из своих посланий Брежневу. Ему тогда ответили, что СССР был верен своим союзническим обязательствам и не мыслил подобными категориями, хотя советская армия в тот момент господствовала на Европейском континенте. Я развернул эту мысль в своем ответе президенту.

Затем я напомнил Рейгану, что СССР окружен многочисленными американскими базами, что США создают новое ракетно-ядерное оружие, наращивают гонку вооружений. Призвал его взглянуть на все это нашими глазами.

Что касается вопроса, сказал я далее, считаем ли мы, что США представляют военную угрозу для СССР, то буду откровенен: нынешнюю огромную программу перевооружений администрации при напряженных политических отношениях между двумя странами мы считаем серьезной угрозой для безопасности нашей страны.

Хочет ли американский народ войны? Ответ тут однозначный: нет, не хочет, как и любой другой народ. У нас же каждая семья знает, что такое война и какое горе она несет всем. Мы исходим из того, что все это президент США отчетливо осознает.

Рейган заметил, что он это, разумеется, хорошо понимает. Однако поскольку наш разговор принял откровенный характер, то он хотел бы сказать, что в США рассматривают как угрозу для себя главное политическое кредо СССР, вытекающее из основополагающего для него учения марксизма-ленинизма, что весь мир должен стать коммунистическим. Соответственно СССР автоматически поощряет или поддерживает революцию в любой стране, особенно если это затрагивает интересы США. Короче, СССР исходит из того, что будущее только за ним, а у США нет будущего, хотя их нынешнюю социальную систему поддерживает большинство населения, у которого самый высокий в мире уровень жизни. С этим мы никак не можем согласиться, добавил Рейган, мы верим в свое будущее и будем за него бороться.

Я сказал президенту, что изложенное им понимание наших взглядов, видимо, искренне, но оно далеко от действительности. Мы не собираемся насаждать наши убеждения или взгляды силой оружия. Пусть лучше история сама рассудит наше историческое соревнование при мирном сосуществовании наших стран. Мы не провозглашаем „мировой поход против капитализма". Мы готовы принять вердикт истории без всякой войны и без

каких-либо опрометчивых действий, которые могли бы привести нас к такой гибельной войне, особенно между СССР и США. А избежать ее - в интересах обеих стран. Для этого и нужно совместно работать с целью нормализации наших отношений.

Заметив, что подобную тему нельзя решить в ходе одной беседы, Рейган затем перешел на шутливый тон, сказав, что ему немало досталось за так называемые „десять заповедей Ленина", о которых он прочитал в одной из местных калифорнийских газет и использовал в своем публичном выступлении.

(На поверку выяснилось, что таких „заповедей" вообще не существует. Надо сказать, что давняя привычка Рейгана произвольно пользоваться в подтверждение своей позиции или оценки неизвестно откуда взятыми фактами, цитатами и сведениями не раз ставила в тупик не только общественность, но и журналистов, и сотрудников Белого дома.)

Я сказал президенту, что хотел бы все же воспользоваться этой неожиданной возможностью побеседовать лично с ним, чтобы изложить ему наш подход к практическим шагам в наших отношениях, имея в виду продолжить более детальное обсуждение с госсекретарем, как это и планировалось ранее.

Рейган сказал, что он готов выслушать меня.

Я достаточно подробно остановился прежде всего на переговорах по ядерному разоружению: ограничению ядерных вооружений в Европе и ограничению и сокращению стратегических вооружений.

По первой проблеме Рейган (без серьезных аргументов) повторил позицию США, но не оспаривал нашу аргументацию. Он указал, что счет ракет средней дальности в Европе должен вестись „на равных" между СССР и США, как главных договаривающихся ядерных держав, а не между СССР и НАТО. Только такой подход для них приемлем. В отношении переговоров по стратегическим вооружениям Рейган был немногословен. Он бросил лишь реплику, что предлагает „существенное сокращение" и что это свидетельствует о его миролюбивых намерениях. Пусть делегации еще поработают. Чувствовалось, что сейчас его внимание привлечено лишь к переговорам по ядерным вооружениям в Европе.

На мое замечание, что, по нашему мнению, есть возможности поиска решений в местах напряженности. Рейган заметил, что, пожалуй, можно попробовать поискать такие точки соприкосновения на Ближнем Востоке, хотя расхождения здесь очевидные и немалые.

Шульц добавил, что не следует забывать также Афганистан, Польшу и Кампучию.

Хочу лично повторить в заключение, сказал Рейган, что, как и г-н Андропов, я хочу добрых и хороших отношений между нашими странами. Я за то, чтобы исчезла угроза войны в наших отношениях, за позитивный поворот в этих отношениях. Прошу передать об этом Генеральному секретарю и всему советскому руководству.

Подчеркнув, что это, разумеется, будет сделано, я со своей стороны попросил его со всем вниманием отнестись к нашей точке зрения, которая была ему изложена.

Рейган обещал внимательно обдумать весь наш с ним разговор.

Когда мы с Шульцем вернулись в госдепартамент, то подробно обсудили положение в разных районах мира и проблемы двусторонних отношений.

ПРЕЗИДЕНТ
РОНАЛЬД РЕЙГАН

Так прошла моя первая личная деловая встреча с президентом Рейганом. Для него это вообще была первая продолжительная беседа с советским официальным представителем.

Само решение Рейгана провести такую встречу было по-своему знаменательным, ибо она состоялась лишь на третьем году его президентства, что свидетельствовало о какой-то его личной попытке, наконец, разобраться в советско-американских делах. В своих мемуарах Шульц рассказывает, что против встречи Рейгана с советским послом возражало все ближайшее окружение президента. И все же Рейган принял такое решение.

Для Шульца, как он сам признает, это было принципиально важно: раз сам президент начал диалог с советским послом, то и он, госсекретарь, может смелее и более конкретно заниматься советско-американскими делами. Такова была атмосфера в рейгановской администрации. Сам факт нашей встречи держался в строгой тайне.

На меня Рейган произвел тогда впечатление человека, высказывания которого носили достаточно искренний характер и отражали его собственное политическое кредо применительно к отношениям с СССР. Вместе с тем настораживающим и даже опасным в этом кредо было то, что в нем смешались вместе реальная политика, основанная на реальностях современного мирл, и твердая убежденность в том, что СССР стремится к мировому господству, исповедуя положение марксизма о неизбежной победе коммунизма над капитализмом. Опасность тут была в том, что Рейган, как и Брежнев, слабо разбирался в теоретических вопросах. Это лишь фиксировало его идеологическую непримиримость, которая постоянно подпитывалась его консервативным окружением. А все это непосредственно отражалось на практическом курсе его внешней политики, на его стремлении максимально вооружиться. Короче, идеология доминировала над политикой. И у Рейгана, пожалуй, это проявлялось гораздо сильнее, чем у Андропова.

Со своей стороны в телеграмме в Москву об этой встрече я предложил продолжать терпеливую работу по сдерживанию экстремистских взглядов Рейгана, отметив, что постепенные шаги „по мелочам" в целях налаживания отношений с ним могут вначале сыграть более позитивную роль, чем какие-либо крупные проекты соглашений, к которым он, по моим впечатлениям, психологически еще не был готов. В этой связи я посоветовал решить затянувшийся вопрос о пятидесятниках.

(Через месяц Шульц сообщил мне, что „президент выразил удовлетворение" по поводу того, что советское правительство, как доложило американское посольство, положительно отнеслось к его просьбе о пятидесятниках. Правда, для окончательного закрытия вопроса потребовалось еще некоторое время).

Из беседы с президентом я вынес еще некоторые личные наблюдения.

О взаимоотношениях Рейгана и Шульца. Последний явно показывал, что Рейган - это настоящий „хозяин", а он, госсекретарь, лишь исполнитель его воли. Шульц практически не вмешивался в разговор, но всем своим видом демонстрировал, что согласен с тем, что говорил Рейган. Создавалось даже впечатление (возможно, ошибочное), что госсекретарь чуть-чуть побаивался президента. Из его мемуаров видно, что у него не было в тот момент частых непосредственных контактов с президентом. Чаще эти контакты шли через помощников президента. Во всяком случае, я не почувствовал между Рейганом и Шульцом тех близких, дружественных отношений, которые в

свое время существовали, например, между Брежневым и Громыко или Горбачевым и Шеварнадзе.

Рейган сам поднял вопрос о конфиденциальном канале (впоследствии он несколько раз возвращался к нему). Думается, что у него не было в тот момент конкретных мыслей, как практически использовать этот канал. Но он знал от Никсона, что этот канал сыграл немалую роль для негласного диалога и договоренностей между руководством обеих стран. Поэтому он счел, видимо, полезным на всякий случай упомянуть о таком канале. Однако Шульц, по моим наблюдениям, по существу, не проявлял интереса к этому, хотя время от времени, как бы отдавая дань на словах высказываниям президента, сам иногда скороговоркой говорил о конфиденциальном канале, но ничего практически не делал в этом направлении.

Причин тут было несколько. Сам Шульц, судя по всему, не хотел брать на себя этот канал, так как его функционирование, как, например, при Киссинджере, зависело от доверительного разговора по конкретным проблемам, а он не был готов к такому разговору. В отличие от Киссинджера Шульц должен был согласовывать с президентом чуть ли не каждый разговор, т. е. он был „на коротком поводке". Кроме того, Шульц вначале не владел всеми деталями и нюансами сложных разоруженческих переговоров. Поэтому в разговорах со мной, когда речь шла о тематике таких переговоров, он, как правило, имел при себе соответствующих сотрудников и экспертов. Доверительного диалога по конфиденциальному каналу при таких условиях явно не получалось. Вообще я беседовал с ним наедине значительно реже, чем с Вэнсом, Киссинджером или Раском, хотя мои личные отношения с Шульцем, думаю, были достаточно дружескими. В целом он был, конечно, верным представителем администрации Рейгана, последовательно и упорно отстаивая ее позиции. В этом смысле в чем-то он был похож на Громыко, хотя такое сравнение, конечно же, носит весьма условный характер.

Когда знакомишься с мемуарами Шульца, то видно, с каким трудом и упорством он „пробивал" через Рейгана и его окружение свои компромиссные взгляды насчет тех или иных шагов в советско-американских отношениях. Известный американский историк и дипломат Джордж Кеннан как-то мне сказал, что окружение Рейгана „удивительное по своей тупости" и кичится тем, что в отличие от прежних администраций „каждый день дает бой Советскому Союзу".

Шульц поставил себе целью постепенно выработать долгосрочную концепцию отношений с СССР, исподволь заручившись поддержкой президента. Неожиданным толчком для него послужило приглашение на незапланированный ужин в Белом доме в морозный вечер в субботу 12 февраля, когда Вашингтон оказался в плену снежных заносов. В ходе необычно свободной беседы Шульц, как он пишет, почувствовал, что президент сам, оказывается, начинает обдумывать возможность каких-то контактов, могущих привести к уменьшению напряженности в отношениях с Москвой. Он укрепился в этом мнении, когда через три дня президент негласно принял у себя дома советского посла.

Однако на практике целостной концепции не получилось: все сводилось к отдельным акциям, одобряемым президентом от случая к случаю. Дело встало на более прочную базу, когда в Москве к власти пришел Горбачев, да и сам Рейган стал в этом смысле более инициативным после переизбрания его в президенты.

Опасался ли СССР военного нападения США?

В разговоре со мной Рейган, как уже отмечалось, поднял принципиально важный вопрос, спросив, действительно ли мы считаем, что США представляют военную угрозу для СССР, что США могут напасть на СССР, начать ядерную войну.

Могу засвидетельствовать, что и Хрущев, и Брежнев, и Андропов и Черненко со всей серьезностью задавались этим вопросом. Однако ответ был неоднозначен. Все они (и их окружение, входившее в советское руководство) исходили из того, что США в долгосрочном плане представляют постоянную угрозу для безопасности нашей страны. Из этого исходило и все военное планирование. Однако они не считали, что это может произойти в любой момент и внезапно, как это было, например, с нападением Японии на Пирл-Харбор. Такие опасения не превалировали. Да собственно, кроме кубинского кризиса 1962 года, у нас не было конфронтации, по-настоящему чреватых военным столкновением между обеими странами. И все-таки в Москве опасались, что в какой-то непредсказуемый напряженный момент в будущем такая конфронтация могла бы произойти, учитывая постоянное силовое политическое и военное противостояние обеих сверхдержав, а также наличие в Вашингтоне „авантюристического президента", каким, например, вначале считали Рейгана, который вызывал определенную настороженность.

Что касается ядерной войны, то советское руководство и высшее военное командование считались с такой возможностью. Они были убеждены, что большой военный конфликт между СССР и США, если он произойдет, неизбежно приведет к применениею ядерного оружия. Однако, несмотря на пропагандистские патриотические заявления, советское руководство в действительности не верило в возможность победы в ядерной войне. Оно при этом надеялось, что так же думает и высшее руководство в Вашингтоне. Надеялось, но полностью в этом не было уверено, видя постоянные попытки США добиться превосходства в стратегических силах. Отсюда твердая решимость сделать необратимым достигнутый военный паритет с США.

Американский народ, пожалуй, более эмоционально воспринимал угрозу ядерной войны, чем советский, находясь периодически под активным воздействием своих средств массовой информации и кинокартин об ужасах такой войны. Однако советские люди испытывали постоянное, более глубокое чувство опасности войны, памятуя все ужасы Отечественной войны.

Надо сказать, что президентство Рейгана вызвало у нашего руководства, в частности лично у Андропова и Устинова, впечатление и даже убеждение в том, что новая администрация США активно готовится к возможности ядерной войны. В результате этого Политбюро по инициативе Андропова санкционировало специальную директиву нашим разведслужбам (по линии КГБ и Генштаба) организовать тщательный сбор информации о возможных планах США и НАТО совершить внезапное ядерное нападение на СССР. Это была самая крупномасштабная послевоенная разведывательная операция, продолжавшаяся с 1981-го по 1984 год под кодовым названием „РАЯН" („ракетно-ядерное нападение). Все наши резиденты за рубежом получили детальные инструкции по сбору такой информации. Об особой важности „раскрытия" подобных возможных американских планов „первого ядерного удара" подчеркивалось в течение 1983 года, когда антисоветская риторика

Рейгана достигла пика. Только в 1984 году эти опасения в Кремле стали ослабевать.

Следует отметить, что МИД остался как бы вне этой „операции". Никаких телеграмм или поручений на эту тему нашим послам не направлялось. Они вообще ничего не знали о ней. Я сам узнал об этом лишь от резидента КГБ. Правда, мы с ним оба расценили все эти опасения довольно скептически, но должны были все же серьезно отнестись к ним, поскольку Москва могла располагать секретной информацией, о которой нам не было известно.

В этой связи мне припоминается разговор с маршалом Ахромеевым, начальником Генерального штаба Советской Армии в 80-х годах. Он был одним из наших наиболее образованных и осведомленных высших военачальников.

Как-то во время одного из моих приездов в Москву он предложил мне побеседовать „по душам" о наших отношениях с США. Я согласился, мне было интересно узнать военные аспекты этих отношений. Встреча состоялась в его импозантном кабинете, увешанном разными картами. Карты были повсюду.

Я попросил маршала сделать краткий обзор военного положения страны, как оно видится им с учетом отношений СССР с США.

Он бегло прошелся по нашим границам (в основном западного направления на стыках с НАТО). При этом он говорил в широком плане, без деталей. Например, на таком-то направлении у нас, по его мнению, достаточно сил, а на другом - надо бы добавить 3-4 дивизии и построить дополнительные военно-инженерные сооружения, а где.-то надо бы укрепить еще наши силы танками, самолетами, мотопехотой и т. п.

Всего этого, сказал он, сразу не сделаешь, да и не хватает денег. Придется опять просить их у Политбюро, ибо, по мнению Генштаба, надо быть готовым по всем направлениям.

Я прямо спросил его:

- Ты, что, действительно веришь, что США и НАТО в ближайшее время могут нацасть на СССР?

- Это не моя задача - верить или не верить, - заявил он в ответ. - Я не могу полагаться только на политиков и дипломатов, и на разные ваши конференции. Сегодня вы вроде о чем-то договорились с Вашингтоном, но завтра какая-то новая вспышка на международной арене или в советско-американских отношениях может снова отбросить нас к „холодной войне" или даже к военным конфликтам. - Достаточно вспомнить арабо-израильский конфликт 1973 года, когда США неожиданно объявили состояние повышенной боевой готовности своих вооруженных сил против нас. И было это в период разрядки при Никсоне. А президент Рейган разве внушает больше доверия?

- Вот почему мой девиз, как начальника Генштаба: военная безопасность нашей страны по всем азимутам! Мы исходим из наихудшего сценария: с нами воюют одновременно не только США, но их союзники из Западной Европы, а возможно, и Япония. Надо быть готовым к любой войне с применением любого оружия. Военная доктрина СССР, если говорить кратко, сводится к следующему: 1941 год никогда больше не должен повториться.

Надо полагать, что и американские коллеги нашего маршала в Пентагоне также исходили „из наихудшего сценария". Трудно себе даже

представить, к чему могло бы привести человечество осуществление таких сценариев.

Мне вспоминается в этой связи разговор с Уотсоном, бывшим послом США в Москве. До этого он руководил крупнейшей американской компанией по производству компьютеров. В этом качестве президент Картер поручил ему вместе с группой крупных бизнесменов опытными „гражданскими глазами" взглянуть на военное планирование США, предоставив ему право вызывать высших военных чинов Пентагона для доклада. После трехмесячного знакомства на местах с ядерными стратегическими силами США (их „триады") Уотсон приехал в Пентагон для беседы с высшим американским генералитетом.

Он попросил изложить ему сценарий возможной ядерной войны с СССР (запуск американских ракет в случае „неминуемой" ядерной угрозы со стороны СССР). Генералы показали Уотсону на светящейся карте мира, откуда и какими ядерными средствами США будут атаковать Советский Союз. По их оценкам, более тысячи целей, военных и гражданских (включая города), на территории СССР будет уничтожено. Погибнет более 100 млн. человек, остальные будут сильно поражены радиацией от взрывов ядерных зарядов.

„А что случится с США в случае обмена ядерными залпами, даже в наилучшем варианте, т. е. когда американской стороне удастся опередить и уничтожить значительную часть советских ракет еще до их запуска?" -спросил Уотсон. Ему ответили, что в любом случае надо исходить из того, что будет убито около 80 млн. американцев, причем сильному радиоактивному облучению подвергнутся многие из оставшихся в живых. Будут уничтожены крупнейшие города Америки: Вашингтон, Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско, Лос-Анджелес и другие.

„Ну а что же мы будем делать после всего этого?" - задал Уотсон следующий вопрос своим генералам. Те переглянулись и сказали, что им трудно ответить на этот вопрос, так как ситуация будет совсем непредсказуемая.

Рассказывая затем обо всем этом президенту Картеру, Уотсон сделал следующий вывод: генералы хорошо знают, как начать и вести ядерную войну на максимальное уничтожение, но не имеют ни малейшего представления, как жить - и можно ли вообще жить, - после такой войны? Короче, вопросы ядерной войны нельзя оставлять на усмотрение военных, обязательно нужен повседневный строгий гражданский контроль над их действиями и их планированием. Картер полностью согласился с Уотсоном.

Но вернемся к разговору с маршалом Ахромеевым.

Интересны были его комментарии на мой вопрос, зачем нам нужна мощная концентрация наших механизированных частей в Центральной Европе, ведь вокруг этого давно идут продолжительные споры на переговорах в Вене по ограничению обычных вооружений.

Ахромеев сказал, что этот вопрос имеет свою предысторию. Сразу после войны при президенте Трумэне резко ухудшились отношения с США. В Москву стали поступать сведения, что в случае серьезного конфликта с СССР Трумэн рассматривает возможность применения ядерного оружия, в котором США имели тогда явное преимущество. Утвержденная тогда Сталиной советская военная доктрина сводилась к следующему: создать в центре Европы, где находились еще наши войска после войны, мощный кулак из танковых дивизий для ответного молниеносного удара по

европейским союзникам США и полной оккупации их территории вплоть до Ла-Манша и Атлантического побережья Западной Европы. Подобный контругрозой Сталин рассчитывал парировать ядерную угрозу со стороны США.

Я тут же спросил его, почему такая дислокация советских войск, по существу, сохранилась и после того, как СССР достиг ядерного паритета с США. Проблема поддержания стабильности в странах Восточной Европы? Но разве для этого надо было держать в центре Европы мощную миллионную армию?

Заметив, что инерцию мышления высшего руководства страны не так просто преодолеть, Ахромеев в сугубо приватном плане сказал, что лично он считал бы возможным пойти на определенное и даже существенное сокращение наших войск и вооружений в Центральной Европе. Через год он сам внес такие весомые предложения Горбачеву. Правда, при этом он настаивал на получении от американской стороны адекватной компенсации (впоследствии во внутренних межведомственных дискуссиях он нередко спорил с Шеварнадзе и выступал против излишней торопливости в наших уступках американцам на переговорах по разоружению, чем грешили и Горбачев, и Шеварднадзе).

„Империя зла". Программа „звездных войн"

В начале года продолжались враждебные террористические акции против советских учреждений в США. 17 февраля у здания представительства Аэрофлота в Вашингтоне (недалеко от посольства) была взорвана бомба. Шульц принес извинения. Однако злоумышленников, как всегда, не нашли.

В начале марта была заложена новая „бомба" замедленного действия под наши отношения. Эта бомба политического характера была подброшена самим президентом Рейганом.

Выступая в Орландо (штат Флорида) 8 марта, он назвал СССР „империей зла". Правда, как свидетельствует Шульц, эта речь перед собранием евангелистов не задумывалась как особое событие и не давалась на предварительный просмотр кому-либо вне Белого дома. Тем не менее, эта фраза была подхвачена средствами массовой информации во всем мире и вызвала негодование в Москве, а также озабоченность в Западной Европе по поводу сильно ухудшающихся отношений США с СССР. Прорейгановские силы в США тут же взяли на вооружение эту броскую пропагандистскую фразу.

В этом выпаде проявилось своеобразие мышления Рейгана. Он не видел, судя по всему, ничего противоречивого в том, чтобы начинать думать о каком-то выправлении отношений с Кремлем и в то же время продолжать публично выступать с неистовыми нападками на олицетворяемую этим же Кремлем „империю зла". В его уме это все, видимо, органично уживалось. В Москве же такое поведение президента вызывало возмущение. Поэтому негласные заверения о каких-то намерениях Рейгана улучшать отношения с нами долго расценивались как фальшивые или пропагандистские.

Тем временем наши отношения стал лихорадить новый „сюрприз" Рейгана. Когда 23 марта я встретился с Шульцем, чтобы сообщить ему устное послание Андропова президенту Рейгану относительно венских переговоров о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе,

госсекретарь в конце беседы неожиданно передал мне текст предстоящего выступления Рейгана по телевидению, которое вскоре стало новой сенсацией. Коротко он сказал (Шульц торопился к президенту, я же не успел еще прочитать текст выступления), что президент „рассчитывает дать миру надежду" против угрозы применения ядерного оружия. Эту надежду президент видит в том, чтобы начать программу противодействия „ужасающей ракетной угрозе" путем принятия мер „оборонительного порядка". Указанная программа предусматривает долгосрочные исследования и разработки с использованием космоса.

Я тут же спросил Шульца, значит ли это, что правительство США идет на ломку важного договора по ПРО?

Он стал утверждать, что это не так и что целью его беседы со мной - в связи с выступлением Рейгана - и является желание официально заверить Советское правительство в том, что правительство США будет соблюдать свои обязательства по этому договору и что американская программа разработок и исследований будет вестись в рамках этого договора.

Я заявил Шульцу, что мне, конечно, надо до конца ознакомиться с текстом выступления президента, но уже из сказанного им довольно ясно одно: США затевают дорогостоящую гонку вооружений еще в одной области, а именно в космосе.

В тот же день президент Рейган в свойственной ему драматической форме выступил по национальному телевидению. Подчеркнув советскую военную мощь и заявив, что в ней особый упор делается на наступательное стратегическое вооружение. Рейган объявил, что США обладают ныне новыми технологиями, с помощью которых они смогут значительно уменьшить возможную угрозу советского нападения на США и их союзников. Президент сообщил, что дал указания подготовить долгосрочную программу исследований и разработок, „имея в виду как конечную цель уничтожение угрозы, создаваемой стратегическими ядерными ракетами".

Программа Рейгана получила название „стратегической оборонной инициативы" (СОИ), или „звездных войн". Настоящими авторами программы были американские ученые во главе с известным физиком Теллером, а также руководство Пентагона. Они „продали" эту идею президенту, который загорелся мыслью найти такую защиту от советских ракет. Рейган уверовал в возможность такой системы и стал настойчиво добиваться ее осуществления, несмотря на оппозицию с разных сторон.

Показательно, что госдепартамент и лично Шульц лишь за пару дней до выступления Рейгана узнали о готовящемся обращении президента по этому вопросу. С ними никто не консультировался заранее. Они успели, правда, в последний момент включить в текст речи упоминание о договоре по ПРО, о существовании которого составители речи президента в Белом доме попросту забыли.

Выступление Рейгана вызвало широкую, но противоречивую реакцию в стране и во всем мире. В США население в целом встретило это выступление положительно, хотя оно и вызвало разногласия в научных кругах и конгрессе. В Европе оно породило опасения, что США могут в конечном счете поступиться „европейскими" интересами.

В Москве решение Рейгана было расценено как шаг, направленный на дестабилизацию стратегической обстановки, на создание широкомасштабной противоракетной обороны территории США, имеющей целью лишить СССР способности нанести ответный удар в случае ядерной войны.

Андропов тут же заявил, что „новая концепция" Рейгана распространит гонку вооружений на космос и что США вступили на исключительно опасный путь.

В Москве, конечно, не могли сразу оценить военно-технических последствий СОИ, но опасались, что американская технология, возможно, совершила какой-то прорыв в области космических вооружений. Так считали наши военные инженеры, их энергично поддерживал Устинов. Правда, наши физики-теоретики во главе с академиком Велиховым выражали определенный скептицизм по поводу осуществимости СОИ, но их точка зрения не находила широкой поддержки в советском руководстве. Оно исходило из потенциально больших технических возможностей США и отнеслось весьма серьезно к выступлению Рейгана.

Откровенный разговор с Бушем

Через несколько дней у меня состоялся продолжительный неофициальный разговор с Бушем. Речь зашла о предстоящей президентской предвыборной кампании.

Буш сказал, что, по его оценке, кандидатом от демократов, по всей вероятности, будет Мондейл. Что касается республиканской партии, продолжал он, то могу сугубо доверительно и определенно сообщить, что президент Рейган решил баллотироваться на второй срок и что заявление об этом он сделает в июне или июле.

Таким образом, сказал с явным огорчением Буш, в своих личных планах я вынужден считаться с этим решением президента. Если же по каким-то причинам Рейган все же неожиданно пересмотрит свое решение, то тогда от республиканцев, по всей вероятности, буду баллотироваться я, добавил он. Трудность для меня состоит в том, что против меня выступают правокон-сервативные круги, для которых я слишком большой либерал, но, думаю, что в случае отказа Рейгана я все же смогу стать кандидатом от партии.

На мое замечание, что Рейган в этом случае, видимо, его поддержит, Буш ответил, что дело обстоит не совсем так. Я не ожидаю от Рейгана активной поддержки моей кандидатуры. Максимум, на что я рассчитываю, - это на его „благожелательный нейтралитет": перед близкими ему консерваторами он, видимо, выскажется в мою пользу, но сам больше делать ничего не будет. Может быть, это и к лучшему. Все зависит от общей атмосферы внутри страны на момент выборов.

Вице-президент считал, что Рейган будет иметь реальный шанс победить Мондейла, если ему удастся добиться прогресса в двух областях: во-первых, в оживлении экономики, особенно в снижении уровня безработицы и сохранении низкой инфляции; во-вторых в улучшении отношений с СССР. Должен прямо сказать, заметил он, что американцы заметно напуганы заявлениями президента, гонкой вооружений и ухудшением отношений с СССР. Вопросу об отношениях с СССР до сих пор, по наблюдениям вице-президента, Рейган не придавал слишком большого значения, поскольку его главная цель - „довооружить Америку". Вместе с тем, хотя это может показаться парадоксальным, в беседах с ним Рейган несколько раз говорил, что хотел бы договориться с Андроповым о заключении хотя бы одного из соглашений по ядерному оружию, о которых ведутся переговоры в Женеве.

Главное сейчас - как-то сдвинуть с места Рейгана. Вы себе не представляете, продолжал он, с какими взглядами и суждениями, вынесенными из прошлого, пришел Рейган в Белый дом. Когда я стал знакомиться с ним вплотную в первые месяцы администрации, приходилось просто поражаться, насколько над ним довлеют штампы Голливуда и его богатых, но чрезмерно консервативных и малообразованных друзей из Калифорнии. К сожалению, добавил Буш, многие штампы остаются, ибо они слишком крепко засели в голове у президента. Рейган труден, очень труден, но, думаю, все же не полностью безнадежен, если вопрос о советско-американских отношениях превратился бы в одну из главных проблем предвыборной кампании.

По его словам, окружение Рейгана, в первую очередь Мис и Кларк, не менее консервативно, чем сам президент. К этой категории относится и Уайнбергер. Они фактически принимают в штыки любое компромиссное соглашение с СССР, особенно в ракетно-ядерных вопросах.

Лицом, могущим оказать известное благоприятное воздействие на президента, является Шульц, который нашел нужную тональность в беседах с президентом. К сожалению, Шульц не очень торопится взять в свои руки проблему ограничения ядерных вооружений, в результате чего этими вопросами занимаются люди, которые, по существу, против соглашения с СССР, но с которыми Шульц не хочет открыто конфликтовать.

Из высказывания Буша было видно, что сам он выступает за советско-американскую договоренность по этим вопросам, но что дело за Рейганом.

Новый „промежуточный вариант" по евроракетам

В конце марта Шульц сообщил мне, что в самые ближайшие дни в Лос-Анджелесе выступит Рейган и изложит, в частности, „промежуточный вариант" ограничения ядерных вооружений в Европе, отличающийся от „нулевого варианта", который до сих пор выдвигали США. Речь шла теперь о доведении числа ядерных боеголовок на ракетах средней дальности в Европе у СССР и США до определенных равных согласованных уровней (конкретное число пока неизвестно). При этом сохранились известные „пять принципов" США: установить равенство прав и пределов; не засчитывать английские и французские ядерные силы; эффективный контроль; не устанавливать соответственно ограничения на обычные вооружения США в рамках НАТО в Европе; не передислоцировать ракеты из Европы в Азию в результате ограничений. Короче, администрация сделала очередной продуманный пропагандистский ход, внешне вроде заняв более гибкую позицию, чтобы ослабить критику в свой адрес: вместо „нулевого варианта" она предлагала равенство уровней, но существо оставалось прежним - СССР должен был **уничтожить** часть своих ракет, а США получали право **размещать** свои ракеты.

Я сказал Шульцу, что подход США, к сожалению, остается неизменным: США хотят вооружаться, а СССР должен разоружаться. Мы не можем пойти на одностороннее разоружение. Не будем мы благословлять и развертывание в Европе новых американских ракет. Надо искать взаимоприемлемый компромисс с учетом английских и французских ядерных средств и средств передового базирования. „Пять принципов" - это американские принципы; мы под ними не подписываемся.

Через несколько дней, за час до своего выступления 30 марта с предложением о „промежуточном решении" по евроракетам, Рейган собрал послов НАТО. Рассказав о сути предложения, Рейган вместе с тем высказал личное мнение, что вряд ли до декабря 1983 года, когда должно начаться развертывание американских ракет, удастся договориться с СССР о чем-либо на переговорах. Однако после начала развертывания этих ракет русские, хотя „и упрямые, но реалисты", судя по всему, пойдут на соглашение, чтобы предотвратить полное развертывание этих ракет (в этом Рейган оказался отчасти прав). Он не был бы удивлен, если бы к середине 1984 года появилось такое советско-американское соглашение, а значит, может состояться встреча на высшем уровне. Президент высказался и в том смысле, что, несмотря на напряженность в советско-американских отноше-. ниях, эта „напряженность находится под контролем". Это заинтересовало послов, но Рейган не стал вдаваться в подробности.

Президент кратко упомянул о своей недавно объявленной программе СОИ, сказав, что она, помимо защиты от советских ракет, имеет также целью сделать русских более сговорчивыми в вопросах контроля над ограничением вооружений, ибо они знают, что в длительном соревновании такого рода американская технология возьмет верх (эти сведения я получил от послов ряда стран НАТО).

Надо признать, что высказывания Рейгана достаточно четко определяли его систему взглядов на перспективу отношений с Советским Союзом.

Предложения Рейгана о „промежуточном решении" были незамедлительно публично отвергнуты Громыко. Мы все еще надеялись, что нам удастся сохранить часть своих ракет в Европе и предотвратить одновременно начало развертывания там американских ракет. Надежды были явно нереалистичными, но Москва всячески оттягивала свое кардинальное решение на этот счет.

Следует отметить характерную особенность появления новых предложений обеих сторон по вопросам ограничения ядерных вооружений в этот период. Эти предложения публично и с большой помпой объявлялись лично руководителями обеих стран, а не обсуждались по конфиденциальному каналу или в ходе рабочих встреч на уровне делегаций, где они могли бы быть подвергнуты предварительному обсуждению. Советско-американский спор в этой области почти сразу приобретал публичный пропагандистский характер. А это ведь противоречило основной идее встреч на высшем уровне: взаимный негласный и доверительный поиск договоренностей самими руководителями.

Большой сбор у Шульца

17 апреля я встретился в госдепартаменте с Шульцем. Необычным было присутствие на этой встрече помимо самого госсекретаря всех его основных заместителей: Дэма, Иглбергера, Бэрта, а также Уайнбергера. Складывалось впечатление, что Шульц стремился особо отметить, что встреча основательно подготовлена, и заручиться поддержкой возможно более широкого круга лиц, особенно Уайнбергера. Со мной был посланник Соколов.

Шульц сказал, что они с Уайнбергером хотели бы обсудить со мной ряд вопросов и высказать соображения американской стороны. Они касались четырех тем: меры укрепления доверия; ограничения вооружений, по

которым идут переговоры в Женеве и в Вене; двусторонние отношения; региональные проблемы.

Я согласился с такой повесткой дня нашей встречи.

По первой теме выступил Уайнбергер, который предложил: значительно улучшить существующую межправительственную связь между Москвой и Вашингтоном; установить линию прямой связи между министерствами обороны для оперативного уведомления о запусках ракет, учениях и т. п.; обменяться информацией и определить возможность проведения срочных консультаций между СССР и США на случай тех или иных инцидентов, вызываемых действиями террористических групп, особенно если создается угроза захвата ядерного оружия или ядерных материалов (или обладания ими); и, наконец, установить более оперативные и совершенные линии связи посольств США и СССР соответственно с Вашингтоном и Москвой.

Уайнбергер был немногословен. Изложив свои предложения, он в остальной части беседы практически не принимал участия.

Затем выступил Шульц. Он заявил, что они, как и мы, считают самыми важными наши отношения в области безопасности, которые обсуждаются сейчас в ходе переговоров: по европейским и стратегическим ядерным вооружениям в Женеве, а также венских переговоров о сокращении вооруженных сил в Центральной Европе.

Президент Рейган попытался продвинуть переговоры по евроракетам, предложив „промежуточное решение", но Громыко на своей пресс-конференции очень быстро и решительно его отверг. „Может быть, провести в Вашингтоне дополнительные отдельные встречи советского посла с главами американских делегаций на 3-х переговорах (пока там перерыв)?" - спросил Шульц.

Я тут же задал ему контрвопрос: а что именно они будут обсуждать? Повторять то же самое?

Шульц промолчал. Он снова поднял вопрос об „улучшении" системы контроля, предусмотренной в договорах 1974-го и 1976 годов. Я напомнил наше отрицательное отношение к этому, сказав, что эти договоры уже давно подписаны обоими правительствами.

Шульц попросил - в развитие наших с ним бесед и с одобрения президента - информировать Советское правительство о готовности правительства США:

а) Продлить еще на один год советско-американское соглашение по рыболовству от 1976 года.

б) Заключить долгосрочное соглашение с СССР о продаже ему зерна (этим снимались ограничения, наложенные самим же Рейганом в 1981 году в связи с событиями в Польше).

Он дал понять, что „сдвиги" в вопросе о пятидесятниках (отъезд в США одного из членов этой секты) ускорили решение Рейгана по двум соглашениям: о рыбе и зерне.

Госсекретарь выразил готовность в дальнейшем начата двусторонние консультации или обмен мнениями с нами по некоторым региональным вопросам (юг Африки, Ближний Восток, Афганистан).

Отчет об этой встрече вызвал в Москве смешанную реакцию. С одной стороны, там обратили внимание на необычное участие в ней сразу двух ведущих министров.. Это могло быть свидетельством, что администрация вроде начинает проявлять интерес к диалогу с СССР. С другой стороны,

основной разговор они вели по сравнительно второстепенным вопросам, избегая конкретной дискуссии по ключевым вопросам ограничения вооружений.

Политбюро решило продолжить обсуждение вопросов, касающихся безопасности и региональных проблем (на базе уже известных позиций обеих сторон, но в надежде на какой-то сдвиг).

По вопросам, поднятым Уайнбергером, я дал 18 апреля следующий ответ из Москвы: мы готовы к консультациям по первому и третьему предложениям. По двум другим мы пока не видим такой необходимости (против этих вопросов высказались наши спецслужбы, которые опасались более высокого качества американской техники и технологии).

В советско-американских отношениях, как рассказал мне сенатор Харт, ссылаясь на друзей-сенаторов, вхожих в Белый дом, ближайшее окружение Рейгана придерживалось следующего сценария: до конца года не обращать на них особого внимания; „пробивать" тем временем предлагаемые Рейганом военный бюджет и военные программы, сохраняя атмосферу конфронтации с СССР, а затем уже к концу года с учетом президентской кампании можно будет пойти на некоторое снижение накала в советско-американских отношениях, что должно успокоить народ и показать правильность предыдущей „твердой" политики президента. В Белом доме даже поговаривают о возможной в дальнейшем встрече Рейгана с Андроповым.

Харт откровенно признал, что, по его убеждению, такая встреча „убила бы" практически все шансы претендентов в президенты от демократической партии. „А верить Рейгану и его компании нельзя!"- подчеркнул он.

Харт, который официально выдвинул свою кандидатуру на пост президента от демократов, просил Андропова принять его, хотя и признал, что ведущим кандидатом от их партии остается бывший вице-президент Мондейл. (Как известно, Харт вскоре вышел из предвыборной борьбы из-за громкого скандала вокруг его любовных похождений).

Явно демонстрируя свою готовность лично заниматься переговорами по ограничению ядерных вооружений (прежде он совсем не проявлял такого желания), Шульц предложил мне провести с ним раздельное обсуждение двух основных направлений этих переговоров: по стратегическим ядерным вооружениям и ядерным вооружениям в Европе. Как свидетельствует Шульц в своих мемуарах, президент Рейган поручил ему убедить посла Добрынина в том, что администрация серьезно подходит к переговорам по разоруженческим вопросам.

14 апреля состоялась наша с ним продолжительная беседа, она касалась стратегических вооружений.

В целом я вынес из этой беседы впечатление, что американская сторона стремилась прощупать в отношении тех вопросов, которые в первую очередь интересовали их (сокращение советских тяжелых и средних МБР, возможность для США оставить у себя крылатые ракеты большой дальности), воздерживаясь (хотя и не отказываясь на словах) от рассмотрения в конкретном плане вопросов, интересующих нас.

Я сообщил в Москву, оценивая суть этой беседы, что в целом по-прежнему остается неясной действительная готовность администрации к поискам каких-либо компромиссов с нами по основным вопросам. Шульц демонстрировал активность, но ухватиться было не за что.

Через неделю состоялась новая встреча с Шульцем, на этот раз по ядерным вооружениям в Европе. Он в основном задавал (зачитывая по

имеющейся у него бумаге) разные зондирующие вопросы, не ввязываясь в обсуждение.

Общее впечатление было таково, что в администрации достаточно хорошо отдавали себе отчет в неприемлемости для нас ни „нулевого", ни „промежуточного" решения проблемы ядерных вооружений в Европе. Поэтому они делали попытки прощупать наш настрой насчет того, не готовы ли мы - и в чем конкретно - модернизировать свою позицию, продолжив обсуждения в духе „разных вариантов" наподобие того, что предлагалось американцами в ходе „приватных бесед" в Женеве. Они явно ждали нашей инициативы в отношении этих вариантов, но не хотели менять свою позицию.

„Оптимизм" администрации

В целом обе встречи с Шульцем не ознаменовались каким-либо продвижением вперед или намеком на возможность такого продвижения. Госсекретарь заметно осторожничал. Скорее всего, не было принципиального решения президента Рейгана в отношении существа этих переговоров.

Видимо, подключение госсекретаря к обсуждению с нами вопросов ограничения ядерных вооружений было в определенной степени призвано продемонстрировать, что администрация старается использовать все возможные каналы, чтобы добиться какой-то договоренности с СССР в этой области. Во всяком случае, сведения об этих негласных встречах госсекретаря с советским послом „просочилось" в прессу и в дипкорпус в Вашингтоне, создавая впечатление, будто обе стороны серьезно пытаются преодолеть тупик в переговорах. Привлек к себе внимание в этой связи необычный полузакрытый брифинг для западноевропейских журналистов по советско-американским отношениям, который провел заместитель заместителя госсекретаря Палмер.

Главным тезисом этого брифинга (и эта мысль всячески подчеркивалась затем представителями администрации в контактах с союзниками) было то, что в отношениях между США и СССР, несмотря на накал риторики, дела обстоят совсем не так уж плохо, поскольку между странами ведется интенсивный диалог, в том числе между госсекретарем и советским послом, а также послом США в Москве, хотя этот диалог и не всегда становится достоянием гласности.

Надо сказать, что в эти же дни ко мне обращался ряд западноевропейских послов, по существу, с одним и тем же вопросом: соответствует ли действительности этот тезис администрации. Они ссылались при этом на соответствующие оценки, которые они получали от госдепартамента. Направленность этих оценок была вполне очевидна.

Тем временем администрация продолжала активную обработку наиболее влиятельных слоев американского общества в пользу своих военных программ.

По словам Арманда Хаммера, присутствовавшего 16 мая на закрытом заседании в Белом доме, на которое президент пригласил около ста ведущих бизнесменов-руководителей крупнейших корпораций США, Рейган призывал крупный бизнес поддержать программу развертывания стратегических ракет „МХ" и оказать непосредственное воздействие на „своих" сенаторов и конгрессменов.

Рейган подчеркивал, что без осуществления программы „МХ" и некоторых других стратегических программ СССР не будет вести серьезные переговоры с США. Это, дескать, показывает история. Сначала конгресс должен их одобрить и запустить в действие, и только тогда СССР пойдет на реальные переговоры.. Другого пути у США нет. Одновременно Рейган уверял, что он хочет мира, что попытки изображать его поджигателем войны - это происки его личных врагов. Он надеется, что все заложенные им военные программы приведут в конечном счете к разоружению. В этих целях - через некоторое время - Рейган не исключает и личную встречу с Андроповым.

Хаммер заметил, что он, откровенно говоря, все еще не разобрался в Рейгане: вроде он искренне говорит о стремлении в конечном счете к улучшению отношений с Москвой и к разоружению, но все его практические действия идут в прямо противоположном направлении.

Отношение Андропова к встрече с Рейганом

Советская позиция в отношении встречи с Рейганом была четко изложена 8 мая 1983 года, когда И.Ганди предложила провести встречу в Нью-Йорке глав государств - членов ООН. Советский посол в Дели передал ей развернутый ответ, в котором выражалось нежелание Андропова встречаться с Рейганом в рамках предложенной Ганди инициативы.

Советский Союз в принципе положительно относится к организации советско-американской встречи на высшем уровне. Однако, отмечалось в письме, однако к проведению такой встречи нынешняя администрация США явно не готова, потому что это шло бы вразрез с ее намерением сохранить атмосферу напряженности в советско-американских отношениях, используя ее в целях дальнейшего раскручивания гонки вооружений. Признаков же того, что американцы могли сейчас пойти на изменение своего политического курса, пока нет. Поведение американской стороны в последнее время говорит, скорее, об обратном.

В этих условиях поездка Андропова в Нью-Йорк объективно дала бы Рейгану удобную возможность - в рамках общей встречи - свести советско-американскую встречу к мимолетному кулуарному мероприятию, которое не принесло бы никакой пользы делу мира и в то же время было бы использовано Рейганом в своих политических целях.

Кроме того, говорилось далее в ответе, такая встреча с Рейганом была бы расценена демократами, т. е. другой частью общественного мнения США, как своего рода поддержка Рейгану. Здесь обязательно будут упреки в наш адрес насчет вмешательства во внутренние дела Америки в пользу республиканцев, Рейгана. Думается, что этот фактор имел бы отрицательные последствия и был бы не в интересах ни советско-американских отношений, ни международной ситуации в целом. Вот почему, тщательно взвесив все обстоятельства, мы пришли к выводу, что поездка Андропова в Нью-Йорк не только не отвечала бы такой цели, о которой Вы говорите, предлагая собраться в Нью-Йорке, но и могла бы дать, скорее, обратный результат.

Ганди с пониманием отнеслась к позиции Андропова.

В середине мая Рейган сделал заявление (без прямого обращения к нам) о том, что если Андропов приедет на Генеральную Ассамблею ООН, то он будет готов с ним встретиться. Москва не реагировала на это заявление.

ПРЕЗИДЕНТ
РОНАЛЬД РЕЙГАН

Шульц активизируется

На слушаниях в сенатском комитете по иностранным делам (15 июня) Шульц впервые выступил с программным заявлением о политике администрации в области советско-американских отношений. Он подчеркнул при этом, что президент заранее лично одобрил текст его выступления.

Самое интересное в выступлении Шульца заключалось в том, что сам он считал это свое заявление (и, видимо, искренне) весьма важным потому, что в нем публично говорилось о готовности начать диалог с советской стороной по разным вопросам. Однако сказано это было как бы скороговоркой и на фоне повторяемого им стандартного тезиса администрации о политике с позиции силы. Короче, Шульц переосторожничал, и позитив в его речи прошел незамеченным для большинства прессы и иностранных наблюдателей, не говоря уж о критиках администрации из числа либеральных демократов. В Москве также не усмотрели чего-либо нового в выступлении госсекретаря. Думаю, что вообще недостатком госсекретаря было то, что он не давал нам негласно предварительных пояснений к наиболее важным заявлениям правительства США, особенно когда это касалось возможного улучшения отношений или попыток в этом направлении. В результате в Кремле их воспринимали в основном как пропагандистские (тут бы и пригодился конфиденциальный канал, если бы он функционировал!).

Как бы заверяя публично консерваторов в администрации и в стране, что он „правоверный" последователь Рейгана, Шульц снова стал проявлять активность.

Очередная пространная встреча Шульца со мной проходила как бы в три этапа: вначале беседа была наедине; затем в присутствии его основных заместителей (Дэм, Иглбергер, Бэрт) и наших посланников (Исакова и Соколова); потом опять вдвоем (в это время заместители госсекретаря давали дополнительные пояснения нашим посланникам по вопросам двусторонних отношений). На втором „этапе" присутствовали также по очереди Абрамович и Роуни, главы американских делегаций в Женеве. В общем, было довольно многолюдно и многословно.

В беседе наедине госсекретарь прямо сказал, что эта встреча была задумана и осуществляется с согласия президента Рейгана. Выбор момента встречи неслучаен: у американской стороны закончилась серия важных совещаний с союзниками в Вильямсбурге и Париже, на сессии Совета НАТО. У советской стороны закончились пленум ЦК КПСС и сессия Верховного Совета СССР, на которых вопросы советско-американских отношений занимали видное место. Я хочу вновь подтвердить желание президента Рейгана, заявил он, видеть наши отношения несколько более выпрямленными (как бы мимоходом Шульц пожаловался, что у нас на пленуме ЦК сильно критиковали Рейгана и его).

Из беседы создалось впечатление, что и Рейгана, и Шульца несколько насторожили более критические, чем обычно, выступления советских руководителей на пленуме ЦК и на сессии Верховного Совета СССР в адрес администрации США и они, видимо, были не прочь продемонстрировать видимость смягчения напряженности в наших отношениях хотя бы по второстепенным вопросам, обставив все это пропагандистской шумихой.

На втором этапе нашей встречи Шульц перешел к вопросу о мадридском совещании. Далее он поднял вопрос о Щаранском и Сахарове, дал краткую информацию о встрече лидеров „семерки" в Вильямсбурге, а также минист-

ров НАТО. Все они сошлись на необходимости развертывания американских ракет в Западной Европе. Одновременно у всех есть желание добиваться путем переговоров урегулирования спорных вопросов с СССР, утверждал он.

По его словам, администрация готова обсудить возможность возобновления соглашения об обменах в области культуры и достижения договоренности об открытии генконсульства США в Киеве, а СССР в Нью-Йорке.

Шульц сказал, что у них есть некоторые дополнительные соображения относительно продления соглашений по транспорту, мирного использования ядерной энергии, обсуждения последствий создания широкомасштабной ПРО (они были затем изложены его заместителями нашим посланникам).

Затем госсекретарь перешел к вопросу о переговорах по ограничению и сокращению стратегических вооружений. Он опять зачитал соответствующий текст (речь снова, по существу, шла о возможных ограничениях с перевесом в их пользу).

На третьем этапе беседы речь шла о Ливане. Шульц заверил, что США не преследуют там какие-то собственные интересы, и выразил надежду, что мы окажем воздействие на Сирию.

Он отметил, что продолжающиеся массированные поставки советского оружия Никарагуа они рассматривают как недружественную акцию в отношении США.

В целом эта встреча с Шульцем, которая была похожа, скорее, на трехактную дипломатическую пьесу, оставила у меня несколько сумбурное впечатление. Госсекретарь не выделил никаких главных направлений, а, скорее, представил набор предложений, .разных по своей значимости и по возможности добиться договоренности. Скорее, это была демонстрация „вспышки" активности администрации (или самого Шульца) на советском направлении с целью попытаться выработать более гибкую тактику по принципу „кнута и пряника" и посмотреть, каков наш конкретный выбор из этого набора. Это было даже каким-то новшеством в политике администрации Рейгана, ориентировавшейся в тот период в основном лишь на конфронтацию с СССР. Во всяком случае, таков был мой вывод из этой встречи с госсекретарем.

Беспокойство сенаторов растет

Сенатор Метайес рассказал мне, что у либеральных сенаторов усиливаются опасения, как бы нынешний курс Белого дома, направленный на расширение вмешательства США в дела Центральной Америки, не привел к прямой американской интервенции или военному вмешательству США во внутренние конфликты там.

Сенатор далее сказал, что он и его единомышленники в конгрессе нашли довольно неожиданного „союзника". К их удивлению, на недавних закрытых слушаниях в законодательном собрании высшее военное командование в отличие от министра обороны Уайнбергера, который во всем безоговорочно поддерживал президента, заняло весьма сдержанную позицию в вопросе о возможности использования американских войск в Центральной Америке.

Генералитет считал, что на этот крайний шаг можно было бы пойти лишь при условии, если президент сумеет убедить и конгресс, и народ США в

необходимости такого шага. Военные совсем не хотели рисковать возрождением в стране „вьетнамского синдрома", который удалось лишь с трудом преодолеть путем активной пропаганды в пользу укрепления вооруженных сил „для обороны США" от сильного противника (СССР) и восстановления таким образом престижа армии в стране, резко упавшего после войны во Вьетнаме. Участие же войск без такого „консенсуса у себя дома" в боях где-то в горах и лесах Сальвадора и Никарагуа снова могло бы вызвать нежелательные процессы.

Хотя американские войска могли бы сравнительно легко оккупировать эти страны, заявили военные, их сколько-нибудь длительное пребывание там было бы связано с постоянными потерями, а местное население наверняка стало бы еще активнее поддерживать партизан под лозунгом „борьбы с янки".

Вместе с тем американские военные предлагали продолжать интенсивное обучение американскими инструкторами и советниками солдат сальвадорского и гондурасского режимов, а также антисандинистских формирований в Никарагуа и поставлять им столько оружия, сколько они в состоянии „освоить".

В конце июня лидер демократов в сенате сенатор Бэрд (я был приглашен к нему на обед) рассказал, что на днях группа сенаторов-демократов обсуждала вопросы внутренней и внешней политики США и задачи демократической партии на будущее. Они выразили серьезную озабоченность по поводу состояния советско-американских отношений. Проблемы войны и мира будут занимать, по мнению демократов, одно из главных мест в кампании 1984 года. Рейган подвел отношения с СССР к опасной грани конфронтации, что вызывает озабоченность избирателей.

В этой связи было сочтено целесообразным направить в СССР делегацию сенаторов-демократов для уточнения точки зрения советского руководства по проблемам советско-американских отношений, и в первую очередь по вопросам ограничения ядерных вооружений, как стратегических, так и европейских. Они хотели бы встретиться с Андроповым, Устиновым, Громыко. Делегацию возглавил бы Пелл, который должен сменить Перси, если в сенате в большинстве окажутся демократы.

Андропов пытается убедить Рейгана

После длительного перерыва Рейган решил направить личное письмо Андропову. Трудно было сказать, чем он руководствовался: стремлением несколько подправить отношения с советским руководством или это была игра в улучшение отношений накануне президентской кампании в США. Во всяком случае, 21 июля Рейган переслал Андропову сугубо личное письмо через своего посла в Москве. Письмо было написано самим Рейганом от руки и вручено в запечатанном конверте. Этим как бы подчеркивалась личная вовлеченность президента в эту конкретную переписку.

В начале августа было подготовлено и послано через нашего поверенного в делах в Вашингтоне ответное письмо Андропова. Оно также в запечатанном конверте было вручено помощнику президента Кларку. Содержание обоих писем и сам факт обмена ими держались в секрете.

В своем письме Рейган упоминал об американских предложениях, сделанных ранее по различным проблемам. Президент стремился убедить

Москву в целесообразности этих предложений, особенно по вопросам ограничения ядерных вооружений. Он считал также целесообразным обсудить положение в различных районах мира, особенно в Восточной Европе, Южной Азии и Западном полушарии. В письме говорилось о стремлении президента к миру, к решению проблем ядерного разоружения.

В общем, это было типичное рейгановское послание, внешне достаточно доброжелательное, без его обычных публичных выпадов, но не содержавшее каких-либо новых компромиссных предложений по решению важных проблем, помимо общего выражения готовности проводить время от времени доверительный обмен мнениями.

Хотя в Москве это послание вызвало противоречивые оценки в отношении мотивов президента, Андропов решил не сбиваться на пропагандистскую полемику, а попробовать завязать действительно серьезный диалог с Рейганом.

В ответном письме Андропова от 1 августа выражалось удовлетворение по поводу заверений Рейгана, что правительство США разделяет приверженность делу мира и устранению ядерной угрозы. Понятно, говорилось в письме, что в нынешней сложной обстановке трудно рассчитывать на простые решения. Тем не менее надо сосредоточиться на центральных вопросах упрочения безопасности в мире. Хорошо, что, судя по всему, удается привести к успешному завершению совещание в Мадриде. Но главное, конечно, начать двигаться вперед в вопросах ограничения и сокращения ядерных вооружений. Особенно настоятельна необходимость предотвращения гонки вооружений в Европе.

Мы считаем, писал далее Андропов накануне возобновления очередного тура переговоров в Женеве, что справедливое взаимоприемлемое соглашение, соглашение „на равных" все еще возможно. Стремясь достигнуть там договоренности, мы пошли уже очень далеко, приняли весьма непростые для нас решения. Ведь фактически СССР сейчас соглашается (при достижении равенства по соответствующим категориям самолетов) сократить почти втрое имеющиеся у него в зоне Европы ракеты средней дальности. Причем сократить без ответных сокращений Западом своих ракет. Понимают ли это и ценят ли в должной степени в Вашингтоне? Мы не хотим в этом плане иметь ничего, кроме противовеса средствам, которыми располагают Англия и Франция. Разве это не честная и не умеренная позиция? Пока США не приступили к размещению своих ракет в Европе, соглашение еще возможно. Хочу добавить, что и на других направлениях прекращения гонки вооружений, например, в области стратегического ядерного оружия и использования космоса, мы считали бы вполне возможным обоюдные позитивные шаги.

В заключение Андропов писал: „Я буду приветствовать предметный и откровенный обмен мнениями с Вами по этому и другим вопросам. Согласен, чтобы он осуществился, когда это будет диктоваться интересами дела, доверительным образом. Со своей стороны предложил бы это делать через советского посла в Вашингтоне и лицо, которое Вы сочтете необходимым выделить.

В конце от руки дописана фраза: „Искренне надеюсь, господин президент, что Вы серьезно обдумаете высказанные мною соображения и сможете откликнуться на них' в конструктивном духе".

Андропов спрашивал меня, когда я был у него во время отпуска, насчет возможности активизации конфиденциального канала между руководством обеих стран, как это было при предыдущих администрациях.

ПРЕЗИДЕНТ
РОНАЛЬД РЕЙГАН

Я ответил, что, по-моему, до сих пор эта администрация не хотела задействовать этот канал, потому что ей нечего было сказать нам и у нее не было желания или стремления к достижению каких-либо договоренностей с нами. Она полностью следовала конфронтационному курсу.

Андропов заметил, что его несколько озадачивает сам Рейган. Публично и, судя по всему на самом деле, он убежденный антикоммунист и наш упорный враг и противник. В то же время в негласной переписке на высшем уровне, в личных беседах с тобой, он выглядит более разумным человеком, который вроде не прочь как-то выправлять наши отношения, продолжал Андропов. Правда, конкретных шагов в этом направлении он пока не предлагает. Что это все значит? Игра, лицемерие или все же растущее осознание того факта, что в ядерный век нельзя доходить до конфронтации, несмотря на все идеологические разногласия?

Я сказал, что не берусь дать пока однозначный ответ. Скорее всего, в нем уживаются противоречивые взгляды. Сейчас доминирует конфронтационный подход. Но нельзя исключать и каких-то корректив с его стороны. Даже сейчас в своей конфронтации он достаточно осторожен, избегает действительно опасных столкновений с нами. Короче, „списывать со счетов" Рейгана все же не следует.

Во всяком случае, согласился со мной Андропов, надо продолжать упорно работать с Рейганом. Надо быть бдительным, ибо от него всего можно ждать. Но одновременно не проходить мимо любых проявлений его готовности улучшать наши отношения.

Неизвестно, как развивалась бы дальше эта переписка Рейгана и Андропова, но в наши отношения неожиданно ворвалось событие, которое поставило их на грань почти полного разрыва.

Инцидент с южнокорейским самолетом

В ночь с 31 августа на 1 сентября поверенному в делах Соколову позвонил заместитель госсекретаря Бэрт. Он сказал, что самолет южнокорейской авиакомпании, выполнявший рейс 007 из Нью-Йорка в Сеул с 269 пассажирами на борту, среди которых находился американский конгрессмен, потерялся где-то в районе острова Сахалин. Самолет, возможно, случайно нарушал воздушное пространство СССР в этом районе и совершил там вынужденную посадку. Никакой другой информации о нем американские службы в данный момент не имеют.

Далее события развивались с кинематографической быстротой. Так получилось, что в Вашингтоне из высоких официальных лиц в этот момент оказался один Шульц (Рейган со своими сотрудниками был в Калифорнии). В 6.30 утра 1 сентября ему позвонили домой и сообщили об исчезновении южнокорейского самолета и о том, что он, возможно, был сбит над Советским Союзом. Госсекретарь сразу же развил бурную деятельность. Связавшись срочно с представителями американских спецслужб и с японскими официальными лицами (в северной Японии действовал совместный американо-японский секретный пункт по перехвату советских радиопереговоров), Шульц уже в 10.45 утра собрал пресс-конференцию и сообщил о случившемся: „США с отвращением отнеслись к этому нападению. Похоже, имеются большие жертвы. По нашему мнению, ничто не могло бы оправдать этот ужасный шаг".

Шульц еще ничего не знал о советской официальной версии и не имел еще других достоверных сведений на этот счет. Но обычно осторожный и флегматичный, Шульц на этот раз проявил сверхоперативность. Проведенная им эмоциональная пресс-конференция сразу же задала тон всем откликам в США.

Для меня до сих пор остается загадкой подобная торопливость госсекретаря. Судя по всему, он был введен в заблуждение директором ЦРУ Кейси, сразу же утверждавшим с подачи своих служб, что речь идет о преднамеренном уничтожении пассажирского самолета над советской территорией, хотя другие разведслужбы США высказывали сомнения на этот счет. Но чтобы не прослыть, видимо, „мягкотелым" (каким считал его кое-кто из ближнего окружения президента) Шульц сразу же взял на вооружение версию ЦРУ. Ее тут же подхватил в еще более резких выражениях сам Рейган, который, оказавшись на своем любимом коньке, развернул небывало агрессивную антисоветскую кампанию, как бы показывая, что от „империи зла" всего можно ожидать. Помимо прочего, это помогло прикрыть и неблаговидную роль ЦРУ, которое систематически проводило небезопасные „игры" с разведывательными операциями вдоль советских границ.

Весьма непродуманно и недальновидно повело себя советское руководство. Надо сказать, что в первый момент наши военные на месте происшествия действительно были уверены, что был сбит американский разведывательный самолет, а не пассажирский авиалайнер (дело происходило ночью, и пилоту советского истребителя не удалось отличить самолет-нарушитель, так как силуэты этих двух типов самолетов были похожи). Но ошибка эта была быстро обнаружена. И тут в Москве возник непростой вопрос, как нам публично реагировать? У советских руководителей явно не хватало мужества и решимости сразу признать эту ошибку, заявить что самолет был сбит, над нашей территорией, и выразить свое глубокое сожаление по поводу этой трагедии.

Как свидетельствует Корниенко (который был в это время заместителем министра и с самого начала принимал участие в разборе обстоятельств дела), министр обороны Устинов категорически возражал против каких-либо наших публичных признаний, утверждая, что „никто ничего не докажет". Он убедил в этом Громыко, а затем и Андропова, хотя последний вначале сомневался на этот счет. Других членов Политбюро не пришлось долго убеждать, ибо многие из них вообще верили в „антисоветские козни Рейгана".

В результате через полтора дня после катастрофы было опубликовано „камуфляжное" сообщение ТАСС, говорившее о нарушении нашей границы иностранным самолетом, но обходившее полным молчанием вопрос о судьбе самолета. При этом мы высказали Вашингтону по дипломатическим каналам свое возмущение по поводу „клеветнической кампании против СССР, которая поднята в США в этой связи с участием официальных лиц". Однако удержаться на позициях умолчания правды официальные советские власти долго не смогли.

В новом заявлении ТАСС от 6 сентября признавалось, что самолет был сбит советским истребителем. Но к тому моменту уже был нанесен большой ущерб репутации и долгосрочным интересам Советского Союза. Антисоветская кампания на Западе быстро разгоралась.

Президент Рейган без всяких доказательств продолжал утверждать, что советский пилот знал, что это был пассажирский самолет, и все же сбил его.

ПРЕЗИДЕНТ
РОНАЛЬД РЕЙГАН

Шульц вторил утверждениям президента. Начался публичный обмен взаимными обвинениями, в который оказались вовлечены Рейган, а затем и Андропов.

Короче, разгорелся крупный кризис в советско-американских отношениях. Этот кризис мог бы выглядеть с первого взгляда непропорционально большим по сравнению с самим инцидентом, если бы только он не оказался катализатором давно развивавшихся негативных тенденций в этих отношениях, и особенно в политике администрации.

Меня вызывает Андропов. Схватка Шульца с Громыко

В это время я находился в отпуске в Крыму. Андропов срочно вызвал меня в Москву.

Когда я пришел к нему, он выглядел усталым (он только вернулся из госпиталя) и крайне обеспокоенным. Сказал, что мой отпуск придется прервать ввиду серьезного обострения отношений с США. „Поезжай без промедления обратно в Вашингтон и постарайся сделать все возможное, чтобы потихоньку приглушить этот совершенно ненужный нам конфликт. Наши военные допустили колоссальную глупость, когда сбили этот самолет. Теперь нам, видимо, долго придется расхлебывать эту оплошность".

Андропов резко осудил „тупоголовых генералов, совсем не думающих о большой политике" и „поставивших наши отношения с США, столь трудно налаживаемые, на грань полного разрыва". Он считал, что это была провокация со стороны американских спецслужб, чтобы проверить нашу радиолокационную систему защиты в этом районе. Однако это нисколько не умаляло вины командования ВВС, не сумевших посадить этот самолет на один из аэродромов, после чего они сбили его, сказал Андропов.

При мне он позвонил Устинову и дал указание быстро устроить для меня брифинг и сообщить обстоятельства гибели южнокорейского самолета.

Когда я приехал в министерство обороны к Устинову, то министр в этот момент распекал высокопоставленных генералов, вызванных с Дальнего Востока. Причиной гнева было, помимо прочего, то обстоятельство, что на Камчатке и на Сахалине возводился секретный комплекс сложных локаторов по обнаружению иностранных самолетов. Однако это строительство затянулось, несмотря на приказы Устинова, и так случилось, что южнокорейский самолет (умышленно или нет, трудно сказать) прошел точно над этими бездействовавшими локаторами, он почти час шел „в глухой зоне", которая тогда еще не „просматривалась" нашей радиолокационной сетью. Поэтому дальневосточное авиационное командование нервничало, ибо самолет должен был вскоре уйти в нейтральное пространство, и дало команду „задержать его", когда он прошел уже над особо запретной зоной. Пилот нашего истребителя в своих докладах командованию по-прежнему утверждал, что в условиях глубокой ночи он не видел, что это был гражданский самолет, а принял его за американский разведывательный самолет.

В целом от встречи у Устинова у меня, признаюсь, осталось невысокое мнение об организации работы нашего высшего генералитета.

На следующий же день я вернулся в Вашингтон.

8 сентября и. о. госсекретаря Иглбергер сообщил мне о вводимых Вашингтоном санкциях против СССР в связи с уничтожением южноко-

рейского самолета. Правительство США решило закрыть отделения Аэрофлота в США (в Вашингтоне и Нью-Йорке).

Затем Иглбергер в личном плане поинтересовался, на каком уровне у нас принималось решение сбить самолет. Докладывалось ли Генеральному секретарю? Я ответил, что предотвращение нарушений советских границ, по нашим правилам, должно решать командование ПВО соответствующих военных округов, без предварительного согласования с Центром, тем более когда времени для принятия решения остается очень мало. Генеральному секретарю такие вопросы поэтому заранее не докладываются.

Позже советские подводники подняли „черный ящик" сбитого самолета (где автоматически фиксировались данные полета самолета), но этот факт держался в строгой тайне. Лишь в 1993 году правительство России передало содержимое этого ящика в распоряжение Международной организации гражданской авиации (ИКАО) для проведения общего подробного расследования и выяснения всех обстоятельств гибели самолета. Расследование проводилось при содействии правительств СССР, США, Японии и Южной Кореи.

В августе 1993 года, т. е. ровно через десять лет после этого трагического инцидента, были опубликованы выводы этой международной организации. Они сводились в основном к следующему:

— Не удалось окончательно установить, почему пассажирский самолет южнокорейской компании, имея самое современное навигационное оборудование и отличных пилотов, вылетев из Анкориджа (Аляска) в Сеул, по непонятным причинам сразу резко отклонился от курса в сторону СССР и долгое время шел в советском воздушном пространстве.

- Нет доказательств, что пилот советского истребителя знал, что это был пассажирский самолет, когда он его атаковал над своей территорией. Пилот исходил из убеждения, что вторгся военный самолет-разведчик.

А ведь именно на тезисе о преднамеренном советском нападении на гражданский пассажирский самолет строили свои основные публичные обвинения Рейган и Шульц.

Нельзя не упомянуть об одной интересной детали. Выяснилось, что ИКАО при своем расследовании получила от России все запрошенные ею материалы. Однако американская сторона отказалась предоставить часть своих материалов, заявив, что они все еще затрагивают интересы безопасности США.

В любом случае, этот печальный эпизод оставил плохой след в наших отношениях с США. Осложнения, связанные с гибелью южнокорейского самолета, давали о себе знать и позже.

В сентябре 1983 года состоялась первая встреча Громыко и Шульца. Она прошла на заключительном этапе мадридской встречи представителей государств - участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе на уровне министров иностранных дел.

Эта встреча мне запомнилась надолго. Обстановка оставалась накаленной в связи с инцидентом с самолетом. Шульц выступил на общем заседании с резкими выпадами в адрес СССР. Громыко, как было принято тогда говорить в советских кругах, „дал отпор" государственному секретарю. После выступлений министров США и СССР напряжение на мадридском совещании достигло, пожалуй, высшей точки.

На следующий день после публичных выступлений Шульца и Громыко они, как было условлено за несколько недель до этого, впервые встретились

для беседы. Шульц демонстративно не подал руку советскому министру, как бы фиксируя свой жесткий подход перед многочисленными фотокорреспондентами. При встрече сначала в узком составе Шульц сразу начал развивать тему о правах человека в СССР. Громыко в ответ сказал, что обсуждать ее нет смысла, так как речь идет о наших чисто внутренних делах. Шульц опять повторил почти дословно сказанное. Для убедительности он добавил, что президент лично поручил ему высказать эти мысли в начале встречи. Громыко вновь отказался вести разговор на эту тему. Пришлось перейти в другую комнату, где беседа продолжалась уже в присутствии всех членов обеих делегаций.

Шульц не успел еще сесть за стол, как сразу же заговорил об инциденте с самолетом. Не реагируя на предложение Громыко условиться, как всегда, вначале относительно порядка их беседы, он стал в повышенных тонах излагать американскую версию этого инцидента, сославшись опять на указание президента. Резкая перепалка министров сопровождалась взаимными обвинениями. Громыко на какой-то миг даже изменила его известная выдержка: в сердцах он бросил свои очки на стол, да так, что чуть не разбил их.

В своих мемуарах Громыко писал, что эта беседа с Шульцем была, пожалуй, наиболее острой из всех тех, что за многие годы ему довелось вести с четырнадцатью государственными секретарями США.

В узком кругу Громыко тогда высказал даже необычную мысль, что Шульц „стремится его спровоцировать в угоду Рейгану". Не берусь подтверждать или опровергать это мнение. Могу только засвидетельствовать, что эмоциональное поведение госсекретаря в тот раз действительно выходило за обычные рамки, принятые в беседах двух министров. Надо полагать, что оно было рассчитано на одобрение в Белом доме.

Осложнения продолжались. 18 сентября в Москве было опубликовано сообщение о том, что „в нарушение международных норм власти США не дают гарантий, что будет обеспечена безопасность главы делегации СССР на сессии Генеральной Ассамблеи ООН и созданы нормальные^ в этом отношении условия" (речь шла о том, что губернаторы Нью-Йорка и Нью-Джерси в знак протеста отказывались принимать на аэродромах этих штатов специальный самолет Громыко, ссылаясь на то, что он может прилететь на рейсовом самолете). Министр не поехал в Нью-Йорк. Сам он, хотя и был рассержен, в душе был доволен таким решением, ибо его поездка в той обстановке не обещала ему ничего хорошего.

У Громыко были затем еще встречи с Шульцем после Мадрида. Они проходили, конечно, в иной тональности и были иного содержания. Отношения в личном плане стали постепенно выравниваться. Однако до конца они так и не стали достаточно дружественными.

Андропов: иллюзии в отношении администрации Рейгана окончательно рассеялись

29 сентября газета „Правда" опубликовала важное политическое заявление Андропова, в котором содержалась весьма критическая оценка курса, проводимого в международных делах администрацией Рейгана, а также предложений на переговорах об ограничении ядерных вооружений в Европе, выдвинутых Рейганом 26 сентября в речи на Генеральной Ассамблее

ООН. Резко критиковал Андропов и общее антисоветское поведение администрации США в связи с инцидентом с южнокорейским самолетом.

Ключевой фразой в его заявлении были слова: „Если даже кто-то имел иллюзии относительно возможной эволюции к лучшему в политике нынешней администрации США, то сейчас они окончательно рассеялись". Упор был сделан на слове „окончательно".

Заявление Андропова было одобрено на заседании Политбюро и фактически означало коллективный пессимистический вывод советского руководства о том, что договориться с Рейганом невозможно.

1 октября на одном из приемов Киссинджер рассказал мне, что его приглашали в Белый дом для консультаций по поводу последнего выступления Андропова, в котором впервые прозвучали конфронтационные тона. Особое внимание в Белом доме обратили на фразу Андропова о развеянных окончательно иллюзиях в отношении администрации.

Киссинджер сказал, что он посоветовал, чтобы Рейган в своих публичных заявлениях проявлял максимум сдержанности в отношении выступления советского руководителя и вообще понизил антисоветскую тональность своих частых выступлений, если президент не хочет дальнейшего серьезного ухудшения отношений с Москвой. Я сказал в Белом доме, основываясь на своем опыте, заметил Киссинджер, что СССР, подобно тяжелому маховику, обычно медленно раскручивается, но если раскрутится, то его трудно остановить.

12 октября состоялся еще один неофициальный разговор с Инглбергером один на один. Он сказал, что в Белом доме довольно бурно обсуждали заявление Андропова. Оно вызвало определенные эмоции, но, как всегда, без какого-либо критического осмысления действий самой американской стороны. Основной вывод, к которому пришли в администрации, включая самого президента: малообещающие перспективы в области советско-американских отношений, которые обрекаются на длительное похолодание без особых надежд на договоренности.

В целом сложилась парадоксальная ситуация в наших отношениях: столько нерешенных и спорных вопросов, и в то же время Москве и Вашингтону вроде практически было не о чем разговаривать, настолько очевидны противоположные позиции сторон.

Москва прекращает переговоры по ядерным средствам в Европе

Продолжавшийся глухой тупик на переговорах с США по ограничению ядерных вооружений в Европе и практические шаги Вашингтона по размещению своих ядерных ракет на Европейском континенте поставили перед Москвой серьезный вопрос: что делать дальше? Продолжать переговоры, которые могли создать у общественности ложное впечатление, будто договоренность достижима, или прекратить их, обвинив Вашингтон в нежелании договариваться и в стремлении обязательно ввезти в Европу свое новое ядерное оружие?

Короче, осенью 1983 года советское руководство и лично Андропов оказались перед нелегким выбором, поскольку расчет Советского Союза путем переговоров и политического нажима заблокировать размещение американских ядерных ракет в Европе оказался несостоятельным.

Размещение ядерных ракет становилось реальностью, оно прямо отвечало стратегическим интересам США в ущерб СССР.

Нечего и говорить, какие чувства Рейган вызывал в Москве.

Интервенция США в Гренаде в октябре лишь укрепила в Кремле убеждение „в авантюрном подходе" Рейгана к вопросам внешней политики. Советское руководство пришло к принципиальному заключению: с президентом Рейганом нельзя договориться. Поэтому при принятии важного решения о прекращении переговоров сыграли немалую роль именно антирейгановские эмоции, а не трезвый расчет.

После острых дискуссий Политбюро решило осуществить угрозу, с которой давно выступала советская сторона: прекратить переговоры. Одновременно развернуть крупную пропагандистскую кампанию в Европе в поддержку тезиса о том, что размещение американских ракет увеличивает угрозу ядерной войны для всей Европы.

В заявлении Андропова, опубликованном 24 ноября, говорилось, что Советский Союз не может закрывать глаза на то, что Вашингтоном объявлен „крестовый поход" против социализма как общественной системы. Похоже, что, размещая в Европе „Першинг-2" и крылатые ракеты, правительства ряда стран НАТО хотели бы подвести под эту авантюрную политику конкретную ракетно-ядерную базу. Андропов объявил, что советское руководство приняло следующие решения: „Первое. Поскольку США своими действиями сорвали возможность достижения взаимоприемлемой договоренности, Советский Союз считает невозможным свое дальнейшее участие в этих переговорах. Второе. Отменяется мораторий на развертывание советских ядерных средств средней дальности в европейской части СССР. В-третьих, ускоряются подготовительные работы на территори ГДР и ЧССР, с согласия их правительств, по размещению там оперативно-тактических ракет повышенной дальности. Четвертое. Поскольку путем размещения своих ракет в Европе США повышают ядерную угрозу для СССР, соответствующие советские средства будут развертываться с учетом этого обстоятельства в океанских районах и морях".

В заявлении подчеркивалось, что все это будет делаться для того, чтобы военное равновесие не нарушалось. Если США и другие страны НАТО проявят готовность вернуться к положению, существовавшему до начала размещения в Европе американских ракет средней дальности, Советский Союз будет готов также сделать это.

Заявление Андропова было, по существу, признанием провала попыток советского руководства остановить размещение американских ядерных ракет в Европе в ответ на появление там советских ракет „СС-20".

Такой демонстративный шаг, хотя и давал какую-то разрядку эмоциям в Москве, не мог, конечно, остановить Рейгана. В ответ он заявил, что сожалеет о решении СССР уйти с нынешнего раунда переговоров в Женеве и надеется, что Советский Союз вернется за стол переговоров об ограничении ядерных вооружений в Европе.

8 декабря в Женеве было объявлено еще об одном решении советской стороны: не назначать даты возобновления следующего раунда переговоров по ограничению и сокращению стратегических вооружений. Советские представители обвинили США в том, что Вашингтон добивается на этих переговорах „более чем двойного превосходства" над СССР по числу стратегических боезарядов и хочет, кроме того, сломать саму структуру советских стратегических сил.

В целом, советские решения об уходе с переговоров были эмоциональными акциями, которые нанесли нам немалый политический и пропагандистский ущерб. Этот просчет пришлось через год исправлять. Рейгану же мы невольно подыграли: его вполне устраивала возникшая ситуация, поскольку он добивался ядерного вооружения, а не разоружения. 9 декабря Рейган подписал законопроект о военных ассигнованиях на 1984 фин. год. Общий потолок военных расходов - 280 млрд. долларов. На 1985 фин. год он решил запросить от 305 до 320 млрд. долларов.

Политбюро дает наказ Громыко

В конце декабря я сообщил Иглбергеру о согласии Громыко на встречу с Шульцем в Стокгольме во время конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе. Встреча была назначена на 18 января.

30 декабря состоялось заседание Политбюро, на котором после продолжительной дискуссии были утверждены директивы для Громыко в связи с предстоящей встречей с госсекретарем США. Они представляют определенный интерес с точки зрения понимания взглядов и оценок тогдашнего советского руководства в том, что касается отношений с администрацией Рейгана.

В директивах, в частности, указывалось:

1. При обсуждении общих вопросов советско-американских отношений охарактеризовать внешнеполитический курс администрации Рейгана как пронизанный духом милитаризма и агрессивности, стремлением к обладанию доминирующими позициями в мире, откровенным пренебрежением к законным интересам, строю и образу жизни других народов. Именно эта политика является источником растущей международной напряженности.

Из практических действий США, которые все больше сводятся к использованию грубой сильг и угроз, к попыткам решать сложные мировые проблемы на путях разжигания шовинизма, военной истерии, организации „крестового похода" против социализма, нельзя не сделать вывод, что американское руководство не хочет поддерживать нормальные отношения между нашими двумя странами. Это подтверждается и искусственно нагнетаемой в США враждебной в отношении СССР атмосферы, когда не только пресса, но и высокопоставленные деятели администрации не останавливаются перед оскорбительными выпадами в адрес советского народа, советской политики, советского руководства.

Результат такого курса налицо. Ухудшение наших отношений приближается к опасной черте. С началом размещения в Западной Европе новых американских ядерных ракет создается качественно новая ситуация. Этот шаг США и НАТО в целом сделал беспредметным и советско-американские переговоры о ядерных вооружениях, которые велись до сих пор. Они были взорваны Вашингтоном. Под вопрос поставлена сама возможность эффективного продолжения процесса ограничения таких вооружений, достижения договоренностей по реальному снижению уровня ядерного противостояния. Весь мир знает, что ответственность за такое развитие событий целиком несет нынешняя администрация США.

Ответные меры, о которых объявлено в заявлении Андропова от 24 ноября 1983 года, показывают, что СССР не допустит нарушения сложившегося военно-

стратегического равновесия. Американской стороне не следует заблуждаться на этот счет. Дело обстоит так, что в погоне за военным превосходством США рискуют серьезным образом подорвать собственную безопасность.

Хотелось бы, чтобы в Вашингтоне всерьез задумались над последствиями, с которыми был бы связан новый резкий рывок в гонке вооружений. Лучше, в том числе и для самих США, остановиться сейчас и искать взаимоприемлемые решения, которые позволили бы повернуть Нынешнее опасное развитие событий вспять. В этом СССР готов быть партнером США.

2. Если Шульц поставит вопрос о возобновлении переговоров об ограничении ядерных вооружений в Европе, то следует исходить из нашей уже заявленной позиции. Должно быть ясно одно: размещение американских ракет в Европе делает невозможным возобновление переговоров, которые велись в Женеве. Американская сторона допускает большую ошибку, если она думает иначе.

3. Если Шульц будет интересоваться нашими намерениями относительно возобновления переговоров по ОСВ, сказать, что США, приступив к размещению своих ракет средней дальности в Европе, осложнили еще больше и решение проблемы стратегических вооружений.

С появлением в Европе этих американских ракет, являющихся по отношению к СССР стратегическим оружием, изменилась общая стратегическая ситуация, которая вынуждает нас заново рассмотреть свой подход к переговорам и по этой проблеме. К каким выводам мы придем в результате такого рассмотрения, говорить сейчас преждевременно. Разумеется, если было бы восстановлено положение, существовавшее до начала размещения американских ракет, то тогда могли бы возобновиться и переговоры по ОСВ.

4. Относительно венских переговоров о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе предложить, чтобы очередной раунд этих переговоров начался 14 марта, если эта дата будет приемлема для остальных участников переговоров.

При этом мы рассчитываем, что западные участники венских переговоров займут наконец реалистическую позицию, которая позволила бы вывести из тупика эти переговоры, которые длятся уже десять лет.

5. Привлечь внимание Шульца к проблеме предотвращения милитаризации космоса.

6. При обсуждении региональных проблем решительно осудить курс администрации Рейгана на нагнетание напряженности в разных районах мира. По существу, США превратились в источник подрыва сложившейся структуры межгосударственных отношений, мирового порядка в целом.

Изложить нашу принципиальную оценку нынешней политики США на Ближнем Востоке, сделав особый акцент на критике американских действий в Ливане, прямой вовлеченности вооруженных сил США в события в этой стране. Ближневосточную проблему в целом и ливанскую ситуацию сознательно превращают в инструмент глобальной экспансионистской политики США.

Касаясь Центральной Америки, подтвердить нашу квалификацию бандитского нападения США на Гренаду как акта прямой агрессии против независимого государства. Предостеречь Шульца насчет того, что действия американской стороны, направленные на дальнейшее обострение обстановки вокруг Никарагуа и Кубы, могут создать острокризисную ситуацию и иметь самые тяжкие последствия.

Содержание этого документа свидетельствовало о том, что советское руководство не питало никаких надежд на улучшение советско-американских отношений в наступавшем 1984 году.

4. НОВЫЙ ГОД, СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

1984 год был завершающим годом первого срока пребывания у власти администрации Рейгана. Опираясь на ряд благоприятных факторов (прежде всего оживление экономической конъюнктуры в стране), Рейган добился переизбрания на второй президентский срок и тем самым подтвердил дальнейшее усиление своих позиций в стране (Рейган победил Мондейла в 49 штатах).

На протяжении года администрация продолжала курс „на перевооружение Америки", на создание тем самым материальных предпосылок для достижения военного превосходства над СССР и обеспечения для США „позиции силы" на мировой арене.

Форсированными темпами осуществлялись заложенные администрацией в предыдущие годы программы наращивания ядерных и обычных вооружений, полным ходом шло развертывание новых американских ракет средней дальности в Западной Европе. Новым шагом на пути гонки вооружений явилось начало научно-исследовательских работ по реализации объявленной Рейганом программы СОИ.

Во внешней политике Вашингтон продолжал делать ставку на силовые приемы, используя методы откровенного давления, в том числе прямого вооруженного вмешательства или „тайных" подрывных операций в различных районах мира (в Ливане, Афганистане, Центральной Америке), хотя предвыборные соображения и вынуждали Белый дом. воздерживаться от крупных интервенций. Одновременно администрация продолжала сплачивать союзников по НАТО (особенно в условиях развертывания РСД в Западной Европе" и прекращения переговоров по ограничению ядерных вооружений), активизировала политическое и военное сотрудничество с Японией и Китаем (важной акцией в этом плане явился, в частности, визит Рейгана в.. Китай), а также укреплять позиции США в „периферийных" районах (страны АСЕАН, зона Индийского океана и др.).

Советско-американские отношения и при Черненко, сменившем умершего Андропова, продолжали оставаться напряженными. Переговоры по ограничению ядерных вооружений не проводились в течение года.

Вместе с тем реальная обстановка - внутренняя (выборы) и внешняя (реакция европейских союзников) - оказывала определенное сдерживающее влияние на администрацию. Свою роль сыграла также критика политики Рейгана со стороны демократов. В целом вопросы войны и мира и особенно советско-американских отношений превратились в довольно уязвимое звено во внутриполитических позициях Рейгана (другое дело, что демократы во главе с Мондейлом так и не сумели эффективно использовать это в своей кампании).

Это обстоятельство во многом обусловило то, что Белый дом по мере приближения выборов стал снижать привычную для него конфронтацион-ную тональность высказываний по адресу СССР и даже публично признавать (как это сделал президент в своей речи в ООН в сентябре) „отсутствие разумной альтернативы переговорам по контролю над вооружениями и по другим вопросам между нашими странами". Его заявления „о готовности к конструктивному диалогу с русскими", по сути дела, были восприняты

американцами как важное предвыборное обещание на этот счет. Отражением этой скорректированной линии стало приглашение Рейгана Громыко прибыть в Белый дом для беседы (первый шаг за четыре года).

В целом, в плане наших отношений обстановка в США после выборов несколько изменилась. Перспектива дальнейшей конфронтации с Рейганом еще в течение четырех лет явно беспокоила советское руководство. Нужно было искать выход из тупика, прежде всего в активизации переговорного процесса по вопросам ядерного разоружения. Позитивным фактором на ближайшую перспективу стала советская инициатива и достигнутая на ее основе в ноябре договоренность о вступлении СССР и США в новые переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся ядерных и космических вооружений и о встрече Громыко и Шульца в Женеве. Приняв это предложение, администрация Рейгана фактически обязалась в глазах общественного мнения искать какие-то решения этих вопросов. В то же время сама советская инициатива была молчаливым признанием неудачи курса Москвы на бойкот переговоров по разоружению в расчете оказать воздействие на США.

При всем этом в администрации, как и в более широких-политических и военных кругах США, продолжалась острая, борьба между сторонниками прежней жесткой линии в отношении СССР и теми, кто выступал за более гибкий подход. Оставалось, однако, пока неясным, какая тенденция возьмет верх.

Шульц и Рейган о перспективах наших отношений

Новый, 1984 год начался со встречи с госсекретарем Шульцем. По поручению правительства я изложил ему (3 января) наш ответ на высказанные им ранее соображения относительно поддержания „конфиденциального диалога" между правительствами СССР и США. Хотя в Кремле весьма скептически относились к возможности такого диалога при Рейгане, там все же сочли целесообразным испробовать все шансы.

Шульц поблагодарил за положительный в принципе ответ, сказал, что он сегодня же доложит о нем президенту, поскольку Рейган сам затрагивал этот вопрос в послании Андропову. Он отметил также, что намерен обсудить детали такого диалога с Громыко при их встрече в Стокгольме.

Про себя я подумал, что обоим министрам при встрече в Стокгольме предстоит весьма непростой разговор. Важно, чтобы они не разругались, как это было в Мадриде.

По ходу беседы я поинтересовался мнением госсекретаря насчет перспектив советско-американских отношений в 1984 году и возможностей некоторого просветления в них.

Отметив, что эта часть беседы будет носить сугубо неофициальный характер, Шульц сказал, что готов высказать некоторые свои личные соображения на этот счет. Начал он с шутливого замечания, что наши отношения настолько испорчены, что имеется масса возможностей, чтобы, не прилагая больших усилий, обе стороны могли бы заявить о каких-то улучшениях в наших отношениях.

На прямой вопрос, значит ли это, что именно таким подходом будет определяться линия администрации в отношении СССР в новом году -„ставка на какие-то маленькие шаги без больших усилий, т. е. без попыток решать крупные вопросы", - Шульц прямо не ответил, высказавшись,

однако, в том духе, что, дескать, любое продвижение вперед, по их мнению, было бы позитивом для наших отношений и они это приветствовали бы.

По словам госсекретаря, накануне Нового года, Рейган изложил ему свое мировозрение и подчеркнул, что этими же взглядамион будет руководствоваться и в президентской предвыборной кампании 1984 года.

Как бы переводя эту „философию Рейгана" на советско-американские отношения, Шульц заметил, что позиция президента в отношении коммунизма вообще и СССР в частности хорошо известна американскому народу и она не вызывает на сегодняшний день какой-либо серьезной оппозиции в стране. В этом смысле Рейгану не так уж сложно вести свою предвыборную кампанию.

В то же время госсекретарь фактически вынужден был признать, что рост угрозы ядерной войны является немаловажным фактором, который может сказаться на исходе президентских выборов и что Рейган не может не учитывать это. К тому же, заявил Шульц, Рейган действительно не хочет войны с СССР, и он не относится к этому вопросу легко, как многие неправильно думают.

Именно в этом плане, по мнению госсекретаря, следует рассматривать последнее послание Рейгана Андропову. Главное в нем - готовность президента к поиску путей, ведущих к постепенному выравниванию отношений там, где это возможно. Речь идет не о чудесах, а о взаимном трезвом взвешивании всех возможностей и о попытках достижения определенных договоренностей. На это, конечно, потребуется время, учитывая все сохраняющиеся еще трудности и сложность в наших отношениях, часть из которых неизбежно будет продолжать играть негативную роль. Такого подхода Рейган будет придерживаться и в период предвыборной кампании в США, хотя своя специфика здесь имеется.

Затем госсекретарь в осторожной форме поинтересовался состоянием здоровья Андропова, вскользь бросив реплику „о различных спекуляциях насчет его болезни, которые доходят и до Белого дома, и лично президента".

Я сказал, что, насколько я знаю, Генеральный секретарь продолжает заниматься государственными и партийными делами.

У Андропова была прогрессирующая неизлечимая болезнь почек, и он должен был регулярно ложиться в госпиталь для очистки крови специальным аппаратом. Он все чаще оказывался в госпитале. Однако эта болезнь тщательно скрывалась, о ней достоверно мало кто знал, хотя слухи на этот счет порой и появлялись. Советские послы, включая меня, ничего толком о серьезности заболевания Андропова не знали. Последний раз я встречался лично с ним во время своего отпуска в Москве в конце лета 1983 года в здании ЦК партии, где находился его рабочий кабинет. Выглядел он неважно, но разговор об американских делах вел по-прежнему энергично. Ругал Рейгана за то, что тот своей политикой, и особенно публичными нападками на СССР, не дает ему возможности выйти на более примирительные отношения между двумя странами. А именно таков был его настоящий подход к отношениям с США. „Не повезло, что именно мне достался такой американский президент", - в шутку заметил он в заключение. Вместе с тем какая-то доля горечи чувствовалась в его словах.

О подходе Рейгана к отношениям с СССР в свете избирательной кампании мне доверительно рассказал (5 января) и сенатор Перси. По его словам, у Рейгана на днях было специальное совещание на эту тему с участием узкого круга советников и помощников президента. Решили

остановиться на следующей формуле: избиратель должен по-прежнему знать в принципе известную (антисоветскую) позицию Рейгана в ее существе, но президент ничего не должен делать или говорить, что могло бы побудить избирателей считать его „поджигателем войны", т. е. понизить тон, но не вселять особые надежды на крупные договоренности с СССР.

Любопытные наблюдения о Рейгане высказал мне в это же время и неофициальный представитель Ватикана Марлион (с ведома Ватикана он негласно поддерживал связь со мной во время своих периодических приездов в США). Марлион рассказал, что статс-секретарь Ватикана кардинал Казароли недавно встречался с Рейганом, чтобы выяснить его взгляды на международные дела.

Из беседы с президентом у Казароли сложилось в целом впечатление, что, хотя Рейган и несколько „сбавил свой пыл" с учетом предвыборной кампании (по информации Ватикана, полученной от католических священников в США, население страны сильно встревожено за три года правления Рейгана угрозой военного конфликта с СССР), он тем не менее фактически останется на своих прежних позициях по главным вопросам гонки вооружений и советско-американских отношений. Рейган, по оценке Казароли, по-прежнему придерживается упрямой, жесткой позиции, считая, что после установления американских ядерных ракет в Западной Европе СССР будет занимать более сговорчивую позицию.

В целом в Ватикане, сугубо доверительно сказал Марлион, довольно невысоко оценивают способность Рейгана как государственного деятеля международного масштаба. Кое-кто в католических кругах даже считает Рейгана аморальным человеком, несмотря на его внешнюю религиозность, поскольку он намеренно обостряет международную обстановку. Считается также „греховным" приклеивание Рейганом ярлыка „империи зла" другой нации, к тому же великой, ибо это означает натравливание одного народа на другой. Разумеется, публично об этом Ватикан ничего не говорит.

Перед отлетом в Стокгольм 14 января Шульц ознакомил меня с проектом речи, с которой через день выступит по телевидению президент Рейган. Речь будет специально посвящена советско-американским отношениям. Госсекретарь выразил надежду, что в Москве обратят внимание на эту речь, но уклонился от собственных комментариев.

Предыстория выступления Рейгана была такова. После того, как Советский Союз объявил о прекращении переговоров с США, госдепартамент предложил Рейгану нейтрализовать тревогу, возникшую в США, где приближались президентские выборы, и в Европе, где размещались американские ракеты. Шульц рекомендовал Рейгану выступить со специальной речью по советско-американским отношениям, чтобы подчеркнуть сохраняющуюся „решимость администрации продолжать диалог с СССР и добиваться при этом позитивных результатов" (в таком духе было написано письмо Рейгана Андропову от 24 декабря).

16 января президент выступил с речью в Белом доме, которая транслировалась не только на США, но и на Европу. Ей придавалось важное значение. Основной смысл речи сводился к тому, что теперь, когда экономика находится на подъеме и военная мощь США растет, а сплоченность в НАТО крепнет, администрация готова заняться урегулированием разногласий с СССР. 1984 год объявлялся „годом возможностей в пользу мира". Избегая на этот раз каких-либо язвительных эпитетов в адрес СССР, Рейган заявил, что в основе отношений США *с* СССР должны лежать три принципа:

„реализм, сила и диалог", причем „сила и диалог идут рука об руку". Президент высказался за то, чтобы „контакты на высоком уровне стали регулярным и нормальным компонентом" в советско-американских отношениях. В заключение заявил: „Если Советское правительство действительно хочет мира, мир будет. Совместно мы сможем укрепить мир. Давайте займемся этим сейчас".

В целом, в любое другое время такая речь президента США могла бы быть расценена как заметный шаг в сторону улучшения отношений с Советским Союзом. Но это было время разрыва переговоров по ядерному разоружению, активного размещения американских ядерных ракет в Европе и приближающихся президентских выборов в США. Непросто было поверить в этих условиях в искренность Рейгана. В самих США эта речь получила слабое освещение, поскольку была отнесена к разряду предвыборных выступлений. В Советском Союзе, где не было никаких других доказательств добрых намерений президента, речь была воспринята как „предвыборный трюк".

Думаю, что это выступление президента все же отражало и определенную эволюцию его взглядов на отношения с СССР. Однако, как и в ряде других случаев, его важным заявлением не давались необходимые пояснения по конфиденциальному каналу.

Интересно, что бывший посол США в СССР Кеннан в беседе со мной так же однозначно охарактеризовал речь Рейгана, как предвыборную, вызванную ростом озабоченности в стране в связи с ухудшением отношений с СССР и боязнью ядерной войны. Соответствующие заявления Андропова с четкими критическими оценками опасного курса администрации своеобразным образом наложились на появившиеся в это время в США и получившие широкий отклик фильмы об ужасах ядерной войны (особенно фильм „День после взрыва", который смотрело около 80 млн. человек), книги и статьи, а также выступление ряда видных политических и религиозных деятелей США. Американцы стали все больше опасаться войны. Рейган стремился быть в год выборов „кандидатом мира, а не поджигателем войны". Отсюда его неожиданная готовность „к диалогу с СССР", что и было центральной темой его речи.

Кеннан советовал нам поймать Рейгана на слове, перевести его в положение обороняющегося, а „не обиженного", продемонстрировав народам США и Европы продолжающуюся готовность СССР договариваться с Вашингтоном даже при Рейгане, если это взаимовыгодно. Сейчас Рейган „испытывает" советское руководство, надо поставить его самого в положение „испытываемого", выбрав для этого конкретные вопросы, по которым можно было бы быстрее договориться.

Конференция по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе

Эта конференция с участием 33 европейских государств, а также США и Канады открылась в Стокгольме 17 января. В числе выступавших были Шульц и Громыко, которые изложили позиции своих правительств и подвергли друг друга критике.

Там же состоялась беседа двух министров, которая касалась ключевых вопросов мировой политики и состояния советско-американских отношений.

Обмен мнениями порой носил довольно напряженный характер, когда Громыко в соответствии с инструкциями Политбюро резко осуждал позицию Вашингтона в вопросах ограничения ядерных вооружений, а также курс на нагнетание напряженности в различных районах мира, на эскалацию американского вмешательства, в том числе военного, в дела других государств, как это имело место на Ближнем Востоке, в Центральной Америке и т. п. Шульц упорно отстаивал позиции администрации. Однако в целом беседа была полезной с точки зрения возобновления диалога на уровне министров. Громыко сказал Шулыгу в конце беседы, что их встреча была „необходима". Шульц считал, что „лед тронулся".

Интересно было наблюдать за двумя министрами. Оба они отличались высоким интеллектом и богатым жизненным опытом. Оба глубоко верили в преимущество своей социально-политической системы, и оба не были готовы как-то поступиться своими идеологическими воззрениями во имя поиска более нормальных отношений между обеими странами. Оба не верили в возможность радикального улучшения этих отношений в обозримом будущем, хотя „ощупью" искали какой-то выход из опасного тупика. Это все-таки вносило некий элемент оптимизма.

30 января я встретился с Шульцем. Он сказал, что, несмотря на „жесткий характер" речи Громыко, которую он произнес на открытии стокгольмской конференции, сама их встреча „прошла в целом гораздо лучше, чем предыдущая в Мадриде". Хотя подчас в ходе стокгольмской беседы, продолжал Шульц, и я, и Громыко говорили как бы „не видя друг друга", излагая свои известные позиции, удалось все же затронуть большой круг вопросов и высказать соображения, которые следовало бы взаимно обдумать на будущее. Громыко сказал в заключение нашей беседы, что ее требовалось провести, и я согласен с этой оценкой, заметил госсекретарь.

В соответствии с поручением я передал ему текст послания Андропова президенту Рейгану. (Это было последнее довольно общего порядка послание больного Андропова.)

Интересно отметить, что в это напряженное время меня в посольстве посетил бывший президент Картер, который сам в прошлом сделал немало для поворота к „холодной войне". Он выразил большую обеспокоенность нынешним состоянием советско-американских отношений и откровенной ставкой Рейгана на гонку вооружений и его отказом от каких-либо соглашений с СССР о контроле над вооружениями, особенно ядерными. Картер оценил „миролюбивую риторику" Рейгана как исключительно предвыборный маневр.

Кончина Андропова. Новый Генеральный секретарь

Андропов скончался 9 февраля. Я связывал с ним некоторые надежды на постепенное улучшение советско-американских отношений. По своим интеллектуальным способностям он был, конечно, значительно выше Брежнева и Черненко. Он хотел и мог бы при определенных обстоятельствах внести существенные коррективы в эти отношения. Его взгляды на этот счет в какой-то степени перенял и развил Горбачев, который был его протеже. Однако Андропову сильно не повезло — его правление совпало с кризисным периодом в наших отношениях с США, не говоря уже о плохом состоянии его здоровья. Да и пребывание его у власти было слишком

коротким, чтобы это как-то заметно сказалось на курсе советской внешней политики, инерция которой была слишком велика.

10 февраля утром мне позвонил Шульц и выразил свое соболезнование в связи с кончиной Андропова. Рейган, сказал он, сейчас в Калифорнии. Ожидается заявление Белого дома. Сам Шульц уже передал в печать свое заявление.

Вечером посольство посетил Шульц со своим заместителем Иглбергером. Они сделали запись в книге соболезнований. Он сообщил, что принято решение послать в Москву делегацию в составе вице-президента Буша, лидера республиканского большинства в сенате Бейкера, посла Хартмана. Сам госсекретарь поехать не сможет, так как в Вашингтон прилетают президент Египта и король Иордании, и Рейган просил его остаться в Вашингтоне. Вечером из Калифорнии было передано краткое заявление Белого дома для печати о том, что Рейган попросил вице-президента Буша „выразить соболезнование и наилучшие пожелания от американского народа народу СССР, а также выразить наше большое стремление к миру". „Президент также просил передать новому советскому руководству нашу надежду на улучшение диалога и сотрудничества, что привело бы к более конструктивным взаимоотношениям между двумя нашими странами".

12 февраля Рейган послал в Москву телеграмму с выражением соболезнования. На следующий день он посетил наше посольство и сделал запись в книге соболезнований. В этот же день в Москву на похороны Андропова прибыла делегация США во главе с Бушем.

14 февраля новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Черненко принял в Кремле Буша. Состоялся краткий обмен мнениями относительно состояния советско-американских отношений и международной обстановки. Черненко сказал Бушу, что обе стороны „не являются врожденными врагами". Вице-президент в ответ заявил, что Рейган готов к реальному диалогу. В целом у обеих сторон осталось неплохое впечатление от этой встречи в Кремле.

Надо сказать, что при бездарном Черненко Громыко вновь стал господствующей фигурой в вопросах внешней политики, чего не было при Андропове, за которым оставалось последнее слово. Впрочем, больших расхождений между Громыко и Андроповым не было. У них обоих к началу 1984 года подспудно росло убеждение, что необходимо искать выход из глубокого тупика, куда зашли советско-американские отношения, особенно переговоры по ограничению ядерных вооружений. Черненко тоже это чувствовал, но, будучи малоинициативным руководителем, он не решался вносить серьезных изменений в прежний курс политики, ориентируясь в основном на настроения большинства в Политбюро.

Спустя две недели со дня вступления в должность Генерального секретаря Черненко направил Рейгану свое первое письмо. По содержанию оно было фактически продолжением посланий Андропова, но по тону более примирительным, как бы приглашающим начать отношения „с новой страницы". Текст письма написал Громыко, который считал необходимым сохранить какие-то мосты с администрацией США.

Шульц сказал, когда я передал ему это письмо, что лично он считает его „хорошим по тону", но воздержался от комментариев по существу.

Вскоре Шульц передал мне ответное послание Рейгана. Президент писал, что он высоко ценит переписку с Черненко, которая позволяет обмениваться мнениями по наиболее важным вопросам. Поэтому он считает необходимым продолжать советско-американский диалог на высшем уровне.

ПРЕЗИДЕНТ
РОНАЛЬД
РЕЙГАН

Должен признать, что обмен письмами между Рейганом и Черненко на меня производил впечатление какого-то ритуального танца по кругу. Вроде все важные вопросы затрагивались, излагались позиции (известные), поддерживалась иллюзия какого-то диалога на высшем уровне, но никаких сдвигов не было.

Отношения вновь осложняются

В конце апреля, по поручению Рейгана и Шульца (они находились в Калифорнии), меня посетил зам. госсекретаря Иглбергер..

По их данным, сказал он, Сахаров планирует объявить голодовку, если Боннэр не выпустят на лечение за границу. Президент и госсекретарь считают, что лучше как-то уладить это дело, чтобы не было шумной антисоветской кампании вокруг „больной Боннэр и голодающего Сахарова".

Мы, надо признать, весьма неуклюже вели все подобные дела с диссидентами: сначала доводили дело до публичного конфликта, скандала и обострения отношений, а затем, в конце концов, уступали. Главное же, конечно, было в существе репрессивного курса, который упорно проводило советское руководство, не очень задумываясь о последствиях во внешней и внутренней политике.

В начале мая Олимпийский комитет СССР (под нажимом правительства) объявил, что советская команда не будет участвовать в Олимпийских играх в Лос-Анджелесе.

Это явилось неожиданностью для администрации США. Американское посольство в Москве информировало Вашингтон, что, несмотря на известные колебания, СССР в целом блефует и, в конечном счете, все-таки согласится участвовать в Играх.

Наше посольство рекомендовало участвовать в Играх, так как мы считали, что это могло бы внести какой-то позитивный элемент в наши отношения с США и произвести благоприятное впечатление на американскую общественность. Однако антирейгановские настроения в Москве взяли верх.

Шульц выразил протест против нашего решения. Все это, заявил он, не внушает оптимизма в том, что касается наших отношений, особенно когда советская сторона сознательно идет на свертывание связей между СССР и США.

Я отклонил такое толкование нашей политики.

Надо сказать, что эта беседа с Шульцем была более напряженной, чем предыдущие. Он был явно взвинчен, пытался обвинить нас в том, что мы намерены идти по пути сокращения связей с США, а по существу - не говоря прямо - именно с администрацией Рейгана. Хотя по ходу беседы он немного поостыл, все же чувствовалось, что наши последние шаги вызвали у него раздражение именно в то время, когда он вроде лично прилагал усилия к некоторому выправлению наших отношений.

Появилось ли действительно у администрации намерение начать процесс улучшения отношений, в тот момент трудно было сказать. Уж слишком сильно утвердилось недоверие к намерениям друг друга. Во всяком случае, в Москве были убеждены, что нас хотят втянуть в определенную игру с прицелом на нужды Рейгана в предвыборной кампании. А в такой игре Москва не хотела участвовать.

Тем временем продолжалась взаимная шумная пропагандистская война между руководством наших стран. Так, в ответ на очередное антисоветское выступление Рейгана по американскому телевидению газета „Правда" опубликовала 11 мая, по существу, официальный комментарий, в котором выступление президента было охарактеризовано как „бессовестная ложь от начала до конца". Все это, разумеется, не укрепляло доверия или взаимопонимания между Вашингтоном и Москвой.

В середине мая у меня состоялась продолжительная беседа с Иглбергером, который только что перешел на работу к Киссинджеру. Он поделился своими наблюдениями за работой рейгановского Белого дома, с которым общался долгое время.

В Белом доме, сказал он, уже решили, что Рейгану следует в предвыборной кампании максимально использовать отказ Советского Союза от переговоров в Женеве по евроракетам и стратегическим вооружениям. Это позволит ему, как там считают, отвести серьезные обвинения демократов в том, что Рейган не добился никакой договоренности с СССР по важным вопросам в отличие от предыдущих президентов. Одновременно Белый дом будет вовсю тиражировать тезис о советском экспансионизме и о советской военной угрозе, добавил Инглбергер.

Попыткам Шульца и госдепартамента как-то подправить отношения, сказал он, сильно мешает чрезмерная регламентация Белым домом характера контактов с СССР. „Сказать отсель досель" - так утверждаются инструкции для переговоров или официального обмена мнениями с советскими представителями. Поскольку такие инструкции носят эпизодический характер (от случая к случаю), они не имеют каких-либо запасных продуманных позиций для возможного зондажа и соответствующего продолжения диалога. „Сказал советскому представителю и все".

Этим фактически и объясняется отсутствие возможностей для какого-либо доверительного обмена мнениями или широкой дискуссии между Москвой и Вашингтоном, которые в прошлом помогали нащупывать пути преодоления возникавших тупиков в советско-американских отношениях. Это, собственно, и объясняет осторожное поведение Шульца, хотя он и хотел бы что-то сделать.

Я попытался, сказал Иглбергер, опираясь на свой опыт при Киссинджере, кое-что подсказать, как лучше организовать негласный диалог с Москвой, но меня осадили.

Телефонный разговор с Рейганом

В субботу, 19 мая, мне неожиданно позвонил из Кэмп-Дэвида Рейган. Он сказал, что хотел бы обратиться к Черненко с личной и конфиденциальной просьбой разрешить Боннэр выехать на лечение за границу. По американским данным, состояние ее здоровья очень плохое. Не дай Бог, если она сейчас умрет. Тогда и без того трудные отношения, существующие между нашими странами, скатились бы до самого низкого уровня из-за неизбежного возмущения американской общественности. Заканчивая, Рейган заметил, что он не ставит под сомнение уровень советской медицины. Однако он хочет „просто сказать: зачем вам, чтобы она умерла в СССР? Шуму тогда не оберешься. Пусть уж лучше она умрет у нас. Нас-то, надеюсь, по крайней мере, никто критиковать за это не будет".

Рейган добавил, что он, конечно, не может судить, насколько серьезно состояние здоровья Боннэр, так как полагается лишь на сведения из доступных ему источников и не может утверждать, что они абсолютно беспристрастны.

В своей телеграмме в Москву я рекомендовал пойти навстречу просьбе президента, однако успеха не имел.

Через неделю я связался с президентом Рейганом по телефону и, сославшись на поручение Москвы, зачитал ему ответ относительно Боннэр (ответ был подписан Громыко).

В нем говорилось, что „эта дама и ее сообщники умышленно драматизируют ситуацию в антисоветских целях. Что касается действительного состояния ее здоровья, то она переживет многих современников. Об этом свидетельствует авторитетное заключение квалифицированных врачей".

Президент заметил, что сам он не заинтересован в ухудшении наших отношений из-за Боннэр. Однако шумиху из-за нее, насколько он понимает, просто так не прекратишь, и она будет давать о себе знать время от времени и в дальнейшем, учитывая связи Боннэр с влиятельными еврейскими кругами в США.

На очередной встрече с Шульцем, на которой присутствовали также заместитель госсекретаря Бэрт и советник посольства Исаков, мы обстоятельно обсудили проблемы безопасности и ограничения вооружений, региональные проблемы и двусторонние отношения.

Госсекретарь сказал, что президент понимает разочарование и огорчение обеих сторон по поводу того, что нет движения в наших отношениях. Он также хочет их улучшения. Но как начать? Некоторые считают, что следует подумать о встрече на высшем уровне.

Однако рассуждения Шульца на эту тему можно было понять так, что на данный момент Рейган еще не готов к такой встрече. Вместе с тем он стремится „дать знать" советскому руководству, что он, президент, со своей стороны не исключает такую возможность, не закрывает дверь к встрече в недалеком будущем и что она могла бы в этом случае состояться даже на более „облегченных" условиях, если события, с точки зрения обоих правительств, будут оправдывать целесообразность такой встречи.

Хотя в ходе этой марафонской беседы мы не смогли опять наметить пути решения спорных и нерешенных проблем, все же это было, бесспорно, полезно для систематизации всех наших дел. Чувствовалось, что в администрации инициатива в этих вопросах была за Шульцем. Но что дальше?

В конце июня руководитель службы опроса Харрис провел для Мондейла и руководства демократической партии опрос о настроениях в стране. Доверительно он сообщил и мне его результаты. Резко усилились опасения ядерной войны ввиду конфронтационного курса Рейгана. Население явно высказывалось в пользу улучшения советско-американских отношений, в пользу завязывания диалога с Москвой. Рейган и его администрация не могли полностью игнорировать эти настроения.

Милитаризация космоса - новый элемент напряженности

Примерно с середины года между Москвой и Вашингтоном началась длительная дискуссия - по дипломатическим каналам и через средства пропаганды - о милитаризации космоса. Дискуссия была вызвана заявлением

Рейгана о намерении правительства США приступить к реализации „стратегической оборонной инициативы" (СОИ). Она предусматривала создание широкой противоракетной системы на земле с элементами космического базирования.

Москва сразу же выступила с резкой критикой этого плана как дестабилизирующего общую стратегическую обстановку и переносящего гонку вооружений в космическое пространство. Рейган же упорно продвигал идею СОИ как средства защиты населения от нападения стратегических ядерных ракет. Одновременно в Белом доме связывали с этим очередные надежды на получение военного преимущества над СССР за счет более передовой технологии.

Вокруг СОИ развернулась открытая пропагандистская и скрытая дипломатическая борьба. Последовала серия заявлений обоих правительств. Активизировался негласный обмен письмами между Рейганом и Черненко по этому вопросу (было около десятка писем).

Помимо публичной критики СОИ, советское руководство стремилось вовлечь администрацию Рейгана в двусторонние переговоры, которые оно предложило начать „для предотвращения милитаризации космического пространства. В рамках этих переговоров должен быть решен и вопрос о взаимном отказе от противоспутниковых систем" (заявление Советского правительства от 29 июня).

Администрация США вначале вообще уклонялась от официальных переговоров по космосу, ссылаясь на отсутствие эффективного механизма проверки возможного будущего соглашения. С таким заявлением выступил госдепартамент.

В неофициальной беседе со мной старший сотрудник Совета национальной безопасности Мэтлок (впоследствии был послом в СССР) сказал, что Рейган все еще изучает вопрос, вступать в переговоры с СССР или не вступать. Главное препятствие, по мнению Рейгана, - это вопрос о контроле. Президент не хочет стать „козлом отпущения", если переговоры закончатся безрезультатно из-за вопроса о контроле.

Администрация не смогла надолго удержаться на позициях прямого отказа от переговоров, ибо вопрос приобрел уже широкое международное звучание. Борьба далее развернулась вокруг возможной совместной формулировки предмета таких переговоров. Советская сторона предложила назвать их переговорами о „предотвращении милитаризации космического пространства". Вашингтон, говоря о своей готовности к переговорам, никак не хотел соглашаться с тезисом о „предотвращении", поскольку, дескать, это уже предрешало конечный результат переговоров: запрещение СОИ. Москва же возражала против изъятия такого определения, ибо тогда оставалась формулировка, близкая к возможности милитаризации космоса или легализации гонки вооружений в космическом пространстве.

В конце июля состоялось специальное заседание Политбюро, посвященное проблеме демилитаризации космоса. „С тем, чтобы пресечь дальнейшие попытки Вашингтона вести пропагандистскую игру вокруг его готовности к переговорам с СССР по космосу, - говорилось в принятом решении, -считать целесообразным, дав надлежащий ответ на письмо Рейгана от 18 июля, вслед за этим опубликовать краткое заявление ТАСС, в котором раскрыть действительную позицию США, делающую невозможным начало переговоров" (из последовавшего заявления ТАСС: „...американская сторона своим ответом не оставила сомнений в том, что она занималась

обманной игрой вокруг вопроса о предложенных Советским Союзом переговоров по предотвращению милитаризации космоса, вовсе не собираясь в действительности вступать в такие переговоры...").

На заседании было одобрено письмо Черненко Рейгану. В нем вновь подчеркивалось, что „прежде чем наши делегации встретятся за столом переговоров, нужно четко условиться о предмете этих переговоров".

В начале сентября американская сторона заявила о готовности начать переговоры в Вене для обсуждения вопроса „о контроле над вооружениями в космическом пространстве". Одновременно предлагалось обсудить вопрос „о сокращении ядерных вооружений при обеспечении сбалансированности и возможности проверки". В первой части этой американской формулировки была заложена реальная возможность иметь все же оружие в космосе, вопрос сводился лишь к контролю над ним.

В своем выступлении 24 сентября на сессии Генеральной Ассамблеи ООН Рейган прямо связал перспективу начала переговоров о предотвращении милитаризации космоса с возобновлением переговоров по ОСВ, прерванных Советским Союзом.

Рейган объявляет Россию „вне закона"

Во время звуковой пробы (11 августа) перед началом записи регулярного радиообращения к стране президент Рейган „шутя" объявил в микрофон: „Дорогие американцы, я рад сообщить вам, что только что подписал закон, навсегда объявляющий Россию вне закона. Бомбежка начнется через пять минут" (он не знал, что микрофон был включен).

В правительстве СССР такая „шутка" вызвала большое возмущение. 16 августа было опубликовано заявление ТАСС, в котором, в частности, говорилось: „...не случайно сказанное президентом воспринято и в США, и в других странах с серьезной озабоченностью. В этом эпизоде вполне справедливо усматривают проявление тех самых умонастроений, которые уже были официально сформулированы в призывах к „крестовому походу", в доктринах ограниченной и затяжной ядерной войны, в военно-политических планах обретения господствующего положения США в мире. ТАСС уполномочен заявить, что в СССР с осуждением относятся к беспрецедентно враждебному в отношении СССР и опасному для дела мира выпаду президента США".

На таком довольно мрачном фоне велась подготовка к очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН и к поездке Громыко в США. .

Во второй половине августа госдепартамент сообщил, что, помимо встречи госсекретаря с Громыко президент Рейган приглашает Громыко встретиться и с ним. Таким образом, восстанавливалась существовавшая до Рейгана традиционная практика ежегодных бесед советского министра с президентом в Вашингтоне.

Президент основательно готовился к своей первой беседе с советским министром. Он советовался с Никсоном, Киссинджером и другими, кто встречался с советскими руководителями. По воспоминаниям Шульца, Рейган хотел выглядеть „конструктивно и даже примирительно". Помимо прочего, это было полезно и для президентской предвыборной кампании.

22 сентября заместитель госсекретаря Бэрт сообщил мне, что ему поручено заранее сообщить советской стороне о содержании речи Рейгана

24 сентября на Генеральной Ассамблее. Американская сторона руководствуется при этом желанием „подать конструктивный сигнал", свидетельствующий о ее готовности действительно продвигать вперед отношения с СССР.

В ответ на это на другой день я передал Шульцу текст речи, с которой Громыко должен был выступить на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

27 сентября в Нью-Йорке состоялась встреча Громыко с Шульцем. В ходе беседы Громыко заявил госсекретарю, что в результате политики администрации США советско-американские отношения оказались серьезно расстроенными. По этой же причине между СССР и США не ведется переговоров ни по одной из проблем, имевших решающее значение для судеб мира, -ограничение и сокращение ядерных вооружений, а для начала полный отказ от испытаний ядерного оружия, предотвращение милитаризации космоса, запрещение химического оружия и т. п. Предъявил он ряд претензий и к политике США в различных регионах мира.

Шульц изложил американскую позицию по этим и другим вопросам. Оценки министров, конечно, сильно разошлись. Тем не менее, встреча проходила в достаточно спокойной и деловой обстановке. Правда, какого-либо практического продвижения по обсуждавшимся вопросам она опять не дала.

Надо сказать, что характерной особенностью публичных выступлений руководителей обеих стран во второй половине 1984 года (разгар предвыборной кампании в США) было то, что они заметно меняли тональность в противоположном направлении. Рейган стал более миролюбиво говорить о своей внешней политике и об отношениях с СССР, подчеркивая, что общая обстановка в мире меняется к лучшему. Советские руководители, наоборот, стали чаще публично критиковать политику администрации США, утверждая, что угроза военной опасности растет. Этим они отчасти подыгрывали кандидату демократической партии Мондейлу, который, однако, не сумел успешно использовать выгодную для себя проблему войны и мира.

Тем временем в Политбюро обсуждали непростой вопрос - как нам вести себя на заключительном решающем этапе избирательной кампании в США. Симпатии были на стороне Мондейла, но не потому, что его хорошо знали, а потому, что все были настроены против Рейгана.

Я получил запрос о том, какой линии нам лучше всего придерживаться в эти дни. Я рекомендовал продолжать нашу принципиальную критику Рейгана, но не усиливать ее умышленно. Здесь необходимо соблюдать чувство меры и осторожность, ибо история США свидетельствует: иностранное вмешательство в пользу одного из кандидатов обычно ни к чему хорошему не приводит. К тому же, добавил я, по оценкам посольства, Рейган должен победить, т. е. нам, судя по всему, придется иметь с ним дело еще четыре года.

В целом, Политбюро пришло к такому же мнению, хотя оно было и не прочь в осторожной форме дополнительно покритиковать Рейгана.

Встреча Рейгана с Громыко

После четырехлетнего перерыва в советско-американских контактах на высоком политическом уровне впервые за время пребывания Рейгана у власти 28 сентября состоялась его встреча с Громыко. До этого американский президент фактически делал вид, что для него ни советско-

американские отношения, ни личные контакты с советским руководством большого значения не имеют.

Конечно же, это было не так. Как и следовало ожидать, сам Рейган отошел от такого подхода, когда ему предстояло пройти через президентские выборы 1984 года. Президент и его ближайшее окружение, видимо, спохватились, что напряженность в отношениях с СССР и отсутствие прямых контактов с советским руководством вызывают тревогу у американского народа, а это может неблагоприятно сказаться на президентских выборах.

Надо сказать, что советское руководство специально обсуждало директивы - наказ для Громыко к его встрече с Рейганом.

В принятом решении Политбюро, в частности, говорилось:

„Центральной для советско-американских отношений была и остается проблема безопасности, прежде всего все то, что связано с наличием у обеих сторон ядерного оружия и со сложившимся военно-стратегическим паритетом.

Не вдаваясь сейчас в детали, для начала было бы важно в принципе проявить обоюдную готовность остановить гонку ядерных вооружений и в количественном, и в качественном отношениях, другими словами, заморозить существующие ядерные потенциалы и на взаимной основе отказаться от производства и развертывания новых типов и систем ядерного оружия, которые способны еще более дестабилизировать стратегическую ситуацию, или существенно их сократить.

Необходимо также условиться о недопущении милитаризации космического пространства".

Как видно из директив, советское руководство на этот раз основной упор делало не на пропагандистские аспекты противоборства с Рейганом, а на попытку начать процесс достижения договоренностей, прежде всего в области ограничения и сокращения ядерных арсеналов обеих стран. Расчет был на то, чтобы использовать более примирительный тон Рейгана в связи с предвыборной кампанией и постараться задействовать его в этом направлении после выборов, ибо его победа над Мондейлом приобретала достаточно реальные очертания.

Самому Громыко - с протокольной точки зрения - при встрече с президентом был оказан прием скорее на уровне главы правительства, чем министра иностранных дел. Были организованы фотосъемки Громыко и президента в Овальном кабинете Белого дома.

В перерыве во время коктейля перед ланчем к собравшимся вышла супруга Рейгана. После знакомства Громыко предложил тост в ее честь. У него в бокале был клюквенный сок, у Нэнси Рейган - содовая вода. „Мы, конечно, большие любители выпить", - пошутил он. Затем Громыко спросил супругу президента:

- Ваш муж за мир или за войну?
- За мир, - ответила она.
- Вы в этом уверены? - переспросил Громыко.
- Да, уверена, - сказала Нэнси Рейган.
- Почему же тогда он не принимает наших предложений? - заметил Громыко.
- Каких предложений? - переспросила г-жа Рейган. В этот момент их прервали. Потом, уже перед самим ланчом, Громыко сказал ей:
- Вы по ночам на ушко напоминайте президенту о мире.
- О, конечно. Но я буду так же шепотом говорить об этом и Вам, - ответила она.

Громыко остался очень доволен этим разговором и с удовольствием рассказал о нем на заседании Политбюро.

Возвращаясь к деловой части встречи Рейгана с Громыко, надо сказать, что она началась с двухчасовой беседы в Овальном кабинете, а затем была продолжена за ланчом в столовой. С американской стороны присутствовал полный набор высших должностных лиц: Буш, Шульц, Уайнбергер, Риган; советники президента Бейкер, Мис Макфарлейн, Дивер и другие. С советской стороны - заместитель министра Корниенко и я.

Рейган начал с пространного заявления о надеждах Америки на мир и с объяснений, почему американцы видят в Советском Союзе угрозу этим надеждам. Громыко дал, разумеется, свою оценку событиям в мире.

Высказывания президента можно было изложить примерно так: политическая философия марксизма-ленинизма, лежащая в основе курса СССР, предусматривает уничтожение капиталистического строя в США и других странах Запада. Значит, США должны вооружаться, чтобы не оказаться, в конце концов, поставленными перед выбором - либо сдаться, либо умереть.

Громыко отстаивал нашу концепцию о неизбежности - в силу объективного хода исторического развития - смены одной общественной формации другой, замены капиталистической формации социалистической.

Шла дискуссия с историческими экскурсами и по вопросу, кто больше виновен в гонке вооружений и кто представляет сейчас более существенную военную угрозу для безопасности другой стороны.

Перед утренним заседанием Рейган неожиданно попросил Громыко через своего помощника переговорить с ним вдвоем в перерыве. После, рассказывая мне об этой части беседы наедине в кабинете президента, Громыко, ожидавший серьезного разговора, заметил, что он не совсем понял, зачем президент сделал это. Президент как бы доверительно заявил ему: „Моя мечта - мир, в котором не будет ядерного оружия". Громыко в ответ подчеркнул, что „вопросом всех вопросов является ядерное разоружение". Оба согласились, что конечной целью должно быть полное уничтожение ядерного оружия. На этом практически весь разговор и закончился.

Вспоминая этот эпизод, я не исключаю, что Рейган хотел высказать советскому министру эту свою мечту, о которой он время от времени говорил и публично, но знал, что мало кто этому верит, включая и его собственное окружение.

Помощники президента подтверждают, что Рейган заранее предупредил их, что он в перерыве собирается побыть наедине с Громыко, но не сказал, о чем будет говорить. Один из его сотрудников через чуть приоткрытую дверь кабинета стал наблюдать за ними на случай, если он понадобится президенту. Однако последний, после того как перекинулся парой фраз с советским министром (что конкретно было сказано, он не слышал), прошел в туалет, где потом побывал и его собеседник. Помощники так и не знали, забыл ли президент о своем намерении поговорить о чем-то важном наедине с Громыко или передумал.

В целом, обмен мнениями между ними в присутствии сопровождавших их лиц и во время ланча проходил корректно, без излишних эмоций, но каждая сторона осталась при своих взглядах. Не произошло сближения позиций сторон по обсуждавшимся проблемам.

ПРЕЗИДЕНТ
РОНАЛЬД РЕЙГАН

По окончании встречи с Рейганом Громыко сделал заявление для печати: „Состоявшаяся беседа с президентом Рейганом, в ходе которой с обеих сторон были изложены основы политики СССР и США, не позволяет, к сожалению, сделать вывод о практических положительных изменениях во внешнеполитическом курсе администрации США". Это заявление как бы подтверждало неизменность советской оценки администрации Рейгана.

В своем выступлении по радио президент охарактеризовал свою беседу с Громыко как „полезную". Она и была таковой прежде всего с точки зрения президентской кампании, а также первого контакта на высшем уровне.

30 сентября состоялась еще одна беседа Громыко с Шульцем. Они в основном обсудили положение дел в разных географических районах мира, а также вопросы двусторонних отношений.

В интервью телекомпании „Эй-Би-Си" Шульц, подводя итоги встреч Громыко с представителями администрации США, заявил: „Мы провели интенсивное обсуждение практически всех проблем, которые беспокоят нас и СССР, а затем пришли к единому мнению о важности поддержания контактов".

Таков, по существу, и был на деле основной итог встреч Громыко с Рейганом и Шульцем в сентябре 1984 года.

В целом, Громыко остался доволен оказанным ему вниманием и приемом. Перед отлетом из Вашингтона он сказал мне, что Рейган, конечно, упрямый догматик (любопытно было услышать это из уст самого Громыко), но он, кто знает, может быть, и пойдет теперь после выборов на какие-то договоренности. Громыко не исключал, что такой сдвиг может произойти еще до их следующей (традиционной) встречи. Он не знал тогда, что это был его последний визит в Белый дом.

Поездка Громыко в США поставила перед советским руководством кардинальный вопрос: куда вести дальше отношения с Рейганом? Ставка на то, что движение общественности в Европе против размещения там американских ракет заставит США и НАТО пересмотреть свое решение, -явно не оправдалась.

Ракеты уже появились в Европе. Надо было искать компромиссное решение путем возобновления переговоров. Этого же требовали и вопросы борьбы против милитаризации космоса.

С послом США в СССР Хартманом мы завтракали в посольстве 2 октября. Он рассказал, что сразу после встречи с Громыко Рейган имел беседу со своими ближайшими сотрудниками, среди которых был и Хартман. Рейган с заметным облегчением - „что все прошло" - сказал в шутливой форме, что вести дискуссию с Громыко куда труднее, чем с Мондейлом.

По впечатлению Хартмана, Рейган доволен, что „прошел испытание через Громыко", и это даже как-то подняло его в собственных глазах. Рейган охарактеризовал советского министра как твердого оппонента, убежденно отстаивающего позиции советского руководства.

Суммируя, Рейган высказал мнение, что было бы иллюзией исходить из того, будто бы в советско-американских отношениях возможен возврат к временам Рузвельта. Взгляды двух стран на общественные системы непримиримы, и это надо рассматривать как фактор постоянного соперничества между СССР и США. Вместе с тем у Рейгана сложилось впечатление, что СССР действительно хочет определенных договоренностей по снижению гонки вооружений, особенно ядерных, и что в этой области, видимо, могут

появиться определенные перспективы в случае его переизбрания на пост президента.

У самого Рейгана, заметил Хартман, вроде наметился сдвиг в его мышлении. До сих пор проблему безопасности США Рейган, как известно, сводил только к новым военным программам. Теперь же, по мнению Хартмана, он начинает склоняться к формуле: безопасности США в наилучшей степени отвечали бы новые военные программы **плюс** возможные соглашения с СССР по контролю над определенными типами вооружений, хотя пока чрезмерных иллюзий на этот счет строить не приходится.

В конце октября я встретился с еще одним высокопоставленным членом администрации. На этот раз моим собеседником был вице-президент Буш.

На вопрос, как он оценивает ход предвыборной кампании, Буш сказал, что они абсолютно уверены в победе. Этот парень (Мондейл) не умеет выбирать то, что хочется услышать рядовому избирателю, саркастически добавил он. Например, он обещает повысить налоги. Это отбивает у многих охоту голосовать за него. В шутку спросил Буша насчет спекуляций в прессе, что в случае победы на выборах Рейган в середине своего второго срока может добровольно уступить место Бушу. Рассмеявшись, Буш сказал, что скорее в Вашингтоне произойдет землетрясение, чем добровольны^ уход Рейгана, ибо он очень любит пост президента и все атрибуты власти.

Бизнесмен Кендалл рассказал мне в конце октября о некоторых закулисных деталях того, как Рейган добивается укрепления своих позиций в стране накануне выборов.

Недавно Рейган провел закрытую для прессы встречу с представителями крупного бизнеса. Президент призвал их, помимо денежной помощи (которой он удовлетворен), оказать активную поддержку, в том числе используя как бы в качестве „агитаторов" среди населения свой большой управленческий аппарат, членов семей, своих друзей и соседей. Он призвал провести эту работу и через их многочисленную систему субподрядчиков, а также торговых, финансовых и страховых агентов.

Присутствовавшие на встрече с Рейганом обещали свою поддержку и в этом деле. Подключились сейчас к указанной организованной обработке населения и влиятельная Торговая палата и Национальная ассоциация промышленников. Все это делается без липшего шума, но с большим размахом и по-деловому, как это присуще бизнесу.

Перевыборы Рейгана

4 ноября в США состоялись президентские выборы, на которых с внушительным перевесом на второй срок был переизбран Рейган (он победил Мондейла в 49 штатах). Однако миф „о полном мандате" на неизменность курса во внешней и внутренней политике, который якобы получил Рейган от избирателей, противоречил тому факту, что в выборах приняли участие лишь 53 процента избирателей (немногим более 90 млн. из 174 млн.). И хотя за Рейгана проголосовало 59 процентов (53,3 млн.) из числа тех, кто явился на избирательные участки, это составляло всего 30 процентов взрослого населения Америки. Тем не менее, мы должны были считаться с основным фактом: Рейган остается в Белом доме еще на 4 года.

На выборах в сенат демократы получили дополнительно два места, и таким образом они стали располагать 47 местами по сравнению с 53

у республиканцев, т. е. контроль остался за республиканцами. В палате представителей большинство сохранилось за демократической партией -220 мест из 453.

В Москве началась „мучительная переоценка" политики, которая продолжалась до середины ноября, когда мы после выборов в США предложили Рейгану начать новые переговоры.

Важное решение Политбюро. Новые переговоры по космическим и ядерным вооружениям

В середине ноября в Москве состоялось заседание Политбюро. Решался важный вопрос, вступать ли в такие переговоры или нет. Речь ведь по существу, шла о расплывчатой формулировке в отношении космоса и о пересмотре советской позиции в отношении возобновления переговоров по ограничению стратегических вооружений.

После длительных дискуссий было решено дать согласие на новые переговоры по вопросам, касающимся „ядерных и космических вооружений". Об этом Черненко сообщил в своем послании на имя Рейгана. Таким образом, советская сторона фактически впервые соглашалась на подсобную увязку вопросов на предстоящих переговорах.

В решении Политбюро сыграло свою роль то соображение, что Рейган был к этому времени уже переизбран на новый 4-летний срок и что с ним, хочешь не хочешь, надо будет и дальше иметь дело. К тому же стали поступать сведения, что в Белом доме возобладала точка зрения, что на данном этапе Рейган может „без потери лица" выйти из нынешнего положения с переговорами по космосу, публично обыгрывая тезис о своем „согласии" с советским предложением начать переговоры и одновременно обвиняя СССР в том, что он, дескать, об.ставляет свою же собственную инициативу „предварительными условиями".

Одновременно Политбюро поручило Громыко на намеченной на начало января встрече с Шульцем постараться добиться более приемлемой формулировки названия предмета новых переговоров, особенно в отношении космоса.

Тем временем конфликт между Шульцем и Уайнбергером по широкому кругу вопросов обострялся и становился достоянием общественности. Дело дошло до того, что сразу после переизбрания Рейгана Шульц вроде даже негласно поставил перед ним вопрос о необходимости выбора между ним и Уайнбергером.

Рейган, однако, уклонился от принятия такого решения, сказав, что он нуждается в них обоих. Идеологически и в личном плане он был ближе к Уайнбергеру и чаще прислушивался к его мнению. Однако после выборов, ввиду намерения активизировать переговорный процесс с Москвой, особенно в области контроля над ядерными вооружениями, роль Шульца для президента росла. Последний, как говорил мне Макфарлейн, в декабре основательно засел за изучение разоруженческих проблем, которые он знал к тому моменту довольно поверхностно. Шульц начал методично готовиться к переговорам с Громыко по этим вопросам: ведь в первый период президентства Рейгана администрация всячески, уходила от серьезного разговора на указанную тему. Этот период в администрации совпал с активизацией советской политики в отношении США.

17 ноября, после выборов, я передал послание Черненко на имя Рейгана с предложением вступить в новые переговоры по вопросам, касающимся ядерных и космических вооружений. Это послание, как уже отмечалось выше, было результатом важного заседания Политбюро, на котором было принято решение принципиального порядка: возобновить переговоры с США по стратегическим ядерным вооружениям и ядерным вооружениям в Европе, которые мы сами прервали год назад. Правда, при этом учитывалось и согласие Рейгана (довольно туманное) обсудить и космические вооружения.

После краткого обмена мнениями между обеими столицами 23 ноября было опубликовано сообщение о том, что СССР и США согласились вступить в новые переговоры с целью достижения взаимоприемлемых договоренностей, касающихся ядерных и космических вооружений. Для того, чтобы выработать совместное понимание предмета и целей переговоров, говорилось в сообщении, Громыко и Шульц встретятся в Женеве 7-8 января 1985 года.

7 декабря у меня состоялась новая встреча с Шульцем. Он заявил, что президент и он сам выражает большое удовлетворение по поводу новых переговоров по вопросам, касающимся ядерных и космических вооружений, и достигнутой теперь договоренности о его встрече с Громыко.

Мы подходим к этой встрече в Женеве и последующим переговорам со всей серьезностью, подчеркнул госсекретарь, тем более что они совпадают по времени с началом второго четырехлетнего срока президентства Рейгана, а это само по себе подает надежду на возможность соответствующих договоренностей.

Я ответил, что мы также надеемся на позитивный сдвиг, прежде всего на встрече в Женеве.

Провожая меня после беседы с Шульцем, заведующий советским отделом Саймоне заметил, что, насколько он может судить о подготовке американской позиции к встрече министров в Женеве, она, по крайней мере на данный момент, содержит в себе меньше, чем, возможно, ожидает советская сторона: если говорить о существе проблем, то упор в этой позиции делается на стратегические наступательные вооружения, а вопрос о космосе отодвигается по сравнению с этим, как сказала бы сама советская сторона, на задний план. Да и госдепартамент не очень-то в курсе существа всех космических программ, разрабатываемых Пентагоном.

Весьма показательны в этой связи воспоминания Шульца о том, как он захотел в конце октября детально ознакомиться с программой СОИ. Брифинг для него проводил генерал-лейтенант Абрахамсон, который возглавил эту программу. Выслушав его, Шульц заметил, что генерал говорил с ним в духе интервью для газет. „Я хочу знать детали"; - заявил он и задал ему сразу несколько конкретных вопросов.

Абрахамсон, не стесняясь, тут же спросил своего помощника, допущен ли госсекретарь к таким конфиденциальным материалам в силу их особой секретности. Возмущенный Шульц больше не стал с ним разговаривать. Как видно, военные, как в СССР, так и в США, по своему менталитету не очень-то отличались друг от друга. Профессиональное увлечение сверхсекретностью достигало таких гипертрофированных масштабов, что даже к дипломатам высокого ранга относились с недоверием.

Перед Рождеством я ужинал с Макфарлейном, помощником президента по национальной безопасности. Надо было обсудить перспективы наших отношений на новый, 1985 год.

ПРЕЗИДЕНТ
РОНАЛЬД РЕЙГАН

Макфарлейн дал свою оценку настроений президента. Рейган считает, что он выполнил основную задачу своего первого срока президентства -дать необходимый импульс восстановлению должной мощи вооруженных сил США, которую он намерен поддерживать и дальше. Однако сейчас он думает, что наступило время для постепенного выправления отношений с СССР и достижения конкретных договоренностей о сокращении ядерных вооружений. Его мнение о коммунизме не изменилось. Однако публично Рейган не намерен „увлекаться" перебранкой по этому вопросу. Главное -добиваться уменьшения угрозы ядерной войны и, если удастся, возможных договоренностей с СССР. Таковы намерения президента, резюмировал Макфарлейн.

Он сказал, сославшись на настроения президента, что реальное достижение серьезного и существенного соглашения в области сокращения ядерных вооружений вполне возможно в течение ближайших двух-трех лет. Это позволило бы Рейгану обеспечить ратификацию соглашения конгрессом еще в период его пребывания у власти.

Заметив мой некоторый скептицизм, Макфарлейн добавил, что следует иметь в виду, что президент постепенно действительно эволюционирует в своих взглядах на Советский Союз, хотя это, возможно, и незаметно для тех, кто не общается с ним повседневно.

Судя по воспоминаниям Шульца, и в конце 1984 года в администрации -вокруг президента - продолжался ожесточенный спор по вопросам отношений с СССР. В отличие от самого Шульца и Макфарлейна другие - Уайнбер-гер, Кейси и ряд ближайших помощников президента - по-прежнему были „ястребами". Показательно, что когда Рейган в августе впервые решил принять для беседы Громыко, то он попросил Шульца пока никому не говорить об этом. Президент пояснил, что иначе у него не будет покоя, так как его окружение в Белом доме обязательно будет убеждать пересмотреть это решение.

Заместитель заведующего отделом госдепартамента по делам Европы Палмер в неофициальной беседе со мной в декабре довольно неожиданно затронул вопрос о возможной советско-американской встрече в связи с 40-летием Победы над фашистской Германией. Оговорившись, что он не имеет прямого поручения на этот счет (хотя его высказывания явно носили характер осторожного зондажа), Палмер сказал, что Рейган мог бы задержаться на несколько дней в Европе после совещания „семерки" в Бонне в первых числах мая, если бы речь шла о возможности совместить его пребывание в Европе со встречей с советским руководителем.

По мнению Палмера, Рейган отнесся бы благоприятно к встрече руководителей двух держав в Европе, вплоть до „новой встречи на Эльбе". Проведение встречи, символизирующей сотрудничество СССР и США в годы войны, не обязывало бы „к большим решениям", но дало бы возможность для краткого полезного обмена мнениями и помогло бы созданию условий для организации в дальнейшем встречи с более обстоятельной повесткой дня.

Однако вопрос о советско-американской встрече в Европе не нашел своего дальнейшего развития. К высказываниям Палмера в Москве отнеслись скептически. Да и состояние здоровья Черненко настолько ухудшилось (хотя это и держалось в секрете), что проведение такой встречи становилось весьма сомнительным.

5. ОТСТУПЛЕНИЕ РЕЙГАНА ОТ БЕЗОГОВОРОЧНОЙ КОНФРОНТАЦИИ С СССР

Главным событием в наших отношениях с США в 1985 году стала встреча на высшем уровне в ноябре в Женеве, первая после прихода в Белый дом Рейгана и вообще за почти шестилетний период. В известном смысле эта встреча Горбачева и Рейгана как бы подвела черту под определенным историческим отрезком времени, когда в Вашингтоне фактически отвергали серьезный диалог с нами, предпочитая диалогу попытки грубого нажима на СССР.

Несмотря на то, что при встрече в Женеве не было достигнуто согласия по главным вопросам - о запрете на ударные космические средства и сокращении ядерных испытаний, - результаты встречи создавали предпосылки для перехода от состояния опасной напряженности к конструктивным поискам путей нормализации взаимоотношений двух стран и оздоровления международной обстановки в целом.

Большое значение в этом плане имели подтверждение на высшем уровне целей советско-американских переговоров по ядерным и космическим вооружениям, начатых в марте 1985 года, и договоренность об их ускорении. Появились также точки соприкосновения, хотя, скорее, в потенции, по самой проблематике переговоров. Наряду с другими важными политическими итогами встречи в верхах это открывало дополнительные возможности в сфере поиска развязок наиболее трудных проблем.

Позитивный баланс Женевы, как, собственно, и факт встречи, не был, разумеется, случайным явлением - к нему подводила логика предшествующего развития ситуации в отношениях двух держав и на мировой арене.

Хотя отказа от основных установок администрации не наблюдалось, тем не менее, стали заметны некоторые перемены в мышлении Рейгана и его окружения, отступление от безоговорочной конфронтационности в отношениях с СССР, появление известных элементов конкретного реализма. Произошло это под воздействием ряда факторов, хотя Вашингтон считал женевскую встречу прежде всего продуктом своего предшествующего курса на „перевооружение Америки" и „жесткость" в ведении дел. По существу же, это было невольное признание администрацией США бесперспективности одного лишь голого военного наращивания и антисоветских заклинаний. Сказалось тут и давление как внешнего порядка (в частности, нажим со стороны союзников США в пользу диалога), так и внутреннего, когда Белому дому труднее становилось игнорировать озабоченность американского народа опасным состоянием отношений с СССР. К тому же военные программы администрации успешно завершались или осуществлялись.

Значительную роль также сыграли возросший -- при Горбачеве -динамизм советской внешней политики и заметное улучшение ее пропагандистского обеспечения, выдвижение в 1985 году новых крупных инициатив по ограничению гонки вооружений, общая активизация советской дипломатии. Важное значение имела интенсивная работа с американской администрации-

трацией на всех уровнях - личная переписка Горбачева с Рейганом, встречи и беседы Шеварднадзе с президентом и госсекретарем США, активные рабочие контакты по дипломатическим каналам.

В целом и сама встреча в Женеве, и ее итоги были положительно встречены как в США, так и в Советском Союзе. Большинство народа обеих стран восприняло их как событие, ведущее к ослаблению угрозы ядерного конфликта и подающее надежды на то, что, в конце концов, будет найдено решение проблемы гонки вооружений и устранения военной опасности.

Вместе с тем в Америке продолжали действовать влиятельные силы, в первую очередь военно-промышленный комплекс, материально заинтересованные в продолжении гонки вооружений и распространении ее на космос. Пентагон и центры, работавшие „на войну", рассматривали в тот момент „стратегическую оборонную инициативу" Рейгана, по существу, как „последний шанс" сломать в пользу США примерный военный паритет, используя американское технологическое превосходство.

Эти силы и после Женевы стремились удержать администрацию на прежних позициях гонки вооружений. Ими же реально диктовалась в 1985 году и вся практическая политика США в военной области, а именно активное продолжение модернизации и наращивания ядерных и обычных вооружений и форсирование работ в рамках СОИ. Конгресс вновь утвердил все основные программы Пентагона. Впервые с 1969 года были одобрены средства на производство химических боеприпасов, причем речь шла о бинарном оружии.

Не менее сложные процессы проходили и в Советском Союзе. Новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев пришел к власти с намерением внести существенные коррективы в курс советской политики, имея своей целью коренной поворот от конфронтации к деловым взаимоотношениям с Западом, прежде всего с США. Однако в начальный период он действовал осторожно. Ему нужно было еще время для консолидации своей власти, в том числе и в самом Политбюро, в котором преобладало еще старое конфронтационное мышление, как и в высшем военном командовании страны. Положение осложнялось и тем, что сам он совсем не был уверен в дальнейшем поведении Рейгана. Последний оставался непредсказуемым президентом для советского руководства. Именно таково было общее мнение на заседании Политбюро накануне ноябрьской встречи в Женеве Горбачева с Рейганом, хотя желание улучшить отношения с США к этому моменту высказывалось уже достаточно определенно.

К позитивному фактору в наших отношениях можно было отнести наметившееся оживление двусторонних контактов и связей, структура которых была основательно разрушена ранее самой же администрацией Рейгана. В течение года в результате кропотливой работы были достигнуты в принципе договоренности, касавшиеся возобновления прямого воздушного сообщения, обменов и открытия генконсульств в Нью-Йорке и Киеве.

В целом же обстановка в советско-американских отношениях оставалась сложной и противоречивой. В определенном смысле 1985 год закончился со „знаком вопроса": куда пойдет дальнейшее развитие событий, а точнее, как будут обе стороны воплощать в практические дела достигнутое в Женеве понимание?

Тон все еще задают консервативные круги

В 1985 году, в первый год второго срока президентства Рейгана, в политической жизни США тон продолжали задавать консервативные группировки, взгляды которых и представляла администрация. Оппозиция курсу Белого дома, особенно в области военной и внешней политики, оставалась слабой и разрозненной. Продолжалась в целом так называемая „консервативная революция", направленная на сокращение регулирующей роли государства в экономике, возврат к „свободе предпринимательства" и демонтаж системы социальных программ, которая складывалась еще со времен Рузвельта.

Вскоре после начала своего второго президентского срока Рейган произвел такие крупные перестановки, как назначение своих ближайших помощников по Белому дому Бейкера и Миса на ключевые посты министров финансов и юстиции.

На место Киркпатрик в ООН был назначен Уолтере, профессиональный разведчик.

Бывший министр финансов Риган перешел на роль руководителя аппарата Белого дома, став своего рода „премьер-министром". Он начал все активнее вторгаться и в процесс обсуждения в Белом доме вопросов военной и внешней политики, относящихся к прерогативам помощника президента по национальной безопасности. И как следствие возник острый конфликт между ним и Макфарлейном. Вскоре после встречи в Женеве последний подал в отставку. Вместо него был назначен его заместитель -вице-адмирал Пойндекстер, „военспец", не имевший, как считалось, каких-то особых политических амбиций, что и устраивало окружение президента.

Что касается Уайнбергера и другого „тяжеловеса" в администрации, Шульца, то между ними, как и раньше, шло соперничество за влияние на президента.

В ключевых вопросах отношений с СССР Уайнбергер (в тесном союзе с директором ЦРУ Кейси) по-прежнему считался проводником самой жесткой линии, а Шульц - более гибкой. Первый взял на себя роль особо рьяного ревнителя СОИ и превратился в своего рода „таран", при помощи которого правые круги стремились подорвать любые шансы на результативность встречи на высшем уровне в Женеве. Именно он в канун встречи стал „героем" вызвавшего скандал письма к президенту, в котором убеждал не уступать в вопросе о СОИ и не подтверждать обязательств США по соблюдению договора по ПРО и положений по ОСВ-2. Выступая на этом фоне как „прагматик", Шульц (на его стороне был и Макфарлейн) выглядел своеобразным „дипломатическим противовесом" главе Пентагона (хотя на деле Шульц не был противником той же СОИ, считая это полезной картой в переговорах с СССР по разоруженческим вопросам). Активное участие Шульца в подготовке встречи в верхах - особенно его поездка в Москву, где он был принят Горбачевым и вел переговоры с Шеварднадзе, - и в самой встрече в Женеве (Уайнбергера туда все же не взяли) придало ему, как и госдепартаменту, дополнительный вес в администрации.

В основном же, при всей борьбе за влияние и престиж, несмотря на личные конфликты и стычки, в окружении президента сохранялось „идеологическое" единство в главных вопросах внешней и военной политики.

Громыко и Шульц готовят повестку переговоров

1985 год начался встречей Громыко и Шульца 7-8 января в Женеве. Они рассмотрели вопрос о предмете и целях предстоящих советско-американских переговоров по ядерным и космическим вооружениям.

Политбюро на своем заседании обсудило инструкции для встречи Громыко с госсекретарем США. Заседание вел Горбачев, который ввиду обострившейся болезни Черненко все чаще председательствовал на заседаниях Политбюро.

Если Рейган продолжал упрямо держаться за свою космическую программу, то Горбачев к этому времени убедил себя и других членов советского руководства в том, что необходимо обязательно сорвать эту программу. Столкновение этих двух противоположных идей фикс стало во многом определять характер всех последующих советско-американских переговоров по проблемам стратегической безопасности. При этом оба руководителя, и Рейган, и Горбачев, были столь глубоко вовлечены в споры вокруг СОИ, что, по существу, преувеличивали ее реальные возможности.

Так или иначе, Громыко получил твердые инструкции: добиваться максимально четкой формулировки цели переговоров по космосу, чтобы не допустить создания космических вооружений, и при этом взаимно увязать ход рассмотрения на будущих переговорах как космических, так и ядерных вооружений. Американцы должны не уходить от обсуждения вопросов по космосу и не заниматься лишь интересовавшими их вопросами сокращения стратегических ядерных вооружений.

Надо сказать, что Шульц, отправившись на встречу с Громыко, вез совсем иные установки от Рейгана. Вопрос об этой встрече специально рассматривался у президента 31 декабря с участием Уайнбергера. Последний вообще был против любого обсуждения космических вооружений с Громыко. Шульц резонно возражал, что тогда в целом терялся смысл встречи с советским министром. Их упорный спор решил Рейган. Он заявил, что надо все-таки начинать обмен мнениями с СССР. Пусть этим и занимается госсекретарь Шульц, но он „не должен что-либо отдавать".

Поэтому на переговорах с Громыко Шульц не хотел себя связывать какими-либо четкими формулировками по космосу, имея в виду объявленную Рейганом программу СОИ. Он был также против увязок хода переговоров по космическим и ядерным вооружениям. Обсуждение всех этих вопросов, особенно официального текста заключительного заявления, проходило в довольно напряженной обстановке (я участвовал в этом). В конце концов, был найден компромисс. Громыко, проявив завидную настойчивость, добился в значительной степени выполнения имевшихся у него инструкций.

По окончании встречи министров было оглашено совместное советско-американское заявление, в котором, в частности, говорилось: „Стороны согласны в том, что предметом переговоров будет комплекс вопросов, касающихся космических и ядерных вооружений - стратегических и средней дальности, - причем все эти вопросы будут рассматриваться и решаться во взаимосвязи. Целью переговоров будет выработка эффективных договоренностей, направленных **на предотвращение гонки вооружений в космосе и ее прекращение на Земле** (подчеркнуто мною. - А.Д.), на ограничение и сокращение ядерных вооружений, на укрепление стратегической стабильности. Переговоры будут вестись одной делегацией с каждой стороны,

разделенной на три группы. В конечном итоге, по мнению сторон, предстоящие переговоры, как и вообще усилия в области ограничения и сокращения вооружений, должны привести к ликвидации ядерного оружия полностью и повсюду".

Этой совместной формулировкой было положено начало новым важным переговорам между СССР и США по трем ключевым направлениям ядерных и космических вооружений. Правда, американская сторона после встречи в Женеве попыталась „подправить" эту формулировку, делая упор лишь на наиболее выгодные для себя части. Вопрос о космосе при этом ею фактически замалчивался. Поэтому между сторонами шла полемика по интерпретации достигнутой договоренности.

Первый заместитель госсекретаря Дэм рассказал мне, что выбор руководителей американской делегации на предстоящих переговорах по трем группам вопросов (Кампельман, Тауэр и Глитман) был сделан лично Рейганом из списка лиц, рекомендованных Шульцем, Уайнбергером и Макфарлейном.

Окончательный выбор в пользу Кампельмана был сделан, когда Рейган прочитал его статью (написанную совместно с Бжезинским), которая всячески пропагандировала СОИ и критиковала СССР (как в свое время статья Киркпатрик по Латинской Америке побудила президента назначить ее представителем США в ООН).

Главой советской делегации был назначен посол В.Карпов, который одновременно должен был представлять советскую сторону в одной из групп на переговорах; две другие группы возглавляли послы Ю.Квицинский и А.Обухов.

Тем временем Уайнбергер в интервью заявил, что никаких изменений в позиции администрации после женевской встречи министров не произошло. Он утвердительно ответил на вопрос, собираются ли США продолжать испытания противоспутникового оружия. Заявил также, что у администрации нет намерения или желания останавливать исследовательские работы по программе СОИ.

Все это звучало не очень обнадеживающе перед началом важных советско-американских переговоров в Женеве.

В конце января я обедал с Дэвидом Рокфеллером, который пришел ко мне в посольство с совещания в Белом доме, где группа крупных банкиров и бизнесменов обсуждала „бюджетную стратегию" администрации на текущий год.

Рокфеллер заметил, что, по его мнению, администрация делает не все, что она могла бы сделать в плане выправления отношений с СССР. Он, однако, считает позитивным сам факт, что Рейган вообще пошел на переговоры, а Шульц согласился в Женеве на коммюнике, которое было в своей основе предложено Громыко (об этом банкирам сказал сам Рейган).

Президент вроде хочет все-таки войти в историю как руководитель, который смог договориться с СССР об ограничении вооружений. Не знаю, добавил Рокфеллер, насколько все это соответствует действительности, но такие разговоры можно сейчас услышать от близких к Рейгану людей.

В эти же дни у меня была встреча с новым председателем сенатского комитета по иностранным делам республиканцем Лугаром, который, как я понял, еще в большей степени, чем его предшественник, сенатор Перси, будет поддерживать внешнюю и военную политику администрации. Из

беседы явствовало также, что познания Лугара в области международных отношений пока скудны.

В конце января в Москве и в Вашингтоне было официально объявлено, что СССР и США условились начать 12 марта в Женеве переговоры по ядерным и космическим вооружениям. Однако уже 1 февраля администрация Рейгана направила в конгресс доклад, обвиняющий СССР в нарушении договора по ПРО 1972 года (Красноярская РЛС и некоторые другие случаи)*. Сам выбор момента такой публикации накануне новых переговоров ясно говорил о том, что в администрации по-прежнему не было единого отработанного курса в отношении СССР: то брал верх один аспект, то другой - ему противоположный. Как свидетельствует Шульц, именно в этот момент Уайнбергер стал проталкивать в администрации новую идею: США должны отказаться от договора по ПРО, используя предусмотренное этим документом предварительное шестимесячное уведомление о таком решении.

Осуществление идеи Уайнбергера, конечно, пустило бы под откос еще не начавшиеся переговоры, а также вызвало бы большое недовольство у союзников США и в американском конгрессе. Хотя эта идея не -была реализована, но продолжала оставаться миной замедленного действия, влиявшей на поведение администрации и лично президента.

Любопытное суждение о поведении администрации высказал мне в начале февраля сенатор-демократ Пелл (старший среди демократов в комитете по иностранным делам).

Он заявил, что может в определенной степени уподобить нынешнюю тактику администрации в военных вопросах „методам печально известного Джо Маккарти". За годы пребывания у власти, пояснил сенатор, администрации Рейгана, и в первую очередь самому президенту, удалось создать в стране, да и в стенах Капитолия климат, очень смахивающий на эпоху маккартизма, когда дело касается военного бюджета.

Белый дом и Пентагон превратили военный бюджет в символ „безопасности", „патриотизма" и „решимости противостоять советской угрозе". Выступление в пользу хотя бы скромного ограничения темпов роста военных расходов связано с риском тут же быть обвиненным чуть ли не „в предательстве интересов Америки".

Сам Пелл был настроен в пользу улучшения отношений между США и СССР, в пользу ограничения вооружений. Однако, как и многие другие американские либералы, он был фактически парализован тактикой администрации.

1 марта я был приглашен в конгресс на закрытую для прессы встречу за завтраком с членами созданной в сенате „Группы контроля за ходом советско-американских переговоров" в Женеве. В беседе участвовали: от республиканцев - лидер большинства сенатор Доул, его заместитель -сенатор Стивене, сенаторы Уорнер, Никлс; от демократов - лидер меньшинства сенатор Бэрд, сенаторы Нанн, Пелл, Кеннеди, Гор, Мойнихен.

Вопрос о строительстве крупной радиолокационной станции (РЛС) в районе Красноярска, как не соответствующей договору по ПРО, Шульц поднимал передо мной еще летом предыдущего года. Так начался длительный спор вокруг этого вопроса. Как после выяснилось, советское руководство с самого начала знало от нашего Генштаба, что это действительно было нарушением договора по ПРО, но держало это в большом секрете от послов (включая и посла в Вашингтоне). В результате советские дипломаты продолжали отстаивать нашу ложную версию. А это лишь подрывало доверие между США и СССР. Лишь в начале 90-х годов мы согласились демонтировать эту станцию.

Вначале выступил я, затем последовали вопросы и ответы, перешедшие в оживленную дискуссию (около 2 часов). По ходу дискуссии я спросил сенаторов, на что они надеются в связи с открывающимися переговорами в Женеве, если, по их же собственному мнению, администрация не собирается отказываться от своей программы „звездных войн", а сам сенат, судя по всему, не знает толком, что можно сделать для предотвращения такого опасного переноса гонки вооружений в космос.

В своих ответах они в основном высказывали „надежду", что администрация все же в ходе переговоров может пойти на определенные подвижки, например, в области противоспутниковых вооружений, а также на некоторые ограничения в области противоракетных вооружений в обмен на согласие советской стороны ограничить наступательные стратегические вооружения. Впрочем, высказывались эти „надежды" сенаторами довольно робко и неуверенно.

Горбачев - Генеральный секретарь ЦК КПСС. Рейган приглашает его посетить США

10 марта 1985 года умер Черненко, не оставивший сколько-нибудь заметного следа в советско-американских отношениях. На следующий день состоялся внеочередной пленум ЦК КПСС, который избрал М.С.Горбачева Генеральным секретарем.

Избрание Горбачева приходило в условиях сложной закулисной борьбы в Политбюро. „'Старая гвардия" не очень хотела выдвижения значительно более молодого и довольно непредсказуемого Горбачева. И все же его сторонникам удалось одолеть „старую гвардию". Немалую роль сыграл тут Громыко, который на решающем заседании Политбюро неожиданно взял на себя инициативу и выдвинул кандидатуру Горбачева, сильно ослабив тем самым ряды оппозиции. Надо отдать должное Громыко: в течение многих лет он всегда в решающие моменты делал правильную ставку на победителя. Этим во многом объяснялось и его политическое долголетие.

Горбачев, став Генеральным секретарем, не имел еще четкой программы в области внешней политики страны, хотя и выражал недовольство тем, что в ней отсутствовали динамизм и стратегический простор для широкого маневра с целью перелома опасного противостояния СССР и США и изменения общей напряженной международной обстановки. Однако антисоветская и антикоммунистическая непримиримость Рейгана (как она. оценивалась на тот момент в Кремле) затрудняла Горбачеву быструю выработку новых инициатив в отношении США. Да и он сам отчасти все же придерживался прежних советских стереотипов в оценке международной обстановки.

В Белом доме, как уже отмечалось, с самого начала проявляли немалый интерес к Горбачеву. Тэтчер, уже встречавшаяся ранее с Горбачевым, настойчиво советовала Рейгану повнимательнее присмотреться к нему. Эти рекомендации произвели на Рейгана определенное впечатление.

11 марта Шульц посетил посольство, чтобы расписаться в книге соболезнований по случаю кончины Черненко. Он пришел за 20 минут до посещения посольства президентом Рейганом по тому же поводу, сказав, что хотел бы переговорить со мной наедине.

Сегодня в Белом доме, начал Шульц, президент провел специальное совещание в узком составе (госсекретарь, Макфарлейн и руководитель аппарата Риган), на котором обсуждались вопросы, касающиеся перспектив советско-американских отношений в свете кончины Черненко и избрания новым Генеральным секретарем Горбачева.

Подводя итоги этого совещания, президент подчеркнул, что сейчас объективно создается новая важная ситуация и открываются новые возможности в отношениях между СССР и США. Особенность ситуации, по словам Рейгана, заключается в том, что он только начинает свой второй срок президентства, а в СССР избран новый руководитель, который, по всем имеющимся данным, будет активно вести внутренние и внешние дела, при этом отношения с США в силу понятных причин будут занимать видное место. Существенным элементом является и такой факт, как начало сложных и важных переговоров делегаций обеих стран в Женеве, от исхода которых так много зависит. Эти объективно открывающиеся возможности, подытожил Рейган, было бы непростительно не попытаться использовать и постараться установить с самого начала необходимый диалог на высшем уровне.

В этой связи президент решил направить Горбачеву личное письмо, которое вручит в Москве вице-президент Буш, возглавивший американскую делегацию на похороны Черненко.

В письме, продолжал Шульц, президент пригласит нового Генерального секретаря посетить с визитом США. Разумеется, в случае такого визита Горбачев был бы принят президентом как гость самого высокого ранга. Ему могла бы быть организована и ознакомительная поездка по стране по любому маршруту.

На упомянутом совещании президент прямо говорил о целесообразности встречи с новым советским руководителем. При этом, если до сих пор Рейган считал, что для такой встречи нужно было бы подготовить какое-то существенное соглашение с СССР, чтобы она могла иметь позитивный результат, то теперь он думает, что в свете нового развития событий и дефицита времени можно было бы не дожидаться договоренности о подобном соглашении, а провести встречу для личного знакомства и для „общего обзора горизонтов" наших отношений и международной обстановки.

Сами же встречи могли бы принять затем более систематический характер, скажем, раз в год.

Госсекретарь сказал далее, что президент намеренно не называет в письме конкретные сроки возможного визита Горбачева в США, оставляя это целиком на его усмотрение, учитывая его большую занятость делами сейчас. По его мнению, поездка могла бы состояться, например, летом или даже в конце весны нынешнего года. Можно было бы подумать и об осени, ближе к сессии ООН, если Горбачеву это больше подходит.

Сейчас очередь за советской стороной: по протоколу Горбачев должен посетить США. Вместе с тем, если он, по своим соображениям, счел бы целесообразным пока не выезжать из страны и пригласить сначала президента в СССР, то, как думает Шульц, это также было бы встречено Рейганом с пониманием.

Госсекретарь в заключение оговорился, что все изложенное им предназначается как бы для негласного введения нас в курс дела в отношении нынешних намерений и хода мыслей президента в связи со складывающейся ситуацией и что они не обязательно ожидают сейчас

какой-то официальной реакции из Москвы на эти соображения. Он хотел бы вместе с тем сегодняшним разговором заранее сделать некоторые пояснения в связи с предстоящим письмом президента Горбачеву, которые выходят как бы „за рамки" самого этого письма, но могут быть полезны для понимания в Москве „перспективного мышления президента".

Сам Рейган, который посетил наше посольство вслед за Шульцем (уходили они вместе), этих вопросов в разговоре со мной не поднимал. Вместе с тем привлекла его реплика, что он уже третий раз приходит в посольство за последние три года по столь печальным поводам, но надеется, добавил он многозначительно, что в следующий раз он сможет прийти к нам в посольство „при других, более счастливых обстоятельствах". Президент попросил также передать его личный привет Горбачеву.

Высказывания госсекретаря Шульца произвели на меня определенное впечатление своей необычностью и конкретностью. Впервые за все время нахождения у власти Рейгана последний таким открытым текстом - через обычно весьма осторожного госсекретаря - говорил о желательности советско-американской встречи на высшем уровне с только что избранным Генеральным секретарем.

Горбачев сразу же обратил внимание на этот необычный сигнал из Вашингтона, тем более что он отвечал его собственным планам. Однако он вначале отнесся к этому сигналу с известной осторожностью, ибо Рейган до сих пор в своих практических делах с нами был непоследователен, противоречив и непредсказуем.

На другой день в посольстве (чтобы расписаться в книге соболезнований) был помощник президента Макфарлейн. По ходу беседы он повторил примерно то же, что говорил мне Шульц. Президент, по его словам, предпочел бы не очень затягивать со встречей, чтобы первая их такая встреча действительно могла носить „взаимно ознакомительный характер", причем оба руководителя могли бы выбрать 6-7 приоритетных проблем, чтобы в дальнейшем совместно сосредоточить усилия на решении именно этих проблем.

Для оценки степени воздействия на общественное мнение США возможной встречи на высшем уровне довольно показательна откровенная реплика-полупризнание Макфарлейна о том, что если бы встреча состоялась именно в данный момент, то конгресс США наверняка не одобрил бы запрашиваемые администрацией очередные ассигнования на ракеты „МХ", поскольку расценил бы такую встречу как явный поворот в сторону улучшения отношений.

В тот же день посольство посетил спикер палаты представителей О'Нил для выражения соболезнований. Он просил передать пожелания всяческих успехов Горбачеву на новом ответственном посту. Обругав, как обычно, Рейгана, О'Нил заметил, что „надо что-то делать, пока не поздно", чтобы выправить советско-американские отношения. Спикер при этом в основном „надеялся на Горбачева". Он с большим интересом ожидал своей предстоящей ответной поездки в СССР в апреле по приглашению Щербицкого, главы советской парламентской делегации, приезжавшей в США.

13 марта около 10 часов вечера Горбачев принял в Екатерининском зале Кремля Буша, главу американской делегации, прибывшей на похороны Черненко. На встрече были также Громыко и Шульц.

Состоялся полуторачасовой обмен мнениями по ключевым вопросам советско-американских отношений и положения дел в мире. Отметив

важность отношений между двумя странами, Горбачев в энергичной форме подтвердил готовность СССР, при наличии таковой и с американской стороны, практически действовать в направлении их улучшения.

В ходе беседы были затронуты вопросы, связанные с началом женевских переговоров между СССР и США по ядерным и космическим вооружениям. К ним Горбачев проявил особый интерес (первый не очень обнадеживающий раунд таких переговоров проходил с 12 марта по 23 апреля). „Действительно ли США заинтересованы в достижении результатов на этих переговорах или эти переговоры нужны США для осуществления своих программ вооружений?" - прямо спросил он.

Горбачев подчеркнул, что СССР никогда не собирался воевать с США, не имеет он такого намерения и сейчас. „Таких сумасшедших никогда не было в советском руководстве". Он заявил вместе с тем, что советский народ не позволит никому учить его, как жить, как и он сам не будет учить других. „Пусть история нас рассудит".

В целом разговор с Горбачевым (от американцев высказывались Буш и Шульц), хотя и не внес каких-либо новых идей с обеих сторон и был временами довольно острым, оставил определенное удовлетворение своей откровенностью, живостью и осознанием того, что подобный диалог, безусловно, следует продолжать.

Буш передал Горбачеву приглашение приехать в США. Последний поблагодарил, но не дал сразу конкретного ответа. Вопрос надо обсудить на Политбюро.

Вернувшись из Москвы, госсекретарь устроил большой ежегодный прием в честь дипкорпуса. Прием проходил в реконструированном парадном зале госдепартамента, обставленном старинной мебелью, на стенах картины и портреты государственных деятелей, начиная со времен борьбы за независимость. Атмосфера была торжественной. Во время приема он пригласил меня в отдельную комнату, где и состоялась беседа наедине. Шульц сказал, что хотел бы коротко проинформировать меня о беседе с президентом Рейганом по итогам своей поездки в Москву и встречи с Горбачевым.

Президент спросил, какой „минимум", по мнению Шульца, мог бы быть „достаточным" для американского и советского общественного мнения с точки зрения проведения личной встречи Рейган-Горбачев („а президент не хочет упускать создавшийся благоприятный момент").

Госсекретарь ответил президенту, что к встрече можно было бы подготовить известный набор вопросов, готовых к подписанию или объявлению на самой встрече (возобновление полетов Аэрофлота, открытие консульств в Нью-Йорке и Киеве, соглашения о культурных обменах, некоторые договоренности в области транспорта, энергетики и окружающей среды).

Рейган высказал мнение, что для первой встречи все это могло бы быть неплохой базой, учитывая напряженность отношений последних четырех лет.

На мой вопрос, куда же делись из названной им „повестки дня" основные вопросы наших отношений (вопросы прекращения гонки вооружений на Земле и недопущения ее в космосе), Шульц ответил, что все эти вопросы, конечно, были бы предметом обсуждения, но надеяться на какое-то их решение во время первой встречи не приходится.

Из его высказываний складывалось впечатление, что с приходом к власти Горбачева администрация Рейгана решила продвигать тему о встрече на высшем уровне.

В то время, когда, казалось, началось некоторое оживление в наших отношениях с США, трагический инцидент снова затормозил это движение. Как будто какой-то рок висел над этими отношениями. В двадцатых числах марта в Восточной Германии советский часовой застрелил американского майора Никольсона, оказавшегося неизвестно почему около нашего военного объекта.

Последовала шумная антисоветская кампания в США, как в случае с южнокорейским самолетом. В ней приняли участие и представители администрации, причем особенно усердствовал Уайнбергер. Потребовалось несколько недель, прежде чем страсти несколько улеглись.

3 апреля у меня был на завтраке сенатор Доул, влиятельный лидер республиканцев в сенате. Он занимал в основном центристские позиции. По словам сенатора, в Белом доме сейчас фактически все больше исходят из того, что встреча с Горбачевым рано или поздно состоится. Сам Доул видит большой плюс встречи в том, что для крайне правых кругов в США, которые при нынешней администрации имеют в стране немалое влияние, такая встреча означала бы крах их основного постулата: никаких разговоров или переговоров „с империей зла", ибо по отношению к ней надо проводить политику непрерывной конфронтации с позиции силы. По существу, встреча была бы молчаливым признанием и самого Рейгана, что курс, который проводился в первые четыре года его президентства в отношении СССР, не очень-то срабатывает и в него надо внести коррективы. Доул видит поэтому немалую потенциальную важность такой встречи для следующих президентских выборов в США, ибо она будет ослаблять волну воинствующего ультраконсерватизма в стране.

Подобные высказывания интересно было слышать от умного, но в целом достаточно консервативного человека.

Горбачев поддерживает предложение о встрече. Новые трудности

Вопрос о встрече с Рейганом стал предметом активного обсуждения в Кремле. Горбачев не разделял установку прежнего советского руководства, что такая встреча должна обязательно сопровождаться подписанием какого-либо серьезного соглашения. Если придерживаться такой точки зрения, говорил Горбачев своим коллегам, то встреча с Рейганом состоится не раньше, чем через два-три года. Может быть, вообще не состоится. А время не терпит. Встреча нужна для знакомства с Рейганом и его дальнейшими планами, а главное - для завязывания личного диалога с президентом США. Амбициозным Горбачевым все сильнее овладевала идея встречи с Рейганом.

Такая позиция не очень нравилась Громыко, но он не мог навязать свои взгляды новому Генеральному секретарю. Поэтому уже в ходе первой переписки с Рейганом Горбачев поддержал в принципе идею личной встречи.

24 марта Рейган получил ответное письмо Горбачева (на то, которое привез ему Буш). Письмо не носило полемического характера. Горбачев высказывался за деловой подход к советско-американским отношениям, который- заложил бы основу для постепенного мирного развития этих отношений. Он выразил свое позитивное отношение к идее встречи и добавил, что необязательно, чтобы такая встреча предусматривала бы

принятие каких-то крупных документов. Главное - поиск взаимопонимания на базе равенства и учета законных интересов друг друга.

В этом письме Горбачев, таким образом, отошел от прежней позиции Кремля в вопросе о подходе к встречам на высшем уровне.

Фактически так оно и было воспринято Рейганом и Шульцем.

6 апреля меня пригласил к себе Шульц. Он принял меня в небольшой уютной комнате, примыкающей к его кабинету, которую он обычно использовал для доверительных бесед наедине. Шульц сказал, что хотел бы начать этой беседой своего рода обзор наших отношений с целью выявления прежде всего тех вопросов, по которым реально возможно продвижение, имея в виду прежде всего перспективу встречи на высшем уровне. А такая договоренность в принципе, как следует из обмена посланиями Рейгана и Горбачева, уже имеется. Именно так они понимают в администрации нынешнюю ситуацию. Другое дело, заметил Шульц, что к вопросу о месте и сроках встречи надо будет еще вернуться.

Я подтвердил, что мы таким же образом понимаем положение дел.

Мы, продолжал Шульц, особо отметили и положительно расценили в письме Горбачева его мысль о том, что встреча на высшем уровне не обязательно должна завершиться подписанием каких-то крупных документов, хотя если бы удалось выработать отдельные соглашения, то можно было бы оформить их и во время встречи. Это вполне созвучно и нашему подходу, подчеркнул он. О сказанном госсекретарь просил доложить в Москву.

В телеграмме правительству я сообщил, что администрация Рейгана, пожалуй, начинает реально исходить из возможности проведения советско-американской встречи уже в этом году и делает первые попытки осмыслить такую возможность. Хорошо бы подтолкнуть ее в практической плоскости.

Во время работы пленума ЦК Горбачев пригласил меня для беседы с глазу на глаз. Он сразу же стал развивать свои взгляды на наши отношения с США, задавая при этом много конкретных вопросов (его интересовало об Америке буквально все).

Он сформулировал основную стратегическую задачу: надо приложить все усилия, чтобы переломить нынешние враждебные отношения с США в сторону их нормализации и развития. При этом не следует драться из-за мелочей или затевать споры по идеологическим вопросам. Таких столкновений надо избегать во имя решения главной задачи.

Этим должен руководствоваться и я, как посол. Ближайшая цель -организация встречи с Рейганом. Таков был его наказ мне.

Горбачева очень интересовал вопрос: что же все-таки за человек Рейган? Убежденный антисоветчик? Бесспорно. Но поддается ли он убеждениям или безнадежен на этот счет? Антикоммунистический фанатик или все-таки прагматик? Можно ли с ним о чем-то договориться, или из этого ничего не выйдет?

Я отметил, что в течение первых четырех лет президентства Рейган откровенно демонстрировал свое враждебное, конфронтационное отношение к Советскому Союзу. Он и действовал в этом направлении, хотя и избегал ситуаций, чреватых военными столкновениями с нами. Он был категорически против возвращения к временам разрядки начала 70-х годов. Короче, у Рейгана было одно, весьма враждебное по отношению к нам лицо.

Однако в последний год-полтора у него стали проглядывать, правда, довольно туманно и весьма неустойчиво, черты прагматизма и даже

некоторой заинтересованности в установлении с СССР каких-то контактов, вплоть до самого высокого уровня. Проходил ли он при этом, хотя и сугубо по-своему, эволюцию Никсона в отношении СССР? Трудно сказать. Мой опыт личных бесед с ним, сказал я, вместе с тем показывает, что с ним можно разговаривать.

К тому же у Рейгана, заметил я, не было ни одной встречи с кем-либо из советского руководства, кроме Громыко. А последний, как известно, довольно своеобразный собеседник.

В целом я высказывался за личную встречу Горбачева с Рейганом, особенно за их беседы наедине, уже в текущем году. Разумеется, давать какие-либо гарантии в отношении результатов такой встречи нельзя, добавил я, но, думаю, что в целом можно приобрести для наших нынешних отношений гораздо больше, чем потерять.

Горбачев с этим согласился. В ходе беседы он не скрывал от меня, что недоволен консервативным и догматическим подходом Громыко к кардинальным вопросам внешней политики СССР, в частности, на американском направлении. Чувствовалось, что про себя он уже решил вопрос о его замене.

Не забыл он, по-видимому, и о раздраженной реакции Громыко на его поездку в Англию (еще в качестве просто члена Политбюро), которая" вызвала первые благожелательные высказывания на Западе в адрес нового члена советского руководства. В разговорах с некоторыми старыми членами Политбюро Громыко допустил неосторожность и критически отозвался о поведении Горбачева за рубежом, который, мол, слишком уж рекламирует себя. Одновременно Громыко сделал внушение нескольким нашим послам в западных странах, в том числе и мне, которые сообщили в Москву о благоприятных откликах на поездку Горбачева в Англию.

Горбачев быстро узнал обо всем этом и, похоже, надолго запомнил.

Из первой обстоятельной беседы с Горбачевым мне запомнились две высказанные им мысли. Первая: через гонку вооружений нельзя добиться „победы над империализмом", больше того, без ее прекращения никаких внутренних задач не решить. Вторая: в противоборстве с США - и он считал это тогда неизбежным - надо прежде всего добиваться их вытеснения из Западной Европы. Наиболее эффективный способ - это ослабление международной напряженности и взаимный поэтапный вывод американских и советских войск. Для американцев это будет означать возврат за океан; для нас - фактический отвод войск на несколько сот километров за наши границы, где их присутствие все равно будет незримо ощущаться европейскими государствами. Таковы были первые ростки „нового мышления" Горбачева в области внешней политики. Впоследствии эти взгляды были им подкорректированы в сторону сотрудничества с США.

В Вене, во время юбилейных празднеств в Австрии (14 мая), состоялась встреча Громыко и Шульца. Был обсужден широкий ряд вопросов с упором на идущие переговоры в Женеве по ядерным и космическим проблемам. Шестичасовой разговор был достаточно детальный, но бесплодный.

Лишь в конце был затронут главный вопрос о встрече на высшем уровне (никто первым не хотел поднимать его, по дипломатическим понятиям это означало бы проявить „излишнюю заинтересованность"; по существу же, это была ненужная „игра в дипломатию" двух министров).

Громыко имел четкие инструкции Горбачева обязательно обсудить этот вопрос. Поэтому ему пришлось первому начать разговор о месте и времени

встречи. Он сказал, что Горбачев предлагает организовать встречу в ноябре. Что касается места, то в Москве приветствовали бы приезд туда президента Рейгана.

Шульц ответил, что сейчас очередь за советским лидером посетить Вашингтон. Громыко отклонил эту мысль, предложив тогда встретиться где-то в Европе (Горбачев не хотел в тот момент ехать первым в Вашингтон, чтобы это не выглядело в советском руководстве и в стране, как будто он едет „на поклон к Рейгану").

Шульц обещал доложить президенту вопрос о времени и месте встречи.

Оба министра условились о том, что вопрос о встрече, который ставился уже на практические рельсы, будет сохраняться в строгой тайне. Особенно на этом настаивал Шульц, который опасался, что преждевременная утечка информации может сорвать встречу. Сам Громыко высказал пожелание, чтобы обе стороны обеспечили в оставшееся до встречи в верхах время стабильность и спокойную атмосферу без каких-либо серьезных конфликтных ситуаций; стороны должны также постараться подработать несколько договоренностей, чтобы встреча на высшем уровне была бы значимой и по своему существу (таково было поручение Горбачева).

Когда Шульц вернулся в Вашингтон, он доложил обо всем Рейгану. В администрации развернулась дискуссия по этому вопросу.

В конце мая Шульц попросил меня передать Горбачеву от имени Рейгана следующие соображения относительно встречи на высшем уровне: президент согласен с предлагаемым Горбачевым сроком встречи - второй половиной ноября. Встреча могла бы продлиться два дня - 19 и 20 или же 20 и 21 ноября. За это время можно было бы провести три или четыре беседы.

Рейган призывал Горбачева согласиться на встречу в столице США или СССР, а не „в каких-то „третьих странах". В порядке „исторической очередности" сейчас советскому руководителю следует посетить Вашингтон.

После достижения договоренности о времени и месте встречи президент готов дать необходимые указания. Во-первых, внимательно следить за тем, чтобы избегать каких-либо возможных кризисных ситуаций в отношениях между обеими странами. Во-вторых, максимально продуктивно использовать остающееся до встречи время для подготовки возможных договоренностей по ряду вопросов для подписания.

Но дорога к встрече на высшем уровне была по-прежнему ухабистой. В Вашингтоне набирала силу публичная кампания вокруг „невыполнения Советским Союзом" договоров и соглашений в области ограничения стратегических вооружений. Застрельщиками этой кампании выступили Пентагон, лично Уайнбергер и наиболее консервативные члены администрации и конгресса, которые открыто призывали президента не считаться с этими договорами и соглашениями, если они мешают осуществлению военных программ США.

Президент Рейган сделал 10 июня официальное заявление о политике США в отношении действующих договоров и соглашений в области ограничения стратегических вооружений. В пространном заявлении президент подчеркнул, что он решил „воздержаться от торпедирования существующих соглашений по стратегическим вооружениям в той мере, в какой СССР проявляет аналогичную сдержанность". Вместе с тем он многозначительно оставлял открытым для своего последующего решения вопрос об окончании строительства новых ядерных подводных лодок США. Речь шла, в частности, о выходе в море в этом году седьмой ядерной подводной лодки

класса „Огайо", оснащенной баллистическими ракетами, а это превысило бы у США уровень численности ракет, ранее согласованный с СССР по договору об ОСВ-2, т. е. нарушало бы договор.

На другой день ТАСС распространил весьма критическое заявление по этому поводу. В нем, в частности, говорилось: „Сказанное президентом свидетельствует со всей очевидностью, что администрация США приняла решение вести и дальше дело к разрушению договорной системы, сдерживающей гонку ядерных вооружений, начав с подрыва советско-американского договора об ОСВ-2".

В самих США это решение вызвало противоречивые отклщки. Сторонники переговоров по разоружению опасались, что заявление Рейгана было лишь первым шагом к выходу США из договора об ОСВ-2.

11 июня я встретился с Шульцем и передал ему ответное письмо Горбачева президенту Рейгану. Ознакомившись с ним, госсекретарь заметил, что, судя по письму, в вопросе о месте встречи на высшем уровне нет еще договоренности. Речь, видимо, должна идти теперь о возможности организации встречи в какой-то нейтральной европейской стране. Вена и Хельсинки не подходят для США. Остается, таким образом, Женева. Но решение - за президентом.

Затем у меня с Шульцем состоялся краткий, но довольно резкий разговор по поводу двусмысленного заявления Рейгана насчет соблюдения договора об ОСВ-2 и заявления ТАСС о фактических намерениях США освободиться от ограничений по договору об ОСВ-2.

Шульц отрицал наличие таких намерений с их стороны, но прямо не комментировал само заявление Рейгана.

Как раз в эти дни у меня с Киссинджером состоялась очередная встреча (мы не прерывали контактов и продолжали периодически встречаться). Бывший госсекретарь выразил недоумение по поводу того, что у администрации нет до сих пор позиции по вопросам переговоров в Женеве, которая могла бы дать надежду на нахождение в ходе встречи в верхах какого-то компромисса. Я, продолжал он, несколько раз говорил Макфар-лейну, что идти „на авось" на встречу на высшем уровне нельзя, одним общим разговором на ней не обойдешься. Нужна подработанная и продуманная позиция, по возможности ведущая к компромиссам, особенно по вопросам идущих в Женеве переговоров.

Макфарлейн в принципе согласился с этим, но выразил большое сомнение, что в таком вопросе, как СОИ, президент захочет пойти на серьезные изменения или уступки. „Это его любимое детище".

Вырисовываются очертания встречи на высшем уровне. Неожиданная отставка Громыко

На очередной встрече в госдепартаменте Шульц сказал, что президент, хотя и сожалеет, но принимает предложение Горбачева встретиться в третьей стране. Естественным местом для встречи могла бы быть Женева.

Он далее поднял вопрос о дальнейшем процессе обсуждения между нашими странами проблемы ограничения вооружений. Обмен посланиями между Рейганом и Горбачевым в части, касающейся ограничения вооружений, сказал Шульц, к сожалению, не выявил пока возможностей для

продвижения по этим вопросам. Не видно прогресса и на самих переговорах в Женеве. Поэтому он уполномочен президентом предложить задействовать конфиденциальный канал, чтобы госсекретарь и советский посол негласно обсудили „в широком философском" плане центральные вопросы, являющиеся предметом переговоров в Женеве, поскольку отсутствие взаимопонимания по ним мешает сдвинуть эти переговоры с мертвой точки.

Центральная идея, которая, как мы полагаем, могла бы быть ключевой, сказал он, в негласном порядке рассмотреть надлежащее взаимоотношение между наступательными и оборонительными потенциалами обеих стран.

Смысловой подтекст заявления госсекретаря, хотя и в завуалированной форме, был достаточно ясен: США готовы подумать о том, чтобы не очень торопиться с полным практическим осуществлением своей программы СОИ, если СССР уже сейчас согласится на сокращения стратегических ракет.

Этот ответ был своего рода компромиссом в спорах внутри администрации между Шульцем и Уайнбергером. Последний вообще был против того, чтобы США дали какие-либо обязательства по СОИ. Шульц же считал, что обещания на будущее не повредят осуществлению СОИ, но могут побудить СССР пойти на соглашение по ракетам.

Вскоре я снова встретился с Шульцем и сообщил ему, что Горбачев согласен, чтобы встреча с президентом состоялась в Женеве 19-20 ноября. Одновременно я изложил нашу негативную позицию относительно высказанной им идеи обсуждения в „философском" плане вопросов, связанных с тематикой ведущихся в Женеве переговоров, Москва предпочитала вести конкретный диалог. К тому же она не хотела быть втянутой в обсуждение и тем самым, по существу, в какое-то принятие идеи СОИ. Вопрос этот оставался спорным.

После дополнительного обсуждения по дипломатическим каналам 4 июля в Москве было опубликовано официальное сообщение о том, что между Горбачевым и Рейганом достигнута договоренность о проведении встречи на высшем уровне в Женеве 19-20 ноября 1985 года. Днем раньше такое же сообщение было опубликовано в Вашингтоне. Повестка дня встречи оставалась открытой.

Одновременно в Москве была объявлена еще одна новость, сразу привлекшая внимание всего дипломатического мира: смена советского министра иностранных дел.

Фактически Горбачев избавлялся - в преддверии серьезного диалога с США - от тяготившего его министра, которого он недолюбливал и который своим присутствием и авторитетом мешал проведению зарождавшегося курса „нового мышления" во внешней политике СССР. Учитывая, однако, позитивную роль, которую сыграл Громыко в избрании Горбачева на пост Генерального секретаря, ему не предложили уйти в отставку (это случилось позже, в 1988 году), он был назначен на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Формально это был высший государственный пост, но не имевший по существовавшим тогда порядкам большого политического влияния.

Уход Громыко с поста министра иностранных дел, который он занимал почти 30 лет, по существу, знаменовал собой окончание целой эпохи в советской внешней политике и дипломатии. Громыко был убежден

по-своему в правильности этой политики и проявлял незаурядное упорство, талант и немалые профессиональные качества в ее осуществлении. Он был инициатором многих наших важных внешнеполитических шагов, в том числе и в области ограничения вооружений. Главным для него была защита национальных интересов, как он их понимал, и в первую очередь твердое отстаивание завоеваний после тяжелой войны с фашистской Германией. Ученик Сталина, он не придавал большого значения моральным аспектам внешней политики (например, проблеме прав человека), хотя в личном плане он был достаточно честен. Он не очень верил в такие „отвлеченные" понятия, как „общечеловеческие ценности", не воспринимал их в качестве серьезного фактора реальной политики, в том числе и с учетом не всегда безупречных действий самих США, и не верил в возможность быстрых кардинальных договоренностей с Западом.

В переговорах Громыко проявлял большое упорство и настойчивость. Если у него была запасная позиция по тому или иному вопросу, то он раскрывал ее лишь тогда, когда партнер по переговорам уже собирался встать из-за стола, чтобы закончить беседу. Впрочем, эта черта его порой переходила в крайность, т. е. в недостаточную гибкость, что задерживало подчас своевременное достижение необходимых договоренностей.

Вместе с тем Громыко не был сторонником ненужных и опасных конфронтации, особенно с США. Он настойчиво боролся против угрозы новой войны, особенно ядерной, за заключение соглашения по ограничению вооружений. Это, впрочем, не мешало ему быть видным советским „рыцарем" „холодной войны", особенно когда он считал, что нашим интересам угрожает империализм. Он был идейным коммунистом и верил в конечную победу идеалов коммунизма.

Все это было прочно заложено в его мышлении и кодексе его поведения. Когда же новые события и быстрые преобразования в мире потребовали нового подхода к внешней политике страны, он продолжал оперировать старыми категориями и незаметно для себя стал тормозом в деятельности советской дипломатии, которой он руководил столько лет. Под конец он сам почувствовал это и внутренне переживал, но переделать себя уже не мог. В этом была личная трагедия Громыко, крупного политического деятеля советского периода.

В человеческом плане могу засвидетельствовать, что, несмотря на свою внешнюю суровость, это был, скорее, доброжелательный человек, который мог проявлять определенную лояльность в отношении своих сотрудников. Его высокая профессиональная компетентность и преданность делу, несмотря на его недостатки, вызывали уважение в МИД, а также у коллег -министров других стран.

В связи с отстранением Громыко встал вопрос о назначении нового министра. Как рассказывали мне потом некоторые члены Политбюро, Горбачев заявил, что в аппарате МИД имеются достойные кандидаты, крупные дипломаты - Корниенко, Добрынин, Червоненко. Однако, продолжал он, этот важный участок работы должен быть непосредственно в руках партии.

И совершенно неожиданно для всех он предложил на этот пост Шеварднадзе, первого секретаря коммунистической партии Грузии, дав ему высокую характеристику. Это действительно изумило многих членов Политбюро. Шеварднадзе никогда не занимал никаких постов в Москве, был

все время „в провинции". Кроме того, он не имел никакого дипломатического опыта*.

Однако Горбачев не придавал всему этому большого значения - со временем научится. Для него важно было иметь рядом с собой умного человека, не обремененного грузом прошлых стереотипов советской внешней политики и готового без особых возражений осуществить его новые замыслы.

Для Горбачева важно было иметь единомышленника в составе Политбюро, где далеко не все разделяли его „новое мышление" во внешней политике.

Характерен в этой связи такой эпизод: Пономарев, кандидат в члены Политбюро, одновременно долгое время возглавлявший международный отдел ЦК КПСС, подготовил в начале 1986 года проект международного раздела для Отчетного доклада Политбюро XXVII съезду КПСС. Когда редакционная комиссия обратила его внимание на то, что проект составлен по старым образцам без попыток отобразить новый подход или элементы нового мышления, то возмущенный Пономарев заявил: „Какое еще новое мышление? У нас правильное мышление. Пусть американцы меняют свое мышление. То, что говорит Горбачев за границей, так это только для них, для Запада!"

Горбачев знал, что в личном плане он мог полностью рассчитывать на Шеварднадзе. Они были хорошо знакомы и даже дружили, когда были секретарями партийных организаций больших соседних регионов на юге страны. То, что Шеварднадзе не входил в состав кремлевского руководства, также устраивало Горбачева, так как это лишь усиливало личную преданность нового министра Генеральному секретарю.

Они быстро сработались в Москве. Вскоре тандем Горбачев -Шеварднадзе стал фактически полностью определять внешнеполитический курс страны, постепенно оттесняя на задний план весь остальной состав Политбюро, коллективное мнение которого уже не очень-то спрашивали. Это особенно ясно было видно в последние годы правления Горбачева, вплоть до ухода Шеварднадзе со своего поста в 1990 году. Впрочем, далеко не всегда действия этого „тандема" были достаточно продуманными, и Шеварднадзе сыграл в этом свою негативную роль, хотя в целом он показал себя инициативным министром, правда, чрезмерно торопливым, как, впрочем, и его покровитель Горбачев.

На том же пленуме, на котором был решен вопрос о замене Громыко на посту министра (он оставался еще членом Политбюро до 1988 года, когда ушел на пенсию), избрали двух новых секретарей ЦК: Ельцина, недавнего первого секретаря Свердловского обкома, который должен был заниматься вопросами строительства, и Зайкова, которому поручалось курировать оборонную промышленность (впоследствии он стал главой „тройки", которая в рамках Политбюро занималась вопросами переговоров с США по ядерным и обычным вооружениям; в эту „тройку" входили также Шеварднадзе и министр обороны Соколов, а затем Язов. Поскольку они постоянно

Вот как описывает сам Горбачев в своей последней книге „Жизнь и реформы" предварительный разговор с Громыко о его преемнике: „Громыко рассчитывал выдвинуть на этот пост кого-то из дипломатов. Говорил о Корниенко, назвал и сам же отклонил Воронцова, в то время посла во Франции. Упоминалась и кандидатура Добрынина, хотя он его не жаловал, видимо, понимал, что тот во многом ему не уступает, а может быть и превосходит". Когда же Горбачев назвал кандидатуру Шеварднадзе, то первая реакция Громыко „была близка к шоку".

спорили между собой, Зайков, по поручению Горбачева, должен был их примирять и готовить компромиссную позицию).

В период с августа до встречи в верхах в ноябре своеобразно переплетались в наших отношениях два направления: продолжались разные конфронтационные стычки и пропагандистские обвинения и контробвинения и одновременно велась подготовка к встрече, в которой заметную роль играла переписка между Рейганом и Горбачевым и деятельность обоих министров. Диалог шел пока в общей форме, когда речь касалась ключевых вопросов ядерных и космических вооружений. Конкретных попыток поисков компромиссов по этим вопросам, по существу, не предпринималось. В основном шла как бы „примерка" возможных сценариев встречи и ее организационная подготовка.

Будучи в отпуске в Москве, я впервые познакомился с новым министром. Шеварднадзе произвел на меня неплохое впечатление. Подробно расспрашивал о США, об основных проблемах в наших отношениях. Обратило на себя внимание то, что его интересовали не только сами проблемы, но и возможные пути их решения на базе взаимного компромисса. Как-то получилось, что в разговоре на эту тему я с ним скорее нашел общий язык, чем бывало с Громыко, давно устоявшуюся точку зрения которого было трудно изменить. Понравилось мне и то, что Шеварднадзе не скрывал отсутствия у него дипломатического опыта и охотно задавал разные вопросы, не очень заботясь о так называемом престиже министра. Короче, Шеварднадзе предложил мне поехать вместе с ним (для оказания ему помощи) на конференцию министров иностранных дел стран Европы, США и Канады в Финляндию (с 30 июля по 1 августа), которая отмечала десятую годовщину хельсинкского Заключительного акта.

Шеварднадзе, для которого конференция в Хельсинки была первым дипломатическим крещением, был удивлен выступлением Шульца, содержащим резкие высказывания по поводу „нарушений прав человека в СССР". Сам Шеварднадзе настраивался на более примирительную тональность. „Неужели Вам действительно было нужно произносить такую речь?" - спросил он Шульца при встрече. Министр хорошо понимал, что такого рода публичные выступления госсекретаря только осложняли усилия его и Горбачева, которые добивались в Политбюро одобрения более гибкого курса в отношении администрации Рейгана.

Их личная встреча касалась в основном вопросов подготовки предстоящей встречи Горбачева и Рейгана. По существу самих проблем, разделявших обе стороны, каких-либо изменений в свои известные позиции министры не внесли. Вместе с тем тональность беседы была заметно более миролюбивой, чем при встречах с Громыко. От первой встречи с Шульцем у Шеварднадзе осталось впечатление о госсекретаре, как человеке не очень гибком. Впоследствии, правда, он отдавал должное профессиональным качествам Шульца.

После возвращения в Вашингтон из Москвы, сославшись на поручение Горбачева, я спросил у Шульца, есть ли у администрации какая-либо конкретная концепция по позитивному завершению встречи на высшем уровне, помимо предложения принять на встрече совместную декларацию или заявления по проблеме нераспространения ядерного оружия? Шульц признал, что они еще не готовы к обсуждению этого вопроса.

По поступавшим в посольство неофициальным данным, в госдепартаменте по-настоящему еще не приступали к подготовке встречи. Ждали указаний из Белого дома.

Сенатор Бэрд, касаясь настроений в самом Белом доме, сообщил мне, что сейчас там развертывается активная борьба вокруг центрального вопроса: идти ли на какие-то уступки СССР в вопросе о СОИ в обмен на возможное согласие Горбачева на радикальные сокращения стратегических наступательных сил или нет.

Чем закончится эта борьба, он не берется сейчас предсказывать. По словам сенатора, в ходе этой борьбы противники договоренностей с СССР сводят дело сейчас фактически к пропагандистскому противоборству двух лидеров, в котором на данный момент советский руководитель набрал больше очков, но что Рейган должен приложить все усилия, чтобы „отыграться".

Посол Хартман, который приезжал в эти дни в Вашингтон для консультаций, рассказал мне, что Рейган сейчас, в порядке личной подготовки к встрече, изучает по разным подборкам русскую и советскую историю, старается „полнее понять русскую душу", СССР и мотивы его политики, чтобы быть „на уровне" при встрече с Горбачевым. Президент чуть ли не ежедневно листает иллюстрированные книги об СССР (толстые книги он вообще не любит читать) в дополнение к специально подготовленным для него сжатым официальным материалам. Больше всего он, однако, предпочитает устные доклады, а также рассказы, особенно людей, живших в СССР и тем более встречавшихся с советскими руководителями. Выбор этих собеседников, вскользь заметил Хартман, может показаться спорным, но это уже решение самого президента.

Вместе с тем Хартман признал, что по ключевым вопросам разоружения до сих пор нет разработанных позиций из-за разногласий в самой администрации. Сам президент пока не высказал своего окончательного мнения на этот счет, и когда он это сделает - неизвестно.

Пока Шульц не спеша обсуждал с нами подготовку к встрече, Уайнбергер, не мешкая, двигал программу „звездных войн". 23 сентября он объявил о начале функционирования объединенного космического командования вооруженных сил США. Продолжали сказываться и интервенционистские инстинкты администрации на разных географических направлениях.

Все это вызывало раздражение в Москве. Однако Горбачев не собирался без нужды спорить с Рейганом или ставить под угрозу их встречу. Он предпочитал наращивать свою инициативу.

Шеварднадзе, который прибыл на 40-ю сессию Генеральной Ассамблеи ООН, было поручено передать Рейгану личное послание Горбачева, что и было сделано 27 сентября в Белом доме. В послании Горбачева излагались соображения в связи с намечаемой на ноябрь встречей на высшем уровне в Женеве, а также его новые предложения, касавшиеся женевских переговоров по ядерным и космическим вооружениям.

Новые советские предложения в области ядерных и космических вооружений сводились к следующему.

Во-первых, СССР предлагал США договориться о том, чтобы полностью запретить для обеих сторон ударные космические вооружения и радикально, на 50 процентов, сократить свои достигающие территорию друг друга ядерные вооружения (сокращение до 6 тыс. ядерных зарядов).

Во-вторых, СССР считал возможным заключить соглашения о ядерных средствах средней дальности отдельно, вне непосредственной связи с проблемой космических и стратегических вооружений. При этом, учитывая быстрый рост ядерных потенциалов Франции и Англии, СССР готов был вступить в прямые переговоры с этими странами по вопросам ядерного

оружия в Европе. Сообщалось, что советские ракеты „СС-20", развернутые после июня 1984 года в качестве ответной меры на установку в Европе американских ракет средней дальности, сняты с боевого дежурства; общее число ракет „СС-20", имевшихся у СССР на боевом дежурстве в европейской зоне, равно 243 единицам. СССР полностью снял с вооружения ракеты „СС-5" и продолжает снимать ракеты „СС-4". „Европа теперь вправе ожидать ответного шага США", - говорилось в послании.

Эти предложения, которые вскоре были опубликованы, носили характер поиска компромисса и поставили администрацию США в затруднительное положение. В результате 4 октября представитель Белого дома выступил с раздраженным заявлением о том, что США не намерены „публично" отвечать на советские предложения. На следующий день Уайнбергер вновь заявил, что администрация Рейгана „не может рассматривать СОИ как предмет переговоров с СССР". Шульц же отмалчивался.

Новые предложения Горбачева снова вызвали большие споры внутри администрации. Шульц признавал гибкость и пропагандистские преимущества таких предложений, предлагал ответить в том духе, что существенное сокращение стратегических сил СССР будет оказывать сдерживающее влияние на то, как США в будущем разместят свои стратегические оборонительные системы. Уайнбергер и Пентагон категорически возражали против этого, настаивая на осуществлении СОИ с максимальной скоростью. При этом договор по ПРО они рассматривали как препятствие, которое следовало просто обойти. Рейган не стал пока принимать окончательного решения.

Споры в администрации усилились, особенно по вопросу об интерпретации договора по ПРО от 1972 года. Дело в том, что этот договор имел общепризнанную „ограничительную" (или „узкую") интерпретацию. Ее придерживались все администрации США до Рейгана, а также американский конгресс. Никто против этого не возражал. Однако, когда Рейган объявил о своей программе СОИ, то сразу же возник вопрос о соответствии ее договору ПРО - не выходит ли она за его рамки. Тогда сторонники СОИ в администрации заявили, что эта программа не противоречит указанному договору, ибо у него может быть и „широкая" интерпретация, которая позволяет осуществить программу СОИ.

В этот спор об интерпретации договора втянулись не только Белый дом, Пентагон, госдепартамент и другие правительственные учреждения, но и конгресс, и пресса США.

С участием Шульца и Макфарлейна в начале октября было выработано „соломоново" решение, одобренное Рейганом. Оно сводилось к тому, что с юридической точки зрения „широкое" толкование вполне оправдано, но программа СОИ будет сейчас развиваться в соответствии с традиционной „ограничительной, или узкой" трактовкой.

Противники такого подхода сразу же отметили, что президент получает при этом право в любой удобный для него момент отказаться от такой трактовки. Конгресс поддержал эти возражения и снова подтвердил свое старое ограничительное толкование, отразив это в бюджетных ассигнованиях.

Борьба продолжалась. Европейские союзники в этой связи также забеспокоились за судьбу договора по ПРО. Разумеется, СССР энергично и упорно поддерживал договор в его ограничительной интерпретации.

Наши новые предложения в области ядерных и космических вооружений сильно подкрепили и пропагандистские позиции СССР.

ПРЕЗИДЕНТ
РОНАЛЬД РЕЙГАН

Макфарлейн в неофициальной беседе со мной признался, что, по мнению президента, Горбачев ведет против него „настоящую пропагандистскую войну", надеясь, видимо, через общественное мнение США, и особенно Западной Европы, заставить Рейгана уступить в некоторых наиболее важных вопросах ограничения ядерных вооружений. Президент отдает должное новому советскому лидеру, который в отличие от своих предшественников обладает умением использовать публичную дипломатию против своих иностранных оппонентов, настраивая против них общественное мнение собственных стран. Однако в Москве не должны переоценивать влияние общественного мнения на президента. Он упрям по характеру, и добиться от него уступок таким путем вряд ли удастся.

В целом, чувствовалось, что в Белом доме болезненно воспринимают тот факт, что, пожалуй, впервые столкнулись с ситуацией, когда их начинают бить пропагандистским оружием, которое они считали до сих пор чуть ли не своей монополией.

В начале октября у меня была неофициальная беседа с Бушем за обедом в посольстве. Разговор носил откровенный характер. Чувствовалось, что он уже подумывал о президентстве и не прочь был делать заделы и на советском направлении.

Буш прямо заметил, что твердо намерен добиваться выдвижения своей кандидатуры в президенты от республиканской партии, а затем и избрания в президенты в 1988 году. В этой связи он хотел бы установить более тесные связи с Горбачевым. Последнему, добавил он в шутку, видимо, также небезразлично, с кем придется ему иметь дело в последующие 4 года, а может быть, и 8 лет.

Сам Буш хотел бы поехать в СССР в следующем году в качестве вице-президента и встретиться с Горбачевым. Тем самым он укрепил бы свои шансы на выборах в 1988 году, а во-вторых, постарался бы способствовать достижению в следующем .году какого-то существенного соглашения между СССР и США в области ядерного разоружения.

Говоря откровенно, сказал он, я не вижу возможности такого соглашения на предстоящей встрече в Женеве. Рейган еще не готов к важному соглашению, главным образом из-за своего любимого детища СОИ. Основное в этом вопросе - где провести ту черту, которая разделяла бы то, что можно делать и чего нельзя.

Я отметил, что договор по ПРО позволяет четко провести такую черту.

Все это, возможно, и так, заметил Буш, но Рейган убежден („или дал себя убедить"), что такая черта должна начинаться с размещения (а не с разработки и испытания) соответствующих военных систем.

После некоторых колебаний Буш отметил еще одну черту характера Рейгана: когда он излагает заученную или признанную им (правильно или нет - другой вопрос) идею, которую он намерен рьяно защищать, то он при этом плохо вдумывается в то, что ему говорит оппонент-собеседник. Для этого ему обязательно нужно время.

Вот почему Буш считал, что первая встреча на высшем уровне должна прежде всего заложить в голову Рейгана несколько иные размышления, чем то, с чем он приедет. Короче, потребуется вторая встреча, на которой можно будет договориться о чем-то более существенном, если не будет только каких-то неожиданностей в мире (надо признать, что Буш проявил в этом вопросе прозорливость).

Говоря о своих трудностях, Буш отметил, что, будучи вице-президентом при Рейгане, он в значительной степени потерял в глазах общественности свою собственную индивидуальность, которая ранее делала его вполне приемлемым для людей центра и даже левее от центра. Именно такую индивидуальность хотел обрести Буш в предстоящие год-два, чтобы создать себе более широкую базу в стране. К тому же он, как никто другой, давно был связан с партийной машиной республиканцев на местах. Буш считал, что другие возможные претенденты (Кемп, сенатор Доул и бывший сенатор Бейкер) имели меньше шансов с точки зрения и известности в партии, и международного опыта, и финансовой поддержки.

Буш в конце беседы выразил пожелание, чтобы лично Горбачев знал о сказанном им, конечно без огласки, и надежду, что ему удастся побывать в Москве и обстоятельно побеседовать с советским руководителем.

Я считал, что Буш является перспективным претендентом на пост президента. Об этом я и сообщил Горбачеву.

Перед поездкой в Москву для участия в подготовке к встрече на высшем уровне я встретился с госсекретарем. Шульц сказал, что в Белом доме и госдепартаменте сейчас думают о форме заключительного документа этой встречи (совместное коммюнике или заявление). В осторожной форме он высказал мнение, что, возможно, ему следует поехать в Москву для обсуждения соответствующих вопросов, связанных со встречей, если советская сторона относится к этому положительно.

Одновременно Шульц сообщил состав американской делегации на пленарных заседаниях во время встречи в верхах: Рейган, Шульц, Риган, Мак-фарлейн, Хартман. Кроме того, в зависимости от обсуждаемых вопросов будут присутствовать Нитце или Риджуэй. Запись будут вести Мэтлок или Палмер и Паррис. С каждой стороны за столом будут сидеть, как они предлагают, по 7 человек. На обеде от имени президента и его супруги с американской стороны будут присутствовать Шульц,- Риган, Макфарлейн, Хартман.

Как полагает американская сторона, вначале состоится беседа глав делегаций наедине, тогда же будет произведен обмен памятными подарками.

13 октября Рейган выступил по радио с изложением в общей форме позиции США по вопросам ограничения вооружений. По существу, это был прежний подход. Он утверждал, что США „отстали" от СССР в области стратегических ядерных вооружений и что поэтому необходимо прежде всего „восстановить нарушенное равновесие". Заявления советских руководителей о том, что СССР не осуществляет планов милитаризации космоса, Рейган назвал „опасным обманом". Он вновь обвинил СССР в нарушении заключенных в 70-е годы советско-американских договоров в области ограничения вооружений.

Таким образом, хотя до встречи в Женеве оставалось всего около месяца, взаимные публичные обвинения (особенно с американской стороны) продолжались, сбивая с толку общественное мнение, да и осложняя подготовку к встрече самих руководителей.

По возвращении из Москвы я, естественно, встретился с Шульцем. Он опять уклонился от конкретных высказываний по разоруженческим и космическим вопросам. При этом он в основном уповал „на здравый смысл президента" и „явное желание" последнего „продолжать, а не прерывать диалог с Горбачевым" после их встречи.

ПРЕЗИДЕНТ
РОНАЛЬД РЕЙГАН

На следующий день, 22 октября, я ужинал вдвоем с Макфарлейном у нас в посольстве. Он рассказал, что Рейган начал вплотную готовиться к встрече с Горбачевым. Уже изучил „одиннадцать справок" о советском лидере и его политических взглядах. Было и несколько „репетиций" бесед президента с Генеральным секретарем. Проведен ряд совещаний Совета национальной безопасности, посвященных подготовке к встрече.

Большинство позиций по двум из трех областей уже одобрено (региональные и двусторонние вопросы). Одобрена и часть позиций по вопросам ограничения вооружений, однако важнейшие из них, признался он, продолжают быть предметом оживленной дискуссии и даже крупных споров в руководстве администрации.

Горбачев лично готовит встречу с Рейганом

24 октября на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке выступил президент Рейган. Каких-либо заметных изменений в известном его подходе к Советскому Союзу - в свете предстоящей встречи на высшем уровне - не было. Он по-прежнему обвинял СССР в попытках „расширения сфер тоталитаризма", в нарушении международных соглашений, защищал программу СОИ. Что касается новых советских предложений по вопросам ядерных и космических вооружений, то президент заявил, что они „изучаются".

Шеварднадзе в своем выступлении подчеркнул значение новых советских предложений в области ядерных и космических вооружений, указав, что они предусматривают надежный контроль. Касаясь перспектив предстоящей через месяц встречи на высшем уровне, он выразил надежду, что США займут позицию, которая позволит достичь договоренностей по вопросам, которые обсуждаются в Женеве.

Поскольку Рейган оказался в Нью-Йорке на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, то состоялась встреча между ним и Шеварднадзе. Обмен мнениями под углом зрения предстоящей встречи на высшем уровне не выявил продвижения по существу самих вопросов. Вернувшись в Москву, Шеварднадзе доложил Политбюро, что по-прежнему совершенно неясно, о чем можно будет договориться на встрече в Женеве.

Горбачев решил тогда лично взяться за подготовку встречи с Рейганом. С этой целью он передал через меня приглашение Шульцу приехать в Москву.

Рабочий визит госсекретаря состоялся 4-5 ноября. Его сопровождал Макфарлейн. Горбачев предложил и мне приехать на эту встречу.

5 ноября Горбачев принял Шульца в своем рабочем кабинете на 5-м этаже в здании ЦК. Кабинет был скромно обставлен для деловых встреч и совещаний. Горбачев не захотел принимать Шульца в Кремле, чтобы подчеркнуть тем самым рабочий характер их встречи.

Надо сказать, что Горбачев находился в несколько возбужденном состоянии. За час до встречи с Шульцем он пригласил к себе Шеварднадзе и меня (мы затем в том же составе беседовали с Шульцем и Макфарлейном), чтобы обсудить предстоящую встречу с американскими представителями. Сам Горбачев был заметно раздражен тем обстоятельством, что до встречи с Рейганом оставалось всего две недели, но никакой ясности об основных ее вопросах и о возможном исходе не было. „От американцев слышны лишь общие рассуждения", суммировал он свое недовольство.

Горбачев сказал нам далее, что его не устраивает лишь ознакомительная и протокольная встреча с президентом. Нужно иметь что-то более существенное, чтобы убедить скептиков (в Политбюро) в целесообразности вообще встречи с Рейганом. В то же время публичные выступления президента по-прежнему звучат подчас так, как если бы ничего не изменилось и никакой встречи с ним и не предстоит.

Мы с Шеварднадзе в целом согласились с такой оценкой неудовлетворительного положения дел и посоветовали Горбачеву поглубже „прощупать" Шульца.

Горбачев сказал, что именно это он собирается сделать.

В ходе длительной и непростой беседы Горбачев подчеркнул Шульцу свою основную мысль о том, что советское руководство придает важное значение предстоящей встрече в Женеве и исходит из того, что ее проведение в конструктивном деловом ключе способствовало бы улучшению отношений между обеими странами, стабилизации обстановки в мире. При этом внимание высших руководителей США и СССР должно быть сосредоточено в первую очередь на вопросах безопасности обоих государств, прежде всего на решении центральной задачи, а именно недопущении гонки вооружений в космосе и прекращении ее на Земле.

Какое-то время заняла почти философская дискуссия вокруг „ошибочных иллюзий", которые питают обе страны и их правительства в отношении слабостей друг друга и пытаются их использовать. Горбачев был особенно критичен.

В целом, беседа Горбачева с Шульцем проходила в откровенном духе. Горбачев не скрывал своих эмоций, когда говорил о пользе улучшений отношений между нашими странами и необходимости договоренности в области ядерных и космических вооружений. Особый упор он делал на критике программы СОИ (на мой взгляд, он переигрывал в этом вопросе, лишь укрепляя убежденность Рейгана и Шульца в важности этой программы).

Однако все попытки Горбачева завязать с госсекретарем США конкретный разговор по этим вопросам с целью нащупать возможные области договоренности на предстоящей встрече с Рейганом не увенчались успехом. Шульц в своем обычном стиле, характерном для того периода, предпочитал вести диалог в общем плане, сопровождая его необязывающими высказываниями о важности самой встречи на высшем уровне. Не забыл он упомянуть и о правах человека (Горбачев снова отклонил этот вопрос).

Рассказывая на Политбюро о встрече с Шульцем, разочарованный Горбачев прямо сказал, что ему не удалось „завязать" госсекретаря на предметный разговор по центральным вопросам и что, судя по всему, у того „за душой" вообще не было большого багажа по вопросам предстоящей встречи в верхах.

Эти впечатления Горбачева определили суть директив Политбюро к встрече с Рейганом. Это же позволило Горбачеву настроить членов Политбюро на результаты встречи, которые, возможно, не будут отвечать их ожиданиям, что развязывало ему руки для более свободной беседы с американским президентом.

Напористый Горбачев произвел на Шульца впечатление. Судя по поступавшим затем к нам в посольство сведениям, у Шульца после встречи с Горбачевым появилось тревожное чувство по поводу того, что на встрече в Женеве Горбачев может оказать новый, еще более сильный нажим на

Рейгана по разоруженческим вопросам, а это в пропагандистском плане может поставить американского президента в сложное положение. Подобные сообщения из разных источников стали появляться и в американской прессе. Рейган насторожился.

Узнав об этом, Горбачев в беседе со мной сказал, что он не заинтересован в том, чтобы Рейган - под впечатлением всего этого - вел подготовку к встрече с ним как к большой пропагандистской битве. Наоборот, встреча должна носить, по возможности, взаимно ознакомительный характер. Надо максимально „прощупать" настроения Рейгана, но не доводить дело до конфронтационной тональности, хотя свои позиции и взгляды он намерен, конечно, изложить американскому президенту. Вообще встреча в Женеве -это скорее трамплин для будущего развития новых отношений с Рейганом, чем для достижения конкретных сиюминутных результатов, которых пока будет немного, подчеркнул Горбачев.

Всем этим он и предложил мне руководствоваться в моих контактах с высшими американскими представителями в ходе подготовки встречи. Я, разумеется, так и действовал.

По возвращении я провел „разъяснительную" беседу с Шульцем по прямому поручению Горбачева. Я объяснил ему принципиальный подход Горбачева к встрече. Сказал Шульцу, что в Женеве, естественно, будет проведен с Рейганом достойный разговор, что никто не ставит себе задачу „кого-то загонять в угол" и что нет нужды в полемике только ради полемики, хотя существо основных вопросов будет, разумеется, обсуждаться со всей серьезностью, прямотой и глубиной, как они того заслуживают.

Шульц воспринял все это с заметным удовлетворением и отчасти даже с облегчением. Со своей стороны он рассказал, что подробно доложил президенту, о своей беседе с Горбачевым. Президент задал много вопросов, интересовался содержанием беседы и описанием манеры ведения беседы' Горбачевым.

Рейган сказал при этом Шульцу, что хорошо бы на встрече в Женеве договориться уже о визите Горбачева в Вашингтон в июне следующего года, имея в виду, что затем он, президент, приедет в Москву, где ему давно хотелось побывать.

Я заметил, что проведение встреч на высшем уровне на постоянной и систематической основе, несомненно, было бы полезно для нормализации и развития советско-американских отношений. В Москву я доложил, что официальная договоренность по этому вопросу с Рейганом может - на худой конец - и сама по себе стать неплохим итогом встречи в Женеве.

Мы с Шульцем подробно обсудили ход подготовки к встрече, и, в частности, подписание каких документов могло бы явиться результатом бесед Горбачева и Рейгана. Фактически складывалась такая перспектива, что основным совместным документом встречи должно было стать итоговое коммюнике (заявление), ибо других значительных договоренностей не предвиделось. Условились, что подготовка проекта коммюнике будет продолжена представителями госдепартамента и посольства.

В середине ноября Кендалл рассказал о своем разговоре с Никсоном, с которым Рейган довольно часто беседовал в порядке подготовки к встрече в Женеве. Никсон делился с ним своим опытом.

Бывший президент довольно критически оценивал ход подготовки Рейгана к встрече. Президент плохо знал детали проблем, особенно в области разоружения, и вынужден был полагаться на мнение своих

советников и экспертов. Ближайшее же его окружение (которое должно было сопровождать его в Женеву) ориентировало президента в основном „на философский разговор общего порядка", считая, что на такой почве Рейган „сможет удержать свои позиции и противостоять" советскому руководителю. Вообще многие помощники президента, сказал Никсон, склонны рассматривать встречу в основном как позирование перед фотографами руководителей двух сверхдержав. К этому они подбивали и президента Рейгана.

Никсон недоволен был также тем, что Шульц недостаточно настойчиво давит на президента, чтобы склонить его к поддержке более конструктивных подходов. По мнению Никсона, Шульц ведет себя чересчур осторожно с президентом, хотя и является основным сторонником встречи. Экс-президент уговорил Рейгана не брать с собой Уайнбергера, который даже в Америке стал символом непримиримой вражды к СССР. По его мнению, сейчас имеется „исторический шанс" сделать определенный поворот в отношениях с СССР при новом Генеральном секретаре, но он боится, что этот шанс не будет в должной мере использован Рейганом.

Неожиданное препятствие

В середине ноября на очередной встрече Шульц рассказал о неожиданном препятствии: противники договоренностей в Женеве подсунули Рейгану „аргументацию" против предварительной совместной подготовки заключительного коммюнике, хотя в этом направлении была проведена уже значительная работа. Явно смущенный госсекретарь просил в этой связи передать лично Горбачеву, что президент внимательно ознакомился с результатами проделанной госдепартаментом и советским посольством в Вашингтоне работы по согласованию предварительного текста заключительного коммюнике и считает эту работу полезной и важной. Вместе с тем Рейган заявил, что такой подход - т. е. работа над текстом коммюнике до их встречи - представляется ему в принципе неправильным, ибо эта процедура как бы навязывает руководителям стран мысли, которые они не имели еще возможности обсудить между собой. Поэтому президент считает, что эту работу надо пока прекратить, а затем уж решать по ходу встречи, что делать дальше.

На мой вопрос, а разве министры с санкций своих руководителей не могут провести необходимую подготовительную работу, как это неоднократно с пользой делалось раньше, облегчая тем самым встречу самых главных участников, Шульц ничего вразумительного не ответил, ограничившись повторением ссылки на распоряжение президента.

В Москве, разумеется, были раздражены подобным решением президента, тем более что традиция встреч с другими американскими президентами всегда предусматривала предварительную совместную подготовку заключительного коммюнике. На следующий день я получил указание срочно вновь встретиться с Шульцем. По поручению Москвы я заявил ему, что в последний момент американская сторона, по существу, пошла на попятную, заморозив многое и самое значимое из того, над чем шла совместная работа. При этом я не скрывал, что советское руководство (лично Горбачев) явно неодобрительно восприняло такое решение президента. Однако работу над коммюнике пришлось все же отложить до самой встречи в Женеве.

Шульц сказал также, что Рейган настроен против проведения совместной пресс-конференции, ибо он считает „унижающей достоинство" глав двух сверхдержав картину, когда они „подвергаются допросу орущих и старающихся перекричать друг друга нахальных корреспондентов", как это было на пресс-конференции Горбачева с Миттераном, вызвавшей „негодование" американского президента. Короче, Рейган явно опасался проиграть пропагандистский поединок на совместной пресс-конференции.

Эта беседа с Шульцем состоялась 15 ноября, накануне моего отлета в Москву. Рейган вместе с госсекретарем вылетал на другой день в Женеву на встречу с Горбачевым.

Когда Рейган был уже в пути, газета „Нью-Йорк тайме" (17 ноября) опубликовала полученный ею текст служебного письма Уайнбергера президенту Рейгану, в котором министр обороны настойчиво рекомендовал ему фактически отказаться от любых шагов в сторону разоружения, не давать „обещание продолжать соблюдать положения договора об ОСВ-2" и не идти на уступки в том, что касается программы „звездных войн". Уайнбергер и ему подобные (в частности, директор ЦРУ Кейси) до последнего момента старались торпедировать встречу на высшем уровне.

6. ГОРБАЧЕВ И РЕЙГАН: ВСТРЕЧА В ЖЕНЕВЕ (19 - 21 НОЯБРЯ 1985 ГОДА)

Директивы Политбюро

Надо отметить, что к встрече в Женеве советское руководство и лично Горбачев подходили с немалой долей настороженности, вытекавшей из общей неопределенности по поводу возможных итогов встречи с Рейганом, первой такой встречи за пять лет его президентства, которые отличались открытым антисоветизмом (визит Шульца в Москву не рассеял эти опасения).

Показательна в этом смысле совместная записка МИД, Министерства обороны и КГБ, которая была подготовлена по личному указанию Горбачева и легла в основу обсуждения на специальном заседании Политбюро, посвященном предстоящей встрече в верхах.

Записка представляет определенный исторический интерес с точки зрения оценки в Москве наших отношений тогда с США и с президентом Рейганом.

Привожу основные тезисы записки:

„Главная целевая установка встречи - попытаться найти общий язык с президентом США по ключевому вопросу: готовность строить отношения с СССР на равных, не ставя целью переделать друг друга и не привнося в межгосударственные отношения идеологические различия.

Нет оснований рассчитывать на достижение в ходе встречи сколько-нибудь существенных договоренностей по принципиальным вопросам советско-американских отношений, и особенно по вопросам безопасности. Однако вряд ли отвечало бы нашим интересам (да и американским) разъехаться, крепко разругавшись, что

привело бы к еще большей напряженности в мире со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому было бы, видимо, целесообразно и в определенной мере реально ориентироваться примерно на **следующие оптимальные результаты встречи.**

1. В принципиальном плане самое большое, на что можно рассчитывать, - это согласованное заявление о том, что обе стороны исходят из недопустимости ядерной войны и из того, что в ней не может быть победителей.

2. Твердо придерживаться той линии, что определяющей, превалирующей областью наших отношений с США является **область безопасности,** ядро которой составляет проблема ядерных и космических вооружений в их органической взаимосвязи. Поскольку на запрет космических вооружений Рейган, конечно, не пойдет, целесообразно выразить нашу готовность подвергнуть углубленному рассмотрению и вопрос о научных исследованиях, памятуя, что такие исследования не должны противоречить согласованной цели предотвращения гонки вооружений в космосе и ее прекращения на Земле.

3. Региональные проблемы. С одной стороны, очевидно, не следует переводить обсуждение региональных проблем в плоскость отношений Восток-Запад (в таком случае их решение становилось бы вообще невозможным, кроме как при достижении общего „примирения" между США и СССР). С другой стороны, мы не можем не подтвердить свой принципиальный подход в поддержку национально-освободительной борьбы народов, не предупредить США, что не согласимся с их произвольным толкованием своих „жизненных интересов".

...Какого-либо взаимопонимания по региональной проблематике вообще и относительно урегулирования конкретных ситуаций определенно не получится. Видимо, придется ограничиться договоренностью о том, что начатые нами с американцами двусторонние консультации относительно положения в различных районах мира будут поставлены на более регулярную основу. Это не много, но, идя на такие консультации, американцы волей-неволей признают нашу роль, скажем, в той же Центральной Америке, саму мысль о чем они до последнего времени не могли даже допускать.

4. В области собственно **двусторонних отношений** мы с американцами тоже смотрим на вещи по-разному. У них стратегическая цель: не меняя существа своей нынешней жесткой политики в отношении нас, получить больше возможностей для непосредственного идеологического воздействия на советских людей. Отсюда упор на доступ к телевидению, на широкие молодежные контакты и т. д. Мы, в свою очередь, предложим то, что считаем выгодным для себя (например, исследования термоядерного синтеза). Тем временем по-деловому продолжать переговоры (соглашения об обменах, о воздушном сообщении, о генконсульствах и т. п.), но только на базе взаимоприемлемых соглашений. Получится к моменту встречи - хорошо. Нет - тоже беды не будет. Во всяком случае, идти на односторонние уступки американцам, а они в последнее время явно завышают ставки, незачем.

5. Чем может быть закончена встреча? Если с Рейганом не удастся договориться по конкретным областям даже на вышеизложенной оптимальной основе, встречу целесообразно закончить на ноте обоюдной готовности продолжить диалог, т. е. продолжать переговоры по всему комплексу вопросов.

Следует, очевидно, положительно отнестись и к возможности **последующих встреч на высшем уровне.** Нет причин возражать против того, чтобы в Женеве было заявлено о принципиальной договоренности на этот счет. Что касается конкретных сроков — надо бы оглядеться после Женевы.

Конечно, неплохо бы иметь по итогам встречи какой-то совместный документ. Однако не делать из этого для себя идею фикс. Можно обойтись и без итогового заявления".

ПРЕЗИДЕНТ
РОНАЛЬД РЕЙГАН

Таковы были основные ориентиры к встрече с президентом Рейганом.

Как видим, в Москве не возлагалось больших надежд на конкретные результаты встречи с Рейганом. Главное - установить и поддержать приемлемый контакт на этом уровне.

Записка в целом была одобрена Горбачевым и Политбюро в качестве памятки для бесед с Рейганом. Горбачеву одновременно давалось право действовать на встрече с Рейганом по своему усмотрению с учетом обстановки.

Вспоминая многие встречи на высшем уровне, в которых я принимал участие, должен признать, что первая встреча Горбачева и Рейгана носила достаточно необычный характер.

Так получилось, что к женевскому саммиту не были подготовлены заранее совместные разработки по наиболее существенным аспектам встречи. Например, разрыв в позициях обеих сторон по главному вопросу - о контроле над ядерными вооружениями - оставался настолько большим даже в концептуальном подходе, что он исключал возможность заранее установить какую-либо целенаправленную повестку для обсуждения на встрече этого важного и сложного вопроса. В результате, оба руководителя, в конце концов, по существу, согласились рассматривать эту встречу как в основном ознакомительную и обзорную, как первый шаг в новом для них процессе дальнейшего взаимодействия. Рейган и Горбачев фактически отказались от обсуждения пакета вопросов, подготовленного их профессиональными советниками и помощниками, и вели „свободный разговор".

Думаю, что такой сценарий в той конкретной исторической обстановке, в конечном счете, оказался наилучшим, ибо он не фиксировал тупиковые ситуации, а давал возможность их обсудить, не доводя дело до личных конфронтации. Это было особенно важно при первой встрече двух руководителей.

Встреча в Женеве и ее итоги

18 ноября в 11 часов 45 минут утра на женевский аэродром прибыл самолет Горбачева. Его встречал президент Швейцарии К.Фурглер.

19 ноября начались переговоры Горбачева и Рейгана. Это была четырнадцатая встреча на высшем уровне, в которой участвовали советские и американские лидеры (считая со встречи в Тегеране в 1943 году Сталина, Рузвельта и Черчилля).

Горбачеву было 54 года, а Рейгану - 74 года. Один лишь начинал свою карьеру в качестве руководителя Советского Союза, стремился укрепить свои позиции в стране, демонстрируя подчас нестандартный подход к проблемам внутренней и внешней политики. Другой — ветеран-антикоммунист, в зените своей президентской славы, впервые согласившийся на встречу с лидером „империи зла".

У них, по существу, был общий подход к встрече: оба исходили из наличия глубоких разногласий между СССР и США, но в то же время надеялись, что им удастся в Женеве дать какой-то „свежий старт" отношениям между их странами и правительствами. Была у них и еще одна общая черта: оба верили в свою глубокую индивидуальность и свою способность убеждать других, причем возлагали большие надежды на беседы наедине. Несмотря на присущую обоим самоуверенность, они все же

нервничали, понимая ответственность встречи. И, конечно, каждый из них, по своим собственным причинам, хотел в любом случае закончить встречу так, чтобы она не была расценена как неудача.

Все это накладывало отпечаток на их поведение. Решено было провести несколько бесед один на один, для того чтобы максимально исключить из встречи официальный, формальный характер. Состоялись также переговоры делегаций на высшем уровне в полном составе.

С самого начала Рейган продемонстрировал свою уникальную способность выставить себя в благоприятном свете, играя на публику. Первая встреча проходила в американской резиденции.

Утро выдалось холодное, и с Женевского озера дул ветер. Горбачев был в осеннем пальто и меховой шапке. Когда он подъехал к резиденции Рейгана, то тот вышел его встречать в одном костюме, без пальто и шляпы. На опубликованных многочисленных фотоснимках президент США выглядел энергичным, моложавым и физически крепким по сравнению с тепло одетым Горбачевым. Разница в их годах совсем не чувствовалась. Как позже стало известно из окружения Рейгана, он ожидал Горбачева в прихожей, также одетый в осеннее пальто. Но когда он в окно увидел Горбачева в зимнем облачении, то быстро сбросил с себя пальто и вышел встречать советского лидера в костюме. Сработал инстинкт Рейгана в плане „паблисити". Горбачев это быстро учел, и когда американский президент приехал в нашу резиденцию, то он также встретил его в одном костюме.

Наиболее сложным и трудным, как и ожидалось, был разговор относительно программы „звездных войн" и сокращения ядерных вооружений. После первого раунда напряженных переговоров с участием обеих делегаций оба руководителя решили встретиться вдвоем в павильоне с камином на берегу озера. Рейган вручил Горбачеву документ, в котором излагались основные пункты возможной договоренности по вопросу о контроле над вооружениями. Они включали: во-первых, 50-процентное сокращение стратегических наступательных сил (Горбачев подтвердил свое согласие на это); во-вторых, промежуточное соглашение по сокращению ядерных ракет средней дальности в Европе, имея в виду их конечную ликвидацию (у Горбачева были вопросы в этой связи, в частности, в отношении того, учитывались ли при этом английские и французские ракеты, а также ядерное оружие воздушного базирования); в-третьих, наиболее спорный пункт - в предложенной Рейганом формулировке обходился вопрос о соответствии программы СОИ договору по ПРО (т. е. оставался открытым вопрос об „ограничительном" или „широком" толковании договора по ПРО); одновременно косвенно как бы подразумевалось согласие советской стороны с принципами СОИ и даже возможность „сотрудничества" в этой „оборонительной программе".

По этому пункту разгорелась основная дискуссия у камина, продолжавшаяся целый час. Почувствовав, что оказались в тупике, они договорились не обострять обстановку и вернуться в дом. По дороге Рейган спросил Горбачева, а почему бы им не провести следующую встречу в США? Горбачев тут же согласился, предложив со своей стороны провести третью встречу в СССР. Рейган с удовольствием принял такой порядок дальнейших встреч. Оба они были готовы к этому разговору. Это был один из редких случаев, когда сработал конфиденциальный канал: Рейган заранее до встречи в Женеве дал знать Горбачеву о возможности такой

договоренности. Большинство же участников с обеих сторон не знало об этом и поэтому с немалым удивлением, но одновременно и с удовлетворением встретило известие о быстром согласии Рейгана и Горбачева провести в будущем еще две встречи в обеих столицах, независимо даже от исхода этой, еще не закончившейся встречи. Такое важное согласие свидетельствовало о главном: о решимости обоих лидеров продолжать и развивать диалог, искать пути к выправлению отношений между обеими странами.

На следующий день, 20 ноября, уже в присутствии обеих делегаций Горбачев и Рейган продолжили диспут по космическим вооружениям. Рейган выступил с эмоциональной защитой программы СОИ. Горбачев критиковал эту программу. Затем после жаркой дискуссии и последовавшего длительного молчания с обеих сторон он примирительно сказал: „Господин президент, я не согласен с Вами, но я вижу, что Вы действительно искренне так думаете".

В общем, как и ожидалось, договориться в Женеве по вопросам космических и ядерных вооружений не удалось.

Обсуждались и другие проблемы. Непростым был разговор о региональных конфликтах и о правах человека. Впрочем, эти вопросы, как и некоторые другие, из-за недостатка времени заняли подчиненное место. Был и такой нюанс: зная заранее „аллергию" Рейгана на детали, предупрежденный нами Горбачев не очень нажимал на них.

Серьезные разногласия вызвала подготовка итогового заявления. Резкое столкновение произошло при этом между Шульцем и Корниенко, первым заместителем Шеварднадзе (последний не был активен на встрече в Женеве). Ввиду этого потребовалось дополнительное ночное заседание до 4 часов утра основных дипломатических сотрудников с обеих сторон. В конце концов рано утром, за несколько часов до заключительной беседы президента с Генеральным секретарем был все же найден компромисс, и то лишь после личного примирительного вмешательства Горбачева (Рейган не принимал во всем этом участия).

Получился в целом неплохой документ - первый такого рода за все время президентства Рейгана. Можно было даже считать, что наша программа-минимум, заложенная в директивах Горбачеву, оказалась выполненной. В совместном советско-американском итоговом заявлении, явившемся тогда крупным политическим документом, указывалось, что ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей. Обе стороны подчеркивали важность предотвращения любой войны между ними - ядерной и обычной - и заявляли, что не будут стремиться к достижению военного превосходства.

Правда, Горбачев при этом сделал неожиданный жест, дав согласие на включение в текст заявления фразы „в пользу решения гуманитарных вопросов в духе сотрудничества". Так мы впервые в совместном документе с США дали осторожно зеленый свет в отношении давнего спорного вопроса о правах человека.

Вопросы ядерного разоружения в итоговом заявлении не затрагивались. По существу, игнорировался и вопрос о СОИ ввиду коренных разногласий по нему. Сам Горбачев считал, что упрямая приверженность Рейгана этому своему детищу блокировала продвижение к сокращениям стратегических наступательных вооружений. Однако он упорно надеялся, что со временем ему удастся все же преодолеть или как-то ослабить эту идею фикс

американского президента. Впрочем, их следующая встреча в Рейкьявике показала, что сделать это далеко не просто.

Я думаю, что Горбачев в этот момент делал излишне сильный упор на военно-космические исследования в США, требуя их прекращения в качестве обязательного условия продуктивности встречи в Женеве, а затем в Рейкьявике (а ведь можно было тактически предложить продолжить переговоры на эту тему и после Женевы, фиксируя договоренность по сокращению стратегических вооружений). Здесь мы загоняли себя в тупик, из которого потом нам же пришлось искать выход.

Хотя каких-либо крупных соглашений, особенно в области ограничения вооружений, и не было достигнуто, сама встреча, несколько обстоятельных бесед по различным аспектам советско-американских отношений и международного положения, совместное итоговое заявление, а также договоренность о дальнейших встречах явились серьезным продвижением прежде всего в такой области, как установление первого за пять лет президентства Рейгана личного контакта на высшем уровне.

Был преодолен известный психологический барьер - прежде всего для самого Рейгана - в том смысле, что с советским руководством и „империей зла" можно все же вести прямые деловые переговоры и даже совместно искать пути решения тех или иных спорных проблем. Это закладывало определенный фундамент для дальнейшего продвижения советско-американских отношений, хотя и не упрощало все еще сложное состояние этих отношений.

В целом первую встречу Горбачева и Рейгана можно было считать успешной. Она не была еще стратегическим прорывом, но морально-политическую пользу, несомненно, принесла. Она проложила дорогу к последующим их встречам. Наблюдая за обоими лидерами, я сделал для себя вывод: они нашли нужную тональность в личном общении.

Когда мы возвращались домой, Горбачев сказал в самолете, что Рейган производит впечатление сложного и противоречивого человека, порой, видимо, искреннего (когда он защищал СОИ), а порой упорно повторяющего пропагандистские догмы. Но в личном плане с ним все же можно установить контакт. Он не безнадежен, как считают некоторые. С ним надо и дальше работать.

Сам Рейган, судя по высказыванию его ближайшего окружения, также позитивно оценивал нового советского лидера, который, по его мнению, существенно отличался от всех своих предшественников. Накануне второго обеда в Женеве с Горбачевым Рейган советовался со своими помощниками: не пора ли ему с Горбачевым называть друг друга по имени (Михаил и Рони), но осторожные помощники предложили немного подождать.

В Москве результаты встречи в Женеве были обсуждены на специальном заседании Политбюро. Горбачев с видимым удовлетворением изложил свои переговоры с Рейганом и свои личные впечатления о нем (как-никак эта была вообще первая встреча с известным „антисоветским" президентом США за последние пять лет). После обсуждения доклада Политбюро отметило позитивное значение этой встречи и приняло решение продолжить усилия по развитию наших отношений с президентом Рейганом с целью достижения з дальнейшем конкретных договоренностей с США.

У Горбачева в тот момент не было целостной внешнеполитической программы или конкретной разработки отношений с США в вопросах

безопасности. Главное - Женева позволила взять курс на практическое взаимодействие с Рейганом, что привело в дальнейшем к изменениям в советско-американских отношениях. Важным было и обоюдное понимание после первой встречи, что нельзя позволять „духу Женевы" испариться и что надо что-то делать и дальше.

После встречи в Женеве. Обсуждается вопрос о новой встрече

3 декабря посол Хартман передал в МИД личное письмо Рейгана Горбачеву. Все письмо было написано президентом от руки, как бы подчеркивая его особую доверительность.

„Теперь, когда мы оба вернулись домой, - говорилось в начале письма, -и думаем о том, как вывести наши страны на путь более конструктивных отношений, мне захотелось сразу же поделиться с Вами своими первыми мыслями о наших беседах. Несколько мыслей мне хотелось бы передать Вам в сугубо личном и частном порядке.

Во-первых, хочу сказать, что наши беседы, по моему мнению, были очень ценными. Мы договорились беседовать откровенно, так и поступили. Благодаря такому откровенному обмену мнениями, я лучше понимаю Ваши взгляды. Безусловно, по очень многим вопросам у нас разногласия, и очень серьезные. Но если я Вас правильно понимаю, Вы также намерены принять меры, направленные на обеспечение мирных взаимоотношений между нашими странами. Если это так, то по этому вопросу у нас полное согласие, а это, в конце концов, самый важный из всех вопросов".

Что касается упомянутых им „существенных разногласий", то Рейган остановился на „двух из ключевых вопросов". Как бы продолжая дискуссию в Женеве, президент вновь приводил свои аргументы в пользу стратегической обороны и ее связи с сокращением наступательных ядерных вооружений.

Другим ключевым вопросом Рейган назвал региональные конфликты. „США не считают, что СССР виновен во всем зле в мире. Мы считаем, однако, что Ваша страна использует и углубляет местную напряженность и конфликты путем придания им вооруженного характера. Хотя обе наши страны будут, безусловно, и дальше поддерживать своих друзей, мы должны найти способ делать это без применения оружия".

В заключение президент нашел приватные беседы с Горбачевым в Женеве особенно полезными. „У нас есть советники и помощники, но ведь, в конечном счете, ответственность за сохранение мира и расширение сотрудничества лежит на нас. Наши народы ожидают от нас руководства, и никто, кроме нас, не может его дать".

В этом письме Рейган официально приглашал Горбачева нанести визит в США во второй половине 1986 года.

Тем временем мы с Шульцем обсудили итоги встречи на высшем уровне. Госсекретарь был в хорошем настроении. Говорил он необычно раскованно. Сообщил об их общей позитивной оценке этой встречи и о неплохих перспективах дальнейшего развития советско-американских отношений.

Шульц высказал сугубо неофициально свою личную точку зрения насчет того, что Рейган прошел, фигурально говоря, через своеобразный „процесс просвещения".

Если раньше, продолжал Шульц, президент Рейган воспринимал почти все заявления советских лидеров как сугубо пропагандистские и даже призванные порой лишь ввести в заблуждение Запад, то теперь - после личных бесед с Горбачевым - президент стал признавать, что у советского руководителя могут быть и есть свои собственные убеждения. Для Рейгана такое признание, заметил Шульц, немалый шаг вперед.

Весьма полезно было также, что в течение почти пяти часов, когда они беседовали наедине, президент выслушал из „первоисточника" красноречивое объяснение советских мотивов и намерений, и, хотя во многом он остался не согласен, Рейган фактически стал признавать право на существование других точек зрения, а не просто отмахиваться от них, как он часто делал в прошлом.

Одним из полезных уроков Женевы для Рейгана, сказал далее госсекретарь, было то, что он убедился в целесообразности и необходимости заблаговременной подготовки совместного итогового документа советско-американской встречи.

Далее разговор зашел о Пойндекстере, новом помощнике президента по национальной безопасности, который заменил на этом посту Макфарлейна. Шульц дал ему хорошую, хотя и своеобразную характеристику. Пойндекстер основательно знает военные вопросы, неплохо разбирается в разных кризисных ситуациях. Его главная отличительная черта: исключительная точность материалов предлагаемых президенту без привнесения в них своей точки зрения. В этом смысле Шульц был уверен, что все его бумаги, адресованные президенту, будут теперь излагаться так, как они есть, без „посторонних фантазий" или сбивающих президента „побочных мнений" (чувствовалось, что Шульц немало натерпелся на этот счет).

25 декабря я передал в Белый дом ответное личное послание Горбачева Рейгану (сам Рейган с основными помощниками был в это время в Калифорнии).

Меня радует, писал Горбачев, что в Женеве мы начали - и по существу и по духу - прямой, откровенный разговор. Я придаю особое значение тому, что нам удалось преодолеть серьезный психологический барьер, который долгое время мешал наладить диалог, достойный руководителей СССР и США.

Далее он подчеркивал, что им с президентом в первую очередь следует взять на себя задачу по развязыванию узла, затянувшегося вокруг вопросов ядерных и космических вооружений. „Хочу повторить то, что я уже говорил Вам в Женеве. СССР просто не может пойти и не пойдет в условиях реализации в США программы СОИ на сокращение ядерных вооружений в ущерб своей безопасности. Волей-неволей мы будем вынуждены развивать и совершенствовать стратегические ядерные силы, повышать их способность к нейтрализации американского „космического щита..." Уверен, единственно разумный выход - не делать всего этого".

Горбачев - в порядке реакции на высказывание Рейгана - кратко коснулся вопроса о региональных конкретных конфликтах. „Буду откровенен: то, что делается Соединенными Штатами в последнее время, настораживает. Похоже, что крен делается как раз в сторону дальнейшего обострения региональных проблем".

В заключение Горбачев выражал надежду, что президент отнесется к его письму как к еще одной „беседе у камина". „Хотелось бы не только сохранить настрой таких наших женевских встреч, - подчеркивал он, - но и

развивать дальше наш с Вами диалог. На нашу переписку я смотрю как на важнейший канал подготовки нашей новой встречи".

Вопрос о новой встрече оставался основным лейтмотивом личной переписки Горбачева и Рейгана в 1986 году.

26 декабря президент Рейган позвонил мне из Калифорнии. Он сказал, что хотел бы лично поблагодарить за мое письмо с поздравлениями и добрыми пожеланиями ему по случаю Нового года.

Заметив далее, что он разделяет высказанную в моем письме надежду на улучшение советско-американских отношений в свете встречи в Женеве, и сказав в этой связи несколько лестных слов в мой адрес, Рейган заявил, что я, как посол, могу рассчитывать на его личную поддержку в ходе работы здесь по подготовке к новой встрече на высшем уровне. Он придает этой встрече большое значение.

На этом внешне довольно оптимистическом разговоре с президентом закончился 1985 год, последний год моего длительного пребывания на посту посла в США. Оставалось еще, однако, немало препятствий и трудностей на путях стабилизации и нормализации советско-американских отношений.

7. „ДУХ ЖЕНЕВЫ" ЕЩЕ ЗЫБОК: КАК БУДУТ РАЗВИВАТЬСЯ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ?

Советско-американские отношения вышли в 1986 году на новый рубеж борьбы за ограничение и сокращение ядерных вооружений. Высшей точкой этого процесса стала встреча Горбачева и Рейгана в Рейкьявике, определившая магистральные пути и показавшая реальную возможность кардинального решения проблем ядерного разоружения и предотвращения милитаризации космоса. В то же время Рейкьявик показал и другое, насколько политическое руководство США остается еще во власти старого мышления, хотя во взглядах Рейгана в указанной области и начался процесс их переосмысления. В Москве также шла подспудная борьба старых и новых направлений в политике, особенно в области контроля над ядерными и обычными вооружениями. Все это помешало достижению исторической договоренности на самой встрече, а позже толкало США и Запад в целом к рецидивам политики с позиции силы.

В целом же логика событий вынуждала обе стороны к продолжению взаимодействия. Объективные факторы внутреннего и внешнего порядка, которые уже ранее привели обоих лидеров на встречу в Женеве и которые получили дальнейшее развитие после нее, обусловливали заинтересованность Вашингтона и Москвы в новых встречах и других формах поддержания политического диалога между ними: двусторонних контактов и переговоров. Все возрастающую роль во всем этом играл динамизм нового мышления в мировой политике в ракетно-ядерный век, и в первую очередь в советско-американских отношениях.

Неплохим обнадеживающим сигналом для наших отношений явилось то, что Горбачев и Рейган 1 января „обменялись" новогодними телевизионными обращениями, соответственно к американскому и советскому народам. Инициатива принадлежала Рейгану. Горбачев, не колеблясь, сразу согласился. Но с его стороны это было одновременно и символическим жестом нового мышления: „главному империалисту" впервые разрешили обратиться прямо к народу „империи зла".

Этот первый публичный диалог обоих руководителей привлек внимание широкой общественности, хотя по-прежнему оставалось много неясного в отношении того, как будут дальше развиваться советско-американские' отношения. „Дух Женевы" еще был зыбок.

8 января госсекретарь Шульц пригласил меня на беседу. (На ней присутствовали также Палмер, Пэррис и наши посланники Соколов и Исаков.)

Госсекретарь начал беседу с того, что за час до этой нашей с ним первой встречи в новом году он разговаривал с президентом. Обсуждали „дальнейший график движения в советско-американских отношениях". Оба они - и президент, и госсекретарь - исходят из того, что это движение надо продолжать, в том числе и путем достаточно частых личных встреч между руководителями обеих стран и их ответственными представителями. Динамика наших отношений подвержена известному затуханию, поскольку наслаиваются другие события, другие факторы, одни из которых могут не нравиться Советскому Союзу, другие - США. А в результате может пострадать дело улучшения отношений, то главное, о чем президент и Горбачев договорились в Женеве.

Поэтому, сказал Шульц, президент считает важным,, чтобы, по возможности, в ближайшее время условиться о сроках новой встречи, которая на этот раз будет проходить в США. Он предлагает провести встречу в июне. Президент просит сообщить это Горбачеву.

Однако на этот раз Горбачева явно не устраивала договоренность только о встрече без определенной повестки дня. Поэтому он еще несколько месяцев тянул с согласованием даты и месте новой встречи.

Надо сказать, что к тому времени - чувствуя новое веяние - первый заместитель министра иностранных дел Корниенко совместно с начальником Генерального штаба маршалом Ахромеевым по инициативе последнего, без особой огласки, исподволь прикидывали возможную широкую программу ядерного разоружения. Любопытно, что первоначально „большое начальство", включая министра Громыко (затем Шеварднадзе) и министра обороны, ничего не знало об этих рабочих заготовках.

Не знал об этом и Горбачев, когда встречался с Рейганом в Женеве. Лишь после Женевы начальник Генштаба доложил этот материал своему министру Соколову, который послал его Горбачеву (он был на отдыхе вне Москвы). Доложили его и Шеварднадзе. Последний вроде положительно отнесся к этим разработкам, но колебался, не зная, как воспримет все это Горбачев. Лишь после того как он с энтузиазмом одобрил эту идею, она была подробно доработана и утверждена на Политбюро. Правда, утверждение такой программы проходило нелегко. Горбачеву пришлось приложить немало усилий, чтобы многие его коллеги по руководству осознали простую, но весьма непривычную для них мысль о том, что безопасность обеих стран может быть лучше обеспечена при гораздо меньших уровнях ядерных вооружений.

ПРЕЗИДЕНТ
РОНАЛЬД РЕЙГАН

Программа ядерного разоружения до 2000 года

Утром 15 января я встретился с Шульцем и передал ему срочное личное послание Горбачева для Рейгана. Я понимал, что это послание, содержавшее новую программу по разоружению, по своему значению явно выделялось из всей предыдущей переписки между обоими руководителями по разоруженческим проблемам. Я постарался довести эту мысль до Шульца.

В послании Горбачева, в частности, говорилось: „После нашей встречи в Женеве, где мы условились, что вопросы безопасности являются центральными для наших отношений, я внимательно обдумывал пути реализации тех принципиальных решений, которые были приняты в результате нашей встречи... В совместном документе мы четко высказались за предотвращение ядерной, а также обычной войны между нашими странами, подтвердили взаимную готовность следовать по пути политики, исключающей стремление к военному превосходству... Давайте договоримся о поэтапной программе, которая привела бы к полному и повсеместному ядерному разоружению уже к началу следующего столетия".

Далее Горбачев подробно излагал „программу ядерного, разоружения до 2000 года", получившую впоследствии широкую известность.

Программа представляла собой трехэтапный календарный порядок сокращения ядерных вооружений, как носителей, так и боезарядов, вплоть до их полной ликвидации. Она достаточно детально касалась как стратегического, так и тактического ядерного оружия с одновременным запретом ударных космических вооружений. Учитывался и вопрос о сокращении обычных вооружений.

Программа от 15 января 1986 года была, по существу, первой масштабной реалистической советской инициативой в области разоружения, предусматривающей широкий охват и взвешенные конкретные предложения по срокам. При этом во многом учитывались и последние американские предложения по разоружению. Проглядывалась практическая база для возможного компромисса, хотя для достижения соглашений требовались, разумеется, соответствующие переговоры.

На Шульца эта программа, чувствовалось, произвела впечатление. Госсекретарь задавал разные вопросы, но от своих высказываний по существу вопроса он, как всегда, воздержался. Явно торопился срочно получить оценки экспертов и доложить Рейгану послание Горбачева.

Несколькими часами позже в тот же день Горбачев публично выступил с соответствующим заявлением. В нем указывалось, что Советский Союз предлагает, действуя поэтапно, осуществить и завершить „процесс освобождения Земли от ядерного оружия" в течение ближайших 15 лет, до конца нынешнего столетия.

Хотя программа, объявленная Горбачевым, несла немалый пропагандистский заряд, правительство США не могло просто отмахнуться от нее. В программе впервые советская сторона давала согласие на далеко идущие сокращения стратегических ядерных наступательных вооружений, на чем давно настаивал сам Рейган. Это не могли не понимать руководители американской внешней политики.

В ответе на один из настойчивых вопросов на следующий день по поводу предложений Горбачева Рейган выразил удовлетворение тем, что впервые предложено действительное уничтожение ядерного оружия. В детали он не входил, так как чувствовалось, что он в них еще не определилися.

Через пару дней Кендалл рассказал мне о своей беседе с Риганом, руководителем аппарата Белого дома. Риган признал, что новая советская программа застала всех в администрации врасплох. Американское посольство в Москве твердило президенту, что Горбачев сейчас полностью переключился на подготовку к съезду партии. Поэтому Белый дом вынужден собраться с мыслями и дать ответ Горбачеву. Его предложения конкретны и в ряде случаев внешне близки к предложениям, которые раньше высказывал сам президент. Поэтому игнорировать их как пропаганду не получается.

Короче, администрация Рейгана неожиданно столкнулась с более активной и более изобретательной советской внешней политикой, чем это было до сих пор. Начиналась настоящая дипломатическая борьба широкого масштаба между Москвой и Вашингтоном по важнейшим вопросам ядерного разоружения. На этот раз дипломатические и пропагандистские усилия СССР подкрепились серьезными конкретными и далеко идущими предложениями. Инициатива в этих вопросах переходила к Москве.

Я передал также председателю сената Тэрмонду (как и спикеру палаты представителей О'Нилу) обращение Верховного Совета СССР к конгрессу США в связи с выдвинутой нами программой ликвидации ядерного оружия к 2000 году. „Лично у меня, - сказал Тэрмонд, - крепнет надежда, что при всех различиях между нашими странами Америка и Россия могут договориться о мире и разоружении, а их слово будет решающим для всего мира. Пора уже по-серьезному взяться за это".

Слова эти отражали те процессы, которые исподволь развивались в общественном сознании Америки. Тэрмонд принадлежал к право-консервативным кругам южан, известным своим антисоветизмом. На этот раз даже он пригласил нескольких корреспондентов из своего родного штата, чтобы отметить свою первую встречу с советским послом, а затем прислал мне фотографию и благожелательные отклики на это событие в газетах своего штата, что также было необычным явлением.

Через несколько дней в своем все еще уклончивом публичном ответе на заявление Горбачева президент Рейган, в частности, обещал вместе с союзниками „тщательно изучить" его предложения. Он указал, что во многих элементах программы Горбачева излагаются уже известные позиции СССР, но признал, что в ней есть и другие „элементы, которые, как кажется на первый взгляд, могут быть конструктивными". Одновременно он заявил, что американской делегации в Женеве поручено претворить в жизнь договоренность, достигнутую на женевской встрече на высшем уровне, чтобы добиться прогресса в деле достижения радикальных сокращений наступательных ядерных вооружений, и, в частности, заключения временного соглашения о ядерных средствах средней дальности. Именно на этих двух вопросах из всего „пакета Горбачева" администрация стремилась сосредоточить внимание общественности.

Через день Уайнбергер, выступая в своем обычном амплуа, публично отклонил предложение Горбачева о моратории на ядерные взрывы.

А в Женеве, когда 4 марта завершился очередной, четвертый, раунд советско-американских переговоров по ядерным и космическим вооружениям, главы обеих делегаций возложили друг на друга вину за отсутствие прогресса на переговорах. История повторялась.

Представители демократической партии стали тем временем проявлять обеспокоенность - в преддверии промежуточных выборов в конгресс - по

поводу того, что Рейган начинал обходить их на советском направлении, лишая их пропагандистски удобного лозунга о необходимости предотвращения угрозы войны. С целью разведки настроений в Москве туда решил отправиться сенатор Э.Кеннеди. Перед отлетом он зашел ко мне.

Кеннеди, хотя и в осторожной форме, высказал ряд критических замечаний по адресу нашей политики в отношении Рейгана. Эта политика, особенно встреча на высшем уровне в Женеве, способствовала, по его мнению, резкому росту популярности Рейгана в самих США, сняла сильную озабоченность американцев насчет угрозы ядерной конфронтации, уменьшила активность антивоенных организаций и нейтрализовала критиков президента в конгрессе и в самой стране. В то же время Рейган не поступился ни одной своей программой вооружений. Наоборот, он продолжает упорно требовать их наращивания как эффективного средства заставить русских оставаться за столом переговоров. Даже на такой начальный минимальный шаг, как принятие моратория на ядерные взрывы, Рейган явно не хочет идти.

Сенатор заметил, что такие настроения разделяют многие в либеральных кругах США, в том числе часть членов американского конгресса.

Тем временем Шульц выразил желание встретиться со мной наедине. Надо сказать, что госсекретарь в отличие от своих предшественников обычно встречался со мной в присутствии своих сотрудников. На этот раз он, с ведома президента, хотел использовать конфиденциальный канал „госсекретарь - советский посол" для передачи Горбачеву некоторых соображений. Они сводились к следующему.

Президент хотел бы, чтобы Горбачев знал, что отсутствие до сих пор ответа на его последнее послание от 15 января не означает, что оно оставлено им без дальнейшего внимания.

Президент видит в предложениях советского руководителя ряд позитивных моментов. В своем ответе он хочет их развить, имея в виду поиск в дальнейшем каких-то договоренностей.

В общей форме Шульц изложил далее принципиальный подход США к программе Горбачева. Этот подход был одобрен Рейганом, видимо, не без острой борьбы внутри администрации. Суть их подхода: не отклоняя прямо эту программу, администрация хотела выделить из нее наиболее привлекательные для себя части, оговаривая при этом, что это не должно увязываться с другими частями программы. Можно было понять также, что наиболее „назревшей проблемой" отдельным вопросом, по их мнению, была ликвидация ракет средней дальности в Европе.

Ничего более конкретного Шульц, несмотря на мои уточняющие вопросы, не стал говорить. Меня порой удивляла неспособность или, скорее, нежелание госсекретаря Шульца хотя бы „порассуждать вслух" на подобные темы, чтобы прощупать возможные компромиссные развязки. Чувствовалось, что в администрации Рейгана существовала жесткая дисциплина не говорить ничего лишнего, сверх того, что было уже санкционировано самим президентом.

Посол Хартман передал 22 февраля в Москве письмо Рейгана для Горбачева в ответ на письмо советского руководителя, в котором излагалась поэтапная программа ядерного разоружения.

„Я считаю, - писал Рейган, - что она представляет собой значительный и позитивный шаг вперед". Далее следовали его собственные соображения и контрпредложения в рамках известных. американских позиций. Он особо

выделил и приветствовал предложение Горбачева договориться о ликвидации ядерных ракет средней дальности на Европейском континенте, но при этом подчеркнул, чтобы в соглашение были включены и аналогичные советские ракеты в Азии. Сокращение стратегических ядерных арсеналов президент фактически обусловливал согласием СССР с программой „звездных войн", односторонними сокращениями советских обычных вооружений. Проведение ядерных испытаний оправдывалось как „элемент сдерживания".

В конце письма президент писал: „Мы надеемся, что нынешний год принесет значительный прогресс в достижении нашей общей цели -установления лучших взаимоотношений между нашими двумя странами и обеспечения более безопасного мира".

Так начался новый политико-дипломатический раунд между Горбачевым и Рейганом по вопросу о том, какие проблемы, прежде всего в области ядерных дел, должны занять центральное место на новой встрече и как их надо решать. Показательно, однако, что и вторая встреча с Рейганом, как и их первая, в отличие от всех таких встреч с другими президентами .по-прежнему не имела никаких заранее подготовленных соглашений, которые можно было бы подписать по окончании переговоров. По существу, оба участника новой встречи шли на нее с „чистыми листами", которые предстояло еще, если удастся, заполнить.

Характерно вместе с тем, что администрация Рейгана как бы по инерции продолжала осложнять наши двусторонние отношения,.

Так, например, администрация (7 марта) решила потребовать значительного сокращения численного персонала советской миссии при ООН. 13 марта была предпринята военно-морская демонстрация США у самых берегов Крыма, т. е. всего через три месяца после встречи в Женеве. Все это вызывало раздражение и критику в Москве. Время от времени вспыхивала антисоветская риторика со стороны видных представителей администрации. В целом чувствовалась общая неустойчивость и непоследовательность политики Белого дома в отношении СССР.

Дело стало доходить и до более серьезных вещей. В отсутствие конкретной договоренности о дате следующей советско-американской встречи и под непрерывным нажимом Уайнбергера и его сторонников Рейган объявил 27 мая, что он фактически не будет больше придерживаться уровней стратегических вооружений, установленных договором об ОСВ-2, если это мешает реализации военных программ США.

Не только Советский Союз, но и в конгрессе США, и европейские союзники резко критиковали это решение. Дисциплинированный Шульц, который за кулисами выступал против такого шага, после заявления Рейгана стал также публично поддерживать это решение. Казалось, что все опять скатывается на путь усиления противоборства...

Мое новое назначение

В начале марта 1986 года я уехал в Москву на XXVII съезд КПСС, который совершенно неожиданно для меня внес кардинальную перемену в мою жизнь и в работу. Произошло это так.

Съезд, продолжавшийся около двух недель, шел привычным для меня ходом (я и раньше бывал делегатом партийных форумов). В перерывах

между заседаниями бывал в Министерстве иностранных дел и навещал другие министерства для решения накопившихся вопросов. Немало было и личных встреч с друзьями. Встречался также с высокопоставленными руководителями партии и правительства, которых интересовали „последние известия из Америки". Для меня такие встречи были весьма полезными, так как позволяли лучше ориентироваться в настроениях и планах на будущее в руководящих кругах Советского Союза, что было немаловажно для повседневной работы в качестве посла в далеком Вашингтоне.

Съезд подходил к концу. Я начал, как обычно, готовиться к возвращению в Вашингтон. Наступил последний день съезда. Был избран состав ЦК партии. Затем должен был состояться пленум ЦК, на котором намечались выборы руководящих органов партии: Политбюро и Секретариата. В перерыве перед этим заседанием я решил прогуляться по Кремлю и Красной площади, умудрившись при этом растянуть себе сухожилие на неровной брусчатке площади. Вернулся я, хромая, минут за десять до возобновления заседания. Не успел я, однако, войти в Кремлевский Дворец съездов, как запыхавшийся сотрудник охраны Горбачева сказал мне, что они уже полчаса разыскивают меня, поскольку Генеральный секретарь хочет срочно переговорить со мной.

Я последовал за ним в кабинет Горбачева в этом же здании. Он был там один. До начала заседания оставалось всего пять минут (уже прозвучал первый звонок, приглашавший делегатов вернуться в зал).

Поздоровавшись, Горбачев с ходу, без всяких предисловий, сказал, что „есть мнение" предложить пленуму ЦК партии мою кандидатуру на пост секретаря ЦК КПСС по международным вопросам и возглавить соответствующий отдел ЦК.

Для меня это было полной неожиданностью. Откровенно говоря, это лестное, по тогдашним понятиям, предложение с переходом в партийный аппарат, мне совсем не импонировало, так как я предпочитал остаться послом. Эта работа мне нравилась. Но главное же было в том, что международный отдел ЦК, насколько мне было известно, практически мало занимался внешнеполитическими вопросами, а основное свое внимание уделял связям КПСС с компартиями и левыми организациями других стран. А у меня не было никакого желания заниматься такой деятельностью.

Об этом я прямо и сказал Горбачеву. Он тут же отклонил этот довод, заявив, что избрание опытного посла на этот пост как раз и призвано поднять значение международного отдела ЦК в вопросах внешней политики, а этими проблемами отдел практически не занимается, а должен. Что касается работы с компартиями, то „у тебя будет несколько опытных заместителей, которые давно знают эту работу - пусть они по-прежнему и занимаются своими делами. Для тебя же главное будет - внешняя политика", -пообещал он*.

Весь этот разговор Горбачев так описывает в своих мемуарах: „После XXVII съезда партии секретарем по международным вопросам стал Анатолий Федорович Добрынин. Опытный политик, дипломат, он до той поры не имел прямого соприкосновения с проблемами коммунистического движения. Это его смущало - видно было по беседам. Но расчет мой был на то, что свежий, непредубежденный взгляд поможет ему реализовать новые подходы. Была и другая сторона дела. До 1985 года в силу завоеванного МИД особого положения за ним фактически сохранялась монополия на инициативы в нашей внешней политике. Выдвижение Добрынина позволяло подключить к этому потенциалу международный отдел ЦК".

В это время прозвучал второй звонок. Поздравив заранее меня с новым назначением, Горбачев прервал разговор и пошел в зал заседания.

Остальное произошло быстро, как во сне. Я сидел на своем месте в зале, пытаясь осознать случившееся. Горбачев огласил предложения о персональном составе руководящих органов ЦК КПСС. Была названа и моя фамилия. В ходе поименного голосования я был избран на новый пост. Затем в тот же день о составе руководящих органов было доложено на заключительном заседании съезда. Моя многолетняя работа в качестве посла в США на этом закончилась.

Надо сказать, что первую попытку перевести меня на работу в Москву Горбачев сделал еще в 1985 году во время встречи в Женеве на высшем уровне. Там в кратком разговоре наедине (между встречами с президентом Рейганом) Горбачев спросил меня, как я отнесся бы к просьбе нового министра Шеварднадзе поработать с ним вместе в качестве его заместителя, помогая ему на встречах с высокопоставленными американскими представителями.

Я ответил Горбачеву, что благодарен за доверие, но что, если можно, я предпочел бы остаться на посту посла, так как аппаратная работа в министерстве меня не очень привлекает. Горбачев рассмеялся, сказав, что он еще подумает, но больше к этому не возвращался. Теперь же вопрос обо мне решился, но совсем в неожиданном для меня плане.

Прощальный визит в Вашингтон. Беседа с Рейганом

Итак, наступал новый этап на моем жизненном пути. Через несколько' дней я сказал Горбачеву, что мне надо бы вернуться в Вашингтон для нанесения прощальных визитов президенту, госсекретарю и другим официальным лицам США. Горбачев согласился с этим.

В начале апреля я вылетел на спецсамолете в Вашингтон, впервые осознав значимость моего нового поста. Признаюсь, что чувствовал я себя не совсем уютно: в большом самолете мы с женой были единственными пассажирами.

Еще 7 марта поверенный в делах Соколов прислал в Москву телеграмму о ежегодном приеме для дипломатического корпуса, устроенном госсекретарем Шульцем. В своем выступлении, помимо прочего, Шульц отметил, что на данном приеме отсутствует дуайен дипкорпуса посол Добрынин, „получивший в Москве новый важный пост в области внешней политики". Госсекретарь пожелал мне успехов на этом посту. Он подчеркнул при этом большую роль, которую играл советский посол в дипломатических контактах между США и СССР так же, как и в политической жизни Вашингтона.

За время моего краткого пребывания в Вашингтоне состоялась целая серия прощальных встреч, бесед, обедов и приемов. После столь длительного пребывания в США у меня образовался обширный круг знакомств, дружеских и деловых связей, хотя я и был послом „империи зла".

Кстати, Шульц рассказал мне эпизод полуанекдотического порядка. Когда он сообщил президенту Рейгану, что посол Добрынин уезжает в связи с избранием его секретарем партии по международным вопросам, то президент с изумлением спросил: „А разве он коммунист?" Рейган, видимо, не знал, что в то время все советские дипломатические работники обязательно

были членами партии. Во всяком случае, в устах Рейгана такой вопрос звучал для меня комплиментом.

Шульц рассказал мне и о таком эпизоде. Его кабинет на 7-м этаже госдепартамента выходил на широкий балкон. Там госсекретарь обычно устраивал летом коктейль для иностранных гостей, так как с балкона открывалась живописная панорама части Вашингтона и реки Потомак. Я как-то попросил его на память фото с видом столицы, открывающимся с этого балкона. Через некоторое время он прислал мне фотографию с шутливой надписью. Впоследствии от него же стало известно, что посылка такого сувенира оказалась совсем непростым делом. Американские спецслужбы вначале воспротивились посылке такой фотографии советскому послу, поскольку, дескать, на снимке был запечатлен „стратегический вид центра Вашингтона" (хотя на нем не было видно ни Белого дома, ни других важных правительственных учреждений, да к тому же еще более „стратегические" фотографии можно было купить в любом киоске).

Шульц не принял всерьез такую аргументацию и все же послал мне эту фотографию (она висит у меня в кабинете в Москве). Однако весь этот эпизод характерен для атмосферы взаимной подозрительности и шпиономании, существовавшей в двух великих державах.

Перед отъездом я имел продолжительную беседу с Шульцем. Мы обедали у него втроем, с нами был и помощник президента Пойндекстер.

После расспросов о моем новом назначении мои собеседники попросили дать им „в сугубо неофициальном, но откровенном плане" оценки в советском руководстве нынешнего состояния советско-американских отношений, перспектив новой встречи на высшем уровне, проведению которой они в администрации „по-прежнему придают большое значение".

Я сказал, что в советском руководстве не удовлетворены состоянием отношений между нашими странами после встречи на высшем уровне. Прошло почти пять месяцев после Женевы, где были взяты определенные взаимные обязательства улучшать отношения, вести дело ко второй встрече на высшем уровне. На деле же наши отношения и практические шаги США оставляют желать много лучшего. Сохранит ли администрация заинтересованность в отношении новой встречи?

Шульц и Пойндекстер заверяли, что президент Рейган по-прежнему проявляет большой интерес к новой встрече с Горбачевым. Однако, когда по ходу беседы дело доходило до обсуждения конкретных возможных шагов после встречи на высшем уровне, мои собеседники в основном уходили от уточнения своих позиций, ссылаясь на то, что они еще над ними работают.

Пойндекстер поинтересовался, не мог бы я заранее дать им текст привезенного мною послания Горбачева для президента Рейгана, чтобы последний мог своевременно ознакомиться с ним и быть готовым к беседе со мной. Получив это письмо, Пойндекстер сразу же уехал в Белый дом.

В своем письме Горбачев делился „некоторыми общими раздумьями" по поводу состояния и перспектив отношений между нашими 'Странами, предложив за точку отсчета считать встречу в Женеве, где совместно были приняты определенные обязательства.

„Наши с Вами оценки ее, полагаю, совпадают: она была нужной, полезной, внесла определенный стабилизирующий элемент в отношения между СССР и США, в общую обстановку в мире. Естественно, что она

вызвала и немалые надежды на будущее, - писал Горбачев. - Мы, в советском руководстве, расценили женевскую встречу как необходимость переводить принципиально понимание, достигнутое там, в конкретные действия, имея в виду дать импульс нашим отношениям, наращивать в них позитивную динамику. Именно так мы и действовали после Женевы".

„Как же действовали США? К сожалению, приходится констатировать, что сближения позиций, которое открывало бы реальную перспективу на достижение договоренностей, пока не произошло... Мы слышим все более яростные филиппики в адрес СССР, а также видим немало действий, прямо направленных против наших интересов, да и, скажу откровенно, против того, чтобы наши отношения становились более стабильными и конструктивными".

Приведя некоторые примеры в подтверждение сказанного, Горбачев призывал затем к взаимным позитивным шагам. В частности, он повторил свое предложение Рейгану встретиться в одной из европейских столиц для отдельного обсуждения вопроса о прекращении ядерных испытаний. Эта специальная целевая встреча, конечно, „не заменяла бы той новой большой встречи, о которой мы условились в Женеве". Горбачев перечислил в заключение вопросы, над которыми следовало бы сейчас „взаимно поработать в целях сближения позиций".

Когда мы остались вдвоем, Шульц выразил серьезное сожаление, что администрация Рейгана не использовала активно конфиденциальный канал „госсекретарь - советский посол", о чем было условлено и на встрече в Женеве. Я теперь вижу, заявил он, что это была наша собственная недооценка связанных с этим возможностей. Опыт предыдущих администраций, особенно использование этого канала в период подготовки встреч на высшем уровне, наглядно подтверждает это.

Я сказал Шулыгу, что целиком разделяю такую критическую оценку и связанные с этим немалые упущенные возможности.

Президент Рейган выразил желание встретиться со мной. 8 апреля состоялась моя прощальная беседа с президентом в Белом доме.

На этой беседе в Овальном кабинете присутствовали Шульц, руководитель аппарата Белого дома Риган, помощник президента по национальной безопасности Пойндекстер, специальный помощник президента Мэтлок, заместитель госсекретаря Риджуй. С нашей стороны - посланники Бессмертных и Соколов. Беседа с президентом продолжалась около полутора часов.

После обмена приветствиями и поздравлений Рейгана в связи с моим новым назначением я выразил надежду, что президент, видимо, имел возможность ознакомиться с переданным ему через Шульца и Пойндекстера письмом Генерального секретаря. Поинтересовался, не мог бы президент уже сейчас высказать свои соображения на поставленные в этом письме вопросы.

Рейган сказал, что действительно хотел бы изложить мне некоторые свои соображения на поставленные в этом письме вопросы. Затем, часто прибегая к имевшейся у него в руках довольно объемной памятке, начал с заявления о том, что он полон желания продвигаться в направлении улучшения наших отношений, как это было условлено в ходе встречи в Женеве.

На его взгляд, в наших двусторонних отношениях имеет место определенное продвижение, в частности развиваются обмены и контакты, в том числе

и между гражданами. В то же время он так же, как и мы, не испытывает удовлетворения по поводу общего состояния наших отношений и отсутствия прогресса в ряде важных вопросов.

Предметом нашей озабоченности, продолжал Рейган, остаются в частности, региональные конфликты, вопрос, который обсуждался в Женеве. Он упомянул в этой связи конфликт с Ливией, войну в Афганистане.

Что касается ограничения вооружений, то, по мнению президента, каждая сторона должна предложить свои оптимальные варианты, а затем искать договоренности в диапазоне между ними.

Приоритетным для США в области ядерных испытаний, продолжал президент, является достижение договоренности о контроле. Обсуждение на уровне экспертов, без каких-либо предварительных условий, вопроса об улучшении контроля за ядерными взрывами с целью ратификации договоров 1974-го и 1976 годов могло бы стать одним из элементов договоренностей к следующей встрече на высшем уровне.

Другим таким элементом могла бы быть принципиальная договоренность, помогающая уничтожить ракеты средней дальности.

Далее Рейган изложил, как он выразился, „оптимальные цели, которые не являются, однако, нереальными". К ним он отнес: договоренность по ключевым элементам договора о сокращении стратегических вооружений сравнимых категорий на 50 процентов; договоренность по ключевым параметрам договора о ядерных средствах промежуточной дальности; договоренность о методах, которые устраняют как угрозу эффективного первого удара, так и использование космоса для размещения там наступательных вооружений со средствами массового уничтожения; договоренность о более надежных способах контроля за ядерными испытаниями; договоренность о запрещении химического оружия; процесс в деле мирного урегулирования в регионах, в настоящее время раздираемых конфликтами; улучшение политической атмосферы, которое позволило бы значительно расширить торговлю и сотрудничество.

Рейган подчеркнул, что достижение конкретных договоренностей по ключевым элементам в текущем, 1986 году позволило бы затем провести переговоры и выработать соответствующие договоренности к следующей встрече, которая должна состояться в 1987 году. Это, в свою очередь, сделало бы возможной их ратификацию до президентской предвыборной кампании в 1988 году.

Кроме того, такие договоренности представляли бы собой своего рода схему реализации первой фазы предложений Горбачева от 15 января 1986 года. Другие важные вопросы, требующие внимания: сокращение вооруженных сил в Центральной Европе и более эффективные меры укрепления доверия. США готовы конструктивно работать по всем этим вопросам, подчеркнул он.

Надо признать, что изложенный Рейганом перечень вопросов для обсуждения в порядке подготовки к новой встрече на высшем уровне был достаточно обширен и затрагивал серьезный круг проблем. Однако он обходил основной тогда вопрос о космических вооружениях СОИ и ПРО (а именно они стали главными на новой встрече в Рейкьявике).

В заключение Рейган просил передать Горбачеву, что он с большим интересом ожидает его первого визита в США и надеется, что этот визит продлится по крайней мере неделю. „Я буду лично сопровождать его в поездке по стране", - добавил он.

Я сказал президенту, что по этому главному вопросу, т. е. об их следующей встрече, Горбачев перед самым моим отлетом в Вашингтон поручил устно передать лично ему следующее: СССР верен обязательствам, которые были взяты обоими руководителями в Женеве, - действовать в пользу нормализации наших отношений и улучшения международной обстановки. Соответствующие советские действия полностью вписываются в задачу создания наиболее благоприятной атмосферы для подготовки проведения в США следующей встречи на высшем уровне.

Мы готовы и дальше руководствоваться духом Женевы, хотя, откровенно говоря, то, как поступает американская сторона, делает эту задачу довольно трудной. Не говоря уже о резко антисоветской риторике, которой в последние месяцы увлекаются высокопоставленные представители администрации. Кроме того, со стороны США все чаще осуществляются акции, которые иначе как недоброжелательными в отношении СССР не назовешь. Президенту, конечно, известно, о чем идет речь.

И все это делается в то время, когда между Москвой и Вашингтоном идет диалог по поводу организации новой встречи в верхах. В советском руководстве пытаются понять: к чему же тогда сейчас стремится американская администрация?

Горбачев высказал убеждение, что главное сейчас - это практически обеспечить успех встречи. Высшие руководители обеих стран должны иметь представление, на какой конкретно позитив они могут рассчитывать в результате встречи. Неопределенность в этом вопросе лишь тормозит подготовку встречи. Именно на эту мысль он хотел бы особо обратить лично внимание президента.

Я подчеркнул далее, что экспромт в таких делах, да еще на высшем уровне, вряд ли допустим. Он может быть даже опасен. Достаточно хорошо известен, к сожалению, неудачный опыт недостаточно подготовленных встреч с президентами Эйзенхауэром и Кеннеди, которые не только не привели к улучшению наших отношений, а лишь обострили их. Наоборот, встречи с президентами Никсоном, Фордом и Картером, которые были все заранее тщательно подготовлены, закончились хорошими результатами.

Советское руководство считает, сказал я в заключение, что при наличии доброй воли с обеих сторон есть реальная возможность продуктивно подготовиться, чтобы еще в этом году осуществить визит Горбачева в США.

Президент заметил, что в области ограничения вооружений, по его мнению, есть достаточно аспектов, по которым взгляды сторон довольно близки. Например, на встрече можно было бы в принципе договориться по ракетам средней дальности, чтобы на основе этих договоренностей подготовить базу для официального соглашения в 1987 году, к моменту его визита в СССР.

Рейган вел беседу в доброжелательном тоне. Она оставила впечатление, что президент хочет новой встречи -с Горбачевым и в этом году, причем его интерес к ней заметно растет. Обозначилось и желание Рейгана, по возможности, спланировать хотя бы основные ориентиры подхода к советско-американским отношениям на двухлетний период с учетом его собственного визита в СССР в 1987 году.

В целом, судя по всему, играла свою роль и тактическая линия (одобренная на Политбюро после Женевы) и направленная на то, чтобы пока не спешить с определением такой даты новой встречи с Рейганом, подвесить ее до внесения известной определенности в вопросе о конкретном

содержании встречи. Правда, через несколько месяцев сам Горбачев не удержался на этой позиции, поторопился и ускорил проведение новой „промежуточной" встречи в Рейкьявике, не имея еще ясности в ее исходе, но, как эмоциональный игрок, решил рискнуть „по большому счету".

По окончании нашей основной беседы президент попросил меня задержаться для разговора наедине. Когда мы остались одни, Рейган сказал, что сейчас, судя по всему, обоим руководителям следует дать дополнительный импульс всему подготовительному процессу к встрече.

Одно направление - ускорить идущие двусторонние переговоры на разных форумах и, в частности, значительно активизировать личную вовлеченность Шульца и Шеварднадзе в эту работу.

Другое направление - использование строго конфиденциального канала между президентом и Генеральным секретарем, что могло бы быстрее способствовать нахождению компромисса по ряду вопросов ядерно-космических вооружений. По мнению президента, подобный канал (Шульц. - советский посол) при подготовке первой встречи в верхах в Женеве себя полностью оправдал. Однако после Женевы он не был задействован в достаточной степени, видимо, из-за занятости Шульца другими вопросами.

Провожая меня, президент оказал подчеркнутое внимание по высшим американским протокольным нормам. Он вместе со мной вышел из Овального кабинета и по зеленой лужайке летнего сада Белого дома проводил меня до автомобиля. Прощаясь, снова попросил передать Генеральному секретарю привет, выразив надежду на встречу с ним еще в этом году в США. „У нас есть, о чем с ним поговорить", - сказал он.

У меня сохранилась цветная фотография, сделанная фотографом Белого дома и присланная мне затем Рейганом. Яркий весенний день. Мы идем с президентом, разговаривая, по зеленой лужайке Белого дома. За нами идут два моих давних соратника: посланники Александр Бессмертных и Олег Соколов.

По окончании встречи госсекретарь Шульц сделал в Белом доме для корреспондентов заявление: „Президент и посол Добрынин провели сегодня утром встречу, которая продолжалась около полутора часов. Президент поздравил посла Добрынина в связи с избранием его на новый пост, а посол Добрынин, который провел здесь, в США, около 25 лет, выразил свою признательность.

Что касается существа их встречи, то они затронули все существенные вопросы. Они говорили о предстоящей встрече в верхах в США. Обе стороны хотели бы, чтобы эта встреча была успешной и содержательной, и мы понимаем, что для такой встречи необходима большая подготовительная работа.

Мы рассматриваем сегодняшнюю встречу как вполне удовлетворительный обмен мнениями".

Надо сказать, что накануне нашей прощальной встречи с президентом Рейганом он получил личное послание Горбачева, в котором, в частности, говорилось следующее: „Хочу сказать, что мы ценим многолетнюю деятельность А.Ф.Добрынина на посту советского посла в Вашингтоне, его энергичные усилия по налаживанию взаимоотношений между нашими народами. Этому, конечно, в значительной степени помогали те постоянные контакты, которые у него были с американским руководством, в том числе при Вашей администрации".

В таком же духе высказался и сам Рейган в личной беседе со мной, передав мне затем надписанную им цветную фотографию, сделанную еще раньше в Белом доме - на ней изображены президент с супругой и я с женой.

Теплое письмо прислал мне бывший президент Никсон („...ни один из послов, которых я знал в течение последних сорока лет, не служил своей стране с большей отдачей, чем Вы. ...Без Вашей деятельности невозможно было бы развить новые взаимоотношения между нашими странами, кульминацией которых была встреча на высшем уровне в 1972 году"). Другой бывший президент, Картер, прислал мне свою новую книгу с надписью „моему другу Анатолию Добрынину".

Несколько необычным для отъезжающего посла был завтрак, который дал в мою честь лидер большинства в сенате сенатор Бэрд. На нем были ведущие сенаторы, демократы и республиканцы: Нанн, Пелл, Кеннеди, Тэрмонд, Уорнер, Байден и другие.

В нашем посольстве был устроен большой прием в связи с моим отъездом. На нем присутствовали представители администрации, конгресса, дипломатический корпус, общественные и политические деятели, бизнесмены, обозреватели и корреспонденты - т. е. все многочисленные знакомые, коллеги и друзья, которых у меня было немало за долгие годы пребывания в Вашингтоне. На приеме с теплой, дружеской речью выступил Шульц (текст ее он впоследствии опубликовал в своих мемуарах).

Я выступил в ответ с прощальной речью. Было немного грустно расставаться со всеми, со своим посольством, в котором провел долгие годы, насыщенные работой, переживаниями и незабываемыми впечатлениями.

На следующий день я вылетел домой.

Моя встреча с Рейганом в Белом доме была прощальной с точки зрения окончания моей службы в Вашингтоне в качестве советского посла. Но она была далеко не последней. Мне довелось принимать участие во всех последующих встречах Горбачева и Рейгана вплоть до тройственной встречи в Нью-Йорке в 1988 году, в которой участвовал также только что избранный президентом США Джордж Буш. Встречался я с Рейганом и во время последующего его приезда в Москву, когда он уже не был президентом США.

Рональд Рейган был, пожалуй, наиболее противоречивым и вместе с тем довольно необычным президентом США в послевоенной истории наших отношений. Он никого не оставлял равнодушным. Оценки его деятельности как президента так же противоречивы, как и он сам. Поскольку исследование президентства Рейгана не входит в мою задачу, остановлюсь вкратце лишь на его роли в советско-американских отношениях.

Если проследить смену администраций в Белом доме, то легко обнаружить неровный, волнообразный характер советско-американских отношений. Ф.Рузвельт сцементировал советско-американский союз военных лет. Трумэн символизировал начало „холодной войны", которая при нем уже достигла значительного размаха. Эйзенхауэр к концу своей администрации пытался смягчить конфронтацию. Кеннеди, пройдя через кубинский кризис, начал поиск разрядки. При Джонсоне были неустойчивые отношения, но без конфронтации. Никсон способствовал развитию и кульминации разрядки. При Форде отношения стали неопределенными, но с сохранением их известного статус-кво. Президентство Картера характеризовалось лихорадкой разрядки и ее развалом. Сложнее оценивать президентство Рейгана.

ПРЕЗИДЕНТ РОНАЛЬД РЕЙГАН

Феномен или парадокс Рейгана

В восприятии моих соотечественников-современников президент Рейган остался как колоритный, но все-таки малопонятный политический лидер. Трансформацию от „врага СССР и поджигателя войны" до приятного собеседника, прогуливавшегося рука об руку с Горбачевым по Красной площади и заключившего с СССР ряд важных соглашений по ограничению ядерных вооружений, непросто было понять рядовым гражданам моей страны. Да и на Западе далеко не все были готовы это понять.

В этой связи хотелось бы сказать несколько слово так называемом феномене или парадоксе Рейгана.

С приходом к власти Рейгана как нового президента США, в Москве, несмотря на всю его репутацию, не было вопроса о том, какая политика -разрядка или конфронтация - является для нас наиболее предпочтительной. Советское руководство, конечно, предпочитало разрядку 70-х годов. Да и в общественном мнении Советского Союза не было каких-либо споров на этот счет.

Таким образом, для Политбюро в первой половине 80-х годов вопрос был не в том, что выбирать, а в том, какой курс изберет новая администрация, и соответственно отвечать на него. В течение первых четырех лет администрации Москва при сменявших друг друга руководителях продолжала попытки возродить разрядку в наших отношениях и добиться ограничения вооружений, одновременно критикуя США за отказ следовать по пути разрядки напряженности, контроля над вооружениями и переговоров. Администрация же Рейгана открыто встала на путь конфронтации и достижения военного превосходства, вместо детанта и взаимного ограничения вооружений. Действия Советского Союза в этот период в гораздо большей степени, чем это признается на Западе, сводились к реакции на действия Рейгана.

Должен признаться, что склад ума президента Рейгана, его психологический настрой в отношении Советского Союза и его руководителей интересовали меня с самого начала. Понять это оказалось не так просто, тем более что очень скоро его образ как антисоветски настроенного президента стал полностью доминировать в нашем сознании. Что привлекало тогда мое внимание и несколько озадачивало, так это несовместимость провозглашенного им антисоветского курса с некоторыми действиями и подходами, о которых ничего не было известно общественности и политическим кругам США, но которые время от времени проявлялись в его негласных контактах с советскими руководителями.

Рейган, например, не видел ничего противоречивого в том, чтобы публично (и, думается, вполне искренне) резко осуждать Советский Союз как „империю зла", а его руководство одаривать весьма нелестными эпитетами и почти одновременно в своих конфиденциальных письмах, написанных им лично от руки Генеральному секретарю ЦК КПСС, говорить (видимо, не менее искренне) о своем стремлении к безъядерному миру, и улучшению советско-американских отношений, и к встрече с главным безбожником-коммунистом.

В его сознании все это как-то причудливо совмещалось. При этом впечатление было таково, что сам он не очень-то задумывался над такими противоречиями и над тем, как все это могло выглядеть в глазах советского руководства. Вообще его чересчур свободная и даже подчас развязная

публичная антисоветская риторика порой без особых конкретных причин наносила серьезный вред нашим отношениям.

В Москве такое поведение президента Рейгана воспринималось в первые годы резко отрицательно (в нем видели убежденного врага, а поступавшие порой сведения или заверения о каких-то его намерениях улучшать отношения долго расценивались у нас как несерьезные, обманные или пропагандистские). Даже негласный зондаж самого Рейгана в конце первого срока его президентства о возможной встрече на высшем уровне все еще воспринимали в Кремле с определенным скептицизмом, поскольку он ассоциировался в наших умах с предвыборной кампанией 1984 года.

Первое президентство Рейгана (1981-1984 гг.) можно охарактеризовать как переходный период, связанный с глубоким кризисом разрядки. Упрощенно говоря, можно сказать, что неудовлетворенность в США в конце 70-х годов разрядкой и замена ее нагнетанием напряженности постепенно привели к конфронтации в начале 80-х годов, но с середины этих же годов стали намечаться признаки возможного поворота к антикризисному периоду в наших отношениях.

Администрация Рейгана постепенно переходила от непримиримости и конфронтационной риторики в 1981-1983 годах к не совсем ясным попыткам открыть дипломатический диалог в 1983-1984 годы. В течение 1984 года Рейган произнес несколько предвыборных речей, в которых говорил о необходимости совмещения силы и диалога в отношениях с СССР. В сентябре 1984 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН Рейган заявил: „Америка восстановила свою мощь... Мы готовы к конструктивным переговорам с Советским Союзом".

После переизбрания Рейгана на второй срок и прихода к власти Горбачева контакты с целью организации их встречи активизировались, хотя советско-американские отношения оставались весьма сложными.

Несмотря на все противоречия, их личная встреча в Женеве осенью 1985 года прошла все же достаточно успешно и дала важный импульс постепенному возобновлению нового процесса разрядки, который был до этого практически разрушен усилиями Картера и самого Рейгана.

Думаю, что один из ключей к разгадке „феномена Рейгана" и его политических успехов - это недооценка его личности политическими противниками и некоторыми политологами. Он как президент был более сложной фигурой, чем это казалось на первый взгляд.

Да, Рейган слабовато разбирался (и не любил это делать) в сложных деталях наших отношений, особенно в подробностях переговоров об ограничении ядерных вооружений. Да, его идеологический фанатизм подчас мешал ему реально оценивать положение вещей и толкал его на путь вредной конфронтационной практики и риторики. Да, ему часто везло, как, пожалуй, никому из современных президентов. Многое сходило ему с рук, что послужило основанием назвать его в средствах массовой информации „тефлоновым президентом".

Однако у Рейгана были определенный природный инстинкт, чутье и оптимизм, любовь к большим захватывающим воображение идеям (например, СОИ), умение создавать имидж, который импонировал миллионам американцев. В немалой степени этому способствовал уверенный, оптимистический стиль его поведения (который порой проистекал не от конкретных знаний, а от личных убеждений и особенностей его характера). Он умело манипулировал общественным мнением, образными формули-

ровками и броскими лозунгами, с помощью которых он упрощал сложные вопросы, хотя это и служило нередко основанием обвинить его (подчас справедливо) в примитивизме, нежелании глубоко разобраться в делах.

Фактически его сила заключалась в умении (сознательно или инстинктивно) соединять несовместимое, во внешней простоте подходов, в убежденности в правильности своих взглядов, пусть порой ошибочных или несостоятельных, в его упорной, даже упрямой решимости их осуществить.

Взять, например, отстаивание им позиции „о нулевом варианте" в отношении американских и советских ракет средней дальности в Европе. Несмотря на все споры, его идея, в конечном счете, нашла свое воплощение в соответствующем договоре между СССР и США.

Или вопрос об уничтожении стратегических ядерных ракет. Рейган время от времени публично говорил о своей мечте: мире без таких ракет. Никто, включая его ближайшее окружение, не верил в серьезность этих его высказываний, списывая все это на пропаганду. Конечно, пропагандистский асггект при этом всегда присутствовал. Но как постепенно выяснилось, Рейган действительно был достаточно серьезен в данном вопросе. К немалому удивлению и смятению своих европейских союзников, он заявил в Рейкьявике при встрече с Горбачевым о своей готовности в принципе (при определенных условиях) начать взаимную ликвидацию таких ракет. Лишь его фанатическая убежденность в необходимости программы СОИ и ответное упорство Горбачева в этом вопросе помешали тогда возможной договоренности о крупном сокращении ракетно-ядерных вооружений. Позже об этом все же удалось договориться.

Если внимательно проследить политическую карьеру Рейгана, то можно убедиться, что он в ряде случаев на практике действовал более гибко, чем это можно было ожидать, слушая его риторику, международный опыт давал о себе знать. Этим можно объяснить его постепенный поворот в отношениях с СССР, который многим казался просто невероятным.

Я не думаю, конечно, что при этом в общем идеологическом настрое или мировоззрении Рейгана произошли какие-то серьезные сдвиги. Дело, скорее, заключалось в постепенном прагматическом принятии им того реального факта, что в мире, в самих США и СССР, происходят важные перемены и что односторонний курс конфронтации уже не отвечает ни духу времени, ни реализации его собственных планов, которые, в конечном счете, были направлены на то, чтобы занять достойное место в истории США, создав более безопасный мир. Сыграло тут, видимо, свою роль и завершение значительной части программ по перевооружению США, что придавало Рейгану дополнительную уверенность в себе.

Так или иначе, нельзя не отметить тот необычный факт, что за время пребывания одного и того же президента в Белом доме советско-американские отношения прошли через разительные перемены: сначала эти отношения вернулись в наихудшие времена „холодной войны", пережили полный развал разрядки, а затем начали вновь выправляться.

Некоторые американские политики и обозреватели, способные идеализировать политику Рейгана, утверждают, будто именно его жесткий политический курс, сопровождаемый гонкой вооружений, привел к распаду Советского Союза, и в этом, дескать, его главный успех.

С этим я никак не могу согласиться. Вся многовековая история Русского (и советского) государства убедительно показывает, что любая серьезная угроза извне вела, независимо от внутреннего политического строя, к

сплочению народа нашей страны для отпора внешней агрессии. Пример Великой Отечественной войны - красноречивое тому доказательство. Я глубоко убежден, что если бы Рейган и в свое второе президентство продолжал упорно проводить „крестовый поход" против СССР, угрожая его безопасности или тем более самому его существованию, то он ничего бы не добился, кроме опасного подталкивания всего мира к краю ядерной катастрофы, что могло вызвать политический взрыв в самих США. Все это, думается, понял и сам Рейган. Больше того, можно прямо сказать, что такой ход событий просто не позволил бы самому Горбачеву начать свои реформы и пропагандировать свое „новое политическое мышление" (он сам это признавал). Кто знает, как развивалась бы тогда мировая история?

Второе президентство Рейгана, характеризовавшееся растущими элементами партнерства с СССР, совпало - исторически удачно с точки зрения улучшения отношений - с появлением нового советского лидера -Горбачева. Четыре личные встречи с ним стали важными вехами менявшегося внешнеполитического курса Рейгана, как и самого Горбачева. Оба руководителя сыграли свою роль в новом повороте в отношениях обеих стран. Рейгана сменил Буш, который способствовал дальнейшему позитивному развитию этого процесса.

Роль Горбачева сказалась не только в повороте советской внешней политики, но и в том, что начались новые важные процессы либерализации и демократизации в нашей стране. Однако затем он проявил беспомощность и политическую близорукость, когда столкнулся с большими практическими задачами и трудностями проведения реформы, особенно в том, что касается нового государственного устройства и экономического переустройства. Он пытался решать это лихорадочными, спонтанными и непродуманными мерами и неумелой импровизацией в масштабе огромной страны. Игра судьбами миллионов людей обернулась трагедией.

При умелом и организованном руководстве реформами, при разумном сохранении всего позитивного и продуманном эволюционном устранении крупных недостатков и ошибок прошлого, реформированный и ориентированный на новый путь развития Советский Союз, думается, не только выстоял бы, но и занял бы достойное место среди демократических стран мира.

Однако хаос, созданный в стране растерявшимся Горбачевым и события августа - декабря 1991 года привели к его банкротству, а главное - к распаду Советского Союза. События эти были чисто внутреннего порядка, и приписывать тут какую-то, чуть ли не решающую роль политике отдельных президентов США было бы не только большим преувеличением, но и просто -искажением истории.

Непростое, но растущее взаимодействие наших двух стран и их лидеров в годы Рейгана - Буша и Горбачева, а затем Буша - Клинтона и Б.Ельцина явилось важной предпосылкой для ответа на фундаментальный вопрос: что же с точки зрения истории характерно для отношений наших стран -разрядка напряженности и сотрудничество или конфронтация? Что им больше присуще? Драматические события в самой России дали окончательный ответ на этот вопрос.

Еще в 1809 году великий американец Томас Джефферсон говорил „об исключительном миролюбии" наших двух народов. История свидетельствует, что наши страны не являются естественными врагами. Обеим пришлось уплатить огромную цену за „холодную войну". Ее окончание,

конечно, является поводом для взаимного удовлетворения, но одновременно и для трезвого переосмысливания причин ее возникновения и долгого существования, для борьбы с ее пережитками.

Мне довелось наблюдать за развитием отношений между нашими двумя странами в течение полувека. И не только наблюдать, но и непосредственно участвовать в событиях и лично переживать наиболее горькие и обескураживающие периоды в их истории. Временами было трудно, очень трудно. Но меня все эти годы не покидала надежда и уверенность в большом конструктивном потенциале, заложенном в наших двух народах, русском и американском, несмотря на идеологические разногласия их правительств. Мой практический жизненный опыт в том, что касается отношений двух народов, более значительный, чем, пожалуй, у любого из моих здравствующих соотечественников, укрепляет эту уверенность и надежду. Но никак нельзя забывать при этом горькие уроки прошлого и упущенные возможности.

Сейчас можно сказать, что отношения Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки выходят, хотя и непросто, на иную основу, в которой должны преобладать сотрудничество и добрососедство при трезвом взаимном учете национальных интересов обеих стран. Об этом я говорю с удовлетворением и надеждой на лучшее будущее. Надеюсь, что в этом есть и мой скромный вклад.

* * *

Весной 1986 года закончилась моя непростая, неспокойная, но ответственная и интересная работа - почти четверть века на посту Чрезвычайного и Полномочного Посла своей страны в Соединенных Штатах Америки.

Мне довелось работать в Вашингтоне при шести американских президентах: Д.Кеннеди, Л.Джонсоне, Р.Никсоне, Д.Форде, Дж.Картере и Р.Рейгане. Разные люди и разные времена. Это было давно и недавно. Обо всем этом я и постарался рассказать в своих воспоминаниях.

ЧАСТЬ

IX

ПОСЛЕ ВАШИНГТОНА

Выступление в качестве председателя комиссии по иностранным делам на сессии Верховного Совета СССР. 1987 год

ГОРБАЧЕВ И СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В 1985 году, когда М.С. Горбачев пришел к руководству государством, Советский Союз был великой державой, возможно, несколько потускневшей, но все же сильной, одной из двух сверхдержав мира. Однако в течение только трех лет, с 1989-го по 1991 год, сфера политического влияния страны и ее границы были отодвинуты из центра Европы далеко на восток, к границам России 1653 года, существовавшим до ее союза с Украиной. Как все это произошло?

Корни распада Советского Союза надо искать в основном внутри страны, в нашей политической борьбе и разногласиях, связанных с необходимостью кардинального реформирования, в не очень компетентных, но амбициозных лидерах и в необычно быстрой смене внутренних событий, в которых большинство населения прямо не участвовало и далеко не все понимало. Этот драматический и трагический период нашей истории ждет еще тщательного и беспристрастного анализа, но я попытаюсь кратко рассказать о тех событиях, главным образом внешнеполитических, свидетелем которых я сам был или принимал в них участие*.

На должности секретаря ЦК

Итак, как я уже писал, в марте 1986 года я был избран секретарем ЦК партии. Для меня начался совершенно новый период жизни, связанный с незнакомой работой в центральном аппарате партии. Хотя, как посол в крупнейшей стране Запада, я был неплохо знаком с высшими государственными и партийными руководителями своей страны, партийная аппаратная работа с ее сложными внутренними хитросплетениями и неписаными традициями была для меня, как говорится, книгой за семью печатями.

То, что я попал в особый мир, я почувствовал буквально на следующий же день после избрания секретарем ЦК. Ко мне явился представитель девятого управления КГБ, которое занималось не только охраной, но и обслуживанием членов Политбюро и Секретариата. Выяснилось, что мне положено иметь постоянную охрану из трех человек, лимузин „ЗИЛ" с радиосвязью, а также официальную загородную дачу в Сосновом бору

* С 1986 года я работал секретарем ЦК партии и заведующим международным отделом ЦК партии. Одновременно я был избран председателем Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР. После осени 1988 года, когда произошла значительная реорганизация руководящих органов партии, я закончил свою работу в ЦК. С конца 1988 года и до июля 1991 года я был советником Председателя Президиума Верховного Совета СССР по международным вопросам; в этом качестве принимал участие во всех советско-американских встречах на высшем уровне до 1990 года включительно. С августа 1991 года - консультант в МИД СССР в ранге посла, а затем и до сих пор в МИД Российской Федерации. Жизненный круг — к моему удовлетворению - логично замкнулся там, где я начинал и проработал всю свою жизнь.

(она так и называлась „Сосновка") с обслуживающим персоналом: два повара, четыре официантки, два садовника, охрана дачи.

Большой неожиданностью для меня было и то, что дача эта в прошлом принадлежала маршалу Жукову, который получил ее от Сталина еще во время войны и жил в ней до самой смерти. Просторное двухэтажное здание с большой столовой, гостиной, кинозалом, спальней, библиотекой и другими комнатами располагалось на территории, на которой были еще теннисный корт, сауна и оранжерея, а также фруктовый сад. Какой разительный контраст с привычным мне московским городским образом жизни!

Заседания Политбюро проводились регулярно - раз в неделю по четвергам, хотя порой Горбачев собирал и внеочередные заседания. На всех этих заседаниях (за очень редким исключением) присутствовали также все секретари ЦК партии. Они имели право свободно участвовать в дискуссиях, но не участвовали в голосовании. Впрочем, до голосования на Политбюро дело практически никогда не доходило. Генеральный секретарь, когда видел большие разногласия, обычно предлагал „доработать" вопрос до следующего заседания, используя это время для проведения нужного ему решения.

Горбачев любил пространно говорить почти по каждому вопросу, используя присущее ему красноречие, в результате чего заседание Политбюро часто продолжалось с 11 утра до 6 - 8 часов вечера. Правда, он давал возможность всем желающим высказаться. В этом отношении в Политбюро была достаточно демократическая обстановка. В перерывах обедали все вместе за длинным столом в небольшом рабочем зале, где на выбор давалось два простых меню без особых деликатесов и без спиртных напитков (только чай или кофе). За обедом (продолжительностью от получаса до часа) шел свободный разговор на злободневные темы.

Заседания Политбюро официально не стенографировались, хотя личный помощник Горбачева негласно делал записи выступлений. Официально оформлялись лишь решения Политбюро, которые рассылались по строго ограниченному списку для исполнения и контроля. Наиболее важные решения Политбюро хранились в „особой папке".

Повестку дня заседаний Политбюро составлял сам Генеральный секретарь. Члены же этого руководящего органа партии имели право вносить дополнения или изменения в эту повестку, но использовали это право редко. Материалы к заседанию рассылались за день-два. Делалось это общим отделом ЦК - главным исполнительным органом при Генеральном секретаре.

Надо сказать, что этот отдел занимал особое место в структуре аппарата ЦК. Его всегда возглавляло самое доверенное лицо Генерального секретаря. Так, например, при Брежневе эту должность занимал Черненко, а при Горбачеве - Лукьянов, а затем Болдин. Замечу попутно, что если первый был широкообразованным человеком и ровно держался со всеми, то Болдин был ограниченным чиновником, который, к недоумению многих, пользовался заметным влиянием на Горбачева. Как известно, именно Болдин показал свое истинное лицо, возглавив делегацию заговорщиков, приехавших к Горбачеву в Форос в период августовского путча 1991 года.

Став главой международного отдела ЦК партии, я не имел ясного представления о его функциях. Отдел имел большой штат, более 200 человек, структурно был разделен на сектора, в основном по географическому принципу и по странам. Вначале я думал, что отдел, судя по его названию, играл активную роль в разработке и проведении советской внешней политики, но

оказалось, что я серьезно ошибался. Вскоре стало ясно, что отдел в основном занимается коммунистическими, рабочими и другими левыми партиями в различных странах мира, а также массовыми движениями за рубежом и связанными с ними общественными организациями*.

Отдел практически не был вовлечен в наши отношения или переговоры с США, включая и вопрос о контроле над вооружениями. Когда я ознакомился с положением об отделе, то оказалось, что оно было составлено еще во времена Коминтерна и главной задачей отдела считало поддержание гласной и негласной связи с компартиями и разными радикальными партиями и движениями в зарубежных странах. И ни слова о внешней политике.

Я сразу же обратил внимание Горбачева на этот перекос и предложил переделать установки этого явно устаревшего документа. 13 мая 1986 года я представил новый проект, который он и утвердил. Наряду с сохранением задачи по связям с левыми партиями отделу поручалось „поддерживать и осуществлять линию партии в кардинальных вопросах внешней политики и вопросах международных отношений вообще". Чтобы укрепить новую структуру отдела, я получил согласие Горбачева на перевод в отдел из МИД СССР нескольких высококвалифицированных сотрудников и экспертов по отдельным международным проблемам и вопросам разоружения.

Это было неплохим началом для вхождения отдела в область большой внешней политики, и он совместно с МИД начал участвовать в подготовке материалов к различным переговорам с США и к советско-американским встречам на высшем уровне.

Мне пришлось выполнять деликатные миссии и встречаться для конфиденциальных бесед с президентом США Бушем в Вашингтоне, с канцлером ФРГ Колем в Бонне, с главой Афганистана Наджибуллой в Кабуле, с премьер-министром Индии Радживом Ганди в Дели, с премьером Кубы Ф.Кастро и другими. Позже, уже не работая в Секретариате, я встречался в Сеуле с южнокорейским президентом в порядке подготовки его встречи с Горбачевым в Сан-Франциско, а в будущем - установления дипотношений с этой страной.

Рейкьявик

Наиболее важным фактором, способствовавшим активизации нашей внешней политики, было то, что как раз в тот период Горбачев стал формулировать „новое мышление", рассчитанное на договоренности с Западом, в особенности с США, в этой области. В ходе подготовки к первой встрече с Рейганом в Женеве он все еще находился в плену классовой мифологии и идеологии, что вызывало определенные перекосы в его подходах к отношениям с Западом, и в первую очередь с США. Однако Горбачев достаточно быстро избавлялся от этого груза и стремился придать советской внешней политике больше динамизма и гибкости. Он осознал необходимость конструктивных отношений с США. После Женевы стал все больше делать упор не на традиционные дипломатические методы, а на прямой диалог с американской стороной на высшем уровне, особенно по вопросам безопасности и ограничения вооружений.

* Связи с социалистическими странами Восточной Европы были в ведении другого отдела ЦК партии.

На заседании Политбюро по итогам его первой встречи с Рейганом Горбачев подчеркнул важность сохранения „духа Женевы" и проведения второй встречи с ним.

Когда в сентябре 1986 года Горбачев отправился на отдых в Крым, никакого решения Политбюро о его второй встрече с президентом США еще не было. Через некоторое время он позвонил мне (я тоже отдыхал в Крыму) и сказал, что собирается предложить Рейгану встретиться осенью в каком-либо месте между Москвой и Вашингтоном, например, в Лондоне или Рейкьявике. Главным вопросом встречи должно быть, по его мнению, ядерное разоружение. Шеварднадзе одобрил это предложение, поэтому Горбачев хотел знать мое мнение, прежде чем вносить этот вопрос на Политбюро.

Я поддержал в принципе эту идею, но спросил Горбачева, что конкретно он собирается обсуждать с Рейганом. Он ответил, что намерен предложить действительно глубокие сокращения стратегических вооружений при условии, что президент откажется от своей космической программы.

Я предупредил Горбачева, что Рейган вряд ли откажется от этой программы. Повторив, что будет все же настаивать на таком подходе, Горбачев заметил: „Кто знает, может быть, Рейган все же уступит в обмен на значительные сокращения в ядерных ракетах, о желательности которых он неоднократно и публично говорил? Если же нет, то мы получим всемирное одобрение нашей смелой инициативы по радикальному сокращению ядерного оружия".

Встреча в Рейкьявике 11 - 12 октября 1986 года носила весьма драматический характер. Впервые в истории советско-американских отношений, казалось, возникла реальная возможность значительного сокращения стратегического оружия. Рейган, к нашему удивлению и удовлетворению, согласился с такой нашей идеей - и даже с возможной ликвидацией стратегических ракет по истечении десяти лет. Однако он отказался взять какие-либо обязательства по договору по ПРО, которые могли бы ограничить деятельность США по осуществлению программы „звездных войн". Все настойчивые попытки Горбачева переубедить Рейгана оказались безуспешными.

Оба лидера закончили свою безрезультатную встречу поздно - в полночь. Они покинули здание вместе, шли молча. Остановились у стоявшего недалеко президентского автомобиля, чтобы попрощаться. Получилось так, что я оказался поблизости и выполнил поэтому роль переводчика» Последний краткий диалог в тишине холодной исландской ночи. Горбачев, который еле скрывал горечь большого разочарования, сказал: „Господин президент, Вы упустили уникальный шанс войти в историю в качестве великого президента, который открыл дорогу ядерному разоружению".

Рейган угрюмо ответил: „Это относится к нам обоим". По дороге в аэропорт Рейган долгое время молчал. Его „начальник штаба" Дон Риган ехал *с* ним и позже рассказал мне, что Рейган прервал наконец молчание словами: „Дон, мы с Горбачевым были так близки к соглашению. Просто стыдно". Он показал при этом двумя пальцами расстояние в полдюйма. „Президент был потрясен таким исходом встречи", - добавил Риган.

Направляясь в это время на пресс-конференцию, Горбачев (раздосадованный тем, что не удалось уговорить Рейгана отказаться от СОИ в обмен на крупномасштабное сокращение ракетно-ядерных арсеналов), сказал сопровождавшим его сотрудникам, что намерен крепко раскри-

тиковать Рейгана за неуспех встречи. Но после высказанных нами некоторых сомнений на этот счет, он немного поостыл и заявил, что не будет создавать впечатление, что Рейкьявик - это полный провал, а скорее -первый шаг во взаимных усилиях достичь соглашения. Это была справедливая оценка.

На заседании Политбюро, посвященном Рейкьявику, Горбачев, хотя все еще раздраженный „упрямством Рейгана", заявил, что эта встреча, в конечном счете, стоила того, чтобы ее провести. Во-первых, она показала всему миру, что советское руководство готово к серьезным переговорам по разоружению; во-вторых, Рейган неожиданно продемонстрировал свою готовность к сокращению ядерных вооружений, что можно будет использовать в дальнейшем; в-третьих, Рейкьявик внес разногласия в НАТО, где критиковали готовность Рейгана идти на такое сокращение без консультаций со своими союзниками и одновременно за упорство в отстаивании программы „звездных войн" любой ценой*.

В целом динамизм Горбачева прибавил новый импульс развитию советско-американских отношений. Он фактически уже думал о следующей, третьей, встрече с Рейганом. „Старая гвардия" в Политбюро и военно-промышленный комплекс были настроены скептически, не разделяли его концепцию „нового мышления" и расчеты на быстрые договоренности с США. Горбачев успешно преодолевал их скрытое сопротивление, широко пропагандируя в стране и в партии свое намерение вести более гибкую внешнюю политику, уменьшающую угрозу военных столкновений с внешним миром. Одновременно, после Рейкьявика в целях дальнейшего нажима на США он предложил Политбюро проводить более активную политику в Европе в качестве контрбаланса Вашингтону, а также укреплять военные и политические аспекты безопасности хельсинкского процесса, чтобы уменьшить военную зависимость Европы от США (эту здравую мысль Горбачев развивал еще в беседах со мной, когда я начал работать заведующим международного отдела).

Горбачев, вопросы разоружения, конфликт с военными

Между тем манера обсуждения Горбачевым вопросов на Политбюро постепенно менялась, стиль руководства становился все более авторитарным. Обсуждение внешнеполитических вопросов в Политбюро также претерпевало трансформацию. От подробного коллективного рассмотрения и принятия решений и обязывающих директив Горбачев исподволь стал переходить к тому, чтобы иметь максимальную свободу рук на переговорах с главами других государств. Хотя внешне „свобода дискуссий" внутри Политбюро вроде сохранялась, но роль этого органа в выработке внешнеполитического курса оказалась приниженной. Следует при этом отметить, что за все время перестройки вопросы внешней политики ни разу не были предметом отдельного обсуждения на пленумах ЦК партии. Постепенно, не без активной помощи Шеварднадзе, Горбачев достиг своей цели - практи-

Любопытно, что, следуя „классовой терминологии", столь привычной старому составу Политбюро, Горбачев, делясь с коллегами своими впечатлениями об американском президенте, заявил, что Рейган „отличается крайним Примитивизмом, пещерными взглядами и интеллектуальной немощью". Впоследствии он говорил о Рейгане куда более взвешенно.

чески самостоятельно определял и осуществлял внешний курс страны. Все это стало особенно очевидным с 1989 года.

Горбачев начал импровизировать и стал подчас, не консультируясь с Политбюро и экспертами, соглашаться на внезапные компромиссы, которые в ряде случаев нельзя было расценивать иначе как односторонние уступки американцам, делавшиеся во имя скорого достижения соглашения, что становилось порой самоцелью. Приведу лишь один пример.

В апреле 1987 года в Москву приехал госсекретарь Шульц для переговоров по евроракетам. Советское руководство на этот раз было готово пойти на взаимное уничтожение ракет средней дальности: наших СС-20 и других того же радиуса действия, одновременно с аналогичными американскими ракетами, размещенными в Европе с 1983 года. Это было фактически признанием того, что наши попытки затормозить размещение таких американских ракет в Европе потерпели неудачу. И Горбачев пошел на это нелегкое, но правильное решение. Ракеты средней дальности имели радиус полета от 500 до 1500 километров, и они, согласно готовившемуся соглашению, должны были быть уничтожены. В то же время СССР имел также на вооружении более сотни новых ракет СС-23 повышенной точности, но с максимальным радиусом до 400 километров. В этой связи наши военные справедливо настаивачи, что эти ракеты не подпадают под соглашение, хотя американцы стремились и их включить в соглашение.

Перед приездом Шульца Горбачев попросил маршала Ахромеева и меня подготовить для него памятную записку с изложением позиций обеих сторон с возможными рекомендациями. Мы это сделали, причем Ахромеев специально подчеркнул, что Шульц, видимо, будет опять настаивать на сокращении ракет СС-23 и что на это нельзя соглашаться. (Ахромеев не случайно настаивал на этом - наши военные знали, что Шеварднадзе был склонен уступить американцам в вопросе о ракетах СС-23 ради достижения быстрейшего компромисса, хотя прямо на Политбюро он так вопрос не ставил, но за кулисами обрабатывал Горбачева.)

После длительного разговора Шульц сказал Горбачеву, что он может наконец твердо заявить, что оставшиеся еще спорные вопросы могут быть быстро решены в духе компромисса и что он, Горбачев, может смело приехать в Вашингтон (как это давно планировалось) в ближайшее время для подписания важного соглашения о ликвидации ракет средней дальности, если он согласится включить в соглашение ракеты СС-23. После некоторых колебаний Горбачев, к большому нашему изумлению -Ахромеева и моему, - заявил: „Договорились". Он пожал руку Шулыгу, и они разошлись.

Ахромеев был ошеломлен. Он спросил, не знаю ли я, почему Горбачев в последний момент изменил нашу позицию. Я так же, как и он, был крайне удивлен. Что делать? Решили, что Ахромеев сразу же пойдет к Горбачеву. Через полчаса он вернулся, явно обескураженный. Когда он спросил Горбачева, почему он так неожиданно согласился на уничтожение целого класса наших новых ракет и ничего не получил существенного взамен, Горбачев вначале сказал, что он забыл про „предупреждение" в нашем меморандуме и что он, видимо, совершил тут ошибку. Ахромеев тут же предложил сообщить Шулыгу, благо он еще не вылетел из Москвы, что произошло недоразумение, и вновь подтвердить нашу старую позицию по этим ракетам. Однако недовольный Горбачев взорвался: „Ты что, предлагаешь сказать госсекретарю, что я, Генеральный секретарь,

некомпетентен в военных вопросах, и после корректировки со стороны советских генералов я теперь меняю свою позицию и отзываю данное уже мною слово?"

На этом закончилась печальная история с ракетами СС-23. Так, в течение нескольких секунд разговора с Шульцем он, никого не спрашивая и не получив ничего взамен, согласился уничтожить новые ракеты, стоившие стране миллиарды рублей. У Горбачева была прекрасная память, и он, конечно, хорошо помнил об этих ракетах. Но понимал, что если поставить этот вопрос на обсуждение в Политбюро, то он вряд ли получит поддержку нашего Генштаба, выступавшего против уничтожения таких ракет, фактически не подпадавших под договор. Вот почему Горбачев предпочел затем преподнести все это дело на Политбюро как свершившийся факт в качестве завершающего „компромисса", открывшего дверь к подписанию соглашения с США. Можно добавить, что многие члены Политбюро не знали толком, что это за ракеты СС-23, так как Горбачев говорил о них скороговоркой, а министр обороны Язов промолчал.

Когда Горбачев прибыл в Вашингтон 8 декабря 1987 года для подписания указанного соглашения, он, опять же без серьезного торга, согласился еще на одну уступку: уничтожить все ракеты СС-20 не только в европейской части СССР, но и в азиатской части, хотя в Азии они являлись частью нашей обороны против американских баз в Японии и Индийском океане, а также противовесом китайским ядерным вооружениям.

Политически этот договор, конечно, посылал важный сигнал всему миру: две сверхдержавы фактически молчаливо согласились с тем, что их долголетняя приверженность гонке вооружений не укрепляла их национальную безопасность и что они намерены теперь уделять больше внимания вопросам контроля над вооружениями.

Однако надо признать, что это соглашение было достигнуто ценою гораздо больших уступок с нашей стороны, чем с американской. И, думается, их можно было бы избежать, если бы мы проявили меньшую торопливость. Видимо, Горбачев считал, что сохранение динамизма в нашей политике оправдывает уступки. Такая тактика могла, конечно, иметь известное основание, но лишь до определенного предела, исключавшего создание выгодного для США прецедента в последующих переговорах.

Естественно, конфликт с военными усиливался. Особое недовольство вызывала деятельность Шеварднадзе, который, по их убеждению, проявлял чрезмерную готовность уступать американцам. Дело стало принимать порой характер открытых стычек на Политбюро между министром обороны маршалом Соколовым и Шеварднадзе. Более того, работа совместной рабочей комиссии представителей Министерства обороны и Министерства иностранных дел, созданных для разработки позиций к переговорам с США по разоруженческим вопросам, стала все чаще и чаще заходить в тупик. Представители обоих министерств выполняли приказы своих министров, а эти приказы явно не состыковывались в единую позицию. Горбачев дал указание, чтобы в работе комиссии принимали участие сами министры. Однако и это мало помогало.

Тогда Горбачев сделал такой ход: во главе рабочей комиссии он поставил члена Политбюро Зайкова, который занимался военной промышленностью и имел хорошие связи с военными, но как старый партийный работник внимательно прислушивался к Генеральному секретарю. Это и делало в целом позицию Зайкова достаточно уравновешенной.

Работа комиссии, в которой и я принимал участие, стала продвигаться вперед, но все же недостаточно быстро, как хотелось бы Горбачеву и Шеварднадзе. Последний по-прежнему часто оставался в одиночестве на заседаниях комиссии. Тогда, как правило, он говорил: „Хорошо, оставим этот вопрос, я переговорю с Михаилом Сергеевичем".

Сам Горбачев вначале остерегался еще вступать в открытый конфликт с военными, но неожиданно ему помог непредвиденный случай. 29 мая 1987 года небольшой одномоторный спортивный самолет, которым управлял летчик-любитель из ФРГ, пересек советскую границу, долетел, не обнаруженный советскими средствами противовоздушной обороны, до Москвы и совершил сенсационную посадку на Красной площади.

Горбачев не замедлил использовать этот скандальный случай в своих интересах. В субботу, 30 мая, он созвал внеочередное заседание Политбюро. Открывая заседание, он заявил об абсолютной беспомощности Министерства обороны, которое „должно еще объяснить народу и партии" этот из ряда вон выходящий случай. Он потребовал немедленных объяснений от руководителей министерства.

Заместитель министра обороны генерал Лушев признал чрезвычайный характер происшествия. Он пытался оправдать бездеятельность системы ПВО тем, что она была рассчитана лишь на современные военные самолеты и не смогла обнаружить спортивный самолет, летевший со скоростью 150 -170 км в час на высоте 300 - 400 метров. Впрочем, все эти оправдания прозвучали весьма неубедительно, и Лушев сам вынужден был сказать, что вся ответственность полностью лежит на Министерстве обороны.

Министр обороны Соколов заявил, что все это дело передается в военную прокуратуру, которая рассмотрит ответственность конкретных высших военных должностных лиц, начиная с командующего ПВО страны генерала Колдунова (последний уже на самом заседании Политбюро был снят с занимаемого им поста). Соколов признал, что министерством не была отработана тактика борьбы с подобными низколетающими одиночными целями. Признал он и отсутствие четкого взаимодействия во всех звеньях ПВО.

После этого развернулась жесткая дискуссия. Премьер Рыжков заявил, что наступила пора спросить и с армии, которая до сих пор была запретной для критики зоной. Громыко высказал предположение, что указанный полет, судя по всему, не случайность, а является результатом заранее разработанного сценария немецких и американских спецслужб, чтобы дискредитировать советское руководство, показав его неумение защитить границы своего государства. Лигачев (по предварительному сговору с Горбачевым) призвал решительно обновить руководство Министерства обороны и усилить партийный контроль над армией. Шеварднадзе обвинил военных в том, что перестройка как процесс совсем не затронула армию. Он говорил о девальвации авторитета армии, падении ее боеспособности, ее стремлении к неоправданно раздутому военному бюджету и нежелании участвовать в процессе переговоров по ограничению вооружений. Вообще он постарался отыграться на Соколове.

В заключение с резкой речью выступил Горбачев. Он говорил о серьезности положения в армии, о том, что руководство Министерства обороны болезненно воспринимает поворот партии в сторону перестройки и нового мышления и что это положение надо решительно исправить. Он поставил вопрос не только об усилении политической ответственности военных, но и необходимости срочного укрепления руководства Министерства обороны.

Затем, обращаясь к министру обороны Соколову, он сказал: „Сергей Леонидович, я не сомневаюсь в Вашей личной честности. Однако в сложившейся ситуации я, на Вашем месте, подал бы в отставку". Потрясенный Соколов тут же заявил, что он просит принять его отставку.

Горбачев от имени Политбюро, не мешкая, принял эту отставку, добавив, что она будет оформлена как уход на пенсию.

Затем, после 15-минутного перерыва, Горбачев предложил вместо Соколова назначить на этот пост генерала Язова, который был заранее предусмотрительно вызван Горбачевым и затем представлен Политбюро.

Надо сказать, что Язов в этот момент занимался в Министерстве обороны кадровыми вопросами и был, естественно, тесно связан с аппаратом ЦК КПСС. Вопросами переговоров с американцами по разоруженческим проблемам он не занимался и вообще был далек от этого. Во всяком случае, при Язове Шеварднадзе чувствовал себя на этих переговорах вольготнее и спокойнее, не встречая столь сильной оппозиции со стороны военных, хотя недовольство в их рядах оставалось и время от времени давало о себе знать. Сам Язов вообще был гораздо более податлив и послушен, чем Соколов.

Так совершился „тихий переворот" в руководстве Вооруженных Сил СССР, поскольку вместе с Соколовым были вынуждены уйти в отставку и наиболее видные консервативные военачальники, противники реформы Горбачева и его „больших уступок" американцам на переговорах.

Горбачев торопится

Продолжая укреплять свой контроль над военным руководством страны, Горбачев становился все более активным и самоуверенным в вопросах разоружения. Он хотел быстрого продвижения, был заворожен большими возможностями в этой области и рукоплесканиями международной аудитории и, похоже, начал верить в свою исключительность и чуть ли не мессианство. Проводя по смыслу нужную стратегическую линию на значительное сокращение вооружений, он чрезмерно торопился, не очень обдумывая возможные серьезные последствия своих шагов, а подчас и поспешных импровизаций для всей страны. В этом была его слабость как практического политика. Очень часто (и это относится не только к проблеме разоружения) у него не было продуманного сценария для практического осуществления тех или иных замыслов, он имел лишь захватывающие наброски этих замыслов. На заседаниях Политбюро, когда кто-либо высказывал осторожно озабоченность по поводу возможных последствий его инноваций, Горбачев отбрасывал эти сомнения как противоречащие „духу нового мышления и перестройки".

Почему Горбачев так торопился? Самолюбие? Стремление сохранить динамизм советской внешней политики? Или подсознательное опасение, что историей ему отведено слишком малое время для осуществления его реформ? Я не берусь давать точный ответ. Только он сам может все это объяснить.

В 1988 году окончательно сложилась горбачевская концепция „нового мышления", которая наиболее полно была изложена им на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке в декабре того же года.

Горбачев привез большую и броскую программу одностороннего сокращения наших вооруженных сил на полмиллиона человек. Политический

эффект такого заявления был большим, как в стране, так и за рубежом. Горбачева почти все хвалили за это. Он достиг, пожалуй, наивысшей точки своей популярности. Да и дело было действительно нужное. Однако серьезным недостатком всей этой программы, как выяснилось позже, явилось то, что ни Горбачев, ни Советское правительство не имели разработанной программы быстрой реинтеграции такой большой массы людей в гражданскую экономику, а также создания конкретной системы европейской безопасности. Спустя два года Горбачев подписал договор между НАТО и Варшавским пактом о крупных сокращениях обычных вооруженных сил в Европе. Эта политика сокращений, хотя и правильная в принципе, но не продуманная по времени и не подкрепленная соответствующей материальной подготовкой и разъяснениями общественности страны, вызвала серьезный внутренний кризис в нашей стране, когда начался массовый вывод советских войск из Германии и Восточной Европы. Страна оказалась перед трудной дилеммой: где разместить войска? Где они будут жить? Что они будут делать? В результате идея сокращения численности войск - в его необходимости не было сомнения - в практическом осуществлении превратилась в тяжелое бремя для страны и кошмар для сотен тысяч военнослужащих и их семей. И это бремя было затем переложено на Россию, как и вопрос о безопасности страны в новых условиях, когда НАТО стремится расширить свои границы.

Моральное состояние вооруженных сил быстро ухудшалось, военные и гражданское население одинаково задавались вопросом: как это Советская Армия, все еще почитаемая как победитель во второй мировой войне, теперь быстро отводится домой, как будто ее просто вышвыривали из Европы? Таково было трагическое наследие поспешных решений.

С 1990 года авторитет Горбачева быстро падал в партии, в армии и в народе. Растущие серьезные экономические трудности в стране ускорили этот процесс.

Напротив, за рубежом его популярность росла*. Ему отдавали должное за улучшение отношений с Западом и за впечатляющий прогресс на переговорах с США по радикальному сокращению ядерных и обычных вооружений. В этом была, конечно, определенная доля его личных заслуг. Однако, оглядываясь назад, приходится признать, что дипломатии Горбачева в ее практическом осуществлении часто не удавалось добиться от США и их союзников, я бы сказал, более справедливых для нас результатов. Мы уже знаем, как был заключен Договор о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности. То же самое, по существу, получилось и с Договором об обычных вооружениях в Европе. Наибольшее бремя сокращений вооружений и вооруженных сил и непродуманных передислокаций войск опять легло на нас. Недальновидность тогдашнего руководства привела к тому, что ныне России приходится выполнять непростую миссию по поддержанию мира на ее южных границах в условиях, когда численность ее войск и вооружения в этих районах резко ограничены условиями указанного выше договора. С большим трудом

Горбачев любил заграничные поездки. За шесть лет своего руководства он совершил 40 визитов, побывав в 26 странах: четырежды - во Франции, трижды - в США и ГДР, дважды -в Польше, Италии, Финляндии, ФРГ, Индии, Англии. Так часто не ездил за границу, наверное, никто из руководителей великих держав мира, государств, обустроенных, не отягощенных серьезными внутренними проблемами.

России приходится сейчас добиваться пересмотра наиболее неблагоприятных статей этого договора.

В 1991 году в Москве на встрече на высшем уровне был подписан с США Договор об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений. В принципе это был нужный и важный договор. Но опять же с чисто военной точки зрения он был более выгоден Соединенным Штатам. Этот документ не связывал обе стороны какими-либо обязательствами соблюдать Договор по ПРО, за что долгие годы боролась советская дипломатия. Вначале Горбачев собирался сделать - отражая настроения наших военных кругов - одностороннее заявление о том, что если Договор по ПРО будет нарушен, то Москва будет считать себя свободной от обязательств по новому договору. Но затем, под нажимом американцев, он решил - опять, видимо, с целью улучшения атмосферы договорных процессов с ними - „не осложнять" церемонию подписания договора на высшем уровне. А результатом стало то, что сейчас в Вашингтоне даже на правительственном уровне опять слышны голоса о том, что США следует возродить рейгановскую „стратегическую оборонную инициативу", или доктрину „звездных войн". И мы вынуждены искать ныне какие-то компромиссы, но в невыгодных для себя условиях.

Весьма любопытную оценку деятельности Шеварднадзе (а фактически и самого Горбачева) дала влиятельная американская газета „Нью-Йорк Тайме" (31 марта 1991 г.) после его ухода с поста министра иностранных дел СССР. Газета писала, что американские участники переговоров по разоружению „были избалованы", пока „весьма обходительный" Шеварднадзе занимал свой пост и когда практически каждый спорный вопрос решался таким образом, „когда русские уступали 80%, а американцы-лишь 20%".

Да и сам госсекретарь Бейкер после первой же встречи с Шеварднадзе говорил своим коллегам, что „советский министр выглядел почти просителем" и что „Советы нуждаются лишь в небольшом поощрении, чтобы вести дела, по существу, на западных условиях".

В обмен на значительные уступки Горбачев и Шеварднадзе могли и должны были получить больше компенсаций для укрепления безопасности нашей страны. Однако они не смогли добиться этого, не проявили необходимой настойчивости.

По-своему способные и движимые вроде благородными порывами, но далеко не всегда практически мыслящие, нетерпеливые в достижении соглашений, слишком самоуверенные в своей непогрешимости и восхваляемые средствами массовой информации, Горбачев и Шеварднадзе, к сожалению, позволяли нередко западным партнерам по переговорам переиграть себя. В результате в ряде случаев они не получали адекватного эквивалента не только в области разоружения, но и в таких важных вопросах, как объединение Германии, общеевропейская безопасность*. Горбачев активно использовал личный канал связи с высшими американскими должностными лицами. Конечно, такой канал был важен и нужен. Однако подобная персональная дипломатия - в его исполнении - изолировала профессиональных дипломатов и экспертов от участия в поисках решений трудных проблем; Горбачев (вместе с Шеварднадзе) все больше брал эти вопросы только на себя.

Горбачев также полностью уступил Соединенным Штатам обширную морскую акваторию в районе Берингова пролива, богатую рыбой и бывшую предметом спора еще с конца 19 века.

Следует иметь в виду, что начиная с 1989 года в Горбачеве стало расти подспудное стремление нейтрализовать растущие внутренние трудности и падающую популярность в стране за счет внешнеполитических успехов, мнимых или реальных. Поэтому советы дипломатической службы - не спешить, поторговаться, чтобы получить то или иное обоюдно выгодное соглашение, - не всегда его устраивали. Времени у него как раз и не было. Он все больше стал замыкаться „в себе" при решении международных вопросов. Результатом явилось резкое ослабление способности всей советской дипломатии успешно адаптироваться к быстро меняющейся международной обстановке.

Роль международного отдела ЦК партии - после некоторого оживления в 1986 году - также быстро вновь уменьшалась. Он, по существу, вернулся к старой работе по связям с коммунистическими партиями и другими левыми международными организациями и движениями.

Правда, время от времени Горбачев использовал меня, памятуя мои хорошие личные связи в правительственных кругах США, при проведении встреч с Рейганом, а затем и с Бушем. Однако разработкой наших позиций к этим встречам занимались сам Горбачев, Шеварднадзе и узкий круг наиболее близких им лиц.

Мальта. Вопрос об объединении Германии и общеевропейской безопасности

История распорядилась так, что президент Буш, пришедший на смену Рейгану, и его госсекретарь Бейкер также начали руководить американской дипломатией в более персональной и свободной манере, активно контактировать напрямую с лидерами других стран путем личных встреч, либо прибегая к телефонным беседам. Ни американский президент, ни Горбачев, судя по всему, не чувствовали особой необходимости консультироваться со своими правительствами или пояснять населению своих стран направление и существо их конфиденциального диалога и взаимных действий, хотя они во многом определяли будущее для всего мира. Особенно активным был личный канал Шеварднадзе - Бейкер. Последний многого добился с помощью этого канала. Податливость Шеварднадзе нелегко объяснить, как и то, кому он больше подыгрывал: то ли Горбачеву, то ли американским партнерам, с тем чтобы „успешные" переговоры привлекли внимание мировой общественности к его личности и принесли ему политические дивиденды на Западе.

Как известно, во внешней политике Горбачев провозгласил общую для всех стран приоритетную задачу - предотвращение ядерной катастрофы и окончание „холодной войны". Он ставил своей целью избавить советскую внешнюю политику от догматизма и идеологической зашоренности, придать ей определенную гибкость, динамизм, чтобы уменьшить международную напряженность, развязывать сложные узлы и преодолевать застарелые споры и противоречия, особенно на американском направлении.

Большинство советского дипломатического корпуса (и я в их числе) встретило все это с энтузиазмом. Однако постепенно наши дипломаты оказались в замешательстве. Горбачев слишком часто и с непонятной спешкой растрачивал переговорный потенциал нашей дипломатии. Практическая интерпретация того, что он громогласно провозглашал

как „общечеловеческие ценности", подчас трансформировалась в решения, которые в какой-то степени игнорировали наши интересы ради достижения нужных, но слишком уж поспешных и не до конца продуманных соглашений с Западом. Такое поведение трудно оправдать, тем более, что Запад никогда не забывал о своих интересах на переговорах с Горбачевым.

Любопытно отметить, что Совет национальной безопасности США 13 марта 1989 года принял конфиденциальный документ о том, как администрации Буша вести дела с Горбачевым. В нем прямо говорилось, что целью американской политики должно быть не оказание „помощи" Горбачеву, а взаимодействие с Советским Союзом таким образом, чтобы „подталкивать его в направлении, желательном для нас".

И администрация Буша не без успеха подталкивала Горбачева и Шеварднадзе. Она совместно с Бонном добилась от Горбачева крупных уступок в другой ключевой области - объединении Германии.

Остановлюсь чуть подробнее на этом важном вопросе. Начиная с 1989 года МИД стал активно разрабатывать новые идеи глобальной и европейской систем безопасности (долгое время мы в своей политике исходили из того, что основным фактором нашей безопасности в Европе является наличие там сбалансированной двухблочной системы, однако события конца 80-х годов заставили подумать об альтернативах). Предполагалось, что эти системы должны существовать в рамках Объединенных Наций, а в Европе - в рамках совещания по безопасности и сотрудничеству. Таково было основное направление, предложенное нашей дипломатией, и Горбачев охотно поддерживал его. Он с энтузиазмом говорил о своем видении этой европейской системы безопасности в образе „общего европейского дома", где все нации Европы будут совместно мирно жить, как добрые соседи в одном „доме", причем США и Канада будут „проживать" на той же улице, если и не в этом „доме".

Вашингтон не разделял этот энтузиазм, но публично не возражал, будучи занят совместно с союзниками идеей объединения Германии.

Важное значение имела первая полномасштабная встреча Горбачева с Бушем 3 декабря 1989 года на Мальте (мне довелось участвовать в этой встрече). Значительное место на переговорах заняли проблемы разоружения. Но главными, по существу, были вопросы советско-американских отношений в свете прихода в США новой администрации, реформ Горбачева в СССР, развития событий в Восточной Европе и вокруг германской проблемы. Вопрос об объединении Германии не значился в подготовленной заранее повестке дня. Правда, Берлинская стена рухнула еще за месяц до встречи и идея объединения Германии получила новый импульс на Западе.

Буш осторожно прозондировал отношение Горбачева к этой идее. Горбачев высказался в том плане, что наша европейская политика основывается на приверженности „общеевропейскому процессу" и эволюционному построению „общеевропейского дома", в котором будут учтены интересы безопасности всех стран. Но он не уточнял, как это должно быть сделано, хотя у него и был с собой меморандум наших европейских и германских экспертов на эту тему („объединение Германии должно быть окончательным продуктом постепенной трансформации политического климата в Европе, когда оба блока - НАТО и Варшавский договор - будут распущены или объединены по взаимному согласию").

Вопрос о Германии подробно не обсуждался на Мальте, но для Буша и для Запада было важно в принципе, что Горбачев не отверг с ходу разговор об объединении Германии, как преждевременный, а именно этого опасались Вашингтон и Бонн *.

Не менее значительным по своим последствиям для развития событий в Восточной Европе было подтверждение Горбачевым - в ходе обсуждения с Бушем положения в странах этого региона, - что „доктрина Брежнева" мертва. Президент США воспринял это важное заявление как фактическое заверение Горбачева не вмешиваться в происходящие в странах Восточной Европы события, что, разумеется, активизировало деятельность Вашингтона по развалу социалистического блока. При этом США не брали на себя конкретных обязательств по созданию новой сбалансированной системы безопасности в масштабах всей Европы. Кто знает, быть может, уже тогда в кабинетах внешнеполитических ведомств стран Запада зарождалась идея продвижения НАТО на Восток, которая сейчас активно обсуждается.

Понимал ли Горбачев в тот момент (и позже) опрометчивость подобных своих поспешных заверений, хотя бы с точки зрения поддержания элементарного международного баланса сил, столь необходимого для дальнейших успешных переговоров и дипломатического торга? Или он был полностью заворожен обещаниями Буша не использовать во вред Горбачеву ослабление советских позиций в Восточной Европе, а также своим „новым мышлением" в отношениях с Западом? Не знаю. Но, во всяком случае, ясно, что в решающий момент он сознательно дистанциировался от бурных событий в Восточной Европе. „То, что происходит там, - прямо заявил Горбачев на заседании Политбюро 2 января 1990 года, - не должно нас сбить с пути, ни в мыслях, ни в действиях". Буш мог быть доволен. А Горбачев был удовлетворен полученным от президента США обещанием поддержать его реформы, а может быть, даже оказать экономическую помощь.

Любопытно, что сам Горбачев так охарактеризовал общий итог встречи на Мальте: „Отношения вышли на новый уровень". Бейкер также оценил эту встречу, как важный фактор в улучшении советско-американских отношений в 1990 году и как успех американской дипломатии в этой области.

Тем временем американский президент активизирует свои усилия в германском вопросе. Уже через неделю после Мальты Буш направляет Горбачеву личное послание, в котором на этот раз прямо ставился вопрос об объединении Германии. Президент писал, что этот процесс должен проходить в соответствии с принципом самоопределения без навязывания немцам каких-либо решений со стороны и с пониманием, что все это будет „частью растущей интеграции европейского общества", которая будет носить „постепенный и мирный характер и осуществляться в рамках эволюционного процесса".

Таким образом, обе стороны вроде согласились тогда с тем, что объединение Германии должно быть частью общего процесса, направленного на создание новой формы европейской безопасности и стабильности, которые до этого в течение сорока лет гарантировались сбалансированной, но жесткой структурой двух противостоящих блоков. Позиция в пользу эволюционных изменений в интересах создания новой общеевропейской системы была поддержана Политбюро.

На пресс-конференции в Италии, накануне прилета на Мальту, Горбачев четко заявил, что вопрос об объединении Германии это еще дело „нескорого будущего".

Ключевым пунктом разногласий с Западом оставался вопрос о военно-политической структуре объединенной Германии. Вскоре, однако, стали происходить непонятные метаморфозы в поведении самого Горбачева, который взял практически все переговоры по Германии на себя. Под давлением США и ФРГ (Буш и Коль активно использовали конфиденциальный персональный канал связи) он начал колебаться. Правда, во время встречи на высшем уровне с Бушем в Вашингтоне (в конце мая 1990 года) Горбачев пытался маневрировать с идеями о нейтрализации объединенной Германии или об одновременном ее членстве в НАТО и в Варшавском пакте на период, необходимый для объединения обоих блоков. Однако все его зигзаги и колебания продолжались недолго. По мере того, как нажим со стороны западных держав усиливался, а реформы в стране буксовали, Горбачев начал сдавать позиции, уповая на сотрудничество с Западом как на свою основную козырную карту.

Еще в Вашингтоне, после напряженной дискуссии с Бушем, Горбачев неожиданно согласился с тем, что Германия сама должна будет решать вопрос о вхождении в НАТО, что было равносильно согласию на вхождение объединенной Германии в НАТО. Как пишет госсекретарь Бейкер, такое заявление Горбачева „привело в шок остальных членов советской делегации". Ведь речь шла не просто об объединении двух частей Германии, а о присоединении ГДР к ФРГ в рамках НАТО.

К немалому удивлению Запада, да и большинства наших дипломатов, во время „блиц-встречи" с Колем в июле 1990 года в одной из курортных зон Кавказа Горбачев практически снял все важные возражения и оговорки относительно объединения Германии, получив взамен некоторую денежную компенсацию, чтобы построить жилье в СССР для выводимых советских войск, и некоторые ограничения в отношении деятельности НАТО на территории бывшей ГДР, которые, впрочем, вскоре после объединения были тихо отменены. Важнейший вопрос о безопасности СССР в рамках новой системы безопасности в Европе даже не стал предметом сколько-нибудь серьезного рассмотрения, а тем более решения. Так, по существу, были сданы дальние западные рубежи безопасности нашей страны без какой-либо стратегической компенсации*.

Как мне впоследствии рассказал один из помощников Буша, Коль, по его собственному выражению, был поражен таким внезапным полным согласием Горбачева. Канцлер (как и весь Запад) готовился к долгим и трудным переговорам с Горбачевым, и с таким настроением он приехал на встречу с ним. На обратном пути в Бонн Коль и его окружение на борту самолета бурно отпраздновали это историческое событие, которое вопреки их ожиданиям произошло так скоро. Вашингтон также не скрывал своего удовлетворения, ибо вопрос об объединении Германии под эгидой Запада был событием особой важности и для США, и для НАТО. Вашингтон, так же, как и Бонн, был готов к тому, что Западу, видимо, придется заплатить немалую политическую и экономическую цену -значительно большую, чем пришлось заплатить в действительности. Об этом мне впоследствии говорили и Бейкер, и Киссинджер, и многие другие в США.

* Как признает Горбачев в своих мемуарах, он удовлетворился достижением общего мнения с Колем о том, что „следует стремиться к большей синхронизации общеевропейского процесса и процесса объединения Германии". И ничего больше!

„Загадка" Горбачева

Итак, вместо того, чтобы осуществлять постепенный эволюционный процесс, Горбачеву понадобилось только полгода, чтобы сдать все позиции. Почему он так спешил? Он, конечно, понимал, что объединение Германии исторически неизбежно. Но этот процесс должен был быть завершен таким образом, чтобы обеспечить безопасность и стабильность Советского Союза и всей Европы. В конце концов, ведь именно Германия развязала обе мировые войны. И советское руководство было просто обязано добиваться того, чтобы безопасность нашей страны была бы обеспечена на будущее, в том числе системой соответствующих международных договоров в связи с объединением Германии.

Вначале Горбачев придерживался правильного подхода: объединение Германии должно быть синхронизировано с формированием новой структуры безопасности в Европе. Но он не проявил настойчивости в осуществлении этого важного стратегического плана, что было особенно необходимо в условиях, когда режимы в странах Восточной Европы стали распадаться и весь этот район быстро дестабилизировался. По существу, Горбачев по-серьезному и не попытался предпринять какие-то практические шаги по реализации такого плана. Его как бы парализовала волна перемен, которая прокатилась по странам Варшавского договора. Его сбитые с толку коллеги по Политбюро наблюдали (одни с гневом, другие пассивно), как одна за другой бывшие соцстраны порывали с СССР союзнические отношения, которые их связывали в течение жизни целого поколения. Правда, ситуация в отдельных странах обсуждалась на Политбюро от случая к случаю, но это обсуждение носило хаотичный характер. На этих заседаниях Горбачев гневно обвинял руководителей стран Восточной Европы в нежелании реформироваться и в неумении приспособиться „к новому мышлению". Порой, под" влиянием момёнта он спешно вылетал к этим "руководителям и „учил" их, но это только ускоряло дезинтеграцию существовавших режимов, особенно в ГДР.

По-моему, Горбачев никогда не предполагал, что вся Восточная Европа может выйти из сферы нашего, влияния в считанные месяцы и что Варшавский договор так быстро развалится. Он растерянно наблюдал за последствиями своей собственной политики. Встревоженный Генштаб бил тревогу по поводу дезинтеграции Варшавского договора, обращая внимание Горбачева на проблемы обеспечения безопасности нашей страны в складывавшихся условиях. Однако у Кремля не было никаких планов на случай такого развития событий- Военная интервенция исключалась. Горбачев лихорадочно повторял свой основной тезис о взаимном с Западом поиске „новой системы безопасности для новой Европы". Однако Запад не проявлял готовности к совместным практическим шагам, хотя на словах охотно поддакивал ему.

Все это проходило на фоне растущего политического и экономического кризиса в стране, связанного с реформами. А это ослабляло внешнеполитические позиции Горбачева, заставляло его торопиться.

Попытка заручиться поддержкой Вашингтона

В Вашингтоне ни при Рейгане, ни при Буше не проявляли особенного оптимизма в отношении успеха проводимых Горбачевым реформ. В начале 1989 года в ходе подготовки к первой полномасштабной встрече с Бушем на

Мальте Горбачев послал меня в Вашингтон с личным письмом к американскому президенту и инструкциями, касающимися обсуждения вопросов повестки дня предстоящей встречи*.

Буш, которого я знал в течение двадцати лет, в беседе наедине со мной признался, что недавние „бурные события" в СССР заставили его более внимательно изучить советскую историю и роль компартии в правящей структуре страны. Президент задал мне „не очень дипломатичный, но весьма прямой вопрос": сможет ли Горбачев пережить „эти бурные дни"? Президент, по его словам, хотел бы иметь Горбачева в качестве своего партнера в будущих переговорах по различным вопросам, но не совсем уверен в отношении политического будущего самого советского лидера. Буш интересовался, какие Горбачев имеет юридические и иные гарантии, чтобы продолжать свою роль лидера „независимо от каких-либо внезапных решений партии", как это произошло с Хрущевым. Он извинился за деликатный характер своего вопроса, заверив, что содержание нашего разговора останется строго между нами.

Я ответил Бушу, что он прав, когда говорит о сложной обстановке, возникшей в стране, которая крайне затрудняет высказывание каких- либо долгосрочных прогнозов. Горбачев, сказал я, только что избран президентом, с этого поста он не может быть отстранен решением партии, но последняя пока остается все же основной руководящей силой в стране. Думаю, заключил я, что, не заглядывая далеко, Горбачев готов оставаться партнером Буша в области внешней политики на ближайшие годы и сохранит стремление к разоружению и другим договоренностям с США.

Через пару дней Буш передал написанное от руки письмо Горбачеву, в котором подчеркивал важное значение их личных контактов и „важность перестройки не только для советских людей, но и для его (Буша) собственных детей и внуков". Было очевидно, что Буш решил сделать ставку на Горбачева.

Однако влияние Горбачева на ход событий в своей собственной стране шло на убыль. В течение первых четырех лет пребывания у власти Горбачев был неоспоримым лидером страны, до конца 1989 года он сохранял контроль над процессами, которые он сам так смело привел в действие. Но к 1990 году ситуация для него стала ухудшаться, и он стал чувствовать, что начинает терять в стране почву под ногами. Он отчаянно старался укрепить свои позиции и, хотя об этом не очень известно, стремился заручиться моральной и финансовой поддержкой со стороны США и лично президента Буша. Горбачев искал для себя новую точку опоры.

Накануне встречи на Мальте (в декабре 1989 года) кремлевское руководство все еще не было уверено, собирается ли Буш поддерживать реформы Горбачева. Отражая эти настроения, Шеварднадзе направил Горбачеву меморандум, в котором говорилось, что „Буш выглядит нерешительным лидером", поддающимся влиянию разных сил в США и что он, судя по всему, все еще не определил своей позиции по кардинальному для советского руководства вопросу - об отношении к реформам, проводи-

Горбачев впервые встретился с только что избранным президентом Бушем в декабре 1988 года за завтраком, устроенным в Нью-Йорке уходящим президентом Рейганом. Горбачев надеялся поговорить с Бушем, но не смог. Ему удалось лишь накоротке переговорить с Бушем после завтрака 1а_был их переводчикам). Горбачев заверил его в своей решимости продолжить реформы. Они договорились поддерживать частые личные контакты между собой.

мым в Советском Союзе. Шеварднадзе справедливо писал, что Буш, очевидно, совсем не прочь использовать трудности Москвы в связи с перестройкой в своих собственных интересах и что важнейшая задача Горбачева в ходе встречи на Мальте - это добиться, по возможности, от Буша обещаний поддерживать эти реформы, убедив его, что это было бы в интересах обеих стран.

Могу засвидетельствовать, что Горбачев при встрече с Бушем энергично действовал в этом направлении. Американский президент внимательно слушал своего собеседника. В общем, они остались довольны друг другом, заложив основу неплохих личных отношений.

Горбачев покинул Мальту под впечатлением, что он добился поддержки его программы со стороны Буша и считал это наиболее важным результатом их встречи. В своем докладе на Политбюро (21 января 1990 года) он приветствовал „готовность Буша оказать известную практическую помощь в сфере экономики" (эта „готовность" так и не реализовалась), а также „взаимное понимание необходимости советско-американского сотрудничества, как стабилизирующего фактора в текущий критический момент развития мировой истории".

В середине мая 1990 года, накануне визита Горбачева в США, госсекретарь Бейкер посетил Москву. Горбачев имел долгий доверительный разговор с ним наедине о нашей внутренней обстановке и своих проблемах в этой связи. Бейкер говорил с явной симпатией. Горбачев с энтузиазмом _ воспринял его заявление о том, что администрация Буша „полностью. поддерживает перестройку так как она соответствует и интересам США", и что „Вашингтон изменил свой курс в советско-американских отношениях, логами сотрудничества". Горбачев был воодушевлен подобными заверениями. Любопытно, однако, что за несколько дней до приезда Бейкера американский посол Мэтлок в конфиденциальной беседе с приехавшим в Москву губернатором штата Мэриленд Шаффером высказал свою оценку положения дел в Советском Союзе. СССР, сказал он, находится сейчас в состоянии хаоса, спада экономики, растущей преступности и даже угрозы военного переворота. Хотя ТГ есть надежда на постепенную демократизацию страны, но на это потребуется от. половины до трех четвертей столетия./США, отметил посол, хотят поддержать Горбачева, но тут же добавил; что Вашингтон заинтересован в использовании предстоящего визита Горбачева в США в своих интересах путем подталкивания его к политическим и военно-стратегическим уступкам включая объединение Германии.

Вернувшись из Вашингтона после встречи с Бушем 31 мая - 2 июня 1990 года, Горбачев опять с удовлетворением заявил членам Политбюро, что Буш «понимает наши внутренние трудности" и „дал личные заверения" в том, что „США никогда -не будут представлять угрозы для Советского Союза". Горбачев заявил также, что ему удалось убедить президента США в том, что изменения, вытекающие из перестройки, будут отвечать и их интересам.

О своем разговоре с Бушем о Германии Горбачев особенно не распространялся, он сказал только, что Буш понимает важность того, что объединение Германии должно быть частью общеевропейского процесса. Горбачёв добавил скороговоркой, что ускорений этого процесса должно в целом способствовать и нашему курсу на перестройку. Как известно, уже через месяц он пошел на объединение Германии.

Надо сказать, что во всем этом немалую роль сыграл Буш. В драматические дни июля_1990 года, когда обсуждение вопроса об объединении Германии достигло критической отметки и накануне визита канцлера Коля в СССР, Буш дважды говорил по телефону с Горбачевым, убеждая принять их точку зрения, а затем прислал ему личное письмо о своих впечатлениях от только что закончившейся в Лондоне встречи большой „семерки" (ведущих западных держав и Японии). Руководители „семерки", писал Буш, согласны в том, что все последние „позитивные и быстрые изменения" в Европе в большинстве своем были результатом «Вашей дальновидной политики, И он добавил, желая польстить Горбачеву, что „*НАТО* готова сотрудничать с Вами в строительстве новой Европы". Как президент США он лично думает также о том, как „постепенно преобразовать НАТО".

Горбачев был весьма ободрен этим письмом. В своем ответе от 6 августа 1990 года он выражал уверенность „в тесном сотрудничестве (с Бушем) в решении всех этих исторических задач". Месяц спустя, во время их встречи на хельсинкской конференции, Буш опять похвалил внешнюю политику Горбачева. В своей записке в Политбюро Горбачев" и Шеварднадзе с удовлетворением сообщили об этом, а также о том, что Буш и Бейкер „весьма определенно говорили об их твердой поддержке наших кардинальных реформ советского общества в это трудное время".

Оценка администрацией Буша деятельности М.Горбачева

Итак, Горбачев, осуществляя политику реформ и нового мышления, делал во внешней политике основную ставку на сотрудничество с США. В этом, собственно говоря, не было ничего предосудительного. Я сам, будучи послом, стремился к тому,, чтобы такое сотрудничество между нашими странами существовало везде, где только было возможно в те сложные годы. И Горбачев действительно внес немалый вклад в улучшение советско-американских отношений, в уменьшение ядерного противостояния. Нельзя, однако, согласиться с крайней нетерпимостью почитателей Горбачева в США к любой критике в его адрес, высказываемой ныне в нашей стране.

Трагедия Горбачева заключалась в том, что его внешнеполитическая активность - особенно в последние годы, - чрезмерно поспешная и сопровождавшаяся подчас уступками Западу под лозунгом „доброй воли" и „общечеловеческих ценностей", все чаще воспринималась на его Родине как дающая больше выгод Соединенным Штатам, чем его собственной стране. Все это наряду с быстро углубляющимся внутренним кризисом способствовало возникновению широкого недовольства и даже негодования в его адрес. К концу своего правления Горбачев пришел к печальным и парадоксальным итогам: насколько восторженно его хвалили на Западе, настолько же резко критиковали и ругали его у себя дома, обвиняя порой даже в «предательстве интересов страны. Равнодушных тут не было, нет их и сейчас.

Внимание общественности США, которая не знает всего этого, практически никто не обращает на такие факты. Этим грешат и многие мои американские коллеги, даже многоопытный Мэтлок, который был послом США в Москве при Горбачеве в последние годы его правления. Он защищает Горбачева (от критиков в России), но при этом, однако, старательно обходит молчанием главное, а именно, что деятельность Горбачева (вольно или невольно) способствовала расколу советского общества и распаду

великой державы - Советского Союза. В те годы американская дипломатия и сам Мэтлок старались максимально использовать те беспрецедентные возможности, которые возникали для них в результате активности советского руководителя. И делалось это, разумеется, не ради горбачевских „общечеловеческих ценностей", а в первую очередь во имя национальных интересов США, чтобы сокрушить своего основного соперника. Ведь от новой геополитической реальности, после распада СССР, больше всех выигрывали именно США.

В этом контексте весьма важно знать, как сама администрация Буша в действительности оценивала Горбачева и проводимую им политику и как она практически действовала. Предоставим слово госсекретарю Бейкеру, который с 1989 года неоднократно встречался с Горбачевым и Шеварднадзе и участвовал во всех советско-американских переговорах. В обширных мемуарах, опубликованных им осенью 1995 года, впервые излагаются конфиденциальные и нелицеприятные оценки, которые Бейкер и Буш давали Горбачеву и Шеварднадзе в разные моменты взаимодействия с ними вплоть до распада Советского Союза.

Бейкер откровенно указывает, что при всем расположении к ним в Белом доме определяющим мотивом в подходе администрации всегда было стремление в максимальной степени использовать отношения с Горбачевым и ослабление его позиций дома прежде всего в государственных интересах США. Впрочем, в международной политике другого ожидать было трудно.

Буш и Бейкер были воспитаны на традициях „холодной войны" и долгого противостояния двух сверхдержав и не очень-то торопились принять на веру провозглашенную Горбачевым политику „нового мышления". Торопливость и активность Горбачева воспринимались в Вашингтоне, скорее, как средство нейтрализации возникших трудностей во внешней и внутренней политике СССР. Администрация Буша не случайно ведь выжидала почти весь 1990 год, прикидывая, какой наиболее выгодный для себя курс следует проводить в отношении Горбачева, который нетерпеливо стучал в двери США, предлагая различные инициативы.

Вот несколько любопытных отрывков из книги Бейкера „Политика и дипломатия".

После личных встреч с Горбачевым и Шеварднадзе в течение 1989 года Бейкер следующим образом описывает свои впечатления президенту Бушу: „Эти политические лидеры очень спешат, словно их что-то подгоняет, но, похоже, у них нет какого-либо конкретного плана. Они постоянно находятся в поисках каких-то инициатив, лишь бы были инициативы". Говоря далее, что, по его мнению"СССР как великая держава постепенно вступает в период упадка, Бейкер задается вопросом: насколько далеко Кремль пойдет дальше в своих реформах?

Отмечая первый неофициальный визит Б. Ельцина в Вашингтон в сентябре этого же года, Бейкер пишет об усилившейся у администрации неопределенности в отношении Советского Союза и дальнейшего курса действий самих США: „Мы должны были добиваться максимума возможного, пока Горбачев находился у власти, чтобы закрепить происходящие перемены. Мы знали, что Горбачев был готов делать уступки. Но мы не были уверены в этом отношении насчет его преемника".

После Мальты Буш и Бейкер вынесли твердую уверенность, что Горбачев „был готов максимально развивать" отношения с США. Бейкер подробно описывает дальнейшие события, как они успешно „дожимали"

Горбачева и Шеварднадзе по вопросу об объединении Германии и в переговорах по разоружению*. Правда, признается Бейкер, один раз, когда он приехал в Москву с очередным визитом в середине 1990 года, Горбачев, видимо, начавший терять терпение из-за такого нажима, выразил ему серьезное недовольство, подняв вопрос об истинном отношении Вашингтона к нему. „Наблюдая за критическими моментами в наших отношениях, порой мне кажется, что вы всегда стараетесь добиваться преимуществ прежде всего для себя". Горбачев при этом конкретно упомянул Восточную Европу, Германию и события в Литве** в качестве примеров. „Одной из целей вашей политики является стремление оторвать Восточную Европу от СССР". Подчеркнув, что он испытывает растущие трудности в стране в связи с его политикой в отношении США, Горбачев заявил, что и Соединенным Штатам необходимо двигаться навстречу СССР, а „не ждать, пока спелые яблоки упадут в корзину". В общем-то, это была справедливая критика в адрес американского руководства.

В телеграмме президенту Бушу по поводу этой беседы Бейкер писал, что раздраженный Горбачев ясно дал понять, что „в период усиливающихся для него затруднений дома он не хочет, чтобы мы усложняли его жизнь". Его внутренняя программа „очень сильно зависит от его международных достижений", признался Горбачев Бейкеру, а теперь Запад, как ему кажется, „начинает давить на него". И Бейкер саркастически заключает: „Горбачев начинает говорить как обманутый любовник, которого покинули у алтаря".

Оставим на совести госсекретаря его не очень уместный сарказм по поводу естественно растущего беспокойства Горбачева. А суть дела была в том, что такими словами он стремился прикрыть двойственный подход самой администрации Буша к Горбачеву: поощрение (гласное и негласное) его реформ, во многом отвечавших и интересам Запада, при одновременном использовании, где только можно его трудностей, уклоняясь при этом от оказания советскому реформатору существенной экономической и финансовой помощи, в которых Горбачев так нуждался, но не мог в обмен предоставить Вашингтону надежных гарантий на успех. А без этого расчетливые американцы не хотели рисковать своими капиталами***.

* 11 февраля 1990 года Шеварднадзе информировал Бейкера, что для придания переговорам динамизма Горбачев принимает предложение *Буша об* „асимметричных", т. е. значительно более крупных сокращениях войск и вооруженных сил СССР и других стран Варшавского договора в Центральной Европе.

** И Буш, и Бейкер после встречи на Мальте" негласно постоянно „сдерживали" Горбачева - в связи с растущей неустойчивостью в Прибалтике - в отношении применения каких-либо силовых методов, утверждая, что это вызвало бы бурную реакцию в США и нанесло бы сильный ущерб советско-американским отношениям. Следует иметь в виду, что еще на Мальте Бушу удалось получить от Горбачева важное обещание о том, что для защиты территориальной целостности СССР, в связи с внутренними событиями, будут использованы лишь демократические методы, а не сила.

*** Во время визита в Москву в марте 1991 года Бейкер значительную часть беседы с Горбачевым посвятил экономическим проблемам перестройки. По его словам, на Западе усиливалось впечатление, что экономическая политика Горбачева „шагнула вправо". Буш считает, отметил Бейкер, что место Горбачеву в истории обеспечено, если он не изменит своего курса, не повернет его вспять. Госсекретарь критиковал при этом действия премьера Павлова. Оправдываясь, Горбачев заявил, что нужно приложить огромные усилия, чтобы удержать ситуацию под контролем. „Требуется и определенное тактическое маневрирование, чтобы нейтрализовать оба радикальных крыла, как крайне левых, так и крайне правых, избежать гражданского конфликта".

Горбачев, будучи умным человеком, конечно, все это хорошо понимал, Но, оказавшись в трудном положении, он все-таки очень надеялся, что в

А и на Западе в целом возобладает понимание того, что те нелегкие преобразования, которые он стремился проводить в СССР, в конечном счете дают Западу во многом то, чего он не смог добиться в длительной „холодной войне". Он надеялся, что его зарубежные партнеры и друзья поймут все это и придут в трудное для него время на помощь.

Как свидетельствует в только что опубликованных мемуарах бывший посол США в Москве Мэтлок (он оставался послом до августовского путча), наряду с этими надеждами Горбачев все чаще выражал ему недовольство по поводу того, что Буш и его администрация прибегают к уловкам и уклоняются от оказания действенной материальной помощи. После довольно напряженной встречи с Горбачевым *(7 мая 1991* г.) посол Мэтлок направил в Вашингтон телеграмму. „Вы уже уверовали, что мой корабль тонет?" -гневно, как пишет посол, вопрошал советский президент. По словам Мэтлока, Горбачев жаловался при этом, что Буш окружил себя „антисоветски настроенными советниками", которые снабжают его фальшивой информацией. Разделу своей книги, в котором описываются подобные настроения Горбачева в начале 1991 года, посол дал характерный заголовок: „Джордж меня больше не любит Мэтлок пишет, что Горбачев не мог понять, почему западные демократии, истратившие миллиарды долларов на войну в Персидском заливе, не могут сообща также выделить ему солидную сумму (посол называет цифру в 2,6-30 млрд. долларов), чтобы помочь успешно провести реформы столь нужные, как считал Горбачев, и самому Западу.

Посол приводит; довольно любопытный эпизод, когда в Москву, по приглашению Горбачева, прибыла Тэтчер (она уже не была в то время премьер-министром Великобритании). После ужина у Горбачева она срочно встретилась поздно ночью с Мэтлоком и передала через него сообщение своему „старому другу Джорджу" о состоявшейся продолжительной беседе с президентом СССР. „Мы должнь1помочь_М^хаилу. Конечно, вы, американцы, не должны все делать сами, но Джордж должен возглавить общие усилия, как он это сделал в Кувейте". Она считала, что сейчас, когда Горбачев помог прекратить „холодную войну" и встал на путь реформ, „история не простит нам, если мы сообща не поддержим его". Тэтчер ушла от Горбачева под глубоким впечатлением, что его политическое положение стало „отчаянным".

Когда Мэтлок попытался оправдать пассивность своего правительства, Тэтчер оборвала его: „Вы рассуждаете как дипломат. Просто ищите предлоги, чтобы ничего не делать. Почему вы не можете думать как государственный деятель? Мы нуждаемся в политическом решении, чтобы поддержать весь процесс, который отвечает интересам каждого из нас!"

Посол признает в своих мемуарах, что целесообразность действий была налицо, но он, посол, совсем не был уверен, что Вашингтон был готов использовать такую возможность. „Хотя президент Буш, - пишет он, -относился с сочувствием к проблемам Горбачева и в политическом плане поддерживал его, он тем не менее не хотел связывать себя созданием Международной структуры, которая могла бы помочь Советскому Союзу войти в мировую экономику в качестве конструктивного партнера. Президент не обладал видением того, как можно повлиять на развитие событий в будущем, и поэтому он предпочел занять выжидательную позицию: ждать, пока Горбачев сам найдет ключи к реформе, а самому

время от времени мямлить слова поддержки или упрека, старательно избегая при этом связывать себя какими-либо конкретными действиями".

Мямлить... Яснее не скажешь. Даже Тэтчер не смогла воздействовать на Буша и его администрацию. Еще раньше, не соглашаясь с мнением Тэтчер о необходимости в порядке поддержки Горбачева „встретить его на полпути", Бейкер прямо заявил своему британскому коллеге Хау: „Он идет по пути к нам. Так пусть же идет и дальше".

Правда, Бейкер описывает, как западные державы поспешили оказать пропагандистскую помощь Горбачеву и Шеварднадзе, когда они стали подвергаться сильной критике на съезде КПСС за прозападную политику. В разгар этой критики сессия Совета НАТО в Лондоне в июле *1990 года* выступила с декларацией - обещанием о том, что НАТО, как организация, будет меняться, как и сама структура европейской безопасности, в свете „благоприятных событий" в СССР и Восточной Европе. Показательно, что Бейкер негласно заранее уведомил Шеварднадзе о готовности НАТО откликнуться на просьбу Москвы и принять такую декларацию, которая поможет ему и Горбачеву „отбиваться от критики". Как признался впоследствии Шеварднадзе Бейкеру, без этого Горбачеву было бы трудно защитить в Москве известное решение по Германии.

Тем временем Бушу удалось привлечь на свою сторону Горбачева в связи с кризисом в Персидском заливе после оккупации Ираком Кувейта. Правда, американцы остались не очень довольны тем, что Горбачев активно выступал в поддержку мирного урегулирования кризиса (поездки Е.Примакова на Ближний Восток и в Вашингтон), тогда как Белый дом явно держал курс на военную победу, заставив, в конечном счете, Горбачева согласиться на это. В своих мемуарах („Жизнь и реформы") Горбачев отмечает, что план политического урегулирования кризиса в Персидском заливе был возможен и что этого не случилось из-за позиции США, в последний момент отдавших предпочтение военному решению вопроса. „Реализация плана могла поднять еще больше престиж СССР, а это многими советниками президента всегда рассматривалось как не отвечающее интересам США", - подчеркивает он.

Примерно в это же вре1яя (20 июня 1991 г.) американский посол Мэтлок прислал в Вашингтон сверхсрочную телеграмму о том, что его только что посетил мэр Москвы Попов и написал на бумаге (он не хотел говорить вслух, опасаясь подслушивания), что в столице готовится путч против Горбачева (он назвал имена заговорщиков – Павлов, Дрючкова, Язова и Лукьянова) и что положение поэтому серьезное. Попов попросил срочно сообщить об этом Ельцину, находившемуся то время с визитом в США. Президент Буш тут же поручил Мэтлоку встретиться лично с Горбачевым и передать эту важную информацию не называя фамилии заговорщиков. Однако Горбачев, как телеграфировал затем посол в Белый дом, отнесся к этому сообщению весьма спокойно: он был уверен, что „никто не сможет сбросить его (разговор этот был за два месяца до известных августовских событий). Тем временем Буш проинформировал о записке Попова и Ельцина, который как раз в этот момент находился в Вашингтоне.

Сам факт, что мэр столицы обращается с такой важной информацией к американскому послу, а не к советскому президенту, примечателен тем, что он характеризует умонастроения в Москве в тот период.

В связи с этим эпизодом Бейкер делает такую характерную запись: „Как раз в тот момент, когда советско-американское сотрудничество достигло

наивысшей точки, внутренние позиции Горбачева и стабильность советского государства упали до самого низкого уровня"*.

Еще раньше - после добровольной отставки Шеварднадзе в декабре 1990 года, замедления переговоров по разоружению и волнений в ряде республик СССР - в Белом доме в январе 1991 года было созвано совещание для обсуждения ситуации в Советском Союзе и положения самого президента Горбачева. Бейкер, как он сам пишет, заявил на этом совещании, пользуясь биржевым лексиконом, что советская „биржа терпит крах" и что надо „продавать акции". Бейкер откровенно поясняет, что термин „продавать акции" в отношении советско-американских отношений „означал необходимость получить максимум возможного от Советского Союза, пока не возникнет еще более сильный крен в стране вправо или в сторону дезинтеграции. Что касается пути для осуществления этой цели, пишет ретроспективно в своей книге госсекретарь, то он заключался в том, чтобы сохранять отношения с Михаилом Горбачевым до тех пор, пока мы сможем: успешно закончить войну в Персидском заливе, чего мы добились; заключить договор об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ), что и было сделано в июле месяце; и обеспечить договоренность по ограничению обычных вооруженных сил в Европе с одновременным продвижением вопросов нашей внешнеполитической повестки дня, особенно урегулирования на Ближнем Востоке". Такова была четкая программа администрации Буша на период, пока Горбачев находился еще у власти. И программа эта была выполнена.

Когда Бейкер встретился с Горбачевым в Москве 15 марта 1991 года, то понял, что внимание советского президента было целиком поглощено внутренними событиями, особенно „проблемой Ельцина" и плачевным состоянием экономики страны.

Задачи американской дипломатии летом 1991 года Бейкер формулировал как „балансирование" между Горбачевым и Ельциным. С одной стороны, пишет он, Горбачев в этот момент „был самым непопулярным политическим деятелем в Советском Союзе но он оставался президентом и нес еще "ответственность за принятие Кремлем решений, весьма важных для американских интересов, таких, как ОСВ, сокращение войск в Европе и мир на Ближнем Востоке. И это были как раз решения, имевшие большое значение для нас, но они сильно способствовали падению популярности Горбачева в стране. С другой стороны, был Ельцин, быстро растущий политический деятель, ставший в июне первым законно избранным президентом России".

^ 31 июля 1991 года на встрече в Москве Горбачев и Буш подписали Договор об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). Советские тяжелые МБР, составлявшие основу наших стратегических сил, сокращались наполовину 308 до 154 единиц), а структура американских ядерных сил, в которой ведущая роль отводилась ядерному подводному флоту оставалась, по существу, неизменной, хотя общее число американских межконтинентальных ракет также пропор-

Любопытно, что в первый день августовского путча помощник .президента по национальной безопасности Скоукрофт, по свидетельству Мэтлока, считал возможным успех путча. Поэтому в первой публичной реакции Белого дома по этому поводу он советовал Бушу „не сжигать мосты" между собой и руководителями путча, с которыми, возможно, придется ему иметь дело. Буш учел это в своем достаточно гибком заявлении.

ционально сокращалось. Это был последний крупный договор по ядерным вооружениям, который был подписан Горбачевым.

На встрече обсуждались и другие проблемы. Вопрос о поддержке его реформ со стороны международного сообщества, писал позже Горбачев, приобрел в тот момент „крайне актуальное значение". Буш в очередной раз „решительно подтвердил" поддержку США политики Горбачева. Однако самого Горбачева этот визит все больше убеждал в том, что ему не следует надеяться на серьезную финансовую помощь США и на американскую поддержку желания СССР вступить в Международный валютный фонд. Из высказываний американского президента у Горбачева сложилось также впечатление, что на Западе, как он пишет, берут верх силы, взявшие „курс на перекройку карты Европы", и что они „оказывают на президента США влияние".

Однако у самого Горбачева уже не оставалось никакой свободы маневра во внешне политике. До путча оставалось менее месяца.

Бейкер совершил в 1991 году еще несколько поездок в СССР для прощупывания обстановки. Он красноречиво описывает, как Горбачев бь1слр^_терял^р^дьГпр_авления. Когда он встретился с ним вскоре после августовского путча в Москве, Бейкер сообщил в телеграмме Бушу, что советский президент, судя по всему, „совсем не понимает, насколько сильно изменился мир вокруг него". Сам Бейкер по-прежнему стремился, как он признается, „пользуясь неопределенностью положения в Москве, спешно закрепить выигрыш для США везде, где это возможно". Он получает, в частности, согласие и Горбачева, и Ельцина на прекращение всякой советской помощи Кубе и на быстрый вывод оттуда советского военного контингента - давней мечты и задачи американской дипломатии еще со времен кубинского кризиса*.

Уход Горбачева. Конец эпохи советско-американских отношений

Последняя встреча двух президентов - Горбачева и Буша - состоялась 29 октября 1991 года в Мадриде на мирной конференции по Ближнему Востоку. Однако мысли Горбачева, как отмечает Бейкер, были далеки от дел на конференции. „Он производил впечатление тонущего человека, ищущего спасательный круг. Нельзя было не испытывать жалости к нему".

Конечно, мемуарам обычно присущ определенный субъективизм автора. Мемуары Бейкера не являются исключением. Однако суть общей неблагоприятной оценки влияния деятельности советского президента на его собственную страну и на его собственную судьбу вполне очевидна, несмотря на симпатии автора к Горбачеву лично.

Провал горбачевской политической „повестки дня", усиливавшийся кризис в стране и разнобой во внешней и военно-стратегической политике разрушали советский внешнеполитический потенциал. Таков был неизбежный итог.

* Надо сказать, что вопрос о Кубе поднимался еще на Мальте. Однако при последующем обсуждении этого вопроса в Политбюро ряд членов не согласился с „идеей ставить товарища Кастро" в такое положение. Тогда вопрос был отложен.

Получилось так, что в критический момент финальной стадии „холодной войны" у Горбачева не оказалось хорошо продуманной, сбалансированной и твердой внешней политики. Он фактически сдавал - с необъяснимой поспешностью - важные геополитические и военные позиции, которые были крайне нужны нашей стране не для продолжения „холодной войны", а как раз для ее завершения, но в достойной и приемлемой для всех сторон форме, на основе общего стратегического равновесия и стабильности, которые существовали в самом начале свертывания „холодной войны" и которые позволили бы создать солидную базу для ее окончания путем взаимно согласованной эволюционной трансформации международных отношений на другой, неконфронтационной основе.

Однако Горбачев, ослабив мощь и влияние своей страны, упустил эту великую возможность. Его справедливая мечта о создании новой Европы с новой системой безопасности, одинаковой для всех стран, так и не реализовалась. Волшебная палочка не сработала. Многие вопросы оказались незавершенными или просто невыполненными после окончания „холодной войны" и образования Российской Федерации. Более того, предпринимаются даже попытки продвинуть границы НАТО далеко на восток Европы -вплоть до границ России. Будем надеяться, что здравый смысл на Западе все же возьмет верх, и, несмотря на стратегические просчеты Горбачева, будет создана новая справедливая основа для такого последующего развития международных отношений, которая исключала бы проявление рецидивов „холодной войны" в той или иной форме.

Горбачев сделал смелый шаг, начав процесс либерализации и демократизации в нашей стране. В этом его несомненная заслуга. Но его „новое мышление" в экономике и строительстве новой государственной структуры оказалось гораздо менее успешным. В определенном смысле оно своей бессистемностью и непрактичностью было чревато катастрофой. Его идеи были весьма противоречивы. Почти до последних дней своего пребывания у власти он твердил - „больше социализма", хотя и пытался спонтанно вносить, особенно после многочисленных поездок за рубеж, элементы рыночной экономики, впрочем, без какого-либо продуманного долгосрочного плана. Китайский премьер Ли Пэн как-то признался нашему послу в Пекине, что Горбачев так часто заявляет о своих новых позициях, что китайское правительство не успевает должным образом изучить их.

В начале реформ в 1986 году Горбачев объяснял свое экономическое кредо на заседании Политбюро следующим образом: советская экономика, конечно, нуждается в реформах, и хотя мы не можем пока все точно определить, что и как надо делать, важно начать. Мы должны руководствоваться словами Ленина: „Наиболее важным в любом деле является готовность ввязаться в драку, а потом уж будет видно, что делать дальше". Мы действительно „ввязались в драку", но вот уже ,-,деремся" несколько лет и все еще не знаем точно, что и как лучше делать. Короче, перестройка началась без всякой предварительной проработки, без какого-либо изучения или конкретного анализа в Политбюро или в правительстве. Инициатор перестройки действовал „по ситуации", но она вскоре оказалась крайне конфликтной.

Горбачев, к сожалению, показал себя беспомощным реформатором перед лицом сложных практических проблем, которые ставились жизнью в ходе реформ. Он пытался решить их, прибегая к поспешным мерам, подчас

скорее разрушительным, чем созидательным. Результаты зачастую не имели ничего общего с первоначальным замыслом. У него не было продуманной стратегии, отсюда и бесконечные компромиссы, крайне отрицательно сказывавшиеся на темпах и результатах преобразований. Мне вновь вспоминаются слова Черчилля, сказанные им Хрущеву в 1957 года на приеме в нашем посольстве: „Г-н Хрущев, я слышал, что Вы начали реформы в своей стране. Это, конечно, хорошо. Но мне хотелось бы напомнить Вам, что не следует быть слишком нетерпеливым. Нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка. Можно ведь и упасть в нее".

Фактически решающим ударом по политической власти Горбачева явилась дезинтеграция компартии в СССР при его прямом участии, а главное - его неумение создать взамен в стране новую устойчивую государственную структуру или новые устойчивые институты власти. При всех ее недостатках партия была стабильным стержнем управления всей страной. Как Генеральный секретарь Горбачев обладал всей полнотой власти в стране. Вот почему до 1989 года он продолжал подчеркивать ведущую роль партии, в том числе и в проведении его реформ, рассчитывая на ее большие организующие возможности.

Однако позже его отношение к партии стало меняться. После того как открыли ящик Пандоры с гласностью и демократией, в рядах партии также усилилась критика. Политбюро уже не было едино в отношении проводимых реформ, а Горбачев не мог забыть историю смещения Хрущева. Опасаясь потерять контроль над партией и тем самым высшую власть в стране, Горбачев в конце 1988 года берет курс на создание в стране парламентской системы во главе с сильным президентом. В таком случае партия не могла уже лишить его этого поста, поскольку президента избрал бы народ. Начались закулисные и иные политические маневры, которые только подрывали его престиж в стране и в самой партии. После августовского путча 1991 года Горбачев остался без последователей и сторонников. Он породил силы, которые был не в состоянии контролировать. 24 августа он сложил полномочия Генерального секретаря партии и рекомендовал ЦК КПСС самораспуститься. К этому времени он полностью исчерпал все свои возможности.

Вызванный им политический и экономический хаос, неумение практически осуществлять необходимые реформы, а также бурные события последних месяцев 1991 года привели к политическому банкротству Горбачева и распаду Советского Союза. Начав широкие реформы, Горбачев так и не смог точно определить их реальную цель, а тем более эффективный путь достижения этой цели. Горбачев был и остается весьма противоречивой политической фигурой.

Истории еще предстоит вынести свое окончательное суждение о его роли в трагических судьбах нашей страны.

* * *

13 декабря 1991 года Буш позвонил Горбачеву. В беседе с американским президентом Горбачев стремился преуменьшить значение событий в Беловежской пуще. Он утверждал, что беловежское соглашение - это „лишь эскиз, экспромт" и что преобразованию государства надо еще придать законный, правовой характер.

Чтобы получить возможно более полную информацию из первых рук, Буш срочно посылает в Москву Бейкера. В это же время администрация

делает прощальный жест в защиту Горбачева. Как только госсекретарю в Москве становится доверительно известно, что в ближайшем окружении Горбачева опасаются возможного его ареста сразу после сложения им президентских полномочий и показательного судебного процесса над ним за кризис в стране, Бейкер при первой же встрече с Ельциным 16 декабря сослался „на слухи" о таком возможном процессе и выразил надежду, что передача власти произойдет „достойным образом, как на Западе". Ельцин, „несмотря на явную личную неприязнь к Горбачеву", дал ясно понять госсекретарю „о своем согласии с этим". Бейкер не уточняет, однако, делал ли он это с ведома Горбачева, или госсекретарь проявил тут свою инициативу.

По словам госсекретаря, Ельцин подробно рассказал ему о внутренних событиях в последние дни существования Советского Союза, о шагах по созданию Содружества независимых государств и процессе перехода власти от Горбачева к Ельцину. Когда они остались вдвоем, Ельцин детально объяснил Бейкеру, как в новых условиях в Кремле действует ныне механизм контроля над „ядерной кнопкой", подчеркнув надежность этого механизма.

Через полчаса Бейкер встретился с Горбачевым, с которым были Шеварднадзе и Яковлев, в том же Екатерининском зале, где он беседовал с Ельциным. Госсекретарь отмечает, что если Ельцин держался уверенно, как , „новый хозяин Кремля", то Горбачев заметно нервничал, его высказывания о судьбах страны чередовались с гневными репликами в адрес Ельцина. Это была последняя встреча Горбачева с высокопоставленным представителем США.

Бейкер утверждает, что в переходный период от Горбачева к Ельцину американская дипломатия действовала эффективно и добилась „существенного выигрыша по многим направлениям".

Как бы завершая наблюдение за распадом Советского Союза, Бейкер сразу же после Москвы совершает блиц-поездку в Бишкек, Алма-Ату, Минск и Киев, где, как он утверждает, местные руководители демонстрируют „общую большую готовность идти навстречу США".

25 декабря Горбачев объявляет по телевидению о своей отставке с поста президента СССР. „Никаких проводов не было, - пишет он не без горечи в своей книге. - Никто из руководителей СНГ мне не позвонил. Ни в день ухода, ни после - за три с лишним года".

После заявления Горбачева об отставке в Кремле был спущен красный государственный флаг СССР и поднят флаг РСФСР. За несколько часов до этого у него состоялся прощальный разговор по телефону с президентом Бушем. Первый и последний президент СССР навсегда покинул Кремль.

Закончилась и непростая, но исторически важная эпоха советско-американских отношений.

В М Е С Т О Э П И Л О Г А

О прошлом нельзя судить по событиям сегодняшнего дня, но уроки прошлого следует помнить.

Для большинства россиян оценка недавних драматических событий является мучительным процессом и будет, видимо, оставаться еще таковым длительное время. В великих спорах о будущем России недавнее прошлое связано с немалыми трудностями и сложностью нынешней жизни нашего народа. Однако основным для нас в данный момент является не выяснение, как Россия дошла до сегодняшнего состояния, а как Россия должна двинуться вперед.

В мире настала новая эра. Впервые за многие десятилетия, а возможно, и столетия отсутствует противоборство великих держав, угрожающее миру, и не только миру, но и самому существованию цивилизации на Земле. Мы должны приложить все усилия для укрепления такого состояния. Мир все еще неустойчив и зыбок, и замешательство, и нестабильность, переживаемые всеми нами, должны рассматриваться как часть цены, которую мы -платим за „холодную войну". Цена эта должна быть оплачена обеими сторонами.

Первый этап посткоммунистического развития России окончен, и вместе с ним ушли беспочвенные надежды на быструю ассоциацию с Западом, и в особенности с США, которые могли бы оказать значительную материальную поддержку российским реформам и созданию нового стабильного миропорядка.

Начался новый этап, когда рассеиваются большие ожидания и иллюзии и когда необходима суровая адаптация к взаимодействию с внешним миром. Впереди важный период, когда формируется новый образ России, ее новая внутренняя и внешняя политика.

Этот процесс будет в известной степени зависеть и от того, как сложатся российско-американские отношения, как и в какой форме США будут готовы признать равноправную роль России в международном сообществе. Во влиятельных западных кругах есть еще немало противников не только нашего бывшего социального строя, но и (подспудно) создания великого Российского государства. Речь, по их мнению, уже идет не об идеологии, а о пресловутом балансе сил на будущее. На Западе слышны голоса о том, что сильная Россия будет непредсказуемым и опасным противником, что НАТО должна воспользоваться теперешней слабостью России и заполнить предполагаемый вакуум в Восточной Европе вдоль российских границ. Но было бы нереалистично и, кроме того, опасно делать ставку на будущее за счет принижения роли России или обращения с ней как с неизбежным противником в будущем, которого надо исподволь отгораживать уже сейчас от всей Европы под зонтом США.

Россия с ее человеческими и интеллектуальными ресурсами, неисчерпаемыми природными богатствами, с ее уникальным географическим положением на двух континентах и, наконец, с ее постоянной твердой решимостью как нации неизбежно будет великой державой. И было бы серьезной

ошибкой предполагать, что даже огромные трудности нынешнего переходного периода могут лишить нас нашего законного места в мире. Для США, а также и для всего мира гораздо лучше иметь сильного и уверенного партнера и союзника, чем недружелюбную страну с гигантским ядерным арсеналом.

Важно также не забывать, что мы не оказались (и не чувствуем себя) побежденными Америкой. Тоталитарную систему в СССР сломал сам наш народ, а не иностранные армии, как это было, например, с поражением германского нацизма и японского милитаризма. И эта важная особенность позволяет новой России заявить о себе с самого начала как о равноправном партнере в международных отношениях, призывать США и другие страны к созданию новой системы европейской и глобальной безопасности с обязательным взаимным учетом национальных интересов друг друга.

Мы можем многому научиться друг у друга. Американцы постоянно пытаются по-своему регулировать капитализм, чтобы, по возможности, нейтрализовать его негативные стороны. Мы же, россияне, в лице наших радикальных демократов, в спешке к капиталистическим преобразованиям все еще не учитываем достаточно критически американский опыт и подчас даже то, что было позитивным у нас самих в прошлом.

Да, Россия хочет демократии, но так же, как и рыночная экономика, демократия имеет различные стороны и последствия, которые надо понимать и предвидеть. Об этом говорит и политическая история США. Нам отнюдь не надо слепо перенимать весь опыт США, а тем более пытаться создавать из России подобие Америки. Надо уметь жить своим умом и идти своим путем.

Россия готова к конструктивному сотрудничеству с США, и это вовсе не является союзом против кого-либо. Наши страны теперь разделяют общие демократические ценности, и они обе стремятся к миру. Но народы России хотят и будут защищать свою историческую и культурную неповторимость и свои национальные интересы. Не силой и не за счет других стран, а разумным слиянием интересов с помощью традиционных политических и дипломатических средств. Конечно, дорога не будет гладкой.

Важно, однако, что исторически кардинальные интересы наших двух стран почти никогда не сталкивались. У нас нет территориальных претензий друг к другу. „Холодная война" была временным извращением, порожденным конфликтом идеологий, а не основных национальных интересов. Мы должны отделаться от менталитета „холодной войны", проявления которого, к сожалению, дают еще о себе знать. Сегодня впервые в истории демократическая Америка стоит рядом с реформирующейся демократической Россией. Обе страны теперь имеют гораздо больше общего, чем в прошлом. Новые отношения постепенно развиваются между Россией и США. На это потребуется время. Мы должны быть терпеливы и откровенны друг с другом и не падать духом, когда наши точки зрения не совпадают. Время от времени наши интересы могут даже сталкиваться. Но мы должны полностью исключить возможность возвращения к „холодной войне". Необходимо находить без конфронтации пути для преодоления таких трудностей и противоречий во имя главного: установления и развития важного равноправного партнерства и сотрудничества между нами в достижении безопасного мира и процветания на Земле.

Это основной урок, который я усвоил из моего длиною в жизнь дипломатического опыта работы в США. Его я и попытался отразить на страницах этой книги.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие .5

Ч А С Т Ь
I НАЧАЛО
ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПУТИ

От инженера до дипломата 9
Высшая дипломатическая школа 11
Работа в центральном аппарате МИД 13
Советник посольства. С Молотовым по США 16
Помощник трех министров 21
Заместитель Генерального секретаря ООН 24
Встреча в Вене Хрущева и Кеннеди 29
Меня назначают послом в США 32

Ч А С Т Ь
II ПРЕЗИДЕНТСТВО
ДЖОНА КЕННЕДИ, 1961-1963 гг.

1. ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ В ВАШИНГТОНЕ 37
Инструкции Москвы 37
Конфиденциальный канал 38
Первые встречи с госсекретарем и президентом 43
В поисках контактов 48
Возникают проблемы 49
Вновь встречаюсь с президентом 52
Хрущев направляет послание Кеннеди 55

2. КУБИНСКИЙ КРИЗИС (ОКТЯБРЬ 1962 ГОДА) 59
Хрущев предлагает Кубе ядерные ракеты; Ф.Кастро соглашается. О чем думал Хрущев? 59
Встреча Громыко с президентом накануне кризиса 63
Начало кризиса. В центре событий 65
Хрущев намекает на возможность компромисса71
Кульминация кризиса. Решающая встреча с Р.Кеннеди 72
Итоги и уроки кризиса 77
Микоян в Вашингтоне 80

3. КРИЗИС МИНОВАЛ. ОТНОШЕНИЯ НАЛАЖИВАЮТСЯ 82
Р.Кеннеди о возможной встрече на высшем уровне 83
Хрущев упорствует в германских делах. Возобновление переговоров о прекращении ядерных испытаний 84
Как стимулировать развитие отношений? 87
Москва - Вашингтон: прямая связь 88
Договор о прекращении ядерных испытаний. Раек в Пицунде 90
Последняя беседа с президентом
Роберт Кеннеди: новая встреча с Хрущевым была бы полезной 94

4. ТРАГИЧЕСКИЙ КОНЕЦ ПРЕЗИДЕНТСТВА КЕННЕДИ 95

ЧАСТЬ

III В БЕЛОМ ДОМЕ-ПРЕЗИДЕНТЛИНДОН ДЖОНСОН, 1963-1969 гг.

1. ДЖОНСОН ВЗЯЛ БРАЗДЫ ПРАВЛЕНИЯ 105
Первые контакты с Джонсоном 107
Диалог по вопросам стратегических вооружений 112
Первая беседа наедине с Джонсоном 113
Снова германский вопрос и Юго-Восточная Азия 114
Пианист Рихтер и „правила поведения советских граждан за границей" 116
Джонсон и война во Вьетнаме 118
Отставка Хрущева. Джонсон подтверждает свой курс 120
Новое советское руководство 121

2. ПРЕЗИДЕНТ И СОВЕТСКОЕ РУКОВОДСТВО 124
Кто подписывает „личные послания" с советской стороны? 125
Визит Косыгина в Ханой. Джонсон и конфликт в ЮВА 126
В Белом доме зондируют наши намерения 128
Почему США и СССР должны ссориться? - спрашивает госсекретарь 130

3.1966 ГОД: ОТНОШЕНИЯ ОСТАЮТСЯ СЛОЖНЫМИ 132
ПРО: дискуссия в советском руководстве 133
Президент дает мне номер личного телефона 135
„Куда ведет внешнеполитический курс США?" 136
Аэропорт Кеннеди в панике 138

4. МОСКВА И ВАШИНГТОН МАНЕВРИРУЮТ. ВСТРЕЧА В ГЛАСБОРО 139
Политбюро обсуждает советско-американские отношения 139
Договор о мирном использовании космоса. Беседа с президентом 141
Неудачное посредничество Косыгина 142
Макнамара. Вопрос о стратегических вооружениях 143
Арабо-израильская война 1967 года 145
Встреча в Гласборо 148
Вашингтонская дипломатия и Ближний Восток 153
Макнамара уходит в отставку 154

5. ПОСЛЕДНИЙ ГОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖОНСОНА. НЕУДАЧА СО ВСТРЕЧЕЙ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ 155
Раек предлагает Москве взаимное сокращение войск в Европе и роль посредника во Вьетнаме 157
Важная встреча с Джонсоном 158
Как Хэмфри охотился на кабана в СССР 162
Договоренности о сдерживании гонки ядерных вооружений 163
Президент предлагает новую встречу с Косыгиным 163
Чехословацкий кризис 165
Вопрос о стратегических вооружениях 169
Москва доверительно предлагает Хэмфри свою помощь против Никсона. Джонсон по-прежнему за встречу 170
Внешнеполитическая доктрина СССР 172
Никсон избран президентом. Неудача последних попыток Джонсона организовать встречу 174
Джонсон и советско-американские отношения 177

ЧАСТЬ
IV

РИЧАРД НИКСОН: СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 70-х ГОДАХ

1. УСТАНАВЛИВАЮТСЯ ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ 181
Моя первая встреча с президентом Никсоном 185
Конфиденциальный канал Киссинджер - советский посол 187
Переговоры по стратегическим вооружениям ОСВ-1 189

2. НАСЛЕДИЕ „ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ" ДАЕТ О СЕБЕ ЗНАТЬ 192
Политбюро: как развивать отношения с Никсоном? 193
Антисоветские демонстрации 195
Камбоджа, Европа и прочие проблемы 196
Закрытое совещание у Никсона 198

3. БЕЛЫЙ ДОМ АКТИВИЗИРУЕТ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ. КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ КАНАЛ 200
Политбюро определяет курс на перспективу 201
Нестабильность отношений. Попытка похищения Киссинджера 203
Активизация диалога между Никсоном и советским правительством 205
Непростой вопрос о встрече на высшем уровне 208
Никсон решает ехать сначала в Пекин 212
Никсон впервые пишет лично Брежневу 214
Как принимались политические решения в Белом доме и Кремле 216
Брежнев соглашается на встречу. Новые договоренности 218
Индо-пакистанский Конфликт и негласный диалог между Москвой и Вашингтоном 222

4.1972 ГОД: НАЧАЛО РАЗРЯДКИ. ВИЗИТ НИКСОНА В СССР 223
Подготовка к встрече в Москве. Роджерс знает далеко не все 224
Поездка Никсона в Китай 226
Приватный обед с президентом 226
Киссинджер тайно летит в Москву 229
Напряженность вокруг Вьетнама растет 231
В Политбюро дискуссия: принимать ли Никсона? Киссинджер проигрывает пари 233
Президент приглашает меня в Кэмп-Дэвид для беседы наедине 235
Визит президента Никсона в СССР (22-30 мая 1972 г.) 235
В гостях у президента в Калифорнии 242
Сложности с Садатом 243
Переизбрание Никсона 245

5. ПРОЦЕСС РАЗРЯДКИ НАБИРАЕТ СИЛУ. ВИЗИТ БРЕЖНЕВА В США 247
Готовится новая встреча на высшем уровне 249
Накануне визита
Визит Брежнева в США (18-26 июня 1973 года) 254
Китай недоволен „просоветским" поведением Белого дома. Прогресс в Европе 263
Никсон: „уотергейт" и советско-американские отношения 265
Киссинджер становится госсекретарем 266

6. ОКТЯБРЬ 1973 ГОДА: БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС 268
Начало войны 268
Киссинджер ведет двойную игру 272
В войсках США введена повышенная боеготовность 275
Никсон оправдывается при встрече со мной в Кэмп-Дэвиде.
То же вскоре делает и Киссинджер 277

7. ТУЧИ „УОТЕРГЕЙТА" СГУЩАЮТСЯ. НИКСОН „ОТВОДИТ ДУШУ" 279
Брежнев подбадривает Никсона 280
Необычные откровения Никсона 281

8.1974 ГОД: КРИЗИС ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ.
НИКСОН УХОДИТ В ОТСТАВКУ 283
Форд и Киссинджер намекают: Никсон может уйти.
Но подготовка его нового визита в СССР продолжается 286
Киссинджер в Москве 289
„Сугубо личное послание" Брежнева Никсону 291
„Доктрина Брежнева-Никсона" 292
Визит Никсона в СССР (27 июня - 3 июля 1974 г.) . 294
Никсон покидает Белый дом 297

ЧАСТЬ

V ДЖЕРАЛЬД ФОРД - ПРЕЗИДЕНТ США, 1974-1977 гг.

1. ПЕРВЫЕ ШАГИ НОВОГО ПРЕЗИДЕНТА 301
Беседа с Фордом 301
Форд и Брежнев обмениваются письмами 304
Вновь беседую с Фордом 305
Нельсон Рокфеллер - вице-президент США 307
Форд принимает экипажи космических кораблей обеих стран
310
Проблема еврейской эмиграции из СССР 311
Подготовка к встрече глав двух стран 312

2. ВСТРЕЧА ВО ВЛАДИВОСТОКЕ (23 - 24 НОЯБРЯ 1974 ГОДА) 314
Переговоры и итоги 314
После встречи во Владивостоке 318
Снова вопрос о торговле 320
Форд как личность и лидер 322

3.1975 ГОД: РАЗРЯДКА ИДЕТ НА СПАД 324
Разногласия в США вокруг разрядки .
324
Советско-американские отношения испытывают на прочность
327
Конец войны во Вьетнаме. Посредническая роль СССР
на последнем этапе 329
Завтрак у сенатора Джексона 331
Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе.
Встреча Форда и Брежнева 332
Разгул антисоветской кампании в США 335
Сложности в отношениях США и СССР 336
Форд реорганизует свой кабинет 339
Ангола обостряет отношения 340

4. ВОЙНА РАЗВЕДОК 342
США поднимают затонувшую советскую подводную лодку 342
Посольство и разведслужбы 344

Договоренность о спецслужбах 345
Облучались ли посольства в Москве и в Вашингтоне? 346

5. ФОРД ТЕРЯЕТ БЕЛЫЙ ДОМ 348
Ангола, Ближний Восток и ОСВ - тема встреч с Киссинджером в Вашингтоне и в Москве 349
Отношения осложняются. Форд отказывается от слова „детант" 351
Форд и Брежнев пытаются „выяснить отношения" 354
Скоукрофт говорит о трудностях 354
200-летие США 356
Политбюро определяет свою позицию в связи с выборами в США 358
Киссинджер делает исторический экскурс 359
Форд проигрывает выборы 361
Киссинджер подводит итоги 362
Политбюро об отношениях с новым президентом США 363
Форд как президент США 365

ЧАСТЬ

VI ДЖЕЙМС КАРТЕР: КОНЕЦ ПРОЦЕССА РАЗРЯДКИ, 1977-1981 гг.

1. ПЕРВЫЙ ГОД ПРЕЗИДЕНТА ДЖ.КАРТЕРА 369
Киссинджер передает дела 373
Новая администрация США. Вэнс, Бжезинский 374
Картер излагает свою позицию Брежневу. Моя первая беседа с новым президентом 380
Усиление разногласий по ОСВ и вокруг диссидентов 384
В Москве решают объясниться „начистоту" 387
Вокруг поездки Вэнса в Москву 389
Снова встречаюсь с президентом 392
Белый дом поднимает вопрос о встрече в верхах 394
Громыко в Вашингтоне: поиск компромисса 396
Сенатора Джексона приглашают в Москву 398
Ближневосточный вопрос: усиление разногласий. Еще один разговор с Картером 399
Перспективы отношений с СССР в оценках администрации 401

2. БЕЛЫЙ ДОМ КОРРЕКТИРУЕТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ 403
Африка: новые разногласия сверхдержав. Вашингтон практикует „политику увязок" 404
Противостояние в Европе 410
Вэнс в Москве. Усиление разногласий внутри администрации 411
Меморандум Вэнса о разных подходах в администрации к отношениям с СССР 414
„Конфронтация или сотрудничество?" - спрашивает президент 415
Вопрос о диссидентах снова осложняет отношения 417
Иран: еще один раздражитель 418
Москва продолжает настаивать: сначала соглашения по ОСВ, а затем встреча 419
Итоги года не очень оптимистичны 421

3. ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ВСТРЕЧЕ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ 423
США определяют приоритеты своей политики 425
Визит Дэн Сяопина в США. Китай нападает на Вьетнам 426
Картер озабочен 428

Рейган хочет ехать в Москву 431
Кэмп-дэвидский договор и СССР 431
Вэнс и Картер задумываются об отношениях с СССР 432
Подготовка к встрече на высшем уровне 434
Откровения помощника Картера 435

4. ВСТРЕЧА В ВЕРХАХ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ 437
Встреча в Вене (15 - 18 июля 1979 г.) 437
После встречи в Вене 442
Новый кризис: „советская бригада на Кубе" 444
Ядерные евроракеты 446
Бжезинский об оценке президентом отношений с Москвой 450
В Тегеране захвачены американские заложники 451
Беседую с Вэнсом и Бжезинским о перспективах на 1980 год 452

5. АФГАНИСТАН 453
6.1980 ГОД: СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОНФРОНТАЦИЯ ОБОСТРЯЕТСЯ 458
Афганистан: истерия в США нагнетается 460
„Доктрина Картера" 462
Громыко отклоняет предложение Вэнса о встрече 462
Бжезинский: президент готов начать поиск путей нормализации отношений 465
Вылетаю в Москву для консультаций 467
Откровенные беседы с Вэнсом 468
Вэнс подает в отставку. Прощальный ужин 469
Встречи с новым госсекретарем Маски 473
Новая ядерная стратегия Картера 474
Политбюро оценивает положение в США. Предложения по евроракетам 475
Бжезинский излагает „сценарий" Белого дома 477
Киссинджер - посланец Рейгана 478
Бжезинский: „Я не хуже Киссинджера" 479
Выборы в США. Победа Рейгана 480
Последние дни администрации Картера 482

ЧАСТЬ VII

ПОЧЕМУ ЗАКОНЧИЛАСЬ РАЗРЯДКА В ОТНОШЕНИЯХ СССР-США

Демонтаж разрядки 487

ЧАСТЬ VIII

ПРЕЗИДЕНТ РОНАЛЬД РЕЙГАН, 1981-1989 гг.

1. В БЕЛЫЙ ДОМ ПРИХОДИТ РЕЙГАН И ЗАМОРАЖИВАЕТ ОТНОШЕНИЯ с СССР 497
Первый год президентства Рейгана 499
Становление новой администрации 502
Начало диалога с администрацией Рейгана 503
Политбюро анализирует ситуацию. Хейг откровенно излагает политику администрации 505
Письмо Брежнева Рейгану. Реакция в Вашингтоне 507
Покушение на Рейгана. Письма Брежневу 511
Администрация активизирует „китайскую карту" 515
О взглядах Рейгана 516

Советский посол - дуайен дипкорпуса Вашингтона 517
Политбюро не скрывает недовольство Рейганом 518
Рейган предлагает „нулевой вариант". События в Польше 521

2. МОСКВА - ВАШИНГТОН: НАПРЯЖЕННОСТЬ НЕ СПАДАЕТ 523
Хейг и Громыко встречаются в Женеве. Обед в Белом доме 523
США отклоняет мораторий на ядерное вооружение в Европе 525
Вопрос о встрече на высшем уровне повисает в воздухе 526
Предложения Рейгана о ядерных вооружениях. Политбюро реагирует 527
Отставка Хейга 530
Новый госсекретарь Шульц 532
Я получаю высшую гражданскую награду 534
Кончина Брежнева. Ю.Андропов - новый Генеральный секретарь 535
О советских разведслужбах 537
Беседы с Шульцем 538
Интервью Андропова 539

3. КРИЗИС ОТНОШЕНИЙ В 1983 ГОДУ 540
Оценки Скоукрофта 542
Впечатления от бесед с Шульцем 543
Встреча с Рейганом 544
Опасался ли СССР военного нападения США? 550
„Империя зла". Программа „звездных войн" 553
Откровенный разговор с Бушем 555
Новый „промежуточный вариант" по евроракетам 556
Большой сбор у Шульца 557
„Оптимизм" администрации 560
Отношение Андропова к встрече с Рейганом 561
Шульц активизируется 562
Беспокойство сенаторов растет 563
Андропов пытается убедить Рейгана 564
Инцидент с южнокорейским самолетом 566
Меня вызывает Андропов. Схватка Шульца с Громыко 568
Андропов: иллюзии в отношении администрации Рейгана окончательно рассеялись 570
Москва прекращает переговоры по ядерным средствам в Европе 571
Политбюро дает наказ Громыко 573

4. НОВЫЙ ГОД, СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ 575
Шульц и Рейган о перспективах наших отношений 576
Конференция по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе 579
Кончина Андропова. Новый Генеральный секретарь 580
Отношения вновь осложняются 582
Телефонный разговор с Рейганом 583
Милитаризация космоса - новый элемент напряженности 584
Рейган объявляет Россию „вне закона" 586
Встреча Рейгана с Громыко 587
Перевыборы Рейгана 591
Важное решение Политбюро. Новые переговоры по космическим и ядерным вооружениям 592

5. ОТСТУПЛЕНИЕ РЕЙГАНА ОТ БЕЗОГОВОРОЧНОЙ КОНФРОНТАЦИИ с СССР 595

Тон все еще задают консервативные круги 597
Громыко и Шульц готовят повестку переговоров 598
Горбачев - Генеральный секретарь ЦК КПСС. Рейган приглашает его посетить США 601
Горбачев поддерживает предложение о встрече. Новые трудности 605
Вырисовываются очертания встречи на высшем уровне. Неожиданная отставка Громыко 609
Горбачев лично готовит встречу с Рейганом 618
Неожиданное препятствие 621

6. ГОРБАЧЕВ И РЕЙГАН: ВСТРЕЧА В ЖЕНЕВЕ (19 - 21 НОЯБРЯ 1985 ГОДА) 622
Директивы Политбюро 622
Встреча в Женеве и ее итоги 624
После встречи в Женеве. Обсуждается вопрос о новой встрече 628

7. „ДУХ ЖЕНЕВЫ" ЕЩЕ ЗЫБОК: КАК БУДУТ РАЗВИВАТЬСЯ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ? 630
Программа ядерного разоружения до 2000 года 632
Мое новое назначение 635
Прощальный визит в Вашингтон. Беседа с Рейганом 637
Феномен или парадокс Рейгана 644

ЧАСТЬ IX ПОСЛЕ ВАШИНГТОНА

ГОРБАЧЕВ И СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 651
На должности секретаря ЦК 651
Рейкьявик 653
Горбачев, вопросы разоружения, конфликт с военными 655
Горбачев торопится 659
Мальта. Вопрос об объединении Германии и общеевропейской безопасности 662
„Загадка" Горбачева 666
Попытка заручиться поддержкой Вашингтона 666
Оценка администрацией Буша деятельности М.Горбачева 669
Уход Горбачева. Конец эпохи советско-американских отношений 675
Вместо эпилога 679

Анатолий Федорович Добрынин **СУГУБО ДОВЕРИТЕЛЬНО**

ПОСОЛ В ВАШИНГТОНЕ ПРИ ШЕСТИ ПРЕЗИДЕНТАХ США (1962-1986 гг.)

Редактор *А.О. Меликян*

Художественный редактор *А.С. Сухих*
Набор выполнен *Н.Ф. Кравченко* и *И.В. Меликян*
Технический редактор *Л.А. Кульбачинская*
Корректор *А. В. Широкова*

Лицензия ЛР № 100017 от 22.08.91 г.

Сдано в набор 22.02.96. Подписано в печать 29.05.96.
Формат 70x100/16. Бумага офс. Печать офс. Усл. печл. 55,9 + вкл. Уч.-издл.53,76 + вкл.
Тираж 10000 (1-й завод: 1-5000 экз.). Заказ тип. **15 35** ИПО „АВТОР", 123423, Москва, просп. Маршала Жукова, д. 39, корп. 1

Отпечатано в АООТ "Политех-4" 129110, Москва, ул. Б. Переяславская, 46.